PAGE NOT AVAILABLE

2-e

НОВАЯ ЖИЗНЬ

IX

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

4 р. 50 к. въ годъ безъ доставки. | **Открыта подписка на 1912-й годъ.** | 4 р. 90 к. въ годъ съ перес.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19.—Телеф. № 107-88.

Большой безпартійный журналъ литературы, науки, искусства и обществен. жизни, включающій всѣ отдѣлы толстыхъ журналовъ и по своей цѣнѣ доступный самому широкому кругу читателей. „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ выходитъ ежемѣсячно книжками больш. форм. (до 300 стр.), включая широко поставлен. отдѣлы: 1) беллетристическій, 2) научно-популярн., 3) критическ., 4) обществ.-политич., 5) художествен. статьи по искусству, репродукц. картинъ изв. художниковъ.

Годовые подписчики получатъ безплатное приложеніе по выбору.
Избран. сочиненія **Л. Н. ТОЛСТОГО** или избран. сочиненія **А. И. ГЕРЦЕНА**
по тексту посмертнаго изданія гр. А. Л. Толстой.

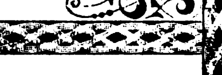
Подписная цѣна на 1912 г.: на годъ безъ доставки 4 р. 50 к., съ перес. 4 р. 90 к. (Разсрочка: при подп. 2 р. 70 к., къ 1 Іюля 2 р. 60 к.). За гран. 7 р. 50 к.
Для иногороднихъ принимается подписка на 1 мѣс.—40 коп.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ОДНОВРЕМЕННО „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“—ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО, книжками большого формата (60—70 стран.), съ художественными иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ—и „НОВУЮ ЖИЗНЬ“ ПЛАТЯТЪ ЗА ОБА ЖУРНАЛА 6 р. 60 к. Разсрочка: 3 р.—при подпискѣ, 2 р.—1 апрѣля и 2 р.—1 Іюля.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

— „НОВАЯ ЖИЗНЬ“. —

Цѣна на второе полугодіе—2 р. 70 к. Выписывающіе совмѣстно оба журнала: „Новую жизнь“ и „Новый Журналъ для Всѣхъ“ платятъ за второе полугодіе 3 р. 50 к.



КЪ СВѢДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ.

ПРИ ЭТОМЪ НОМЕРѢ

разсылаются безплатныя приложенія: сочиненія **Л. Н. Толстого** и первый томикъ сочиненій **А. И. Герцена.**

Всѣмъ подписчикамъ „Новой Жизни“, не заявившимъ своевременно, какое приложеніе они желаютъ получить, высылаются приложеніемъ сочин. **Л. Н. Толстого** и никакихъ измѣненій относительно выбора приложеній больше сдѣлано быть не можетъ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. Сентябрь.

№ 9.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи, болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Отъ конторы.

За перемѣну адреса—50 к. для иногороднихъ,—для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно «Нов. Журн. для Всѣхъ» и «Новую Жизнь» платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщить прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ «Новая Жизнь». послѣ текста—страница—80 р., 1/2 стр.—45 р., 1/4 стр. 25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран.—100 р., 1/2 стран.—60 р., 1/4 стран. 35 р., строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к., 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 р., 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора «Новой Жизни» убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Часть четвертая.

ГЛАВА XXXVI.

Раннею весною Шаня вернулась отъ дяди Жглова въ Сарынь.

Всю дорогу, сначала на пароходѣ, потомъ на лошадяхъ, Шаня была, какъ во снѣ. Потомъ въ ея памяти почти не сохранилось никакихъ впечатлѣній отъ этой поѣздки. Только и грезился Шанѣ Евгеній,—въ плескѣ волнъ за бортомъ парохода, въ шумѣ зеленѣющихъ нѣжно деревьевъ вдоль дороги, въ говорливомъ бренчаніи бубенцовъ только и слышался ей его голосъ. Вешнесладкая боль томительно возрастала въ Шанномъ сердцѣ, усиливая жуткое ощущеніе блаженнаго и грустнаго сна на яву.

А проснется Шаня,—мерещится ей гнусное обличіе молодого конторщика. Досадны и непраздничны кажутся ей лица ея случайныхъ спутниковъ, и разговоры ихъ низменны и банальны. Міръ, лишенный солнечно-яснаго героя, являетъ ей свой будничный ликъ, одинъ и тотъ же во множествѣ лживыхъ обличій. Не смотрѣть бы на всѣ эти лица! Только бы впивать въ себя утреннюю свѣжесть и вечернюю прохладу, радость росъ и ясность зорь, нѣжность зелени и лазури — все, чѣмъ красна милая жизнь нашей прекрасной, изумрудной земли, рождающей неустанно ароматы и мечтанія!

А люди зачѣмъ-то пристаютъ съ разговорами. Нравится имъ красивая, смуглая, сильная дѣвушка, такъ хорошо и къ лицу одѣтая. Молодые люди и старички заговариваютъ съ нею, оказываютъ ей какія-то ненужныя услуги,— и Шаня со всѣми равнодушно-любезна; привычно-вѣжливо отвѣчаетъ, сама въ разговоръ не ввязываясь, словно она привыкла къ свѣту.

---

*) Кн. IV—VIII „Новой Жизни“.

Шаня пріѣхала домой рано утромъ. Отцовскій домъ всталъ передъ нею все тотъ же—сѣрый, громадный, неуклюжій и все-таки чѣмъ-то милый.

Шла Шаня по родному саду, подъ цвѣтущими кленами,—и то же все томило ее темное и жуткое впечатлѣніе сна, и все такъ же казались безслѣдно-сгорающими скучныя минуты докучнаго быванія здѣсь, вдали отъ милаго уже ей теперь Крутогорска.

Шанино письмо пришло только вчера, и Шаню такъ рано не ждали. Встрѣтила ее няня,—увидѣла изъ окна, съ громкими радостными криками на крыльцо выбѣжала.

Цѣлуетъ Шаню, плачетъ и смѣется. Говоритъ:

— Шанечка, красавица моя! Похудѣла-то какъ, голубушка моя! А сама еще краше стала. Ужъ и не чаяла я, старая, свидѣться съ тобою. Такъ ужъ и думала,—подцѣпитъ тебя, голубушку мою, прынецъ маландскій, увезетъ тебя въ Хламерику, гдѣ царствуетъ Паразитенъ Развѣдъ.

Потомъ и отецъ вышелъ. Обнялъ Шаню, поцѣловалъ. Проворчалъ:

— Все такая же?

— Такая же, папочка,—весело отвѣчала Шаня.

Прислушивалась чутко, не слышно-ли шаговъ матери. Но въ глубинѣ дома все было тихо.

— Шалунья,—угрюмо говорилъ Самсоновъ.—Да вотъ баловать-то тебя ужъ некому здѣсь.

Онъ, видимо, былъ не радъ пріѣзду Шани и какъ будто бы чѣмъ-то смущенъ.

— Гдѣ же мама?—спросила Шаня.

Уже какое-то смутное безпокойство начало томить ее и что-то въ обстановкѣ столовой, гдѣ она теперь стояла передъ отцомъ, казалось ей неуютно измѣнившимся.

— У насъ новости,—неловко отвернувшись, сказалъ Самсоновъ:—мать на хуторѣ живетъ, я здѣсь одинъ.

Самсоновъ суетливо подошелъ къ столу, на которомъ шумѣлъ большой пузатый самоваръ, отчетливо отражая въ своей желтой глади искаженныя фигуры. Взялся было за чайникъ, говоря:

— Съ дороги чайку выпей, Шаня.

Но опять поставилъ чайникъ на большой никелированный подносъ.

— А то съ дороги помыться, переодѣться хочешь? Твои покойчики наверху, какъ были, такъ и стоятъ.

Шаня пошла наверхъ. За нею побрела старая няня. Притворила покрѣпче дверь на лѣстницу, чтобы хозяинъ не слышалъ, и, пока Шаня, проворно раздѣвшись въ своей спаленкѣ, умывалась, принялась громкимъ шопотомъ

разсказывать, что за этотъ годъ въ домѣ случилось. И уже говорила съ Шанею, какъ со взрослою, не тая неприглядныхъ подробностей.

Жаловалась старая на Липину:

— Пуще прежняго разжирѣла на папашеньки твоего хлѣбахъ. Сѣдалище трехмѣрное, груди шарохватовыя, щеки чемоданистыя—толстостѣнная дѣвчиница. И озорная стала,—водку хлещетъ, что твой мужикъ. Ведрами водку покупаетъ, настойки, наливки дѣлаетъ, пьяную ораву къ себѣ собираетъ,— пьютъ, пѣсни орутъ, всю ночь пляшутъ, присядаютъ. И нашъ грѣховодникъ, папашенька-то твой, съ ними каруселится.

Марья Николаевна еще осенью уѣхала отъ мужа. Его связь съ Липиною была такъ противна ей, что она только для дочери терпѣла его суровое и грубое обращеніе. Она поселилась на своемъ хуторѣ, верстахъ въ шести отъ города. Теперь уже она не давала своихъ денегъ мужу, какъ прежде, и только на себя да на Шаню тратила проценты со своего капитала.

Шаня долго разговаривала съ нянею, — выспрашивала, разсказывала, пока ѣсть не захотѣлось. Спустилась внизъ, въ столовую,—отца уже не было дома. Пила Шаня чай и опять разговаривала съ нянею.

Потомъ Шаня проворно обѣгала всѣ памятныя мѣста, — въ саду, на рѣчкѣ; въ баньку заглянула, на качеляхъ покачалась.

Прежній Женечка вспоминался ей повсюду, а рядомъ съ нимъ теперешній. Эти два образа то стояли рядомъ, то сливались чудно въ одинъ,—и этотъ одинъ сложный образъ былъ настолько же ярче и живѣе каждаго отдѣльнаго, насколько образъ въ стереоскопѣ живѣе тѣхъ двухъ картинокъ, изъ которыхъ онъ слагается. Дивное сліяніе образовъ длилось лишь краткій мигъ и исчезало, разлагаясь; но въ этотъ мигъ Шаня какъ бы пріобрѣтала еще невѣдомую людямъ способность созерцать одновременно различные моменты времени. Тогда время становилось для нея какъ бы только четвертымъ измѣреніемъ міра и самый міръ пріобрѣталъ необычайную слитность и цѣльность.

Нѣсколько разъ въ Сарыни испытала Шаня это удивительное состояніе. И каждый разъ, замирая отъ сладкаго восторга, думала Шаня:

„Любовь—кольцо, а у кольца нѣтъ конца".

И воистину,—любовь есть связь временъ и пространствъ, и совершенный въ любви преодолѣваетъ всѣ земныя преграды.

Днемъ Шаня пошла въ городъ. Зашла къ Дунечкиной матери, къ Гарволинымъ, еще кое къ кому. Вездѣ были рады привѣтливой, веселой Шанечкѣ. Всѣмъ, кого любила, Шанечка подарковъ изъ Крутогорска привезла.

Потомъ пошла Шаня на Володину могилу, — поплакать. Къ обѣду вернулась домой. Снесла отцу свой подарокъ — пестрый шелковый халатъ. Сказала:

— Ужъ очень у тебя старый халатъ, папочка, вотъ носи лучше этотъ.

— Ну, спасибо, дочка.

Поцѣловалъ Шаню, по щекѣ похлопалъ, залюбовался.

— Ахъ, хороша у меня выросла дочка! Такая барышня нарядная,—и не узнаешь прежней шалуньи Шаньки.

Смѣется Шаня, говоритъ:

— Я, папочка, все та же. Вотъ сарафанчикъ надѣну, въ косу ленту алую вплету, башмаки сниму, буду прежняя Шанька.

— Прежнее не вернется,—говорилъ отецъ.—Замужъ тебѣ пора. Погоди, жениха найду.

— Женихъ у меня есть,—отвѣчаетъ Шаня.

Отецъ хмурится.

— Не забыла дѣтской дури!

Стало скучно. Отецъ за столомъ разспрашивалъ, какъ жила Шаня въ Крутогорскѣ, видѣлась ли съ Евгеніемъ Хмаровымъ. Пришлось Шанѣ признаться, что видѣлась съ Евгеніемъ часто.

— Онъ меня любитъ,—сказала Шаня.—Онъ на мнѣ женится.

— Не на тебѣ, на твоихъ деньгахъ,—сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, папочка,—возразила Шаня—мать хочетъ навязать ему богатую невѣсту, дочь милліонера Рябова. Если бы онъ за деньгами гнался, онъ бы на той женился,—она гораздо меня богаче. А онъ меня любитъ, и я его люблю.

— Ну, и дура,—рѣшилъ отецъ.—Ты должна держаться своего круга, а ему нужна жена съ важной родней, чтобы карьеру дѣлать, къ казенному пирогу присосѣдиться. Если его родители тебя не хотятъ, такъ у тебя должно самолюбіе быть, чтобы не навязываться въ ту семью, гдѣ тебя не хотятъ. Вѣдь, ты не нищая проходимка, чтобы набиваться, на шею вѣшаться.

Длинныя, скучныя наставленія, въ которыхъ нѣтъ ни слова живой правды. Весь обѣдъ прошелъ въ этомъ. Всю душу вымотали у Шани эти затхлыя слова. Уйти бы изъ этого дома постылаго!

Послѣ обѣда Шаня попросилась къ матери.

— Нечего тебѣ тамъ дѣлать,—сказалъ было Самсоновъ, сурово хмурясь.— Телеграфистъ тамъ днюетъ и ночуетъ.

Но сейчасъ же передумалъ. Махнулъ рукой.

— Ну, поѣзжай,—сказалъ онъ.—Да только долго тамъ не гости, домой возвращайся. Матери не до тебя.

Въ тотъ же день къ вечеру Шаня поѣхала на хуторъ къ матери. Бойкія лошадки домчали меньше, чѣмъ въ полчаса.

На своемъ хуторѣ Марья Николаевна занималась маленькимъ хозяйствомъ, садомъ, огородомъ, коровами, птицами. Все было чисто, хозяйственно, уютно. Въ саду было много цвѣтовъ, фруктовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ.

За садомъ тянулись длинныя гряды большого огорода, а тамъ дальше, около пруда, шипѣли гуси и сонныя бродили утки, и виднѣлись прочные сараи, амбары, коровникъ, конюшня.

У калитки сада мать встрѣтила Шаню. Встрѣтила нѣжно, радостно, но какъ-то смущенно.

— Шанечка! Вотъ-то не чаяла, что ты такъ рано пріѣдешь.

Обняла, заплакала немножко.

— А я, видишь, ушла отъ моего аспида. Ужъ ты, Шанечка, меня не осуди. Ты ужъ дѣвушка взрослая, сама все понимать можешь. Онъ съ этою коровою гладкою вяжется, а я еще и сама не старуха. Кровь-то и во мнѣ играетъ, хочется пожить въ свое удовольствіе.

Марья Николаевна переживала поздній расцвѣтъ любви. Лицо у нея было счастливое и помолодѣвшее и сегодня слишкомъ румяное, и въ глазахъ горѣли огоньки.

Повела Шаню въ домъ.

— Да я, мамочка, ѣсть не хочу. Я съ отцомъ пообѣдала. Ты мнѣ лучше свое хозяйство покажи, да разскажи, какъ ты тутъ живешь.

— Сначала ты, Шанечка, разсказывай. Дошелъ до меня слушокъ,—встрѣчалась ты съ Женькою.

Покраснѣла Шаня, все-все матери разсказала, чтобы мать чего хуже не подумала. Слушала мать, разнѣженно улыбаясь. Спросила:

— Такъ ты, Шанечка, и винцо пить привыкла?

— Немножко, мамочка,—призналась Шаня.

Марья Николаевна угостила дочь домашнею вишневою наливкою,—хороша была наливочка,—и сама выпила нѣсколько рюмокъ.

Сердце замирало, и сладкая истома овладѣла Шанею. Чувствовала Шаня, что любовь требуетъ отъ нея послѣдней жертвы. И такъ сладко было нетерпѣніе эту жертву принести.

Къ ночи явился Кирилловъ. Теперь у него былъ увѣренный и спокойный видъ. Держался онъ, какъ дома, и Марья Николаевна уже не обрывала его, какъ прежде. Онъ пополнѣлъ, порозовѣлъ. Мундирчикъ на немъ былъ новенькій, щеголевато-сшитый, воротнички и рукавчики ослѣпительно-бѣлые. Пахло отъ него духами; онъ былъ тщательно причесанъ и припомаженъ.

Увидѣвши Шаню, Кирилловъ сначала смутился отъ неожиданности. Онъ долго расшаркивался передъ Шанею, говорилъ неловкія любезности и нѣсколько разъ повторилъ:

— Я къ вамъ, Марья Николаевна, на полчасика. Зашелъ провѣдать, какъ ваше драгоцѣнное здоровьице. Очень пріятная погода, и я прогулялся съ большимъ удовольствіемъ.

Марья Николаевна посмѣивалась, поставивъ голыя полныя локти на бѣлую скатерть стола и положивъ голову на ладони. Изжелта-смуглыя щеки ея рдѣли ярко. Она, не отрываясь, смотрѣла на Кириллова откровенно-влюбленными, цыгански-веселыми глазами и говорила особенно глубокимъ, полнозвучно-звонкимъ, счастливымъ голосомъ:

— А то заночуйте, Сергѣй Петровичъ. Вы Шанечкѣ не помѣшаете,— мѣста найдется. У меня въ дому просторно, слава Тебѣ, Господи! Что жъ въ городъ-то ѣхать, на ночь глядючи? Да и отправить-то васъ мнѣ не съ кѣмъ,— работникамъ завтра вставать рано. Такъ ужъ заночуйте, право.

Тогда Кирилловъ пріободрился и скоро сталъ развязно-любезенъ. Марья Николаевна поддразнивала его:

— Ну, что-жъ, Сергѣй Петровичъ, разскажите Шанечкѣ, какъ вы пальто-то поносить дали.

Кирилловъ краснѣлъ и отмалчивался. Марья Николаевна разсказывала:

— Пришелъ къ нему его сослуживецъ, пропойца вѣдомый, Яшка Смаркинъ. „Дай,—говоритъ,—мнѣ твое пальто до вечера, вечеромъ принесу, а то холодно очень, и съ Любочкою въ одномъ пиджачкѣ прогуливаться совѣстно". Сергѣй Петровичъ ему, какъ доброму, возьми, говоритъ. А тотъ возьми, да пальто и пропей. А пальтецо-то новое, только осенью справили. Сергѣю Петровичу говорятъ: „Какъ же вы теперь будете?" А онъ говоритъ: ничего, говоритъ, пледомъ завернусь, зонтикомъ покроюсь. А еще совсѣмъ холодно было, въ мартѣ было дѣло. То-то было смѣху! Безсребренникъ!

Шанечка хохотала. Кирилловъ улыбался и говорилъ:

— Гдѣ наше не пропадало!

Послѣ плотнаго ужина, когда уже у Кириллова замаслились плутоватые глазки, Марья Николаевна сказала:

— Теперь вы намъ сыграйте, Сергѣй Петровичъ.

Пошли въ гостиную. Тамъ на столѣ уже лежалъ принесенный расторопною Наталкою футляръ со скрипкою. Видно было, что Кирилловъ здѣсь частый гость,—скрипка здѣсь оставалась.

Едва только Кирилловъ взялъ смычекъ, какъ тотчасъ же сладкое выраженіе сбѣжало съ его лица, глаза проснулись, губы улыбнулись весело и вдохновенно, и такая сладостная, и такая томная, за душу хватающая полилась съ нѣжно-рокочущихъ струнъ мелодія, что Шанечка отвернулась къ стѣнкѣ, голову низко опустила, глаза прикрыла стройною, смуглою рукою, и заплакала отъ радости и отъ печали, вонзившихся сотнями тонкихъ жалъ въ разнѣженное вешнее сердце.

Наплакавшись сладко, выглянула Шаня изъ-подъ локтя на мать, увидѣла ея влюбленные, полные слезъ глаза и распустившіяся улыбкою, какъ

рдяная роза, губы,—и сама Шаня такъ же, какъ мать, губы распустила, засмѣялась и заплакала пуще.

Мать подошла къ Шанѣ тихонько, обняла ее и шепнула:

— Хорошо, Шанечка! Сладко жить на этой землѣ! И слезы, и кровь—все сладко.

Долго игралъ Кирилловъ. Потомъ Шаня спѣла, подъ аккомпаниментъ его скрипки, наивную пѣсенку:

„Если бъ, сердце, ты лежало
На рукахъ моихъ,
Все качала бы, качала
Я тебя на нихъ,
Словно мать дитя родное
Съ тихою мольбой,
И затихло бъ, ретивое,
Ты передо мной.
Но въ груди моей сокрыто,
Заперто въ тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему.
Но не видитъ онъ печали.
Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?
Позабыть его? Едва-ли
Сердце можетъ позабыть“.

Спать Шаню положили наверху, въ мезонинѣ. Но спалось ей плохо. Ночью нѣжный шопотъ долго слышался Шанѣ и потомъ поцѣлуи. Шаня открыла окно. Сладкая вешняя ночь, шопотъ внизу. Какъ все это дразнитъ и томитъ!

Зачѣмъ ждать! Сладкія минуты проходятъ безслѣдно. Отдаться милому!

XXXVII.

Утромъ проснулась Шаня раньше солнца. Она почувствовала вдругъ, что не въ силахъ смотрѣть на счастливое лицо матери. Какая-то маленькая злость вдругъ схватила ея сердце.

Шаня встала рано утромъ и тихонько обѣжала весь домъ. Мать еще спала. Въ полутемной прихожей въ глаза Шанѣ метнулась чистенькая круглая кокарда на повѣшенной на деревянномъ гвоздикѣ фуражкѣ Кириллова. Шаня схватила эту фуражку и спрятала ее въ чуланъ за корыто. Сама не знала, зачѣмъ это сдѣлала.

Только вышла Шаня изъ чулана,—мимо, громко топая, пробѣжала Наталка, на Шаню метнула быстрый, лукавый взоръ.

Кирилловъ собрался домой рано. Хватился шапки. Долго ходилъ, искалъ. Искали и Марья Николаевна, и Шаня, и веселая быстроглазая Наталка. Посмѣивалась Наталка и въ чуланъ ни разу не заглянула. Такъ и не нашли. Одинъ изъ работниковъ далъ свою праздничную, новую шапку. Въ ней Кирилловъ и уѣхалъ.

А Шаня собралась къ Томицкимъ. Мать удерживала было:

— Только пріѣхала, съ матерью ничуть не побыла.

— Да я, мамочка, не надолго, — просительнымъ голосомъ сказала Шаня.

Но видно было, что Марья Николаевна вся погружена въ свои ощущенія счастія и весны и что о дочери думаетъ она теперь немного. Сказала:

— Ну, ужъ поѣзжай. Вотъ только погоди, Василій отвезетъ Сергѣя Петровича, изъ города вернется, лошадь покормитъ, тогда и поѣдешь. Другіе-то работники всѣ въ полѣ.

Но не терпѣлось Шанѣ.

— А я пѣшкомъ пойду, мамочка.

Разспросила про дорогу,—версты четыре съ небольшимъ, полями, только въ концѣ маленькою рощицею,—и собралась итти. Едва мать заставила ее завтрака подождать. За завтракомъ опять наливочкою угостила.

Дорога, какъ сонъ, легкій и крылатый. Долина еще мглилась порою, и кое-гдѣ внизу, въ тѣни, лежали еще послѣдніе остатки снѣга. Цвѣла сирень и ландыши цвѣли. День былъ кротокъ, не жарокъ, не ярокъ. Кукушка въ глухомъ перелѣскѣ кричала далеко и тоскливо.

— Сколько лѣтъ проживу?—спрашивала ее Шаня.

Считала и сбивалась въ счетѣ,—ужъ очень кругомъ хорошо было.

Ахъ, что долго жить! Хоть бы одинъ годъ счастливый съ Евгеніемъ!

Вотъ рѣчка перебросила свое гибкое тѣло черезъ дорогу, а вотъ за мостомъ, среди веселой зелени, за ранними цвѣтами, виднѣется домъ съ зеленою крышею,—начинается усадьба Томицкихъ. Спустилась Шаня къ рѣчкѣ, въ воду ноги опустила,—веселая, холодная вода!

Пока синеглазая дѣвочка бѣгала за хозяевами, Шаня отдыхала, сидя на открытой террасѣ.

И Алексѣй, и Дунечка были очень рады Шанѣ. И она была въ восторгѣ. Восклицала:

— Ахъ, какъ вы мило устроились!

Смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ. Алексѣй возмужалъ, загорѣлъ, сталъ такой широкоплечій, но все такой же былъ ровный, спокойный, увѣренный, какъ будто слегка холодноватый. А у Дунечки все также забавно разбѣгаются высоко поднимающіяся бровки.

Счастье Томицкихъ—невинная идиллія, соблазнительный сонъ. Счастье легкое, тѣлесно-ощутимое, веселое, не стыдливое. Какимъ не бываетъ счастье въ городахъ. И не ревнуютъ одинъ другого,—некогда. День проходитъ въ заботахъ, въ работахъ, въ близкомъ общеніи съ милыми стихіями, благостными подъ своею суровою подчасъ личиною къ человѣку, который знаетъ ихъ простодушныя тайны,—насколько можетъ знать.

Осмотрѣла Шаня все ихъ несложное хозяйство и наметавшимся съ дѣтства взглядомъ увидѣла, что дѣло здѣсь идетъ удачливо.

— Вы, Алексѣй,—сказала она,—казались мнѣ такимъ городскимъ человѣкомъ. Все съ книжками возились. Да и Дунечка,—откуда ей было знать, что дѣлается въ полѣ. А у васъ все въ такомъ порядкѣ, точно вы всегда были здѣсь, точно васъ отъ самаго дѣтства земля полюбила.

Алексѣй усмѣхнулся и сказалъ:

— Земля только дураковъ не любитъ. Она хочетъ, чтобы ее знали и понимали, и тогда отвѣчаетъ человѣку привѣтомъ и лаской.

Шаня пожила здѣсь нѣсколько дней. Дунечка сумѣла отвлечь ея мысли работою въ саду и въ полѣ. Шаня легко и радостно вошла въ трудовой и милый обиходъ ихъ жизни.

Здѣсь было просто и весело, какъ въ томъ раю, который будетъ на землѣ, когда окончится владычество разсчетливаго и трусливаго горожанина, строящаго вавилонскія башни, пока судьба не сотретъ межей и граней. Радовали Шаню здѣсь нехитрые дары природы,—еще холодная рѣка, въ которую такъ весело окунуться, ранніе весенніе цвѣты—бѣлые, желтые, голубые, фіолетовые,—веселый трудъ. Еще нежаркое радовало Шаню солнце, и сладостный вешній воздухъ, и едва обсохшая земля, прикосновенія которой къ нагимъ стопамъ такъ нѣжны и суровы.

А ночью такъ звонко поетъ соловей въ густыхъ кустахъ черемухи и дикой малины надъ рѣкою,—спать не даетъ. Откроетъ Шаня окошко и слушаетъ долго. Потомъ вылѣзетъ изъ окна, чтобы никого не разбудить, выберется изъ сада въ поле, въ рощицу, къ рѣкѣ. Зашумитъ подъ голыми ногами прошлогодняя опавшая листва, примолкнетъ соловей. Замретъ Шаня на мѣстѣ—и опять соловей заливается, поетъ, низко опустивъ сѣрыя крылья.

Слушаетъ Шаня во тьмѣ соловья, пока сладкою тоскою не истомится сердце. Тогда бѣжитъ Шаня отъ пѣсней соловьиныхъ черезъ поле по легкимъ тропинкамъ далеко.

Но вотъ опять вѣетъ въ Шанино лицо рѣчною свѣжестью. Пахнетъ папоротникомъ и водою. Далеко разносясь, раздается дружный хоръ лягушекъ. То затихнетъ, то опять поднимется кваканье громче прежняго. Зеленыя пучеглазыя твари славятъ вешнюю радость, какъ умѣютъ, и тор-

жествующій ихъ хоръ томитъ и дразнитъ Шаню. Все ближе, вотъ уже у самыхъ ногъ,—по прибрежной влажной травѣ тихо идетъ Шаня, всматриваясь въ темноту черными, какъ ночь, глазами, осторожно ступая, чтобы голою ногою не наступить на зеленое, скользкое тѣло.

Утромъ Дунечка спроситъ:

— Хорошъ у насъ соловей поетъ?

— Ахъ, хорошъ!—говоритъ Шаня, вздыхая счастливо и томно.

— Прошлогодній,—радостно говоритъ Дунечка.—Къ мѣсту привыкъ. На томъ же деревѣ гнѣздо свилъ, какъ и прошлый годъ.

— Хорошо у васъ, Дунечка,—съ легкою завистью говоритъ Шаня.

— У насъ просто,—отвѣчаетъ Дунечка.—Нѣтъ такой роскоши, какъ у васъ.

— Ну, какая роскошь!—съ досадою отвѣчаетъ Шаня.—Грубые одры въ чехлахъ стоятъ да скользкій полъ мастикой пахнетъ. А у васъ—такая веселая, такая крѣпкая сладость въ вашей жизни! Ты такъ любишь своего Алексѣя, что смотрѣть завидно!

— Какъ же мнѣ его не любить!—отвѣчаетъ Дунечка.—И знаешь, я чувствую, что моя любовь растетъ съ каждымъ днемъ. Мнѣ иногда кажется, Шанечка, что она такъ растетъ, что въ моей душѣ уже и мѣста для нея мало. И вся жизнь—только любовь.

Но не вытерпѣть долго этой крѣпкой сладости. Такъ томитъ жажда желаній, такъ больно глядѣть на чужое счастье! Въ этомъ мірѣ счастья достигнутаго такъ сильна жажда счастья невозможнаго! Немолчный, темный шопотъ и предвѣщательный ропотъ природы волнуетъ ее.

Шанѣ кажется—кто-то проходитъ мимо, грустно опуская глаза. И смотритъ тяжелымъ взоромъ на Шаню.

Таютъ облака. Небо вечерѣетъ. Въ небѣ смерть. Печально и легко.

Какія легкія, пронизанныя вечернею зарею! Таютъ, таютъ...

Шаня черезъ нѣсколько дней уѣхала опять въ городъ, къ отцу. Но и тамъ было ей томно. Мѣста себѣ не находила Шаня. Придумывала разныя проказы дома и въ городѣ.

Ходила къ Липиной—подразнить ее. Уже зараженная змѣинымъ лукавствомъ большого города, пыталась, улыбаясь безмятежно и говоря ласково, находить колкія и обидныя слова. Говорила:

— Вы, Анна Григорьевна, какъ помолодѣли! Ничего, что со стареньким живете, а сами все молодѣете.

— Что вы, Шанечка,—отвѣчала, улыбаясь, Липина,—да я ужъ такая и

есть, не старуха, молодѣть мнѣ некуда. Да и папашенька вашъ какой же старикъ! Мужчина въ полномъ соку.

— Вы поправились, пополнѣли, похорошѣли,—говорила Шаня.

Смѣялась Липина, смотрѣла въ Шаню тупыми голубыми глазами. Отвѣчала спокойно:

— Да я и такъ не уродомъ уродилась, чего мнѣ хорошѣть.

Румяная улыбка дебелой бабы дразнила Шаню. И досадно было Шанѣ, что эта баба улыбается такъ же весело и лукаво, какъ и Шанина мать, и угощаетъ ее такъ же вишневою наливкою, барбарисовымъ вареньемъ и черемховымъ медомъ. Говорила Липина:

— Сама варила, Шанечка, ужъ не побрезгуйте на моемъ угощеньицѣ, откушайте. Вѣдь, ужъ вы теперь не маленькая, вамъ можно наливочки выпить сладенькой. Да вы и не бойтесь,—я папенькѣ не скажу.

Не можетъ почему-то Шаня отказаться. Манитъ ее это ощущеніе сладкаго замиранія сердечнаго, которое у нея соединяется съ вишневою наливкою,—и Шаня пьетъ рюмку за рюмкою. А лукавая баба посмѣивается, говоритъ безъ умолку, рада, что подпоила Шанечку, что Шанины щеки пылаютъ, и языкъ заплетается, и ноги плохо держатъ.

А Шанечкѣ что-жъ безъ Евгенія, отчего и не подпить иногда? Пусть отецъ узнаетъ,—скорѣе въ Крутогорскъ отошлетъ, къ строгому дядѣ, чтобы здѣсь въ городѣ не срамиться.

Тутъ же у Липиной познакомилась Шаня съ учителями городского училища. Ихъ было двое, оба были очень молоды и оба звѣрски пили. Оба они удачно играли въ карты съ мѣстными молодыми купчиками: картежная игра давала имъ средства на выпивку. Одинъ изъ нихъ, постарше, носилъ въ дружескомъ кружкѣ кличку Гуакъ, былъ черенъ и угрюмъ. Другой, совсѣмъ молоденькій, съ лицомъ вербнаго херувима, звался Нытикомъ. Съ ними постоянно водился начальникъ мѣстной почтово-телеграфной конторы, рыжій и рябой молодой человѣкъ, и кличка его была Чума. Разъ въ годъ, съѣздивши провѣтриться и по начальству въ губернскій городъ, онъ вывозилъ оттуда неприличный анекдотъ и потомъ цѣлый годъ разсказывалъ его друзьямъ. А тѣ каждый разъ заново гоготали.

Случалось не разъ, что скажетъ Шаня за обѣдомъ отцу:

— Сегодня къ мамѣ пойду, тамъ и заночую.

— Поѣзжай,—скажетъ отецъ.—Лошади стоятъ, чего жъ тебѣ пѣшкомъ ходить. Что ты за богомолка!

Велитъ запрячь лошадку въ кабріолетъ. Шаня промолчитъ, а когда отецъ уйдетъ, она прокатится до рощи подгородной и оттуда велитъ работнику ѣхать домой. Скажетъ:

— Пѣшкомъ пройтись хочется, погода ужъ больно хороша.

Дастъ работнику полтину—и тотъ радостно ѣдетъ въ ближайшій трактиръ. А Шаня бѣжитъ окольными переулками къ учителямъ. Кутитъ до поздней ночи. Домой возвращается подъ хмѣлькомъ, когда отецъ уже спитъ. Тихо постучится въ окно, чтобы звонкомъ не будить отца, и тихохонько пробирается къ себѣ.

Вотъ въ эти пьяные часы въ угрюмо-веселой компаніи или потомъ дома въ постели особенно ярки бывали минуты сліянія въ одинъ образъ Жени и Евгенія, тѣ минуты, когда въ томномъ головокруженіи распадалась цѣпь временъ и по иному закону великой цѣльности перестраивался освобожденный міръ.

Отравы и отрады воспоминаній и здѣшнихъ впечатлѣній, пронизанныя сладостнымъ безуміемъ весны, все болѣе усиливали Шанину готовность отдаться милому. Такъ жутко и сладостно наростала юная страсть.

Отецъ, узнавши по слухамъ, что Шаня бываетъ по ночамъ у учителей, злился и ругался. Иногда и поколотитъ. Тогда Шаня спасалась къ матери. Благо близко, верстъ шесть. Можно и пѣшкомъ добѣжать.

ГЛАВА XXXVIII.

Однажды днемъ Шаня ушла изъ дому и долго не возвращалась. Не сказала отцу, куда идетъ.

Самсоновъ угрюмо ходилъ по всему дому. У него выдалось нѣсколько свободныхъ часовъ. Онъ досадливо думалъ, что Шанька теперь, можетъ быть, гуляетъ гдѣ-нибудь съ пьянствующими учителями. Накрыть бы ее съ ними! Да какъ ее накроешь? Хитра!

Притворяясь передъ самимъ собою, Самсоновъ ходилъ, будто осматривая, все ли въ порядкѣ въ домѣ. Бормоталъ:

— Хозяйскій глазъ—алмазъ.

А самъ все кружилъ около двери наверхъ, въ Шанины покойчики. Смотрѣлъ, нѣтъ-ли гдѣ по близости Шаниной няньки. Нигдѣ ея не видѣлъ, а спросить у служанокъ почему-то не рѣшался.

Наконецъ, проходя мимо прохладнаго чуланчика у задняго крыльца, Самсоновъ услышалъ тамъ равномѣрное дыханіе кого-то спящаго. Заглянулъ въ чуланчикъ,—такъ и есть: Шанина няня, свернувшись на положенной на полу мягкой перинѣ, спала.

Тогда Самсоновъ прямо и рѣшительно пошелъ наверхъ, на Шанину половину. Заглянулъ прежде въ Шанину спаленку,—тамъ все было чисто и невинно прибрано. Потомъ онъ вернулся въ ту комнату, гдѣ Шаня принимала своихъ гостей и писала письма, а въ прежніе годы учила уроки. Самсоновъ внимательно осмотрѣлъ всю комнату. Подошелъ къ письменному

столу. Выдвинулъ одинъ ящикъ, другой. Всѣ ящики обшарилъ и, наконецъ, въ одномъ изъ нихъ нашелъ четыре письма. Онъ прочелъ, стоя, по нѣсколько строчекъ изъ первыхъ попавшихся двухъ писемъ. Со злобою подумалъ:

„Не забыла Женьку Хмарова, переписывается съ нимъ и теперь“.

Онъ понесъ письма въ свой кабинетъ, сунувъ ихъ въ боковой карманъ пиджака. Тамъ сѣлъ за столъ и принялся читать ихъ всѣ по порядку.

Уже и письма Хмарова были ему досадны. Но одно письмо привело его въ ярость. Это было письмо одного изъ пьянствующихъ учителей.

„Милая Александра Степановна,

„Сегодня вечеромъ жду Васъ къ себѣ. Будутъ Нытикъ и Чума. Раздавимъ нѣсколько бутылочекъ, а спеціально для Васъ припасенъ рогомъ, а, кромѣ того, будетъ лимонадъ,—смѣшанный съ коньячкомъ, лимонадъ, какъ Вы знаете, божественный напитокъ. Простите за излишнее-дѣловой тонъ сего письма,—башка трещитъ со вчерашняго и треба опохмелиться. Что дѣлать! Мы—славяне, и Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти. А пити съ такимъ славнымъ товарищемъ, какъ Вы,—одинъ восторгъ.

„Цѣлую Ваши ручки.

„Вашъ непреоборимый Гуакъ“.

Изъ этого письма Самсоновъ убѣдился, что городскіе темные слухи его не обманываютъ и что Шанька не только водится съ этими людьми, но и пьетъ съ ними.

Злой и мрачный, стоялъ Самсоновъ у окна. Скоро онъ увидѣлъ, что Шаня идетъ по двору домой. Онъ крикнулъ въ окно:

— Шанька, иди-ка сюда!

Онъ хотѣлъ притвориться ласковымъ,—поскорѣе заманить Шаню,—но яростныя ноты противъ его воли пробились въ голосѣ.

Шаня увидѣла ясно,—зоркая была,—гнѣвныя морщины на отцовомъ зломъ лицѣ. Какое-то темное предчувствіе больно сжало ея сердце.

Шаня проворно побѣжала къ себѣ. Сердце ея билось. Брови невольно хмурились.

На всемъ увидѣла она слѣды осмотра. Ящики письменнаго стола были не совсѣмъ задвинуты. Шаня быстро выдвинула тотъ ящикъ, гдѣ лежали полученныя ею нынче лѣтомъ письма,—прежнія она хранила въ спаленкѣ въ комодѣ,—и похолодѣла отъ внезапнаго испуга. Писемъ не было,—три письма отъ Евгенія и одно письмо отъ Гуака.

Вмѣстѣ съ испугомъ въ Шанином сердцѣ забилась яркая злость.

„Экая я дура? идіотка!—подумала она.—Не могла догадаться замкнуть ящики. Пусть бы ломалъ замокъ“.

Шаня вспомнила, что попъ сегодня утромъ попался ей, какъ только она вышла изъ воротъ,—дурная встрѣча, напророчившая бѣду.

Шаня дрожащими руками отшпилила шляпу. Досадливо стащила съ ногъ испачканные мокрою, сѣрою глиною желтые башмаки и черные чулки. Налила въ тазъ воды, опустила ноги въ холодную воду,—холодная вода успокоила, утѣшила.

Но вотъ снизу послышался яростный крикъ отца:

— Шанька, сейчасъ же иди сюда!

Шаня вздрогнула и, не вытирая ногъ, оставляя на бѣлыхъ, некрашенныхъ, гладко выструганныхъ и плотно пригнанныхъ доскахъ пола влажные, красивые, медленно высыхающіе слѣды, побѣжала къ отцу, красная отъ страха и отъ досады. Сердце шибко и больно колотилось въ ея груди, такъ больно, что она невольно держалась руками за грудь. Островатые, бѣлые съ красными кончиками, локти ея, съ дугообразною свѣжею царапинкою около одного изъ нихъ, трепетно прижимались къ бокамъ.

Когда она прислушалась къ дробному, мягкому топоту своихъ сбѣгающихъ по ступенькамъ ногъ, ей стало стыдно, что она такъ спѣшитъ. По столовой сна прошла, не торопясь и не медля, увѣреннымъ и тяжелымъ шагомъ хозяйки. На желтыхъ, мелкихъ ромбахъ блестящаго паркета слѣды ея были едва замѣтны и поспѣшили скрыться легкимъ паромъ въ нагрѣтомъ солнцемъ за день воздухѣ чинной столовой.

Подойдя къ двери отцова кабинета, Шаня коротко и страстно помолилась безъ словъ, однимъ тоскливымъ устремленіемъ души. Въ кабинетъ она вошла смущенная и остановилась у порога. Передъ суровымъ отцомъ она стала вдругъ маленькая и робкая.

— Часъ ждать!—сердито закричалъ отецъ, непріятно и раздѣльно, противнымъ голосомъ, словно протрубилъ въ оловянную дудку.

Его сердитый крикъ разбудилъ злость въ Шанином сердцѣ. Шаня рѣзко отвѣтила:

— Башмаки стаскивала. Хоть бы досокъ на дворѣ настлали,—въ глинѣ такъ и вязнешь. Вы, папочка, гласный, такъ могли бы позаботиться, чтобы въ городѣ ходить было можно, по грязи не люхая. Вездѣ грязно, сыро. Въ какой дворъ въ городѣ ни заглянешь, вездѣ безобразіе, мусоръ валяется, пахнетъ скверно.

Шаня говорила все это, разжигая въ себѣ своими словами злость, чтобы этою злостью побѣдить страхъ передъ отцомъ.

— А ты бы, принцесса, въ Крутогорскѣ жила,—сурово и злобно отвѣчалъ отецъ.—Тамъ, небось, тротуары. Чисто и весело. Въ ресторацiяхъ ученыя собаки подъ музыку танцуютъ, а барышни винцо потягиваютъ черезъ соломинку. То-то и хорошо!

Самсоновъ вытащилъ изъ кармана измятое письмо и яростно спросилъ:

— Это что такое? Что за корреспонденція?

Шаня сразу же, по бумагѣ, узнала это письмо,—одно изъ писемъ отъ Евгенія. Она бросилась къ отцу вырвать его.

— Те-те-те!—насмѣшливо протянулъ отецъ, поднимая письмо кверху.— Не такъ прытко,—еще мы почитаемъ.

Онъ отвелъ Шаню сильными, горячими руками. Отъ его домашней, ярко-красной кумачевой рубахи подъ затасканнымъ пиджакомъ странно и непріятно пахнуло запахомъ, похожимъ на запахъ касторовaго масла.

Самсоновъ началъ вслухъ читать письмо:

— Милая Шанечка.

Шаня заплакала и закричала:

— Отдайте мнѣ это письмо!

Отецъ злобно издѣвался надъ нею.

— Истинно-милая!—говорилъ онъ.—Ужъ милѣе и нельзя быть! Для Женьки Хмарова—милая, для пьяной учительской хари—милая. Со всякою сволочью готова дружбу свести. Пай-дѣвочка! Умница! Вотъ только давно мы въ Нидерланды не заглядывали.

Шаня вспыхнула, быстро бросилась къ отцу и вырвала письмо изъ его рукъ. Самсоновъ не ожидалъ такого внезапнаго нападенія. Хоть и зналъ онъ хорошо свою дочь, но ея вспышки всегда его удивляли. Онъ свирѣпо затопалъ на Шаню тяжелыми сапогами и закричалъ:

— Да ты что, дрянь ты этакая! Да какъ ты смѣешь! Это ужъ я и не не знаю что! Своевольница этакая!

Шаня плакала и кричала:

— Чужія письма нельзя читать! Такъ порядочные люди не дѣлаютъ!

— Да ты дерзить!—яростно завопилъ отецъ.—Объѣдомы, что-ли, натрескалась!

Онъ побагровѣлъ отъ злости. Они кричали другъ на друга, оба красные, дрожащіе, и глаза у обоихъ сверкали, какъ раскаленные гвоздики.

— Это подло—таскать чужія письма!—крикнула Шаня.

— Это ты отцу смѣешь такія слова!—въ яростномъ недоумѣніи кричалъ Самсоновъ.

Онъ заметался по горницѣ. Опрокинулъ тяжелое кресло. Схватилъ Шаню за руку и такъ стиснулъ, что Шаня взвизгнула отъ боли.

— Вотъ тебѣ, негодяйка! Вотъ тебѣ!—кричалъ Самсоновъ.

Тяжело и звонко шлепаясь, посыпались на Шанькины щеки жаркія пощечины. Слезы разбрызгали,—на отцово лицо, на его руки.

Шаня металась, вырываясь, и кричала, забывши весь свой страхъ, взбѣшенная болью жестокихъ ударовъ:

— По чужимъ комнатамъ шарить, чужія письма читать, взрослую дочь по щекамъ бить—мужицкое, варварское, дикое обхожденіе!

— Молчать!—закричалъ отецъ.

Шаня кричала:

— Какъ звѣри, живете здѣсь, въ вашихъ берлогахъ!

— А, звѣри! — хрипло, рыдающимъ голосомъ, говорилъ отецъ. — Ну, подожди-же, дочка! Я тебя проучу! Я тебѣ покажу, какъ съ прохвостами пьянствовать, отцово имя на весь городъ срамить!

Сѣлъ въ кресло. Тяжело дышалъ. Шаня рыдала и выкрикивала гнѣвныя слова.

Вечеромъ, избитая отцомъ и уже помирившаяся съ нимъ, Шаня говорила ему, плача:

— Я сама вижу, что онъ за человѣкъ. Но онъ честный, онъ женится.

— Женится, да не на тебѣ,—угрюмо сказалъ отецъ.

Шаня говорила:

— Онъ выше всего ставитъ честь. А я люблю его больше жизни. Онъ и легкомысленный, и тщеславный, и мотъ, но онъ—человѣкъ чести, истинный дворянинъ. Онъ—рыцарь, мой вѣрный рыцарь. А я—какъ кусокъ соли, растворенной въ водѣ, такъ и я растворилась въ любви къ нему.

На другое утро Шаня опять ушла къ матери на хуторъ. А что и тамъ дѣлать, какъ не проказничать, всѣмъ надоѣдая!

XXXIX.

Лѣтомъ Хмаровы жили на дачѣ близъ Крутогорска. Собирались было ѣхать за-границу, но на эту поѣздку не хватило денегъ. И потому настроеніе у всѣхъ было невеселое. Особенно нехорошо чувствовалъ себя Евгеній.

Никакой новой полосы въ его жизни не начиналось. Сладкая заноза въ его сердцѣ все томила его. Отношенія семейныя были непріятны, натянуты, а Шаня была далеко,—и не на кого было опереться Евгенію.

Чѣмъ дольше Шаня жила въ Сарыни, тѣмъ сильнѣе скучалъ Евгеній. Пытался флиртовать съ мѣстными барышнями, но ни одна изъ нихъ не могла занять его надолго, и всѣ онѣ казались ему прѣсными.

Онъ писалъ Шанѣ каждый день письма. Умолялъ ее вернуться поскорѣе.

Дома Евгеній былъ раздражителенъ и капризенъ. Мать старалась угодить ему, чтобы отвлечь его отъ мыслей о Шанѣ. Но не могла воздержаться отъ того, чтобы не позлословить насчетъ Шани, и этимъ раздражала Евгенія. Онъ злился, но не умѣлъ прекратить этихъ злобныхъ выходокъ сердитой дамы.

Евгенія всячески наводили на Катю. Нарочно и поселились на лѣто въ полуверстѣ отъ имѣнія Рябовыхъ. Варвара Кирилловна неутомимо придумывала прогулки, пикники, вечера, домашніе спектакли, вообще всякіе предлоги для того, чтобы возможно чаще быть вмѣстѣ съ Рябовыми. И каждый разъ заботилась о томъ, чтобы Евгеній почаще оставался наединѣ съ Катею.

Евгеній, по своей безхарактерности, не умѣлъ уклониться отъ этого. Но эта настойчивость Варвары Кирилловны раздражала его. Онъ переносилъ свое раздраженіе и на Катю. Оба капризничали, обмѣнивались колкостями. Варвара Кирилловна старалась при этомъ мило улыбаться и говорила:

— Милые бранятся—только тѣшатся.

Дома принимались пилить Евгенія. Онъ иронически говорилъ:

— Лѣто, пріятное во всѣхъ отношеніяхъ.

И скрывался изъ дому. Шелъ въ паркъ, садился на скамейку надъ озеромъ, предавался меланхолическимъ мечтаніямъ, за которыя потомъ самъ надъ собою смѣялся.

Рябовы, распростившись нѣжно и ласково съ Хмаровыми, возвращались домой не въ духѣ. Евдокимъ Степановичъ ворчалъ:

— Прилипли. Надоѣли. Эта Варвара способна липнуть, какъ банный листъ къ голому тѣлу. Одно остается: уѣхать поскорѣе за-границу. Только бы и они за нами не увязались.

Наталья Александровна возражала:

— Но она такая милая, такая свѣтская дама. Правда, немножко надоѣдлива. Но что-жъ дѣлать! Вотъ скоро уѣдемъ за-границу. Они не поѣдутъ,—она мнѣ проговорилась, что нѣтъ денегъ на поѣздку.

— И слава Богу,—говорилъ Евдокимъ Степановичъ.

Катя молчала, краснѣла, вздыхала; оставшись одна, плакала. Съ молодыми людьми, ухаживавшими за нею, обращалась высокомѣрно, насмѣшливо, иногда просто даже дерзко.

Приближалась осень. Рябовы отправились за-границу раньше, чѣмъ предполагали. И тогда совсѣмъ стало скучно,—Варварѣ Кирилловнѣ нечего стало устраивать, Евгенію не съ кѣмъ было вести хотя и досадную, но все же развлекавшую его игру. И уже Евгеній началъ подумывать, не махнуть-ли ему въ Сарынь.

Нагольскій, на правахъ жениха, часто бывалъ у Хмаровыхъ. Поведеніе Евгенія ему не нравилось. Войти черезъ Хмаровыхъ въ болѣе близкія отношенія съ Рябовыми казалось ему полезнымъ для будущаго, на всякій случай, а сближеніе Евгенія съ Шанею не обѣщало Нагольскому никакихъ выгодъ.

Евгеній какъ-то проговорился Нагольскому, что хочетъ ѣхать въ Сарынь,—было для Евгенія трудно держать свои намѣренія вь секретѣ. Нагольскій встревожился. Рѣшился принять свои мѣры.

Въ тотъ же день онъ постарался остаться наединѣ съ Варварою Кирилловною.

— Можно поговорить съ вами откровенно?—спросилъ онъ.

— Пожалуйста,—отвѣчала она.—Вы такъ хорошо, тепло къ намъ относитесь, я такъ рада за Марію, которая будетъ, конечно, счастлива съ вами.

— Надѣюсь,—съ самоувѣренною усмѣшкою отвѣчалъ Нагольскій.—Я хочу поговорить насчетъ Евгенія. Онъ такой пылкій, увлекающійся. Можно было думать, что онъ скоро забудетъ эту свою ужасную Шанечку. Но вотъ ужъ сколько времени прошло,—и я начинаю опасаться.

Варвара Кирилловна прослезилась.

— Ахъ, эта ужасная дѣвица!—сказала она, доставая платокъ изъ сумочки.—Она его околдовала. Вы бы видѣли, какіе у нея глаза! Это—просто вѣдьма съ Лысой горы.

— Околдовала, такъ надо расколдовать,—съ тою же увѣренностью говорилъ Нагольскій.—По моему, дѣло не столь ужъ хитрое. Вы меня простите, Варвара Кирилловна, за мою навязчивость. Но вы сами понимаете, что наши отношенія даютъ мнѣ смѣлость дать вамъ дружескій совѣтъ.

— Пожалуйста. Я вамъ такъ благодарна,—говорила Варвара Кирилловна.

Нагольскій помолчалъ значительно и сказалъ:

— Я бы вамъ посовѣтовалъ,—простите,—свести, то-есть познакомить Евгенія съ Марусею Караковою. Кстати, она съ матерью теперь живетъ въ своемъ имѣніи, и это недалеко отсюда. Я бы могъ его познакомить съ ними. Онѣ очень гостепріимны.

Варвара Кирилловна долго ломалась. Говорила:

— Изъ огня да въ полымя. Вѣдь, это—совершенно безнравственная особа, эта ваша Маруся. Я бы вамъ самому не совѣтывала къ ней ѣздить. Хотя вы—человѣкъ сложившійся, и я знаю ваши твердые нравственные принципы, но все же это—опасная особа.

Нагольскій уговаривалъ ее долго. Убѣждалъ, что ничего опаснаго нѣтъ, что Маруся холодна со всѣми своими поклонниками, что романъ съ нею будетъ непродолжителенъ. Наконецъ, Варвара Кирилловна согласилась. Приняла, по своей привычкѣ, видъ женщины, приносящей себя въ жертву за другихъ, и сказала усталымъ голосомъ:

— Дѣлайте, какъ знаете. Я умываю руки.

И принялась нюхать какую-то соль изъ маленькаго граненаго флакончика.

Нагольскій говорилъ:

— И, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, если бы Маруся вздумала остановить свой выборъ на Евгеніи, ничего трагическаго въ этомъ не будетъ. Караковы очень богаты. Милліонами ворочаютъ.

— Нѣтъ,—томно возражала Варвара Кирилловна,—я не хочу, чтобы въ мой домъ вошла эта безнравственная особа. Я не хочу для своего сына другой жены, кромѣ этого ангела Кати, которую я полюбила, какъ родную дочь. А правда, — вдругъ оживляясь, спросила она, — очень богаты Караковы?

— Да, очень,—сказалъ Нагольскій.—Богаче даже Рябовыхъ.

Варвара Кирилловна задумалась. Спросила:

— Такъ вы надѣетесь, что она его отвлечетъ отъ этой ужасной дѣвицы?

— Отвлечетъ навѣрное,—увѣренно отвѣчалъ Нагольскій.

Прямо отъ Варвары Кирилловны Нагольскій прошелъ къ Евгенію. Разсказалъ ему нѣсколько новостей и свелъ разговоръ на любовь. Говорилъ Евгенію:

— Любовь, и даже страстную, я понимаю и допускаю, какъ всякій другой эксцессъ, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, указанныхъ благоразуміемъ. Любовь, мой милый, хороша только тогда, когда ею дѣлишки обдѣлываютъ.

— Посредствомъ любви! Что за цинизмъ!—воскликнулъ Евгеній, чувствуя себя на большой высотѣ сравнительно съ Нагольскимъ.

— Да и то,—говорилъ Нагольскій,—держи ухо востро, какъ бы тебя самого не поддѣли.

Евгеній надменно улыбнулся, пожалъ плечами и сказалъ:

— Все это для меня—слишкомъ практичные взгляды. Обдѣлывать дѣлишки!

Нагольскій посмотрѣлъ на Евгенія свысока и сказалъ:

— Отчего же ихъ не обдѣлывать?

— Что такое дѣлишки? — говорилъ Евгеній. — Дѣлишки для людишекъ.

— Ну, и мы съ тобой не боги,—кисло сказалъ Нагольскій.

Евгеній напыщеннымъ тономъ говорилъ:

— Я ставлю себѣ въ жизни высокія цѣли и я чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобы поднять на свои плечи добавочный грузъ неравной любви. Я умѣю работать. А дѣлишки обдѣлывать предоставляю другимъ.

Нагольскій выслушалъ его, насмѣшливо усмѣхаясь.

— Ну,—возразилъ онъ,—я, братъ, не философъ, я—практикъ. Всѣхъ

этихъ теоретическихъ выспренностей я не понимаю. Я дѣдушкѣ Крылову больше вѣрю, какъ у него сказано: „а философъ безъ огурцовъ". Совѣтую и тебѣ не пренебрегать сими огурцами.

— Не любитель,—хмуро сказалъ Евгеній.—Предпочитаю ананасы.

— Губа у тебя не дура,—возразилъ Нагольскій.—И я тебѣ вотъ что скажу: женщины—драгоцѣннѣйшая вещь въ смыслѣ протекціи. Онѣ надежнѣе всего вывезутъ.

Евгеній мычалъ что-то себѣ подъ носъ.

Нагольскій, улыбаясь, сказалъ:

—Хочешь, я познакомлю тебя съ Марусею Караковою? Дѣвица удивительная. И при томъ можетъ угодить на разные вкусы. Если хочешь,—поговоритъ съ тобою о „наукѣ страсти нѣжной". А если предпочитаешь умные разговоры,—она и тутъ не спасуетъ. Недаромъ къ ней вашъ пріятель, привать-доцентъ Лѣсновъ, любитъ ѣздить. И онъ, и Луневъ ее заряжаютъ послѣдними словами науки. Можешь и по части благотворительности съ нею побесѣдовать. Въ позапрошломъ году голодающихъ кормила, столовыхъ пооткрывала. Полиція запретила,—какія-то прокламаціи тамъ нашлись или вообще какая-то ерунда. Или, кажется, она разрѣшенія ни у кого не спрашивала. Подробностей не знаю, только съ губернаторомъ у нея крупный разговоръ вышелъ. Дерзкая дѣвица, и языкъ подвѣшенъ ловко. А особенно по части любви хорошо понимаетъ, хоть сама необыкновенно невинна. Даже до удивленія при такой ея бойкости и при ея капиталахъ, которые даютъ ей право на все.

Евгеній что-то вспомнилъ. Въ глазахъ забѣгали чертенята.

— Что-жъ, поѣдемъ,—весело сказалъ онъ.

Евгеній нѣсколько разъ встрѣчался съ Марусей Караковою въ театрѣ, въ собраніяхъ, но знакомъ съ нею не былъ. Теперь ея имя вызвало въ немъ рядъ страстныхъ, волнующихъ представленій.

Маруся Каракова была воплощеннымъ соблазномъ. Самыя простыя слова въ Марусиныхъ устахъ казались нескромными. И даже улыбки ея говорили о чемъ-то запрещенномъ и тайномъ. И, несмотря на это, молва не могла связать съ ея именемъ ни одного любовнаго приключенія.

Маруся была красавица, и къ ней шла ея полнота. Но она имѣла такія формы, что всякій, неосторожно посмотрѣвшій на ея бюстъ, приходилъ въ остолбенѣніе, потомъ повторялъ про себя:

— Ахъ, чортъ возьми!

И, подобно тому, какъ хмѣль забираетъ понемногу того, кто пьетъ, такъ и того, кто долго смотрѣлъ на Марусю, забирали простыя, грубыя желанія тѣлесной близости съ этою румяною и здоровою дѣвицею.

— Чудо природы!—называлъ ее мѣстный острякъ.

Но молодые люди не осмѣливались даже и такъ ее называть. Они благоговѣли. Она удивляла ихъ не только своими формами, но и своими откровенными рѣчами.

— Наша бабья добродѣтель — быть безстыдницами, — говорила она нерѣдко.

И о мужчинахъ:

— Имъ въ насъ только тѣло надобно, больше ничего.

Ея мать, простоватая, но умная женщина, въ молодости была очень красива. У нея было много романовъ. Нагольскій въ свои студенческіе годы былъ короткое время любовникомъ Анны Осиповны Караковой. Гдѣ-то въ театрѣ она увидѣла красиваго, развязнаго студента. Ей понравилась его свѣжесть, сила и увѣренная манера держаться. Она взяла его такъ же просто, какъ берутъ прислугу, и такъ же непринужденно платила ему, какъ платятъ куаферу. Только одного требовала,—чтобы Нагольскій не попадался на глаза ея мужа.

Эта связь для Нагольскаго была и пріятна, и выгодна. Хотя иногда и бывало жутко. Мужъ Анны Осиповны былъ пьяница, буянъ и самодуръ. Жены онъ почему-то побаивался и не рѣшался ее бить, но съ любовникомъ, если бы онъ попался, расправился бы круто.

Потомъ, когда Нагольскій сталъ на ноги и началъ ухаживать за Маріею Хмаровою, эта связь прекратилась понемногу, безъ сценъ и безъ упрековъ.

Недавно Караковъ умеръ. Нагольскій готовъ былъ бросить Марію Хмарову. Сватался къ Аннѣ Осиповнѣ Караковой. Но слишкомъ развязный молодой человѣкъ уже надоѣлъ ей,—и она ему отказала.

Нагольскій выпросилъ позволенія бывать.

— Если я лишился вашей любви,—говорилъ онъ,—то не лишайте меня вашей дружбы. Позвольте хоть изрѣдка бывать у васъ.

— Бывайте,—съ равнодушно-презрительною гримаскою сказала Анна Осиповна.

Она уже давно презирала его за его страсть къ деньгамъ и за его жадную во всемъ натуру.

Потомъ Нагольскій вздумалъ ухаживать и за Марусею. Но уже мать заразила ее своимъ презрѣніемъ къ Нагольскому.

Маруся была дружна очень со своею матерью и очень нѣжна съ нею. Она не слушалась матери, но ея мысли о людяхъ часто усваивала.

XL.

Былъ прекрасный, жаркій день въ концѣ іюля. Нагольскій и Евгеній вмѣстѣ поѣхали въ усадьбу Караковыхъ.

Въ это время Маруся лежала нагая на подушкахъ въ бесѣдкѣ у забора, за цвѣтущими блѣдно-розово кустами сибирской герани, и смотрѣла, пріоткрывъ край занавѣски, на дорогу, совсѣмъ не заботясь о томъ, не увидитъ ли ее кто-нибудь. Маруся дремала и мечтала, и улыбалась. Мать говорила ей:

— Ты бы, Маруся, хоть бедра свои прикрыла. А то нехорошо. Вдругъ пройдетъ кто-нибудь изъ мужской прислуги.

Маруся отвѣчала, лѣниво улыбаясь и потягиваясь:

— Ахъ, маменька, ужасно жарко!

Накинувъ на голое тѣло простыню, она пошла купаться.

Евгеній и Нагольскій, одѣтые изысканно, точно они отправились кататься въ Булонскій лѣсъ, подъѣзжали садомъ къ дому, разговаривая лѣниво и оба почему-то волнуясь. Евгеній, по привычкѣ, вяло жаловался на свои разстроенные нервы.

Все было пусто и тихо. Между чинаролистными кленами и уже начинающими ярко желтѣть березами мелькала бѣлая одежда,—Маруся шла неторопливо въ сторону отъ дороги.

Они долго смотрѣли, какъ неторопливо идетъ Маруся, колыша складки одежды, изъ-подъ которой видны ея загорѣлыя ноги.

Гостей привели въ гостиную. Было тамъ темновато, и послѣ внѣшняго зноя казалось прохладно. Сначала гостямъ показалось, что никого нѣтъ. Но кто-то зашевелился въ углу,—и они увидѣли сидѣвшаго на диванѣ юнца актерской наружности, съ громадными глазами, подъ которыми виднѣлись синевато-оранжевыя полосы. Видно было, что юнецъ волнуется.

Горничная, дебелая, краснощекая дѣвушка, сказала:

— Просятъ обождать. Сейчасъ барышня выдутъ.

Гости сидѣли и ждали. Нервный завязывался и обрывался разговоръ Нагольскій пытался заговорить съ юнцомъ, тотъ едва отвѣчалъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались тихіе шаги, шорохъ платья, гости поднялись со своихъ мѣстъ,—вошла Маруся и на секунду пріостановилась въ дверяхъ, улыбаясь и оглядывая гостей. Платье на ней было бѣлое, легкое, красивое, сильно открытое. Руки обнажены, ноги босыя.

Вошла, взглянула—и Евгеній вдругъ почувствовалъ, что влюбленъ. Въ одинъ мигъ Евгеній забылъ Шаню, и Катю, и все на свѣтѣ. Смотрѣлъ въ эти бездонно-веселые глаза, словно опьяненные жизнью, въ это обыкновенное, румяное лицо, овѣянное простодушною радостью жизни, и не зналъ, что сказать, что сдѣлать. Но когда Маруся подошла и заговорила, онъ нашелъ слова отвѣчать, и казалось, что онъ всегда былъ знакомъ съ нею, и казалось, что все на свѣтѣ просто и легко разрѣшимо.

Маруся поздоровалась и сѣла, и такъ улыбалась, что и безъ того взволнованнаго юношу бросило въ жаръ и въ холодъ.

— Вы знакомы?—спросила она.

Назвала фамиліи,—оказалось, что юнца зовутъ Львомъ, а по фамиліи Находка.

Нагольскій сказалъ:

— Вы все хорошѣете, Марія Константиновна.

Она засмѣялась. Говорила:

— Я живу, какъ во снѣ. Счастливый сонъ, но иногда мнѣ хочется проснуться. Я влюблена въ того, кого не было. А, можетъ быть, онъ давно умеръ. И мнѣ снится иногда, что онъ приходитъ ко мнѣ. О, какой онъ прекрасный! Сильный! И совсѣмъ не похожъ ни на кого изъ васъ.

Маруся помолчала и спросила:

— Лунева вы не встрѣчали?

— Обогнали,—сказалъ Нагольскій.

Маруся засмѣялась.

— У насъ каждый день то Лѣсновъ, то Луневъ,—сказала она,—а то и оба вмѣстѣ. Отъ нихъ я много узнаю интереснаго.

Два магистра, математикъ Луневъ и зоологъ Лѣсновъ, пріѣзжали къ Караковымъ то вмѣстѣ, то отдѣльно. Оба они были разсѣянные и близорукіе Математикъ былъ тупой, бѣлый, высокій, наклонный къ ожиренію, медленный. Зоологъ представлялъ ему полную противоположность: это былъ черный, невысокій, тонкій, быстрый, острый и язвительный человѣкъ.

— Кому же изъ нихъ вы отдаете преферансъ?—спросилъ Нагольскій.

Маруся спокойно отвѣчала:

— Люди, почти всѣ, довольно жалкія существа. На одну чету Рожера и Брадаманты—цѣлыя тьмы Пинабелей.

Евгеній и Нагольскій переглянулись. Они не знали этихъ именъ. Маруся говорила:

— Да и кому изъ васъ, господа, отдать предпочтеніе? Ни одинъ изъ васъ его не заслужитъ.

Нагольскій улыбнулся какъ-то ужъ очень сладко и спросилъ:

— Отчего же, Марія Костантиновна? Вы не можете отрицать, что многіе изъ насъ имѣютъ высокія достоинства.

— Не отрицаю,—сказала Маруся.—Но всѣ ваши достоинства только для себя, и разсчитаны на то, чтобы покорять. Вы знаете только двѣ морали: мораль господъ и мораль рабовъ; а мораль товарищей вы еще не успѣли создать. Вы, господа мужчины, создали весь современный строй и удерживаете въ немъ свое господство. Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите. И все-

таки ваша сила только до тѣхъ поръ, пока мы, слабыя созданія, хотимъ быть вашими госпожами или вашими рабынями.

— Насколько это отъ меня зависитъ,—сказалъ Нагольскій,—я всегда хотѣлъ бы быть рабомъ прекрасной дамы и къ ея ногамъ повергнуть весь свѣтъ.

Юнецъ, сидѣвшій въ темномъ углу дивана, вмѣшался въ разговоръ. Голосомъ, прерывающимся отъ волненія и отъ этого еще болѣе звучнымъ, онъ сказалъ:

— Рыцаремъ, а не рабомъ, хотѣлъ бы я быть. Хотя бы и самымъ несчастнымъ изъ рыцарей, умирающимъ у ногъ прекрасной Дульцинеи.

Его темные глаза свѣтились восторгомъ. Маруся засмѣялась и окинула юнца такимъ нѣжнымъ взглядомъ, что юнецъ замеръ отъ восторга, а Евгеній почувствовалъ бѣшеный зудъ зависти. Маруся говорила:

— Быть вашими госпожами или вашими рабынями, въ сущности, одно и то же. Крайности сходятся, совершенно противоположное тождественно, вершины радости и печали Богъ срастилъ вмѣстѣ, и такъ во всемъ... Какъ на качеляхъ качаемся,—сами или чортъ насъ качаетъ.

— Иногда этотъ чортъ принимаетъ обольстительныя формы прекрасной дамы или дѣвицы,—сказалъ Нагольскій.

Голосъ его звучалъ почти искренно, такъ что Евгеній почему-то съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Маруся кинула на него быстрый, горячій, слегка насмѣшливый взглядъ и продолжала:

— Кто хочетъ и умѣетъ порабощать другихъ, тотъ слишкомъ хорошо понимаетъ психологію раба,—потому-то и умѣетъ господствовать надъ рабами. А въ душѣ онъ такой же рабъ. А тотъ, кто носитъ рабскія цѣпи, очень живо чувствуетъ сладость и прелесть власти. Дорвется до власти,—такъ ужъ онъ покажетъ себя.

— Потому что онъ—хамъ,—сказалъ Евгеній.

— Нѣтъ,—возразила Маруся,—потому что ядъ власти и ядъ рабства—одинъ и тотъ же ядъ: колпакъ-ли на попѣ, попъ-ли въ колпакѣ—все едино. Альдонса носитъ воду, а рыцарь Печальнаго образа зоветъ ее Дульцинеею, прекраснѣйшею изъ дамъ. Если бы эта Дульцинея попалась ему въ руки, ей пришлось бы проявить передъ нимъ оба свои лика,—мыть полы въ его домѣ и колотить его туфлею по плѣшивой головѣ. И то, и другое она дѣлала бы очень хорошо, потому что рабыня умѣетъ быть госпожею, вы, господа мужчины, ее этому научили, „не даромъ ликъ вашъ двуязыченъ“.

— Я не понимаю,—сказалъ Евгеній,—почему вы отрицаете существованіе морали товарищей? Ну, вѣдь, какъ же,—есть артели, община, школьное товарищество, корпораціи.

— Формы есть,—сказала Маруся,—а мораль товарищей только создается

нами, женщинами. Искусству быть товарищами вамъ придется поучиться у насъ, умѣющихъ, отдавая, становиться богаче. Товарищескій духъ воцарится надъ землею тогда, когда Альдонса и Дульцинея сольются въ одинъ еще невѣдомый намъ образъ.

— Когда ракъ свистнетъ,—сказалъ Нагольскій.—Будущее никому не извѣстно.

Улыбка его и тонъ его словъ показались Евгенію наглыми. Маруся сказала:

— Неизвѣстно тому, кто не хочетъ знать. Забвеніе прошлаго и непониманіе будущаго—вотъ два зла, въ которыхъ вы, господа, усердно упражняетесь. Конечно, не всѣ,—многіе изъ васъ.

Она улыбнулась. Нагольскій сказалъ:

— Вы положили гнѣвъ на милость хоть для немногихъ изъ насъ, и на томъ спасибо.

Нагольскій посмотрѣлъ на Марусю, на Евгенія. Ему показалось, что Маруся смотритъ на Евгенія нѣжно. Особой нѣжности, конечно, не выражали упоенно-веселые Марусины глаза,—она просто разсматривала съ любопытствомъ этого изящнаго молодого человѣка, который бросалъ на нее такіе пламенные взоры. Ея свойство влюблять всѣхъ въ себя каждый разъ опять удивляло Марусю,—вѣдь, она же совсѣмъ объ этомъ не заботилась. Евгеній, какъ и большинство молодыхъ людей, ей совсѣмъ не нравился, но она не могла не смотрѣть на него ласково и не изливать на него токи своего соблазна.

На Нагольскаго она смотрѣла меньше—и потому внезапно ревность, точно какая-то горячая волна, ударила и подхватила его. Онъ подумалъ: „Неужели уступать? Ни за что! И, во всякомъ случаѣ, еще попытаемся, посмотримъ, чья возьметъ".

Нагольскій рѣшительно всталъ, подошелъ къ Марусѣ и сказалъ вполголоса:

— Марія Константиновна, на два слова.

Маруся взглянула на него съ удивленіемъ, засмѣялась, словно догадываясь о чемъ-то, и сказала:

— Охота вамъ имѣть секреты!

Но тотчасъ же встала. Она и Нагольскій вышли въ садъ. Нагольскій, непривычно волнуясь, началъ:

— Мнѣ надо вамъ сказать, Маруся...

— Знаю,—сказала она тихо.—Все одно и то же. Скучно. Какъ вы этого не поймете, всѣ вы!

Нагольскій вздрогнулъ, словно ощутивъ оскорбительный ударъ. Но уже поздно было отступать. Онъ сказалъ:

— Я васъ люблю, Маруся. Люблю, какъ никого и никогда не любилъ.

Маруся засмѣялась тихонько.

— Дальше?—спросила она.

— Будьте моею женою,—говорилъ Нагольскій.

— А ваша невѣста?—спрашивала Маруся.—Моя тезка.

Нагольскій ярко покраснѣлъ. Страсть и злость слились въ его сердцѣ. Онъ сказалъ тихо:

— Она утѣшится.

— Вы думаете?—насмѣшливо спросила Маруся.—Развѣ она такая? Я бы не утѣшилась. О, я бы мстила!

Нагольскій говорилъ:

— Что я для нея? Такъ, женихъ. А васъ я люблю.

— Нѣтъ,—сказала Маруся,—я не люблю васъ. Простите. Я совсѣмъ не хочу быть вашею женою.

Она спокойно вернулась въ гостиную, оставивъ Нагольскаго, который стоялъ на площадкѣ у круглой клумбы, какъ ошеломленный, и тупо смотрѣлъ вслѣдъ за Марусею.

А въ гостиной уже сидѣлъ подъѣхавшій въ это время Луневъ.

Разсѣянный магистръ чистой математики закружился около Маруси. Онъ пріѣзжалъ почти каждый день и велъ съ Марусею длинные разговоры.

Сегодня Луневъ былъ разсѣянъ больше обыкновеннаго, ни разу не отвѣтилъ впопадъ и видимо волновался. Наконецъ, онъ сказалъ Марусѣ:

— Марія Константиновна, я попросилъ бы васъ выйти.

Нагольскій и Евгеній сдержанно засмѣялись. Левъ Находка въ ужасѣ смотрѣлъ на Марусю. Она засмѣялась.

— Зачѣмъ выйти?—спросила она.—Развѣ я вамъ мѣшаю?

— Выйти въ садъ,—сказалъ Луневъ.—Черезъ двѣ минуты и я туда приду. Мнѣ надобно...

— Такъ лучше пойдемте вмѣстѣ,—сказала Маруся.

И, какъ съ Нагольскимъ, она вышла въ садъ съ Луневымъ и привела его къ той же скамейкѣ передъ клумбою, гдѣ сейчасъ только выслушала признаніе Нагольскаго. Сѣла, расправила складки платья и, съ удовольствіемъ ощущая подъ ногами мелкія песчинки садовой дорожки, посмотрѣла на поблѣднѣвшее лицо взволнованнаго математика ясными, синими, опьяненно-веселыми глазами. Сказала:

— Ну-съ, я слушаю. Все о томъ же?

— Нѣтъ,—сказалъ математикъ,—о другомъ. Прошлый разъ мы съ вами бесѣдовали, если не ошибаюсь, о давленіи свѣта и о формулѣ...

— Я это помню,—перебила Маруся.—Но теперь вы увели меня отъ моихъ гостей, думаю, не для разговора о физикѣ или математикѣ. Итакъ, перейдемте къ дѣлу.

Математикъ быстро пощипалъ нѣсколько разъ лѣвою рукою свой начинающій жирѣть бритый подбородокъ и сказалъ:

— Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ. Къ моему величайшему удивленію, для меня надняхъ стало неопровержимо ясно, что я влюбленъ въ васъ. Сначала я былъ пораженъ этимъ, но сегодня, когда я къ вамъ ѣхалъ, я долго думалъ объ этомъ и убѣдился, что любить васъ—великое счастіе, такъ какъ вы прекрасны и любите науку. Для полноты счастія необходимо и достаточно, чтобы и вы меня любили или полюбили,—только это, и больше ничего. Я счелъ необходимымъ объяснить вамъ мои чувства. Теперь скажите, могу-ли я надѣяться, что вы меня любите или полюбите, и если да, то я буду имѣть честь просить вашей руки.

Луневъ замолчалъ, вынулъ платокъ и сталъ вытирать лицо. Руки его дрожали. Маруся смотрѣла на него нѣжно, какъ на большого ребенка. Ея синіе глаза были все такъ же пьяны радостью жизни, но въ нихъ дрожали слезинки. Она не сразу смогла заговорить,—Маруся была сентиментальна—и декларація математика тронула ее до слезъ, какъ никогда раньше ничье признаніе. Ея румяныя губы слегка дрожали, когда она заговорила:

— Нѣтъ, я не дамъ вамъ никакой надежды.

Но уже сейчасъ же ею опять овладѣло насмѣшливое настроеніе. Она сказала:

— Я бы, пожалуй, и не прочь была выйти за васъ. Но, вѣдь, вы женаты.

Магистръ удивился, вспомнилъ что-то, покраснѣлъ и со смущеннымъ видомъ постучалъ себя пальцемъ по головѣ, бормоча растерянно:

— Ахъ, виноватъ, совсѣмъ изъ ума вонъ. Забылъ!

— Какъ это вы могли забыть?—спросила Маруся и захохотала.

И уже весело-пьяные глаза ея, забывъ свои слезинки, стали по-прежнему ласково-жестоки, опять стали глазами дѣвочки, обрывающей у бабочки ея прозрачныя крылышки.

Математикъ смущенно оправдывался:

— Но, вѣдь, я еще такъ недавно женатъ. Я совсѣмъ даже не привыкъ къ ней.

— Такъ-то вотъ вы и меня забудете,—весело сказала Маруся.—Пойдемте лучше обѣдать.

ГЛАВА XLI.

Нагольскій и Евгеній вскорѣ послѣ обѣда уѣхали. Нагольскій былъ золъ и смущенъ, а Евгеній чувствовалъ себя такъ, точно онъ плавалъ въ какомъ-то чадномъ облакѣ. И потому они не понимали одинъ другого. Нагольскій всю дорогу говорилъ колкости, а Евгеній еще болѣе злилъ его веселыми и порою остроумными отвѣтами.

Такъ какъ у Нагольскаго не было особенной причины нападать на Евгенія, то онъ обрушилъ свою злость на черноглазаго юнца.

— Это что еще за фруктъ! говорилъ онъ.—Очень несимпатичный субъектъ! И вобще въ этомъ идіотскомъ домѣ можно иногда встрѣтить чортъ знаетъ кого. Этотъ мальчишка имѣлъ видъ положительно Альфонса какого-то.

— Кажется, онъ нравится Марусѣ,—сказалъ Евгеній.

— Ну,—злобно возразилъ Нагольскій,—эта дѣвица всѣмъ глазки дѣлаетъ и всѣхъ оставляетъ съ носомъ.

А Левъ Находка остался у Караковыхъ.

Марусѣ очень понравились его изсиня-черныя и необыкновенно длинныя рѣсницы. Она думала, поглядывая на юнца все болѣе и болѣе упоенными глазами:

„Какимъ прекраснымъ и таинственнымъ долженъ казаться міръ, если смотрѣть на него черезъ полуопущенныя рѣсницы, такія, какъ у этого мальчишки! И какая должна быть глубокая и значительная душа у человѣка съ такими рѣсницами!“

Маруся долго разговаривала съ черноокимъ юнцомъ. Разспрашивала его о его жизни, о его взглядахъ, о его занятіяхъ,—онъ учился въ мѣстной музыкальной школѣ. Левъ Находка отвѣчалъ малословно, незначительными фразами, но Маруся сама вкладывала въ его слова смыслъ, который казался ей глубокимъ.

Вечеромъ усадили его за рояль—и онъ игралъ охотно и долго. Свѣтъ свѣчъ, звуки рояли и внѣшняя тихая, теплая и темная ночь съ ароматами ночныхъ цвѣтовъ—все это рождало меланхолическія и прекрасныя мечты, и въ опьяненныхъ веселостью Марусиныхъ синихъ глазахъ порою скользила мечтательная, упоенно-нѣжная задумчивость.

Льва Находку оставили ночевать. Прощаясь съ нимъ на ночь, Маруся сказала ему:

— Если вы захотите гулять ночью, то не ходите по той дорогѣ, которая ведетъ къ рѣкѣ. Мнѣ нравится иногда купаться ночью, можетъ быть, я и сегодня вздумаю пойти купаться, и я боюсь, что вы примете меня за русалку и будете очень бояться. Вѣдь, ночныя русалки страшны для такихъ юныхъ, и смотрѣть вамъ на нихъ не гоже.

— Я бы не сталъ бояться,—отвѣчалъ Левъ Находка,—я умѣю смотрѣть. Только одного бы и боялся—чтобы русалка отъ меня не убѣжала.

Маруся усмѣхнулась, голубя его глазами, и сказала:

— Одни смотрятъ, чтобы открывать тайное, другіе смотрятъ, чтобы творить тайну. Второе мнѣ больше нравится.

— И мнѣ,—сказалъ Левъ Находка.

— Да?—улыбаясь очень нѣжно, сказала Маруся.—Это хорошо.

Въ звукѣ ея словъ было что-то рождающее надежду—и юнцу показалось вдругъ, что свѣтомъ радости и счастія озаренъ передъ нимъ міръ.

Онъ шелъ въ отведенную для него комнату наверху, окнами въ садъ и на рѣку, и чувствовалъ, что не сможетъ заснуть. Сѣлъ у окна глядѣть и ждать. Свѣчу погасилъ.

Надъ темными аллеями сада взошла луна. Она томительно и печально смотрѣла на сидящаго у окошка мальчика. Онъ ждалъ чего-то—и подъ бѣлымъ очарованіемъ луны теменъ и загадоченъ былъ широкій старый садъ. Въ открытое настежь окно лилась прохлада и едва различимыя, но странныя благоуханія ночныхъ цвѣтовъ, смѣшанныя съ влажными запахами отъ недалекой, смутно за деревьями видной, рѣки.

Вотъ на дорожкахъ мелькнуло что-то свѣтлое. Левъ Находка вглядѣлся и не столько узналъ, сколько догадался, что это прошла къ рѣкѣ Маруся. Онъ поспѣшно всталъ и спустился въ садъ. Сердце его сладко замирало предчувствіемъ счастія.

Долго ходилъ онъ по аллеямъ, прислушиваясь къ плеску воды въ рѣкѣ, къ скрипу песчинокъ подъ башмаками. Русалка плескалась тамъ, одна, откровенно таящаяся, а здѣсь онъ ходилъ, одинъ, и чувствовалъ, что не смѣетъ итти туда, гдѣ плескалась русалка, гдѣ смѣялась она чему-то. Онъ ждалъ. Голова его кружилась, и колѣни дрожали, и предчувствіе счастія все больнѣе, все ярче разгоралось въ его сердцѣ.

Онъ распуталъ узелъ своего галстуха, такъ тщательно завязаннаго сегодня утромъ дома передъ зеркаломъ, разстегнулъ воротъ своей велосипедной легкой курточки,—онъ пріѣхалъ сюда на велосипедѣ,—потомъ разстегнулъ воротъ рубашки, пуговку на груди, и пріоткрылъ грудь, желтовато-смуглую, обросшую рѣдкими, тонкими, черными волосками.

У него были очень длинныя, сине-черныя рѣсницы. Глаза его хотѣли видѣть, и грудь дышала тяжело,—и надобно было ему обнажить тонкую, съ выдающимися хрупкими косточками, шею и пріоткрыть грудь, хотя и самъ онъ не зналъ, зачѣмъ это надо.

Она придетъ! Придетъ—и жаждующія лобзаній губы его улыбнутся. Придетъ—и онъ склонитъ передъ нею колѣни, поцѣлуетъ ея ноги.

Самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ сѣлъ на скамейку, снялъ башмаки и длинные черные чулки и опять застегнулъ немного ниже колѣнъ пуговки внизу своихъ велосипедныхъ панталонъ. Влажная ночная свѣжесть радостно ласкала его полныя, сильныя икры.

И вотъ онъ услышалъ на песочныхъ дорожкахъ Марусины тихіе шаги.

Едва прикрытая легкимъ бѣлымъ покрываломъ, Маруся шла отъ рѣки домой.

Левъ Находка быстро пошелъ навстрѣчу Марусѣ. Такъ больно билось

сердце. вотъ онъ увидѣлъ ее совсѣмъ близко. Остановился. Опустилъ глаза, точно передъ видѣніемъ слишкомъ ослѣпительнымъ.

И услышалъ Марусины тихія слова:

— Милый юноша, смотри на меня, не поднимая глазъ. Я люблю сладкую тѣнь твоихъ рѣсницъ.

Маруся сняла свое покрывало и отбросила его въ сторону. Она стояла передъ нимъ улыбалась, глядѣла на него и ждала чего-то. Глаза ея были радостны и пьяны, и было въ нихъ ожиданіе радости невозможной.

На ея тѣлѣ струился серебряный, матовый свѣтъ луны, тихій, неживой, и въ этомъ свѣтѣ тѣло ея казалось бѣлымъ, и блѣднымъ казалось ея румяное днемъ лицо.

Левъ Находка стоялъ молча. Жуткій страхъ томилъ его, и точно смерть была въ его душѣ, сладкая и страшная, и желанная болѣе жизни.

Но желанія слишкомъ земныя воскресали въ немъ. Изнемогая отъ сладкаго и жуткаго томленія, онъ поднялъ глаза. Знойнымъ соблазномъ встало передъ нимъ обнаженное Марусино тѣло. Протягивая руки, онъ пошелъ къ Марусѣ, шепча:

— Маруся, милая, люблю, люблю!

Маруся вскрикнула, метнулась въ сторону, подняла свое покрывало и закуталась имъ. Прячась за старымъ кленомъ, она говорила—и слезы слышались въ ея голосѣ:

— О, какой ты глупый мальчишка! Глупый!

Левъ Находка сталъ на колѣни и воскликнулъ:

— Но, вѣдь, я же сюда пришелъ, чтобы видѣть тебя и склониться передъ тобою,—только для того! Я открылъ передъ тобою мою грудь,—убей меня, если хочешь. Вотъ, я простой и смиренный, я обнажилъ мои ноги,—видишь, не какъ рыцарь, какъ рабъ я передъ тобою. Люби меня!

Она ушла еще дальше и голосомъ, въ ночной тишинѣ при лунѣ, слишкомъ звучнымъ, говорила ему:

— Что ты сдѣлалъ, глупый мальчикъ? Зачѣмъ ты погубилъ минуту радости и счастія, упавшую между нами? Сквозь опущенныя твои рѣсницы золотымъ сномъ передъ тобою мерцало мое нестыдливое тѣло, но ты поднялъ на меня глаза и увидѣлъ передъ собою только голую дѣвушку, безстыдную и скверную. Уйди, уйди отсюда!

Ѳедоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОРЬБА.

Разсказъ.

Ужъ нѣсколько дней, какъ въ воздухѣ что-то назрѣвало; по утрамъ вмѣстѣ съ пробужденіемъ въ душу входило смутное сознаніе опасности... Да! Лиловый конвертъ, надушенный. Подписано: „Твоя Таня". Письмо принесли въ три часа. Все—какъ было условлено... „Петербургъ все такъ же хорошъ. Масса цвѣтовъ на окнахъ, но цѣны недоступны. Въ особенности дороги фіалки. Знаешь, какую я слышала новость: Петръ Стрѣльбицкій попался въ какихъ-то современныхъ вещахъ. Его почему-то перевели въ N-скъ. Повидай его, если можно. Нашъ кузенъ Поль выдержалъ свои экзамены коекакъ, вышелъ недѣйствительнымъ. Взялъ представительство отъ фирмы Бромстромъ и К-нія. Кажется, весной заглянетъ къ тебѣ. Я очень похудѣла, принимаю желѣзо, начала поправляться".

Морозъ забѣгалъ между лопатками Анны Семеновны. Она потянулась, закусила губы. Нужно было итти кончать массажъ обрюзглой женѣ старшаго инженера М-ской дороги.

Полученное письмо означало, что на слѣдъ напали, но ничего еще не открыто. Что рѣшено еще дѣло. И переговорить о немъ пріѣдетъ одинъ изъ товарищей. Петю необходимо предупредить во что бы то ни стало.

Складъ цѣлъ...

Раздумывать было не время. И съ легкостью, съ чувствомъ всегдашняго наслажденія, которое доставляло Аннѣ Семеновнѣ перевоплощеніе—маски, она вошла въ свой кабинетъ.

— Pardon, madame, pour vous avoir faire attendre un moment.

Гибкими, легкими движеніями она повязала голову старой дамы плотной повязкой, надѣла на мягкое, словно распускающееся, какъ плохое желе, лицо шелковый колпакъ паровой ванны, приготовила кремы. Она только разъ въ жизни была у настоящей массажистки, но сама доискалась, работая, до разныхъ пріемовъ и часто съ гордостью думала, что не одна ученая массажистка спасовала бы передъ ней, барышней съ фальшивымъ дипломомъ...

Пациентка ушла. Принесли обѣдъ изъ ресторана... „Петръ Стрѣльбицкій самый ненадежный, самый робкій, быстро устающій. И если бороться съ нимъ, какъ слѣдуетъ, мучить, какъ слѣдуетъ, искусно солгать, что всѣ пойманы и открыты, то все пропало. А этотъ Беренсъ, начальникъ жандармскаго управленія... о, этотъ сумѣетъ выпытать!“ Анна Семеновна положила ложку, улыбнулась. Почти весеннее солнце било въ окна, виднѣлся ослѣпительно бѣлый снѣгъ на крышахъ. Въ комнатѣ было тепло. Золотилась пыль. И такъ ярко вставалъ образъ Беренса, его затянутая фигура съ широкими плечами, волосы ежикомъ, глаза, полускрытые темными пенснэ, холодные, выслѣживающіе, непроницаемые, всегда одни и всегда разные. Голосъ вкрадчивый, далекій, журчащій, какъ будто бы въ горлѣ у него сталкивались и лопались тысячи звенящихъ стеклянныхъ шариковъ. Когда Анна Семеновна смотрѣла на Беренса, ей хотѣлось пѣть, смѣяться, хотѣлось знойнаго лѣта, плеска волнъ, высокихъ горъ, утомительной и радостной ходьбы, когда все тѣло горитъ, слышно, какъ переливается кровь въ жилахъ и мускулы напрягаются легко и счастливо. Необыкновенно сильна была эта смѣсь ненависти, страстнаго влеченія и повышеннаго, напряженнаго ощущенія собственнаго тѣла. Долю этой ненависти — особой извѣчной ненависти къ мужчинамъ—она испытала и раньше. Испытывала, когда товарищи отводили ей самую отвѣтственную, самую опасную роль, испытала къ своимъ братьямъ, съ однимъ изъ которыхъ была, однако, дружна, испытала и къ человѣку, который взялъ ее, отдавшуюся больше всего изъ любопытства. Но такого бьющаго по нервамъ, выходящаго изъ береговъ, вспѣненнаго чувства, она еще никогда не испытала. И отъ этого человѣка зависитъ теперь все. Какая опасная, какая жуткая игра!

Знакомыхъ въ N-скѣ у Анны Семеновны было очень много,—благодарныя ей дамы-паціентки, офицеры въ военномъ собраніи, молодежь на каткѣ. Она участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, приглашена была въ три-четыре семейныхъ дома. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтила Беренса. Потомъ они видѣлись въ маскарадѣ, нѣсколько разъ на улицѣ, въ собраніи. И всякій разъ отъ этихъ встрѣчъ оставалось долгое впечатлѣніе быстраго, болѣзненнаго и сладкаго обжога.

Анна Семеновна провела рукой по лбу. Обратиться не къ кому... Разсчитывать не на кого. Да и она нарочно заводила лишь самыя буржуазныя, самыя респектабельныя знакомства. Надо было отдохнуть, набраться силъ. И теперь, когда опасность пришла, стояла на порогѣ, она чувствовала, что отдохнула. Вмѣстѣ съ этимъ глупымъ на первый взглядъ, раздушеннымъ письмомъ въ ея жизнь врывался буйный, сверкающій ароматъ борьбы. Во всѣхъ членахъ ея тѣла разливалась отчетливая готовность къ дѣйствію. Тысячи мыслей пробѣгали въ головѣ. Предугадывались случайности. Все взвѣши-

валось, мѣнялось. Рождались и крѣпли новые планы, новыя предположенія. И надъ всѣмъ царила веселая, радостная увѣренность, что, когда придетъ время дѣйствовать, она выберетъ самый лучшій, самый подходящій, смѣлый и короткій путь. Знакомыя холодящія искры пробѣжали за ушами и по спинѣ.

На секунду сердце ея сжалось холодомъ предчувствія: „А что, если не смогу выиграть игру, если только запутаю себя и другихъ?"

„Нѣтъ, — откидывала она это сомнѣніе, я хочу! Я этого хо-чу. И лучше и умнѣе этого ничего не можетъ быть!"

Всякая минута дорога... Приходящую свою прислугу она отпустила раньше обыкновеннаго и сказала, что не будетъ пить чай дома. Зачѣмъ она это сдѣлала,—она и сама еще не знала. Явилось точно жуткое чувство, коренящееся гдѣ-то въ темной глубинѣ существа. И оно приказывало. Нѣсколько минутъ Анна Семеновна разсматривала себя въ зеркало. Да, она совсѣмъ, совсѣмъ другая. Темные волосы ея съ помощью перекиси водорода сдѣлались совсѣмъ свѣтлыми, золотистыми. Даже черныхъ, словно карандашемъ выведенныхъ, бровей она не пожалѣла. Смуглое свое лицо она каждый день съ утра покрывала кремомъ, составъ котораго сама придумала; родинка на лѣвой щекѣ сведена. Почти гладкая прическа съ прямымъ рядомъ посрединѣ, вмѣсто прежней съ густымъ напускомъ на лбу, совершенно измѣняетъ черты лица... Скромное сѣрое платье и большой бѣлый отложной воротникъ придаютъ ей цѣломудренный и наивный видъ. Все хорошо.

По телефону изъ ближайшей аптеки она спросила, въ управленіи-ли Беренсъ. Ей отвѣтили, что онъ только - что уѣхалъ домой. Она не колебалась.

Квартира Беренса была не очень далеко. Анна Семеновна давно знала этотъ изящный, бѣлый особнячокъ, съ низкимъ, каменнымъ крыльцомъ, украшеннымъ апокалипсическими звѣрями.

Анна Семеновна позвонила спокойно, увѣренно. И слегка задыхалась только отъ быстрой, преувеличенно быстрой ходьбы, замедленной лишь у самаго подъѣзда. Въ круглое окошечко рѣзной двери, образовавшееся изъ незамѣтно прилаженной, отодвинутой дощечки, глянулъ чей-то быстрый, сѣрый глазъ. Окошечко задвинулось. Высокій жандармъ отворилъ дверь и всталъ, загораживая собою ходъ. Анна Семеновна сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ этого движенія, и протянула свою визитную карточку, безвкусную, съ рябымъ бордюромъ кругомъ и вѣточкой розъ въ углу: „Анна Семеновна Маштакова. Массажъ лица. Паровыя ванны".

Другой жандармъ, такой-же высокій, съ такимъ же румянымъ и неподвижнымъ лицомъ, на которомъ остро сидѣли наблюдающіе глазки, понесъ

карточку. Черезъ пять минутъ онъ вернулся. Глазами онъ ощупалъ всю фигуру Анны Семеновны, скользнулъ по ея бокамъ, внимательно остановился на широкихъ модныхъ рукавахъ.

— Пожалуйте къ ихъ высокородію. Верхнее платье и калоши оставьте здѣсь.

Беренсъ успѣлъ уже пообѣдать и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Голова его откинута была на спинку кресла, глаза закрыты, холеныя, красивыя руки онъ крѣпко переплелъ пальцами, равномѣрно то сжимая, то разжимая ладони. Казалось, онъ отдыхалъ. А на самомъ дѣлѣ эти часы были для Беренса часами напряженной работы. Размѣренное, сильное движеніе рукъ помогало ему думать. Онъ рылся въ тысячахъ пестрыхъ случайностей, въ темныхъ, невѣдомыхъ глубинахъ человѣческихъ жизней—и тамъ искалъ, нащупывалъ, предугадывалъ то, что ему было нужно. Довольно было небольшого намека, совпаденія случайностей—и мысль Беренса начинала работать. А всего главнѣе нужно было для него, чтобы онъ почувствовалъ то особое охотничье чувство, то особое предвѣдѣніе, которое у него почти никогда не проходило по-пусту. И когда оно являлось, ноздри его раздувались, сердце билось учащенно. Онъ похожъ былъ тогда на сильную, свирѣпую собаку, замершую для того, чтобы расчуять въ смѣшанныхъ, перекрещивающихся запахахъ единственно нужный—запахъ жертвы.

Люди скрывались отъ него, убѣгали въ самыя глухія мѣста, переодѣвались, перерождались. Но по ничтожнымъ признакамъ, по едва уловимымъ сопоставленіямъ Беренсъ чувствовалъ ихъ присутствіе, выслѣживалъ, опутывалъ зловѣщими кольцами и въ рѣшительную минуту, жуткую минуту, которую такъ легко было пропустить, онъ накрывалъ ихъ и схватывалъ, испытывая при этомъ жестокое, сладострастное удовлетвореніе. И больше всего послѣ послѣднихъ его возбуждали первыя минуты, когда въ рукахъ онъ какъ будто ощущалъ въ хаосѣ случайнаго твердое, желѣзное кольцо — начало цѣпи, на концѣ которой дрожали человѣческія жизни. И цѣпь эта вела его на ступени, откуда лилось все, что онъ любилъ въ жизни... Но самое дорогое было все же не это...

Жандармъ кашлянулъ у двери, вошелъ, подалъ карточку. Беренсъ раскрылъ глаза—и вдругъ они у него блеснули, расширились, приняли тотъ оттѣнокъ бѣлесоватой стали, который дѣлалъ ихъ такими неподвижными и притягивающими. Усмѣшка слегка тронула его нѣжный ротъ съ выдавшейся полной нижней губой, усмѣшка злорадства, удачи и презрѣнія передъ слабостью противника.

Изъ уѣзднаго города Х-ска переслань былъ въ губернскую тюрьму Петръ Стрѣльбицкій. Взятъ по подозрѣнію, очень туманному и шаткому, въ

участіи въ одной изъ самыхъ выдающихся экспропріацій. Служилъ въ Х-скѣ въ качествѣ скромнаго чиновника казначейства.

На Анну Семеновну Беренсъ обратилъ вниманіе съ перваго же вагляда и навелъ о ней справки. Сычевская мѣщанка, дипломъ съ курсомъ массажа — все въ порядкѣ. Но эта барышня не была тѣмъ, за кого выдавала себя. Ея свободное обхожденіе, породистыя линіи гибкой шеи, маленькія, чудесной формы, руки и ноги, какая-то аристократическая складка во всемъ существѣ— откуда это было взять сычевской мѣщаночкѣ? И глаза, полные силы, неожиданнаго сверканія, лгущіе и умѣющіе лгать такъ глубоко. Ея красота, ея стройное тѣло влекли къ себѣ Беренса. Онъ думалъ, что, если потрудиться немного, она не уйдетъ отъ него, какъ не уходила почти ни одна изъ тѣхъ, которыхъ онъ хотѣлъ. И временами, когда онъ кончалъ свой вечеръ цѣломудренно, уставъ отъ работы, она мерещилась ему въ вихрѣ крутящихся золотыхъ искръ. Страстными, ищущими движеніями потягивалось тѣло. Вѣяла звенящая, грѣющая дремота... Но ему некогда было заняться ею. Не приходилъ моментъ. Онъ только намѣчался гдѣ-то вдали.

У Беренса было три какъ будто совершенно различныхъ отношенія къ женщинамъ, а въ сущности—одно и то же. Женщина была добыча. Но къ проституткамъ, къ кокоткамъ, къ продажнымъ женщинамъ изъ мелкаго чиновничества, къ уголовнымъ и, въ особенности, къ политическимъ арестанткамъ онъ испытывалъ всегда чувство почти физической брезгливости и бьющаго черезъ край презрѣнія. Первыхъ онъ бралъ иногда. И тѣ его ненавидѣли. Вторыхъ онъ бралъ всегда. Всегда старался овладѣть ихъ душой, разслабить ихъ волю, заставить ихъ выйти изъ себя, потрясти издѣвательствами и тонко разсчитанными жестокостями. И, когда достигалъ своего, смотрѣлъ на бьющихся въ истерикѣ, на выдавшихъ себя или другихъ съ тѣмъ-же чувствомъ удовлетворенности, отвращенія и превосходства, съ какимъ смотрѣлъ на обнаженное, усталое, использованное до него десятками людей тѣло продажной женщины.

По отношенію къ модисткамъ, знакомымъ гимназисткамъ изъ бѣдненькихъ, къ дѣвушкамъ, живущимъ своимъ трудомъ, у Беренса выработалась подшучивающая, легкая, откровенная и смѣлая манера. Онъ имъ не лгалъ, ни въ чемъ не увѣрялъ, ничего не обѣщалъ. А онѣ летѣли на него, какъ бабочки на огонь. И, наконецъ, были третьи,—тѣ, которыхъ Беренсъ считалъ женщинами по преимуществу. Онѣ должны были быть изящны, избавлены отъ прозы жизни, превосходно воспитаны, религіозны и вполнѣ подчинены волѣ отцовъ и мужей. Въ нихъ не должно было быть ни крупинки злобы, ни тѣни чего-нибудь нечистаго, неприличнаго. На такой дѣвушкѣ собирался Беренсъ черезъ годъ—два жениться. Къ такимъ женщинамъ онъ относился съ рыцарской любезностью. За нихъ онъ, не задумываясь, вышелъ бы на

дуэль... До тѣхъ поръ, пока онѣ не проявляли рѣзкости, самостоятельности, пока не дѣлали попытокъ жить по своему...

Анну Семеновну провели черезъ широкій, свѣтлый корридоръ, увѣшанный дорогими цыновками. Въ открытую дверь она увидѣла небольшую гостиную, затянутую ковромъ цвѣта морской воды. По стѣнамъ, въ стильныхъ рамахъ, развѣшены были пейзажи. Бѣлая легкая мебель, зеленоватыя лиліи для электричества по угламъ, мягкій, затянутый шелкомъ потолокъ, бѣлое инкрустированное золотомъ піанино.

Анна Семеновна быстро оглядѣла кабинетъ, обитый восточными тканями. Японскія ширмы, шкапы, письменный столъ посерединѣ комнаты..

На губахъ ея играла застѣнчивая, простодушная улыбка. Въ душѣ она чувствовала крѣпость могучей, непреоборимой лжи, блаженство и просторъ маски.

Беренсъ молча указалъ ей кресло противъ свѣта. Въ его глазахъ, уже полускрытыхъ темнымъ пенснэ, Анна Семеновна увидѣла тоже ищущее, настороженное, раздѣвающее выраженіе, которое только - что было у жандарма. Не отрываясь, она смотрѣла милымъ, дѣтскимъ взглядомъ на губы Беренса, на его лобъ, на все лицо, будившее въ ней бурныя волны влеченія и ненависти. Правая рука Беренса небрежно лежала на странной формы бронзовомъ колокольчикѣ. Анна Семеновна догадалась, что это—замаскированная кнопка отъ электрическаго звонка, и улыбка ея стала еще чище и наивнѣй.

— Чѣмъ могу служить?

— Здѣсь въ губернской тюрьмѣ сидитъ мой знакомый, Петя... (она поправилась) Петръ Стрѣльбицкій. Мнѣ сказали, что разрѣшеніе свиданія зависитъ отъ васъ.

Беренсъ молчалъ. Глаза его изъ-подъ стеколъ пенснэ впились въ лицо Анны Семеновны, изучая на немъ каждый штрихъ, каждое движеніе мускуловъ. Она отвѣчала ему наивнымъ, непонимающимъ взглядомъ. Потомъ какъ будто слегка сконфузилась, даже щеки ея освѣтились слабо вспыхнувшимъ румянцемъ, и она промолвила неувѣренно, не опуская, однако, глазъ.

— Конечно, если это нельзя... Но мнѣ очень хочется. Таня просила.

— Стрѣльбицкій вамъ близкій родственникъ?

— Ахъ, нѣтъ!

— Женихъ, можетъ быть,

Анна Семеновна расхохоталась неудержимымъ, музыкальнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ...

— Тогда на какомъ же основаніи вы просите о свиданіи? Развѣ вы не знаете, что съ политическими заключенными, да еще подслѣдственными, свиданіе разрѣшается лишь очень близкимъ роднымъ?

— Нѣтъ, я не знала. Мнѣ сказали, что все зависитъ отъ васъ.

— Кто вамъ сказалъ?

— M-me Храмцова, одна изъ моихъ кліентокъ.

— А гдѣ вы познакомились съ Стрѣльбицкимъ?

— Въ Петербургѣ, у Тани. Она вмѣстѣ со мною слушала курсы массажа. А онъ искалъ мѣсто, гранилъ троттуары.

— Вы, значитъ, недавно познакомились со Стрѣльбицкимъ. Осенью этого года?

Голосъ Беренса былъ все тотъ же—ровный, преувеличенно любезный, такъ-же мягко сталкивались и разбивались въ немъ тысячи хрустящихъ стеклянныхъ колокольчиковъ, но едва-едва замѣтно, какъ еле уловимый и спорный запахъ, звучали въ немъ нотки охотничьяго возбужденія. И та-же усмѣшка надъ неловкостью непріятеля, надъ избитостью его ходовъ, усмѣшка легкой пренебрежительной жалости, которая за пять минутъ до этого морщила губы Беренса, прошла по душѣ Анны Семеновны.

— Эту осень? Нѣтъ! Эту осень я была на родинѣ, въ Сычевкѣ, хотѣла тамъ устроиться съ мамой. Да ничего не вышло. Городъ маленькій. Сплетни. Дамы другъ друга стѣсняются. А я, вѣдь, давно кончила. Два года...

— Вы говорите: въ Сычевкѣ. Я бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ... Агапьеву вы не знаете?

— Конечно, я не знакома, но Ольгу Кирилловну знаю—съ оттѣнкомъ почтенія въ голосѣ произнесла Анна Семеновна.—Съ сестрицей ихней, Ириной Кирилловной, что за Оболенскимъ, я разъ встрѣтилась у однихъ знакомыхъ...

Полустертые образы помѣщичьей жизни, при которой извѣстны всѣ „порядочные люди“ въ трехъ смежныхъ губерніяхъ, обрывки дѣтскихъ воспоминаній, острая память, словно крючкомъ выхватывающая изъ огромности прожитаго, слышаннаго, видѣннаго, дѣлали отвѣтъ Анны Семеновны правдивымъ внѣ сомнѣнія.

Оживленіе на лицѣ Беренса потухло. Глаза какъ будто затянулись пепломъ. И холоднымъ, равнодушнымъ голосомъ, не терпящимъ возраженія, онъ сказалъ:

— Ходатайство ваше не подлежитъ удовлетворенію. Свиданія разрѣшить не могу.

Анна Семеновна встала. Неужели она переиграла? Неужели въ этой борьбѣ она будетъ сражена на первомъ-же шагу? И, цѣпко хватаясь, рождаясь творчески и неожиданно, внутреннее чувство подсказывало ей, что нужно дѣлать, какъ говорить. Врага надо завлекать. Надо заманить его побѣдой.

— Конечно, если ужъ нельзя... Но, можетъ быть, можно? Въ вашемъ присутствіи... Чего же бояться? Что я могу сказать ему при васъ?

Анна Семеновна говорила просто, какъ и раньше, но въ глазахъ ея трепетали вызовъ и тайна. Улыбка свѣтилась насмѣшкой. Беренсъ укусилъ нижнюю губу, передернулъ усами. Взглядъ его встрѣтился со взглядомъ Анны Семеновны. Это была первая схватка, первое жуткое прикосновеніе, въ которомъ, дрожа, сливались жажда побѣды, ненависть къ врагу и похожее на приступъ лихорадки томительное влеченіе.

— Въ моемъ присутствіи?—сказалъ Беренсъ задумчиво, протяжно.—Ну... хорошо! Лошадь у васъ есть?

— Нѣтъ. Я пѣшкомъ.

Беренсъ,—Анна Семеновна хорошо это замѣтила,—снявъ руку съ колокольчика, нажалъ кнопку у столовой электрической лампы. Вошелъ на этотъ разъ не жандармъ, а высокій, пожилой, очень представительный лакей.

— Блестящую въ маленькія санки.

Покусывая нижнюю губу и сжимая руки, Беренсъ прошелъ нѣсколько разъ по неслышному ковру кабинета, потомъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Глаза его, ставшіе теперь почти свѣтлыми, влекли къ себѣ, какъ два бездонныхъ, таинственныхъ колодца. Подъ ихъ властью все существо Анны Семеновны напрягалось, настораживалось. Охватывалъ хмѣль опасности, заставляющій замирать сердце, желаніе пройтись по самому краю пропасти.

Длинный, протяжный звонокъ гдѣ-то въ серединѣ помѣщенія возвѣстилъ, что лошадь готова. Беренсъ самъ помогъ Аннѣ Семеновнѣ одѣться. И когда натягивалъ ея кофточку на пышные рукава, низко наклонился. Запахъ ея волосъ, тоненькой бѣлой шейки, душистая теплота молодого и гибкаго тѣла ударила ему въ голову, какъ вино. Тѣло вздрогнуло отъ могучаго толчка, разлившаго по всѣмъ членамъ томительный, буйный огонь нападенія и желанія. И что-то помимо его сознанія, изъ глубины напряженнаго тѣла, сказало ему, что не позже, какъ сегодня вечеромъ, онъ долженъ цѣловать эту шейку.

Буланая лошадь съ черной гривой рыла копытомъ грязный снѣгъ и косилась налитымъ кровью, выпуклымъ, чернымъ, будто стекляннымъ, глазомъ. Подхватила сразу, какъ почуяла сѣдоковъ. Рѣзкія тѣни ложились на солнечную сторону улицъ. Съ крышъ сбрасывали ослѣпительно бѣлый снѣгъ, выпавшій наканунѣ. Разогрѣтые солнцемъ, утромъ сильно замерзшіе троттуары дымились. Воздухъ полонъ былъ иглистой, снѣжной пылью, похожей на милліарды танцующихъ искръ. Небо, ярко-голубое, безоблачное, блѣднѣло по краямъ, словно таяли уже концы полога, за которыми таилась прозрачная, темная ночь. Люди кишѣли, сновали по троттуарамъ, встрѣчались на извозчикахъ, на собственныхъ кровныхъ лошадяхъ, на смирныхъ, съѣзженныхъ парахъ въ дышло. Глухо переливался городской шумъ, звенѣли вагоны

трамваевъ, изрѣдка протяжно стонали автомобили и ихъ стрекочущій шумъ рѣзкой прядью выдѣлялся въ хорѣ улицъ. Анна Семеновна сидѣла, дыша всей грудью, широко раскрывъ глаза, съ забывшейся улыбкой, открывавшей характерные мелкіе и ровные зубы, въ верхнемъ краѣ словно иззубренные пилочкой. Мозгъ ея схватывалъ, впитывалъ впечатлѣнія, на-лету претворялъ ихъ, навсегда оставлялъ въ памяти, зарисовывалъ лица, фигуры, положенія. Острые глаза ея видѣли до конца квартала. Какъ будто не смотря, она видѣла все, что дѣлалось на обоихъ троттуарахъ, въ кіоскахъ, въ окнахъ домовъ. Вотъ мальчикъ, продавецъ газетъ. Славное личико съ большими темными глазами и прямой, греческой линіей носа. Только-что пошептался съ городовымъ. Ага... патруль... Идетъ въ домъ, указанный симпатичнымъ мальчикомъ. Кучеръ высокій, съ маленькими запухшими глазками, остро и тяжело свѣтящимися на изрытомъ лицѣ, длинныя пряди рыжихъ волосъ аккуратно расчесаны, прямой носъ, висящая нижняя губа. Идетъ грузно, поддерживая правую полу кучерского халата.

Животное гораздо болѣе страшное, чѣмъ волкъ... Немолодая барыня, нарядная, съ захватывающей тоской во взглядѣ, повернула совершенно безцѣльно обратно у угла. „Да, милая, онъ опоздалъ. Вѣрнѣе, больше никогда не придетъ". Молодой человѣкъ съ въ высшей степени независимымъ видомъ фланируетъ, заглядывая въ лица всѣмъ встрѣчнымъ женщинамъ. Если бы Анна Семеновна была на мѣстѣ своего сосѣда, она остановила бы кучера и велѣла немедленно задержать этого молодого человѣка. Тогда узнали бы, отчего у него такъ выступаетъ грудь.

Морозный воздухъ веселящимъ холодкомъ вливался въ легкія Анны Семеновны. Она чувствовала всю себя какъ будто выкованной изъ стали, неуязвимой, гибкой, гигантски-сильной, бѣшено-гордой. Она дышала вызовомъ, ждала его, жаждала. Отъ тѣла Беренса, упругаго, твердаго, шла жгучая теплота, ясно ощущаемая. Но она не отодвигала своей ноги.

Беренсъ привычнымъ, наметавшимся взглядомъ разрѣжалъ толпу, выдѣляя изъ нея все интересное и нужное. Глаза его машинально отмѣчали встрѣчныхъ, а мысль работала безпокойно и поспѣшно. Есть ли желѣзное кольцо во мракѣ таинственнаго міра случайностей, или нѣтъ? Опредѣленно и выпукло встала мысль о повышеніи, о крупной денежной наградѣ. Онъ давно чувствовалъ разливающуюся теплоту отъ тѣла Анны Семеновны—и она сдѣлалась ему почему-то непріятна. Оторвавшись на секунду отъ своихъ мыслей, онъ посмотрѣлъ въ ея лицо. Она почувствовала взглядъ, но не обернулась, только улыбка ея просіяла ярче. Беренсъ еще разъ посмотрѣлъ на возбужденное румяное лицо, устремленные впередъ глаза, бѣлѣющуюся полоску зубовъ. И вдругъ все это вызвало въ немъ чувство, близкое къ отвращенію. Противна была легкость побѣды надъ женщиной, готовность ея от-

даться, несмотря ни на что. И онъ подумалъ, отодвигая ногу, возбужденно и цинично: „Весьма не прочь"... Анна Семеновна глянула въ лицо Беренса и усмѣхнулась. И столько въ этой усмѣшкѣ было тонкаго сарказма, вызова и затаенной нѣги, что онъ не выдержалъ и сказалъ, хотя безошибочно зналъ уже, къ кому относится выраженіе взгляда Анны Семеновны:

— Очевидно, предстоящее свиданіе съ мимолетнымъ знакомымъ васъ очень радуетъ.

Выѣхали за городъ. И за крутымъ поворотомъ на горѣ выросла тюрьма,— слѣпое, огромное зданіе, обнесенное высокой стѣной, изъ-за которой виднѣлись верхушки голыхъ деревьевъ, усѣянныя растрепанными вороньими гнѣздами, и насмѣшливо выглядывала тонкая колокольня съ зеленой крышей. Почему-то вспоминался тусклый, сѣрый день, пустыя улицы, нудный великопостный звонъ. Наружныя ворота были отперты. Въ безнадежно терпѣливыхъ позахъ стоялъ около нихъ и въ нихъ народъ. Лучше одѣтые ютились на узенькихъ, грязныхъ скамейкахъ вдоль стѣны, напротивъ которой чернѣла вдѣланная въ камень рѣшетка изъ толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ. Какая-то женщина, положивъ каравай калача на доску у прибитой въ углу иконы, молилась истово и долго, видимо, желая показать себя. Несмотря на свѣжесть воздуха, густыми волнами расходился кругомъ терпкій запахъ тюрьмы, запахъ сырости, заскорузлой одежды, больныхъ, грязныхъ, отравленныхъ собственными испареніями, измученныхъ людей.

Увидѣвъ лошадь Беренса, маленькій надзиратель у внутреннихъ воротъ, одѣтый въ папаху, съ огромнымъ, смѣшнымъ револьверомъ у бока, весь замеръ, вытянулся. Беренсъ небрежно отмахнулся двумя пальцами. Тогда надзиратель открылъ путавшимися отъ торопливости пальцами маленькую форточку въ воротахъ и противнымъ, вякающимъ голосомъ крикнулъ: „Старше-е-ва!"

Вышелъ самъ начальникъ тюрьмы, съ любопытствомъ оглядѣвшій Анну Семеновну и передавшій Беренсу ключъ отъ маленькаго кабинета, примыкавшаго къ тюремной конторѣ и предназначеннаго для занятій начальства. Кабинетъ былъ уютно меблированъ письменнымъ столомъ, тяжелой мебелью, обитой зеленой матеріей, и плотными гардинами. Беренсъ сѣлъ въ глубинѣ, на диванѣ... Анну Семеновну онъ попросилъ сѣсть у окна. Та, спокойная, тихая, молча опустилась на указанное мѣсто. Послышались тяжелые, топочущіе шаги. Въ кабинетъ вошелъ Стрѣльбицкій. Впереди и сзади него шли двое конвойныхъ, сейчасъ же отошедшихъ по знаку Беренса къ порогу. На выхоленномъ лицѣ Стрѣльбицкаго, съ слишкомъ красной кожей, не успѣвшей еще посѣрѣть отъ тюрьмы, и рыжеватыми рѣдкими волосами, лежало испуганное, недоумѣвающее выраженіе. Беренсъ допрашивалъ его утромъ въ правленіи и вновь требовалъ уже въ тюрьму. Войдя, Стрѣльбицкій не

смотрѣлъ комнаты и даже не увидѣлъ Анны Семеновны. И та безошибочно оняла, какъ тяжело гнететъ его Беренсъ и какъ сильно овладѣлъ слабѣющей волей Стрѣльбицкаго подлый страхъ, который заставляетъ человѣка даваться до битвы.

— Зачѣмъ вы меня звали?

Беренсъ показалъ рукой на Анну Семеновну.

— Вотъ желаютъ васъ видѣть.

Потомъ положилъ часы на столъ, вынулъ пилочку для ногтей и какъ-удто совершенно пересталъ обращать вниманіе на разговаривающихъ. Но а самомъ дѣлѣ выраженіе ихъ лицъ, глазъ, звуковъ голосовъ ложились а его сознаніе, какъ печать на мягкій воскъ, и какъ для скульптора въ ѣмомъ кускѣ мрамора оживаютъ формы, такъ вставали, оживали, сплетаись и развертывались передъ Беренсомъ событія, одѣвались плотью и ровью... Сомнѣній не было. Онъ стоялъ на вѣрномъ пути... Онъ слышалъ, акъ ободряюще-звонко и нѣжно смѣялась Анна Семеновна, а глаза ея метали скры, укоряли, какъ отходило, измѣнялось, воскресало лицо Стрѣльбицкаго, зарялось выраженіемъ спокойствія и независимости. Онъ даже не удержался и улыбнулся, когда Анна Семеновна, продолжая легкую, пустую болтовню, произнесла: „Какія новости? Пустяки все. Вотъ Таня пишетъ, что цвѣты въ Петербургѣ очень дороги. Въ особенности дороги фіалки".

Взглядами, условными, пустыми, но многозначительными, въ сущности, ловами Анна Семеновна сказала Стрѣльбицкому все. Бояться нечего. Никто еще не открытъ. Тотъ, кто былъ для нихъ самымъ главнымъ, въ безопасности, за границей, хотя послѣднее дѣло было не изъ удачныхъ. Есть другое... Весной необходимо сговориться. Надо твердо стоять на своемъ. Все цѣло... Всѣхъ подробностей Беренсъ не понялъ, но общій смыслъ былъ ему совершенно ясенъ. Въ своей мускулистой, тонкой рукѣ онъ уже держалъ желѣзное кольцо, уцѣпившись за него безповоротно и крѣпко.

Полчаса прошло. Беренсъ всталъ, незамѣтно потянулся и, вѣжливо поклонившись Аннѣ Семеновнѣ, произнесъ:

— Время свиданія прошло.

Они молча вышли изъ тюрьмы. Снѣгъ синѣлъ, покрывался тѣнями близкой ночи, кроваво-огненными облачками горѣлъ закатъ, гасли и уходили одинъ за другимъ его отраженія въ окнахъ; воздухъ струился зеленоватымъ холодкомъ, крѣпчалъ морозъ, хрустѣли сани по оттаявшимъ днемъ и вновь замерзшимъ колеямъ и огоньки фонарей вспыхивали ярко-оранжевымъ пламенемъ. На поворотѣ лошадь взяла такъ круто, что Анна Семеновна едва не вывалилась. Беренсъ машинально схватилъ ее за талію—и это прикосновеніе, когда мгновеніе опасности миновало, наполнило его существо

жгучимъ ощущеніемъ. Словно прилила тяжелая волна съ нестерпимой мукой ожиданія, боли и наслажденія и перекатилась по его тѣлу отъ затылка до кончика холодѣющихъ пальцевъ на ногахъ. Кровь мѣрно и глухо стучала въ его виски—и всякій ударъ обливалъ его дрожью, легкой судорогой сводило щеки, и какъ будто говорилъ: „Это будетъ, это будетъ... И то, другое, страшное, будетъ, будетъ...“ Тяжело дыша, онъ взглянулъ на Анну Семеновну. Она отвѣтила ему нѣжнымъ, печальнымъ взглядомъ, свѣтящимся любовью... Глубокая, отвѣтная нѣжность, проникающая жалость охватила его... Онъ обнялъ ее тѣснѣй.

— Поѣдемъ, прокатимся,—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ. И, не дожидаясь отвѣта, крикнулъ:

— За рѣку!

Совсѣмъ стемнѣло. Въ беззвучной пляскѣ, словно корчась въ припадкахъ неудержимаго смѣха, сплетались тѣни на стѣнахъ и троттуарахъ. Дома свѣтились тайнами чужихъ жизней. Мѣсяцъ былъ молодой, недавно рожденный, и въ полѣ видно было, что онъ розоватый, что отъ него весь вечеръ, напоенный непередаваемой свѣжестью молодого снѣга, становится розоватымъ, предвесеннимъ.

На рѣкѣ стояла тишина. Убитая темнѣющая дорога переплелась съ узенькой тропой, съ слабо наѣзженными, рыхлыми колеями. Поѣхали по ней, пересѣкли рѣку. Въ голыхъ развѣсистыхъ деревьяхъ уже смутно чувствовалось приближеніе весенней жизни. Лѣсной глушью вѣяло отъ узкой дорожки. Когда деревья разступались, видна была бѣлѣвшая пустыня снѣговъ на рѣкѣ, рѣзко отдѣлявшаяся отъ прозрачно-темнаго неба. И ярко прорѣзывались голубые, высокіе огни заводовъ и мельницъ. Снѣгъ, подернутый блестящимъ и хрустѣвшимъ настомъ, приникъ къ землѣ. Чувствовалось, что тамъ, въ глубинѣ, онъ уже теплѣетъ и невидимо таетъ. За голубыми огнями расплывалось тусклое, огромное, желтое пятно. Это былъ городъ... Неутомимая, непрестанная, недремлющая шла тамъ борьба однихъ съ другими. Человѣческія существа слѣдили за подобными себѣ, какъ за лучшей, отборной добычей, окружали кольцами, устраивали засады, накидывали сѣти и злорадно смѣялись, видя, какъ чья-нибудь жизнь бьется въ судорогахъ, какъ соперникъ, уже достигавшій вершинъ своихъ желаній, сраженный тяжкимъ ударомъ, сваливается внизъ. И люди потому только не кричали громко отъ ужаса, что не понимали совершающагося кругомъ.

Ночь наливалась ѣдкимъ холодкомъ. Заходящій мѣсяцъ низко и воздушно висѣлъ среди переплетающихся голыхъ, черныхъ вѣтвей. И зеленоватая, большая звѣзда надъ нимъ свѣтила нестерпимо ярко ледяными, брилліантовыми лучами. Нѣкоторое время ѣхали молча. Рука Беренса ослабѣла,

ютеряла свою упругость и живую теплоту. И вдругъ онъ сказалъ вкрадшво и осторожно:

— А вы, какъ видно, изучали современныя движенія? Помните нашъ едавній разговоръ о насиліи?

Анна Семеновна не удивилась и отвѣтила яснымъ, задумчивымъ голосомъ, такъ сильно идущимъ къ тишинѣ и холодку ночи и къ брилліановому сверканію звѣздъ:

— Да! Я много читала. Много думала.

— И многихъ встрѣчали, быть можетъ, и на своемъ пути?

— Да. У меня была подруга. Ее называли анархисткой, хотя она мѣялась много разъ надъ этимъ. Говорила, что дѣло не въ названіяхъ, что ще съ ранняго дѣтства ломала руки отъ ужаса и отчаянія и выла, какъ вѣренокъ, когда видѣла какое-нибудь насиліе или читала о немъ, что понимаетъ борьбу, но только чистую, лицомъ къ лицу...

— Я понимаю борьбу, когда есть надежда на побѣду... но такъ, гмм... е знаю...—сказалъ Беренсъ, и въ его словахъ была какая-то особая мягкость.

Анна Семеновна, улыбаясь, взглянула въ лицо Беренса. Какъ азартному гроку, ей хотѣлось выбросить большую и рискованную карту. Онъ спрашиваетъ о принципіальныхъ вопросахъ, — ее, недавно кончившую гимназисточку, массажистку, хочетъ поймать на необыкновенномъ для заурядной дѣвицы тонѣ и мысляхъ. Пусть. Она будетъ сама собой, покажетъ му, что онъ съ ея подходами ничуть ей не страшенъ. Все-таки она слегка держалась и тихо возразила:

— Всегда есть надежда на побѣду тамъ, гдѣ есть вѣра... И развѣ не ожетъ человѣкъ чувствовать такъ: ,хочу погибнуть за будущее, хочу отать свою жизнь...

— А изъ какой она была семьи?

— Изъ дворянской, помѣщичьей, дочь крупнаго чиновника. Говорила, то ложь, которой насквозь пропитана была ея семья, жестокость ея и безэрдечіе подъ лоскомъ безукоризненной вѣжливости и дали первый толокъ ея взглядамъ.

— Конечно, и относительно любви она проповѣдывала полную свободу?

— Какое же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе? Она говорила—и правду зворила,—что при свободной любви исчезло бы такое количество лжи, приворства, принужденія, задушенныхъ желаній, подлыхъ заѣданій жизни и одлыхъ убійствъ, что жизнь сразу сдѣлалась бы во сто кратъ красивѣй, ище, святѣй...

— Гмм... Даже святѣй? А что, вообще, свято?

— Человѣкъ и его желанія и красота...

— Мнѣ очень интересно узнать, какъ относилась ваша подруга къ во
просу о дѣтяхъ. Иль объ этомъ не было разговора? Знаете, иногда поступк
людей далеко опережаютъ тотъ строй, въ которомъ они живутъ, выражаяс
модно. И тогда получаются вещи—(хочу выразиться вашимъ терминомъ)—не
красивыя...

— Она говорила и объ этомъ. Говорила, что никогда не исчезнетъ
женщинъ страстное стремленіе имѣть дѣтей отъ любимаго человѣка, у чело
вѣчества—стремленіе жить въ своихъ отпрыскахъ. Теперь, впрочемъ,—гово
рила она,—не такое время, чтобы имѣть дѣтей. И если-бы я не была така
счастливая, что у меня нѣтъ дѣтей, я бы принимала всѣ мѣры, чтобы их
не было.

— Значитъ, она имѣла случай убѣдиться въ томъ, что у нея не мо
жетъ быть дѣтей?

— Навѣрное...

— А гдѣ же теперь эта подруга?

Въ голосѣ Беренса звучало равнодушіе, но для настороженнаго уха в
немъ сверкнуло острое и длинное лезвіе ножа, вскрывающее мозгъ
проникающее въ глубину сердца.

— О, ея уже нѣтъ въ живыхъ! Она и не хотѣла долго жить. Смерть... Но
вѣдь, она прекрасна! Неужели вы не знаете, что только смертью освящается вс
жизнь человѣка, что она—единственное оправданіе, единственное примиреніе
Не будь смерти, въ человѣческой жизни не было-бы ничего истинно-прекраснаго
Подумайте, что, если-бы Ромео и Джульетта дожили до глубокой старости? Он
всегда говорила: можно жить только молодымъ и красивымъ. И сильнымъ, по
тому что сила—красота. Ужасно дожить до старости, до немощей, до того, чтоб
жизнь, какъ скользкій камень, вырвалась бы изъ-подъ ногъ и ушла бы к
другимъ, дожить до униженія самообмана. И я, я съ ней согласна. Ахъ
какой она была свободный, счастливый человѣкъ. Иногда весной—мы жил
какъ-то на дачѣ вмѣстѣ—она вскакивала утромъ съ постели, вся свѣтла
вся розовая, смѣялась, плескалась въ водѣ, кричала: „Какіе люди глупые
жадные, несчастные! Почему они не бросаютъ своей постылой работы? Вѣч
наго произведенія вещей, безъ которыхъ вполнѣ можно обойтись? Почему
они не сплетаются въ хороводы около озеръ и водъ, не славятъ весну, мо
лодость и красоту? Вѣдь, человѣчество рождено для счастья среди цвѣту
щихъ, благоухающихъ садовъ".

— А отчего она умерла?

— Ее повѣсили...

Беренсъ быстро обернулся и взглянулъ въ лицо дѣвушки. Сквозь су
мракъ, неясно обрисовываясь новымъ, страннымъ выраженіемъ, глянули н
него темные глаза. Свѣтлѣлъ овалъ лица и ярко отдѣлялась влажная по

лоска зубовъ. Губы усмѣхались властнымъ, гордымъ призывомъ. Туманное облако, въ которомъ словно всплывало и приближалось лицо Анны Семеновны, пронеслось передъ глазами Беренса. Онъ рѣзко повернулся въ саняхъ, сжалъ дѣвушку дрожащими, сильными руками и жадно, тяжело дыша, началъ цѣловать ее безконечными, мучительными поцѣлуями. Онъ словно отдавалъ ей себя и взамѣнъ хотѣлъ вобрать въ себя, растворить, поработить ея существо въ пьющихъ, похожихъ на пытку поцѣлуяхъ. Глаза ихъ погружались другъ въ друга острымъ, опьяняющимъ прикосновеніемъ. И когда Беренсъ ослабѣвалъ, гордыя, упругія губы прикасались къ его виску обжигающимъ, острымъ, какъ уколъ, прикосновеніемъ. Дрожалъ пронзительный, брилліантовый блескъ звѣздъ, скрипѣлъ снѣгъ, сквозь просвѣты неожиданно и ослѣпительно вспыхивали высокіе, голубые огни. Въ лѣсной чащѣ изрѣдка съ легкимъ хрустомъ обламывались и падали вѣтки... Потерялось сознаніе мѣста, времени.

— Назадъ прикажете?—спросилъ кучеръ, и, не сразу понимая, что онъ говоритъ, Беренсъ отвѣтилъ хриплымъ, пересѣкающимся голосомъ:

— Назадъ!

Опять сверканіе звѣздъ, пустынность и вѣтерокъ на рѣкѣ, тусклое зарево дымнаго города, сотни живыхъ, желтоватыхъ огней, сплетавшихся въ ожерелья и гирлянды.

— Отпусти лошадь. Пойдемъ пѣшкомъ,—шепнула Анна Семеновна.

Беренсъ на секунду очнулся, затаенная опасность, блескъ гдѣ-то спрятаннаго жала почудился ему въ этой фразѣ, но воля его ослабѣла. Шумныя волны перекатывались по его тѣлу, перехлестывали черезъ голову. Страшно и мучительно сладко было отдаваться имъ. И порабощенный мозгъ услужливо и быстро подсказалъ: „въ рѣшительную минуту ты всегда овладѣешь собой“.

Пошли пѣшкомъ на рѣдко посѣщаемое зимой, но все же расчищенное, гулянье... Аллеи кругло подстриженныхъ акацій, покрытые иглистымъ инеемъ, бѣлизна, твердость убитыхъ дорожекъ... Они ходили взадъ и впередъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, безумно-счастливо чувствуя свою оторванность отъ всѣхъ людей. Говорили отдѣльными словами, понимая другъ друга съ полуслова. И съ сладкимъ удивленіемъ, словно открывая новые міры, видѣли, что ни одно движеніе, ни одно слово каждаго изъ нихъ не пропало даромъ для другого.

— Какъ мнѣ тогда надоѣлъ этотъ длинный членъ палаты на маскарадѣ.

— Но, вѣдь, онъ не узналъ тебя?

— Да...

— А я узналъ сразу, какъ только ты положила руку на мой рукавъ.

— А самъ продолжалъ стоять съ толстой Филипповой.

— Ты сейчасъ же ушла. Съумѣла какъ-то отдѣлаться отъ Княжецкаго...

— Ахъ, я сказала ему ужасную непріятность по поводу послѣдняго дѣла, въ которомъ онъ участвовалъ. А ты сдѣлалъ такіе выразительные глаза Климову. Онъ сейчасъ же подошелъ. Что ты ему шепнулъ? Что маска очень интересная?

— Да! Сплавилъ ее...

Они расхохотались, какъ дѣти. Хотѣлось взяться за руки и побѣжать. Потомъ сѣли на скамейку... И снова начали цѣловаться жадными, втягивающими, мучительными поцѣлуями. Кромѣ нихъ, не было ничего. И они были особенные. Они забыли о всемъ страшномъ, противоестественномъ, о молчаливомъ качаніи маятника, приближавшаго ихъ къ неизбѣжному. И въ нихъ не родилось ни одной мысли, которая не была бы лаской.

— Идемъ ко мнѣ!—прошептала Анна Семеновна... Они двигались, какъ въ гипнозѣ, мѣшая другъ другу идти прижимающимися, напряженными, горячими тѣлами.

Анна Семеновна отперла дверь своимъ ключомъ и положила его опять въ карманъ. То, что въ дверяхъ дома пришлось оставить руку Анны Семеновны, ярко вспыхнувшій язычекъ газа на лѣстницѣ,—все это отрезвило Беренса. Онъ вынулъ невѣрными руками портъ-сигаръ, закурилъ, вскинулъ пенснэ. Голосъ его опять пріобрѣлъ ровный и мелодичный звукъ сталкивающихся стеклянныхъ шариковъ.

И Анна Семеновна сдѣлалась волшебно-другая. Холодный сарказмъ засвѣтился въ ея глазахъ, въ насмѣшливо сложенныхъ, усталыхъ отъ поцѣлуевъ, губахъ...

— Славная квартирка!—сказалъ Беренсъ, избѣгая употреблять мѣстоименія.—Рѣдко удается нанять такую хорошенькую отдѣльную квартирку, да еще почти на главной улицѣ.

Анна Семеновна опять чиркнула спичкой и зажгла свѣчу въ тонкомъ дорожномъ подсвѣчникѣ. Лицо ея дышало безпощадной насмѣшкой.

— Вотъ не угодно-ли! Осмотрите топографію мѣстности. Не стѣсняйтесь. Вѣдь, это только въ романахъ новыхъ и старыхъ пріѣзжаетъ на лѣто герой и съ мѣста въ карьеръ начинаетъ проповѣдь. Или является барышня. Не барышня, а лучъ солнца. А на самомъ дѣлѣ преобладающей мыслью у неземныхъ созданій, когда онѣ куда-нибудь пріѣзжаютъ, является желаніе познакомиться съ топографіей мѣстности, но такъ, чтобы кавалеры продолжали думать, что онѣ—ангелы, питающіеся амброзіей и нектаромъ, а мужчины прежде всего и сильнѣе всего думаютъ о томъ, какъ бы устроить свои любовныя дѣлишки по возможности удобно, пріятно и безопасно.

Беренсъ смотрѣлъ въ лицо Анны Семеновны,—новое, недружелюбное, струившееся злой насмѣшкой.

Вдругъ онъ густо покраснѣлъ и все въ немъ сотряслось отъ желанія отвѣтить на ударъ самымъ ядовитымъ, самымъ унижающимъ образомъ.

— Полагать надо, у васъ имѣется огромная опытность?—промолвилъ онъ, и гораздо больше, чѣмъ слова, оскорбительно было ихъ выраженіе, презрительная улыбка и взглядъ поверхъ головы, какимъ мужчины обыкновенно глядятъ на продажныхъ женщинъ низшаго разбора. Анна Семеновна продолжала смотрѣть ему прямо въ лицо—и губы ея кривились отъ еле сдерживаемой усмѣшки.

— То-есть, вы хотите знать, былъ ли у меня любовникъ? Успокойтесь, былъ!.. Возьмите же свѣчу. Не заставляйте меня держать ее передъ вами...

Беренсъ насмѣшливо наклонилъ голову, щелкнулъ шпорами и взялъ осторожно подсвѣчникъ изъ рукъ дѣвушки. Онъ и на самомъ дѣлѣ обошелъ всю квартирку Анны Семеновны. Было четыре небольшихъ комнаты, кухня, два корридорчика. Беренсъ отмѣтилъ, что все это меблировано изящно, со вкусомъ и не дешево. Изъ корридорчика онъ зашелъ въ боковую комнату,—спальню Анны Семеновны. На туалетѣ, голубомъ съ пышными, вышитыми оборками, лежалъ конвертъ. Беренсъ взглянулъ на почеркъ. Острая струйка неожиданнаго и шальнаго счастья, какъ у игрока, взявшаго огромную ставку, заставила его вздохнуть глубоко, всей грудью. Почеркъ на конвертѣ былъ тотъ-же самый, которымъ написано было письмо, полученное не такъ давно Стрѣльбицкимъ. Но это не былъ почеркъ Тани. Его Беренсъ тоже зналъ. Хищнымъ, почти мимовольнымъ движеніемъ онъ схватилъ письмо и опустилъ его въ карманъ. Потомъ Беренсъ присѣлъ на низкую, драпированную табуреточку, опустилъ голову, закрылъ глаза руками и задумался. Вихри мыслей, наплывъ противоположныхъ чувствъ сталкивались и разбивались въ его душѣ на тысячи неуловимыхъ брызгъ... И едва онъ хотѣлъ остановиться на чемъ-нибудь вновь,—приносились волны мыслей и настроеній; все заливалось томительнымъ трепетомъ тѣла и жаждой близости Анны Семеновны. Всплескивали и уходили приступы нѣжной, рыдающей жалости къ ней, и хотя онъ пугливо отходилъ отъ главнаго, непоколебимаго, что было въ его душѣ,—все же зналъ, что онъ не пожалѣетъ ее, а станетъ ногами на ея грудь и счастливъ будетъ, когда встанетъ, а она—теперь такая свободная, гордая, безумно-дерзкая—будетъ биться внизу покоренная, смятая, уничтоженная... Беренсъ снялъ локоть со столика, глубоко передохнулъ и пошелъ въ гостиную. Анна Семеновна неподвижно сидѣла на томъ же мѣстѣ, вся блѣдная, съ вытянутыми и брошенными внизъ, какъ сломанныя лиліи, точеными, тонкими руками. Тоска, покорность, тихій отблескъ какого-то тайнаго ужаса, страстное всепоглощающее стремленіе, само-

забвенная любовь лежали на ея лицѣ, дѣлали его необыкновеннымъ, дивно-прекраснымъ. Необыкновенной и какъ будто уплывающей въ слабомъ, бьющемся свѣтѣ была и вся комната, длинныя, узкія окна подъ бѣлымъ кружевомъ, голубѣющія портьеры, пестрый и мягкій коверъ. И земля, казалось, подымалась и опускалась плавными и каждый разъ неожиданными колебаніями.

Беренсъ подошелъ ближе, сѣлъ рядомъ въ глубокое кресло. И оно приподымалось и опускалось, какъ все кругомъ. Анна Семеновна взмахнула на Беренса забывшимися, влажными глазами и движеніемъ, полнымъ нѣги и отдающейся, тоскующей любви, сняла съ него пенснэ. Не было ничего на свѣтѣ, кромѣ пристывшихъ другъ къ другу, широко раскрытыхъ, говорящихъ яснѣе, чѣмъ всѣ слова въ мірѣ, влюбленныхъ глазъ. Тишина текла и каждая секунда пронзала сердце острымъ, стальнымъ холодкомъ, какъ будто болѣзненно и звучно скатывалась въ самую середину его. И какъ влекомая не своей волей, какъ во снѣ, Анна Семеновна придвинулась къ Беренсу. Руки ея обвились кругомъ его шеи, щекой она прижалась до боли къ его лицу—и отчаяннымъ рыданіемъ, крикомъ, переходящимъ въ шопотъ, вырвались у нея слова:

— Если бы ты былъ другой!.. Если бы ты могъ стать другимъ!..

Беренсъ схватилъ ея тѣло, забирая его въ могучемъ, раздавливающемъ объятіи, и, цѣлуя изступленно ея губы, корни ея волосъ тамъ, гдѣ они завивались золотистыми колечками, ея бѣлую, безсильно откинутую, тонкую шею, онъ шепталъ, шепталъ, какъ сумасшедшій:

— Не говори, не надо. Этого не можетъ быть... Не говори... Потому что я тебя люблю... люблю... Не говори...

Онъ замолчалъ. Анна Семеновна неожиданно почувствовала себя свободной и съ тревогой взглянула въ лицо Беренса. Оно, словно облакомъ, покрыто было жесткимъ выраженіемъ оскорбительной, злой ревности.

— Простите,—промолвилъ онъ, отвѣчая на нѣмой, испуганный вопросъ, загорѣвшійся въ глазахъ дѣвушки.—Я вспомнилъ... вспомнилъ то, что вы мнѣ только что сказали о себѣ.

Тѣнь испуга сбѣжала съ лица Анны Семеновны. Она улыбнулась. Сверкнула влажная полоска остро-вырѣзанныхъ зубовъ. И, властно обнявъ Беренса, она заговорила вполголоса, ласкающе, съ нѣжными, какъ звукъ арфы, пѣвучими переливами.

— О, какъ смѣшно! А развѣ ты не любилъ кого-нибудь раньше меня? А я даже и не любила. Мнѣ было почти все равно. И когда я тебя увидала, я начала какъ будто жалѣть о томъ, что было, что ты—не первый... Ты знаешь, я никогда ни о чемъ не жалѣю... И перестала! Развѣ я люблю тебя отъ этого меньше? Развѣ не трепетало во мнѣ все, когда ты только шелъ мимо? Смѣшные люди! Какъ они тянутся за прошлымъ. Вѣдь, прошлое прошло.

А тебѣ то, что я едва помню, наноситъ рану... Не думай... Я, вѣдь, не спрашиваю, кто ты. Любилъ-ли ты кого нибудь?.. Я только знаю, что когда гляжу на тебя, я нѣмѣю, пропадаю... Нѣтъ, я живу! Я испытываю такое счастье... Изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ милліоновъ разнообразныхъ формъ я знаю, что ты—одинъ, я знаю, что никогда, никогда я не буду знать такого счастья, какъ теперь! Помнишь, ты танцовалъ со мною въ первый разъ? И немного долго задержалъ мою руку? И посмотрѣлъ на меня?.. И этотъ взглядъ былъ, какъ острое блаженство. Онъ меня всю наполнилъ. Я тогда знала, что это будетъ, что это случится. И вотъ я жила безъ тебя, но съ тобою, вся отравленная ненавистью и любовью.

— И ненавистью?—передохнулъ Беренсъ.

— И ненавистью. Развѣ я могу сказать тебѣ неправду? Вотъ вся моя душа раскрыта передъ тобой. Ты мое счастье, мое счастье... Это тебя я видѣла во снѣ... О тебѣ плакала весенними вечерами...

— Говори, говори... Я никогда не слыхалъ...

Но Анна Семеновна замолчала. И только ея притягивающіе глаза звали къ себѣ, втягивали, поглощали глаза Беренса.

И уже невыносимо было преодолѣвать жгучій порывъ тѣла и слушать дальше, какъ тишина падаетъ звучными, пронизывающими все существо, горящими каплями. Беренсъ всталъ. Полъ плылъ у него подъ ногами. Онъ шелъ, какъ во снѣ, больше всего боясь уронить дѣвушку, лежащую у него на рукахъ, какъ только что сорванный цвѣтокъ съ длиннымъ, гибкимъ стеблемъ. Въ спальнѣ, чуть освѣщенной забытой свѣчой, Анна Семеновна выскользнула изъ объятій Беренса и, смѣясь переливающимся, замирающимъ смѣхомъ, быстро зажгла лампу на кругломъ столѣ. Еще двѣ свѣчи на туалетномъ.

— Больше свѣта... больше свѣта... Я хочу видѣть тебя всегда, каждую минуту, каждую секунду.

Беренсъ медленно трезвѣлъ. И первое, что онъ почувствовалъ,—были головная боль и чувство разбитости и усталости во всемъ тѣлѣ. Понемногу изъ одуряющаго горячаго тумана вышли, разсѣивая его, опредѣленныя, рѣзкія представленія... Онъ не зналъ, который часъ. А въ девять ему необходимо было быть въ правленіи... Рука Анны Семеновны, прелестная, изваянная рука лежала на его груди. Она не была ему непріятна, но онъ уже не ощущалъ прилива счастья отъ этого прикосновенія. Надвигалось другое, болѣе страшное, чѣмъ онъ долженъ былъ пережить въ эту ночь. Но ему не было страшно. Хищное, веселое чувство наполняло его члены, голова прояснялась, переставала болѣть. Онъ ощущалъ настойчивое желаніе встать, расправить тѣло, дѣйствовать, дѣйствовать увѣренно, красиво, безпощадно.

Ясно всплыла въ мозгу опредѣленная мысль. Онъ арестуетъ ее не дальше, какъ нынче передъ утромъ. Предложитъ ей выдать остальныхъ. О, сколько народу поймано, благодаря предательству женщинъ! Онъ убѣдитъ ее остаться въ организаціи. Задору въ ней много, но онъ усмиритъ ее скоро. Такая красавица, такая упоительная любовница! Ну, что жъ? Онъ будетъ видѣть ее въ кабинетѣ. И она будетъ тамъ его. При мысли, какъ она будетъ подыматься съ дивана униженная, покоренная, запачканная душой и тѣломъ, Беренсъ почувствовалъ то острое, сладострастное презрѣніе, которое онъ испытывалъ къ отдавшимся ему женщинамъ. Вотъ когда она вспомнитъ про свою дерзость, про то, что все дорого. И дороже всего фіалки...

Золотистая голова Анны Семеновны лежала на плечѣ Беренса. Она полна была любви, полна благодарности. А тревога, безумное томленіе минуты рѣшенія, проникшія въ ея сознаніе вмѣстѣ съ безучастіемъ лежащаго около нея, такого близкаго и такого далекаго тѣла,—росли, надвигались. Она знала, что должна сдѣлать, что сдѣлаетъ. Въ ней не было колебанія. Было лишь смутное желаніе на секунду, на невѣсомое, безконечно малое время отдалить рѣшительную минуту, начало, послѣ котораго не было возврата. Она знала, что кто не беретъ отъ жизни наслажденія, тому жизнь его не даетъ. Кто не побѣждаетъ въ борьбѣ, тотъ падаетъ. И, словно отряхивая несбыточный, радужный сонъ, она провела рукой по глазамъ. Изъ-подъ рѣсницъ зрачки ея сверкнули, какъ зарницы. Беренсъ глядѣлъ впередъ. И по лицу она ясно прочитала всѣ его мысли. Какъ уколотая, слегка приподнялась она и посмотрѣла на туалетный столикъ. Синяго конверта около зеркала больше не было. Синій конвертъ лежалъ въ карманѣ сюртука, небрежно брошенаго на спинку низенькаго, мягкаго стула. Она нарочно вынула изъ потайного мѣста этотъ конвертъ и положила его передъ зеркаломъ, искушая судьбу. И если бы Беренсъ не взялъ его,—кто знаетъ, какъ бы это подѣйствовало на нее. О, хорошо, хорошо, что онъ его взялъ!

Безумная тоска о томъ, чего теперь не можетъ быть, чего, быть можетъ, никогда не будетъ, о времени, когда сольются въ одно всѣ враждующіе, когда исчезнутъ съ земли принужденіе и насиліе и борьба будетъ вестись только противъ нелѣпаго міозданія—тоска о томъ времени, въ которое Анна Семеновна вѣрила, охватила ея душу. Съ еле удерживаемымъ крикомъ отчаянія она обняла Беренса, прижимаясь къ нему всей силой. Она цѣловала его губы, глаза, его руки съ длинными, гладкими пальцами. И въ первый разъ, называя Беренса по имени, она шептала разрывающимся отъ тоски и любви голосомъ:

— Дмитрій мой... Дмитрій мой... Дмитрій...

Беренсъ не понималъ ея настроенія. Онъ былъ тронутъ и въ немъ снова зажглось желаніе этого влюбленнаго, горящаго, прекраснаго тѣла.

— Какъ ты утомила меня,—сказалъ онъ, нервно зѣвая и вытягиваясь всѣмъ тѣломъ.—Ахъ, ты... И голова болитъ такъ страшно... А только что я чувствовалъ себя прекрасно...

Анна Семеновна одѣвалась. Приколола гребенки. Надѣла часы. Лицо ея было по-дѣтски оживленно, шаловливо. Она безошибочно знала, что нужно сдѣлать именно такое лицо. Тѣло ея какъ будто обвѣвалъ освѣжающій, холодный вѣтеръ. Ко всѣмъ членамъ приливала крѣпость и готовность на головокружительную, сверхчеловѣческую работу. Она одѣвалась быстро, ловко, красивыми, точными движеніями. Глаза ея лукаво искрились. Улыбка подчеркивала и освѣщала слова. И чудесный и ледяной ужасъ сковывалъ и отпускалъ душу. Колебались мирными движеніями вѣсы. Въ чашкахъ лежали жизнь и смерть. И онѣ казались ей одинаково прекрасными. Голова работала съ поразительной ясностью, отъ которой въ груди становилось холодно и тѣсно.

— Пусть мальчикъ полежитъ, заснетъ немного... Я дамъ ему лекарство... Спою пѣсенку... У меня у самой болитъ голова... Право! Вотъ, ей-Богу—ужасно! Вѣдь, это все-таки хорошо, что у мальчика болитъ голова. Значитъ, она у него есть. И она есть... хорошая, свѣтлая голова... За что-то я ее люблю. А казалось бы—не за что... Пока до свиданія... Сейчасъ вернусь.

Она сдѣлала граціозный, подчеркнутый реверансъ.

Беренсъ почти засыпалъ. И лѣниво, но все же съ удовольствіемъ подумалъ, какъ много въ Аннѣ Семеновнѣ огня, какъ похожа она на француженку и, между тѣмъ, къ сожалѣнію, на всѣхъ женщинъ вообще, покоренныхъ, отуманенныхъ, отдающихся во власть мужчины послѣ перваго же схожденія съ нимъ. А ея слова: „если бы ты былъ другой?“ Пустое, фразы... Дѣтскій пискъ высокоумной мыши въ клѣткѣ.

И то, что думалъ Беренсъ, было такъ ясно, такъ понятно Аннѣ Семеновнѣ и такъ вдругъ ей захотѣлось захохотать, грубо, нагло захохотать. „О, да, конечно, конечно, любезный полковникъ, я выдамъ вамъ всѣхъ, посвящу во всѣ тайны, привлеку въ ваши сѣти самыхъ выдающихся, самыхъ выигрышныхъ“.

Безумный порывъ ненависти и отвращенія какъ будто пахнулъ на нее горячимъ вихремъ. Ея собственное стройное, тонкое тѣло показалось ей отяжелѣвшимъ, безнадежно запачканнымъ. Охъ, если-бы можно было броситься на него вотъ сейчасъ и задушить руками. Крѣпко сжала она зубы.

„Ну, не распускаться, ну, молчать!—безъ словъ кричала она на самое себя.—Ты такъ хотѣла. Ты сдѣлала. Это хорошо! Думай о другомъ! О томъ, что на очереди“.

Улыбка сошла съ лица Анны Семеновны. Глаза смотрѣли остро и на-

пряженно на поблѣднѣвшемъ, сразу постарѣвшемъ лицѣ. Быстрыми, безшумными движеніями она прошла въ свой кабинетъ. Взять изъ кипы бумагъ и положить въ карманъ револьверъ, плоскій, милый револьверъ, на который она часто смотрѣла, какъ на лучшаго и единственнаго друга,—было дѣломъ секунды. Съ нимъ стало увѣреннѣе и теплѣе. Изъ двойного дна ящика съ инструментами она вынула двѣ стеклянныхъ, запаянныхъ трубочки. Нѣсколько штукъ ихъ еще осталось. Она внимательно посмотрѣла на вынутыя, разбила стекло, достала узенькіе кристаллики, быстро поставила ихъ въ капсюли, засыпала пространство между кристалликами и прозрачной стѣнкой капсюль бѣлымъ, блестящимъ порошкомъ. Посмотрѣла на свѣтъ. Ничего не было замѣтно... Если онъ откажется, она убьетъ его изъ револьвера. Если не удастся: онъ успѣетъ крикнуть, позвать кого-нибудь,—она проглотитъ другой капсюль, тщательно спрятанный на груди въ плоской кожаной коробочкѣ. Короткими обжигающими всплесками проносились быстрыя мысли. „Бѣжать немедленно. Она должна взять, прочесть и уничтожить всѣ его бумаги. Взять револьверъ. Деньги? Взять и ихъ... это орудіе борьбы. На парадныхъ и черныхъ дверяхъ для паціентовъ и прислуги приклеить объявленіе о двухнедѣльной отлучкѣ. Сутки—полторы у нея въ запасѣ. Остричь волосы, выкрасить брови. Черный парикъ. Къ утру въ N. Тамъ скрещеніе. Пересядетъ. Перегримироваться сразу. Черезъ сутки въ Херсонѣ. Тамъ товарищи. Купить въ N подушку и корзинку. Маленькій чемоданчикъ и подушку взять съ собой. Донести его до извозчика... Не волноваться, не торопиться".

Быстрыми и какъ будто ломающимися въ сдерживаемомъ ужасѣ движеніями она набила еще капсюль однимъ блестящимъ порошкомъ, положила оба въ коробочку, налила стаканъ воды и пошла въ спальню, крѣпко сжавъ зубы, чтобы они не стукнули. И въ холодѣ нетопленныхъ съ утра комнатъ она слышала за собой вѣяніе неумолимой, ледяной смерти...

Беренсъ все еще лежалъ, и по его лицу она видѣла, что онъ еще не отдохнулъ и хочетъ, но не можетъ встать.

— Ну, вотъ лекарство. Пусть мальчикъ приметъ. И я.

И, состроивъ гримаску отвращенія, Анна Семеновна положила на губы рѣзко отличавшійся цвѣтомъ отъ блѣднаго лица бѣлый, липкій капсюль и запила его водой.

— Это что?—спросилъ Беренсъ отрывисто.

— Это аспиринъ...

Двумя пальчиками она взяла оставшійся капсюль и поднесла къ губамъ Беренса.

— Ну, скорѣй!—говорила она.—Хорошій мальчикъ!..

И голосъ ея не дрожалъ. Глаза смотрѣли шаловливо и влюбленно.

Извѣчное, темное, какъ ночь, подозрѣніе встало въ мозгу Беренса. Затылокъ у него опять болѣлъ тягучей, тупой болью, глаза ломило. Онъ всегда принималъ аспиринъ въ эти моменты нервной усталости. Но можно это сдѣлать дома... И тѣмъ же темнымъ чутьемъ Анна Семеновна поняла, какъ нужно дѣйствовать, какъ напрячь послѣднія судорожныя усилія. Коробочку съ капсюлемъ и воду она поставила на столикѣ около кровати, опустилась на колѣни передъ Беренсомъ, отыскала мѣстечко, гдѣ рубашка, которую онъ успѣлъ надѣть, расходилась вырѣзомъ, и прижалась губами къ его тѣлу. Въ немъ,—она знала,—не было желанія къ ней, ничего, кромѣ усталости и жажды перемѣны. И то, что она такъ униженно, такъ нѣжно цѣлуетъ его равнодушное къ ней тѣло и, цѣлуя, не можетъ не понять, что оно равнодушно,—обмануло Беренса. Расплылся, исчезъ образъ дерзкой, опасной дѣвушки, которую слѣдовало побѣдить какой бы то ни было цѣной. Осталась только рабски влюбленная, обезличенная женщина, покоренная, какъ милліоны другихъ женщинъ, готовая для своего самца на всѣ жертвы униженія... И тогда, какъ будто повинуясь чьей-то чужой волѣ, Беренсъ взялъ капсюль и проглотилъ его. Стаканъ стукнулъ о столъ. Анна Семеновна поднялась. И, опустивъ глаза, чтобы онъ не видѣлъ блуждавшаго въ нихъ безумнаго ужаса, она прошептала:

— Лягъ... Я пойду, посмотрю, есть ли вода въ умывальникѣ.

Но она пошла не въ кабинетъ, а въ кухню. Шла быстро, быстро, летѣла, какъ вихрь, а ноги едва несли ея ослабѣвшее, опустившееся тѣло... И, войдя съ судорожною поспѣшностью, словно спасаясь отъ настигающей ее опасности, которой нѣтъ имени, такъ она страшна, повернула два раза ключъ въ двери. Нашла въ себѣ силу подойти къ полкѣ, отыскать спички, зажечь лампочку. Онъ... тотъ... былъ теперь запертъ съ двухъ сторонъ.

Съ пустой, какъ будто выѣденной, головой присѣла Анна Семеновна на стулъ. Вся жизнь, всѣ воспоминанія, всѣ чувства, весь міръ слились въ одинъ раздавливающій гнетъ ожиданія... Вотъ какъ будто бы глухіе удары... Звукъ по стеклу, сильнѣй, сильнѣй. Этотъ звукъ заполняетъ собой все, растетъ, идетъ вздымающейся волной до неба... Громко и часто гудитъ колоколъ. Гулъ отъ него наполняетъ всѣ уголки кухни, на лѣстницѣ шумъ, ревъ, тысячи шаговъ, дверь дрожитъ, качается... Все пропало... И она не успѣла принять своей доли, своего добровольнаго дара на пиршествѣ смерти.

Тѣло Анны Семеновны гнулось, опускалось, тяжело скользнуло на полъ... Она очнулась почти сейчасъ же. Стояла мертвая тишина. Огромнымъ усиліемъ воли она поднялась съ пола. Голова ея, словно налитая свинцомъ, едва держалась на плечахъ. Въ ушахъ убѣгалъ, замирая, и возвращался, гудя, ровный звенящій шумъ. Но въ тѣло, занѣмѣвшее сердце, въ холодныя руки и ноги шла ужъ откуда-то горячая волна крови. Щелкнулъ ключъ,

зловѣще разрывая тишину. Лампа и свѣчи горѣли по-прежнему. Бѣлая, смятая постель со сдернутымъ одѣяломъ... Опрокинутый столикъ... Въ надушенной, свѣжимъ холодкомъ дышащей комнатѣ было новое, ужасное и простое. Смерть вошла туда и срѣзала свою жатву.

Беренсъ лежалъ мертвый на креслѣ. Одна рука его была вытянута, другая ухватилась за край стола. Цѣпенѣли на вытянутой рукѣ три скрюченныхъ пальца, силившіеся что-то схватить при жизни. Голова его перевѣсилась черезъ ручку кресла. Глаза смотрѣли остеклѣло изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ; зубы оскалились въ судорогѣ тщетныхъ стремленій къ дыханію...

Анна Семеновна нѣсколько секундъ смотрѣла въ его лицо. И тихо опустилась она на колѣни къ креслу.

— Милый, милый, милый... прощай!—шептала она.—Прощай!

О. Рунова.

* * *

Помнишь ты на вокзалѣ
Грохотъ, крикъ, суету.
Затаенной печали
Только вздохъ на лету.

Было странно средь давки,
Безпокойно дрожа,
Говорить объ отправкѣ
Своего багажа.

Разрыдаться-бъ, какъ дѣти...
Но съ улыбкой тупой
О какомъ-то билетѣ
Мы болтали съ тобой...
И лишь въ мигъ разставанья
Я увидѣлъ, о чемъ
Мы въ минуты свиданья
Тосковали вдвоемъ.

И. Эренбургъ.

Звѣзды.

Разсказъ.

Какъ юный богатырь, дремалъ лѣтній день. Застыло солнце. Былъ часъ его торжествующаго, вездѣсущаго и безпредѣльнаго владычества: тѣней еще не было.

Въ эту пору, столь отдаленную отъ ночи, въ ветхой корчмѣ крохотная кучка людей напряженно ждала вечера и звѣздъ, поглощенно думала и говорила о звѣздахъ, тоскливо и мучительно вздыхала по нимъ. Ихъ было трое: умирающій старикъ, прикованный къ кровати, худенькая, дѣтски-маленькая старушка въ чепцѣ и восьмилѣтній мальчикъ съ болѣзненно-большой головой, ненормально вздутымъ животомъ на необычно тоненькихъ, искривленныхъ ногахъ и красными, воспаленными глазами.

— Еще долго до звѣздъ!—вздыхалъ старикъ, съ трудомъ приподымаясь на локтѣ и вглядываясь сквозь раскрытое окно въ раскаленное, ослѣпительное небо.

— Еще долго до звѣздъ,—протяжнымъ эхо вздыхала старуха за окномъ, стоя на крылечкѣ корчмы и, какъ старикъ, вглядываясь въ небо прищуренными глазами, защищенными ладонью.

— Звѣзды, звѣзды! Когда еще звѣзды?—капризно и раздраженно повторялъ мальчикъ, зло косясь на стариковъ. И горечь, и досада, и нетерпѣніе слышались въ его голосѣ.

И изъ рукъ въ руки, отъ старика къ старухѣ, отъ старухи къ мальчику, непонятно томя и волнуя всѣхъ, приковавъ неодолимо вниманіе, переходилъ небольшой бѣлый запечатанный конвертъ. Его щупали, мяли, старались сквозь тонкую кожицу его разсмотрѣть содержимое въ немъ, держали нѣжно и осторожно, какъ хрупкую, безконечно-цѣнную вещицу, и вдругъ оставили. Потомъ смотрѣли на небо—и снова тянулись безсильно тоскующими, жадными взорами къ конверту. И эта связь между конвертомъ и ожидаемыми звѣздами казалась странной и таинственной. Будто колдовали люди, силясь не во-время, среди яркаго лѣтняго дня, накликать ночь

и звѣзды изъ ихъ недостижимыхъ глубинъ. И тайная сила ихъ колдовства, казалось, была заключена въ загадочномъ конвертѣ.

Безотрадно сложились послѣдніе дни стараго Лейзера. Веселымъ, бодрымъ, весеннимъ шумомъ пробивающейся воды шумѣла всѣ годы въ его корчмѣ и вокругъ нея живая человѣческая суета. Множество спутанныхъ дорожекъ бѣжало мимо корчмы—изъ городовъ въ города, изъ селеній въ селенія. Неутомимо-безпокойные, невѣдомо—откуда и куда, по этимъ дорожкамъ вѣчно двигались люди. И каждый изъ нихъ, будто за благословеніемъ на дальнѣйшій путь, заворачивалъ къ Лейзеру. Измучается-ли путникъ невыносимымъ лѣтнимъ зноемъ и ѣдкой и вихристой пылью подорожной,—онъ находилъ въ корчмѣ прохладный покой и гостепріимнаго, умнаго хозяина, съ кѣмъ можно было душу отвести: иногда пожаловаться на жизнь свою, очень рѣдко похвастать ею.

Въ этомъ шумѣ, постоянно мѣняющемся, но неизмѣнно-живомъ, незамѣтно состарился Лейзеръ, сгорбился, покрылся сѣдинами, сталъ безропотно и покорно готовиться къ другой жизни, оставивъ всѣ земныя дѣла. Заботы о гостяхъ взяли на себя его жена, сынъ и невѣстка, а затѣмъ, выросши, и ихъ дѣти—его внуки и внучки. Лейзеръ, сидя зимой на натопленной лежанкѣ, лѣтомъ и весной на крылечкѣ, только внимательно прислушивался къ толкамъ гостей, временами вставлялъ слово, добродушно, по-старчески кивая имъ. И благодарилъ Бога Лейзеръ за спокойную и уютную старость, согрѣтую дѣтьми, внуками и внучками, оживляемую непрекращающейся веселой суетой людей.

Но вдругъ случилось такъ, что гдѣ-то недалеко отъ домика Лейзера провели желѣзную дорогу. Сразу осиротѣли дорожки, бѣжавшія вокругъ корчмы, стали пустынными, брошенными. Уже не бѣжали онѣ рѣзво изъ городовъ въ города, изъ селеній въ селенія, а, застрявъ на поляхъ, въ безпомощномъ раздумьѣ ползли, какъ бы стремясь присоединиться къ новой большой и шумной дорогѣ, но трусливо, нерѣшительно. И вмѣстѣ съ дорожками осиротѣла и корчма. Рѣдко кто заглядывалъ въ нее. Стала забытой и ненужной въ сторонкѣ, глубже какъ бы ушла въ землю, ниже нахлобучила ветхую тесовую шапку.

А семья у Лейзера была большая: жена, сынъ и невѣстка, двѣ дочери ихъ и четыре мальчика—его внучки и внуки. Надо было жить, а источникъ пропитанія совершенно изсякъ. И стали тревожно и неусыпно думать по ночамъ: какъ устроить жизнь, что предпринять, какъ предотвратить неизбѣжно надвигающіеся голодъ и нужду. Стало ясно, что здѣсь больше дѣлать нечего. Но куда идти? Міръ такъ великъ, а призракъ счастья такъ обманчивъ.

Къ тому времени въ корчму забрелъ проѣзжій одинъ и долго разсказывалъ объ Америкѣ, гдѣ жили сыновья его и куда и самъ онъ вскорѣ собирался. Хвасталъ дѣлами дѣтей, разсказывалъ объ ихъ счастливой жизни, о богатствахъ, добываемыхъ тамъ.

Послѣ продолжительнаго, опасливаго раздумья, неувѣренныхъ колебаній, осторожныхъ взвѣшиваній всѣхъ возможностей, дѣти Лейзера уѣхали въ Америку. Уѣхали сынъ и невѣстка, двѣ взрослыхъ дочери и три взрослыхъ сына. Четвертаго—маленькаго и болѣзненнаго—пока оставили. Надѣялись какимъ-нибудь образомъ потомъ его взять къ себѣ, когда онъ подраститъ и окрѣпнетъ немного.

Когда дѣти уѣзжали, Лейзеръ, скованный глубокой старостью, уже не сходилъ съ кровати. Тяжела и горестна была разлука. Зналъ Лейзеръ, что не увидѣть ему больше дѣтей своихъ никогда. Но крѣпился. Сдерживая рвущійся, немощный старческій плачъ, онъ только бормоталъ:

— Его святая воля, Его святая воля!

Когда же были вынесены уже всѣ вещи и уложены на подводу, онъ поднялся, сѣлъ на кровати и кивкомъ головы попросилъ уѣзжавшихъ приблизиться, присѣсть около него. Задергалась нижняя губа, зашаталась неустойчиво бѣло-восковая голова на плечахъ, пьяная отъ лѣтъ и поздняго, безпощаднаго горя. И Лейзеръ торжественно сказалъ:

— Дѣти, немного мнѣ осталось дней. Ужъ очень немного. Жизнь моя изжита. Радости всѣ пережиты. Осталась единственная—вы, но вы уходите. Да будетъ Отецъ Небесный съ вами. Поручаю васъ Его волѣ. Но помните одно: письмо! Жду письма. Скораго, подробнаго... Тогда спокойно умру. Буду знать: вы живы, здоровы. Тогда спокойно умру. Помните же: письмо! Если вы меня забудете со старухой... если...

Голосъ Лейзера дрогнулъ и прервался. Онъ проглотилъ дрожь и прибавилъ:

— То не забудьте хоть... вотъ... его!

И Лейзеръ указалъ на больного заплаканнаго мальчика.

И съ тѣхъ поръ, точно вмѣстѣ съ прощальными словами изливъ всѣ оставшіеся жизненные соки, Лейзеръ началъ быстро таять и исчезать. Кто-то тайно началъ высасывать силы изъ него—жадно и ненасытимо. Часто замирало сердце, чья-то злая, пытающая рука стягивала легкія внутри—и становилось невозможно дышать. На забытье, скомкавшее въ одинъ безцвѣтный комъ все прошлое, настоящее и будущее, была похожа драма его. И холодный, всеуносящій смертельный туманъ сталъ все чаще заволакивать сознаніе его. Но сквозь туманъ упорно и неустанно кто-то кричалъ, будилъ и звалъ:

— Лейзеръ, Лейзеръ, письмо, письмо!

И зажженный послѣдними вспышками жизни, конечной тоской и ко-

нечнымъ ожиданіемъ, не своей силой вскакивалъ Лейзеръ на кровати, испуганно раскрывалъ глаза и устремлялся на жену:

— Гдѣ была, Гита? Не слышно ли чего? Га?

Гитта знала, о чемъ спрашивалъ онъ, и, вздыхая, отвѣчала:

— Пока, Лейзеръ, ничего.

— Пока, пока... Ахъ, Гита, скоро будетъ уже поздно. Поздно будетъ уже, Гита!

Въ остро-сжатомъ, недвижущемся клубкѣ свернулась и застыла и жизнь Гиты и мальчика въ ожиданіи письма. Съ утра до вечера сидѣла Гита на крылечкѣ и глядѣла, не сводя глазъ, на дорожку, карабкающуюся на далекій холмъ. Вздрагивала и замирала отъ каждой сѣрой фигуры, спускавшейся съ холма. Вскакивала и кидалась навстрѣчу всякому, отдаленно хотя-бы напоминающему знакомаго парня, разносящаго почту. Тамъ же, на холмѣ, весь день мелькалъ мальчикъ, а къ вечеру возвращался въ корчму, ограбленный будто, темный и жалкій.

Прошли дни, недѣли, мѣсяцы, а письма не было. Уже необузданно и безудержно ликующая весна остепенилась, а письма не было. И дальше куда-то съ каждымъ днемъ уходилъ Лейзеръ, глубже въ какую-то мутную тину, тянущую къ глубокому и тусклому дну. И по вечерамъ сидѣла Гита на крылечкѣ, ласкала и цѣловала мальчика и говорила:

— Нѣтъ, Мотеле, нѣтъ. Не дождаться дѣдушкѣ. Не дождаться ему радостнаго письма. Нѣтъ, Мотеле, нѣтъ.

И плакали оба на крылечкѣ, похожіе другъ на друга въ единомъ горѣ своемъ...

И вдругъ пришло письмо...

Вѣчно и неугомонно хохочетъ дьяволъ. Вѣчно хохочетъ надъ человѣкомъ и надъ Богомъ, Творцомъ своимъ, и надъ Его святыми завѣтами. Повсюду суетъ отверженный свою безобразную рожу, чтобы подразнить Господа, поглумиться и помучить грѣховными искушеніями любимцевъ его на землѣ и омрачить ихъ крупицу такого рѣдкаго, такого мимолетнаго земного счастья.

Долгожданное письмо получилъ Лейзеръ въ субботу. Въ святой день, въ который суровый еврейскій Богъ запретилъ всякую работу, всякій трудъ, не только тяжелый, но и преодолѣваемый ребенкомъ. Запретилъ носить даже еле ощутимыя вещи, рѣзать, рвать. И нельзя было разорвать конверта. А за его печатью, какъ за желѣзными неразрушимыми замками, лежало все содержаніе послѣднихъ дней Лейзера, всѣ радости, надежды и волненія его опустѣвшей, изсякающей жизни.

— Благодарю Тебя, великій Богъ, за то, что продлилъ жизнь мою до этого дня. Благословенно да будетъ имя Твое.

Съ волшебной силой, въ воскресающемъ порывѣ, сразу стряхнувъ смертельную дрему, вскочилъ Лейзеръ на кровати, увидавъ письмо. Полумертвое лицо его освѣтилось. Восковыя щеки стали желто-румяными. Тусклые глаза опьянѣли отъ радостнаго хмѣля. И все тѣло и руки, державшія письмо, задрожали мелкой, алчно-нетерпѣливой дрожью.

Бѣгала Гита взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая въ волненіи руки. И въ нетерпѣніи восторженно хлопалъ въ ладоши больной мальчикъ...

И вдругъ Лейзеръ отбросилъ письмо. Какъ уголь горящій, отшвырнулъ его.

— Гита,—сказалъ онъ.—Богъ посылаетъ испытаніе намъ...

— Знаю, знаю.

— Вѣдь, сегодня суббота, Гита!

— Да, да. Сегодня суббота.

— Выдержимъ испытаніе, старуха!

И Гита остановилась нерѣшительно около кровати.

— Лейзеръ! Богъ проститъ... Дадимъ Мотеле. Онъ вскроетъ.

— Нѣтъ, Гита, нѣтъ. Онъ еврей...

— Но, вѣдь, маленькій онъ. Ему тринадцати нѣтъ.

— Его грѣхъ—нашъ грѣхъ, Гита! Потерпи, старая, потерпи!

— Ну, такъ я въ деревню сбѣгаю... Найду кого...

— Нѣтъ, Гита, просить другого—то же, что дѣлать самому... Прислалъ Господь испытаніе. Потерпи, Гита, потерпи!

— Когда же можно, дѣдушка? Когда же будетъ можно?—настойчивымъ хнычущимъ голосомъ наступалъ Мотеле.

— На исходѣ, Мотеле! На исходѣ субботы. Вечеромъ... Какъ только звѣзды загорятся на Божьемъ небѣ... Первыя три звѣздочки, Мотеле!

— О-о-о!

Мальчикъ раздраженно и непослушно бросился къ письму, но Гита перехватила письмо, а Лейзеръ привлекъ разсерженнаго мальчика къ себѣ.

— Мотеле,—говорилъ Лейзеръ, прижимая дрожащей рукой внука къ своей гуди,—Мотеле, ты развѣ не еврей? Не серди Бога! Вотъ, какъ вечеръ только наступитъ... Ахъ, какой мы праздникъ устроимъ, Мотеле... Смотри, какое толстое письмо. Обо всемъ пишутъ. Уже устроились... Можетъ, разбогатѣли, можетъ, за тобой уже посылаютъ. Га? Ахъ, какой праздникъ устроимъ. Умоюсь, одѣнусь... Давно уже не мылся я, Мотеле... Умоюсь, помолюсь... Лампу зажжемъ и будемъ читать... Нѣтъ, не я, Мотеле! Я уже не вижу Бабушка. Одѣнетъ очки и будетъ читать. Слово въ слово. Слово въ слово. Какъ только звѣзды загорятся на небѣ.

Гита призвала къ себѣ мальчика, мягко сказала:

— Иди, поиграй, Мотеле!.. Вонъ... видишь? Тамъ, у амбара? Маленькая тѣнь лежитъ. Когда она выростетъ и подымется на холмъ, когда весь его покроетъ,—уже будетъ не долго до звѣздъ. Совсѣмъ уже не долго... Иди, Мотеле, поиграй...

Таща точно придѣланное тѣло на искривленныхъ тоненькихъ ногахъ, въ досадной покорности вышелъ мальчикъ изъ корчмы. Лейзеръ оперся локтемъ на подушку, положивъ на подставленную ладонь голову. И дрожали и рука, и голова на ней. Еще не улегся блуждающій радостный хмѣль въ глазахъ и по-прежнему тлѣли щеки желтоватымъ румянцемъ, глинянымъ. И Лейзеръ заговорилъ. Часто переводилъ дыханіе, крѣпясь, перемогалъ все властнѣе сковывающую усталость:

— Да, Гита, испытаніе. Кому онъ посылаетъ испытаніе? Не всякому. Нѣтъ, не всякому. Авраама испыталъ, Исаака... Я горжусь, Гита! Много ихъ у меня было. О-го! И всѣ перенесъ. Не споткнулся... А теперь!.. На краю могилы... Нѣтъ, Гита, нѣтъ...

Неудобно было лежать. Лейзеръ, глубоко вздохнувъ, приподнялся. Гита подошла и поправила подушки. Выше подняла. Лейзеръ снова оперся на локоть:

— Вотъ однажды лѣтній былъ день. Такой, какъ сегодня. Жара нестерпимая. Было это до праздника Седьмицъ. Такъ, недѣли двѣ. Купаться еще нельзя было. Шелъ я изъ города. Въ корчму возвращался. Никого не встрѣтилъ, шелъ пѣшкомъ. Всю дорогу пѣшкомъ. Былъ навьюченъ, какъ верблюдъ. Къ праздникамъ разныя закупки сдѣлалъ... То да се. Рѣдко бывалъ въ городѣ... Иду я и чувствую: плохо. Ноги подкашиваются, весь въ поту... Пересохло въ горлѣ. Голова—какъ гора. Шутка ли: тридцать безъ малаго верстъ. Хоть ложись на дорогу... Теперь бы выкупаться. Ахъ, выкупаться бы теперь. Рай, настоящій рай. Иду и думаю такъ. А тутъ уже мельница близко. За ней—рѣчка. Сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. Пахнуло рѣчкой. Стало свѣжо, радостно, легко... Сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. Глянула она... Какъ мать послѣ долгой разлуки... Манитъ, тянетъ. Не уйти... Ахъ, выкупаться бы. Ахъ-бы броситься. Рай, настоящій рай... Но вдругъ я повернулъ, Гита! Изъ послѣднихъ силъ пустился бѣжать. И казалось мнѣ, что рѣчка бѣжитъ за мной... Хе-хе... Я пошелъ на Комаровку. Знаешь?—черезъ волость... Чтобы рѣчку миновать. Какъ сатана, она была мнѣ страшна. Пять лишнихъ верстъ сдѣлалъ... Нѣтъ, больше! Верстъ семь... Доползъ до корчмы, сбросилъ корзинки, пачки... И тутъ же упалъ... Безъ чувствъ упалъ.

Гита сидѣла напротивъ на стулѣ, скрестивъ руки на груди, и кивала каждому слову одобрительно, восхищенно и благоговѣйно. Лейзеръ помолчалъ, на минуту замкнулся, ушелъ какъ бы въ себя, вспоминая. И опять заговорилъ

— Еще былъ случай. Въ Судный день. Незадолго до того я болѣлъ. Мнѣ запретили поститься. Но я постился... Такой постъ... Время уже шло къ вечеру. Совсѣмъ немного осталось до вечера. Я молился весь день. Вдругъ мнѣ нехорошо стало... Это уже было въ сумерки. Такъ нехорошо. Онѣмѣли руки и ноги, голова закружилась, я ударился головой о спинку амвона. За амвономъ я стоялъ. Сбѣжались... Открылъ глаза—вижу: докторъ, люди. Суетятся, шумятъ. Что-то изъ стакана мнѣ въ ротъ льютъ... Тутъ же раввинъ... Бери, говоритъ, когда приказываетъ докторъ... Вѣдь, ради спасенія, говоритъ, жизни человѣческой... можно и субботу нарушить. А я закрываю глаза и качаю головой: нѣтъ, не буду, нѣтъ... дотяну до вечера... дотяну. Поможетъ Богъ. Потомъ меня положили на скамью... Въ каморкѣ... Въ синагогѣ была каморка... Опять обступили... люди. Что-то совали... А я—нѣтъ, не буду... нѣтъ... Такъ и...

Обезсиленный отъ непривычнаго возбужденія, давно неиспытанныхъ волненій и непосильно длиннаго разговора, Лейзеръ внезапно охнулъ и упалъ на кровать. Поднялся и черезъ силу началъ:

— И еще былъ... случай...

Но оборвался. Хотѣлъ повернуться и лечь на спину, но какъ-то не могъ, а повалился на нее и вытянулся. Глаза угасли, затянувшись прежнимъ тусклымъ туманомъ, восковой блѣдностью залилось лицо. Низко къ глазамъ, не шевелясь, придвинулъ дрожащими руками Лейзеръ конвертъ, щупалъ его, разсматривалъ жадно. И побѣлѣвшія губы его бормотали смутно, еле слышно, пьяно:

— Ахъ, какой мы праздникъ устроимъ... Какой праздникъ...

Безконечно тянулся день. Горѣлъ бѣлымъ, все пространство наполняющимъ неподвижнымъ, пламенемъ, но не сгоралъ. Поставилъ его будто Богъ на землю и забылъ о немъ, заснувъ въ горячихъ небесахъ. И не вѣрилось, что когда-нибудь этотъ день смѣнится ночью.

И жара не спадала. Повсюду было солнце. И подъ жестокимъ игомъ его все томилось тяжко, медленно и безысходно. Изнемогали люди и звѣри. мокрые отъ пота, скованные и обезсиленные нестерпимымъ зноемъ. Они двигались вяло, безжизненно, какъ измученные рабы, и, дѣлая каждодневное, обычное, озирались кровавыми глазами, ища прохлады. Но ея не было. Однѣ лишь птицы-счастливицы, зарывшись въ сады и въ кусты, сладко забывались. Но и ихъ бѣглые, изрѣдка какъ бы безудержно прорывающіеся звуки, томные и знойные, напоминали знакомый изнеможенный человѣческій вздохъ: „жар-ко, жар-ко“.

Лейзеръ дремалъ своей смертельной дремой, похожей на тяжелое за-

бытье, спутавшее въ одинъ мутный комъ прошедшее, настоящее и будущее. И что-то новое, зловѣщее было въ немъ сегодня. Волненіе разрушительной бороздой прошло по немъ. Нижняя губа отвисла—и что-то деревянное чувствовалось въ ней даже на разстояніи.

Временами онъ пробуждался. Открывалъ глаза неожиданно и стремительно, ровно взбудораженный кѣмъ-то во снѣ. И спрашивалъ жену:

— Гита, сколько времени, га?

— Ахъ, рано еще, Лейзеръ, рано. Спи...

— Мнѣ кажется, темно... Гита! Будто сумерки... Въ тѣни уже ты...

— То тѣнь отъ дерева.

— Какъ дологъ день!

— Безконеченъ день, безконеченъ.

И снова погружался Лейзеръ въ дрему.

Гита походила по комнатѣ и застыла у окна. Глядѣла, щурясь, въ небо, потомъ стала слѣдить за тѣнями на землѣ. Первыя рѣдкія тѣни лежали только у заборовъ, плетней, крылечекъ, подъ навѣсами и около немногихъ сноповъ въ полѣ. Всѣ онѣ были маленькія, трусливо-сжавшіяся, немощныя, затравленныя солнцемъ, перепуганныя днемъ. Онѣ уже таили въ себѣ ночь и всѣ ея замышленія противъ бѣлаго дня, но лежали еще разрозненными, одинокими, не рѣшаясь соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій, такъ какъ ихъ раздѣляли моря, рѣки, озера и ручьи застывшаго бѣлаго огня, въ которыхъ онѣ утонули бы и растаяли безслѣдно. Одинъ только лѣсъ въ зажженной призрачной дали стоялъ въ огромной, густой тѣни. Почему-то представлялось, что и онъ, старый, долго брелъ со всей своей громадой подъ палящимъ, полуденнымъ небомъ, пока нашелъ эту тѣнь. Увидѣлъ, доплелся, укрылся въ ней и, опершись головой о край горизонта, изнеможенно заснулъ. На поляхъ никого не было. Безгранично кругомъ, куда только достигалъ глазъ человѣческій, безпомощно и обреченно горѣли ржи, клевера, травы. Бросили люди ихъ ожесточенному солнцу, а сами скрылись. Спаслись.

На холмѣ возился Мотеле. Дубовый колъ мелькалъ въ его рукахъ. Онъ измѣрялъ тѣнь. Тащилъ ее по землѣ, мертвую, темную, распластанную, все ближе къ холму, все выше на него. Уходилъ въ сторону, садился на бревно, глядѣлъ сквозь свернутыя трубочками ладони на небо.

Время отъ времени онъ подбѣгалъ къ корчмѣ. Взбирался и перевѣшивался черезъ низкое, раскрытое окно, удерживаясь одной рукой за подоконникъ, а дргой указывая Гитѣ на холмъ.

— Смотри, смотри! Вонъ ужъ гдѣ тѣнь. Была на колъ отъ холма, а теперь... ужъ на цѣлый колъ на холмѣ. Больше, больше!

И убѣгалъ.

Въ корчмѣ, между шкафомъ и комодомъ, въ вѣчно сумрачномъ углу,

въ которомъ навсегда словно застряли сумерки, затканныя сѣдой паутиной, висѣли старинные часы. Наверху въ нихъ была маленькая дверца. Изъ нея каждый разъ, какъ часы, ровно проснувшись отъ долгаго старческаго сна, начинали хрипло и лѣниво бить, высовывала голову кукушка и считала удары, точно провѣряла ихъ И Гитѣ казалось, что самъ дьяволъ поселился тамъ, чтобы дразнить ее.

— Ку-ку—только часъ. Ку-ку, ку-ку—только два.

Мертвой глыбой давило время Гиту, вздыхала Гита часто и глубоко.

Она обвязала вокругъ шеи носовой платокъ и вышла изъ корчмы. Брела медленно и задумчиво, потряхивая головой и бормоча что-то про себя. Доплелась до холма и сѣла на бревно въ тѣни. Подбѣжалъ Мотеле съ коломъ въ рукахъ:

— Уже на три кола, бабушка! Видишь? Видишь?

И сѣлъ около Гиты. И оба мечтательно заглядѣлись на холмъ, слѣдя за таинственнымъ неслышнымъ и еле уловимымъ движеніемъ тѣни.

Гита поднялась.

— Пойду, Мотеле. А ты побудь... Уже скоро. Совсѣмъ скоро...

И такъ же долго, медленно и задумчиво плелась назадъ, пошатываясь отъ жары и усталости, одинокая и странно-маленькая среди безконечныхъ просторовъ. И первобытной казалась пустынная и цвѣтущая земля, и первымъ, еще неокрѣпшимъ, человѣкомъ на ней казалась маленькая Гита.

Вошла въ корчму, посмотрѣла на спящаго Лейзера и покачала головой. Повозилась въ углу около шкафа, порылась въ комодѣ и стала, задумавшись, посреди комнаты, какъ бы забывъ что-то.

Часы показывали пять.

Гита сняла со шкафа старую растрепанную книжку, одѣла очки, сѣла у окна и, чтобы убить время, стала читать давно знакомое, много разъ читанное. Читала о встрѣчѣ Якова съ Рахилью у невѣдомаго колодца, о жестокости фараоновъ и чудесахъ Моисея, о зноѣ въ Аравійской пустынѣ, о смерти праведниковъ, о волшебной скрипкѣ царя Давида.

А на поляхъ шла безмолвная, отъ начала вѣковъ непримиримая, борьба. Тѣни смѣлѣли. Сцѣплялись уродливыми лапами и щупальцами черезъ овраги, рвы и канавы, захватывали тонкими, но прочными тисками всѣ предметы, овладѣвали всей землей. Были уже въ тѣни поля, луга. И по мѣрѣ того, какъ смѣлѣли тѣни, все дальше къ западу отступало солнце. Уходило нехотя, таща за собой точно изодранный шлейфъ свой, разбросанные и растрепанные лоскутья свѣта. И кровью пораженія облило оно полъ-неба—путь отступленія своего. И, какъ шопотъ влюбленной, нѣжа и лаская, зарѣяли тихія сумерки.

Вздохнули поля. Зашевелились колосья и травы. И невидимыхъ пѣвцовъ разлилась пѣсня. И чудилось, что сами поля, избавившись отъ лютыхъ мукъ солнца, запѣли благодарный гимнъ кроткому вечернему Богу.

Было уже темно, когда парни и дѣвки, распѣвая, съ граблями и косами на плечахъ, свѣжіе и бодрые, словно появившіеся на землѣ только вмѣстѣ съ наступающимъ вечеромъ, проходя мимо корчмы, остановились и прислушались, привлеченные безпокойнымъ голосомъ Гиты. Она, будя, позвала кого-то нѣсколько разъ громко, лихорадочно-быстро, испуганно. И каждый зовъ былъ тревожнѣе прежняго. И, наконецъ, изступленно и загадочно крикнула:

— Праведенъ судъ Твой, о, Господи!

Ворвался крикъ волненіемъ и тревогой въ тишину засыпающихъ полей и растаялъ. И безжизненно-тихо стало въ корчмѣ. Ушли парни и дѣвки и скрылись за повѣротомъ у рѣчки. И, дыша миромъ и покоемъ, все затопляя, повсюду разлился мягкими задумчивыми волнами кроткій благоухающій вечеръ...

. . . .

— Звѣзды, дѣдушка, звѣзды! Много ихъ, много!

Обвѣянный свѣжестью полей и вечерней прохладой, веселый и нетерпѣливый, подплясывая, вбѣжалъ Мотеле въ темную корчму. Но вдругъ замолкъ, остановился и съежился, пронзенный жуткимъ молчаніемъ и леденящей каменной неподвижностью, струившимися изъ угла, гдѣ стояла кровать дѣдушки. И, согнутый, осторожно ступая на цыпочкахъ, какъ бы опасаясь натолкнуться на что-то непредвидѣнное и страшное, подошелъ къ кровати. Взглянулъ на смутно-бѣлѣющую на ней, неподвижно и ровно вытянутую фигуру Лейзера, на молчаливо склонившуюся, будто замершую надъ нимъ Гиту.

Въ сторонѣ, на стулѣ, какъ неумолкающій и застывшій крикъ, рѣзко бѣлѣлъ въ темнотѣ нераспечатанный конвертъ...

Поздно появились звѣзды въ ту ночь—всѣ торопливыя, радостно-дрожащія. Будто долго блуждали онѣ гдѣ-то, не находя путей къ землѣ. Будто задержала ихъ въ невѣдомыхъ глубинахъ пространства чья-то страшная рука, чтобы подразнить Господа Творца своего, помучить грѣховными искушеніями любимцевъ Его на землѣ и омрачить крупицу ихъ такого рѣдкаго, такого мимолетнаго земного счастья...

М. Розенкнопъ.

5*

Вышла ты слишкомъ рано,
Спѣша застегнуть пальто.
Мерцали огни ресторана,
Спалъ многозѣвный домъ.

Въ кружевѣ тѣсной юбки
Мелькалъ голубой чулокъ;
Обликъ твой—вычурно-хрупкій
Утру былъ такъ далекъ.

Грубо чужія лица
Пытливыя встрѣчи длятъ...
Словно у раненой птицы—
Твой боязливый взглядъ.

Владиміръ Эльснеръ.

„ЗМѢЙКА ЗОЛОТАЯ“.

Разсказъ.

Три мѣсяца тому назадъ она въ первый разъ вошла въ его домъ. Она пріѣхала вмѣстѣ съ графиней Маріей Тимофеевной въ то время, когда онъ искалъ гувернантку для своихъ дѣтей. Она сразу ему понравилась: она показалась ему именно такой, какую онъ искалъ,—изысканной, артистичной, способной удовлетворить нарождавшіяся эстетическія потребности дѣтей. Она могла сдѣлаться имъ товарищемъ, другомъ, у котораго они могли научиться изяществу и благородной простотѣ. Можетъ быть, такой взглядъ былъ ошибкой съ его стороны, но тогда онъ смотрѣлъ съ восхищеніемъ на сидѣвшую передъ нимъ красивую, элегантную дѣвушку съ богатыми золотистыми волосами и маленькой, затянутой въ свѣтлую лайковую перчатку, ручкой. Ея большіе темно-сѣрые глаза смотрѣли на него увѣренно и спокойно, пожалуй, чуть-чуть насмѣшливо, но и это нравилось ему. Онъ любилъ острый, насмѣшливый взглядъ, который, по его мнѣнію, былъ признакомъ ума.

Объ условіяхъ съ ней онъ не говорилъ—онъ предоставилъ этотъ вопросъ рѣшить графинѣ, не стѣсняясь размѣрами вознагражденія.

— О, это удивительная дѣвушка, вы увидите,—сказала ему та, прощаясь.

. . . .

. . . .

Да, это была удивительная дѣвушка. Она обладала какимъ-то особымъ даромъ очарованія. Не прошло и недѣли, какъ въ домѣ ее обожали всѣ, начиная со слугъ и кончая ненавидѣвшей весь міръ старой дѣвой, теткой. Дѣти были отъ нея въ восторгѣ. Она понимала ихъ. Она умѣла говорить съ ними на ихъ дѣтскомъ языкѣ, на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ матери и который кажется смѣшнымъ не только постороннимъ, но и родному отцу.

Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ—и ощущеніе, похожее на ревность, поднималось въ его груди. Пять лѣтъ, какъ его покинула жена, какъ онъ посвятилъ себя всецѣло дѣтямъ и считалъ себя самымъ близкимъ для нихъ человѣкомъ. Увы, теперь онъ видѣлъ, что жестоко ошибался. Эта дѣвушка, знавшая ихъ всего недѣлю, не бывшая никогда сама матерью, была имъ ближе и тогда, когда онъ приходилъ въ отчаяніе отъ неумѣнія и даже, какъ ему казалось,

невозможности бороться съ какой-нибудь рѣзкой чертой въ ихъ характерахъ, она шутя, одной улыбкой, сглаживала ее. Особенно ея вліяніе сказывалось на старшихъ мальчикахъ Петѣ и Ванѣ—и онъ понималъ, въ чемъ крылась ея сила. Какъ мужчина, онъ не обладалъ ею, и безумная мечта дать имъ вторую, прекрасную мать закралась къ нему...

Онъ полюбилъ вновь той радостной любовью, на которую считалъ себя больше уже неспособнымъ, но она его избѣгала. Кротко, мягко, но избѣгала. Она ставила всегда между нимъ и собой дѣтей и пряталась за ними, какъ за стѣной, и онъ не смѣлъ произнести слова «люблю». Дѣти, о которыхъ онъ больше думалъ, чѣмъ, можетъ быть, о себѣ, мѣшали ему. Онъ стѣснялся ихъ, точно, дѣлая ей предложеніе, онъ совершалъ что-то нехорошее.

Часто, сидя въ своемъ угрюмомъ кабинетѣ и охваченный тоскливымъ чувствомъ одиночества, онъ задавалъ себѣмучительный вопросъ—почему?—и не находилъ отвѣта.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и однажды, когда ея и дѣтей не было въ домѣ, проникъ въ ея комнату, точно тамъ онъ могъ найти разгадку этого вопроса. Онъ не бывалъ въ ней съ тѣхъ поръ, какъ она тамъ поселилась, но, несмотря на это, ему почему-то казалось всегда, что онъ въ состояніи представить ее себѣ.

Она должна быть высокой, нѣсколько холодной, съ рядами книгъ на полкахъ и маленькими англійскими гравюрками на стѣнахъ. За ширмой должна была стоять узкая кровать съ бѣлоснѣжнымъ пикейнымъ одѣяломъ и несмятыми подушками.

Въ иной обстановкѣ, ему казалось, она не могла жить, какъ не могла дышать инымъ воздухомъ, кромѣ холоднаго и прозрачнаго. Это былъ во всей ея натурѣ, и ему даже казалось, когда онъ подходилъ къ комнатѣ, что черезъ двери до него доносится запахъ какой-то свѣжести.

Дверь была не заперта. Онъ вошелъ и остановился въ изумленіи. Вмѣсто свѣжести, прозрачности, которыя казались ему необходимымъ условіемъ того воздуха, которымъ она дышала, на него пахнуло какимъ-то одуряющимъ ароматомъ. Онъ не могъ объяснить себѣ, откуда исходилъ онъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ его вдыхалъ, его охватывало все большее и большее волненіе. Одну минуту онъ даже забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, потомъ кинулся осматривать комнату. Онъ бросался отъ одного предмета къ другому, трогалъ ихъ, передвигалъ. Онъ заглянулъ за ширму, гдѣ стояла ея постель, открывалъ флаконы духовъ на туалетномъ столѣ, перелистывалъ книги... На столикѣ у кровати лежала толстая, сѣрая тетрадь. Это былъ ея дневникъ. Онъ открылъ его и сталъ читать.

«Вотъ я и на новомъ мѣстѣ. Я счастлива—я опять буду съ дѣтьми. Сколько разъ я рѣшалась прекратить эти странствованія по чужимъ домамъ, но дальше

одного рѣшенія я не шла. Я скучаю по дѣтямъ. Міръ становится для меня невыносимо пошлымъ и гадкимъ, если я не вижу вокругъ себя смѣющіяся личики, ради которыхъ можно забыть глупое положеніе гувернантки. Положеніе существа безличнаго, міръ для котораго суженъ стѣнами дѣтской. Да, суженъ, но я чувствую себя въ немъ хорошо, и въ особенности тогда, когда въ домѣ гости и мы предоставлены самимъ себѣ. Я люблю обѣдать въ дѣтской. Это маленькіе для меня праздники, когда я могу быть покойной, что никто не будетъ мучить мою дѣтвору своими замѣчаніями. У насъ принято заниматься воспитаніемъ дѣтей именно за столомъ, точно оно возбуждаетъ аппетитъ или способствуетъ пищеваренію. Десятки мелкихъ замѣчаній, какъ сидѣть, какъ ѣсть, а я—я страдаю...

Впрочемъ, на этотъ разъ у Д., можетъ быть, будетъ иначе. Она, видимо, совершенно не интересуется дѣтьми, которыя являются для нея только неизбѣжными аксессуарами семейной жизни. Это чувствуется сразу, несмотря на кажущуюся къ нимъ нѣжность, несмотря на все сюсюканіе и пришепетываніе. Я ненавижу это. Есть дѣтскій языкъ, это правда, упрощенный, граціозный, но сюсюканіе—это какой-то приторный и безсмысленный способъ выраженія тѣхъ чувствъ, которыя обыкновенно не волнуютъ. На первыхъ порахъ, пока ко мнѣ не привыкнутъ и не перестанутъ замѣчать моего присутствія, мнѣ, очевидно, придется его часто слышать, но обо мнѣ, я увѣрена, скоро забудутъ. Счастливая минута, я жду ея всегда съ нетерпѣніемъ. Тогда я уже свободна и могу уйти всецѣло въ жизнь дѣтей. Мы сближаемся, мы роднимся. Они открываютъ мнѣ свои нѣжныя, чистыя души, какъ утромъ на зарѣ свои чашечки цвѣты, и я вдыхаю въ себя ихъ живительный, тонкій и—я скажу—холодный ароматъ. Именно холодный, прозрачный, какъ пахнетъ снѣгъ и только что павшая роса. Меня онъ бодритъ, освѣжаетъ. Мнѣ не хочется оторваться и перестать вдыхать его, но я знаю, что только наслаждаться имъ нельзя. Онъ скоро можетъ изсякнуть, потому что требуетъ для своей жизни свѣта и тепла, которые должна дать имъ я, miss Elly.

Сегодня я довольна собой—я произвела на дѣтей пріятное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, я не чувствовала обыкновенной натянутости перваго дня. Дѣти шли ко мнѣ довѣрчиво, нѣсколько осторожно, съ любопытствомъ разглядывая и изучая меня. Маленькая Baвy даже повѣдала мнѣ свое горе: ее очень безпокоитъ участь дѣтей Розки.

Да, началомъ я довольна, и дѣти меня интересуютъ. Я сужу о нихъ, какъ и они обо мнѣ, по первому впечатлѣнію. Это единственный моментъ, когда видишь всѣ ихъ достоинства и недостатки, въ то же время не чувствуешь своего на нихъ вліянія. Послѣдняго я никогда не ищу, потому что убѣждена, что, какими-бы они ни обладали недостатками, они все-таки будутъ лучше того, что я изъ нихъ сумѣю сдѣлать. Пусть будутъ они непослушны, шаловливы, но пусть при томъ остаются дѣтьми. Я не навяжу имъ своихъ взглядовъ и не сдѣлаю изъ

нихъ маленькихъ моралистовъ съ претензіей на знаніе жизни. Я не буду губительницей самаго прекраснаго въ жизни—неразумнаго дѣтства безъ добра и безъ зла—и предпочту лучше уйти отъ нихъ, оплакивая, если увижу, что спасти его невозможно. Предпочту пережить лишній разъ жуткое чувство, охватывающее меня всегда, когда я переступаю порогъ новаго дома и жду перваго появленія дѣтей...

И они вошли... Сначала одна Ваву, маленькая, черненькая дѣвочка, лѣтъ восьми, настоящій уголекъ, съ взъерошеннымъ хохолкомъ на головѣ. Увидя меня, она смутилась и остановилась въ нерѣшительности. Потомъ, сдѣлавъ въ мою сторону робко нѣсколько шаговъ, протянула руку, смѣшно присѣла и быстро спряталась за стуломъ матери. Ея смуглое личико озарялось лукавой улыбкой каждый разъ, когда она осторожно выглядывала изъ-за спины матери и снова пряталась за ней.

— Она у меня дичекъ,—замѣтила та,—а вотъ Лео...

Она не успѣла договорить, какъ въ дверяхъ появился стройный, бѣлокурый мальчикъ съ большими темно-синими глазами, оттѣненными длинными рѣсницами и тонкими, какъ стрѣлки, бровями. Онъ былъ одѣтъ въ темно-синій бархатный костюмъ, и вошелъ увѣренно, свободной, легкой походкой. Его тоненькія ножки, туго обтянутыя черными чулочками, ступали неслышно по ковру. При видѣ меня онъ улыбнулся, точно обрадовался мнѣ, и, тряхнувъ какъ-то особенно своими длинными, блестящими, какъ шелкъ, локонами, протянулъ мнѣ руку.

— Мама, это новая miss?—спросилъ онъ, обращаясь къ матери, и, услышавъ утвердительный отвѣтъ, внимательно оглядѣлъ меня и отошелъ въ сторону, гдѣ къ нему подскочила его сестра и что-то быстро-быстро зашептала ему на ухо. Лицо его приняло нетерпѣливое выраженіе, нѣсколько разъ онъ хмурился, причемъ его тонкія брови капризно изгибались, какъ маленькія змѣйки. Потомъ онъ подошелъ къ матери, сѣлъ рядомъ съ ней на кресло и устремилъ на меня пытливый взглядъ. Не знаю—почему, но я смутилась и невольно опустила глаза.

— Ну, вотъ теперь вы съ ними познакомились,—произнесла Д.,—объ остальномъ мы уже съ вами переговорили. Если хотите, Лео сейчасъ же проводитъ васъ въ вашу комнату, куда я приказала отнести ваши вещи.

Я молча поклонилась. Я все еще не могла притти въ себя отъ внезапнаго смущенія.

— Лео, проводи miss въ ея комнату!..—проговорила Д. сыну и кивнула мнѣ головой.

Тотъ поднялся.

— Пойдемте!—обратился онъ ко мнѣ и, не дожидаясь отвѣта, направился къ дверямъ. Я послѣдовала за нимъ.

— Я не буду мѣшать вамъ?—спросилъ онъ меня, когда мы вошли въ предназначенную мнѣ комнату.

— Нѣтъ,—отвѣчала я. Мнѣ не хотѣлось отпускать его отъ себя такъ скоро. Онъ страшно заинтересовалъ меня, и мнѣ хотѣлось узнать его поближе. Въ немъ чувствовалось что-то особенное, чего я еще ни разу не встрѣчала въ дѣтяхъ „ что, можетъ быть, таилось въ его смутившемъ меня взглядѣ. Притомъ онъ былъ необыкновенно красивъ—настоящій сказочный принцъ съ золотистыми локонами и глубокими темно-синими глазами.

Онъ сѣлъ противъ меня на стулъ.

— Мнѣ очень хочется поговорить съ вами. Вы, навѣрное, можете мнѣ много разсказать интереснаго,—произнесъ онъ серьезно яснымъ, мелодичнымъ голоскомъ, причемъ его глаза опять-таки пытливо устремились на меня.

— А гдѣ же Ваву?—спросила я.

— Ваву?..

Онъ разсмѣялся.

— Она гдѣ-нибудь на дворѣ или въ саду...

— Что же она тамъ дѣлаетъ?

— Что дѣлаетъ?..—повторилъ онъ.—Бѣгаетъ, строитъ домики, играетъ съ собаками... Теперь у Розки есть маленькія дѣти...

Я удивленно на него посмотрѣла.

— Она крестная мать имъ,—добавилъ онъ серьезно.

— Не лучше ли и намъ пойти туда?—предложила я.

— Пойдемте,—отвѣтилъ онъ нерѣшительно и поднялся.

— Развѣ вамъ не хочется?—спросила я, обращаясь къ нему на вы. Мнѣ почему-то было неловко называть его на ты, хотя обыкновенно я дѣлаю это со всѣми дѣтьми.

— Да, она тамъ играетъ... Мы можемъ помѣшать ей, и она будетъ сердиться. Лучше посидимте здѣсь и разскажите мнѣ что-нибудь.

Мы остались, и я принялась ему разсказывать. Онъ засыпалъ меня вопросами. Я должна была ему разсказать, кто я, кто моя мама, гдѣ я училась, жила... Если въ моихъ разсказахъ ему что-нибудь особенно нравилось, онъ заставлялъ меня повторять. Наконецъ, удовлетворивъ свое любопытство, онъ поднялся.

— Пойдемте теперь съ садъ къ Ваву,—проговорилъ онъ, и мы пошли.

Дойдя до полутемной лѣстницы, онъ осторожно взялъ меня за руку и помогъ мнѣ спуститься. Затѣмъ онъ повелъ меня по безконечнымъ, заросшимъ травой и мелкимъ кустарникомъ, дорожкамъ куда-то въ уголъ сада, гдѣ намъ приходилось пробираться черезъ сплошную стѣну густо разросшагося боярышника.

— Неужели она здѣсь?—удивилась я.

Онъ разсмѣялся.

— Конечно, она спрятала ее нарочно сюда, чтобы никто не видѣлъ. Она боится, что мама узнаетъ и велитъ ее выбросить.

На большой площадкѣ у самаго забора стояла полуразбитая собачья конура, изъ которой при нашемъ появленіи раздалось глухое ворчаніе собаки.

— Розка,—окликнулъ Лео.

Ворчаніе прекратилось.

— Ваву, иди сюда, это я!..

Въ конурѣ что-то зашевелилось.

— Ну, вотъ, видите, она тутъ,—весело разсмѣялся Лео,—только вы не выдавайте ее... Впрочемъ, я знаю, что вы этого не сдѣлаете,—добавилъ онъ серьезно и снова позвалъ: — Ваву, да иди-же!..

— Иди самъ сюда, посмотри, какъ они славно сосутъ,—пропищалъ въ отвѣтъ тоненькій голосъ изъ конуры, и въ тотъ же моментъ въ отверстіи появились ножки, а затѣмъ выползла съ взлохмаченными волосами Ваву. Въ фартучкѣ, который она придерживала обѣими руками, что-то копошилось. Увидѣвъ меня, она испуганно остановилась и растерянно взглянула на Лео. Его веселый видъ подѣйствовалъ на нее успокоительно. Она нерѣшительно придвинулась ко мнѣ и робко проговорила, точно извиняясь:

— Посмотрите, miss, какіе они хорошіе... Они уже сыты...—замѣтила она Лео и съ этими словами вытащила изъ фартучка маленькаго чернаго щенка.

— Не бойтесь, онъ еще слѣпой...—и, присѣвъ на корточки, она начала вынимать одного за другимъ полуслѣпыхъ щенятъ, осторожно кладя ихъ на землю. Каждаго изъ нихъ она прежде, чѣмъ опустить, подносила къ самому лицу и цѣловала въ мордочку.

— Видите, какіе они маленькіе... Розка, пошла,—прикрикнула она на кудлатую невзрачную собаченку, вылѣзшую вслѣдъ за ней изъ конуры.

Лео опустился тоже и съ любопытствомъ принялся разглядывать щенятъ, не рѣшаясь, однако, къ великому огорченію сестры, погладить ихъ рукой. Вдругъ, она вскочила и бросилась къ кустамъ.

— Я тебѣ,—закричала она и, поднявъ камень, бросила его въ густую заросль боярышника.

— Это Полкашка,—пояснила она, обращаясь къ намъ,—онъ всегда приходитъ и дѣлаетъ глупости съ Розкой.

Врядъ ли я, какъ гувернантка, могла разрѣшать дѣтямъ возиться съ грязными щенятами, но вся эта милая сценка увлекла меня такъ, что я опустилась на кучу листьевъ и принялась за то же. Дѣти были въ восторгѣ. Особенно Ваву. Она прыгала, хлопала въ ладоши и безъ конца разсказывала мнѣ о Розкѣ, ея дѣтяхъ, о глупостяхъ, которыя дѣлаетъ Полкашка. Она обѣщалась проводить меня на могилку одного щенка, который, навѣрное, умеръ отъ голода, такъ какъ ему не давали сосать другіе щенята. Въ концѣ концовъ, она показала мнѣ дессертную тарелку съ изображеніемъ герцога Рейхштадтскаго, которую она тихонько принесла изъ дому и изъ которой кормила Розку.

Лео смѣялся, слушая ее, вмѣстѣ со мной. Онъ хотя и не принималъ участія въ затѣяхъ своей сестры, но, видимо, сочувствовалъ имъ и, возвращаясь домой, еще разъ замѣтилъ мнѣ, что вполнѣ надѣется на мое молчаніе по поводу всего мною видѣннаго.

Уголекъ,—мнѣ не хочется иначе называть Ваву, такъ она походитъ на него,—слѣдовалъ за нами въ отдаленіи и грустилъ. Ее съ трудомъ удалось убѣдить покинуть щенятъ и захватить съ собой тарелку съ портретомъ герцога, воспользовавшись для кормленія Розки болѣе пригоднымъ для этой цѣли черепкомъ глиняной чашки.

Вотъ мы и сошлись. Я счастлива, потому что знаю, что теперь между нами будетъ тѣсная дружба. Насъ будетъ связывать всѣхъ маленькая тайна Уголька...

. . . .

Лео исполнится скоро тринадцать лѣтъ, но по виду ему далеко меньше. Можетъ быть, потому что онъ невысокъ ростомъ и носитъ до сихъ поръ длинные локоны. Но это и все, такъ какъ вообще въ физическомъ отношеніи онъ развитъ хорошо. Онъ силенъ, гибокъ, хотя не любитъ гимнастики и всего, что связано съ сильнымъ физическимъ движеніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно не походитъ на мальчика и вмѣсто того, чтобы бѣгать, лазить, какъ они, по деревьямъ, предпочитаетъ или неслышно сидѣть и читать, или бродить съ мечтательнымъ взоромъ по комнатамъ, подолгу останавливаясь передъ какой-нибудь картиной. Какими образами, думами наполнена въ это время его головка—я не знаю, но волшебнаго въ нихъ, должно быть, не мало. Не даромъ онъ самъ кажется какимъ-то принцемъ изъ волшебной сказки. Эта нѣжность и сказочность его натуры не заставляютъ его сторониться людей. Онъ любитъ ихъ. Они возбуждаютъ въ немъ любопытство, которое вначалѣ меня смутило и которое онъ стремился удовлетворить. Избравъ кого-нибудь, кто особенно ему понравился или почему-либо заинтересовалъ, онъ подходитъ къ нему, задаетъ ему нѣсколько вопросовъ и затѣмъ слушаетъ его внимательно, не спуская съ него своего задумчиваго, пытливаго взгляда. Кажется, точно онъ хочетъ разсмотрѣть этого человѣка насквозь, проникнуть въ его душу. Зачѣмъ ему это нужно, что увидитъ онъ тамъ?.. Не одну ли безконечную грязь?.. Впрочемъ, для него она не страшна. Онъ сумѣетъ пройти по ней своей легкой походкой, не запачкавъ даже кончиковъ своихъ ботинокъ, потому что все злое, все безобразное будетъ скрыто отъ него дымкой чистыхъ грезъ. А зла—и зла обольстительнаго—вкругъ него не мало. Всеобщее поклоненіе, роскошь, лесть. Онъ растетъ среди нихъ, они окружаютъ его и, точно завидуя его чистотѣ, стараются испортить. Но Лео глубже, выше, онъ выдержитъ долго. Онъ слишкомъ изящная и артистическая натура. Въ немъ сказывается на каждомъ шагу врожденный аристократизмъ, который возбуждаетъ въ немъ инстинктивное отвращеніе ко всему низменному. Онъ снисходительно позволяетъ себя обожать и это не кружитъ ему голову. Это должное,

иначе быть не можетъ. Онъ созданъ, чтобы все украшать и озарять своимъ свѣтомъ, игрой случая оставшимся чистымъ и не унаслѣдовавшимъ отъ своихъ предковъ ихъ темные пороки.

Я люблю его за это, я счастлива быть съ нимъ вмѣстѣ и такъ близко, что иногда его локоны щекочутъ мою щеку.

А Уголекъ?.. Что-же съ Уголькомъ? У ней Розка, ея дѣти, собаки, кошки, кролики, безчисленное количество всякихъ звѣрей. Всѣхъ она любитъ, обо всѣхъ она заботится съ чисто материнской нѣжностью. Въ этомъ случаѣ она похожа на тѣхъ дѣвочекъ, которыя отдаютъ свою любовь кукламъ, но ей мало неодушевленныхъ предметовъ. Ей нужны непремѣнно живыя и притомъ маленькія и убогія. Она дичится людей, для нея они слишкомъ сильны. Они ее давятъ, уничтожаютъ своей величиной. Ей нужны только слабыя существа, нуждающіяся въ уходѣ и ласкѣ. Въ ней живетъ инстинктъ, заставляющій мать любить больныхъ, уродливыхъ дѣтей. Она и ласкаетъ своихъ щенятъ и котятъ, какъ мать, покрывая ихъ поцѣлуями и выискивая для этого самые сокровенные уголки ихъ маленькихъ тѣлецъ. Ей доставляетъ наслажденіе смотрѣть на Розку, когда она кормитъ щенятъ. Она вся преображается тогда и не можетъ смотрѣть спокойно. Въ ней вспыхиваетъ жажда какой-то дѣятельности. Она помогаетъ щенятамъ сосать, выдавливая, какъ они своими лапками, пальчиками молочко. Она наблюдаетъ, чтобы никто изъ нихъ не обижалъ другъ друга и всѣ получили бы поровну. Перекладываетъ ихъ, тормошитъ, наконецъ, даже сердится на Розку и бьетъ ее, если, по ея мнѣнію, она недостаточно внимательна къ своимъ щенятамъ.

Я не запрещаю ей этого—это ея натура, пересилить которую значитъ погубить. Я только стараюсь по возможности оберегать ее въ гигіеническомъ отношеніи, уменьшая количество расточаемыхъ ею поцѣлуевъ, чему она хотя и неохотно, но все-же покоряется.

Учится Уголекъ плохо. Она разсѣянна и легко забываетъ. Пока она занимается въ день одинъ только часъ со мной, но и то за этотъ часъ она десять разъ бросаетъ книгу и подбѣгаетъ къ окну.

— Смотрите, смотрите, воробушки...

. . . .

Любитъ ли меня Лео?.. Этотъ вопросъ мучитъ меня сегодня въ одиночествѣ. Онъ уѣхалъ въ гости, а я сижу одна и думаю о немъ. Я представляю его среди веселой толпы нарядныхъ дѣтей. Я знаю, онъ бродитъ между ними, задумчивый, мечтательный. Думаетъ ли онъ сейчасъ обо мнѣ? Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ это знать. Достаточно и того, что, окончивъ свои занятія съ учителемъ, онъ бѣжитъ ко мнѣ веселый и довольный тѣмъ, что можетъ быть со мной. Мы гуляемъ, разговариваемъ, мечтаемъ. Вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, идемъ въ библіотеку и забираемся съ ногами на диванъ. Мы одни съ нимъ.

Мамы и папы нѣтъ дома. Уголекъ спитъ. Мы сидимъ съ нимъ рядомъ долго-долго. Онъ разсказываетъ мнѣ о цвѣтахъ, мотылькахъ, поляхъ, гдѣ онъ лѣтомъ гулялъ. О маленькой слѣпой дѣвочкѣ, которая приходила просить милостыню въ ихъ усадьбу изъ сосѣдней деревни.

Я сижу, полузакрывъ глаза. Его слова кажутся мнѣ тоже мотыльками. Они рѣютъ и носятся по комнатѣ, наполняя ее блескомъ своихъ прозрачныхъ крылышекъ. Я глажу его чуть слышно по головѣ. Онъ любитъ это, я знаю, а мнѣ доставляетъ неизъяснимое наслажденіе прикасаться къ его шелковистымъ локонамъ. Изрѣдка онъ дотрагивается рукой до моей. Мнѣ кажется, ему хочется погладить, можетъ быть, поцѣловать, но онъ не смѣетъ. Не смѣю и я поцѣловать его, когда онъ низко наклоняется ко мнѣ. Поцѣловать его въ полуоткрытыя холодныя влажныя губы. Мнѣ кажется, что у него такія губы—онѣ еще никогда не цѣловали страстно, никогда не горѣли жаждой отвѣтнаго поцѣлуя.

Онѣ чисты, и я боюсь осквернить ихъ своимъ прикосновеніемъ.

Милый мальчикъ, онъ не знаетъ сейчасъ, что miss Elly ревнуетъ его къ тѣмъ поцѣлуямъ, которыми награждаютъ его блестящія дамы и мужчины. Всѣ считаютъ себя въ правѣ это дѣлать и доставить себѣ и твоей мамѣ удовольствіе. Они всѣ, какъ и она, забываютъ, что поцѣлуи ихъ нечисты, что ими они цѣловали своихъ любовниковъ и любовницъ, но miss Elly это помнитъ, считая себя недостаточно для этого чистой. Она честна и не можетъ забыть свои невольныя, но все-же страстныя мечты.

. . . .

Онъ ворвался ко мнѣ, маленькій принцъ. Онъ соскучился на балу и прибѣжалъ сказать мнѣ «покойной ночи». Я крѣпко прижала его къ себѣ и держала долго въ объятіяхъ, чувствуя въ своихъ рукахъ его гибкое тѣло. Мы ничего не говорили, мы понимали другъ друга. Я видѣла его личико, его полуоткрытый ротъ, который въ эту минуту ждалъ отъ меня поцѣлуя, но я ему его не дала. Я испытывала жуткое и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкое волненіе, мнѣ самой хотѣлось его поцѣловать, но я боялась... мой поцѣлуй былъ бы слишкомъ долгъ.

Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Я слышала за стѣной, какъ онъ быстро раздѣвался и легъ въ кровать. Онъ раздѣлся, какъ всегда, безъ посторонней помощи. Онъ не любитъ, когда кто-нибудь прикасается къ нему или даже присутствуетъ при его туалетѣ. Я лично никогда этого не дѣлаю, хотя минутами меня неудержимо тянетъ войти къ нему, когда онъ раздѣтъ. Мнѣ хочется видѣть его юное, чистое и прекрасное тѣло, дотронуться до него, осязать. При мысли объ этомъ я испытываю щемящую, сладкую тоску, но я робко отступаю передъ этимъ. Я знаю, что онъ стыдится меня, волнуется каждый разъ, когда я подхожу только къ дверямъ его комнаты. Онъ дѣлаетъ въ этомъ исключеніе только для своей старушки-няньки, но и то никогда не позволяетъ ей дотрагиваться до себя. Я понимаю его: ему непріятны прикосновенія старческихъ

закорузлыхъ рукъ, ему нужны другія—маленькія, нѣжныя. Недаромъ онъ всегда проситъ меня оправить на немъ костюмъ, если онъ не въ порядкѣ. Онъ увѣренъ, что никто не сможетъ сдѣлать это лучше меня, довѣряетъ моему вкусу и соглашается одѣть то, что я нахожу красивымъ, хотя бы ему самому оно не нравилось. Онъ любитъ черный и темно-голубой цвѣтъ, бархатъ и кружевные воротники. Въ нихъ онъ напоминаетъ мальчика въ голубомъ Генсборо, чудная копія котораго виситъ въ кабинетѣ его отца.

. . . .

Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что любитъ меня. Сказалъ просто, нѣжно, глядя на меня своими глубокими ясными глазами. Я ничего не отвѣтила ему. Я молчала. Его слова были для меня неожиданны. Мы сидѣли по обыкновенію въ библіотекѣ на диванѣ, и онъ мнѣ что-то разсказывалъ. Вдругъ онъ остановился, ласково дотронулся до моей руки и сказалъ:

— Я люблю васъ, Elly,—и затѣмъ послѣ минутнаго молчанія добавилъ: — Больше папы, мамы, Baву, всѣхъ, всѣхъ...

Я замерла и не нашлась, что ему отвѣтить, хотя это было просто сдѣлать. Онъ любилъ меня чистой дѣтской любовью и сказалъ мнѣ объ этомъ довѣрчиво своимъ серебристымъ голоскомъ. Мнѣ нужно было шутливо притянуть его, потрепать по щекѣ, поцѣловать и отвѣтить, что это хорошо, но что папу и маму онъ долженъ любить больше меня. Но я молчала. Я чувствовала, какъ бьется его и мое сердце, какъ тяжело ему мое внезапное молчаніе. Я сознавала, что умышленно или неумышленно я придаю какой-то особый смыслъ его чувству, но охватившее безмолвіе было сильнѣе меня.

На другой день онъ былъ чѣмъ-то смущенъ и озабоченъ. Онъ рѣже обыкновеннаго смѣялся, а по окончаніи занятій не вбѣжалъ ко мнѣ весело, какъ всегда, а вошелъ тихо и степенно. Мнѣ казалось даже, что онъ какъ будто избѣгалъ оставаться со мной наединѣ, да и я, откровенно говоря, ощущала въ его присутствіи нѣкоторую неловкость. И такъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Большую часть своего свободнаго времени онъ не проводитъ уже, какъ прежде, со мной, а или сидитъ одинъ въ своей комнатѣ и читаетъ, или играетъ съ Baву въ саду. Это становится для меня нестерпимымъ,—я тоскую по немъ, я хочу видѣть его около себя.

. . . .

Я люблю его больше и иначе, чѣмъ предполагала. Я не могла дольше выносить его отчужденія и пошла къ нему въ комнату. Онъ сидѣлъ и читалъ. При моемъ входѣ онъ смутился и поднялся. Я подозвала его. Онъ медленно ко мнѣ приблизился. Я взяла его руку и притянула къ себѣ. Онъ не сопротивлялся, но я чувствовала нѣкоторую стѣсненность его движеній. Мнѣ страстно хотѣлось покрыть его личико поцѣлуями, но я могла его этимъ испугать и потому только ласково потрепала по щекѣ.

— Ну, что-же, мой маленькій принцъ?..

Онъ покраснѣлъ и опустилъ голову. Я обняла его и поцѣловала въ лобъ. Онъ поднялъ на меня глаза—они сіяли восторгомъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ. Голосъ его дрожалъ и двѣ крупныхъ слезы повисли на рѣсницахъ.

Цѣлый день потомъ мы не разставались съ нимъ. Онъ былъ опять веселъ и счастливъ, да и я не менѣе... Вечеромъ онъ бралъ ванну, а я ушла въ свою комнату и сѣла писать письма. Мои мысли бродили. Я думала о немъ, о его маленькой душѣ, его чувствѣ ко мнѣ, его гибкомъ молодомъ тѣлѣ. Тѣлѣ, которое я ощущала столько разъ подъ рукой и котораго, несмотря на безумное желаніе, не видѣла. Оно было мнѣ недоступно. Онъ отдалъ мнѣ душу, но не тѣло. А оно было такъ же прекрасно.

Боже, неужели и ему суждено быть поруганнымъ. Я трепещу при этой мысли. Я хотѣла бы видѣть его голову у меня на груди, тонуть въ ясной глубинѣ его синихъ глазъ и слышать его ласкающій голосъ: «Змѣйка золотая»—такъ зоветъ онъ меня теперь.

Я бы дала ему ту-же чистоту, которой владѣетъ онъ, и то-же прекрасное непорочное тѣло. Это моя гордость. Чтобы обладать имъ, нужно быть чистымъ, остаться человѣкомъ тамъ, гдѣ всѣ обращаются въ животныхъ. Я требую невозможнаго отъ мужчины, но ребенокъ, юноша... Не покоряютъ ли тамъ тѣло идеалы и грезы?..

Зачѣмъ думать, когда любишь?.. Лео и я—кто можетъ запретитъ намъ отдать другъ другу то, что мы имѣемъ? Мать, отецъ—во имя чего? Во имя здоровья? Какая иронія—оттолкнуть беззавѣтно любящую дѣвушку и затѣмъ растерять безцѣнное сокровище невинности, никогда не извѣдавъ глубины сокрытаго въ ней счастья. Нѣтъ, этого не будетъ. Онъ слишкомъ прекрасенъ. Я знаю, какъ теряютъ его. Мелочно, гадко, начиная съ горничной, кончая женой. Онъ достоинъ большаго.

Дверь отворилась неслышно. Онъ былъ въ ванной одинъ и стоялъ ко мнѣ спиной. Я замерла, пораженная красотой его тонкаго, словно выточеннаго изъ мрамора тѣла. Оно было еще прекраснѣе, чѣмъ я его себѣ представляла. На немъ можно было разсмотрѣть каждую жилку, каждый мускулъ.

Но это продолжалось недолго. Услышавъ за собою шумъ, онъ быстро обернулся и, увидя меня, тихо вскрикнулъ. Глаза его выражали ужасъ. Онъ сдѣлалъ неловкое движеніе скрыться, но было уже поздно. Я обняла его и покрыла поцѣлуями. Онъ весь затрепеталъ и стыдливо прижался ко мнѣ.

Свершилось ужасное, можетъ быть, непоправимое. Я взываю къ своему благоразумію,—еще время остановиться,—но чувствую, что силы оставляютъ меня и съ каждой минутой я все сильнѣе и сильнѣе подпадаю подъ власть моей чудовищной мечты.

. . . .

Онъ подошелъ ко мнѣ, положилъ на мое плечо свою бѣлокурую голову и нѣжно прошепталъ:

— Elly, змѣйка золотая...

Я посадила его на колѣни и стала ласкать. Онъ слабо отвѣчалъ мнѣ. Онъ сегодня утомленъ. Его личико блѣднѣе обыкновеннаго, а подъ глазами синеватая тѣнь. Но сами глаза прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Въ нихъ виденъ еще отблескъ вчерашняго счастья, вчерашняго удивленія предъ нимъ. Да, «змѣйка золотая» не забудетъ ихъ никогда. Они смотрѣли на меня съ какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ и безконечной благодарностью. Онъ не понималъ еще, что произошло, но инстинктивно чувствовалъ, что свершилось что-то таинственное, рѣзкой гранью отдѣлившее прошлое отъ настоящаго. Онъ перешагнулъ ее, перешагнулъ эту грань, дѣлящую человѣчество на виновное и невиновное, но попрежнему онъ былъ невиновенъ. Въ немъ не пробудилось ничего, что бы омрачило его чистоту. Онъ остался прежнимъ Лео безъ единой гаденькой мысли. На его глазахъ дрожали слезы...

И я, змѣйка золотая, выпила эти слезки, маленькія слезинки, стекавшія по его щечкамъ...

. . . .

Любовь наша тайна для всѣхъ. Никто и не подозрѣваетъ о ней. Утромъ занятія, днемъ прогулки, бесѣды. Лео учится превосходно и его учитель въ восторгѣ. Онъ находитъ, что за послѣднее время онъ сдѣлалъ огромные успѣхи. Онъ развивается, крѣпнетъ. Я чувствую, какъ не по днямъ, а по часахъ растутъ его силы. Онъ ласкаетъ меня серьезно, какъ взрослый, и сердится, если я называю его маленькимъ принцемъ. Онъ не хочетъ быть имъ. Онъ хочетъ быть большимъ и не принцемъ, а мужемъ, настоящимъ мужемъ Elly-змѣйки, которую любитъ больше всѣхъ-всѣхъ. Я смѣюсь и говорю ему, что она слишкомъ стара для него, что тогда, когда онъ будетъ взрослымъ, она будетъ некрасивой, сморщенной старухой. Онъ соглашается со мной, но становится при этомъ такимъ грустнымъ, что мнѣ жаль его, жаль его и себя. Этому счастью никогда не бывать, но сейчасъ мы обладаемъ другимъ, которое въ нашей власти и которое никто не можетъ отнять. Но Лео съ этимъ примириться не можетъ. Вчера онъ особенно долго говорилъ мнѣ о нашемъ бракѣ. Онъ не оставляетъ своей мечты и всѣми силами старается увѣрить меня въ его возможности. Онъ развивалъ предо мною всевозможные планы включительно до бѣгства въ Америку. Онъ былъ оживленъ, глаза его горѣли—и я чувствовала, что онъ вѣритъ себѣ. Я сидѣла, не смѣя прервать его дѣтскія мечты, хотя мнѣ больно и тяжело, что онъ создаетъ себѣ иллюзіи относительно нашего счастья. Оно не нуждается въ нихъ, чтобы быть имъ. Ласково, осторожно я принялась его въ этомъ убѣждать. Я видѣла, что онъ страдаетъ, я сама страдала вмѣстѣ съ нимъ, но я настойчиво продолжала разбивать шагъ за шагомъ его фантастическія грезы.

И Лео грустилъ. Онъ цѣлый день безвыходно сидитъ въ своей комнатѣ и не идетъ ко мнѣ. Не иду и я къ нему. Зачѣмъ я пойду къ нему? Утѣшать?.. Нѣтъ, какъ бы мнѣ самой ни было тяжело безъ его счастливой улыбки, я не вызову ее ложью. Я не убаюкаю его несбыточными надеждами, онъ долженъ смириться и привыкнуть такъ же, какъ я, къ той мысли, что рано или поздно не я, а онъ уйдетъ отъ меня.

Зато Уголекъ не отходитъ отъ него. Она точно чувствуетъ горе своего брата и всѣми силами старается развлечь его. Она надоѣдаетъ ему, ему тяжело отвѣчать на ея вопросы, но онъ не въ силахъ прогнать ее отъ себя. Она обезоруживаетъ его своей нѣжной заботливостью и вниманіемъ. Она притащила всѣ свои книги и разсказываетъ ему о жизни своихъ кошекъ, собакъ, кроликовъ. Она знаетъ, что Лео любитъ слушать, хотя ей самой скучно сидѣть на мѣстѣ и не бѣгать съ Розкой въ саду. Но Лео молчитъ—и это волнуетъ Уголька. Она бросаетъ свои разсказы и принимается разспрашивать его. Она прикладываетъ свою руку къ его головѣ, пробуетъ, нѣтъ-ли у него жара, и совѣтуетъ сказать мамѣ, если онъ чувствуетъ себя плохо. Все это она дѣлаетъ серьезно, дѣловито, точно такъ, же, какъ она дѣлаетъ со своими звѣрьками. Даже жесты, тонъ голоса тѣ-же. Я долго стояла у двери и наблюдала за ней. Наконецъ, я вошла. Увидя меня, Уголекъ слѣзъ съ дивана и отошелъ къ окну. Мнѣ показалось, что она была недовольна моимъ приходомъ и, пока я была въ комнатѣ, оставалась въ сторонѣ, изрѣдка бросая на насъ съ Лео подозрительные и пытливые взгляды.

. . . .

Уголекъ совсѣмъ забросилъ своихъ звѣрьковъ и только по утрамъ, и то на минутку, навѣщаетъ ихъ. Отъ Лео-же она не отходитъ. Она ухаживаетъ за нимъ, какъ за больнымъ. Въ сущности говоря, Лео давно уже оправился отъ своей грусти и только нѣкоторая задумчивость выдаетъ, что на днѣ его свѣтлой души что-то неладно. Меня это мучитъ. Я знаю, что причиной его перваго горя я, но вмѣстѣ съ тѣмъ я также знаю, что не въ моихъ теперь силахъ уничтожить его. Не въ моихъ и не въ силахъ Уголька, хотя она и перенесла на него всю свою нѣжность. Можетъ быть, раньше это и было бы для нея возможно, но не теперь. Онъ больше уже не маленькій принцъ, не нѣжный, недоразвившійся бутонъ. Нѣтъ, нѣтъ, теперь ласка матери, сестры ему не нужна.

Угольку этого не понять, и потому она настойчиво продолжаетъ ухаживать за нимъ. Сегодня, напримѣръ, она подарила ему своего любимаго кролика. Я думаю, этого кролика она любила больше всѣхъ. Все это очень трогательно, но меня это тревожитъ. Чего она этимъ добивается? Узнать тайну его горя? Я боюсь, что она достигнетъ этого, и тогда онъ для меня потерянъ. Какъ ребенокъ, онъ нуждается въ той материнской ласкѣ, которую онъ видитъ въ своей маленькой сестренкѣ и которую не могутъ ему дать ни чуждая ему по духу мать, ни близкая Elly-змѣйка. Эта-то ласка и будетъ всегда отдалять его отъ меня. Боже,

что бы я дала, чтобы только обладать ея даромъ, но—увы!—я неспособна быть ему матерью или сестрой. Я не умѣю, какъ она, сберечь ему какія-нибудь конфекты, подарить книжку, игрушку и вызвать въ немъ волну ласкъ, которая успокоила бы его. Я умѣю только любить, любить минутами безумно, и ревновать къ Угольку...

. . . .

Уголекъ ласковъ ко мнѣ, предупредителенъ, но я не вѣрю ему. Не вѣрю этому коварному звѣрьку, который чуетъ свою побѣду и, чтобы торжествовать окончательно, хочетъ усыпить бдительность своего врага. Но это ей не удастся. Я тоже чую, чую непрочность моего счастья, вижу и понимаю ту глухую борьбу, которая происходитъ у насъ съ ней и которая имѣетъ свое продолженіе въ моей душѣ А то, что мы боремся, это ясно. Боремся за обладаніе Лео, и кто изъ насъ побѣдитъ—она ли, своей материнской лаской, или я со своей неудержимой любовью...

Сейчасъ только ко мнѣ вбѣжалъ Лео, взволнованный, разстроенный, и, когда мнѣ съ трудомъ удалось его успокоить, разсказалъ дрожащимъ голосомъ и глотая слезы, что вчера вечеромъ, когда онъ возвращался отъ меня, его видѣла мать, вернувшаяся домой раньше обыкновеннаго. Въ полумракѣ она не разглядѣла хорошо, кто это былъ—онъ или Уголекъ, и потому сегодня спросила его.

— Ну, и что-же, ты сказалъ?..

Онъ густо покраснѣлъ и прошепталъ:

— Я не успѣлъ. Ваву сказала, что это была она...

Я ничего не отвѣтила ему на это. Предъ моими глазами пронеслось все происшедшее. Я увидѣла блестящій, пытливый взглядъ Уголька, брошенный на брата, и услышала ея тоненькій голосокъ:

— Мамуся, это была я...

А бѣдный Лео стоялъ потерянный. Личико его было красное, испуганное... Онъ солгалъ, солгалъ, можетъ быть, въ первый разъ...

Я порывисто обняла его. Онъ обхватилъ меня руками и крѣпко прижался ко мнѣ. Я чувствовала, что онъ плачетъ.

. . . .

Я ухожу, я не могу и не смѣю больше оставаться. Я люблю его такъ же, люблю его еще сильнѣе, но я уйду отъ него навсегда. Уйду, потому что поняла, чего хочетъ Уголекъ. Она сама не знаетъ—чего, но чувствуетъ инстинктивно, что Лео на краю пропасти, и спасаетъ его.

Теперь и я знаю, что онъ близокъ къ ней. Знаю потому, что чувствую на себѣ неспокойный взглядъ его потемнѣвшихъ глазъ. Въ нихъ нѣтъ прежняго свѣта, въ нихъ горятъ мрачные огни страсти. Въ его душѣ свершается мучительный процессъ, остановить который я не въ силахъ. Онъ познаетъ зло и добро,

которыхъ раньше не зналъ. И добромъ для него является дѣтская игра съ Уголькомъ, а мучительнымъ зломъ—любовь. Все чаще и чаще онъ играетъ съ ней и каждый разъ возвращается ко мнѣ успокоеннымъ, чтобы уйти отъ меня вновь грустнымъ и взволнованнымъ. Его любовь ко мнѣ угнетаетъ его, отнимаетъ душевную бодрость и спокойствіе. Она, я чувствую, съ каждымъ днемъ убиваетъ его дѣтство, какъ болѣзнь, обращающая дѣтей въ отжившихъ старцевъ. Она давитъ его, онъ не видитъ въ ней ни красоты, ни счастья, ибо признаться въ немъ своей матери ему что-то мѣшало. Это молчаніе, эта ложь—начало уже той погибели, которую инстинктивно чувствуетъ Уголекъ.

Я ухожу, ненавидя ее, но не смѣя мѣшать ей и вѣря ея силамъ, которыя помогутъ Лео забыть змѣйку золотую.

. . . .

Я видѣла Лео. Я сразу узнала его, хотя за эти полтора года онъ сильно выросъ и возмужалъ. Моихъ шелковистыхъ локоновъ уже не было, они были острижены, но зато у него былъ цвѣтущій, здоровый видъ. Онъ шелъ съ какимъ-то господиномъ, оживленно разговаривая и весело смѣясь. Меня онъ какъ будто не видѣлъ. Сердце мое сжалось отъ боли, — Уголекъ свое дѣло сдѣлалъ. Лео, маленькій принцъ, забылъ змѣйку золотую.

Въ комнатѣ было тихо. Онъ медленно поднялъ голову и тупо уставился глазами въ одну точку. Вдругъ онъ вздрогнулъ—его взглядъ встрѣтился съ ея взглядомъ. Она стояла въ дверяхъ и пристально на него смотрѣла. Ему показалось, что холодно и насмѣшливо. Не говоря ни слова, она повернулась и вышла. Черезъ два часа пришелъ посыльный за ея вещами.

А. Котеневъ.

У поѣзда.

Опять зеленый жадный змѣй,
Остановившись передъ нами,
Зальется гулкими свистками,
Со вздохомъ двинется впередъ
И что-то съ болью оторветъ,
Блеснувъ прощальными огнями...
Опять увядшіе цвѣты
Рука дрожащая протянетъ,
И чей-то взглядъ грустнѣе станетъ,
Цѣлуя милыя черты...

Не досказавъ, не умоливъ,
Послѣднихъ словъ нѣмой приливъ
Съ неясной думою сольется;
Мечта о встрѣчѣ промелькнетъ,—
И кто-то странно улыбнется
И тихо изъ толпы пойдетъ...

М. Макарова.

РОМАНЪ МУЖЧИНЫ СОРОКА ЛѢТЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

(*Разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи* *).

Извѣстно о звѣздахъ, что иныя изъ нихъ внезапно потухаютъ безъ всякой объяснимой причины и на короткое время или навсегда исчезаютъ во мракѣ безпредѣльнаго пространства; точно такъ-же бываютъ и люди, судьба которыхъ, начиная съ какого-нибудь опредѣленнаго времени ихъ жизни меркнетъ и утопаетъ во мракѣ.

Такимъ человѣкомъ былъ Сильвестръ фонъ-Эрфтъ-и-Дудслохъ, который жилъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка между Вюрцбургомъ и Кицингиномъ въ нижне-франконскомъ округѣ. Хозяйственныя дѣла его процвѣтали и семейная его жизнь сложилась хорошо. Хотя онъ и не имѣлъ возможности пользоваться той роскошью, о какой иногда мечталъ въ часы бездѣлія, все же его средства позволяли ему выполнять всѣ желанія, рожденныя его капризнымъ воображеніемъ или же вкоренившимися въ немъ привычками. Оба его помѣстья приносили значительные доходы, а закладныя обязательства отдѣльныхъ земель или новыхъ построекъ уменьшались съ каждой новой жатвой; капиталъ его, состоявшій изъ приданаго жены и постепенно нароставшихъ сбереженій, хранился въ одномъ вюрцбургскомъ банкѣ. Сильвестръ фонъ-Эрфтъ имѣлъ возможность держать нѣсколько верховыхъ лошадей и коляску, а также арендовать довольно обширные лѣса, чтобы предаваться удовольствіямъ охоты. Вмѣстѣ со своей подругой жизни, Агатой, онъ предпринималъ иногда небольшія путешествія въ ближайшія резиденціи къ сѣверу и къ югу, когда ихъ привлекалъ туда какой-нибудь концертъ или театръ, или общество друзей. Кромѣ того, онъ также все болѣе обогащалъ свою библіотеку, ибо онъ былъ человѣкъ со знаніями и чуткими умственными интересами.

*) **От редакціи.** „Романъ мужчины сорока лѣтъ" одновременно съ „Новой Жизнью" начинается печатаніемъ въ сентябрѣ и по-нѣмецки. Настоящій переводъ—единственный, разрѣшенный авторомъ спеціально для „Новой Жизни".

Но его дѣятельная натура не могла всѣмъ этимъ удовлетвориться. Въ молодости онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и послѣ того, какъ онъ женился и поселился въ своихъ помѣстьяхъ, его долгое время занимали планы разныхъ преобразованій. Онъ хотѣлъ измѣнить арендную систему и управленіе земель на англійскій образецъ; онъ устраивалъ собранія крестьянъ, на которыхъ предлагалъ имъ сплотиться и возстать противъ грозившаго имъ капитализма и экономической эксплоатаціи. У него были даже мысли о перемѣнѣ наслѣдственнаго порядка въ нѣмецкой аристократіи по примѣру англійской—и онъ сдѣлалъ представленіе объ этомъ королю, высказавъ въ своихъ доводахъ дальновидность и пониманіе дѣла. Но его посланіе оставлено было безъ всякаго отвѣта и вызвало только, когда о немъ узнали въ округѣ, вражду и насмѣшки со стороны всего мѣстнаго дворянства. Его шуринъ, маіоръ Эгенбергъ-ауф-Эгенбергъ, призвалъ его даже къ отвѣту по поводу его, какъ онъ выразился, дурацкаго посланія. Сильвестръ не пожелалъ ничего сказать въ свое оправданіе. Онъ только улыбнулся, когда маіоръ предложилъ ему, если ужъ онъ ощущаетъ въ себѣ столь безграничную жажду дѣятельности, пройти на выборахъ и отправиться депутатомъ во Франкфуртъ. Вѣдь, Бисмаркъ, по его словамъ, какъ разъ на пути къ тому, чтобы составить истинное несчастіе Германіи, и нужны смѣлые люди для борьбы съ этимъ дракономъ.

О такого рода политикѣ Сильвестръ и слышать не хотѣлъ. Ничего, кромѣ вѣжливаго участія, онъ не могъ выказывать тѣмъ, кто пускалъ въ ходъ колеса государственной машины; онъ цѣнилъ хорошихъ правителей, но считалъ, что дурныхъ не исправятъ и самые усердные слуги. „Я люблю мою родину,“—часто говорилъ онъ,—„люблю землю, которая меня носитъ и кормитъ, но мнѣ совершенно безразлично, какой краской эта земля обведена на картѣ, и никакой министръ не можетъ требовать отъ меня, чтобы я сопровождалъ уплату податей радостнымъ пѣніемъ патріотическихъ гимновъ“. Подобно многимъ развитымъ и умнымъ людямъ, онъ не понималъ своего времени. Оно представлялось ему мертвымъ, пустымъ и безцвѣтнымъ, временемъ мѣщанства, плохой музыки, плохихъ книгъ, безвкусной мебели и безплодной болтовни. Ему казалось, что шумъ поднимаютъ лишь для того, чтобы производить путаницу въ умахъ и затемнять ходъ идей. Онъ не вѣрилъ ни въ какой благополучный исходъ, не питалъ никакихъ надеждъ на счетъ своей родины и относился безучастно къ обманному возбужденію своихъ согражданъ, ибо все, что онъ самъ хотѣлъ предпринять имъ на пользу, такъ постыдно не удавалось ему.

Но это ничуть не мѣшало ему быть бодрымъ и веселымъ. За послѣдніе годы онъ очень пристрастился къ садоводству, выстроилъ оранжерею и выписалъ садовника изъ Ричмонда. Съ нимъ онъ совѣщался цѣлыми часами о

томъ, какъ разбить новыя дорожки, а также о прививкахъ и пересадкахъ растеній. Агата, насколько могла, помогала ему,—и къ тому рыцарскому чувству, съ какимъ онъ къ ней относился, стала присоединяться и благодарность. Она была всего на два года моложе его—и это обстоятельство дѣлало ее еще болѣе его другомъ. При всякомъ представлявшемся случаѣ онъ выказывалъ полное признаніе ея равноправности съ нимъ. У нихъ бывали и ссоры, ибо онъ былъ вспыльчивъ, а иногда и капризенъ; Агата же не принадлежала къ числу женщинъ, склонныхъ къ рабскому подчиненію. Но ее каждый разъ восхищало его стараніе загладить свою вину. Случалось, что онъ доводилъ ее до слезъ своими придирками, но зато вечеромъ онъ бралъ какую-нибудь книгу съ прекрасными стихами и читалъ ей вслухъ. На третій годъ ихъ супружества у нихъ родилась дочь. Ее назвали Сильвіей; ей было теперь семь лѣтъ, и она была очень красива. Къ отцу и къ матери она привязана была со всей страстностью дѣтскихъ лѣтъ и во всѣхъ ея снахъ передъ глазами ея проходилъ, точно богъ, ея отецъ съ его стройной фигурой и яснымъ лицомъ.

Съ какого-то дня,—никто бы не могъ точно сказать, съ какого—Сильвестръ измѣнился. Въ немъ стала проявляться какая-то нерѣшительность странное колеблющееся настроеніе, недовольство, доходившее до раздраженія и сильно безпокоившее Агату. Иногда она пыталась вырвать его изъ этого страннаго состоянія, но онъ лишь пожималъ плечами въ отвѣтъ или смотрѣлъ на нее холоднымъ взоромъ. Онъ пересталъ интересоваться Сильвіей и говорилъ съ дѣвочкой принужденнымъ, разсѣяннымъ тономъ.

Агата тщетно доискивалась причины происшедшей въ немъ перемѣны. Напрасно заказывала она для него лакомыя блюда, напрасно подарила ему англійскаго дога и новое ружье для охоты. Всѣ ея старанія разсѣять его были тщетны. Онъ точно окаменѣлъ. Однажды она зашла къ нему въ комнату и увидѣла его неподвижно сидящимъ передъ зеркаломъ спиной къ ней. Она испугалась выраженія его лица въ зеркалѣ. Она подошла къ нему, но онъ не слышалъ ея шаговъ. Онъ оперся головой на руку и сосредоточенно разсматривалъ свое отраженіе. Взглядъ его былъ мрачный, и онъ нахмурилъ брови съ угрюмой рѣшительностью; изъ устъ его точно безмолвно вырывался мучительный вопросъ. Агата испугалась. Она тихо вышла изъ комнаты и дойдя до передней, молча заломила руки.

Въ другой разъ она услышала среди ночи, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Она лежала въ постели, но не могла заснуть. Чѣмъ дольше она прислушивалась къ его шагамъ, тѣмъ болѣе сонъ отлеталъ отъ нея. Наконецъ, она встала, закуталась и, выйдя изъ спальной, поднялась босикомъ по лѣстницѣ. Она тихонько постучала, чтобы не войти безъ предупрежденія; но когда она хотѣла повернуть ручку двери, то оказалось, что

дверь была заперта на засовъ. Въ ту же минуту потухъ свѣтъ, виднѣвшійся въ скважинѣ, и наступила тишина. Не было никакого сомнѣнія, что онъ слышалъ стукъ и зналъ, что у порога стояла Агата. „Значитъ, одного сознанія моей близости", — подумала Агата, — „достаточно, чтобы внушить ему страхъ, и не только страхъ, но и отвращеніе, и онъ гаситъ лампу, чтобы заставить меня уйти".

На другое утро она передала дѣвочку на попеченіе ея воспитательницы, сама уѣхала къ своей сестрѣ въ Эгенбургъ. Мужу она оставила записку, въ которой сообщала, что ей хочется повидаться съ сестрой и ей тѣмъ легче рѣшиться на эту поѣздку, что онъ, какъ она имѣетъ основаніе предполагать, въ ея присутствіи не нуждается и разлука на восемь или десять дней ему даже будетъ скорѣе пріятна въ его теперешнемъ настроеніи. Она жила у сестры и шурина, какъ въ мучительномъ изгнаніи, но не выдавала своихъ чувствъ и не проявляла никакого желанія обсуждать грозившую ей опасность. Не въ ея характерѣ было говорить съ другими о томъ, что она должна была выяснить только сама съ собой и со своимъ мужемъ. Она ждала со дня на день вѣстей отъ него; присущее ей упрямство мѣшало ей сократить ею самой положенный себѣ срокъ, и когда она черезъ полторы недѣли вернулась въ Эрфтъ, то узнала, что Сильвестръ за четыре дня до того уѣхалъ изъ дому. Онъ увезъ съ собой Адама Гунда, своего бывшаго слугу, которому онъ помогъ жениться на дочери пивовара изъ Ашафенбурга и далъ мѣсто управляющаго въ Дудслохѣ.

Онъ не оставилъ ни письма, ни записки съ указаніемъ мѣста, куда уѣхалъ. Фрау Эстерлейнъ, воспитательница Сильвіи, разсказала Агатѣ, что въ ночь передъ отъѣздомъ онъ подошелъ къ кровати дѣвочки, бурнымъ движеніемъ поднялъ ее съ подушекъ и прижалъ къ груди, но Сильвія крѣпко спала и всего этого не помнила. Въ то же самое время Агата получила изъ вюрцбургскаго банка оффиціальное извѣщеніе о томъ, что ея мужъ взялъ съ ихъ счета двѣ тысячи талеровъ.

Агата отправилась къ себѣ въ комнату, сѣла и закрыла лицо руками, точно ища, гдѣ бы укрыться. Ей стыдно было дневного свѣта, и прежде всего она спрашивала себя, въ чемъ она могла сама провиниться, какой грѣхъ она могла совершить, сама того не вѣдая. Она готова была искать вину въ себѣ самой и рада была бы уличить себя въ какомъ угодно преступленіи, лишь бы все сдѣлалось яснымъ. Сознавать, что сердце того, кто былъ ей дороже всѣхъ на свѣтѣ, какимъ-то таинственнымъ образомъ закрылось для нея, казалось ей нестерпимымъ. Все же она хранила передъ окружающими наружное спокойствіе—и самый проницательный взоръ не могъ бы открыть на ея добромъ и серьезномъ лицѣ слѣдовъ терзавшей ее печали.

Такъ прошла недѣля. Однажды днемъ Агата стояла во дворѣ и говорила

съ управляющимъ; въ это время во дворъ вошелъ почтальонъ и передалъ ей письмо. Она, не глядя, почувствовала, что письмо отъ Сильвестра. На этотъ разъ ее оставило ея обычное самообладаніе; руки ея задрожали, лицо поблѣднѣло. Она быстро вошла въ домъ; въ столовой она должна была прислониться къ двери, которую захлопнула за собой, и перевести дыханіе прежде, чѣмъ разорвать конвертъ. Наконецъ, она стала читать—и напряженныя черты лица ея съ каждымъ мгновеніемъ становились болѣе спокойными; но въ то же время въ нихъ отражалось все большее удивленіе.

Странное поведеніе ея мужа усугублялось тѣмъ, что письмо его было написано такимъ тономъ, точно не могло быть ничего болѣе естественнаго, какъ его отсутствіе изъ дому, и точно онъ и не подозрѣвалъ о тревогѣ Агаты. Все, о чемъ онъ ей сообщалъ, разсказано было изящнымъ тономъ, всегда отличавшимъ его письма; но никогда до того и никогда съ такимъ правомъ Агата не относилась съ болѣе глубокимъ недовѣріемъ къ его эпистолярному искусству; его гладкіе и нарядные обороты, казалось ей, заключали въ себѣ каждый разъ ложь, и ей стоило большого труда, чтобы въ эту минуту не утратить своего непреклоннаго уваженія къ Сильвестру. Онъ писалъ ей о безразличныхъ знакомыхъ, съ которыми видался, о семьѣ президента, у котораго онъ обѣдалъ, о полученномъ имъ приглашеніи великаго герцога въ Карлсруэ, о томъ, какъ ему пріятно путешествовать, о плохой пьесѣ, которую онъ видѣлъ въ театрѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ: „Я поселился въ двухъ прескверныхъ комнатахъ въ гостиницѣ, въ третьемъ этажѣ, потому что все переполнено изъ-за нюренбергской ярмарки. Но эта неудача доставила мнѣ маленькое приключеніе: у окна дома насупротивъ моего показалась однажды вечеромъ молодая дѣвушка; мы взглянули другъ другу въ глаза, какъ два существа съ разныхъ планетъ; она болѣе, чѣмъ молода, вся кровь въ ея жилахъ поетъ о молодости; при этомъ она печальна, какъ всѣ просыпающіеся, и я читаю въ ея черныхъ еврейскихъ глазахъ повѣсть о страданіяхъ многихъ поколѣній; движенія ея связанныя, точно у заключенной. Я думаю о ней, когда играю въ шахматы съ де-Вріентомъ; и когда я хожу по пустымъ заламъ герцогскаго дворца, чтобы любоваться моими любимыми полотнами Тіеполо, она точно сопровождаетъ меня, какъ образъ молящей рабыни. Совѣтуешь ли ты мнѣ соблазнить ее, Агата? Соблазнить, чтобы освободиться отъ мысли о ней? Я знаю, что ты не дорожишь той вѣрностью, которая только внѣшнимъ образомъ хранитъ свое подобіе. Чувственныя наслажденія не имѣютъ для тебя цѣны; ты даже слишкомъ ихъ не цѣнишь, чтобы вполнѣ меня понять. Поскольку у меня бываютъ низменные порывы, ты ихъ терпишь, но твоя терпимость слишкомъ небесная и унижаетъ меня“.

Агата выпустила изъ рукъ письмо—и глаза ея затуманились. Въ словахъ

его звучала иронія, а ироніи она не выносила. Переждавъ, она продолжала читать: „Я никогда не былъ того мнѣнія, что чувственныя влеченія позорны въ человѣкѣ. Неужели-же прятать свои желанія подъ маской, скрывать ихъ подъ лицемѣрной гримасой? Любовь—нѣчто священное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто весьма земное, и не нужно бояться ничего животнаго въ себѣ, если мы достаточно невинны, чтобы помнить о своей плоти. Меня совершенно не занимаетъ ни томная восточная дѣвушка, ни какая-либо другая женщина. Все это одно только чувственное влеченіе, а оно свойственно въ такой степени лишь больнымъ душамъ. Душа моя больна, Агата, и ее нужно вылечить. Я уѣду въ другое мѣсто. Куда—еще самъ не знаю. Не могу также сказать, когда я вернусь. Будь снисходительна ко мнѣ и забудь на нѣкоторое время твоего Сильвестра".

У Агаты было такое чувство, точно между пальцами у нея текла ртуть. Она не понимала прочитанныхъ ею словъ; изъ знакомыхъ устъ раздавался невѣдомый голосъ: какой-то злой духъ дразнилъ ее, принявъ образъ друга. „Онъ боленъ", промелькнула у нея мысль, и такъ какъ передъ нею стояла Сильвія и глядѣла на нее широко раскрытыми, вопрошавшими глазами, точно понимая печаль и сомнѣнія матери и безмолвно призывая ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то ей захотѣлось поѣхать къ мужу. Къ вечеру ея рѣшеніе окрѣпло: она послала къ управляющему и заказала коляску. На слѣдующій день, въ довольно ранній утренній часъ, она поѣхала въ городъ.

Она опоздала на часъ.

Агата была родомъ изъ видной аристократической семьи, владѣвшей землями въ нассауфскомъ округѣ. Отецъ ея долго жилъ во Франціи, затѣмъ принималъ участіе въ революціи въ Германіи и былъ убитъ въ мартовскіе дни. Она была самая младшая изъ семи сестеръ, прозванныхъ за ихъ красоту пеліадами. Съ мужемъ своимъ она познакомилась на придворномъ балу въ Дармштадтѣ, но Сильвестръ заинтересовался ею лишь позже, при довольно странныхъ обстоятельствахъ. Одна изъ ея сестеръ жила въ домѣ графини Арнштейнъ, дальней родственницы Сильвестра. Графиня умерла,—и среди посѣтителей, явившихся выразить сочувствіе семьѣ, находились также Сильвестръ и Агата, причемъ у Агаты была странная особенность: притворно печальныя лица на такихъ собраніяхъ всегда вызывали у нея смѣхъ, и тѣмъ болѣе неудержимый, чѣмъ печальнѣе былъ вызывавшій его поводъ. Уже въ передней наступило то, чего она такъ боялась, когда мимо нея прошелъ со скорбнымъ лицомъ извѣстный судья въ высочайшемъ крахмальномъ воротникѣ и въ гигантскомъ цилиндрѣ. Ея сестра Поликсена стала всячески ее сдерживать—и она лишь съ величайшимъ трудомъ преодолѣла душившій ее смѣхъ. Лакеи съ нѣкоторымъ колебаніемъ раскрыли передъ нею

двери—и она вступила съ трепетомъ въ толпу говорившихъ взволнованнымъ шопотомъ гостей. Губы ея все еще дрожали. Со страхомъ опустивъ глаза, она стала пожимать руки нѣсколькимъ постороннимъ лицамъ, принявъ ихъ за членовъ семьи покойной; она сейчасъ же замѣтила свою ошибку, снова почувствовала близость рокового взрыва хохота и въ отчаяніи прижала къ губамъ платокъ, издавая звуки, которые, къ счастью, показались семьѣ покойной рыданіемъ, что и предотвратило неминуемый скандалъ.

Сильвестръ наблюдалъ за нею во время всего этого происшествія и сразу ее понялъ. Въ тотъ же день между ними завязался сблизившій ихъ таинственно-неистощаемый разговоръ.

Сильвестру было тогда двадцать семь лѣтъ. Онъ не имѣлъ намѣренія жениться. У него было предубѣжденіе противъ брака, которое ему казалось достаточно обоснованнымъ, ибо оно подтверждалось многими фактами и наблюденіемъ надъ семейной жизнью другихъ людей. Онъ не хотѣлъ терять своей свободы; онъ боялся приковать себя къ опредѣленному дому, къ комнатѣ, столу; онъ не хотѣлъ терять права распоряжаться собой; его не тянуло къ семейному покою и невозмутимой идилліи супружескаго счастья. Онъ слишкомъ привыкъ къ волненіямъ неопредѣленности, къ случайностямъ и приключеніямъ своихъ скитаній по свѣту. Онъ кое-что видѣлъ на своемъ вѣку, но далеко не все, и его еще влекло вдаль. Все это онъ сказалъ Агатѣ и точно также сказалъ ей, что не можетъ ни въ чемъ поручиться за себя.

Но Агатѣ удалось убѣдить его, что совмѣстная жизнь съ нею дастъ ему счастье, и чѣмъ больше онъ узнавалъ ее, тѣмъ болѣе былъ склоненъ вѣрить ей. Онъ чувствовалъ въ ней такую упорную жизненную силу, какой до того не наблюдалъ ни въ одномъ человѣческомъ существѣ. Это была жизненная сила цѣпкихъ растеній, которыя выростаютъ изъ нѣжнѣйшихъ побѣговъ и достигаютъ столь непреодолимой силы, что перекидываютъ мосты черезъ пропасти и разрываютъ скалы. Такого рода непреодолимая воля и подчинила его Агатѣ безсознательно для него самого. Онъ преклонялся передъ нею, самъ того не зная. Она могла бы просто завладѣть его сердцемъ, ибо то сопротивленіе, которое онъ оказывалъ ея любви, коренилось въ странномъ страхѣ передъ нею, въ страхѣ передъ ея рѣшительностью, ея мужествомъ, ея наивной страстью и неистовствомъ всѣхъ движеній ея ума и ея сердца, т. е. передъ всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ онъ чувствовалъ себя не въ силахъ бороться. Самъ онъ былъ нерѣшителенъ не только въ поступкахъ, но и въ мысляхъ, и только внутреннія переживанія его были глубокія и незабвенныя. Она любила его со всей бурностью своей натуры. Онъ отдавался ея любви,—и тутъ начиналась его вина. Хотя онъ отвѣчалъ на ея любовь, но не давалъ своей любви свободно, а такъ пріучился къ тому, чтобы она завоевывала его чувство, что

утратилъ всякую непосредственность и даже не всегда платилъ ей за все, что она давала ему въ своемъ чувствѣ. Они жили счастливой и чистой жизнью, но Агата не замѣчала, что она становилась просто удобной мужу. Она была точно создана стать подругой его жизни, даже, казалось ему, идеаломъ подруги жизни, но съ теченіемъ времени это сдѣлалось для него какъ-то само собою разумѣющимся. Въ ней не было для него ничего невѣдомаго; она давалась, какой была въ каждое мгновеніе, не оставляя ничего затаеннаго въ душѣ. Не будь у нея самой такая богатая душа, она обнищала бы при немъ, до того все творческое и созидательное въ немъ было нѣмымъ и неотзывчивымъ по отношенію къ ней. И все же онъ зналъ, что ея близость ему необходима. Такъ проходили годы. Подроставшая и просыпавшаяся къ жизни Сильвія еще крѣпче приковывала ихъ другъ къ другу, пока не наступилъ день, когда въ душѣ Сильвестра поднялась тревога, въ которой онъ долгое время не могъ дать себѣ яснаго отчета.

Началось это однажды утромъ, когда онъ вошелъ въ ея спальню. Агата сидѣла передъ зеркаломъ и причесывала волосы. „Сколько тысячъ разъ я ужъ видѣлъ передъ собою это зрѣлище",—пронеслось въ мозгу Сильвестра. Агата, заговорила о хозяйственныхъ заботахъ, но онъ слышалъ не смыслъ ея словъ а только звукъ ея голоса. И что-то въ этомъ голосѣ, не то привычность его звука, не то слишкомъ хорошо знакомое построеніе фразъ,—вдругъ обозлило его въ высшей степени несправедливымъ и для него самого оскорбительнымъ образомъ. Онъ ждалъ, какое она сдѣлаетъ движеніе, и загадалъ, что она обопретъ голову на лѣвую руку въ заранѣе опредѣленномъ имъ мѣстѣ. Такъ оно и случилось,—и раздраженіе его перешло въ настоящую злобу. Онъ взглянулъ на лежавшую на стульяхъ одежду, на ея ботинки, ленты, бѣлье,—и каждый предметъ въ отдѣльности усиливалъ накипавшую въ немъ непонятную ненависть къ ней. Одѣяло на ея постели было откинуто и запахъ женскаго тѣла, который, казалось, исходилъ изъ простынь, не вызывалъ въ немъ болѣе ни нѣжности, ни страсти.

Съ этого часа въ душѣ его все росло недовольство и раздраженіе. Онъ видѣлъ, что Агата отъ этого страдаетъ, и радовался. Ему точно хотѣлось отомстить ей: ему казалось, что она отняла у него его молодость, воровскимъ образомъ похитила у него его иллюзіи и надежды. Десять лѣтъ, прожитыхъ имъ съ нею, казались ему десятью годами изгнанія и тюремнаго заключенія. Его охватилъ безумный страхъ передъ старостью, и зеркало сдѣлалось для него свидѣтелемъ разрушительнаго дѣйствія лѣтъ. Видъ морщинъ на лбу и провалившихся щекъ омрачалъ его душу, но часто, когда онъ скорбно размышлялъ о разрушеніи, предательски свершавшемся подъ кожей его лица, о своемъ медленномъ угасаніи и сгораніи, его вдругъ охватывала мучи-

тельная, но въ сокровенныхъ своихъ глубинахъ радостная жажда счастья, которую онъ вначалѣ даже не пытался подавить въ себѣ.

Однажды Агата сидѣла въ гостиной съ молодой женой управляющаго и разговаривала съ нею о разныхъ женскихъ дѣлахъ. Сильвестръ подсѣлъ къ столу съ книгой въ рукахъ. Отъ времени до времени онъ поднималъ глаза на двухъ женщинъ и вдругъ замѣтилъ, что маленькая жена управляющаго отвѣчала ему каждый разъ быстрымъ пытливымъ взглядомъ. Онъ пристальнѣе взглянулъ на нее—и она сейчасъ это почувствовала. Она спрятала ноги подъ платье, а кокетливое движеніе плечъ и рукъ обнаружило явное желаніе понравиться Сильвестру. Это его страннымъ образомъ оживило. Чувственное влеченіе, возникшее на мгновеніе между нимъ и чужой женщиной, подняло въ немъ духъ и окрылило его. Онъ всталъ и прошелъ мимо двухъ женщинъ только для того, чтобы мимоходомъ коснуться рукава гостьи. Въ то мгновеніе, когда это случилось, онъ зналъ, что эта женщина въ его власти. И въ то же самое мгновеніе ему стало ясно, что онъ долженъ уѣхать отъ Агаты и отъ дочери. Онъ чувствовалъ, что этимъ, быть можетъ, готовитъ себѣ гибель, но зналъ также, что гибель эта неотвратима, даже если онъ и останется. Онъ сталъ позади стула Агаты, которая подняла къ нему лицо и радостно улыбнулась, потому что увидѣла улыбку на его лицѣ. Но онъ улыбался не женѣ, а гостьѣ, которая тоже смотрѣла на него. И хотя лицо Агаты было такимъ роднымъ и привлекательнымъ, ибо все характерное въ ея разговорѣ, ея образѣ мыслей, ея смѣхѣ и ея плачѣ придавало ея чертамъ ему одному понятный обликъ, а также хотя лицо ея было для него точно сосудомъ, полнымъ нѣжныхъ и священныхъ чувствъ, измѣнившихъ и украсившихъ его жизнь, все же его мысли и чувства обращены были на обыкновенное лицо чужой женщины, которая была только красива, молода—и только чужая.

Послѣ того онъ болѣе не встрѣчался съ женой управляющаго и не пытался возобновить мимолетную игру съ нею. Но онъ понялъ самого себя. Онъ образно выяснилъ себѣ свое состояніе. Онъ мнилъ себя подобнымъ человѣку, который собрался путешествовать и по пути къ вокзалу встрѣтилъ друга, который сталъ уговаривать его остаться. Общество друга очаровываетъ его, они проводятъ вмѣстѣ дни, недѣли, годы, но въ оставшемся пробуждается, наконецъ, совѣсть. Путешествіе его не было вызвано какой-нибудь настоятельной надобностью, но онъ собирался уѣзжать по собственному внутреннему влеченію, и теперь у него такое чувство, точно онъ самъ себя ослушался, самъ себя обманулъ. Его мучитъ мысль о красотѣ пейзажей, которыхъ онъ не видѣлъ, о всѣхъ возможностяхъ, которыя онъ пропустилъ, и хотя его счастье въ настоящемъ велико, все-же чувство невозвратной потери не даетъ ему покоя.

Сильвестру захотѣлось еще разъ почувствовать себя свободнымъ. „Какъ знать, въ какой день замкнется за мною дверь?"—спрашивалъ онъ себя. „Какъ знать, что должно убить во мнѣ силы и желанія, вызвать во мнѣ послѣднюю усталость?" Ему представлялись картины самыхъ разнообразныхъ соблазновъ. Голоса звали его со всѣхъ сторонъ. Ему хотѣлось жить безъ цѣли, не ставя себѣ границъ. Не роскошь городовъ манила его, не празднества и не свѣтская жизнь,—его влекло куда-то, точно въ міръ грезъ. „Все брать и всему отдаваться". Эти слова такъ волновали его, точно онъ стоялъ у входа въ дѣвственный лѣсъ. Когда онъ представлялъ себѣ безконечныя воплощенія жизни, его охватывалъ трепетъ, какого онъ не чувствовалъ въ себѣ со времени своей юности. У него кружилась голова. Безчисленность путей ослѣпляла его взоры. Смѣна ожиданій бурными волнами набѣгала на него. Онъ зналъ, что увидитъ не только улыбающіяся лица, но былъ готовъ и къ виду слезъ. Онъ предчувствовалъ, что сердце его запутается въ сѣтяхъ. „Еще не поздно",—говорилъ онъ себѣ.—„Я еще обладаю прежнимъ магнетизмомъ и напрасно боялся, что утратилъ его". Только это и было для него важно, только въ этомъ онъ хотѣлъ убѣдиться. Въ душѣ его жилъ цѣлый рой пестрыхъ видѣній; когда онъ шелъ по лѣсу или лежалъ въ одиночествѣ и глядѣлъ передъ собой въ пространство, взорамъ его представлялись женщины и дѣвушки съ прекрасными глазами и прекрасными волосами. Онѣ точно ждали его; каждая чаровала его какимъ-нибудь завершеннымъ движеніемъ, каждая приносила ему счастье особенностью своего существа. Но и помимо грезъ дѣйствительность тоже пріобрѣла для него новое очарованіе. Женщина, стоявшая у колодца и черпавшая изъ него воду, та, которая сидѣла у окна въ своей комнатѣ, поднявъ взоры на луну, та, которая ждала у забора своего возлюбленнаго, та, которая садилась въ коляску и, опустивъ вуаль, ѣхала въ церковь, та, которая краснѣла подъ его взоромъ и нагибалась, чтобы завязать ботинку,—каждая имѣла для него свою тайну. Глаза каждой женщины были таинственны—и онъ до боли любилъ ихъ глаза. Каждый женскій взоръ былъ для него невѣдомымъ міромъ—и въ этомъ было для него божественное, духовное начало бытія. А чувственно близки были въ нихъ ихъ руки,—кроткія, гордыя существа сами по себѣ, странно обнаженныя, дивнаго строенія, безсознательно выдающія самое затаенное.

Сердце его жаждало нѣжности. Теперь ему было ясно, что онъ еще не зналъ страсти. Онъ любилъ часто и бурно; въ дни своей холостой жизни онъ извѣдалъ необычайность встрѣчъ, бурную преданность, часы радости, цѣлыя недѣли безумія, ночи страданій, которымъ душа какъ-бы идетъ на встрѣчу и которыя дѣлаютъ душу печальной и опытной; но такого чувства, которое убиваетъ всю прежнюю жизнь и создаетъ на ея мѣстѣ новую, чувства, которое одновременно все разлагаетъ и все сосредоточиваетъ во-

единно, такого чувства, про которое каждый какъ будто знаетъ, но извѣдать которое дано только любимцамъ Господнимъ,—этого чувства онъ не зналъ. Его онъ хотѣлъ испытать. И если ему пришлось бы вернуться, не познавъ его, то, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ знать, что для него оно не существуетъ...

Молодая еврейка появлялась у окна каждый вечеръ въ одинъ и тотъ же часъ. Улица, раздѣлявшая ихъ, была шириной не болѣе двухъ аршинъ. Только не нужно было высовываться изъ окна—и тогда ихъ никакъ нельзя было увидѣть съ улицы, пролегавшей глубоко внизу. Сосѣдей тоже нечего было бояться; съ одной стороны оба дома упирались въ уголъ улицы, съ другой—высилась башня городскихъ воротъ.

Освѣщенная лампой комната, въ которую Сильвестръ могъ проникать взоромъ каждый вечеръ, оклеена была зелеными обоями. На стѣнѣ противъ оконъ висѣлъ потретъ старика, державшаго въ рукѣ золотой кубокъ. До Сильвестра доносилось тиканіе часовъ, стоявшихъ въ изогнутомъ домикѣ изъ краснаго дерева, съ алебастровымъ орломъ, распустившимъ крылья, на верхушкѣ. Сильвестръ сталъ слѣдить за дѣвушкой съ перваго же вечера. Онъ ходилъ угрюмый по темной комнатѣ, стараясь забыть, что тащитъ за собой въ мысляхъ свой домъ и что слѣдомъ за нимъ идетъ всюду его жена, держа его въ незримыхъ оковахъ. Вдругъ онъ увидѣлъ точно въ панорамѣ черезъ открытыя два окна женскую фигуру, сидѣвшую, опершись на столъ; рука, подпиравшая голову, зарыта была въ черные волосы, лицо сидѣвшей сіяло мечтательнымъ экстазомъ, а влажные глаза горѣли, какъ у монахини, отдавшейся среди молитвы грѣшнымъ мечтамъ.

„Вотъ каковы онѣ“,—подумалъ Сильвестръ, „эти—спящія существа, когда ихъ слабая душа начинаетъ сознавать себя на границахъ восторга и муки. Наблюдать за женщиной, когда она думаетъ, что никто ея не видитъ, это значитъ выхватить у природы ея наиболѣе тщательно оберегаемую тайну“,—продолжалъ онъ думать.—„Какъ обнажена такая слабая душа, какъ она человѣчно слаба! Какъ она молитъ и манитъ, когда судьба молчитъ, какъ она дрожитъ и стонетъ, когда судьба говоритъ“. Ему захотѣлось окликнуть ее.

Легкое безпокойство въ чертахъ дѣвушки показало ему, какую власть имѣетъ недоходящій до сознанія чужой взглядъ. Она вдругъ встала и подошла къ окну, чтобы закрыть его. Она оказалась неожиданно маленькой, а въ согбенныхъ плечахъ чувствовалась давившая ихъ тяжесть природной пугливости. Сильвестръ высунулся изъ окна—и дѣвушка испустила подавленный крикъ: опустивъ голову, она устремила глаза на внезапно представшее передъ нею въ неровномъ свѣтѣ лицо чужого человѣка. Но онъ сталъ ловить ее взглядомъ и не отпускалъ, держа ее во власти своей воли. Онъ заговорилъ. Онъ зналъ, что не слѣдовало возвышать голоса: въ двухъ

словахъ онъ объяснилъ ей, что разгадалъ ее всю, что знаетъ ея жизнь, ея желанія, ея грезы. А она, не подозрѣвая, какъ легко было понять ее, судорожно ухватилась пальцами за косякъ окна и изумленно глядѣла на него.

Ту, чьей любви еще никто не добивался, стоитъ только пожелать, чтобы въ ней самой загорѣлось желаніе. Она, какъ лунатикъ, падаетъ при первомъ звукѣ изъ чужихъ устъ. Она любитъ, потому что въ сердцѣ ея есть запасъ любви, она отдается, какъ падаетъ спѣлый плодъ; случайное приключеніе становится для нея судьбой.

Все же у нея не хватило смѣлости, чтобы отвѣтить ему. Но за первымъ вечеромъ послѣдовали другіе. Въ этотъ часъ она была всегда одна въ квартирѣ. Она подходила къ окну, какъ голодный къ накрытому столу. Она не спрашивала: кто ты, стоящій у окна? Она слѣпо повѣрила въ чудомъ явившагося ей незнакомца. Можетъ быть, онъ казался ей молодымъ, но для того, чтобы обмануть ее, не было даже надобности въ темнотѣ: она видѣла лишь то, чего жаждала ея душа. Она говорила совсѣмъ, какъ ребенокъ, и была безгранично довѣрчива—быть можетъ, вслѣдствіе того, что тиранившій ее отецъ ко всему относился съ подозрѣніемъ. Ее звали Рахилью и ей было восемнадцать лѣтъ. Отецъ ея былъ торговецъ старинными вещами—и съ тѣхъ поръ, какъ Рахиль помнила себя, она всегда жила съ нимъ одна въ этомъ узкомъ, высокомъ и темномъ домѣ. Матери своей она не знала и о ней тоже ничего не знала,—отецъ никогда о ней не говорилъ. Днемъ она должна была быть съ отцомъ внизу, въ лавкѣ; тамъ была позади маленькая кухня, гдѣ она готовила обѣдъ. Ей запрещено было разговаривать съ чужими. Когда наступалъ вечеръ, отецъ запиралъ лавку, тащилъ ящикъ съ деньгами вверхъ по лѣстницѣ на третій этажъ и затѣмъ шелъ молиться въ синагогу. Его страхъ передъ людьми граничилъ съ безуміемъ. Онъ дрожалъ, лежа въ постели, когда ночью пьяные поднимали шумъ на улицѣ, и лицо его перекашивалось отъ страха каждое утро, когда раздавался звонокъ булочника. Онъ слѣдилъ за каждымъ взглядомъ, за каждымъ дыханіемъ дочери. Когда она однажды указала дорогу спросившему ее прохожему, то, вернувшись въ лавку, застала отца сидѣвшимъ скорчившись на креслѣ и стонавшимъ съ такимъ мрачнымъ видомъ, что ей пришлось успокаивать его обѣщаніями и слезами. Онъ не позволялъ ей переходить черезъ улицу безъ него и уже приходилъ въ безпокойство, какъ только она поднимала глаза. Міръ, такимъ образомъ, былъ для нея заповѣданнымъ праздникомъ, и если можно представить себѣ нетерпѣливое желаніе, которое въ состояніи разбивать оковы и опрокидывать стѣны темницъ, то таковымъ было нетерпѣніе Рахили. Одиночество придавало естественной силѣ ея молодости мощь взрывчатаго вещества.

Вечерній часъ у окна былъ для нея ужъ самъ по себѣ освобожденіемъ

отъ рабства. Ихъ бесѣды съ раздѣлявшей ихъ, какъ пропасть, улицей рождали въ головѣ Сильвестра безумные планы; Рахиль эти вечернія встрѣчи издалека вначалѣ совершенно удовлетворяли, пока она не стала яснѣе понимать пламенныхъ рѣчей своего друга. Для нея всякое его слово было новымъ; оно должно было еще пускать въ ней ростки: переходя изъ его устъ въ ея слухъ, оно не могло сразу стать добычей страсти, но за ночь и до утра оно пускало корни—и она приходила къ нему пылающей. Она не умѣла представляться: свою радость, свои надежды, свое изумленіе,—все это она тотчасъ-же выражала въ словахъ. Когда онъ ей передавалъ въ окно цвѣты, она блѣднѣла и умолкала отъ радости, но тотчасъ же въ чертахъ ея отражалась растерянность: она не знала, какъ скрыть подарокъ отъ отца.

Однажды онъ принесъ ей красныя розы. Она пришла въ безграничный восторгъ, такъ какъ не знала, что можно достать розы въ ноябрѣ, и онъ показался ей волшебникомъ. Съ почти страдальческимъ восхищеніемъ она опять спросила его, что ей сдѣлать съ цвѣтами. Сильвестръ сказалъ ей, чтобы она положила ихъ къ себѣ въ постель подъ подушку, но попросилъ при этомъ, чтобы одну розу она сохранила у себя на груди. Она кивнула ему въ знакъ согласія—и по лицу ея пробѣжала улыбка. Тогда онъ потребовалъ, чтобы она исполнила свое обѣщаніе у него на глазахъ; но она съ удивленіемъ спросила, почему онъ этого желаетъ? Онъ только еще настойчивѣе повторилъ свою просьбу. Рахиль печально покачала головой. Тогда Сильвестръ сдѣлалъ видъ, что обиженъ, а она, сдерживая слезы, стала умолять его отказаться отъ своего требованія. Онъ холодно ей отвѣтилъ, что если она сомнѣвается въ своей красотѣ, то и онъ долженъ усумниться, видя ея колебанія; и при этомъ онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ отойти отъ окна. Когда она увидѣла, что для него это, повидимому, важно, то выказала готовность повиноваться ему. И хотя было замѣтно, какъ тщетно она старается постигнуть смыслъ его желанія, но все-же покорно разстегнула одежду и спрятала самую пышную изъ розъ между сорочкой и грудью.

Сильвестръ увидѣлъ ея бѣлоснѣжную кожу. Смутно взволнованный, онъ съ мольбой протянулъ руки къ Рахили. Наконецъ, она его поняла. Свѣтъ озарилъ ея взоръ,—и въ это мгновеніе въ ней проснулась женщина. Ей захотѣлось вознаградить его за его любовь, казавшуюся ей несомнѣнной, захотѣлось доказать, что она достойна его любви. Она съ цѣломудренной медлительностью спустила одежды съ плечъ и груди и предстала предъ нимъ точно опаловая герма. Казалось, что свѣтъ лампы пронизывалъ насквозь ея тѣло—и пышная роза на груди имѣла видъ раны. Все ея существо выражало блаженно-кроткое торжество и въ то время, какъ Сильвестръ недвижно смотрѣлъ на нее, она кивнула ему съ почти материнскимъ выраженіемъ лица, затѣмъ закрыла окно и задернула занавѣсъ.

„Пора, наконецъ, закончить пряжу",—сказалъ себѣ Сильвестръ въ пріятномъ упоеніи.—„Не нужно, чтобы она приковала меня къ себѣ, достаточно, чтобы она на время меня заняла". На слѣдующій вечеръ онъ бросилъ ей письмецо, искусно разсчитанная страстность котораго зажгла сердце Рахили. „Приходи ко мнѣ",—писалъ онъ ей,—„приходи, когда наступитъ ночь. Приди къ жаждущему, ты, сама изнемогающая отъ жажды. Не унижай меня ненужными мольбами. Счастье—обидчивый гость, только одинъ разъ бросаетъ оно золотой ключикъ къ ногамъ. Нѣтъ болѣе жгучаго раскаянія, чѣмъ то, которое вызвано промедленіемъ. Судьба испытываетъ тебя. Не скупись, а то она отомститъ тебѣ собственной скупостью, которая обречетъ тебя на вѣчное безплодное томленіе. Приходи, я жду тебя! Назови у воротъ мое имя, вызови моего слугу—онъ проведетъ тебя по лѣстницѣ".

На слѣдующій вечеръ онъ снова стоялъ у открытаго окна. Моросилъ холодный дождь. На соборныхъ часахъ пробило семь, затѣмъ четверть и половина восьмого—и все рѣже доносился глухой звукъ шаговъ съ улицы внизу. Окно Рахили оставалось закрытымъ. „Неужели она мнѣ даже не отвѣтитъ?"—гнѣвно подумалъ онъ, и въ немъ снова поднялась та свинцовая тоска, которая такъ долго владѣла имъ. Но вдругъ за спиной его скрипнула дверь. Онъ медленно повернулся. Лампа не была зажжена, и на столѣ только колебалось пламя свѣчки. Въ поднявшемся сквозномъ вѣтрѣ занавѣсъ, ворвавшись въ комнату, развѣвался, какъ знамя. Рахиль нерѣшительно остановилась на порогѣ, потомъ тихонько затворила дверь, остановилась и прижала руки къ груди. Она опустила глаза—и лицо ея выражало глубокую задумчивость и растерянность.

Сильвестръ подошелъ къ ней и обнялъ ее. Она рѣшилась, наконецъ, взглянуть на него. Глаза ея точно молили: „скажи мнѣ, кто ты?" Онъ чувствовалъ теплоту тѣла подъ одеждой, чувствовалъ нѣжную бурную кровь, но къ радости его примѣшивалась странная скорбь, и чѣмъ дольше онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, тѣмъ холоднѣе становилось у него на сердцѣ. Онъ задумчиво провелъ рукой по волосамъ Рахили и съ той же задумчивостью поцѣловалъ трепетную дѣвушку въ лобъ и глаза. Вдругъ они оба стали испуганно прислушиваться. Съ лѣстницы доносились громко спорившіе голоса, дверь съ шумомъ растворилась—и въ комнату вошелъ старый человѣкъ съ бѣлой бородой.

При видѣ его Рахиль вся точно съежилась, и голова ея, какъ сломленная, упала на грудь. Сильвестръ хотѣлъ гнѣвно крикнуть на пришельца но его встрѣтилъ взглядъ, преисполненный такого бѣшенства, что онъ остановился и только изумленно взглянулъ на своего слугу Адама Гунда, который стоялъ у порога съ философскимъ спокойствіемъ и похожъ былъ на часового, у котораго, къ его собственному удивленію, отняли ружье. Слу-

жанка и лакей гостиницы, вмѣшавшіеся въ пререканія со старикомъ, съ любопытствомъ заглядывали въ комнату.

Нѣсколько времени старикъ безмолвно смотрѣлъ на дочь. Безчисленныя морщины его лица походили на штрихи гравированнаго портрета; бѣлые завитки волосъ, падавшіе на лобъ, смочены были дождемъ. Вдругъ онъ схватилъ дѣвушку за волосы и повалилъ ее на полъ. Сильвестръ и Адамъ подскочили къ нему, но онъ сталъ вращать глазами, какъ сумасшедшій, и сталъ отталкивать ихъ ногами. Съ силой, какой никто бы отъ него не ожидалъ, онъ вытащилъ Рахиль за волосы изъ комнаты и потащилъ ее за собой внизъ по лѣстницѣ, такъ что только слышенъ былъ стукъ туфель несчастной дѣвушки о ступени лѣстницы; онъ протащилъ ее внизу мимо нѣсколькихъ человѣкъ, которые смотрѣли на происходившее точно окаменѣвшіе, до того ужасъ этого зрѣлища останавливалъ всякое проявленіе воли. Онъ протащилъ ее за собой до воротъ и затѣмъ черезъ улицу въ свой домъ. За все это время Рахиль не испустила ни одного звука.

Слишкомъ поздно къ Сильвестру вернулось сознаніе и способность что-нибудь предпринять. Когда онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и очутился у дома старика, на узкой улицѣ, несмотря на ливень, уже собралась большая толпа. Сильвестръ хотѣлъ открыть дверь, но она была заперта на замокъ изнутри. Въ своемъ волненіи онъ сталъ просить окружающихъ помочь ему взломать дверь. Но никто не внялъ его просьбѣ, и всѣ смотрѣли на него насмѣшливо и мрачно. Тогда онъ вернулся къ себѣ и, поднимаясь по лѣстницѣ, нашелъ на одной изъ ступеней туфлю Рахили. Онъ поднялъ ее и взялъ съ собой. Въ квартирѣ стараго еврея весь вечеръ не зажигался свѣтъ. Сильвестръ такъ никогда и не узналъ, какимъ образомъ старикъ провѣдалъ о бѣгствѣ Рахили: сама ли она выдала себя, или же онъ почуялъ опасность по своей инстинктивной подозрительности и тайно слѣдилъ за дочерью еще прежде, чѣмъ она сама стала понимать, что въ ней происходило.

Сильвестръ провелъ часть ночи за укладкой своихъ сундуковъ и на слѣдующее утро уѣхалъ.

Когда Агата пріѣхала въ городъ, ее тамъ ждало новое униженіе: ей пришлось услышать отъ прислуги въ гостиницѣ, что баронъ фонъ-Эрфтъ уѣхалъ. Она едва могла превозмочь себя, чтобы спросить, не оставилъ ли онъ адреса. Отвѣтъ былъ отрицательный.

Она вышла на улицу и стала соображать. „Къ барону де-Вріентъ",— приказала она кучеру. Каноникъ, баронъ де-Вріентъ, жилъ въ старинномъ, похожемъ на дворецъ, домѣ на городской площади. Она поднялась по широкой лѣстницѣ, выложенной краснымъ ковромъ, и, войдя въ большую

залу, передала свою карточку ливрейному лакею. Изъ внутреннихъ комнатъ доносилась игра на органѣ. Де-Вріентъ считался большимъ любителемъ музыки, и разсказывали, что у него въ домѣ живетъ молодая родственница, а по другимъ слухамъ,—чужая ему сирота изъ дворянской семьи, которая въ совершенствѣ играла на органѣ.

Въ прежніе годы де-Вріентъ бывалъ частымъ гостемъ Сильвестра и Агаты; теперь же онъ такъ страдалъ отъ подагры, что не только не выѣзжалъ изъ города, но былъ прикованъ къ своей комнатѣ. Физическія страданія уничтожили въ немъ его прежнюю общительность. Каждый разъ, когда Сильвестръ ѣздилъ въ городъ, онъ потомъ жаловался Агатѣ на все большую и большую мрачность ихъ друга, такого жизнерадостнаго въ прежніе годы.

Лакей вернулся съ отвѣтомъ, что его преподобіе проситъ гостью пожаловать къ нему. Она прошла черезъ комнату, гдѣ висѣли по стѣнамъ гравюры и разложены были на узкихъ пюпитрахъ старые рукописные фоліанты; затѣмъ она прошла черезъ вторую комнату, гдѣ хранилась коллекція монетъ. Послѣ того ее провели по корридору; тамъ лакей открылъ передъ нею дверь— и на нее пахнуло удушливымъ воздухомъ чрезмѣрно натопленной комнаты. При ея появленіи игра на органѣ смолкла, она услышала легкіе быстрые шаги за инструментомъ—и сквозь щель закрывшейся потайной двери мелькнуло бѣлое платье. Де-Вріентъ лежалъ въ креслѣ обложенный подушками, ноги его были обвязаны толстыми бинтами. На столикѣ передъ нимъ стояли шахматы, и величественные звуки органныхъ фугъ, повидимому, не мѣшали ему изучать положеніе фигуръ на шахматной доскѣ. Около него, въ клѣткѣ съ высеребренными прутьями, сидѣлъ на жерди зеленый попугай, неподвижный, точно каменный. Между каминомъ и дверью висѣли шесть венеціанскихъ маріонетокъ—и было что-то кошмарное въ ихъ дикихъ лицахъ и пестрыхъ одеждахъ. Агата испугалась при видѣ де-Вріента. Лицо у него было провалившееся и пепельно-сѣрое; страшное уродство его чертъ смягчалось лишь ихъ страдальческимъ выраженіемъ. Исхудалость лица представляла пугающій контрастъ съ толстымъ вздутымъ тѣломъ, изъ котораго громко и тяжело вырывалось сдавленное дыханіе. Агата должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы скрыть свой ужасъ, къ которому примѣшивалось невольное отвращеніе. Де-Вріентъ, дѣлая съ усиліемъ любезный жестъ, пригласилъ ее сѣсть.

— Какая вы молодая и какая стройная,—сказалъ онъ глухимъ, крикливо-напряженнымъ голосомъ, и въ его безпокойныхъ глазахъ мелькнуло выраженіе зависти и злобы.

Агата, запинаясь, разсказала, что ее привело къ нему, и спросила, не знаетъ ли де-Вріентъ, куда направился Сильвестръ. Де-Вріентъ поднялъ брови и отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, такъ какъ Сильвестръ уже четыре

дня не заходилъ къ нему. Онъ устремилъ недовѣрчивый взглядъ на Агату и спросилъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ:

— Какъ же это такъ, милая моя? Развѣ вы не были счастливы другъ съ другомъ?

— Мнѣ казалось, что мы счастливы,—тихо отвѣтила Агата;—но, можетъ быть, я уже не достаточно молода для счастья. Въ тридцать шесть лѣтъ женщина, повидимому, должна отказаться отъ счастья.

Де-Вріентъ откинулъ голову и съ равнодушнымъ видомъ закрылъ глаза.

— Къ кому же мнѣ обратиться?—продолжала Агата тихимъ голосомъ.— Я готова все снести, я согласна ждать, но я хочу знать причину.

Де-Вріентъ рѣзко поднялъ голову со злымъ лицомъ.

— Если васъ не останавливаетъ долгій путь и вы не боитесь людскихъ толковъ такъ справьтесь у Урзанера,—проговорилъ онъ почти злораднымъ тономъ.

— Развѣ онъ видался съ Урзанеромъ?—удивленно спросила Агата.

— Что-жъ удивительнаго въ томъ, что человѣкъ дружитъ съ чортомъ, когда его покидаетъ Богъ! насмѣшливо отвѣтилъ ей де-Вріентъ.

Агата попыталась смягчить его.

— Сильвестръ и въ прежніе годы былъ очень друженъ съ Ахимомъ Урзанеромъ,—робко сказала она.

— Это вполнѣ возможно. Всякій преступникъ былъ когда-нибудь раньше чистъ душой, и Урзанеръ, вѣроятно, тоже. И ужъ я вамъ скажу откровенно, что, когда до моего свѣдѣнія дошло, что Сильвестръ встрѣчается съ этимъ человѣкомъ, я его попросилъ не бывать у меня.

У Агаты прошелъ морозъ по спинѣ. Вотъ она, вѣковая непримиримость церкви, столь чуждая ея сердцу. Она рѣшила отправиться къ Урзанеру.

Она точно забыла, гдѣ находилась. Передъ окнами стелился густой туманъ, отъ котораго въ комнатѣ становилось все темнѣе. Шахматы сливались въ одинъ цвѣтъ и казались кучкой гномовъ. Они были искусно выточены изъ слоновой кости, и у ферзей были золотые флаги на башняхъ.

По улицѣ внизу проходили солдаты—и ровные шаги ихъ глухо отдавались въ комнатѣ. Де-Вріентъ не нарушалъ молчанія Агаты, давая ей время собраться съ мыслями. Теперь, когда онъ исполнилъ то, что считалъ своимъ долгомъ, какъ христіанина и священника, тонъ его совершенно измѣнился.

— Вы чувствуете, что живете, фрау Агата, живете живой жизнью!—сказалъ онъ, и его чувственный ротъ, знавшій все, что есть лакомаго на свѣтѣ, дрябло раздулся жаднымъ движеніемъ.—Вы, живые, не знаете, что это значитъ. Вотъ у меня есть еще одно только желаніе. Я хочу еще разъ услышать пѣніе. Пѣніе не мужчины, но и не женщины, которая слишкомъ много знаетъ о жизни и у которой божественный инструментъ въ горлѣ уже разстроенъ

То пѣніе, о которомъ я говорю, это пѣніе у вратъ жизни, еще не знающее ни грѣха, ни смерти; пѣніе, которое дѣлаетъ страсть священной и кровь болѣе сладкой. Если мнѣ приведется еще разъ услышать такое пѣніе, то я откупорю мою послѣднюю бутылку Боксбейтеля, самаго стараго, который отъ времени становится такимъ молодымъ и мягкимъ, и буду пить его медленными глотками, пока легкое опьянѣніе не обратится въ великую смерть.

— Онъ протянулъ руку къ газетѣ, лежавшей около него.

— Читали вы про Габріэлю Таннгейзеръ?

— Про пѣвицу?

— Ее уже называютъ божественной. Всѣ газеты полны ею. Завтра она поетъ въ Карлсруэ. Я поѣду, хотя бы для этого мнѣ предварительно пришлось отнять обѣ ноги.

Агатой овладѣло странное чувство стыда. Экстазъ, свѣтившійся въ почти безумномъ взглядѣ блѣдно-зеленыхъ глазъ старика, пугалъ ее. Де-Вріентъ провелъ языкомъ по губамъ; сложилъ руки и продолжалъ хриплымъ голосомъ:

— Не случалось ли вамъ наблюдать самой, что совсѣмъ иными глазами, а не только съ любопытствомъ или восхищеніемъ, смотришь на цвѣтокъ, когда до того видѣлъ его не распустившейся почкой? Года четыре тому назадъ, осенью, я возвращался изъ Рима въ Германію, и мнѣ пришлось переночевать въ Аугсбургѣ. Вечеромъ я ходилъ по улицамъ, грустный и разстроенный; проходя мимо театра, я прочелъ на афишѣ, что идетъ „Лючія ди Ламерморъ“. Представленіе уже началось; я купилъ билетъ и вошелъ въ залу, не ожидая, конечно, ничего интереснаго. Театръ похожъ былъ на конюшню, и въ немъ стоялъ невыносимый запахъ керосиновыхъ лампъ. Въ залѣ сидѣло человѣкъ сто публики съ сонными лицами, и оркестръ такъ гудѣлъ, что больно было ушамъ. Сцена тоже производила самое безотрадное впечатлѣніе. Пѣвцы и пѣвицы одѣты были въ грязные лохмотья и точно хотѣли разжалобить камни своимъ пѣніемъ. И вотъ вдругъ появилось маленькое существо и запѣло такъ, что мнѣ показалось, будто весь Римъ былъ только тяжелымъ сномъ, а Флоренція адомъ и Германія могилой. И еще мнѣ показалось, будто нѣжнѣйшій изъ ангеловъ запѣлъ ликующую пѣсню о воскресеніи мертвыхъ. Сердце мое сжалось въ комокъ и потомъ вдругъ расширилось, глаза мои наполнились слезами, руки дрожали, и когда занавѣсъ опустился, я вышелъ, шатаясь, изъ залы и прочелъ на афишѣ: Габріэля Таннгейзеръ. Потомъ я познакомился съ нею. Какой-то жалкій человѣкъ, котораго называли директоромъ, провелъ меня за кулисы. Она сидѣла на картонномъ утесѣ и смотрѣла на меня большими сѣрыми удивленными глазами. Ей тогда было, навѣрное, не болѣе восемнадцати лѣтъ. Я взялъ ея руку, поцѣловалъ ее и сказалъ: „Впослѣдствіи эту руку будутъ

цѣловать короли“. Она встала—и глаза ея засіяли.. Было что-то потрясающее въ этомъ увѣренномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смиренномъ блескѣ. Я ушелъ точно съ новой душой—и не прошло двухъ лѣтъ, какъ имя Габріэли Таннгейзеръ стало гремѣть въ осчастливленномъ мірѣ. Я бы хотѣлъ теперь еще разъ услышать ее.

Агата молчала. Она не знала, что сказать. Она была удивлена, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея вниманіе было отвлечено ея собственными мучительными мыслями. Она встала и попрощалась.

Она пообѣдала у одной старой родственницы, написала нѣсколько писемъ и послала за коляской, чтобы поѣхать въ Рандерсакеръ. Когда она сказала старой дамѣ, что отправляется къ Урзанеру, та перекрестилась и съ ужасомъ покачала головой.

Ахимъ Урзанеръ былъ сынъ архитектора, очень почтеннаго и знающаго свое дѣло человѣка. Мать Ахима Урзанера была француженка, но именно этому обстоятельству онъ былъ обязанъ своей почти упрямой любовью къ родинѣ и ко всему національно - нѣмецкому. Онъ кончилъ юридическій факультетъ и, повинуясь желанію отца, поступилъ на государственную службу. Его способности, какъ и большая энергія и хорошія связи, помогли ему быстро сдѣлать карьеру, и въ тридцать лѣтъ онъ уже былъ начальникомъ канцеляріи въ одномъ изъ министерствъ. Тогда онъ впервые проявилъ, къ неудовольствію своего начальства, склонность къ реформамъ, и чѣмъ болѣе онъ боролся самъ противъ этой своей склонности, тѣмъ болѣе она проявлялась въ его дѣйствіяхъ. Онъ обратилъ общее вниманіе на себя тѣмъ, что послѣ долгихъ стараній добился пересмотра одного процесса, по которому, по его мнѣнію, состоялся несправедливый приговоръ; еще болѣе были поражены, когда онъ выступилъ въ печати съ брошюрой, въ которой обличалъ разные недостатки правосудія и администраціи; вскорѣ, не удовлетворяясь этимъ, онъ сталъ такъ озлобленно и такъ неистово обличать халатность администраціи, подкупность чиновниковъ, подобострастіе придворныхъ, корыстолюбіе и небрежность въ веденіи общественныхъ дѣлъ, что его исключили со службы, и по приказу короля онъ былъ высланъ изъ столицы. Его жена, дочь мюнхенскаго купца, на которой онъ женился за годъ до того, прельстившись ея граціей и легкостью отношенія къ жизни, была, какъ громомъ, поражена этимъ приказомъ; она совершенно не интересовалась тѣмъ, что наполняло его жизнь и такъ вредило его карьерѣ.

Все это началось, какъ пожаръ отъ искры, можетъ быть, вслѣдствіе досады на что-нибудь или оттого, что онъ былъ удивленъ отказомъ сдѣлать то, что казалось ему долгомъ справедливости: сопротивленіе, оказанное его мужественному вмѣшательству, воспламенило его. Онъ сталъ постепенно убѣждаться что такое сопротивленіе онъ встрѣчалъ всюду, гдѣ хотѣлъ возстановить по-

иранную справедливость, что это было сопротивленіе лѣнивыхъ, что его врагами становились всѣ занятые лишь собственными выгодами. Съ этой минуты случайный порывъ превратился для него въ цѣль его жизни. Вся его душа пылала гнѣвомъ противъ расшатаннаго, испорченнаго, разлагающагося міра.

Онъ отправился къ себѣ на родину. Жена послѣдовала за нимъ, очень недовольная перспективой скучной жизни въ деревнѣ и возмущенная тѣмъ что она, по его винѣ, потеряла свое общественное положеніе вь большомъ городѣ. Его семья встрѣтила его холодно. Крушеніе надеждъ, которыя онъ возлагалъ на единственнаго сына, свело въ могилу его отца. Мать, подпавшая подъ вліяніе своихъ церковныхъ совѣтчиковъ, совершенно не понимала сына. Урзанеръ все это безропотно сносилъ. Онъ напечаталъ брошюру въ свое оправданіе, и оправданіе это заключалось въ пламенныхъ и безпримѣрно смѣлыхъ нападкахъ на правительство. Онъ вызывающимъ тономъ называлъ себя нѣмцемъ, а его соотечественники, къ которымъ онъ обращался съ каждымъ разомъ все свободнѣе, все сознательнѣе и убѣдительнѣе, которыхъ онъ обличалъ въ подтачивающемъ національную жизнь духѣ вражды, мелочности, лживости и самодовольства, объявили его врагомъ. Его боялись и ненавидѣли. Его клеймили именемъ предателя въ то время, какъ въ душѣ его горѣла пламенная любовь къ его родинѣ и къ его народу. А когда стало извѣстно, что онъ состоитъ въ перепискѣ съ Фердинандомъ Лассалемъ, архи-еретикомъ и демагогомъ, то отъ него отвернулись и тѣ немногіе, которые до того сочувствовали, если не его дѣлу, то хоть ему самому. Въ то время съ нимъ пересталъ видаться и Сильвестръ фонъ-Эрфтъ—противъ своей воли. только для того, чтобы въ свою очередь не потерять всѣхъ своихъ друзей.

Но Ахиму Урзанеру не довелось остаться до конца на прямомъ неуклонномъ пути духовной борьбы. Обстоятельства запутали его въ сѣть мелкихъ и низменныхъ интересовъ, истощившихъ всѣ его силы. Черезъ годъ послѣ смерти отца умерла и его мать. При вскрытіи завѣщанія оказалось, что часть своихъ земельныхъ владѣній, виноградникъ и часть полей она завѣщала сосѣднему кармелитскому монастырю. Ахимъ Урзанеръ сталъ оспаривать это завѣщаніе и началъ процесъ противъ монастыря. Онъ проигралъ и апеллировалъ, представивъ ясныя доказательства того, что мать его подъ конецъ жизни была невмѣняема. Процессъ переходилъ изъ инстанціи въ инстанцію, поглощая все больше и больше денегъ. Тѣмъ временемъ Якоба, его жена, охладѣла къ нему и даже стала относиться къ нему враждебно; къ великому своему горю, онъ услышалъ отъ нея самой, что она на сторонѣ монаховъ и, вѣря ихъ внушеніямъ, видитъ въ немъ злого духа. Когда онъ однажды вернулся изъ города, онъ никого не засталъ. Якоба съ обоими дѣтьми исчезла изъ дому. Онъ обожалъ своихъ дѣтей—и съ этого часа всѣ его помыслы на-

правлены были на то, чтобы вернуть ихъ. Онъ сосредоточилъ на этой цѣли всю свою изобрѣтательность и энергію, весь свой умъ и свое мужество. Разыскивая бѣглецовъ, онъ ѣздилъ во всѣ концы страны и даже дальше,—въ Тироль и въ Верону. Эти путешествія, также оплата разныхъ помощниковъ и гонорары адвокатамъ поглотили почти все его состояніе; и хотя борьба, которую онъ велъ во муракѣ и противъ мрака, разбивала его сердце, все же воля его не слабѣла. Послѣ тринадцати мѣсяцевъ скитаній онъ нашелъ Якобу. Она жила въ деревнѣ около Нанси, въ домѣ одной вдовы-генеральши, и оттуда иногда уѣзжала въ Парижъ. Найдя, гдѣ укрывалась жена, Ахимъ сдѣлалъ всѣ приготовленія, чтобы похитить дѣтей, и, когда Якоба однажды снова уѣхала въ Парижъ, онъ выждалъ, пока наступила ночь, влѣзъ черезъ окно въ домъ, поднялъ съ постели спавшихъ сыновей, изъ которыхъ одному было семь, а другому шесть лѣтъ, и убѣжалъ съ ними, никѣмъ незамѣченный. Приготовленная имъ коляска увезла ихъ на ближайшую станцію желѣзной дороги—и два дня спустя онъ благополучно доѣхалъ съ дѣтьми до Рандерсакера. Но тогда-то ополчились на него всѣ силы ада. Якоба обратилась къ суду. Онъ доказывалъ, что жена оставила его безъ всякаго законнаго повода, что она самовольно увезла отъ него дѣтей и что поэтому онъ по праву законной самозащиты вернулъ ихъ въ свой домъ. Начался новый процессъ. Онъ его проигралъ—и его присудили къ выдачѣ дѣтей матери. Онъ отказался выдать ихъ и старался выиграть время, обратившись въ высшую инстанцію. Но не это еще было самое страшное. Ужасъ былъ въ томъ, что все населеніе было возбуждено противъ него. Ему нельзя было показаться на улицу. Онъ былъ боленъ отъ отвращенія, которое въ немъ вызывали клеветы, обиды и самая низменная брань, обрушивавшаяся на него. Домъ его былъ похожъ на крѣпость. Ему приходилось выписывать издалека и за большія деньги слугъ и людей для охраны дѣтей. Каждый день и каждый часъ онъ долженъ былъ быть готовъ къ отпору противъ нападеній грубой, возстановленной противъ него, толпы.

Такова была жизнь Ахима Урзанера, когда Агата собралась поѣхать къ нему.

Домъ его стоялъ на возвышеніи, и къ нему вела извилистая дорожка. Она остановила коляску внизу. Ей бросилось въ глаза, что у воротъ стояли двое людей въ качествѣ караульныхъ и подали знакъ свистками, когда она стала подниматься вверхъ по дорожкѣ. Наверху показался самъ Ахимъ Урзанеръ; онъ сталъ пристально вглядываться въ Агату и медленно спустился внизъ. Только очутившись передъ нею, онъ ее узналъ, приподнялъ шляпу и протянулъ ей руку.

Онъ былъ скорѣе низкаго роста, коренастый, широкоплечій и съ короткой шеей; лицо было окаймлено рыжевато-русой бородой, и онъ носилъ очки съ толстыми вогнутыми стеклами, за которыми глаза его иногда быстро и возбужденно загорались. Выраженіе лица его было мечтательное, а ротъ почти женственно-мягкій.

— Что васъ привело ко мнѣ? — спросилъ онъ удивленнымъ голосомъ, повернувшись и направляясь вмѣстѣ съ Агатой къ дому. Агата покачала головой, точно ей не легко было отвѣтить ему. Когда они вошли во дворъ, караульные внизу закрыли ворота. Три огромныхъ дога подскочили и стали недовѣрчиво обнюхивать Агату. Въ домѣ Урзанера чувствовалось запущеніе, котораго не могъ не замѣтить женскій взглядъ. На стѣнахъ во многихъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, половъ и лѣстницы давно уже, повидимому, не мыли, и ручки дверей потемнѣли отъ ржавчины. Урзанеръ какъ бы угадалъ мысли Агаты; его кроткая улыбка говорила: „Больному не до того, чтобы наряжаться". Онъ провелъ Агату въ большую низкую комнату въ нижнемъ этажѣ, зажегъ, такъ какъ уже стемнѣло, висячую лампу и взглянулъ своей гостьѣ въ лицо спокойнымъ, испытующимъ взглядомъ. Во всей его осанкѣ и въ его взглядѣ было выраженіе остановившагося на бѣгу человѣка, который старается собраться съ мыслями, и Агату такъ поразилъ его видъ, что причина ея прихода показалась ей вдругъ слишкомъ ничтожной, и она лишь съ нѣкоторымъ усиліемъ смогла спросить его о Сильвестрѣ. Она сѣла и нерѣшительно посмотрѣла въ лицо Урзанеру. Такъ какъ онъ ничего не отвѣчалъ, то она почувствовала недостаточность простого вопроса и почти нехотя пояснила ему, въ какихъ она очутилась странныхъ обстоятельствахъ.

— Я ничего о немъ не знаю,—отвѣтилъ Ахимъ Урзанеръ совершенно такъ же, какъ де-Вріентъ. Затѣмъ онъ продолжалъ:—Мы встрѣтились разъ въ городѣ, когда я шелъ отдавать вещи въ закладъ. Вначалѣ онъ былъ, повидимому, смущенъ, но затѣмъ проводилъ меня сюда. Я по его просьбѣ разсказалъ ему о своихъ обстоятельствахъ, и онъ терпѣливо слушалъ меня. Онъ предложилъ мнѣ денегъ, но я не взялъ. Человѣкъ, имѣющій жену и ребенка, не долженъ никому давать денегъ взаймы. Онъ сказалъ мнѣ, что собирается уѣхать, и я пожелалъ ему счастливаго пути. На прощанье онъ обѣщалъ мнѣ писать. Онъ очень меня утѣшилъ; мы провели нѣсколько дружескихъ часовъ и даже говорили на „ты", какъ въ прежнее время въ полку.

— Такъ онъ обѣщалъ вамъ писать?—прервала Агата перерывисто говорившаго Урзанера.

— Да, обѣщалъ. Въ его рукопожатіи, когда мы разстались, было тоже что-то дружеское, чего не было въ немъ, когда мы въ послѣдній разъ по-

жали другъ другу руки много лѣтъ тому назадъ. Онъ, можетъ быть, понялъ теперь, что въ то время измѣнилъ мнѣ онъ, въ котораго я такъ свято вѣрилъ. Его раскаяніе меня не утѣшаетъ. Я его все еще люблю, но другъ, которому приходится раскаиваться по отношенію ко мнѣ, еще болѣе печалитъ мнѣ сердце.

„Какъ онъ измѣнился"—подумала Агата. Она помнила Ахима Урзанера еще изумительно свѣтлымъ существомъ, распространявшимъ вокругъ себя атмосферу теплоты и искренности, помнила его человѣкомъ, который придавалъ послѣдовательностью своихъ сужденій бодрящую ясность всякому разговору; его юморъ и внутреннее превосходство надъ другими облагораживали все, чего онъ касался въ разговорѣ. Такимъ онъ былъ за восемь или девять лѣтъ до того—когда Сильвестръ привелъ къ нимъ въ домъ своего прежняго товарища. Теперь же у нея сжималось сердце въ его присутствіи, и вся атмосфера его дома такъ давила ее, что ей хотѣлось тяжело вздохнуть. Она низко наклонилась, оперлась локтями на колѣни, подперла лицо руками и, глядя на него серьезными глазами, напряженно и въ то же время боязливо попросила его разсказать ей обо всемъ, что произошло въ его жизни. Хотя она и знала о многомъ по наслышкѣ, и Сильвестръ, пріѣзжая изъ города, разсказывалъ ей разные слухи объ Ахимѣ, все же ей теперь хотѣлось узнать настоящую правду: ей стыдно было, что она знаетъ лишь то, что до нея дошло по обманчивымъ слухамъ.

Онъ согласился исполнить ея желаніе и сталъ разсказывать. Онъ при этомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ—и казалось, что онъ говоритъ, обращаясь къ стѣнамъ. Онъ говорилъ короткими, рѣзкими, отрывистыми фразами. Каждая фраза содержала какой-нибудь фактъ—и больше ничего. Нельзя было слушать его безъ волненія.

— Теперь уже до того дошло, что булочники и лавочники не хотятъ мнѣ ничего продавать,—сказалъ онъ, заканчивая свой разсказъ.—Люди, которымъ я когда-то помогалъ, теперь плюютъ при видѣ меня. Женщины и дѣти убѣгаютъ, встрѣтивъ меня. Сегодня я получилъ семь угрожающихъ писемъ, конечно, анонимныхъ. Крестьяне бросаютъ камни въ мои поля, ломаютъ по ночамъ заборъ и пытаются отравить моихъ собакъ. Тотъ, кто только кланяется мнѣ, уже тѣмъ самымъ считается опозореннымъ, и со стороны Сильвестра было очень смѣло посѣтить меня. Вы, фрау Агата, кажется, не вполнѣ сознавали, что дѣлали. Я внѣ закона. Кто меня обольетъ грязью, считаетъ, что Богъ его за это вознаградитъ. Я точно падаль, которой кормятся вороны. Ну, что жъ, посмотримъ, до чего можетъ дойти человѣческая низость. Я ощущаю въ себѣ страстное желаніе воочію увидѣть ея предѣлы; какъ это ни странно, но я каждый разъ снова удивляюсь каждому новому ея проявленію.

Агата опустила глаза и молчала. У нея временами пробѣгалъ морозъ по спинѣ, и было такое чувство, точно до этого часа она не подозрѣвала, въ какомъ она живетъ мірѣ. Она чувствовала смуту въ душѣ—и, какъ ни краснорѣчиво было ея молчаніе для Урзанера, ей самой оно казалось доказательствомъ ея слабости, ея виновности наравнѣ съ другими. Она закрыла глаза рукой. Ахимъ продолжалъ безъ устали ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кто-то прошелъ мимо оконъ со смолянымъ факеломъ, и пламя изогнулось, какъ лента.

— Поведите меня къ вашимъ дѣтямъ,—сказала, наконецъ, Агата.

Урзанеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія; тогда она встала и послѣдовала за нимъ черезъ корридоръ и вверхъ по лѣстницѣ въ первый этажъ. Тамъ онъ открылъ передъ нею дверь, и они остановились на порогѣ. Два свѣтловолосыхъ мальчика сидѣли на полу и разсматривали книжку съ картинками. Въ углу между печкой и стѣной сидѣлъ, прикурнувъ, старикъ-слуга съ глиняной трубкой во рту и спалъ. Дѣти были блѣдны и похожи другъ на друга, какъ близнецы. Они едва приподняли головы, когда отворилась дверь, и только искоса взглянули на отца и на незнакомую женщину. Агата подошла къ нимъ, наклонилась и заговорила съ ними ласковымъ голосомъ. Но они упрямо молчали и на губахъ старшаго мальчика показалась странная, подстерегающая улыбка. Агата растерянно посмотрѣла на Ахима Урзанера и замѣтила, что лицо его омрачилось и губы его дрожали. Она поднялась.

— Мнѣ пора,—сказала она. — Я хочу къ вечеру вернуться домой. Вы извѣстите меня, когда получите письмо отъ Сильвестра.

— Непремѣнно, фрау Агата,—увѣрилъ ее Урзанеръ задушевнымъ тономъ. — И если позволите, я навѣщу васъ, какъ только смогу вздохнуть свободно,—прибавилъ онъ.—Мнѣ хочется васъ поблагодарить, и я, кажется, имѣю на это основаніе: если вы и не изъ-за меня самого пришли ко мнѣ на этотъ разъ, то все-же я знаю, что теперь вы бы вторично пришли и ради меня. Правда?

— Правда,—отвѣтила Агата и тоже почувствовала какъ бы благодарность къ нему. Онъ проводилъ ее внизъ къ коляскѣ; три огромныя собаки окружили его, и глаза ихъ горѣли во мракѣ.

— Что же вы мнѣ совѣтуете дѣлать?—спросила Агата въ то время, какъ рука ея уже взялась за ручку дверцы.

— Когда я вспоминаю впечатлѣніе, которое на меня произвелъ Сильвестръ, то я долженъ сказать, что онъ, по моему, не на хорошемъ пути,—отвѣтилъ Урзанеръ.—Лучше всего, если вы просто переждете. Будьте великодушной. Въ жизни каждаго человѣка бываетъ время, когда онъ теряетъ Бога, и если у него тогда есть кто-нибудь, кто его любитъ, то совершенно естественно, чтобы тотъ взялъ на себя на время роль Бога. Я бы не думалъ,

что между вами могло произойти нѣчто подобное; но всякій бракъ для посторонняго—самая таинственная вещь на свѣтѣ. И даже сами мужъ и жена,—что они знаютъ другъ о другѣ? Близость порождаетъ жестокость, разлука дѣлаетъ людей слѣпыми, чувства забываются, слова разносятся по вѣтру. И все же, повѣрьте мнѣ, многаго можно иногда достигнуть однимъ словомъ. Иногда, когда при мнѣ какіе-нибудь супруги громко ссорились или безмолвно терзали другъ друга, мнѣ хотѣлось крикнуть имъ: „дѣти мои, почему вы не скажете другъ другу нужное, доброе слово?“ Мнѣ всегда хочется крикнуть то же самое и въ театрѣ, когда люди ссорятся на сценѣ. Во всякомъ злѣ, которое причиняютъ другъ другу мужья и жены, есть слишкомъ много и предумышленнаго, и всякая любовь мститъ за себя злобой. Такъ будьте вы великодушны!

Агата порывистымъ движеніемь протянула руку другу, который сжалъ ее въ своей рукѣ. Затѣмъ она сѣла въ коляску, кивнула Урзанеру еще разъ изъ окна и уѣхала.

У Агаты было тяжело на сердцѣ. Она не могла забыть двухъ мальчиковъ, странную подстерегающую улыбку одного изъ нихъ, а также спящаго за печкой слугу и дрожащія губы Ахима Урзанера. Въ этой картинѣ было что-то зловѣщее, и ей казалось, будто и она сплетена съ надвигавшейся бѣдой.

Не это ли и было причиной того, что она болѣе рѣшительно примирилась со своимъ положеніемъ? Можетъ быть, сравненіе своей судьбы съ его судьбой сдѣлало ее болѣе терпѣливой, болѣе спокойной. Она сосредоточила все свое вниманіе на хозяйствѣ, стала сама слѣдить за доставкой дровъ и съѣстныхъ припасовъ, за починкой плуговъ и повозокъ, за уходомъ за лошадьми въ конюшняхъ и каждую субботу сводила счеты съ управляющимъ. Она стала глубже вникать въ дѣла, основательнѣе ознакомилась съ обстоятельствами и въ отношеніяхъ со служащими проявляла распорядительность и знаніе дѣла. Но все ея усердіе и всѣ ея старанія показались ей вдругъ совершенно безплодными, когда она получила изъ вюрцбургскаго банка извѣщеніе о томъ, что, по требованію ея мужа, ему выслано опять въ Парижъ три тысячи талеровъ.

Зато она, по крайней мѣрѣ, узнала, гдѣ онъ находился.

Иногда къ ней приходила жена управляющаго со скрипкой; Агата садилась къ роялю—и онѣ играли какую-нибудь изъ моцартовскихъ сонатъ. Иногда она читала, но почти безъ всякаго интереса. Въ иные часы она не могла побѣдить печаль, и если бы можно было плакать въ душѣ, то именно такія слезы она ощущала въ себѣ: тогда она уходила отъ всѣхъ, поднималась на башню и недвижно смотрѣла на зимній пейзажъ, пока не наступалъ вечеръ.

Однажды Сильвія прослѣдила, куда отправилась мать, и послѣдовала за нею. Умная дѣвочка долго стояла на лѣстницѣ передъ дверью и не рѣшалась открыть ее; наконецъ, она сѣла у порога, и ея прекрасные глаза наполнились печалью. Было холодно, слышалось завываніе вѣтра, и когда снѣгъ скользилъ по кирпичамъ, то казалось, что это шаги привидѣній по крышѣ. Наступили сумерки, и Сильвіи казалось, что она одна на свѣтѣ. Она прислонила голову къ поперечной балкѣ и задумалась объ отцѣ. Она стала представлять себѣ, какъ онъ бродитъ на чужбинѣ среди множества чужихъ людей и не можетъ попасть обратно домой, потому что со всѣхъ сторонъ слишкомъ высоко стоитъ снѣгъ. Въ эту минуту скрипнула дверь,—и Агата вышла на лѣстницу въ мѣховой накидкѣ на плечахъ. Она увидѣла дѣвочку у своихъ ногъ, испугалась и опустилась на колѣни рядомъ съ нею. Сильвія обняла шею матери, ничего не говоря. Агата закутала дрожащую дѣвочку въ свой мѣхъ, взяла ее на руки и снесла внизъ. У камина въ кабинетѣ она усадила дѣвочку къ себѣ на колѣни и стала ей разсказывать сказку про кустъ можжевельника:

„... И когда прошелъ мѣсяцъ, то снѣгъ сошелъ, потомъ еще два мѣсяца— и все позеленѣло; потомъ три мѣсяца—тогда вышли цвѣты изъ земли; потомъ четыре мѣсяца—и всѣ деревья стали тѣсниться въ рощѣ, и зеленыя вѣтви ихъ переплетались и сростались. Такъ громко пѣли тамъ птички, что во всемъ лѣсу отдавалось ихъ пѣніе и съ деревьевъ опадали цвѣты. Затѣмъ прошелъ пятый мѣсяцъ—и женщина опять стояла у куста можжевельника, и сердце у нея прыгало отъ радости, и она упала на колѣни. И когда шестой мѣсяцъ прошелъ, то всѣ плоды налились, и она молча глядѣла на нихъ, а когда седьмой мѣсяцъ прошелъ, то она стала жадно ѣсть ягоды и сдѣлалась печальной и больной. Потомъ прошелъ восьмой мѣсяцъ—и она позвала своего мужа, заплакала и сказала: „Когда я умру, похороните меня подъ кустомъ можжевельника". Это ее успокоило, а на девятомъ мѣсяцѣ у нея родилось дитя, бѣлое, какъ снѣгъ, и алое, какъ кровь. И когда она это увидѣла, то такъ радовалась, что отъ этого умерла".

Сильвія смотрѣла на мать взоромъ понимающей женщины, и Агата продолжала свой разсказъ.

На слѣдующій день пріѣхалъ верховой отъ Ахима Урзанера. Онъ привезъ письмо, въ которомъ Урзанеръ сообщалъ, что получилъ извѣстія отъ Сильвестра изъ Парижа: „Я не посылаю вамъ его письма",—писалъ Урзанеръ.— „Зачѣмъ? Онъ въ немъ только прячетъ себя. Онъ пишетъ о красотѣ какой-то танцовщицы, о томъ, что какая-то графиня влюбилась въ собственнаго кучера, что маркизъ де-Лузонъ привезъ съ собой изъ Индіи двухъ тигровъ,

что весь Парижъ у ногъ нѣкоей креолки и что у испанскаго посланника прекрасныя вина. Онъ восторгается экзотическими цвѣтами, которые взращиваетъ мадемуазель де-Феркіеръ, и пишетъ о драгоцѣнностяхъ герцога Пралена, о картинѣ прославившагося молодого художника, о какой-то встрѣчѣ въ версальскомъ дворцѣ, о катаніи на лодкѣ въ Пасси, о веселой компаніи на Монмартрѣ и о фейерверкѣ въ Луксанбургѣ. Все это пѣна. Иные люди надѣваютъ на голову пестрые вѣнки, когда имъ не даетъ спать совѣсть. Я много думаю о васъ, но не могу къ вамъ пріѣхать, и этимъ все сказано. Въ прошлое воскресенье въ церкви священникъ нападалъ на меня въ своей проповѣди. Прощайте. А. У.".

„Все кончено", подумала Агата и почувствовала, какъ въ сердцѣ ея сдѣлалось темно и пусто въ то время, какъ она медленно шла въ переднюю, чтобы заплатить посланному.

Сильвестръ остановился по пути въ Карлсруэ. Онъ посѣтилъ нѣсколькихъ друзей, явился ко двору и приглашенъ былъ на вечеръ въ замкѣ. Цѣлый день ушелъ у него на то, чтобы съ помощью Адама Гунта, очень искуснаго въ этомъ дѣлѣ,—придать болѣе молодой видъ своему лицу. Всѣ принадлежности хранились у Адама въ длинномъ, черномъ лакированномъ ящикѣ, похожемъ со своими серебряными ручками на маленькій гробикъ. Въ ящикѣ лежали бритва, ножницы и щипцы для завивки, напильники, щетки, кисти и гребни, коробочки съ пудрой и трубочки съ притираніями, разные флаконы съ эссенціями, шприцъ для одеколона, а въ крышку съ внутренной стороны вдѣлано было граненое зеркало.

Адамъ Гунтъ былъ худощавъ, но казался толстымъ; все у него было свѣтлое,—волосы, лицо и глаза, но все-таки онъ производилъ мрачное и недовольное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ—пока не заговаривалъ. Онъ имѣлъ видъ изящнаго кавалера, но вмѣстѣ съ тѣмъ казался всегда обтрепаннымъ. Соединяя въ себѣ во всемъ самыя неожиданныя противорѣчія, Адамъ Гунтъ забавлялъ Сильвестра тѣмъ, что становился все болѣе и болѣе непримиримымъ врагомъ женщинъ. Шестилѣтнее сожительство съ злой дочерью пивовара преисполнило его смертельной ненависти къ женскому полу. У него имѣлся алфавитный списокъ всѣхъ пороковъ и недостатковъ, которые онъ открылъ въ женщинѣ, какъ, напримѣръ: высокомѣріе, глупость, жадность, зависть, задорность, легкомысліе, лживость, любопытство, насмѣшливость, непостоянство, похотливость, расточительность, ревность, страсть къ сплетнямъ и къ нарядамъ, суевѣріе, упрямство, хвастовство. „И въ эту бездну пороковъ милліоны мужчинъ бросаютъ свои несчастныя души!"—восклицалъ онъ съ жестомъ Гамлета, указывающаго матери на призракъ.

Сначала онъ все не понималъ, съ какой цѣлью его господинъ отправился путешествовать. Эпизодъ съ красивой еврейкой разъяснилъ ему все въ пріятномъ для него смыслѣ. Онъ былъ теперь убѣжденъ, что Сильвестръ очутился въ положеніи, похожемъ на его собственное, но только не довольствовался безсильнымъ гнѣвомъ, а замыслилъ отмщеніе. „Давай ему Богъ повергнуть въ бѣду какъ можно больше этихъ длинноволосыхъ дочерей сатаны!“—говорилъ себѣ Адамъ Гунтъ. „Пора ихъ прибрать къ рукамъ“. И у него было такое чувство, точно онъ участвуетъ въ охотѣ и долженъ высматривать слѣды и быть надсмотрщикомъ.

Онъ подстригъ темные волосы Сильвестра, чтобы придать лицу болѣе моложавый видъ, подрѣзалъ слегка усы и послѣ того намазалъ лицо жиромъ и сталъ мять его, точно тѣсто, и тереть, точно металлическую доску, разсказывая въ то же время вывѣданныя имъ городскія новости.

— Говорятъ, тутъ объявилась пѣвица, которая всѣхъ мужчинъ съ ума сводитъ,—сказалъ онъ. — Наслѣдный принцъ каждый день въ театрѣ, когда она играетъ, и его собираются услать за-границу, чтобы предупредить несчастіе. Одинъ членъ посольства будто бы застрѣлился изъ-за нея, а въ Стокгольмѣ—прямо не вѣрится, что такъ высоко на сѣверѣ бываютъ такіе пылкіе люди—какой-то приказчикъ изъ книжнаго магазина изъ любви къ ней бросился въ море. Габріэля Таннгейзеръ—такъ ее зовутъ, негодяйку. Все это она поетъ да манитъ, чтобы нашего брата съ ума свести. Прикажете достать билетъ, господинъ баронъ?

— А что, если и я съ ума сойду?—со смѣхомъ спросилъ Сильвестръ.

— Нѣтъ, господинъ баронъ; когда человѣкъ знаетъ всѣ ихъ уловки, ему уже не грозитъ опасность. Разъ я вижу, что меня ловятъ, развѣ я дамъ поймать себя на удочку? Но убѣгать я тоже не стану; я только возьму сочную приманку съ крючка и съѣмъ ее; и мнѣ пріятно, и рыбакъ обманутъ.

— Да, у тебя кой-чему поучиться можно,—сухо отвѣтилъ Сильвестръ.

Адамъ Гунтъ закончилъ свою работу. Онъ снялъ пудермантель съ плечъ Сильвестра и заостренными губами нѣжно сдунулъ нѣсколько волосковъ съ шеи. Сильвестръ подошелъ къ зеркалу и посмотрѣлъ на свое отраженіе съ легкой насмѣшкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ удовольствіемъ. У него былъ молодой, здоровый видъ. Глаза его блестѣли. Онъ улыбнулся, чтобы осмотрѣть свои зубы: они были достаточно бѣлы и плотны. Затѣмъ онъ закончилъ свой туалетъ и вышелъ, напѣвая, изъ комнаты. „Если-бы теперь да еще сіяло солнце, я былъ бы совсѣмъ счастливый человѣкъ“,—подумалъ онъ въ странномъ состояніи всезабвенія и ожиданія.

Онъ направился въ казино и услышалъ, что за всѣми столиками только и разговора, что о концертѣ, который Габріэля Таннгейзеръ устраивала въ этотъ вечеръ. Его спросили, есть ли у него билетъ, и ему пришлось сказать

что нѣтъ. „И вы еще не слышали ея?"—„Нѣтъ". „Никогда?"—„Никогда".—„И вы хотите уѣхать, не слыхавъ ее?"—„А что же мнѣ дѣлать?"—„Сегодня послѣдній случай, быть можетъ—на долгіе годы. Она теперь ѣдетъ въ Лондонъ, а потомъ, кажется, въ Америку."—„Я вамъ очень совѣтую купить билетъ за какую угодно цѣну".—„Да мнѣ никто не предлагалъ билета".—„Я постараюсь вамъ достать, я обращусь къ ея импрессаріо".

Пер. **Зин. Венгерова.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

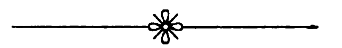
Орелъ.

Изъ Теннисcона.

Впиваясь цѣпкими когтями
Въ нѣмую грудь твердыни скалъ,
Орелъ у солнца отдыхалъ.

Подъ нимъ, сверкавшее валами,
Блестѣло море... Мигъ одинъ—
И онъ исчезъ во тьмѣ стремнинъ.

Зинаида Ц.



ДОЛОЙ НИЦШЕ.

„Поспитъ немножко добродѣтель,— свѣжѣе встанетъ".
Ницше.

До сихъ поръ стоитъ въ ушахъ стонъ и гомонъ отъ грохота жизни, что пронесся надъ нашими головами. Однихъ онъ оглушилъ, другихъ испугалъ, третьихъ обрадовалъ не въ мѣру—и всѣ мы такъ или иначе отъ него покалѣчены. Правда, лечились. Въ паровыхъ ваннахъ глухой тишины, безжизненной и туманной, безъ мыслей, въ безплодности воображенія, лѣниво повторяя все тѣ же утратившія смыслъ слова, лечились мы отъ покалѣчившей насъ революціи. Читали или не читали отчеты третьей Думы, спорили или не спорили о музыкальной гимнастикѣ Далькроза, о наготѣ, о достоинствахъ пеоновъ въ ямбическомъ стихосложеніи, о шалостяхъ безполой или не того пола любви.

И скучно было въ бѣлыхъ палатахъ нашей санаторіи. Невольно подумаешь:

— Лучше болѣзни наживать, чѣмъ вылечиваться.

Щемитъ сердце. Все еще стоитъ стономъ грохотъ пережитого. А беллетристы, заботливые и услужливые, думая угодить, нѣтъ-нѣтъ да и разскажутъ намъ что-нибудь изъ недавняго прошлаго, изъ той самой, покалѣчившей насъ, жизни. Но это опять та же надоѣвшая паровая ванна—только по иному. Отъ этихъ разсказовъ всегда такое впечатлѣніе, какъ отъ гипнотическихъ пассовъ современныхъ врачей. Проводитъ врачъ рукой то тамъ, то тутъ и приговариваетъ:

— Я дѣлаю вамъ пассы въ области сердца, я дѣлаю вамъ пассы въ области глазъ. Вотъ, вы сейчасъ заснете и будете спать. Спите, засыпайте и вы встанете совершенно здоровымъ. Я дѣлаю вамъ пассы. . . .

Господи, пытка какая! Ванны, тишина, да успокоеніе, да тѣ же слова, да воспоминанія... И кругомъ бѣлыя стѣны санаторіи. Выздоравливаемъ. Проходитъ въ ушахъ стонъ и гомонъ, забываемъ понемногу, какъ перестукиваться. Перестаемъ ходить по комнатѣ пять шаговъ впередъ, пять шаговъ назадъ. Зѣваемъ отъ души, потягиваемся. Готовимся къ выборамъ еще въ одну Думу, кого не разъяснили.

„То, чего не было" Ропшина — тоже беллетристика. Заглавіе романа именно это, конечно, и значитъ. Оно говоритъ о себѣ: „я не въ самомъ дѣлѣ".

Есть, однако, такіе вымыслы, которые въ самомъ дѣлѣ, хотя они и вымыслы. Первая яркая, захватывающая по вѣсть Ропшина—„Конь блѣдный“—именно такое производила впечатлѣніе и оттого заставила она встрепенуться. Романъ, который печатается теперь въ „Завѣтахъ“, какъ художественное произведеніе, понравится, вѣроятно, гораздо меньше. Встрепенуться заставляетъ, однако, и онъ. Онъ тоже, несмотря на свое заглавіе, настоящій. Этимъ словомъ я хочу сказать, что вымыселъ не для вымысла. Вѣдь, въ этомъ все дѣло. Чаруютъ или не чаруютъ красные вымыслы,—все равно совершенно отчетливо рождается въ душѣ сознаніе, что ничего другого не вычитаешь, и не надо вычитывать, и самъ авторъ поставилъ точку, откинулся на спинку стула, когда кончилъ свой разсказъ, съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга: по совѣсти выдумалъ и написалъ, соблюлъ всю эту архитектонику, стиль, правдоподобіе, всѣхъ своихъ героевъ заставилъ испытывать, видѣть, говорить, все по хорошему... Чего еще? Дѣло теперь за читателемъ. Если онъ знаетъ эстетику Липпса, пусть онъ теперь предается „сопереживанію“.

Велика Артемида Эфесская!

Ропшинъ совсѣмъ не золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ города Эфеса. Большіе и маленькіе Гете, когда прочтутъ его, не признаютъ. Онъ вообще не изъ цеха. Не будемъ и мы судить о немъ съ цеховой точки зрѣнія. Напротивъ. Отдохнемъ душой и воображеніемъ. Искусство не должно быть панорамой, вводящей въ заблужденіе; но такъ хорошо,—когда увѣренъ, что не выдумалъ авторъ,—пойти къ нему съ открытой душой и заговорить о его герояхъ и мысляхъ, о всемъ, чѣмъ болѣла его душа и надъ чѣмъ билась мысль, заговорить, какъ о самомъ настоящемъ. Усилится грохотъ въ ушахъ, но зато словно выписываешься изъ санаторіи. Словно отдѣлываешься отъ пассовъ. Пусть былъ или есть еще гдѣ-нибудь, если онъ спасется въ концѣ романа, предводитель дружины Володя, молодецъ огромнаго роста съ курчавыми волосами; пусть существуютъ члены комитета партіи—докторъ Бергъ, ни разу не попавшій въ тюрьму, Арсеній Ивановичъ, сохранившійся во всей своей народнической наивности до нашихъ дней, мечтатель Ваня и даже Александръ Болотовъ, хотя, пока что, онъ совсѣмъ не удался и не живетъ еще, несмотря на то, что въ вышедшихъ главахъ успѣлъ продѣлать московское вооруженное возстаніе.

Въ „Конѣ блѣдномъ“ и теперь вновь Ропшинъ бьется надъ вопросомъ: убивать или не убивать? Въ „Конѣ блѣдномъ“ убиты были губернаторъ и революціонеры, мужъ женщины, которую полюбилъ герой повѣсти. Въ „То, чего не было“ идетъ вооруженное возстаніе—и убиты драгунскій офицеръ, жандармскій полковникъ, солдаты и опять, конечно, революціонеры. Одного разстрѣляли, другихъ убили на баррикадѣ. И каждый разъ авторъ спрашиваетъ: неужели можно убивать? Дѣло идетъ „о крови, о Ванѣ. О живомъ человѣкѣ Ванѣ, который пойдетъ и убьетъ другого живого человѣка“. Опять,—въ который это разъ опять!—долженъ современный читатель пережить и перечувствовать фактъ убій-

ства и вмѣстѣ съ авторомъ перебрать и провѣрить въ душѣ своей то, что онъ способенъ объ этомъ подумать, что можетъ онъ въ этомъ понять, т. е. рѣшить какъ-нибудь свое отношеніе къ убійству и убійствамъ.

Я не буду, однако, толковать о кровавыхъ сценкахъ, что развертываются въ романѣ. Оставимъ совсѣмъ самое событіе и только тогда вмѣстѣ съ авторомъ вживемся мы въ то главное и жизненное, что заключается въ этомъ романѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Въ сценѣ убійства жандармскаго полковника Слезкина, когда Болотовъ вышелъ изъ кабинета, онъ наткнулся на стоящаго здѣсь дружинника. „У выходныхъ, запертыхъ на цѣпочку, дверей, съ безстрастнымъ лицомъ и съ револьверомъ въ рукахъ, дежурилъ незнакомый Болотову рабочій. Когда Болотовъ поймалъ его равнодушный, почти скучающій взглядъ, ему стало страшно. Онъ вдругъ понялъ, что Слезкинъ неизбѣжно будетъ убитъ...“ Такое же впечатлѣніе производятъ на революціонера Давида, котораго арестовалъ военный караулъ, тѣ офицеры и полицейскіе въ участкѣ, куда его привели. Давидъ тоже понялъ, что будетъ немедленно и безъ суда разстрѣлянъ, потому что револьверъ его оказался стрѣлявшимъ. Во время обстрѣла училища, гдѣ засѣла дружина Болотова, когда онъ первый разъ посмотрѣлъ на построившихся къ бою артиллеристовъ, ему „было странно видѣть этихъ людей, спокойно занятыхъ своимъ дѣломъ“. Да, есть совсѣмъ особое чувство къ людямъ и особое пониманіе ихъ, когда въ какую-нибудь значительную минуту стоитъ передъ тобой просто вообще человѣкъ. Его нельзя назвать по имени. Нельзя и не надо тутъ интересоваться, кто онъ и что онъ. Человѣкъ. И тогда чувствуешь важность, неизмѣнность, дѣйствіе какого-то міровото закона, равнаго по власти закону природы или закону механики. Равнодушный или безразличный—совсѣмъ чужой человѣкъ-автоматъ сдѣлаетъ свое дѣло. Его не остановить, потому что онъ, собственно, и не человѣкъ, обладающій личной волей, а лишь одинъ изъ людей, которые должны нѣчто совершить.

Такъ столько разъ бываетъ въ жизни. Вотъ берутъ тебя какіе-то люди, ведутъ или везутъ, судятъ, кормятъ, спрашиваютъ, дни проходятъ съ ними, судьба твоя совершается, важная для всей жизни. Но именно эти-то люди, творящіе судьбу, совершенно и вовсе не интересуютъ, кто бы они ни были, хорошіе или дурные: они дѣлаютъ свое дѣло—и до нихъ все равно; судьи они, сыщики, конвойные солдаты—одно и то же. И я, собственно, напрасно беру примѣръ изъ области политическихъ арестовъ и тюремъ. То же самое испытываетъ любой дѣловой человѣкъ, но только не всегда отдаетъ себѣ отчетъ. Идетъ споръ о контрактѣ, совершается продажа, покупка, что-нибудь пріятное или какое-нибудь несчастье—развѣ тутъ встрѣчаешься съ человѣкомъ не только имя рекъ, съ опредѣленной личностью, у которой есть семья, взгляды, душа какая-нибудь? Вовсе нѣтъ. Чѣмъ важнѣе столкновеніе, тѣмъ сильнѣе сглаживается впечатлѣніе о личности. Остается въ

сознанiи развѣ только профессiя: докторъ, адвокатъ, чиновникъ, купецъ. Одинъ изъ людей, а не человѣкъ.

Въ этомъ психологическомъ наблюденiи, взятомъ мною изъ романа Ропшина, таится причина, почему вовсе не самый фактъ множества революцiонныхъ убiйствъ составляетъ значительное и важное въ „Конѣ блѣдномъ“ или въ „Томъ, чего не было“.

Убиваетъ человѣчество. Ну, да, убивало и убиваетъ. Именно человѣчество вообще люди.

Когда поймалъ Болотовъ „равнодушный, почти скучающiй взглядъ“ дружинника, стоявшаго на стражѣ у дверей квартиры полковника Слезкина, онъ понялъ, что, не убей полковника Володя, все равно другiе дружинники убьютъ. То же самое и Давидъ, какъ только увидѣлъ предъ собой разстрѣлявшаго его потомъ офицера, или Болотовъ, завидя наступавшихъ на училище, гдѣ засѣла дружина, артиллеристовъ. При чемъ тутъ партiя или ея взглядъ на убiйство? Ропшинъ въ обоихъ своихъ романахъ, вѣдь, еще настаиваетъ на безсилiи партiйной дисциплины. Ей было не остановить начавшихся явленiй жизни. Онъ даже подсмѣивается надъ той самой партiйной литературой, которая разсуждаетъ о террорѣ. Болотовъ писалъ статьи о террорѣ въ партiйномъ органѣ. И вотъ, „онъ читалъ эти строки, и онѣ казались ему холодными, равнодушными“. Опять равнодушiе. Да, именно, такъ, самая теорiя партiи, къ которой принадлежалъ Болотовъ, такая же, какъ и взглядъ того дружинника во время убiйства жандармскаго полковника. Оттого имѣетъ смыслъ говорить объ убiйствѣ только вообще или даже больше: надо говорить лишь вообще о насильственныхъ смертяхъ. Партiя, объединяющ[illegible]я людей извѣстныхъ принциповъ и из[illegible]-стнаго мiросозерцанiя, даже идей[illegible]я партiя—говорю я—рѣшаетъ вопросъ [illegible]ь убiйствѣ такъ,

что такъ, а не иначе, разрѣшаетъ его до нашихъ дней *все человѣчество*—т.-е. на дѣлѣ, а не словахъ, даже самые увлеченные пассифисты и учителя морали. Грустно, но неизбѣжно.

Совсѣмъ другое, не *это* важно у Ропшина. Въ „Конѣ блѣдномъ“ герой Жоржъ не одинъ разъ восклицаетъ: „не вѣрю въ слова“, а теперь въ романѣ не только революцiонеръ Володя, схожiй по замыслу съ Жоржемъ изъ „Коня блѣднаго“, говоритъ Болотову: „Точно, я мало вѣрю тѣмъ, кто языкомъ треплетъ“, но даже и самъ Болотовъ, авторъ статей въ партiйныхъ оргагахъ, чувствуетъ, что написанное имъ самимъ—„лишенныя смысла слова“. Ни зачѣмъ ненужны эти партiйныя теорiи, классификацiи и, вообще, разсужденiя, тѣмъ болѣе ненужны не партiйныя, а какiя-нибудь такiя буржуазныя, легальныя. Мало того. „Такъ гдѣ же законъ? Въ партiйной программѣ? Въ Марксѣ? Въ Энгельсѣ? Въ Кантѣ? Да, вѣдь, это все чепуха,—взволнованно прошепталъ онъ (Болотовъ),—вѣдь, ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни Кантъ никогда не убивали людей... Слышите? Никогда, никого... Значитъ, они не знаютъ, не могутъ знать то, что знаю я, что знаете вы, что знаетъ Володя“. Долой книги,

долой знаніе, долой разсужденіе,—говорятъ герои Ропшина, и вотъ ради этого взялся Ропшинъ за перо, написалъ еще одну книгу, наговорилъ еще много словъ. Пусть будетъ книга о томъ, что не въ книгахъ дѣло. Долой книги!

Я же, прочитавъ слова и книги Ропшина, говорю: долой Ницше.

Вѣдь, такія разсужденія—ничто иное, какъ ницшеанство послѣднихъ лѣтъ, ницшеанство, которое столько разъ, словно шмель надоѣвшій, приходилось слышать и отъ партійныхъ, и отъ непартійныхъ молодцевъ. И читать приходилось. Такіе взгляды мы читали и у Куприна, и у Арцыбашева, и у Леонида Андреева. Жоржъ и Володя Ропшина—тѣ же Санины. Пусть не обидится авторъ. Не за что. Санинъ — гадокъ. Онъ пакостникъ и даже вовсе не вѣрится, что онъ герой. Если онъ тамъ кого-нибудь и обрѣзалъ и побилъ или какой-нибудь другой подобный поступокъ совершилъ, считавшійся за эти послѣдніе годы геройскимъ, то—невольно думается—какая-нибудь мелюзга ему попалась подъ руку, такая, что либо не стоило мараться, либо вспомнить противно. Жоржъ, конечно, во всѣхъ смыслахъ герой. Чего тамъ еще! Но типъ—одинъ и тотъ же, и типъ этотъ надо назвать именно этимъ словомъ—ницшеанецъ. Это не значитъ, что онъ читалъ Ницще. Навѣрно, если и читалъ, то развѣ „Такъ говорилъ Заратустра“. Но онъ читалъ всю популярно-журнальную литературу о Толстомъ-Достоевскомъ-Ницше, которую создала въ 90-хъ годахъ Русь, не святая, а многогрѣшная, и которую читали съ увлеченіемъ и съ увлеченіемъ развивали журналисты, часто даже забывъ, откуда берутъ они свои слова и мысли, и увѣренные, что это ихъ опытъ житейскій, ихъ познанія изъ „гущи жизни“ заставляютъ все это писать.

Революціонеръ Ваня, выслѣживающій губернатора въ видѣ извозчика, прямо говоритъ словами, взятыми изъ Толстой-Достоевскій-Ницше литературы. Можно думать, что онъ захватилъ съ собой томикъ Мережковскаго и читаетъ его украдкой на извозчичьемъ дворѣ, пока отдыхала лошадка, а когда встрѣчается съ Болотовымъ, передаетъ свои впечатлѣнія. Онъ говоритъ: „Пока не знаешь Его, не думаешь о Немъ вовсе. Обо всемъ думаешь, а о Немъ нѣтъ. Сверхчеловѣкъ вотъ инымъ мерещится. Ты подумай только: сверхчеловѣкъ. И, вѣдь, вѣрятъ: философскій камень нашли, разгадку жизни. А по моему, смердяковщина это. Я, молъ, ближнихъ не люблю, а люблю зато дальнихъ. Какъ же дальнихъ можешь любить, если нѣтъ въ тебѣ любви къ тому, что кругомъ?“

Главный герой, Жоржъ, повидимому, знаетъ ницшеанскую литературу съ другой стороны: Шестовъ, Горькій, Бальмонтъ, т. е. само ницшеанство. Оно сверкаетъ въ его порывистыхъ сердечныхъ изліяніяхъ. „Я такъ хочу“—его основной принципъ и то главное объясненіе, какое онъ даетъ своимъ поступкамъ. Онъ, правда, не споритъ съ Ваней, нѣтъ. Ваня близокъ ему и дорогъ, да и нѣтъ разницы въ поступкахъ между нимъ и Ваней, но еще ему ближе та-же реторика своей несомнѣвающейся,

не-критической стороной. Оттого, начиная съ „я такъ хочу“, съ воли личности, съ этого самодовлѣющаго Я, еще восходящаго къ Максу Штирнеру, цѣлый рядъ его мыслей—либо подлинныя мысли Ницше, либо необходимыя слѣдствія изъ нихъ. „Прежде всего, это ужъ само собой: не надо жалости“,—исповѣдуютъ герои Ропшина, а самъ Ницше, вѣдь, какъ извѣстно, не только утверждалъ, что жалость оскорбительна для того, кого жалѣютъ, но еще старательно объяснялъ, что обиженные требуютъ жалости къ себѣ прежде всего потому, что они „хотятъ имѣть Власть“, несмотря на всю свою слабость, Власть сдѣлать больно „пожалѣвшимъ ихъ“. По любви познается герой романа, какъ добрый конь по тому, какъ и сколько онъ ѣстъ.

Жоржъ изъ „Коня блѣднаго“ непостояненъ къ любви; онъ считаетъ себя въ правѣ мѣнять любовь, говоритъ, что обѣщать постоянную любовь даже нечестно, потому что осуществить обѣщаніе нѣтъ на дѣлѣ никакой честной возможности. У Ницше то же самое сказано такъ: „когда кто-нибудь обѣщаетъ полюбить или возненавидѣть навсегда, обѣщаетъ вѣрность, онъ распоряжается тѣмъ, что не въ его власти; зато онъ можетъ пообѣщать обычныя проявленія любви, ненависти или вѣрности; они, однако, могутъ прекрасно проистекать изъ другихъ мотивовъ, потому что разные мотивы и многіе пути ведутъ къ однимъ и тѣмъ же проявленіямъ“.

Точка въ точку то же самое совпаденіе между ницшеанствомъ и взглядами героевъ Ропшина въ дѣлахъ альтруизма и по отношенію къ будущимъ, болѣе счастливымъ, судьбамъ человѣчества. Ницше ненавидѣлъ будущаго „моргающаго счастливаго человѣка“. Герой Ропшина говоритъ: „Счастливъ также, кто вѣритъ въ соціализмъ, въ грядущій рай на землѣ. Но мнѣ смѣшны эти старыя сказки, и 15 десятинъ раздѣленной земли меня не прельщаютъ. Я сказалъ: я не хочу быть рабомъ. Неужели въ этомъ моя свобода? И зачѣмъ мнѣ она? Во имя чего я иду на убійство?“ Сравните со слѣдующими словами Ницше: „Мы все-таки согласны работать для ближнихъ, но лишь постольку, поскольку въ этой работѣ видимъ пользу для самихъ себя, не болѣе, но и не менѣе“. И при этомъ онъ прибавляетъ, что не надо „понимать это лишь самымъ грубымъ образомъ.“ Значитъ, и общественное дѣло, даже революція, дѣлаются не только ради дорогихъ „дальнихъ“ или „вещей и призраковъ“, но въ силу основного принципа: „Я такъ хочу“. И вотъ, заключаетъ герой Ропшина свое міросозерцаніе этимъ послѣднимъ, гремящимъ и угрожающимъ, страшнымъ аккордомъ: „Я самъ себѣ богъ“. А тогда зачѣмъ вообще „ближніе“, „дальніе“, принципы или слова? Въ проблему объ убійствѣ вторглось уже не разрѣшеніе убійства, такъ или иначе оправданнаго, но и простое разбойничье, просто и прямо, такъ, здорово живешь, разрѣшающее убивать заключеніе: „Почему для идеи бить—хорошо, для отечества—нужно, для себя—невозможно. Кто мнѣ отвѣтитъ?“

Ради этого послѣдняго, вполнѣ логичного вывода, который досказанъ былъ въ жизни провокаторами, позвавшими

революціонеровъ кричать: „руки вверхъ", врываться въ банки и частные дома, грабить и кутить на награбленныя деньги, я говорю—вспомните процессъ коммунистовъ-анархистовъ:—долой Ницше.

„Глупость какая,—скажутъ мнѣ, можетъ быть, на это.—Ницше и провокаторы, устраивающіе эксы въ винныхъ лавкахъ. Ну, причемъ тутъ Ницше? Не читали же Ницше загулявшіе во всю въ революціонные годы охранники?" Но я сказалъ, что интересуюсь въ данномъ случаѣ вовсе не фактами жизни, а только теоріей. Ницшеанство, какъ оно было у насъ понято, годится для оправданія и экспропріацій; хуже,—оно должно оправдывать „руки вверхъ", и оттого: долой Ницше.

Герои Ропшина такъ гордятся своимъ „не вѣрю въ слова", а самъ Ропшинъ по этому поводу создаетъ художественную словесность. Тутъ, повидимому, ужъ свое собственное. Ну, да, они не говорятъ особенно оригинальныхъ вещей, но ихъ нетеоретичность, ихъ исключительная приверженность только къ „дѣямъ дѣтельнымъ", какъ говорили старые проповѣдники, тутъ какъ будто свои. Вовсе нѣтъ. При внимательномъ разсмотрѣніи и самое это: „не вѣрю въ слова"—оно тоже книжнаго происхожденія. Такъ думаютъ герои Ропшина, потому что такія точно слова произнесли спеціалисты слова и написали въ книжкахъ. Герои Ропшина и тутъ повторяютъ писателей, нашего брата. Эти слова встаютъ, кровавыя и пламенныя, изъ всѣхъ строкъ, написанныхъ современными ницшеанцами: Леонидомъ Андреевымъ, Арцыбашевымъ, Купринымъ. „Не вѣрю въ слова",—заговорили у насъ почитатели Горькаго; превозмочь всякія слова звала огненная поэзія Бальмонта. И подходилъ этотъ выводъ всѣмъ, Божіею милостью, писателямъ, которые съ презрѣніемъ относились къ присяжнымъ собратамъ, до дыръ читавшимъ марксистскія брошюры, историко-литературныя книги, декадентскіе стихи, оккультную литературу, романы временъ первой имперіи и, вообще, слова, которые брали книги, толстые томы съ пыльныхъ полокъ въ библіотекахъ, т. е. презирали старую и новую интеллигенцію. А когда книгочіи-интеллигенты сами въ библіотекахъ, согнувшись въ три погибели надъ страницами книгъ, вчитывались въ Ницше, развѣ изъ него они не вычитывали высокомѣрное презрѣніе къ словамъ, написаннымъ въ книгахъ? Книгочій, какихъ мало, ученый словесникъ по образованію, книжный человѣкъ отъ ступней ногъ до мозга былъ самъ Ницше, но изливалъ онъ во всѣхъ пятнадцати томахъ своихъ произведеній свое презрѣніе къ книгамъ, написаннымъ до него.

Партія, къ которой принадлежатъ герои Ропшина, никогда до сихъ поръ не признавала Ницше. Въ журналахъ близкаго ей направленія не было, насколько помнится, до сихъ поръ произнесено ни одного ласковаго слова о Ницше. Что же значитъ тогда это ницшеанство дѣятелей партіи? Передъ нами, вѣдь, документъ, а не только художественный вымыселъ. Ошибиться авторъ не могъ. Онъ не вообразилъ и не изобразилъ. Онъ сказалъ настоящую правду. Чувствуется даже борьба съ самимъ собой,

надрывъ, напряженность. Будто спрашиваетъ себя авторъ: да не заглушить ли въ себѣ волненія и скорбь свою обо всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ герояхъ партіи? Авторъ не умолчалъ. Раздалось его слово, нужны оказались слова, опять слова; узнали мы смѣлыя признанія; вырвались они изъ сердца, потому что родились и требовали выхода, какъ требуетъ его важная, недосказанная, но нужная правда.

Герои Ропшина—непослушные члены партіи. Непослушаніе, полный развалъ партійной дисциплины въ романѣ проходитъ красной, я сказалъ бы—кровавой чертой. Въ „Конѣ блѣдномъ" членъ комитета Андрей Петровичъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и привозитъ директивы; первая гласитъ: „организацію распустить"; это сейчасъ послѣ 17 октября; потомъ, напротивъ, „усилить". Но директивы эти—пустое. Андрей Петровичъ слышитъ отвѣтъ: „Вы рѣшайте тамъ, какъ хотите. Это ваше право. Но какъ бы вы ни рѣшили, мы свое сдѣлаемъ..." Теперь, въ романѣ, когда Давидъ привозитъ извѣстіе, что полкъ готовъ возстать, а потомъ, когда является Володя съ извѣстіемъ о строющихся баррикадахъ, засѣданія комитета описаны даже каррикатурно. Обидно читать. Вотъ тебѣ и на!.. Это руководители-то страшныхъ дѣлъ, всей этой потрясающей трагедіи нашей родины! Неужели вотъ такъ назначаются эти кровавые акты трагедіи? Не пожалѣлъ авторъ. И ясно, что ни о какой партійной дисциплинѣ и говорить нечего. Все на периферіи. Ничего въ центрѣ. Центра нѣтъ вовсе. Дѣйствующіе члены партіи свысока смотрятъ на такихъ Андреевъ Петровичей. За Андреемъ Петровичемъ „много лѣтъ каторги и Сибири,—тяжелая жизнь стараго дѣятеля". А какъ отзывается о немъ Жоржъ? Думаетъ о немъ: „Онъ, навѣрно, живетъ въ нищей каморкѣ, гдѣ-нибудь на окраинѣ города, самъ варитъ себѣ на спиртовкѣ чай, бѣгаетъ зимою въ осеннемъ пальто и занятъ по горло всякими дѣлами". Онъ „дѣлаетъ" дѣло"... Ничего, конечно, не дѣлаетъ.

Вотъ Арсеній Ивановичъ, вставляющій пословицы и „кормилецъ" и считающійся знатокомъ крестьянства, потому что лѣтъ тридцать тому назадъ бѣгалъ въ родной деревнѣ вмѣстѣ съ ребятишками пискарей ловить на рѣчку и сладкія дудки искать. Вотъ докторъ Бергъ, важно произносящій: „въ партійныхъ дѣлахъ нужна точность". Или еще совершенно безцвѣтная, „измученная Вѣра Андреевна", всю жизнь и все духовное существо которой на нѣтъ свели тюрьмы. Про такихъ руководителей мы узнаемъ, что они никогда динамита въ рукахъ не держали.

Окружило кольцомъ героевъ Ропшина ницшеанство послѣднихъ лѣтъ. Забушевало по морю интеллигентской, а за нею и рабочей молодежи Руси не святой, а многогрѣшной, ницшеанство. „Славный постъ" въ силѣ и славѣ стоялъ на незыблемыхъ твердыняхъ идей и принциповъ еще 70-хъ годовъ, но вокругъ шла „современная смута". Заговорили о Ницше! читали кругомъ сначала Чехова, потомъ Горькаго; потомъ огненные стихи Бальмонта зажигали сердца; тогда же Мережковскій, Шестовъ и всѣ тѣ

многіе, что подпѣвали имъ и повторяли и развивали ихъ загадки, продолжали мутить. Впопыхахъ, среди двухъ грохотовъ еврейскихъ погромовъ, въ тюрьмахъ, въ бездѣльѣ забастовокъ, среди всякихъ серьезныхъ и несерьезныхъ приготовленій къ революціи начитывалась молодежь всей этой литературой. Когда грохнулась и распря революціи, не устоялъ Славный Постъ; двинулся его цоколь; поднялся онъ вверхъ; оставилъ копошившихся внизу во тьмѣ и безуміи. Онъ всегда былъ прежде всего журналомъ; теперь онъ сталъ только журналомъ и отъ самой жизни отрекся.

Болотовъ не устоялъ, когда явился изъ Москвы въ Петербургъ Володя. Онъ поѣхалъ съ нимъ. Зачѣмъ? Если я вѣрно понялъ душевное состояніе Болотова по вышедшимъ уже главамъ романа, онъ не вѣрилъ въ то „дѣло", партійнаго узаконенія котораго пріѣхалъ добиться въ Петербургъ Володя. И все-таки пошелъ. Также и Ваня въ „Конѣ блѣдномъ" совсѣмъ другія мысли сталъ исповѣдывать, пока ѣздилъ извозчикомъ, и все-таки остался. Пошелъ до конца. Ему, конечно, простится, потому что перетерпѣвшему до конца обѣщано спасеніе. Полны мудрости минуты, когда,— какъ два раза тѣми же словами изобразилъ это состояніе душевное Ропшинъ,— „сухой, жесткій, горячій комокъ подкатился къ горлу". Страшенъ тогда человѣкъ. Надо, чтобы былъ тутъ рядомъ съ нимъ другъ и взялъ его за руку.

Болотовъ, проведя недѣлю на баррикадахъ, огрубѣлъ, опростился, онъ радъ былъ, что рабочіе стали считать его товарищемъ; не одинъ разъ раскалялся въ его рукахъ маузеръ отъ слишкомъ большого количества выпущенныхъ пуль. Этого нельзя требовать отъ современнаго человѣка. Нѣтъ тутъ ничего для него обязательнаго. Особенно у умственнаго работника, конечно, совсѣмъ другія, гораздо болѣе подходящія ему, свойственныя его прошлому и его ремеслу обязанности. Нелѣпо это было, когда въ истерикѣ кричали литераторы, никогда не прикасавшіеся къ оружію: „надо идти съ возставшимъ народомъ". И не пошли, конечно. Вотъ это слова, въ которыя нельзя и не надо вѣрить. Но пусть осторожно, въ сторонкѣ, не становясь въ позу героя, и не театральничая, и не ища никакихъ апплодисментовъ, окажется и умственный работникъ тутъ рядомъ съ друзьями—и, чѣмъ больше они заблудились, тѣмъ ближе къ нимъ.

А пока остались безъ духовнаго руководства, достойнаго носить это названіе, горячія головы въ страшные дни народныхъ, уже неудержимыхъ, движеній, образовалось новое кольцо, еще болѣе широкое, чѣмъ литература нашихъ дней; свилось оно вокругъ именно тѣхъ, кто тѣснился прежде къ подножію „Славнаго поста". Тамъ дальше, кругомъ, далеко за предѣлами нелегальщины, революціонеровъ, всей настоящей рабочей и интеллигентской революціи, тамъ орало въ разноголосицу, размахивало руками, безсмысленно хохотало при извѣстіи, что русскіе люди гибли отъ японскихъ пушекъ, что броненосцы русскіе, построенные на трудовыя копейки русскаго народа, пускали на дно

японскіе разстрѣлы, радовались всѣмъ самымъ страшнымъ убійствамъ и пожарищамъ. Вотъ эти приснопроклятые пошляки, негодяи и сквернословы, писаки крикливые и честолюбцы безъ сердца и ума, они, распѣвавшіе: „Вставай, подымайся...“ въ дорогихъ кабакахъ и въ публичныхъ домахъ и съ одинаковымъ идіотскимъ восторгомъ апплодировавшіе на митингахъ всѣмъ ораторамъ, только бы они говорили самыя глупо-крайнія, самыя любезныя провокаторамъ слова, они замкнулись въ какую-то своего рода партію. Они тоже „дѣйствовали“ и „дѣлали дѣла“. Кто изъ нихъ сохранилъ хоть долю благоразумія,—провозглашалъ себя „лѣвѣе кадетовъ“, а то говорилъ: „я подаю за кадетовъ, но знаете, вѣдь, я анархистъ“; а кто совсѣмъ потерялъ признаки умственной совѣсти, тотъ былъ „эсерромъ“.

„Эсерры“, не только никогда не притронувшіеся къ динамиту, но и никогда не читавшіе ни одной строчки толковой по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, — поистинѣ эсерры а не с-р-ы—на словахъ превосходили самыхъ необузданныхъ с-р-овъ въ доблестяхъ своихъ. Носили въ карманахъ револьверы величиною съ пушку, изъ которыхъ не умѣли стрѣлять, кричали: „да здравствуетъ боевая организація, да здравствуетъ вооруженное возстаніе“,—и продолжали мѣщанскія дѣлишки свои. Жалкіе, гадкіе, отвратительные шуты и шелопаи революціи.

Тоже ницшеанцы. Все, въ чемъ оборвались, гдѣ обмолвились „новыя вѣянія“, все поистинѣ декадентское тѣшило ихъ; всѣхъ самыхъ жалкихъ подражателей и обезьянъ настоящей новой литературы, карикатуръ настоящаго, съ болью вымученнаго и кровью написаннаго, новаго слова, какъ пророковъ, воспринимали эти „эсерры“. Именно они не переставали при этомъ,—Господи, имъ врать такъ врать, имъ всякое вранье было пригодно!—возвеличивать при этомъ еще и традиціи, которыхъ тоже вовсе не знали ни толкомъ, ни безъ толку. Михайловскаго вспоминали рядомъ чуть ли не съ... Да что тамъ, какія еще имена называть? Развѣ разберешь ихъ въ пьяномъ гулѣ пошлости, что замарала и изгадила дни и часы, когда каждое честное сердце требовало отъ себя чуть ли не подвига. Какъ же было разобраться горячимъ головамъ и пламеннымъ сердцамъ?

Какъ было не принять вздоръ за настоящее? Сверкало ницшеанство всѣми переливами создавшаго его генія. Красота его видна была и сквозь скверну. Плѣнялись малые сіи,—и претворялись въ кровавое дѣло, въ истинную трагедію пошлыя слова и нелѣпые истерическіе крики о блиндированныхъ автомобиляхъ, о сбираніи по знакомымъ заржавѣлаго оружія... Легко было провокаторамъ добиваться, какихъ имъ было нужно, преступленій и убійствъ.

И теперь ясно. „Не вѣрю въ слова“ героевъ Ропшина ничего не значитъ. Нѣтъ, вѣрили въ слова. Ужасъ именно въ томъ, что повѣрили въ слова, въ пустыя и плохо понятыя, повѣрили въ ницшеанство и, такъ какъ плохо знали, даже вовсе не хотѣли знать Ницше, не были приготовлены къ воспріятію его

труднаго ученія, мыслей не усвоили вовсе; сущность осталась за семью печатями; слова, только жалкое блудословіе принято было на вѣру и слѣпо осуществлялось безъ руководства и безъ критики. Не въ успѣшности или неуспѣшности революціи дѣло, а въ ея идеологіи. Успѣшность никогда не зависѣла отъ азарта. Напротивъ. Успѣшныя революціи тѣ, что сами считаютъ себя бѣдствіемъ, а вовсе не желаннымъ расцвѣтомъ народныхъ силъ. Залогъ успѣха народныхъ движеній въ томъ, чтобы до послѣдней минуты, до послѣдняго накопленія силъ сурово и настойчиво держаться установившихся формъ жизни, чтобы воспользоваться ими, потому что революціи только узаконяютъ совершающіеся раньше перевороты соціальнаго уклада.

Но вотъ настала реакція... Что же? Намъ сейчасъ всего важнѣе дознаться, быть или не быть тому ницшеанству, что въ своей самой жгучей и страшной безудержности проявилось на Руси многогрѣшной эти послѣдніе годы. Поколѣніе лѣтъ на двадцать старше, чѣмъ герои Ропшина, упорно, долго, мучительно готовилось къ тому обновленію жизни, что мы пережили. Оно калѣчило себя и калѣчило молодежь, которая шла за нимъ и очень скоро перегнала его и пересилила. И вотъ оттого-то теперь не молодежь вчерашняя, а именно ея старшіе товарищи въ партійныхъ и идейныхъ дѣлахъ особенно тревожно спрашиваютъ себя о завтрашнемъ днѣ. Молодежь всегда меньше цѣнитъ жизнь, чѣмъ люди зрѣлые. Молодежи жизнь всегда представляется послушной игрушкой, которую можно привести въ движеніе однимъ рычагомъ. А если непослушна игрушка, развѣ не думаетъ всякій истинно молодой человѣкъ, что, значитъ, игрушку эту надо сломать, потому что она никуда не годна? Большее количество самоубійствъ выпадаетъ на долю юношей и дѣвушекъ отъ 18 до 25 лѣтъ. Зрѣлымъ людямъ, напротивъ, видится—и я радъ, что могу выразить мою мысль словами Ропшина—„одно громадное тѣло, одна безконечная и благословенная жизнь“. Пережитое—только эпизодъ изъ этой „безконечной и благословенной жизни“. Если еще разъ настанетъ такое же потрясеніе—и оно будетъ лишь эпизодомъ. Жизнь непрерывна и этимъ прекрасна; ткется безъ конца по какимъ-то огромнымъ величественнымъ и святымъ законамъ естества сложная и неудержимая жизнь человѣчества. Ее понять въ ея движеніи—долженъ всякій, кто не хочетъ смѣшиваться съ безсознательной стаей пошляковъ, живущихъ интересами минуты. Что же будетъ съ уцѣлѣвшими героями Ропшина, какъ жить-то будутъ?—потому что не о мертвецахъ, а о живыхъ и живучихъ должна быть забота.

Въ маленькомъ уголкѣ умственныхъ увлеченій современной Россіи, среди „проклятыхъ поэтовъ“, непризнанныхъ критиковъ, художниковъ-неудачниковъ, тѣснимыхъ съ большихъ путей литературы и презираемыхъ партійными людьми, шло настойчивое и настоящее, трудное изученіе самого Ницше. Плоть отъ плоти и кровь отъ крови его ученія,—такъ называемое, „новое искусство“.

о ушло теперь на люди, на площадь, распространилось—и, Боже мой, сколько пошлости налегло на нѣкогда дорогія черты. Въ произведеніяхъ Ропшина мы увидѣли эти самыя дорогія черты искаженными непосильными страданіями, искалѣченными, забрызганными кровью, со зрачками, расширенными отъ предсмертнаго ужаса.

Съ пошлостью скоръ и простъ разговоръ. Даже и разговора не должно быть: отвернуться. Съ героями Ропшина дѣло не такъ обстоитъ. Къ нимъ надо пойти спокойной и твердой поступью и нести имъ не осужденіе и не бездарные совѣты, не мораль и уроки исторіи, которая ничему, вѣдь, не учитъ. „Долой Ницше!" — мое обращеніе къ нимъ. Именно изъ того стана, гдѣ ученіе Ницше нашло себѣ самый теплый пріютъ, откуда и устремилось оно смущать и мутить сердца, должно прозвучать это обращеніе. Надо пойти къ уцѣлѣвшимъ изъ героевъ Ропшина и сказать имъ: „Не вѣрьте вашимъ демагогамъ, когда они въ угоду вамъ теперь вдругъ стали заново проповѣдывать вамъ вашего Ницше. Ради „безконечной и благословенной жизни" оставьте вы Ницше въ покоѣ. Ницше научилъ васъ, что истинный герой жизни,—это герой трагическій. Ницше научилъ васъ воплотить въ тѣло и кровь грезившагося ему трагическаго героя, названнаго имъ сверхчеловѣкомъ. И вы, настоящіе послѣдователи Ницше, его послушные ученики, претворившіе его слова въ дѣла свои, вы претерпѣли на его путяхъ до конца вашихъ страстей. Но то, что Ницше не сказалъ, что не сумѣлъ выразить, потому что—превозмогшій пессимизмъ Шопенгауера и Вагнера, и душевныя муки Достоевскаго, точность и ясность Канта, а болѣе того превозмогшій самодовольное и сытое нѣмецкое мѣщанство, онъ не превозмогъ себя, хотя такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ, что понять—значитъ превозмочь. Скрылъ этимъ самымъ Ницше эту величайшую тайну о трагедіи: „трагедія есть то, что должно превозмочь".

„Веселой наукой" назвалъ Ницше свое ученіе, потому что преодолѣлъ трагедію отчаянія учителей своихъ—Шопенгауера и Вагнера. Не остановить волю жизни и не застыть въ предсмертномъ созерцаніи, какъ училъ Шопенгауеръ, а, напротивъ, развить съ неодолимой силой „жизнь самую интенсивную и экспансивную", прелесть которой проповѣдовалъ чахоточный Гюйо— еще одна изъ счастливыхъ встрѣчъ и союзниковъ-противниковъ Ницше,—учитъ его „веселая наука". И такъ какъ не знаетъ добра а-моральная, поступающая только по необходимости, созданная Шопенгауеромъ, но испугавшая своего создателя, воля, то Ницше и звалъ подняться выше споровъ между добромъ и зломъ, возлюбить злое, не бояться совершить то, что зовутъ люди преступнымъ. Отсюда эти восторги передъ разрисованными талантомъ Буркхарда кондотьерами возрожденія. Отсюда сверхчеловѣкъ, взятый имъ у Гердера и Гете. Но „веселая наука" учитъ, въ сущности, пляскѣ смерти. На гибель идетъ ницшевскій сверхчеловѣкъ; на гибель зоветъ ученіе Ницше всякаго, кто вздумаетъ, „повѣривши словамъ",

осуществить его ученіе. Не позаботился Ницше о „безконечной и благословенной жизни“. Оттого, взывая къ будущему, отвернулся отъ него и старался увѣровать въ „вѣчное возвращеніе“. Еще прекраснѣе стала трегедія. Утратила она сумрачность, приданную ей Шопенгауеромъ. Мэнады и діонисійское бѣснованіе, пѣсни и пляски, гирлянды цвѣтовъ съ пьянымъ, опьяняющимъ запахомъ, пиршества и неистовства, восторгъ послѣдняго ликованія—все это вложилъ Ницше въ великолѣпіе трагедіи.

Но поистинѣ трагедія есть то, что надо преодолѣть, а именно „безконечная и благословенная жизнь“ побѣждаетъ трагедію и продолжается дальше въ своемъ строгомъ величіи. Для жизни работаетъ трагедія, и кто, не покладая рукъ, трудится для жизни, тотъ побѣждаетъ въ конечномъ подсчетѣ.

Разорвалась завѣса—и все зданіе дало трещину. Развалинами кажется свѣтъ Божій намъ, искалѣченнымъ громомъ и грохотомъ жизни этихъ послѣднихъ десятилѣтій. Но остался трудъ упорный и дѣятельный, честный трудъ, который не боится никакой пошлости и не ведетъ никакихъ счетовъ съ мѣщанствомъ, потому что онъ святъ. Посмотрите, развѣ вы не видите, что онъ зоветъ васъ? Умѣете вы работать? Засучите рукава! Бросьте прогуливаться чужими и чуждыми, съ папиросой въ зубахъ, со злобой въ сердцѣ и съ револьверомъ въ карманѣ, которымъ вы, за неимѣніемъ другихъ директивъ, угрожаете самимъ себѣ. Научитесь работать,—и окрѣпнутъ мускулы, и радостно взойдетъ для васъ солнце!

Евгеній Аничковъ.

Александръ I въ характеристикѣ Великаго Князя.

Многія крупныя личности и событія русской исторіи выясняются намъ съ достаточною ясностью и четкостью лишь по мѣрѣ того, какъ они отодвигаются въ далекую глубь временъ.

Нужны долгія десятилѣтія, а то и столѣтія прежде, чѣмъ будутъ сломаны тѣ семь печатей, за которыми у насъ ревниво хранится историческая правда о многихъ дѣятеляхъ и фактахъ нашего прошлаго.

Можно даже сформулировать своеобразный исторіософическій законъ: точность и ясность свѣдѣній о людяхъ и фактахъ русской исторіи обратно пропорціональна квадрату историческаго разстоянія.

Лишь удаляясь въ далекое прошлое, событія русской исторіи выясняются намъ во весь свой ростъ, въ своемъ истинномъ характерѣ.

Прошло сто лѣтъ, цѣлый вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ отошло въ вѣчность «дней Александровыхъ прекрасное начало», и лишь въ послѣдніе годы стали появляться матеріалы и представилась возможность для того, чтобы возсоздать личность и дѣятельность Александра I.

Эти матеріалы и эта возможность были использованы русскими историками для того, чтобы нарисовать въ новыхъ краскахъ, въ новомъ освѣщеніи историческій портретъ Александра I, въ очень многомъ непохожій на тѣ аляповатые, сусальные портреты, которые до сихъ поръ знакомили насъ съ личностью Александра I.

Упомянемъ работу А. Кизеветтера (вошедшую въ его «Историческіе очерки», М. 1911), работу проф. Довнара-Запольскаго, знакомую нашему читателю по его статьѣ: «Къ характеристикѣ Александра I-го», напечатанной въ «Н. Ж.» за т. г.

И А. Кизеветтеръ, и М. Довнаръ-Запольскій использовали новѣйшій матерьялъ для того, чтобы показать, что шаблонное и наивное противопоставленіе Александра I, гуманнаго и либеральнаго «по натурѣ», вреднымъ вліяніямъ на него со стороны злыхъ геніевъ реакціи вродѣ Аракчеева не выдерживаетъ ни малѣйшей исторической критики.

Новѣйшимъ русскимъ историкамъ безъ особеннаго труда удалось упразднить легенду о подчиненіи слабой, но доброй воли Александра I сильной, но злой волѣ Аракчеевыхъ. Историческая критика показала, что Аракчеевы—

какъ собирательное имя для реакціонныхъ дѣятелей конца царствованія Александра I—были на самомъ дѣлѣ не поработителями и насильниками слабовольнаго государя, а послушными орудіями въ его рукахъ. Александръ I отлично сумѣлъ использовать Аракчеева для того, чтобы развязать руки реакціи и въ то же время отвести отъ себя за это отвѣтственность передъ современниками и потомствомъ.

Подъ суровый судъ исторіи отданъ былъ Аракчеевъ—и ему вынесено было безпощадное осужденіе.

Новѣйшая историческая критика не реабилитировала Аракчеева, но она привлекла къ отвѣтственности и императора Александра I, она показала, что императоръ отлично зналъ, что творилъ его «безъ лести преданный слуга».

Русскіе историки перестаютъ смотрѣть на Александра I, какъ на мягкую безвольную личность, которой завладѣвали то либеральный Лагарпъ, то мракобѣсный Аракчеевъ. Императоръ Александръ I впервые вырисовывается передъ потомствомъ безъ грима и маски, которые онъ такъ любилъ и такъ умѣлъ наводить и носить.

Это научно-критическое отношеніе къ личности и дѣятельности Александра I въ настоящее время сдѣлало такія прочныя завоеванія, добыло такіе непреложные факты, что и въ новѣйшемъ трудѣ августѣйшаго историка Александръ рисуется совсѣмъ не какъ несчастный плѣнникъ мрачнаго Аракчеева, а какъ сознательный и активный борецъ, умѣло пользовавшійся различными масками, а въ ихъ числѣ и маской смиренія и безвольности.

Мы говоримъ о вышедшемъ недавно замѣчательномъ трудѣ великаго князя Николая Михаиловича «Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія».

Эти огромныя книжныя глыбы, по 700 страницъ въ каждомъ томѣ, представляютъ чрезвычайно большой историческій интересъ. Работа Великаго Князя интересна и по богатству, частью новаго и неопубликованнаго, матеріала, и по тому освѣщенію, которое дается личности императора Александра I.

Это освѣщеніе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ кроткимъ сіяніемъ, которымъ до сихъ поръ оффиціальные историки окружали личность императора Александра I.

Съ рѣдкимъ безпристрастіемъ августѣйшій историкъ использовалъ богатые, ему только доступные, факты и новѣйшія изслѣдованія. Нарисованный имъ портретъ Александра I совершенно чуждъ той сладкой иконописной манеры, которая до сихъ поръ неизмѣнно сопутствовала всѣмъ подобнаго рода трудамъ.

Великій князь августѣйше скрѣпилъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій такихъ историковъ, какъ А. Кизеветтеръ и Довнаръ-Запольскій, и доставилъ новый богатый фактическій матеріалъ и свое не лишенное оригинальности толкованіе духовной трагедіи Александра I.

Книга Великаго Князя послужитъ источникомъ новыхъ историческихъ изысканій и обобщеній. Ея богатый фак-

ическій матеріалъ будетъ использованъ историками для дополненія и исправленія прежнихъ взглядовъ на многія событія и многихъ дѣятелей первой четверти девятнадцатаго вѣка. Въ этой статьѣ мы не можемъ заниматься анализомъ богатаго фактическаго матеріала, собраннаго великимъ княземъ; матеріалъ этотъ представитъ много цѣннаго для историковъ иностранной политики русскаго правительства первой четверти прошлаго вѣка. Тѣсныя рамки журнальной статьи заставляютъ насъ выдѣлить изъ изслѣдованія великаго князя тѣ факты и обобщенія, которые представляютъ интересъ для широкаго читателя, давая новое или подкрѣпляя новымъ матеріаломъ старое освѣщеніе крупныхъ фактовъ, идей и людей эпохи Александра I.

Насъ прежде всего останавливаетъ крупнѣйшій фактъ перваго же дня царствованія Александра I. Александръ занялъ русскій престолъ послѣ убійства его отца Павла I. Этому убійству предшествовало долгое волненіе и броженіе. Переворотъ былъ совершенъ руками лицъ, близкихъ ко дворцу, которыхъ отлично зналъ и постоянно встрѣчалъ Александръ I.

И невольно уже у прежнихъ историковъ поднимался вопросъ: неужели Александръ I не замѣчалъ того, что замѣчалъ самъ Павелъ,—явно подготовлявшагося государственнаго переворота? Неужели Александръ не видѣлъ и не слышалъ того, что долго и безцеремонно подготовлялось у него на глазахъ? А если видѣлъ и слышалъ, то почему онъ не помѣшалъ заговору? Сдѣлалъ ли онъ попытку помѣшать ему? Если онъ этой попытки не сдѣлалъ, если не вмѣшался онъ въ репетировавшійся у него на глазахъ заговоръ противъ отца, то не былъ ли онъ пассивнымъ и молчаливымъ его соучастникомъ?

Августѣйшій историкъ внимательно занялся изученіемъ этого вопроса, придя въ концѣ концовъ къ очень суровому выводу.

Сопоставляя факты и вдумываясь въ нихъ, великій князь приходитъ къ такому выводу:

Петербургскій военный губернаторъ гр. Паленъ и Александръ, бывшій тогда наслѣдникомъ, «видѣлись ежедневно и вели продолжительныя бесѣды. Паленъ не скрывалъ отъ сына, что положеніе изо дня въ день дѣлается болѣе серьезнымъ и тревожнымъ, что необходимъ какой-либо выходъ, что ему, Александру, грозитъ постоянная опасность быть заключеннымъ, словомъ, дѣйствовалъ на воображеніе юноши умѣло и искусно. Александръ, самъ отлично зная, что гроза неминуема, ни на что опредѣленное не рѣшался, опасаясь неожиданныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ далъ Палену carte blanche дѣйствовать по его усмотрѣнію. Что это означало? Да просто согласіе наслѣдника на исполненіе заговора (подробности котораго не входятъ въ нашу задачу). Разъ заговоръ былъ рѣшенъ, началась серія жуткихъ дней, потому что безъ вѣдома Александра графъ Паленъ дѣйствовать не собирался».

«Нагляднѣйшимъ примѣромъ ихъ отношеній служитъ слѣдующій фактъ,

подтвержденный и самимъ Паленомъ, и другими заговорщиками въ бесѣдахъ и запискахъ о минувшемъ событии. Ночное наступленіе на Михайловскій замокъ было рѣшено предварительно въ ночь съ 9 на 10 марта. Когда о семъ было доложено Александру, онъ замѣтилъ Палену, что 9 марта было бы рискованно дѣйствовать, ибо въ дворцовомъ караулѣ находятся преданные государю преображенцы, а что, молъ, съ 10 на 12 будетъ тамъ поочереди караулъ отъ 3-яго батальона семеновцевъ, за преданность которыхъ ему, Александру, онъ ручается». («Импер. Александръ I». Т. I-ый, стр. 7).

Эта поучительная справка, сдѣланная великимъ княземъ, показываетъ, что Александръ не только зналъ о готовящемся заговорѣ, но и участвовалъ въ немъ.

Въ своемъ признаніи гр. Паленъ прямо пишетъ, что «заговоръ не могъ бы быть осуществленъ безъ согласія «и даже содѣйствія» (même la coopération) великаго кн. Александра.

«Наслѣдникъ престола,—приходитъ къ общему выводу августѣйшій историкъ,—зналъ всѣ подробности заговора, ничего не сдѣлалъ, чтобы предотвратить его, а, напротивъ того, далъ свое обдуманное согласіе на дѣйствіе злоумышленниковъ, какъ бы закрывая глаза на несомнѣнную вѣроятность плачевнаго исхода, т. е. насильственную смерть отца. Вѣдь, трудно допустить слѣдующее предположеніе, а именно—что Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность. Характеръ батюшки былъ хорошо извѣстенъ сыну—и вѣроятіе на подписаніе отреченія безъ бурной сцены или проблесковъ самозащиты врядъ ли допустимо. И это заключеніе должно было постоянно приходить на умъ въ будущемъ, тревожить совѣсть Александра, столь чуткаго по природѣ, и испортить всю послѣдующую его жизнь на землѣ. Оно такъ и было въ дѣйствительности, что подтвердили всѣ современники Благословеннаго монарха».

Великій князь придаетъ огромное значеніе этому участію Александра въ заговорѣ противъ отца. Его совѣсти была нанесена глубокая рана, которая не закрылась въ теченіе всей жизни. Она наложила, по мнѣнію августѣйшаго историка, мрачную печать на всю личность Александра I, обусловивъ его двоедушіе, неутолимую тоску, заставившую его быть въ непрестанномъ движеніи, мистическую религіозность, окончательно завладѣвшую его душой.

Кровавый исходъ заговора противъ Павла, въ который втянутъ былъ Александръ, не только на всю жизнь отравилъ и ранилъ совѣсть, но и съ перваго же дня царствованія принудительно вызвалъ ту неискренность, двоедушіе, ту постоянную готовность подъ гримомъ и маской скрыть лицо, которыя поражали въ Александрѣ всѣхъ его внимательныхъ современниковъ.

Де-Сангленъ описываетъ первый выходъ въ Зимнемъ дворцѣ императора Александра:

«Новый императоръ шелъ медленно, колѣна его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы; смотрѣлъ прямо

передъ собою, рѣдко наклоняя голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка изображали человѣка, удрученнаго грустью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Казалось, онъ выражалъ на своемъ лицѣ: «Они всѣ воспользовались моею молодостью, неопытностью, я былъ обманутъ, не зналъ, что, исторгая скипетръ изъ рукъ самодержавца, я неминуемо подвергалъ жизнь его опасности».

Съ перваго же дня своего царствованія Александръ, вслѣдствіе участія въ заговорѣ противъ отца, долженъ былъ играть двойную, двоедушную игру. Его мучила совѣсть. Онъ обвинялъ себя, но обязанность государя и сына заставляла его судить и наказать убійцъ. Эти убійцы были у всѣхъ на виду. Ихъ знали. Александръ долженъ былъ подвергнуть ихъ строгому суду и наказанію. Но какъ же было сдѣлать это, когда на судѣ могло выясниться то «содѣйствіе» Александра, о которомъ открыто говорилъ гр. Паленъ?

И Александръ не рѣшается предпринять что-либо серьезное противъ цареубійцъ.

«Кары, собственно говоря, не было наложено никакой ни на главарей, ни на прочихъ исполнителей кроваваго дѣянія,—говоритъ вел. кн. Николай Михаиловичъ.—Явленіе это скорѣе понятно, потому что ни для кого не было выгодно затѣвать шумнаго судебнаго процесса, а тѣмъ болѣе для воцарившагося Александра, такъ необдуманно втянутаго въ замыслы Палена и заговорщиковъ».

Иные изъ заговорщиковъ удалились въ свои деревни, но другіе преспокойно оставались въ Петербургѣ и являлись при дворѣ.

Беннигсенъ не только не оставилъ военной службы и занималъ на ней крупныя должности, но продолжалъ бывать при дворѣ въ качествѣ близкаго человѣка.

«Бывали случаи,—разсказываетъ великій князь,—что и государь, и вдовствующая императрица принимали его у себя и писали ему дѣловыя письма. Между тѣмъ, его роль при вступленіи на престолъ забыть было бы трудно; онъ занималъ выдающееся положеніе именно тогда, и его сухая и высокая фигура должна была врѣзаться въ воображеніи, если желали вспомнить злополучную ночь тревоги и ужаса» (стр. 14).

Но еще любопытнѣе судьба Уварова, игравшаго активную роль въ событіи 11-го марта.

При воцареніи Алекандра Уваровъ былъ первый назначенъ генералъ-адъютантомъ.

«Съ нимъ Александръ,—говоритъ великій князь,—совершалъ свои обычныя прогулки по столицѣ пѣшкомъ и верхомъ въ первые годы царствованія. Онъ почти ежедневно былъ званъ къ столу государя, а также былъ persona grata у Маріи Ѳеодоровны, что еще поразительнѣе» (14 стр.).

Когда хоронили Уварова, Александръ I слѣдовалъ за его гробомъ. Аракчеевъ по этому поводу зло сострилъ: «Одинъ царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?» (стр. 15).

Великій князь Николай Михаиловичъ приводитъ безконечно поучительныя

выдержки изъ неопубликованнаго дневника А. С. Пушкина.

А. Пушкинъ пишетъ:

— «Третьяго дня обѣдалъ у австрійскаго посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 час. вмѣсто $5^1/_2$ и ждалъ нѣкоторое время хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женой, разговорились объ 11 марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ. Фикельманъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества. Но Александръ Павловичъ былъ окруженъ убійцами своего отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Онъ услышалъ бы слишкомъ жестокія истины. N. B. Государь нынѣ царствующій (т. е. Николай I) первый имѣлъ у насъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ, его предшественникъ долженъ былъ терпѣть и прощать».

Въ «Дневникѣ» отъ 17-го янв. 1834 г. А. Пушкинъ записываетъ: «Третьяго дня былъ у гр. Шувалова. На балъ явился цареубійца Скарятинъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ множество каламбуровъ».

8-го марта 1834 г.: «Жуковскій поймалъ на дняхъ на балѣ у Фикельмана (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) съ цареубійцей Скарятинымъ; заставилъ его разсказывать 11-ое марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ государь (т. е. Николай I) съ гр. Бенкендорфомъ и застаетъ наставника своего сына, дружелюбно бесѣдующаго съ убійцей его отца. Скарятинъ снялъ съ себя шарфъ, прекратившій жизнь Павла I-го» (16 стр.).

Достаточно сколько-нибудь вдуматься въ обстановку и атмосферу, въ которой пришлось жить и которой пришлось дышать Александру послѣ убійства отца, чтобы понять, какую тяжелую душевную драму онъ переживалъ и насколько двусмысленность и двойственность положенія съ самаго начала толкала государя на двоедушіе и двуличность.

Мучимый угрызеніями совѣсти, Александръ I въ то же время продолжаетъ встрѣчаться съ заговорщиками 11-го марта, не показывая вида, что онъ видитъ въ нихъ убійцъ своего отца. Какая-то круговая пору заставляла всѣхъ заговорщиковъ Александра держаться вмѣстѣ и не затрагивать того вопроса, который незакрывающеюся раною нылъ въ душѣ государя. И то, что Александра I потянуло и привязало къ мрачному Аракчееву, августѣйшій историкъ, какъ мы увидимъ ниже, объясняетъ въ значительной степени все тою же нечистою передъ отцомъ совѣстью, которая болѣзненно тянулась къ грузинскому временщику, какъ наиболѣе близкому къ Павлу I человѣку, ни малѣйшимъ образомъ не замѣшанному въ убійствѣ 11 марта.

По словамъ великаго князя, даже непріязнь Александра къ дворянству объяснялась ролью дворянства въ кровавомъ событіи 11-го марта.

Переходя къ тому мистицизму, кото-

рый во второй половинѣ жизни всецѣло завладѣлъ Александромъ, великій князь Николай Михаиловичъ источникомъ его считаетъ все то же роковое событіе 11-го марта, которое вошло въ душу государя, точно неизлѣчимый и прогрессирующій недугъ.

Мистическій періодъ въ жизни Александра I его новѣйшій біографъ характеризуетъ очень рѣзкими чертами и словами.

О знаменитой баронессѣ Крюденеръ, въ этотъ періодъ имѣвшей на Александра I очень сильное вліяніе, великій князь пишетъ:

«Мы не высоко цѣнимъ достоинство этой особы, а ея убѣжденность болѣе, чѣмъ сомнительна. Побужденія мнимо-восторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда во всемъ испытывала нужду. Кромѣ чувствъ тщеславія, случая сыграть видную роль, дѣйствовала и алчность. Вѣдь, и въ наше время встрѣчаются личности, проникнутыя чувствомъ особой набожности, не рѣдко скрывая подъ этой завѣсой совсѣмъ другія побужденія. Такъ было и съ лифляндской баронессой. Въ записочкахъ императора Александра къ князю Голицыну постоянно встрѣчаются анонимныя денежныя вспомоществованія; они разсыпались щедрою рукою и на г-жу Крюденеръ и на ея родню. Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какою-то жестокою откровенностью, но все это было разсчитано и прикрыто вѣжливой формой въ изысканной манерѣ рѣчи» (189 стр.).

Мистическое настроеніе самого Александра I вызываетъ у великаго князя такую оцѣнку:

«Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе. Ссылки на Библію, на Апокалипсисъ, на посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно разстроеннаго человѣка. Сравненія съ Юдифью, съ Олоферномъ и съ Навуходоносоромъ и примѣненіе ихъ къ положенію короля Фердинанда Неаполитанскаго — болѣе походятъ на бредъ сумасшедшаго, чѣмъ на что-либо другое» (250 стр.).

Разбираясь въ странныхъ отношеніяхъ Александра I къ Аракчееву, вел. кн., какъ мы уже отмѣтили, объясняетъ болѣзненную привязанность государя къ временщику воспоминаніями о Павлѣ, «безъ лести преданнымъ» слугою котораго былъ Аракчеевъ.

«Постоянный гнетъ событія 11-го марта 1801 г.,—говоритъ великій князь,— не оставлялъ Александра во всю его жизнь, а когда душевныя тревоги стали превращаться въ религіозно-мистическое настроеніе, то его влекло именно къ тому человѣку, который былъ когда-то посредникомъ между нимъ и покойнымъ отцомъ, тѣнь котораго преслѣдовала

столь назойливо Александра, что онъ не могъ отъ нея отдѣлаться. И въ этомъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ самъ Аракчеевъ, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминалъ державному покровителю о его незабвенномъ батюшкѣ. Даже подъ стѣнами Парижа въ 1814 г. Аракчеевъ отмѣтилъ рядомъ съ совмѣстнымъ говѣніемъ съ Александромъ и панихиду по въ Бозѣ почившемъ императорѣ Павлѣ Петровичѣ» (279 стр.).

Однако, наряду съ этимъ загробнымъ мистическимъ вліяніемъ Павла I, великій князь самъ отмѣчаетъ существованіе болѣе реальныхъ и прозаическихъ узъ, связывавшихъ Александра съ Аракчеевымъ. Великій князь Николай Михаиловичъ уже въ болѣе ранній періодъ, когда еще религіозный мистицизмъ не овладѣлъ вновь душою Александра I, отмѣчаетъ рядъ любопытныхъ фактовъ. Не желая брать на себя отвѣтственность за тѣ или иныя свои мѣропріятія, Александръ I въ такихъ случаяхъ ловко пользовался Аркачеевымъ, публикуя эти мѣры какъ бы исходящими отъ Аракчеева и этимъ путемъ отводя отъ себя на своего временщика недовольство общественнаго мнѣнія.

Сплошь и рядомъ Аракчеевъ былъ лишь, такъ сказать, реакціоннымъ псевдонимомъ еще либеральничавшаго Александра. Временщикъ безропотно и молчаливо принималъ на свою голову отвѣтственность за тѣ реакціонныя мѣры, авторомъ которыхъ былъ на самомъ дѣлѣ государь. Великій князь приводитъ характерный примѣръ, когда государь самъ составлялъ письма разнымъ высокопоставленнымъ попрошайкамъ, заставляя Аракчеева эти письма переписывать и подписывать своимъ именемъ. Недовольство благодаря этому направлялось всецѣло на Аркачеева, а Александръ оставался въ тѣни.

То же самое повторилось и въ знаменитой исторіи бунта солдатъ Семеновскаго полка. По настоянію государя, на виновныхъ обрушились неслыханныя жестокости, но въ то же время все такъ ловко было обставлено, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія вдохновителемъ этихъ жестокостей былъ не Александръ, а Аракчеевъ.

«Вся проявленная строгость и жестокость,—говоритъ великій князь,—были отнесены вліянію Аракчеева, между тѣмъ, онъ вовсе не вмѣшивался во всю процедуру судебнаго разбирательства вообще и подчеркивалъ свое невмѣшательство въ письмахъ къ императору».

Маккіавелистическій маневръ дѣлать Аракчеева отвѣтственнымъ за всѣ реакціонныя дѣла, а себя—лишь за либеральные порывы, блестяще удался Александру не только по отношенію къ современникамъ и потомкамъ, но и по отношенію къ историкамъ. Мы уже отмѣтили, что лишь въ послѣдніе годы историки перестали разсматривать Аракчеева, какъ антипода Александра, волею котораго онъ всецѣло овладѣлъ.

Если въ прежнее время даже радикальные историки дѣлали Аракчеева отвѣтственнымъ за всѣ реакціонные планы и мѣры, то теперь и августѣйшій историкъ доказываетъ, что основныя реакціонныя мѣропріятія составлялись и суфлировались Александромъ,

и Аракчеевъ являлся лишь ихъ слѣпымъ выполнителемъ, доводившимъ до виртуозности, такъ сказать, ихъ техническую жестокость.

Приведенныя великимъ княземъ письма Александра къ Аракчееву проникнуты удивительной теплотою и заботливостью. Государь все время волнуется, здоровъ ли временщикъ, хорошо ли ему, и каждый разъ проситъ его пріѣхать и, наконецъ, самъ къ нему уѣзжаетъ.

Въ маѣ 1814 г. Александръ пишетъ Аракчееву:

«Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою. Прійми еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя и которыхъ воспоминаніе навѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности: я себя вижу послѣ 14-лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной, и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ». (Т. II-й, 601 стр.).

Даже когда у государя случилось тяжелое личное горе (умерла его любимая дочь), онъ пишетъ теплое письмо Аракчееву. Государь ищетъ утѣшенія въ обществѣ Аракчеева. «Не безпокойся,—говоритъ онъ,—обо мнѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ. Воля Божія—и я умѣю ей покориться. Съ терпѣніемъ переношу я мое сокрушеніе и прошу Бога, чтобъ онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я удовольствія съ тобою увидѣться завтра и надѣюсь, что поѣздка моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣять нѣсколько печальныя мои мысли. Навѣкъ тебя искренно любящій и благодарный за твое участіе въ моей скорби». (Т. II-й, стр. 680).

Зато когда была убита крестьянами пресловутая Н. Минкина, вульгарная и развратная наложница Аракчеева, прославленная своими жестокими издѣвательствами надъ крестьянами, государь посылаетъ въ Грузино письмо, полное любви и участія.

«Любезный другъ! — пишетъ Александръ.—Нѣсколько часовъ, какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Искренне раздѣляю я твою печаль. Хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она тебѣ была искреннимъ и давнишнимъ другомъ; сего довольно, чтобы потеря ея была для меня прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало. Но еще разъ тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ, отчаяніе есть грѣхъ и сильный грѣхъ... Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать?

Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ». (Т. II-й, стр. 659).

На эту горячую просьбу государя пріѣхать Аракчеевъ не обратилъ вниманія. Онъ такъ былъ поглощенъ жестокою расправою съ крестьянами, что ему было не до просьбы государя.

По поводу этихъ писемъ Александра къ Аракчееву вел. кн. восклицаетъ:

«И эти строки писалъ не простой пріятель или добрый знакомый, а самъ государь, тотъ благословенный монархъ, который такъ возвысилъ Аракчеева и показывалъ ему не только одно расположеніе, но и необъяснимую любовь! Наконецъ, тутъ мы читаемъ и призывъ къ долгу, къ службѣ отечеству, олицетворенному также въ особѣ царской... И что же? Аракчеевъ не шевельнулся, отписывался пошлыми письмами, доказавшими лишь одно—что онъ человѣкъ не только низкій, но и неблагодарный» (330 стр.).

Но дѣло, конечно, не въ Аракчеевѣ самомъ по себѣ, а въ тяготѣніи Александра къ этому «не только низкому, но и неблагодарному» человѣку. Никакая низость и никакая неблагодарность не въ силахъ были оттолкнуть Александра отъ Аракчеева — и до конца дней своихъ государь искалъ и находилъ утѣшеніе лишь въ общеніи съ временщикомъ.

Мы уже знаемъ, чѣмъ великій князь объясняетъ это тяготѣніе,—близостью Аракчеева къ Павлу I и тяжелыми угрызеніями совѣсти, заставлявшими Александра инстинктивно тянуться ко всему, что было близко къ убитому отцу. Утвержденіе великаго князя, быть можетъ, и выясняетъ намъ одинъ изъ мотивовъ тяготѣнія Александра къ Аракчееву, но несомнѣнно, что тутъ были и дѣйствовали и другіе мотивы. Вѣдь, Александра тянуло къ Аракчееву, и онъ чувствовалъ къ нему нѣжную привязанность — какъ объ этомъ ярко говорятъ приводимыя письма—еще тогда, когда живъ былъ Павелъ, когда Александръ былъ наслѣдникомъ и никакихъ угрызеній совѣсти не испытывалъ. Тяжелое нерасположеніе къ отцу, постоянныя съ нимъ непріятности и столкновенія, казалось бы, должны были оттолкнуть Александра-наслѣдника отъ послушнаго слуги отца—вракчеева. Но и наслѣдникомъ Александръ питалъ къ и Аракчееву столь же нѣжное чувство, какъ и впослѣдствіи государемъ. Однимъ мотивомъ—угрызеніями совѣсти—этой привязанности, слѣдовательно, не объяснишь. Тутъ, несомнѣнно, дѣйствовала прочная привычка видѣть въ Аракчеевѣ послушный громоотводъ, который принималъ на себя и отводилъ отъ Александра сначала гнѣвъ отца, а затѣмъ и гнѣвъ общественнаго мнѣнія. Александръ искалъ и всегда находилъ въ Аракчеевѣ какъ разъ того человѣка, который нуженъ былъ ему для того, чтобы при двоедушіи и неискренности всегда имѣть человѣка, который бы взялъ на себя вину за тотъ или иной поступокъ, ту или иную мѣру, которую не хватало искренности или мужества признать своею.

Это отсутствіе у Александра искренности и мужества отвѣчать за свои

мнѣнія и поступки, это двоедушіе и двуличность его новый біографъ подчеркиваетъ рѣзко и ярко.

«Двуличность,—говоритъ вел. кн.,—никогда не оставляла Александра, составляя коренную черту его нрава, уже ранѣе объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, также съ Волконскимъ; онъ могъ слушать и подчиняться совѣтамъ Меттерниха и заниматься часами съ Каподистріей; пока Александръ обвораживалъ Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, онъ спокойно писалъ матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломать его мощь; въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцевъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ; съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій квэкеръ или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ; въ одинъ часъ шла бесѣда о возвышенныхъ чувствахъ долга монарха къ своей родинѣ съ Карамзинымъ, а въ другое время Александръ могъ выслушивать спокойно какого-нибудь Магницкаго. И что болѣе всего замѣчательно, что всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета государя и часто воображали, что его величество соблаговолилъ раздѣлить ихъ образъ мыслей» (т. I-ый стр. 345).

«Въ Александрѣ, дѣйствительно, таилось то рѣдкое качество притяженія къ себѣ людей, дававшее себя знать въ проявленіяхъ къ нему любви и привязанности. И подумать, тотъ же Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольку разъ! Здѣсь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку—и такого рода загадку, которая должна смутить не одного изслѣдователя историческихъ личностей. Вѣдь, каждый день, начиная съ 1812 года, государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библіи; зналъ многія цитаты Священнаго Писанія наизусть, постоянно ссылался на слово Христово, и тотъ же человѣкъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ» (т. I-ый стр. 347).

Въ итогѣ своего интереснаго и цѣннаго изслѣдованія великій князь приходитъ къ суровому выводу:

«Для Россіи,—говоритъ великій князь,—Александръ не былъ великимъ; хотя его царствованіе дало многое, но ему не хватило знанія ни русскаго человѣка, ни русскаго народа. Какъ правитель громаднаго государства вообще, благодаря геніальности сперва его союзника, а потомъ врага, Наполеона, онъ навсегда займетъ совсѣмъ особое положеніе въ исторіи Европы начала XIX стол., получивъ и отъ мнимой дружбы, и отъ соперничества съ Наполеономъ то понятіе, которое составляетъ необходимый аттрибутъ великаго монарха. Его обликъ какъ бы сталъ необходимымъ дополненіемъ образа Наполеона... Что касается Александра, то ге-

ніальность Наполеона отразилась, какъ на водѣ, на немъ и придала ему то значеніе, котораго онъ не имѣлъ бы, не будь этого отраженія» (т. I-ый стр. 343).

«Если обратиться къ дѣятельности Императора Александра I по отношенію къ Россіи, то время его правленія нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа, но весьма чреватымъ по послѣдствіямъ въ исторіи нашей родины. Послѣ долголѣтнихъ царствованій императрицы Елизаветы Петровны и Екатерины II, которыя шли по стопамъ Великаго Петра, Россія развивалась быстро и заняла въ концѣ XVIII ст. уже вполнѣ опредѣленное положеніе среди странъ Европы. Кратковременый Павловскій режимъ, кромѣ общаго раздраженія, не оставилъ другихъ слѣдовъ.

«Для Александра, вступившаго на русскій престолъ при общемъ восторгѣ, открылось широкое поле дѣятельности. Вначалѣ, увлеченный реформами, онъ, казалось, понялъ свою задачу и хотѣлъ что-то создать прочное»...

Но вскорѣ «случилось нѣчто неожиданное: послѣ блеска вступленія на престолъ и міровой славы побѣдъ русскаго оружія Александръ Павловичъ оставилъ брату тяжелое наслѣдство, страну, изнеможенную отъ прошлыхъ войнъ, а еще болѣе отъ аракчеевщины, и весь организмъ больнымъ и утомленнымъ, а внутри—полнѣйшую дезорганизацію власти и всякаго порядка при полномъ отсутствіи какой-либо системы управленія» (т. I стр. 344).

Новый трудъ великаго князя Николая Михаиловича, уже опубликовавшаго нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ работъ, представляетъ большую цѣнность съ двухъ точекъ зрѣнія: тѣмъ, что говорится въ немъ, и тѣмъ, кто говоритъ. Историкъ, тѣсными нитями связанный съ придворной средою, въ своихъ выводахъ и обобщеніяхъ, касающихся личности государя Александра I, конечно, обнаружитъ чрезвычайную осторожность. И тѣмъ цѣннѣе и убѣдительнѣе тѣ выводы, къ которымъ пришелъ великій князь. Передъ нимъ раскрыты были тѣ источники, которые недоступны были другимъ историкамъ, къ изученію этихъ источниковъ великій князь подошелъ, если и съ пристрастіемъ, то, конечно, не въ пользу развѣнчанія Александра I. Это придаетъ труду великаго князя особый интересъ и особый вѣсъ. Но и помимо того, тотъ матеріалъ, который впервые опубликовалъ августѣйшій историкъ, представляетъ большую научную цѣнность. Весь этотъ матеріалъ огромной работы въ 1500 стр. мы, конечно, не могли исчерпать въ журнальной статьѣ. Намъ пришлось обойти молчаніемъ чрезвычайно интересныя донесенія иностранныхъ дипломатовъ, чтобъ не вводить въ статью новый матеріалъ и не растягивать ея размѣры. Но и то, что мы использовали, показываетъ, какой интересъ представляетъ трудъ великаго князя и какъ много въ немъ новыхъ чертъ для историческаго портрета Александра I.

П. Берлинъ.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Исторія Отечественной войны, несмотря на огромное національное и міровое значеніе этой великой трагической эпопеи, далеко не можетъ считаться разработанной. Если въ настоящее время подъ вліяніемъ „юбилейнаго года" были обнародованы новые документы и появилось нѣсколько солидныхъ изслѣдованій, проливающихъ новый свѣтъ какъ на общій характеръ войны, такъ и на нѣкоторые отдѣльные ея эпизоды, то многое въ ней все-таки еще остается невыясненнымъ, загадочнымъ, а нѣкоторыя стороны даже совершенно **незатронутыми**. Къ этимъ послѣднимъ относится вопросъ о роли и участіи евреевъ въ войнѣ 12-го года.

Правда, евреи были отстранены отъ непосредственнаго боевого участія въ войнѣ, но, составляя большинство городского и наиболѣе активнаго населенія въ тѣхъ областяхъ, гдѣ прошла французская армія при своемъ побѣдоносномъ наступленіи и трагическомъ отступленіи, они имѣли возможность оказывать и, несомнѣнно, оказали значительное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Каково же было это вліяніе? Какой изъ воюющихъ сторонъ евреи оказывали свое сочувствіе и содѣйствіе?

Еврейское населеніе польскихъ провинцій, отошедшихъ послѣ перваго раздѣла Польши къ Россіи, находилось все время между молотомъ и наковальней. При нашествіи Наполеона, отъ котораго ожидали, по крайней мѣрѣ въ первое время, полнаго возстановленія Польши, положеніе евреевъ сдѣлалось еще болѣе сложнымъ и трагическимъ. Связанные съ Польшей вѣковыми традиціями, экономическими интересами и общностью внѣшней культуры, они юридически числились русскими подданными. И такимъ образомъ, на чью бы сторону они ни стали, другая имѣла основаніе обвинять ихъ въ измѣнѣ. Но еврейство того времени, жившее строго обособленной религіозно-національной жизнью, руководствовалось въ своихъ поступкахъ, какъ и всякая другая самостоятельная народность, исключительно своими національными интересами. Исходя изъ нихъ, оно и опредѣлило свои отношенія къ борющимся сторонамъ и съ перваго же момента опредѣленно стало на сторону Россіи.

Какіе же національные мотивы заставили евреевъ отступиться отъ Польши, съ которой они сроднились въ теченіе многихъ вѣковъ, отъ Наполеона, провоз-

глашеннаго чуть ли не «еврейскимъ Мессіей», и стать на сторону Россіи, правительство котораго какъ разъ въ это время предприняло по отношенію къ нимъ очень суровыя мѣропріятія?

I.

Въ теченіе XVII и, въ особенности, XVIII вв., еврейство, какъ восточное, польско-литовское, такъ и западно-европейское, пережило нѣсколько радикальныхъ религіозно-національныхъ кризисовъ, вызвавшихъ глубокія потрясенія и расколы. Еще въ началѣ XVII в. среди юго-западнаго еврейства начали проявляться тревожныя религіозныя исканія, стремленіе къ мистическому, таинственному и чудесному. Это настроеніе, зародившееся на почвѣ глубокаго недовольства мертвой книжной ученостью польскихъ евреевъ и ихъ сухимъ, лишеннымъ всякой поэзіи и вдохновенія, религіознымъ догматизмомъ, особенно усилилось послѣ казацкой рѣзни и нашествія Хмельницкаго, когда подвергшееся полному разгрому украинское еврейство было доведено до послѣдней степени отчаянія и могло ждать спасенія только отъ чуда. Какъ бы въ отвѣтъ на это настроеніе явился лже-мессія Саббатай-Цви, возвѣстившій скорое возстановленіе еврейскаго царства. Быстро разросшееся движеніе закончилось расколомъ, образованіемъ обширной секты «саббатая-цвиниковъ», которая вскорѣ совершенно порвала съ еврействомъ, перейдя, вслѣдъ за своимъ вождемъ, въ магометанство. Лжемессіанское движеніе на этомъ не остановилось,—и въ срединѣ XVIII в. явился другой подражатель Саббатай-Цви, Яковъ Франкъ, увлекшій за собою множество евреевъ и кончившій въ томъ же родѣ, какъ и его предшественникъ, принявъ, вмѣстѣ со своими приверженцами, христіанство. Не успѣло ортодоксальное еврейство оправиться отъ этихъ потрясеній, какъ появилось новое, болѣе глубокое, движеніе—«хассидизмъ», выдвинувшій въ религіи на первый планъ, вмѣсто книжной учености и благочестія, эмоцію, вдохновеніе; вмѣсто поста, покаянія—единеніе съ Богомъ посредствомъ восторженной молитвы. Движеніе это сразу привлекло къ себѣ какъ широкія массы народа, такъ и многихъ выдающихся ученыхъ и проповѣдниковъ. Хранители старыхъ устоевъ, усмотрѣвшіе въ новомъ движеніи такую же опасность для юдаизма, какъ и въ лжемессіанствѣ, подняли яростную борьбу противъ приверженцевъ хассидизма, стали предавать ихъ анаѳемѣ, подвергать ихъ книги публичному сожженію и даже дошли до доносовъ на нихъ правительству.

Въ то время, какъ польско-литовское еврейство переживало внутренній кризисъ религіозно-мистическаго характера, западное, преимущественно, нѣмецкое еврейство перенесло еще болѣе острый кризисъ, вызванный главнымъ образомъ внѣшними условіями. Подъ вліяніемъ одного изъ величайшихъ людей своего времени, Моисея Мендельсона, многіе выдающіеся талмудисты и общественные дѣятели сдѣлались піонерами европейскаго просвѣщенія; тысячи юношей, забросивъ талмудъ, принялись за свѣтскія науки. Началась ломка всѣхъ старыхъ устоевъ. Ортодоксы и здѣсь начали

безпощадную борьбу противъ „партіи просвѣщенія", т. наз. „мендельсоновцевъ". Но отъ этой борьбы расколъ становился еще болѣе глубокимъ. Если Мендельсонъ и его первые послѣдователи, стремясь вывести евреевъ изъ ихъ обособленности и пріобщить къ благамъ европейской цивилизаціи, меньше всего имѣли въ виду посягать на религіозныя основы юдаизма, то позднѣйшіе послѣдователи Мендельсона устремили все свое вниманіе на внутреннее и внѣшнее уравненіе евреевъ съ христіанами. Кончилось тѣмъ, что почти всѣ они, въ томъ числѣ и игравшіе выдающуюся роль дочери Мендельсона, перешли въ христіанство.

Такимъ образомъ, на протяженіи одного столѣтія два совершенно противоположныхъ теченія—одно, религіозно-мистическое (лже-мессіанское), на востокѣ, ое, просвѣтительно-раціоналистическое, на западѣ—одинаково привели къ полному разрыву съ юдаизмомъ. Естественно, что національно настроенное ортодоксальное еврейство сдѣлалось особенно подозрительнымъ ко всякому новшеству.

II.

Одновременно съ внутренними религіозными кризисами на твердыню національныхъ устоевъ еврейства надвигалась съ внѣшней стороны разрушительная сила, тѣмъ болѣе опасная, что она исходила не отъ враговъ, а отъ друзей, и была связана съ величайшимъ благодѣяніемъ для евреевъ, съ ихъ эмансипаціей.

Гуманитарное движеніе XVIII в. заставило лучшихъ представителей европейской мысли вспомнить и о евреяхъ. Почти одновременно и въ Германіи, и во Франціи начали раздаваться энергичные протесты противъ вопіющаго угнетенія и безправія евреевъ и такія же энергичныя требованія для нихъ человѣческихъ правъ и справедливости (Лессингъ, Хр. Домъ, Монтескье и др.). Одновременно съ этимъ и правительства разныхъ странъ начали облегчать положеніе евреевъ: Іосифъ II австрійскій обнародовалъ рядъ гуманныхъ законовъ о евреяхъ; такою же благосклонностью къ евреямъ отличалось и законодательство Людовика XVI. Волна гуманизма докатилась до Польши и даже до Россіи, выразившись въ Наказахъ Екатерины II, провозгласившей, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона (вѣры) и народа".

Съ началомъ великой революціи еврейскій вопросъ сдѣлался вопросомъ дня во Франціи, былъ перенесенъ въ Національное Собраніе. Раздались громовыя рѣчи Мирабо, аббата Грегуара и другихъ крупныхъ представителей революціи, требовавшихъ полнаго уравненія евреевъ въ правахъ съ остальными гражданами Франціи. Цѣлыхъ два года продолжалась борьба, пока, наконецъ, 27 сентября 1791 г. Національное Собраніе приняло предложеніе „о предоставленіи евреямъ Франціи правъ полныхъ гражданъ", а на второй день издало законъ, которымъ всѣ исключительныя постановленія о евреяхъ были уничтожены. Вслѣдъ за этимъ началась эмансипація евреевъ и въ другихъ странахъ. Всюду, куда только вступала побѣдоносная французская ар-

мія, ворота средневѣковыхъ гетто раскрывались, и евреи получали полное право гражданства.

Однако, предоставляя евреямъ гражданскія и политическія права, законодатели Франціи очень опредѣленно требовали, чтобы евреи за это отказались отъ своей національности. Они не допускали возможности, чтобы еврей, сохраняя національность, могъ стать гражданиномъ Франціи, и въ своемъ патріотическомъ энтузіазмѣ были глубоко увѣрены, что евреи, удостоившись чести именоваться французами, сами съ восторгомъ откажутся отъ своей національности.

III.

Еще болѣе опредѣленно и рѣзко была поставлена евреямъ „національная дилемма“ Наполеономъ I.

У Наполеона было двойственное отношеніе къ евреямъ. Онъ питалъ глубокое почтеніе къ не менѣе древнему, чѣмъ египетскія пирамиды, историческому еврейству, къ народу-патріарху, „имѣвшему своимъ законодателемъ самого Бога“. Одно время онъ даже мечталъ о реставраціи еврейскаго государства и „возстановленіи Іерусалимскаго храма во всемъ его блескѣ“. И, одновременно съ этимъ, онъ питалъ глубокую непріязнь, граничившую съ ненавистью, къ современному еврейству, о которомъ имѣлъ представленіе по безчисленнымъ жалобамъ на него эльзасскаго крестьянства, да еще по враждебнымъ отзывамъ окружавшей его челяди изъ древней знати. Но больше всего вооружило Наполеона противъ евреевъ то, что, будучи уравненными въ правахъ съ французами, они продолжали считать себя отдѣльной націей и составляли „народъ въ народѣ“. Въ этомъ онъ усмотрѣлъ измѣну Франціи. Возмущеніе его было до того велико, что при обсужденіи еврейскаго вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ онъ обрушился на евреевъ площадной руганью и предложилъ такія ограниченія ихъ правъ, какихъ не знала даже до-революціонная Франція.

Когда у него прошелъ пароксизмъ гнѣва, онъ самъ отказался отъ предложенныхъ имъ драконовскихъ мѣръ противъ евреевъ. Но за то онъ придумалъ другой способъ борьбы противъ ихъ національной обособленности.

Онъ рѣшилъ созвать представителей подвластнаго ему еврейства, поставить передъ ними дилемму: «или быть французами, или отказаться отъ этой чести, если бы оказались недостойными ея», и во что бы то ни стало заставить ихъ подчинить «законодательство своего Бога» законамъ своего императора. Это онъ опредѣленно высказалъ въ своемъ предписаніи министру внутр. дѣлъ (отъ 22 іюля 1806 года) изъ Сенъ-Клу: «Notre but est de concilier la croyance Juifs avec les devoirs des Français» [1]).

26 іюля было открыто собраніе еврейскихъ депутатовъ, на которое прибыло по выбору префектовъ болѣе ста человѣкъ раввиновъ и именитыхъ мірянъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи и Италіи.

Собраніе депутатовъ, усмотрѣвшее въ

[1]) Albert Lemoine. „Napoleon et les Juifs“. Paris, 1900, стр. 142.

одномъ фактѣ созыва собранія великую милость императора, принялось въ восторженныхъ рѣчахъ, гимнахъ и одахъ возносить до небесъ Наполеона. Образцомъ этихъ славословій можетъ служить рѣчь предсѣдателя собранія Фуртадэ по выслушаніи прочитанныхъ комиссаромъ вопросныхъ пунктовъ: «Я мысленно вижу генія исторіи, какъ онъ съ радостнымъ взоромъ врѣзываетъ нетлѣннымъ грифелемъ въ прочную мѣдь то, что сдѣлалъ герой вѣка для того, чтобы сорвать завѣсу, отдѣлявшую всѣ народы земли отъ разсѣянныхъ остатковъ одного изъ древнѣйшихъ народовъ».

На поставленные вопросы отвѣты были, конечно, даны такіе, какіе желалъ Наполеонъ. Въ предпосланномъ отвѣтамъ вѣрноподданническомъ заявленіи была высказана готовность «согласовать» религіозный кодексъ съ волей государя.

Наполеонъ остался доволенъ отвѣтами и заявленіями депутатовъ, но не удовлетворился ими. Онъ зналъ, что эти заявленія не обязательны для всего еврейства, и хорошо помнилъ, что 15-ю годами раньше представители французскаго еврейства выказали такую же готовность отречься отъ своей національности—и это не привело ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. И вотъ геніальный дипломатъ придумалъ чисто маккіавелевскій способъ заставить евреевъ во что бы то ни стало выполнить тѣ обязательства, которыя дважды такъ охотно взяли на себя ихъ—впрочемъ, никѣмъ не уполномоченные—представители. Онъ рѣшилъ созвать еврейскій синедріонъ, по примѣру древнихъ синедріоновъ, который своимъ авторитетомъ санкціонировалъ и сдѣлалъ бы религіозно-обязательными чуть ли не для всего еврейства постановленія депутатовъ. Иначе говоря, онъ рѣшилъ воскресить одинъ изъ самыхъ національныхъ и священныхъ институтовъ съ единственной цѣлью, чтобы онъ нанесъ смертельный ударъ національному существованію еврейства: нѣчто вродѣ воскресенія для самоубійства.

Собраніе встрѣтило предложеніе Наполеона о созывѣ синедріона взрывомъ энтузіазма и безпредѣльнаго ликованія, точно передъ древнимъ народомъ явился Мессія, воскреситель еврейскаго царства. Снова полился потокъ благодарностей, славословій, гимновъ и напыщенныхъ декларацій къ еврейству.

Созывъ синедріона былъ, какъ и всѣ подобныя затѣи Наполеона, обставленъ съ большой пышностью. Онъ долженъ былъ съ внѣшней стороны быть точной копіей древняго синедріона. Собраніе извѣстило о созывѣ его всѣ синагоги Европы съ приглашеніемъ прислать депутатовъ. Синедріонъ долженъ былъ состоять изъ 71 члена, съ президентомъ (наси), однимъ первоприсутствующимъ (ав-бет-динъ) и однимъ второприсутствующимъ (хахамъ).

Но этимъ внѣшнимъ декоративнымъ сходствомъ все о ограничились. Члены синедріона не избирались самимъ народомъ. Правда, для того, чтобы придать ему больше религіознаго авторитета, въ немъ должны были участвовать двѣ трети раввиновъ и одна треть мірянъ, но въ составъ раввиновъ должны были войти всѣ раввины, участники собранія депутатовъ, которые уже подчинились

требованіямъ Наполеона. Главныя должности президента и первоприсутствующихъ должны были быть замѣщены по назначенію министра внутр. дѣлъ. Но особенно превращало это учрежденіе въ жалкую пародію то, что ему предстояло даже не обсуждать, а только санкціонировать тѣ рѣшенія, которыя были приняты собраніемъ. Такимъ образомъ, синедріонъ не имѣлъ и тѣни самостоятельности и представлялъ собою не возвеличеніе еврейства, а злую и унизительную насмѣшку надъ нимъ.

9 февраля 1807 г. «великій синедріонъ» былъ открытъ съ большой торжественностью, съ рѣчами о «воскресеніи Израиля», о безсмертіи Наполеона и т. п.

Синедріонъ, какъ и собраніе депутатовъ, безпрекословно покорился Наполеону. Согнанные съ разныхъ концовъ Франціи раввины, не подготовленные и терроризованные, не осмѣлились рѣшительно выступить въ защиту основъ религіи и національности, покорно утвердили всѣ постановленія собранія, даже узаконили самый принципъ созыва синедріона для измѣненія религіозныхъ постановленій.

Наполеонъ добился рѣшительно всего, чего требовалъ отъ евреевъ. Но онъ не удовлетворился и этимъ и въ заключеніе зло надсмѣялся надъ евреями. Получивъ торжественную религіозную гарантію въ выполненіи всѣхъ его требованій, онъ, въ видѣ залога, что «обязательства» будутъ выполнены, ограничилъ на десять лѣтъ нѣкоторыя гражданскія права евреевъ, издавъ законъ, по которому никакой французскій еврей впредь не могъ приниматься за какую-либо торговлю, не получивъ на то предварительно свидѣтельства отъ префекта, при удостовѣреніи государственныхъ учрежденій и консисторіи о непорочности даннаго лица. Было ограничено для нѣмецкихъ евреевъ право передвиженія изъ одного департамента въ другой. Были введены ограниченія и въ отношеніи воинской повинности евреевъ. Всѣ эти ограниченія были установлены на 10 лѣтъ «въ ожиданіи, что по прошествіи этого времени и при содѣйствіи разныхъ мѣръ не будетъ никакого различія между евреями и другими гражданами государства» [1]).

Такова была политика Наполеона по отношенію къ евреямъ.

IV.

Наполеоновская затѣя вызвала волненіе правительствъ нѣкоторыхъ враждебныхъ Наполеону государствъ. «Зная, что евреи всѣхъ странъ смотрѣли тогда на Францію, какъ на свою избавительницу,—пишетъ Оршанскій,—эти правительства увидѣли въ синедріонѣ приманку, которой Наполеонъ хочетъ привлечь на свою сторону евреевъ всей Европы, чтобы имѣть въ нихъ надежныхъ союзниковъ для Франціи при будущихъ войнахъ».

Встревожилось синедріономъ и русское правительство—и это имѣло очень благодѣтельныя послѣдствія для евреевъ. По словамъ Оршанскаго, „государь императоръ по случаю того, что Бона-

---

[1]) Г. Грецъ. Исторія евреевъ, т. XI, стр. 218—52.

партъ созвалъ въ Парижѣ собраніе еврейскихъ представителей, имѣющее главной цѣлью дать евреямъ преимущества и связать евреевъ всей Европы, повелѣлъ образовать особый комитетъ для обсужденія того, не требуетъ-ли это обстоятельство принятія какихъ-нибудь особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ". Комитетъ рѣшилъ, съ одной стороны, значительно ослабить выселенія евреевъ изъ деревень, а съ другой— внушить евреямъ, что синедріонъ имѣетъ цѣлью „измѣнить еврейскую религію". Вмѣстѣ съ этимъ было предписано начальникамъ западныхъ губерній имѣть наблюденія, „нѣтъ ли какихъ-нибудь сношеній между русскими евреями и парижскимъ собраніемъ". Тревога и здѣсь оказалась совершенно напрасной. Русское, какъ и австрійское, еврейство далеко было отъ увлеченія синедріономъ. Да и ортодоксальное еврейство на Западѣ отнеслось къ нему отрицательно.

V.

При всемъ восторгѣ и ликованіи депутатовъ и членовъ синедріона—въ рѣчахъ и поведеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ проскальзывала большая тревога за цѣлость іудейства. „Большинство раввиновъ, приглашенныхъ къ участію въ великомъ синедріонѣ, не хотѣло откликнуться на призывъ императора, отговариваясь отсутствіемъ средствъ". Когда же префекты устроили сборъ для покрытія расходовъ по ихъ поѣздкѣ, никто изъ богатыхъ евреевъ не хотѣлъ жертвовать на это, такъ что Наполеонъ вынужденъ былъ наложить на евреевъ нѣчто въ родѣ контрибуціи для покрытія этихъ расходовъ [1]).

На засѣданіяхъ собранія депутатовъ, какъ и синедріона, раввины, при всемъ своемъ трепетѣ передъ всемогущимъ императоромъ, все-таки дѣлали слабыя попытки отстоять нѣкоторыя положенія религіознаго законодательства. Правда, синедріонъ получилъ адреса отъ различныхъ общинъ Франціи, Италіи, Рейнскаго союза, отъ общинъ Дрездена и Нейвида, но эти привѣтствія шли не отъ общинъ, а отъ отдѣльныхъ просвѣщенныхъ членовъ ихъ, большей частью, отверженныхъ общинами. По свидѣтельству кн. Голицына, въ глазахъ самихъ евреевъ, а тѣмъ болѣе евреевъ-ортодоксовъ и фанатиковъ другихъ странъ, постановленія синедріона не оказались обязательными, даже какъ бы несуществующими. Сосѣдніе англійскіе евреи порицали ихъ энергически и не признавали ихъ авторитета [2]). Даже со стороны просвѣщенныхъ евреевъ раздавались голоса противъ синедріона. Берлинскій кружокъ мендельсоновцевъ еще заранѣе объявилъ синедріонъ „шутовскимъ представленіемъ" (Gaukelspiel.)

Тѣмъ болѣе отрицательно должно было отнестись къ синедріону польско-литовское еврейство, сильно приверженное къ традиціямъ юдаизма и еще незадолго передъ тѣмъ имѣвшее свои ваады-сеймы, которые, по словамъ лѣтописца того вре-

---

[1]) Albert Semoine: Napoleon et les Juifs. Стр. 218—19. (По рапортамъ комиссаровъ).

[2]) Кн. Н. Н. Голицынъ: „Исторія русскаго законодательства о евреяхъ", т. I. Спб. 1886 г. Стр. 541—2.

мени, въ самомъ дѣлѣ напоминали „синедріонъ, возсѣдавшій нѣкогда въ грановитой палатѣ въ Іерусалимѣ". Имъ ли было увлекаться жалкой пародіей, придуманной Наполеономъ.

Наконецъ, на той же почвѣ національнаго вопроса, главнымъ образомъ, сложилось и отношеніе польско-литовскаго еврейства къ борьбѣ Россіи съ Польшей, въ особенности во время нашествія французовъ.

VI.

Въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ со времени разрушенія Іерусалима евреи сохранили трогательную привязанность къ своей исторической родинѣ и вѣру въ возрожденіе еврейскаго государства. Но этотъ „патріотизмъ" еврейскаго народа все время оставался только религіознымъ, созерцательнымъ. Отъ возстанія Баръ-Кохбы до новѣйшаго сіонистскаго движенія не было со стороны евреевъ ни одной попытки вернуть себѣ старую родину. Возстановить еврейское царство долженъ былъ Мессія, пришествіе котораго было связано въ представленіи народа со страшнымъ судомъ, воскресеніемъ мертвыхъ и другими чудесами и знаменіями. Такимъ образомъ, религіозно-мистическое воззрѣніе на Святую землю нисколько не мѣшало евреямъ проникаться сильной привязанностью къ той старинѣ, которая являлась ихъ фактической родиной, гдѣ они пустили глубокіе корни, приспособились къ культурѣ и особенностямъ страны, сжились и вступили въ сложныя экономическія и культурныя отношенія съ кореннымъ населеніемъ.

Главный потокъ евреевъ, бѣжавшихъ въ средніе вѣка изъ Австріи и Германіи, направлялся въ Польшу и Литву, гдѣ къ началу новаго времени образовался крупный еврейскій центръ. Польша болѣе или менѣе радушно встрѣчала гонимыхъ, давала имъ у себя пріютъ, и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ евреи пользовались тамъ сравнительно спокойнымъ существованіемъ, хотя и были ограничены въ правахъ, подвергались особымъ налогамъ и терпѣли отъ враждебно относившихся къ нимъ духовенства и горожанъ. Конецъ этому сравнительному благополучію наступилъ въ серединѣ XVII в., когда возставшее казачество и украинское крестьянство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уничтожили сотни еврейскихъ общинъ, истребивъ около 1/2-милліона душъ. Послѣ этой катастрофы положеніе евреевъ въ Польшѣ стало систематически ухудшаться: они систематически ограничивались въ правахъ, все еще подвергаясь нападеніямъ и навѣтамъ. Но при всемъ гнетѣ и преслѣдованіи евреевъ Польша предоставила имъ полную религіозную свободу и широкую національную автономію. „Еврейская община въ Польшѣ,—пишетъ еврейскій историкъ С. М. Дубновъ,—представляла собою не только національно-духовную, но и гражданскую единицу; то былъ еврейскій городъ внутри христіанскаго города, имѣвшій свой особый порядокъ жизни, свои религіозныя, административныя, судебныя и благотворительныя учрежденія". Евреи сами выбирали раввиновъ и „законныхъ судей",—и королевская администрація содѣйствовала исполненію ихъ распоря-

женій. Такая самоуправляющаяся община получила названіе „кагала“. Съ половины XVI в. начались съѣзды или сеймы („ваады“) раввиновъ и кагальныхъ дѣятелей—и постепенно эти съѣзды сдѣлались періодическими, получили прочную организацію, втянули въ себя всѣ области страны. Образовались два главныхъ „ваада“—польскій и литовскій. На этихъ еврейскихъ сеймахъ обсуждались общенародные вопросы, устанавливались опредѣленныя отношенія къ правительству и государственнымъ сеймамъ. Правительство, со своей стороны, поддерживало авторитетъ „ваады“, такъ какъ ему было выгоднѣе имѣть дѣло съ однимъ или двумя органами самоуправленія, чѣмъ со множествомъ мѣстныхъ [1]).

Однако, въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой рядомъ съ ограниченіемъ гражданскихъ правъ начали урѣзываться и національныя права евреевъ. Преслѣдуемые, какъ конкурренты, торговымъ и ремесленнымъ классами, вытѣсняемые изъ городовъ, евреи вынуждены были селиться въ деревняхъ въ качествѣ шинкарей и факторовъ, что вооружало противъ нихъ крестьянство и унижало въ глазахъ шляхты. Незадолго до перваго раздѣла, въ 1764 г., податное обложеніе было изъято изъ рукъ кагала, а затѣмъ, въ томъ же году, конфедеративный сеймъ отмѣнилъ всякіе еврейскіе съѣзды. Этимъ еврейской автономіи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Правда, черезъ четверть вѣка, во время послѣдней агоніи Польши, „четырехлѣтній сеймъ“ (1788—91) обнаружилъ стремленіе расширить гражданскія права евреевъ. Но, помимо того, что это стремленіе не было осуществлено, проекты расширенія гражданскихъ правъ евреевъ были обусловлены грубымъ вторженіемъ въ ихъ религіозныя дѣла и рѣзкими ограниченіями ихъ національной автономіи.

Но особенно рѣзко проявилась враждебность поляковъ къ евреямъ въ короткій періодъ эфемернаго возрожденія Польши. Черезъ годъ послѣ учрежденія герцогства Варшавскаго (17 окт. 1808 г.) былъ изданъ слѣдующій королевскій декретъ: „Жители нашего Варшавскаго герцогства, исповѣдующіе религію Моисея, лишаются политическихъ правъ, которыми они имѣли впредь пользоваться, на десять лѣтъ. Надѣемся, что въ теченіе этого времени они утратятъ тѣ особенности, которыя столь отличаютъ ихъ отъ другихъ жителей“.

Затѣмъ началось систематическое ограниченіе гражданскихъ правъ евреевъ.

VI.

Совершенно иной характеръ имѣла политика русскаго правительства по отношенію къ евреямъ въ это время.

До средины XVIII в. русское правительство, относясь враждебно къ евреямъ, не допускало образованія въ Россіи сколько-нибудь значительнаго еврейскаго поселенія. Когда же послѣ перваго раздѣла Польши въ составъ Россійской имперіи вошло, вмѣстѣ съ присоединенными провинціями, многочисленное, національно-сплоченное еврейское населе-

[1]) „Всеобщая исторія евреевъ“ т. III, 1906 г.

ніе, правительство сразу измѣнило свою еврейскую политику и признало, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, за евреями тѣ же права, что и за другими національностями присоединенной области. Не рѣшаясь отмѣнить запрещенія евреямъ селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, Екатерина II обѣщала еврейскимъ обществамъ присоединенныхъ городовъ и земель, что за ними будутъ сохранены тѣ же права и свободы, какими они пользовались, будучи подъ властью Польши. И она въ извѣстной мѣрѣ сдержала свое обѣщаніе. Разсматривая евреевъ, какъ самостоятельную націю, она не только сохранила за ними ихъ автономныя національныя учрежденія, но даже расширила ихъ функціи, учредивъ въ 1783 г. уѣздные и губернскіе кагалы не только съ административной, но и съ судебной властью, даже съ правомъ представительства передъ правительствомъ для защиты нуждъ и потребностей евреевъ. Правда, черезъ нѣсколько лѣтъ дѣятельность кагаловъ была ограничена одними религіозными дѣлами, но дѣла эти охватывали такую обширную область, что и послѣ этого кагалы, завѣдывавшіе къ тому же и раскладкою податей, сохранили обширную судебную и административную власть.

Эта политика по отношенію къ евреямъ въ полной мѣрѣ сохранилась и при Александрѣ I.

Въ самомъ началѣ своего царствованія Александръ I, будучи проникнутъ либеральными стремленіями, несомнѣнно, относился доброжелательно къ евреямъ и, учредивъ въ 1802 г. „Комитетъ для изготовленія новаго проекта законовъ о евреяхъ“, въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду „улучшеніе ихъ быта и правового положенія“ „безъ употребленія власти“, „мѣрами тихаго ободренія“, какъ говорилось въ заявленіи Комитета.

Однако, Комитетъ, рядомъ съ нѣкоторыми либеральными мѣрами, предложилъ поистинѣ драконовскую мѣру, грозившую полнымъ разореніемъ 60,000 еврейскихъ семействъ, постановивъ: „Приписать евреямъ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня изданія „Положенія“ выселиться совершенно изъ селъ и деревень въ города“.

Постановленіе это, повергшее евреевъ въ глубокое отчаяніе, не встрѣтило сочувствія и въ русскомъ обществѣ, и, отчасти, въ высшей администраціи, находившей, въ виду ожидаемой войны, несвоевременнымъ проведеніе такой мѣры, которая вооружила бы евреевъ противъ Россіи. Вслѣдствіе этого постановленіе о выселеніи евреевъ, сперва смягченное, было отложено на нѣкоторое время, а затѣмъ и совершенно оставлено. Зато, съ другой стороны, евреямъ были оказаны значительныя льготы: съ нихъ были сняты двойныя подати, были расширены ихъ торговыя права и права по передвиженію, для нихъ были открыты учебныя заведенія и т. п. Но что было особенно важно и цѣнно для евреевъ, это то, что Александръ I, какъ и Екатерина II, признавалъ ихъ особой націей и не посягалъ на ихъ національную автономію. Общинная организація евреевъ въ отошедшихъ отъ Польши провинціяхъ не только была сохранена, но и значительно расширена тѣмъ, что евреямъ было предоставлено отдѣльное

податное управленіе съ правомъ завѣдыванія всѣми общественными сборами и особою по нимъ отчетностью.

Такое внимательное и отчасти даже предупредительное отношеніе правительства къ національнымъ правамъ и автономнымъ учрежденіямъ евреевъ больше всего цѣнилось тогдашнимъ еврействомъ. Оно поэтому видѣло въ Александрѣ I благочестиваго государя, стоящаго на стражѣ религіозныхъ устоевъ и національнаго единства евреевъ, и твердо надѣялось, что именно отъ этого государя евреи получатъ человѣческія и гражданскія права.

Вслѣдствіе всего этого симпатіи евреевъ должны были постепенно переходить отъ Польши къ Россіи. И если въ теченіе долгой агоніи Польши, въ эпоху раздѣловъ и возстаній, еврейство все-таки оставалось вѣрнымъ Польшѣ, то когда на сценѣ появилась почти мистическая личность мірового завоевателя, разрушителя троновъ и алтарей, Наполеона, евреи, въ страхѣ за цѣлость своихъ религіозныхъ и національныхъ устоевъ, опредѣленно перешли на сторону Россіи и Александра I.

VII.

Яркимъ свидѣтельствомъ, что русско-польское еврейство того времени оцѣнивало событія 12-года исключительно съ точки зрѣнія своихъ національныхъ интересовъ, можетъ служить отношеніе высшихъ и наиболѣе авторитетныхъ представителей тогдашняго еврейства, хассидскихъ цадиковъ, къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ эпическаго поединка—Наполеону I и Александру I.

Представители хассидизма, мистически настроенные, искавшіе во всякомъ явленіи символъ и отраженіе того, что происходитъ на небесахъ, были поражены личностью и сверхъ-человѣческимъ величіемъ императора, покорителя міра и повелителя побѣдъ. „Цадики“ рѣзко разошлись между собою въ оцѣнкѣ вліянія, какое побѣда Наполеона могла бы имѣть на судьбы еврейства. Въ то время, какъ одни, во главѣ которыхъ стоялъ основатель хассидизма въ Россіи, раби Залманъ Боруховъ изъ Ляды, считали побѣду Наполеона крайне губительной для еврейства, другіе ожидали отъ нея благихъ послѣдствій. Но даже самый рьяный приверженецъ Наполеона, раби Шлойме Карлинеръ, который, по преданію, денно и нощно молился за побѣду сперва Польши, а затѣмъ Наполеона, былъ согласенъ, что торжество Наполеона „ослабитъ ограды“ и вызоветъ много соблазновъ. Но онъ именно въ этомъ видѣлъ благо, такъ какъ былъ увѣренъ, что евреи не поддадутся никакимъ соблазнамъ и въ борьбѣ съ ними окрѣпнутъ въ преданности Богу. Такимъ образомъ, даже и онъ не считалъ Наполеона „геніемъ добра“. Что же касается раби Залмана изъ Ляды, пользовавшагося огромнѣйшимъ авторитетомъ среди еврейства, то онъ видѣлъ въ Наполеонѣ „исчадіе ада“, злѣйшаго врага человѣческаго рода, а въ особенности еврейства. Онъ до того ненавидѣлъ его, что, при вступленіи французской арміи въ Россію, наскоро собрался и вмѣстѣ со всѣми домочадцами отправился вслѣдъ за отступающей русской арміей. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ онъ странствовалъ съ

мѣста на мѣсто, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ и лишеніямъ, которыя и свели этого 60-лѣтняго старика въ могилу.

Въ архивѣ потомковъ раби Залмана (Шнеерсоновъ) сохранились въ высшей степени любопытные документы, въ которыхъ какъ нельзя болѣе опредѣленно высказаны воззрѣнія „стараго цадика“ какъ на значеніе войны 12-го года для національныхъ интересовъ еврейства, такъ и на личности Наполеона и Александра.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ приверженцевъ, Майзелису, въ самомъ началѣ войны р. Залманъ писалъ:

„Въ первый день новаго года передъ молитвой „Мусофъ“ показали мнѣ (съ неба): если побѣдитъ Бонапартъ, увеличится богатство евреевъ и возвеличится мощь еврейства, но между ними произойдетъ разъединеніе и сердца ихъ удалятся отъ Отца небеснаго. Если же побѣдитъ властелинъ нашъ Александръ, евреи хотя и обѣднѣютъ и ихъ положеніе унизится, но зато укрѣпится между ними связь, они объединятся и сердца ихъ покорятся Отцу небесному“.

Въ письмѣ сына р. Залмана, написанномъ вскорѣ послѣ смерти «стараго цадика», въ 1814 г., адресованномъ тому же Майзелису, подробно описано отношеніе раби Залмана къ обоимъ императорамъ, даже къ обѣимъ націямъ—русской и французской:

„Глубокой ненавистью ненавидѣлъ онъ (отецъ) его (Наполеона), считая его сатаною, противодѣйствующимъ всѣми силами зла началамъ добра; воплощеніемъ нечистой силы и жестокости, обратной стороною милосердія и добра, носителемъ смерти и зла, вся жизнь котораго направлена только на злодѣянія. Война милосердія и силы подобна войнѣ огня съ водою—и милосердіе побѣждаетъ. Вся суть въ томъ, что царство русское и царство французское противоположны другъ другу въ отношеніи надменности и заносчивости. Въ основѣ характера непріятеля лежатъ двѣ черты: во-первыхъ, гнѣвность и жестокость, позволяющія истреблять безъ жалости безчисленное множество душъ и вызывающія въ настойчивомъ стремленіи къ побѣдѣ готовность бороться до полной и окончательной собственной гибели; во-вторыхъ, заносчивость и гордыня, при которыхъ все военное искусство, всѣ удачи и побѣды приписываются исключительно собственной мощи и силѣ своего ума. А кто въ своемъ высокомѣріи приписываетъ все личной силѣ, тотъ отвергаетъ предопредѣленіе, отстраняетъ вѣру и надежду на Бога, за что Господь унижаетъ до послѣдней степени паденія. Противоположность указаннымъ чертамъ характера (французовъ)—это милосердіе и личная доброта; чувство покровительства и жалости ко всякому, къ злому, какъ и къ доброму. Основное же свойство милосердія и доброты состоитъ въ томъ, что считаешь себя ниже всякаго, чувствуешь горе и страданіе угнетеннаго, и угнетеннаго болѣе сильно, чѣмъ собственныя, а отъ этого само собою вытекаетъ самоуничиженіе и полное самоотреченіе, при которыхъ человѣкъ не чувствуетъ собственной силы и мощи даже тогда, когда совершаетъ великія дѣла и одер-

живаетъ побѣды. Наоборотъ, тогда именно становится яснымъ, какъ солнце, что личная сила тутъ непричемъ... И вотъ эти-то черты, какъ это очевидно для всякаго сколько-нибудь понимающаго, воплощены въ нашемъ государѣ, да возвеличится его мощь, и въ его совѣтникахъ и военачальникахъ, ибо мы видѣли, какъ сильна была его (государя) надежда на Бога и какъ велика была его скромность, смиреніе и самоуничиженіе. И даже теперь, одержавъ побѣду надъ непріятелемъ, онъ приписываетъ это не собственной силѣ, а Богу, и этимъ высказываетъ сознаніе, что побѣждаютъ всегда милосердіе и добро"...

Перейдя къ характеристикѣ отношенія Александра I къ евреямъ, р. Беръ писалъ:

„Онъ (государь) положительно отецъ для евреевъ, создаетъ зданіе и фундаментъ для ихъ вѣчнаго блага, старается постоянно отвратить отъ нихъ ненависть черни. Всѣ душевныя заботы родителя, блаженной памяти, незадолго до его смерти были направлены на спасеніе еврейскихъ душъ. Онъ говорилъ, что когда Господь поможетъ государю, да возвеличится его мощь, и всѣ его враги будутъ побѣждены,—онъ навѣрное вспомнитъ о евреяхъ, чтобы поднять ихъ положеніе, чтобы вѣчными вольностями положить фундаментъ для ихъ существованія между народами...

Родитель мой, блаженной памяти, часто говаривалъ, что русскій народъ отличается сильной религіозной нетерпимостью, а въ особенности Москва отличалась своей нетерпимостью, гордостью и заносчивостью,—и это было причиною, что непріятель забралъ Москву и властвовалъ тамъ, ибо Господь хотѣлъ унизить ея гордыню. Но какъ только непріятель выполнилъ то, для чего онъ былъ посланъ, Господь переложилъ для Москвы гнѣвъ на милость, а для непріятеля—удачу на погибель. Точно такъ же, какъ піявка высасываетъ испорченную кровь и, исполнивъ свое назначеніе, отпадаетъ мертвой, такъ непріятель, высосавъ изъ Москвы ея зло, самъ отравился имъ и погибъ".

VIII.

Можно смѣло сказать, что съ самаго начала войны до конца ея евреи присоединенныхъ польскихъ провинцій были всецѣло на сторонѣ Россіи. Рискуя подвергнуться грозному гнѣву Наполеона и мести поляковъ, они систематически оказывали всевозможныя, часто очень рискованныя, услуги Россіи и упорно отказывали въ какой-бы то ни было помощи французамъ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ какъ русскіе, такъ и французскіе и польскіе историки. „Нѣтъ ни одного государственнаго акта,—пишетъ Н. Д. Градовскій,—на основаніи котораго можно было бы обвинить евреевъ, что они въ трудныя для государства и правительства минуты, во время бывшихъ въ началѣ XIX столѣтія войнъ, не исключая и Отечественной войны 12 года, обнаруживали склонность къ измѣнѣ Россіи и предательскимъ въ отношеніи ея дѣйствіямъ, которыя выражались бы въ видѣ лазутничества и шпіонства или перехода на сторону непріятеля" [1]).

[1]) Н. Д. Градовскій. „Торговыя и другія права евреевъ въ Россіи". Ч. 1, 2-е изд. С. Петербургъ, 1886 г.

Это же подтверждаетъ, съ другой стороны, и французскій историкъ Тьеръ. «Евреи,—пишетъ онъ,—впрочемъ, всюду проявляли себя измѣнниками польскому дѣлу, извѣщали русскихъ генераловъ о проходѣ французскихъ войскъ объ ихъ численности, объ ихъ состояніи; они предупредили Тормасова о приближеніи саксонскаго отряда, и тотъ, благодаря этому предупрежденію, имѣлъ возможность уничтожить его при Кобринѣ, (Thier: „Histoire du Consulat et de l'Empire", т. 14, стр. 184.) [1]).

Подтвержденіемъ этому можетъ служить свидѣтельство партизана Дениса Давыдова:

„Евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что не хотѣли служить непріятелю въ качествѣ лазутчиковъ, а весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ". Онъ до того былъ увѣренъ въ преданности евреевъ, что „всю полицейскую власть въ Гроднѣ передалъ кагалу, такъ какъ на мѣстныхъ администраторовъ-поляковъ никакъ нельзя было положиться" [2]).

Не останавливаясь на множествѣ отдѣльныхъ фактовъ преданности евреевъ русской арміи, укажемъ, что они сыграли большую роль въ развѣдочномъ дѣлѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ Лефортовскаго архива полковникъ Н. Поликарповъ: „Главную роль въ производствѣ тайныхъ развѣдокъ играли мѣстные евреи, частью, мѣстные крестьяне, но наиболѣе важныя свѣдѣнія доставляли намъ евреи". Для образца авторъ приводитъ „текстуальныя копіи двухъ тайныхъ еврейскихъ донесеній, представленныхъ начальникомъ авангарда 3 пѣхотнаго корпуса ген.-лейтенанту Тучкову I. Изъ этихъ донесеній видно, что мы своевременно знали не только о передвиженіяхъ и о мѣстахъ квартированія французскихъ войскъ, но даже и о тѣхъ пунктахъ, у которыхъ Наполеонъ намѣтилъ переправу своихъ войскъ черезъ рѣку Нѣманъ" [1]).

Но, помимо развѣдочнаго дѣла, евреи, какъ мѣстные жители, оказывали въ разныхъ областяхъ большія услуги русской арміи. Достаточно указать хотя бы на такой фактъ, что, благодаря образцово устроенной еврейской почтѣ, прозванной „пантофліевой почтой", Александръ I узналъ о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ на сутки раньше оффиціальнаго донесенія объ этомъ генерала Багговута къ генер. Барклай-де-Толли! [2])

Правительство вполнѣ оцѣнило заслуги евреевъ въ Отечественной войнѣ. По свидѣтельству кн. Голицына, котораго меньше всего можно заподозрить въ особомъ сочувствіи къ евреямъ, они „удостоились нѣсколькихъ похвальныхъ грамотъ послѣ окончанія войны". Виленскій губернаторъ свидѣтельствовалъ, что „еврейскій народъ оказывалъ, во время нахожденія непріятеля, особенную при-

[1]) Albert Lemoine: „Napoleon I et les juifs". Paris, 1900.

[2]) Сочиненія, т. 1., стр. 128.

[1]) Н. Поликарповъ. „Очерки Отечественной войны", „Новая Жизнь", 1911 г. № 10.

[2]) Объ этомъ замѣчательномъ фактѣ подробно разсказано въ статьѣ П. Берлина „Отечественная война и евреи", „Нов. Восходъ" 1911 г., № 44.

верженность къ россійскому правительству".

Больше всего свидѣтельствуетъ о довѣріи и расположеніи правительства къ евреямъ тотъ фактъ, что „при главной квартирѣ въ 1812—1813 гг. состояло два еврея, получившихъ похвальные листы отъ князя П. М. Волконскаго. Евреи эти носили титулы: „находящихся при главной квартирѣ депутатовъ отъ еврейскаго народа". Это были нѣкто Зундель Зоненберъ (онъ же Гродненскій) и Лейзеръ Несвижскій. Они сопровождали главную квартиру и за предѣлами россійской границы—по мѣрѣ передвиженія нашихъ войскъ. Эти депутаты играли нѣкотораго рода оффиціальную роль покровителей евреевъ и сносились съ высшими сановниками хотя и при помощи „всеподданнѣйшихъ прошеній", но прошенія эти были писаны скорѣе въ формѣ отношеній и притомъ по дѣламъ, даже вовсе до нихъ не относящимся. Они сносились съ кагалами, сообщали имъ указанія и позволяли себѣ ихъ обнадеживать, что „государь сдержитъ свое обѣщаніе отосительно еврейскаго народа".

Неизвѣстно, о какихъ „обѣщаніяхъ" идетъ здѣсь рѣчь и были ли вообще высказаны государемъ какія - нибудь обѣщанія, но несомнѣнно, что въ то время его отношеніе къ евреямъ было въ высшей степени внимательное и доброжелательное. По свидѣтельству того же кн. Голицына, „онъ смотрѣлъ на потомковъ Израиля съ уваженіемъ, какъ на живые остатки ветхозавѣтнаго народа, „избраннаго", къ которому онъ, прилежный читатель Св. Писанія, не могъ не питать чувства удивленія и благоговѣнія, его занимали мысли о величіи юдаизма, о будущности его. о призваніи царей и народовъ по отношенію къ судьбѣ этого племени"... [1])

Въ исторіи отношенія евреевъ къ войнѣ 12 года, на нашъ взглядъ, больше всего достойно вниманія то, что, несмотря на замкнутость евреевъ и ихъ полную отчужденность отъ Россіи, русское правительство сумѣло угадать жизненный нервъ тогдашняго еврейства—охраненіе національной цѣльности и національныхъ инстинктовъ, и, идя навстрѣчу завѣтнымъ желаніямъ евреевъ, пріобрѣло себѣ въ годину тяжелыхъ испытаній вѣрнаго и преданнаго союзника въ лицѣ цѣлой еврейской народности.

---

[1]) „Ист. рус. законод. о евр." стр., 902.

С. Ан—скій.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

ЛѢВЫЕ.

---

10 сентября начались выборы,—и со всѣхъ сторонъ идутъ извѣстія о собраніяхъ и митингахъ націоналистовъ, союзниковъ; не слышно только ничего о собраніяхъ лѣвыхъ. Нѣтъ партіи лѣвой, у которой бы уже кое-что не было намѣчено конкретно, но это «кое-что»—далеко отъ открытой борьбы. Въ моментъ, когда партійность пріобрѣтаетъ наибольшую остроту, когда политическіе голоса должны звучать громче всего, оппозиція сейчасъ, передъ четвертой Думой, связана по рукамъ и ногамъ еще крѣпче, чѣмъ наканунѣ третьей Думы. Тѣ же административныя воздѣйствія, тѣ же судебныя кары, но углубленныя, тѣ же разъясненія, но сдѣланныя привычной рукой.

Оппозицію лишаютъ ея видныхъ представителей. Ей не только не разрѣшаютъ собраній, но даже лекцій «популярныхъ депутатовъ передъ выборами въ четвертую Государственную Думу».

Во всѣ три Думы, видите ли, «выборы по рабочей куріи дали соціалъ-демократовъ», — и министерство внутреннихъ дѣлъ «требуетъ отъ мѣстной администраціи больше контроля по этимъ выборамъ». Пресловутый циркуляръ о предвыборныхъ собраніяхъ избирателей обошелъ уже всѣ газеты. Правда, «Освѣдомительное бюро» отъ него рѣшительно отреклось, но нѣтъ дыма безъ огня: дѣло—не въ словѣ. На дѣлѣ же, если это не циркуляръ, а «разъясненіе» министерства, отвѣтъ на запросы губернаторовъ о порядкѣ разрѣшенія предвыборныхъ собраній избирателей, то, во всякомъ случаѣ, не анекдотъ, а фактъ уже потому, что ничего новаго онъ и не прибавляетъ.

Губернаторы могутъ не разрѣшать собраній, если найдутъ, что они будутъ «отвлекать рабочій народъ отъ занятій или отдыха».—Конечно, «такъ было»! Губернаторамъ ли до ст. 91-ой, гласящей, что способъ и порядокъ избранія уполномоченныхъ опредѣляется самими рабочими каждаго предпріятія. Какъ и въ прошлую кампанію, внушаютъ «благомыслящимъ рабочимъ, что рабочіе должны быть признательны правительству за право выбирать депутатовъ и не должны допускать въ Думу враговъ существующаго порядка». И ужъ разъ собраніе разрѣшено, то ораторы отнюдь не имѣютъ права обсуждать такіе вопросы, какъ, напр., объ измѣненіи самаго из-

бирательнаго закона, о томъ или иномъ порядкѣ выборовъ, о существованіи Государственнаго Совѣта, о государственной оборонѣ, дѣятельности полицейскихъ учрежденій, въ томъ числѣ и охраны; отнюдь не могутъ нападать на руководителей вѣдомствъ за то или иное направленіе вѣдомственной дѣятельности: въ этомъ случаѣ предвыборныя собранія «предвосхитили бы компетенцію законодательныхъ учрежденій». Такъ было, такъ будетъ вплоть до «непристойныхъ и бранныхъ выпадовъ» демократіи «по адресу противниковъ». Характеръ выборной кампаніи въ Россіи былъ и будетъ одностороннимъ: субъектъ на правой сторонѣ, объектъ на лѣвой — такова уже установившаяся «русская» черта.

Но повѣримъ «Освѣдомительному бюро»: пусть министерство внутреннихъ дѣлъ не подняло флага избирательной кампаніи никакимъ циркуляромъ. Въ такомъ случаѣ флагъ еще до него поднятъ губернаторами. Извѣстный циркуляръ нижегородскаго губернатора Хвостова, кажется, уже не можетъ подлежать сомнѣнію, но что же въ немъ написано чернымъ по бѣлому? «Земскіе начальники,—приказывалъ г. Хвостовъ,—должны какъ можно скорѣе выяснить, кто въ ихъ участкахъ неблагонадежнаго лѣваго направленія. Для этой цѣли хороши всѣ средства, но особенно полезно сорганизовать побольше людей на подобіе сотрудниковъ или агентовъ. Ко дню выборовъ неблагонадежные священники будутъ подъ разными предлогами откомандированы въ сосѣдніе уѣзды, а неблагонадежные простые обыватели будутъ по возможности отвлечены и устранены мѣрами, наиболѣе подходящими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Списки неблагонадежныхъ должны быть земскими начальниками постоянно исправляемы и дополняемы путемъ секретныхъ частныхъ писемъ или на имя губернатора, или же на имя указаннаго чиновника». Г. Хвостовъ предложилъ оригинальную комбинацію при этомъ. Въ помѣщеніе, гдѣ происходятъ выборы крестьянъ, всегда можетъ войти волостной писарь. Такъ вотъ, если въ выборщики пройдетъ благонадежный, на входъ писаря вниманія обращать не слѣдуетъ. Если же «вопреки всѣмъ мѣрамъ» въ выборщики пройдетъ неблагонадежный, входъ писаря долженъ быть запротоколенъ, и на этомъ основаніи выборы признать подлежащими отмѣнѣ. Того же свойства циркуляръ губернатора кіевскаго, запрещающій изданіе и распубликованіе какихъ-либо предвыборныхъ плакатовъ, объявленій, листковъ и т. п. произведеній, разъясняющихъ дѣйствія законоположенія по выборамъ въ Государственную Думу, хотя законъ прямо, точно и ясно говоритъ: объявленія, листки, плакаты—это—способъ избранія, а способъ избранія опредѣляется самими избирателями независимо отъ того, благонадежны ли они сами по себѣ, или неблагонадежны.

Очевидно, циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ ломился бы въ открытую дверь. Если же къ этому прибавить сенатскія разъясненія, аналогичныя тѣмъ, которыя сразу лишаютъ избирательныхъ правъ десятки тысячъ демократическихъ избирателей, то по-

ложеніе оппозиціи въ комментаріяхъ не нуждается: ей не даютъ двинуться съ мѣста, даже заговорить человѣческимъ голосомъ.

Каковъ законъ 3 іюня, таковъ и режимъ. Однако, не многимъ выше трехклассная избирательная система прусскаго ландтага, до сихъ поръ обезпечивающая преобладаніе реакціоннымъ слоямъ; не менѣе остры были терніи, уготованныя прусскими администраторами своего времени, и, тѣмъ не менѣе, демократія пролѣзала въ ландтагъ, дѣлала его въ свое время чуть ли не гнѣздомъ оппозиціи. Точно такъ же и у насъ, даже въ переживаемый моментъ, было бы странно, если бы — вопреки всѣмъ циркулярамъ и всѣмъ разъясненіямъ, явнымъ и тайнымъ—демократическій избиратель не былъ живъ, живъ тѣмъ, чего огнемъ и мечемъ не уничтожить.

Оппозиціонный избиратель, несомнѣнно, выросъ за эти пять лѣтъ. Выросъ вдвойнѣ,—и матеріально, и духовно. Значительная часть лѣвыхъ, прежде не имѣвшихъ ни угла, ни общественнаго положенія, за это пятилѣтіе мало-помалу осѣла на мѣстахъ, пріобрѣла избирательные цензы. Адвокаты, врачи, инженеры, техники, съ одной стороны, служащіе въ различныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ, съ другой, — всѣ эти профессіи поглотили не мало бродячаго элемента; замѣтно расширеніе круга лѣвыхъ избирателей и въ другихъ слояхъ. Не менѣе существенъ духовный ростъ. Пусть чернѣе чернаго былъ пятилѣтній опытъ третьеіюньскаго режима, пусть много надеждъ развѣялъ онъ, много цѣннаго унесъ изъ того, что уже было добыто,—одно не подлежитъ сомнѣнію: вмѣстѣ съ надеждами, онъ разсѣялъ и послѣднія иллюзіи, оставав-шіяся еще въ душѣ россіянина. Первыя Думы, первыя избирательныя кампаніи были случайны, носили характеръ отдѣльныхъ эпизодовъ, и хотя значенія ихъ для общественнаго развитія Россіи преувеличивать при всемъ желаніи нельзя, но въ отношеніи ясности, опредѣленности это все-таки не тотъ особый политическій матеріалъ, какой развернула передъ русской демократіей въ обширномъ смыслѣ этого слова историческая отнынѣ Дума Пуришкевича и Родзянко. Многому научила она избирателя за эти пять лѣтъ.

Ростъ оппозиціоннаго избирателя констатировалъ даже октябристскій «Голосъ Москвы». «Въ германскомъ рейхстагѣ и въ русской Думѣ—писалъ онъ,—крайнюю лѣвую занимаютъ соціалъ-демократы. У данной партіи есть, несомнѣнно, реальный, жизненный базисъ». Онъ даже счелъ необходимымъ отмѣтить, что «соціалъ-демократическая партія имѣетъ глубокіе корни въ народныхъ низинахъ, что у нея есть ближайшія и конечныя цѣли». Какъ будто до сихъ поръ октябристы ничего подобнаго не «отмѣчали». Такъ говорятъ нынче хорошіе господа о соціалъ-демократахъ. То же относится къ демократіи либерально-народнической.

Нельзя не отдать дани уваженія оппозиціоннымъ элементамъ за то, прежде всего, что чѣмъ безцеремоннѣе темныя силы, загоняющія ихъ въ тупикъ, тѣмъ

радикальнѣе излечиваются они отъ той болѣзни, которая свила себѣ гнѣздо въ рядахъ демократіи еще съ дней первой Думы—отрицательнаго отношенія къ легальнымъ формамъ политической жизни.

Казалось бы, уже сама по себѣ третья Дума должна была создать для бойкота благодарную почву, не говоря уже о поистинѣ азіатскихъ условіяхъ, въ какихъ проходятъ четвертые выборы. Однако, даже въ средѣ соціалистовъ-революціонеровъ, издавна рекомендовавшихъ бойкотъ, какъ единственно доступную соціалистической партіи линію поведенія, эта безплодная тактика, повидимому, имѣетъ все меньше и меньше сторонниковъ. Въ № 6 «Нашей Зари» сообщаются любопытныя свѣдѣнія къ характеристикѣ этой эволюціи русскаго народничества.

Вопросъ объ отношеніи къ избирательной кампаніи былъ раньше всего поднятъ здѣсь на этотъ разъ сторонниками участія въ выборахъ; точка зрѣнія участія въ выборахъ была противопоставлена точкѣ зрѣнія бойкотистовъ радикально. Правда, наиболѣе вліятельнымъ оказался бойкотистскій кружокъ, придерживающійся того взгляда, что если бы народники въ Думѣ могли образовать группу, то въ лучшемъ случаѣ это была бы группа безпартійныхъ, представленная крайне слабо, которая не могла бы защищать «интересы трудового народа съ надлежащимъ талантомъ, достоинствомъ и авторитетомъ». Однако, хотя въ рукахъ этого кружка—и средства, и имена, и органы печати, сознаніе, что бойкотъ есть простой призывъ къ бездѣйствію, все болѣе прокладываетъ себѣ дорогу среди соціалистовъ-революціонеровъ.

Этому содѣйствуетъ уже сама по себѣ аргументація бойкотистовъ. Нѣкогда хоть знамя бойкотизма означало торжество опредѣленнаго принципа. Теперь же онъ сводится, попросту говоря, къ боязни потерять реноме революціонности. Бойкотисты опасаются, какъ бы отказъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ отъ бойкота не былъ понятъ, какъ пониженіе настроенія партіи, ея лозунговъ, предпочитая, такимъ образомъ, пустую иллюстрацію своей непримиримости прямымъ политическимъ результатамъ. Удивительно ли, если на конференціи заграничныхъ организацій однихъ воздержавшихся голосовъ изъ 27 было 15! И хотя бойкотисты получили перевѣсъ въ 4 голоса, но уже вслѣдъ за тѣмъ свѣдѣнія, приходившія изъ Россіи, оказывались все болѣе и болѣе неблагопріятными для бойкота; признать рѣшеніе сколько-нибудь прочнымъ нельзя было.

И вотъ вскорѣ предпринимается анкета по вопросу объ отношеніи соціалистовъ-революціонеровъ къ избирательной кампаніи. Полученный матеріалъ долженъ служить базисомъ для принятія окончательнаго рѣшенія. Правда, черезъ нѣкоторое время уже оказывается, что результаты анкеты отнюдь не обязательны для членовъ партіи, что цѣль ея—лишь моральная поддержка: бойкотисты, пользуясь своимъ вліяніемъ, рѣшили во что бы то ни стало поставить на своемъ. Но все таки анкета, такъ или иначе, доказала то, что она должна была доказать. Доказала, что

бойкотъ далеко не процвѣтаетъ среди соціалистовъ-революціонеровъ.

Полтавскіе народники называютъ бойкотъ призывомъ къ бездѣйствію, сибирскіе—преступленіемъ гражданина: положительное дѣйствіе при данныхъ условіяхъ продуктивнѣе отрицательнаго. «Настоящій моментъ отличается рѣзкой, точной классовой дифференціаціей—пишутъ изъ «южнаго города,»—а это есть моментъ положительнаго творчества въ рамкахъ общественно-правовой борьбы». Какъ разъ къ этому времени образуется и литературная группа соціалистовъ-революціонеровъ, объявляющая рѣшительную борьбу представителямъ бойкотистской тактики.

Указывая, что бойкотизмъ игнорируетъ Думу, какъ факторъ общественной жизни, она подчеркиваетъ, что даже безсиліе Думы при наличныхъ условіяхъ пріобрѣтаетъ смыслъ, ибо усиливаетъ значеніе Думы, какъ орудія борьбы съ лжеконституціоннымъ строемъ. Вѣдь, сдѣлала же третья Дума, этотъ придатокъ къ совѣту министровъ, въ цѣляхъ политическаго воспитанія массъ больше, чѣмъ всѣ остальные органы политической жизни. Анти-бойкотисты полагаютъ, что Дума имѣла бы для нихъ значеніе даже въ томъ случаѣ, если бы въ нее не попалъ ни одинъ соціалистъ-революціонеръ. Важна избирательная кампанія сама по себѣ, какъ незамѣнимый случай слиться съ нарождающимся массовымъ потокомъ. Не полученіе мандатовъ—дѣйствительная цѣль. Дѣйствительная цѣль прежде всего въ самомъ процессѣ. «Если въ дни, когда пробудилось къ жизни массовое движеніе,—читаемъ мы, — существенно цѣнны всѣ случаи и поводы къ возможности проявленія массовой политической энергіи, то насколько же высоко должно быть оцѣнено значеніе избирательной кампаніи—этого универсальнаго повода политическаго возбужденія массъ, кампаніи, которая неминуемо должна разростись во всероссійское оказательство демократіи всѣхъ оттѣнковъ?»

Вѣдь, что ни говорите, а эти возможности расширены; отнять ихъ уже нѣтъ возможности. Площадь открытой политической борьбы все-таки шире теперь, чѣмъ была прежде. Вотъ почему,—заключаютъ сторонники участія въ выборахъ,—поистинѣ должно быть велико презрѣніе къ массовому методу дѣятельности для того, чтобы въ настоящій моментъ провозгласить лозунгъ бойкота, неучастіе въ выборахъ.

Во многихъ частностяхъ эта борьба двухъ теченій въ народнической средѣ совпадаетъ съ былыми спорами на ту же тему лѣваго и праваго крыла марксизма. «Завоеваніе думской трибуны», «политическое воспитаніе массъ», «организація народныхъ силъ»—тѣ же понятія, тѣ же и слова. Но, такъ или иначе, это вырожденіе тактики бойкота даже въ народнической средѣ знаменательно. Оно съ ясностью говоритъ о томъ, что даже народническая романтика сдѣлала шагъ впередъ за это чреватое процессами самоопредѣленія пятилѣтіе.

Правда, въ одномъ отношеніи бойкотисты какъ будто мѣтятъ не въ бровь, а въ глазъ. Въ большинствѣ случаевъ,—говорятъ они,—участіе въ выборахъ для насъ фактически неосуществимо. Въ са-

момъ дѣлѣ, къ кому сейчасъ обращаться соціалистамъ-революціонерамъ со своими призывами? Они считаютъ себя партіей «трудового крестьянства», но «трудовое крестьянство» въ настоящее время признаковъ жизни не подаетъ, а, поскольку подаетъ, то едва ли въ направленіи сочувствія народникамъ. Вотъ, напр., Пермская губ., или Вятская, или Уфимская—губерніи крестьянскія. Напримѣръ, въ Вятской губ. на 115 дворовъ землевладѣльцевъ приходится 260 землевладѣльцевъ изъ купцовъ и 2606 изъ крестьянъ, т. е. на одного дворянина приходится 2 купца и 20 крестьянъ.

Крестьяне составляютъ большинство въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Этимъ и объясняются шансы на успѣхъ въ этихъ губерніяхъ оппозиціи— и не только умѣренно-прогрессивной, но и крайней лѣвой. Кого же, однако, выбирали эти крестьяне? Главнымъ образомъ, либераловъ и лишь отчасти трудовиковъ и соціалъ-демократовъ. Отъ Уфимской губ. всѣ депутаты были либералы, отъ Пермской почти всѣ.

Конечно, могли пройти въ третью Думу лишь народнико-образные: вѣдь, соціалисты-революціонеры бойкотировали третьи выборы рѣшительнымъ образомъ. И въ данный моментъ безспорно— какъ ни знаменателенъ поворотъ отъ бойкота къ участію въ выборахъ—все-таки *фактически* это участіе сколько-нибудь крупныхъ результатовъ соціалистамъ-революціонерамъ дать не можетъ.

Въ другомъ положеніи, разумѣется, русская соціалъ-демократія, которая, кстати сказать, отъ дѣтской болѣзни бойкотизма избавилась окончательно. При выборахъ въ третью Государственную Думу бойкотъ не прошелъ даже въ наиболѣе бланкистски-настроенныхъ кружкахъ, но все же отдѣльные голоса за неучастіе раздавались среди марксистовъ,—и довольно громко; и понадобилось не мало энергіи, чтобы не дать имъ разростись въ цѣлое теченіе. Теперь же даже бывшіе бойкотисты изъ марксистовъ разсуждаютъ такъ. Бойкотъ булыгинской или первой Государственной Думы, молъ, былъ необходимъ уже потому, что была революція; теперь же революціи нѣтъ. А разъ выяснилось, что Россія «вступила въ болѣе или менѣе длительную эпоху отсутствія непосредственныхъ проявленій высшихъ формъ общественной активности» (какъ выражается журналъ «Просвѣщеніе»), то участіе въ выборахъ и Думѣ неизбѣжно. Конечно, аргументъ не отличается ясностью, но фактъ тотъ, что двухъ мнѣній въ этой области уже отмѣчать не приходится.

Безспорно, рабочая среда нашихъ дней совсѣмъ не то, что рабочая среда дней свободы. Было бы грѣхомъ противъ истины сказать, что каждый русскій рабочій сейчасъ—большевикъ или меньшевикъ. Наоборотъ, не подлежитъ сомнѣнію, что съ экономическимъ подъемомъ, съ одной стороны, съ отливомъ интеллигенціи изъ центровъ рабочаго движенія—съ другой, въ рабочей средѣ получило особое развитіе тредъюніонистское настроеніе. Однако, идеологія мало измѣнилась.

Такъ, ни для кого не тайна, что рабочая печать въ наше время обслужи-

вается почти исключительно рабочими силами. Интеллигентъ въ рабочихъ учрежденіяхъ,—вообще птица рѣдкая сейчасъ. И вотъ, о чемъ же говоритъ рабочая печать? «Теперь именно такой моментъ—заявляетъ «Голосъ булочника и кондитера,»—когда въ вопросахъ рабочей политики особенно вредны шатанія и либерализмъ. Представители рабочихъ всей Россіи должны быть не либеральными рабочими политиками, а чистыми рабочими демократами. На организованныхъ рабочихъ, какъ на самомъ сознательномъ слоѣ рабочаго класса, лежитъ обязанность не только профессіональная, но и гражданская. Они должны осудить либеральную рабочую политику во всѣхъ ея видахъ. Они должны позаботиться о томъ, чтобы товарищи, имѣющіе избирательныя права по квартирному цензу, использовали эти права». «Бюллетень Конторщика» призываетъ конторщиковъ использовать избирательныя права, предоставленныя имъ закономъ, именно такъ, чтобы въ четвертую Думу попали люди, стоящіе «на стражѣ интересовъ рабочаго класса, интересовъ всѣхъ трудящихся».

Конечно, чистый рабочій демократъ—это соціалъ-демократъ. Что это такъ, а не иначе, свидѣтельствуетъ хотя бы «Рѣчь», согласно которой, напр., среди петербургскихъ рабочихъ въ настоящее время идетъ агитація «за избраніе въ депутаты отъ петербургскихъ рабочихъ соціалъ-демократа-меньшевика».

Конечно, эти «корни глубокіе въ народныхъ низинахъ,» какъ выразился «Голосъ Москвы,» еще не говорятъ за то, что соціалъ-демократія изжила свое внутреннее противорѣчіе — традиціонное раздѣленіе на фракціи. Расколотая на два лагеря, партія не могла выработать единой тактики прежде, не можетъ и теперь.

«Лѣвое» крыло, стоитъ на томъ-же, на чемъ его застала третья Дума. Едва ли я ошибусь, если скажу, что это пятилѣтіе ничего не измѣнило въ его физіономіи. Тѣ же крики о предателяхъ-либералахъ, тѣ же вопли объ измѣнахъ на словахъ, та же «польза лѣваго блока»—на дѣлѣ. Что это за блокъ,—напоминаетъ К. Тулинъ въ № 2 «Просвѣщенія». «Заставлять» наиболѣе многочисленную въ странѣ демократическую массу (крестьянство и родственные слои неземледѣльческой мелкой буржуазіи) «дѣлать выборъ между кадетами и марксистами»; вести линію «совмѣстныхъ дѣйствій» рабочихъ и крестьянской демократіи и противъ стараго режима, и противъ контръ-революціонной либеральной буржуазіи—вотъ въ чемъ основа и суть «лѣвоблокистской тактики». Старый изжитый лозунгъ,—диктатура пролетаріата и крестьянства; лозунгъ, до сихъ поръ переносившій центръ тяжести съ конкретныхъ вопросовъ политической практики на ненавистныхъ кадетовъ, теперь же чуть ли не на товарищей по партіи. Такъ, напр., въ № 23 «Н. З.» мы читаемъ: «Писатели-ликвидаторы изъ «Невскаго Голоса» чрезвычайно ласково, учтиво, мягко и вкрадчиво убѣждаютъ рабочихъ не разбирать, гдѣ ликвидаторъ, гдѣ марксистъ. Ну, что за счеты? Всѣ мы, дескать, марксисты. Мягко стелятъ... Однако, мы никогда не перестанемъ

звать кошку — кошкой и ликвидаторство—ликвидаторствомъ. Въ какія перья ни рядитесь, все въ депутаты отъ рабочихъ не годитесь». Рабочіе Петербурга—видите ли—проведутъ въ Думу по рабочей куріи не ликвидатора, а марксиста. Но разъ такъ, то не исключить ли въ этомъ году изъ лѣваго блока заодно съ кадетами и «ликвидаторовъ», которыхъ эти кадеты такъ систематически стараются использовать для своей борьбы «противъ марксистовъ!»

Это—«лѣвое» крыло. Совсѣмъ иное настроеніе среди т. н. меньшинства или ликвидаторовъ, по теперешней терминологіи. Здѣсь вопросы ставятся конкретно, примѣнительно къ текущему моменту, и лозунги не претендуютъ ни на быстроту и натискъ, ни даже на рѣшительность. Зато едва ли какая другая группа оппозиціи пережила столь глубокую внутреннюю эволюцію, какъ эта. Меньшевики коренным образомъ разошлись съ большевиками уже въ оцѣнкѣ соотношенія силъ. По ихъ мнѣнію, центръ вопроса сейчасъ не въ борьбѣ лѣваго блока съ буржуазнымъ обществомъ, а этого буржуазнаго общества съ феодально-бюрократическими элементами. Буржуазное общество состоитъ изъ разныхъ группъ, и для рабочаго класса въ высшей степени важно этихъ различій не упускать изъ виду въ избирательной борьбѣ. Конечно, то одна, то другая группа буржуазіи можетъ итти навстрѣчу реакціи въ силу тѣхъ или иныхъ особенностей своего положенія, но дѣло рабочей партіи отнюдь не въ томъ, чтобы смѣшать въ одну кучу разные слои буржуазнаго общества, препятствуя всѣми силами одному, оказывая поддержку другому. Вѣдь, поддержка еще не есть блокъ; самостоятельность ничуть не затрагивается.

Характерно, что Г. В. Плехановъ, ушедшій отъ меньшинства и одно время связавшій свое имя съ группой Н. Ленина, тотчасъ же отмежевался отъ нея въ этомъ вопросѣ, какъ только избирательная кампанія поставила его на очередь дня.

Какъ только газета «Звѣзда» въ качествѣ руководящей тактической линіи на выборахъ намѣтила задачу образованія радикальной демократической группы, хотя бы и слабой численно,—задачу, передъ которой борьба съ черной опасностью отходитъ на задній планъ,—Г. В. Плехановъ заявилъ письмомъ въ редакцію, что отнюдь не можетъ считать убѣдительными тѣ ариѳметическіе софизмы, съ помощью которыхъ доказывается, что часть равна своему цѣлому. «Откровенно скажу, что недавно напечатанная у васъ статья Ѳ. Л—хо,—писалъ онъ—заставляетъ меня опасаться этого. Конечно, легко мыслить такія обстоятельства, при которыхъ намъ не только можно, но должно держаться правила: лучше 5 сильныхъ демократовъ, чѣмъ 50 лишнихъ либераловъ. Но не менѣе легко мыслимо и такое примѣненіе этого правила на практикѣ, въ результатѣ котораго вмѣсто 5 хорошихъ демократовъ окажется 5 превосходнѣйшихъ черносотенцевъ. Подобнаго примѣненія, безусловно, слѣдуетъ избѣгать. А на это необходимо обратить вниманіе читателей «Звѣзды».

Соціалъ-демократы-меньшевики, ведя избирательную кампанію, ставятъ себѣ прежде всего конкретныя задачи. Основную задачу четвертой Думы они видятъ въ борьбѣ съ закономъ 3 іюня, въ осуществленіи всеобщаго избирательнаго права со всѣми необходимыми гарантіями свободы союзовъ, печати и собраній. Затѣмъ, конечно, слѣдуетъ отмѣна сословныхъ и національныхъ ограниченій, отмѣна исключительныхъ положеній, амнистія по безконечнымъ политическимъ процессамъ, сплошь и рядомъ теряющимся еще въ бурныхъ дняхъ 1905—06 гг., опредѣленное рабочее законодательство, то или иное разрѣшеніе аграрнаго вопроса вообще, крестьянскаго въ частности. Все это въ границахъ, пріемлемыхъ для всякой демократической партіи въ истинномъ смыслѣ этого слова, какъ показываетъ конференція трудовиковъ.

Конечно, нашъ обзоръ былъ бы неполонъ, если бы мы не остановились и на нихъ: трудовыя группы, во всякомъ случаѣ, могутъ играть въ избирательной кампаніи роль большую, чѣмъ соціалисты-революціонеры. Вмѣстѣ съ послѣдними и соціалъ-демократами эта группа составляла и составляетъ до сихъ поръ ту часть оппозиціи, которая строила свое существованіе единственно на связи съ народными массами. Въ этомъ ея отличіе отъ оппозиціи либерально-кадетской, которая, наоборотъ, народныя массы съ избирательнаго поля устраняетъ, стремится найти опору въ имущей городской буржуазіи. Изъ этого-то различія и вытекаетъ другое. Принципіальна оппозиція до тѣхъ поръ, пока она базируетъ на массахъ,—это мы видѣли вездѣ, видимъ и у насъ. Принципіальные лозунги избирательной борьбы у партіи к.-д. и выродились въ избирательную технику. И если мы еще видимъ попытку поставить большіе политическіе вопросы, то лишь у трудовиковъ, признающихъ тождество интересовъ крестьянства, рабочаго класса и трудовой интеллигенціи.

Конечно, для трудовой группы даже вопроса о бойкотѣ не было; она бойкотистовъ въ своей средѣ не имѣла даже въ дни первой Думы. И если этотъ вопросъ ею былъ съ самаго начала поставленъ, то лишь какъ вопросъ о борьбѣ противъ вновь возрождающейся идеи бойкота и еще болѣе опаснаго индиферентизма. Трудовая группа чуть ли не первая развернула передъ своими избирателями платформу, существенные пункты которой сводятся къ слѣдующему.

Выдвигая на первый планъ экономическіе интересы «трудового народа» и, въ особенности, крестьянства, трудовая группа зоветъ своего избирателя добиваться отмѣны акта 3 іюня, установленія отвѣтственности правительства, развитія широкаго мѣстнаго самоуправленія, введенія всеобщаго, безъ различія пола, прямого и равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, какъ для выборовъ въ Государственную Думу, такъ и для мѣстнаго самоуправленія, уничтоженія всѣхъ сословныхъ, національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій и стѣсненій и уравненія въ правахъ всѣхъ частей населенія; отмѣны всѣхъ исключитель-

ныхъ положеній, установленія гражданскихъ свободъ и полной свободы для учрежденія и дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, всякаго рода кооперативовъ и культурно-просвѣтительныхъ организацій.

Основныя положенія аграрной программы трудовой группы, установленной въ первой и второй Государственныхъ Думахъ, остаются неизмѣнными. Но до проведенія своихъ требованій въ полномъ объемѣ она объявляетъ борьбу землеустроительной политикѣ правительства, направленной къ насильственному разрушенію крестьянской общины и обезземеленію большинства въ пользу ничтожнаго меньшинства. Съ этой цѣлью группа приглашаетъ добиваться:

1) Отмѣны проведенныхъ въ третьей Думѣ земельныхъ законовъ, нарушающихъ какъ права сельскихъ обществъ, такъ и права отдѣльныхъ домохозяевъ и младшихъ членовъ семьи; 2) изданія закона о надѣленіи землей малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ и лицъ другихъ сословій, живущихъ земледѣльческимъ трудомъ; 3) широкаго содѣйствія улучшенію крестьянскаго хозяйства путемъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и агрономической помощи и кредита на коренныя улучшенія хозяйства; 4) коренного преобразованія дѣятельности крестьянскаго банка; 5) законовъ, обезпечивающихъ свободу учрежденія и дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ и кооперативныхъ организацій; 6) проведенія законовъ объ арендѣ частновладѣльческихъ земель въ цѣляхъ обезпеченія правъ арендаторовъ и интересовъ сельскохозяйственной культуры и 7) пересмотра положенія о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и изданія законовъ объ ихъ страховании.

Все это достаточно демократично для того, чтобы широкіе слои хлынули въ трудовую группу. Однако, не отрицая данныхъ шансовъ на успѣхъ, все-же крупную будущность ей предсказать можно лишь при извѣстномъ приспособленіи. Когда трудовики шли въ первую Думу, они опирались на крестьянство; расцвѣтъ ихъ въ самой Думѣ былъ возможенъ лишь потому, что крестьянство ихъ поддерживало. Не то теперь. Крестьянскія губерніи—напр., Вятская, Пермская—и въ третью Думу послали трудовиковъ, но это уже были не тѣ трудовики и не то крестьянство. Кончилась революція, прошелъ законъ 9 ноября,—и вмѣсто популярной группы, лидеры которой гремѣли на всю Россію, передъ нами отдѣльные депутаты, въ сущности, мало между собой связанные, влачащіе жалкое существованіе.

Трудовая группа должна, такъ или иначе, измѣнить свою физіономію, чтобы вновь ожить; найти новую точку опоры, чтобы съ ней не случилось того, что случилось.

Трудовая группа—если она хочетъ укрѣпить свое положеніе—должна понять, что время «однороднаго» крестьянства прошло. Есть крестьянинъ-собственникъ, есть мелкій буржуа городской. Вотъ этого крестьянина-собственника, этого мелкаго буржуа, граничащаго со средними слоями, и должны

завоевать трудовики на выборахъ. Они здѣсь, конечно, непосредственно сталкиваются съ кадетами, и съ этой точки зрѣнія органъ печати, служащій выраженіемъ взглядовъ трудовой группы, разсуждаетъ вполнѣ резонно: «Прочную опору для конституціи (если говорить не о конституціи 3 іюня),—читаемъ мы,—могутъ дать въ Думѣ не прогрессисты, даже не кадеты, а только другая, болѣе лѣвая часть оппозиціи,—въ лицѣ представителей крестьянъ и рабочихъ... За время существованія третьей Думы было не мало событій, когда вполнѣ ясно раскрывалась также и разница въ тактикѣ двухъ частей оппозиціи. Только слѣпые не видятъ пропасти, раздѣляющей психологію этихъ двухъ частей оппозиціи... Въ настроеніи растущихъ демократическихъ низовъ, а не въ настроеніи интеллигенціи высшихъ классовъ, изнывающей отъ собственной дряблости, находитъ свое оправданіе тактика лѣвыхъ». («Столичные Отклики». № 1). Все это—вѣрно; но если подъ лѣвой частью трудовики разумѣютъ и себя, то они прежде того должны найти опору, выбитую изъ-подъ ихъ ногъ.

Таковы избирательныя физіономіи соц.-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ, трудовиковъ. Конечно, и тѣ, и другіе, и третьи витаютъ, главнымъ образомъ, въ области разсужденій. Трудовики даже признались, что 129 ст. уголовнаго уложенія заставила ихъ самые существенные пункты своей платформы скрыть. Что ужъ говорить не о резолюціяхъ, а о дѣйствіяхъ! Высылки, аресты, циркуляры, разъясненія дѣлаютъ свое дѣло—и, я думаю, пройдетъ не мало времени прежде, чѣмъ можно будетъ подвести итоги дѣламъ, а не мнѣніямъ. Однако, нельзя одно не констатировать въ заключеніе: для лѣвой оппозиціи избирательная борьба была и остается борбой не за мандаты, а за принципы. Въ то время, какъ принципіальные вопросы совершенно исчезли съ политическаго горизонта кадетовъ, и они только и заняты, что чисто техническими начинаніями, связанными съ избирательной кампаніей, несомнѣнное преимущество соціалъ-демократовъ, трудовиковъ, соціалистовъ-революціонеровъ—ихъ идейность, выдвиганіе первостепенныхъ вопросовъ русской жизни.

Л. Клейнбортъ.

БУНТЪ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ.

(*Письмо изъ Германіи*).

Германія вновь охвачена бунтомъ потребителей. На этотъ разъ потребителей мяса. Читатель помнитъ, конечно, что въ послѣдніе годы эти волненія потребителей непрерывно вспыхиваютъ въ Германіи. Они привели уже два года тому назадъ къ уличнымъ безпорядкамъ, подавленнымъ лишь вмѣшательствомъ войскъ и потребовавшимъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ.

На этотъ разъ движеніе носитъ болѣе смирный, въ полицейскомъ смыслѣ, но не менѣе поучительный въ политическомъ, характеръ.

Движеніе разбилось на множество собраній и выступленій. Оно не вспыхнуло яркимъ пламенемъ уличныхъ безпорядковъ, но разсыпалось тысячами искръ собраній съ очень бурными и рѣшительными резолюціями.

Сущность движенія и его проявленіе уже извѣстны русскому читателю изъ газетъ: поднялись цѣны на мясо, а берлинское населеніе не обнаружило ни малѣйшей склонности платить аптекарскія цѣны за мясо и принялось бунтовать. Бунтъ выразился въ томъ, что сразу на очередь не только обывательскаго, но и политическаго дня сталъ мясной вопросъ. О немъ непрестанно говорятъ и пишутъ. И власть Германіи волею-неволею вынуждена прислушиваться къ этимъ мало лестнымъ для нея разговорамъ.

И не только прислушиваться, но и принимать энергичныя мѣры.

Къ этому понуждаетъ элементарный политическій разсчетъ. Печальный для правительства исходъ послѣднихъ выборовъ въ парламентъ, давшій такое огромное и сразу выросшее число голосовъ соціалъ-демократамъ, заставилъ призадуматься. По мнѣнію безпристрастныхъ свидѣтелей, политическое недовольство въ странѣ питается отчасти ростомъ цѣнъ на всѣ продукты. Чѣмъ больше дорожаетъ жизнь, тѣмъ выше растетъ недовольство.

И эти высокія цѣны, что всего характернѣе, больно задѣвая, политически будоражатъ и дѣлаютъ недовольными самые отсталые и смирные политическіе элементы.

Тутъ прежде всего надо упомянуть о нѣмецкихъ женщинахъ. Если жена рабочаго, служащаго, мелкаго чиновника сплошь и рядомъ безропотно и мирно несла бремя невеселой жизни, если она всячески останавливала и успокаивала своего мужа отъ „крайностей“ и отъ

вмѣшательства въ политику, то теперь, съ вздорожаніемъ жизни, она совершенно утратила свое хладнокровіе. Ея хозяйское сердце не примирилось съ тѣмъ, съ чѣмъ мирилось ея пролетарское сердце.

Нѣмецкая женщина еще въ значительной степени слѣдуетъ идеалу, нарисованному для нея императоромъ Вильгельмомъ,—кухня и дѣти.

Но жизнь такъ складывается, что именно интересы кухни гонятъ даже самую отсталую женщину на политическую арену. Это одно изъ самыхъ любопытныхъ и многознаменательныхъ явленій текущей нѣмецкой жизни. Да и не одной нѣмецкой.

Жизнь такъ страшно вздорожала, что свести безъ дефицита кухонный бюджетъ нѣтъ никакой возможности. Приходится вмѣсто здоровыхъ и свѣжихъ продуктовъ пускать въ ходъ всяческія дешевыя и дрянныя фальсификаціи, вмѣсто говядины употреблять конину и т. д. Проницательные статистики отмѣчаютъ даже уменьшеніе числа собакъ въ городахъ Германіи и объясняютъ это употребленіемъ ихъ въ пищу.

Такимъ образомъ, та самая кухня, которая приписывалась консерваторами нѣмецкой женщинѣ, какъ единственная арена дѣятельности, закрывающая ей доступъ къ политикѣ, гонитъ нѣмецкую женщину въ область шумной политики.

Между кухней и политикой протянулись связующія нити—и нарушенный кухонный бюджетъ заставляетъ самую мирную категорію нѣмецкихъ женщинъ политически волноваться и протестовать.

На политическую арену Германіи вышли хозяйки, женщины различныхъ общественныхъ слоевъ, добивающіяся дешевой жизни.

Въ политическихъ волненіяхъ послѣднихъ лѣтъ эта пестрая масса хозяекъ играетъ очень видную или, вѣрнѣе, очень слышную роль. Въ толпѣ манифестантовъ, горячею лавою налившей улицы Берлина два года тому назадъ, женщины играли выдающуюся роль. И въ теперешнемъ мясномъ бунтѣ „хозяйки“ выступаютъ чрезвычайно энергично и рѣшительно.

Для множества женщинъ Германіи дорогія цѣны на всѣ припасы и продукты оказались болѣе сильнымъ факторомъ, чѣмъ всѣ многолѣтнія проповѣди. Книга Бебеля о женщинѣ, ставшая евангеліемъ однѣхъ нѣмецкихъ женщинъ, не заставила, однако, множества другихъ отвлечь свое вниманіе отъ кухни, чтобы отдать его политикѣ.

Но это сдѣлали дорогія цѣны на картофель, на хлѣбъ, на мясо, на одежду и квартиру.

Появленіе на политической аренѣ хозяекъ въ роли протестующаго элемента, борющагося политическимъ орудіемъ за свои домашніе интересы, несомнѣнно, сильно повыситъ и духъ, и силу оппозиціонной арміи Германіи.

Даже самые отсталые элементы понимаютъ связь дорогихъ цѣнъ въ Германіи съ политическимъ курсомъ—и они нисколько не настроены спокойно мириться съ ниспосланными имъ аграріями высокими цѣнами.

Пользуясь своею политическою властью, аграріи окружили всю Германію вы-

сокою стѣною протекціонизма, обложивъ пошлиною всѣ ввозимые въ страну иностранные продукты.

И въ тѣхъ пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ Германія соприкасается съ сосѣдней Швейцаріей, наблюдаются курьезные факты:—жители нѣмецкихъ городовъ ежедневно отправляются пѣшкомъ въ чужое государство, т. е. Швейцарію, за провизіей. Въ большомъ количествѣ эта провизія обложена при ввозѣ высокою пошлиною. Но въ незначительномъ количествѣ, для себя, она пропускается безъ пошлины. И вотъ жители нѣмецкихъ городовъ ежедневно отправляются „на базаръ" въ сосѣднее государство.

Врядъ-ли это содѣйствуетъ поднятію патріотической гордости. Во всякомъ же случаѣ, оно наглядно иллюстрируетъ зависимость цѣнъ отъ политики, оно показываетъ, что въ Швейцаріи, гдѣ власть аграріевъ сломлена и гдѣ демократія сдѣлала крупныя завоеванія, цѣны стоятъ ниже, чѣмъ въ Германіи, экономическій курсъ которой направляется рулемъ аграрныхъ интересовъ.

Отъ кухни къ политикѣ.

Таковъ огромный путь развитія, который на нашихъ глазахъ продѣлываютъ самыя отсталыя женщины Германіи, еще недавно приводившіяся, какъ примѣръ образцовой матери и жены, не знающей, что такое политика, и открещивающейся отъ нея, какъ отъ лукаваго.

Но нынѣшній мясной бунтъ поучителенъ и съ болѣе широкой, общечеловѣческой, а не только женской, точки зрѣнія.

Онъ одинъ изъ симптомовъ того большого и все растущаго, глубокаго и все углубляющагося движенія и броженія, которое охватило всѣ страны Запада. Это—движеніе потребителей. Дороговизна жизни, клещами сжавшая все трудовое населеніе Запада, создала новыя соціальныя группировки и взаимоотношенія.

Оно, конечно, не остановило и не затормозило движенія производителей—рабочихъ. Но оно влилось въ послѣднее своею обособленною, не смѣшивающеюся струею, которая мѣстами успѣла проложить свое особое русло и привлечь свои особые, питающіе его, родники.

Дорогая жизнь грозитъ, прежде всего, безъ остатка съѣсть всѣ вѣковыя завоеванія въ области заработной платы.

Что толку отъ подъема заработной платы, если за нимъ по пятамъ идутъ мародеры великой арміи труда, идутъ скупщики и продавцы и повышаютъ цѣны на всѣ товары и продукты?

Что толку въ томъ, что поднимется заработная плата на 10%, когда параллельно съ этимъ поднимутся на 20% цѣны на мясо, на хлѣбъ, на одежду и на жилище?

При этихъ условіяхъ борьба за подъемъ заработной платы становится въ значительной степени обезпложенной повышеніемъ всѣхъ цѣнъ.

Желѣзное кольцо растущихъ цѣнъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ трудящееся населеніе и грозитъ заработной платѣ: «останови меня, или я тебя сожру».

И эта-то дилемма заставляетъ метаться все трудящееся населеніе Германіи и безпрерывно устраивать бунтъ то противъ вздорожанія мяса, то противъ вздорожанія хлѣба. Потребитель разбуженъ жестокими толчками доро-

говизны жизни. Онъ суетится, волнуется и, что гораздо важнѣе, онъ организуется.

Сильно раздвигаются рамки всяческихъ союзовъ. Растутъ, прежде всего, всевозможныя кооперативныя общества, которыя въ своихъ предѣлахъ—къ сожалѣнію, не очень-то широкихъ—дѣлаютъ все, что могутъ, для борьбы съ дороговизной жизни. Но потребители не довольствуются однимъ вступленіемъ въ члены кооперативныхъ обществъ. Они на-ряду съ этимъ вырабатываютъ все новыя и новыя орудія экономической самообороны.

Появились стачки потребителей—явленіе новое въ новой исторіи Запада. До сихъ поръ Западъ зналъ стачки производителей, т. е. рабочихъ. Теперь сразу участились и обратили на себя вниманіе стачки потребителей. Исторія уже успѣла зарегистровать крупныя стачки потребителей.

И—въ частности, въ области волнующаго сейчасъ всю Германію вопроса о мясномъ кризисѣ—въ Америкѣ уже происходила очень крупная и поучительная стачка потребителей мяса.

Когда на мясо поднялись цѣны, былъ объявленъ своеобразный потребительскій бойкотъ мяса. Было постановлено не употреблять въ пищу мяса до тѣхъ поръ, пока цѣны на него не понизятся до прежняго уровня. Была организована самая широкая и энергичная пропаганда. Печатались воззванія къ потребителямъ мяса съ предложеніемъ на все время военныхъ дѣйствій противъ мясного треста, вздувшаго цѣны на мясо, совершенно отказаться отъ употребленія его, замѣнивъ овощами, консервами, молочными продуктами и т. д.

Около всѣхъ мясныхъ лавокъ разставлены были проповѣдники воздержанія отъ употребленія мяса. Соотвѣтствующія постановленія сдѣланы были обществами и союзами. Даже многія богатыя американскія семьи присоединились къ этому движенію и изъ сочувствія отказались отъ употребленія мяса.

А между тѣмъ, заведенный механизмъ хозяйственнаго оборота продолжалъ со всѣхъ концовъ подвозить горы всевозможнаго мяса и остановить этотъ подвозъ было не такъ легко и просто. Пока остановили его, въ городахъ скопились цѣлыя мясныя горы. Въ лавкахъ мясо портилось и гнило—и пришлось его выбрасывать.

Мясной трестъ пошелъ въ концѣ концовъ на уступки и вынужденъ былъ понизить цѣны.

Любопытная стачка потребителей газа произошла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ.

Газъ въ Парижѣ—предметъ общаго пользованія. Имъ пользуются и для освѣщенія, и для варки пищи въ самыхъ дешевыхъ квартирахъ. Газовое общество, повысивъ цѣны на газъ, тѣмъ самымъ больно ударило по карману обывателя. Обыватель не отнесся къ этому пассивно. Онъ объявилъ стачку—отказался отъ пользованія газомъ, замѣнивъ его керосиномъ, дровами, углемъ.

Стачка протекала очень дружно, потребленіе газа сильно упало—и газовая компанія пошла на уступки, вновь понизивъ до прежняго уровня цѣны на газъ.

Исторія самыхъ послѣднихъ лѣтъ знаетъ уже много подобныхъ потребительскихъ стачекъ и въ Европѣ, и въ Сѣв. Америкѣ.

Эти потребительскія стачки поучительны, какъ одно изъ проявленій того широкаго и бурнаго движенія въ мірѣ потребителей, которое совершается на Западѣ и проявляется въ мясномъ бунтѣ въ Берлинѣ.

Потребитель заявляетъ требованіе на дешевую жизнь. Онъ не хочетъ оставаться пассивною жертвою того обложного процесса вздорожанія жизни, который заставляетъ обывателя быть живымъ въ мысляхъ объ единомъ хлѣбѣ...

Дорогая жизнь—фактъ глубоко антикультурный. Удовлетвореніе физическихъ потребностей поѣдаетъ безъ остатка весь заработокъ, не оставляя ничего или жалкіе гроши на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ.

Повышеніе цѣнъ на мясо, на хлѣбъ, на квартиру влечетъ за собою сокращеніе расходовъ на книги, на лекціи, на театры.

Дороговизна жизни захватываетъ своими зубьями самые пестрые слои и втягиваетъ ихъ въ политическую жизнь.

Мы это видимъ на примѣрѣ нынѣшняго мясного бунта. Поднявъ знамя мясного бунта исключительно съ обывательскою цѣлью удешевленія мяса, множество лицъ кончили тѣмъ, что сошлись на политической платформѣ и и вскрыли и политическіе, и соціальные корни этого явленія. Политическіе его корни властно зовутъ нѣмцевъ на борьбу съ аграріями, а съ ними и всею политическою реакціей, какъ причиною обостренія мясного кризиса, а соціальные корни зовутъ на борьбу со всѣмъ капиталистическимъ строемъ, развитіе котораго неизбѣжно влечетъ за собою вздорожаніе жизни.

Побѣда надъ политическою реакціей можетъ смягчить и затормозить процессъ вздорожанія жизни. Но только побѣда надъ капиталистическимъ строемъ могла бы совсѣмъ устранить эту острую проблему соціальной жизни.

И любопытно прослѣдить, какъ потревоженный улей потребителей мяса, начавъ съ требованія дешеваго мяса, кончилъ призывами къ борьбѣ съ капитализмомъ.

На рабочихъ собраніяхъ, созванныхъ въ Берлинѣ, принята была повсюду одна и та же резолюція, гласящая:

„Собраніе устанавливаетъ, что капитализмъ привелъ къ поднятію цѣнъ на всѣ жизненные продукты. Этимъ самымъ онъ призналъ свою неспособность использовать выросшія производительныя силы и доказалъ необходимость общественнаго регулированія производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе отмѣчаетъ, что общее вздорожаніе жизни сильно обостряется таможеннымъ покровительствомъ. Для уменьшенія нужды собраніе требуетъ, поэтому, отмѣны пошлинъ на всѣ жизненные продукты и нормъ для скота, отмѣну косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія и безпошлиннаго ввоза иностраннаго скота и мяса. Для осуществленія всѣхъ этихъ неотложныхъ мѣропріятій собраніе предлагаетъ правительству немедленно созвать рейхстагъ. Оно въ то же время предлагаетъ органамъ самоуправленія принять немед-

ленно мѣры для достаточнаго снабженія рынковъ припасами и продуктами".

Эта резолюція, принятая на семидесяти многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ, устроенныхъ въ одномъ Берлинѣ по поводу мясного кризиса, въ сжатомъ видѣ показываетъ, какое глубокое броженіе и какое широкое движеніе вызвалъ вопросъ о вздорожаніи мяса. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени предстанетъ передъ рейхстагомъ, и нѣмецкому парламенту придется заняться вопросомъ о причинахъ дороговизны жизни и средствахъ борьбы съ нею.

Такимъ образомъ, борьба хозяекъ съ мясниками изъ-за цѣнъ на мясо тотчасъ передалась общеполитическому движенію, а политическое движеніе бурно вынесло этотъ вопросъ на трибуну парламента, а оттуда, по всей вѣроятности, выйдетъ скоро законодательный актъ, который, во всякомъ случаѣ, попытается уменьшить дороговизну жизни.

Благодаря свободѣ союзовъ и собраній, благодаря организованности населенія, всякое серьезное народное недовольство тотчасъ подхватывается колесами политическаго механизма страны, цѣпью передаточныхъ звеньевъ передается маховому колесу этого механизма—парламенту и съ его помощью перевоплощается въ законодательный актъ.

Подобнаго рода поучительное явленіе происходитъ на нашихъ глазахъ въ Германіи.

Маленькій самъ по себѣ вопросъ о вздорожаніи цѣнъ на мясо, который у насъ на Руси скромнымъ петитомъ занялъ бы мѣсто гдѣ-нибудь на газетныхъ задворкахъ, разросся въ Германіи въ крупное политическое теченіе, приводящее въ движеніе маховое колесо политики—парламентъ.

Н. Ножинъ.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Распубликованному закону о страхованіи рабочихъ удивительно не повезло въ печати. Послѣ его прохожденія черезъ Госуд. Совѣтъ о немъ почти перестали писать. Крупной и, какъ мы увидимъ ниже, принципіальной важной реформѣ удѣлено было меньше вниманія, чѣмъ инымъ законопроектамъ вермишельнаго типа. Въ этомъ игнорированіи новой реформы почти въ одинаковой мѣрѣ сошлись печать общая и рабочая. Первая вообще не проявляетъ особеннаго интереса къ нуждамъ рабочаго класса, поскольку рѣчь идетъ о его специфическихъ интересахъ. Поэтому, невниманіе къ новому закону тутъ нѣсколько „естественнѣе". Другое дѣло—рабочая печать. Здѣсь въ періодъ прохожденія законопроекта черезъ различныя комиссіи и черезъ различныя стадіи законодательнаго разсмотрѣнія о страхованіи рабочихъ писали довольно много. Въ рабочей средѣ начала было даже развертываться т. н. „страховая кампанія": созывались собранія, выносившія резолюціи рѣзкаго осужденія разсматривавшихся законопроектовъ, принимались тезисы о желательныхъ формахъ страхованій рабочихъ, посылались изъ разныхъ мѣстъ членамъ с.-д. фракціи по этому вопросу петиціи, иногда съ большимъ числомъ подписей.

Проявленная въ литературѣ и въ жизни энергія была энергіей критики, энергіей протеста. Но энергія критики—условіе необходимое, но отнюдь не достаточное. Необходима еще энергія соціальнаго творчества. А ея какъ разъ сейчасъ и не видно. Принятіе закона со всѣми его уродливостями, вопіющими недостатками какъ бы перерѣзало живой нервъ критическаго напряженія. Критика кажется теперь излишней. Теперь нужно принять законъ, какъ онъ есть и, опираясь на его нормы, извлечь изъ него максимальную пользу, постепенно, упорной борьбой, расширяя и видоизмѣняя самыя эти нормы, подготовляя почву для болѣе прогрессивной формы соціальнаго страхованія. Вино открыто, остается его пить. Пока что—пить готовятся одни промышленники. При содѣйствіи бюрократіи у нихъ происходитъ цѣлый рядъ совѣщаній, предпринимаются разнаго рода практическіе шаги, идетъ дѣятельная подготовка къ тому, чтобы сдѣлать страховые законы наименѣе обременительными для капиталистовъ, чувствующихъ себя трагически обремененными.

Ничего или почти ничего подобнаго мы не видимъ со стороны рабочихъ. Здѣсь вновь сказалась исторически обусловленная болѣзнь русскаго рабочаго движенія—движенія, сильнаго въ стихійномъ протестѣ, и слабаго въ систематическомъ, сознательномъ творчествѣ. Такимъ образомъ, невниманіе къ закону—отнюдь не случайность.

А между тѣмъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ законъ долженъ сыграть крупную роль въ судьбахъ рабочаго класса Россіи и въ развитіи рабочаго движенія.

Самое его появленіе на свѣтъ является однимъ ихъ крупныхъ завоеваній рабочаго класса. Движеніе 1905 года дало первоначальный толчекъ; оживленіе рабочаго движенія за послѣдніе $1^1/_2$—2 года дало послѣдній, сдѣлавшій законъ о страхованіи фактомъ. Въ этомъ отношеніи новый законъ еще разъ подчеркиваетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что самая безпросвѣтная контръ-революція не можетъ начисто и всецѣло освободиться отъ задачъ и требованій революціи. И не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ эпоху чрезвычайно усилившихся гоненій на рабочія организаціи правительство само санкціонируетъ актъ, благодоря которому Россія покроется сѣтью рабочихъ организацій, больничныхъ кассъ съ разнообразной программой коллективной самодѣятельности массъ. На это противорѣчіе долженъ былъ указать московскій союзъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Такъ требованія времени, импульсы эпохи отошедшаго подъема и желаніе смягчить размѣры новаго заставляютъ реакцію санкціонировать акты, стоящіе въ вопіющемъ противорѣчіи съ ея повседневной практикой, съ ея принципіальнымъ отрицаніемъ коллективной самодѣятельности массъ.

„У соціалъ - демократовъ законъ о страхованіи вырвалъ жало“, говоритъ докладчикъ по страховымъ законопроектамъ, октябристъ Протопоповъ. Онъ только забылъ прибавить, что именно это жало побудило Госуд. Думу и Госуд. Совѣтъ принять законъ о страхованіи.

Въ дѣйствительности, законъ вырвалъ или притупилъ совсѣмъ иное жало: не жало соціализма, а жало буржуазнаго индивидуализма. Разсматривая законъ съ этой точки зрѣнія, нельзя не видѣть что — худо ли, хорошо ли — онъ подкапывается подъ фундаментъ отсталыхъ соціальныхъ отношеній буржуазнаго порядка. Огромная область явленій соціальной жизни изъемлется изъ сферы частнаго благо- или злоусмотрѣнія, изъ сферы личной воли того или иного хозяйственнаго индивида, и регулируется обязательными нормами—на основѣ коллективной самодѣятельности и отвѣтственности рабочихъ и предпринимателей. И если съ точки зрѣнія русской новый институтъ является завоеваніемъ эпохи подъема, то съ точки зрѣнія международной онъ является побѣдой міроваго развитія соціальной демократіи, шагъ за шагомъ суживающей предѣлы „воли хозяина“, шагъ за шагомъ разрушающей святыню индивидуальнаго, т. н. „свободнаго“, договора найма.

Теоретически капиталистическое хозяйство заинтересовано въ сохраненіи жизненныхъ силъ и рабочей энергіи пролетаріата. Практически же этотъ об-

щій интересъ у каждаго отдѣльнаго предпринимателя пропадаетъ подъ вліяніемъ наличности резервной арміи безработныхъ, безпрерывнаго прилива изъ деревень свѣжихъ рабочихъ силъ, обращенія во все большемъ размѣрѣ къ хозяйственному труду женщинъ. Благодаря этимъ факторамъ у предпринимателя является возможность смотрѣть на нанятаго имъ рабочаго, какъ на матеріалъ для производства, всецѣло утилизируемый, такъ что въ результатѣ получаются человѣческіе отбросы въ видѣ увѣчныхъ, больныхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи живая машина изъ костей и мускуловъ занимаетъ по сравненію съ мертвой машиной изъ стали и желѣза гораздо худшее положеніе. За послѣдней онъ долженъ слѣдить, держать въ чистотѣ, просторѣ, аккуратно смазывать, тщательно беречь, потому что она дорого стоитъ и, если она испортится, придется понести значительный расходъ на новую. Ничего подобнаго не требуется для первой. Если она испортится, перестанетъ работать—ее можно просто выбросить.

Не отстаивая теоретической закономѣрности этой аналогіи, можно видѣть, что институтъ страхованія мѣняетъ это отношеніе принципіально. Разъ отвѣтственность за живую машину, за ея цѣлость и исправность, за ея работоспособность хоть въ какой-нибудь мѣрѣ падаетъ на предпринимателя,—онъ, несомнѣнно, начнетъ относиться къ живой машинѣ хоть приблизительно такъ же, какъ и къ мертвой. Мускулы и кости нѣсколько приближаются тогда по своей цѣнности къ стали и желѣзу.

Нормы страхованія, объемъ его, область его примѣненія дѣлаетъ эту степень приближенія большей или меньшей, но принципъ соціальныхъ отношеній все равно существенно мѣняется. Въ манчестерскую систему „свободной" гибели рабочаго въ качествѣ отброса капиталистической эксплоатаціи врывается принудительная норма соціальнаго обезпеченія.

Все это имѣетъ самое ближайшее отношеніе къ „жалу". Это не только побѣда „жала", но и могучій факторъ его дальнѣйшаго усовершенствованія.

II.

Чтобы оріентироваться въ этомъ вопросѣ, нужно нѣсколько ближе присмотрѣться къ самому содержанію новыхъ законовъ о страхованіи. Ими предусматриваются два вида обезпеченія рабочихъ: страхованіе рабочихъ на случай болѣзни (включая страхованіе рожениць и помощь на погребеніе) и страхованіе на случай увѣчій. Оба вида страхованія обнимаютъ незначительный относительно кругъ рабочихъ. Страхованію не подлежатъ всѣ предпріятія съ числомъ рабочихъ менѣе 20—при наличности механическихъ двигателей и менѣе 30—при ихъ отсутствіи. Далѣе, не страхуются строительные рабочіе, рабочіе желѣзныхъ дорогъ, на пароходахъ внѣшнихъ морей, сельско-хов. рабочіе, приказчики и цѣлый рядъ другихъ категорій наемнаго труда. Въ общемъ, число застрахованныхъ по нормамъ закона составитъ, даже по оффиціальному подсчету, не болѣе $2^1/_2$ мил. рабочихъ.

Если даже раздѣлять теоретическую предпосылку нашихъ доморощенныхъ Бисмарковъ, что та или иная степень

обязательнаго обезпеченія рабочихъ на черный день способна смягчить остроту классоваго недовольства рабочаго, притупить жало соціализма, то нужно признаться, что меньше всего способны вызвать этотъ результатъ наши законы о страхованіи на случай увѣчья.

Въ этой области рабочіе совершенно устранены отъ вліянія на ходъ дѣлъ въ страховыхъ товариществахъ предпринимателей, монопольно и автономно распоряжающихся этой важнѣйшей отраслью соціальнаго страхованія. Такіе важные моменты страховой процедуры, какъ опредѣленіе степени потери трудоспособности, фиксація причинъ, по которымъ увѣчный скончался,—все это находится въ безконтрольномъ вѣдѣніи товариществъ предпринимателей; рабочимъ пути вмѣшательства здѣсь заказаны. А между тѣмъ, все это играетъ рѣшающую роль при рѣшеніи вопроса о выдачѣ пенсій и объ ихъ размѣрахъ. Недаромъ эту часть новыхъ законовъ назвали не страхованіемъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, а страхованіемъ предпринимателей отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими.

Увѣчный рабочій становится плѣнникомъ предпринимателя: онъ вынужденъ будетъ лечиться только у фабрично-заводскихъ врачей, т. к. при леченіи на сторонѣ назначеніе должной пенсіи становится весьма сомнительнымъ. Даже оффиціальный комментаторъ закона Литвиновъ-Фалинскій вынужденъ рекомендовать рабочимъ „лечиться не только для того, чтобы быть по возможности здоровымъ (!), но и для того, чтобы товарищество не могло сказать, что рабочій плохо лечился или вовсе не лечился и оттого сталъ неспособнымъ или малоспособнымъ къ труду“. А „хорошо лечиться“ можно, очевидно, только подъ присмотромъ предпринимателей, которымъ важнѣе всего быстро вернуть или поднять у рабочаго трудоспособность, хотя бы остались не вылеченными или плохо вылеченными тѣ причиненные здоровью дефекты, которые стоятъ ниже учитываемаго минимума потери работоспособности. Предполагается, что предприниматель въ гораздо большей мѣрѣ заинтересованъ въ возстановленіи здоровья увѣчнаго, чѣмъ самъ увѣчный, и если послѣдній откажется отъ предоставленнаго товариществомъ леченія, онъ, по 25 ст. положенія, можетъ быть лишенъ пенсіи.

Мы видимъ, что формальная конструкція страхованія увѣчныхъ рабочихъ построена на основаніяхъ карательно-исправительныхъ. Виновный въ полученіи увѣчья рабочій подвергается еще испытанію на предметъ „злого умысла“. Страховому товариществу предоставляется право доказывать, что рабочій самъ себя искалѣчилъ, „нарочно“, соблазнившись, очевидно, тѣми богатыми милостями, какія ждутъ его по закону, какъ увѣчнаго.

Самымъ выгоднымъ дѣломъ съ этой точки зрѣнія является сумасшествіе, потеря обѣихъ ногъ, рукъ или глазъ. Рабочій тогда получаетъ пожизненно пенсію въ размѣрѣ полнаго своего годового заработка. Если же онъ послѣ увѣчья остался полнымъ инвалидомъ, совершенно неспособнымъ къ труду, но глаза, руки и ноги у него остались, то

онъ получаетъ пенсію въ размѣрѣ только ²/₃ своего заработка. Если же онъ умретъ и товарищество не докажетъ, что умеръ онъ не отъ увѣчья, то вдова его получаетъ ¹/₃ его заработка, а родственники и родные вмѣстѣ—не болѣе ²/₃ годового заработка. Если онъ потерялъ не всю трудоспособность, а только часть ея, то онъ получаетъ ²/₃ той потери въ заработкѣ, какая обусловлена паденіемъ трудоспособности въ результатѣ увѣчья. Надо, однако, прибавить, что эти ²/₃ годового заработка, величина болѣе символическая, чѣмъ реальная, т. к. закономъ годъ установленъ въ 280 рабочихъ дней, что гораздо ниже дѣйствительнаго ихъ числа. Такимъ образомъ, рабочій получаетъ ²/₃ заработка 280 рабочихъ дней, а не полнаго года.

Всѣ эти нормы обезпеченія относятся только къ такъ называемымъ „несчастнымъ случаямъ". Въ законѣ это понятіе опредѣляется, какъ „тѣлесное повреждѳніе", чѣмъ совершенно исключается страхованіе профессіональныхъ заболѣваній, связь которыхъ съ процессомъ производства по своей очевидности стоитъ выше многихъ „несчастныхъ случаевъ" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Рабочій можетъ стать инвалидомъ исключительно вслѣдствіе условій своего труда, но онъ не „увѣчный": нѣтъ момента большей или меньшей внезапности, нѣтъ точно зафиксированнаго „случая", травмы—и этотъ рабочій оказывается обреченнымъ на голодъ, т. к. инвалидность, какъ таковая, закономъ игнорируется.

Всѣ указанныя нами стороны страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ способны, конечно, только обострять жало, но не притуплять его. Для миража „соціальной монархіи", съ которымъ носится „Россія" и носились въ Думѣ октябристы, это слишкомъ мало или слишкомъ много, смотря по точкѣ зрѣнія.

Есть, впрочемъ, въ законѣ о страхованіи увѣчныхъ одна сторона, которая на вопросъ о „жалѣ" даетъ самый недвусмысленный отвѣтъ. Законъ о страхованіи, призванный, по мысли теоретиковъ и Маниловыхъ „соціальнаго мира", смягчать классовыя противорѣчія и этимъ спасти рабочій классъ отъ соблазновъ соціалъ-демократіи, долженъ привести прямо къ обратнымъ результатамъ хотя бы уже только потому, что онъ въ чрезвычайно сильной степени способствуетъ боевому сплоченію предпринимателей. Законъ принудительно навязываетъ имъ организаціи—страховыя товарищества, которыя могутъ образовать одинъ общій союзъ. Россія покроется сѣтью предпринимательскихъ организацій съ очень широкой программой дѣятельности публично-правового характера. Правда, законъ, по россійскому обычаю, перечисляетъ пункты дѣятельности страховыхъ товариществъ.. Но такъ какъ они, въ отличіе отъ больничныхъ кассъ, въ которыхъ участвуютъ рабочіе (объ этомъ ниже), освобождены отъ всякаго контроля, отъ всякихъ нормъ предупреждающихъ, пресѣкающихъ, карающихъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти товарищества очень легко превратятся въ орудіе чисто классовой политики русской буржуазіи.

Уже самый фактъ обѣединенія имѣетъ

огромное значеніе въ соотношеніи общественныхъ силъ, помимо конкретно направленныхъ противъ рабочаго класса дѣйствій. Но дѣло не обойдется и безъ этихъ конкретныхъ дѣйствій. Всякаго рода соглашенія о пріемѣ увѣчныхъ рабочихъ на работу, регистрація увѣчныхъ, соглашенія на предметъ тактики по отношенію къ больничнымъ кассамъ, наконецъ, простая взаимная информація въ цѣляхъ репрессивной дислокаціи своихъ силъ—все это не можетъ не найти себѣ то легальной, то нелегальной опоры въ страховыхъ товариществахъ.

Такимъ образомъ, стимулированное страховымъ закономъ классовое сплоченіе предпринимателей должно неминуемо привести къ обостренію соціальной борьбы.

Новые законы усилятъ позиціи предпринимателей. Что они дадутъ въ этомъ отношеніи рабочимъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо ознакомиться съ другой частью страховыхъ законовъ—со страхованіемъ рабочихъ на случай болѣзни, конструкція котораго отличается большой сложностью.

III.

Въ краткихъ чертахъ эта конструкція сводится къ слѣдующему. При каждомъ предпріятіи образуется больничная касса, если число ея членовъ можетъ составить 200 человѣкъ. Если такого числа не хватитъ, одна касса образуется для двухъ или нѣсколькихъ предпріятій. Членами кассы состоятъ всѣ, безъ различія возраста и пола, лица, занятыя работами или службою въ предпріятіи.

На кассахъ лежитъ обязанность денежнаго вспомоществованія больнымъ рабочимъ и членамъ семьи, находящимся на ихъ иждивеніи. Первые получаютъ, начиная съ 4-го дня болѣзни и не долѣе, какъ 26 недѣль подрядъ и 30 недѣль въ году, въ общемъ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ заработка или отъ $^1/_2$ до $^2/_3$, если на ихъ иждивеніи находятся родные. Помощь же послѣднимъ, если о томъ состоится особое постановленіе кассы, можетъ поглощать въ общемъ не болѣе $^1/_3$ годового дохода кассы. Роженицамъ, членамъ кассы, обезпечена помощь въ размѣрѣ отъ половины до полнаго заработка въ теченіе 2-хъ недѣль до родовъ и 4-хъ недѣль послѣ нихъ. На погребеніе умершаго члена кассы выдается отъ 20 до 30-кратнаго поденнаго заработка.

Средства кассы составляются изъ взносовъ рабочихъ въ размѣрѣ отъ 1 до 3% съ суммы заработка, которые удерживаются при выдачѣ заработка предпринимателемъ. Послѣдній приплачиваетъ $^2/_3$ общей суммы взносовъ рабочихъ. Такъ, на каждые 3 рубля взносовъ рабочихъ предприниматель доплачиваетъ 2 руб. или 40%. Такимъ образомъ, главная часть расходовъ на вспомоществованіе больнымъ рабочимъ падаетъ на самихъ же рабочихъ. Мало того: на средства больничныхъ кассъ падаетъ вспомоществованіе въ теченіе 13 недѣль рабочимъ, пострадавшимъ отъ увѣчья, хотя формально, да и по существу, отвѣтственность за увѣчье лежитъ на предпринимателяхъ. Статистика показываетъ, что до 84% всѣхъ увѣчныхъ возстанавливаютъ въ теченіе короткаго времени полную мѣру потерянной работо-

способности и только 16% переходятъ въ разрядъ частичныхъ или полныхъ инвалидовъ, которымъ страховыя товарищества предпринимателей обязаны выдавать пенсіи. Такимъ образомъ, значительная доля прямыхъ послѣдствій разрушительной работы капиталистическаго производства падаетъ своей тяжестью не на бюджетъ капиталистовъ, пожинающихъ плоды этой работы, а на бюджетъ рабочихъ же, падающихъ неизбѣжно ея жертвами.

Эта сторона закона бросаетъ свѣтъ на характеръ и цѣнность тѣхъ соціальныхъ мотивовъ, которыми проникнутъ продуктъ творчества отечественнаго „государственнаго соціализма". Нужно быть уже очень высокаго мнѣнія о смиреніи и скромности русскаго пролетаріата, чтобы предположить, что въ душѣ его отъ высокой температуры благодарности за новую реформу растаютъ тяжелые камни соціальнаго недовольства.

Въ литературѣ неоднократно уже отмѣчалась роковая и печальная особенность русской культуры. Это—отсутствіе духа организованности, отсутствіе у населенія организаціонныхъ навыковъ и умѣнія. Школы организаціи не имѣлъ въ своей безрадостной исторіи весь русскій народъ, а рабочіе, позже другихъ классовъ выступившіе на арену культурной жизни, имѣли ее тѣмъ менѣе. До современныхъ формъ классовой организаціи западноевропейское населеніе прошло богатую и сложную исторію высоко развитой городской жизни, строго организованнаго и дисциплинированнаго цехового строя, широко развѣтвленной системы мѣстнаго самоуправленія—свѣтскаго и религіознаго. Въ этихъ условіяхъ выработались культурныя качества большой общественной цѣнности, выработалось умѣніе коллективнаго дѣйствія, коллективной дисциплины, выработался тотъ духъ организаціи, отсутствіе котораго такъ тяжело сказывается въ культурномъ развитіи Россіи. Новыя соціальныя идеи на Западѣ стали просачиваться въ массы, наученныя своей исторіей организованному дѣйствію. У насъ же при слабомъ и позднемъ развитіи городовъ пролетаріатъ приходилъ прямо отъ сохи. Вмѣсто духа коллективности онъ приносилъ съ собою духъ скопа, вмѣсто организаціонныхъ навыковъ—привычку къ субординаціи, вмѣсто дисциплины—казарменную покорность. Всѣ эти моменты еще и сейчасъ тяжело отражаются на организаціонной самодѣятельности русскихъ рабочихъ. Какъ ни тяжелы внѣшнія полицейскія условія, ихъ чрезвычайно разрушительный эффектъ объясняется въ значительной мѣрѣ указанными тенденціями въ рабочемъ классѣ. Русскій рабочій—очень плохой плательщикъ членскихъ взносовъ, очень нестройный членъ организаціи, очень большой нарушитель товарищеской дисциплины.

И вотъ новый законъ о страхованіи, вопреки волѣ его авторовъ, долженъ будетъ сыграть большую роль въ дѣлѣ перевоспитанія рабочихъ массъ, въ дѣлѣ развитія среди нихъ духа организаціи.

Мы раньше показали, что законъ о страхованіи увѣчныхъ явится большимъ стимуломъ къ классовой организаціи предпринимателей. Приблизительно такую же роль для рабочихъ сыграютъ

законы о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни.

Самой важной въ немъ чертой является съ этой точки зрѣнія обязательное „участіе въ больничной кассѣ. Свыше двухъ милліоновъ рабочихъ обязательно должны будутъ состоять членами больничной кассы. По приблизительному подсчету, такихъ кассъ будетъ учреждено около 4-хъ тысячъ. Рабочій необходимо долженъ будетъ ближе заинтересоваться жизнью новой организаціи, потому что изъ каждой получки будетъ дѣлаться обязательный вычетъ до 4%. Онъ обязательно долженъ будетъ ближе войти въ дѣла кассы, потому что тотъ или иной ходъ ея дѣлъ будетъ отражаться на величинѣ дѣлаемыхъ въ ея пользу взносовъ. Уже эта элементарная основа страховой системы не можетъ не привить рабочимъ большаго интереса къ вопросамъ организаціи, большаго вниманія къ коллективнымъ интересамъ и дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, помимо тѣхъ матеріальныхъ благъ, какія сулитъ рабочимъ новый законъ (блага эти не слишкомъ велики), онъ долженъ будетъ оказать на рабочія массы большое культурное вліяніе.

Авторы закона хорошо оцѣнили возможные результаты своего творчества. Призракъ соціализма и „революціи" водилъ ихъ рукою при начертаніи самыхъ мелкихъ деталей закона. Множество пунктовъ въ немъ прямо направлено къ тому, чтобы ослабить или просто свести на нѣтъ возможность использованія закона въ цѣляхъ развитія организаціонной самодѣятельности. Нѣкоторые пункты достойны вниманія. По закону, во главѣ управленія кассъ стоитъ правленіе. Несмотря на то, что предприниматели вносятъ только $^2/_3$ взносовъ рабочихъ, въ правленіи имъ принадлежитъ всего на одинъ голосъ меньше. Правленіе выбирается не прямо участниками кассы, а спеціально выбранными уполномоченными. Эти уполномоченные и составляютъ т. н. общее собраніе, на которомъ предсѣдательствуетъ хозяинъ. Ему же принадлежитъ въ немъ $^2/_3$ числа голосовъ рабочихъ. Такимъ образомъ, масса участниковъ кассы отъ прямого вліянія на ходъ ея дѣлъ устранена. Самый уставъ кассы составляется опять-таки хозяиномъ, и лишь впослѣдствіи онъ идетъ на одобреніе т. н. „общаго собранія". Для голосовъ общаго собранія установленъ возрастной цензъ въ 25 лѣтъ и чрезвычайно суровый цензъ благонадежности. Тѣмъ не менѣе, сверхъ обширной программы благонадежности „губернатору предоставляется въ порядкѣ мѣръ, принимаемыхъ къ огражденію общественнаго спокойствія и безопасности", устранять членовъ правленія отъ должности.. Въ случаѣ нарушенія закона или устава кассы такое право предоставлено присутствіямъ по дѣламъ страхованія. Кромѣ того, и предприниматель можетъ пріостановить предварительно исполненіе постановленій кассы. Наконецъ, полицейскій духъ, которымъ проникнута организація дѣла, матеріализуется въ образѣ полицейскаго, обязательно засѣдающаго на общихъ собраніяхъ, которыя онъ воленъ собственной властью закрыть. Такъ составители закона сугубо постарались на предметъ того, „какъ бы чего не вышло".

IV.

При томъ состояніи распыленности, въ какомъ находится рабочій классъ, нельзя скинуть со счетовъ тотъ важный фактъ, что на фабрикахъ образуется, благодаря закону, родъ рабочаго представительства. Избранные рабочими уполномоченные и члены правленія явятся естественными представителями рабочихъ не только въ обществѣ страхованія, но и во всѣхъ вопросахъ внутрифабричной жизни. Масса получитъ группы своихъ „лучшихъ людей“, всѣмъ видныхъ, для всѣхъ авторитетныхъ. Вольно и невольно, въ рамкахъ закона и въ сторонѣ отъ его нормъ, они должны будутъ брать на себя эту роль рабочаго представительства, служить фокусомъ коллективныхъ пожеланій своихъ избирателей. Въ среду дезорганизованную внесены будутъ элементы организаціи, вокругъ которыхъ будутъ кристаллизоваться разнаго рода группировки болѣе или менѣе прочнаго типа. „Лучшіе люди“ будутъ таковыми не только для рабочихъ, но и для предпринимателей. Совершенно естественно, что въ своихъ сношеніяхъ съ массой предприниматели скорѣе всего прибѣгнутъ къ тѣмъ авторитетнымъ ея представителямъ, которыхъ она сама выдвинула актомъ избранія въ уполномоченные или члены правленія. Въ больничной организаціи рабочимъ придется вмѣстѣ работать съ предпринимателемъ. Опытъ совмѣстной работы долженъ будетъ неизбѣжно поднять уваженіе послѣдняго къ первымъ, а это въ свою очередь поведетъ къ болѣе культурнымъ, къ болѣе организованнымъ формамъ внутрифабричнаго быта, полнаго еще и сейчасъ первобытной дикости и явнаго презрѣнія къ личности рабочаго.

Этого никакія мѣры предупрежденія и пресѣченія не изымутъ изъ жизни. Не изымутъ они и той борьбы, которая неизбѣжно возникнетъ въ кассахъ. Нормы помощи, виды ея, способы образованія средствъ кассы—все это указано въ законѣ въ нѣсколько спорныхъ предѣлахъ и борьба за приближеніе къ минимуму или максимуму составитъ живой нервъ дѣятельности кассы, подниметъ уровень общей сознательности и практической оріентировки въ ея участникахъ. По закону дѣло медицинской помощи всецѣло предоставлено предпринимателямъ, но имѣется оговорка, что оно можетъ быть предоставлено кассамъ, осуществляющимъ его за счетъ предпринимателей. Рабочимъ придется упорно отстаивать именно этотъ поворотъ дѣла, а это въ свою очередь усилитъ общественныя, культурныя и организаціонныя позиціи рабочей массы. Законъ далѣе допускаетъ съ согласія предпринимателей пополненіе состава правленія исключительно выборными отъ рабочихъ, какъ и предсѣдательство рабочаго на общемъ собраніи. Отъ тактики рабочихъ зависитъ отчасти, чтобы эти возможности стали реальностями. Рабочимъ придется также добиваться того, чтобы ихъ представители принимали участіе на общихъ собраніяхъ страховыхъ товариществъ, обсуждающихъ обязательныя постановленія о мѣрахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ. При согласіи предпринимателей законъ допускаетъ также представительство изъ числа рабочихъ—членовъ страховыхъ присутствій.

Въ этихъ присутствiяхъ осуществляется впервые въ Россiи принципъ представительства рабочихъ въ органахъ государственнаго управленiя. Для Россiи это будетъ довольно экзотично: въ собранiи, состоящемъ изъ губернатора, прокурора, представителей вѣдомствъ, изъ представителей земства, города и промышленниковъ, будутъ присутствовать двое рабочихъ, избранныхъ правленiями всѣхъ больничныхъ кассъ даннаго округа. Еще болѣе экзотичнымъ будетъ представительство пяти избранныхъ петербургскими больничными кассами рабочихъ въ Главномъ Совѣтѣ по дѣламъ страхованiя, гдѣ они будутъ засѣдать уже рядомъ съ министрами. Конечно, въ этихъ органахъ мѣстнаго и центральнаго страхового контроля и руководства рабочiе будутъ тонуть въ массѣ бюрократовъ, но и тѣ немногiе рабочiе, которые тамъ будутъ, сумѣютъ извлечь пользу для рабочаго класса изъ своей позицiи. Они сумѣютъ указать на нужды и поддержать требованiя рабочаго класса.

Ст. Ивановичъ.

ПО ПОВОДУ.

Въ послѣдніе годы среди русской интеллигенціи замѣтно повысился интересъ къ прошлому Россіи. Потребность оглянуться назадъ, нащупать свои корни въ историческомъ прошломъ проявляется въ ростѣ исторической литературы. Журналы удѣляютъ все больше мѣста историческимъ статьямъ, появляются отдѣльныя монографіи о дѣятеляхъ и событіяхъ нашей общественной исторіи.

Узнать прошлое, чтобы понять настоящее и воздѣйствовать на будущее, таковъ тотъ дѣйственный мотивъ, который заставляетъ русскую интеллигенцію проявить такой интересъ къ своему прошлому.

Среди множества историческихъ книгъ и статей, появившихся за послѣднее время, видное мѣсто занимаютъ работы В. Я. Богучарскаго по исторіи политическаго движенія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Въ журналахъ г. Богучарскимъ напечатаны были интереснѣйшія статьи, вышедшія затѣмъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ отдѣльною книгою: „Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ годахъ", М. 1912 г.

Въ книгѣ этой собранъ богатѣйшій—значительною частью впервые публикуемый—матеріалъ, который раскрываетъ передъ читателемъ кулисы политической борьбы семидесятыхъ и, въ особенности, восьмидесятыхъ годовъ.

Зрѣлище получается поучительное и мѣстами чрезвычайно тягостное. Тутъ мелькаютъ лица, съ которыхъ историческая критика стираетъ революціонный гримъ и обнажаетъ черты квалифицированнаго шпіона или провокатора.

В. Богучарскій показалъ, какую огромную роль играла въ восьмидесятыхъ годахъ такъ называемая „Священная дружина", организація „мужественныхъ добровольцевъ", поставившихъ своею цѣлью общественную борьбу съ терроризмомъ.

Представители этой дружины въ лѣвой рукѣ держали капли политическихъ реформъ, предназначенныя для успокоенія умѣренной части общества, а въ правой рукѣ—скорпіоны для революціонеровъ.

Не удивительно, что создался до чрезвычайности запутанный клубокъ отношеній и позицій, разобраться въ которомъ еще чрезвычайно трудно.

Большая заслуга Богучарскаго заключается, во всякомъ случаѣ, въ томъ, что онъ добылъ и пустилъ въ историческій оборотъ богатѣйшій фактическій ма-

терьялъ, заставляющій пересмотрѣть всѣ прежнія настроенія и обобщенія.

Въ такой работѣ, конечно, не безъ ошибокъ и промаховъ. Они имѣются—и въ немаломъ количествѣ—и въ солидной работѣ В. Богучарскаго. Многіе изъ нихъ справедливо указаны въ недавно вышедшей книгѣ Б. Кистяковскаго „Страницы прошлаго" (М. 1912), на другія указалъ въ „Сов. Мірѣ" г. Плехановъ.

Поправки, которыя сдѣлалъ Б. Кистяковскій на основаніи очень тщательнаго изученія развитія конституціонныхъ идей въ Россіи, очень существенны.

Не эти факты сами по себѣ, а ихъ освѣщеніе, та перспектива, въ которой они расположены, невольно вызываетъ и уже вызвала разногласія и возраженія.

Въ изслѣдуемый г. Богучарскимъ періодъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ наряду съ приковавшимъ къ себѣ вниманіе не только всей Россіи, но и всей Европы террористическимъ движеніемъ уже сложилось и росло движеніе конституціонно-либеральное.

Невольно напрашивается соблазнительная, историческая тема — установить удѣльный вѣсъ этого либеральнаго движенія, взвѣсить его на вѣсахъ исторіи, вскрыть причину его слабости.

И этой задачей занялся Богучарскій, высказавъ рядъ мыслей, вызвавшихъ и заслуживающихъ живѣйшее возраженіе.

Отмѣтимъ при этомъ большой курьезъ.

Подвергая рѣзкой и не всегда справедливой критикѣ книгу В. Богучарскаго, Б. Кистяковскій видитъ причину всѣхъ ошибокъ и промаховъ въ несочувствіи Богучарскаго либерализму.

А въ „Совр. Мірѣ" Г. Плехановъ, вскрывая основную причину недостатковъ книги В. Богучарскаго, доказываетъ, что причина этого—либерализмъ В. Богучарскаго.

Итакъ, по словамъ одного критика, Богучарскому повредило его несочувствіе либераламъ, а по словамъ другого критика—тяготѣніе къ либерализму.

Этотъ курьезъ объясняется чрезвычайною расплывчатостью исторической философіи Богучарскаго.

Но и критики, и авторъ въ концѣ концовъ въ упоръ ставятъ одинъ вопросъ: каковъ политическій вѣсъ на вѣсахъ русской исторіи революціоннаго и либеральнаго движенія семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ?

Г. Плехановъ справедливо замѣтилъ, что отвѣтъ г. Богучарскаго на этотъ счетъ весьма напоминаетъ Тургеневское дѣленіе людей на Донъ-Кихотовъ и Гамлетовъ. В. Богучарскій пишетъ въ своей работѣ:

„Въ семидесятыхъ годахъ въ нѣдрахъ русской интеллигенціи были два типа людей: одни—либералы—ясно сознавали, что безъ политической свободы ни соціализмъ вообще, ни тѣмъ болѣе соціализмъ въ его русской народнической интерпретаціи, не имѣетъ за собой рѣшительно никакого жизненнаго фундамента, и потому группа эта въ области пониманія соціально-политическихъ задачъ стояла несравненно выше другой группы интеллигенціи—группы соціально-революціонной. Но въ то же время группа либеральная, за самыми небольшими исключеніями, въ противоположность группѣ соціально-револю-

ціонной, отличалась полною немощью, разъ дѣло касалось вопросовъ борьбы за ея собственныя убѣжденія".

Къ совершенно иному заключенію приходитъ въ своей книгѣ Б. Кистяковскій. По его утвержденію, „подлинныя идейныя стремленія къ осуществленію дѣйствительно конституціонныхъ формъ государственнаго быта въ Россіи были представлены нашими конституціоналистами. Имъ постоянно ставилось въ вину то, что въ нихъ совсѣмъ не проявлялся волевой и активный элементы. Но этотъ упрекъ въ значительной мѣрѣ основанъ на недоразумѣніи. Конечно, въ арсеналѣ нашихъ конституціонныхъ партій никогда не было тѣхъ орудій борьбы, примѣненіе которыхъ, съ одной стороны, требуетъ напряженія чрезвычайно большой энергіи, а съ другой—производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Эти орудія борьбы наши конституціоналисты обыкновенно считали или нецѣлесообразными, или нравственно недопустимыми. Основной силой, организующей и реформирующей государство, конституціоналисты всегда признавали общественное мнѣніе" (117 стр.).

Передъ нами двѣ противоположныя характеристики исторической роли россійскихъ либераловъ; характеристики эти обѣ очень неудачны, но обѣ онѣ удачно вскрываютъ Ахиллесову пяту нашего либерализма.

Конечно, Богучарскій болѣе правъ, подчеркивая гамлетовскій характеръ нашего политическаго либерализма. Кистяковскій, стараясь отвести это обвиненіе, въ сущности, признаетъ его. Пусть онъ наведетъ въ исторіи справку, гдѣ, когда и какое государство сдвигалось съ мертвой точки абсолютизма съ помощью такой основной силы, какъ „общественное мнѣніе"?

Не говоря уже о расплывчатости и неопредѣленности этого „мнѣнія", оно во всякомъ случаѣ никогда и нигдѣ само по себѣ не представляло достаточнаго историческаго рычага, чтобы государство изъ абсолютистическаго сдѣлать конституціоннымъ. Если въ мирные періоды развитія государства въ уже данномъ историческомъ направленіи еще можно говорить о такихъ соціальныхъ туманностяхъ, какъ общественное мнѣніе, то въ поворотный періодъ, когда исторія должна грубо повернуть на иной путь, выдвигать общественное мнѣніе, какъ рычагъ—это значитъ не понимать условій заданной исторической задачи.

А, вѣдь, у Б. Кистяковскаго какъ разъ рѣчь идетъ о подобномъ поворотномъ моментѣ, объ оцѣнкѣ партій и направленій по силѣ ихъ давленія на историческій курсъ.

Б. Кистяковскій признаетъ, что наши либералы выдвинули лишь одну силу—силу общественнаго мнѣнія.

Сила эта прежде всего находится въ состояніи слишкомъ большой разсѣянности, неконцентрированности, чтобы она могла произвести большую политическую работу.

Кто является носителемъ этой силы?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: носителемъ общественнаго мнѣнія является, конечно, общество. Но, чтобы спасти свою соціальную туманность, г. Кистяковскому необходимо было бы заняться сенатскою дѣятельностью и „разъяснить" цѣлыя группы лицъ, лишивъ ихъ права причислить себя къ „обществу".

Выдвигая, какъ единую общественную силу, „общественное мнѣніе“, г. Кистяковскій этимъ самымъ признаетъ политическую импотенцію русскаго либерализма.

А, вѣдь, цѣль его была—историческая реабилитація либерализма.

Въ томъ-то и бѣда и вина россійскаго либерализма, что онъ всегда оставался на сценѣ исторической жизни въ качествѣ резонера. Онъ зналъ много прекрасныхъ словъ, но онъ не зналъ соціальной силы, на которую бы онъ могъ опереться, какъ на корралловый рифъ, который растетъ и поднимается, несмотря на то, что милліоны частицъ, его составляющихъ, каждая въ отдѣльности—гибнутъ.

Русскій либерализмъ, не чувствуя подъ своими ногами соціальной тверди, всегда судорожно цѣплялся за такія соціальныя туманности, какъ „общественное мнѣніе“, „сила слова“, „печать“, „общество“ и т. д.

Соціальный составъ нашего либеральнаго лагеря всегда поражалъ своею пестротою. Тутъ были и заправскіе интеллигенты, и купцы, и землевладѣльцы, и чиновники. Этой пестротѣ соціальнаго состава вполнѣ соотвѣтствовала расплывчатость идеологіи. Западно-европейскій либерализмъ выдвинулъ мощный, цѣльный идеалъ политическаго парламентаризма и соціальнаго индивидуализма. Ему удалось подчинить своей идеологіи чрезвычайно различные группы и слои, сами по себѣ не обладающіе соціальнымъ сродствомъ. Собирая подъ свои знамена различные соціальные слои, либерализмъ Запада оставался вѣренъ своей идеологіи. Онъ звалъ на политическую борьбу во имя соціальнаго индивидуализма. А нашъ либерализмъ? Г. Богучарскій ставитъ ему въ крупную историческую заслугу то, что онъ понималъ—въ противоположность соціалистамъ-революціонерамъ — необходимость политической борьбы для достиженія якобы соціалистическаго строя.

Либералы, проповѣдующіе политическую борьбу для болѣе успѣшнаго достиженія соціализма!

До такой исторической несообразности можно договориться, лишь изучая нашъ либерализмъ, который хотя, конечно, и не увлекался соціалистическимъ идеаломъ,—на этотъ счетъ г. Богучарскій, несомнѣнно, весьма неудачно выразился,—но, несомнѣнно, выступалъ съ очень блѣдной, пестрой, безстильной и безсильной идеологіей.

Въ идеологическомъ отношеніи нашъ либерализмъ всегда свѣтился отраженнымъ свѣтомъ.

На немъ отражалась то идеологія народнически-крестьянская, то помѣщичье-дворянская.

Признавая, что изучаемый имъ и Богучарскимъ періодъ—конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ—имѣлъ исключительное значеніе, Кистяковскій замѣчаетъ:

„Къ сожалѣнію, въ эту эпоху русскіе конституціоналисты не выдвинули ни одного крупнаго публициста, который могъ бы, сдѣлавшись эмигрантомъ, заявить о (объ?) ихъ стремленіяхъ въ заграничной прессѣ“.

Чѣмъ же г. Кистяковскій объясняетъ эту скудость талантами русскаго либерализма? Вѣдь, по его словамъ, русскій либерализмъ устремлялъ всѣ свои силы и таланты на служеніе общественному мнѣнію и, при тогдашнихъ условіяхъ,

главнымъ образомъ, печати. Почему же въ такую отвѣтственную, переломную историческую минуту у нашихъ либераловъ не оказалось талантливыхъ людей?

Б. Кистяковскій этого не объясняетъ, да съ его точки зрѣнія это и необъяснимо.

Оно становится понятнымъ только, какъ неизбѣжное слѣдствіе основной причины—отсутствія у насъ въ Россіи вліятельной, стройной либеральной идеологіи, которая обладала бы вербующею силою.

Б. Кистяковскій доказываетъ, что нравственное сознаніе не позволило русскому либерализму прибѣгать къ инымъ способамъ борьбы, кромѣ геологическаго выжиданія—пока созрѣетъ общественное мнѣніе и конституціонный плодъ самъ упадетъ къ ногамъ терпѣливыхъ либераловъ.

Предположимъ, что эта политическая геологія и есть верхъ мудрости, но завоеваніе литературы, завоеваніе области идеологіи, властвованіе надъ умами и сердцами—вѣдь, для всего этого не нужно было прибѣгать къ тѣмъ орудіямъ борьбы, которыя послѣдовательно осуждаетъ Кистяковскій.

Почему же и въ этой области нашъ буржуазный либерализмъ оказался столь бѣденъ и блѣденъ?

Несмотря на огромную растрату силъ, на непосредственную борьбу, русскіе соціалисты сумѣли въ эти семидесятые годы выдвинуть блестящую плеяду художниковъ и публицистовъ слова. Они возвели въ идеалъ, идеализировали опредѣленный и обширный соціальный слой—мужика.

Наши же либералы оставались всегда безъ тѣни соціальной опоры. Не было такого соціальнаго слоя, съ интересами котораго они бы сознательно и послѣдовательно разработали и связали свою идеологію. Уходя своими корнями въ интересы русской слабой и малочисленной буржуазіи, наши либералы прививали себѣ цвѣты другихъ идеологій. И получалось то чахлое растеніе со слабыми корнями и привитыми цвѣтами, которое представляетъ нашъ либерализмъ семидесятыхъ годовъ.

П. Славинъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

П. Соловьева (Allegro). *„Тайная Правда". Сборн. разск. Изд. Вольфа. 1912.*

..."Я говорю о самомъ для меня важномъ, о томъ, гдѣ борьба всего труднѣе. Я разумѣю любовь, отношеніе половъ, бракъ. Въ этой области всѣ понятія спутаны, хаосъ невообразимый. Вопросъ кажется мнѣ особенно важнымъ, потому что онъ касается всѣхъ людей безъ исключенія. Любовь рождаетъ и умерщвляетъ. Всѣ мы родимся отъ любви—или отъ того, что принято называть любовью—всѣ мы умремъ. Въ любви—рабство, паденіе, проклятіе; и въ ней-же, именно въ ней,—освобожденіе, воскресеніе и спасеніе. Поймите, каждый можетъ принять участіе въ пересозданіи любви. И, пересоздавъ ее, превративъ ея теперешнее безобразіе въ красоту, мы измѣнимъ всю жизнь"... „По иному, по новому, еще никто не любилъ, но эта новая любовь уже начинаетъ мерещиться многимъ"... Она: „не аскетизмъ,—это ложь и кощунство, и не темное сладострастіе, — это то же рабство. Есть, долженъ быть третій путь".

Такъ говоритъ Границынъ, герой повѣсти „Небывалая" (Сборникъ разсказовъ П. Соловьевой «Тайная правда»). Не только одна «Небывалая», но и всѣ остальные разсказы, вся книга проникнута мыслью о «любви», объ исканіи этого «третьяго пути» любви. Границынъ, занятый своей мечтою, встрѣчаетъ женщину, съ которой хочетъ искать путей къ любви „безъ аскетизма и безъ темнаго сладострастія". Женщина понимаетъ его. Но, увы! самъ Границынъ измѣняетъ себѣ: темное сладострастіе схватило его цѣпко — и въ эту минуту любимая женщина исчезла. Она исчезла почти сказочно, такъ, какъ будто ея вовсе не было. Точно въ кошмарѣ Границынъ ищетъ ее,—и даже дома не можетъ найти, гдѣ она жила. «Но что же это все было?—говоритъ онъ.—Неужели я силой мечты могъ вызвать ее къ жизни, а когда оскорбилъ мечту, — она исчезла?»

Разсказъ написанъ совершенно реально: сказочный конецъ производитъ неожиданное, но сильное впечатлѣніе. Начинаешь вѣрить въ реализмъ этой любовной мечты, въ ея возможность воплотиться—если не сейчасъ и не для узкаго, самоувѣреннаго и наивнаго Границына, то для другихъ, въ будущемъ.

Различными словами, подъ разными образами—всѣ разсказы Соловьевскаго сборника твердятъ, какъ я уже сказалъ, одно: для любви долженъ быть новый путь, данныя ея формы—не то, человѣческая мечта о любви божественна.

До воплощенія мечты—далеко; это сознаетъ и авторъ, опредѣленно проваливъ Границына. Но повѣсть «Небывалая» дѣйствовала бы вѣрнѣе, будь Границынъ не Границынымъ, а настоящимъ, серьезнымъ человѣкомъ, философски образованнымъ и сильнымъ. И для такого героя конецъ былъ бы отрицательный, но тогда не примѣшивалось бы къ звуку всей повѣсти невѣрной ноты: „А что, если бы герой былъ получше? Вѣдь, они бы, пожалуй, нашли третій путь?.."

Конечно, не нашли бы. И „пассъ" автора долженъ быть откровеннѣе, не прятаться за немощи героя; не надо облегчать себѣ задачу. Дѣло въ постановкѣ вопроса, а не въ разрѣшеніи его. Въ постановкѣ—и въ томъ, чтобы намѣтить точку отправленія. Вопросъ ясенъ; но что касается попытокъ автора установить отправную точку,—ихъ надо признать неудачными. Любовь, отношенія между полами, мечта пересоздать ихъ, превратить сладострастіе темное — въ свѣтлое, — да, это и мечта человѣчества, и вопросы громадной важности. Если только мечта—пусть мечтаютъ мечтатели; но если и вопросы тоже—какъ думать о разрѣшеніи, не расширивъ ихъ, не углубивъ до коренного, перваго вопроса—вопроса о личности? У насъ, вѣдь, и онъ неясенъ, а не отъ его ли ясности,—новаго, яснаго осознанія, что такое единая личность,—зависитъ новое осознаніе отношеній между двумя? Въ самомъ дѣлѣ, только опредѣливъ окончательно пониманіе личности, мы можемъ перейти къ вопросу о полѣ, мо-

жемъ разобраться, убиваетъ ли полъ личность,—и какой, какія формы его,—растворяетъ ли ее, или можетъ способствовать ея росту. Отрицаніе пола и половой любви у Вейнингера все построено на утвержденіи личности. Конечные выводы его невѣрны, благодаря произвольному положенію, что личность есть принадлежность только физическаго мужчины. Это положеніе слѣдовало бы еще обосновать. Но у Вейнингера есть критерій, необходимый при всякой попыткѣ подойти къ вопросу о половой любви.

П. Соловьева вопроса не углубляетъ, съузивъ, напротивъ, его кругъ, и потому онъ остается наполовину въ области оторванныхъ мечтаній.

Правда, форма избрана художественная; не будемъ забывать, что это разсказы, а не философское сочиненіе; но не будемъ также забывать, что если уже есть философія подъ художественной формой, то она должна быть правильной, иначе пострадаетъ и художественность. И мы часто замѣчаемъ такое паденіе художественности въ книгѣ Соловьевой: ясность уступаетъ мѣсто длинной, туманной лирикѣ, и важность вопроса исчезаетъ, теряется, вопросъ окончательно дѣлается „мечтой поэта", отвлеченнымъ воздыханіемъ, красивымъ, можетъ быть, но не волнующимъ: „у всякаго поэта свои фантазіи".

Мы знали до сихъ поръ П. Соловьеву (Allegro) лишь какъ стихотворца. „Тайная правда"—ея первая прозаическая книга. Конечно, главное содержаніе и стиховъ ея—тоже: любовь, воздыханіе о новыхъ, божественныхъ проявленіяхъ любви. Но что хорошо въ стихахъ, то бываетъ не позволено въ прозѣ. Она имѣетъ свои законы. Не терпишь лирики тамъ, гдѣ ждешь яркаго, сухого образа для поясненія мысли. И сама лирика прозы другая. Стихотворная лирика, переданная прозой, въ большинствѣ случаевъ не художественна.

П. Соловьева видитъ и знаетъ гораздо больше, чѣмъ можетъ высказать. Это чувствуется, и потому, я думаю, такъ неровна ея книжка (кромѣ нѣкоторыхъ, менѣе значительныхъ, разсказовъ, вродѣ Петровны) да и стихи ея подчасъ, неровны. Самый слабый изъ разсказовъ, — „Въ темнотѣ"; онъ написанъ сплошь въ тонѣ стихотворной лирики, такой непріятной въ прозѣ (а тема опять таже — любовь.) Въ общемъ же, языкъ П. Соловьевой мнѣ нравится, на немъ отдыхаешь послѣ модернистскаго блеска. Скроменъ и простъ, есть та милая, естественная старинность, т. е., въ сущности, вѣчность. Хотѣлось бы иногда большей грубости, рѣзкости, что-ли; но это опять тотъ же упрекъ—непріятенъ переходъ на лирику, неумѣстно-женственную тамъ, гдѣ нужна мужественность силы. Мнѣ кажется, что если бы П. Соловьева, не измѣняя своему стилю въ общемъ и, главное, не измѣняя своей темѣ, попробовала себя въ прозѣ не случайно, не мечтательно, а болѣе сурово,—она могла бы дать вещи очень значительныя и, главное, интересныя. Стихи—хорошее дѣло; но... я долженъ сказать прямо, что для настоящей разработки того вопроса, которому посвятила себя Соловьева,—стихи не годятся. Самымъ прекраснымъ цвѣткомъ нельзя разбить самый ничтожный камень. Я знаю, что на это мое положеніе нашлось бы много возразителей. Да и, дѣйствительно, возражать можно, особенно съ точки зрѣнія чистаго искусства, чистой эстетики. Не вдаваясь въ общія разсужденія, скажу лишь о данномъ случаѣ: авторъ „Тайной правды" и „Небывалой" уже отказался, написавъ эти разсказы, отъ чисто-эстетической точки зрѣнія, отъ чистаго искусства и чистаго созерцанія. Занялъ другую позицію, взялъ на себя большее, и ни за какую лирику тутъ уже не спрячешься.

Возможно, что я ошибаюсь. Возможно, что самъ авторъ относится къ темѣ своей по существу лирически, эстетически, къ вопросу, какъ къ воздыханію. Но вотъ тогда и дѣлается это малоинтереснымъ, — „фантазіей поэта". Не дѣлается лишь потому, что все-таки я не ошибаюсь: слишкомъ много недосказанной, подлинной муки въ этихъ разсказахъ, такихъ неровныхъ, такихъ несовершенныхъ,—и такихъ любопытныхъ. Многое можно простить за эту подлинность, — и длинноты лирическихъ отступленій, и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, банальность языка. Есть у автора „тяжелость"—въ хорошемъ смыслѣ, та писательская „тяжелость", которая дается серьезной работой и выгодно отличаетъ П. Соловьеву, со всей ея скромной „старинностью", отъ красиваго и легкаго, какъ полетъ бабочки, и мало существующаго модерна.

Жаль, что эта интересная и милая книга очень плохо издана; она достойна иныхъ— скромныхъ, но не такихъ неряшливыхъ одеждъ.

Левъ Пущинъ.

„Библіотека Русскихъ Писателей", *подъ общей редакціей профессора* **Е. В. Аничкова**. *Изданіе Русскаго Книжнаго Товарищества „Дѣятель". СПБ.*

Н. А. Добролюбовъ. *Полное собраніе сочиненій подъ редакціей* **Е. В. Аничкова.** *Томы 1—6.*

Н. В. Гоголь. *Полное собраніе сочиненій подъ редакціей* **Н. И. Коробки.** *Томы 1—6.*

И. С. Никитинъ. *Полное собраніе сочиненій подъ редакціей* **С. М. Городецкаго.** *Томъ 2-ой.*

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе писатели издавались и издаются очень плохо. Не говоримъ о рѣдкихъ исключеніяхъ—ученыхъ изданіяхъ, сдѣланныхъ авторитетными спеціалистами. Русскіе книгоиздатели—все равно, издаютъ ли они писателя на правахъ литературной собственности, или по истеченіи пятидесятилѣтняго срока—не особенно ревнуютъ о необходимыхъ достоинствахъ изданія: полнотѣ, подлинности и правильности текста и нужномъ для читателя комментаріи. Въ лучшемъ случаѣ изданіе поручалось любителямъ-библіографамъ. Любители трудились надъ изданіями, не имѣя надлежащаго представленія о работѣ надъ текстомъ, не владѣя выработанными наукой навыками, и при всемъ своемъ трудолюбіи и любви къ литературѣ, если не портили изданія, то, во всякомъ случаѣ, не подвигали впередъ изученія текста. Но и „любители" приглашаются не часто, обычно же книгоиздатели „выпускаютъ" писателя домашнимъ образомъ: перепечатываютъ предшествующее изданіе, да и то съ плохой корректурой. Ни о какихъ свѣркахъ съ первопечатными изданіями, съ рукописями, ни о какой редакціи текста русскіе книгоиздатели и не помышляютъ. Если писатель нуженъ и идетъ, то публика раскупитъ и доморощенное изданіе, и, слѣдовательно, всякіе расходы по улучшенію внутренней стороны изданія излишни: такъ разсуждаетъ издатель. Нечего поэтому удивляться тому, что мы имѣемъ Некрасова въ очень плохомъ изданіи, что „полныя собранія сочиненій" Тургенева и Гончарова, отрабатывающихъ и за гробомъ барщину на И. И. Глазунова, ниже самой снисходительной критики: „полныя собранія" далеко не полны, текстъ неподлиненъ и неправиленъ, и съ каждымъ новымъ изданіемъ прибавляется новый слой опечатокъ.

Въ послѣднее время дѣло немного, но очень немного, измѣнилось. Лучше кустарныхъ изданій поставлены изданія „Просвѣщенія" т-ва А. Ф. Маркса, т-ва И. Д. Сытина, но и здѣсь далеко не въ достодолжной степени обращено вниманіе на чистоту и подлинность текста. Особо стоятъ прекрасныя изданія русскихъ классиковъ „Академической Библіотеки", но, конечно, было бы странно, если бы Академія Наукъ издавала русскихъ писателей безъ соблюденія тѣхъ требованій, которыя выдвинуты наукой и вошли давнымъ-давно въ обиходъ Запада.

Передъ нами—новая попытка изданія текстовъ русскихъ классиковъ: девять томовъ „Библіотеки Русскихъ Писателей"—большого предпріятія, выполняемаго книгоиздательствомъ „Дѣятель" подъ общей редакціей проф. Е. В. Аничкова. Нельзя не привѣтствовать это изданіе! Это—не ученыя изданія текста, а предназначенныя для самой широкой публики, но каждое изъ изданій есть результатъ добросовѣстной, ученой работы надъ текстомъ, выполненной по одному плану, имѣющему въ виду и внѣшнюю, и внутреннюю сторону изданія. Такъ, напр., не сохраняя подлинной орѳографіи писателя (которая совсѣмъ не нужна современному читателю), изданіе даетъ одинаковую для всѣхъ книгъ орѳографію, выдержанную съ замѣчательнымъ единообразіемъ. Особенное вниманіе обращено на правильность и чистоту текста. Въ этомъ отношеніи редакторы отдѣльныхъ изданій гг. Аничковъ, Коробка, Городецкій дѣйствительно сдѣлали, что могли: свѣрили текстъ съ рукописями, съ изданіями, вышедшими при жизни автора, съ журналами, въ коихъ впервые печатались статьи автора. Нельзя не отмѣтить особенно работы г. Коробки надъ текстомъ Гоголя. Казалось бы, послѣ Н. С. Тихонравова, давшаго каноническое изданіе гоголевскаго текста, трудно дать что-нибудь новое въ области текста, но г. Коробка произвелъ полную ревизію текста, и его изданіе является шагомъ впередъ въ изученіи гоголевскаго текста, ибо г. Коробка устраняетъ сохраненныя Тихонравовымъ поправки въ текстѣ, сдѣланныя Гоголемъ, и введенные имъ варіанты изъ черновыхъ рукописей, Гоголемъ отвергнутые. Кое-гдѣ въ деталяхъ текста можно не согласиться съ г. Коробкой, но къ его принципіальному положенію относительно текста должно всецѣло присоединиться. Каждое собраніе сопровождается портретомъ, автографомъ и біографіей автора, и въ каждомъ томѣ мы находили объяснительныя статьи, варіанты и примѣчанія. Комментарій кратокъ, но все, что нужно среднему читателю, въ немъ есть.

Сочиненія Добролюбова изданы подъ редакціей Е. В. Аничкова. Это, несомнѣнно, лучшее изъ изданій Добролюбова. Текстъ обработанъ, по 1-му изданію, по журналамъ и рукописямъ. По сравненію съ изданіемъ, редактированнымъ г. Лемке (СПБ. 1911—4 тома), разбираемое изданіе полное, ибо, напр., статьи юношескія, лишь занумерованныя г. Лемке, въ изданіи г. Аничкова имѣются (правда, не безъ цензурныхъ сокращеній); текстъ у г. Лемке обработанъ далеко не такъ тщательно, какъ у г. Аничкова. Историко-литературный и критическій аппаратъ у г. Аничкова безконечно выше таковаго же у г. Лемке. Тѣмъ досаднѣе встрѣтить нѣкоторые промахи, вродѣ упоминанія несуществующаго сочиненія С. Т. Аксакова („Деревенская жизнь помѣщика"), несуществующія Оды (вмѣсто Эды) Баратынскаго, или вродѣ такихъ утвержденій, что Шаховской былъ родоначальникомъ русской комедіи. Біографія Добролюбова написана г. Аничковымъ обстоятельно и инте-

ресно. Съ иными утвержденіями сгласиться нельзя. Такъ, звучитъ фальшиво фраза: „Добролюбова ласкала, его поощрила и вывела въ люди та самая среда либеральнаго дворянства, такимъ ярымъ обличителемъ которой онъ станетъ впослѣдствіи". (Кстати, г. Аничковъ злоупотребляетъ будущимъ временемъ, предсказывая событія и совершившіяся: „въ 1837 г. было то-то и то-то, но пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и будетъ то-то и то-то"!) Изъ объяснительныхъ статей слѣдуетъ отмѣтить статью г. Княжнина „Добролюбовъ и сатира екатерининскаго времени" и статью редактора въ 3-мъ томѣ „Эстетика реализма": тутъ цѣнны указанія на западные источники. Слабѣе остальныхъ весьма сухая статья г. Клочкова „Добролюбовъ, какъ критикъ-историкъ" въ 6-мъ томѣ. Къ педагогическимъ статьямъ обстоятельное введеніе сдѣлано г. Каптеревымъ. Необходимо одобрить и порядокъ потомнаго распредѣленія статей Добролюбова по матеріалу: исторія литературы (т. 1-ый), педагогія (т. 2-ой), литературная критика (т. 3—5), исторія (т. 6-ой) и т. д.

О достоинствахъ текста Гоголя въ редакціи Н. И. Коробки мы уже говорили. Біографическій очеркъ слишкомъ сжатъ и немного суховатъ, а вступительныя статьи къ „Вечерамъ на хуторѣ" и „Миргороду" грѣшатъ черезчуръ библіографическимъ характеромъ, о чемъ надо пожалѣть, ибо г. Коробка, хорошій знатокъ Гоголя, давно имъ занимающійся, могъ бы дать намъ плоды своихъ разысканій и размышленій.

Изданіе Никитина взялъ на себя извѣстный поэтъ С. М. Городецкій. Поэтъ, издающій поэта,—это явленіе само по себѣ не лишено нѣкоторой завлекательности, но г. Городецкій оказался и хорошимъ филологомъ; онъ поработалъ надъ текстомъ Никитина (въ особенности „Кулака") весьма усердно,—а, главное, правильно-методологически. Еще не вышелъ первый томъ, заключающій лирику, но, если судить по второму тому, изданіе будетъ имѣть и научную цѣнность. Вступительная статья „Эпосъ Никитина" задумана интересно, но построена не вездѣ безспорно.

Общій выводъ изъ обозрѣнія новаго изученія русскихъ писателей: изъ изданій, предпринятыхъ частными книгоиздательствами и предназначенныхъ для широкой публики, изданія т-ва „Дѣятель" несомнѣнно въ наибольшей степени приближаются къ требованіямъ, которыя выработаны наукой для изданія текстовъ, и даютъ дѣйствительно надежный текстъ и весь необходимый объяснительный аппаратъ.

П. П-въ.

Архивъ Раевскихъ. *Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Томы 1—4. Спб. 1910—1912.*

Въ этомъ изданіи напечатаны письма и бумаги, сохранившіяся въ фамильномъ архивѣ семьи Раевскихъ, одной изъ любопытнѣйшихъ и культурнѣйшихъ русскихъ дворянскихъ семей. Какъ разъ теперь, въ столѣтнюю годовщину Отечественной войны, на столбцахъ періодической прессы замелькало имя героя 12-го года, генерала Н. Н. Раевскаго. Русское общество хорошо знаетъ его дочь, Марію Николаевну, вышедшую замужъ за декабриста князя С. Г. Волконскаго и послѣдовавшую за нимъ на каторгу. Сыновья его—Александръ и Николай—тоже хорошо извѣстны: Александръ былъ „Демономъ" Пушкина, Николай былъ искреннѣйшимъ другомъ поэта, и къ его словамъ внимательно прислушивался Пушкинъ. Н. Н. Раевскій-младшій оставилъ по себѣ память, какъ храбрый воинъ и устроитель Черноморскаго побережья. Извлеченныя изъ семейнаго архива и напечатанныя въ отмѣчаемомъ изданіи письма, интимныя и дѣловыя, даютъ документальную исторію этой замѣчательной семьи и освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ тѣхъ ея членовъ, которые уже давно привлекли къ себѣ вниманіе читателей, интересующихся прошлымъ. Такимъ читателямъ чтеніе „Архива Раевскихъ" доставитъ и историческое поученіе, и своеобразное наслажденіе. Редакторъ этого прекрасно выполненнаго изданія, г. Модзалевскій, облегчаетъ чтеніе документовъ, предлагая подъ строкой всѣ необходимыя разъясненія. Въ послѣднемъ, 4-мъ, томѣ собраны документы за 1841—1857 г. Особенно много данныхъ находится относительно административной дѣятельности Н. Н. Раевскаго, какъ начальника черноморской береговой линіи. Очень цѣнный человѣческій документъ представляютъ помѣщенныя въ 4-мъ томѣ записки дворовыхъ людей Раевскаго и доктора Дитриха объ умираніи Раевскаго: онъ скончался въ полнѣйшемъ одиночествѣ въ своемъ имѣніи Воронежской губерніи. Любопытна переписка вдовы Раевскаго съ Волконскими—Маріей Николаевной, ея мужемъ-декабристомъ и дочерью. Письма относятся къ моменту возвращенія Волконскихъ изъ ссылки и рисуютъ жизнь этой семьи на свободѣ. Очень хороша внѣшняя сторона изданія, украшеннаго великолѣпными воспроизведеніями портретовъ Раевскихъ.

П. Щег.

Н. Гумилевъ. *Чужое небо. 3-я книга стиховъ. Изд. „Аполлона". СПБ 1912 г.*

Лучшимъ эпиграфомъ къ „Чужое небо" могли бы служить строки самого автора: „въ

мірѣ, которымъ владѣетъ превратность, ...я вижу одинъ лишь порокъ—неопрятность, одну добродѣтель—изящную скуку".

И, дѣйствительно, Н. Гумилевъ всегда и во всемъ вѣренъ себѣ, вѣренъ тѣмъ тремъ вышеприведеннымъ положеніямъ, изъ которыхъ вытекаетъ его міросозерцаніе. Беретъ ли авторъ прошлое или касается настоящаго—онъ неминуемо сталкивается со своимъ убѣжденіемъ: „мнѣ скученъ прерывный шепотъ, томный взглядъ" (О любовницѣ), „мнѣ скучно все—и люди, и разсказы" (Сонетъ), „въ каждомъ взглядѣ тоска безъ просвѣта, въ каждомъ вздохѣ томительный крикъ" (Родосъ), „тамъ, у клумбъ, вы мнѣ сказали „да", о, это „да" со мною навсегда. И вдругъ сознанье броситъ мнѣ въ отвѣтъ, что васъ, покорной, не было и нѣтъ" (Сомнѣніе) и т. д.

Но, ощущая міръ по своему, Н. Гумилевъ находитъ все-таки выходъ изъ повседневнаго сѣраго бытія;—вѣчность. Передъ послѣдней поэтъ преклоняется и, благоговѣя, говоритъ: „Благословлю я золотую дорогу къ солнцу отъ червя".

Четкій стихъ Н. Гумилева тутъ становится удивительно крѣпкимъ и яркимъ: „загорѣлый кормчій ловокъ, дыша волной растущей мглы и отъ натянутыхъ веревокъ бодрящимъ запахомъ смолы", „подъ мышкой посохъ кованый, дубовый, удобный даже старческой рукѣ", „сыплется въ узорное окно золото и пурпуръ повечерій".

Этимъ мы отнюдь не хотимъ подчеркнуть того, что поэту на его постоянной плоскости недостаетъ образности, нѣтъ—мы отмѣтимъ только, что въ послѣднемъ случаѣ—при стремленіи автора къ вѣчному,—стихъ невольно подбодряетъ читателя, какъ бы зоветъ его за собой. Да и какъ не откликнуться на такой увлекательный зовъ: „ивы вдоль степной дороги, мѣрный скрипъ колесъ и вдалекѣ бѣлый парусъ на большой рѣкѣ"?

Вѣдь, эти строки поистинѣ говорятъ о вѣчномъ, простомъ и ясно понятомъ Н. Гумилевымъ мірѣ.

Владимиръ Нарбутъ.

С. М. Гинзбургъ. *Отечественная война 1812 года и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Изд. „Разумъ". Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.*

Вѣковой юбилей Отечественной войны вызвалъ обширную литературу, освѣтившую многіе темные вопросы въ области исторіи двѣнадцатаго года.

Въ частности, впервые былъ подвергнутъ систематическому изслѣдованію вопросъ объ отношеніи евреевъ къ Отечественной войнѣ. Пишущимъ эти строки былъ напечатанъ рядъ статей въ „Новомъ Восходѣ", въ которыхъ былъ систематизированъ матеріалъ по этому вопросу. Затѣмъ С. Ан—скимъ былъ прочитанъ на эту же тему докладъ въ Петербургѣ, съ основнымъ выводомъ котораго читатель „Новой Жизни" знакомъ по напечатанной въ этой же книгѣ статьѣ.

Книга С. Гинзбурга посвящена тому же вопросу. Основанная на тщательнѣйшемъ изученіи обширной русской и иностранной литературы, работа г. Гинзбурга даетъ много очень интереснаго и свѣжаго историческаго матеріала. Авторъ показываетъ, какую большую роль сыграли евреи въ Отечественную войну, какъ отдали они по политическимъ и религіознымъ соображеніямъ свои симпатіи русскому войску, какую огромную услугу оказали они послѣднему своею развѣдочною службою. Евреи надѣялись, что ихъ патріотическое усердіе облегчитъ ихъ тяжелую участь, и въ этой надеждѣ укрѣпляли ихъ многіе дѣятели двѣнадцатаго года. Но съ окончаніемъ войны усилилась реакція—и положеніе евреевъ въ Россіи не только не улучшилось, но значительно ухудшилось.

Въ книгѣ г. Гинзбурга много очень интересныхъ и поучительныхъ страницъ, которыя прочтутся съ большимъ интересомъ всѣми интересующимися судьбами еврейства въ Россіи.

Но въ книгѣ имѣются и пробѣлы и промахи. Задавшись цѣлью показать, какое сочувствіе и содѣйствіе обнаружили русскіе евреи двѣнадцатаго года по отношенію къ русскому войску, авторъ не сумѣлъ избѣжать нѣкотораго налета шовинизма, мѣстами производящаго непріятное впечатлѣніе. Мѣстами онъ слишкомъ односторонне, такъ сказать—въ одну краску, рисуетъ историческую картину, бывшую на дѣлѣ многокрасочной и пестрой.

Пробѣломъ книги является то, что авторъ совсѣмъ обошелъ вопросъ объ участіи евреевъ въ организаціи провіантской части арміи и регулированіи финансовой стороны войны 1812-го года. Въ этой области евреи сыграли крупную роль; достаточно вспомнить одного Перетца. А Гинзбургъ обошелъ полнымъ молчаніемъ эту очень существенную сторону. Это крупный пробѣлъ въ его работѣ.

Въ книгѣ С. Гинзбурга очень обильны и цѣнны библіографическія указанія. Приложенъ и спеціальный указатель литературы. Но онъ не полонъ. Нѣтъ, напр., указаній на книгу Н. Градовскаго „Торговыя и другія права евреевъ въ Россіи" (Спб. 1886 г.), въ которой имѣются интересные матеріалы по данному вопросу.

Издана книга хорошо и недорого.

П. Берлинъ.

А. Риги. *„Кометы и электроны". Переводъ подъ редакціей профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета А. А. Иванова. Книгоизд. „Физика". С.-Петербургъ. 1912. Стр. 62. Ц. 45 к.*

Имя профессора Болоньскаго университета Августа Риги пользуется широкой извѣстностью благодаря не только его спеціальнымъ изслѣдованіямъ въ труднѣйшихъ областяхъ физики, но и многочисленнымъ популярнымъ сочиненіямъ, отличающимся ясностью изложенія и строго-научнымъ разборомъ вопросовъ.

Такими же достоинствами отличается и новая книга этого автора „Кометы и электроны", въ которой излагается примѣненіе новѣйшихъ физическихъ теорій къ объясненію очень интереснаго и важнаго вопроса о природѣ кометныхъ хвостовъ и вообще о явленіяхъ, наблюдаемыхъ на кометахъ. Вполнѣ вѣроятно, что изложенные взгляды, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями и дополненіями, получатъ въ скоромъ времени общее признаніе.

Интересъ къ книгѣ А. Риги увеличивается еще и благодаря тому, что въ ней авторъ даетъ принципіальное рѣшеніе вопроса о томъ, чего можетъ ожидать земля отъ возможнаго столкновенія съ какой-либо кометой, причемъ за отправной пунктъ берется ожидавшееся столкновеніе 19 мая 1910 года н. ст. съ кометой Галлея. Основываясь на безспорныхъ экспериментальныхъ законахъ и явленіяхъ, открытыхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ физикѣ, и на тѣхъ явленіяхъ, которыя были замѣчены опытными наблюдателями 19 мая 1910 г. и въ ближайшіе къ этому числу дни, онъ приходитъ къ заключенію, что опасаться встрѣчи земли съ кометой нѣтъ никакихъ основаній.

Въ книгѣ очень популярно, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго научно, говорится о новѣйшихъ воззрѣніяхъ въ физикѣ: о свѣтовомъ давленіи вообще, о давленіи лучей на газы, объ іонахъ и электронахъ. Особенно интересна глава объ электрическихъ явленіяхъ въ кометахъ. Имѣется и указатель литературы по затронутымъ авторомъ вопросамъ.

Г. Гурьевъ.

М. Н. Соболевъ. *Элементарный учебникъ политической экономіи для коммерческихъ училищъ и для самообразованія. С.-Петербургъ, 1912 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.*

Новая книга томскаго профессора М. Н. Соболева удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія ставятъ многочисленныя теперь и у насъ коммерческія учебныя заведенія. Въ учебникѣ почтеннаго профессора отводится довольно много мѣста тѣмъ отдѣламъ политической экономіи, которые особенно интересуютъ коммерсантовъ, какъ-то: формамъ капиталистическихъ предпріятій, банковому дѣлу, ученію о торговлѣ и кредиту.

Однако, и для не-коммерсантовъ учебникъ представляетъ большой интересъ. Въ немъ нашли мѣсто и новѣйшія явленія хозяйственной жизни, особенно, кооперація. Притомъ проф. Соболевъ, не упуская ни одного вопроса, входящаго въ кругъ политической экономіи, не навязываетъ въ спорныхъ пунктахъ своего личнаго мнѣнія, а объективно излагаетъ мнѣнія той и другой стороны.

Указывая на достоинства книги проф. Соболева, позволительно привести и нѣкоторые, впрочемъ, незначительные, недочеты ея. Напримѣръ, опредѣленіе на стр. 88-ой потребительной коопераціи, какъ объединенія мелкихъ хозяевъ, узко, ибо въ потребительныя общества входятъ не только мелкіе хозяева, а потребители - покупатели вообще. Неточно также и то, что „производительныя коопераціи насчитываются въ западно-европейскихъ государствахъ немногими десятками и встрѣчаются только въ области мелкаго производства". Производительные кооперативы въ Италіи и во Франціи насчитываются сотнями и существуютъ не только въ области мелкаго производства. Такъ, чугунно-литейный заводъ въ Гизѣ является успѣшно работающимъ въ области крупнаго производства кооперативомъ, который на стр. 119-ой не причисляется авторомъ къ таковымъ. Кромѣ этого, во Франціи существуетъ еще кооперативный стеклянный заводъ въ Альби, а въ Италіи крупнѣйшая въ Европѣ багетная фабрика въ Миланѣ, являющаяся образцомъ успѣшнаго кооперативнаго предпріятія.

М. Н. Соболевъ отбрасываетъ въ своемъ учебникѣ отдѣлъ ученія о потребленіи благъ, что нѣсколько ранѣе его сдѣлалъ М. И. Туганъ-Барановскій. Намъ кажется, что это преждевременно. Нѣкоторые ученые, особенно парижскій профессоръ Ш. Жидъ, даже расширяютъ отдѣлъ потребленія, а итальянскій профессоръ Э. Косса посвятилъ ему нѣсколько сотъ страницъ.

Въ заключеніе мы очень рекомендуемъ книгу проф. Соболева, которая наряду съ аналогичнымъ учебникомъ І. М. Кулишера, будетъ настольной книгой воспитанниковъ коммерческихъ учебныхъ заведеній.

В. Тотоміанцъ.

Книги, о которыхъ помѣщены здѣсь отзывы можно выписывать черезъ контору журнала „НОВАЯ ЖИЗНЬ".

Редакторъ-издатель И. М. Розенфельдъ.

ДѢТСКІЯ книги для подарковъ ОТЪ 10 К.

РОМАНЫ русскіе и переводн. ОТЪ 10 К.

ПОСТОЯННО БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

УЧЕБНИКОВЪ новыхъ по изд. цѣнамъ. держан. по дешевой цѣнѣ.

СОБРАН. СОЧИН. русск. и иностр. авторовъ изъ случайныхъ покупокъ въ пер. и безъ переплетовъ

НОВЫЯ небывш. въ употреб. КНИГИ ЗА ПОЛЦѢНЫ и ДЕШЕВЛЕ

Ламартинъ. **Жирондисты.** Историч. изслѣд. 4 т. съ портрет. Ц. 4 р. за 2 р.
" " " 4 т. безъ портр. за 1 р. 50 к.
Бахъ. **Австрія въ первую полов. 19 вѣка.** Перев. Базаровъ. Ц. 2 р. за 75 к.
Базаровъ и Степановъ. **Очерки по исторіи Германіи въ 19 вѣкѣ.** Ц. 1 р. 50 к. за 50 к.
Торсое. **Исторія нашего столѣтія.** (1815—1899 г.). Ц. 3 р. за 1 р. 50 к.
Соловьевъ. **Бѣлинскій въ его письмахъ и сочинен.** (1810—1848 г.). Ц. 90 к. за 50 к.
Л. Г. Иностр. **Критика о Горькомъ.** Сборн. ст. Ц. 1 р. 50 к. за 50 к.
Леопарди, Дж. Діалоги и мысли. Съ портр. Ц. 1 р. за 40 к.
Ко;ницкій. **Преступленіе Л. Толстого.** Соціально-Экономич. Этюдъ. Ц. 1 р. за 40 к.
Толстой, Л. Въ чемъ счастіе. Ц. 50 к. за 25 к. Дорого стоитъ. Ц. 40 к. за 20 к. Крейцерова Соната. Ц. 40 к. за 25 к. О разныхъ людяхъ. Ц. 40 к. за 20 к. Требованіе любви. Ц. 40 к. за 20 к. Таинственный старецъ Федоръ Кузьмичъ. Ц. 75 к. за 30 к. Живой трупъ. Ц. 25 к. за 10 к.
Мирбо. Садъ пытокъ. Ц. 1 р. за 40 к. Дневникъ горничной. Ц. 1 р. 25 к. за 75 к.
Родникъ. Сборникъ разсказовъ и стиховъ для дѣтей въ перепл. Ц. 1 р. 75 к. за 75 к.
Вериго. **Какъ занять дѣтей** дошкольн. возр. **Бесѣды, игры, занятія.** Съ рисунк. и черт. Ц. 1 р. за 50 к.
Головоломка. Гимнастика и развитіе ума. Математич. развлеч., игры и занятія. Ц. 50 к. за 30 к.
Какъ надо учиться. Укрѣпленіе памяти и соображенія. Ц. 30 к. за 20 к.
Самоучители: Нѣмецкаго, Французскаго, Англійскаго и Латинскаго языковъ. Составл. по извѣстн. руков. Ц. по 75 к., по 40 к.
Учебникъ **Нѣмецкаго коммерческаго языка.** по мет. проф. Брауна. Сост. Ковригинъ Ц. 1 р. за 50 к.
Конспекты и повторит. курсы по древней, средней, новой и русской истор. Ц. по 25 к., по 15 к. По Исторіи словесности. Ц. 35 к. за 20 к. Психологія. Ц. 25 к. за 15 к. По Алгебрѣ. Ц. 40 к. за 20 к. Тригонометріи Ц. 40 к. за 20 к. **Имѣются и др. консп. и повт. курсы.**
Какъ поступить на службу въ казенн., обществ. и част. учрежд. Ц. 1 р. 50 к. за 50 к.
Форель проф. **Половой вопросъ.** 2 т. съ рис. Ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к.
Вейнингеръ. **Полъ и характеръ.** Ц. 2 р. за 1 р.
Эббардъ. **Возстановленіе угасшей силы нервовъ.** Полн. руков. къ излѣч. безъ усыпленія. Ц. 10 р. за 3 р.
Самоучитель гипнотизма по Флаэру и Тарханову. Ц. 1 р. 50 к. за 50 к.
Волшебная книга. Зеркало тайныхъ наукъ, бѣлая и черная магія, спиритизмъ и проч. Ц. 2 р. за 75 к.
Хиромантія или тайны руки съ 69 рис. Ц. 1 р. за 50 к.
Полезная библіотека по гигіенѣ, домоводству, домохозяйству, нов. открытій и проч. 800 стр. 50 к.
Шмулевичъ. **Домашній скотолечебникъ.** Ц. 1 р. 50 к. за 50 к.
500 совѣтовъ для женщины. Красота, гимнастика, спортъ, приготовл. кушаній и проч. Ц. 1 р. за 50 к.
Домашняя гимнаст. Какъ сдѣлат. сильн. и здоров. съ 38 рис. и 2 табл. Ц. 50 к. за 30 к.
Легкая атлетика. Пріемы бѣга, прыжковъ и метаній. Ц. 25 к. за 15 к.
Кохъ. **Самоучитель французск. борьбы и атлетики.** съ 64 рис. Ц. 75 к. за 50 к.
Интересный собесѣдникъ или искусство быть занимательн. въ обществѣ. Ц. 1 р. за 75 к.
Прошу слова. **Застольныя рѣчи и спичи.** Ц. 1 р. 50 к. за 75 к.
Всѣ означен. кн. продаетъ и высылаетъ оптово-розничн.-книжн. маг. **А. К. ГОМУЛИНА, Спб. Литейный 49,** близь Симеоновской. Перес. за счетъ покупателя. Мелкія суммы можно высылать марками. **Каталогъ безплатно.**

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **А. К. ГОМУЛИНА.** Спб., Литейный 49.

ИМѢЕТЪ БОЛѢЕ 100,000 КНИГЪ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ИСКУСС., НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ТЕХНИКИ, МЕДИЦИНЫ и др. отд.

Типографія „Ш Буссель", Лиговская д. № 117.

Типографія „Ш. Буссель", Лиговская 117.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. **Октябрь.**

№ 10.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи, болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Отъ конторы.

За перемѣну адреса—50 к. для иногороднихъ,—для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно «Нов. Журн. для Всѣхъ» и «Новую Жизнь» платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщить прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ «Новая Жизнь». послѣ текста—страница—80 р., 1/2 стр.—45 р., 1/4 стр. 25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран.—100 р., 1/2 стран.—60 р., 1/4 стран. 35 р., строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к., 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 р., 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора «Новой Жизни» убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

Нашимъ читателямъ.

Открывая подписку на 1913 годъ, издательство „Новаго Журнала для Всѣхъ“ и „Новой Жизни“ считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія своихъ читателей слѣдующее.

Подписка на 1912 годъ на оба журнала была объявлена И. А. Бенштейномъ (Архиповымъ), отъ котораго изданіе перешло къ намъ въ концѣ февраля т. г., т. е. тогда, когда подписка уже была закончена и подписныя деньги, поступившія до 1-го марта, получены г. Бенштейномъ полностью. Такимъ образомъ, новое издательство приняло на себя тяжелое въ матеріальномъ смыслѣ обязательство — въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ удовлетворять тѣхъ многочисленныхъ подписчиковъ, съ которыхъ оно денегъ не получало.

Принявъ на себя такое обязательство, мы не только выполняемъ всѣ условія подписки, объявленныя г. Бенштейномъ, но и стремимся улучшить изданіе, расширяя и дополняя отдѣлы журналовъ и привлекая новыя литературныя силы къ участію въ нашей работѣ. При объявленіи подписки на будущій, 1913 годъ, мы совершенно точно и опредѣленно указываемъ, что мы предполагаемъ дать, дабы у читателя не было на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній и неясностей. Самые журналы будутъ вестись въ томъ же направленіи и съ тѣмъ же приблизительно составомъ сотрудниковъ, что и до сихъ поръ. Широко будутъ поставлены отдѣлы: критико-библіографическій и историческій.

Приложенія на будущій годъ къ „Новому Журналу для Всѣхъ“ опредѣляются въ размѣрѣ шести книгъ къ каждому журналу, каждая книга—по 128 стран. Разсылка приложеній начнется съ января.

Къ „Новой Жизни“ будетъ дано приложеніе исключительное по своей цѣнности: полное собраніе беллетристическихъ произведеній, до сихъ поръ вышедшихъ въ свѣтъ, популярнаго американскаго писателя Джэка Лондона, въ единственномъ разрѣшенномъ авторомъ переводѣ І. А. Маевскаго. Къ первому тому будутъ приложены подробная біографія Джэка Лондона и портретъ его. 12 книгъ даваемаго нами собранія сочиненій составляетъ 3840 стран. текста; онѣ будутъ заключать всѣ вышедшіе въ свѣтъ большіе романы Джэка Лондона и всѣ повѣсти и разсказы, которые будутъ нами выпускаться въ томахъ подъ общими названіями, какъ, напр., „Дѣти Снѣговъ“ и др. Перечисленіе названій томовъ см. въ объявленіи. Въ отдѣльной продажѣ эти 12 кн. стоятъ около 16 р., читатели же „Новой Жизни“ приплачиваютъ за всѣ книги къ цѣнѣ журнала 2 р. 30 к.

Въ виду наступающаго сезона подписки мы считаемъ нужнымъ предостеречь читателя отъ лицъ, нерѣдко пользующихся довѣріемъ публики, собирающихъ подписку и затѣмъ исчезающихъ съ горизонта. Въ настоящемъ случаѣ мы особенно имѣемъ въ виду слѣдующее: намъ извѣстно, что нѣкоторыми лицами получено оффиціальное разрѣшеніе на изданіе журнала подъ названіемъ „Журналъ для Всѣхъ“. Это извѣстное названіе популярнаго когда-то журнала, издававшагося В. С. Миролюбовымъ. Лица, получившія теперь это названіе, ничего общаго, конечно, не имѣютъ ни съ В. С. Миролюбовымъ, ни съ издававшимся имъ и закрытымъ при немъ журналомъ. Эти господа нынѣ пользуются невольнымъ отсутствіемъ В. С. Миролюбова изъ Россіи и, возможно, попытаются поймать на этомъ легковѣрнаго читателя.

Нашъ журналъ, не являясь прямымъ продолженіемъ дѣла В. С. Миролюбова и его „Журнала для Всѣхъ“, слѣдуетъ его традиціямъ. Этого, вѣроятно, не надо объяснять нашимъ читателямъ, которымъ физіономія „Новаго Журнала для Всѣхъ“ хорошо извѣстна.

Издательство „Новаго Журнала для Всѣхъ“ и „Новой Жизни“.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1913-й годъ

4 р. 90 к. въ годъ безъ прилож.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

7 р. 20 к. въ годъ съ прилож.

Спб., Владимирскій 19. Тел. 107-88.

Большой безпартійный журналъ литературы, науки, искусства и обществен. жизни, самый дешевый изъ толстыхъ журналовъ,—включающій всѣ отдѣлы толстыхъ журналовъ и по своей цѣнѣ доступный самому широкому кругу читателей. „НОВАЯ ЖИЗНЬ" выходитъ ежемѣсячно книжками больш. форм. (до 300 стр.) включая широко поставлен. отдѣлы: 1) беллетристическій, 2) научно-популярн., 3) критическ., 4) обществ.-политич., 5) художествен.—статьи по искусству.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, И. Бунинъ. А. Блокъ, К. Бальмонтъ, А. Боане, В. Брюсовъ, В. Вересаевъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, А. С. Гринъ, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, А. Каменскій, Вл. Кохановскій, С. Кондурушкинъ, Б. Лазаревскій, В. Ленскій, Д. Мережковскій, О. Миртовъ, В. Муйжель, Н. Олигеръ, А. Ремизовъ, А. Рославлевъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Свирскій, Ѳедоръ Сологубъ, гр. Ал. Н. Толстой, Н. Тимковскій, А. Ѳедоровъ, Танъ, Н. Фалѣевъ, Е. Чириковъ, Георгій Чулковъ, Дм. Цензоръ, С. Юшкевичъ, Г. Яблочковъ и др., **КРИТИКА, НАУКА, ПУБЛИЦИСТИКА**: проф. Е. Аничковъ, Н. Абрамовичъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ, П. Берлинъ, Ѳ. Батюшковъ, А. Бенуа, С. Венгеровъ, Л. Василевскій, А. Вережниковъ, И. Гинзбургъ, Л. Герасимовъ, А. Дживилеговъ, проф. Ѳ. Зелинскій, А. Измайловъ, академикъ Н. Котляревскій, проф. Н. Карѣевъ, Л. Камышниковъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, М. Лемке, Н. Морозовъ, академикъ Д. Овсянико-Куликовскій, Н. Рерихъ, М. Рейснеръ Н. Рубакинъ, проф. В. Святловскій, проф. Сперанскій, Е. Тарле, Як. Тугендхольдъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, проф. И. Озеровъ, В. Фриче, П. Юшкевичъ, М. Энгельгардъ и др.

Годовые подписчики получатъ безплатное приложеніе

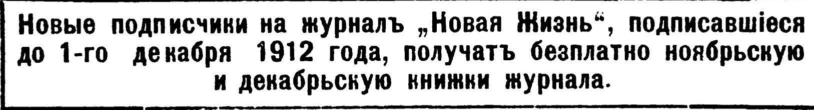
Полное собран. сочиненій

12 КНИГЪ ДЖЭКА ЛОНДОНА

которыя будутъ заключать не менѣе 3840 стр. средняго формата. съ біографіей и портрет. автора, въ единствен. разрѣшен. авторомъ перев. **І. А. Маевскаго**; приложен. къ „Нов. Жизни" будетъ соотвѣтствовать типу издан. **І. А. Маевскаго**, которое въ отдѣльной продажѣ стоитъ 16 руб. Въ составъ прилож. войдутъ: Т. I. Морской Волкъ, ром. съ біогр. и портр. Т. II. Приключеніе. ром. Т. III. Сынъ Волка, разсказы Т. IV. Дѣти снѣговъ, разсказы. Т. V. Сынъ Свѣта романъ. Т. VI. Мартинъ Иденъ, ром. Т. VII. Клондайкскіе разсказы. Т. VIII. Лунный ликъ. разск. Т. IX. Бѣлый клыкъ, разск. Т. X. Голосъ крови. Т. XI. Жители бездны. Т. XII. Дочь снѣговъ, ром.

Романъ «Морской Волкъ» съ біогр. и портр. автора будетъ разосланъ въ январѣ.

Подписная цѣна на 1913 г.: на годъ безъ прилож. **4** р. **90** к., на ½ г.—**2** р. **70** к. (Разсрочка: **3** р.—при подп., **2** р.—къ 1 іюля). Съ прилож. 12 кн. **Дж. Лондона:** на годъ—**7** р. **20** к., на ½ г.—**4** р. (Разсрочка: **3** р.—при подп., **2** р. **20** к.—1 марта и **2** р. **20** к. 1 іюля). Безъ дост. на **40** к. дешевле.



Подробно о совмѣстной подпискѣ на «Новый Журналъ для Всѣхъ» и «Новую Жизнь» см. подписку на «Нов. Журн. для Всѣхъ» на предыд. страницѣ.

Уныніе.

Одинокій, нелюбимый,
Я изъ дома въ часъ вечерній
Выхожу. Гляжу кругомъ.
Тучи тянутъ мимо, мимо,
Серебро мѣшая съ черные.
Осень въ воздухѣ ночномъ.

Безвластный.

Мѣсяцъ въ дыханьѣ морозномъ
Слѣва на небо мое
Всходитъ—и взглядомъ угрознымъ
Блещетъ его лезвіе.
Мѣсяцъ, грозить ты устанешь:
Сердце покорно судьбѣ.
Если и справа заглянешь,
Я не повѣрю тебѣ.

Новый сонъ.

Все, чѣмъ, сгорая, душа томится,
Всѣ жизни вѣщія слова—
Все это въ вѣчность, какъ сонъ, умчится,
И мы съ тобою—сонъ божества.
Но помни, другъ мой, что въ нашей власти
Нарушить темный любви законъ,
И, умирая, изъ свѣтлой страсти
Создать великій и новый сонъ.

П. Соловьева (Allegro).

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Разсказъ.

Шаповаловскій сходъ волнуется... Разгоряченные крики, наполняющіе душную сборную избу, все растутъ и сливаются въ упорный гулъ. Даже бородатые старики, всегда молчавшіе, теперь жмутся плотной стѣной къ столу, протискиваются впередъ плечами и локтями—и съ надсадомъ, уходя всѣмъ своимъ нутромъ въ каждое слово, кричатъ:

— Незачѣмъ выдѣлять!.. На̀ што ему земля?.. Все равно—пахать самъ не станетъ, а Игошину продастъ!..

— Это вѣрно!.. Какъ пить дастъ—продастъ...

— У Игошина брюхо—во-ѳ... Не накормишь!..

— Глот-отъ!.. Всю деревню бы проглотилъ, кабы силу имѣлъ...

— То-то и оно, што силовъ настоящихъ нѣтъ!..

— Не желаемъ!.. Вотъ и весь сказъ!..

Волостной писарь Евлампій Васильевичъ, ставленникъ земскаго начальника изъ канцеляристовъ, широкоплечій и широколобый, съ большими желваками на вискахъ, выбивается изъ силъ, чтобъ настоять на своемъ. Въ глубинѣ души онъ сочувствуетъ мужикамъ и не хотѣлъ бы съ ними ссориться, но у него есть секретное предписаніе отъ земскаго начальника, обязывающее его содѣйствовать всѣмъ выходцамъ изъ общины. И въ затрудненіи писарь не знаетъ, что дѣлать... Отъ напряженія на лбу его набухли толстыя жилы. Виски взмокли и волосы прилипли скобками къ краснымъ, тупо срѣзаннымъ ушамъ. Навалившись тяжело, по-мужицки, на обшарпанный столъ, онъ машетъ по воздуху сложенной въ четвертушку бумагой—заявленіемъ крестьянина Григорія Таратыгина о выдѣлѣ изъ общины:

— Да чудаки же вы!.. Да, вѣдь, законъ же!.. Да, вѣдь, если вы не дадите приговора, то имѣетъ онъ или нѣтъ полное резонное основаніе земскому жаловаться?.. Такъ или нѣтъ?..

Мужики не сдаются... Живая стѣна движущихся головъ колышется сильнѣй. На писаря смотрятъ, какъ на врага, пришедшаго изъ чужого стана;

никто не высказываетъ явно своего недовѣрія къ нему, но чувствуется, какъ это недовѣріе горячо бурлитъ подъ заплатанными армяками и домотканными холщевыми рубахами...

— Нечего намъ такать!.. Не желаемъ—и баста...

— Ты гумагой не тычь!.. А ты вотъ разсуди самъ, еловая голова, правильно ли—которому чужому человѣку да лучшій клинъ отрѣзать?..

— Па-а-мѣщики, притка васъ задави!..

Писарь оглядываетъ безпомощно то бушующую толпу, то помощниковъ—двухъ подростковъ, сидящихъ въ углу и пріучающихся къ дѣлу, то старшину, степеннаго мужика съ начищенной мѣдной бляхой на груди.

— То-есть какъ чужому?.. Шаповаловскій онъ или нѣтъ?.. И надѣлъ ему полагается иль нѣтъ?.. Вѣдь, вашъ же онъ общественникъ?..

Писарю не даютъ договорить.

— Какой онъ общественникъ!.. Трясучка его къ намъ изъ городу натрясла!..

— Сколько годовъ, какъ хозяйство ихъ семья порѣшивши?..

Писарь бросаетъ четвертушку на столъ, достаетъ изъ кармана пиджака пестрый каемчатый платокъ, вытираетъ потный лобъ и безнадежно машетъ рукой. Онъ садится на скамью и отдувается долго и съ трудомъ... Потомъ—отдышавшись—онъ дергаетъ за полу кафтана старшину...

Старшина неохотно, тяготясь своей обязанностью, встаетъ ему на смѣну... Онъ говоритъ сбивчиво и нескладно, медленно подыскиваетъ каждое слово; мысли лѣниво ворочаются въ его головѣ—и отъ усилій, вслѣдствіе непривычки говорить, надъ его тупымъ переносьемъ сходятся двѣ глубокія и толстыя складки...

— По пустому вы, старики, спорите!.. Разъ Евлампь Василичъ объясняетъ вамъ—нельзя, — ну, значитъ и нельзя!.. Евлампь Василичу всѣ законы извѣстны!..

Мужикъ Горькушинъ, многосемейный и нераздѣлившійся съ дѣтьми, продирается изъ заднихъ рядовъ впередъ и останавливаетъ на старшинѣ слезящіеся глазки съ воспаленными, какъ будто вывороченными до-красна вѣками... Лицо у Горькушина болѣзненное, и говоритъ онъ—точно жалуется на свою судьбу:

— Такъ, вѣдь, посуди самъ, Миколаичъ!.. Нешто такъ гоже?.. Одному клинъ, да другому клинъ,—пожалуй, раструси ее по клиньямъ хоша всю землю-то!.. А намъ кто чего дастъ?..

Виновникъ споровъ, Григорій Таратыгинъ, по кличкѣ Тартыга, сидитъ въ углу сборной избы рядомъ съ богачемъ-краснорядцемъ Игошинымъ. Оба знаютъ, что право и сила на ихъ сторонѣ, и потому молчатъ.

Таратыгинъ одѣтъ по городскому. Видъ у него безпечный,—крикливо-яркій

среди сѣраго деревенскаго. И отъ этого всѣ настораживаются вокругъ него досадливо и враждебно. Съ непріязнью оглядываютъ его сухое, изношенное въ городѣ до желтизны лицо, закрученные усы, отбѣгающіе тонкими хвостиками отъ губъ къ щекамъ, его клѣтчатый пиджакъ и даже старые ботинки, заплатанные и стоптанные, но сшитые по магазинному, на фальшивомъ ранту и съ вытянутыми фасонистыми носками.

Горькушинъ выбрасываетъ къ нему мозолистыя нескладныя руки и пробуетъ усовѣстить его:

— На̀ што тебѣ, Григорій, земля?.. Вѣдь, продашь?.. Самъ не будешь робить?..

Тартыга встряхивается. Все, что происходитъ кругомъ, ново для него и занятно... И вражда, которую онъ встрѣчаетъ во всѣхъ, не тревожитъ его ничуть, а только забавляетъ.

Наглые и смѣющіеся глазки Тартыги самодовольно щурятся—и долго переливается въ нихъ дерзкій дразнящій огонекъ.

Зная, что всѣ внимательно слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, онъ старается говорить какъ можно молодцоватѣй и небрежнѣй:

— А и продамъ!.. Вотъ на мѣстѣ подохнуть—право-слово продамъ!..

Горькушинъ съ сокрушеніемъ качаетъ головой:

— А-ихъ, парень ты, парень...

Тартыга откидывается однимъ плечомъ къ шаршавымъ бревнамъ стѣнки и небрежно сквозь зубы роняетъ:

— Знамо, парень, а не дѣвка!. Гы-ы!..

Горькушинъ укоризненно прощупываетъ Тартыгу глазами... Смотритъ пристально и долго, словно хочетъ опуститься глубоко въ самую душу Григорія и уяснить себѣ все непонятное и чужое, съ чѣмъ пришелъ изъ города этотъ странный и дерзкій человѣкъ.

— Игошину продашь?..—говоритъ онъ.

Тартыга чмыхаетъ... Раздвигаются кончики усовъ...

— Хочешь, тебѣ продамъ?.. Покупай!.. Дешевле дешеваго возьму!..

Краспорядецъ Игошинъ, самолюбивый и богатый мужикъ, задѣтъ за живое безпрестаннымъ упоминаніемъ его фамиліи... Но по упрямству и крутонравію онъ не хочетъ обнаружить передъ другими своихъ чувствъ,—все время съ усиліемъ сдерживаетъ себя и тяжело ворочается грузнымъ тѣломъ въ тѣсной суконной поддевкѣ такъ, что слышно, какъ скрипитъ въ швахъ толстое плотное сукно и хрустятъ кости... Отвѣты Тартыги нравятся ему, — онъ одобрительно крякаетъ и, выказывая передо всѣми превосходство, говоритъ съ достоинствомъ:

— Игошину ли, кому ли,—ты что за указчикъ выискался?.. На свои заработанныя купляю, не на краденыя!..

И опять въ тѣсныхъ стѣнахъ избы всплескиваютъ раздраженные крики... Только поздно вечеромъ кончается бой... Пишутъ приговоръ, недовольно ворчатъ, кряхтя, наваливаются животами на столъ, ставятъ каракули и крестики...

— Ну, гдѣ писать-то, паралика васъ убей!..

— Черти толстосумые!..

День веселый и ведреный, напоенный мягкой близостью осени... Въ сизой дымкѣ степныхъ далей—какъ въ рамкѣ—узорно просвѣчиваютъ квадраты пашенъ... Пахнетъ зерномъ и свѣжей соломой. Гдѣ-то уже начали раннюю дружную молотьбу на току,—бодро звенитъ въ воздухѣ стукъ цѣповъ,—и домовитое деревенское расползается урожайнымъ хлѣбнымъ паромъ по улицамъ.

Тартыга безцѣльно бродитъ вдоль порядка... На немъ новые сапоги съ высокими простроченными голенищами и въ рукахъ тульская гармоника; все это куплено на деньги, которыя онъ получилъ отъ Игошина.

Ходенемъ-ходятъ бумажные мѣха, подклеенные красной лайкой, и гармоника, какъ живой человѣкъ, выговариваетъ:

Си-дитъ милка, ждетъ ми-ло-го,
У него для ней об-но-ва,—
Э-эхъ да!..
Бѣ-лай шел-ко-вай пла-точекъ,
Любъ за-вѣт-ный пер-сте-нечекъ,—
Э-эхъ да!..

Подъ ветлами колодецъ. Высоко поднятый журавль черной бороздой перечертилъ небо. Къ осклизлому бревенчатому срубу приставлено корыто для свиней съ присохшими на краяхъ отрубями; оно наполнено водой и мокнетъ.

Тартыгѣ скучно. Онъ останавливается и выискиваетъ глазами, нѣтъ ли поблизости чего интереснаго... Около колодца босоногая дѣвочка. Тартыга перестаетъ играть и кричитъ:

— Грушка, подь сюда!..

Дѣвчонка боязливо жмется и топчется на мѣстѣ... Она не рѣшается подойти къ Тартыгѣ и выжидательно стоитъ, поднявъ по птичьи одну ногу съ наростами дикаго заструпѣлаго мяса...

Тартыгѣ вспоминается дѣтство, когда онъ самъ босымъ мальчуганомъ бѣгалъ въ деревнѣ... И жгучая непонятная волна, поднявшаяся изъ далекаго прошлаго, внезапно входитъ въ него и наполняетъ смутнымъ безпокойствомъ...

Онъ ласково и нѣжно манитъ Грушку:

— Подь, глупая, не бойсь!.. Орѣхъ дамъ...

Грушка опускаетъ ногу и идетъ робко къ нему, дичась, какъ маленькій

звѣрекъ. Тартыга гремитъ въ карманѣ пиджака, достаетъ орѣхъ, раскусываетъ его и половинки даетъ Грушкѣ. Отъ неожиданной радости она вспыхиваетъ. Сбѣгаютъ пугливыя тѣни... Тартыгѣ пріятно слѣдить за игрой круглыхъ ямочекъ на ея щекахъ и лучистыхъ узелкахъ около глазъ. Онъ снова трясетъ въ карманѣ и достаетъ еще два орѣха:

— Грызи!.. Только зубовъ не сломай...

Грушка краснѣетъ гуще. Глаза ея дѣлаются матовыми и влажными.

— Не сломаю, дяденька!..

— Вотъ, вотъ!.. Беззубую замужъ не возьмутъ,—нѣжно говоритъ Тартыга. Онъ смѣется—и усы у него движутся, какъ хорьковые хвостики, вверхъ и внизъ.

А Грушка обѣими руками крѣпко защемливаетъ въ пригоршню орѣхи и бѣжитъ къ избѣ.

Тартыга смотритъ ей вслѣдъ... Неясныя мысли—можетъ быть, печаль о прошломъ утраченномъ, можетъ быть, радостное ожиданіе чего-то лучшаго и неизвѣданаго—бродятъ по его лицу...

На поворотѣ въ Афонькины выселки ему попадается батюшка, отецъ Петръ.

— Коли попъ, добра не будетъ,—думаетъ Тартыга. И свѣтлое настроеніе его, на мгновеніе завладѣвшее душой, вдругъ исчезаетъ... Онъ угловато кривитъ лицо, становится снова жесткимъ и злымъ и вызывающе останавливается поперекъ дороги.

Отецъ Петръ—въ сѣромъ подрясникѣ, поярковой шляпѣ и съ яблоновой суковатой палкой въ рукахъ. Поровнявшись съ Тартыгой, онъ оглядываетъ строго его гармонику, потомъ попеременно то клѣтчатый пиджакъ, то сапоги... Тартыга не кланяется и въ упоръ смотритъ на попа черными насмѣшливыми глазами...

А когда отецъ Петръ проходитъ мимо, Тартыга забираетъ грудью во всю силу воздухъ и на весь порядокъ кричитъ:

— Бать, а бать!.. Постой, бать!.. Увидишь своихъ, кланяйся нашимъ... Скажи Василисѣ, чтобъ вечеромъ на гумно приходила!..

Василиса—молодая безродная бобылка—живетъ у отца Петра въ кухаркахъ. За короткое время жизни въ деревнѣ Тартыга успѣлъ познакомиться и сойтись съ ней.

Почему-то оба они сразу почувствовали влеченіе другъ къ другу...

Отецъ Петръ ничего не отвѣчаетъ, только крѣпче сжимаетъ въ рукахъ палку и крупными сердитыми шагами идетъ быстро впередъ...

Площадь передъ волостнымъ правленіемъ изрѣзана колеями въ разныя стороны отъ безпорядочной ѣзды. Посрединѣ площади церковь съ малиновыми стеклянными шарами на зеленыхъ вырѣзахъ ограды. Церковь приземистая, осѣвшая отъ старости и выбѣленная... Рядомъ колокольня. Надъ столбами возведенъ тесовый навѣсъ. Веревочные концы отъ колоколовъ спускаются почти до земли и завязаны тройчаткой въ крѣпкій узелъ.

Пустырь около волостного правленія занятъ складомъ бревенъ. Горкой завалены сосны съ коричнево-розовыми и свѣже-пахучими стволами.

На бревнахъ мужики и Тартыга бесѣдуютъ. Фуражка Тартыги примята съ боковъ, маслянніеся пьяные глаза любовно обнимаютъ и церковку, и зеленый лугъ, и загородь поповскаго палисадника, гдѣ время отъ времени въ сѣткѣ кустовъ рыжимъ пятномъ мелькаетъ простоволосая голова Василисы.

Мужики каждый по своему дѣлу ждутъ очереди въ волостномъ правленіи.

— Порѣшилъ съ землей?..—спрашиваетъ Тартыгу бывшій выборный учетчикъ сельской кассы Наумъ, серьезный мужикъ, съ завитками на крупной бородѣ и весь почернѣвшій, какъ поднятая плугомъ земля...

Тартыга по привычкѣ щурится... Яркій свѣтъ дня зыблется надъ площадью прозрачнымъ блестящимъ пологомъ и слѣпитъ глаза... И на солнцѣ отливаютъ глянцемъ бураки новыхъ сапогъ...

Мужики съ интересомъ ждутъ, что отвѣтитъ Тартыга... Смотрятъ холодными и чуждыми глазами, какъ онъ забрасываетъ безпечно и небрежно ногу на ногу. Даже дальній родственникъ Тартыги, сватушка Игнатъ, въ избѣ котораго Тартыга ночуетъ и платитъ за харчи по двугривенному въ день,—и тотъ недружелюбно замкнулся теперь самъ въ себѣ и молчитъ...

Тартыга сознаетъ, что онъ чужой всѣмъ, и отъ этого въ немъ сильнѣй поднимается задорное желаніе посердить Наума. Насмѣшливо онъ отвѣчаетъ:

— Ну, да, порѣшилъ!.. Вотъ провалиться на мѣстѣ, если вру!.. Чего мнѣ съ землей дѣлать?..

Наумъ выравнивается и кажется выше. Сверху внизъ онъ оглядываетъ Тартыгу, не скрывая своего презрѣнія, и продолжаетъ:

— Легкой жисти, парень, захотѣлось?.. Неохота, видно, землю-матушку ковырять да мужицкій хлѣбушко исти!..

Тартыга не смущается этими словами. Онъ смѣется длительнымъ и дѣланнымъ смѣхомъ. Въ пустотѣ его ощерившагося рта видны желтые обкуренные зубы.

— Правильно сказалъ, дядя Наумъ!.. Ей-Богу!.. Чего я здѣсь у васъ не видалъ?.. Лаптемъ воду не хлебалъ нешто? А?.. Въ городу я по крайности на какую хошь работу встану...

Наумъ мрачно поводитъ бровями...

— Много тоже и вашего брата тамъ подъ заборомъ дохнетъ!..

— А и дохнеть... Вотъ, ей-Богу-же, дохнеть!..—дурачливо отвѣчаетъ Тартыга.

Онъ играетъ своими словами—и каждый мускулъ на его лицѣ тоже играетъ и живетъ. Своей уступчивостью онъ хочетъ показать превосходство передъ Наумомъ... Незачѣмъ, молъ, спорить,—все равно не переспоришь!..

— Въ городу, дядя Наумъ,—продолжаетъ Тартыга, все болѣе входя въ свою роль,—людей, какъ комарей въ лѣсу: кои дохнутъ, а кои на ихъ мѣсто прибавляются... Чудное дѣло: откуда такая сила народу берется!.. Выйдешь на панель въ самую гущу,—тутъ тебѣ и генералы въ лентахъ, и господа съ тросточками, и барыни всякія... А умереть што-жъ?.. Вездѣ съ голодухи нашъ братъ помираетъ... Только въ городу смерть веселая,—не то, што въ деревнѣ... Выпилъ сороковку, послушалъ машинку въ трактирѣ, хлопнулъ картузомъ объ земь—и кр-рышка!..

Наумъ слѣдитъ за Тартыгой. И по мѣрѣ того, какъ Тартыга одушевляется, лицо Наума становится строже, вѣки тяжелѣютъ и надвигаются на темные, глубоко вырѣзанные глаза... Растетъ нетерпимая злоба ко всему, о чемъ такъ легко болтаетъ Тартыга... Наумъ весь сбирается для отвѣтнаго удара,—прицѣливается мрачно въ противника и говоритъ опять... Но онъ не тратитъ всѣхъ зарядовъ сразу, не высказываетъ всего, что думаетъ, а только задаетъ пустяшный, повидимому, ничего не значащій вопросъ:

— Ну, а дальше что?..

Тартыгѣ ясенъ этотъ хитрый маневръ, и онъ, съ своей стороны, считаетъ, что лучше продолжать въ прежнемъ дурачливомъ тонѣ:

— Что дальше?.. Сволокутъ за казенный счетъ на Пичугино—дальше и ничего...

Наумъ пренебрежительно скользитъ глазами по Тартыгѣ и незначительно бросаетъ два-три слова:

— Малаго же тебѣ, парень, надоть!.. Дешево вы себя, городскіе, цѣните!..

Серьезный и увѣренный видъ Наума дѣйствуетъ на мужиковъ... Они со смѣшкомъ оглядываютъ Тартыгу. Но Тартыга не теряется и изъ оборонительнаго положенія вдругъ переходитъ въ наступательное:

— Какъ придется, дядя Наумъ: когда дешево, а когда и дорого!.. А вамъ, ш а-п о-в а л о в с к и м ъ, какая цѣна?..

Наумъ принимаетъ вызовъ. Онъ весь съ ожесточеніемъ выдвигается впередъ и говоритъ глухо и увѣсисто, выпирая изъ широкой груди тяжелыя и значительныя слова:

— Наша цѣна вотъ!..—онъ показываетъ сухіе круглые мозоли на закорузлой ладони...—И еще вонъ тамъ!..—онъ вытягиваетъ сильную рабочую руку по направленію къ гумнамъ, желтѣющимъ за избами. — Если я теперь, примѣрно сказать, выходилъ за лѣто ста-два пудовъ ржи, — сосчитайка-сь, сколько такихъ пустоплясовъ, вродѣ тебя, будутъ мой хлѣбушко исти?..

Тартыга въ отвѣтъ только покручиваетъ тонкіе кончики усовъ...

— Э-ва сказалъ—два-ста пудовъ!.. А вотъ я баньщикомъ у купца Мордвинкипа состоялъ... Такъ разъ князь Давлетъ-Кельдіевъ съ компаніей наѣхали, да и давай въ ванной съ пивомъ въ подтаску голыхъ дѣвокъ купать... Двадцать пять рублей за вечеръ на однихъ чаяхъ заработалъ...

Наумъ съ искреннимъ отвращеніемъ плюется, вытираетъ грязнымъ рукавомъ губы, усы и бороду и говоритъ презрительно:

— Красно, парень, баешь!.. А не сказывали тебѣ дѣвки, по сколь кажная изъ нихъ съ князя за свой стыдъ заробила?.. А?..

Тартыга не находится, что отвѣтить... Слова Наума напоминаютъ всѣмъ о другой, скрытой въ душахъ, правдѣ, которая не расцѣнивается на копѣйки и рубли... Тартыга сознаетъ себя проигравшимъ,—спѣшитъ перемѣнить разговоръ, и насмѣшка ослабѣваетъ въ его рѣчи...

— Статистомъ тоже при тіатрѣ состоялъ,—продолжаетъ онъ, не зная, о чемъ говорить, и ухватившись за первую спасительную мысль. — Это значитъ въ дѣйствіи ходилъ... Нарядятъ тебя въ какую-никакую одежу съ нашивками, походишь ты по сценѣ, поглазѣешь на публику, а потомъ тридцать копѣекъ получай!.. Вотъ какъ деньги зарабатывалъ!.. А у васъ почемъ на молотилкѣ зимой платятъ...

— Сорокъ копѣекъ!..

— То-то и оно!..

Кто-то вздыхаетъ:

— У господъ деньги дешевыя!..

— Твою пустую брехню слушать—до ночи не переслушаешь,—обрываетъ вдругъ разговоры Наумъ.

Онъ отодвигается на край бревенъ, поворачивается къ Тартыгѣ спиной и даетъ понять, что пора прекратить споръ... Всѣ молчатъ, и каждый напряженно думаетъ о своемъ... Мужики тѣсно грудятся въ два ряда, Тартыга сидитъ одинъ... По сосредоточеннымъ угрюмымъ лицамъ всѣхъ можно разобрать, что сочувствіе на сторонѣ Наума. Тартыгѣ это непріятно, — какъ будто онъ провинился въ чемъ-нибудь дурномъ,—и маленькимъ червячкомъ родится внутри его желаніе расположить въ свою пользу мужиковъ .. Онъ настраивается серьезнѣй, смягчаетъ рѣзкій тонъ, подбираетъ съ травы къ бревнамъ ноги, точно стыдится щегольскихъ новыхъ сапоговъ и желаетъ спрятать ихъ подальше, и говоритъ просто, безъ кривляній:

— У всякаго дѣла, легкаго и тяжелаго, стоять доводилось... И въ механической цехѣ работалъ, котлы клепалъ,—не сразу, понятно, а когда къ работѣ пріобыкъ... Оказія тамъ одна вышла... Бастовали мы, расцѣнку сбавили... Пошла суета по заводу... Роту солдатъ пригнали, оцѣпили кругомъ чисто, мышь не проскочитъ... Недѣлю въ острогѣ за эту забастовку сидѣлъ... А потомъ съ завода уволили...

Тартыга достаетъ изъ кармана кисетъ, свертываетъ тонкій бумажный фунтикъ и закуриваетъ:

— Что-же мнѣ здѣся дѣлать?.. Нешто здѣся жизнь?..

Сватъ Тартыги Игнатъ, прозываемый «конопатымъ», первый сочувственно откликается на его слова.

— Эт-то вѣрно,—раздумчиво говоритъ онъ.—Несладко здѣся!.. Маешься-маешься коло земли-то, а все толку нѣту... Давно бы куда глаза глядятъ сбѣжалъ, да податься некуда...

И еще третій мужикъ—русый—вздыхаетъ и повторяетъ за «конопатымъ», какъ эхо:

— Податься некуда!..

«Конопатый» и русый не похожи одинъ на другого: «конопатый»—словоохотливъ и суетливъ, русый—тихъ и молчаливъ; но оба одинаково думаютъ, одинаково повертываются взлохмаченными затылками къ солнцу и даже подпоясаны почему-то одинаково—веревочками, низко на бедрахъ, отчего ноги ихъ кажутся короткими и смѣшными...

— Воздухомъ здѣсь просторно, а работой тѣсно,—говоритъ Тартыга и длинной сухой рукой съ разставленными пальцами загребаетъ вокругъ себя воздухъ...—Э-ва сколько воздуху!..

— Тѣсно!..—соглашается «конопатый»...

— Пытай, дядя, въ городъ,—совѣтуетъ Тартыга.

— Пыталъ,—хмуро говоритъ «конопатый». — Въ городу—какъ кому счастье!.. Лѣтось вотъ также мы съ кумомъ жили въ городу... Почитай, два мѣсяца безъ работы бились-бились... Туды-сюды,—послѣднія деньги на постояломъ прохарчили... Рады хоша бы навозъ изъ ямъ выгребать—да и въ золотой артели не берутъ... Такъ пусто и вернулись домой...

— Что и толковать, въ городу какъ кому посчастливитъ,—повторяетъ опять, какъ эхо, русый.

На крыльцѣ волостного правленія метлешится сторожъ, старикъ Потапычъ. На немъ ситцевая рубаха горошкомъ, на босыхъ ногахъ глубокіе поношенные писаревы галоши... Большая борода, какъ расчесанная кудель, прямоугольнымъ бѣлымъ вырѣзомъ закрываетъ грудь...

Потапычъ прикладываетъ руку къ глазамъ и слѣпо всматривается въ мужиковъ:

— Кому за ссудой?.. Сичасъ Евлампь Василичъ кассыю откроютъ...

Нѣсколько мужиковъ поднимаются съ мѣстъ... Наумъ и «конопатый» остаются...

Потапычъ замѣчаетъ Тартыгу и кричитъ:

— А ты, Григорій, чаво, курва тебя залягай?.. За паспортомъ што-ли?..

Тартыга шутливо отвѣчаетъ:

— Деньги въ кассу на процентъ кладу!..

Потапычъ смѣется, трясетъ бѣлыми пушнинами бороды и исчезаетъ за дверью.

Бойко звенитъ гармоника. Надрываются пискливые дисканта, хрипло сипятъ басы... Тартыга, избоченившись, подпѣваетъ:

Что ты, Гриш-ка, ва-фар-силъ,
Мно-го де-негъ про-ку-тилъ,
Д' мой ха-ро-шень-кай,
Д' мой при-го-жень-кай!..

Мужики, забывъ недавній споръ, слушаютъ съ удовольствіемъ. По темнымъ, изрытымъ нуждой лицамъ ихъ прыгаютъ веселые солнечные зайчики. Тартыгѣ это пріятно. Въ звонкую ясность прозрачнаго дня ему хочется вложить то, чего здѣсь нѣтъ: буйный и безшабашный задоръ... И онъ съ какимъ-то дикимъ сладострастіемъ вывертываетъ плечи и подтопываетъ въ тактъ ногами...

А по дорогѣ къ волостному правленію столбится пыль, четко въ звонкомъ воздухѣ стучатъ подковы... На вислобрюхой взмыленной кобылѣ скачетъ хорошо знакомый мужикамъ сотникъ большого сосѣдняго села Ольшанки, гдѣ камера земскаго начальника и станъ. Сотника мужики прозвали «фолейторомъ» за то, что онъ всегда—и зимой, и лѣтомъ, сопровождаетъ земскаго при поѣздкахъ... Сотникъ тяжело дышитъ... Разъѣхавшіяся полы его кафтана при каждомъ взлетѣ поднимаются и ударяютъ въ напотѣвшій лоснящійся крупъ лошади.

— Самъ ѣдетъ,—говоритъ «конопатый».

«Самъ»—это значитъ земскій...

Скоро на крыльцо выбѣгаетъ Потапычъ и колотитъ усердно по периламъ пыльной шваброй.

Мужики встаютъ съ бревенъ, подтягиваютъ пояски рубахъ, оправляютъ картузы, подпахиваютъ зипуны и садятся. Тартыга, не перемѣняя позы, продолжаетъ наигрывать.

Земскій на тройкѣ разномастыхъ,—это все, что осталось у него отъ когда-то большого конскаго завода... Коренникъ, съ бѣлыми щетками, сильно работаетъ въ разбивку ногами, пристяжныя едва поспѣваютъ за нимъ, и кажется, что они безтолково прыгаютъ въ воздухѣ и путаются среди постромокъ. На козлахъ кучеръ въ безрукавкѣ и урядникъ съ оранжевыми погонами.

Мужики, обнаживъ головы, переминаются съ ноги на ногу. Тартыга на мгновенье смолкаетъ и потомъ вдругъ съ удвоенной силой растягиваетъ мѣхи гармоники, ударяетъ по всѣмъ ладамъ и ожесточенно выкрикиваетъ:

Д' мой ха-ро-шень-кій,
— Д' мой пригожень-кій!..

Земскій удивленно бросаетъ на Тартыгу косой и незначительный взглядъ, слегка подается къ передку сидѣнья и тычетъ кулакомъ въ спину кучера. За дребезгомъ разбитой рессорной коляски не слышно, что онъ говоритъ. Кучеръ круто откидываетъ назадъ острые углы локтей и на тугихъ возжахъ осаживаетъ тройку. Коренникъ съ запаломъ храпитъ, пристяжныя машутъ головами и нетерпѣливо фыркаютъ, жарко отдувая ноздри... Урядникъ подбираетъ по-бабьи полы шинели, спрыгиваетъ съ козелъ и трусить къ бревнамъ.

Онъ вклещивается цѣпко пальцами въ Тартыгу, теребитъ его за рукавъ и тянетъ къ себѣ гармонику:

— Подай сюда!..

Тартыга отпихивается. Лицо урядника наливается шафраномъ; на глазахъ земскаго безъ разрѣшенія онъ не можетъ ударить Тартыгу и кричитъ:

— С-слышь!.. Тебѣ говорятъ—дай!..

Тартыга не уступаетъ и вырываетъ гармонику изъ его рукъ:

— Не замай!.. За эту музыку тоже не щепки, а денежки плачены!.. Ты что здѣсь за експропріяторъ такой выискался?..

Тартыга обозленъ и чеканитъ каждое слово. На него всѣ смотрятъ—и онъ чувствуетъ себя героемъ. И еще болѣе онъ доволенъ тѣмъ, что нашелъ то нужное и интересное, отъ чего насторожившіяся лица мужиковъ стали вдругъ острыми и любопытно вытянувшимися.

Земскій, опираясь дородной тушей на желѣзныя крылья кузова, тяжело вылазитъ изъ коляски. На холеныхъ и чисто пробритыхъ круглыхъ подушечкахъ его щекъ кровь проступаетъ пятнами. Онъ манитъ къ себѣ Тартыгу пухлымъ пальцемъ въ перчаткѣ:

— Подь-ка, любезный, сюда!..

Урядникъ суетливо прыгаетъ около Тартыги то съ одной, то съ другой стороны и теребитъ его:

— Слышь—подь!.. Ихъ высок-родіе требуютъ!

Тартыга неторопливо суетъ гармонику подъ мышку и идетъ медлительно и въ перевалку, намѣренно отсчитывая лѣнивые мелкіе шаги. Земскій, откинувъ назадъ голову, разглядываетъ его, немного по барски брезгливо, немного съ начальственной спесью, и вдругъ распаляется:

— Ты кто?..

— Я-то?..—съ наглой смѣлостью задорно переспрашиваетъ Тартыга. Хаосъ мыслей и словъ поднимается въ его головѣ—и изъ нихъ хочется выбрать что-нибудь звонкое и острое...

Оба стоятъ и смотрятъ одинъ на другого въ упоръ. Тартыга—маленькій и тщедушный... Передъ нимъ земскій—изъ дома дворянъ Кожиныхъ, отличающихся ростомъ и любовью къ псовой охотѣ—кажется гигантомъ... Но это не смущаетъ Тартыгу... Онъ усмѣхнулся и съ раздѣльной четкостью, такъ, что каждое слово крикливо звенитъ въ насторожившейся тишинѣ, отвѣчаетъ:

— Я—либеръ'..

Земскій рѣзкимъ движеніемъ плечъ сбрасываетъ съ себя крылатку. Урядникъ на-лету ловко подхватываетъ ее на руки и, по солдатски глотая слова, рапортуетъ:

— Чей-нибудь пристанній, ваше высок-родіе!.. Я всѣхъ здѣшнихъ по личности знаю...

Земскій въ форменномъ мундирѣ еще внушительнѣй и строже... Онъ не слушаетъ того, что говоритъ урядникъ, а только издаетъ неясный мычащій звукъ и неожиданно размахивается:

— Ты либе-рръ... Воотъ же тебѣ!.. Получай!..

Пухлый кулакъ въ перчаткѣ заносится надъ Тартыгой. Тартыга ловко и быстро описываетъ кругъ и присѣдаетъ къ землѣ. Кулакъ земскаго просѣкаетъ пустой воздухъ... Отъ неразсчитаннаго удара земскій свертывается на щегольскихъ высокихъ каблукахъ и перегибается на бокъ... Онъ уже почти падаетъ, но подбѣжавшій урядникъ успѣваетъ во-время поддержать его за талію.

Тартыга увиливаетъ въ сторону... На безопасномъ разстояніи отъ земскаго онъ переводитъ духъ и кричитъ:

— Не по тому мѣсту ударили, ваше с-скородіе!.. Теперь нѣтъ никакихъ на то правъ, чтобъ гражданина по лицу бить!..

Земскій оправляется. Ему неловко и передъ мужиками, и передъ волостными властями, выстроившимися въ двѣ шеренги на крыльцѣ правленія, а особенно передъ урядникомъ, прикосновеніе горячихъ и потныхъ рукъ котораго чувствуется сквозь тонкую матерію мундира и вызываетъ брезгливость и досадный стыдъ...

Урядникъ виновато и почтительно отступаетъ отъ земскаго, прикладываетъ руку къ козырьку, отдаетъ честь и ждетъ приказаній...

Земскій гнѣвно напруживаетъ изъ мундира грудь. Нижняя челюсть его трясется и слова, которыя онъ торопится сказать, дзыкаютъ въ воздухѣ неразборчиво и нелѣпо:

— З-з-з...

— Вз-зз-ять его!..—приказываетъ онъ.

Урядникъ опрометью бросается къ Тартыгѣ. На бѣгу онъ соображаетъ, что въ рукахъ у него крылатка, возвращается, кладетъ крылатку на кожаную подушку коляски, и бѣжитъ снова, надувая сѣрымъ парусомъ шинель.

Тартыга встрѣчаетъ его побѣдоносно и спокойно:

— Ты докажи прежде, за какую вину меня взять?..

Урядникъ стремительно, въ перехватъ, за кисти рукъ беретъ его:

— Намъ доказывать нечего!..

Гармоника выпадаетъ на землю... Тартыга сжимаетъ кулаки, надавливаетъ ими съ силой въ упругія межреберья урядника и борется:

— Нѣтъ, ты безъ доказательствъ не посмѣешь взять!.. Коли если что, такъ, вѣдь, я и въ газету могу ходъ найти...

Голосъ его становится все громче, заполняетъ площадь, на которой съ жадными вытянутыми шеями мужики слѣдятъ, какъ сплелись два тѣла.

— Нѣ-ѣтъ!.. Если ужъ такъ, — кричитъ Тартыга, натуживаясь, чтобъ освободиться,—я и въ гос-суда-арственную думу до депуу-татовъ дойду!..

Земскій чувствуетъ, какъ нелѣпость его положенія увеличивается... Онъ подаетъ уряднику знакъ и идетъ къ правленію. Кучеръ тихо трогаетъ лошадей. Урядникъ освобождаетъ Тартыгу и спѣшитъ за земскимъ. На ходу онъ приказываетъ мужикамъ, кивая головой на Тартыгу:

— Задержите его!..

Наумъ, ближе всѣхъ стоящій къ уряднику, враждебно ухмыляется въ черную бороду и отвѣчаетъ грубо:

— Держи, коль тебѣ надобно!.. На то вамъ, бузукамъ, и жалованье плотятъ...

Урядникъ ощетиниваетъ жесткіе, подрѣзанные надъ губами усы:

— Поговоришь ты у меня!..

Наумъ неожиданно и непонятно смѣлѣетъ: дерзость Тартыги заразительно волнуетъ его и крѣпкимъ пьянящимъ хмелемъ ударяетъ въ голову... Онъ поворачивается неприязненно къ уряднику и нацѣливается въ него глазами такъже, какъ незадолго передъ тѣмъ нацѣливался въ Тартыгу во время ихъ спора:

— А што-жъ мнѣ не говорить?.. Ротъ у меня не замазанъ!.. Привыкли, бузуковы дѣти, каждому въ морду пхать!..

Урядникъ молча глотаетъ колкость...

Тучная фигура земскаго уже колышется на крыльцѣ... Тартыга приводитъ себя въ порядокъ, поднимаетъ гармонику, поправляетъ сбитый картузъ и кричитъ въ догонку земскому:

— Гли-те-ка, братцы!.. Хо-хо-хо!.. За-адъ-то какой ихъ благородіе наѣли!..

Мужики съ удовольствіемъ пожимаются въ широкихъ рубахахъ и залатанныхъ зипунахъ. Никто ничего не говоритъ, но каждый втайнѣ съ нетерпѣніемъ ждетъ, что еще сдѣлаетъ Тартыга.

Земскій со свитой спѣшитъ скрыться за дверью—и уходъ его похожъ на бѣгство, чтобъ покончить скорѣй съ этой досадной и унизительной исторіей.

Тартыга идетъ къ бревнамъ и останавливается въ кучкѣ мужиковъ... Лучи доброжелательныхъ восхищенныхъ глазъ устремлены на него со всѣхъ сторонъ и оплетаютъ, какъ сѣтка. Тартыга сразу выростаетъ... Онъ у всѣхъ на виду посвѣтлѣвшій на ласковомъ деревенскомъ солнцѣ, и уже не прежній, ненужный и чужой, а весь новый, понятный и близкій всѣмъ, потому что поднялъ со дна душъ у всѣхъ родную, деревенскую, накопленную годами правду... И всѣ забываютъ, что онъ какъ врагъ пришелъ къ нимъ изъ города, что столько

мутной злобы и раздраженія поднялось вокругъ него и что еще вчера онъ бродилъ здѣсь ненужнымъ и отверженнымъ... Наумъ тѣснится съ прочими къ Тартыгѣ и слушаетъ, что говорятъ:

— Увертливъ ты, парень,—одобрительно замѣчаетъ «конопатый», раздвигая улыбкой рябое и скуластое лицо...

— А ты думалъ, что я морду подставлю?.. На, молъ, бей!..—отвѣчаетъ Тартыга.—Эти фасоны, братъ, нонѣ изъ моды отошли...

— А кабы не увернулся ты, здор-рово бы онъ тебя угадалъ!..—высказываетъ вслухъ свои предположенія «конопатый»...

Тартыга съ торжествующимъ выраженіемъ отвѣчаетъ:

— Ни-ичего, растакую его мать!.. Придетъ время—мы почище угадаемъ...

Наумъ бережно ловитъ все, что происходитъ кругомъ, ласково близится къ Тартыгѣ и примирительно добавляетъ:

— Вотъ-вотъ!.. Придетъ время—всѣ Васьки Василь Иванычами будутъ... Тебя какъ кликаютъ?.. Тартыгой?..

— Тартыгой...

— Ну, будутъ Григорьемъ Петровымъ Тартыгинымъ величать!.. Пойдемъ-ка, Григорій, отъ бѣды подальше со мной!..

Тартыга взволнованъ. Лицо его сводится мелкими и частыми движеніями мускуловъ, онъ дышитъ неровно и глубоко .. Особенно трогаетъ его участливость Наума... Онъ пододвигается къ нему и задушевнымъ, срывающимся голосомъ восклицаетъ:

— Э-хъ, другъ ты мой!.. Такъ, вѣдь, если што, нешто мнѣ себя жалко?.. Нешто же я такой, какъ говоришь ты?.. Нешто ради чего хорошаго ужъ и постоять не могу?.. А?...

Большой висячій замокъ арестантской не запирается: ключъ куда-то затерянъ, и желѣзная дужка надъ пробоемъ завязывается веревочкой.

Арестантская на задворкахъ волостного правленія... Въ пазахъ бревенчатыхъ стѣнъ—щели, и пакля виситъ рыжими жидкими косицами...

Въ углу печь... А на земляномъ полу ворохъ соломы, гдѣ Тартыга спитъ ночью. Онъ арестованъ за оскорбленіе земскаго.

Теперь онъ сидитъ на скамьѣ и прислушивается къ тому, какъ живетъ деревня.

Погромыхали бубенцами ямскіе,—старшина уѣхалъ изъ правленія... Стадо прогнали съ выгона,—долго въ воздухѣ виситъ и коровій ревъ, и блеяніе овецъ. Ребятишки загомонили на площади.

Кашляетъ долго, и надрывно Потапычъ...

Вечерѣетъ. Надъ деревенскими буднями проходитъ ночь...

Вверху арестантской маленькое окно съ прозеленѣвшими стеклами. Днемъ солнечные лучи, проходящіе черезъ него, зелено-желтые и мутные, какъ будто они здѣсь заплѣсневѣли. Ночью квадратный вырѣзъ окна чернѣетъ неясно и жутко.

Тартыгѣ слышится за дверью голосъ Василисы.

Онъ поднимается со скамьи и прикладывается ухомъ къ скважинѣ между косякомъ и дверью.

Журчитъ на площади женскій голосъ... Василиса убѣждаетъ въ чемъ-то Потапыча:

— Я только на одну минуточку, дѣдушка!.. Вотъ только на одну минуточку...

Тартыга оживляется... Пріятное чувство щекочетъ его внутри... «Василиса—это хорошо»,—радостно думаетъ онъ.

Дребезжитъ древній, знающій цѣну своимъ годамъ, голосъ Потапыча:

— Нешто-же это можно? Што удумала, курва тебя залягай... Нешто порядокъ, штобы къ арештанту чужого человѣка допустить, да ешще дѣвку?..

Василиса не сдается и настойчиво проситъ:

— Кому жъ какая убыль, дѣдушка, отъ того?.. Ну, приду я къ нему на часочекъ, посижу, а потомъ и уйду!..

Споритъ Потапычъ:

— Теперь ужъ на часочекъ захотѣлось?... А-ихъ ты, сидорова коза, драть тебя некому!.. Вотъ погоди, хрестному скажу,—задастъ онъ тебѣ утреню съ перезвономъ...

Слышно, какъ Василиса смѣется... Шуршитъ ея новый ситцевый навощенный платокъ.

— Што-жъ мнѣ хрестный?.. Нешто странняго человѣка ужъ и пожалѣть нельзя?.. Мнѣ, дѣдушка, въ узелкѣ пирога бы ему передать...

— Пирожокъ што-жъ,—пирожокъ можно...

— А самой нельзя?..

— Нельзя... Ну, давай пирожокъ, курва тебя залягай!..

Тартыга приставляетъ ко рту трубочкой руку и кричитъ въ скважину:

— Василиса!..

Василиса уныло стоитъ на мѣстѣ... Потапычъ смягчается и говоритъ:

— Подь, сходи на минутку... Только смотри—съ задовъ обойди, штобъ не встрѣлъ никто.

Оба ищутъ щели, черезъ которую могли бы переговорить. Тартыга вытаскиваетъ изъ паза кусокъ пакли, припадаетъ къ образовавшемуся отверстію глазомъ и шепчетъ:

— Василиса!..

Другой глазъ снаружи припадаетъ къ той же щели... Василиса обрадованно шепчетъ:

— Здраствуй, Григорій!..

— Здраствуй!.. Спасибо, что пришла...

— Не по-што!.. Пирогъ тебѣ принесла съ капустой...

— Съ капустой... Это хорошо... А что же вчерась не забѣгала!..

— Хотѣла забѣжать, да матушка не пустила...

— Та-акъ,—протяжно говоритъ Тартыга...

Свиданіе въ необычной обстановкѣ придаетъ чувству обоихъ особую жуткую и заманчивую прелесть...

— Ты бы табачку разстаралась,—говоритъ Тартыга.—Курить смерть хотится... Почитай съ самаго утра не курилъ...

— Принесу,—отвѣчаетъ Василиса...

Ей жалко Тартыгу... Въ узкую щелочку она всматривается однимъ глазомъ въ него, невиднаго ей и непонятнаго... Участливо спрашиваетъ:

— Скушно сидѣть?..

Тартыга подбадривается и увѣренно говоритъ:

— Пустое!.. Отсижу еще сутки, а потомъ... Попомнятъ они Тартыгу...

Василиса вздрагиваетъ... Тьма обступаетъ ее кругомъ, и въ этой тьмѣ Тартыга представляется такимъ таинственнымъ и сильнымъ...

— Ты чего, Григорій, удумалъ?..

— Ничего!.. Коли оказія подвернется,—спуску тоже не дамъ...—загадочно произноситъ Тартыга.

Разныя мысли кружатся въ его головѣ... И ему самому начинаетъ казаться, что его угроза—не пустыя слова и что онъ способенъ сдѣлать что-нибудь необычное и большое...

Василиса глубоко вздыхаетъ:

— Григорій...

— Что?..

— Попъ про тебя спрашивалъ... Мужики надысь говорили...

— Чего говорили?..

— А разное... Говорили—правда ли, нѣтъ ли,—будто ты земскаго боровомъ обозвалъ... А потомъ будто земскій осерчалъ и хотѣлъ тебя вдарить... А ты взялъ вотъ такъ ево за руку да и вывихнулся... Правда ли, нѣтъ ли?..

— Брешутъ мужики,—отвѣчаетъ Тартыга. Но ему пріятно, что о немъ идетъ прикрашенная народная молва. Онъ пріосанивается и придвигается ближе къ щели:

— Ну, а еще что говорили?..

— А ешще говорили, што грозилъ ты земскому... «Я, говорилъ, у князя младшимъ дворникомъ служилъ, и князь меня такъ любитъ, што по двадцать пять рублевъ на чай даетъ... Ничего для меня князь не пожалѣетъ... Я и на васъ, говоритъ, судъ найду... А то такъ и безъ суда»... Это, значитъ, краснаго пѣтуха подъ крышу, али ешще што...

Лицо Тартыги остро и любопытно вытягивается...

— Нн-у-у?.. Такъ и говорили?..

— Такъ и говорили... Засудятъ они тебя, Григорій... Убьютъ вотъ здѣсь, какъ лѣтось одного странняго такъ-то убили... Убьютъ, скроютъ—и концовъ не найтить...

— Не бойсь, не убьютъ...

— Теперь по селу такая галдежъ... Только и разговоровъ, што о тебѣ...

— Ну-у?..

— Право слово... Ешще говорили, што попа на дорогѣ ты встрѣтилъ, палкой хотѣлъ вдарить...

Тартыга удивляется и вытягиваетъ шею... Такъ занятны всѣ эти новости...

— За что же попа-то?—спрашиваетъ онъ...

— А хто тебя знаетъ, за што...

— Ну, а попъ што!..

— Попъ поднялъ, слышь, рясу, да въ проулокъ бѣгтить...

— Бѣгтить?..

— Бѣгтить!..

— Такъ ему и надо,—удовлетворенно говоритъ Тартыга, какъ будто все, о чемъ разсказываетъ Василиса, происходило на самомъ дѣлѣ и участникомъ этого былъ не Тартыга, а кто-нибудь другой.

— Что же попъ мужикамъ сказалъ?..

— Што сказалъ?.. Сказалъ, што такими, какъ ты, Сибирь заселяютъ... Я сама слышала... Съ матушкой огурцы въ кадкѣ перекладывали—опять тебя вспоминали... Такимъ, говоритъ, какъ онъ, надо колодки на ноги набивать...

Тартыга возмущается:

— Ужъ и колодки!.. Заколодили бы всѣхъ, да надъ кѣмъ пановать будутъ...

Молчанье... Тартыга размышляетъ о томъ, какъ диковинно складывается его жизнь. И въ тихой темнотѣ ночи придвигается близко къ нему какая-то необъяснимая и новая сила, властно и крѣпко соединяющая его со всѣмъ, чѣмъ волнуется и живетъ деревня...

— Василиса,—шепчетъ онъ опять послѣ молчанья.

— Што?..

— Ты обойди кругомъ, тамъ къ замку веревочка прилажена!..

— Боязно!..—отвѣчаетъ Василиса и осторожно оглядывается по сторонамъ.

— Чего боязно?.. Никто не увидитъ...

— Боязно!..

— Эк-кая ты, право,—досадливо вырывается у Тартыги...—А я думалъ, ты смѣлая... Ну, спасибо и на томъ, что пришла!..

Ни гармоники, ни новыхъ сапогъ у Тартыги уже нѣтъ... Все это продано и пропито... На ногахъ его стоптанные городскіе башмаки, а на головѣ бурый, кѣмъ-то подаренный гречишникъ.

Въ берестовомъ кузовкѣ, который принесла Василиса, — хлѣбъ и бутыль молока.

Въ тѣни поповскаго намета съ нахлестами свѣжей соломы пахнетъ пріятно колосомъ. Мягкій холодокъ сентябрьскаго вечера бодритъ...

Отъ выкатившейся ранней луны длинныя синеватыя тѣни... Тартыга лежитъ на боку, упираясь локтемъ въ землю, и раздумчиво кусаетъ соломинку.

— Хорошо здѣсь, Василиса,—говоритъ онъ, вдыхая большими глотками воздухъ.

Василиса въ большомъ тепломъ платкѣ, наброшенномъ шалью на плечи...

— А хорошо, такъ и оставайся здѣсь, Григорій,—робко отвѣчаетъ она, удивляясь тому, что сказала, и прислушиваясь въ пустотѣ къ собственному голосу.

Тартыга стряхиваетъ съ себя мечтательныя думы, такъ хорошо и уютно улегшіяся въ его душѣ.

— Нѣтъ, не рука мнѣ здѣсь оставаться! Дѣлать мнѣ у васъ, Василиса, нечего...

Въ тѣни онъ весь мягкій, словно за мѣсяцъ жизни деревня стерла съ него остроту и угловатость, которыя онъ принесъ изъ города. И слова его такъ грустно вплетаются въ нѣжную задумчивость ночи.

— Рѣшай, Василиса, пойдешь со мной иль нѣтъ?..

Василиса колеблется и нерѣшительно проводитъ рукой по лицу... Отъ волненія, которое она испытываетъ, круглыя янтарныя бусы поднимаются и опускаются на ея груди... И голову туманитъ отъ внезапно поднявшихся заманчивыхъ желаній. Рисуется соблазнительный городъ, гдѣ большіе каменные дома и интересные, нарядные и богатые люди.

Тартыга убѣждаетъ ее:

— Что жъ тебѣ здѣсь дѣлать?.. А?.. Хозяйства у тебя нѣтъ, а въ кухаркахъ жить—такъ лучше ужъ въ городу, а не въ глуши!..

Василиса жмется къ омету и перебираетъ кончики платка... Въ недоумѣніи спрашиваетъ:

— Какъ же такъ-то?.. Взять вотъ да и пойти?..

Тартыга ждетъ такого отвѣта,—скрываетъ, что ему больно, и продолжаетъ убѣждать ее:

— Вмѣстѣ, Василиса, пойдемъ!.. На одномъ мѣстѣ будешь сидѣть,—никакого толку не увидишь...

Василиса безпомощно и по-дѣтски глядитъ на него. Узкія неразвитыя ключицы ея выпираютъ острыми соединеніями—и она походитъ на дѣвочку.

— Боюсь я, Григорій!..

— Чего ты боишься?..

— Боюсь!.. У насъ вотъ такъ-то Мирохина Данька въ городу жила, а потомъ вернулась,—спортили ее,—вся въ пупырьяхъ и зачивреная... Барченокъ, баютъ, спортилъ...

Тартыга убѣжденно и поучительно говоритъ:

— Что же изъ того?.. Испортиться вездѣ можно... На этотъ предметъ каждый человѣкъ наблюдать за собой долженъ... И въ деревнѣ можно!.. Твоему попу, я чаю, тоже пальца въ ротъ не клади... Правда, Василиса, обижаетъ тебя попъ?..

Василиса смущенно опускаетъ вздрагивающія рѣсницы.

Вѣтеръ тихо стелетъ по землѣ тѣни и шелеститъ сонными серебряно-сизыми кустами полынка, отбѣжавшаго отъ заросшихъ полянокъ на вытоптанную плѣшевину около омета.

— Что же ты молчишь?.. Обижаетъ?..—участливо допытывается Тартыга.

Василиса краснѣетъ. Въ тѣни не видно, какъ лицо ея мучительно движется отъ стыда... Тихо она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, попъ у насъ строгій, не балуется...

— Извѣстное дѣло — попадья есть, — говоритъ Тартыга. — Ну, а псаломщикъ?..

Василиса низко опускаетъ голову,—ей тяжело сдѣлать это признанье, — и она съ усиліемъ говоритъ:

— Псаломщикъ намедни въ пунькѣ въ самый уголъ загналъ, всю руку до-синя защипалъ больно,—страсть!..

Тартыга вдругъ становится злымъ и острымъ, не похожимъ на того размечтавшагося деревенскаго, который только-что сидѣлъ рядомъ:

— Жеребцы гладкіе!..

Онъ свертываетъ изъ бумаги папиросу, чиркаетъ о коробку сѣрной спичкой. Синее пламя фосфора шипитъ и обдаетъ его ѣдкимъ запахомъ.

— Не подожги омета,—говоритъ Василиса.

Тартыга бросаетъ тлѣющую спичку на землю и небрежно отвѣчаетъ:

— Не лиха бѣда, если и загорится!.. Не обѣднѣетъ твой попъ...

Оба молчатъ. Тартыга сосредоточенно попыхиваетъ папироской. Лицо его то освѣщается—съ выпуклыми рельефами носа, бровей и черныхъ усиковъ, то погасаетъ, полное загадочныхъ мыслей.

Докуривъ, онъ спрашиваетъ:

— Что же, Василиса, рѣшай куда-никуда!..

Василиса глубоко вздыхаетъ...

— Замужъ что-ли хочешь выйти?.. Такъ, вѣдь, кто жъ тебя бобылку возьметъ? И къ полевой работѣ ты не привычна!..

Тартыга оглядываетъ худыя руки Василисы, ея узкія плечи и маленькія ноги въ кожаныхъ полусапожкахъ, непохожія на мужскія широколапыя ноги деревенскихъ дѣвокъ...

Василиса подъ его взглядомъ съеживается и уходитъ въ себя... Ея сердце тревожно бьется отъ мысли, что вотъ уйдетъ Тартыга въ городъ—и она останется опять одна съ своей тоской...

— Не пойду я, Григорій, замужъ,—говоритъ она, и въ голосѣ ея дрожатъ глухія слезы.

— Что же ты, бобылка, будешь дѣлать?..

— А въ келью, въ монашки уйду!.. У насъ за Афонькиными выселками дѣушки въ кельяхъ спасаются... Къ дѣушкамъ уйду...

— Въ кельяхъ проку тоже мало,—говоритъ Тартыга, рѣшая, что пора кончать бесѣду.—Ну, твое дѣло,—какъ хочешь!..

Онъ поднимается и отряхиваетъ съ пиджака солому. Тоскливое и одинокое растетъ въ душѣ Василисы... Все, происходящее съ ней, — Тартыга, его внезапное появленіе и теперь уходъ,—кажется ей какимъ-то смутнымъ сномъ, который блеснулъ на мгновенье и уже пропадаетъ...

— Куда же ты?..—спрашиваетъ она Тартыгу...

— А куда?.. Въ городъ,—отвѣчаетъ.—Пройдусь по холодку выселками, а обогрѣетъ солнце—завалюсь въ стога, высплюсь...

— На ночь-то глядя,—говоритъ Василиса и ласково съ покорностью заглядываетъ ему въ глаза.—Хоша бы переночевалъ!..

— Нѣтъ, пойду,—безповоротно рѣшаетъ Тартыга. — Который день собираюсь, да все никакъ не выберусь...

Онъ оглядывается и поправляетъ на головѣ сбитый гречишникъ.

Василиса отвертывается отъ него, лѣзетъ за пазуху, достаетъ холщевую тряпицу, развязываетъ и поворачивается снова.

— Ну, хоша вотъ возьми на дорогу.

— Это что?..

Тартыга протягиваетъ руку и ощупываетъ пальцами теплый, пригрѣтый на груди полтинникъ.

— Не надо!..

— Возьми, пригодится!..

Тартыга, подумавъ, беретъ.

Луна плететъ вверху голубую вязь. Тартыга сжимаетъ крѣпко монету. Сладкое ноющее чувство отъ давно неиспытанной ласки, которую онъ нашелъ такъ неожиданно здѣсь въ деревнѣ, охватываетъ его... Дружно придвигаются поля, полынокъ... И поля ласковыя и родныя... И кажется, что все это старое, близкое, давно знакомое—и гумно, и солома, и полынокъ, и Василиса... Только все забытое... И смутно крадется холодная мысль: встрѣтить-ли онъ гдѣ-нибудь

еще такую ласку? А если и встрѣтитъ, — не будетъ-ли тосковать о поляхъ, о полынкѣ, о Василисѣ?.. Можетъ быть, онъ уже никогда болѣе сюда не вернется...

Василиса прислоняется къ омету и, уткнувшись лицомъ въ рукавъ, беззвучно плачетъ...

Тартыга бережливо обнимаетъ ее за станъ, дышетъ въ ея щеки горячимъ и близкимъ дыханіемъ и дрогнувшимъ любовнымъ голосомъ говоритъ:

— Ну, чего ты?.. чего?..

Еще не поздно, когда Тартыга возвращается черезъ площадь.

Церковный домъ, раздѣленный на псаломщическую и дьяконскую половины, освѣщенъ. У створчатаго окна псаломщикъ разбираетъ партитуру церковныхъ нотъ.

Тартыга издали всматривается въ его профиль съ узко-сжатымъ лбомъ. Со злостью онъ наклоняется, шаритъ рукой по примятому гусиному остролистнику, схватываетъ булыжникъ и съ размаху бросаетъ въ обшитую тесомъ стѣну:

— Эт-то тебѣ за пуньку!..

Псаломщикъ бѣжитъ на дьяконскую половину, дрыгая жидкими козлиными ногами. На бѣлыхъ занавѣскахъ оконъ церковнаго дома появляются двигающіяся испуганныя тѣни...

А Тартыга идетъ къ «конопатому»... Въ сѣнцахъ онъ оставляетъ берестовый кузовъ. «Конопатый» еще не спитъ. Онъ сидитъ за столомъ. Хозяйка его Агафья штопаетъ что-то при тускломъ свѣтѣ жестяной лампы. Въ углу на досчатыхъ широкихъ нарахъ спятъ двое ребятъ, прикрытые ветошью...

Игнатъ спрашиваетъ Тартыгу, не хочетъ-ли онъ ѣсть, и отодвигается на край скамьи, очищая мѣсто подлѣ себя за столомъ. Тартыга кладетъ на подоконникъ гречишникъ и садится. Движенья его серьезны и значительны... Теперь онъ совсѣмъ напоминаетъ степеннаго домовитаго мужика, который въ другихъ вызываетъ только уваженіе...

— Что хорошаго, дядя Игнатъ?..—спрашиваетъ онъ.

Игнатъ озабоченно повертывается къ нему и недовольнымъ, скрывающимъ въ себѣ тревогу, голосомъ отвѣчаетъ:

— Съ коего ляду въ нашемъ быту хорошему приключиться?..

Тартыга внимательно наблюдаетъ за нимъ. Все кругомъ полно для него теперь важнаго смысла и заставляетъ принимать близко къ сердцу и радости, и огорченія этихъ людей, ставшихъ для него своими...

— Случилось что, дядя Игнатъ?..

— Такъ, пустое,—уклончиво отвѣчаетъ «конопатый». Но по его глазамъ,

угрюмо свѣтящимся въ затѣненной глубинѣ, видно, что онъ не договариваетъ чего-то. Тартыга тревожится...

— Что?.. Бѣда какая?..

Конопатый колеблется... Наконецъ, говоритъ, вынимая съ осторожностью каждое слово, чтобы не смутить, а главное—не обидѣть Тартыги:

— Пустое!.. Старшина съ урядникомъ даве въ волости про тебя допытывались... Нечего, баютъ, ему здѣсь дѣлать!.. Еще какая склока отъ него выйдетъ!..

Тартыга нѣкоторое время размышляетъ надъ словами Игната и потомъ спокойно отвѣчаетъ...

— А это ужъ я про себя мекаю, есть ли мнѣ дѣло или нѣтъ...

Конопатый одобрительно поддакиваетъ ему:

— На меня осерчали... Брыкнулся я въ нихъ тоже!.. Спрашивайте, молъ, не меня, а Григорья!.. Што-жъ вы тогда его съ земскимъ не осилили?..

Тартыга радостно вспыхиваетъ и благодарными глазами смотритъ на Игната:

— Такъ, такъ, дядя Игнатъ...

Оба молчатъ. То, о чемъ думаетъ одинъ, неуловимо передается другому и родитъ въ обоихъ согласную и крѣпкую близость...

Тартыга встаетъ съ лавки и успокоительно говоритъ:

— Ты не тревожься, дядя Игнатъ.. Я, вѣдь, уйду... Вотъ посижу малость да и пойду...

Игнатъ испуганно вскакиваетъ слѣдомъ за нимъ... Лицо его становится виновато-растеряннымъ и смущеннымъ,—онъ какъ будто сожалѣетъ о томъ, что такъ не кстати затѣялъ этотъ разговоръ, и теперь хочетъ загладить свою вину... Онъ протягиваетъ къ Тартыгѣ руки и говоритъ:

— Што ты, Христосъ съ тобой!.. Нешто я къ тому, штобы ты уходилъ?.. По мнѣ живи сколь хошь!.. Нонѣ, слава Богу, хлѣбъ уродился,—чать лишнимъ кускомъ не объѣшь!...

Агафья тоже огибаетъ столъ и заговариваетъ съ Тартыгой:

— Што-жь намъ нонѣ земс-кай?.. Это вотъ лѣтось отъ казны хлѣбъ получали, такъ земскай съ попомъ , кому хотѣли, тому и писали...

Тартыга растроганъ и глядитъ повлажнѣвшими глазами то на Игната, то на Агафью. Свѣтлая нечаянная радость вспыхиваетъ внутри его, растетъ горой и подступаетъ къ самому горлу... Хочется отвѣтить чѣмъ-нибудь такимъ-же добрымъ и незабываемымъ на всю жизнь... Изъ многихъ нахлынувшихъ мыслей хочется выбрать одну—простую и любовную, какъ просто и любовно все, что движется въ тѣсной тишинѣ избы... Тартыга не находитъ такихъ словъ и только умиленно говоритъ:

— Спасибо, родные!.. Спасибо!..

Игнатъ и Агафья заботливо усаживаютъ его. Игнатъ по дружески кладетъ на его плечо руку:

— Нѣтъ, негоже, Григорій, негоже ты удумалъ!.. Какъ же это въ непутевое время идти?.. Ровно воръ ты али палкой кто тебя гонитъ!.. Ты хоша переночуй, до утра обожди... Честь-честью соберемъ тебя, проводимъ честь-честью,—какъ быть...

Тартыга весь во власти этихъ ласкъ:

— Спасибо, Игнатъ, и тебѣ, Агафьюшка, спасибо!..

Агафья суетится около лавки, прибираетъ со стола и ухаживаетъ съ материнской нѣжностью:

— Такъ-то лучше будетъ!.. Ложись-ка вотъ здѣсь на лавкѣ да и спи до утра...

Она сноситъ тряпье на сундукъ и изъ угла заботливо продолжаетъ:

— Будешь, Григорій, стелиться,—въ головы мужиковъ чапанъ возьмешь...

Тартыга ничего не отвѣчаетъ... Душой его завладѣваетъ приливъ нѣжности и любви... Ему кажется, что онъ не заслужилъ всѣхъ этихъ заботъ, и онъ думаетъ о томъ, сможетъ ли онъ и сумѣетъ ли отплатить за все это добро...

На печи возится, протяжно стонетъ и съ удушливымъ надрывомъ кашляетъ старуха, мать Игната. Тартыга вздрагиваетъ и смотритъ въ уголъ на печь.

Старуха свѣсилась головой на край печи,—бѣлѣютъ растрепанныя космы, выбившіяся изъ-подъ грязнаго замызганнаго платка, съ хрипомъ вылетаютъ слова:

— Игн-а-атъ!.. а-а-а...тъ!..

Игнатъ подходитъ къ печи...

— Пи-и-ить!..

Игнатъ молча черпаетъ изъ кадки ковшъ и подаетъ матери. Та припадаетъ къ водѣ, жадно отпиваетъ нѣсколько глотковъ и подаетъ ковшъ обратно. Игнатъ сплескиваетъ остатки въ помойную лохань и кладетъ ковшъ на лавку.

— Что у васъ съ баушкой?..—спрашиваетъ Тартыга.

Игнатъ возвращается къ домашнимъ тревогамъ, лицо его сразу тускнѣетъ, глаза быстро уходятъ вглубь, и онъ отвѣчаетъ глухо:

— Запритчила старуха!.. Съ самыхъ полденъ животомъ мается...

Тартыга противъ воли начинаетъ думать о старухѣ. И чѣмъ больше думаетъ, тѣмъ сильнѣе завладѣваетъ имъ желаніе сдѣлать что-нибудь такое, отъ чего всѣмъ въ избѣ стало бы легче и свободнѣй жить... Но ничего такого онъ не находитъ, непріятная тяжесть наваливается на него, и онъ говоритъ досадливо:

— Не надо бы сырую воду давать!.. Отъ сырой воды вредъ...

— Што-жъ подѣлаешь, — соглашается Игнатъ...—Какъ утица пьетъ да пьетъ... Кабысь не померла...

— За ночь-то чать не помретъ,—вставляетъ свое слово Агафья.

Голосъ у обоихъ равнодушный и одеревенѣвшій,—видимо, оба примирились съ мыслью о смерти старухи

Потомъ Игнатъ и Агафья уходятъ въ сѣнцы, гдѣ спятъ.

Тартыга тушитъ лампу и ложится на скамьѣ. Мысли безконечно бродятъ въ головѣ, смѣняются одна другой и мѣшаютъ спать... Но отъ шатанья за день по селу онъ сильно усталъ и вскорѣ засыпаетъ молодымъ здоровымъ сномъ.

Передъ зарей онъ просыпается. Старуха ворочается на печи, стучитъ сухими костями по вытертымъ кирпичамъ... Одному изъ ребятъ что-то пригрезилось во снѣ—и онъ испуганно вскрикнулъ. Мышь у сундука воровато скрипитъ зубами по дереву.

Тартыга пробуетъ опять заснуть и не можетъ. Вслушивается, какъ кашляетъ мать Игната разорваннымъ хлябающемъ кашлемъ... И ему начинаетъ казаться, что изъ угловъ избы со всѣхъ сторонъ окутываетъ его—какъ душная овчина—сѣрая деревенская забота.

Онъ поднимается и свѣшиваетъ со скамьи босыя ноги. Такъ долго сидитъ онъ одинъ. Неясные шорохи стелятся вокругъ него, подползаютъ совсѣмъ близко и напоминаютъ обо всемъ, чѣмъ полна жизнь Игната и Агафьи: нуждѣ, болѣзняхъ, скорбяхъ и трудѣ... И душу тихо начинаетъ сверлить тоска отъ сознанья, что нечѣмъ помочь...

— Не пойти ли по холодку?..—думаетъ онъ, точно убѣгая отъ своихъ мыслей. Встаетъ и смотритъ въ окно...

Стожары уже высоко, и звѣзды передъ разсвѣтомъ поблѣднѣли...

— Да, надо идти,—рѣшаетъ онъ.

Въ потемкахъ одѣвается, нащупываетъ рукой желѣзную скобу двери и выходитъ въ сѣнцы... Наталкивается на что-то мягкое, лежащее на полу.. Спитъ «конопатый» съ женой. «Конопатый» просыпается, слѣпо шаритъ вокругъ себя и вскрикиваетъ:

— Кто тутъ, Господи Исусе!..

— Я, Григорій. Въ городъ иду...

Конопатый встаетъ... Спросонья онъ плохо соображаетъ и потому удерживаетъ Тартыгу слабо:

— Надумалъ таки?.. А?.. Оставался бы!..

— Пойду, дядя Игнатъ, спасибо!.. Когда-никогда надо идти!..

— Може, хлѣба надо али чего?..

— Не надо!.. Спасибо...

Тартыга разыскиваетъ кузовъ и дорожный подожокъ. Агафья бормочетъ несвязно сквозь сонъ... Ее не будятъ...

Игнатъ босой и безъ шапки провожаетъ Тартыгу за ворота. Въ длинной рубахѣ и распояской онъ при свѣтѣ луны похожъ на старика и вблизи весь сизый и сырой...

— Ну, прощавай!..

Они подаютъ руки и, сами не зная, почему это такъ выходитъ, вдругъ оба по мужицки облапливаются, подтягиваютъ другъ друга за шеи и сочно, три раза, губы въ губы, цѣлуются...

— Съ Богомъ!..—дружелюбно говоритъ Игнатъ.—Коли случится работа—напиши!..

Тартыга киваетъ головой:

— Напишу!..

За селомъ степь обнимаетъ его широкимъ просторомъ... Увѣренно онъ шагаетъ по холодку и звонко стучитъ палкой по жесткой, хорошо накатанной дорогѣ. Думается о Василисѣ, объ Авдотьѣ съ Игнатомъ, о старухѣ,—не умерла бы она,—о Наумѣ, съ которымъ на прощанье такъ и не пришлось повидѣться... Мысли—какъ длинныя неразорванныя нити—все время тянутся отъ деревни вмѣстѣ съ нимъ, и среди тихаго трепета полей онъ несетъ ихъ въ голубую даль, гдѣ на неясныхъ граняхъ земли и неба уже протянулась нѣжная бѣлесая полоска разсвѣта...

Ал. Богдановъ.

Зимнее лѣто

I.

Затихшихъ волнъ сіянье безконечно
Подъ низкимъ, жаркимъ солнцемъ декабря.
Прозрачно все, и такъ нетлѣнно-вѣчно,
Какъ мотылекъ въ обломкѣ янтаря.

Багровыхъ скалъ въ бездонной чашѣ синей
Волшебное сомкнулося кольцо.
У ногъ моихъ ночной сѣдѣетъ иней
И дышетъ зной полуденный въ лицо.

О, зимнихъ дней уютная короткость,
Въ очарованіи застывшій лѣсъ,
И хвойныхъ иглъ недвижимая четкость
Въ неизъяснимой ясности небесъ!

О, райская, блаженная пустыня,
Гдѣ и доднесь, какъ древле, сходитъ Богъ,
Гдѣ все—одна любовь, одна святыня,
Уже и здѣсь нездѣшняго залогъ.

И пусть на мигъ,—но сердце не забудетъ
Того, что нынѣ сердцемъ я постигъ.
И знаю: тамъ—уже на вѣки будетъ,
Что здѣсь на мигъ.

II.

Какъ наполняетъ храмъ благоуханье
Сожженныхъ смолъ,
Такъ вересковъ наполнило дыханье
Вечерній долъ.
И сладостно, какъ бредъ любви, жужжанье
Декабрьскихъ пчелъ.

Д. Мережковскій.

ГОСТЬ.

Разсказъ.

Громыхая по камнямъ мостовой, подпрыгивая и качаясь, уносили извозчичьи дрожки двухъ сѣдоковъ. И по мѣрѣ того, какъ центръ города оставался все дальше назади, воздухъ становился замѣтно чище, прохладнѣе, дома меньше, старѣе, больше одноэтажныхъ деревянныхъ, приземистыхъ; и улицы здѣсь были немощеныя, съ глубокимъ слоемъ мягкой и теплой пыли.

Долго тянулись эти пыльныя темныя улицы, потомъ развернулась широкая площадь, тонувшая въ себѣ самой, и, наконецъ, извозчикъ остановился у крыльца стараго, кривого, длиннаго, гробообразнаго дома. Надъ крыльцомъ по обѣ стороны горѣли два бѣлыхъ фонаря. Въ окнахъ висѣли освѣщенныя изнутри красныя ситцевыя занавѣски. Было тихо.

— Подождать прикажете?—спросилъ извозчикъ.

— Не надо. И пѣшкомъ хорошо дойдемъ,—отвѣтилъ высокій человѣкъ

Другой, низенькій и полный, добавилъ циничную фразу. Извозчикъ выпустилъ звукъ, похожій на смѣхъ.

Пріятели прошли узкимъ корридоромъ, въ которомъ пахло отхожимъ мѣстомъ, отворили дверь внутрь, и сразу ихъ ударилъ запахъ—запахъ грязнаго, неприкрашеннаго разврата.

Близь дверей на скамьѣ сидѣлъ большой, соннаго вида, мужикъ, съ широкой рыжеватой бородой и тусклыми равнодушными глазами. При входѣ гостей онъ не пошевелился, даже не взглянулъ. Сидѣлъ, привалившись спиной къ стѣнѣ, и тупо смотрѣлъ передъ собой. Налѣво была комната съ зеркаломъ, съ диваномъ, стульями. На диванѣ, сбившись въ кучу, сидѣли четыре женщины. Онѣ пѣли что-то сонными сиплыми голосами, но оборвали при входѣ гостей.

— Что умолкли, пташечки?—сказалъ низенькій.

Онъ подошелъ къ дивану, сѣлъ и обнялъ ближайшую. На ней была зеленая юбка и розовая кофта. Скуластое широкое лицо съ заплывшими желтыми глазками сдѣлало подобіе улыбки.

— Пойте, мы вамъ не мѣшаемъ.

— Какъ не мѣшаете?—сказала бойкая худая женщина, черноволосая и почти красивая.

— А вамъ не привыкать,—сострилъ гость и засмѣялся, по лошадиному оскаливъ желтые крупные зубы.

— Возьмите парочку пивца,—сказала скуластая и облизнулась.

— Ишь чего захотѣла! Къ нимъ гости пожаловали, а онѣ съ нихъ же норовятъ содрать. Это гдѣ писано? Аттандэ-съ!

Высокій гость сидѣлъ одинъ у окна. Потертый его пиджакъ распахнулся, и синяя сатинетовая рубашка была видна подъ нимъ. Онъ хмуро смотрѣлъ на женщинъ, пошарилъ въ карманахъ брюкъ и вытащилъ два двугривенныхъ.

— Вотъ, возьмите,—сказалъ онъ застѣнчиво.

Почти красивая весело вскочила, ловко выхватила деньги и убѣжала.

За столикомъ подъ зеркаломъ спала хозяйка. Опустивъ голову на руки, она сладко всхрапывала, и жирная огромная ея туша мирно содрогалась. Она захлебнулась вдругъ и приподняла лицо. Отвислая губа пожевала глазки безоблачно моргнули, опять спряталось розовое, какъ свиной задъ, лицо.

Женщина вернулась съ пивомъ и стаканами, за ней несмѣло продвинулась въ комнату маленькая худенькая миловидная дѣвушка. Она взглянула ясно, какъ гимназистка, покраснѣла и потупилась.

— А вотъ и царевна наша недотрога!—хрипло вытянула пожилая раскрашенная.

— Миликтриса Кирбитьевна!—хмыкнула узкоглазая.

— Новенькая?—освѣдомился низенькій.

— Новенькая,—насмѣшливо откликнулась бойкая.—Всѣ мы новенькія Кажду ночь новенькія.

— Мамзель!—вскочилъ низенькій.—Разрѣшите представиться. Графъ Бардадымъ-Загибайло. Ваше имя, божественная?

Миловидная подняла глаза—странные, невидящіе—и улыбнулась странно и чуждо.

— Женя—я.

— Жень-премьеръ? Очень пріятно.

Онъ подсѣлъ къ ней, и глаза его покрылись масломъ.

А высокій внезапно покраснѣлъ, безпокойно задвигался, хотѣлъ встать, но остался на мѣстѣ.

— А хороша штучка, а?—подмигнулъ ему низенькій.

— Королекъ!—сказала бойкая. И запѣла:

Разъ пасту-ушка здѣсь б-б-ла,
Пыс-туха с-съ ума свела,
А п-томъ д-давай мичтать,
Какъ бы ей тира-ра-ра...

— Поднесите стаканчикъ!—закончила, обращаясь къ высокому.

— Пейте,—отвѣтилъ тотъ.

Бойкая пила и съ любопытствомъ на него смотрѣла. Немного насмѣшливо. Кончила, вытерла ладонью губы и улыбнулась.

— А вы, должно, большая скромница.

Тотъ не отвѣтилъ.

Женщина опять усмѣхнулась, но уже явно насмѣшливо, и пошла вонъ, напѣвая:

Плыветъ мальчи-икъ
Въ ло-дыч-ки-да!

Снаружи подъѣхалъ извозчикъ—и вошли новые гости: юноша въ черной рубашкѣ подъ лѣтнимъ распахнутымъ пальто и лысый худой мужчина въ пиджакѣ и темныхъ очкахъ.

При входѣ ихъ вялыя женщины встряхнулись, заиграли глазами, плечами, бедрами.

Юноша, не говоря ни слова, прошелъ къ свободному стулу, сѣлъ и закурилъ. Гость въ очкахъ дрюпнулся на диванъ между женщинъ и заговорилъ громко и отрывисто:

— Ну, какъ живете?

— Живемъ!—отвѣтилъ кто-то, хихикнувъ.

. . . .

. . . .

Захохотали визгливо.

Высокій рѣшительно всталъ, шагнулъ къ Женѣ и, тронувъ ее за плечо, тихо произнесъ:

— Пойдемъ.

Товарищъ его оглянулся, удивленно раскрылъ свой ротъ, но тотъ что-то сунулъ ему въ ладонь,—и онъ улыбнулся, оскаливъ лошадиные зубы.

Высокій и Женя вышли.

Въ грязной каморкѣ въ одно окно, пропахшей пивомъ и потомъ, Женя присѣла на край кровати и, сложивъ на колѣняхъ руки, выжидательно смотрѣла въ стѣну. Гость сѣлъ къ столу.

— Пива хочешь?—спросилъ онъ грубо.

Женя скользнула уклончивымъ взглядомъ по его лицу, опустила плечи и тоже странно грубо, чужимъ какимъ-то тономъ, отвѣтила:

— А какъ ужъ полагается—парочку. Хозяйка требуетъ.

— А ты пьешь?

— Бываетъ, гость приневолитъ. Сама не пью.

— Давно гуляешь?
— Нѣ-тъ.
— Сколько?
— Третій мѣсяцъ.
— А раньше?
— Служила.
— Гдѣ?
— Въ земской...
— Больницѣ?
— Да.
— Почему ушла?
— Прогнали... Родила я.
— Все врешь?
— Нáшто?

Женя взглянула прямо и вдругъ покраснѣла глубоко.

— Вотъ что,—въ странномъ смущеніи вставая и бѣгая по стѣнамъ глазами, началъ гость.—Тебя отпустятъ со мною на ночь?

— Къ вамъ на фатеру?
— Ну, да.
— А что-жъ? Три цѣлковыхъ.
— На, отдай хозяйкѣ и одѣвайся. Живо!

Гость вытянулъ откуда-то засаленную ветхую трехрублевку—и Женя вышла.

Онъ осмотрѣлся съ гримасой отвращенія. Комната была узкая, между стѣной и кроватью оставался проходъ шириной въ полтора аршина. Скатертка на столѣ, вся въ пятнахъ отъ пива, напоминала низменный кабакъ; только не хватало полоскательной чашки съ окуркомъ на вытертомъ сѣромъ днѣ. Высоко въ переднемъ углу висѣла черная икона, а на стѣнѣ у окна плакатъ, изображающій смазливую дѣвицу, сплошь испещренную мухами. И мухи здѣсь были какія-то особенныя—одурѣлыя кабацкія мухи; сонно шлепались онѣ о потолокъ и жужжали гнусно, и липли къ лицу—и нельзя было ихъ отогнать.

Взглядъ гостя упалъ на кровать. Какъ отвратительный уродъ, кощунственно искажающій что-то чистое и таинственное, возвышалась она въ своемъ нахальствѣ, съ захватаннымъ вонючимъ навѣсомъ, почти до потолка. Одѣяло изъ ситцевыхъ цвѣтныхъ лоскутковъ было отвернуто гостепріимно, и подъ нимъ виднѣлась сѣрая, грязная, простыня. Изъ-подъ кровати выглядывалъ глиняный тазъ съ отбитымъ краемъ. На обояхъ въ изголовьяхъ постели бурѣли пятна и хвосты отъ раздавленныхъ пальцемъ клоповъ.

Судорога омерзенія сжала ему горло; онъ закрылъ глаза—и, когда снова открылъ ихъ, въ дверяхъ стояла Женя.

И странный контрастъ между этой оплеванной каморкой, гдѣ гадили каждую ночь пьяные мужчины, и этой маленькой, бѣдно, но опрятно одѣтой дѣвушкой съ лицомъ гимназистки седьмого класса, внезапно поразилъ его сознаніе.

— Вы готовы?—произнесъ онъ вѣжливо и холодно.

— Сею минуточку,—отвѣтила Женя.

Она сняла съ гвоздя сѣрую накидку пелериной, какую носили лѣтъ пятнадцать тому назадъ, накинула на голову дырявый шелковый шарфикъ и, улыбнувшись смутно, сказала:

— Только насчетъ выпивки увольте, не могу я этого.

— Мы будемъ пить вино, какого вы никогда не пробовали, Женя!—чуть блѣднѣя, съ непонятной нѣжностью тихо отвѣтилъ гость.

И взявши подъ руку дѣвушку, онъ гордой походкой прошелъ мимо соннаго, съ нечеловѣчески - спокойными глазами, мужика.

Такъ они шли и по улицамъ, по темнымъ безмолвнымъ улицамъ захолустнаго городишки, вдоль робкихъ слѣпыхъ домовъ, гдѣ спали робкіе слѣпые люди: подъ руку. Какъ двое влюбленныхъ—нѣжно.

— А какъ звать васъ?—смѣлѣе, чѣмъ тамъ, въ домѣ, спросила Женя.

Онъ отвѣтилъ не сразу. Взглянулъ на небо, гдѣ мутной пеленой стояли неподвижныя заснувшія облака, на профиль Жени, съ неумѣлымъ стараніемъ соразмѣрявшей свой шагъ съ его, и медленно, съ холодной шутливостью, выговорилъ:

— Мое имя Фридрихъ. Фридрихъ Барбаросса. Но вамъ все равно, зовите меня просто Сашей.

Женя оступилась, едва не упала и, чтобы замять неловкость, сказала:

— У меня братъ Саша. Очень хорошенькое имячко.

— Братъ?

— Братецъ.

— Ему три года? У него свѣтлые волосы, острижены въ кружокъ, такъ, шапочкой? Синіе глаза, такіе круглые, большіе, и все видятъ и обо всемъ спрашиваютъ? А когда онъ улыбается, то кажется, будто открывается небо и смотритъ Богъ? Правда?

— Какъ вы говорите... чудно. Нѣтъ, старшой онъ, женатый, въ ресторацiи служитъ въ городѣ Симбирскомъ.

— Какъ вы говорите, Женя: въ ресторацiи, въ Симбирскомъ. Надо говорить: въ палатѣ лордовъ, въ Лондонѣ.

Женя хихикнула.

— А тотъ что же, вашъ товарищъ, остался?

— Какой товарищъ?

— А съ которымъ къ намъ пріѣхали.

— Онъ—не товарищъ. Я пилъ съ нимъ вмѣстѣ пиво. Я не знаю его имени.

— А вы какъ, служите гдѣ въ конторѣ али изъ студентовъ?

— Изъ никакихъ, Женя. А служу вездѣ, гдѣ придется. Только служба моя ни къ чему, въ пустую.

— Чудно.

— Да, Женя. Милая, прекрасная дѣвушка. Скоро мы придемъ въ мой замокъ, тамъ ждетъ насъ старый слуга, мой вѣрный Ричардъ, и ложе, усыпанное розами. Мы будемъ пить вино, какого вы никогда не пробовали.

— А вотъ тоже шампанское есть вино.

— Дрянь. И шампанское, и бургундское—дрянь. И брэнди, и виски, и абсентъ—дрянь. У меня есть чудесное вино, оно опьяняетъ навсегда. Выпьешь и больше не захочешь.

— Шутникъ вы, господинъ.

— Зови меня Мишей, милая Женя. Мы—влюбленные на зарѣ жизни. Ты—невѣста, тебѣ семнадцать лѣтъ. У тебя нѣжное тѣло—чудо, тѣло—ключевая вода, а волосы пахнутъ моремъ. Твоя душа въ цвѣтеніи—въ цвѣтеніи первой нѣжности и первыхъ радостей, которымъ нѣтъ имени. Ты—маленькій ландышъ, раскрывшійся майскимъ утромъ въ березовомъ лѣсу. Смотритъ и не понимаетъ. Не понимаетъ и радуется. И ждетъ.

— Вотъ тоже который гость любитъ насмѣхаться...

Женя споткнулась и выдернула руку.

Гость остановился, обернулся къ ней и, взявъ ее за плечи, съ большою искренностью произнесъ:

— Женя! Я не смѣюсь надъ вами. Вы не смѣшная, это я смѣшной. У меня мать умерла... и невѣста. Пойдемте.

Шли опять подъ каплями теплаго лѣтняго дождя. Развернулась широкая улица съ блѣдными фонарями и пыльными, теперь таинственно черными деревьями вдоль тротуара. Было тихо, какъ въ полѣ, только дождь шелестѣлъ въ листвѣ.

— А вотъ и замокъ. Онъ—мой и вашъ: вѣдь, мы соединились навсегда, „до гробовой доски", какъ сказали бы вы, моя прекрасная невѣста. Войдемъ.

Пара остановилась у стеклянныхъ дверей захудалой гостиницы. Онъ позвонилъ. Дверь отперъ заспанный парень въ рубахѣ; онъ почесался, хмуро взглянулъ изъ-подъ опухшихъ вѣкъ и отвернулся съ пренебреженіемъ.

Въ маленькомъ грязноватомъ номерѣ съ кроватью, столомъ и двумя стульями, гдѣ можно было повѣситься лишь оттого, что существуютъ на

землѣ такія гостиницы и такія вотъ комнаты для людей, было темно и пахло мышами. Гость ощупью нашелъ свѣчу, зажегъ ее, а снятую шляпу швырнулъ куда-то въ уголъ. Женя стояла у дверей въ ожиданіи.

— Не правда ли, уютно у меня? Позвольте, я помогу вамъ снять эту нѣжную фату, похожую на облако... И эту мантію... Какъ вы милы!

Онъ повѣсилъ пелеринку на гвоздь и, взявъ дѣвушку за обѣ руки, посмотрѣлъ ей пристально въ глаза.

— Какая странная и печальная судьба. Изъ блестящихъ палатъ, изъ шумнаго радостнаго міра танцевъ и музыки вы пришли ко мнѣ, въ мой тихій и пустынный замокъ.

Онъ помолчалъ, продолжая упорно смотрѣть въ ея глаза, сѣрые, простые и смущенные, какъ будто бы они принадлежали гимназисткѣ.

Потомъ провелъ къ столу, усадилъ и, поклонившись низко и преданно, почти съ восторгомъ произнесъ:

— Милая дѣвушка! Я радъ! Я счастливъ! Сейчасъ принесутъ вино, зажгутъ каминъ и заиграетъ невидимая музыка. Мы будемъ пить и говорить о юности.

Женя подняла лицо—и нѣчто похожее на смутный страхъ скользнуло въ ея глазахъ.

— Чудной вы, Саша! А пить я не стану, развѣ рюмочку. Не привыкши я. Голова болитъ послѣ.

— О, нѣтъ! Съ моего вина голова болѣть не будетъ. Никогда, нѣтъ! Это вино, какого не пивалъ и король,

Онъ заперъ дверь, прислушался къ мертвой тишинѣ, стоявшей въ домѣ, въ которомъ удобно съ собой покончить, и, сунувшись къ окну, вытащилъ изъ - подъ опущенной занавѣски бутылку. Оттуда же досталъ двѣ рюмки на длинныхъ тонкихъ ножкахъ, маленькій подносъ съ фруктами и конфетами и все это поставилъ на столъ.

При видѣ сладостей Женя оживилась, улыбнулась и покраснѣла.

— А вотъ давеча вы говорили про мамашу вашу, будто померла. Правда али такъ, ради шутки?

— Мамаша? Мамаша умерла, правда. Но это случилось давно—и не стоитъ говорить о смерти. Будемъ жить, Женя!

Онъ налилъ въ рюмки темной и пахучей жидкости, остановилъ на лицѣ дѣвушки свой странный взглядъ и откуда-то издалека медленно заговорилъ:

— Когда рождается туманно-розовое утро и надъ землей проносится благословеніе надежды, я ухожу во мракъ. Вы слышите тихую музыку? Это—души маленькихъ дѣтей, умершихъ рано, плачутъ. А знаете вы, зачѣмъ они родились?

— Можно?—сказала Женя, протягивая къ подносу руку.

— Что? Да, конечно. Все это ваше. Все, что здѣсь и въ цѣломъ мірѣ, принадлежитъ вамъ.

Онъ поднялъ рюмку.

Сквозь мертвую тишину гостиницы самоубійцъ, странно ее довершая, доносилось откуда-то смутное бормотанье. Будто читали надъ покойникомъ или маньякъ, шагая неслышно въ своей клѣткѣ, бормоталъ монотонно свой одинокій и непонятный бредъ.

— Ровно въ больницѣ здѣсь,—сказала Женя, неодобрительно осмотрѣвшись.—Глушь, тихо, а гдѣ-то стонутъ.

— Вы говорите: стонутъ? Женя, Женя! Какъ вы глубоко проникли въ суть вещей! Тихо, а гдѣ-то стонутъ. И какая вы милая, красивая, чистая! Всю жизнь я скитался, искалъ дѣвушку и вотъ, наконецъ, нашелъ. Пейте вино, Женя!

— Развѣ рюмочку? Непривыкши я. А про чистоту вы напрасно. Насмѣшка это.

— Пустяки. Это вино особенное. Къ нему привыкать не надо.

Онъ снова поднялъ свою рюмку, посмотрѣлъ черезъ жидкость на пламя свѣчи—и на лицо его упалъ рубиновый огонь. Медленно выпилъ. И выпила Женя.

— Сладко,—сказала она, вытирая губы ладонью.—Даже духъ захватило... Крѣпкое, видать, больно.

Пламя свѣчи колебалось, все склонялось въ одну и ту же сторону, будто невидимыя уста дышали на него.

— Вино мое крѣпкое, Женя, какъ сс... да. Кушайте конфеты. Я разскажу вамъ маленькую сказку. Жилъ мальчикъ съ голубыми глазами, веселыми и круглыми, какъ кусочки весенняго неба. Просто жилъ, потому что родился, и ему нравилось жить. Вы слушаете, нѣтъ? Онъ смѣялся оттого, что дышалъ, что можно махать руками, издавать звуки, сучить ножонками и смотрѣть на всякіе непонятные предметы. Все было интересно и все принадлежало ему, потому что ничего не хотѣлъ онъ взять себѣ навсегда. Онъ не зналъ этого слова „навсегда“ и не хотѣлъ знать. Такъ. Но кругомъ были взрослые—и вотъ они-то и мѣшали жить веселому мальчику съ кусочками неба вмѣсто глазъ. Они вынули его душу, свободную, легкую и радостную, какъ въ лазури облачко, и стали лѣпить изъ него куклу по образу своему и подобію. Они говорили: „Вотъ Богъ, молись ему, люби его“. Мальчикъ не зналъ, что такое Богъ, и не хотѣлъ вовсе знать о немъ, это было совсѣмъ неинтересно ему. Онъ самъ родился богомъ на землѣ,—и вся земля принадлежала ему. Но взрослые говорили: „слушайся“ и „Богъ накажетъ“. И онъ привыкъ скрываться и лгать, чтобы не узнали о его поступкахъ взрослые и

этотъ ненужный Богъ. Когда онъ подросъ, ему говорили: „стыдно“, хотя онъ вовсе не чувствовалъ стыда. И снова онъ учился лгать. А когда онъ выросъ, ему сказали: „повинуйся“, какъ будто бы онъ былъ собакой. Онъ не хотѣлъ повиноваться, ибо зналъ, что нѣтъ на землѣ такого существа, которое было бы высшимъ звеномъ въ цѣпи живыхъ существъ, нежели онъ самъ. Такого существа не было—и онъ не хотѣлъ повиноваться. И онъ голодалъ... Кушайте, Женя, вино... Голодалъ онъ не потому, что ему это нравилось, а потому, что взрослые, когда онъ былъ ребенкомъ, вынули изъ него душу человѣка и замѣнили ее душой собаки. Вѣдь, и собаки голодаютъ, не только люди. Онъ не рѣшался взять и ѣсть, когда вокругъ были разсыпаны горы хлѣба, только потому, что тогда многіе обратили бы на него вниманіе и назвали бы его глупымъ словомъ: „воръ“. Больше всего онъ боялся обратить на себя вниманіе. Онъ скрывался въ тѣни вотъ такихъ трущобъ, какъ этотъ замокъ, въ которомъ пируемъ мы, моя свѣтлая дѣвушка. Онъ притаился и точилъ свой ядъ, какъ змѣя, которой некого кусать. И въ своемъ змѣиномъ одиночествѣ онъ создалъ планъ: взять такъ, чтобъ не обратить вниманія песьихъ душъ, именующихъ себя людьми. Ему удалось. Онъ укралъ—и никто не замѣтилъ. Но когда сталъ пересчитывать деньги, онъ вдругъ почувствовалъ такое отвращеніе къ этимъ знакамъ продажныхъ душъ, что швырнулъ ихъ въ грязь, затопталъ и только послѣ этого успокоился и повеселѣлъ. Въ то время произошло необъяснимое. Песьи души вдругъ заволновались, выскочили изъ зловонныхъ своихъ конуръ, запрыгали, стали рвать тѣ цѣпи, на которыхъ сидѣли вѣками смирно. Онъ наблюдалъ и удивлялся—и ядъ, скопленный годами въ его сердцѣ, таялъ, какъ ледъ подъ солнцемъ. Глупецъ, онъ былъ обманутъ пляской песьихъ душъ. Имъ нуженъ былъ легкій моціонъ, этимъ цѣпнымъ собакамъ, называющимъ себя людьми, имъ нужно было поразмять свои кости, чтобы гибче сталъ позвоночникъ. А онъ вообразилъ, что они выросли и хотятъ стать людьми. Дуракъ! Ослѣпленный, онъ кинулся къ нимъ на помощь, развернулъ всѣ мускулы, всѣ клѣтки мозга привелъ въ движеніе и сто разъ смотрѣлъ въ рожу смерти для нихъ—песьихъ душъ. Онъ сдѣлалъ многое и гордился этимъ. И въ размахѣ не могъ остановиться долго. И когда кругомъ песьи спины уже извивались въ покорности, онъ, слѣпой, все еще танцовалъ танецъ свободы и пѣлъ ей гимнъ. Наконецъ, очнулся, осмотрѣлся и увидалъ, что стоитъ одинъ, кругомъ же скрюченныя спины и виляющіе хвосты. Онъ понялъ, что песьи души суть песьи души и ими останутся до смерти. Себя же онъ назвалъ гостемъ на землѣ, незванымъ гостемъ, которому надо уйти... Вамъ скучно, дѣвушка? Я кончилъ. Простите меня за болтовню. Я становлюсь, должно быть, старикомъ. Выпьемъ за старость, добрая дѣвушка, и замолчимъ. Вашъ стаканъ.

Гость поднялъ опущенные глаза, странно блестящіе непонятнымъ восторгомъ,—должно быть, такъ дѣйствовало его вино,—и встрѣтилъ сонный и блаженный взглядъ женскихъ глазъ. И нѣжное чувство, близкое къ безумному очарованію, внезапно потрясло его душу. Онъ ясно понялъ, что эта сѣрая чужая дѣвушка, юная и невинная въ своей грязи, за часъ передъ тѣмъ его не знавшая, теперь принадлежитъ ему одному въ цѣломъ мірѣ безраздѣльно и навсегда.

— Вамъ хочется спать?—спросилъ онъ ласково, какъ мать свое малое дитя.

— Ой, не знаю чтой-то. Вино, видать, крѣпкое больно. Сморилась.

Гость поигралъ бутылкой, прислушался къ мертвой тишинѣ, все еще бормотавшей свой могильный бредъ, и вылилъ въ рюмки остатки вина. И когда пилъ, смакуя медленно и жадно, глаза неподвижно покоились на лицѣ дѣвушки, и было въ нихъ что-то нѣжное и хищное, горделивое и покорное.

Догорала свѣча—и пламя все гнулось внизъ, будто невидимыя уста дышали на него. А въ окно шелъ разсвѣтъ. Онъ незамѣтно и безшумно обнималъ предметы, проникалъ въ углы, пропитывалъ лица, глаза и пламя свѣчки—и все отъ него блѣднѣло, меркло, будто онъ былъ врагъ, и робкія души предметовъ и этихъ двухъ, слитыхъ съ ними въ одно, наливались медлительнымъ ужасомъ.

Женя допила бокалъ и опустила въ истомѣ руку. И вдругъ бокалъ скользнулъ съ ея колѣнъ и съ нѣжнымъ льдистымъ звономъ разбился.

И тотчасъ глаза дѣвушки раскрылись, стали круглыми, огромными—и дикій, все осознавшій въ одну секунду, безвыходный ужасъ глянулъ изъ нихъ.

Гость приблизилъ къ ней свое лицо, его губы скривились въ улыбкѣ боли и смертельной тоски, и тихимъ шипѣньемъ, косноязычно, съ огромнымъ напряженіемъ, выползли изо рта слова:

— Ты сейчасъ умрешь.

Но она уже знала раньше—и излишни были слова.

Ужасъ спрятался такъ же мгновенно, какъ выглянулъ, и глаза подернулись сонной мглой. Она склонялась и падала. И упала бы на полъ, если-бъ онъ не поддержалъ ея.

Бережно, какъ мать или невѣсту, онъ обхватилъ ея тѣло руками и, пошатнувшись самъ, перенесъ ее на кровать. И когда она уже лежала,—еще разъ открылись ея глаза, тѣнь сознанія скользнула въ нихъ дикой ненавистью, и губы, чуть шевелясь, сказали:

— Будь ты проклятъ, сатана!

Потомъ глаза закрылись.

Минуту гость смотрѣлъ въ это блѣдное и милое лицо, вдругъ ставшее такимъ спокойнымъ и простымъ, какъ лицо ребенка, потомъ онъ выпрямился и, съ трудомъ размыкая отяжелѣвшія вѣки, подошелъ къ столу. Сѣлъ и написалъ на клочкѣ:

„Въ смерти проститутки Жени прошу винить меня, Николая Иванова Топоркова, убившаго раньше полковника Корнилова, жандармскаго ротмистра Поливанова, нѣсколькихъ безымянныхъ солдатъ и, можетъ быть, еще кого-нибудь. Изъ всѣхъ этихъ добрыхъ дѣлъ моихъ самымъ добрымъ и милосерднымъ считаю убійство послѣднее. Николай Топорковъ, по прозвищу Гость“.

Когда раннее лѣтнее солнце всплыло надъ крышами, оно заглянуло въ окно гостиницы и пыльнымъ лучемъ скользнуло по лицамъ двухъ, лежавшихъ рядомъ,—юноши и дѣвушки. Но разбудить ихъ не могло.

М. Премировъ.

Я молился бы лику заката,
Темной рощѣ, туману, ручьямъ,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускаетъ къ родимымъ полямъ.

Наглядѣться-бъ на бора опушку,
Листопадомъ, смолой подышать,
Постучаться въ лѣсную избушку,
Гдѣ за пряжею старится мать...

Не она-ль за глухою рѣшеткой
Вѣтровою свирѣлью поетъ?..
Вечеръ нижетъ янтарныя четки,
Краситъ золотомъ треснувшій сводъ.

Николай Клюевъ.

РОМАНЪ МУЖЧИНЫ СОРОКА ЛѢТЪ.

Романъ **Янова Вассерманна**.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ).

(*Продолженіе* *).

Черезъ часъ выяснилось, что и эта попытка оказалась безуспѣшной. Сильвестръ безъ особеннаго сожалѣнія примирился съ этимъ обстоятельствомъ. Общее возбужденіе его нѣсколько раздражало, особенно, когда онъ видѣлъ, что имъ заражались люди, которыхъ искусство интересовало не болѣе, чѣмъ какой-нибудь фокусникъ на ярмаркѣ.

Онъ сѣлъ къ столу въ читальнѣ и углубился въ интересовавшій его отчетъ о послѣдней рѣчи союзнаго канцлера въ прусскомъ ландтагѣ. Вдругъ къ нему подошелъ одинъ изъ тѣхъ, которые такъ горячо уговаривали его пойти въ концертъ, въ сопровожденіи стараго господина и представилъ его Сильвестру, какъ графа Блумау. У графа былъ лишній билетъ, такъ какъ его жена не могла поѣхать въ концертъ. Сильвестръ взялъ билетъ, поблагодарилъ и поѣхалъ въ отель надѣть фракъ.

Передъ концертной залой былъ большой съѣздъ. Начало концерта назначено былъ къ восьми часамъ, но еще въ половинѣ девятаго часть публики стояла передъ дверьми въ залу и не могла проникнуть во внутрь. Наконецъ, всѣ слушатели были на своихъ мѣстахъ. Зала была такъ переполнена, что головы точно вертѣлись на неподвижныхъ тѣлахъ. Шумъ голосовъ походилъ на гудѣніе и свистъ гигантской паровой пилы, и духота увеличивалась съ минуты на минуту. Сильвестръ сидѣлъ посерединѣ залы, съ двухъ сторонъ которой были гладкія бѣлыя стѣны; на половинной высотѣ задней узкой стѣны была галлерея, мѣста на которой предназначены были для придворныхъ и для нѣкоторыхъ высокихъ сановниковъ.

Вдругъ раздался гулъ рукоплесканій—и всѣ бинокли устремились на пѣвицу, появившуюся на эстрадѣ. Сильвестръ скрестилъ руки на груди.

---

*) См. Кн. IX „Новой Жизни“.

что было у него признакомъ скептическаго настроенія. Какъ всѣмъ тщеславнымъ людямъ, ему было непріятно поклоненіе кому-то, не вызывающему въ немъ самомъ никакихъ чувствъ, и изъ духа противорѣчія онъ заранѣе рѣшилъ отнестись критически къ пѣвицѣ.

„Она ступаетъ слишкомъ осмотрительно, и у нея, навѣрное, нѣтъ темперамента,—придирался онъ къ ней про себя.—А эта обращенная ко всѣмъ улыбка, которая должна льстить каждому дураку! Знакомыя штуки. У аккомпаніатора ея лицо деревенскаго учителя, и его красный носъ мало обѣщаетъ хорошаго. Зачѣмъ она съ нимъ шепчется? Это еще что за комедія? Впрочемъ, у нея хорошій ростъ и тонкое лицо, хотя и ясно славянскаго типа. Руки могли бы быть поменьше, и туалетъ ея очень подчеркиваетъ намѣренную скромность“.

Первые такты Шубертовскаго «Странника» прервали раздраженныя размышленія Сильвестра. Наступила безмолвная тишина—и казалось, что съ того момента, какъ раздался голосъ пѣвицы, въ слушателяхъ не осталось дыханія, не осталось души: они такъ замерли, точно кровь перестала течь въ ихъ жилахъ. Очарованіе вызвано было не столько мастерствомъ пѣнія Габріэли Таннгейзеръ, не столько силой и полнотой ея голоса, мягкостью и и странно матовымъ блескомъ звуковъ, легкостью вступленій, нѣжностью и птицеподобной естественностью переходовъ, хотя она и обладала въ высокой степени всѣми этими качествами, прославляемыми знатоками, причемъ въ ней также чувствовалось какое-то еще недостигнутое будущее мастерство, еще болѣе очаровательное, какъ незавершенная надежда.

Но болѣе, чѣмъ всѣмъ этимъ, она зачаровывала какой-то живущей въ ея сердцѣ силой, которая подчиняла ей людей, непосредственнымъ чувствомъ мірового страданія, вѣками накопленнаго безмолвными поколѣніями, чтобы расцвѣсть въ одномъ блаженномъ существѣ, какъ молитва и жалоба, какъ утѣшеніе и восторгъ. Это было то, что чувствуетъ каждая грудь, но что можетъ быть возвѣщено только геніемъ, то скорбно-отрѣшенное отъ себя, то невинное и пророческое, чему и самое совершенное мастерство формы служитъ лишь опорой.

Сильвестръ все еще старался противиться своему впечатлѣнію, хотя и ощущалъ ту мечтательную слабость, которая наступаетъ при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ; онъ противился съ какимъ-то отчаяніемъ, которое его потомъ удивляло самого. Пѣсня еще не была допѣта до конца, когда изъ ложъ на галлереѣ донесся шумъ, вызвавшій волненіе и возмущенные возгласы. Въ партерѣ всѣ стали оборачиваться; Сильвестръ тоже взглянулъ наверхъ и увидѣлъ, что два лакея несли человѣка, лежавшаго на креслѣ; они принесли его къ барьеру и тамъ поставили. Человѣкъ этотъ былъ де-Вріентъ. Сильвестру стало страшно при видѣ его лица, похожаго на лицо полумертвой обезьяны. Де-Вріентъ устремилъ взоръ заплывавшихъ глазъ на эстраду, и

челюсть его дрожала. Габріэля Таннгейзеръ кончила пѣсню и стояла, чѣмъ-то пораженная. Она точно не слышала бурныхъ рукоплесканій; на щекахъ ея показался нѣжный лихорадочный румянецъ, и она начала пѣть: «Jn questa tomba». Глаза ея были устремлены на лицо каноника, на его изъѣденныя черты; отражавшаяся въ нихъ испуганная и болѣзненная жадность, а также отмѣченное печатью смерти уродство точно давили всю залу тяжелымъ кошмаромъ. Въ глазахъ Габріэли тоже виденъ былъ ужасъ: прозрачное лицо старика казалось ей какой-то угрозой. Ей представлялось, что ея юность, ея власть надъ людьми, ея свобода—все это похищенныя ею блага. Она вспоминала это странное лицо; ей казалось, что она гдѣ-то видѣла его раньше. И въ то время, какъ мысли ея возвращались къ прошлому, голосъ ея звучалъ еще чище, трогательнѣе и былъ полонъ мольбы. Когда она кончила, публика стала неистовствовать, но на галлереѣ въ это время началось волненіе и всѣ забѣгали. Каноникъ сталъ махать руками въ воздухѣ—и донизу доносились звуки его хрипа. Черезъ минуту пришли лакеи и вынесли умирающаго. Всѣ заговорили объ этомъ происшествіи и толковали его на разные лады. Въ это время создались легенды, которыя еще подняли обаяніе Габріэли Таннгейзеръ. Когда она пропѣла, наконецъ, послѣднюю ноту, Сильвестру показалось, что онъ очутился въ толпѣ безумцевъ. На эстрадѣ высилась гора цвѣтовъ, молодые люди заполнили эстраду, молодыя дѣвушки стояли, преклонивъ колѣни, на ступенькахъ. Но Габріэля была спокойна среди общаго шума. Она опустила голову—и ея низкій лобъ по дѣтски хмурился.

Нѣсколько знакомыхъ спросили Сильвестра о томъ, какое онъ вынесъ впечатлѣніе. Онъ пожалъ плечами. «Я не нахожу, что она такъ замѣчательна, какъ это всѣмъ кажется,—отвѣтилъ онъ. — Ей недостаетъ полета страсти. Она ничего не испытала въ жизни, въ этомъ я увѣренъ. Можетъ быть, она и неспособна что-либо испытать». Это казалось совершенно возможнымъ, и тѣ, которые слышали его сужденіе, старались принять глубокомысленный видъ.

Сильвестръ познакомился съ Габріэлей Таннгейзеръ черезъ день—на вечерѣ въ герцогскомъ замкѣ. Они обмѣнялись всего нѣсколькими фразами. Онъ спросилъ ее, будетъ ли она пѣть весной въ Лондонѣ, и сказалъ, что самъ онъ теперь ѣдетъ въ Парижъ, но что, можетъ быть, ему придется побывать въ Англіи.

— Непремѣнно пріѣзжайте въ Лондонъ,—сказала она, не глядя на него и, вѣроятно, и не думая о немъ,—тамъ жизнь прекраснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свѣтѣ.

— Не все ли вамъ равно, буду ли я тамъ? Еще одинъ среди милліона другихъ,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Тѣнь, пробѣжавшая по чертамъ Габріэли, показала, какъ ей надоѣли такого рода фразы. Она подала руку офицеру, который пригласилъ ее танцовать. Сильвестръ былъ уязвленъ ея невниманіемъ и пытался еще разъ заинтересовать пѣвицу своимъ разговоромъ. Но старанія его были тщетны, и онъ сталъ доказывать себѣ, что ему безразлично ея мнѣніе о немъ. Но все же его, тщеславіе было задѣто—и онъ собралъ вокругъ себя группу слушателей восхищенныхъ его краснорѣчіемъ. Не отдавая себѣ самъ въ этомъ отчета, онъ старался быть блестящимъ только для молодой женщины, которая такъ обидно повернулась къ нему спиной.

Когда онъ ночью вернулся домой, Адамъ Гунтъ сообщилъ ему, что каноникъ скончался на улицѣ еще прежде, чѣмъ его принесли домой. «Какъ жаль,—была первая мысль Сильвестра.—Я бы могъ поговорить съ де-Вріентомъ о ней».

Онъ пошелъ спать недовольный и съ вспыхивающими огоньками желаній въ душѣ.

Эту ночь провела подъ однимъ кровомъ съ нимъ и Габріэля Таннгейзеръ. Было поздно—и сознаніе, что всѣ кругомъ спятъ, успокаивало ее. Она сидѣла съ книгой при свѣтѣ лампы, и передъ нею стояла ваза съ яблоками.

Ей казалось, что то время, которое она теряла въ обществѣ людей, она должна возмѣщать для себя тѣмъ, чтобы быть какъ можно больше одной. Спокойствіе ея лица, не нарушаемое никакой некрасивой мыслью, никакой смѣной настроеній, показывало, что эта привычка была у нея совершенно естественная.

Она не нуждалась въ обществѣ людей. У нея не было ни одной пріятельницы, ни одного друга. Ко всѣмъ, оказывавшимъ ей вниманіе, она относилась съ искренней добротой, и ея природная любезность заставляла ее терпѣливо выносить и навязчивыхъ людей. Въ каждомъ городѣ она встрѣчала людей, которымъ была признательна за ихъ услуги и знаки вниманія, женщинъ и мужчинъ, съ которыми охотно встрѣчалась и къ которымъ искренно привязывалась. Но, въ сущности, она могла вполнѣ обойтись безъ ихъ общества. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ея изумительный старикъ-учитель Ширальскій, она уже болѣе ни къ кому такъ не привязывалась, чтобы тосковать, уѣзжая. Она ѣздила съ мѣста на мѣсто въ сопровожденіи своей камеристки Анны Эвель, дочери почтмейстера изъ чешской деревни, откуда Габріэля была родомъ, жила въ гостиницахъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, изъ одной страны въ другую, не переживая волненій, не испытывая никогда чрезмѣрнаго любопытства, ничѣмъ не увлекаясь и никогда не уставая.

Постоянная перемѣна мѣстъ мѣшала людямъ владѣть ею, имѣть на нее

притязанія и мучить ее требованіями, которыхъ она не могла исполнить. Ея очаровательная, всегда одинаковая, искренняя любезность окутывала ее точно потокомъ свѣта, который какъ бы пряталъ ее отъ постороннихъ взоровъ, и потому никто на свѣтѣ, въ сущности, не зналъ, какое странное дитя Божіе было это юное существо, искавшее среди быстраго теченія жизни и блеска славы—единственнаго счастія въ одиночествѣ.

У нея не было родныхъ. Отецъ и мать ея умерли, братъ палъ въ сраженіи подъ Кениггрецомъ за два года до того. Когда она вспоминала о своей родинѣ, она видѣла передъ собою бѣдную холмистую мѣстность, улицу, которая вела въ темные лѣса, недвижный прудъ, на которомъ плавали гуси и утки, желтыхъ коровъ, бѣдные дома, бѣдное угнетенное населеніе и надо всѣмъ этимъ блѣдное небо днемъ, а вечеромъ—сверкающія звѣзды. Она вспоминала грусть вечеровъ, когда изъ кабаковъ доносились звуки танцевъ или въ цыганскомъ таборѣ играли на скрипкѣ, когда въ маленькихъ окнахъ угасали одинъ за другимъ огоньки—и мѣсяцъ поднимался, какъ пылающій колоколъ, изъ таинственныхъ глубинъ земли. Когда она думала о своей родинѣ во время пѣнія и точно видѣла передъ собой эту картину, которая ранней весной или поздней осенью наполняла ея душу чувствомъ покоя или печали, то многочисленныя обращенныя къ ней лица расплывались въ туманѣ и только глаза лучились ей навстрѣчу, чужіе и далекіе.

Она не принадлежала къ тѣмъ артисткамъ, для которыхъ всякое выступленіе было праздникомъ и въ то же время опасностью. Она не дрожала передъ публикой, но и не презирала ея. Она не знала лихорадочнаго возбужденія передъ выходомъ и не гордилась успѣхомъ. Она не была «дивой», а была молодой дѣвушкой, которая пѣла, какъ умѣла. Искусство не давало ей опьяненія, но и не отрезвляло ея; оно не было для нея ни радостью, ни мукой, а только долгомъ. Въ ней былъ источникъ, который билъ черезъ край и долженъ былъ бить черезъ край для того, чтобы она не задохнулась. Она работала по много часовъ въ день, но никогда не боялась за свой даръ. Она была честолюбива, но честолюбіе ея не было разрушительнымъ и убивающимъ душу; она была честолюбива на подобіе средневѣковыхъ рыцарей, которые готовы были отдать жизнь и состояніе, чтобы сохранить незапятнаннымъ свой щитъ. Она была скромна, выходила на эстраду или на сцену съ непостижимымъ для окружающихъ спокойствіемъ; со своей стороны она совершенно не интересовалась закулисными интригами, не понимала мелочности своихъ товарищей по сценѣ и неохотно выступала поэтому въ театрѣ.

Каждое утро она получала любовныя посланія и цвѣты. Письма она сжигала, а цвѣты дарила. Прежде она страстно любила цвѣты, теперь она къ нимъ охладѣла и какъ бы сердилась на нихъ за то, что они служатъ такой

недостойной цѣли. Мысль о любви не имѣла для нея ничего зажигающаго или хотя бы даже согрѣвающаго; она никогда не будила въ ней никакихъ надеждъ, а лишь въ рѣдкія минуты рождала страхъ. Временами она изумлялась самой себѣ, когда вдругъ сознавала себя такой замкнутой, такой холодной, безстрастной и одинокой въ пространствѣ, и ей какъ будто бы хотѣлось услышать голосъ, котораго она еще никогда не слышала, увидѣть взглядъ, еще никогда на ней не останавливавшійся. Но только голосъ и взглядъ—и ничего болѣе; уже руки было слишкомъ много; она не хотѣла чужой руки, которая можетъ быть слишкомъ горячей, не хотѣла слова, которое можетъ быть ложью. У нея былъ мракъ въ душѣ—и казалось, точно ея душа, ступая въ міръ, получила таинственный приказъ никогда не быть пламенемъ для другой души. Юность и пѣніе были какъ бы два сотканныхъ воедино покрывала, которыхъ она должна была не поднимать, чтобы не стать обнаженной и беззащитной жертвой рока.

Но бывали и часы, какъ въ эту ночь, когда все ея существо полно было какой-то точно приснившейся тревоги, когда глаза ея широко раскрывались, какъ у проснувшагося ребенка, и она спрашивла себя: «Кто я? Что со мной будетъ?».

Когда Сильвестръ былъ мальчикомъ, онъ однажды увидѣлъ въ кладовой корзину со свѣжимъ виноградомъ. Онъ набросился на него, хотя вовсе не былъ голоденъ. Но такъ какъ это былъ первый виноградъ въ году, то жадность его была возбуждена самымъ видомъ гроздей и пріятнымъ ощущеніемъ, которое онъ испытывалъ, касаясь ихъ. Онъ сталъ на колѣни передъ корзиной, упоенно набралъ по пригоршни винограда въ каждую руку, а затѣмъ прямо зарылъ лицо въ корзину, впиваясь въ грозди ртомъ и зубами, такъ что выжимаемый сокъ стекалъ ему на подбородокъ и на платье.

Онъ часто вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ своего дѣтства, окунувшись въ парижскую жизнь. Онъ испытывалъ теперь такую же радость отъ полноты наслажденія и съ такою же необдуманной жадностью хватался за все. Каждый день имѣлъ для него семнадцать часовъ—и часто даже болѣе того—и каждый часъ былъ по своему пріятенъ. Сильвестръ пріѣхалъ съ рекомендательными письмами отъ вліятельныхъ лицъ, былъ поэтому всюду хорошо принятъ и велъ очень свѣтскую жизнь. Онъ хорошо одѣвался, умѣлъ тратить деньги, у него были безукоризненныя манеры, хорошій вкусъ, онъ былъ образованъ—и не было ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ нарасхватъ звали его къ себѣ. Ему самому казалось, что только теперь проснулись спавшіе въ немъ таланты, что только теперь онъ самъ убѣдился въ своихъ способностяхъ и можетъ по собственному усмотрѣнію выбирать вол-

шебныя средства, которыми располагаетъ, для того, чтобы покорять себѣ сердца. При этомъ, однако, въ его обращеніи не было ничего судорожно напряженнаго, ничего искусственнаго. Всѣмъ нравилась его мужественная искренность, его изящный умъ, который еще болѣе цѣнили въ немъ, потому что онъ былъ нѣмецъ, а также его пріятное остроуміе, никогда никого не задѣвавшее, напротивъ того, вызывавшее отвѣтный юморъ въ собесѣдникахъ.

Онъ былъ точно скованъ непрерывной цѣпью удовольствій. Физическая свѣжесть, которую онъ съ торжествомъ и радостью въ себѣ ощущалъ, побѣждала всѣ препятствія и преисполняла его чувствомъ легкости и обновленія. «Я десять лѣтъ копилъ силы,—говорилъ онъ себѣ,—теперь я могу безъ страха покупать все по самой высокой цѣнѣ».

И, дѣйствительно, цѣны были высокія. Не довольствуясь внѣшней свѣтской жизнью, онъ смѣло шелъ по путямъ, на которыхъ человѣческое существованіе не протекаетъ, какъ тихая рѣка, а нарядныя и пустыя слова не могутъ прикрыть отсутствія истиной отваги, гдѣ стихійныя силы бурно вздымаются изъ пропастей и гдѣ нужна большая рѣшимость, чтобы постоять за себя. Онъ основательно познакомился съ Парижемъ второй имперіи. Ужасъ охватилъ его при видѣ пляски опьяненныхъ менадъ и безумныхъ Силеновъ, Онъ увидѣлъ, что тутъ стало пустымъ звукомъ все, что обыкновенно спасаетъ націю отъ ослѣпленія; увидѣлъ, что всякій здѣсь живетъ только для данной минуты и старается испить радость до дна, превращая въ нарядное божество свой жалкій идолъ; онъ видѣлъ, какъ скользили тѣни минувшаго величія, прося, какъ милостыни, уваженія къ былой славѣ; видѣлъ, какъ каждый праздникъ превращался въ вакханалію, какъ красота и невинность были мимолетнѣе вздоха утопающаго. На все это Сильвестръ глядѣлъ не безъ мысли о прошломъ и страха передъ будущимъ. Но онъ не хотѣлъ быть только наблюдателемъ, а хотѣлъ жить, какъ жили вокругъ него.

Онъ побывалъ во всѣхъ притонахъ разврата, вездѣ, гдѣ безпріютные становятся добычей похотливыхъ охотниковъ. Онъ видѣлъ всѣ трясины, гдѣ на днѣ, подобно ядовитымъ змѣямъ, таилось преступленіе, а на пестрой поверхности плыли суда, украшенныя нарядными флагами. Онъ сошелся съ одной итальянкой, которая славилась своими маленькими ручками и ножками; черезъ недѣлю онъ ее возненавидѣлъ. На одномъ общественномъ балу на бульварѣ Санъ-Мишель онъ познакомился съ дочерью какого-то хозяина чулочной мастерской. Предметомъ ея мечтаній было брилліантовое ожерелье; онъ подарилъ ей кольцо, и она не смогла устоять противъ его домогательствъ. Она лицомъ была похожа на сѣверную женщину, но при этомъ у нея была кровь дикарки. Ея капризы утомили его—и онъ ее покинулъ. Въ Латинскомъ кварталѣ, на улицѣ за маленькой церковью, жилъ одинъ врачъ, молодая жена котораго вызывала насмѣшки всего квартала своей чрезмѣрной на-

божностью. О ней Сильвестру разсказалъ одинъ безнадежно влюбленный въ нее студентъ. Сильвестръ пошелъ въ указанную ему церковь, чтобы взглянуть на молодую женщину, затѣмъ отправился къ врачу подъ предлогомъ выдуманной болѣзни, вскорѣ сдѣлался частымъ гостемъ въ домѣ и соблазнилъ жену доктора. Но мужъ ея не былъ слѣпъ. Что произошло между нимъ и Сильвестромъ—никто такъ и не узналъ; но вскорѣ докторъ и его жена—оба исчезли изъ Парижа.

Добывать добычу и бросать. Если въ памяти сохранялось имя, нѣжное слово, красивый изысканный жестъ, то это уже достаточно за все вознаграждало; самый образъ женщины исчезалъ навсегда. Кто срываетъ цвѣты, часто едва успѣваетъ вдохнуть ихъ ароматъ; какъ только букетъ сорванъ, уже не хочется держать его въ рукѣ и бросить его кажется освобожденіемъ. Но у Сильвестра была одна тяжелая забота. Его денежныя средства быстро таяли. Три тысячи талеровъ, которые онъ выписалъ изъ банка, были прожиты. Онъ потребовалъ аккредитива на десять тысячъ талеровъ и разсчиталъ, что этихъ денегъ ему хватитъ только на три мѣсяца. А на еще такую же сумму онъ не могъ разсчитывать. Одинъ банкиръ посовѣтовалъ ему купить биржевыя бумаги, но игра на биржѣ казалась ему слишкомъ ненадежной и медленной. Въ ночь подъ новый годъ онъ пошелъ въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ англичанъ въ одинъ домъ, гдѣ играли въ баккара. Онъ принялъ участіе въ игрѣ и выигралъ около двухъ тысячъ франковъ. Черезъ недѣлю онъ опять пошелъ туда и выигралъ болѣе четырехъ тысячъ. Черезъ нѣсколько времени ему захотѣлось попытать счастье въ третій разъ, но тутъ онъ проигралъ. Правда, проигрышъ былъ всего въ тридцать золотыхъ, но ему сдѣлалось досадно, и онъ захотѣлъ отыграться на слѣдующій вечеръ. Онъ опять проигралъ. Тогда онъ уже не могъ остановиться, считая, что непремѣнно долженъ вернуть удачу. Каждую ночь онъ сидѣлъ до утра у зеленаго стола, болѣе спокойный, чѣмъ всѣ другіе игроки, и охваченный страннымъ любопытствомъ: ему хотѣлось узнать, когда судьба перестанетъ его преслѣдовать.

Въ теченіе мѣсяца онъ потерялъ тридцать двѣ тысячи франковъ. Для того, чтобъ заплатить долги, ему пришлось взять всѣ свои деньги изъ вюрцбургскаго банка. Послѣ того онъ написалъ управляющему въ Эрфтъ, что необходимо сдѣлать заемъ и что въ этомъ ему поможетъ одинъ агентъ въ Мюнхенѣ, къ которому Сильвестръ тоже обратился съ письмомъ. Съ большими трудностями ему раздобыли двадцать тысячъ талеровъ. Сильвестръ упрямо продолжалъ игру и въ теченіе недѣли потерялъ половину своихъ денегъ. Тогда онъ понялъ тщетность своего упрямства, и такъ какъ его влекла къ игрѣ не страсть, а воля, которой онъ хотѣлъ подчинить глупый слѣпой случай, то достаточно было внутренняго рѣшенія, чтобы отвлечь его

отъ пагубнаго пути. Правда, этому способствовало одно обстоятельство, которое тоже началось съ игры, но завершилось страданіемъ и смертью.

Черезъ посредство одного молодого морского офицера, который относился къ нему съ искренней сердечностью и дружбой, Сильвестръ сталъ бывать въ домѣ лорда Альбани. Лордъ Сесиль Альбани былъ чрезвычайно богатъ и проводилъ зимніе мѣсьцы въ Парижѣ, гдѣ жилъ очень роскошно, занявъ видное положеніе въ обществѣ. Онъ нанялъ дворецъ на улицѣ Санъ - Онорэ и каждый вечеръ принималъ у себя избранное аристократическое общество. Пріемы эти онъ устраивалъ, однако, только для удовольствія своей жены; самъ онъ дичился людей, и тѣ, которые его ближе знали, говорили, что онъ сухой, высокомѣрный и грубый человѣкъ. Лэди Эвелина была настоящая англичанка, стройная, граціозная, внѣшне холодная, но таившая въ себѣ бурныя страсти. Всѣмъ было извѣстно, что она вышла замужъ за лорда Альбани противъ своей воли, только повинуясь приказу родителей. Она имъ, однако, сказала: «Такъ какъ меня принуждаютъ выйти за него, то я все сдѣлаю, чтобы отмстить за себя». Бракъ съ лордомъ Сесилемъ только усилилъ ея отвращеніе къ нему, и считалось установленнымъ, что она измѣняетъ мужу. Но она дѣйствовала съ такой осторожностью и скрытностью, что лордъ Сесиль не имѣлъ ни малѣйшаго основанія жаловаться на нее.

Сильвестръ тотчасъ же нашелъ тонъ, который подходилъ къ ея романтическимъ вкусамъ, завоевалъ ея довѣріе и черезъ короткое время сблизился съ нею. Она очень нравилась Сильвестру, но онъ не могъ относиться къ ней серьезно, хотя и цѣнилъ въ ней то, что она была точно растеніе, правда, такое, которое могло расцвѣсть лишь въ томъ тепличномъ воздухѣ, въ какомъ она жила.

Съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась его любовницей, Эвелина гораздо чаще приходила къ Сильвестру, чѣмъ принимала его у себя. Но однажды случилось, что лордъ Сесиль долженъ былъ уѣхать въ Лондонъ, и его ждали обратно только черезъ недѣлю. Разъ вечеромъ Сильвестръ пошелъ къ лэди Эвелинѣ и, забывая обычную предосторожность, они пробыли вмѣстѣ далеко за полночь. Когда Сильвестръ проходилъ къ воротамъ по освѣщеннымъ сѣнямъ, ворота раскрылись съ улицы и, къ крайнему изумленію Сильвестра, въ нихъ вошелъ лордъ Альбани. Лордъ, видимо, удивился, но приподнялъ шляпу и чрезвычайно вѣжливо поклонился Сильвестру. Послѣ того онъ направился вверхъ по лѣстницѣ—и Сильвестръ ушелъ успокоенный.

Тѣмъ временемъ лордъ Сесиль созвалъ всю прислугу, приказалъ всѣмъ ждать въ передней, потребовалъ у одной изъ дѣвушекъ простое платье, взялъ его, перекинулъ на руку и вошелъ въ спальню своей жены. Ему не нужно было другого доказательства ея вины, чѣмъ то, что онъ засталъ ее

въ постели. Съ ледянымъ выраженіемъ лица онъ приказалъ ей подняться, бросилъ ей одежду и велѣлъ надѣть ее. Она трепетно повиновалась.

— Оставьте немедленно комнату и уходите сейчасъ же изъ моего дома, если хотите, чтобы я васъ не ударилъ,—сказалъ онъ.

Она взглянула на него и поняла, что ей не на что надѣяться. Обезумѣвъ отъ стыда и страха, она спустилась по лѣстницѣ, прошла мимо недвижно стоявшихъ слугъ и вышла на улицу. Лордъ Сесиль заперъ за нею ворота и въ теченіе часа слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто изъ прислуги не послѣдовалъ за нею и не оказалъ ей помощи.

Лишь три дня спустя вѣсть о случившемся дошла до Сильвестра. Такъ какъ самъ лордъ Альбани хранилъ полное молчаніе, то слухи разнеслись лишь черезъ прислугу. Всѣ были въ ужасѣ, качали головами и терялись въ догадкахъ. Сильвестръ былъ радъ, что нигдѣ не называли его имени, но его мучила мысль о судьбѣ несчастной Эвелины. То, что она не пришла къ нему и не послала ему никакой вѣсти о себѣ, доказывало, что и она понимала безпочвенность ихъ отношеній, понимала, что ихъ любовь была игрой. Его безпокойство о ней отъ этого еще удвоилось. Черезъ нѣсколько недѣль морской офицеръ, познакомившій его съ нею, разсказалъ ему, что лэди Эвелинѣ удалось добраться до Эссекса, гдѣ жили ея родители. Тамъ она бросилась къ ногамъ отца, но онъ сурово оттолкнулъ ее, потому что въ глазахъ всякаго почтеннаго англичанина супружеская измѣна является неизгладимымъ позоромъ, и женщина, которую уличаютъ въ этомъ преступленіи, считается навсегда изгнанной изъ круга порядочныхъ людей и заклейменной на всю жизнь. Одинъ изъ ея братьевъ, сжалившись надъ ней, далъ ей немного денегъ—и Эвелина смогла вернуться въ Лондонъ, гдѣ стала вести очень темную, а если можно было вѣрить сэру Рандольфу Канингу, кузену лорда Альбани, то и очень порочную жизнь. Сэръ Рандольфъ утверждалъ, что ее можно встрѣтить каждую ночь въ одномъ изъ притоновъ для куренія опіума въ сѣверной части города.

Наступилъ іюнь—и Сильвестръ, поддавшись уговорамъ своихъ англійскихъ друзей, поѣхалъ съ ними въ Лондонъ. Тотъ же сэръ Рандольфъ, младшій сынъ лорда Винчестера, пригласилъ его провести осенніе мѣсяцы въ его замкѣ въ Бангорѣ, у ирландскаго моря. Сильвестръ принялъ приглашеніе. Уже первые лондонскіе дни втянули его въ нескончаемыя общественныя обязательства, и притязанія на него возрастали соразмѣрно его готовности исполнять ихъ. Однажды утромъ, взявъ въ руки газету, онъ поблѣднѣлъ, прочтя извѣстіе о смерти лэди Эвелинъ Альбани. Лордъ Сесиль извѣщалъ въ подобающихъ выраженіяхъ о печальномъ событіи и сообщалъ, что тѣло покойной находится въ его домѣ на Трафальгаръ-скверѣ и что тамъ онъ будетъ принимать посѣтителей. Въ то же утро къ Сильвестру

пришелъ одинъ изъ тѣхъ всезнаекъ, которые въ точности освѣдомлены о всѣхъ событіяхъ въ большомъ свѣтѣ, и разсказалъ ему, что бѣдную Эвелину за два дня до того нашли на зарѣ безъ сознанія на улицѣ въ одномъ изъ бѣдныхъ кварталовъ. Ее увезли въ больницу, тамъ она только шепотомъ назвала свое имя—и послѣ того душа ея отлетѣла. Лорду Сесилю тотчасъ же сообщили о ея смерти, и хотя смерть и не примирила его съ нею, но все же онъ помнилъ свой внѣшній долгъ. Смерть превратила безжалостно выброшенную въ грязь Эвелину снова въ лэди Альбани—и все, что произошло послѣ того, какъ она себя унизила, признано было просто никогда не происходившимъ.

Сильвестръ долго колебался прежде, чѣмъ рѣшился пойти въ домъ лорда Сесиля. Но онъ считалъ своимъ долгомъ передъ памятью Эвелины отдать послѣдній долгъ ея праху. Онъ выбралъ часъ, когда былъ увѣренъ, что среди множества людей его приходъ пройдетъ незамѣченнымъ. Но ожиданія его не оправдались. Когда онъ вошелъ въ залу, гдѣ покойница лежала на катафалкѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ, большинство посѣтителей уже ушло, а нѣсколько людей, которые стояли и говорили шепотомъ въ углу комнаты, тоже направились къ выходу. Сильвестръ подошелъ къ гробу и взглянулъ на трагически-истерзанное, безгранично-измученное лицо; неподвижное спокойствіе его казалось обманчивымъ, и блѣдность его свѣтилась фосфорическимъ блескомъ. Въ то время, какъ онъ продолжалъ глядѣть на ея лицо, онъ вдругъ увидѣлъ подлѣ себя лорда Сесиля Альбани. Лордъ заложилъ руки за спину, медленно повернулъ голову къ Сильвестру и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Она была красива,—неправда ли?

Сильвестръ вздрогнулъ. Глаза лорда дико сверкнули, и онъ снова повторилъ:

— Она была красива, не правда ли?

Сильвестръ опустилъ голову, повернулся и безмолвно вышелъ изъ комнаты.

Надоѣсть самому себѣ хуже, чѣмъ умереть. Каждая мысль становится обвиненіемъ, сердце задыхается отъ грусти, шаги не вѣрятъ той цѣли, къ которой направляются, взору противно все, что ему представляется, рука не хочетъ удержать того, за что берется, уста не хотятъ говорить, уши не хотятъ слышать. Раздѣваться вечеромъ, одѣваться утромъ—зачѣмъ? А всѣ эти люди—кому какое дѣло до ихъ суеты, ихъ смѣха, ихъ „да“ или ихъ „нѣтъ“, до того, что они считаютъ красивымъ или уродливымъ? Какъ безцѣльно зажи-

гать свѣтъ и тушить его, уѣзжать и возвращаться, украшать стѣны и заботиться о красѣ городовъ! Какъ все это тщетно, до ужаса тщетно!

Такое настроеніе, еще болѣе тяжелое, чѣмъ то, которое онъ пережилъ много мѣсяцевъ тому назадъ на родинѣ, вновь овладѣло Сильвестромъ. Онъ цѣлыми днями не выходилъ изъ комнаты, закрывалъ ставни и лежалъ въ темнотѣ. Каждое чужое лицо было ему ненавистно, и каждый звукъ, доходившій съ улицы, разстраивалъ его. Когда вѣрный, озабоченный Адамъ стучалъ къ нему въ дверь, то сначала Сильвестръ совсѣмъ не отвѣчалъ, потомъ въ немъ вскипалъ гнѣвъ, и онъ грубо прогонялъ его. Поздней ночью онъ выходилъ, чтобы что-нибудь поѣсть, и нерѣдко возвращался голоднымъ. Чаще всего онъ направлялся ночью къ рѣкѣ; онъ нагибался надъ перилами моста и смотрѣлъ, какъ текла вода и какъ по ней скользили барки и маленькіе пароходы. Ему не хотѣлось думать о томъ, что онъ сдѣлалъ и чего не сдѣлалъ. Онъ не привыкъ размышлять о самомъ себѣ. Его печаль не имѣла никакого отношенія къ его поступкамъ, хотя ему и было теперь ясно, что онъ не сдѣлалъ ничего хорошаго и полезнаго, а что, напротивъ того, принесъ много зла и вреда другимъ. Когда онъ вспоминалъ о встрѣчахъ послѣдняго времени, о всѣхъ приключеніяхъ и осложненіяхъ, у него становилось все болѣе пусто и холодно на душѣ; и блѣдное мертвое лицо Эвелины освѣтило холодъ и блѣдность его души подобно тому, какъ факелъ освѣщаетъ развалины дома. Печаль его проистекала изъ самыхъ глубинъ жизни и вмѣстѣ съ нею поднималась иногда безграничная тоска, въ объятіяхъ которой онъ изнемогалъ.

Однажды ему приснилось, что онъ уѣзжаетъ изъ Эрфта вмѣстѣ съ Адамомъ. Они ѣдутъ верхомъ черезъ лѣсъ, причемъ Адамъ ѣдетъ впереди съ зажженнымъ факеломъ. Ихъ окружаетъ бурная ночь, вѣтви трещатъ и со стономъ сгибаются деревья. На нихъ съ шумомъ проливается ливень и тушитъ факелъ. Непроницаемая тьма убиваетъ всѣ надежды въ Сильвестрѣ, и онъ думаетъ только объ одномъ: только бы не вернуться назадъ, только бы не вернуться домой! Онъ чувствуетъ подъ собой теплое тѣло лошади и слышитъ частые окрики Адама, который хочетъ удостовѣриться въ его близости. Такъ они скитаются въ теченіе долгихъ часовъ. Наконецъ, наступаетъ утро, лошади начинаютъ ржать, и сквозь туманъ и дождь Сильвестръ видитъ свой домъ. Это приводитъ его въ такое отчаяніе, что онъ нагибается надъ шеей лошади и ударяетъ ее ножомъ въ грудь. Кровь брызжетъ струей, которая поднимается все выше и свѣтитъ, какъ пламя. Адамъ исчезаетъ. Домъ, куда входитъ Сильвестръ, пустъ; онъ чего-то ищетъ, самъ не зная— чего, бѣжитъ, задыхаясь, по незнакомымъ комнатамъ; воздухъ весь красный отъ потоковъ крови; онъ, изнемогая, опускается на землю—и просыпается.

Проснувшись отъ тяжелаго сна, Сильвестръ твердо рѣшилъ снова вернуться къ людямъ, чтобы не наблюдать постоянно своего саморазрушенія. Онъ позвалъ Адама и приказалъ дать побриться. Адамъ быстро притащилъ свой ящикъ, радуясь приказу Сильвестра, какъ выздоровленію его отъ болѣзни. Затѣмъ Адамъ принялся ругать Англію, главнымъ образомъ потому, что ему нигдѣ не давали супа, и называлъ англичанъ жалкими постниками. Его обжорство возрастало въ той же мѣрѣ, въ какой исчезали въ немъ болѣе нѣжныя чувства.

Только для того, чтобы заполнить время, а вовсе не потому, что въ этотъ вечеръ пѣла Габріэля Таннгейзеръ, Сильвестръ отправился вечеромъ слушать оперу въ Ковентъ-Гарденъ. И тѣмъ болѣе неожиданнымъ было для него глубокое впечатлѣніе, которое она на него произвела. Два дня спустя онъ встрѣтилъ ее на раутѣ у герцогини Девонширской. Она увидѣла его, когда онъ стоялъ у двери, видимо, вспомнила его и мимолетно улыбнулась ему. Такъ какъ ее окружала толпа поклонниковъ, то онъ не далъ себѣ труда протолкаться къ ней. Онъ только обратилъ вниманіе на то, что она держится просто, не какъ свѣтская дама и совершенно не какъ „звѣзда" среди восхищенной ею толпы; при этомъ онъ, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на стройность и тонкость ея фигуры, спокойствіе движеній и внимательность ея взгляда.

Различные пути свѣтской жизни сходились какъ бы къ станціямъ, на которыхъ всѣ постоянно встрѣчались. Уже на слѣдующій день Сильвестръ встрѣтилъ Габріэлю на балу у лэди Танкервиль, а черезъ день на обѣдѣ въ домѣ лорда Кейта. Она пользовалась большимъ успѣхомъ въ Лондонѣ; всѣ молодые люди были у ея ногъ, и почтенные лорды открыто причисляли себя къ ея поклонникамъ. Она всего этого точно не замѣчала. Тяжесть обязательствъ, налагаемыхъ на нее славой, угнетала ее. Она стала жаловаться Сильвестру на то, что не переноситъ климата Англіи. Онъ посовѣтовалъ ей побольше двигаться, ходить пѣшкомъ и ѣздить верхомъ и предложилъ ей сопровождать ее въ загородныхъ прогулкахъ.

— Я бѣдная рабыня и не могу сбросить цѣпи,—отвѣтила она. Но она прибавила, что надѣется отдохнуть осенью. Канинги пригласили ее въ Бангоръ, и она рѣшила провести тамъ нѣсколько недѣль. Когда Сильвестръ сказалъ ей, что и онъ будетъ въ Бангорѣ, она, видимо, обрадовалась. Ей было пріятно бесѣдовать съ нимъ. Его открытое одухотворенное лицо казалось ей симпатичнымъ.

У Сильвестра была въ Лондонѣ старая пріятельница, фрау фонъ-Риновъ, жена консула. Она была прямо влюблена въ Габріэлю и оказывала ей много услугъ на чужбинѣ. А такъ какъ она любила, чтобы пріятные ей люди были дружны между собой, то часто приглашала къ чаю Габріэлю вмѣстѣ съ Силь-

вестромъ. Изъ чрезмѣрной деликатности она также полагала, что гармонія ихъ бесѣдъ нарушается ея присутствіемъ, и потому въ большинствѣ случаевъ, напоивъ ихъ чаемъ, уходила изъ комнаты. Имъ оставалось относиться къ этому шутливо для того, чтобы создавшееся положеніе не смущало ихъ самихъ.

Габріэля искренно не видѣла сама ничего страннаго въ ихъ бесѣдахъ. Ей было пріятно общество человѣка, который занималъ такое твердое положеніе въ своемъ мірѣ и смягчалъ ея раздраженіе противъ этого міра. Послѣ ихъ встрѣчъ она возвращалась въ свое одиночество еще болѣе увѣренная въ томъ, что никогда не потеряетъ себя. Когда она узнала, что Сильвестръ женатъ, ея довѣріе къ нему возросло. Это, конечно, обнаруживало въ ней дѣвическую робость и нѣкоторую буржуазность. Сильвестръ увѣренъ былъ въ исключительно дружескомъ характерѣ ихъ отношеній. Онъ говорилъ, что сердце его устало, и самъ въ это вѣрилъ. Онъ не ощущалъ въ себѣ болѣе того магнетизма, для испытанія котораго ушелъ изъ дому. Онъ растратилъ его, размѣнялъ на мелочь. Онъ считалъ себя теперь неспособнымъ воспламенять другихъ и столь же неспособнымъ воспламеняться самому. Когда онъ видѣлъ передъ собой Габріэлю во всемъ великолѣпіи ея молодости, которую она носила, какъ бремя, когда онъ глядѣлъ ей въ глаза и видѣлъ въ нихъ красоту несознаваемаго ею трогательнаго ожиданія, то его смиреніе казалось ему естественнымъ и достойнымъ.

Въ такомъ гордомъ и кроткомъ настроеніи онъ и написалъ письмо Ахиму Урзанеру, къ которому иногда обращался, какъ къ тайному вѣстнику: „То, что я живу въ моемъ времени, это моя судьба; но то, что я созерцаю мое время, заключаетъ въ себѣ торжество надъ судьбой. Я стою передъ моимъ временемъ, какъ передъ зеркаломъ. Оно несетъ мнѣ навстрѣчу дыханіе цѣлаго міра, оно показываетъ мнѣ человѣчество въ ту минуту, когда я съумѣлъ самъ освободиться отъ его вліянія. Мое самосознаніе составляетъ мою побѣду надъ временемъ. Я могу закрыть глаза,—и тогда жизнь и время вливаются въ меня и ничто въ отдѣльности не владѣетъ мною. Я, какъ мечтатель, владѣю всѣмъ вмѣстѣ. Я бы сравнилъ себя съ человѣкомъ, предающимся печали, который живетъ въ неприступномъ одиночествѣ и все же чувствуетъ себя затравленнымъ, чувствуетъ, что ему грозятъ опасности, что всѣ его тревожатъ, но который какъ разъ въ мгновеніе послѣдней безнадежности испытываетъ волшебное утѣшеніе, такъ что чело его, еще влажное отъ отчаянія, въ моментъ, когда его касается утренняя заря, озаряется мистическимъ восторгомъ въ то время, какъ грудь его еще окутана тяжелымъ мракомъ".

Но Сильвестръ ошибался. Вся его мудрость была намѣреннымъ непониманіемъ того, что въ немъ происходило. Развѣ его не соблазняло движеніе,

которымъ его подруга брала тетрадь съ нотами или поднимала руки, чтобы завязать вуаль? А то движеніе,—полуцарственное, полуробкое, которымъ она отворяла дверь? Развѣ онъ не задумывался надъ ея лукавой улыбкой и взглядами, которые она украдкой на него бросала? Развѣ его воображеніе не слѣдовало за стройнымъ обликомъ Габріэли въ ея одиночество? Развѣ не подслушивала его фантазія мысли дѣвушки? Развѣ его равнодушіе не было притворнымъ? Развѣ онъ самъ не чувствовалъ, какъ онъ измѣнился, какъ онъ убѣгалъ отъ своихъ рѣшеній, какъ исчезала въ немъ его твердость?

Когда она пѣла у лэди Джерси Шопэновскую польскую элегію, ту пѣсню, въ которой мелодія, окруженная видѣніями, выступаетъ изъ аккомпанимента, преисполненнаго мракомъ страстной скорби, какъ любящая, которая поднимается больная съ ложа, чтобы еще разъ обнять возлюбленнаго, онъ въ первый разъ испыталъ стыдъ, который испытываешь, когда вдругъ обнаруживаешь передъ всѣми то, чѣмъ владѣешь втайнѣ, и онъ съ трудомъ смогъ скрыть охватившее его ревнивое пламя. Ему казалось, точно она, сама того не зная, обнажалась передъ всѣми, отдавалась жадной толпѣ, обрекая на позоръ свое цѣломудренное сердце. Въ тотъ вечеръ онъ ушелъ домой точно опьяненный, до утра не тушилъ лампы, сидѣлъ съ открытыми глазами и не могъ ни о чемъ думать,

До этого часа онъ дѣйствовалъ и жилъ, какъ свободный человѣкъ, не связанный никакими обязанностями, никакими обязательствами относительно другихъ. Онъ ушелъ отъ жены и дочери, не писалъ имъ, почти не вспоминалъ о нихъ и жилъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ такъ, точно предшествовавшія десять лѣтъ были эпизодомъ одной ночи. И столь же глубокой, какъ было теперь его запоздалое изумленіе, что онъ могъ жить наподобіе лунатика, быть вѣроломнымъ безъ мысли объ отвѣтственности, жить, не вспоминая и не жалѣя,—была—и его внезапная увѣренность, что онъ не переставалъ думать о возвращеніи и зналъ, что его скитаніямъ положенъ неотвратимый предѣлъ. Теперь же въ немъ проснулась потребность дѣйствительной свободы. Въ немъ началась борьба противъ Агаты. Онъ возмутился противъ ея нѣмыхъ требованій. Ея одиночество вызвало въ немъ не раскаяніе, а ненависть. То кажущееся право, съ какимъ она его обвиняла, озлобляло его, и та власть, которую она вдругъ проявила надъ нимъ издалека, вызывала въ немъ гнѣвъ. Но когда въ его комнату проникъ первый лучъ утренняго солнца, его вдругъ охватили страхъ и раскаянія. «Я еще могу отвратить опасность,—сказалъ онъ себѣ.—Въ каждой судьбѣ бываютъ мгновенія, когда духъ борется за послѣднюю возможность сохранить свободу воли. Я не пропущу этого мгновенія. Я уѣду, я еще въ состояніи это сдѣлать. Я бы со-

лгалъ, если бы считалъ, что дѣйствую во имя долга, когда мною руководитъ только слабость».

Онъ вскочилъ, рѣшивъ тотчасъ же уложить вещи. Было еще слишкомъ рано, чтобы позвать Адама; но онъ рѣшилъ все приготовить такъ, чтобы они смогли уѣхать въ Дувръ еще утреннимъ поѣздомъ. Открывая одинъ изъ ящиковъ, онъ увидѣлъ въ немъ туфлю красавицы Рахиль, найденную имъ на лѣстницѣ. Воспоминаніе объ огнѣ, который потушенъ былъ прежде времени, обдаетъ прошлое холодомъ смерти. Упавъ духомъ, Сильвестръ бросился на постель, и вдругъ ему вспомнилось множество домашнихъ непріятностей: ему представилось зимнее утро, и въ комнатѣ, гдѣ онъ завтракаетъ, идетъ дымъ изъ отвалившагося изразца печки; или же онъ возвращается голодный съ охоты и долженъ ждать обѣда, потому что кухарка занята была ссорой съ управляющимъ; или же въ Дудслохѣ работникъ уличенъ въ кражѣ лѣса и нужно дать знать полиціи. Шуринъ его, Эгенбергъ, собирается къ нимъ въ гости, и во всемъ домѣ слышенъ запахъ кислой капусты, любимаго кушанья маіора. Все это такъ мелко, такъ пошло, такъ знакомо, такъ скучно, такъ уродливо. Онъ со вздохомъ заснулъ.

Около полудня его разбудилъ стукъ Адама, въ дверь который сообщилъ, что принесли письмо и ждутъ отвѣта. Сильвестръ еще не зналъ крупнаго угловатаго почерка Габріэли, но вскрылъ письмо съ сильно бьющимся сердцемъ. Она писала ему, что свободна весь день и хотѣла бы предпринять съ нимъ прогулку. Она приглашала и фрау фонъ-Риновъ, но та занята и не сможетъ съ ними поѣхать.

Адамъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на безпорядокъ въ комнатѣ; Сильвестръ уже успѣлъ вынуть изъ ящиковъ и шкафовъ платье и бѣлье.

— Приведи все опять въ порядокъ,—отрывисто приказалъ Сильвестръ.

Они шли по Ричмондскому парку.

Подъ открытомъ небомъ лица людей яснѣе выражаютъ ихъ сущность, чѣмъ въ комнатахъ. Габріэля шла такъ, точно съ каждымъ шагомъ она принимала природу, какъ приносимый ей даръ. Сильвестръ невольно вспоминалъ Агату, вспоминалъ, какъ она всѣмъ восхищалась, когда душа ея была открыта, и какъ ей все надоѣдало, когда она уставала. Габріэля была ровно и задумчиво спокойна. Она внимала его словамъ такъ, точно они были игрой свѣта и тѣни, а не какъ Агата, для которой слово было чѣмъ-то живымъ, дразнившимъ и возбуждавшимъ ее.

Ему нравилось кроткое спокойствіе въ женщинахъ, то спокойствіе, подъ которымъ таится пламя; такъ спокойна земля, таящая внутри пламенное

ядро, такъ спокойно ночное небо, за которымъ таится скрытый свѣтъ. Уже въ ранней молодости онъ лелѣялъ образъ спокойной, кроткой женщины и теперь только онъ понялъ, чего ему недоставало, когда его подругой была Агата, не умѣвшая ни въ чемъ уступать, энергичная, сильная, знавшая лишь себялюбивыя грезы.

Габріэля чувствовала, что рядомъ съ ними невидимо идетъ третья. Ей хотѣлось спросить объ этой третьей—и, по странной игрѣ взаимнаго угадыванія, какъ разъ въ то время, когда она соображала, какъ бы ей предложить вопросъ, Сильвестръ сказалъ ей, что его удивляетъ, почему она такъ рѣдко его о чемъ-либо спрашиваетъ. Она улыбнулась и спросила, считаетъ ли онъ это недостаткомъ: она, дѣйствительно, не умѣетъ спрашивать, никогда не могла этому научиться.

— Весь смыслъ жизни въ томъ, чтобы узнавать и вопрошать,—отвѣтилъ онъ—и взглядъ его молилъ ее о вопросѣ.

Они стояли подъ гигантскимъ орѣховымъ деревомъ Солнце заходило, и зелень луговъ подернута была мягкими лиловыми тонами. Во влажномъ лѣтнемъ воздухѣ носились ласточки въ разныхъ направленіяхъ. Габріэля снова улыбнулась и спросила Сильвестра, почему онъ такой мятежный. Онъ ничего не отвѣтилъ. Она въ третій разъ улыбнулась, понимая, что вопросъ ея былъ слишкомъ общій. Тогда, подумавъ, она спросила его, почему онъ никогда не говоритъ ей о своемъ домѣ, о своей женѣ, о своемъ ребенкѣ. Онъ покраснѣлъ.

— Всякое слово объ этомъ связываетъ меня,—отвѣтилъ онъ, опустивъ вѣки.—А я хочу быть свободнымъ.

— Въ бракѣ нельзя быть свободнымъ,—сказала Габріэля очень серьезно.

— Но можно снова обрѣсти свободу. Развѣ вы думаете, что нельзя?

— Нельзя. Нельзя снова стать свободнымъ,—настаивала Габріэля съ той же серьезностью.—Браки заключаются передъ Богомъ и людьми.

— Что это вы, Габріэля!—съ досадой воскликнулъ Сильвестръ.—Это поповская мораль.

— Нѣтъ. Это законъ крови.

— Законъ крови? Значитъ, бракъ, по вашему, крѣпостное владѣніе.

— Если хотите. Такъ оно и должно быть. Слишкомъ много переходитъ отъ одного къ другому въ бракѣ, слишкомъ много между супругами неизгладимаго.

— Но я не люблю Агаты,—возразилъ Сильвестръ съ тревогой въ душѣ.

— Любите ли вы Агату, или не любите, это все равно,—возразила Габріэля, и щеки ея вспыхнули. „Бракъ выше любви, тѣмъ выше, что онъ соединяетъ двухъ людей, и изъ единаго ужъ нельзя снова сдѣлать двухъ. Если вы даже и не любите Агаты, все же она срослась съ вами, и вы не

можете жить безъ нея. Вы можете ей измѣнять, но безъ Агаты для васъ не можетъ быть любви. Она всегда тамъ, гдѣ вы, всегда, всегда... Если бы она была только женой, то еще можно было бы порвать связь; но она мать, и у васъ растетъ соединяющее васъ дитя, которому вы навсегда принадлежите оба.

У Сильвестра было такое чувство, точно счастье погибло для него навѣки. Взглядъ его былъ полонъ отчаянія.

Наступили сумерки. Они вышли на дорогу, гдѣ ихъ ждала коляска. Они сѣли въ нее—и Габріэля прижалась къ углу. Въ глазахъ ея еще горѣло пламя краснорѣчія; греческая линія губъ выражала вдохновенную силу. Сильвестръ взялъ ея руку, и она не отняла ея, нѣсколько смущенная, но безъ всякаго недовѣрія. Вдругъ онъ опустился на колѣни и прижалъ ея пальцы къ своимъ губамъ. Она порывистымъ шепотомъ приказала ему подняться. Онъ повиновался и увидѣлъ, что она вся дрожитъ. Лицо ея покрылось смертельной блѣдностью. Онъ тяжело дышалъ и обнялъ ее; ея стальная грудь вырывалась изъ его объятій, и дикій взоръ ея устремился на мелькавшій передъ ними пейзажъ, проносившійся точно окрашенный потокъ воды. Вдругъ все въ ней смягчилось: голова ея, точно сломленная, припала къ нему, глаза ея сомкнулись, уста ея искали его устъ, скорбь и блаженство на мгновеніе слились воедино; мгновеніе это было краткое—и, когда она выпрямилась, блаженство уже сдѣлалось запретнымъ, а скорбь изливалась изъ неизлѣчимой раны. Они молча сидѣли рядомъ, онъ еще держалъ въ своей рукѣ ея руку—и біеніе ея пульса завершало его судьбу. Габріэля не отнимала отъ него руки въ наступившей темнотѣ. Выйдя изъ коляски, она попрощалась съ нимъ глазами.

Когда Сильвестръ вернулся домой, онъ увидѣлъ возлѣ лампы портретъ Сильвіи—миніатюру, заказанную имъ съ ея фотографіи за два года до того въ Мюнхенѣ. Онъ не помнилъ, что взялъ ее съ собой, и не замѣчалъ ее за все время путешествія. Онъ поэтому спросилъ съ удивленіемъ Адама, гдѣ онъ разыскалъ портретъ. Адамъ отвѣтилъ, что нашелъ его при уборкѣ въ одномъ изъ ящиковъ. Сильвестръ сѣлъ къ столу: въ то время, какъ все его существо точно уносилось въ потокѣ страсти, онъ сталъ разсматривать черты прекраснаго дѣтскаго лица, и взоръ его со страхомъ вопрошалъ: «Неужели я, дѣйствительно, навсегда твой, Сильвія?» И такъ сильна была въ немъ страсть, что въ своемъ таинственно-преступномъ упрямствѣ онъ могъ скорѣе представить себѣ смерть любимой дочери, чѣмъ потерю Габріэли.

Его рокъ свершился.

Она ему написала: „Мы не должны болѣе видаться“. Но въ концѣ

письма стояло: „Помогите мнѣ!“ Этого было достаточно, и онъ, какъ безумный, цѣловалъ свое собственное отраженіе въ зеркалѣ.

Онъ отправился къ ней. Она жила въ маленькомъ коттеджѣ въ Твикенгамѣ. Анна Эвель провела его въ садъ, гдѣ Габріэля сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ. Она встрѣтила его холодно. Онъ многое хотѣлъ ей сказать, но все казалось ему пустымъ. Ея суровость оскорбляла его. Онъ поднялся, чтобы уйти, но она сдѣлала испуганное движеніе рукой—и лицо ея дрожало отъ отчаянія. Они старались сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы говорить спокойно, но съ каждымъ словомъ цѣпь, обвивавшаяся вокругъ нихъ, сжималась все тѣснѣе.

Они разстались, какъ чужіе. У Сильвестра не было силъ вернуться домой. Онъ увидѣлъ по дорогѣ маленькую гостиницу, взялъ въ ней комнату, бросился на диванъ и сталъ безмолвно спорить съ самимъ собой. Когда наступилъ вечеръ, онъ зажегъ двѣ свѣчи, потребовалъ почтовой бумаги и сталъ писать Агатѣ—въ первый разъ послѣ десяти мѣсяцевъ.

„Я увѣренъ въ твоей добротѣ,—писалъ онъ.—Ты имѣешь права на меня, но не настаивай на нихъ. Ты имѣешь основаніе осуждать меня; не дѣлай этого. Я хотѣлъ бы думать о тебѣ, какъ о другѣ. Я хотѣлъ бы вѣрить въ тебя, какъ въ человѣка, который меня любитъ, не требуя за это, чтобы я ставилъ на карту себя самого. Ты была мнѣ очень близка въ послѣдніе дни. Я искалъ тебя и избѣгалъ тебя, я боялся тебя и нуждался въ тебѣ. Я безпомощенъ, если ты отнесешься ко мнѣ враждебно, и силенъ, если ты будешь на моей сторонѣ“.

Такія слова не могутъ быть ложью. Сильвестръ самъ не зналъ, чѣмъ ему была Агата. Теперь онъ обращался не къ женѣ, не къ подругѣ, даже не къ матери своего ребенка, а къ той, которая была судьей надъ его жизнью.

Когда онъ поцѣловалъ Габріэлю въ коляскѣ, его къ этому побуждало тщеславіе и жажда побѣды. Но теперь онъ чувствовалъ, точно начало поцѣлуя было еще игрой, а завершился онъ уже, какъ нѣчто неотвратимое. И такъ это было не только для него одного. Въ Габріэли было столько нетронутости и свѣжести, что мимолетная ласка была для нея рѣшающей. Сильвестръ сразу это понялъ. Но онъ не подозрѣвалъ, что ея внѣшній холодъ скрывалъ пламенную страсть, что ея молчаніе свидѣтельствовало о непреложности чувства, а ея убѣгающій отъ него взоръ означалъ, что сердце ея было навсегда охвачено любовью.

Сильвестръ не зналъ ея души. Онъ объяснялъ ея сдержанность буржуазной робостью. Онъ зналъ слишкомъ много женщинъ, чтобы сохранить чистоту инстинктивнаго пониманія душъ. Онъ представлялъ себѣ любимую

дѣвушку во всѣхъ образахъ и преображеніяхъ, будившихъ въ немъ подозрительность, нетерпѣніе, дурныя и хорошія грезы. У него совершенно пропалъ сонъ. Онъ лежалъ часами, думая только о ея рукѣ; когда вокругъ него говорили, онъ слышалъ только ея голосъ; когда мимо него ходили, онъ видѣлъ только ея походку и ощущалъ только ее, когда его касался какой-нибудь предметъ. Каждый день, проведенный безъ нея, былъ призрачнымъ, каждый вечеръ безъ нея былъ для него страданіемъ, а каждая ночь—кошмаромъ. Онъ шепталъ ея имя, чтобы слышать его звукъ; не было ничего на свѣтѣ, чего бы онъ не приводилъ въ связь съ нею, а когда другіе заговаривали о ней, онъ вздрагивалъ, какъ преступникъ при напоминаніи о своемъ злодѣяніи. Страсть охватила его всего, распространяясь на тѣнь, которая сопровождала его. Страсть мучительно натягивала въ немъ всѣ струны, вызывала въ немъ презрѣніе къ себѣ самому и въ то же время восторгъ передъ собой. Дѣйствительность превратилась въ призракъ, время въ нѣчто столь безумное, что въ часы печали онъ десять разъ умиралъ, а въ мгновенія радости жилъ цѣлыя вѣчности. Все его существованіе сдѣлалось смѣсью безумія, опьяненія и лихорадки, и, когда онъ вспоминалъ о своей жизни за три недѣли до того, его тогдашнее „я“ казалось ему чужимъ и мертвымъ.

Онъ иногда отправлялся вечеромъ въ Твикенгамъ и до утра ходилъ взадъ и впередъ передъ домомъ Габріэли. Она объ этомъ не знала. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы унизить себя тщетными мольбами. Однажды, въ прекрасную ночь, она вышла въ бѣлой одеждѣ на балконъ и долго смотрѣла вверхъ на звѣзды. Тогда Сильвестръ, охваченный трепетомъ, постигъ величіе вселенной. Онъ стоялъ у забора, скрытый отъ нея, и глядѣлъ на Кассіопею такъ-же, какъ и она; во всемъ мірѣ были только два существа: онъ и она; и на пламенныхъ путяхъ звѣздъ онъ тоже никого не встрѣчалъ, кромѣ нея.

Обоготвореніе—прекрасное слово; нужно самому имѣть въ себѣ нѣчто божественное для того, чтобы кого-нибудь боготворить; и если тотъ, кого боготворятъ, и не становится богомъ, все же его этимъ возвышаютъ, успокаиваютъ и одухотворяютъ. Габріэля это чувствовала на себѣ; ей казалось, что ей легче ходить, свободнѣе дышать; но вмѣстѣ съ тѣмъ бывали дни, когда на нее нападала безсильная грусть; руки ея устало опускались, слова ея становились туманными, духъ ея былъ подавленъ, и многіе, которые до того знали ее веселой и беззаботной, замѣчали въ ней большую перемѣну.

Фрау фонъ-Риновъ пришла разъ къ Сильвестру.

— Милый Сильвестръ,—сказала она ему,—что происходитъ съ Габріэлей?

Она очень измѣнилась. Я чрезвычайно встревожена. Развѣ вы ничего не замѣчаете?

Сильвестръ отвѣтилъ ей взглядомъ, который выдалъ его тайну.

— Помилуй Богъ!—въ ужасѣ воскликнула старая дама.—Вѣдь, не добиваетесь же вы, чтобы она сдѣлалась вашей любовницей? Объ этомъ не можетъ быть рѣчи. Это было бы безуміемъ, подлостью, и этого никакъ нельзя допустить. Теперь только я начинаю все понимать. Умоляю васъ, дорогой другъ, выбросьте изъ своего сердца эту дѣвушку! Она достойна лучшей участи.

Сильвестръ стоялъ у камина. Его крупные зубы сверкали, и поблѣднѣвшее лицо его казалось сѣрымъ.

— Вы не можете, вѣдь, развестись съ Агатой,—возбужденно продолжала фрау фонъ-Риновъ.—Относительно многихъ женщинъ я могу себѣ представить, что съ ними можно развестись; по отношенію къ Агатѣ мнѣ это кажется невозможнымъ. Не знаю—почему, но знаю, что невозможно. Достаточно разъ видѣть Агату, чтобы знать, что это невозможно. И вы тоже это знаете.

Сильвестръ ничего не отвѣтилъ. Онъ устало присѣлъ на ручку кресла и судорожно сжалъ пальцы.

— Бѣдный мой другъ,—сказала фрау фонъ-Риновъ,—я васъ понимаю. Будь я мужчиной, я испытывала бы то же, что вы. Я и не требую отъ васъ немедленнаго рѣшенія. Я прошу васъ только оставаться благоразумнымъ. Пожалѣйте Габріэлю!

Люди, дающіе добрые совѣты, всегда раздуваютъ огонь, когда хотятъ его затушить. Теперь, когда дѣло стало принимать опасный поворотъ и нужно было обманывать бдительные взоры, для Сильвестра перестали существовать какія бы ни было преграды. Онъ написалъ семь писемъ Габріэли и всѣ ихъ разорвалъ; его воображеніе придумывало самые невѣроятные, самые сказочные исходы, но когда онъ видѣлъ передъ собой Габріэлю съ ея нѣжной тревогой, съ ея робкой напряженностью чувства, когда онъ видѣлъ, какъ она все снова пытается вырваться изъ темнаго омута, онъ приходилъ въ отчаяніе и не зналъ, на что рѣшиться.

Онъ поѣхалъ однажды на скачки въ Эпсомъ и увидѣлъ Габріэлю на одной изъ трибунъ рядомъ съ графиней Шрюсбюри. Она откинула голову и весело разговаривала съ нѣсколькими знакомыми, когда вдругъ къ нимъ подошелъ необыкновенно красивый молодой человѣкъ въ костюмѣ для верховой ѣзды. Сильвестръ зналъ его. Это былъ виконтъ Дарингтонъ, двадцатилѣтній юноша, лицо и фигура котораго казались изваянными Фидіемъ. Сильвестръ стоялъ внизу, среди шумной толпы, и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Габріэли. Его охватилъ ледяной холодъ, когда она улыбнулась юношѣ, а когда виконтъ, который принималъ участіе въ скачкахъ, задер-

жалъ на прощанье ея руку въ своей дольше, чѣмъ слѣдовало, глаза Сильвестра подернулись краснымъ туманомъ. Нѣсколько минутъ спустя начались скачки. Сильвестръ слѣдилъ напряженнымъ немигающимъ взоромъ за фигурой молодого наѣздника, который понесся по полю на своей сѣрой лошади и сразу очутился въ первомъ ряду скакавшихъ. Черезъ слѣдующіе сто метровъ онъ былъ впереди всѣхъ, и Сильвестру казалось, что все для него потеряно, если юноша доѣдетъ до цѣли торжествующимъ побѣдителемъ. Онъ не то, что желалъ, но приказалъ юношѣ упасть и въ какомъ-то охватившемъ его безуміи весь сосредоточился на этомъ внутреннемъ приказѣ. Въ ту же минуту раздался крикъ изъ тысячи устъ. Сѣрая лошадь оступилась передъ послѣднимъ препятствіемъ. Точно при свѣтѣ молніи Сильвестръ увидѣлъ мелькнувшее въ воздухѣ тѣло виконта, затѣмъ толпа ринулась впередъ, чтобы поднять недвижно лежавшаго на землѣ. У него были сломаны обѣ руки, и изъ носу текла кровь.

«Значитъ, это возможно!—съ ужасомъ подумалъ Сильвестръ.—Да развѣ есть что-нибудь невозможное?» Его виноватый взглядъ искалъ Габріэлю. Публика на трибунахъ поднялась, и вдругъ онъ увидѣлъ, какъ Габріэля пробиралась черезъ толпу; она быстро и испуганно бросилась къ нему, взяла его подъ руку и попросила его увезти ее въ городъ. Какъ только они сѣли въ коляску, пошелъ дождь, превратившійся черезъ четверть часа въ ужасающій ливень. Лошади нѣсколько разъ пугливо вздымались на дыбы, и кучеру пришлось сойти и вести ихъ.

Габріэля глядѣла передъ собой невидящимъ взоромъ; смущенный и внутренно обезпокоенный, Сильвестръ былъ увѣренъ, что она думаетъ о виконтѣ, между тѣмъ, какъ и происшествіе на скачкахъ, и вся ея теперешняя жизнь проходила передъ ея взоромъ лишь, какъ стая несущихся облаковъ. Но она ничего не говорила—и въ молчаніи ея былъ точно запретъ говорить. Сильвестръ опустилъ голову, и ему казалось, что сердце его растворяется въ соленой жгучей щелочи. «Почему она съ другими любезна, оживлена и весела,—думалъ онъ,—а со мной она омраченная, точно мертвая». Онъ бы отдалъ свою честь и земное счастье за то, чтобы обратиться къ ней съ этимъ вопросомъ и получить на него отвѣтъ отъ нея. Но ихъ точно раздѣляло неизмѣримое пространство. Такъ что-же означалъ ея взглядъ, когда она вышла изъ коляски, ея полный, глубокій, лучистый, молящій и смиренный взглядъ? Черезъ мгновеніе она исчезла въ театральномъ подъѣздѣ.

Въ этотъ вечеръ она пѣла въ послѣдній разъ въ сезонѣ. Шелъ „Севильскій цирюльникъ“, и въ концѣ каждаго дѣйствія театръ походилъ на клѣтку съ рычащими дикими звѣрями. Когда опера кончилась, Сильвестръ прошелъ за кулисы. Анна Эвель провела его къ Габріэли, которая пряталась въ углу сцены отъ толпы людей, осаждавшихъ ея уборную. Она усѣ-

лась на деревянную телѣжку и ѣла грушу. Поверхъ костюма Розины она накинула черный платокъ—и бѣлизна шеи и груди сверкала влажнымъ блескомъ.

— Я поѣду домой, не переодѣваясь,—сказала она.—Мы можемъ незамѣтно уйти изъ театра, пройдя по темному корридору. Дай мнѣ мой плащъ, Анна.

— Вы разрѣшаете и мнѣ съ вами поѣхать?—спросилъ Сильвестръ. Она кивнула ему въ отвѣтъ.

Въ ея загородномъ домикѣ приготовленъ былъ ужинъ, но Габріэля не была голодна. Она оставила Сильвестра на нѣсколько времени, потомъ вернулась въ одеждѣ изъ мягкаго бѣлаго кашемира и тихо сѣла у стола. Окна были открыты; вечера были уже почти осенніе, и въ воздухѣ носился нѣжный запахъ увяданія. Оставшись одинъ, Сильвестръ взялъ со стѣны гитару и сталъ ее разглядывать; ему показалось чудомъ, что въ струнахъ дремлютъ невѣдомыя мелодіи, которыхъ онъ не умѣетъ извлечь изъ нихъ. И еще большимъ чудомъ показалась ему сама Габріэля, ея живое тѣло, изъ котораго божественная сила извлекала звуки, преображавшіе бѣдность человѣческую въ богатство, ихъ будничную жизнь въ вдохновенную грезу.

Пальцы его разсѣянно скользили по струнамъ, производя нѣжную дрожь, похожую на звуки далекой эоловой арфы. Габріэля взяла у него гитару изъ рукъ, привычнымъ движеніемъ настроила ее и съ задумчивымъ видомъ взяла нѣсколько печальныхъ аккордовъ. Потомъ она рѣшительно покачала головой и отложила гитару.

— Я тебя люблю, Сильвестръ,—сказала она.—Ты знаешь, что я тебя люблю. Какъ это случилось—я не могу объяснить. Да и зачѣмъ это объяснять? Я только женщина, не лучше и не хуже другихъ, и какъ мнѣ примириться съ тѣмъ, что я люблю именно тебя? Не говори мнѣ о счастьи, не утѣшай меня надеждами, не говори, чтобы я забыла и что есть часы, которые за все вознаграждаютъ. Не говори, что можно радоваться, хотя бы завтра весь міръ рушился. Все это не для меня. Пойми, любимый, что ты для меня точно человѣкъ, котораго я держу за одну руку въ то время, какъ другая рука его покоится въ рукѣ другой женщины. Та, другая, построила свою жизнь на тебѣ; она не хочетъ и не можетъ уйти отъ тебя, и если бы она и могла, то именно при мнѣ она бы для тебя ожила, а ты не такой человѣкъ, который можетъ бросить въ могилу живое существо. Я понимаю твои чувства, но я не могу исполнить твои требованія. Не изъ-за Агаты и не изъ-за твоего ребенка. Когда ты со мной и я тебя вижу, то мнѣ кажется, что все остальное я могла бы забыть; для меня не существуетъ и того, что называютъ честью. Но я хочу любить такъ, какъ умираютъ,—со-

всѣмъ, и безъ остатка. И я хочу, чтобы меня любили такъ, какъ погружаются въ море, въ бездонную морскую пучину. А развѣ это возможно съ тобой, Сильвестръ, съ тобой, пришедшимъ ко мнѣ съ нечистой совѣстью? Не возражай мнѣ. Будь правдивъ, будь въ эту минуту правдивъ со мной! Нечистая совѣсть—въ сущности, благородная, хорошая совѣсть. Твое человѣчное сердце всегда бы тебя влекло ко мнѣ, но не удерживало бы тебя при мнѣ, и мы сдѣлались бы дурными и усталыми. А теперь скажи, что намъ дѣлать?

Она говорила тихимъ голосомъ и, когда кончила, взглянула на него съ робкимъ ожиданіемъ. Сильвестръ, безъ боли и безъ радости, такъ же тихо отвѣтилъ ей, охваченный неяснымъ чувствомъ:

— Я чувствовалъ тебя еще на родинѣ. Я носилъ тебя въ своей душѣ, какъ мать, носящая въ своемъ лонѣ ребенка, пока ты воплотилась въ живой образъ и предстала предо мною. Я наслаждался любовью другихъ женщинъ такъ же, какъ ѣдятъ корни, когда нѣтъ другой пищи. Да, я буду правдивъ съ тобой. Твои слова—величайшее горе моей жизни, ибо ты права во всемъ, что ты говоришь. Что намъ дѣлать—я не знаю. Я только знаю, что не могу безъ тебя жить. Бѣжимъ, Габріэля! Сядемъ на корабль и поѣдемъ за океанъ. Попытайся довѣриться мнѣ: быть можетъ, страхъ твой окажется напраснымъ.

— Теперь ты лжешь самому себѣ,—мягко прервала его Габріэля.—Нельзя самовольно стать свободнымъ, нѣтъ правъ, которыхъ можно добиться только для самого себя. Есть люди, которые на это способны, но я для этого недостаточно сильна и ты недостаточно для этого лишенъ воображенія. Мы только люди—и должны дѣлать то, что достойно человѣка".

Она сказала это устрашившимъ его высокомѣрнымъ и спокойнымъ тономъ.

— Я собиралась поѣхать завтра въ Бангоръ,—сказала она.—Ты думалъ, что мы тамъ встрѣтимся. Этого не должно быть. Я вовсе не хочу, чтобы мы болѣе никогда не видались. Развѣ я могу этого хотѣть? Но мы должны дать другъ другу время и возможность опомниться и понять себя. Поэтому, если тебѣ хочется поѣхать въ Бангоръ, то я поѣду куда-нибудь въ другое мѣсто. Отвѣть мнѣ, Сильвестръ. Ты на меня не сердишься? Какъ безконечно трудно поступить, какъ должно!

— Я не поѣду въ Бангоръ,—сказалъ, запинаясь, Сильвестръ. Габріэля невольно протянула руки, и онъ съ глухимъ возгласомъ кинулся къ ней. Она страстнымъ движеніемъ взяла его голову въ обѣ руки и прижала его лицо къ своимъ колѣнямъ. Наклонившись надъ нимъ, она проговорила:

— Развѣ я тебя люблю? Я люблю не тебя, а другого, котораго нѣтъ и

котораго я не знаю. А теперь уходи, Сильвестръ! Уходи и оставь меня. Прощай!

Въ два часа ночи Сильвестръ сидѣлъ у стола въ своей спальнѣ. Передъ нимъ лежалъ пистолетъ, на который онъ смотрѣлъ, не отводя глазъ. Тогда ему вдругъ показалось, будто онъ услышалъ скрипъ двери и будто къ нему вошла Агата, положила ему руку на плечо, прижалась щекой ко лбу его и глубоко вздохнула. Голова его упала на столъ—и онъ заплакалъ, какъ дитя.

Октябрьскіе дни и ночи проходили незамѣтно для Сильвестра. Онъ жилъ урывками, какъ человѣкъ, который спитъ урывками, часто просыпаясь среди ночи. Иногда онъ заходилъ къ фрау фонъ-Риновъ, говорилъ съ нею очень спокойно и благоразумно, но внутренно смѣялся надъ каждымъ своимъ словомъ. Утверждать что-либо казалось ему совершенно безсмысленнымъ, хотя бы это былъ самый простой, ясно доказуемый фактъ. Онъ бывалъ въ клубѣ и разговаривалъ тамъ со знакомыми; въ большинствѣ случаевъ онъ просто механически говорилъ противоположное тому, что сказалъ его собесѣдникъ; и очень удивлялся, когда изъ этого выходилъ разговоръ. Онъ къ собственному удивленію ѣлъ и пилъ. Однажды онъ отправился къ портному и выбралъ матерію для костюма; въ то время, какъ онъ выбиралъ, онъ удивлялся, зачѣмъ онъ это дѣлалъ. Жизнь, которую онъ велъ, стоила много денегъ, и такъ какъ его запасъ истощился, то онъ подписалъ вексель, причемъ совершенно не чувствовалъ какой-либо отвѣтственности. Но при всемъ этомъ его не оставляла присущая ему наблюдательность. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что у Адама уходило очень много времени на писаніе писемъ. Онъ спросилъ его, что это означаетъ, и Адамъ сознался, что состоитъ въ перепискѣ съ Анной Эвель. При упоминаніи этого имени Сильвестръ прижалъ руку къ глазамъ, и на лицѣ его отразилась скорбная задумчивость.

У Адама Гунда было много случаевъ встрѣчаться съ Анной Эвель, причемъ онъ всегда старался проявить свое умственное превосходство и знаніе свѣта. Онъ нашелъ въ смуглой чешкѣ внимательную слушательницу, и такъ какъ ничто такъ не льститъ самолюбію человѣка, какъ восторженное вниманіе молодой женщины къ его сужденіямъ и къ его разсказамъ о своихъ приключеніяхъ, то вскорѣ они условились продолжать письменно свои полезныя бесѣды. Адамъ поучалъ главнымъ образомъ свою ученицу, какъ она должна себя вести, чтобы найти себѣ мужа. „Прежде всего я посовѣтовалъ бы вамъ вести себя какъ можно болѣе таинственно,—писалъ онъ.—Если, напримѣръ, у васъ разстегнулась подвязка, и это васъ очень заботитъ, особенно если при этомъ вы находитесь въ хорошемъ об-

ществѣ и не рѣшаетесь поправить бѣду, то самое лучшее принять грустный видъ или съ глубокомысленнымъ восторгомъ говорить о стихахъ. Вообще хорошо, когда женщина говоритъ о томъ, чего она не понимаетъ; тогда мужчины думаютъ, что они еще меньше ея понимаютъ въ этомъ вопросѣ, и говорятъ другъ другу: «эта женщина необыкновенно умна». Конечно, этого одного еще недостаточно. Вы должны, кромѣ того, милая Анна, быть чисто умытой и аккуратно причесанной, должны умѣть все на себѣ зашивать и штопать, должны употреблять въ достаточномъ, но не чрезмѣрномъ, количествѣ притиранія и духи, въ присутствіи другихъ мало ѣсть, какъ бы вы ни были голодны. Главное—поймать птичку; тогда уже можно быть спокойной. Въ томъ-то и заключается самое удивительное, что рѣдко кто изъ насъ вырывается на волю послѣ того, какъ его поймали; и я вамъ объясню причину этого. Дѣло въ томъ, что мы, мужчины, принимаемъ женщинъ въ серьезъ. Мы хотимъ что-то имъ доказать, хотимъ опровергнуть ихъ доводы; мы съ ними споримъ, какъ съ равными; а это, почтеннѣйшая Анна, самое глупое, что мы можемъ сдѣлать. Благодаря этому, онѣ и прилипаютъ къ намъ, какъ улитки къ ногѣ быка. И въ то время, какъ мы думаемъ, что онѣ идутъ рядомъ съ нами по жизненному пути, онѣ на самомъ дѣлѣ, ничего сами не дѣлая, питаются нашимъ мясомъ".

По другому, довольно странному, поводу Сильвестръ открылъ, что Адамъ получаетъ извѣстія изъ Эрфта. Съ недавнихъ поръ Адамъ сталъ самъ готовить обѣдъ и часто подавалъ своему господину клецки въ кисломъ соусѣ, или же, на франконскій ладъ, жареный картофель. Онъ не двигался съ мѣста, пока Сильвестръ не выражалъ одобренія его кулинарному искусству, и это располагало его къ тому, что онъ сталъ разсуждать объ эрфтской кухнѣ и закончилъ однажды хвалебнымъ гимномъ родинѣ. Даже его злая жена представлялась ему теперь въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, и однажды онъ сталъ защищать ее противъ Сильвестра такъ горячо, точно тотъ ее обвинялъ въ самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ.

— Что тамъ говорить о принципахъ и мужскомъ достоинствѣ!—накинулся онъ на молчавшаго Сильвестра.—За то она такъ печетъ яблочные пироги, что сердце въ груди радуется. Недавно у нея былъ въ гостяхъ управляющій Марквартъ и не могъ нахвалиться, такимъ вкуснымъ ему показался пирогъ. Онъ мнѣ писалъ, что у нея въ Дудслохѣ образцовый порядокъ, не то, что въ Эрфтѣ,гдѣ все вверхъ дномъ пошло. Баронесса-то, конечно, исключеніе среди женщинъ, но она мало интересуется хозяйствомъ и ни за чѣмъ не слѣдитъ. Иногда пріѣзжаетъ господинъ майоръ, требуетъ, чтобы ему показали книги, бранится за то, что слишкомъ много уходитъ, и потомъ часами разговариваетъ съ баронессой, закрывъ двери. Печально, когда хозяина нѣтъ въ домѣ.

Адамъ ошибся, думая, что тронетъ своего господина краснорѣчивымъ и обдуманнымъ изображеніемъ домашняго запущенія. Сильвестръ ничего не отвѣтилъ, и его недвижное равнодушіе преисполнило тревогой дипломатическаго посредника.

Высшая степень желанія можетъ создать вторую дѣйствительность. Скованныя во всѣхъ отношеніяхъ чувства Сильвестра искали убѣжища въ другомъ мірѣ, который былъ для него не выдуманнымъ, а болѣе истиннымъ, чѣмъ осязаемая дѣйствительность. Въ то время, какъ онъ правильно и безучастно слѣдовалъ опредѣленнымъ привычкамъ и отдавалъ каждому часу дня то, что этотъ часъ отъ него требовалъ, умъ и душа его уходили куда-то въ даль, оставляя тѣло, какъ случайную движущуюся оболочку.

Онъ ясно чувствовалъ, что въ эту пору его жизни поставлены были на карту всѣ его внутреннія и внѣшнія цѣнности: разумъ, довольство, жизненная бодрость, состояніе и здоровье, все унаслѣдованное и все пріобрѣтенное. Онъ зналъ, что онъ потерялъ и что похищаетъ у него каждая минута пагубной тоски. Онъ зналъ, что теряетъ свою гордость, вѣру въ самого себя, способность быть активнымъ членомъ общества. Онъ зналъ, что уже не можетъ ссылаться на права молодости, что указаніе на утрату величайшаго счастья не оправдало бы его въ пренебреженіи долга относительно людей. Онъ зналъ, что нравственный законъ выше закона страсти, и все же съ какимъ-то сладострастіемъ все глубже погружался въ свою печаль, и то сознаніе, что молодость его прошла окончательно и навсегда, что онъ въ послѣдній разъ пылалъ страстью и въ послѣдній разъ пробудилъ страсть въ другомъ существѣ; въ послѣдній разъ испыталъ блаженство самозабвенія, радость увлеченія, сладость желаній и блаженный трепетъ своего воскресенія въ другомъ сердцѣ. Сознаніе, что все это навсегда ушло и потеряно, точно въ силу смертнаго приговора, омрачило его духъ и разрушило въ немъ волю.

Онъ жилъ двойной жизнью. Настоящая его жизнь проходила въ Бангорскомъ замкѣ. Возобновляющіяся и длительныя галюцинаціи знакомили его съ невѣдомыми мѣстами. Онъ видѣлъ передъ собой старинный нормандскій замокъ съ заросшими плющемъ дворами, съ тупой башней и зубчатыми стѣнами. Онъ переходилъ по бывшему подъемному мосту и разговаривалъ съ сэромъ Рандольфомъ, глядя въ то же время на море. Нѣсколько человѣкъ гостей возвращались, весело болтая, съ катанья на лодкѣ. Молодежь кончила игру въ крикетъ и возвращалась съ лужайки съ веселымъ смѣхомъ; бѣлыя платья молодыхъ дѣвушекъ развѣвались по вѣтру, дувшему съ моря. Раздавался звукъ гонга; всѣ отправлялись въ столовую, гдѣ накрытъ былъ къ завтраку длинный столъ; серебро и фарфоръ красиво

выдѣлялись на фонѣ темной деревянной обшивки стѣнъ. Двѣ собаки, шпицъ и террьеръ, пронеслись съ визгомъ по столовой, и лэди Каннингъ, страдавшая въ этотъ день мигренью, пожаловалась на шумъ мажоръ-дому. Миссъ Голландъ, худенькая дѣвушка, вся въ веснушкахъ, разсказывала, что видѣла на морѣ большой пароходъ, идущій изъ Бразиліи, а monsieur Ренаръ утверждалъ, что въ Бароу видѣли кита. Сильвестръ доказывалъ, что это невозможно, и Габріэля была на его сторонѣ. Завязался шутливый споръ— и находчивость Сильвестра вызывала общій восторгъ. Monsieur Ренаръ былъ огорченъ своимъ пораженіемъ, но м-ссъ Нашъ протянула ему въ утѣшеніе свою бонбоньерку съ шоколадомъ.

Сильвестръ направился къ морскому берегу и увидѣлъ издали Габріелю. Она не подала ему знака, хотя, видимо, ожидала его. На ней было дорожное платье, и она напряженно смотрѣла на приближавшуюся къ берегу лодку. Онъ не могъ подойти къ ней, ноги его запутались въ кустахъ; онъ наклонился, чтобы высвободиться, и когда, наконецъ, поднялся, то Габріэля исчезла и вмѣстѣ съ нею исчезла и лодка. Онъ сталъ ее звать, но волны заглушали его голосъ. Онъ поспѣшилъ обратно въ замокъ, сталъ искать ее въ часовнѣ, въ комнатахъ, и у него было такое чувство, точно она уходила изъ каждой комнаты въ ту минуту, когда онъ туда входилъ. И все-таки у него было все время сознаніе, что она его ждетъ. Тѣмъ временемъ наступила ночь. Всѣ въ домѣ спали. Сильвестръ прошелъ по длиннымъ, темнымъ коридорамъ и открылъ дверь въ спальню Габріэли. Это была очень большая комната въ три огромныхъ окна, на которыхъ висѣли занавѣси изъ алой парчи. На выступѣ зеркала горѣла свѣча, а въ глубинѣ комнаты, въ нишѣ, стояла кровать Габріэли. Она не заперла двери, потому что ждала его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ любви къ нему она надѣялась, что онъ не придетъ. Онъ опустился на колѣни передъ ея кроватью и взялъ ее за руку. Она страшилась его, душа ея укрывалась отъ него—и она дрожала, какъ пойманная мышь. Когда онъ глядѣлъ на нее, она качала головой и пальцы ея съ мольбой сжимали его пальцы. Ночь превращала ее въ дикое существо, но ея кровь, ея взоръ и утомленные борьбой члены противились ему. Въ эту минуту только онъ понялъ всю невинность ея сердца, понялъ трепетъ недосягаемости, уступающій порыву страсти только въ высшемъ страданіи любви. Онъ сталъ называть ее именами цвѣтовъ, родственныхъ ей, и вспоминалъ о прекрасныхъ животныхъ, которыхъ она напоминала своей граціей. Непреодолимая робость мѣшала ему обнять ее, и онъ любилъ ее съ самоотверженной страстью, заглушавшей всѣ чувственные порывы. Всю ночь онъ просидѣлъ у ея постели и прежде, чѣмъ онъ поднялся, чтобы уйти, она наклонилась къ нему, безстрашно обнажила передъ нимъ красоту

своихъ плечь и благородство юношескихъ линій, обхватила руками его шею и поцѣловала его.

Однажды она явилась къ нему днемъ въ его лондонскую комнату. То была ихъ послѣдняя и рѣшительная встрѣча въ этихъ странныхъ переживаніяхъ внѣ дѣйствительности. Она вошла въ сумерки. Лицо ея подъ покрываломъ было очень блѣдное. Онъ зналъ, что ее привело, онъ понялъ ея жалость и ея страданія, ея вопросъ и ея упрекъ,—и въ эту минуту безвозвратно рѣшилъ вернуться домой и потребовать у Агаты свою свободу. Съ минуты этого рѣшенія онъ не чувствовалъ болѣе ни слабости, ни доводившей до галлюцинацій печали.

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ нѣсколько короткихъ строкъ Габріэлѣ, извѣщая ее кратко и твердо о своемъ рѣшеніи. Въ слѣдующее утро онъ вмѣстѣ съ Адамомъ укладывалъ вещи и въ пять часовъ уже сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги, увозившемъ его къ морю. Адамъ отъ радости напѣвалъ гимны вперемежку съ застольными пѣснями.

Ровно три дня спустя Сильвестръ увидѣлъ изъ окна вагона вюрцбургскую маріинскую крѣпость, которую все еще достраивали съ тѣхъ поръ, какъ ее обстрѣливали пруссаки во время майнцскаго похода. Ноябрьскій туманъ застилалъ городъ пушисто-нѣжнымъ покровомъ, и рѣка, протекавшая вдоль холмовъ, усаженныхъ виноградниками, казалась красной, какъ кровь, при свѣтѣ заходящаго солнца.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пер. **Зин. Венгерова.**

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Часть четвертая.

Левъ Находка заплакалъ. Онъ упалъ на песокъ, влажный и хрупкій, и вылъ отъ горя и отъ страсти, и корчился на пескѣ, протягивая къ Марусѣ руки, и повторялъ:

— Полюби меня—или я умру здѣсь, у ногъ твоихъ.

Раздались вблизи чьи-то чужіе, торопливые шаги, и послышался голосъ Анны Осиповны:

— Маруся, что ты тутъ дѣлаешь? Иди домой. А ты, милый мальчикъ, о чемъ такъ горько плачешь? Кто тебя обидѣлъ?

Маруся пошла къ дому. Она проходила такъ близко отъ мальчика, что онъ, приподнявшись, схватился за край ея покрывала. Маруся придержала покрывало руками, вырвала его изъ ослабѣвшихъ рукъ Льва Находки и быстро убѣжала.

Левъ Находка стоялъ на колѣняхъ, закрывая руками наклоненное лицо, и по лицу его катились быстрыя, обидныя, неудержимыя слезы, и все тѣло его дрожало отъ рыданій.

Анна Осиповна подошла къ нему. Подняла его, посадила его на скамейку, ласкала и утѣшала.

Онъ сначала слушалъ—не слушалъ, потомъ вытеръ слезы, засмѣялся и прильнулъ къ ея плечу.

Анна Осиповна ласково обняла его и повела куда-то, шепча ему нѣжныя слова.

И утѣшенъ былъ страстный мальчикъ.

---

*) Кн. IV—IX „Новой Жизни".

Евгеній ѣздилъ къ Караковымъ все чаще и чаще. Принимали его ласково и спокойно, какъ и всѣхъ. А онъ былъ, какъ въ чаду. Велъ себя, какъ влюбленный и робкій мальчикъ, и съ каждымъ разомъ все сильнѣе очаровывался Марусею.

Скоро Варвара Кирилловна съ радостью замѣтила, что съ письменнаго стола у Евгенія исчезъ Шанинъ портретъ. Разсказала объ этомъ Нагольскому. Онъ самодовольно усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, вотъ видите, я вамъ говорилъ, что Маруся заставитъ его забыть эту простушку.

И уже не было у Евгенія прежняго угрюмаго, нервнаго настроенія. Евгеній дома былъ, какъ прежде, веселъ, разговорчивъ, остроуменъ, милъ, охотно разговаривалъ съ Нагольскимъ и придумывалъ разныя развлеченія для Маріи.

Все это радовало Варвару Кирилловну. И особенно пiятно ей было то что Рябовыхъ здѣсь не было.

„Съ Марусею,—думала она,—дѣло ничѣмъ не кончится. Евгеній скоро увидитъ, что это—верченная и легкомысленная дѣвушка. Но хорошо то, что онъ забываетъ о Шанькѣ. А потомъ пріѣдутъ Рябовы,—и Евгеній вернется къ Катѣ“.

Но дѣло зашло дальше, чѣмъ хотѣлось Варварѣ Кирилловнѣ. Евгеній все чаще и чаще говорилъ дома о Марусѣ,—сначала съ притворнымъ равнодушіемъ, потомъ съ нескрываемымъ восторгомъ. Наконецъ, онъ объявилъ матери, что рѣшился свататься къ Марусѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Маруся влюблена въ него и только ждетъ его признанія.

Маруся Каракова, при всемъ ея богатствѣ, не казалась Варварѣ Кирилловнѣ приличною для Евгенія партіею. Это было совсѣмъ другое общество, другіе интересы, тогда какъ Рябовы всегда старались вращаться въ томъ же кругу, къ которому считали себя принадлежащими Хмаровы. У Караковыхъ—деньги и независимость; у Рябовыхъ—деньги и связи. Съ независимостью Варвара Кирилловна не знала, что дѣлать, а пользоваться связями было для нея дѣломъ привычнымъ.

Но все-таки теперь Варвара Кирилловна не рѣшалась слишкомъ упорно противорѣчить Евгенію. Самымъ важнымъ казалось ей то, чтобы онъ забылъ Шаню. «Остальное устроится»,—думала она.

Поспорила съ Евгеніемъ осторожно и сказала:

— Дѣлай, какъ знаешь. Но я бы совѣтовала тебѣ хорошенько подумать прежде, чѣмъ дѣлать такой важный шагъ.

Въ одинъ прекрасный августовскій день Евгеній поѣхалъ къ Марусѣ свататься. Онъ былъ полонъ радужныхъ надеждъ. И даже раскошелился на подарки. Повезъ съ собою цѣлый пакетъ вещей, которыя онъ долго выби-

ралъ въ Крутогорскѣ, заботясь, чтобы все это было недорогое, но приличное и со вкусомъ. Пришлось все-таки истратить такъ много, что Евгеній думалъ объ этомъ расходѣ съ тоскою и утѣшалъ себя только тѣмъ соображеніемъ, что у Маруси милліоны.

Маруся хорошо знала объ отношеніяхъ Евгенія къ Катѣ Рябовой и къ Шанѣ. Она такъ привыкла къ тому, что въ нее всѣ влюбляются, что уже ей не льстило нисколько то, что въ сердцѣ еще и этого совершенно неинтереснаго ей молодого человѣка она одержала еще одну побѣду надъ двумя соперницами. Да и вообще тщеславныя чувства были чужды Марусину сердцу.

Поэтому сегодня, сразу же догадавшись по торжественно-глупому виду Евгенія, что онъ пріѣхалъ съ серьезными намѣреніями, Маруся почувствовала досаду и скуку. Но она улыбалась такъ же весело, и синіе глаза ея были такъ же опьянены радостью, когда она благодарила Евгенія за подарки.

Евгеній, оставшись съ Марусею наединѣ, началъ:

— Марія Константиновна, позвольте мнѣ поговорить съ вами откровенно.

Маруся перебила его.

— Пойдемте въ садъ, Евгеній Модестовичъ,—сказала она.

Рѣшительно встала и быстро пошла черезъ террасу въ садъ. Она привела Евгенія къ той круглой клумбѣ, у которой уже многіе говорили ей о своей любви. Сказала ему, садясь на скамейку:

— Простите, что я перебила васъ тамъ, въ гостиной. Но мнѣ кажется, что вотъ здѣсь, передъ этою круглою клумбою, болѣе подходящее мѣсто для откровеннаго разговора.

Чувствуя себя почему-то сбитымъ съ толку, Евгеній говорилъ, смущаясь и глядя по сторонамъ:

— Я хочу вамъ сказать.... я для этого пріѣхалъ сегодня... вы... я... вы произвели на меня... произвели такое впечатлѣніе, такое сильное... такое свѣтлое... Марія Константиновна, я васъ люблю.

Маруся смотрѣла на него, улыбаясь такъ же радостно, какъ всегда. Потомъ отвела глаза и, глядя на яркіе цвѣты поздняго лѣта, вздохнула и сказала:

— Все то же. Вотъ знаете, для чего я привела васъ сюда? Первый разъ это было случайно, что именно вотъ здѣсь мнѣ сдѣлали признаніе въ любви. Это было довольно поэтично. Казалось поэтичнымъ, но оказалось просто, какъ bonjour. А потомъ уже я сама приводила сюда всѣхъ, желающихъ сказать мнѣ, что я прекрасна и достойна любви. Я дѣлала это для удобства сравненія. Ну вотъ, я и васъ выслушала, Евгеній Модестовичъ.

— Что же вы мнѣ скажете?—боязливо спросилъ Евгеній.—Вы смѣетесь, я кажусь вамъ смѣшнымъ?

— О, нѣтъ,—возразила Маруся.—Правда, я—очень веселая, но это во мнѣ самой. Смѣшонъ? Нѣтъ, нѣтъ, это не то слово...

Она опять посмотрѣла на Евгенія и смотрѣла на него такъ, что ему стало жутко, словно онъ закачался на качеляхъ, переносящихъ его то къ радостной надеждѣ, то къ мрачному отчаянію. Маруся смотрѣла и улыбалась. И сказала:

— Не считая случайныхъ увлеченій, я для васъ третья.

Евгеній горячо воскликнулъ:

— Я никого такъ не любилъ, какъ васъ!

Съ опьяненною радостью Марусиныхъ синихъ глазъ слилось выраженіе сладостно-упоенной, нѣжной задумчивости. И тихо говорила Маруся:

— Катя Рябова—миленькая барышня. У нея—забавное, миленькое личико и бѣленькіе, остренькіе зубки. А вотъ кого Шанечка полюбитъ, тому кладъ въ руки дается, безцѣнный даръ. Развѣ этого вы не знали?

— Марія Константиновна, я васъ люблю!—воскликнулъ Евгеній.

Маруся встала. Глаза ея потемнѣли. Она сказала:

— Любить васъ я не могу. А если вы хотите, чтобы я васъ уважала, вернитесь къ Шанѣ. Себя за сегодняшній разговоръ не упрекайте и не презирайте,—при мнѣ всѣ теряютъ голову, въ меня всѣ влюбляются. Не понимаю сама—почему: я—самая обыкновенная, дебелая дѣвчина.

Она быстро отошла отъ Евгенія.

Онъ растерянно, съ краснымъ и злымъ лицомъ, сидѣлъ на скамейкѣ и тупо смотрѣлъ за нею.

Въ тотъ же день вечеромъ, черезъ часъ послѣ того, какъ Евгеній вернулся домой, онъ получилъ отъ Маруси письмо и пакетъ. Въ пакетѣ были его сегодняшніе подарки. Маруся писала:

„Евгеній Модестовичъ,

„Я не смѣю удерживать у себя тѣ милыя вещицы, которыя Вы предназначали Вашей невѣстѣ. Отдайте ихъ Вашей избранницѣ. Онѣ такъ милы, что могутъ одинаково понравиться и той, и другой.

Марія Каракова“.

Часть пятая.

ГЛАВА XLII.

Все Шанино лѣто прошло безпокойно: отъ отца къ матери, отъ матери къ отцу. Обоимъ мѣшала, надоѣдала, обоихъ сердила своими проказами и дерзкими выходками. У пьянствовавшихъ учителей познакомилась съ тремя административно-сосланными, на которыхъ почти весь городъ смотрѣлъ съ боязливымъ удивленіемъ. Когда отецъ узналъ объ этомъ, это его жестоко обезпокоило. Но что было дѣлать? Дочка явно отбилась отъ рукъ.

И у отца, и у матери все чаще являлась мысль:

„Гораздо спокойнѣе было, когда Шанька жила въ Крутогорскѣ“.

Мать, сама влюбленная, все болѣе понимала Шанино томленіе и все болѣе сочувствовала ей. А отецъ сурово думалъ:

„Что съ Шанькой ни дѣлай—все равно добра не ждать. Ужъ пусть лучше въ Крутогорскѣ бѣснуется, чѣмъ здѣсь. Все меньше здѣшніе звонить о ней станутъ, а то скоро здѣсь прохода отъ кумушекъ не будетъ. А тамъ она, можетъ быть, и сумѣетъ окрутить своего голубчика,—ужъ очень дѣвка настойчива“.

И вотъ къ осени, наконецъ, добилась Шаня того, что ее опять отпустили къ дядѣ Жглову въ Крутогорскъ.

Мать нагрузила Шаню цѣлыми ворохами деревенскихъ гостинцевъ, денегъ щедро дала ей изъ своихъ и, прощаясь, поплакала.

А отецъ, прощаясь съ Шанею, подарилъ ей револьверъ, браунингъ, съ запасомъ пуль и патроновъ. Сказалъ:

— Вотъ тебѣ на случай, коли попугать кого-нибудь захочешь, въ дорогѣ-ли, дома ли. Знаешь, говорится: „Козла бойся спереди, лошади—сзади, а лихого человѣка—со всѣхъ сторонъ“. А лихихъ - то на свѣтѣ больше, чѣмъ добрыхъ.

И удивилъ, и обрадовалъ Шаню этотъ чудный подарокъ—красивая стальная игрушка, совсѣмъ на видъ не страшная, которую такъ удобно при себѣ носить, которую легко спрятать въ сумочкѣ вмѣстѣ съ биноклемъ.

Залюбовалась,—очень хороша! А на глаза навернулись слезы. И что-то въ душѣ ясно сказало, что эта игрушка можетъ понадобиться.

Шаня поцѣловала отца нѣжно. Шепнула тихо:

— Спасибо, милый папочка! Угадалъ, что мнѣ надобно.

Отецъ смотрѣлъ на нее сумрачно и говорилъ странныя слова:

— Станешь стрѣлять, такъ дула къ себѣ не поворачивай.

Шаня засмѣялась. Сказала весело:

— Не такъ глупа, чтобы стрѣляться. Этого никогда не сдѣлаю.

— Да ты что думаешь?—сказалъ отецъ.—Себя убить не штука. Смерть-то,—она сладкая. А вотъ ты другого убей, попробуй.

И слова его звучали, какъ суровое, настойчивое внушеніе.

Съ тѣхъ поръ Шаня никогда не разставалась съ этимъ револьверомъ. Нарочно для него въ юбкахъ карманы шила,—сама вшивала: портнихи не любятъ карманы шить. А ночью прятала его къ себѣ подъ подушку. Порою спросонокъ сунетъ руку подъ подушку, ощупаетъ холодноватое гладкое дуло и улыбнется успокоенно, — здѣсь мой другъ, чего же мнѣ бояться!

Въ трудныя минуты жизни вспомнитъ о немъ Шаня и думаетъ:

„Стоитъ только захотѣть,—и ничего не будетъ. Что же томиться тоскою и чего стоитъ эта жизнь, которую такъ легко обратить въ ничто?

„Изъ ничего сотворенная, даромъ мнѣ данная, легкая, какъ вѣтромъ взвѣваемая пыль, жизнь моя, только немного надъ тобою поплачу и отброшу легко".

Уѣзжая изъ Сарыни, на выѣздѣ изъ города увидала Шаня цыганку. Остановила ямщика, подозвала цыганку.

Смуглая красавица, улыбкою показывая бѣлые, какъ у звѣря, сильные зубы, подошла къ экипажу. Красные лохмотья шевелились на ней, какъ живые.

— Погадай мнѣ,—сказала Шаня.

Цыганка смотрѣла на ея руку, покачивала головою, смѣялась и говорила:

— Счастливая будешь, милая барышня, до смерти счастливая. Богатая будешь, деньги безъ счету давать будешь.

Шаня засмѣялась и дала цыганкѣ золотую монетку.

Шаня возвращалась въ Крутогорскъ веселая. Въ душѣ ея торжествовала радость,—добилась таки своего.

Опять, какъ въ прошлый годъ, на пристань пріѣхала Юлія. Встрѣтила Шаню радостно,—будетъ съ кѣмъ поболтать и пошептаться о провизорѣ. Но теперь уже не одна Юлія встрѣчала Шаню,—было много молодыхъ друзей, и самая милая изъ нихъ—Манугина. Потащили Шаню въ буфетъ, вина выпили. Было шумно и весело.

А когда подъѣзжала съ Юліей къ дому, вдругъ стало какъ-то неловко Шанечкѣ. Она спросила;

— Ну, что, дядя не ворчалъ, какъ узналъ, что я опять къ нему ѣду?

Юлія покраснѣла. Сказала неопредѣленно:

— Ну, вѣдь, ты его сама знаешь. У насъ все по-прежнему. Вонъ и Гнусъ изъ окошка смотритъ. Все злится, ни за кѣмъ пока еще не ухаживаетъ.

Дядя Жгловъ встрѣтилъ Шаню очень хмуро. Онъ ворчалъ сердито:

— Прилетѣла птица съ пестрыми перьями.

Юлія пріѣхала домой радостная, но угрюмость отца заставляла ее сжиматься и трепетать. А Шаня весело смѣялась.

— Я, дядя, веселая птица,—говорила она.—Вотъ, пѣть буду, тебя забавить.

— Сорока , вотъ ты какая птица,—сурово сказалъ дядя.

— Ну, что жъ!—беспечно возражала Шаня.—Сорока, такъ сорока.

— Опять скандалы заводить будешь,—угрюмо говорилъ дядя Жгловъ.—Только смотри, ужъ теперь я не буду на твои продѣлки сквозь пальцы смотрѣть. Я тебѣ хвостъ прищиплю.

Шаня говорила бойко:

— Сперва соли на хвостъ насыпь, коли я—сорока. Иначе не поймаешь. Мы, сороки-бѣлобоки, увертливы.

— Дерзкая дѣвчонка!—ворчалъ дядя.—Соли насыплю, плохо будетъ.

Онъ сердито ушелъ, хлопнувъ дверью. Шаня вздохнула. Сказала вполголоса:

— Странные люди—наши старшіе! Не могутъ безъ того, чтобы тѣснить да преслѣдовать.

Юлія въ ужасѣ, какъ бы не услышалъ отецъ Шаниныхъ словъ, заговорила о другомъ.

Но даже и сама дядина суровость усиливала Шанину готовность отдаться милому. Въ душѣ ея кипѣло ликующее желаніе наперекоръ всему взять свое счастіе, надъ старческою ворчливою угрюмостью вознести ликующую радость любви!

Евгеній былъ въ это время въ состояніи чрезвычайнаго возбужденія. Это было какъ разъ въ тѣ дни, когда Маруся Каракова, распаливъ его страстность, отказала ему. Весь міръ передъ Евгеніемъ въ эти дни догорающаго лѣта былъ чрезмѣрно-ярокъ и нестерпимо-зноенъ, и всѣ чувства его были болѣзненно обострены,—и вотъ, отъ одного изъ товарищей, пріѣхавшихъ къ нему на день изъ Крутогорска, онъ узналъ о томъ, что Шаня пріѣхала.

Евгеній пришелъ въ несказанный восторгъ. Теперь ему стало ясно, что, вѣдь, онъ любитъ только Шаню—и всегда любилъ ее, и всегда будетъ любить. Исторія съ Марусею теперь показалась ему какимъ-то смѣшнымъ фарсомъ, и онъ дивился на себя, какъ могъ хотя бы на одну только минуту принять этотъ фарсъ за что-то настоящее.

Въ этомъ состояніи яростнаго восторга, въ которомъ находился теперь Евгеній, ему все казалось простымъ и возможнымъ. Онъ рѣшился немедленно ѣхать въ городъ и итти прямо къ Шанѣ на домъ.

Состояніе влюбленности—блаженное состояніе!

Но, когда ужъ онъ былъ въ городѣ, суровое лицо Жглова вдругъ слишкомъ ясно представилось ему, внезапная робость зашевелилась въ его душѣ—и вмѣсто того, чтобы прямо съ вокзала нанять извозчика къ дому Жглова, онъ поѣхалъ на свою городскую квартиру. Онъ думалъ:

„Переночую, а тамъ видно будетъ“.

Швейцаръ передалъ ему полученное сегодня по почтѣ письмо отъ Шани.

„Милый, дорогой, золотой Женечка!

„Я здѣсь—и каждый день отъ трехъ до пяти буду сидѣть въ Лѣтнемъ саду у стараго фонтана.

„Твоя Шанька“.

Евгеній посмотрѣлъ на часы. Было уже пять минутъ шестого. Но онъ всетаки поѣхалъ въ Лѣтній садъ и тамъ, почти у входа, встрѣтилъ Шаню съ Юліей. Шаня радостно заговорила:

— Женечка, вотъ видишь, я говорила, что вырвусь оттуда. Видишь, вотъ я и здѣсь.

Евгеній жалъ ея руку, смотрѣлъ въ ея глаза, радостно смѣялся—и весь міръ передъ нимъ окрасился огнями страсти, и всѣ окрестъ предметы выявляли свои оранжевые и золотые цвѣта.

Шаня смотрѣла на Евгенія съ удивленіемъ и съ восторгомъ. Евгеній былъ неузнаваемъ. Глаза его блестѣли, улыбки были дѣтски-веселы. Онъ чаровалъ Шаню блескомъ и игрою энергіи. Заразилъ ее своею влюбленностью.

Вся похоть поднялась и играла въ немъ, и стала радостною и непорочною. И такъ нѣженъ и милъ былъ Евгеній, точно цвѣла въ немъ перво-зданная радость.

Первое свиданіе было весьма непродолжительно. Шаня торопилась домой. Да и что за радость—встрѣча на улицѣ! Но и въ эти нѣсколько минутъ Евгеній успѣлъ то торжественно, то нѣжно десятки разъ повторить свое обѣщаніе жениться на Шанѣ.

Условились по-прежнему встрѣчаться въ какой-нибудь гостиницѣ.

Въ первый же вечеръ, когда они сошлись въ отдѣльномъ кабинетѣ дорогого и уютнаго ресторана, Шаня почувствовала, что больше не можетъ держаться въ этомъ состояніи постоянно обороняемой отъ милаго недоступности, какъ въ прошломъ году.

Евгеній былъ очень остроуменъ въ тотъ день. Съ его языка то и дѣло срывались веселыя шутки. Всѣ движенія его были быстры и живы. Напряженная энергія страсти пронизывала все его существо.

Шаня и сама все болѣе распалялась.

Вино, цвѣты,—ахъ, развѣ эти безсильныя сами по себѣ отравы бросаютъ въ объятія милаго!

Сладко было сбросить одежды, обрадоваться наготѣ своей—и обрадовать его, и прильнуть, и отдаться. И потомъ, еще въ неизвѣданномъ дотолѣ блаженствѣ взаимности, ощутить радость новой влюбленности.

Сочетались ярость страсти и нѣжная влюбленность—и такъ остро почувствовала Шанина душа это сочетаніе, этотъ голову кружащій пожаръ!

Потомъ, когда усталая нѣжность приникла къ нимъ, отрадно было говорить нѣжныя, озабоченно-ласковыя слова и чувствовать, какъ сливается душа съ душою.

Когда уже собирались уходить и Шаня, стоя передъ зеркаломъ, пришпиливала шляпу, она сказала:

— Теперь у насъ все должно быть общее.

Трусливо благоразумный буржуа проснулся въ душѣ Евгенія.

— Да, конечно,—пробормоталъ онъ,—конечно, я не отказываюсь, но только...

Шанечка слегка покраснѣла. Ей стало стыдно, что она словно напрашивается на что-то. И пришлось ей объяснять свои слова. Она сказала:

— Мои деньги должны принадлежать тебѣ.

Евгеній слегка покраснѣлъ—не то отъ радости, не то отъ смущенія--и сказалъ:

— Полно, Шанечка, мнѣ не надо. Мнѣ своихъ денегъ хватитъ.

— Нѣтъ, пойми,—убѣждающимъ и простодушнымъ тономъ говорила Шаня,—ты мнѣ отдаешься, я—тебѣ, но развѣ я только твоя игрушка?

— Ты—мое божество!—восторженно сказалъ Евгеній.

— Прежде всего, я—твоя жена,—говорила Шаня,—и должна тебѣ помогать.

Слово „жена" показалось Евгенію слишкомъ прозаичнымъ. Ему пріятнѣе было бы услышать болѣе поэтическое названіе „любовница". Но онъ сказалъ:

— Конечно, мы будемъ помогать другъ другу.

— Передъ тобою блестящая карьера,—говорила Шаня.

— Конечно,—увѣренно сказалъ Евгеній.

— Глупо теперь тебѣ въ чемъ-нибудь нуждаться,—говорила Шаня,—отказывать себѣ въ чемъ бы то ни было. Это только разстроитъ твое здоровье, подорветъ твою энергію, помѣшаетъ успѣху,—вѣдь, я же сама тогда многое потеряю.

Евгеній слушалъ и самодовольно улыбался.

Началось счастливое время—безоглядно-счастливое для Шани, гордо-счастливое для Евгенія.

Въ эти первые дни Евгеній гордился и побѣдою надъ Шанею, и чув-

ствомъ самостоятельности отъ родныхъ, и тѣмъ, что у него такія высокія и благородныя чувства, и тѣмъ, что пылкая Шаня ему подчиняется. Онъ чувствовалъ себя главою будущей семьи.

Но скоро гордое счастіе его было омрачено возобновленіемъ домашнихъ сценъ. Едва Хмаровы переѣхали въ городъ, какъ они узнали, что Шаня вернулась.

Мать Нагольскаго встрѣтила Шаню на улицѣ. Сейчасъ же отправилась къ Хмаровымъ.

Евгенія дома не было. Въ гостиной сидѣли Варвара Кирилловна, Марія и Аполлинарій Григорьевичъ.

Едва успѣвъ поздороваться, Нагольская, вульгарная и грубая дама въ слишкомъ пестрой шляпѣ, поспѣшила возвѣстить:

— Шанька-то ваша, вашего Евгенія душенька, опять въ Крутогорскѣ. Иду я сейчасъ по улицѣ—и вдругъ прямо мнѣ навстрѣчу идетъ какая-то цаца расфуфыренная. Смотрю, да это Шанька! И такой у нея счастливый видъ, точно она двѣсти тысячъ выиграла.

Варвара Кирилловна и Марія замерли отъ ужаса. Онѣ смотрѣли съ трепетною надеждою на Аполлинарія Григорьевича. Онъ усмѣхался самоувѣренно и хитро и покручивалъ длинный усъ.

— Разведемъ!—увѣренно сказалъ онъ.

Даже слишкомъ увѣренно для того, чтобы это было убѣдительно.

— Вы только не волнуйтесь, Варвара Кирилловна,—продолжалъ онъ,— и не вмѣшивайтесь. Я беру это на себя.

Варвара Кирилловна говорила съ ужасомъ:

— Вы бы посмотрѣли, какіе у нея глаза. Это—колдунья.

Аполлинарій Григорьевичъ засмѣялся.

— Съ Лысой горы? Ужъ нѣтъ ли у нея хвоста?—шутливо проговорилъ онъ.

— Она его гипнотизируетъ,—говорила Марія.

Нагольская съ грубымъ паѳосомъ восклицала:

— Сколько мы видимъ жизней, разбитыхъ изъ-за такихъ тварей!

ГЛАВА XLIII.

Однажды Аполлинарій Григорьевичъ, оставшись наединѣ съ Евгеніемъ, сказалъ ему:

— Евгеній, познакомь меня съ твоею невѣстою, съ Шанечкою Самсоновою.

Евгеній съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Аполлинарія Григорьевича. Такъ

удивился и такъ испугался этому неожиданному желанію, что даже слегка поблѣднѣлъ. Тотъ продолжалъ:

— Вѣдь, если ты твердо рѣшился жениться на ней, то надо же понемногу познакомить ее со всею нашею семьею.

— Я знаю, ты будешь ее отговаривать и смущать,—сказалъ Евгеній.

— Вовсе нѣтъ, и не думаю,—возразилъ Аполлинарій Григорьевичъ.— Я бы къ тебѣ не обратился, если бы у меня были такія мысли. За кого же ты меня принимаешь? Совершенно не понимаю, почему бы тебѣ ее со мною не познакомить.

— Да, но гдѣ же я ее съ тобою познакомлю?—начиная сдаваться, спросилъ Евгеній.—Къ намъ ее привести нельзя, а къ тебѣ,—но, вѣдь, тетушка, можетъ быть, приметъ ее неласково.

— Зачѣмъ же къ намъ!—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Мы къ ней отправимся. Вѣдь, ты же бываешь у нихъ въ домѣ?

Евгеній жестоко смутился, покраснѣлъ. Растерянно говорилъ:

— Нѣтъ, я тамъ не бываю. Ты, дядя, не знаешь, этотъ ея дядя, нотаріусъ Жгловъ, это какой-то антикъ, совершенно дикое существо. У нихъ никто не бываетъ. Онъ даже и жениха своей собственной дочери къ себѣ не пускаетъ.

Аполлинарій Григорьевичъ усмѣхнулся. Сказалъ:

— Такъ ты его побаиваешься? Ну, ладно, я и самъ познакомлюсь. Меня пустятъ. И бояться мнѣ нечего.

— Я тоже не боюсь,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Евгеній,—но я не хочу нарываться на дерзости и не хочу подводить Шаню подъ непріятности. Этотъ дикій человѣкъ способенъ прибить ее.

— Ну,—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ,—твоя Шанечка въ обиду себя не дастъ.

На другой же день Аполлинарій Григорьевичъ отправился въ домъ Жглова знакомиться съ Шанею.

Дядя Жгловъ, по обыкновенію, былъ въ конторѣ.

Шаня была очень удивлена и смущена, когда прочла переданную ей визитную карточку Аполлинарія Григорьевича.

Съ любопытствомъ и съ веселою злостью вышла она къ нему въ гостиную.

Высокій, стройный бѣлоусый господинъ въ превосходно сидящемъ черномъ сюртукѣ, съ цилиндромъ въ обтянутой черною перчаткою лѣвой рукѣ, любезно улыбаясь, подошелъ къ Шанѣ.

— Простите мое нетерпѣніе познакомиться съ вами, Александра Сте-

пановна,—сказалъ онъ.—Я слышалъ отъ Евгенія о васъ такъ много трогательнаго и хорошаго, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи.

Шаня была въ недоумѣніи. Любезность и теплый тонъ Аполлинарія Григорьевича почти подкупали ее, но дрожавшая подъ густыми, пушистыми усами усмѣшка опять дразнила ту веселую злость, съ которою Шаня готовилась встрѣтить это неожиданное нападеніе,—вѣдь, она была увѣрена, что этотъ человѣкъ пришелъ не съ доброю цѣлью.

Съ любезнымъ и непринужденнымъ видомъ свѣтской дамы Шаня пригласила его сѣсть и сказала:

— Вы, конечно, пришли ко мнѣ по порученію Варвары Кирилловны.

Какъ дикій звѣрекъ, почуявшій врага, Шаня готова была ринуться въ схватку, и ноздри ея раздувались.

„Ого, кошечка готова показать свои коготки!"—весело подумалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Онъ любезно засмѣялся, непринужденно помахалъ рукою и сказалъ:

— Ничего подобнаго! Терпѣть не могу вмѣшиваться въ чужія дѣла! Я достаточно жилъ въ свѣтѣ, чтобы знать, что такое вмѣшательство ни къ чему доброму не приводитъ. И теперь я къ вамъ пришелъ отъ себя. Знаете, какъ говорятъ мальчики, когда ихъ спрашиваютъ: „Ты отъ кого пришелъ?"— „Отъ себя". Вотъ такъ и я отъ себя пришелъ.

Онъ опять посмѣялся, и Шаня невольно улыбнулась. Но сказала:

— Я знаю, вы всѣ противъ меня.

Аполлинарій Григорьевичъ отвѣтилъ ей съ серьезнымъ и значительнымъ видомъ:

— Уже изъ того, что я къ вамъ пришелъ, вы видите, что это не совсѣмъ такъ.

И, спѣша перевести разговоръ на менѣе щекотливую тему, продолжалъ:

— Моя добрая пріятельница, Ирина Алексѣевна Манугина, очень хвалитъ ваше прилежаніе и вашъ тонкій вкусъ. Надо вамъ сказать, что я принадлежу къ числу горячихъ поклонниковъ прекраснаго таланта Ирины Алексѣевны и очень высоко ставлю ее, какъ человѣка,—отзывчивая, въ высшей степени добрая и благородная натура. Если можно посѣщать нашъ драматическій театръ и испытывать тамъ моменты высокаго художественнаго наслажденія, то это лишь потому, что тамъ играетъ Манугина.

Шаня покраснѣла отъ радости, слыша похвалы Манугиной.

Разговоръ перешелъ на театръ, искусство, литературу. Въ легкомъ и свободномъ разговорѣ незамѣтно пролетѣло полчаса.

Аполлинарій Григорьевичъ, прощаясь, сказалъ:

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ иногда заглядывать къ вамъ?

— Пожалуйста, буду очень рада,—сказала Шаня.—Дядя будетъ очень жалѣть, что вы его не застали. Онъ очень занятъ въ эти часы своею конторою.

Проводила гостя Шанечка и потомъ долго не знала, хорошо ли она сдѣлала, что была съ нимъ такъ любезна. Она разсѣянно отвѣчала на разспросы любопытной Юліи.

Аполлинарій Григорьевичъ прямо отъ Шани поѣхалъ къ Варварѣ Кирилловнѣ—успокаивать ее.

— Ну, вотъ, я ее видѣлъ,—сказалъ онъ, входя въ гостиную,—видѣлъ своими глазами эту пресловутую Шаню.

Варвара Кирилловна и Марія уставились на него любопытными глазами и принялись разспрашивать. Разсказавъ о своемъ посѣщеніи, Аполлинарій Григорьевичъ сказалъ:

— Не бойтесь, не опасна эта Шанечка. Она не сумѣетъ овладѣть имъ окончательно. До свадьбы дѣло не дойдетъ.

— Ну, не слишкомъ надѣйтесь,—недовѣрчиво сказала Варвара Кирилловна.

Аполлинарій Григорьевичъ увѣренно говорилъ, съ самодовольною миною покручивая сѣдой усъ:

— Увѣряю васъ. Она его сама отъ себя отвадитъ. Въ ней есть довольно прелести, чтобы его любезною быть, но женою... Нѣтъ, она совсѣмъ не нашего круга.

Варвара Кирилловна вздохнула и сказала:

— Охъ, плохое утѣшеніе! Бывали примѣры, на горничныхъ женились. Я боюсь, что вашъ визитъ только поощритъ эту особу, и она теперь еще смѣлѣе будетъ добиваться своего.

Аполлинарій Григорьевичъ усмѣхнулся.

— Тѣмъ хуже будетъ для нея самой,—сказалъ онъ.—Надо только открыть Евгенію глаза на всѣ ея прелести. Когда передъ нами есть врагъ, то надо не пренебрегать имъ, а хорошенько узнать его и дѣйствовать противъ него его же собственнымъ оружіемъ. Дѣйствовать на проломъ—это значитъ только раздражать Евгенія. „Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна уловка". И мы съ вами условимся вотъ въ чемъ: я буду стоять въ разговорахъ съ нимъ за эту дѣвицу,—понимаете? Чтобы съ наихудшей стороны подчеркнуть все ея мѣщанство и невоспитанность. И ужъ вы не удивляйтесь тому, что я буду ее хвалить: „не поздоровится отъ этакихъ похвалъ".

Варвара Кирилловна недовѣрчиво покачивала головою. Но Марія сразу приняла сторону Аполлинарія Григорьевича. Она говорила:

— Конечно же, мама, такъ гораздо благоразумнѣе. Такимъ способомъ гораздо легче открыть Евгенію глаза на всѣ ея отрицательныя стороны. А чѣмъ больше съ нимъ спорить, тѣмъ больше онъ будетъ находить въ ней одно только хорошее.

Гнусъ сумѣлъ опять получить точныя свѣдѣнія о Шанѣ и, улучивши минуту, опять отправился доносить Жглову. На этотъ разъ онъ сказалъ Жглову, что отношенія между Шанею и Евгеніемъ зашли слишкомъ далеко.

Жгловъ пришелъ въ такую ярость, что бросился на Гнуса съ кулаками. Гнусъ опрометью выбѣжалъ изъ его кабинета. Жгловъ выскочилъ было за нимъ въ корридоръ, но во-время остановился, вернулся къ себѣ и съ такою силою захлопнулъ за собою дверь, что стекла въ окнахъ задребезжали.

Дядя Жгловъ вернулся домой мрачнѣе ночи. Позвалъ къ себѣ Юлію и долго допрашивалъ ее.

Юлія ничего не знала. Только посинѣла отъ ужаса и такъ задрожала, когда отецъ подошелъ къ ней, что ему даже стало ее жалко.

— Дура!—сказалъ Жгловъ.—Мало тебѣ отъ меня за провизора достается, такъ еще въ чужомъ пиру похмелье терпишь. Позови сюда Шаньку.

Шаня пришла и съ перваго же слова созналась во всемъ. Сказала спокойно:

— Врать и запираться не стану. Что сдѣлала, то сдѣлала.

Жгловъ былъ взбѣшенъ. Сжимая кулаки и задыхаясь отъ безсильной злости, онъ бѣшено кричалъ:

— Да на что же ты надѣешься?

— Онъ женится,—спокойно сказала Шаня.

— Дура! Идіотка!—кричалъ дядя Жгловъ, стуча кулаками по столу.

— Какая есть,—спокойно отвѣчала Шаня.

Дядя Жгловъ бѣшено кричалъ:

— Какъ я объ этомъ отцу скажу?

Шаня отвѣтила спокойно:

— Моя вина—я и въ отвѣтѣ.

Шанино спокойствіе поражало дядю Жглова. Онъ кричалъ:

— Что ты стоишь, какъ каменная, какъ идолъ какой-то! Стыда и совѣсти у тебя нѣтъ. Другая бы отъ такого стыда слезами изошла, прощенья бы просила, въ ногахъ бы валялась.

Шаня печально улыбнулась. Сказала:

— Стыдиться мнѣ нечего, я никому зла не сдѣлала и ни передъ кѣмъ въ этомъ не виновата. А и виновата, такъ я сама и отвѣчу. Богъ накажетъ или помилуетъ, а у людей просить прощенья мнѣ не приходится.

— Ага, вотъ ты какъ поговариваешь!—злобно сказалъ дядя Жгловъ.— Ну, посмотримъ, что родители скажутъ, а пока я свои мѣры приму. Пошла вонъ!—крикнулъ онъ на Шаню.

Шаня вышла отъ него, повидимому, спокойная. Но слова дяди Жглова о своихъ мѣрахъ наводили на нее страхъ. Она строила десятки догадокъ о томъ, что это за мѣры, и одна догадка была непріятнѣе и страшнѣе другой.

ГЛАВА XLIV.

Мѣры, которыми дядя Жгловъ пригрозилъ Шанѣ, состояли въ томъ, что онъ рѣшилъ переговорить съ Евгеніемъ и предъявить ему нѣкоторыя требованія. Онъ ничего не сказалъ объ этомъ Шанѣ, но въ тотъ же вечеръ послалъ Евгенію письмо, написанное на большомъ листѣ плотной почтовой бумаги съ напечатаннымъ въ лѣвомъ верхнемъ углу адресомъ нотаріуса Жглова.

„Милостивый Государь,
Евгеній Модестовичъ!

„Имѣя необходимую надобность переговорить лично съ Вами по неотложному и крайне важному для Васъ дѣлу, покорнѣйше прошу Васъ пожаловать въ мою контору завтра, отъ 7 до 8 часовъ вечера, или прошу Васъ сообщить мнѣ, когда я могу посѣтить Васъ съ вышеуказанною цѣлью.

Готовый къ услугамъ
П. Жгловъ“.

Евгеній сначала рѣшилъ не итти и на письмо не отвѣчать. Тонъ письма и особенно содержаніе его показались ему необычайно дерзкими. Онъ свирѣпо разорвалъ письмо и бросилъ его въ корзину подъ своимъ письменнымъ столомъ.

Потомъ Евгенія взяло раздумье. Если не итти и ничего не отвѣчать, то Жгловъ можетъ и самъ придти, и притомъ въ самое неудобное время. А если его не принять, то онъ можетъ обратиться къ Варварѣ Кирилловнѣ. Тогда будутъ непріятные разговоры, сцены, „молебны“.

Евгеній сообразилъ, что ужъ лучше итти. Въ назначенный день онъ пошелъ къ Жглову, хотя и съ большою неохотою.

Дорогою томили Евгенія тоскливыя думы о предстоящемъ разговорѣ. Осенній дождь, унылый вѣтеръ, слякоть и полутьма, пропитанная матовыми

наліяніями зыбкаго, но все же мертваго свѣта отъ уличныхъ электрическихъ фонарей,—все это наводило на Евгенія тоску.

Было безъ четверти восемь, когда Евгеній вошелъ въ домъ дяди Жглова. Въ скучной и чопорной обстановкѣ конторы тоска Евгенія усилилась. Пока ходили докладывать о немъ, онъ такъ упалъ духомъ, что уже подумывалъ, какъ бы улизнуть.

Жгловъ пригласилъ Евгенія въ свой дѣловой кабинетъ и началъ прямо, сурово сдвинувъ брови:

— Мнѣ намно говорить съ вами о моей племянницѣ.

Евгеній былъ такъ смущенъ, что даже это «намно» вмѣсто «надобно» только слабо позабавило его.

Жгловъ былъ мрачнѣе обычнаго. Весь онъ былъ похожъ на большую разсерженную обезьяну. Взоры у него были суровы, слова грубы—и рѣчь шла прямо къ дѣлу.

— Какъ же вы такъ, молодой человѣкъ,—говорилъ онъ,—подсыпались къ молодой дѣвушкѣ изъ хорошаго дома и обольстили ее. На что же это похоже!

Евгеній сказалъ нерѣшительно и конфузливо:

— Я непремѣнно женюсь на Шанѣ, какъ только окончу курсъ. Непремѣнно женюсь, даю вамъ честное слово.

Жгловъ сурово спросилъ:

— Что же мѣшаетъ вамъ сдѣлать это теперь? Согрѣшили—такъ и покройте вашъ грѣхъ.

— Теперь никакъ невозможно,—лепеталъ Евгеній.

— Почему же-съ вы теперь не можете?—свирѣпо спросилъ Жгловъ.

— Но я долженъ кончить курсъ въ спеціальномъ учебномъ заведеніи,—отвѣчалъ Евгеній,—а туда женатыхъ не принимаютъ. А недоучкой что же я буду? И что я стану дѣлать? Учителемъ въ гимназіи мнѣ быть совсѣмъ неинтересно.

Жгловъ недовѣрчиво усмѣхнулся и угрюмо сказалъ:

— Вы можете выхлопотать разрѣшеніе жениться. Теперь есть и женатые студенты. Скоро женатыхъ гимназистовъ увидимъ. Да и какъ же иначе, коли учатся молодые люди нескончаемое время! Подайте прошеніе ректору, онъ разрѣшитъ.

— Это очень трудно,—нерѣшительно сказалъ Евгеній.

— Мнѣ думается такого рода дѣло,—говорилъ Жгловъ,—что съ вашими связями это ничего не стоитъ. Да и почему трудно? Другимъ же разрѣшаютъ.

— Я женюсь, какъ только буду самостоятельнымъ,—сказалъ Евгеній.—Моя мать противъ этого брака, и, пока я живу въ семьѣ, не могу же я ссориться со своими.

— Уйдите изъ семьи,—посовѣтовалъ Жгловъ.—Все равно съ женою въ мамашиной квартирѣ тѣсно жить. Да и Шаня врядъ ли этого захочетъ.

— Но на что же мнѣ жить?—спросилъ Евгеній.—У меня ограниченныя средства. Не могу же я заниматься уроками, отбивать хлѣбъ отъ бѣдняковъ, которымъ жрать нечего.

— Моя племянница имѣетъ свой капиталъ,—сказалъ Жгловъ.—Скромно жить, такъ на обоихъ хватитъ.

— Я не хочу жить на женинъ счетъ,—говорилъ Евгеній,—да и Шаня привыкла ни въ чемъ себѣ не отказывать, такъ что ея денегъ намъ и не хватитъ. Одни ея наряды, шляпки и перчатки чего стоятъ!

— Хорошо-съ, а если будетъ ребенокъ?—спросилъ Жгловъ.

— Ребенка можно послѣ узаконить,—отвѣчалъ Евгеній.

— Когда послѣ?—свирѣпо спросилъ Жгловъ.

Смущенно улыбаясь, Евгеній отвѣчалъ:

— Когда мы повѣнчаемся. Нынче это можно. Это все равно. Вы сами знаете, что такой законъ есть.

— А если вы умрете до того времени?—спросилъ Жгловъ.—Конечно, не дай Богъ, но все можетъ случиться, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же умирать!—сконфуженно лепеталъ Евгеній.—Я постараюсь... Я веду здоровый образъ жизни, занимаюсь гимнастикой.

— Такъ-съ. Ну-съ, такъ вы напишите мнѣ обязательство,—рѣшительно сказалъ Жгловъ.

Евгеній въ ужасѣ посмотрѣлъ на него и пролепеталъ:

— Какое?

— Я смотрю на это дѣло подъ такимъ угломъ,—говорилъ Жгловъ,— что если вы твердо рѣшили жениться на Шанѣ, то подтвердите это письменно.

— Я, конечно, готовъ,—смущенно бормоталъ Евгеній,—но я не понимаю почему вы мнѣ не вѣрите. Я не человѣкъ съ улицы, я—дворянинъ. Я не могу сдѣлать ничего, противнаго чести и дворянскому достоинству.

Но, какъ Евгеній ни хорохорился, пришлось таки ему подъ диктовку дяди Жглова написать это непріятное для него обязательство.

Послѣ выдачи обязательства Евгеній вернулся домой такой растерянный, что Аполлинарій Григорьевичъ, только что пріѣхавшій къ нимъ съ женою провести вечеръ, сразу догадался, что что-то произошло. Онъ сказалъ Евгенію:

— Пойдемъ къ тебѣ, покуримъ.

И, оставшись наединѣ съ Евгеніемъ, принялся его разспрашивать.

Евгеній мало-по-малу разсказалъ весь разговоръ со Жгловымъ, разсказалъ и о выдачѣ обязательства.

Аполлинарій Григорьевичъ посвисталъ и сказалъ насмѣшливо:

— Налетѣлъ, Женечка!

Евгеній говорилъ брезгливо:

— Собственно говоря, всѣ люди—свиньи, эгоисты... Ни у кого нѣтъ безкорыстія... Я неразрывно связанъ съ Шанею.

— Ну, не такъ ужъ неразрывно,—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Это обязательство не имѣетъ законной силы.

Евгеній говорилъ кисло:

— Шаня, конечно,—прелестная женщина.

— Допустимъ,—иронически сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

— Я обязанъ жениться на ней... нравственно обязанъ, — говорилъ Евгеній.

— Ну, въ этихъ дѣлахъ нѣтъ обязанностей,—возразилъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Сердце Евгенія хотѣло обрадоваться этой разрѣшаемой ему свободѣ отъ обязательства. Но Евгеній вспомнилъ угрюмую, внушительную фигуру Жглова—и холодокъ страха пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ уныло сказалъ:

— Собственно говоря, мы всѣ падаемъ съ облаковъ въ грязь.

— Будто?—насмѣшливо спросилъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Милое Шанино лицо вдругъ вспомнилось Евгенію. Ну, какая жъ бѣда, если и заставятъ на ней жениться! Онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, что я говорю! Я—свинья!

— Какія крайности!—пожимая плечами, сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Евгеній говорилъ восторженно:

— Я безумно люблю ее, ничто въ мірѣ не въ силахъ разлучить меня съ нею.

Аполлинарій Григорьевичъ засмѣялся и сказалъ:

— Кажется, ея дядя не очень вѣритъ въ прочность твоихъ чувствъ. Находитъ, что съ бумагою-то вѣрнѣе.

Евгеній опять смутился.

На другой день въ номерѣ гостиницы Шаня ждала Евгенія.

Онъ вошелъ злой. Еле поздоровался. Шаня спросила съ удивленіемъ:

— Что съ тобою, Женечка?

— Что со мною?—со сдержанною злостью переспросилъ Евгеній.—Вы не знаете? Невинность какая!

— Право, не знаю,—съ недоумѣніемъ говорила Шаня.

Евгеній повернулся къ ней съ исказившимся отъ бѣшенства лицомъ и закричалъ:

— Твой дядя вздумалъ заступаться за тебя. Что же, я—разбойникъ, по вашему?

И посыпались на Шанечку гнѣвные упреки. Взволнованный, красный, Евгеній ходилъ по комнатѣ, разсказывалъ о выдачѣ обязательства и выкрикивалъ гнѣвныя слова.

— Что я, врагъ тебѣ, что-ли!—говорилъ онъ.—Обращаться со мною, какъ съ какимъ-нибудь плутоватымъ писарькомъ,—это чортъ знаетъ, что такое!

Шаня плакала и говорила:

— Женечка, что ты говоришь! Ты разрываешь мое сердце! Вѣдь, я же ичего этого не знала. Неужели ты можешь винить меня въ этомъ дѣлѣ!

Евгеній, все болѣе разгораясь, кричалъ:

— Твой дядя воображаетъ, что у всѣхъ честь на аршинъ можно мѣрить. Но я не торгашъ.

— Но, вѣдь, мой дядя не знаетъ тебя,—сказала Шаня.

— Не знаетъ! Долженъ знать,—кричалъ Евгеній, стуча кулакомъ по столу.—Я—Хмаровъ. Хмаровы своею честью никогда не торговали. Мнѣ кажется, пора бы тебѣ это знать.

Евгеній говорилъ теперь искренно. Слова о чести его всегда обольщали. Онъ бы радъ былъ всегда и во всемъ быть рыцаремъ. Вотъ жаль только, что силенокъ для этого у него было маловато.

ГЛАВА XLV.

Шаня вернулась домой, чувствуя въ себѣ бѣшеную злость. Не пыталась даже и сдерживать ее. Осыпала упреками Юлію:

— Во всемъ отцу подчиняешься. Ты старше меня, а держишь себя, какъ маленькая дѣвочка, которая боится старшихъ. Какая-то Божья коровка! Онъ привыкъ считать себя полновластнымъ властелиномъ и дѣлать, что угодно.

Юлія засмѣялась невесело и сказала:

— Попробуй-ка я противъ него хоть слово сказать, такъ онъ мнѣ себя покажетъ. Тебѣ хорошо, у тебя свой капиталъ есть, а я, какъ говорится, чей хлѣбъ кушаю, того и слушаю.

Когда дядя Жгловъ вечеромъ вернулся изъ конторы, Шаня бурно

накинулась на него съ упреками. Не думая о послѣдствіяхъ, она говорила ему запальчиво:

— Я васъ прошу не вмѣшиваться въ мои отношенія къ Евгенію.

Дядя Жгловъ съ суровою насмѣшливостью сказалъ:

— Слушаю-съ. Еще что прикажешь, племянница?

Шаня, сразу же слегка ошеломленная его насмѣшливымъ тономъ, говорила такъ же горячо, но уже не такъ увѣренно:

— Евгеній—благороднѣйшій человѣкъ.

— Что и говорить. Благородства черезъ край,—съ угрюмою и холодною злостью отвѣчалъ дядя Жгловъ.—Наблудилъ, да и въ кусты. Къ вѣнцу за шиворотъ тащить придется.

Шаня, багрово раскраснѣвшаяся, кричала:

— Нельзя всѣхъ мѣрить на свой аршинъ. У него дворянская честь.

Дядя Жгловъ посмотрѣлъ на Шаню съ презрительнымъ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Ну, дай тебѣ Богъ быть дворянкой.

— И буду,—упрямо тряхнувъ головою, сказала Шаня.

И въ это время у нея былъ заносчивый и жалкій видъ упрямой дѣвочки, которая не хочетъ признаться, что сердце ея ноетъ отъ страха предстоящихъ измѣнъ и бѣдъ.

Дядя Жгловъ угрюмо глянулъ на нее и сказалъ съ досадою:

— Эхъ, племянница, кнутъ по тебѣ плачетъ!

Шаня сказала презрительно:

— Мужицкаго грубаго обращенія довольно натерпѣлась.

— Ну, подожди, — говорилъ дядя Жгловъ, — узнаешь и дворянскую честь. Покаешься, да поздно будетъ.

— Нѣтъ, ужъ не воображайте, моего покаянія не увидите,—все такъ же заносчиво сказала Шаня.

— Какъ знать!—угрюмо говорилъ дядя Жгловъ.—Только ужъ ты, мой другъ, меня извини,—я тебя больше не могу держать. У меня дочь—невѣста.

Шаня покраснѣла отъ стыда, что ее гонятъ, и сказала притворно-спокойно:

— Я и сама у васъ не хочу жить.

Дядя Жгловъ презрительно засмѣялся и сказалъ:

— И отлично. Твоихъ денегъ тебѣ за глаза хватитъ, если ты не поторопишься съ дружкомъ промотать ихъ по трактирамъ или не передаешь ему помаленьку всѣ деньги до послѣдней копѣечки.

Шаня запальчиво крикнула:

— Я васъ прошу не подозрѣвать его въ разныхъ низостяхъ!

Дядя Жгловъ спокойно возразилъ:

— Я про тебя говорю, а не про него. Да попомни: какъ только твои денежки выдутъ, такъ дружка твоего и слѣдъ простынетъ.

— Не безпокойтесь, никуда онъ отъ меня не уйдетъ,—увѣренно сказала Шаня.

Выраженіе подавленной жалости мелькнуло на суровомъ лицѣ дяди Жглова. Онъ сказалъ:

— Уйдетъ, а кто тебя возьметъ потомъ? Вѣдь, это ужасно! Ты бы то подумала, что для дѣвушки невинность—такой цѣнный капиталъ!

Шаня горячо возражала:

— Вотъ теперь только я поняла, что значитъ счастье, что такое—жизнь! Я не жила до сихъ поръ, а только была на свѣтѣ. А теперь смыслъ жизни открылся для меня. У меня есть теперь, для чего жить, есть, о чемъ молиться.

На другой же день Шаня отправилась искать квартиру. Она ѣздила по городу одна. Юліи отецъ запретилъ итти съ нею, а Евгеній самъ отказался, сказалъ, что некогда. Ему не хотѣлось открыто, днемъ, показываться съ Шанею на городскихъ улицахъ.

Не повѣрила Шаня, что ему некогда, но просить не стала,—была такъ взволнована и счастлива, что все непріятное тонуло въ этомъ чувствѣ.

Послѣ долгихъ поисковъ Шаня нашла, наконецъ, квартирку, которая ей понравилась,—на окраинѣ города маленькій деревянный домикъ, гдѣ не было другихъ квартирантовъ, и только во дворѣ во флигелькѣ жилъ старый дворникъ съ ветхою женою.

Шаня торопилась переѣхать. Съ утра она отправлялась въ магазины, покупала мебель и разныя вещи, выбирала обои, раза по два въ день заѣзжала на свою квартиру посмотрѣть, какъ тамъ красятъ, оклеиваютъ, моютъ, вѣшаютъ гардины и портьеры.

Наконецъ, квартира была готова. Шаня наняла горничную и кухарку, перевезла отъ дяди Жглова свои чемоданы и картонки и принялась окончательно устраивать свою новую квартиру.

Шаня была въ большомъ восторгѣ отъ того, что у нея первый разъ своя квартира,—уютъ, красивые, свѣтлые обои, цвѣты, въ саду бесѣдка, качели, за садомъ огородъ.

А когда Евгеній первый разъ пришелъ къ Шанѣ, то ему все не нравилось. Онъ придирчиво порицалъ все то, что считалъ признакомъ мѣщанства, въ обстановкѣ Шаниной квартиры. Онъ ворчалъ:

— Придумала, гдѣ нанять! Какая-то трущоба! Ни одинъ порядочный человѣкъ въ такихъ мѣстахъ жить не станетъ.

— А мнѣ нравится,—говорила Шаня,—много простора и свѣта, и тихо.

— Ходъ со двора,—ворчалъ Евгеній.

— Дворъ чистый,—возражала Шаня.

Все-таки Евгеній сталъ приводить къ Шанѣ своихъ товарищей. Шанѣ эти молодые люди не нравились. Они были очень развязны, смотрѣли на Шаню непріятно-ласковыми глазами и говорили ей преувеличенные комплименты.

Юлія ходила къ Шанѣ часто. Привела и своего провизора. Оказалось, что онъ похожъ на музыканта и обладаетъ блистательными зубами и нѣжною душою.

Стали приходить къ Шанѣ на эту квартиру многіе люди: студенты, курсистки, актеры, рабочіе, газетчики, музыканты, адвокаты, врачи—все больше молодежь.

И Аполлинарій Григорьевичъ посѣтилъ Шаню на новосельи. Принесъ ей конфекты и цвѣты. Велъ себя очень просто и дружески. Шаня была совсѣмъ очарована имъ.

Аполлинарій Григорьевичъ льстилъ Шанѣ:

— Молодецъ барышня! Люблю такихъ! Что долго думать,—ломи напроломъ!

Шаня весело смѣялась.

Аполлинарій Григорьевичъ расхвалилъ Шанѣ ея квартиру. Такъ искренно, что она вѣрила. Онъ даже надавалъ ей разныхъ совѣтовъ въ разсчетѣ, что Шаня перещеголяетъ въ мѣщанствѣ себя самое. Совѣтовалъ ей положить плетеные матики на полъ, завести канареечку, купить и поставить на окна бальзамины, герани, латаніи, фуксіи и другія растенія, которыя онъ считалъ мѣщанскими, какъ будто бы и невинные Божьи цвѣтики дѣлятся по сословіямъ. Красныя занавѣсочки совѣтовалъ. Говорилъ:

— Отчего же у васъ нѣтъ полога у кровати?

— Да онъ мнѣ не нуженъ,—отвѣчала Шаня.

Аполлинарій Григорьевичъ настаивалъ:

— У кровати долженъ быть пологъ, и непремѣнно ситцевый, яркаго цвѣта, съ крупными розами.

— Зачѣмъ же такъ ярко?—спросила Шаня.

— Люблю яркіе цвѣта,—говорилъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Ну ихъ, эти линялые тона!

Прочелъ стихи Полонскаго. Съ особеннымъ чувствомъ продекламировалъ:

Полинялъ яркій полога цвѣтъ,
Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ,
Побранить меня некому,—милаго нѣтъ...

Шанѣ стихи понравились,—сентиментальные стихи она всегда выискивала, и это стихотвореніе ей было издавна памятно. А совѣтамъ она не вѣрила и только изъ вѣжливости не спорила. Только разъ сказала:

— Это Евгенію не понравится.

Кое-какими фразами и словечками, бросаемыми вскользь, Аполлинарій Григорьевичъ наводилъ на Шаню грусть. Говорилъ:

— Мать горюетъ. Глупая баба, да что подѣлаешь,—мать!

— Да о чемъ же ей горевать?—спрашивала Шаня.—Вѣдь, я—не прилипчивая болѣзнь, что меня бояться надобно.

Аполлинарій Григорьевичъ пожималъ плечьми и говорилъ:

— Да вотъ поговорите съ нею! Она никогда не приметъ въ свою семью дѣвушку не изъ нашего круга. Дворянская спѣсь, глупость,—что дѣлать!

Заводилъ разговоръ о другомъ—и вдругъ среди разговора вставлялъ какую-нибудь странную фразу. Скажетъ:

— Характеръ у Евгенія непостоянный.

И смотритъ на Шаню внимательно, съ соболѣзнующимъ и значительнымъ выраженіемъ.

— Однако, сколько лѣтъ меня любитъ!—возражала Шаня.

Аполлинарій Григорьевичъ промолчитъ, заведетъ рѣчь о другомъ и вдругъ примется расхваливать Евгенія:

— Золотое сердце! Благородная душа! Горячо любитъ мать.

Все это бросается словно вскользь, съ грустнымъ видомъ.

Аполлинарій Григорьевичъ сказалъ Евгенію:

— Былъ я у твоей Шанечки на новосельи.

И принялся посмѣиваться надъ мѣщанскими подробностями Шанина жилища.

Евгеній говорилъ, волнуясь:

— Я ее перевоспитаю. Вотъ вы увидите, дядя,—изъ нея выйдетъ вполнѣ приличная дама. Конечно, я не скрываю отъ себя, что это трудно.

— Не легко,—согласился Аполлинарій Григорьевичъ.

— Но согласитесь, дядя,—почти просительнымъ тономъ говорилъ Евгеній,—у нея преобладаютъ хорошіе задатки.

— И я то же говорю,—опять поддакивалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

— Это, право, золото, хотя еще и необработанное, — продолжалъ Евгеній.

И Аполлинарій Григорьевичъ вторилъ ему:

— Вотъ, именно, настоящее слово—золото. Самородокъ.

Усъ его шевелился иронически. Но Евгеній не замѣчалъ насмѣшки и продолжалъ разглагольствовать:

— Если вставить ее въ настоящую, достойную ея оправу, — да она затмитъ всѣхъ нашихъ барынь. Она дьявольски умна, почти какъ мужчина.

Аполлинарій Григорьевичъ глянулъ на Евгенія пытливо, усмѣхнулся и спросилъ:

— Послушай, Евгеній, да ты уважаешь ли ее?

— Я ее люблю! — рѣзко и неожиданно для себя громко крикнулъ Евгеній.

— Любятъ только любовницъ,—насмѣшливо сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

— Она—моя невѣста!—внушительно сказалъ Евгеній.

Аполлинарій Григорьевичъ пожалъ плечьми и сказалъ снисходительно-уступающимъ голосомъ:

— Невѣста, если хочешь. Но невѣста—будущая жена, а жену надо не только любить, но и уважать. Уважать въ ней носительницу своего имени. Скажи откровенно, ты уважаешь ее?

Евгеній тихо сказалъ:

— Она еще дитя. Кто же уважаетъ дѣтей!

— Но и къ дѣтямъ,—возражалъ Аполлинарій Григорьевичъ,—мы относимся сообразно ихъ общественному положенію. Маленькая крестьяночка можетъ быть очень мила, я не спорю,—если ты захочешь ее приласкать, ты погладишь ее по головкѣ, хотя въ интересахъ опрятности лучше этого не дѣлать. Малютка-принцесса—такой же ребенокъ, капризничаетъ и шалитъ, но ты уважаешь ея высокій санъ. Ты счастливъ, если она дастъ тебѣ поцѣловать ручку. Кухаркину сыну ты кричишь: «Васька, балбесъ, не смѣй это дѣлать, уши надеру». Сорванцу-гимназисту, Сережѣ Рябову, ты въ соотвѣтствующемъ случаѣ скажешь: «Сережа, перестаньте дурачиться; пошалили да и будетъ». Ты его уважаешь, хоть онъ и мальчишка, шалунъ, грубіянъ и дуракъ. Уважаешь потому, что онъ сынъ богатаго и вліятельнаго въ городѣ человѣка. А умника Васю ты не уважаешь, не потому, что онъ—мальчишка и шалунъ, а потому, что онъ—кухаркинъ сынъ.

Евгеній досадливо и неопредѣленно мычалъ.

У Хмаровыхъ обѣдали кое-кто изъ близкихъ: Нагольскіе, Аполлинарій Григорьевичъ съ женою и сыномъ, Лѣсновъ. Опять, досадуя Евгенія, зашелъ разговоръ о Шаниной квартирѣ. Аполлинарій Григорьевичъ подсмѣивался надъ мѣщанскою обстановкою Шанина дома. Говорилъ:

— Очень стильно!

— Воображаю!—воскликнула Софья Яковлевна.

Аполлинарій Григорьевичъ продолжалъ:

— Строго выдержано въ стилѣ мѣщанской квартирки. Совершенно художественный вкусъ. Все до послѣднихъ мелочей.

И какъ будто бы сочувствовалъ,—и слышна сразу насмѣшка. Евгенію было досадно, и приходилось молча сносить, чтобы не стать въ глупое и смѣшное положеніе. И что скажешь? Аполлинарій Григорьевичъ самъ спорилъ со всѣми за Евгенія.

Евгеній бѣсился и не зналъ, что ему говорить. Марія злорадствовала. Алексѣй хихикалъ, дразнилъ. Нагольскій нагло смѣялся. Юлія Аполлинаріевна дѣлала преувеличенно-глупое лицо и спрашивала:

Но у нея на лѣстницѣ есть швейцаръ?

Аполлинарій Григорьевичъ неутомимо работалъ въ пользу семьи. Изыскивая разные способы, чтобы поссорить Евгенія и Шаню, онъ придумалъ посылать имъ анонимныя письма. Въ нихъ онъ писалъ то ему о ней, то ей о немъ разныя гадости.

Шаня, конечно, не вѣрила этимъ письмамъ. Если иногда и вѣрила, то не хотѣла вѣрить.

А Евгеній письмамъ вѣрилъ. Думалъ:

„Если отдалась мнѣ, могла отдаться и другому“.

Если иногда Евгеній и не вѣрилъ этимъ письмамъ, то все же хотѣлъ имъ вѣрить. Ему пріятно было ставить Шаню ниже себя.

ГЛАВА XLVI.

Шли дни за днями. Дни. Былъ радостенъ трудъ устроенія своей квартиры. Помогали совѣтами Манугина и Лѣсновъ, которые заходили часто.

Манугина просила Лѣснова заняться Шанею посерьезнѣе. Лѣсновъ пришелъ къ Шанѣ. Побесѣдовалъ. Нащупалъ уровень ея знаній. Посовѣтовалъ ей, что читать. Потомъ, замѣтивъ, что она читаетъ съ толкомъ, сталъ систематически руководить ея чтеніемъ.

Лѣсновъ давалъ Шанѣ много совѣтовъ объ ея обстановкѣ. И ему она вѣрила. Купила съ нимъ нѣсколько гравюръ.

Но такъ много было того, что омрачало!

Пришлось Шанѣ писать домой о томъ, что она уже не у дяди живетъ;

пришлось объяснять. Да отецъ и самъ узналъ, — сплетни, анонимныя письма.

Стали приходить къ Шанѣ гнѣвныя, грозныя письма отъ отца и отъ матери. Безсильный гнѣвъ! Но все же больно ранятъ суровыя слова.

Совсѣмъ неожиданно для Шани пришелъ къ ней дядя Жгловъ. Шаня встрѣтила его съ шумною радостью, съ преувеличенною веселостью, чтобы скрыть свое смущеніе. Она боялась, не отъ отца ли онъ пришелъ. Осторожно вывѣдывала.

Узнавши, что дядя Жгловъ не отъ отца, а самъ, Шаня успокоилась.

Дядя Жгловъ пришелъ съ подарками на новоселье. Въ первые дни онъ хотѣлъ было сдѣлать видъ, что забылъ о ея существованіи. Но потомъ передумалъ. Стало жалко и неловко бросить ее.

„Въ случаѣ чего,—думалъ онъ,—куда же она пойдетъ? Къ чужимъ людямъ?“

Дядя Жгловъ хмурился и слегка упрекалъ Шаню. Давалъ ей коекакіе совѣты. Шаня слушала и не спорила.

Жглову было жалко Шаню, и онъ не вѣрилъ ея напускной веселости. Думалъ:

„Погибнетъ дѣвчонка!“

Чѣмъ дольше онъ сидѣлъ у веселой Шани, тѣмъ все болѣе усиливалось это странное чувство жалости къ племянницѣ, которую онъ, сообразно понятіямъ своей среды и своего времени, считалъ опозоренною.

Съ того дня дядя Жгловъ сталъ приходить къ Шанѣ время отъ времени.

Аполлинарій Григорьевичъ также продолжалъ бывать у Шани. Евгеній даже началъ ревновать Шаню къ Аполлинарію Григорьевичу.

Аполлинарій Григорьевичъ всегда приходилъ къ Шанѣ съ подарками,—приносилъ цвѣты, конфекты, бездѣлушки.

Шаня любовалась подарками и грустно думала:

„А Женечка-то мой не раскошелится“.

Она старалась не показывать этихъ подарковъ Евгенію, чтобы не обижать его.

Овладѣвши Шанею, Евгеній скоро началъ остывать къ ней. Бурныя Шанины ласки, страстныя, но простыя, скоро ему пріѣлись. Утомленный юношескимъ развратомъ, онъ требовалъ отъ нея болѣе пикантныхъ забавъ.

Евгенія злило, что Шанина любовь и любовь его къ ней занимаютъ въ его жизни все большее мѣсто. Скучно, и мѣшаетъ учиться, дѣлать карьеру. Онъ уставалъ отъ этой любви, такой притязательной, требующей всей души, всей жизни. И усталость выражалась въ припадкахъ раздраженія.

Бывали дни, когда все раздражало его въ Шанѣ. Вотъ Шаня запѣла пѣсню Кольцова. Потомъ народную пѣсенку. Евгеній злился. Говорилъ:

— Спой лучше изъ оперы что-нибудь.

Шаня засмѣялась, сказала шутливо:

— Изъ оперы „Заткни уши, бѣги вонъ?"

Евгеній осыпалъ ее цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ.

Вотъ Шаня гадала на картахъ. Евгеній засталъ ее за этимъ занятіемъ. Ему были противны трепаныя карты, которымъ Шаня очень вѣрила. Отнялъ ихъ и бросилъ въ печку. Шаня истерично хохотала.

Мѣщанскія Шанины знакомства также раздражали Евгенія. Все чаще Евгеній раздражался и обижалъ Шаню. А она все кротче переносила обиды отъ него.

Иногда ссоры прекращались тѣмъ, что Евгеній уходилъ. Тогда Шаня трепетно ждала его. Писала ему смиренныя, умоляющія письма, признавала себя во всемъ виноватою.

Когда послѣ этого Евгеній приходилъ, Шаня радостно и униженно встрѣчала его,—смѣхъ, объятія, поцѣлуи рукъ.

А онъ, какъ ни злился, приходилъ каждый день: какъ за-шиворотъ, хватала его и тащила грубая похоть, и ласково манили хорошенькія денежки. Тратить Шанины деньги было пріятнѣе, чѣмъ проценты съ оставленнаго отцомъ капитала: тѣ деньги оставались въ семьѣ.

Мало-по-малу Шаня отдавала Евгенію больше и больше денегъ. Онъ, что дальше, то все больше жилъ на ея деньги. И жилъ, и роскошествовалъ, и кутилъ,—все на ея счетъ. Это его не стѣсняло. Онъ не задумывался объ этомъ.

На Шаню стали находить сомнѣнія: а что, если Евгеній не повѣнчается съ нею?

Быть брошенною любовницею! Отъ одной мысли объ этомъ становилось нестерпимо стыдно. Память подбирала примѣры.

А зачѣмъ Шанѣ нужно было вѣнчаніе? Почему манила ее мистика брака, вѣнца, новаго имени?

Быть его женой! Люблю только одного! Вѣрю ему!

Быть въ цѣпяхъ брака—ей казалось величайшимъ счастіемъ. Жизнь свободная и достойная молодой ея красоты, прельщающей многихъ, блистательная и сладкая доля гетеры въ эти все еще наивные дни еще ужасала ее. Мысль, что Евгеній броситъ ее, заставляла ее трепетать и биться въ слезахъ передъ иконами.

Но вотъ приходилъ Евгеній, Шаня бросалась къ нему навстрѣчу и страстно восклицала:

— Ты—мой! Навсегда мой! Я не уступлю тебя ни другой женщинѣ, ни дѣлу, ни жизни, ни смерти! Не уступлю! Ты—мой, а я—твоя! О, это—не пустыя слова! Мы принадлежимъ другъ другу на всю жизнь. Мы должны жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ.

Евгеній слушалъ ее съ принужденною улыбкою и думалъ:

„Надо ее отучить отъ этой риторики дурного тона.“

Онъ говорилъ насмѣшливо:

— Все это прекрасно, но я хочу ѣсть и пить, и разсчитывалъ, что ты меня накормишь и напоишь. Ресторанчики поднадоѣли.

Шаня краснѣла, вздыхала, и принималась кормить Евгенія. Когда онъ насытится и ляжетъ на диванъ, мурлыкая и жмурясь отъ пріятной сытости и легкаго хмеля, Шаня становилась передъ нимъ на колѣни и молила его:

— Люби меня, Евгеній, люби меня! Ты—мое божество, я твоя раба, люби меня!

— Я тебя люблю,—вяло говорилъ Евгеній.— О чемъ же ты просишь? Ты ломишься въ открытую дверь.

Шаня слегка вздрагивала отъ этихъ разсудительныхъ словъ и говорила страстно:

— Моя любовь наполнила весь міръ, зажгла всѣ свѣтила. Она не можетъ возрасти, и ея самое погасаніе еще озаритъ блаженствомъ всѣ земныя жизни. И въ отвѣтъ на этотъ всемірный огонь одинъ зовъ, одно требованіе: люби меня!

— Все это очень мило,—говорилъ Евгеній,—хотя немножко слишкомъ высоко. Должно быть, ты начиталась какихъ-нибудь превыспреннихъ поэтовъ. Но не могу же я все любить да любить. Мнѣ и некогда, наконецъ. Надобно учиться.

Шаня говорила съ кроткимъ упрекомъ:

— Я сгораю, а ты только учишься. Люби меня,—и я дамъ тебѣ полноту знанія.

Потомъ, прижимаясь къ нему, она чувствовала, что отдается могучему потоку, движущему системы звѣздъ, и ей казалось, что ея любовь охваты-

ваетъ всѣ міры, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ чары, всѣ обаянія, всю власть, и потому непреодолима.

Когда же ночью ощупывала подъ подушкою холодное дуло револьвера, эта увѣренность въ несокрушимости любви сладко убаюкивала ее, и она шептала:

„Сильнѣе смерти“.

Просыпаясь, думала иногда:

„Да, вѣдь, онъ маленькій и ничтожный!“

Молилась и плакала. И потомъ думала долго, и казалось ей, что такъ должно быть, что въ планъ міровой трагедіи вкралась роковая премірная ошибка, и потому мечта о солнечно-ясномъ героѣ все не оправдана, и бѣдное сердце, отравленное высокою мечтою, должно вѣчно творить прекрасныхъ кумировъ изъ слишкомъ низменнаго матеріала.

Шаня становилась опять на колѣни передъ иконою и говорила:

— Икона творитъ чудеса,—о, кусокъ дерева! То, что создано человѣкомъ, что овѣяно его вѣрою въ чудеса. А я отъ живой иконы захотѣла чудесъ,—отъ человѣка, созданнаго всемогущею силою и овѣяннаго тайною всемірнаго устремленія. И чудеса будутъ, будутъ, будутъ!

У Шани сидѣлъ дядя Жгловъ. Пилъ чай съ абрикосовымъ вареньемъ и хмуро поучалъ Шаню, какъ жить на свѣтѣ, какъ ладить съ людьми и какъ дѣлать земляничную наливку. Шаня внимательно, повидимому, слушала. А сама думала о своемъ: какъ любить, какъ побѣждать любовью, какъ изъ человѣка творить себѣ кумиръ.

Пришелъ Евгеній и, какъ только увидѣлъ дядю Жглова, такъ сейчасъ же нахмурился и пришелъ въ дурное настроеніе.

Встрѣча была натянутая. Евгеній и дядя Жгловъ говорили другъ другу колкости.

Скоро дядя Жгловъ ушелъ, и Евгеній далъ волю своему раздраженію. Злобно говорилъ:

— Я не хочу, чтобы ты его принимала!

Шаня, зараженная его злостью, сердито сказала:

— Ну, ужъ это ахъ оставьте!

Сама почувствовала, что слова ея звучатъ вульгарно, и отъ этого еще больше разсердилась. Евгеній закричалъ:

— Я тебѣ запрещаю!

— Вотъ еще новости!—презрительно сказала Шаня.—По какому это праву?

— Какъ—по какому праву!—кричалъ Евгеній.—Ты этого не знаешь? Я

отказался отъ надеждъ на блестящую карьеру,—мнѣ тебя довольно. Если бы я женился на Катѣ, то ея родственники живо бы меня вытащили. Ты должна это цѣнить.

— Ну, и цѣню, такъ что же изъ того?—спросила Шаня, чувствуя, какъ все сильнѣе вскипаетъ въ ея сердцѣ злость.

Евгеній сказалъ внушительно:

— И потому я рѣшительно запрещаю тебѣ принимать у себя этого господина, который позволилъ себѣ такой поступокъ со мною.

Шаня кричала:

— Ты не можешь мнѣ этого запрещать. Я тебѣ не раба. Я принимаю, кого хочу, и буду принимать.

Ея неистовые крики казались Евгенію нахальными. Раздражали мучительно. Хотѣлось за горло ее схватить. Евгеній покраснѣлъ и вдругъ ударилъ Шаню по щекѣ.

Шаня тихонько вскрикнула, заплакала, замолчала и отошла въ сторону, закрывая лицо. Опираясь на невысокій шкапикъ, она стояла и плакала.

Евгеній сразу очнулся и почувствовалъ острую жалость и раскаяніе. Робко подошелъ къ Шанѣ. Говорилъ тихо:

— Шанечка, милая, прости. Ну, пусть онъ ходитъ. Только бы лучше мнѣ съ нимъ не встрѣчаться.

Когда Евгеній уходилъ, они попрощались нѣжно и смущенно.

Шаня вспоминала объ этой пощечинѣ безъ зла. Почти была рада ей. Думала:

„Онъ ревнуетъ, не хочетъ никому ее уступить. Ревнуетъ даже къ дядѣ,—значитъ, любитъ сильно".

Съ какимъ-то страннымъ, жуткимъ сладострастіемъ вспоминала Шаня эту пощечину. Ее томилъ стыдъ сладострастныхъ мечтаній.

Захотѣлось Шанѣ испытать, хочетъ ли Евгеній, чтобы она стала его женою. Наивное придумала средство. А потомъ и сама увлеклась имъ.

Шаня попросила Евгенія:

— Закажи мнѣ визитныя карточки съ твоею фамиліею. Александра Степановна Хмарова.

— Ну, вотъ капризъ!—хмуро сказалъ Евгеній.

Шаня умоляла неотступно. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Хорошо, закажу.

Черезъ нѣсколько дней Евгеній пришелъ и подалъ Шанѣ картонную коробочку. Сказалъ, смущенно улыбаясь:

— Ну, вотъ, я заказалъ.

Шаня покраснѣла отъ радости. Руки ея задрожали. Она быстро открыла коробку, прочла верхнюю карточку:

Александра Степановна
Самсонова.

Багрово покраснѣла, заплакала, бросила карточки въ лицо Евгенію.

Евгеній пытался уговаривать ее:

— Вѣдь, все равно до свадьбы нельзя.

Шаня опять принялась упрашивать:

— Женечка, да ты только потѣшь меня. Ты мнѣ повѣрь,—я не буду трогать ихъ до свадьбы.

Напоминаніе о свадьбѣ всегда бывало мучительнымъ для Евгенія. Говорило о чемъ-то обязательномъ, о цѣпяхъ какого-то долга. Онъ хмуро отказалъ.

Шаня просила на колѣняхъ. Плакала. Угрожала. Добилась таки своего: Евгеній заказалъ ей карточки со своею фамиліею.

Когда онъ принесъ Шанѣ эти карточки, Шаня была въ восторгѣ, кружилась, прыгала, хлопала въ ладоши, по-дѣтски веселилась, вся раскраснѣлась, смѣялась. Глаза ея блестѣли. Она унизительно прислуживала Евгенію въ тотъ вечеръ.

Шанѣ хотѣлось показать всѣмъ, что она будетъ женою Хмарова. Поэтому она показывала кое-кому изъ знакомыхъ эти карточки, и говорила:

— Это онъ мнѣ заказалъ.

Шаня показала эти карточки и Манугиной. Но Манугина ее разбранила и пристыдила.

— Зачѣмъ это вамъ?—спрашивала она, строго глядя на Шаню.

Шаня покраснѣла и заплакала.

А все-таки не могла устоять противъ искушенія показывать всѣмъ новыя визитныя карточки. То оставитъ гдѣ-нибудь карточку, то въ магазинѣ, заказывая прислать что-нибудь на квартиру, дастъ ее. Чтобы оправдать себя передъ самой собою, смѣшивала ихъ съ прежними своими, и потомъ пользовалась ими какъ будто нечаянно.

ГЛАВА XLVII.

Скучная канитель постоянныхъ домашнихъ разговоровъ о Шанѣ, упрековъ, насмѣшекъ, совѣтовъ, утомила Евгенія. Онъ придумалъ сказать дома, что разстается съ Шанею. Вышло это почти случайно. Послѣ одной ссоры съ Шанею онъ вернулся домой разъяренный и въ порывѣ откровенности ляпнулъ:

— У насъ съ Шанею все кончено. Она мнѣ надоѣла.

Дома обрадовались очень. Варвара Кирилловна поѣхала къ Софьѣ Яковлевнѣ подѣлиться своею радостью. Аполлинарій Григорьевичъ самодовольно покрутилъ усъ, и сказалъ:

— Ну, вотъ видите, я же вамъ говорилъ!

На другой же день Евгеній отправился къ Шанѣ, но дома еще довольно долго поддерживалъ эту ложь, изъ самолюбія и чтобы выиграть время. Чтобы не было сценъ.

Дома ему вѣрили; хотѣли вѣрить. Вѣрили, потому что знали его тряпичность. Да и не жалѣли объ этомъ свойствѣ его натуры. Видѣли въ этомъ признакъ хорошей породы и изысканнаго воспитанія. Думали, что только мужики бываютъ слишкомъ энергичны.

Поторопились устроить примиреніе съ Рябовыми. Рябовы знали о связи Евгенія съ Шанею больше, чѣмъ Хмаровы, но дѣлали видъ, что вѣрятъ всему, что Хмаровы имъ говорятъ. Катя готова была ждать хоть десять лѣтъ того момента, когда Евгеній вернется къ ней, и родители уже перестали съ нею спорить. Евгеній былъ съ Катею ласковъ, и ея надежды на его любовь ожили.

Но скоро Хмаровы узнали, что Евгеній продолжаетъ бывать у Шани. Кратковременная радость опять смѣнилась унынiемъ. Тогда Марія рѣшилась принести жертву. Она поѣхала къ Шанѣ просить Шаню отказаться отъ Евгенія.

Удивилась Шаня неожиданному посѣщенію, но и виду не показала, что удивлена.

Сначала Марія упрашивала Шаню кротко. Говорила:

— Это будетъ съ вашей стороны такой великодушный, благородный поступокъ, если вы откажетесь отъ Евгенія. Отъ этого зависитъ вся его будущность, вся его карьера, и если вы, дѣйствительно, его любите, то вы покажете этимъ, что заботитесь о его счастіи.

И Шаня, въ тонъ ей, говорила любезно, но рѣшительно:

— Я увѣрена,—сказала она,—что Евгеній будетъ счастливъ со мною. Онъ такой благородный и чистый человѣкъ, что не можетъ думать только о карьерѣ. И у него такія блестящія способности, что онъ выдвинется и безъ помощи жениныхъ капиталовъ.

Мало-по-малу разговоръ принялъ рѣзкій характеръ.

— Повѣрьте, мы лучше васъ знаемъ его,—говорила Марія.

— Не думаю,—возражала Шаня.—Я его люблю, а у любви зоркіе глаза.

— У него не такая натура, чтобы онъ могъ съ вами ужиться,—сказала Марія съ презрительнымъ удареніемъ на словѣ вами.

— О, не безпокойтесь! Уживемся какъ-нибудь,—уже съ раздраженіемъ

говорила Шаня,—или разойдемся, когда сами захотимъ этого, а не по чужому приказу.

Марія ушла ни съ чѣмъ, раскраснѣвшись отъ досады.

Когда Шаня въ тотъ же вечеръ разсказала объ этомъ посѣщеніи Евгенію, онъ очень обезпокоился. Тревожно, почти злобно спросилъ:

— Ты наговорила ей дерзостей?

Шаня покраснѣла и засмѣялась.

— Я не дѣвчонка,—сказала она,—а твоя сестра—не классная дама, чтобы я говорила ей дерзости.

Межъ тѣмъ, Шанѣ приходилось все больше терпѣть отъ двусмысленности ея положенія.

То товарищи Евгенія позволяли себѣ неуважительныя выходки въ ея квартирѣ. Эти „опробоpенные картавцы“, какъ называетъ такихъ одинъ юный поэтъ, приставали къ ней съ комплиментами и пошлыми намеками.

Однажды всѣ эти приставанія вывели Шаню изъ терпѣнія. Охваченная внезапною вспышкою гнѣва, она раскричалась на нихъ и попросила ихъ удалиться. Когда они попытались объясняться, она ушла и заперлась въ своей спальнѣ. Сконфуженные нахалы ушли, ворча, а Евгеній сдѣлалъ Шанѣ безобразную сцену.

То какая-нибудь гусыня изъ чиновницъ обольетъ Шаню при встрѣчѣ презрѣніемъ. То горничная надерзитъ, какая-нибудь простая и грубоватая Куша.

Эта Куша, узнавъ о томъ, какія отношенія существуютъ между Шанею и Евгеніемъ, прониклась презрѣніемъ къ Шанѣ. Она все небрежнѣе исполняла свои обязанности. Шаня сдѣлала ей выговоръ. Куша отвѣчала дерзко. Начала даже кричать:

— Да что такое! Стану я подражать всякой содержанкѣ! Я—честная дѣвушка.

Шаня поблѣднѣла. Точно острою болью пронизала ее обида. Сказала спокойно, почти ласвово:

— Уходи, Куша. Больше я не стану тебя держать.

— Да за что же?—пытаясь сохранить независимый тонъ, спрашивала Куша.—Кажется, я ничего, все дѣлаю исправно, а что правду сказала...

— Ну, живо собирайся,—сухо сказала Шаня.

— Да и уйду,—растерянно говорила Куша.—Что-жъ такое!

Но скоро она опомнилась. Принялась просить прощенія:

— Барышня, да я не со зла. Простите меня, глупую. Сдуру, какъ съ дубу.

Повалилась Шанѣ въ ноги. Заплакала. Но Шаня была непреклонна. Повторяла спокойно:

— Нѣтъ, голубушка, уходи.

Куша уходила со слезами. Опять, прощаясь, въ ноги кланялась.

Шаня почувствовала, что она беременна. Съ такою нѣжною и стыдливою радостью сказала это Евгенію. Онъ нахмурился. Сказалъ безцеремонно:

— Ну, это меня не радуетъ.

Шаня покраснѣла.

— Женечка,—говорила она,—да ты ничего не бойся. Ребенокъ тебя ни въ чемъ не стѣснитъ. Я буду о немъ сама заботиться, и отъ тебя ничего не потребую.

Но Евгеній былъ недоволенъ и хмуръ. Думалъ съ досадою, что Шаня могла бы устранить своевременно эту беременность.

Приближалось время ѣхать Евгенію въ столицу, въ Институтъ.

Варвара Кирилловна постоянно разговаривала теперь со своими гостями о поступленіи Евгенія въ Институтъ.

— Я такъ боюсь... Женечка такъ самолюбивъ... Туда такой наплывъ, всѣ эти жиды, эти разночинцы. По своему прилежанію, это—быки. У нихъ не нервы, а канаты. И я не понимаю, къ чему ихъ всюду пускаютъ!

И Евгеній все чаще мечталъ объ Институтѣ, о карьерѣ, о кушахъ, которые онъ будетъ хватать, когда получитъ мѣсто.

Евгеній говорилъ Шанѣ:

— Дома у меня все непріятности. Скупятся дать приличную сумму на поѣздку и на жизнь въ Петербургѣ.

Евгеній не стѣснялся злословить передъ Шанею свою мать, жаловался на ея расточительность и на ея скупость. Про свой капиталъ онъ никогда не говорилъ Шанѣ.

И какъ-то уже почти безъ словъ рѣшилось, что Шаня будетъ давать Евгенію деньги на жизнь въ столицѣ въ эти четыре года. Онъ окончитъ тамъ курсъ, тогда они и повѣнчаются.

Шаня мечтала о томъ, что она поѣдетъ вмѣстѣ съ Евгеніемъ въ столицу. Но въ это время становилась все замѣтнѣе Шанина беременность.

Евгеній говорилъ:

— Ѣхать теперь тебѣ невозможно. Объ этомъ и думать нечего. Ты теперь должна заботиться о своемъ будущемъ ребенкѣ, а въ дорогѣ ты можешь и ему, и себѣ повредить.

Везти съ собою беременную подругу ему было стыдно, и потому онъ говорилъ эти лицемѣрныя слова.

Шанѣ было страшно отпустить Евгенія одного. Возрасталъ томительный страхъ потерять Евгенія. Евгеній съ трудомъ настоялъ, чтобы Шаня ѣхала не вмѣстѣ съ нимъ, а позже. Онъ говорилъ ей:

— Родишь здѣсь, потомъ съ ребенкомъ пріѣдешь. А я пока тамъ устроюсь.

Усталая покорность овладѣла Шанею. Она вся ушла въ мечту о ребенкѣ.

Наканунѣ отъѣзда Евгеній послѣдній разъ пришелъ къ Шанѣ. Онъ очень заботился о томъ, чтобы Шаня завтра не ѣхала на вокзалъ. Тамъ она встрѣтилась бы съ Рябовыми и со многими другими, кто могъ придти провожать его, и вышла бы большая неловкость. Евгеній говорилъ Шанѣ:

— Тебѣ, Шанечка, вредно. Подумай о ребенкѣ. Вѣдь, онъ не только твой. Онъ и мой немножко.

На всякій случай Евгеній обманулъ Шаню: онъ уѣзжалъ съ утреннимъ поѣздомъ, а сказалъ, что ѣдетъ съ вечернимъ.

Простились трогательно и нѣжно.

Шаня осталась одна. Послѣдніе дни беременности были тяжелы, хотя ее навѣщали и ласкали друзья, Манугина, Каракова, Лѣсновъ. А передъ самыми родами пріѣхала мать.

Родился мальчикъ. Онъ былъ маленькій и слабый. Врачъ утѣшалъ:

— Первый ребенокъ часто бываетъ послабѣе.

Обрадовала вѣсть, что экзамены сошли успѣшно, и что Евгеній принятъ.

Шестая часть.

XLVIII.

Быстро и тягостно пронеслись надъ Шанею тѣ четыре года, которые она прожила съ Евгеніемъ въ столицѣ. Какъ кошмаръ зимняго утра.

Шаня пріѣхала въ столицу позднею осенью съ ребенкомъ. Кормила ребенка сама.

Евгеній жилъ тогда въ двухъ комнатахъ, которыя онъ снималъ у какой-то накрашенной и моложавой дамы. Шаня уговаривала Евгенія поселиться вмѣстѣ съ нею. Евгеній долго отказывался, говорилъ:

— Это неудобно. Ко мнѣ товарищи ходятъ, курятъ, шумятъ, ребенка будутъ будить и пугать. Да и дѣтскія пеленки, дѣтскій крикъ,—какъ ты хочешь, это не располагаетъ къ умственной работѣ.

— О ребенкѣ не думай,—говорила Шаня.—Ребенокъ будетъ въ сторонѣ и тебѣ не помѣшаетъ.

Шаня скоро нашла квартиру. Первые мѣсяцы прошли, какъ нѣжная идиллія. Когда Евгеній первый разъ пришелъ къ Шанѣ, его пріятно удивило, что все здѣсь, отъ парадной лѣстницы съ бравымъ швейцаромъ, съ зеркалами и съ растеніями, и до послѣдней мелочи въ обстановкѣ квартиры было совершенно такимъ, какъ въ квартирахъ тѣхъ его петербургскихъ знакомыхъ, которые принадлежали къ хорошему обществу и которыхъ онъ поэтому охотно посѣщалъ. Квартира была небольшая, но, по понятіямъ Евгенія, вполнѣ приличная. Уже знала Шаня вкусы Евгенія, и такъ и устроила квартиру, хотя ей самой многое здѣсь не нравилось.

Поэтому, когда Шаня стала опять уговаривать Евгенія переѣхать къ ней, онъ уже отнѣкивался слабо, и черезъ нѣсколько дней поселился у нея.

Они жили открыто, какъ мужъ и жена, но всякій, кто всматривался въ нихъ внимательно, удивлялся, какъ они могли сойтись, столь несхожи были они другъ съ другомъ.

Шаня была бодрая, ласковая, щедрая, но любили ее не за одну щедрость. Всѣхъ очаровывала ея радостная бойкость и привѣтливость. Шаня всегда находила для всякаго, чѣмъ помочь и привѣтить, хоть ласковымъ словомъ.

А Евгеній въ это время былъ угрюмъ, всѣмъ недоволенъ, вѣчно золъ. Онъ смотрѣлъ на людей, какъ на вещи, себя ставилъ выше всѣхъ, а передъ сильными заискивалъ. Не то, что Шаня. Она была всѣмъ равна, въ сношеніяхъ со всѣми одинакова.

Въ Крутогорскѣ у Хмаровыхъ днемъ сидѣли Рябовы, Нагольскій и нѣсколько дамъ, кислыхъ, сладкихъ и кисло-сладкихъ. Кислая дама разсказала, что кто-то часто встрѣчаетъ въ столицѣ Евгенія вмѣстѣ съ какою-то красивою дамою. Было очень неловко, что разговоръ зашелъ объ этомъ при Рябовыхъ. Варвара Кирилловна принялась выпутываться изъ неловкаго положенія. Она сказала:

— У Женички слабы глаза, а онъ такъ много занимается.

— Работяга,—сказалъ Нагольскій.—Онъ и здѣсь былъ такой.

— Онъ взялъ для себя лектрису,—продолжала Варвара Кирилловна.

Кислая дама улыбнулась и сказала:

— Говорятъ, что знакомое лицо. Будто бы кто-то изъ здѣшнихъ.

Варвара Кирилловна говорила:

— Знакомая мѣщаночка одна. Она очень нуждаетя, и потому Женя взялъ ее. У него золотое сердце. Приходится платить недешево,—но что подѣлаешь! Нынче такъ трудно пріобрѣсти дипломъ.

Кислая дама улыбнулась очень ласково, отчего стала втрое кислѣе, и сказала Варварѣ Кирилловнѣ:

— Не опасна ли эта... лектриса? Можетъ быть, смазливенькая?

Варвара Кирилловна, маскируя замѣшательство легкою улыбкою, сказала:

— Да, онъ писалъ, что недурненькая. Я сама даже и не видѣла.

— И вы не боитесь?—спросила кислая дама.—Не вышло бы чего серьезнаго?

— О, нѣтъ, я не боюсь,— съ веселою увѣренностью сказала Варвара Кирилловна.—Знаете, надо молодежи перебѣситься.

Старуха Нагольская улыбалась язвительно и злобно, Катина мать удрученно вздыхала, а кислая дама, словно не замѣчая общаго замѣшательства, тянула свое:

— Да, конечно, но...

Варвара Кирилловна быстро перебила ее:

— Нѣтъ, вы не говорите,—это полируетъ, такъ сказать. Даетъ молодому человѣку опытность... ловкость... привычку къ обществу женщинъ.

— Но Евгеній Модестовичъ, кажется, не изъ застѣнчивыхъ,—сказала кислая дама.

— Я увѣрена въ Женечкѣ, онъ не зарвется,—возразила Варвара Кирилловна и поспѣшила заговорить о другомъ. Когда гости ушли, Варвара Кирилловна, волнуясь, говорила Маріи:

— Такая безтактность! Говорить объ этомъ при Рябовыхъ! Я готова была сквозь землю провалиться.

— Это она съ намѣреніемъ,—сообразила Марія.—Думаетъ, что ея сынъ очаруетъ Катю. Только она напрасно это воображаетъ. Катя думаетъ только объ Евгеніи.

Зимою была свадьба Маріи. А денегъ у Хмаровыхъ было мало. Варвара Кирилловна просила Евгенія помочь. Онъ заложилъ свои процентныя бумаги и послалъ домой шесть тысячъ.

Евгеній жилъ здѣсь очень неразсчетливо. Много денегъ тратилъ на рестораны, на лихачей и автомобили, на вино и фрукты, на духи и сигары, на одежду,—вообще, не стѣснялъ себя въ расходахъ, тратилъ, какъ человѣкъ съ хорошими средствами.

Деньги на расходы давала Шаня. Процентовъ съ ея капитала не хватало на всѣ эти траты. Приходилось деньги выпрашивать у отца, у матери, у дяди Жглова, у котораго хранился Шанинъ капиталъ.

Когда Шаня требовала отъ дяди Жглова, чтобы онъ выслалъ ей часть капитала, онъ присылалъ ей свои деньги, въ подарокъ, и вмѣстѣ съ ними ворчливыя письма. Отецъ и мать тоже посылали ей деньги, и тоже писали непріятныя письма.

Шаня, кромѣ своихъ денегъ, частенько получала отъ родныхъ рублей по двѣсти, по триста. Но уже на третій день Шаня оставалась безъ копейки и нуждалась въ самомъ необходимомъ. А Евгеній опять просилъ денегъ. Шаня смущенно говорила:

— Ахъ, Женя, у меня нѣтъ ни копейки!

Евгеній хмурился и досадливо говорилъ:

— Надо поменьше транжирить! Заложи пока свои брилліанты.

Такъ, мало-по-малу, Шаня отнесла въ ломбардъ всѣ свои цѣнныя вещи,—браслеты, кольца, ожерелья, серьги. То выкупитъ, то опять заложитъ. Она радостно дѣлала это,—угодить бы только Женечкѣ своему.

———————

Смерть перваго ребенка страшно и навсегда поразила Шаню. Слабенькій мальчикъ не прожилъ и году.

Навсегда въ Шаниной памяти остался странный дѣтскій трупикъ,— серьезный лобикъ, пожелтѣвшее лицо, потемнѣвшіе сомкнутые глаза, сложенныя ручки. Милый ротикъ, который уже научился говорить мама, поблѣднѣлъ и сомкнулся навѣки. Не засмѣется, не заплачетъ.

Шаня надъ холоднымъ трупикомъ сидѣла и плакала.

Этому нѣжному ангелу предстояло обратиться въ комокъ грязи. Зачѣмъ?

Шаня еще спрашивала. Она еще не знала, что жизнь дается даромъ и что она ничего не стоитъ, и что тотъ, кто цѣнитъ ее, или ошибается или обманываетъ. «Земля еси, и въ землю отыдеши».

Надо было хоронить ребенка. Повезли на кладбище.

Весеннее солнце весело свѣтило на красивый гробикъ. Погода была хороша, и Евгеній чувствовалъ себя прекрасно.

Обрядъ не утѣшилъ Шанина сердца,—Шанино горе было обвѣяно холодомъ, равнодушіемъ Евгенія. Слова его были пусты и холодны, и видно было, что онъ даже радъ этой смерти.

Онъ старался скрыть свою радость. Утѣшалъ Шаню. И все вокругъ было такъ ясно, вешне-весело, такъ жестоко-утѣшительно, что Шанино сердце замирало отъ ужаса подъ этою разлитою вкругъ нея ласкою. Смѣется тотъ, кто утѣшаетъ.

— Все къ лучшему, Шанечка,—сказалъ Евгеній, когда они вышли за ограду на кладбище.

Шаня посмотрѣла на него тупо и ничего не сказала.

Вернулись съ кладбища, и квартира показалась Шанѣ страшно опустѣлою. И на всемъ лежала скорбь, о которой не станетъ говорить тотъ, кто испыталъ ее хотя однажды.

Шаня всмотрѣлась въ Евгенія. Догадалась:

„Онъ радъ!"

Ей было больно и страшно. А Евгеній улыбался и кощунствовалъ:

— Ангеломъ сталъ. Это—хорошая карьера.

Шаня плакала и упрекала его. Онъ разозлился. Произошла тягостная сцена.

Евгеній постепенно охладѣвалъ къ Шанѣ. Дома онъ тяготился Шанею, въ людяхъ стѣснялся быть съ нею. Старался быть съ нею поменьше.

Вспышки чувства становились все рѣже и слабѣе.

Евгеній передъ Шанею усиленно лгалъ. Притворялся любящимъ по прежнему страстно, не потому, что жалѣлъ Шаню, а потому, что трусилъ и хотѣлъ отсрочить неизбѣжную сцену разлуки.

Друзьямъ своимъ Евгеній постоянно жаловался, что Шаня мѣшаетъ ему заниматься, что ея скандалы убиваютъ его.

— У насъ Бедламъ,—говорилъ онъ.

И вотъ жила Шаня четыре года, колеблясь между отчаяніемъ и надеждою. Ходила въ церкви, выбирая тѣ, что подальше и гдѣ людей поменьше, и молилась за себя, за Евгенія.

Но, когда Евгенію казалось, что Шаня засматривается на другого, онъ ревновалъ ее. Смѣшанное чувство собственника и мужчины заставляло его дорожить обладаніемъ Шанею, и вся гордость его возмущалась при мысли, что Шаня можетъ разлюбить его и уйти съ другимъ.

Когда Шаня ему говорила:

— Ты меня разлюбилъ!

Онъ отвѣчалъ:

— Что за вздоръ!

— Если ты меня не любишь, отпусти меня,-говорила Шаня.

Евгеній тогда упрекалъ ее въ распутныхъ мысляхъ, кричалъ:

— Ты завела себѣ любовника!

Если Шаня уходила куда-нибудь и опаздывала домой, Евгеній встрѣчалъ ее ревнивою бранью. Допрашивалъ, гдѣ она была, и старался поймать ее на словахъ и уличить.

Приревновалъ ее къ молодому художнику, которому Шаня заказала портретъ, чтобы подарить Евгенію.

Вялая страстность, изнуренная мальчишескими глупостями и юнымъ развратомъ, тянула Евгенія къ ласкамъ; развращенное воображеніе хотѣло частыхъ, ежедневныхъ ласкъ, а юношескихъ силъ уже не было. И вотъ, желанія возбуждались мучительствомъ. Евгеній заставлялъ Шаню дѣлать

ненужное, унизительное, придирался къ ней и выдумывалъ разныя наказанія, и все это веселило и разжигало его.

И уже не удивлялась Шаня, когда вечеромъ Евгеній вдругъ приказывалъ ей:

— Возьми тряпку, смети пыль сверху со шкаповъ.

— Шаня, ты толстѣешь, займись гимнастикой. Раздѣнься, я буду командовать.

— Шанька, мой полъ въ моемъ кабинетѣ; тебѣ полезно усиленное движеніе, а то ты разжирѣешь.

А гдѣ тамъ жирѣть! Давно уже подтачивалось Шанино здоровье всѣми волненіями и страхами, въ которыхъ ей приходилось жить.

Иногда Евгеній схватывалъ Шаню за горло и сжималъ, пока лицо не посинѣетъ. Иногда щипалъ ее до синяковъ. Иногда билъ ее, заставлялъ стоять на колѣняхъ. Иногда царапалъ ей лицо, изъ ревности, чтобы другіе не влюблялись. Иногда говорилъ ей:

— Смотри, какъ бы я тебя сѣрной кислотой не облилъ.

Шаня терпѣла кротко. А иногда вспыхнетъ, заплачетъ, закричитъ. Тогда начиналась крикливая, вульгарная ссора. И такія ссоры становились все чаще.

Ѳедоръ Сологубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка.

Письма Наполеона и Фердинанда Лассаля.

Воспроизводимыя письма заимствованы нами изъ готовящейся въ Московскомъ Книгоиздательствѣ къ печати книги А. Н. Чеботаревской и интересны, главнымъ образомъ, какъ матерьялъ психологическій.

Письма Наполеона.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ—ЖОЗЕФИНѢ.

3 апрѣля 1796 г.

Моя единственная Жозефина, вдали отъ тебя весь міръ кажется мнѣ пустыней, въ которой я одинъ... Ты овладѣла больше, чѣмъ всей моей душой. Ты—единственный мой помыселъ; когда мнѣ опостылѣваютъ досадныя существа, когда мнѣ опротивлѣваютъ люди, когда я готовъ проклясть жизнь,—тогда опускаю я руку на сердце: тамъ покоится твое изображеніе; я смотрю на него, любовь—для меня абсолютное счастье... Какими чарами сумѣла ты подчинить всѣ мои способности и свести всю мою душевную жизнь къ тебѣ одной? Жить для Жозефины! Вотъ исторія моей жизни...

Умереть, не насладившись твоей любовью,—это адская мука, это вѣрный образъ полнаго уничтоженія. Мнѣ кажется, что я какъ бы задыхаюсь... Моя единственная подруга, избранная судьбою для свершенія намъ вмѣстѣ тяжкаго жизненнаго пути,—въ тотъ день, когда твое сердце не будетъ больше мнѣ принадлежать, міръ утратитъ для меня всю свою прелесть и соблазнъ.

НАПОЛЕОНЪ—ЖОЗЕФИНѢ въ Миланъ.

Мармироло, 17 іюня 1796 г.

Я только что получилъ твое письмо, моя обожаемая подруга; оно наполнило радостью мое сердце, Я очень благодаренъ тебѣ за детальныя извѣстія, которыя ты сообщаешь о себѣ; твое здоровье, повидимому, теперь лучше; вѣроятпо, ты уже поправилась. Очень совѣтую тебѣ ѣздить верхомъ; тебѣ это должно быть полезно.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я все время печаленъ. Мое счастье—быть возлѣ тебя. Непрестанно думаю я о твоихъ поцѣлуяхъ, о твоихъ слезахъ, о твоей обворожительной ревности; и прелести несравненной Жозефины непрестанно воспламеняють все еще пылающее мое сердце и разумъ. Когда освобожусь я отъ всѣхъ тревогъ, всѣхъ дѣлъ, чтобы проводить съ тобой всѣ минуты моей жизни, когда моимъ единственнымъ занятіемъ будетъ любить тебя и думать о счастьи, говорить тебѣ и доказывать это? Я пошлю тебѣ твою лошадь; все же надѣюсь,—ты скоро сможешь ко мнѣ пріѣхать.

Недавно еще я думалъ, что горячо люблю тебя, но съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ вновь, чувствую, что люблю тебя еще въ тысячу разъ больше. Чѣмъ больше я тебя узнаю, тѣмъ больше обожаю тебя. Это доказываетъ ложность мнѣнія Ла-Брюэра, что любовь возгорается внезапно. Все въ природѣ имѣетъ свое развитіе и различныя степени роста. Ахъ, молю тебя, открой мнѣ какіе-нибудь твои недостатки! Будь менѣе прекрасна, менѣе любезна, менѣе нѣжна и прежде всего—менѣе добра! Никогда не ревнуй и не плачь; твои слезы лишаютъ меня разума, жгутъ меня. Вѣрь мнѣ, что теперь у меня не можетъ быть ни одной мысли, ни одного представленія, которыя не принадлежали бы тебѣ.

Поправляйся, отдыхай, скорѣе возстанови свое здоровье. Пріѣзжай ко мнѣ, дабы мы, по крайней мѣрѣ, могли бы сказать раньше, чѣмъ придетъ смерть: „У насъ было столько счастливыхъ дней!"

Милліонъ поцѣлуевъ—даже твоему Фортюнэ *), несмотря на его злобность.

НАПОЛЕОНЪ—ЖОЗЕФИНѢ.

4 августа 1796 г.

Я такъ далеко отъ тебя! Меня окружаетъ густой мракъ! И это будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока ужасающія молніи нашихъ пушекъ, которыми мы завтра встрѣтимъ врага, разсѣятъ этотъ мракъ.

*) Комнатная собачка Жозефины, съ которой она никогда не разставалась.

Жозефина! Ты плакала, когда я съ тобой разставался. Ты плакала! Все внутри содрогается у меня при одной этой мысли! Но будь спокойна и утѣшься. Вурмзеръ *) дорого заплатитъ мнѣ за эти слезы!

НАПОЛЕОНЪ—ЖОЗЕФИНѢ въ Миланъ.

Кальдіеро, 13 ноября 1796 г.

Я больше тебя не люблю... Наоборотъ, я тебя ненавижу. Ты—гадкая, глупая, нелѣпая женщина. Ты мнѣ совсѣмъ не пишешь, ты не любишь своего мужа. Ты знаешь, сколько радости доставляютъ ему твои письма, и не можешь написать даже шести бѣглыхъ строкъ.

Однако, чѣмъ Вы занимаетесь цѣлый день, сударыня? Какія важныя дѣла отнимаютъ у Васъ время, мѣшаютъ Вамъ написать Вашему возлюбленному? Что заслоняетъ Вашу любовь, Вашу нѣжную и стойкую любовь, которою Вы такъ ему хвастались? Кто этотъ новый фатъ, новый возлюбленный, который претендуетъ на все Ваше время, мѣшая Вамъ заниматься Вашимъ супругомъ? Жозефина, берегись; не то въ одну прекрасную ночь твои двери будутъ взломаны—и я предстану предъ тобой.

Въ самомъ дѣлѣ, моя дорогая, меня тревожитъ то, что я не получаю отъ тебя извѣстій; напиши мнѣ тотчасъ четыре страницы и только о тѣхъ милыхъ вещахъ, которыя наполняютъ мнѣ сердце радостью и умиленіемъ.

Надѣюсь скоро заключить тебя въ свои объятія и осыпать милліономъ поцѣлуевъ, жгущихъ меня, словно лучи экватора.

НАПОЛЕОНЪ—МАРІИ ВАЛЕВСКОЙ.

Январь 1807 г.

Бываютъ моменты, когда высокое положеніе угнетаетъ—это испытываю я сейчасъ. Какъ удовлетворить порывъ сердца, стремящагося полетѣть къ Вашимъ ногамъ, но удерживаемаго тягостными „высшими“ соображеніями, парализующими самое пылкое желаніе? О! если бы Вы только захотѣли. Вы—только одна Вы—можете уничтожить раздѣляющія насъ преграды. Мой другъ Дюрокъ облегчитъ Вамъ способъ дѣйствій.

---

*) Графъ Вурмзеръ—австрійскій генералъ-фельдмаршалъ, разбитый на слѣдующій день въ битвѣ при Кастиліоне.

НАПОЛЕОНЪ—графинѣ ВАЛЕВСКОЙ.

(Въ день послѣ перваго свиданія—1807 г.).

Марія, сладчайшая Марія, моя первая мысль принадлежитъ тебѣ, мое первое желаніе—снова увидѣть тебя. Ты снова придешь, не правда ли? Ты обѣщала мнѣ это. Если нѣтъ, то за тобой прилетитъ Орелъ... Я увижу тебя за столомъ, мнѣ обѣщано. Соблаговоли принять этотъ букетъ *); пусть это будетъ сокровеннымъ знакомъ нашей любви среди человѣческой суолоки и залогомъ тайныхъ нашихъ сношеній. Подъ взорами толпы мы сможемъ понимать другъ друга. Когда я прижму руку къ сердцу, ты будешь знать, что я весь стремлюсь къ тебѣ, а въ отвѣтъ мнѣ—ты прижмешь букетъ къ себѣ. Люби меня, моя очаровательная Марія, и пусть рука твоя никогда не отрывается отъ этого букета.

Письмо императрицы ЖОЗЕФИНЫ императору НАПОЛЕОНУ.

Наварра, 10 апрѣля 1810 г. **).

Государь!

Я получила чрезъ моего сына удостовѣреніе, что Ваше Величество изъявили согласіе на мое возвращеніе въ Мальмэзонъ и на выдачу мнѣ средствъ для поправленія Наваррскаго замка.

Эта двойная Ваша милость, Государь, облегчаетъ меня отъ огромныхъ заботъ и избавляетъ отъ опасеній, на которыя наводило меня длительное молчаніе Вашего Величества. Меня тревожила мысль—быть Вами окончательно позабытой; теперь я вижу, что этого нѣтъ. И потому я теперь менѣе несчастна; ибо быть счастливой—врядъ ли уже мнѣ когда удастся въ будущемъ. Въ концѣ этого мѣсяца я отправляюсь въ Мальмэзонъ, если Ваше Величество не находитъ къ тому препятствій. Но я считаю нужнымъ сказать Вамъ, Государь, что я не такъ скоро воспользовалась бы предоставленной мнѣ въ этомъ отношеніи Вашимъ Величествомъ привиллегіей, если бы жилище въ Наваррѣ не требовало бы настоятельныхъ поправокъ,—не столько ради моего здоровья, сколько ради здоровья меня окружающихъ. Я намѣревалась лишь короткое время пробыть въ Мальмэзонѣ; скоро я его покину и поѣду на воды. Но Ваше Величество можетъ быть увѣрено, что я буду жить въ Мальмэзонѣ такъ, словно онъ находится за тысячу миль отъ Парижа.

---

*) Букетъ изъ драгоцѣнностей.

**) 10 апрѣля 1810 г. Наполеонъ женился на Маріи-Луизѣ.

Я принесла большую жертву, Государь, и чувствую съ каждымъ днемъ все больше ея величину; однако, эта жертва, которую я приняла на себя, будетъ доведена до конца. Счастье Вашего Величества ни въ коемъ случаѣ не будетъ омрачено никакимъ выраженіемъ моего горя.

Непрестанно буду я желать счастья Вашему Величеству, но Ваше Величество можете быть увѣрены, что я всегда буду почитать, безмолвно почитать Ваше новое положеніе; уповая на прежнее Ваше ко мнѣ отношеніе, не буду требовать никакихъ новыхъ доказательствъ; надѣюсь только на справедливость Вашу.

Я ограничиваюсь, Ваше Величество, просьбой о томъ, чтобы Ваше Величество сами соблаговолили изыскать способъ—доказать мнѣ и моимъ приближеннымъ, что я еще занимаю маленькое мѣсто въ Вашей памяти и большое—въ Вашемъ уваженіи и дружбѣ. Что бы это ни было,—это смягчитъ мое горе, не нарушая при этомъ, какъ мнѣ кажется, счастья Вашего Величества, о которомъ я больше всего думаю.

Жозефина.

Письмо ЖОЗЕФИНЫ—НАПОЛЕОНУ на островъ Эльбу.

Не по поводу утраты трона позволяю я себѣ выразить Вамъ сочувствіе: по собственному опыту знаю, что съ этимъ можно примириться; но больше всего скорблю я о томъ горѣ, которое доставило Вамъ разставанье съ Вашими старыми сподвижниками по славѣ.

Ахъ, какъ охотно полетѣла бы я къ Вамъ, чтобы доказать Вамъ, что изгнаніе можетъ спугнуть лишь мѣщанскую душу и что несчастье не только не уменьшило мою безкорыстную привязанность, но придало ей еще новую силу.

Я намѣревалась покинуть Францію, послѣдовать за Вами, посвятить Вамъ остатокъ жизни, отъ чего Вы были такъ долго избавлены. Меня удержала одна единственная причина,—и Вы ее отгадаете.

Когда я узнаю, что я, наперекоръ всѣмъ вѣроятіямъ, единственная, желающая выполнить свой долгъ,—ничто не сможетъ меня удержать, и я отправлюсь въ то единственное на землѣ мѣсто, гдѣ отнынѣ я могу быть счастлива, ибо тамъ я могу утѣшить Васъ, находящагося въ несчастьѣ. Прощайте, Государь, все, что я могла бы прибавить, покажется излишнимъ; теперь нужно не на словахъ, а на дѣлѣ доказывать Вамъ свое отношеніе. Мнѣ нужно Ваше согласіе.

НАПОЛЕОНЪ—императрицѣ МАРІИ-ЛУИЗѢ въ замокъ Рамбулье.

Фонтенебло, апрѣля... 1814 г. 8 ч. веч.

Моя славная Луиза, я получилъ твое письмо; я вижу изъ него, какъ ты огорчена, что еще усиливаетъ и мое горе. Съ удовольствіемъ вижу, что Корвизаръ *) тебя ободряетъ; за это я ему безконечно благодаренъ. Онъ оправдываетъ этимъ своимъ благороднымъ поведеніемъ то мнѣніе, которое я объ немъ имѣлъ; скажи это ему отъ моего имени. Онъ долженъ мнѣ часто посылать маленькіе бюллетени о состояніи твоего здоровья. Постарайся тотчасъ отправиться въ Эксъ, воды котораго тебѣ, какъ мнѣ передавали, предписалъ Корвизаръ. Будь здорова, заботься о здоровьѣ—твоемъ и твоего сына, который нуждается въ твоемъ попеченіи.

Я намѣреваюсь отправиться на островъ Эльбу, откуда тебѣ напишу. Также буду всячески стараться встрѣтить тебя.

Пиши мнѣ часто, адресуй письма вице-королю или твоему дядѣ, когда онъ, какъ говорятъ, сдѣлается великимъ Герцогомъ Тосканскимъ.

Прощай, моя милая Луиза-Марія!

Письма Фердинанда Лассаля.

Письмо о любви къ любящей.

Ахенъ, Суббота (Августъ или Сентябрь 1860 г.) вечеромъ.

. . . .

. . . Она стоитъ передо мною, какъ моя собственная исторія, мое развитіе, мой характеръ.

Она—мое собственное, заново воплотившееся я. Она тождественна со всѣми опасностями, со всѣми побѣдами, со всѣми страхами и тяжелыми трудами, со всѣми страданіями, всѣми усиліями и наслажденіями побѣдъ, короче сказать—со всѣми эмоціями, испытанными когда-либо моею душою.

Она тождественна съ самою душою моею. Что есть душа? Приведенное къ единству цѣлое, фокусъ общей массы впечатлѣній, когда-либо человѣкомъ полученныхъ. Такъ вотъ, понимаешь, этимъ-то и является она для меня.

Итакъ, она—первое и необходимѣйшее условіе моего счастья. Больше того, она—условіе цѣлостности моего Я. Если бы мнѣ отрѣзали

*) Придворный врачъ.

руки и ноги, то я не такъ почувствовалъ бы себя искалѣченнымъ, какъ если бы потерялъ графиню.

. . . .

Enfin, послѣ того, что это такъ, послѣ того, что я тебѣ сто разъ говорилъ это, ты приходишь и говоришь, что эта женщина, которая является положительнымъ и необходимѣйшимъ условіемъ моего счастья, плоть отъ плоти моей, кость отъ костей моихъ,—и насколько внѣшни еще эти слова Библіи и случайное родство наряду съ внутреннимъ духовнымъ тождествомъ—что эта женщина—лишь „помѣха, чтобы видѣть меня беззаботнымъ и довольнымъ“.

Au contraire, она именно—необходимое условіе къ тому.

. . . .

Теперь разскажу тебѣ, какъ я понимаю любовь.

Если женщина любитъ меня, то отдается мнѣ всецѣло, растворяется во мнѣ совершенно, и за это получаетъ—одно лишь мѣсто въ моемъ существѣ, и, несмотря на то, что отдалась мнѣ вся, получаетъ взамѣнъ меня не всего, а лишь часть моей души.

Неравный обмѣнъ, скажешь ты! Быть можетъ! Но если ты немного подумаешь, то увидишь, что это—обычная и естественная разница между любовью мужчины и любовью женщины. Уже наукѣ и завоеванію положенія въ жизни мужчина долженъ отдавать часть своего существа, которая необходимо отрываетъ его отъ любви. Итакъ, онъ заранѣе обреченъ на то,—чтобы отдавать себя любви лишь отчасти. Женщина—вполнѣ индивидъ, можетъ и должна отдаваться въ любви всецѣло, въ полную собственность.

Если такова первоначальная и естественая разница между любовью всякаго мужчины и любовью всякой женщины, то, разумѣется, прежде всего, я имѣю полное право поддерживать эту разницу, именно потому, что я являюсь истиннымъ мужемъ, не только по сравненію съ женщинами, но и по сравненію съ мужчинами, а также и вслѣдствіе всей моей жизненной судьбы.

Я перенесъ уже всѣ виды несчастій и мукъ, кромѣ одного, который никогда не смѣлъ и не долженъ смѣть ко мнѣ приблизиться, а именно, кромѣ внутренняго раскола. Душевная цѣлость, которую я умѣлъ всегда сохранять, была и будетъ моею гордостью, моимъ единственнымъ счастьемъ...

Итакъ, кто хочетъ любить меня и быть мною любимымъ, кто хочетъ быть частью моего существа, тотъ долженъ вступить въ полное единеніе со мною, совершенно раствориться во мнѣ, любить то, что я люблю, думать, какъ я думаю, и т. д., соединиться со мною путемъ полнаго сліянія

міра нашихъ мыслей и міра чувствъ—разумѣется, лишь въ существенномъ, главномъ.

. . . .

Поэтому моя любовь имѣетъ въ себѣ нѣчто поглощающее. Она претворитъ и уподобитъ себѣ совершенно то существо, которое хочетъ любить меня, если оно съ самаго начала со мною не согласно. Итакъ, кто созданъ иначе, съ одной стороны, и не можетъ, съ другой стороны, давать себя такъ поглощать и претворять,—тотъ долженъ стоять на своей недоступной независимости и не захочетъ полюбить меня.

. . . .

Подобно тому, какъ Семела таетъ въ объятіяхъ Юпитера, такъ женщина должна растаять въ моей душѣ, если я долженъ ее любить и смотрѣть на нее, какъ на любящую меня.

Это можетъ оказаться очень неудобнымъ для такой любящей, въ природѣ которой этого нѣтъ. Но, въ концѣ концовъ, это—неизмѣнное условіе, чтобы составлять со мною одно цѣлое и имѣть мѣсто въ моемъ сердцѣ. И я умышленно не соблазнялъ тебя любить меня, напоминаю объ этомъ, чтобы ты не могла упрекнуть меня, если бы ты (весьма ошибочно) приняла такую любовь за эгоизмъ. Я не проявлялъ инициативы. Ты первая сама сознала это, какъ внутреннюю необходимость, и заявила объ этомъ. Я никогда не взялъ бы на себя починъ именно потому, что знаю, что моя любовь можетъ принести мало радости, и что лишь очень немногія женщины способны къ такой серьезной любви, къ такой полной отдачѣ себя.

ЛАССАЛЬ—СОФЬѢ АДРІАНОВНѢ СОЛНЦЕВОЙ.

Берлинъ, 7-ое октября 1860 г.

. . . Наконецъ, Софи, довелъ я мое письмо-рукопись до конца; наконецъ, я переписалъ его! О, Софи, въ какомъ все усиливавшемся лихорадочномъ состояніи я его писалъ! Теперь рѣшеніе въ вашихъ рукахъ! О, какъ я дрожу при этой мысли! Теперь начинается собственно пытка. Боже! Что буду я дѣлать до полученія вашего отвѣта? Самыя противорѣчивыя мысли мучатъ меня.

Я говорилъ вамъ уже въ Ахенѣ, при нашей игрѣ въ вопросы и отвѣты, какъ много я страдалъ въ жизни; думалъ, что для меня уже не существуетъ новыхъ страданій; но вижу, что вы мнѣ ихъ навѣрное причините. Пусть такъ! Мужество! Терпѣніе! Твердость. Стонать, плакать, жаловаться, унывать,—не достойно меня. Я буду покоенъ. Пусть въ душѣ у насъ будетъ горе, смерть, а на лицѣ—спокойствіе, на губахъ—улыбка, если такъ должно быть!

Я отказался отъ первоначальной мысли—привезти самому вамъ это письмо въ Дрезденъ. Нѣтъ, я не хочу вліять на васъ ни моимъ присутствіемъ, ни электричествомъ страсти, нѣтъ, ваше рѣшеніе должно быть вполнѣ свободнымъ и самостоятельнымъ.

Думайте только о себѣ, ни въ коемъ случаѣ не думайте обо мнѣ, умоляю васъ.

Не думайте ни минуты о томъ, что мнѣ придется выстрадать! Это—безразлично, люди моего склада созданы для страданій. Какъ говорилъ про меня Гейне, когда мнѣ было всего 19 лѣтъ, я рожденъ, чтобы умереть, какъ гладіаторъ, съ улыбкою на устахъ. Совершенно безразлично, больше или меньше придется мнѣ страдать въ жизни. Пусть будутъ счастливы другіе! Для такихъ натуръ, какъ моя, достаточно бороться медленно, до послѣдней капли проливать свою кровь, сжигать свое сердце, и со смертью въ душѣ улыбаться.

Я не думалъ, что могу еще полюбить. Вы пробудили вновь во мнѣ это чувство. Вы заставили меня полюбить васъ. Да, я люблю васъ, и для моей мужской гордости сдѣлать это признаніе гораздо труднѣе, чѣмъ самой робкой изъ самыхъ застѣнчивыхъ дѣвушекъ.

Если вы меня теперь отвергнете, то я только вернусь къ убѣжденію о невозможности для меня личнаго счастья, какъ это было и раньше, чѣмъ я съ вами познакомился.

Такимъ образомъ, если вы разобьете мое сердце, то разобьете только вещь, которою я уже давно пожертвовалъ: мое личное счастье. Не думайте о немъ!

Я въ двадцать разъ охотнѣе согласился бы потерять васъ, чѣмъ получить васъ подъ вліяніемъ хотя бы тѣни состраданія, какъ бы слабо оно ни было.

Итакъ, въ результатѣ—думайте только о себѣ.

Лишь объ одномъ прошу васъ, Софи: не томите меня пыткою ожиданія.

Можно примириться съ сознаніемъ своей смерти: но не знать, умеръ ли ты или живъ—это ужасно!

(Это письмо заключаетъ въ себѣ 36 печатныхъ страницъ большого формата. Здѣсь могутъ быть приведены лишь начало его и конецъ).

Ахъ, Софи, насколько слаще мнѣ было бы съ вами говорить! Но, къ несчастью, мнѣ легче вамъ написать! Вы сами предложили обсудить занимающій насъ вопросъ письменно. Я, наоборотъ, стоялъ на томъ, чтобы покончить съ нимъ путемъ личной бесѣды. Итакъ, буду говорить съ вами пишу вамъ, во всякомъ случаѣ то, что сказалъ бы вамъ. Вы не должны принимать рѣшеніе въ минуту великодушія. Вы должны обо всемъ трижды подумать.

Позвольте мнѣ начать съ объясненія того, что могло показаться вамъ страннымъ во мнѣ во время нашего разговора въ Кельнѣ. Вы отвѣтили, что вы, быть можетъ, полюбите меня! Какъ я вамъ уже сказалъ, я—въ высшей степени гордый человѣкъ, я никогда не буду въ состояніи взять женщину приступомъ, я никогда не буду даже содѣйствовать тому, чтобы ускорить раскрытіе чувства, которое самостоятельно еще до этого не дошло.

Женщина должна полюбить меня свободно, добровольно и всецѣло: она должна отдаться мнѣ сама, и только тогда возьму я ее. Вы по этому случаю назвали меня избалованнымъ ребенкомъ. Нѣтъ, поступаю я такъ по отношенію къ вамъ не потому, что я играю роль избалованнаго ребенка, не изъ высокомѣрія, а единственно по чувству долга.

Если женщина любитъ меня не всею силою своего существа, если она любитъ не изъ самыхъ нѣдръ сердца, влекомая какою-то неодолимою силою,—то я не могу сдѣлать ее счастливою черезъ союзъ со мною. Я принесу ей, быть можетъ, больше горя, нежели счастья. Бываютъ случаи, когда умѣренной любви для счастья женщины достаточно; это даже такъ въ большинствѣ случаевъ. Но бываютъ и положенія,—и таково мое—когда любовь женщины должна быть всепожирающимъ огнемъ, который отъ препятствій лишь усиливается, непобѣдимымъ ураганомъ, который постоянно возобновляется самъ собою, чтобы на вѣкъ охранить и въ то же время вознаградить эту женщину за всѣ опасности, которыя ей предстоятъ.

Поэтому для меня долгомъ чести является принимать лишь несомнѣнную, огромную, никѣмъ не вынужденную любовь. Иначе я не могу быть увѣренъ въ вашемъ счастьѣ, и конечно, лучше самъ тысячу разъ откажусь отъ всѣхъ радостей жизни, какъ бы онѣ сладки ни были, нежели совершу по отношенію къ вамъ, счастливое, боготворимое дитя, чудовищную несправедливость и поставлю на карту счастье вашего существованія, чтобы украсить мою жизнь.

Если бы чувство долга по отношенію къ вамъ и не принуждало меня такъ думать, все же осторожность и эгоизмъ обязали бы меня къ этому; такъ какъ если бы я когда-нибудь увидѣлъ васъ несчастной, то былъ бы несчастенъ и самъ! Къ себѣ я безсердеченъ. У меня нѣтъ ни состраданія, ни жалости, никакого иного чувства къ моей собственной жизни, которую я посвятилъ долгой и упорной борьбѣ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой я никогда не могу быть несчастливъ, пока я одинъ! Для меня несчастье невозможно. Пусть разрушатъ голую одинокую скалу моей жизни, я ничего не почувствую, какъ ничего не чувствуетъ скала, когда ее разрушаютъ.

(Далѣе слѣдуютъ 35 страницъ).

Да, клянусь вамъ, до сихъ поръ не было на свѣтѣ женщины, у которой мысль о замужествѣ не причиняла бы мнѣ трепета. Вы—единственная, которую я почитаю, съ нѣжнѣйшей любовью, съ желаніемъ отдаться самому, единственная, для которой я готовъ принести неслыханную жертву женитьбы, а вы знаете, что мой взглядъ на жертву въ любви сводится къ тому, чтобы заставить почувствовать ее не какъ жертву, а какъ счастье.

Вы—единственная женщина, которую я могъ бы взять въ жены и взялъ бы такою, какова она есть. Если бы вы сами приказали мнѣ взять васъ иною,—я этого не сдѣлалъ бы! Видите ли, прекрасная моя роза, происходитъ это оттого, что я васъ столько же почитаю, сколько и люблю. Быть можетъ, я и люблю-то васъ такъ, потому что почитаю васъ.

Итакъ, я женюсь на васъ, если вы согласитесь. Но согласитесь ли вы?

. . . .

Теперь, Софи, я сказалъ все, что хотѣлъ.

Хочу прибавить лишь одно. Я не женюсь на васъ безъ любви и согласія вашего отца. Горе человѣку, который осмѣлился бы разорвать такія узы, какія существуютъ между вами и вашимъ отцомъ. Этимъ я не говорю, что не нуждаюсь также въ согласіи вашей матушки, которую не имѣю чести знать.

Я разрѣшаю вамъ, если вы пожелаете, перевести это письмо вашему отцу.

А теперь, если послѣ всего, что я сказалъ вамъ, вы рѣшитесь стать моею женою, что получите вы за всѣ ваши жертвы?

Ничего, кромѣ двухъ вещей! Мужа и сердца!

Но мужа въ истинномъ значеніи этого слова, и сердце, которое разъ отдавшись, отдается уже навѣкъ.

Софи, долженъ ли я прибавить? Какъ ни рѣшился бы вашъ выборъ,—я могу думать объ этомъ не иначе, какъ съ трепетомъ,—я никогда не перестану благословлять васъ и вашу память! Я никогда не перестану быть для васъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ! Я буду благословлять васъ со слезами на глазахъ

Лассаль.

ЛАССАЛЬ—ЕЛЕНѢ фонъ-ДЕННИГЕСЪ.

(*Конецъ іюля 1864 г.*)

. . . Честолюбива ли ты?—Что сказало бы мое золотое дитя, если бы я могъ съ тріумфомъ ввезти въ Берлинъ, на шести бѣлыхъ коняхъ, первую женщину Германіи, высоко стоящую надо всѣми?

. . . Собственно, неслыханно глупо мучить себя несносною политикой, благомъ и страданіями другихъ людей! Это было хорошо, пока я былъ одинъ, и мнѣ нечего было дѣлать лучшаго—но теперь? Не долженъ ли я отказаться отъ всего, и мы уѣдемъ далеко, далеко, куда захочетъ моя повелительница, мое дитя, и будемъ жить только для нашего счастья, для нашихъ трудовъ и для немногихъ друзей?

ЕЛЕНА фонъ-ДЕННИГЕСЪ - ЛАССАЛЮ.

Ваберпъ, четвергъ вечеромъ 26 іюля.

. . . .

. . Теперь вы понимаете вашимъ чудеснымъ умомъ и вашимъ великолѣпнымъ, но милымъ мнѣ тщеславіемъ, какъ гласитъ мое рѣшеніе. Я хочу быть и буду вашею женою! Вы сказали мнѣ вчера вечеромъ: „Произнесите лишь разумное, самостоятельное Да—te feme charge du reste“. Хорошо, вотъ вамъ мое Да,—chargez vous donc du reste; я поставлю вамъ лишь два маленькихъ условія, et les voilà. Я хочу,—подумайте, дитя говоритъ я хочу—я хочу, чтобы мы испытали все, что въ нашихъ силахъ,—а въ вашихъ силахъ, мой прекрасный, демоническій другъ, лежитъ такъ неслыханно-много,—для того чтобы достигнуть нашей цѣли достойнымъ и разумнымъ образомъ; это значитъ: Вы пріѣдете къ намъ, мы попробуемъ расположить въ вашу пользу родителей такъ же, какъ... и получить такимъ способомъ ихъ согласіе! Если нѣтъ, если они останутся неумолимы, когда мы сдѣлаемъ все, что могли,—eh bien, alors tant pis!—тогда останется еще Египетъ Это—одно изъ моихъ условій. А вотъ другое: Я хочу и требую, чтобы затѣмъ все шло какъ можно быстрѣе. Ибо я могу, конечно, выдержать туманъ и дождь нынѣшняго утра и не заболѣть серьезно, но цѣлаго ряда такихъ напряженныхъ дней, и неопредѣленныхъ, мучительныхъ настроеній, какія я уже пережила, въ связи съ этимъ нашимъ дѣломъ,—этого, другъ мой, нервы мои не выдержатъ.—У меня есть еще причина торопиться—я не хочу, чтобы весь свѣтъ говорилъ о насъ и высказывалъ свое сужденіе о дѣлѣ, которое его не касается, и подвергалъ бы меня множеству сценъ, которыхъ можно отлично избѣжать. Если дѣло рѣшится такъ, какъ мы этого желаемъ, то они могутъ, сколько угодно, раскрывать рты и таращить глаза,—тогда опорой и защитой моей будете вы, Фердинандъ,—et je me mogue pas mal du reste du monde.—Я знаю, что препятствія, которыя намъ предстоитъ одолѣть, велики, огромны, но за то передъ нами огромная цѣль, а вы—исполинскій духъ, который съ Божьею помощью искрошитъ скалы въ песокъ и прахъ, который даже я смогу сдунуть моимъ слабымъ дыханіемъ. На мою долю останется труднѣйшее—я должна холодною рукою убить вѣрное сердце, пре-

данное мнѣ съ истинною любовью, должна, съ холоднымъ эгоизмомъ разрушить прекрасную грезу юности, которая, будучи осуществлена, должна бы составить счастье всей жизни благороднаго человѣка.—Повѣрьте, это будетъ стоить мнѣ страшныхъ усилій, но я **хочу этого теперь и, слѣдовательно, ради васъ буду и дурною**. Напишите мнѣ тотчасъ при первой возможности; ибо лишь тогда, когда я въ точности буду знать ваши планы и ваше твердое рѣшеніе, когда получу приказъ и желанія повелителя и господина, лишь тогда смогу я начать выполнять и мои планы!

Е. Д.

ЛАССАЛЬ—къ фрейлейнъ фонъ-ДЕННИГЕСЪ.

Мюнхенъ, 20 августа ? г.

Елена!

Пишу тебѣ въ смертельномъ отчаяніи. Телеграмма Рюстова поразила меня на-смерть. Ты, ты предаешь меня? Это невозможно! Я все еще не смогу повѣрить въ такое коварство, въ такую ужасную измѣну! Быть можетъ, твою волю временно склонили, сломили, сдѣлали тебя чуждою тебѣ самой; но немыслимо, чтобы то была твоя истинная, твоя прочная воля. Ты не могла отбросить отъ себя до такого крайняго предѣла всякій стыдъ, всякую любовь, всякую вѣрность, всякую правду! Ты обезславила и обезчестила бы все, что имѣетъ образъ человѣческій; ложью было бы всякое лучшее чувство; а если ты солгала, если ты способна достигнуть этой послѣдней ступени отверженности—нарушить такую священную клятву, разбить преданнѣйшее сердце, тогда подъ солнцемъ нѣтъ уже ничего, во что бы могъ еще вѣрить человѣкъ!

Ты исполнила меня жажды бороться за обладаніе тобою; ты потребовала, чтобы я испробовалъ сначала всѣ пристойныя средства, вмѣсто того, чтобы просто увезти тебя изъ Ваберна; ты давала мнѣ устно и письменно священнѣйшія клятвы и въ послѣднемъ твоемъ письмѣ еще заявляла, что ты—ничто, не что иное, какъ моя любящая жена, и что никакая сила въ мірѣ не удержитъ тебя отъ выполненія этого рѣшенія. И послѣ того, какъ ты крѣпко привязала къ себѣ вѣрное сердце, которое, отдавшись разъ, отдается навсегда, ты въ самомъ началѣ борьбы, черезъ какія-нибудь двѣ недѣли, съ насмѣшкою сбрасываешь меня въ пропасть, предаешь, убиваешь меня? Да, тебѣ могло удаться то, что не удавалось до сихъ поръ еще никому, ты могла бы сломить и убить крѣпчайшаго мужа, противостоявшаго до сихъ поръ всѣмъ бурямъ!

Этой измѣны я не вынесъ бы! Я былъ бы убитъ извнутри! Невозможно, чтобы ты была такъ безчестна, такъ безстыдна, такъ невѣрна своему

слову, такъ безусловно позорна и недостойна! Ты заслужила бы мою ужаснѣйшую ненависть и презрѣніе всего міра!

Елена! Это—не твое рѣшеніе, которое ты передала Рюстову. Его вызвали въ тебѣ, злоупотребивъ твоими добрыми чувствами! Ты стала бы всю твою жизнь—слушай, слушай, что я говорю—оплакивать его, если бы ты на немъ настояла.

Елена! Повѣрь моимъ словамъ „et je me charge du reste" и тому, что я сижу здѣсь и предпринимаю всѣ шаги, чтобы сломить сопротивленіе твоихъ родителей. У меня въ рукахъ есть уже превосходное средство, которое, навѣрное, не останется безъ дѣйствія. И если бы все это не привело къ цѣли, у меня въ запасѣ есть еще тысяча средствъ, и я сотру въ пыль всѣ препятствія, если ты останешься мнѣ вѣрна; ибо и моя сила, и моя любовь къ тебѣ имѣютъ предѣлъ: je me charge toujours reste! Борьба, вѣдь, едва началась, малодушная!

А пока я сижу здѣсь и уже достигъ невозможнаго, ты тамъ предаешь меня за льстивыя слова другого мужчины!

Елена! Судьба моя въ твоихъ рукахъ! Но если ты сломаешь меня этою мальчишескою измѣною, которой я не перенесу, то пусть падетъ на тебя мой жребій и мое проклятіе будетъ сопровождать тебя до могилы! Это—проклятіе вѣрнѣйшаго, разбитаго тобою сердца, которымъ ты постыдно играла. Оно разитъ вѣрно!

...Хочу и долженъ еще разъ переговорить съ тобою лично и наединѣ. Хочу и долженъ услышать мой смертный приговоръ изъ твоихъ устъ. Только тогда повѣрю тому, что кажется иначе невѣроятнымъ!

Я буду продолжать здѣсь дѣлать шаги къ завоеванію тебя, а затѣмъ пріѣду въ Женеву!

Мой жребій надъ тобою, Елена!

Ф. Лассаль.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСПАНІЯ.

„Казалось, въ этомъ уголкѣ міра колесо временъ остановилось. Какъ широкіе зѣвки, текли сѣрые и монотонные часы, дни, годы и вѣка, не оставляя слѣда, съ одинаковыми людьми, одинаковыми идеями, одинаковыми словами, одинаковыми вещами, съ безмолвіемъ рѣчного теченія и безжизненностью стоячихъ водъ. Неподвижность вѣчности царила надъ городомъ. Люди ходили вяло, не спѣша, медленно и важно, какъ будто всѣ работы у нихъ были сдѣланы, какъ будто всѣ велѣнія рока исполнились, какъ будто ничего другого въ ихъ жизни не оставалось, какъ ждать, вѣчно ждать.

„Иногда у дверей дома появлялась группа обывателей, потемнѣвшія отъ старости женщины, изъѣденные старостью мужчины и молчаливыя дѣти. Казалось, будто это чоелвѣческія тѣни разговаривали, по крайней мѣрѣ, двигали языками, и будто тайна города говорила ихъ устами. Но приближаясь къ нимъ, нельзя было ничего услышать: такъ тихо они говорили или не говорили вовсе. Они имѣли видъ усыпленныхъ, напоминали мертвецовъ, застигнутыхъ землетрясеніемъ въ самый сѣрый моментъ своей убогой жизни.

„Тайна Сантильяны [1]) такъ угнетала жителей, что всѣ они съ дѣтства привыкали къ молчанію, сдержанности, отчужденію отъ міра. Улицы были всегда пусты, дома казались необитаемы. Весь городъ производилъ впечатлѣніе пустоты, заброшенности, смерти.

„Старики раскладывали карты съ такой важностью, какъ будто дѣлали дѣло своей совѣсти, рѣшали судьбы человѣческія. Старухи безъ конца перебирали четки, повторяя Ave Maria...

„Эти добрые люди, дворяне и крестьяне, жили одною и тою-же жизнью, вставали въ одинъ часъ, ложились въ одно время, имѣли одинаковый кругозоръ, говорили одинаковыми словами, были, какъ часы, которые показывали одно и то же время. Они наслѣдовали свои профессіи и занятія. Сынъ былъ портретомъ отца и внукъ—воспроизведеніемъ дѣда. Даже любовь не имѣла нюансовъ. Нужда и обычай вели молодыхъ къ алтарю, и долгіе годы супруги жили въ теплѣ безупречной вѣрности,—медлительные и молчаливые, какъ ихъ коровы, съ тѣмъ же покорнымъ и печальнымъ

[1]) Старинный городъ на кантабрійскомъ побережьѣ, въ провинціи Сантандеръ или Монтанья.

взглядомъ меланхолическихъ глазъ... Эта горсть людей жила въ прошломъ; болѣе ста лѣтъ исторія шла мимо ихъ тихой долины.

„И хотя слова мое и твое давно были написаны и запечатлѣны кровью, но въ городѣ не было слишкомъ богатаго или бѣднаго.

„Тамъ не было „индѣйцевъ" [1]). Кто побывалъ въ Америкѣ и вернулся оттуда съ золотомъ, тѣ бѣжали прочь отъ этого кладбища, гдѣ деньги — лишнее бремя и суета, и поселялись въ веселыхъ и шумныхъ сосѣднихъ городахъ. Въ Сантильянѣ не было почти никого, кромѣ гидальго и крестьянъ, благородныхъ плебеевъ. Буржуазія была представлена учителемъ, аптекаремъ, хозяиномъ постоялаго двора, сакристаномъ. Слабое вліяніе ея лишь кое-гдѣ опошлило фасады старыхъ домовъ и строгій стиль улицъ, и, несмотря на это, Сантильяна производила цѣльное эстетическое впечатлѣніе геральдическаго сна, археологической реставраціи, вся въ гербахъ, девизахъ, эмблемахъ, щитахъ, копьяхъ и странныхъ фигурахъ...

„Рядомъ бурнымъ потокомъ неслась современная жизнь съ желѣзными дорогами, фабриками, заводами, рудниками; новые, бѣлые веселые города; широкія дороги, туннели, мастерскія, станціи, театры, электричество... Въ четырехъ шагахъ отъ всего этого Сантильяна спитъ, погруженная въ воспоминанія и вѣчную думу о смерти".

[1]) „Индѣйцами" въ Кантабріи называютъ эмигрантовъ, вернувшихся изъ Америки и обыкновенно привозящихъ оттуда крупныя сбереженія.

Такова обстановка, взятая К. Leon'омъ для своей новеллы Casta de Hidalgos,— заглавіе, которое я перевелъ бы только такъ: „Дворянское гнѣздо". Въ повѣсти все сводится къ внутренней жизни стараго дома, гдѣ доживаетъ послѣдніе свои дни суровый, никогда не улыбающійся, стараго закала гидальго и „не умѣющій жить" молодой сынъ его—все, что осталось отъ стариннаго дворянскаго рода. Черное пятно на темномъ фонѣ...

Когда молодой Хесусъ бѣжитъ изъ отчаго дома въ далекій и прекрасный міръ, о которомъ говорятъ ему его юношескія мечты и жажда жизни и случайная пѣсня, залетѣвшая въ окно его одинокой унылой кельи,—душа его уже отравлена дѣтствомъ, отягченнымъ „тайной Сантильяны", молчаніемъ, пустотой, обреченностью.

Мадридская жизнь представляется ему „погребальнымъ маскарадомъ", безрадостной вакханаліей разврата, порока, смраднаго трупнаго разложенія. И онъ бѣжитъ дальше, бѣжитъ изъ Испаніи. Въ Парижѣ онъ окунается въ жизнь космополитической богемы и эмиграціи. Не какъ радость, а тяжелымъ бременемъ трудныхъ испытаній приходитъ любовь къ русской дѣвушкѣ-революціонеркѣ. Смерть ея обрываетъ ихъ связь и уноситъ ихъ ребенка. Послѣ долгихъ и безцѣльныхъ, какъ уже кажется Хесусу, скитаній онъ возвращается больной, съ измученной душою, домой, къ отцу, еще болѣе далекому отъ него, еще болѣе чуждому и неприступному въ своей твердынѣ заживо умершаго прошлаго. Здѣсь онъ встрѣчается съ подругой дѣтства, Хуліаной, гордая и стра-

стная натура которой нашла за эти годы одиночества утѣшеніе въ экстатическомъ мистицизмѣ, единственномъ убѣжищѣ для испанской женщины въ пустынѣ ея одиноко-безрадостной жизни. Любовь сближаетъ эти двѣ молодыя души, но какая любовь для нихъ возможна?

— Я плачу,—говоритъ Хуліана,—потому что мое сердце болитъ, какъ отъ смертельной раны. Мнѣ страшно, Хесусъ, я боюсь, что ты умрешь въ грѣхѣ и проклятіи. А какъ я мечтала обратить тебя силою своей вѣры! Сколько разъ говорила я себѣ: „То, что не можетъ быть на землѣ, будетъ на небесахъ. Ты, что любила его, ты вдохнешь въ его душу огонь живой любви и приведешь его туда... Онъ будетъ твой тамъ, вверху,—такъ хочетъ Богъ!“ Съ тѣхъ поръ я ищу тебя, Хесусъ, и пытаюсь... Ты не хотѣлъ придти; ты не хотѣлъ отозваться на мой призывъ; ты отвѣчалъ насмѣшкой и издѣвательствомъ. Сегодня ночью твои слова превысили всякую мѣру ужаса и святотатства. Понимаешь ты мою боль? Нѣтъ? И ты еще спрашиваешь меня, почему я плачу?..

— Любовь моя! Хуліана! Святая Хуліана!

— Ахъ, я умру отъ страданія, если ты будешь такъ насмѣхаться.

— Я?!.. Смѣяться надъ тобой? Прежде небеса обрушатся на мою голову. Госпожа моя!.. Если горе твое такъ велико; если ты плачешь потому, что я не вѣрю такъ, какъ ты сама; если залогъ твоей любви христіанская вѣра,—клянусь тебѣ любовь моя клянусь, что я смирю духъ свой передъ алтаремъ, слезами смою свои грѣхи, кровью окрещу свою грѣшную плоть... вырву богохульствующій языкъ, вырву глаза и неблагородное сердце!.. Но дай мнѣ свою прежнюю любовь, дай живую любовь, которая сегодня зажгла твой взглядъ, твою память и сердце, душу и тѣло...

— Не говори о любви мертвой!

— До послѣдней минуты буду любить...

— Замолчи, ради Бога! Молись и жди.

— Господи!—молится Хесусъ.—Дай миръ моей душѣ!.. Душа моя идетъ къ ночи безконечности. Я разбитъ жизнью. Я ищу только хлѣба—любви и воды—покоя. Сжалься, Господи, дай мнѣ миръ, отдыхъ отъ труднаго житейскаго странствія.

— Услышь, Боже мой,—подхватываетъ горячо Хуліана,—услышь эту молитву страждущей души и пусть расцвѣтетъ она въ саду любви и вѣры, какъ бѣлая лилія...

Въ горячечныхъ сновидѣніяхъ Хесусу является Святая Хуліана, поражающая кинжаломъ дракона—его нечистую и дерзкую страсть. Онъ самъ чувствуетъ, что „не имѣетъ права“ на эту любовь. Но—„сонъ солгалъ: святая Хуліана, явившаяся ему во снѣ съ кинжаломъ въ карающей рукѣ, сдалась, побѣжденная мольбами дракона. Сонъ не сбылся: святая Хуліана сумѣла побѣдить врага, эта же бѣдная женщина—не святая, а грѣшница... Если любовь—грѣхъ, Господи, прости ее!“

Смерть завершаетъ „неумѣло прожитую“ жизнь Хесуса—смерть добраго христіанина, послѣднее утѣшеніе ото-

рвавшагося отъ прошлаго и не умѣющаго творить будущее испанскаго героя переходной эпохи: un buen morir honra toda la vida, т. е. хорошая смерть дѣлаетъ почтенною всю жизнь!.. Такъ возвращается Хесусъ въ лоно безмолвныхъ стоячихъ водъ Сантильяны, сливаясь съ ея миромъ покорныхъ и молчаливыхъ, какъ стебли травы, похожихъ другъ на друга обывателей. Борьба оказалась ему не подъ силу; онъ не сумѣлъ ничего создать внѣ той жизни, отъ которой бѣжалъ, онъ не сумѣлъ жить и не напрасно сравнивалъ себя съ послѣднимъ гренадскимъ королемъ Боабдильей, потерявшимъ королевство и услышавшимъ на знаменитомъ холмѣ „Вздоха Мавра" горькій упрекъ своей матери: «Плачь, какъ женщина, если не сумѣлъ быть мужчиной».

„Плачь, какъ женщина,—говоритъ себѣ Хесусъ—если не умѣлъ жить, какъ мужчина". Къ такому „женскому плачу" сводится весь лиризмъ той эпохи, къ которой принадлежитъ нашъ герой, самъ авторъ испанскаго „Дворянскаго Гнѣзда" и поэтъ Мануэль Мачадо. Надгробной поэмой для этихъ поколѣній останутся навсегда звучныя и печальныя строфы „Adolfos", стихотворенія М. Мачадо: „Моя воля умерла въ одну лунную ночь, когда было такъ прекрасно—не любить и не желать"...

Juan Martinez Ruiz, пишущій теперь подъ псевдонимомъ Azorin,—еще болѣе яркій и интересный представитель безвременья испанской общественности. Беллетристическое творчество его, повидимому, изсякло. Продолжаетъ онъ свою литературную дѣятельность, какъ присяжный публицистъ мадридской реакціонной и „сенсаціонной" газеты ABC. Въ этомъ своемъ качествѣ онъ представляетъ какъ бы простую репродукцію нашего нововременскаго М. Меньшикова. Ренегатство составляетъ основную черту психологическаго облика обѣихъ этихъ фигуръ, а въ литературномъ „талантѣ", въ полемическихъ пріемахъ и въ манерѣ бросать на газетный прилавокъ и представлять публикѣ чужой товаръ—сходство доходитъ до совершеннаго тождества. Азоринъ только и живетъ своею былой славой. Именно ренегатство придаетъ пикантность его нынѣшнимъ писаніямъ. Союзникамъ и врагамъ любопытно не то, что именно пишетъ Азоринъ, а то, что это написано тѣмъ самымъ Азориномъ, который сравнительно очень недавно началъ свою карьеру республиканскимъ журналистомъ и компрометировалъ своихъ тогдашнихъ политическихъ друзей грубыми анархистскими выходками, крайностями чисто-провокаціоннаго пошиба. Женоподобная, физіологически отталкивающая фигура его и тогда не была окружена ореоломъ симпатіи и атмосферой дружбы и довѣрія. Теперь это—раздобрѣвшій, франтоватый господинъ, въ неизмѣнномъ одиночествѣ и весьма рѣдко появляющійся въ публичныхъ мѣстахъ Мадрида.

Крупнѣйшее изъ его литературныхъ произведеній — книга, представляющая настоящую исповѣдь психическаго и моральнаго разложенія человѣческой личности—называется La Voluntad (Воля) и относится къ 1902 году. Какъ бы дополненіемъ къ ней или введеніемъ служитъ „Исповѣдь маленькаго философа"

(Las Confesiones de un pequeno Filosofo), написанная гораздо позже, въ 1909 году,—лебединая пѣснь Азорина-беллетриста, давшаго въ этомъ произведеніи одинъ изъ лучшихъ образчиковъ литературной кастильской прозы.

„Исповѣдь маленькаго философа" это—воспоминанія дѣтства и отрочества Азорина, проведенныхъ въ томъ самомъ городкѣ Jecla и въ томъ самомъ іезуитскомъ коллежѣ, которые кратко, но выразительно, перомъ, отравленнымъ ядомъ незабываемыхъ обидъ и насилій надъ дѣтской душою, описаны П. Барохой въ повѣсти Camino de Perfección.

Въ этихъ маленькихъ испанскихъ городкахъ—говоритъ авторъ—времени слишкомъ много, оно тянется безконечно и нѣтъ возможности чѣмъ-либо наполнить его, и, однако, тамъ всегда—поздно, слишкомъ поздно... Въ Іеклѣ—10 или 12 церквей; колокола звонятъ каждый часъ; медленно проходятъ крестьяне въ плащахъ, снуютъ взадъ и впередъ къ церковнымъ службамъ женщины въ черныхъ платкахъ; время отъ времени появляется печальная фигура, позванивающая колокольчикомъ и возвѣщающая, что кто-то изъ жителей скончался... Бѣдный городишко, гдѣ зимы такъ суровы и гдѣ почти не ѣдятъ!..

„Я сижу въ креслѣ, съ книгой на колѣняхъ... Мертвая тишина... Только тикаютъ часы. Входитъ фермеръ, говоритъ о градѣ и побитыхъ посѣвахъ, смотритъ въ землю, крутитъ бороду и со вздохомъ: „Эхъ, на все воля Божья!"—медленно удаляется. Опять тишина. Молчаніе. Съ улицы доносится звяканіе колокольчика и заунывный голосъ:

«— Сегодня, послѣ обѣда, въ четыре часа, погребеніе донъ-Хуана Антоніо!..

„Голосъ удаляется и затихаетъ. Тишина. Молчаніе. Входная дверь слегка и безшумно открывается. Показывается старуха въ черномъ, съ болѣзненнымъ, изрытымъ глубокими морщинами, лицомъ. Молится за всѣхъ покойниковъ семьи и въ заключеніе стонетъ:

«— Сеньора, милостыньку ради Господа Бога!

„Пауза и вздохъ: „Ой, Господи!.." Старые часы трещатъ, со стукомъ открывается въ нихъ дверца, маленькій уродъ высовывается въ отверстіе и кричитъ: ку-ку! ку-ку!..

«— Сеньора, милостыньку ради Господа Бога!

„Пауза и опять: „Ой, Господи!" И въ старыхъ часахъ съ репетиціей снова появляется маленькій уродецъ, символъ вѣчности и неизбѣжности, и повторяетъ: ку-ку! ку-ку!.."

Въ La Voluntad мы находимъ еще одну картину той-же провинціальной жизни, гдѣ „смерть одна, кажется, занимаетъ жителей":

„Похороны, похоронные герольды съ колокольчиками, заупокойныя мессы, погребальный звонъ. Мужчины, закутанные въ длинные плащи, вздохи и позы страдальческой резиньяціи. Женщины въ траурѣ, съ четками въ рукахъ, въ черныхъ платкахъ,—разговоры о смерти знакомыхъ и родственниковъ. Утрени, обѣдни, вечерни, религіозныя процессіи. Тоскливое и удушливое, все это давитъ насъ и заставляетъ думать каждую минуту (о, эти нескончаемо-долгія минуты провинціальной жизни!), думать о тщетѣ

всѣхъ стремленій, о томъ, что страданіе—единственно прочное на землѣ, что напрасны всѣ тревоги и порывы, потому что все-все,—люди и міры, красста и добродѣтель—должно умереть, обратиться въ ничто, какъ дымъ".

О чемъ и какъ говорятъ между собою здѣсь люди? Что даютъ они другъ другу?.. Старый священникъ настойчиво внушаетъ своей молодой воспитанницѣ Хустинѣ, которую любитъ Азоринъ, герой этой автобіографической повѣсти:

— Дочь моя, дочь моя! Жизнь печальна, страданіе вѣчно, зло неумолимо. Человѣчество погибаетъ въ отчаяніи и мукахъ, терзаясь постоянными разочарованіями.

Долгая бесѣда—все въ томъ-же духѣ—прерывается долгими молчаніями.

Юстъ, учитель Азорина, въ свою очередь и на свой ладъ, какъ свободомыслящій философъ, наставляетъ своего воспитанника:

— Все проходитъ! — говоритъ онъ.— Все мѣняется и умираетъ. Только универсальная субстанція остается, таинственная и непознаваемая...

И юный Азоринъ глухимъ голосомъ вторитъ:

— Все проходитъ... Кончится и время...

Юстъ и Азоринъ не были бы испанцами, если бы одной изъ главнѣйшихъ темъ бесѣдъ ихъ не былъ національный декадансъ, упадокъ Испаніи. Какъ просвѣщенный человѣкъ, Юстъ видитъ спасеніе въ матеріальной „европейской" культурѣ,—тоже печальная перспектива, потому что эта культура нивеллируетъ всѣ націи и убиваетъ всякую поэзію: „индустріализмъ убиваетъ искусство и даже ремесло, проникаетъ всюду и во все вноситъ шаблонъ; это необходимо, но—печально"...

«Но еще хуже то, что въ Испаніи всѣ толкуютъ о возрожденіи, всѣ хотятъ, чтобы испанскій народъ сталъ культурной, дѣятельной націей, но никто не идетъ дальше этихъ платоническихъ пожеланій. Всѣ кричатъ: «надо идти!..» И никто не двигается съ мѣста...

«Старики у насъ — скептики, а молодые не хотятъ быть романтиками. Романтизмъ, какъ беззавѣтная юность, обѣщающая плодотворную зрѣлость, былъ полонъ презрѣнія къ деньгамъ; теперь же надо наживаться во что бы то ни стало. Для наживы вѣрнѣйшее средство—политика, и политика уже успѣла изъ романтизма превратиться въ индустрію, въ фабрикацію денегъ. Всѣ мы взываемъ о возрожденіи, сознавая, что безнадежно увязли въ болотѣ ажіотажа, продажности и обмана"...

Общественная и государственная жизнь въ Испаніи представляется со времени американской войны писателями, учеными, поэтами, политическими дѣятелями и всѣми пишущими и говорящими испанцами безъ различія вкусовъ, убѣжденій и мнѣній, какъ болѣзненный процессъ гніенія и умиранія. Единственнымъ исключеніемъ во всей странѣ является въ каждый моментъ этого продолжительнаго періода человѣкъ, стоящій во главѣ правительства, т. е. предсѣдатель совѣта министровъ. Но стоитъ ему освободиться отъ этого положенія, обязывающаго къ оптимистическимъ декларааціямъ, какъ и онъ присоединяется къ

обще-національному хору плакальщиковъ и обличителей... Столь же единодушны всѣ испанцы, отъ рабочаго-соціалиста до министровъ и ех-премьеровъ, въ указаніи на основную причину національныхъ, экономическихъ, политическихъ, соціальныхъ и даже моральныхъ бѣдствій; таковой почитается въ Испаніи кацикизмъ или режимъ олигархіи и кулачества, упраздняющій законы и элементарнѣйшія основы общественности и государственнаго развитія.

Въ La Voluntad авторъ иллюстрируетъ все это коротенькой басней о попыткѣ протеста противъ злоупотребленій въ „Нирваніи".

Педро, Хуанъ и Пабло, взбудораженные горячей проповѣдью дона-Антоніо Честнаго (вѣроятно, имѣется въ виду Х. Коста), отправились искать правды и помощи у власть имущихъ людей. Они начали съ ех-министра, грустнаго, ласковаго, разочарованнаго скептика (портретъ либеральнаго ех-премьера С. Марета), который долго и краснорѣчиво толковалъ имъ о необходимости снисходительности, терпимости и вниманія къ „объективнымъ условіямъ". Другой глава большой политической партіи (повидимому, консервативный ех-премьеръ Маура) сталъ на точку зрѣнія историческаго детерминизма и охраны пріобрѣтенныхъ—независимо какими путями—правъ. Окончательно вразумилъ протестантовъ соціологъ остроумной лекціей о необходимости „кацикизма", какъ послѣдней скрѣпы умирающей и распадающейся націи...

Такимъ образомъ, испанскому декадансу европейскій прогрессъ противопоставляется, какъ мѣщанская культура, какъ „варварство", по выраженію другого персонажа, тоже вѣрящаго въ этотъ прогрессъ и даже въ народные университеты и скорбящаго въ то-же время о вырожденіи человѣчества. Ясно, что здѣсь нѣтъ мѣста ни для энтузіазма, ни для „романтизма", о которомъ говоритъ Юстъ. Самъ Юстъ, больной и на склонѣ лѣтъ, ищетъ утѣшенія въ искусствѣ, но оказывается, конечно, что и „искусство печально". «Оно синтетизируетъ разочарованіе безплодныхъ порывовъ или еще худшее разочарованіе порывовъ, достигшихъ цѣли!»—съ убійственнымъ для самого себя остроуміемъ заявляетъ онъ. «А посему,—умозаключаетъ онъ, окончательно возвращаясь къ инквизиціонной іезуитской премудрости, — зломъ является и умъ: понимать—значитъ отчаиваться, наблюдать—значитъ жить, а жить—значитъ чувствовать смерть, чувствовать стремленіе всего нашего существа и окружающихъ вещей въ таинственный океанъ небытія...»

Словомъ, какъ говоритъ старый священникъ, жизнь—несчастіе, страданіе вѣчно и т. д. Кругъ замыкается—и Азорину въ центрѣ его нѣтъ выхода, какъ скорпіону, окруженному цѣпью раскаленныхъ углей.

Мы видѣли, какъ вырождается въ такой жизни и любовь, приходящая не какъ весенняя гроза и заря новой жизни, а какъ хилое, больное, изнурительное страданіе. Азоринъ любитъ Хустину, но „любитъ ли онъ ее, онъ и самъ не знаетъ... Можно сказать—да. Но это нѣчто вродѣ головной любви, неопредѣленное и туманное стремленіе, време-

нами приходящее и вновь исчезающее". Скорѣе всего оно поддерживается и разжигается сопротивленіемъ стараго священника, блюстителя цѣломудрія Хустины. Именно такъ любятъ герои современнаго испанскаго романа—яркая черта физическаго вырожденія испанскаго общества, въ которомъ феодально-дворянскій декадансъ не уравновѣшивается буржуазнымъ „возрожденіемъ" или обновленіемъ.

Азоринъ ищетъ совѣта и утѣшенія у ректора іезуитскаго коллежа, высокообразованнаго отца Ласалода. И вновь слышитъ успокоительныя рѣчи о томъ, что „все—суета и ничтожество", что „горе всегда будетъ съ нами" и что, къ счастью, земля—лишь краткій переходъ къ вѣчности"...

Азоринъ рѣшается „искать" дальше—въ Мадридѣ. Хустина же, убѣжденная въ томъ, что ея любовь къ Азорину—смертный грѣхъ, спасается въ женскій монастырь французскихъ монахинь. Такимъ образомъ разсчиталась съ жизнью она; „ея воля умерла", какъ говоритъ авторъ, ибо, дѣйствительно, здѣсь все дѣло сводится къ убійству воли, къ самоубійству заживо. Рѣдко можно встрѣтить такую яркую картинку монастырскаго житія, какъ въ этой книгѣ будущаго поборника католицизма, іезуитовъ и монастырей.

Въ Мадридѣ продолжается „умираніе воли". Азоринъ укрѣпляется въ пессимизмѣ, личность его быстро разлагается. Онъ „былъ журналистомъ-революціонеромъ и видѣлъ революціонеровъ въ тайномъ и выгодномъ союзѣ съ „эксплуататорами"; писалъ въ реакціонныхъ газетахъ и наблюдалъ въ этомъ лагерѣ непобѣдимый страхъ нечистой совѣсти передъ революціонерами. Въ результатѣ Азоринъ ни во что не вѣритъ и никого не уважаетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, трехъ или четырехъ изъ извѣстныхъ ему людей"...

Онъ „думаетъ о горькой, ненужной и идіотской эволюціи міра къ небытію". Онъ ѣдетъ въ Толедо (такъ-же, какъ Фернандо въ „Пути къ совершенству" Барохи) и убѣждается тамъ въ томъ, что „что бы ни говорили объ испанской веселости, а на свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе унылаго и печальнаго, чѣмъ Испанія".

«— Наконецъ,—спрашиваетъ онъ себя,—къ чему Воля? Почему—Дѣйствіе, а не Покой? Я не могу работать,—для чего работать? Жизнь—нелѣпость, жизнь—зло, надо бы истребить человѣчество! Я не могу писать. Я не могу ничего сильнаго, веселаго, радостнаго. Хочется только плакать о томъ, что я—ничто, что я исчезну въ океанѣ матеріи, какъ дымное пятно въ голубомъ небѣ...»

Эпилогъ напоминаетъ Обломова,—обломовскіе и „лишне-человѣческіе" мотивы неизмѣнно повторяются въ испанской беллетристикѣ. Азорина женитъ на себѣ сварливая и здоровенная Илюминада, превращающая его въ свое домашнее животное. Забыта литература, забыта прежняя жизнь и всѣ тревоги и исканія. Азоринъ превращается въ „Антоньико", котораго знають только подъ именемъ „мужа Илюминады". Онъ ходитъ за женою въ церковь, повторяетъ за нею слова молитвы, она ставитъ его на колѣни и поднимаетъ, если онъ зазѣвается... Ста-

рый знакомый, посѣтившій его домъ, застаетъ Азорина пьющимъ и разглаживающимъ подъ наблюденіемъ супруги „штандартъ“ для религіозной процессіи въ мѣстечкѣ.

„50 лѣтъ назадъ,— такъ заключаетъ Рюисъ-Азоринъ свою повѣсть,—открылся у насъ іезуитскій коллежъ братьевъ „эскулапіевъ“ (Esculapios) и принесъ совершенное разореніе городу. До 1860 г. мелкіе землевладѣльцы посвящали своихъ сыновей сельско-хозяйственному труду; послѣ этого года—баккалорату. Это казалось дешево. это не стоило денегъ: добрые эскулапіи безплатно посвящали дѣтей земледѣльцевъ въ профессію болѣе благородную, чѣмъ занятіе ихъ отцовъ.

„И этихъ пятидесяти лѣтъ было достаточно, чтобы создать во всемъ городѣ атмосферу параличной инертности. полнаго отсутствія энергіи и инаціативы. У земли оставались худшіе, наименѣе способсобные; аристократія прокутилась; земельная буржуазія пустилась въ погоню за синекурами на всѣхъ ступеняхъ праздной бюрократической іерархіи“.

Въ своемъ антиклерикальномъ рвеніи будущій клерикалъ и реакціонеръ упрощаетъ дѣйствительность: въ открытіи іезуитскаго коллежа не весь секретъ декаданса маленькаго городка Іеклы. Но ближайшее звено въ длинной и сложной цѣпи причинъ и слѣдствій указано вѣрно.

Не имѣющая большихъ художественныхъ достоинствъ. но чрезвычайно живо написанная новелла П. Алалы „A. M. D. G.“ (Ad majorem Dei gloriam) чрезвычайно живо рисуетъ внутреннюю жизнь іезуитскихъ коллежей. Вышедшая два года назадъ книга эта произвела сенсацію, явившись для Испаніи чѣмъ-то вродѣ „Очерковъ бурсы“ Помяловскаго.

Іезуитская бурса со своей утонченностью не только количественно вреднѣе, чѣмъ спеціально-духовно учебныя заведенія, но и качественно опаснѣе. Нельзя безъ содроганія читать страницы, описывающія сладострастное мучительство безотвѣтныхъ дѣтей воспитателями. Чего стоитъ одинъ патеръ-педагогъ (книга заключаетъ исключительно воспоминанія автора о его собственныхъ школьныхъ годахъ), заставлявшій мальчиковъ переползать на животѣ поперекъ класса и лизать полъ, пока языкъ у жертвы опухалъ и изъ него шла кровь? Неизмѣннымъ фономъ для такого рода сценъ служитъ мертвенный холодъ бездушной дисциплины и душевнаго одиночества.

Съ внѣшней стороны іезуитскіе коллежи въ Испаніи повторяютъ типъ коллежей, руководимыхъ іезуитами во Франціи, Бельгіи, въ Италіи и даже въ Англіи: та же архитектура; тѣ-же учебные планы; та-же регламентація внутренняго обихода по тюремному образцу съ дѣленіемъ на три „бригады“ сообразно возрасту воспитанниковъ, съ учеными диспутами натасканныхъ малолѣтнихъ философовъ о Кантѣ и Дарвинѣ, съ двумя лагерями „римлянъ“ и „карѳагенянъ“, ведущихъ между собою борьбу за учебныя отличія, за чины императоровъ, центуріоновъ, бригадировъ —въ интересахъ возбужденія соперничества и самолюбій; та же система взаимнаго подглядыванія и наушничества, съ подборомъ „фискаловъ“ изъ среды наиболѣе

гибкихъ и покладистыхъ характеровъ; та же система каръ, съ излюбленнымъ битьемъ линейкой по пальцамъ („palmas", по испански); тотъ-же, наконецъ, педагогическій методъ благоволенія къ любимчикамъ и устрашенія строптивыхъ.

Однако, въ испанской чистотѣ іезуитская воспитательная практика не сохранилась и во Франціи,—не говоря объ Англіи, гдѣ весь этотъ педагогическій регламентъ только и держится уступками родителямъ и послабленіями ученикамъ. Тамъ мальчиковъ даже съ постели поднимаютъ на 1/2 часа позже, чѣмъ въ Испаніи; всѣ три „бригады" находятся въ общеніи между собою, тогда какъ въ Испаніи безусловно воспрещается мальчикамъ разныхъ бригадъ, даже роднымъ братьямъ, говорить другъ съ другомъ. Тамъ и наказанія ограничены, и, когда самыя основы дисциплины ломаются юношескими порывами, отцы іезуиты улаживаютъ конфликты не грознымъ мщеніемъ, а деликатной и мудрой уступчивостью.

Основу педагогической системы, описываемой П. Апалой и другими, составляетъ убѣжденіе въ томъ, что отъ природы человѣкъ порочень, золъ, преступно гордъ, склоненъ къ бунту и разврату и поддается только силѣ страха и принужденія. Отсюда послѣдовательно выводится система мѣръ, необходимыхъ для воспитанія, идеалъ котораго—смиренный и вѣрный сынъ католической церкви.

Этотъ идеалъ понимается одними, какъ презрѣніе къ земной жизни и устремленіе къ церковнымъ добродѣтелямъ; другими—какъ обезпеченіе земного владычества самихъ отцовъ-іезуитовъ; третьими—какъ единственная гарантія порядка въ стадѣ людей-животныхъ, осужденныхъ жить въ рамкахъ слѣпого, рабскаго подчиненія большинства „скотовъ" меньшинству избранныхъ „сверхъ-человѣковъ".

Для успѣшной карьеры іезуитская дрессировка считается въ Испаніи необходимой. Когда же мальчики выходятъ изъ коллежа совершенно неспособными къ труду, болѣзненно безвольными неврастениками, занятыми исключительно запретными дотолѣ наслажденіями, т. е. кутежомъ и развратамъ, опускаясь съ каждымъ мѣсяцемъ ниже и ниже,—родители (и публицисты, какъ Азоринъ) проклинаютъ ихъ, и свою расу, и свою страну, гдѣ все—обманъ и распутство подъ тонкимъ слоемъ внѣшняго лоска.

«Изъ моихъ товарищей по коллежу,—пишетъ П. Апала,—одинъ умеръ отъ паралича; другой—алкоголикъ; двое сошли съ ума; пятеро погибли отъ туберкулеза; одинъ (наименѣе благочестивый) открылъ домъ терпимости; одинъ—убился при бѣгствѣ изъ коллежа; одинъ, замученный палачомъ-іезуитомъ, заболѣлъ падучей; одинъ—самъ сдѣлался іезуитомъ и одинъ—дѣлаетъ карьеру, быстро приближаясь къ власти...»

Точно такія же воспоминанія у Піо Барохи. Фернандо, герою его романа „Camino de perfeccion", школьная жизнь представляется тюрьмой, рядомъ пытокъ, вѣчнымъ страхомъ—„школой пороковъ". «Въ этомъ коллежѣ (въ городкѣ Іекора),—говоритъ Бароха,—родилась моральная анемія Іекоры, вся эта куча мелкихъ касиковъ (кулаковъ), порочныхъ поповъ,

алчныхъ ростовщиковъ и праздныхъ людей, проводящихъ всю жизнь въ казино съ папиросой въ зубахъ. Этотъ коллежъ, похожій на казарму, хваталъ молодыхъ людей слабой, больной, жалкой расы и выбрасывалъ ихъ въ жизнь отупѣвшими, фанатизированными идіотами: добрыхъ—трусами и кретинами; злыхъ—лжецами, мошенниками, негодяями и всѣхъ безъ исключенія—развращенными до мозга костей"...

Герой Барохи самъ считаетъ себя жертвой испанскаго воспитанія. Бароха, Апала и Азоринъ, какъ показываютъ эти строки, повторяютъ другъ друга даже въ формѣ изложенія общей своей мысли. Это особенно подчеркиваетъ значеніе ея. Нѣтъ сомнѣнія, что испанскій „декадансъ" не только исторически, но и въ бытовомъ отношеніи тѣсно связанъ съ іезуитскимъ владычествомъ. Но если логически раздвинуть рамки этого положенія, то придется указать на то, что въ Каталоніи или въ Бискайѣ жизнь движется бурно и стремительно впередъ, разбивая и переливаясь черезъ плотину клерикализма, и что рядомъ съ господствомъ іезуитовъ и прочей монашеской братіи зіяетъ пустота, порожденная такъ наз. „абсентеизмомъ" третьяго сословія. И придется, быть можетъ, признать, что испанскій декадансъ есть ничто иное, какъ процессъ разложенія феодально-крѣпостнической, дворянско-мужицкой монархіи, затянувшійся на долгіе вѣка, но—затянувшійся въ значительной степени благодаря именно усиліямъ іезуитско-католической реакціи, ведущей свое генеалогическое древо отъ черносотенныхъ церковныхъ соборовъ, воспрещавшихъ пользованіе банями, и отъ черносотенныхъ погромщиковъ, искоренявшихъ мавровъ, евреевъ и протестантовъ.

Бароха, Апала, Азоринъ—беллетристы, у которыхъ сильно бьется публицистическая жилка; они трое и занимаются частной публицистикой: Бароха—въ умѣренномъ, на манеръ французскаго Temps, El Impariial, Апала—въ радикальномъ. Heraldode Madrid, и Азоринъ—въ реакціонно-клерикальномъ ABC.

Леонъ же—„чистый" художникъ. Онъ не подчеркиваетъ вліянія церкви, не обличаетъ іезуитовъ. „Тайна Сантильяны" у него не расшифрована, не упрощена, и тѣмъ характернѣе у него и траурно-религіозный мистицизмъ главныхъ персонажей повѣсти, и опредѣленное указаніе на вышеупомянутый „абсентеизмъ третьяго сословія". Классическимъ же описаніемъ современной испанской провинціи—не такого островообразнаго, какъ Сантильяна, уголка старой Испаніи среди Испаніи новой, а всей почти центральной Испаніи,—останется „Сѣрый городъ" каталонскаго писателя С. Русиньоля.

Въ спокойномъ ироническомъ тонѣ Русиньоль ведетъ повѣствованіе о временномъ искусѣ своего провинціальнаго житья „на отдыхѣ". Методически и точно, во всѣхъ подробностяхъ, описываетъ онъ жизнь провинціальнаго городишки—и постепенно становится страшнѣе слушать его, чѣмъ трагическаго Бароху или надломленнаго Азорина; Русиньоль какъ будто еще глубже чувствуетъ черную бездну обывательскаго небытія, поглощающую жизненную энергію цѣлой націи.

„Городокъ, въ которомъ я поселился --

разсказываетъ Русиньоль,—былъ ни то, ни се, какъ столь многіе другіе города, встрѣчающіеся у насъ тамъ, гдѣ есть частная для обработки земля, церковь для богослуженій, дорога для передвиженія справо налѣво и слѣва направо и кладбище для ищущихъ дорогу смерти, единственно ведущую прямо къ цѣли.

«Мимо шла, кромѣ шоссейной, еще и желѣзная дорога, но такъ, что и она сама не подозрѣвала о существованіи нашего города, и обыватели наши забывали о томъ, что гдѣ-то, тамъ, есть станція, гдѣ останавливаются почти всѣ поѣзда и откуда всѣ они поспѣшно убѣгаютъ дальше; гдѣ не звонятъ звонки и гдѣ у локомотива не хватаетъ любезности посвистѣть ради станціи послѣдняго разряда, протянувшейся между полемъ и жалкими деревцами для отмѣтки такого-то километра и для жительства стрѣлочника съ его женою, дѣтьми и огородомъ, и бѣднаго начальника станціи, неповиннаго ни въ чемъ пожилого человѣка, проводившаго свою одинокую однообразную жизнь въ поглядываніи на часы, въ сниманіи и надѣваніи сюртука.

«На разстояніи четверти часа ходьбы отъ станціи возвышался придорожный крестъ, наполовину — готика, наполовину — ренессансъ, наполовину—истлѣвшій, наполовину—поломанный, съ тремя ступеньками, кучей камней и кустиками выжженной и потоптанной травы. Дальше—солнце, падавшее съ неба въ безмѣрномъ изобиліи, какъ милосердіе Божье... Пыль и—еще пыль, и опять солнце. Затѣмъ два ряда пыльныхъ и тощихъ тополей; еще пыль, еще очень много пыли,—и посреди настоящей пыльной тучи нѣчто, казавшееся сдѣланнымъ изъ сучьевъ и глины, съ двумя человѣками около. На головахъ этихъ людей были грязныя, украшенныя галунами фуражки; у нихъ были безобразныя лица съ нафабренными и опять-таки пыльными усами...

Затѣмъ начинался городъ — городъ, который еще собственно не былъ городомъ. Дома—всѣ одинаковые, всѣ въ одинъ этажъ, всѣ пожелтѣвшіе отъ дыханія солнца и пота дороги, всѣ похожіе другъ на друга, съ пескомъ внутри входныхъ порталовъ, съ мусоромъ, выбрасываемымъ на песокъ, и ослѣпительно бѣлой дорогой между домами, бѣлой и сѣрой, какъ паръ изъ котла съ известью. Никого не было видно; окна были закрыты; дѣти должны были быть на заднихъ половинахъ; собаки забирались въ тѣнь песочныхъ кучъ, зѣвая и то закрывая, то открывая глаза. И единственный звукъ, который можно было услышать при въѣздѣ, былъ звукъ, постоянно нарушающій тишину маленькихъ спокойныхъ селеній, это—заглушенный звонъ наковальни, какое-то летаргическое звяканье, столь меланхолическое, возбуждающее такое сильное желаніе не въѣзжать въ городъ, а бѣжать отъ него какъ можно скорѣе и какъ можно дальше; этотъ звонъ казался молитвеннымъ звономъ работы, angelus'омъ труда, біеніемъ пульса, отсчитывающимъ остающіяся минуты жизни, работы и усталости.

Дорога съужалась, приближаясь къ центру. По обѣ стороны ея появлялись улицы, и городъ—съ немного большими домами, съ жалюзи, съ балконами и даже съ кое-какими лавками—становился уже до извѣстной степени городомъ.

Еще дальше—и мы на большой улицѣ. То же самое шоссе, еще болѣе съузившись, превращалось въ Большую улицу. Она была не многимъ оживленнѣе, чѣмъ прочія, но тамъ было нѣчто, наводившее на мысль о мостовой, тротуары, фонари черезъ каждые два угла и болѣе дюжины акацій, жившихъ за рѣшетками, похожими на курятники, съ зелеными метелками, создававшими пріятное сельское настроеніе и дававшими пятна тѣни у лавочныхъ входовъ. Здѣсь, какъ въ самомъ центральномъ пунктѣ, находились лучшія лавки.

Оставляя позади этотъ палладіумъ прогресса, улица снова превращалась въ шоссейную дорогу. По пути находилась довольно, а если угодно, то и слишкомъ обширная площадь, съ арками, съ солнечными часами, съ парой балконовъ и источникомъ воды настолько текучей, насколько этого можно было требовать при данныхъ обстоятельствахъ; но ни текучесть этой воды, ни зданіе городской думы, ни даже табачная лавка не сообщали ей ни малѣйшаго оживленія. Площадь была мертва: на ней было слишкомъ много солнца, слишкомъ много сухой травы и слишкомъ много—площади. Старожилы никогда не видѣли ее занятою публикой, а пріѣзжій наблюдатель не только не видѣлъ ее заполненной людьми, но и не чувствовалъ ни малѣйшей охоты содѣйствовать ея заполненію. Онъ бѣжалъ прочь въ поискахъ улицъ болѣе интимныхъ, болѣе веселыхъ или болѣе печальныхъ и—увы!—не находилъ ихъ. Всѣ онѣ были полуулицы: не широкія и не узкія, не старыя и не новыя, не древнія и не современныя, ни со свѣжестью молодости, ни со слѣдами старости. Ничего!.. Городъ былъ, какъ всѣ подобные ему: симметриченъ; не то, чтобы молодъ, но и не старъ; холоденъ, голъ, антиклерикаленъ и муниципаленъ; онъ былъ, пожалуй, и не безплоденъ. Но никогда не цвѣлъ, этотъ, вѣрнѣе всего, недозрѣвшій городъ, въ которомъ я долженъ былъ посредствомъ спокойствія лечить свои нервы.

А церковь?.. Церковь была въ такомъ же стилѣ, что и площадь,—болѣе административномъ, чѣмъ архитектурномъ: обширный амбаръ для храненія алтарей, но не для мистическихъ настроеній. Входъ представлялъ пещеру въ грудѣ навороченныхъ камней и цоколей для колоннъ; алтари — кучи позолоченнаго дерева, съ фигурами святыхъ наверху; стѣны были оштукатурены, потолокъ былъ еще больше оштукатуренъ, чѣмъ стѣны; окна пропускали казенный бѣлый свѣтъ, какъ витрины въ мануфактурныхъ лавкахъ, въ банкахъ и въ больницахъ.

Что касается остального, то, кромѣ кладбища, болѣе достойнаго этого имени, чѣмъ какое-либо другое, кромѣ зданія городской думы, заброшеннаго и запыленнаго, потому что никто не заботится о домѣ, о которомъ заботятся всѣ, кромѣ городского архива, т. е. крысинаго питомника, разсадника пауковъ и мѣста пытокъ одинокихъ, добродушныхъ, меланхоличныхъ и любознательныхъ маніаковъ, иногда попадавшихся въ немъ; кромѣ бойни, одной изъ наименѣе кровопролитныхъ — не изъ-за добродѣтели и милосердія обывателей, конечно, а изъ-за недостаточнаго потребленія; кромѣ

народнаго училища, одного изъ наименѣе посѣщаемыхъ—и тоже не изъ-за добродѣтели, а въ силу недостаточной любви къ просвѣщенію; кромѣ пары казино, т. е. двухъ политическихъ курятниковъ съ залами для публичнаго спанья и для питья кофе, болѣе или менѣе густого въ зависимости отъ директивъ партійныхъ,—кромѣ этихъ достопримѣчательностей, не было никакихъ другихъ въ этомъ благополучномъ городѣ. Все остальное, впрочемъ, было въ такомъ же духѣ, какъ и предыдущее.

Городъ былъ —говорю я—какъ всякій другой; безъ прошлаго, съ весьма скуднымъ настоящимъ, и я не скажу—„безъ будущаго", только потому, что не занимаюсь составленіемъ гороскоповъ. Одинъ изъ многихъ, подобныхъ ему, онъ вносилъ свою частицу въ нормальную жизнь нашей планеты, забавную или печальную, серьезную или веселую—смотря, съ какой стороны на нее смотрѣть. Онъ имѣлъ за собою достаточно несомнѣнныхъ аттрибутовъ: солнце, пыль, работа, смерть; много подверженныхъ сомнѣнію, какъ дождь, счастье, веселье и жизнь, и одинъ вѣчный и неизмѣнный—лѣнь, блаженная, беззавѣтная лѣнь, сладчайшій покой фаталистическаго ожиданія, вмѣстѣ съ благословенной скукой, которая мало того, что нагоняетъ сонъ, но и самый сонъ дѣлаетъ сномъ въ квадратѣ, и самую жизнь превращаетъ въ сновидѣніе.

Черезъ нѣкоторое время отдыха и спокойствія въ этомъ мѣстѣ разсказчикъ дошелъ до того, что „уже не могъ передвигать ноги и поддерживать голову, объясняя знаками и только такими, которые не требовали рѣзкихъ тѣлодвиженій; слушалъ въ казино разсужденія о политикѣ и не бѣжалъ прочь; научился смотрѣть на игру въ карты, не умѣя играть; вытаскивалъ стулъ на солнцепекъ и отдавался въ пищу мухамъ; зѣвалъ и спалъ передъ ѣдою и послѣ ѣды, спалъ, гдѣ попало—въ церкви, за обѣдомъ, на столѣ, на клавишахъ разбитаго піанино и даже въ кровати, что было все равно, что спать на камняхъ". Встревоженный этимъ своимъ состояніемъ, авторъ отправляется къ мѣстному врачу и объясняетъ ему свою болѣзнь.

— Видите ли, — объясняетъ врачъ,— вотъ уже 20 лѣтъ, какъ я живу здѣсь, и вотъ уже 18 лѣтъ, что я боленъ тѣмъже, что и вы. Два года я сопротивлялся этому, въ силу моей спеціальности, но на третій — сдался. Пріѣхалъ я сюда, сдавши экзамены—и лишь на короткое время. Мнѣ все было дико и чуждо. По прошествіи года я обжился. Однажды, вовсе того не желая и не предполагая, изъ лѣни отказываться, я согласился жениться—законнымъ бракомъ и на всю жизнь.

— Однако!..

— Да, сударь, на всю жизнь,—зѣвая, продолжалъ врачъ:—съ того дня болѣзнь меня побѣдила. Я ѣлъ, спалъ, лежалъ и лишь изрѣдка ходилъ къ больному...

— Что же мнѣ дѣлать, докторъ?

— Спокойной ночи... Если еще можете, удирайте отсюда. Здѣсь человѣкъ долженъ обрабатывать землю; иначе земля обрабатываетъ его...

Кончаетъ Русиньоль свою книгу такъ: „Все живое въ этомъ городѣ спало.

Спали за работой, спали на молитвѣ, спали наяву, спали плача, спали въ церкви предъ лицомъ Господа, спали передъ людьми и въ полуснѣ являлся вопросъ: стоитъ ли желать разбудить ихъ? Надо ли будить ихъ?—Надо ли расталкивать ихъ души? Кто знаетъ, не лучше ли, чтобъ они спали?! Не правы ли они?.. Кто знаетъ, стоитъ ли подниматься на зарѣ жизни, чтобы такъ скоро встрѣчать ночь! И кто знаетъ, не спимъ ли мы всѣ, какъ и они, и каково будетъ наше пробужденіе?..

„Кто знаетъ эту тайну? Вѣрно только то, что городъ живыхъ возбуждалъ жалость, а кладбище со своими мертвецами не возбуждало ничего; что тѣ, которые ходили по полямъ, даже весною, даже по цвѣтамъ, внушали больше сожалѣнія, чѣмъ перенумерованные покойники; что городъ живыхъ, сѣрый и спящій посреди равнины, заставлялъ думать о смерти, о неминуемой, близкой смерти больше, чѣмъ тѣ, что уже были похоронены на вѣки".

Такова центральная коренная Испанія, окруженная узкой полосой прибрежной полосы. гдѣ зарождается новая жизнь, о которой говоритъ Р. Леонъ и въ которой находитъ спасеніе герой П. Бароха—тоскующій мадридскій неврастеникъ, переселяющійся къ морю. Таковы и коренныя кастильскія провинціи, исторія которыхъ до сихъ поръ была исторіей Испаніи и декадансъ которыхъ есть декадансъ Испаніи. Это—сердце страны, усталое, больное, слабое сердце, которое медленно замираетъ и уже не въ состояніи справиться съ здоровымъ и обновляющимся на периферіи организмомъ.

Таковы контрасты Испанія.

Вѣчно пустынное, вѣчно безоблачное, безжалостно пылающее небо—вверху. Безводныя равнины, выжженныя солнцемъ,—внизу. Нѣмое кольцо однотонныхъ горизонтовъ. Мертвыя пыльныя дороги, не оставляющія ничего назади, не обѣщающія ничего впереди. Молчаніе и одиночество. Печаль, которую некому ощутить, безысходная грусть, не находящая пріюта въ человѣческомъ сердцѣ, какъ медлительная черная птица, пересѣкающая пустыню неба надъ пустыней степей, не находитъ ни единаго дерева, на которомъ могла-бы отдохнуть и перевести дыханіе.

Гдѣ-то за этими отлогими горизонтами и пустынными далями высятся горныя цѣпи со снѣжными вершинами, а за ними цвѣтущіе берега спускаются къ лазури морскихъ волнъ. Тамъ жизнь, веселье, радость. Тамъ кипитъ лихорадочная суета промышленной Каталоніи и мощно грохочетъ тяжелымъ стальнымъ молотомъ каталонская культура. Тамъ, въ горахъ, омываемыхъ океаномъ, предпріимчивый галисіянинъ на своемъ непонятномъ для кастильца португальскомъ языкѣ прощается съ родиной—Галисіей, а не Испаніей—и отправляется искать счастья за океанъ. А за нимъ слѣдуетъ удалой астуріанецъ съ пѣсней, обращенной къ матери, царицѣ - Правіи (Pravia Soberana), и пѣсню его будитъ родное горное эхо долгимъ, полнымъ тоски и отваги, призывомъ. Тамъ непреклонный баскъ укрощаетъ стихіи, взрываетъ горы, оковываетъ мостами пропа-

сти и царствуетъ на землѣ и на морѣ, слагая на странномъ нарѣчіи своемъ торжественные, какъ солнечные закаты въ горахъ, гимны. Тамъ, на восточномъ побережьѣ, валенсіанцы, потомки грековъ и италійцевь, опьяненные ароматами цвѣтовъ и яркостью красокъ пышной природы, поютъ сладкіе романсы и ведутъ античные хороводы; юноши и дѣвушки, убранные лентами и вѣнками, танцуютъ съ пандереттами въ рукахъ,—и нѣжный и пылкій валенсіанскій говоръ таетъ въ томительно благоухающихъ апельсиновыхъ рощахъ. Тамъ страстью дышитъ объятая жгучими солнечными днями и влюбленными въ землю синими ночами Андалузія; льется подъ звонъ гитары любовный стонъ мавританской „севильяны“ и кружится напоенная жаромъ южной крови и южнаго вина „малагенья“.

Здѣсь, въ Кастильѣ, въ Аррагонѣ, въ Леонѣ, въ Ла-Манчѣ, — молчаніе, одиночество, мертвые просторы, обреченность пожираемыхъ то лютымъ зноемъ, то ледянымъ холодомъ, безконечныхъ, однообразныхъ, пустынныхъ равнинъ.

Евг. Адамовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ВЗЯТКИ.

Русская взятка можетъ гордиться весьма древнею родословною. Мы застаемъ ее не только въ петербургскомъ періодѣ русской исторіи, но и въ московскомъ. Она процвѣтала уже въ Московской Руси—и тутъ-то и надо искать ея историческіе корни.

Уже Курбскій гнѣвно клеймитъ россійское взяточничество и жалуется, что приказные люди обираютъ народъ, что они „свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются". По его словамъ, никакимъ самымъ искуснымъ перомъ, никакимъ „риторскимъ" языкомъ нельзя описать лихоимства и притѣсненія со стороны тогдашнихъ властей.

Іоаннъ Грозный въ 1550-мъ году называетъ своихъ бояръ и вельможъ „неправедными лихоимцами, хищниками, упражняющимися во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ".

Грозный царь не разъ гнѣвно обѣщаетъ проучить и искоренить быстро плодившихся взяточниковъ. Свое чиновничество онъ характеризуетъ въ оффиціальномъ документѣ, приводимомъ историкомъ Татищевымъ:

„И вниде въ слухъ благочестивому царю, что многіе грады и волости пусты учинились, намѣстники и волостели изъ многихъ мѣстъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ на нихъ дѣлъ учиниша и не быша имъ пастыри и учители на благое, но сотворились яко волцы гонители и разорители".

Изъ мѣстъ, которыя особенно кишѣли взятками, точно изъ безнадежно зараженныхъ очаговъ, бѣжалъ народъ, несмотря на грозившія ему за это суровыя наказанія. И уже правительство Московской Руси обращаетъ вниманіе на эту язву и увѣщеваетъ взяточниковъ.

Но взяточники Московской Руси были неисправимы и неистребимы.

„Хоть,— говоритъ Котошихинъ,—на такое дѣло положено наказаніе и чинитъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имать и дѣлать въ правду по царскому указу и по Уложенію,—ни во что имъ вѣра и клятва и наказанія не страшатся, не могутъ отъ искушенія очей своихъ и мысли удержать и руки свои ко взятію скоро допускаютъ".

Тотъ же Котошихинъ разсказываетъ, что при царѣ Алексѣѣ, во время дѣла о поддѣлкѣ монеты, многіе богатые поддѣлыватели „отъ своихъ бѣдъ откупа-

лись, давали на Москву посулы большіе боярину, царскому тестю Ильѣ Даниловичу Мстиславскому, да думному боярину Матюшкину, за которымъ была прежняя царя царицына родная сестра".

Любопытно, что уже въ 1646-мъ году московскіе торговые люди подаютъ царю Алексѣю жалобу, въ которой доказываютъ, что англійскіе купцы добились при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ свободы торговли въ Россіи съ помощью все той же взятки. По утвержденію московскихъ торговыхъ людей, англійскіе купцы дали „многіе посулы" думскому дьяку Петру Третьякову съ тѣмъ, чтобы онъ добылъ имъ изъ Посольскаго приказа грамоту на права свободной торговли. И грамота была имъ дана.

Историкъ Соловьевъ приводитъ наставленіе, которое давалъ стольникъ Московской Руси своему слугѣ, отправляя его къ приказнымъ людямъ:

„Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу,—наказываетъ стольникъ слугѣ,—и если Петръ Ильичъ скажетъ, то итти тебѣ къ дьяку Василью Сытину; пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамоты отдай; приметъ дьякъ грамоту прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива, ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подъячему Степкѣ Ремезову и попроси его, чтобы сдѣлалъ, а къ Кирилѣ Семенычу не ходи; тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси; я его, подлаго вора, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, а Степка жаждущая рожа и пьяная". Подобные факты можно цѣлыми пригоршнями привести изъ эпохи Московской Руси. Въ формѣ болѣе наивной и болѣе откровенной передъ нами уже въ Московской Руси встаетъ картина, столь знакомая нынѣшнему читателю газетныхъ отчетовъ объ интендантскихъ процессахъ.

Уже въ Московской Руси къ приказнымъ людямъ не было подступу безъ „посула", уже московскіе люди жалуются на приказныхъ, что если къ нимъ обращаются безъ „посула" или „заступа", то они приказываютъ „выбить взашей".

Всѣ „присутственныя мѣста" Московской Руси были поражены язвою взяточничества. Жалобами на взяточниковъ переполнена вся небогатая литература этой эпохи. Иностранные путешественники, посѣщавшіе Россію, въ одинъ голосъ отмѣчаютъ повальное взяточничество приказныхъ людей.

Наконецъ, какъ мы видѣли, московское правительство признавало существованіе взяточничества и необходимость борьбы съ нимъ.

Не можетъ быть, такимъ образомъ, никакого сомнѣнія, что родословная россійскаго взяточничества несравненно древнѣе, чѣмъ утверждалъ одинъ изъ защитниковъ на казанскомъ процессѣ интендантовъ.

Россійское взяточничество можетъ смѣло гордиться древностью своего рода.

Сложившись, какъ мы видѣли, уже въ Московской Руси, взяточничество затѣмъ неудержимо развивалось, расширяя свои владѣнія, повышая свои аппетиты

и не обращая вниманія на тѣ истребительныя мѣры, которыя противъ него принимались.

Переходя отъ московскаго періода русской исторіи къ петербургскому, мы находимъ взяточничество и казнокрадство въ процвѣтающемъ состояніи.

Великому Петру приходится удѣлять много силъ и вниманія разъѣдавшему тогдашнюю Русь взяточничеству.

Иностранецъ Веберъ, посѣтивъ Россію въ царствованіе Петра, писалъ:

„На чиновниковъ здѣсь смотрятъ, какъ на хищныхъ птицъ, они думаютъ, что со вступленіемъ ихъ на должность имъ предоставлено право высасывать народъ до костей и на разрушеніи его благосостоянія основывать свое счастье".

Петръ Великій съ присущей ему энергіей выраженія обличалъ и съ присущею ему тяжестью руки каралъ взяточниковъ. При Петрѣ Великомъ то и дѣло взяточниковъ „нещадно" били батогами, вырывали имъ ноздри, клеймили ихъ, ссылали. Съ необычайною энергіей и кровавою жестокостью вырывалъ Петръ взяточничество.

Но взяточничество слишкомъ глубоко вросло въ тѣло россійской государственности и отъ этой государственности, какъ мы увидимъ ниже, получало слишкомъ много питательныхъ соковъ для того, чтобы его можно было вырвать.

И Петръ вынужденъ былъ не только признать свое безсиліе въ борьбѣ со взяточничествомъ, но и принужденъ былъ терпѣть вокругъ и около себя, на отвѣтственныхъ государственныхъ мѣстахъ, не только тайныхъ, но и явныхъ взяточниковъ, открыто заявлявшихъ, что безъ взятки имъ не прожить.

По разсказу историка С. Соловьева, Петръ, слушая однажды въ сенатѣ дѣло о казнокрадствѣ, пригрозилъ издать указъ, въ силу котораго всякій, кто украдетъ у казны хотя бы настолько, чтобы можно было на это купить веревку, будетъ повѣшенъ. Генералъ-прокуроръ Ягужинскій раздраженно отвѣтилъ на это: „Неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой". Это откровенное признаніе крупнаго чиновника показывало, что уже при Петрѣ сложилось у бюрократіи своеобразное убѣжденіе—какъ мы увидимъ, воспитанное всею русскою исторіей—въ существованіи права на взятку.

Ближайшій помощникъ Петра кн. Меншиковъ въ этомъ правѣ ни на минуту не сомнѣвался и бралъ взятки поистинѣ „бочками сороковыми". И съ этимъ Петръ былъ вынужденъ примириться.

Уже при Петрѣ учреждается сенаторская ревизія и всплываютъ интендантскія хищенія. Въ нихъ принималъ самое дѣятельное участіе кн. Меншиковъ, нажившій на нихъ свыше полутора милліона руб.

Сенатъ, боясь гнѣва Петра, пробовалъ урезонивать кн. Меншикова и осторожно просить его умѣрить свой казнокрадскій пылъ. Но кн. Меншиковъ или отвѣчалъ молчаніемъ, или отписывался, приводя фантастическіе разсчеты. Сенатъ, въ концѣ концовъ, вынужденъ

былъ составить списокъ главнѣйшихъ лихоимствъ кн. Меншикова. Этотъ списокъ былъ положенъ на одномъ изъ засѣданій передъ Петромъ. Государь взялъ списокъ, смутился и положилъ его въ сторону, сдѣлавъ видъ, что не читалъ его. Списокъ долго лежалъ безъ движенія. Сенаторы набрались смѣлости и рѣшили обратить вниманіе Петра на гомерическое взяточничество и казнокрадство Меншикова.

Тайный совѣтникъ Толстой, сидѣвшій рядомъ съ государемъ, обратилъ вниманіе послѣдняго на составленный сенатомъ списокъ лихоимственныхъ прегрѣшеній Меншикова и спросилъ, что скажетъ государь по поводу этого списка.

— Ровно ничего,—отвѣтилъ Петръ,— развѣ только, что Меншиковъ останется Меншиковымъ.

Эти слова чрезвычайно характерны для характеристики россійскаго взяточничества. Они свидѣтельствуютъ не только о безсиліи государя въ борьбѣ со взяточничествомъ, не только о сознаніи, что взяточника не исправишь, но и о томъ еще, что безъ взяточника не обойдешься, что большому патріоту можно простить взяточничество...

Послѣ Петра взяточничество распускается еще болѣе пышнымъ цвѣтомъ и пускаетъ еще болѣе глубокіе корни.

„Ненасытная алчба корысти,—читаемъ мы въ одномъ указѣ императрицы Елизаветы,—дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе—предводительствомъ судей, а потворство и попущеніе—одобреніемъ беззаконникамъ".

При Екатеринѣ Великой взяточничество принимаетъ еще болѣе разгульный и безудержный характеръ, тѣснѣе сростаясь съ системою фаворитизма различнымъ альфонсамъ власти.

Ревизія бывшей Бѣлгородской губерніи раскрываетъ при Екатеринѣ Великой картину повальнаго взяточничества—и императрица издаетъ любопытный указъ:

„Многократно въ народъ печатными указами было повторяемо, что взятки и мздоимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ. Сей вкоренившійся на судѣ порокъ при восшествіи на престолъ перво всего принудилъ насъ въ 1762 г. іюля 18-го дня манифестомъ объявить въ народъ наше матернее увѣщеваніе, дабы тѣ, которые заражены еще сею страстью, отправляя судъ такъ, какъ дѣло Божіе, воздержалися отъ такого зла, а въ случаѣ ихъ преступленья и за тѣмъ нашимъ увѣщаніемъ не ожидали бы болѣе нашего помилованія. Но къ чрезмѣрному нашему сожалѣнію открылось, что и теперь нашлися такіе, которые мздоимствовали въ утѣсненіе многихъ и въ поврежденіе нашего интереса, а что паче всего, будучи сами начальствующіе и одолженные собою представить образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые преступниками учинилися и и ихъ въ то же зло завели".

Сенатъ, по словамъ Екатерины, превратили въ настоящее торжище. Онъ „раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все". Ему подражали всѣ подчиненныя учре-

жденія, гдѣ „раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся“, развилось „неописанное“.

„Наше сердце содрогнулось, — пишетъ Екатерина въ указѣ 1762-го года,— когда мы услышали отъ кн. Михаила Дашкова, что Новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Ренбергъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ“.

Отъ банкротства банкира Судерлянда казна потеряла свыше 2-хъ милліоновъ рублей. Екатерина II велитъ произвести слѣдствіе. И вотъ тутъ-то обнаруживается, что деньги обанкротившагося банкира были взяты у него лицами, окружающими императрицу,—кн. Потемкинымъ, кн. Вяземскимъ, гр. Безбородко, вице-канцлеромъ Остерманомъ и даже велик. кн. Павломъ Петровичемъ...

Изъ этихъ лицъ лишь кн. Вяземскій и гр. Безбородко согласились вернуть деньги, а остальные спокойно заявили, что деньги они не вернутъ или вернутъ, когда будутъ лишнія. Сутерляндъ отравился. Дѣло заглохло [1]).

Какъ мы увидимъ ниже, за этою показною борьбою со взяточничествомъ и казнокрадствомъ у Екатерины II проявлялось твердое стремленіе скрыть и защитить взяточничество, какъ только оно затрагивало возлюбленную ею систему фаворитизма.

А фаворитизмъ и взяточничество, чѣмъ дальше, тѣмъ неразрывнѣе сростались. Екатерина II не только не искоренила казнокрадства и взяточничества во всей странѣ, но вынуждена была терпѣть его у себя во дворцѣ.

Когда французскій посланникъ, гр. Сегюръ, указалъ Екатеринѣ на казнокрадство дворцовыхъ чиновниковъ, императрица спокойно отвѣтила:

— Вы отчасти правы, отчасти нѣтъ, любезный графъ. Что меня обкрадываютъ, какъ и другихъ, съ этимъ я согласна. Я въ этомъ увѣрилась сама, собственными глазами, потому что разъ утромъ рано видѣла изъ моего окна, какъ потихоньку выносили изъ дворца корзины и, разумѣется, не пустыя.

Наступаетъ двадцатый вѣкъ. И съ самаго начала все та же картина повальнаго и растущаго взяточничества и казнокрадства, все тѣ же жалобы государя на взяточниковъ, все то же безсиліе искоренить ихъ, все та же невозможность вырубить российское взяточничество, не трогая его политическихъ корней.

Въ самомъ началѣ царствованія Александра I выплываетъ дѣло о калужскомъ губернаторѣ, который одолжилъ у фабриканта Гончарова 30 тысячъ руб. и затѣмъ отказался ихъ возвратить, грозя въ случаѣ взысканія ихъ сослать Гончарова въ Сибирь за азартную игру, къ которой злосчастный фабрикантъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства. Съ помѣщика Хитрова губернаторъ взялъ взятку въ 75 тыс. руб. за сокрытіе совершеннаго убійства. Когда Державинъ началъ производить слѣдствіе, то на него посыпались въ С.-Петербургъ доносы, что онъ яко бы запугиваетъ свидѣтелей и заставляетъ ихъ давать

---

[1]) Ср. Г. Державинъ. „Записки“. М. 1860. Стр. 334.

ложныя показанія, что онъ подрываетъ авторитетъ власти и т. д.

Словомъ, совсѣмъ московская картина дней Гаринской ревизіи.

Въ 1802-мъ году Александръ I въ указѣ псковскому губернатору выражаетъ твердую рѣшимость искоренить взяточничество:

„Господинъ тайный совѣтникъ псковскій гражданскій губернаторъ Ламздорфъ, — читаемъ мы въ этомъ недавно опубликованномъ указѣ.—Съ крайнимъ неудовольствіемъ извѣстился я, что злоупотребленія нѣкоторыми изъ провіантскихъ комиссіонеровъ и полковыхъ шефовъ въ закупкѣ потребностей высокими и обременительными казнѣ цѣнами, столь давно оглашенныя и очевидныя, пріемлютъ начало свое единственно въ ложномъ показаніи справочныхъ цѣнъ по послабленію, а, можетъ быть, и соучастію и вредной стачкѣ со стороны гражданскихъ начальствъ и что земскіе исправники и суды нерѣдко дозволяли себѣ изъ сей казенной обязанности дѣлать постыдный торгъ и налагать условія и цѣну въ нарушеніе ихъ должности и присяги. Признавая всѣхъ таковыхъ за истинныхъ казны похитителей, тѣмъ горшихъ, чѣмъ болѣе правительство въ предметѣ семъ полагается на добрую ихъ вѣру, я считаю нужнымъ предварить васъ симъ, что, при малѣйшемъ открытіи таковыхъ злоупотребленій со стороны гражданскихъ начальствъ на будущее время, всѣ виновные въ ономъ не только преданы будутъ всеобщему поношенію, но какъ сами подпадутъ суду по всей строгости законовъ, такъ и начальниковъ губерніи оному подвергнутъ, если по слабости ихъ смотрѣнія, а паче по сноровкѣ и участію (чего по важности ихъ званія и существу довѣрія моего къ нимъ и предположить въ нихъ безъ крайняго отвращенія я не могу) зло сіе допущено, терпимо или сокрываемо ими будетъ. Подтвердивъ о строгомъ за симъ наблюденіи всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, и вамъ о томъ же самомъ предписываю".

Увы, и этотъ указъ оказался мертвою буквою. Язва взяточничества не только не была вырѣзана Александромъ I, но разрослась еще ужаснѣе и отвратительнѣе.

И опять мы увидимъ, что какъ только Александръ I, борясь со взяточничествомъ, натыкался на необходимость затронуть всю политическую систему, выращивающую взяточничество, онъ тотчасъ же выражалъ полную готовность примириться лучше со взяточниками, чѣмъ разстаться съ системой.

И черезъ все его царствованіе тянутся жалобы на растущее засиліе взяточниковъ и казнокрадовъ.

„Непостижимо, что происходитъ,— пишетъ Александръ I Лагарпу, — всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка. Это ужасно!" [1]).

„Хорошо я окруженъ,—говорилъ Александръ:—Козодавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань. Балашевъ мнѣ 80 тысячъ не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ былъ найденъ безъ денегъ. Все ложь! Графъ Т. твердитъ уроки Армфельда и Вернега, который живетъ съ его женою. Волкон-

---

[1]) Ср. Иконниковъ. Гр. Мор д 1873. Стр. 28.

скій безпрестанно проситъ взаймы 50 тысячъ на 50 лѣтъ безъ процентовъ. Насилу я съ нимъ сошелся на 15 тыс. безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники"[1]).

Если государю приходилось безсильно разводить руками передъ разроставшимся взяточничествомъ и казнокрадствомъ, если ему приходилось видѣть повсюду взяточниковъ и мириться съ ними, то каково же было положеніе обыкновеннаго россійскаго обывателя! Густо насѣвшіе на него взяточники высасывали огромную долю его трудового заработка. И онъ безсиленъ былъ не только сбросить ихъ, но и жаловаться на нихъ, такъ какъ большія взятки брали люди, располагающіе большою властью надъ обывателями.

Въ показаніяхъ декабристовъ о причинахъ народнаго недовольства взяточничество играетъ чрезвычайно видную роль.

Декабристъ Штейнгель указываетъ, что правительство доказало свое безсиліе искоренить взяточничество и этимъ вызывало противъ себя недовольство. „Посылались сенаторы, производили изслѣдованія, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣляли новыхъ, тѣ принимались за то же, только смѣлѣе, ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціей. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ".

Декабристъ Якубовичъ въ письмѣ къ императору Николаю гнѣвно говоритъ, что „не правосудіе, а лихоимство засѣдаетъ въ судилищахъ, гдѣ не защищается жизнь, честь и состояніе гражданина, но продаютъ за золото и другія выгоды пристрастныя рѣшенія".

Въ своихъ показаніяхъ кн. Трубецкой говоритъ, что однимъ изъ доводовъ, доказывающихъ необходимость политическаго переворота, для него послужили всеобщія жалобы на лихоимство чиновниковъ.

А. А. Бестужевъ въ письмѣ къ государю говоритъ, что „одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ зашло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало высшія мѣста, такъ что въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ... Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Въ казнѣ, въ судахъ, въ комиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, тотъ кралъ".

По словамъ Булатова, когда министромъ финансовъ былъ гр. Гурьевъ, ни одинъ вице-губернаторъ не получалъ даромъ мѣста, не уплативъ за него значительную сумму[1]).

Не трудно себѣ представить, что творилось въ русской провинціи, если въ столицахъ такъ открыто, нагло процвѣтало взяточничество.

---

[1]) С. Южаковъ. М. М. Сперанскій. Спб. 1891 г. Стр. 67.

[1]) В. Семевскій. Политич. и обществ. идеи декабристовъ. Спб. 1909. Стр. 89, 90, 91.

Провинція изнывала отъ налетѣвшей саранчи, поѣдавшей результаты долголѣтнихъ трудовъ. Заплативъ въ столицѣ за доходное мѣсто, чиновники отправлялись въ провинцію для кормленія, они здѣсь облагали все населеніе, приходившее съ ними въ соприкосновеніе, тяжелымъ налогомъ. Всякій входящій въ какое-либо бюрократическое учрежденіе заранѣе зналъ, что онъ не смѣетъ являться съ пустыми руками, что только съ помощью взятки онъ можетъ добиться и исполненія законовъ, и совершенія беззаконія.

Въ письмѣ къ Булгарину К. Рылѣевъ набрасываетъ картину повальнаго гомерическаго взяточничества:

„Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ, но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы. И, я увѣренъ, ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники (т. е. поляки) въ страшную годину междуцарствія не принесли націи столько зла, какъ сіе лютое отродіе. Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь—со всѣхъ. Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы, а исправники?

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Благодаря Творцу Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ.
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ исправники въ уѣздахъ...[1])

Гнѣвная вспышка декабристскаго движенія скоро была потушена—и въ наступившей тьмѣ царствованія Николая I тати взяточничества почувствовали себя особенно вольготно. Казнокрадство и взяточничество принимаютъ разгульный характеръ, жадно захватывая всѣ отрасли и частнаго, и государственнаго хозяйства. Въ жуткой политической тиши взяточники чувствовали себя маленькими царьками. Безъ взятки нельзя было подступиться не только къ казеннымъ подрядамъ и заказамъ,— безъ нея нельзя было ничего добиться въ присутственныхъ мѣстахъ. Но этого мало: взятка, благодаря безудержному разгулу политическаго произвола, превращается въ маленькую россійскую хартію обывательскихъ вольностей. Только при помощи взятки россійскій обыватель Николаевской Руси могъ откупаться отъ того, чтобы съ нимъ поступили по всей строгости беззаконія этого жестокаго времени.

Какъ глубоко въѣлось и какъ широко распространилось взяточничество въ жестокое Николаевское время, показалъ ходъ и исходъ Крымской войны.

О казнокрадствѣ и взяточничествѣ, раскрытыхъ Крымскою кампаніей, такъ много писалось, факты необычайнаго, точно изъ фарса, взяточничества тогдашнихъ дѣятелей столь общеизвѣстны, что намъ нѣтъ надобности вновь на нихъ останавливаться.

[1]) Рылѣевъ. Соч. Спб. 1872 г. Стр. 245.

Со смертью Николая I начинается въ русской исторіи новая эра. Открывается такъ наз. эпоха великихъ реформъ. Повидимому, русское правительство сознало, что старыя основы административнаго и общественнаго строя подгнили, что нужна, если не полная сломка ихъ, то коренная перестройка. Къ общественной дѣятельности привлекаются новыя силы. Всюду идетъ кипучая строительная работа. Печать получаетъ болѣе широкія права, гласность дѣлаетъ большія завоеванія.

Можно было надѣяться, что въ этой атмосферѣ и обстановкѣ новой реформированной жизни, какъ совы отъ наступающаго дня, быстро исчезнутъ взяточники и казнокрады или, по крайней мѣрѣ, запрячутся въ темные и пыльные углы, куда не попадаетъ свѣтъ гласности. Казалось, что въ Россіи создаются условія, которыя должны уничтожить взяточничество вмѣстѣ съ его историческими корнями.

И многіе восторженные современники эпохи великихъ реформъ твердо были убѣждены, что теперь вѣковому россійскому взяточничеству конецъ пришелъ. Въ стихахъ и прозѣ этотъ конецъ предсказывали и его привѣтствовали.

Но—увы!—и шестидесятые годы не затронули основъ политическаго строя, не положили конца взяточничеству. Взяточничество не только не исчезло, но продолжало развиваться и расширять свои владѣнія.

Прежде всего явились затрудненія съ, такъ сказать, подвижнымъ составомъ правительственныхъ дѣятелей. На нѣсколько красныхъ мѣстъ, находящихся у всѣхъ на виду, можно было привлечь новыхъ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей. Но основная масса осталась въ неприкосновенности, и правительство и не собиралось замѣстить ихъ людьми иного общественнаго круга. А старые дѣятели выросли и сложились въ атмосферѣ и традиціи поголовнаго взяточничества и казнокрадства. И, конечно, наступленіе „эпохи великихъ реформъ" не отвлекло ихъ отъ постояннаго, привычнаго и прибыльнаго занятія — взяточничества. Авторъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи" пишетъ въ 1858 г.: „Пересматривая именной списокъ этихъ важныхъ должностныхъ лицъ (рѣчь идетъ о губернаторахъ), можно утвердительно и по строгой совѣсти сказать, что въ числѣ 45 губернаторовъ, за исключеніемъ сибирскихъ и кавказскихъ, 24 должны быть смѣнены безъ малѣйшаго замедленія; изъ нихъ 12—какъ всѣмъ извѣстные мошенники, а 12—по сомнительной честности и совершенной неспособности; изъ остальныхъ 21 десять могутъ быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши и только два могутъ быть названы образцовыми".

Если осторожный авторъ, отнюдь не склонный къ мрачнымъ краскамъ, писалъ, что въ эпоху великихъ реформъ изъ 45 губернаторовъ двѣнадцать были „извѣстными мошенниками", другіе двѣнадцать „сомнительной честности", а лишь два заслуживали безусловную похвалу, то не трудно себѣ представить, каковъ былъ уровень менѣе крупныхъ должностныхъ лицъ!

Когда послѣ паденія Севастополя Александръ II отправился въ армію, онъ самъ воочію убѣдился въ существованіи поголовнаго взяточничества. Это произвело на него очень сильное впечатлѣніе, но, чувствуя свое безсиліе искоренить взяточничество, онъ очень сердился, когда при немъ объ этомъ заговаривали.

Пироговъ завелъ однажды съ Александромъ II разговоръ объ этомъ. Государь разсердился и, повысивъ голосъ, началъ утверждать, что все это сплетни, ложь.

— Нѣтъ, Государь,—твердо возразилъ Пироговъ,—все это правда. Да, вѣдь, я это самъ видѣлъ.

— Это ужасно! — воскликнулъ Александръ II, едва удерживаясь отъ слезъ.

Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этой эпохѣ, Аксаковъ тоскливо восклицаетъ:

„Ахъ, какъ тяжело порою жить въ Россіи, въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ, мерзавцевъ, хлѣбосоловъ - взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ-отцовъ и благодѣтелей-взяточниковъ! Чего ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго законнаго!"

Пріѣхавъ въ Петербургъ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ и вращаясь здѣсь въ высшихъ слояхъ общества и бюрократіи. А. И. Кошелевъ пришелъ въ ужасъ отъ господства взяточничества.

„Въ это время я узналъ такія вещи,—пишетъ онъ,—какихъ возможность даже не подозрѣвалъ. Взяточничество, личные денежные разсчеты, обходъ законныхъ путей и пр. дошли въ Спб. до крайнихъ предѣловъ. Всего можно достигнуть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ справедливѣйшемъ, въ законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства властей предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, и затѣмъ распоряжающіяся деспотически своими возлюбленными. У иныхъ сановниковъ имѣются секретари или довѣренныя лица, исполняющіе обязанности любовницъ и дѣлящіе деньги со своими довѣрителями". (А. И. Кошелевъ. Записки. Стр. 191).

Эпоха великихъ реформа не только не разрушила политической основы россійскаго взяточничества, но и не произвела основательной чистки въ законномъ составѣ администраціи.

Она внесла струю свѣжаго воздуха, увлекла многихъ даже изъ бюрократической среды идеаломъ общественнаго служенія, она создала условія для болѣе легкаго обличенія и раскрытія взяточничества, но самое взяточничество осталось неприкосновеннымъ. Это скоро доказали семидесятые годы съ ихъ желѣзнодорожной вакханаліей, основанной на казнокрадствѣ и взяточничествѣ, съ русско-турецкой войной, раскрывшей картины, мало уступающія по своимъ кричащимъ краскамъ даже крымской кампаніи.

Процессы семидесятыхъ годовъ, хотя и уступаютъ по широтѣ размаха и району дѣйствія нынѣшнимъ интендант-

скимъ процессамъ,—ибо единственное явленіе, котсрое на Руси непрерывно прогрессировало—это взяточничество,—но все же свидѣтельствуютъ о громадныхъ завоеваніяхъ отечественнаго казнокрадства.

Интендантская эпопея семидесятыхъ годовъ выдвинула героевъ, которыми могутъ гордиться ихъ нынѣшніе московскіе потомки.

Особенно прославились братья Малкіели. Получая казенные заказы и подряды, они передавали ихъ другимъ, удерживая въ свою пользу 45%. Получившіе отъ Малкіелей заказъ въ свою очередь передавали его уже третьимъ лицамъ, вновь отчисляя въ свою пользу 20—25%. Такимъ образомъ настоящій поставщикъ товара исполнялъ казенный заказъ за 30% его цѣны, иначе говоря казна переплачивала 70%!

Конечно, доставляемый товаръ отличался при этомъ соотвѣтствующими достоинствами. Выступивъ на славное интендантское поприще въ качествѣ мелкихъ посредниковъ, располагающихъ грошевымъ капиталсмъ, бр. Малкіель скоро сдѣлались милліонерами, принятыми въ лучшемъ обществѣ С.-Петербурга.

Петербургскій Малкіель купилъ фамильный дворецъ гр. Бобринскихъ, передѣланный впослѣдствіи въ дворецъ вел. князя Алексѣя Александровича.

Московскій Малкіель великолѣпно расположился въ одномъ изъ знатныхъ московскихъ дворцовъ.

„Русская Газета“ умиленно описывала этотъ дворецъ:

„Лѣстница, какъ снѣгъ, бѣлая, вся мраморная, залы: одна—золотая, другая — серебряная, третья — бронзовая, четвертая—фарфоровая и т. д. Обстановка одной залы—въ арабскомъ стилѣ, другой—въ русскомъ, третьей—въ стилѣ ренессансъ, четвертой—въ индусскомъ стилѣ; на плафонахъ—живопись извѣстнаго художника. Зимній садъ, фонтаны“.

Не менѣе славны были интендантскія похожденія знаменитой тройки: „Гресеръ, Горвицъ, Коганъ“.

О ней въ семидесятыхъ годахъ писали не меньше, чѣмъ нынче о московскихъ интендантахъ. Останавливаться на ихъ похожденіяхъ мы не станемъ. Для нынѣшняго читателя въ нихъ не будетъ ничего новаго, такъ какъ все это вновь повторилось въ нынѣшнихъ московскихъ, казанскихъ, кіевскихъ интендантскихъ процессахъ.

Бурные семидесятые годы передали тишайшимъ восьмидесятымъ взяточничество не искорененнымъ, а пріумноженнымъ.

Просматривая газеты и журналы восьмидесятыхъ годовъ, порою испытываешь иллюзію, что читаешь свѣжій газетный номеръ. Въ наступившей реакціи гордо подняли головы всяческіе проходимцы, авантюристы и карьеристы, которые глубоко запустили руку въ казенные сундуки и безъ взятокъ дѣлали невозможнымъ какой-либо доступъ къ казеннымъ заказамъ, поставкамъ и т. д.

Печать восьмидесятыхъ годовъ переполнена фактами, разсужденіями и сообщеніями о растущемъ казнокрадствѣ и взяточничествѣ. Статьи о хищеніяхъ, о казнокрадахъ и взяточникахъ не сходятъ со страницъ журналовъ. Газетная хро-

ника пестритъ извѣстіями о похожденіяхъ героевъ взяточничества.

Взяточники восьмидесятыхъ годовъ спокойно дѣлали свое дѣло — брали взятки, все болѣе расширяя поле своей дѣятельности и повышая аппетитъ; а правительство восьмидесятыхъ годовъ дѣлало свое дѣло—боролось съ полнымъ неуспѣхомъ съ взяточниками, не покушаясь при этомъ на условія, рождающія взяточничество.

Гр. Игнатьевъ обращается 29 апрѣля 1881-го года съ призывомъ борьбы съ неслыханнымъ взяточничествомъ.

„То корыстное отношеніе къ государственному и общественному достоянію,—читаемъ мы въ циркулярѣ гр. Игнатьева,—которое составляетъ у насъ столь обычное явленіе", является, по мнѣнію правительства, одною изъ причинъ „того грустнаго и всѣми теперь сознаваемаго явленія, что великія и широкообдуманныя преобразованія минувшаго царствованія не принесли всей той пользы, которую Царь-Освободитель имѣлъ право ожидать отъ нихъ".

И циркуляръ гр. Игнатьева вновь объявлялъ войну взяточникамъ.

„Хищеніе,—читаемъ мы тамъ,—должно бычь пресѣкаемо и преслѣдуемо вездѣ, гдѣ бы оно ни обнаружилось, а виновники его должны нести заслуженную кару".

И этотъ циркуляръ постигла участь всѣхъ его предшественниковъ: отдѣльные взяточники были выужены и понесли „заслуженную кару", а взяточничество не только не исчезло, не только не уменьшилось, но выросло и окрѣпло.

Когда въ восьмидесятыхъ годахъ открылась, какъ нынѣ, полоса разоблаченій дѣятельности взяточниковъ и казнокрадовъ, то первое время и печать, и общество чрезвычайно нервно реагировали, волновались, требовали энергичныхъ истребительныхъ мѣръ, были убѣждены, что этими карательными мѣрами можно очистить Россію отъ полчища хищниковъ.

Но очень скоро и печать, и наиболѣе культурная часть общества поняли, что взяточничество неразрывно сплетено со всѣмъ строемъ русской соціально-политической жизни, что оно представляетъ своего рода бытовое явленіе.

И негодующій, безпокойный тонъ смѣнился спокойнымъ и фаталистическимъ. Взяточничество перестали разсматривать, какъ острое неожиданное заболѣваніе, въ немъ начали видѣть хроническую болѣзнь, неизлечимую при неизмѣненіи всего политическаго режима.

Вліятельный журналъ восьмидесятыхъ годовъ, „Дѣло", останавливаясь на нескончаемыхъ хищеніяхъ, писалъ:

„Эти поистинѣ чудовищныя хищенія и растраты, эти наивные по своей простотѣ подлоги и недочеты, эта невозможная халатность веденія дѣлъ рядомъ со слѣпотой контроля и безшабашностью произвола разныхъ воротилъ, являющіеся вотъ уже пятнадцать лѣтъ предметомъ разбирательства окружныхъ судовъ, въ настоящее время не только не волнуютъ никого, но даже не обращаютъ на себя большого вниманія. Къ этому явленію привыкли, какъ привыкаютъ къ хронической болѣзни. Оно стало какъ бы неизбѣжнымъ условіемъ нашего общежитія, какъ бы одною изъ его несложныхъ формъ". („Дѣло". 1883 г. № 2. Стр. 129).

Мы остановились на русскомъ взяточничествѣ самыхъ различныхъ эпохъ начиная со временъ Московской Руси, кончая новѣйшимъ временемъ. Мы видимъ, что взяточничество, смѣняя свою внѣшнюю форму, неизмѣннымъ сохранило свою сущность и непрестанно расширяло свои обороты и свой личный персоналъ.

Отъ московскихъ приказныхъ людей до нынѣшнихъ интендантовъ взятка оставалась вѣрнымъ ключемъ, надежною отмычкою и казеннаго сундука, и всѣхъ послабленій закона и беззаконія.

Просматривая приведенный пестрый рядъ историческихъ фактовъ, поражаешься, какъ велика и разнообразна была и осталась роль взятки на Руси. Она властно царитъ и въ низахъ общества, гдѣ съ ея помощью покупаютъ благосклонность писарей и урядниковъ, она является надежнымъ и излюбленнымъ орудіемъ на общественныхъ верхахъ, гдѣ съ ея помощью добиваются чиновъ, пожалованія землями и крестьянами, подрядовъ и заказовъ.

Ходъ развитія русской исторіи отличается своимъ обрывистымъ характеромъ, отсутствіемъ строгихъ и ненарушимыхъ традицій, непрерывной преемственности. И одна только взятка развивается непрерывно и неуклонно—и никакія громовыя историческія событія не останавливаютъ ея завоевательнаго движенія.

Извиваясь ужомъ и ускользая отъ всякихъ ревизій, взятка ползетъ внизу общественной пирамиды, проникая во всѣ щели и обращаясь въ неустранимую часть обывательскаго обихода.

Чѣмъ выше поднимаемся мы по общественной пирамидѣ, тѣмъ взятка становится солиднѣе, жирнѣе и самоувѣреннѣе.

Но и наверху, и внизу къ ней одновременно прибѣгаютъ и для того, чтобы не были нарушены законы, и для того, чтобы эти законы были нарушены.

На своемъ долгомъ историческомъ вѣку россійская взятка постоянно выступаетъ въ этой двойственной роли. И въ этомъ одна изъ ея самыхъ характерныхъ чертъ.

Если мы присмотримся, когда, кому и за что давали на Руси взятку, то сплошь и рядомъ мы убѣдимся, что давали ее тому, кто поставленъ блюсти законы и законность, и давали ее затѣмъ, чтобы эти законы были соблюдены.

При господствѣ произвола чиновниковъ, при устарѣлости и растяжимости россійскихъ законовъ—въ этомъ даваніи взятокъ, чтобы были соблюдены законы, нѣтъ ничего удивительнаго.

Но на-ряду съ этимъ взятка переползаетъ изъ рукъ обывателя въ руки начальства для того, чтобы получать послабленіе, для того, чтобы начальство совершило беззаконіе.

И, наконецъ, взятка является отмычкою казеннаго сундука. При ея помощи открывается крышка казеннаго сундука и казенное добро начинаетъ переходить въ карманы лица, давшаго соотвѣтствующему человѣку соотвѣтствующую взятку.

Въ такой многообразной роли выступаетъ въ русской исторіи взятка—эта легендарная гидра, у которой на мѣсто каждой отрубленной головы выростаетъ десять новыхъ.

Взятка обратилась въ Россіи въ спрутъ, охватившій всю хозяйственную и административную жизнь страны.

П. Берлинъ.

Германская соціалъ-демократія послѣ выборовъ 1912 г.

Письмо изъ Германіи.

За избирательной побѣдой германской соціалъ-демократіи въ 1903 году вскорѣ слѣдовалъ ея знаменитый годичный съѣздъ въ Дрезденѣ, гдѣ, благодаря чрезвычайно бурнымъ столкновеніямъ между радикалами и ревизіонистами, вся партія была потрясена до своихъ крайнихъ глубинъ. Цѣлыхъ три года зіяли раны, причиненныя партіи безумной вспышкой искренняго фанатизма обѣихъ сторонъ. И когда правительство князя Бюлова не безъ большой проницательности рѣшило использовать благопріятную конъюнктуру, распустивъ до срока германскій рейхстагъ, то на полѣ избирательной брани въ 1907 году соціалъ-демократія оставила замертво почти половину своей парламентской фракціи. Я не забуду той „избирательной ночи", когда толпы побѣдившаго консервативно-либеральнаго бюловскаго блока съ патріотическимъ гикомъ носились по улицамъ Берлина, заставивъ имперскаго канцлера и самого императора выйти навстрѣчу манифестантамъ и ликующимъ привѣтствіемъ провозгласить «побѣду надъ врагомъ». Въ эту самую холодную январьскую ночь въ помѣщеніи газеты „Vorwaerts" трепетными руками открывалась всякая новая депеша изъ провинціи, извѣщавшая о новомъ пораженіи. И тотъ самый Евгеній Эрнстъ, который впослѣдствіи организаціей знаменитыхъ уличныхъ демонстрацій въ Берлинѣ стяжалъ себѣ кличку „краснаго градоначальника", въ ту печальную ночь не могъ удержать слезъ, докладывая присутствующимъ результаты выборовъ. Слезы, пролитыя тогда, оросили плодородную почву партіи новой напряженной работой, новымъ сознаніемъ отвѣтственности передъ нею—и плодъ не замедлилъ взрасти сторицей. Послѣдняя избирательная кампанія 1912 года показала, что 1907-ой годъ былъ для партіи грустнымъ эпизодомъ, но въ то же время грознымъ memento. Въ общемъ же ея развитіе совершается какъ бы съ силою неотвратимаго закона природы.

Въ 1877 году появилась въ Германіи книга, озаглавленная „Die sociale Frage und die Bestrebungen zu ihrer Lösung" („Соціальный вопросъ и стремленія къ его рѣшенію"). Авторомъ книги былъ молодой католическій священникъ Францъ Гице (Hitze), ставшій впослѣдствіи профессоромъ въ Мюнстерѣ, прелатомъ, депутатомъ рейхстага и соціаль-

но-политическимъ руководителемъ партіи „центра“. Гице писалъ, между прочимъ: „Соціализмъ представляетъ систему настолько послѣдовательную и грандіозную, что не удивительно, если имъ увлекаются крупные мыслители и благородные люди, и серьезному человѣку не подобаетъ голословно осуждать его“...

Но духовный авторъ уже тогда не могъ скрыть своего страха передъ ростомъ соціализма и близостью „соціалъ-демократической опасности“. Гице указывалъ на то, что въ рейхстагъ проникло 12 депутатовъ отъ соціалъ-демократической партіи, что число голосовъ, поданныхъ за нее на выборахъ, достигло 485,000, что въ 108 округахъ изъ 397 она выступила съ собственными кандидатами, что соціалъ-демократическая пресса имѣетъ 100,000 абонентовъ и что въ партійную кассу поступило дохода 53,000 марокъ... Videant consules!—взывалъ по этому случаю Францъ Гице.

Съ тѣхъ поръ „консулы“, какъ извѣстно, не зѣвали, собственные духовные собратья ученаго прелата—политиканствующіе капелланы, многочисленный штабъ клерикальныхъ агитаторовъ и христіански-соціальныхъ агентовъ—не уставали осмѣивать и бороться съ „послѣдовательной и грандіозной системой“. Черезъ годъ послѣ появленія книги Гице былъ введенъ исключительный законъ, 12 лѣтъ державшій въ ежовыхъ рукавицахъ приверженцевъ этой системы. Затѣмъ и послѣ упраздненія исключительнаго закона не было недостатка въ притѣсненіяхъ на основѣ общаго права; появились соціальныя организаціи для „умерщвленія соціалистовъ“, какъ гласитъ соотвѣтственный terminus technicus. Однимъ словомъ, консулы дѣлали свое дѣло.

Острыя опасенія католическаго ученаго, высказанныя 35 лѣтъ тому назадъ, любопытно сопоставить съ теперешними размѣрами „соціалъ - демократической опасности“. Недавно въ Берлинѣ происходилъ очередной съѣздъ нѣмецкихъ потребительныхъ обществъ, тѣсно примыкающихъ къ передовому рабочему движенію и соединенныхъ съ соціалъ-демократіей широко развѣтвленной личной уніей. Мы могли при этой оказіи убѣдиться, какихъ колоссальныхъ размѣровъ достигли эти рабочія организаціи товарищескаго потребленія и производства и какими грандіозными планами они задаются въ ближайшемъ будущемъ. Мы выслушали на съѣздѣ до послѣднихъ деталей разработанный проектъ товарищескаго страхованія, втягивающаго въ сферу своего вліянія многомилліонную массу рабочаго люда и являющагося очень серьезной угрозой частнымъ капиталистическимъ обществамъ, такъ называемаго, „народнаго страхованія“. Но это—только одна вѣтвь, одинъ отрядъ организованной нѣмецкой рабочей партіи. Данныя, доложенныя недавно происходившему въ Хемницѣ партейтагу о состояніи двухъ другихъ отрядовъ этой арміи—о самой соціалъ-демократической партіи и профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, рисуютъ передъ нашими глазами картину, которая должна заставить робкія души говорить не только о близкой надвигающейся опасности, а прямо уже о разразившемся несчастьѣ.

Интересно констатировать, что благопріятная экономическая конъюнктура благопріятно вліяетъ и на развитіе профессіональныхъ организацій. Въ годы тяжелаго промышленнаго кризиса рабочіе союзы лишь очень незамѣтно растутъ, а иногда даже сокращаются. Хорошій 1911 годъ показываетъ такой ростъ профессіональныхъ союзовъ, какой имѣлъ мѣсто только въ 1906 году. Въ концѣ 1910 г. рабочіе союзы соціалъ-демократическаго типа насчитывали 2,128,021 члена, а въ концѣ 1911 г.—2,421,465 членовъ; слѣдовательно, за одинъ годъ увеличились почти на 300,000 душъ. Вся эта масса распредѣлена въ болѣе, чѣмъ 50 спеціальныхъ союзахъ, которые централизованы и находятся въ вѣдѣніи генеральной комиссіи профессіональныхъ организацій. Изъ отдѣльныхъ союзовъ выдѣляются рабочіе по металлу, насчитывающіе около полумилліона членовъ. Ихъ антиподами является домашняя прислуга, союзъ которой имѣетъ всего 5,570 членовъ.

Изъ года въ годъ замѣчается постоянный ростъ организованныхъ работницъ. Въ отчетномъ году ихъ число (191,332) выросло даже въ большей степени (18%), чѣмъ число мужчинъ (15%). Изъ 51-го спеціальнаго союза нѣтъ женщинъ только въ 18-ти.

Въ истекшемъ году (1911) общій доходъ этихъ рабочихъ союзовъ составилъ 72,086,957 марокъ противъ 64,372,190 марокъ предшествующаго года; общій расходъ измѣряется 60,025,080 марками противъ 57,926,566 марокъ предшествующаго года; кассовая наличность составляетъ 52,105,821 марку. Изъ расходныхъ статей на первомъ мѣстѣ стоятъ 16,700,000 марокъ на поддержку стачечниковъ; свыше 10 милліоновъ марокъ ушло на поддержку больныхъ; болѣе 6-ти милліоновъ — на помощь безработнымъ и т. д.

Съ этими цифрами не идутъ ни въ какое сравненіе рабочіе союзы другихъ типовъ. Гиршъ-дункеровскія (либеральныя) организаціи даже убавились съ 122,571 на 107,743 члена, а христіанскія возросли съ 295,129 до 340,957. Гордыми памятниками роста профессіональныхъ рабочихъ союзовъ служатъ построенные за ихъ собственный счетъ „дома труда", такъ называемые Gewerkschaftshäuser. Такіе дома имѣются теперь въ Германіи въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ центрѣ рабочаго движенія. Это—средоточія рабочей жизни, администраціи ихъ организацій. Пойдите хотя бы въ Берлинѣ на Engelufer, 15, и вы увидите громадное зданіе центральнаго управленія профессіональныхъ организацій, мѣстонахожденіе ихъ генеральной комиссіи. Рабочіе по металлу въ другой части города выстроили свое особое управленіе, а въ самомъ большомъ предмѣстьѣ Берлина—Шарлотенбургѣ—опять имѣется свой „Народный домъ". Все это—настоящія министерства, съ массою разныхъ канцелярій, бюро больничныхъ кассъ, редакцій профессіональныхъ газетъ, которыхъ насчитывается болѣе 70-ти, съ превосходно обставленными пріютами для странствующихъ рабочихъ и т. п. А не угодно ли вамъ посмотрѣть на армію копошащихся въ этихъ канцеляріяхъ чиновниковъ и бюрократовъ, состоящихъ на службѣ у рабочихъ! Только

за послѣднія десять лѣтъ эта рабочая бюрократія, по очень поверхностному разсчету, увеличилась съ 433 до 2948 душъ. Она имѣетъ уже свою собственную организацію, свою собственную кассу взаимопомощи, свой литературный органъ, правда—печатающійся только для членовъ организаціи, и она по всѣмъ правиламъ экономической борьбы отстаиваетъ свои интересы передъ своими „рабочими-хозяевами".

Если мы обратимся къ чисто политическимъ организаціямъ соціалъ-демократіи, то и здѣсь увидимъ на каждомъ шагу непрекращающійся ростъ партіи. Правда, число организованныхъ членовъ партіи все еще находится въ слабомъ соотвѣтствіи съ числомъ голосовъ, поданныхъ за нее на выборахъ. Но все же 4,000,000 избирателей она можетъ противопоставить почти милліонъ записанныхъ членовъ. Въ іюнѣ этого года соціалъ-демократическія организаціи насчитывали 970,112 членовъ, въ томъ числѣ 130,371 женщина. Сравнительно съ прошлымъ годомъ (836,562) число членовъ партіи возросло на 15, 9 %, но и здѣсь женщины въ авангардѣ, такъ какъ прибавились въ большей (21%) противъ мужчинъ (15, 2 %) пропорціи. Въ общемъ, рабочая партія по числу организованныхъ членовъ далеко опередила свою главную и единственную соперницу—партію католическаго „центра", которая въ своемъ „Volksverein für das katolische Deutchland" насчитываетъ теперь 690,140 членовъ.

Къ концу послѣдняго отчетнаго года соціалъ-демократическая партія имѣла 86 ежедневныхъ газетъ и три газеты, выходящія по одному и по два раза въ недѣлю. Изъ этихъ 89 газетъ 59 печатаются въ собственныхъ партійныхъ типографіяхъ. Къ партійной прессѣ слѣдуетъ еще отнести научный еженедѣльникъ „Die Neue Zeit", уже тридцатый годъ редактируемый Карломъ Каутскимъ, юмористическій органъ „Der Wahre Iakob" и органъ женскаго движенія „Die Gleichheit", редактируемый талантливой Кларой Цеткинъ. Со включеніемъ этого литературнаго органа работницъ партійная пресса въ іюнѣ этого года имѣла 1,478,042 подписчика—на 171,577 больше, чѣмъ въ предшествующемъ году. Доходы съ подписки выросли съ 7,840,718 до 8,888,834 марки; доходы съ объявленій возросли въ одинъ годъ съ 5,853,302 до 6,830,496 марокъ.

Когда я 19 лѣтъ тому назадъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Берлинъ, то засталъ редакцію и экспедицію центральнаго органа партіи „Vorwaerts" въ старомъ неблагоустроенномъ наемномъ домѣ. Теперь уже болѣе 10 лѣтъ эта газета, съ лучшей по размѣрамъ типографіей, съ книжнымъ магазиномъ и пр., находится въ собственномъ громадномъ зданіи, надъ входомъ котораго и теперь еще красуется фирма покойнаго вождя, коммерческаго руководителя и несмѣняемаго президента германской соціалъ-демократіи: „Павелъ Зингеръ и К°". Но такой прогрессъ въ оборудованіи партійной прессы относится не только къ центральному органу, который въ этомъ году имѣлъ 165,500 подписчиковъ и далъ партійной кассѣ чистаго дохода 307,348 марокъ. То же самое, хотя и въ различныхъ масштабахъ, можно видѣть

во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ партійныхъ центрахъ, и только недавно, посѣтивъ партейтагъ въ Хемницѣ, я присутствовалъ на обновленіи новаго зданія редакціи мѣстной „Volksstimme“ (самое распространенное названіе нѣмецкихъ рабочихъ газетъ), имѣющей до 66,000 подписчиковъ. Между прочимъ: въ очень комфортабельномъ кабинетѣ редакціи газеты въ качествѣ ея главнаго редактора мнѣ было очень любопытно встрѣтить моего знакомаго, бывшаго студента берлинскаго университета, представителя того „вольнаго“ нѣмецкаго студенчества, которое лѣтъ 15 тому назадъ выросло изъ оппозиціи противъ отсталаго корпоративно-консервативнаго и реакціоннаго быта нѣмецкихъ университетовъ и изъ оппозиціи же пополняло собою контингентъ „академиковъ“ въ передовомъ движеніи пролетаріата...

Но продолжимъ нашу параллель. Вмѣсто 12-ти депутатовъ, приводившихъ въ ужасъ 35 лѣтъ тому назадъ, теперь въ рейхстагѣ сидитъ 110. Въ мѣстныхъ сеймахъ (ландтагахъ) за послѣдній годъ прибавилось 36 депутатовъ, всего соціалъ-демократическихъ членовъ въ ландтагахъ 224. Ихъ нѣтъ только въ шести ландтагахъ изъ 23-хъ, но за то въ нѣкоторыхъ они уже въ большинствѣ. Какъ разъ теперь одинъ изъ такихъ миніатюрныхъ нѣмецкихъ парламентовъ, Шварцбургъ-Рудольфштадтскій, переживаетъ настоящуютрагедію. Правительство этого „государства“, въ которомъ всего на-всего 100.702 жителя и въ которомъ населеніе столицы достигаетъ всего 12,949 душъ,— это мудрое и отягченное государственными заботами правительство уже разъ распустило ландтагъ, потому что изъ его 16 депутатовъ девять оказались соціалъ-демократами. Но и новые выборы не улучшили позицію правительства: опять явилось соціалъ-демократическое большинство. Аграрно-консервативное и либеральное меньшинство уже примирилось съ этимъ зломъ и даже единодушно избрало въ президенты соціалъ-демократа. А правительство все еще мудритъ и не находитъ выхода изъ этого пренепріятнаго положенія.

Соціалъ-демократическая партія удѣляетъ все больше вниманія и муниципальнымъ дѣламъ. Увы, куда ушли тѣ времена, когда эта партія еще не рѣшалась стряхнуть съ себя настроенія секты и бойкотировала парламентаризмъ во всѣхъ его видахъ. Теперь она не гнушается и самыхъ малыхъ дѣлъ. Она имѣетъ въ 470 городахъ 2,531 и въ 2,680 сельскихъ общинахъ 7,593 своихъ представителей; кромѣ того, 104 своихъ члена въ 50 городскихъ магистратахъ и 204 члена въ 157 сельскихъ управахъ.

Когда говоришь о германской соціалъ-демократіи, то неизбѣжно приходится оперировать большими числами и цифрами. У этой партіи все ея развитіе идетъ, какъ сказалъ бы нѣмецъ, in's grandiöse, in's massenhafte. Французы, которые вмѣсто большихъ чиселъ и прочныхъ организацій могутъ похвалиться своимъ темпераментомъ, порой даже ставятъ нѣмцамъ въ упрекъ ихъ „массивность“. И я, напримѣръ, припоминаю, какъ на штутгардтскомъ международномъ конгрессѣ соціалистовъ въ 1907 году недавно отрекшійся отъ крайностей антимилитаризма Густавъ Эрве распекалъ нѣмецкихъ товарищей:

„Вы не болѣе, какъ выборная и цифровая машина, партія со многими мандатами и полными кассами“... Другой французскій соціалистъ, нашъ ех-соотечественникъ Шарль Раппопортъ, не безъ остроумія комментировалъ нападки Эрве словами: „Это вѣрно: французъ скорѣе готовъ драться на баррикадахъ, чѣмъ аккуратно платить членскіе взносы въ партійную кассу“.

Итакъ, еще нѣсколько цифръ — надѣюсь—заключительныхъ. На послѣднюю избирательную кампанію изъ одной центральной кассы было израсходовано 910,000 марокъ; расходы отдѣльныхъ избирательныхъ мѣстныхъ организацій на ту же статью опредѣляются суммой въ 2,384,965 марокъ. Отъ германской соціалъ-демократіи и ея противники научились, что для избирательной борьбы требуются, какъ и для подлинной войны, деньги, деньги и деньги, и потому представители торговли, промышленности, использователи аграрныхъ пошлинъ и разныхъ казенныхъ пироговъ въ послѣднее время все больше отягощаютъ свой бюджетъ пожертвованіями въ пользу избирательнаго фонда тѣхъ партій, отъ которыхъ ждутъ защиты своихъ интересовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что германская соціалъ-демократія, которая долгое время жила изъ милостей и немилостей начальства, которую и теперь еще разные недоумки считаютъ только „объектомъ“, но не субъектомъ нѣмецкой жизни и законодательства,—мы видимъ, что эта партія постепенно пустила въ странѣ глубокіе корни и устроилась совсѣмъ по домашнему, на хозяйскую, ни отъ кого независимую, ногу. „Консулы“ отечества вопіютъ, конечно, что это самое отечество въ опасности, что соціалъ-демократія стала государствомъ въ государствѣ. Но, вѣдь, напримѣръ, и министра слѣдуетъ причислять къ охранителямъ отечества, а, между тѣмъ, баденскій министръ внутреннихъ дѣлъ недавно въ публичной рѣчи назвалъ соціалъ-демократію „грандіознымъ движеніемъ представительства интересовъ рабочаго класса“. Обскуранты, правда, призвали тотчасъ на этого министра громъ и молніи, но старѣйшій изъ баденскихъ университетовъ, гейдельбергскій, не замедлилъ наградить его титуломъ доктора honoris causa за просвѣщенность и независимость взглядовъ.

Значитъ, и въ представленіяхъ очень и очень тяжелаго на прогрессивный подъемъ нѣмецкаго оффиціальнаго міра совершается эволюція во взглядахъ на столь охаяннаго „внутренняго врага“. Въ 1907 году не мало похвалялись тѣмъ, что въ одной изъ нѣмецкихъ резиденцій оказалось возможнымъ собрать международный соціалистическій конгрессъ. Но то былъ Штутгардтъ,— столица наиболѣе либеральнаго союзнаго государства Германіи. Гораздо болѣе удивило меня, когда я, пріѣхавъ въ Хемницъ, увидѣлъ на вокзалѣ „королевско-саксонской желѣзной дороги“ разукрашенный красными цвѣтами павильонъ для встрѣчи делегатовъ соціалъ-демократическаго партейтага. А на самомъ партейтагѣ полиція блистала полнымъ отсутствіемъ, хотя законъ предоставляетъ ей право надзора за публичными политическими собраніями. Замѣтьте—это въ „Красной Саксоніи“, гдѣ соціалъ-демократы уже съ давнихъ

поръ кипмя кипатъ, но за то начальственный и предпринимательскій режимъ сохранилъ еще сравнительно большую суровость.

Для прогрессирующей политической терпимости оффиціальныхъ сферъ характерна еще одна черточка. Въ прежнія времена иностранному соціалисту было довольно рискованно показаться на нѣменкомъ соціалъ-демократическомъ партейтагѣ въ качествѣ оффиціальнаго делегата. Я помню случаи, когда такіе делегаты по распоряженію полиціи вынуждены были убраться во-свояси. Теперь и въ этомъ отношеніи стало лучше, и въ Хемницѣ, напримѣръ, иностранцы, не владѣющіе нѣмецкой рѣчью, безпрепятственно говорили по французски, хотя знаменитый § новаго закона о собраніяхъ воспрещаетъ употребленіе чужого языка на политическихъ собраніяхъ. Прусскіе и саксонскіе охранители даже очень обрушились на хемницкую полицію за такое упущеніе по службѣ, а затѣмъ обрушились и на почтовое вѣдомство за то, что оно оказало „краснымъ" слишкомъ много чести и вниманія, устроивъ въ самомъ помѣщеніи партейтага особое почтово-телеграфное отдѣленіе.

Возвращаясь къ иностраннымъ гостямъ, необходимо упомянуть, что въ этотъ разъ ихъ особенно много явилось на партейтагъ. Съ одной стороны, это былъ, такъ сказать, партейтагъ недавней побѣды. Сверхъ того, иностранные соціалисты привыкли смотрѣть на германскую соціалъ-демократію, какъ на наставницу международнаго рабочаго движенія. Англичане, французы, бельгійцы, австрійцы, венгерцы, шведы, чехи свои привѣтственныя рѣчи прежде всего и начали съ обычныхъ признаній по адресу нѣмцевъ. Правда, они могли поразсказать и объ успѣхахъ своего собственнаго движенія. Только отъ элегическаго привѣтствія русскихъ делегатовъ отдавало грустнымъ диссонансомъ. П. Б. Аксельродъ, сообщая о нѣкоторомъ подъемѣ рабочаго движенія въ Россіи, говорилъ, что на недавней заграничной конференціи русскихъ соціалъ-демократовъ сдѣланъ маленькій шагъ къ соглашенію, но все-таки, повидимому, остается еще очень много розни даже въ виду избирательной кампаніи. А другой русскій делегатъ, г. Каменевъ, наглядно иллюстрировалъ эту рознь, такъ какъ даже на нѣмецкомъ партейтагѣ помѣстился въ сторонѣ отъ Аксельрода и Троцкаго. По части же „успѣховъ" русскаго движенія могъ, между прочимъ, поразить слушателей характернымъ сообщеніемъ, что въ Петербургѣ вышло пять нумеровъ марксистской газеты, но что за нихъ отдуваются уже въ кутузкѣ шесть редакторовъ...

«Государство въ государствѣ!»—съ ужасомъ взываютъ, какъ мы видѣли выше, присяжные охранители отечества. И то правда: соціалъ-демократія не оставляетъ ни одной области государственной жизни, ни одного поприща общественной дѣятельности и попеченія безъ своего рѣшительнаго воздѣйствія. И обо всемъ этомъ она отдаетъ отчетъ на своихъ годичныхъ парламентахъ. Она взяла подъ свою высокую руку заботу о дѣтяхъ пролетаріата и объ охранѣ дѣтскаго труда. Для этой цѣли она создала по всей странѣ сѣть особыхъ „дѣтскихъ

комиссій», Kinderschutzkommissionen. Она радѣетъ о рабочей молодежи и для этой цѣли имѣетъ уже теперь въ 574 мѣстностяхъ „комитеты молодежи"—jugendausschüsse, имѣетъ особую газету „Arbetierjugend" съ 81,000 подписчиками, имѣетъ пріюты для молодежи—Jugendheime, библіотеки для молодежи и опять-таки широкую сѣть образовательныхъ учрежденій, курсовъ и т. п. Эта отрасль дѣятельности партіи такъ переполошила буржуазныя партіи, что прусское министерство народнаго просвѣщенія сочло нужнымъ ассигновать $2^1/_2$ милліона марокъ въ распоряженіе разныхъ „умерщвителей и пожирателей соціалистовъ" на предметъ борьбы съ ихъ пропагандой среди молодежи. Въ своемъ усердіи эти господа стали напирать на разныя внѣшности, организовали повсюду своего рода „потѣшные" полки, внесли въ дѣло столько тенденціозной декоративности, что въ благомыслящихъ сферахъ самого же буржуазнаго общества слышится уже громкій ропотъ и недовольство.

Чрезвычайно интересна также просвѣтительная дѣятельность партіи и среди взрослаго пролетаріата. Лѣтъ пять тому назадъ ею было учреждено нѣчто вродѣ министерства народнаго просвѣщенія, правда, подъ довольно скромнымъ названіемъ „Bildungsausschuss", во главѣ котораго стоитъ прекрасный знатокъ школьнаго дѣла и практическій педагогъ Генрихъ Шульцъ. Онъ же руководитъ и партійной академіей—Parteischule, подготовляющей партійныхъ агитаторовъ, рабочихъ секретарей, редакторовъ и т. п. Изъ берлинскаго центра идутъ общія руководящія указанія, но на мѣстахъ имѣются свои автономные „окружные просвѣтительные комитеты", въ которыхъ политическія огранизаціи дѣйствуютъ сообща съ профессіональными, устраивая въ своихъ районахъ рабочія школы, курсы всякаго рода, вольные театры, библіотеки, передвижныя лекціи, народные концерты и т. д. Знаніе—сила! Этотъ лозунгъ все болѣе входитъ въ сознаніе нѣмецкаго рабочаго класса.

Кто ждалъ отъ хемницкаго партейтага бурныхъ преній и столкновеній между главнѣйшими направленіями въ партіи—радикалами и ревизіонистами,— тотъ обманулся въ своихъ злорадственныхъ разсчетахъ. Въ рѣзкихъ оборотахъ и страстныхъ выпадахъ недостатка, конечно, не было съ обѣихъ сторонъ и, на вкусъ обыкновеннаго смертнаго, возбужденныхъ сценъ было болѣе, чѣмъ надо: безъ этого ужъ немыслимо существованіе много-милліонной боевой партіи. Но въ общемъ, въ Хемницѣ, какъ и въ предыдущіе годы, въ обоихъ лагеряхъ чувствовалось стремленіе: quieta non movere, не подымать зря скандала, не создавать ненужныхъ внутреннихъ кризисовъ. Въ обычное время ревизіонисты не прекращаютъ подкапывающей работы противъ теоріи и практики ортодоксовъ и спеціально къ хемницкому партейтагу ихъ главный штабъ—Аронсъ, Шиппель, Носке, Кольбъ, Квессель, Зюдекумъ, Гейне, Бернштейнъ, Мауренбрехеръ, Шредеръ и др. — не преминулъ выступить въ своемъ лейбъ-органѣ «Socialistische Monatshefte» съ цѣлой канонадой ревизіонистскихъ аргументовъ и съ настоящимъ печатнымъ штурмомъ на вражескія позиціи. Но на

самомъ партейтагѣ всѣ какъ бы подтянулись, памятуя, по трагическому примѣру Дрездена, какъ рискованно нарушать душевное равновѣсiе партiи. Партiя четырехъ миллiоновъ избирателей и 110-головой парламентской фракцiи научилась чувству и сознанiю своей растущей отвѣтственности и ради успѣховъ даннаго момента старается подавить въ себѣ опасныя вспышки фанатическихъ увлеченiй. Съ дальнѣйшимъ обостренiемъ политическихъ конфликтовъ и контрастовъ въ нѣмецкой жизни соцiалъ-демократическую партiю, можетъ быть, ждутъ тяжелыя катастрофныя испытанiя, которыя потребуютъ отъ нея высшей степени самоотверженiя и энтузiазма. Въ настоящее же время ея жизнь и дѣятельность протекаютъ въ нормальномъ руслѣ и мало напоминаютъ духъ мученичества и эпоху героизма. Тамъ, гдѣ нѣкогда Бебель съ пророческимъ вдохновенiемъ увлекалъ за собою рабочiя массы и ея представителей на партейтагахъ, теперь рѣшаетъ хладнокровная ясность Шейдемана, недолговѣчнаго вице-президента рейхстага. Конечно, Бебель—неоспоримый, всѣми чтимый и любимый вождь. Когда онъ со все еще удивительной эластичностью всходитъ на трибуну и начинаетъ говорить—не съ прежнимъ пыломъ, а въ мягкомъ, примирительномъ, отеческомъ тонѣ партiйнаго патрiарха,—тогда всѣ прислушиваются въ чисто молитвенномъ благоговѣнiи. Соцiалъ-демократическiя массы боготворятъ своего старца со всей силой античнаго героическаго культа. Но руководительство въ борьбѣ, хотя и подъ его верховнымъ контролемъ, все же перешло къ другимъ людямъ. Это—не ультра-радикалы à la Ледебуръ, къ которому перешло парламентское наслѣдiе покойнаго „старика“ Либкнехта. Это—и не ультра-оппортюнисты à la Зюдекумъ или Гейне. Это—новая формацiя, прозванная въ партiйной литературѣ „марксистскимъ центромъ“, который группируется около центральнаго комитета партiи (подъ главенствомъ Бебеля!) и который практику и тактику партiи направляетъ въ духѣ допустимыхъ компромиссовъ, разумной „золотой середины“.

За малымъ исключенiемъ въ этомъ духѣ были разрѣшены всѣ мелкiе и крупные вопросы хемницкой программы. Если бы послушаться строгихъ и неумолимыхъ Катоновъ партiи, то, напримѣръ, депутата рейхстага д-ра Ландсберга слѣдовало бы отправить на галеры, какъ тяжкаго преступника, потому что онъ при возглашенiи «hoch!» императору президентомъ рейхстага не счелъ для себя удобнымъ обратиться въ бѣгство, а, оставаясь въ залѣ, переждалъ эту церемонiю. Но гнѣвъ Катоновъ не встрѣтилъ отклика въ громадномъ большинствѣ партейтага. Поведенiе отдѣльныхъ депутатовъ при монархическихъ манифестацiяхъ въ парламентѣ обусловлено, правда, извѣстными традицiями партiи. Но „стулья ломать“ изъ-за того или другого маленькаго уклоненiя отъ традицiи считается дѣломъ нецѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что и самыя почтенныя традицiи подвержены видоизмѣненiямъ. Да, наконецъ, какъ можно человѣка, поступившаго такъ, какъ поступилъ д-ръ Ландсбергъ, объявить тотчасъ перебѣжчикомъ въ антиреспубликанскiй

лагерь! Нельзя себѣ представить болѣе смѣшной картины, какъ растерянное убѣганіе изъ залы засѣданія цѣлой массы депутатовъ, застигнутыхъ криками «hoch!» И можно лишь привѣтствовать тотъ фактъ, что смѣхотворность этой картины заставляетъ искать другихъ, болѣе достойныхъ, способовъ преодолѣнія такой „критической“ ситуаціи. Отношеніе къ такимъ поискамъ уже не такое трагическое, какъ въ прежнія времена. Сколько крови взбаламутило въ 1903 году предложеніе Бернштейна добиваться вице-президентскаго поста въ рейхстагѣ! Вѣдь, изъ-за этого предложенія чуть ли не весь сыръ - боръ загорѣлся на дрезденскомъ партейтагѣ. А, между тѣмъ, теперь мы дожили до практическаго опыта съ соціалъ-демократическимъ вице-президентомъ—и въ партіи только пожалѣли, что карьера Шейдемана на креслѣ президента оборвалась слишкомъ рано.

Изъ болѣе мелкихъ, вѣрнѣе—изъ ежегодно повторяющихся на партейтагахъ темъ можно еще отмѣтить довольно злополучный вопросъ о майскомъ праздникѣ. Но и тутъ партія не идетъ противъ рожна. Когда оказалось невозможнымъ проводить майскій праздникъ съ полнымъ отказомъ отъ работы, было постановлено, что работающіе въ день 1-го мая отдаютъ часть своего заработка въ пользу пострадавшихъ отъ преслѣдованія хозяевъ за отказъ отъ работы. Но и это постановленіе оказалось нецѣлесообразнымъ и недостойнымъ средствомъ усовершенствованія майскаго праздника. Отклонивъ предложеніе о перенесеніи майскаго праздника на первое воскресенье мѣсяца мая, партія сочла нужнымъ упразднить и постановленіе о пособіи за счетъ работающихъ: сама партійная касса приходитъ на помощь жертвамъ предпринимательскихъ репрессій; касательно же майскаго праздника не теряется надежда, что онъ постепенно будетъ охватывать все болѣе широкія и все болѣе самоотверженныя массы трудящагося люда.

И еще одинъ „мелкій“ и въ то же время очень серьезный вопросъ. Года три тому назадъ, на лейпцигскомъ партейтагѣ, былъ, какъ извѣстно, постановленъ „спиртный бойкотъ“. Въ партіи на этой почвѣ появились спеціалисты-агитаторы, которые ужъ черезчуръ усердствуютъ и для проведенія бойкота склонны прибѣгать къ форменнымъ запретамъ. Руководящія сферы вводятъ, однако, это усердіе въ должныя границы, рекомендуя поменьше опеки и побольше разумной воли. Этимъ путемъ достигнуты крупные результаты: потребленіе спиртныхъ напитковъ, къ великому огорченію аграріевъ и казны, сильно сокращается; рабочіе даже отъ пива отвыкаютъ настолько, что скоро за помѣщенія для собраній придется платить наличныя деньги вмѣсто обычной платы питьемъ хозяйскаго пива.

Что касается болѣе крупныхъ и принципіальныхъ пунктовъ хемницкой программы, то вопросъ объ имперіализмѣ уже на прежнихъ партейтагахъ обсуждался подъ другими названіями—мировой колоніальной политики. И хемницкій партейтагъ немного прибавилъ къ прежнимъ дебатамъ. Онъ принялъ резолюцію, которая выдвигаетъ ограниченіе вооруженій, какъ конкретное требованіе

текущей агитаціи... По кардинальному же вопросу партійной тактики партейтагъ одобрилъ дѣйствія центральнаго комитета въ послѣднюю избирательную кампанію, когда во время перебаллотировокъ не только состоялось соглашеніе съ либералами, но, къ выгодѣ послѣднихъ, въ цѣломъ рядѣ округовъ соціаль-демократамъ предписано было „умѣрить" агитаціонный пылъ, лишь бы добиться крушенія черно-голубого блока. Этотъ вотумъ партейтага открываетъ любопытныя перспективы на предстоящіе въ будущемъ году выборы въ прусскій ландтагъ.

Казалось бы, самый мирный соціалъ-демократическій партейтагъ все же закончился рѣзкимъ и досаднымъ диссонансомъ. Партейтагу, какъ высшей партійной инстанціи, пришлось разсмотрѣть дѣло объ исключеніи изъ партіи низшими инстанціями партійнаго писателя Гергардта Гильдебранда. Гильдебрандъ пришелъ въ партію изъ національ - соціальной школы Фридриха Наумана и принесъ съ собою не только сильную демократическую жилку, но и яркій отблескъ національнаго и патріотическаго паѳоса своего высокоталантливаго учителя. Какъ это случалось и раньше съ бывшими науманіанцами, Гильдебрандъ примкнулъ къ ревизіонистскому лагерю и притомъ—къ его самому правому крылу, которое дѣйствуетъ наперекоръ общей линіи партіи.

Партія борется противъ дороговизны, а это крыло отстаиваетъ аграрныя пошлины; партія видитъ въ покровительственной системѣ и колоніальной политикѣ все болѣе грозно выступающія причины международныхъ осложненій, а то крыло отстаиваетъ имперіалистскую идеологію; партія борется съ милитаризмомъ, а оно дискредитируетъ идею народной милиціи, и т. д. Гильдебрандъ также избралъ своей спеціальностью вопросы имперіализма и колоніальной политики. Сами ревизіонисты разошлись съ его конечными выводами, но его исключеніе изъ партіи все же считали несправедливостью, прегрѣшеніемъ противъ свободы мнѣнія и научнаго изслѣдованія. Старая исторія! По большинство партейтага сказало: «мы не хотимъ лишать Гильдебранда свободы мнѣнія и научнаго изслѣдованія, но этой свободой онъ имѣетъ право пользоваться только за предѣлами нашей партіи»...

А. Ковровъ.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

О промышленномъ подъемѣ.

Нижегородская ярмарка въ этомъ году обманула ожиданія. Ярмарочные корреспонденты констатировали, что настроеніе какъ-то вдругъ оборвалось и на сцену выступили безденежье, слишкомъ высокія цѣны на товары. Выигрышнымъ временемъ оказалась лишь первая треть ярмарки—и выигрышемъ этимъ воспользовались лишь мануфактуристы, первыми открывшіе ярмарочную торговлю.

Однако, безъ сомнѣнія, ошибся бы тотъ, кто сталъ бы по этой ярмаркѣ судить объ общемъ промышленномъ состояніи Россіи. Въ то время, какъ перспективы въ центральномъ торговомъ пунктѣ, по заявленію органа министерства финансовъ, „не вполнѣ оправдались“, промышленный подъемъ—послѣ цѣлаго ряда лѣтъ промышленной депрессіи—на лицо.

Казалось, ближайшее будущее нашей промышленности уже столько разъ попадало въ одинъ и тотъ же тупикъ, что оставалось лишь констатировать упадокъ. Если съ легкой руки г. Брандта одно время каждый годъ чьи-либо „данныя“ неопровержимо доказывали, что кризисъ конченъ, (такъ, молъ, и должно быть по аналогіи съ Европой), то вслѣдъ затѣмъ всѣ данныя, даже самыя оптимистическія, подтверждали неизмѣнно обратное — возвращеніе кризиса. Развѣ близость новаго подъема въ 1903 г. не была реальна? За этимъ краткимъ, хотя и шаткимъ годомъ „покоя“, въ Западной Европѣ въ самомъ дѣлѣ послѣдовалъ подъемъ. Однако, близость эта оказалась эфемерной. Если и было въ 1903—04 гг. нѣкоторое движеніе промышленнаго капитала вверхъ, то, въ такомъ случаѣ, мы тотчасъ же, въ томъ же 1904 году, вступили въ новое состояніе застоя. Война, создавшая специфическое оживленіе на томъ мѣстѣ, гдѣ было пусто, породила новое заблужденіе. Готовились снаряды, строились вагоны, получались заказы на кожевенныхъ заводахъ, а иллюзія оставалась иллюзіей. Въ 1907 г. наши экономисты—въ унисонъ съ оффиціозами—опять заводятъ рѣчь о концѣ кризиса. И опять-таки, въ самомъ дѣлѣ, вновь стало проявляться нѣчто аналогичное „покою 1903 г.“, даже болѣе ярко выраженное въ такихъ основныхъ отрасляхъ, какъ металлургическая. Но видимость оживленія

и самое оживленіе—вещи разныя. Дѣло оказалось и на этотъ разъ не въ голомъ фактѣ, а въ характерѣ явленія. И экономисты очень скоро убѣдились, что они обратили вниманіе лишь на суммарные общіе итоги, не потрудившись проанализировать, что скрыто за этими цифрами. Подойдя къ существу вопроса, они лишній разъ увидѣли, что „подъемъ" 1906—07 гг. ничѣмъ не отличается отъ „подъема" 1903 г., что въ основѣ положенія лежитъ хронически угнетенное состояніе, лишь модифицирующееся то въ ту, то въ другую сторону, которое—вопреки самымъ остроумнымъ аналогіямъ съ капиталистическими перипетіями Запада—не считается ни съ какими предсказаніями.

Мудрено ли, если, наученные горькимъ опытомъ, пессимисты даже теперь еще, въ началѣ 1912 г. послѣ новаго голода, точно вихрь пронесшагося надъ русской деревней, ожидали возвращенія промышленнаго застоя? Однако, на этотъ разъ это не такъ. На этотъ разъ расцвѣтъ промышленности, начавшійся въ серединѣ 1909 г. и продолжающійся до сихъ поръ, безъ сомнѣнія, носитъ характеръ не того оживленія, которымъ сопровождались эфемерные переходы отъ кризиса къ подъему, а подлиннаго хозяйственнаго подъема.

Понижающее вліяніе неурожая прошлаго года—фактъ само собой разумѣющійся. Но, во-первыхъ, чувствительно дало себя знать это пониженіе почти исключительно въ мануфактурной промышленности. Тревожныя вѣсти шли изъ польскаго мануфактурнаго района, гдѣ цѣлый рядъ фабрикъ (Петроковской, Варшавской, Калишской губерній) сократилъ производство, и изъ Иваново-Вознесенска. Товары возвращались обратно на фабрики, фабриканты объявляли дальнѣйшую скидку съ цѣнъ—и было ясно, что будущій сезонъ въ Поволжьѣ потерянъ. „Заминка" давала себя знать, даже переходя, если хотите, изъ мануфактурной области на другія. Но лишь въ видѣ исключенія. Такъ, напр., въ Ригѣ—послѣ оживленной строительной горячки—вдругъ обнаружился застой въ строительномъ дѣлѣ. Но такихъ примѣровъ насчитать можно немного. Напротивъ, сейчасъ даже хлопчатобумажная промышленность, наиболѣе пострадавшая, уже замѣтно оправилась. Тѣ же корреспонденты, которые еще недавно отмѣчали прямую тенденцію цѣнъ къ пониженію, теперь отмѣчаютъ увеличеніе подъ вліяніемъ увеличивающагося спроса, и „Горнозаводское Дѣло" замѣтило еще въ апрѣлѣ, что неурожай не остановилъ того промышленнаго оживленія, въ полосу котораго мы уже вступили не первый годъ. Поскольку можно судить по притоку акціонерныхъ капиталовъ, мануфактурная отрасль, наиболѣе тѣсно связанная съ судьбами русскаго сельскаго хозяйства, пережила лишь временную заминку.

Тѣмъ благополучнѣе въ другихъ отрасляхъ, прежде всего въ той, которая наиболѣе радикально почувствовала на себѣ удары чернаго десятилѣтія,—желѣзодѣлательной. Нельзя не отмѣтить разницы по сравненію съ подъемомъ 90-хъ годовъ, когда желѣзодѣлательная промышленность наша обслуживала

почти одно желѣзнодорожное строительство. Тогда казенные заказы для нея были все. Не то сыграло роль въ теперешнемъ желѣзодѣлательномъ подъемѣ. Только въ самое послѣднее время вновь оживилось желѣзнодорожное строительство, и появился новый спросъ на желѣзнодорожное желѣзо. Первый же факторъ, двинувшій эту отрасль впередъ на этотъ разъ,—лихорадочная строительная горячка, какъ-то вдругъ охватившая полъ-Россіи. Точно всѣ милліоны, накопившіеся за всѣ годы перелома, неожиданно устремились въ одно строительство. Разница эта подчеркиваетъ, какъ значительна была въ подъемѣ 90-хъ годовъ роль министровъ, въ настоящемъ же подъемѣ, наоборотъ, роль внутреннихъ силъ хозяйственнаго развитія.

Добыча каменнаго угля во много разъ возросла. Ростъ ея „Горнозаводское Дѣло" называетъ „необычайнымъ", „колоссальнѣйшимъ", „объясняющимся, конечно, необычайнымъ подъемомъ промышленности въ Россіи". Правда, весной 1910 г. вдругъ обнаружился угольный кризисъ, и на угольныхъ шахтахъ началось сокращеніе производства. Но объяснялось это тѣмъ, что въ значительной степени добыча каменнаго угля увеличилась за счетъ нефти: цѣлый рядъ предпріятій перешелъ отъ нефтяного къ угольному отопленію. Но, въ концѣ концовъ, добыча угля перешла мѣру, что—въ связи съ паденіемъ цѣнъ на нефть — и вызвало „заминку". Въ 1912 г., однако, за первые четыре мѣсяца добыто въ Европейской Россіи на 10% больше, чѣмъ за тѣ же мѣсяцы прошлаго года. Отовсюду сообщаютъ, что запасовъ угля меньше, чѣмъ обычно въ это время: „настроеніе съ углемъ твердое".

Еще, конечно, идетъ и строительная горячка, о которой говорилось выше. Она обыкновенно предшествуетъ промышленному оживленію. Но и сейчасъ можно указать города, гдѣ строительство пріостанавливалось изъ-за недостатка кирпича. Напр., число разрѣшеній, выданныхъ с.-петербургской городской управой на новыя постройки, въ 1910 г. выше, чѣмъ въ 1909 г., еще выше въ 1911 г. А такъ какъ подъемъ въ одной области неизбѣжно отражается въ другой, то аналогичное движеніе впередъ мы видимъ вездѣ, начиная съ внѣшней торговли Россіи, которая еще въ 1910 г. характеризовалась чрезвычайнымъ увеличеніемъ привоза всѣхъ важнѣйшихъ товаровъ, и кончая производствомъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, подтверждающимъ, насколько судьбы сельскаго хозяйства зависятъ отъ развитія промышленнаго капитализма, а не наоборотъ.

И вотъ, оживленіе на каждомъ шагу. Растутъ новыя предпріятія, расширяются старыя. Вводятся патентованные способы производства. Оживаютъ предпріятія, казалось, уже разъ навсегда конченныя. Если періоды промышленнаго подъема прежде всего характеризуются безудержнымъ ростомъ акціонерныхъ компаній, то приливъ акціонерныхъ капиталовъ давно ужъ не былъ такъ значителенъ, какъ сейчасъ. Въ 1910 г. опубликованы уставы 159 новыхъ акціонерныхъ компаній, въ 1911 г.—

232, причемъ компаніи сильно увеличили вложенные капиталы. Общая сумма капиталовъ, вложенныхъ въ акціонерныя компаніи, составляетъ 371,44 милл.; и такой приливъ, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, является небывалымъ для послѣднихъ лѣтъ. При этомъ только въ 1910 г. этотъ приливъ акціонерныхъ капиталовъ падаетъ, главнымъ образомъ, на горнозаводскую и машиностроительную промышленность. Въ 1911 г. акціонерная горячка охватываетъ и всѣ другія отрасли промышленности и торговли. Приростъ учредительства въ 1911 г. особенно великъ въ мануфактурныхъ, свеклосахарныхъ и пр. предпріятіяхъ.

Въ связи съ этимъ стоитъ повышеніе техническаго уровня, концентрація производства. Какъ это ни странно на поверхностный взглядъ, но еще въ годы кризиса техника сдѣлала у насъ крупный шагъ впередъ. Какъ устанавливаютъ данныя, прогрессъ техники въ періодъ 1897 г.—1908 г. шелъ интенсивнѣе, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе, хотя, конечно, производство само по себѣ и сократилось. Къ этому неуклонно побуждала необходимость понижать издержки производства. Прямой показатель повышенія техническаго уровня—ростъ числа паровыхъ котловъ, даже въ самые трудные годы шедшій все вверхъ. Тотъ же прогрессъ техники, наряду съ подъемомъ промышленности, видимъ и сейчасъ, и лучшее выраженіе его—концентрація производства. Если число рабочихъ вопреки значительнымъ техническимъ измѣненіямъ въ структурѣ промышленныхъ предпріятій, все-таки замѣтно увеличилось за послѣдніе годы, то приростъ этотъ падаетъ почти исключительно на крупныя предпріятія. Подчеркивая борьбу крупныхъ и мелкихъ предпріятій, отчеты фабричныхъ инспекторовъ отмѣчаютъ всю неустойчивость послѣднихъ. Кризисъ поистинѣ былъ вихремъ смерти для предпріятій мелкихъ, значительно устарѣвшихъ по своему устройству. Напр., въ Баку сплошь и рядомъ мелкія и среднія нефтяныя предпріятія погибали. То же самое въ бѣлостокскомъ районѣ, гдѣ кризисъ почти совершенно убилъ ручное ткачество. Передъ нами, на нашихъ глазахъ, выростали и выростаютъ гигантскія предпріятія, поглощающія мелкія и среднія предпріятія, какъ рыбешку, и въ этихъ-то гигантахъ вся суть перелома, происшедшаго въ нашей промышленной конъюнктурѣ. Русскій капиталъ европеизируется.

Число синдикатовъ, разумѣется—„нелегальныхъ", растетъ съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—дивидендный процентъ. По даннымъ даже такой газеты, какъ „Россія", 11 южныхъ доменныхъ заводовъ на 1910—11 гг. получили 17 милліоновъ рублей прибыли, что составляло 15 проц. на капиталъ. По другимъ производствамъ отчеты еще не опубликованы, но газета утверждаетъ съ увѣренностью, что и въ другихъ отрасляхъ промышленности экономическій подъемъ использованъ „съ достаточной выгодой". Надо, въ самомъ дѣлѣ, лишь вспомнить прибыль путиловскаго завода или сормовскаго, гдѣ дивидендъ бываетъ еще выше. „Мы уже и теперь оплачиваемъ,—говоритъ мини-

стерская газета, — такіе проценты на капиталы, вложенные въ промышленность, которые далеко оставляютъ за собой все то, что считается не только удовлетворительнымъ, но и прямо хорошимъ на европейскомъ Западѣ".

Таковъ переживаемый подъемъ промышленности. Ясное дѣло, что хотя уже въ самомъ началѣ сопровождался онъ двумя урожаями, исключительными и по количеству, и по качеству сбора, не въ нихъ первопричина. Что урожаи сыграли свою роль, прежде всего, въ хлопчато-бумажной промышленности — и роль не малую—не подлежитъ сомнѣнію. Но коренная перемѣна на промышленномъ рынкѣ въ непосредственной связи съ урожаемъ не стоитъ. Вѣдь, совпалъ же подъемъ промышленности въ 90-хъ годахъ съ неурожаемъ, а промышленный кризисъ съ урожаемъ. Къ тому, же теперешній подъемъ не стоитъ особнякомъ. Онъ характеризуетъ не только Россію, но и капиталистическія страны Запада и Америки, въ то время, какъ въ 1903—04 гг. случилось обратное. Вотъ въ этой-то особенности, какъ указываетъ М. И. Туганъ-Барановскій, безспорно лежитъ одна изъ основыхъ движущихъ пружинъ новаго подъема, сообщающая ему свои черты.

Въ самомъ дѣлѣ, подойдемъ къ этому моменту. Въ то время, какъ обычно моменты кризиса и расцвѣта совпадали у насъ съ такими же колебаніями западно-европейскаго капитала, въ 1903—04 гг. соотвѣтствіе оказалось нарушеннымъ. Казалось бы, нити, связавшія молодой русскій капитализмъ съ интернаціональнымъ, пріобрѣтавшимъ съ каждымъ годомъ все большую подвижность, дѣлались все крѣпче, зависимость — всестороннѣе. На самомъ же дѣлѣ только страны Запада въ то время успѣли пережить полный циклъ періодическаго развитія, перейдя отъ угнетеннаго состоянія къ промышленному подъему. У насъ же этого не произошло. Почему же не произошло? Факты у всѣхъ въ памяти. Война, потребовавшая колоссальныхъ средствъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, промышленная конъюнктура начала улучшаться, требуя лишь свободной денежной наличности для того, чтобы пріобрѣсти вновь равновѣсіе, подорвала кредитъ, остановила торговлю съ Дальнимъ Востокомъ, поколебала денежную валюту, породила еще большую неувѣренность въ рыночныхъ отношеніяхъ. Если же такъ отразилась война, то еще рѣзче отозвалась на промышленномъ состояніи Россіи революціонная и затѣмъ контръ-революціонная война. Дѣло въ томъ, что все это, вмѣстѣ взятое, нанесло ударъ по самому больному мѣсту, именно—иностранному капиталу, устроившемуся такъ крѣпко въ Россіи и вдругъ испугавшемуся за свое благополучіе.

Совсѣмъ иное сейчасъ, когда иностранный капиталъ отдѣлался отъ своихъ опасеній, а иностранная пресса доказываетъ съ „цифрами въ рукахъ", что политическое положеніе Россіи оказалось несравненно устойчивѣе, чѣмъ могло казаться подъ вліяніемъ минуты. Если капиталъ бельгійскихъ акціонерныхъ предпріятій въ 3 года (съ 1897 по 1900) удвоился въ нашемъ отечествѣ, а затѣмъ сталъ быстро убывать,

то еще 2 года назадъ „Русскій Экономистъ“ провозгласилъ новый походъ на Россію бельгійскихъ капиталовъ. Если подъемъ девяностыхъ годовъ имѣлъ въ своемъ основаніи, скажемъ, 15 милл. фунтовъ стерлинговъ англійскихъ акціонерныхъ компаній, то сейчасъ уже, напр., номинальные размѣры англійскаго капитала, вложеннаго въ нефтяное дѣло одного майкопскаго района, составляютъ почти 200.000 милл. руб. Германскіе, французскіе капиталы возвращаются. Если принять во вниманіе, въ какихъ сравнительно скудныхъ размѣрахъ въ Россіи накопляется капиталъ внутренній, какъ бѣдна Россія собственнымъ капиталомъ, то значеніе прилива иностранныхъ капиталовъ для теперешняго подъема будетъ ясно безъ комментаріевъ. Если накопленіе идетъ во-всю, если капиталисты сберегаютъ сотни милліоновъ, отказываясь отъ „личнаго потребленія“, то это сбереженіе прежде всего — заграничнаго происхожденія. Новыя компаніи, новые планы разработки нетронутыхъ богатствъ, новыя концессіи—все это означаетъ, что иностранный капиталъ, послѣ памятнаго лихорадочнаго отлива, „возвратился“ и завоевываетъ всѣ пути.

Подъемъ продолжается уже три года. Уже три года министерство финансовъ— можно сказать, въ теченіе всего десятилѣтія съ оптимизмомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, восклицавшее: „пора бы покончить съ миѳомъ о несуществующемъ кризисѣ“ — приписываетъ мудрость „конца кризиса“ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько проектовъ явилось въ оффиціальной печати, сколько совѣтовъ преподано, сколько обнаружено искусства говорить много и не сказать ничего! Однако, хотя говорить о возвращеніи застоя въ началѣ 1912 г. не было никакихъ основаній, уже время задаться и вопросомъ: сколько же еще приблизительно продержится начавшійся промышленный подъемъ? Нѣтъ ли какихъ-либо симптомовъ, указывающихъ на переломъ въ томъ или иномъ направленіи?

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что маленькіе недостатки механизма — тѣ самые, которые опредѣляютъ положительно все въ нашемъ отечествѣ — хорошо извѣстны, и нѣтъ вопроса, при обсужденіи котораго ихъ можно было бы хоть въ слабой степени игнорировать. Изъ предыдущаго съ ясностью слѣдуетъ, что если бы движеніе 1905 г. одержало верхъ, промышленный подъемъ пошелъ бы своимъ нормальнымъ путемъ, —путемъ европейскаго промышленнаго цикла. Но побѣдилъ старый режимъ—и промышленное развитіе застряло въ тупикѣ. А многое ли измѣнилось съ тѣхъ поръ? Очевидно, черносотенная реакція отнюдь не почва для длительнаго промышленнаго подъема. Милитаризмъ, внѣшнія авантюры, полицейскій абсолютизмъ—все то, что входитъ въ содержаніе „обновленнаго строя“, отнюдь не создаетъ сколько-нибудь устойчиваго политическагоположенія. Для того, чтобы экономическое развитіе Россіи шло нормальнымъ путемъ, нужно уничтожить тѣ самыя свалки мусора, что мы видимъ уже десятилѣтія, нуженъ тотъ капитальный ремонтъ, о которомъ говорятъ уже десятилѣтія. Прогрессивныя

нужды нашей промышленной жизни ждутъ своего разрѣшенія, но соотвѣтствующіе проекты десятками и сотнями прячутся подъ сукно, такъ какъ удовлетворить ихъ—значитъ измѣнить не только финансовую политику, но и поднять потребленіе широкихъ массъ, улучшить положеніе крестьянства и пролетаріата, а это значитъ—многое и политически измѣнить. Одно изъ двухъ: или европейская обстановка хозяйственнаго развитія, или азіатская; или путь промышленнаго капитализма со всѣми его политическими послѣдствіями, или увѣковѣченіе отсталыхъ переходныхъ процессовъ со всѣми ихъ случайностями.

Яркая иллюстрація этихъ строкъ — вопросъ, только что поставленный на очередь не какими-нибудь писаками лѣваго образа мыслей, а представителями именно россійской промышленности. Это—вопросъ о правѣ жительства евреевъ въ связи съ ролью ихъ въ промышленности и торговлѣ Россіи. Роль евреевъ въ области торговли общеизвѣстна. Они составляютъ третью часть всего торговаго класса. Въ качествѣ посредствующаго звена между производителями и потребителями, напр., на югѣ, на юго-западѣ они настолько прониклись своей функціей, что безъ нихъ наладить сбытъ совершенно невозможно. Тѣ самые истинно-русскіе помѣщики, которые въ Думѣ въ такихъ „выраженіяхъ" взываютъ къ погромамъ, внѣ Думы, въ качествѣ уже не депутатовъ, а землевладѣльцевъ, хлѣбныхъ производителей, все-таки апеллируютъ къ евреямъ. Достаточно велика и промышленная иниціатива евреевъ. И вотъ, рядъ мѣръ политическаго характера, вродѣ хвостовскихъ распоряженій, устранившихъ съ нижегородской ярмарки торговцевъ-евреевъ,—и передъ капиталомъ, наконецъ, встаетъ вопросъ не объ административномъ, а хозяйственномъ значеніи подобныхъ мѣръ. Какъ-то вдругъ и биржевые комитеты, и съѣзды крупныхъ капиталистовъ, и общества заводчиковъ и фабрикантовъ вспоминаютъ, что евреи, вѣдь, входятъ въ составъ хозяйственнаго организма Россіи; что разъ такъ, то отдѣлить торгово-промышленное населеніе значительной части страны отъ центра фабричнаго производства значитъ „нанести ударъ не только непосредственно купцамъ-евреямъ, но и огромному, многомилліонному не-еврейскому населенію", т. е. тому же купечеству россійскому.

Кажется, давно ли разныя ремесленныя управы или тѣ же биржевые комитеты строчили свои юдофобскія ходатайства. Даже и теперь въ такихъ городахъ, какъ Одесса или Кіевъ, гдѣ евреи наиболѣе сильны въ экономическомъ отношеніи, извѣстная часть купечества противъ нихъ. Но „копѣйка" учитъ. И вотъ, россійское купечество, въ мѣстномъ значеніи этого слова, заговорило совершенно инымъ языкомъ. Когда въ началѣ года на очередь выплылъ вопросъ объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ, биржевые комитеты и съѣзды крупныхъ капиталистовъ единогласно высказались за тотъ порядокъ учрежденія этихъ товариществъ, при которомъ евреи могутъ даже „захватить" ихъ въ свои

руки. Точно такъ же екатеринославскій биржевой комитетъ, съѣздъ горнопромышленниковъ и всероссійскій съѣздъ представителей торговли и промышленности просили отмѣнить запрещеніе о выселеніи евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей. Опредѣленнѣе же всего высказалось общество заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго промышленнаго района. Его докладная записка по вопросу о стѣсненіяхъ евреевъ въ торговлѣ, представленная В. Н. Коковцову черезъ предсѣдателя общества г. Гучкова, настолько характерна, что нельзя на ней не остановиться.

Обращаетъ вниманіе самая позиція докладчиковъ: они не могутъ пройти мимо вышеуказанныхъ явленій именно потому, что ихъ призваніе—защищать интересы русской торговли и промышленности. «Разобщать деревню съ городомъ, города запада и юга съ городами и деревнями центра и востока, означаетъ какъ бы намѣренное разстройство хозяйственной жизни страны, подрывъ кредита и обезцѣненіе народнаго труда». Это—по адресу г. Хвостова. Видите ли, заготовленные запасы товаровъ не найдутъ ни потребителя, ни покупателя, ни дѣятельнаго посредника „въ той степени, какъ это должно быть и могло бы быть", разъ евреи—почти половина населенія городского въ сѣверо-западномъ краѣ, почти четверть въ другихъ городахъ—будутъ искусственно оторваны отъ своихъ функцій.

Даже выселенія евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей оцѣниваются съ точки зрѣнія интересовъ капитализма. Дѣло въ томъ, что и эти выселенія нельзя предвидѣть, нельзя учесть. И они ввергаютъ торговлю и промышленность въ неопредѣленность, неустойчивость. Если выселяемый еврей терпитъ убытки, то эти убытки затѣмъ ложатся на русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ: вѣдь, товары преимущественно отпускаются въ кредитъ. Воспрещеніе евреямъ права аренды, въ свою очередь, ложится „всей своей тяжестью на землевладѣльцевъ".

И вотъ, общество—въ надеждѣ, что его голосъ будетъ услышанъ, и ходатайство надлежащимъ образомъ оцѣнено—настаиваетъ въ своей запискѣ на изданіи распоряженія, согласно которому всѣ евреи безъ всякаго ограниченія безпрепятственно допускались бы на всѣ ярмарки на все ярмарочное время; чтобы были отмѣнены изданныя весной правила о регистраціонныхъ книжкахъ для временныхъ отлучекъ купцовъ-евреевъ за черту осѣдлости и т. д. Только приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ, оказывается, въ состояніи „освободить промышленность и торговлю отъ стѣсняющихъ путъ", развить и укрѣпить производительныя силы, этотъ „главный фундаментъ благосостоянія народныхъ массъ, главнѣйшій источникъ финансовой мощи казны, равно и силы и могущества всего государства россійскаго". Выходитъ, безъ евреевъ и казна не казна, и сила государства росссійскаго не сила государства россійскаго!

Конечно, вопросъ, которому мы удѣлили вниманіе, вопросъ узкій. Конечно, и сама по себѣ аргументація, развернутая московскимъ купечествомъ въ защиту желательнаго имъ рѣшенія, «ши-

ротой» не отличается. Но все же образчикъ того, какъ у насъ жертвуютъ насущными интересами «отечественной промышленности» ради патріотическихъ фантомовъ, недурной. Если десятилѣтній застой въ указанномъ выше смыслѣ явился результатомъ несоотвѣтствія между экономическимъ развитіемъ и политической отсталостью, то попытка приспособить производительныя силы путемъ 3 іюня остается попыткой, весьма мало мѣняющей соотношеніе силъ. Нѣтъ даже видимости буржуазной конституціонной монархіи. Первая основа— по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ—все тоже политическое преобладаніе помѣщиковъ. Пусть капитализмъ растетъ, учреждаются новыя предпріятія, пусть концентрируется производство, а техническій прогрессъ европеизируетъ россійскую промышленность,—тотъ червячекъ, который сосалъ ея сердцевину десятилѣтіе депрессіи, живъ и цѣлъ и дѣлаетъ свое скверное дѣло.

Съ этой точки зрѣнія знаменателенъ походъ, открытый въ органахъ министерства финансовъ противъ аппетитовъ россійскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ непосредственно послѣ того, какъ предсѣдатель совѣта министровъ выступилъ со своими рѣчами, въ которыхъ призывалъ ихъ къ государственному строительству въ четвертой Думѣ, въ которыхъ выражалъ желаніе, чтобы буржуазія стала подлиннымъ хозяиномъ этой Думы. Да, моментъ прошелъ—и червячекъ далъ себя знать. Вѣдь, въ существѣ режима реакція остается реакціей, и основа ея—черносотенное землевладѣніе—предѣлъ, котораго не перейдешь. Такъ вчерашнее новое первенствующее сословіе сегодня уже „первенствующее сословіе“ въ кавычкахъ.

Сегодня уже оказывается, что всякій, кто слѣдилъ за тѣми разговорами, какіе ведутся „оффиціальными и неоффиціальными“ представителями нашихъ торгово-промышленныхъ организацій, не можетъ «не поражаться и тономъ, и содержаніемъ ихъ». Да, да, давно ли «вся эта публика» хозяйничала, производила, торговала, что называется, вразбродъ, словомъ, „была только гостями“. Теперь же на нашихъ глазахъ выросли какія-то организаціи самаго различнаго характера, но объединенныя однимъ стремленіемъ—изъ гостей превратиться въ хозяевъ. Правда, однѣ изъ нихъ преслѣдуютъ хоть «законное» представительство интересовъ торгово-промышленнаго класса, заступничество передъ лицомъ государственной власти. Другіе же, хотя и явились первоначально подъ видомъ учрежденій взаимопомощи или соглашеній производителей и потребителей, «но постепенно вылились въ форму почти чудовищныхъ по своей экономической мощи организацій, какими въ наши дни являются многочисленные тресты и синдикаты, объединившіе въ своихъ рукахъ милліарды рублей и спокойно диктующіе свою волю всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ несчастіе приходить съ ними въ соприкосновеніе». («Россія»).

Вотъ когда объединенное дворянство диктуетъ свою волю,—это такъ. Такъ было, такъ будетъ. Когда же объединенный капиталъ противопоставитъ свою власть, то это будетъ несчастіе для

— —

всѣхъ, кто придетъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Такъ вскрываетъ «Россія» святая святыхъ нашихъ экономическихъ политиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ специфическія условія, въ которыхъ промышленный подъемъ сколько-нибудь длительнымъ, интенсивнымъ быть не можетъ. Дѣйствительно, не прошло трехъ лѣтъ промышленнаго оживленія, а симптомы новаго промышленнаго кризиса уже на лицо. Я имѣю въ виду биржевую панику даннаго момента, вызвавшую стремительное паденіе курсовъ дивидендныхъ бумагъ.

Конечно, самъ по себѣ биржевой крахъ еще не влечетъ неизбѣжно краха промышленнаго. Настоящая паника связана съ объявленіемъ войны на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. вызвана причинами случайными на первый взглядъ. Между тѣмъ, биржевой крахъ 1896 г., такъ основательно потрепавшій биржевые круги въ то время, былъ вызванъ причинами внутренняго характера—и все-таки пріостановить въ сколько-нибудь значительной степени продолжавшееся промышленное оживленіе онъ не былъ въ состояніи. Промышленный подъемъ не прекращался еще три года послѣ него, и лишь въ 1899 г. разразился кризисъ промышленный. Однако, достаточно присмотрѣться къ настоящей биржевой паникѣ, чтобы убѣдиться, что военныя событія придали паденію бумагъ лишь особую стремительность, но что значеніе этой паники, какъ показателя ближайшаго будущаго, безъ сомнѣнія, серьезно.

Дѣло въ томъ, что за послѣдніе годы физіономія русскихъ биржъ существенно измѣнилась. Экономисты-наблюдатели единодушно указываютъ на тотъ специфическій интересъ, какой замѣчается у совершенно новыхъ круговъ общества къ биржѣ. Еще недавно биржа была синонимомъ биржевой спекуляціи—и эта спекуляція была дѣломъ узкаго круга, не имѣвшаго внѣ биржи никакой почвы. Въ настоящее время биржа захватила самые разнородные круги, и это мало-по-малу связало биржу тѣсными узами съ промышленнымъ ростомъ страны. Еще недавно на биржѣ обращались, кромѣ государственныхъ бумагъ, десятокъ-другой промышленныхъ и банковскихъ акцій—и все. Даже сейчасъ такія отрасли промышленности, какъ сахарная, мануфактурная, мукомольная, лѣсная, чайная торговля, не втянуты биржей. Цѣлые районы, вродѣ Урала, усѣяннаго многомилліонными предпріятіями, остаются еще внѣ биржевыхъ оборотовъ. Однако, оторванность нашихъ биржъ за послѣдніе годы отошла въ область прошлаго—и лучшей иллюстраціей является роль банковъ въ промышленности, этихъ истинныхъ посредниковъ между биржей и промышленностью.

Годовой отчетъ о дѣятельности нашихъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ за 1911 г. интересенъ именно этимъ все увеличивающимся вліяніемъ ихъ на промышленность. Вотъ образчики. Общество путиловскихъ заводовъ: среди акціонеровъ числятся петербургскій торговый банкъ (9349 акц.), сибирскій торговый банкъ (2000 акцій), другіе акціонерные банки (2800 акцій). Бакинское нефтяное общество: петербургскій международный банкъ

(3075 акцій), петербургскій учетный и ссудный (1500 акц.), русско-азіатскій (1275), волжско-камскій (1220). Общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ: русскій торгово-промышленный банкъ (1500 акц.), петербургскій международный коммерческій (7000 акц.), частный коммерческій (500), рядъ другихъ банковъ („Правда").

Банки пріобрѣтаютъ все больше и больше акцій промышленныхъ предпріятій, передавая ихъ затѣмъ на биржу. «Торгово-Промышленная Газета» вѣрно констатируетъ, что «участіе банковъ въ различныхъ синдикатскихъ организаціяхъ и руководство цѣлымъ рядомъ промышленныхъ предпріятій—одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ нашей банковской дѣятельности за послѣдніе три года». Это знаменуетъ крупное вліяніе биржевыхъ тузовъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Съ этой высоты между биржевой спекуляціей, скажемъ, 1896 г. и биржевой спекуляціей нашего момента—осязательная разница. Нынѣшнее оживленіе биржевой дѣятельности, созданной коммерческими банками, несравненно большимъ количествомъ общихъ интересовъ связано съ промышленнымъ развитіемъ,—значитъ и биржевой крахъ долженъ быть болѣе чреватъ послѣдствіями для промышленной конъюнктуры. Если биржевое оживленіе до сихъ поръ содѣйствовало упроченію отечественнаго производства, все болѣе сосредоточивая его въ рукахъ немногихъ финансистовъ, то—съ другой стороны—какъ только денежный рынокъ началъ истощаться, какъ только бумаги начали падать, при такой тѣсной связи переломъ промышленной конъюнктуры неизбѣженъ, если не въ данный моментъ, то въ близкомъ будущемъ.

Какъ извѣстно, биржевой крахъ 1896 г., хотя и не вызвалъ серьезнаго разстройства въ промышленномъ состояніи страны, но биржѣ все-таки причинилъ уронъ непоправимый, послѣ котораго она подняться не могла и влачила существованіе незавидное. Не можетъ быть сомнѣнія, что и сейчасъ паника значенія преходящаго, но источникомъ завиднаго оптимизма биржа уже не явится. Для вздутыхъ цѣнъ, для шальныхъ перспективъ время уже прошло. Главное же—чего не было въ 1896 г.—этотъ крахъ есть, несомнѣнно, первый ударъ приближающейся промышленной грозы, первый показатель того, что отъ новаго подъема мы опять идемъ къ новому застою, который, конечно, сложится согласно опять-таки не европейской экономической логикѣ, а нашей россійской. И этотъ кризисъ не предупредить ни отечественнымъ «финансистамъ», ни иностраннымъ тузамъ, которымъ хотя безразлично, гдѣ получать прибыль, но разъ они ее получаютъ въ Россіи, то должны и недостатки механизма принимать.

Недостатки же эти все тѣ же—несоотвѣтствіе политическихъ формъ экономическому развитію. Реакція не можетъ создать сколько-нибудь прочнаго потребителя изъ крестьянъ, изъ рабочихъ. Какой спросъ можетъ предъявить населеніе, покупательная способность котораго сводится къ нулю? Этотъ вопросъ остается въ силѣ сейчасъ, какъ и де-

сять лѣтъ назадъ, когда молодой русскій капитализмъ переживалъ самый острый моментъ кризиса.

Какъ тогда, такъ и теперь русскій капитализмъ обгоняетъ узкія границы прежнихъ хозяйственныхъ единицъ, но разложеніе крестьянства, ростъ торговаго земледѣлія, увеличеніе индустріальнаго населенія очень медленно расширяютъ отечественный рынокъ. Дальнѣйшій ростъ, развитіе капитализма вглубь задерживается присущимъ ему противорѣчіемъ, и если капиталу еще есть, куда уйти, такъ это на свободныя и доступныя колонизаціи окраины. Но мало-по-малу и некапиталистическія окраины втягиваются въ водоворотъ русскаго капитализма и порождаемаго имъ противорѣчія съ тѣмъ, чтобы, съ расширеніемъ парового транспорта, томиться, подобно центрамъ, не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостатка этого развитія. Недостатокъ же развитія капитализма въ нашемъ отечествѣ есть наполовину продуктъ политическаго тупика.

Обиліе свободныхъ, доступныхъ «экономическому завоеванію» земель, относительная легкость сбыта за счетъ старыхъ, вытѣсняемыхъ обмѣномъ, формъ производства, огромныя нетронутыя богатства—это ли преимущества русскаго капитализма, единственныя въ своемъ родѣ! Вотъ, напр., теперь съ іюня 1911 года по іюнь 1912 года разрѣшены къ постройкѣ 5418 верстъ желѣзныхъ дорогъ, стоимостью въ 389 милліоновъ рублей. Каждая же новая линія открываетъ новый рынокъ русскимъ капиталистамъ, расширяя сферу ихъ дѣятельности. А все-таки продолжительный крупный расцвѣтъ—такой, какой наблюдается въ капиталистическихъ странахъ Запада—даже при условіи казенныхъ заказовъ у насъ уже невозможенъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ минувшее десятилѣтіе.

Нормальное экономическое развитіе возможно лишь въ соотвѣтствіи съ политическими формами государственной жизни, лишь послѣ того, какъ соціальное содержаніе реакціи, съ ея помѣщичьей основой, будетъ исчерпано разъ навсегда.

Л. Клейнбортъ.

КЪ ПОСЛѢДНИМЪ СЪѢЗДАМЪ МИРА.

— Ахъ, двѣ души живутъ
въ груди моей...
„Фаустъ". *Гете.*

Только что закончилась XVII междупарламентская конференція, предлагавшая государствамъ установить постоянный третейскій судъ для разрѣшенія конфликтовъ между ними, только что разъѣхался XIX конгрессъ мира, осудившій „avec la derniere énergie“ (со всей силой) военную авантюру Италии, — какъ на Балканахъ разгорѣлась новая война...

Надъ народами стоятъ властныя фигуры правительствъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ нити сложныхъ и запутанныхъ интернаціональныхъ отношеній, съ холоднымъ разсчетомъ распоряжающихся жизнью и достояніемъ націй. А вокругъ нихъ — кучка суетящихся людей, съ резолюціями, проектами, текстами законовъ, съ высокими словами о мирѣ и братствѣ народовъ...

Вѣрятъ ли сами эти люди въ то дѣло, о которомъ пекутся съ такой горячностью? Пессимистическіе голоса раздаются и среди нихъ. „Мы идемъ назадъ, — говорилъ кто-то на конференціи:—пс крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается фактовъ“... „Въ вопросѣ разоруженія,—признавалъ д'Эстурнель де-Констанъ,—замѣчается мало прогресса или скорѣе громадный прогрессъ въ худшемъ направленіи“..

При такихъ условіяхъ невольно возникаетъ вопросъ: да можно ли принимать этодвиженіе въ серьезъ? Стоитъ ли занимать имъ общественное вниманіе?

Однако, пацифизмъ, независимо отъ его практическихъ успѣховъ,—одно изъ характернѣйшихъ явленій нашего времени, нашей эпохи крѣпнущихъ международныхъ связей, ростущихъ тяготъ вооруженнаго мира и нависшей надъ Европой страшной военной катастрофы. У пацифизма есть своя исторія, своя литература и свои причины для распространенія въ опредѣленныхъ слояхъ общества. А самый кругъ вопросовъ, затрагиваемыхъ пацифистскимъ движеніемъ, разумѣется, не можетъ не привлекать нашего вниманія и интереса тѣмъ болѣе, что въ этомъ движеніи, судя по послѣднимъ съѣздамъ, наблюдается замѣтное оживленіе и возникаютъ новыя теченія.

До сихъ поръ пацифисты не были практиками. Они апеллировали къ чувству, описывая ужасы войнъ, обращались къ дѣловымъ людямъ, взывая къ ихъ благоразумію, прибѣгали къ королевской власти, умоляя не обагрять рукъ братской кровью. Первыя попытки выдвинуть вопросъ о практическихъ мѣрахъ для осуществленія стремленій пацифизма относятся лишь къ парижскому конгрессу 1900 г. Затѣмъ это движеніе наростаетъ, проходя черезъ нимскій конгрессъ французскихъ обществъ (1904 г.) и всемірный миланскій конгрессъ (1908 г.). Наконецъ, женевскій съѣздъ этого года отмѣченъ уже яркимъ стремленіемъ выбраться изъ общихъ мѣстъ, перейти отъ фразъ къ дѣлу, къ дѣловой постановкѣ вопросовъ.

Интересно и характерно уже самое направленіе, по которому пошло новое теченіе. У современнаго пацифизма есть три плана дѣйствія. Одинъ состоитъ въ частичномъ или полномъ, одновременномъ или постепенномъ разоруженіи. Другой — въ учрежденіи всемірнаго союза между государствами. И третій— въ созданіи такого юридическаго порядка вещей, при которомъ грубая сила уступила бы мѣсто праву. Пацифисты-практики или „научные“ пацифисты—пацициферы, какъ они себя называютъ въ отличіе отъ другихъ пацифистовъ [1])—съ грустью констатируютъ, что въ вопросѣ разоруженія, несмотря на всю ихъ пропаганду, нельзя ожидать благопріятныхъ результатовъ. Тщетно силились обсуждать эту проблему двѣ гаагскихъ конференціи. Ничего утѣшительнаго нѣтъ и въ заявленіяхъ государственныхъ дѣятелей. Такъ, германскій канцлеръ призналъ съ парламентской трибуны ограниченіе вооруженій неосуществимымъ въ виду невозможности точной оцѣнки составныхъ элементовъ военной силы страны и невозможности контроля за его выполненіемъ. Не скрываютъ отъ себя пацициферы также и того, что созданіе федеративнаго универсума по образцу Швейцаріи или Соединенныхъ Штатовъ — дѣло далекаго будущаго. Поэтому почти все ихъ вниманіе сосредоточиваютъ на себѣ вопросы международной юстиціи.

За послѣднія двадцать лѣтъ случаи третейскаго разбирательства международныхъ конфлитковъ участились. Третейскій судъ функціонировалъ уже девять разъ. Какъ особенно утѣшительный фактъ, пацифисты отмѣчаютъ обращеніе къ гаагскому суду такихъ закоренѣлыхъ противниковъ, какъ Франція и Германія (по извѣстному казабланкскому инциденту) и, въ особенности, введенную ими въ договоръ по поводу Марокко и Конго статью относительно разрѣшенія всѣхъ могущихъ возникнуть при толкованіи этого договора конфликтовъ черезъ посредство третейскаго суда. Обращеніе къ третейскому суду теперь затруднено тѣмъ, что онъ не организованъ, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится отыскивать лицъ для врученія имъ роли третейскаго судьи—лицъ, не обла-

[1]) Втрѣчается даже названіе „революціонныхъ пацифистовъ“, но это уже „d'une façon erronée“, („ошибочно“), какъ замѣчаетъ Л. Боллакъ.

дающихъ ни необходимой опытностью, ни традиціями. Существующій гаагскій судъ не является постояннымъ учрежденіемъ. Кромѣ того, онъ разбираетъ только конфликты между государствами, и частныя лица не могутъ прибѣгать къ его содѣйствію. А, между тѣмъ, область, гдѣ съ успѣхомъ могло бы примѣняться международное третейское разбирательство, растетъ съ каждымъ годомъ. Навстрѣчу пацифистамъ идутъ дѣловые люди изъ дѣловыхъ соображеній. Примѣръ — берлинское купечество, обратившееся въ октябрѣ 1910 г. къ имперскому канцлеру съ ходатайствомъ „объ учрежденіи международнаго третейскаго суда для разрѣшенія споровъ между частными лицами и иностранными государствами".

Проф. Цорнъ (Германія), докладъ котораго составлялъ главный пунктъ работъ междупарламентской конференціи, предлагалъ собранію признать необходимымъ въ интересахъ мира заключеніе договора о постоянномъ международномъ третейскомъ судѣ для всѣхъ странъ, на которыя распространяется дѣйствіе международнаго права. Обращеніе къ суду должно быть обязательнымъ во всѣхъ случаяхъ спора между государствами, а также по всѣмъ вопросамъ частнаго международнаго права. Такъ называемая „clause d'honneur" („оговорка чести"), допускающая уклоненія отъ суда въ извѣстныхъ тяжелыхъ случаяхъ, должна быть опущена. Основныя положенія этого доклада были приняты конференціей громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Если конференція занималась разработкой основныхъ принциповъ международнаго третейскаго суда, то конгрессъ поставилъ уже вопросъ о санкціяхъ для его рѣшеній. Несомнѣнно, разъ есть въ наличности высшая судебная инстанція для разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, то существеннѣйшимъ и рѣшающимъ моментомъ является дальше вопросъ о томъ, какими практическими средствами можно всего успѣшнѣе поддержать мирный порядокъ вещей, покоющійся на международной юридической организаціи?

18 статья гаагской конвенціи 1899 г., подтвержденная въ 1907 г., гласитъ, что „обращеніе къ суду налагаетъ обязательство добровольнаго подчиненія договору". Но еще Прудонъ признавалъ всю безпомощность юстиціи передъ насиліемъ и преступленіемъ, разъ эта юстиція лишена всякой санкціи. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ судебная власть, существуетъ и власть исполнительная. „Общественное мнѣніе потому именно и относится скептически къ нашему идеалу,—настаивали многіе ораторы,—что за судьей оно не видитъ жандарма". „Если мы не хотимъ только „bêler la paix" („блеять о мирѣ"), — возражалъ докладчикъ Боллакъ сторонникамъ стараго теченія, — то мы должны больше считаться съ реальной жизнью".

Но возможность осуществленія международной исполнительной власти предвидится лишь въ далекомъ будущемъ. Сейчасъ же приходится искать другихъ средствъ воздѣйствія. Само собой разумѣется, что какое бы то ни было примѣненіе вооруженной силы заранѣе

исключается. Нужно изобрѣсти своего рода автоматически дѣйствующій механизмъ, который безъ примѣненія насилія въ одно и то же время и предупреждалъ бы уклоненіе отъ международной юстиціи, и каралъ бы ослушниковъ.

Изученіе причинъ войнъ приводитъ пацифистовъ къ убѣжденію, что современная война можетъ быть вызвана лишь мотивами экономическаго порядка. Разъ это такъ, то и наиболѣе дѣйствительныя мѣры принужденія должны быть также экономическаго характера. И на самомъ дѣлѣ, исторія знаетъ примѣры примѣненія бойкота товаровъ—турками противъ Австріи въ 1908 г., китайцами противъ Японіи и Америки въ 1907 и 1909 г.г. Хотя въ этихъ случаяхъ бойкотъ былъ лишь частичнымъ и, такъ сказать, „оффиціознымъ", онъ все же привелъ къ желаемымъ результатамъ. Еще большую силу долженъ имѣть экономическій бойкотъ „оффиціальный", проводимый правительствомъ какой-либо страны, а тѣмъ болѣе всѣми странами—противъ упорствующаго государства.

Въ первоначальномъ проектѣ докладчикъ шелъ гораздо дальше. Онъ предлагалъ подвергать виновное государство полному остракизму — прекращенію съ нимъ какихъ бы то ни было сношеній. Виновная нація должна разсматриваться, какъ несуществующая, самое употребленіе ея имени должно быть запрещено! Но для начала Боллакъ настаивалъ лишь на примѣненіи частичнаго запрета въ видѣ экономическаго бойкота. Государства должны ввести у себя особый законъ о таможенномъ бойкотѣ, подробно разработанный Боллакомъ. „Этотъ законъ,—говорится въ I статьѣ,—является справедливой репрессіей противъ той или другой націи за очевидные убытки, причиняемые ея мятежнымъ или неправымъ поведеніемъ". Репрессія состоитъ въ томъ, что на всѣ товары провинившейся страны накладывается пограничная пошлина въ размѣрѣ стоимости продукта. Законъ долженъ примѣняться не только въ случаѣ нарушенія приговора третейскаго суда, но и въ случаѣ отказа обратиться къ нему.

Общая программа „пациферныхъ" дѣйствій резюмируется Боллакомъ въ такихъ словахъ: „Въ качествѣ идеала — федерація цивилизованныхъ народовъ; въ качествѣ директивы — юридическій союзъ; въ качествѣ орудія—третейскій судъ; въ качествѣ путей и средствъ— совокупность все болѣе расширяющихся и все болѣе дѣйствительныхъ санкцій".

Предложеніе Боллака встрѣтило многочисленныя возраженія, и конгрессъ рѣшилъ сдать вопросъ въ юридическую и во вновь образованную соціологическую комиссію для разработки и представленія доклада слѣдующему собранію.

Какъ на конференціи, такъ и на конгрессѣ былъ обсужденъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, обычно наполняющихъ программу съѣздовъ мира. Особенное вниманіе къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напр., къ школамъ мира, не менѣе характерно для новаго теченія въ средѣ пацифистовъ. Но если

мы хотимъ выяснить живую физіономію современнаго пацифизма, его живое отношеніе къ вопросамъ текущей жизни, если захотимъ спуститься съ высотъ пацифистской теоріи и посмотрѣть пацифистовъ на практикѣ, то намъ слѣдуетъ перейти къ оживленнымъ, порою бурнымъ засѣданіямъ, посвященнымъ „actualitès"—злобамъ дня.

Крупнѣйшимъ и, несомнѣнно, интереснѣйшимъ изъ этихъ „actualitès" былъ вопросъ о войнѣ въ воздухѣ. Съѣзды мира, разумѣется, неоднократно обсуждали вопросы, связанные съ войной на сушѣ и на морѣ, и выносили рядъ резолюцій съ цѣлью ограничить область распространенія военныхъ дѣйствій и устранить наиболѣе жестокія проявленія разрушительныхъ силъ. Конгрессы высказывались какъ за нейтрализацію отдѣльныхъ территорій и цѣлыхъ государствъ (Парижъ, 1889 г., Лондонъ, 1890 г.), такъ и за нейтрализацію озеръ, пограничныхъ рѣкъ, каналовъ, проливовъ и большихъ коммерческихъ путей черезъ океаны (конгрессы 1892, 1893, 1904, 1905 и 1906 г.г.) Въ 1903 году руанскій конгрессъ высказался за принципъ свободы воздуха и пригласилъ государства, подписавшія гаагскую декларацію 1899 г. относительно запрещенія „бросать съ воздушныхъ шаровъ или другими новыми способами аналогическаго характера метательные снаряды и взрывчатыя вещества", возобновить эту конвенцію на новый срокъ. Брюссельское собраніе 1909 г. повторило обращеніе къ правительствамъ возобновить, дополнить и распространить на всѣ аппараты воздушнаго передвиженія соглашеніе, обезпечивающее нейтрализацію воздуха. Но, за отказомъ 22 государствъ связать себя какимъ бы то ни было актомъ на этотъ счетъ, въ настоящее время не существуетъ никакихъ ограниченій для войны въ воздухѣ не только въ дѣйствительности, но и въ видѣ разработанныхъ пацифистскихъ проэктовъ.

Между тѣмъ, воздухоплаваніе развивается гигантскими шагами. Государства употребляютъ всѣ усидія, чтобы создать цѣлыя воздушныя флотиліи, не щадя на это никакихъ средствъ. Для усиленія „національной защиты" искусно эксплоатируются патріотическія чувства, и національныя подписки даютъ новые милліоны на авіацію. Франція и Германія владѣютъ монгими сотнями военныхъ авіоновъ и авіаторовъ и назначаютъ десятки милліоновъ на военный воздушный бюджетъ. Другія страны стараются не отставать отъ нихъ. Россія строитъ новыхъ полтораста авіоновъ. Воздушный бюджетъ Японіи достигаетъ 15 милліоновъ.

Наличность такой эволюціи, понятно, внушаетъ пацифистамъ серьезнѣйшія опасенія и обостряетъ проблемы. Безъ того крайне тяжелые военные расходы растутъ съ новой силой—и война грозитъ принять небывалыя по своей разрушительности и жестокости формы...

Докладчикъ по вопросу, бельгійскій министръ Бэрнэръ, высказывался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ примѣненія аэроплановъ съ военными цѣлями. Въ предложенной конгрессу резолюціи онъ представилъ подробный

планъ разработки проблемы какъ примѣненія авіаціи въ военное время, такъ и послѣдствій такого примѣненія, и требовалъ назначенія спеціальной комиссіи.

Это, такъ сказать, академическая сторона вопроса. Казалось бы, въ собраніи пацифистовъ, какъ бы ни были даже различны ихъ мнѣнія, подобная резолюція должна бы встрѣтить только сочувствіе. Но въ томъ-то и дѣло, что она встрѣтила сильнѣйшую оппозицію. Пацифизмъ показалъ свою обратную сторону...

Противъ доклада выступилъ со всей силой своего краснорѣчія извѣстнѣйшій пацифистъ сенаторъ баронъ д'Эстурнель де-Констанъ. Если бы нужно было иллюстрировать современный пацифизмъ съ его противорѣчіями, съ его высокими стремленіями въ теоріи и безсиліемъ, даже измѣной своимъ принципамъ на практикѣ, то лучшей фигуры нельзя было бы и придумать. Правда, среди пацифистовъ можно указать такіе примѣры, какъ Викторъ Гюго, предсѣдатель конгресса мира въ 1849 году, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ агитаторовъ за безпощадную войну съ нѣмцами въ 1870 году, какъ де-Жирарденъ, послѣ 30-лѣтней „войны противъ войны" заговорившій языкомъ Гюго въ 1870 году, какъ, наконецъ, увѣнчанный Нобелевской преміей мира защитникъ триполитанской войны д-ръ Монета и многіе другіе. Но пальма первенства въ этомъ отношеніи безусловно за французскимъ барономъ. Онъ въ одно и то же время умудряется состоять предсѣдателемъ сенатской группы мира и предсѣдателемъ сенатской группы военной авіаціи. Онъ на одномъ и томъ же съѣздѣ мира съ пламеннымъ краснорѣчіемъ выступаетъ въ качествѣ докладчика по вопросу объ ограниченіи вооруженій и горячимъ противникомъ какихъ бы то ни было стѣсненій для военной авіаціи!

Конечно, доводы д'Эстурнеля съ точки зрѣнія пацифизма не выдерживали никакой критики, да по существу у него и не было никакихъ доводовъ, кромѣ красивыхъ фразъ. Д'Эстурнель былъ легко разбитъ другими ораторами, которые указали и на несомнѣнную связь этого выступленія, поддерживаемаго всей французской делегаціей, съ первенствующимъ мѣстомъ въ области развитія авіаціи, занимаемымъ Франціей. Собраніе приняло предложеніе докладчика съ добавленіемъ, рекомендовавшимъ будущей гаагской конференціи запретить войну въ воздухѣ.

На конгрессѣ повторилась приблизительно та же исторія. Французы выступили съ предложеніемъ совсѣмъ снять съ очереди вопросъ объ авіаціи, какъ и всѣ военные вопросы, и заняться исключительно вопросами мира, устраненіемъ причинъ войнъ и военной психологіи. Но конгрессъ опять-таки голосовалъ противъ французовъ—за изъятіе воздуха изъ сферы какихъ бы то ни было военныхъ операцій.

И во всѣхъ другихъ вопросахъ, какъ только дѣло касалось интересовъ какой-нибудь націи, тотчасъ соотвѣтствующая делегація занимала самую неожиданную для пацифистовъ позицію, а остальное

собраніе *) съ тѣмъ большимъ рвеніемъ отстаивало „истинные" принципы и традиціи пацифизма. Поднимается египетскій вопросъ, вся сущность котораго—въ резолюціи—сводится къ напоминанію англійскому правительству его давнихъ обѣщаній снять „временную" оккупацію Египта и даровать ему автономію. Тотчасъ англійскіе депутаты заявляютъ подъ разными предлогами о необходимости снять вопросъ съ очереди. Идетъ рѣчь о Германіи (марокккскій вопросъ и проч.)—нѣмецкая делегація протестуетъ противъ „рѣзкаго" осужденія германской внѣшней политики. А когда поднялся вопросъ о триполитанской войнѣ, итальянскіе делегаты въ два пріема устроили такую бурную демонстрацію въ защиту войны и своихъ единомышленниковъ, обрушились на „истинныхъ" пацифистовъ (которыми на этотъ разъ оказались и нѣмцы, и французы, и англичане) съ такимъ жестокимъ краснорѣчіемъ и подъемомъ націоналистическихъ чувствъ, что имъ могъ бы позавидовать самый воинственный патріотизмъ. Конгрессъ, разумѣется, и на этотъ разъ спасъ честь пацифизма, принявъ резолюцію противъ войны и выразивъ симпатію тѣмъ итальянскимъ пацифистамъ, которые осмѣлились противиться націоналистическимъ увлеченіямъ.

Итальянскіе парламентаріи-пацифисты вовсе не явились на конференцію. У нихъ въ связи съ триполитанской войной произошелъ острый конфликтъ съ главнымъ совѣтомъ, которому они предъявили требованіе совершенно не ставить на обсужденіе вопросовъ о вооруженныхъ конфликтахъ между государствами (!), на что, разумѣется, согласія не послѣдовало.

Таковъ пацифизмъ на практикѣ. Здѣсь мы позволимъ себѣ процитировать нѣсколько строкъ изъ одной рѣчи знаменитаго патріарха пацифистовъ, умершаго въ этомъ году Фредерика Пасси: „Любовь къ отечеству, но любовь разумная и честная. Любовь къ человѣчеству, но любовь безъ иллюзій и послабленій. Любовь, освѣщающая одна другую и приводящая мало-по-малу, путемъ яснаго пониманія нашихъ правъ и обязанностей, путемъ твердаго желанія обезпечить ихъ проведеніе въ жизнь и уваженіе къ нимъ, къ такому общему направленію мыслей и поступковъ, которое все болѣе и болѣе ограничивало бы обращеніе къ силѣ хотя бы и для защиты права. Таковъ идеалъ пацифистской пропаганды, достойной этого имени. Вотъ почему, во имя этого идеала, мы отвергаемъ одинаково и милитаризмъ, слѣпой и жестокій, и антимилитаризмъ, несправедливый и грубый, и патріотизмъ, агрессивный и хищный, и антипатріотизмъ, не менѣе абсурдный и преступный". (Миланскій конгрессъ 1906 г.).

Въ этихъ словахъ заключается превосходная характеристика современнаго пацифизма и ключъ къ его пониманію. Два чувства живутъ въ груди пацифиста: любовь къ родинѣ и любовь къ человѣчеству. Пасси говоритъ: гармо-

*) Во главѣ съ немногими ветеранами пацифизма, какъ Гоба—представитель нейтральной Швейцаріи, Лафонтэнъ — делегатъ маленькой Бельгіи и др.

ническое сліяніе этихъ двухъ чувствъ— вотъ идеальный пацифистъ. Мы скажемъ: постоянный раздоръ этихъ чувствъ и постоянная побѣда патріота надъ космополитомъ—вотъ дѣйствительный пацифистъ.

Обѣ указанныя Пасси черты пацифистской психологіи, оба эти настроенія создаются вполнѣ опредѣленными реальными причинами. Современное человѣчество тѣсно связано неисчислимыми узами. Достаточно сказать, что ни одно изъ цивилизованныхъ государствъ не составляетъ теперь вполнѣ независимой экономической области. На нашихъ глазахъ весь земной шаръ превращается въ одинъ громадный, какъ міръ, хозяйственный организмъ. Отдѣльныя національности все тѣснѣе сближаются другъ съ другомъ. Все болѣе возрастаетъ число экономическихъ точекъ соприкосновенія между ними—растутъ и крѣпнутъ отношенія, настоятельно требующія совмѣстнаго, международнаго регулированія. На этой прочной и съ каждымъ годомъ расширяющейся основѣ развивается цѣлая сѣть тѣсныхъ связей въ области науки, философіи, искусства, спорта и т. д. Это развитіе дѣйствительно создаетъ твердую почву для будущей федераціи народовъ и въ современномъ цивилизованномъ человѣкѣ не можетъ не вызывать космополитическихъ тендецій.

Но у теперешней экономической эволюціи есть другая сторона. Ни одна національная промышленность не можетъ обходиться теперь безъ внѣшняго рынка. Въ погонѣ за нимъ, во взаимной конкурренціи другъ съ другомъ капиталистическія націи превратили весь земной шаръ въ арену непрерывной экономической войны. Задача правительства всякаго капиталистическаго государства—всѣми мѣрами содѣйствовать развитію національной промышленности и ослабленію промышленности иностранной, — путемъ завоеванія новыхъ рынковъ, торговыхъ договоровъ, колоніальной политики и т. д. Эта сторона развитія, напротивъ, создаетъ прочную и постоянную основу для современныхъ войнъ. И руководители агрессивной политики прекрасно умѣютъ будить—даже въ пацифистахъ — другія склонности: націоналистическіе инстинкты, пережитокъ вѣковой борьбы за національное единство, за прочность и безопасность границъ, за самое, быть можетъ, существованіе націи.

Но какъ бы ни были выгодны до сихъ поръ націоналистическія стремленія, наступаетъ моментъ, когда они становятся безполезными. Расширеніе рынка не можетъ поспѣвать за возростаніемъ производительности труда. Никакая „національная“ политика не въ состояніи доставить крупной промышленности достаточнаго сбыта. Современное человѣчество находится наканунѣ хроническаго международнаго перепроизводства. Если прежде торговая война могла служить стимуломъ для экономической эволюціи, то теперь крупная война была бы крушеніемъ современной хозяйственной системы. Для дальнѣйшаго развитія промышленности есть только одинъ способъ—заключеніе одной международной «конвенціи», о которой меньше всего думаютъ пацифисты: вмѣсто конкуррен-

ціи—международное регулированіе производства.

Но это международное регулированіе производства немыслимо безъ коренныхъ перемѣнъ въ экономической жизни каждаго отдѣльнаго государства. Оно немыслимо безъ уничтоженія главнаго стимула конкурренціи—прибыли. А такое разрѣшеніе вопроса совершенно непріемлемо для господствующихъ классовъ. Для движенія впередъ промышленности имъ остается пускать въ ходъ, пока это возможно, старыя средства со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Современный пацифизмъ утопиченъ. Но не потому, что его идеи о федераціи и братствѣ народовъ вообще неосуществимы. Напротивъ, весь ходъ развитія ведетъ къ ихъ осуществленію. Утопиченъ онъ потому, что полагаетъ, будто его идеалы осуществимы на почвѣ существующаго строя. Какъ всѣ идеалисты, пацифисты думаютъ, что единственная помѣха на пути къ ихъ идеалу—недостаточно развитое сознаніе, неясное пониманіе „нашихъ правъ и обязанностей" и т. п. Для устраненія такой помѣхи вполнѣ достаточно пропаганды, научной разработки вопросовъ, вліянія на высокопоставленныхъ лицъ и т. д. Правительства и сильные міра уже давно заявили о своей солидарности съ пацифизмомъ, особенно когда отъ него отлетѣлъ было революціонизмъ женевской «Интернаціональной лиги мира и свободы». Для пацифистовъ собственно непонятно, за чѣмъ же стало дѣло. «Достаточно прочитать,—говорилъ Боллакъ,—правительственныя деклараціи: одна другой болѣе проникнуты пацифизмомъ. Единственная причина безшабашнаго разгула грубыхъ силъ цивилизаціи — во взаимномъ недовѣріи, впрочемъ, совершенно непонятномъ» (!).

Сами правительства, при всемъ внѣшнемъ уваженіи къ пацифизму, разсматриваютъ его, какъ «quantité négligeable» (сущій нуль). Можно, какъ угодно, оцѣнивать значеніе небывалыхъ по своей грандіозности демонстрацій въ пользу мира, устроенныхъ германскимъ пролетаріатомъ во время марокккскаго конфликта. Но фактъ—историческій фактъ—тотъ, что въ моментъ наибольшаго обостренія его изъ дипломатическаго корпуса обратились за содѣйствіемъ къ мирному исходу не въ Бернъ, а въ Брюссель: не къ международному бюро мира, а къ международному бюро соціалистическаго интернаціонала...

Но пацифисты относятся враждебно къ современному революціонному движенію. Да такъ оно и должно быть, разъ все дѣло лишь въ развитіи сознанія и «яснаго пониманія». Чрезвычайно характерно: въ громадномъ числѣ резолюцій конгрессовъ мира о войнахъ мы не находимъ ни одного прямого осужденія оборонительной войны. Но пацифисты вполнѣ опредѣленно заявили себя принципіальными противниками гражданской войны и подчеркнули, что „всякое противоположное толкованіе можетъ исходить только отъ лицъ, относящихся отрицательно къ пацифизму по невѣжеству или по злобѣ». Не менѣе характерно и то, что резолюція эта относится лишь къ недавнему времени (Мюнхенскій конгрессъ 1907 г.).

И на послѣднихъ съѣздахъ мира нерѣдко звучали нотки враждебнаго отношенія къ соціалистамъ. „Мы не утописты, не революціонеры",—подчеркивалъ баронъ д'Эстурнель. Докладчикъ по вопросу о причинахъ войнъ, Мишлэнъ, призывалъ бороться не только съ расовой ненавистью, но и съ классовой враждой. Многіе ораторы указывали на неотложную необходимость скорѣйшей разработки пацифистскихъ плановъ и проведенія ихъ въ жизнь именно въ виду наростающаго революціоннаго броженія въ народныхъ массахъ, вызываемаго войнами и системой вооруженнаго мира. Тотъ же Мишлэнъ предлагалъ привѣтствовать труды научныхъ синекуръ милліардера Карнеги не только за то, что въ нихъ предприняты изслѣдованія причинъ войнъ, но также причинъ революціонныхъ движеній и способовъ предупрежденія ихъ. Д'Эстурнель въ горячей рѣчи о разоруженіи восклицалъ даже, обращаясь къ собранію, со свойственной ему экспансивностью, что «если сегодня вы не будете побѣдителями,—завтра начнется всеобщій переворотъ»...

Вяч. Карпинскій.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый романъ Анатоля Франса. *(Anatole France Les dieux ont soif. Roman. 63-e édition. Paris 1912. Pages 360. Prix 3 frs 50).*

Можно ли себѣ представить, чтобы у какого-нибудь русскаго писателя явилась мысль избрать себѣ псевдонимъ „Россія" и этимъ псевдонимомъ подписывать всѣ свои произведенія? До сихъ поръ въ русской исторіи не было подобнаго примѣра, да и трудно кому-либо допустить, что онъ можетъ какъ бы олицетворить въ себѣ все, что составляетъ душу Россіи, съ ея необъятностью, съ ея контрастами, съ ея неожиданными порывами и невысказанной,—до сихъ поръ затаенной мыслью.

Не то Франція. Потому ли, что исторія ея началась гораздо раньше русской, и народъ успѣлъ рельефнѣе опредѣлить свой характеръ, потому ли, что по самому существу его характеръ французскаго народа менѣе сложенъ и легче поддается опредѣленію, но явился писатель, который самъ себя назвалъ „Франція"—France,—и никто не только что не запротестовалъ, но псевдонимъ этотъ настолько присталъ къ писателю, что иначе его и не зовутъ и рѣдко, кто знаетъ его подлинное имя.

Анатоль Франсъ, дѣйствительно, какъ бы олицетворяетъ собою современную Францію, ея душу, ея пониманіе смысла исторіи и своей настоящей жизни. Въ своихъ разсказахъ и романахъ, растянувшихся на 25 томовъ, въ своихъ критическихъ этюдахъ (четыре тома подъ заглавіемъ »La vie littéraire») и, наконецъ, въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ на политическихъ митингахъ и различныхъ культурныхъ праздникахъ онъ всегда вѣрно передаетъ господствующій тонъ жизни Франціи.—Онъ—эхо Франціи, ея зеркало. Нѣтъ такой области жизни, которой бы онъ не коснулся. Текущая жизнь, текущая литература, господствующіе соціальные идеалы, исторія, какъ она представляется современному французу,—все разсмотрѣлъ и описалъ Анатоль Франсъ, и французскій народъ призналъ его за это своимъ величайшимъ писателемъ, своимъ духовнымъ представителемъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на отдѣльныхъ произведеніяхъ Анатоля Франса, а укажемъ лишь на проникающую ихъ общую мысль, выразившуюся и въ новомъ романѣ „Les dieux ont soif". („Боги жаждутъ").

Анатоль Франсъ какъ бы пережилъ не одну жизнь, а жизнь всего французскаго народа на всемъ протяженіи его исторіи. И оттого, что онъ такъ много пережилъ, онъ научился ничему не удивляться, все понялъ и все простилъ, ко всѣмъ и ко всему относится немного свысока, ибо знаетъ, что отъ великаго до смѣшного всего одинъ шагъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе для француза, какъ показаться смѣшнымъ, и потому онъ предпочитаетъ надо всѣмъ посмѣяться первый. Анатолю Франсу тоже присуща эта черта. Легкая иронія не оставляетъ его въ самыя торжественныя минуты, при описаніи самыхъ трогательныхъ сценъ. И часто святые порывы и высшія проявленія души въ его описаніи представляются шаржированными, немного смѣшными. И это не потому, что авторъ не понимаетъ святости, не поднимался никогда до высочайшихъ переживаній души человѣческой, а только оттого, что и понимая и даже, быть можетъ, сочувствуя всему святому, онъ н е х о ч е т ъ дать ему надъ собой хотя бы мгновенную власть. Вѣдь, тогда автора могутъ признать „одержимымъ", онъ можетъ показаться смѣшнымъ, и оттого высочайшій духовный подъемъ разрѣшается у него актерской гримасой.

Но нельзя безнаказанно вѣчно смотрѣть на все свысока. Отсутствіе смиренія передъ тѣмъ, что свято, сообщаетъ отпечатокъ пошлости всему творчеству писателя. Искусственная поза чувствуется почти во всѣхъ писаніяхъ Анатоля Франса; даже въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ онъ впадаетъ въ паѳосъ, послѣдній кажется читателю поддѣльнымъ. При всей широтѣ захвата изображаемой имъ жизни, Анатоль Франсъ не глубокъ, поверхностенъ. Не чувствуется въ немъ непосредственнаго порыва, а напротивъ—явно ощущается надуманность и предумышленность. Знаменательно, что и какъ политическій ораторъ, Анатоль Франсъ никогда еще не сказалъ ни одной рѣчи экспромптомъ; онъ всегда читаетъ рѣчь по бумажкѣ, съ однообразной жестикуляціей и съ заранѣе извѣстной всѣмъ слышавшимъ его интонаціей.

Анатоль Франсъ—не олимпіецъ, не парнасецъ; онъ—весь—въ текущихъ злободневныхъ интересахъ, и самая исторія интересуетъ его лишь постольку, поскольку она—подобіе современной жизни. Многіе считаютъ его анархистомъ за разсказъ объ уличномъ торговцѣ Крепкебилѣ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Анатоль Франсъ сочувствуетъ соціализму и революціонному синдикализму, ибо онъ часто предсѣдательствуетъ на митингахъ, гдѣ выступаютъ ораторы этого направленія мысли. Но когда читаешь его романы, въ которыхъ представлена политическая и соціальная борьба нашихъ дней, получаешь такое впечатлѣніе, что, по мнѣнію Анатоля Франса, политическіе и экономическіе интересы только пѣна на поверхности жизни, а сама жизнь въ чемъ-то другомъ. Но и отрицая первенствующую важность за политической и экономической стороной, авторъ не видитъ въ жизни болѣе глубокаго смысла, какъ бы и не подозрѣваетъ въ ней нѣкоторой тайны, трагизма. „Cherchez la femme!“—вотъ, собственно, къ чему сводится философія жизни Анатоля Франса. Любовь къ женщинѣ во всѣхъ ея видахъ, отъ мимолетнаго увлеченія до неодолимой страсти, и все, что эту любовь сопровождаетъ—ревность, измѣны и т. п.—являются единственнымъ содержаніемъ жизни, по его мнѣнію. Философія, религія, политика, наука и всѣ искусства являются только фономъ для выявленія этой любви. А въ самой этой любви нѣтъ святости, она никогда не подвигъ, никогда не высшій смыслъ жизни, а всегда лишь жаръ въ крови, капризъ сердца.

Анатоль Франсъ самъ какъ бы стѣсняется своего упрощеннаго пониманія жизни, и потому, рисуя современную намъ эпоху, онъ чаще всего прячется подъ маску пожилого книжника, созерцающаго жизнь издалека и возвышающагося надъ ея суетностью и ничтожествомъ. Даже въ историческихъ романахъ проглядываетъ эта маска. Огромная начитанность автора въ литературѣ всѣхъ временъ и народовъ помогаетъ ему придать своей точкѣ зрѣнія какъ бы авторитетъ общепринятости. По его мнѣнію, жизнь человѣка—пустая и глупая шутка, вся исторія народовъ не болѣе какъ траги-комическій водевиль (см. особенно «Островъ Пингвиновъ»). Но жизнь вовсе не плоха. Разъ есть любовь къ женщинѣ и всякія удобства и пріятности жизни, разъ можно еще ощущать маленькія радости, то можно еще жить на свѣтѣ не безъ удовольствія. Таковъ конечный оптимистическій выводъ автора. При этомъ, одному ему свойственный, словно отточенный, острый, гибкій и краткій стиль дѣлаетъ чтеніе его произведеній особенно пріятнымъ. Но никогда не дастъ онъ читателю какъ бы иллюзію проникновенія въ загадку жизни и въ тайну души человѣческой, никого не увлечетъ онъ искреннимъ порывомъ въ новый міръ, къ новымъ, болѣе высокимъ цѣнностямъ, ибо, повторяю, Анатоль Франсъ самъ не захотѣлъ принять благоговѣніе передъ высшимъ смысломъ жизни и зубоскалитъ иногда надъ тѣмъ, что свято.

Въ новомъ романѣ Анатоля Франса „Боги жаждутъ“ проявляются тѣ же черты, которыя вообще свойственны автору. Рисуется эпоха террора во Франціи 1793 года, когда только что убили „друга народа“ Марата, и „неподкупный“ Робеспьеръ сталъ во главѣ санкюлотовъ-якобинцевъ, когда для блага народа революціонный судъ посылалъ ежедневно на гильотину десятки мужчинъ и женщинъ всѣхъ сословій—за сношенія съ эмигрантами, за выдѣлку фальшивыхъ ассигнацій, за атеистическія убѣжденія, а чаще всего безъ всякой вины, просто за „неблагонадежность“, по одному доносу шпіона, который ради платы за доносъ удостовѣрялъ, что данное лицо не имѣетъ или недостойно свидѣтельства гражданства (certificat de civisme). Упразднено было христіанство, духовенство служило мессы втайнѣ, какъ въ первые вѣка нашей эры, измѣненъ былъ календарь и всѣ мѣры, даже королей и дамъ въ картахъ хотѣли замѣнить новыми революціонными фигурами, но не могли измѣнить человѣческую природу, которая не поддается регламентаціи одного разума и насильственному введенію свободы. Чѣмъ больше казнили, тѣмъ чаще стали случаи, когда мужчины и женщины, аристократы и простолюдины—сами отдавались въ руки революціоннаго суда и, хотя не чувствовали никакой симпатіи къ казненному королю, кричали „vive le roi“ и шли за это на гильотину. Большинство же населенія просто выказывало полное равнодушіе къ политикѣ, жило во всю и въ засосъ читало романы; даже изъ имѣвшихъ право голоса въ вершеніи судебъ текущаго дня только двадцатая часть ходила на засѣданія секцій и принимала участіе въ политической борьбѣ.

Таковъ историческій фонъ романа. И на этомъ фонѣ авторъ рисуетъ намъ героя своего

романа, художника Эвариста Гамлена, члена секціи, вскорѣ назначеннаго присяжнымъ засѣдателемъ въ революціонный судъ и потомъ членомъ общаго совѣта коммуны. Это—убѣжденный республиканецъ, заклятый врагъ всѣхъ роялистовъ, федералистовъ и аристократовъ. Его сестра сбѣжала съ аристократомъ въ Лондонъ, но потомъ вернулась въ Парижъ, чтобы похлопотать у брата за своего друга сердца. Она попросила объ этомъ свою мать, и когда послѣдняя начала говорить Эваристу объ его сестрѣ Юліи, онъ сказалъ, что первый донесъ бы на нее, какъ на сбѣжавшую съ аристократомъ, если бы зналъ, что она въ Парижѣ.

Эваристъ любитъ Элоди, дочь продавца эстамповъ Жана Блэза, у которой уже до того былъ романъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Его имени Эваристъ не знаетъ, но ему пріятно предположить, что это—аристократъ-эмигрантъ, и когда судили однажды эмигранта Мобэля, Эваристъ заподозрилъ въ немъ бывшаго любовника Элоди и, хотя никакихъ уликъ противъ него не было, осудилъ его на смерть.

А когда упоеніе терроромъ прошло, тѣ самые люди, которые еще недавно восхваляли главарей, искоренявшихъ смуту путемъ гильотины, теперь гильотинировали этихъ главарей. Въ ихъ числѣ безславно покончилъ свою жизнь и Эваристъ Гамленъ, а подруга его сердца Элоди стала принимать въ своей комнатѣ ночью другого художника, Демаи, и романъ заканчивается ея прощальными словами къ нему, точь-въ-точь тѣми самыми, которыми она провожала еще такъ недавно Эвариста, когда поздно ночью онъ отъ нея уходилъ.

Не будемъ подробно останавливаться на второстепенныхъ фигурахъ романа. Отмѣтимъ только бывшаго дворянина Мориса Бротто, не разстававшагося съ книгой Лукреція, его бывшую любовницу, вдову прокурора m-me де-Рошморъ, и бывшаго священника Луи де-Лонгемаръ. Всѣ они обрисованы великолѣпно. Но вся мораль романа выражена устами продавца эстамповъ Жана Блэза, который еще въ началѣ романа говоритъ, что „усердіе гражданъ къ возрожденію ослабляется съ теченіемъ времени, мужчины же всегда будутъ любить женщинъ" (стр. 42). По его словамъ и выходитъ. Терроръ, а за нимъ и вся революція прекращается, тысячи людей погибли, но любовь къ женщинѣ остается и пребываетъ.

Какъ въ „Островѣ пингвиновъ" *вся* исторія Франціи представлялась Анатолю Франсу траги-комическимъ водевилемъ, такъ и этотъ отрывокъ исторіи, представленный эпохой террора въ „Боги жаждутъ", кажется автору тѣмъ же. Какъ будто гдѣ-то, въ вышинѣ, возлежатъ жадныя до зрѣлищъ сверхъ-естественныя существа, именуемыя богами; они забавляются тѣмъ, что происходитъ въ человѣческомъ муравейникѣ, производятъ въ немъ пертурбаціи по своему капризу, и отъ этого каприза рождается пустая и глупая шутка, называемая исторіей народовъ. Льется кровь, кипятъ человѣческія страсти, ибо этого „боги жаждутъ".

Насмѣшливое отношеніе автора ко всему, что имъ описано, сказывается, такимъ образомъ, уже въ самомъ заглавіи его новаго романа.

Мораль романа, какъ видитъ читатель, пошловата. Стоило ли писать цѣлую книгу, чтобы прійти къ подобному жалкому выводу? По прочтеніи книги, когда подводишь итоги и стараешься дать себѣ отчетъ, что хотѣлъ сказать авторъ, невольно задаешь себѣ этотъ вопросъ. Но во время чтенія отдѣльныя страницы васъ увлекаютъ, хочется читать и читать, чтобы вновь набрести на какое-нибудь характерное замѣчаніе, на мѣткое опредѣленіе, на оригинальную ситуацію дѣйствующихъ лицъ, на что Анатоль Франсъ такой мастеръ.

Особливый интересъ имѣетъ этотъ новый романъ потому, что посвященъ революціонной эпохѣ. Объ этой эпохѣ высказываетъ свое мнѣніе не реакціонеръ, не консерваторъ, а радикальнѣйшій писатель, одобряющій самыя крайнія соціальныя идеи нашего времени. Въ виду этого дефекты, которые онъ усматриваетъ въ революціонной психологіи, несомнѣнно, поучительны. Если при чтеніи книги русскій читатель вспомнитъ о пережитой нами эпохѣ 1905—1906 годовъ, то онъ увидитъ много сходства между французской и русской революціонной психологіей. Надо ожидать, что особеннымъ успѣхомъ будетъ пользоваться новый романъ Анатоля Франса въ Россіи и во всѣхъ странахъ, недавно переживщихъ революцію. И можно пожалѣть о томъ, что авторъ, которому данъ такой большой талантъ, лишенъ вѣры въ высшій смыслъ жизни и не видитъ въ исторіи человѣчества ничего, кромѣ каприза слѣпыхъ силъ.

И. Книжникъ.

Рихардъ Демель. *Собраніе сочиненій. Т. I. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Переводъ Л. Горбуновой. Ц. 1 р. 20 коп.*

Прежде всего, начиная разборъ этой книги, отмѣтимъ въ высшей степени значительную культурную дѣятельность книгоиздательства К. Ф. Некрасова, въ короткое время выпустившаго рядъ цѣнныхъ изданій, совершенно чуждыхъ интересамъ „рынка", что воистину рѣдкое явленіе въ наше промышленно-спе-

кулятивное время, отразившееся извѣстными тенденціями и въ области литературы. Можно спорить по существу, конечно: стоитъ ли вообще издавать такого гибкаго и капризнаго поэта, какъ Демель, въ русскомъ переводѣ; но разъ онъ изданъ, надо постараться разобраться въ *значительности* этого литературнаго явленія. Представляетъ ли Демель, въ совокупности своихъ литературно-эстетическихъ взглядовъ и личности, то цѣлое, что историкъ литературы справедливо назоветъ *творящей* личностью?

Уже изъ „автобіографіи" Демеля—къ слову сказать, весьма парадоксально написанной—явствуетъ его пониманіе задачъ *творчества* черезъ отношеніе къ критикѣ, которую онъ въ одномъ стихотвореніи приравниваетъ къ дятлу, открывающему червоточину въ могучемъ дубѣ, или къ ворону, злобно каркающему на беззаботно распѣвающаго жаворонка: „*Фантазія*, всевѣдущая лгунья, тебя люблю я, я—духъ человѣчества—вѣчно". И далѣе найдемъ развитіе этого взгляда на *творческую* роль духа, фантазіи, въ содержательно напряженной, какъ все творчество Демеля, статьѣ „Трагизмъ и драма". Въ этой статьѣ, полемизируя съ Нитцше и Вагнеромъ, съ легкой руки которыхъ, по словамъ Демеля, „сдѣлалось обычнымъ говорить о трагическомъ міровоззрѣніи", Демель старается доказать, какъ истый сынъ двадцатаго вѣка, эволюцію міровоззрѣнія, психики, взглядовъ на роль Рока, Смерти, Мести и другихъ аттрибутовъ древней трагедіи, приведшихъ насъ къ исканію другихъ формъ, болѣе соотвѣтствующихъ утонченному духу современности. Будущее сцены, по мнѣнію Демеля, принадлежитъ драматической формѣ символической *мистеріи* и трагикомедіи; къ послѣднимъ авторъ относитъ, наряду съ пьесами Стриндберга, Шницлера и Ведекинда, и свою пьесу „Спутникъ жизни", помѣщенную въ этомъ же томѣ, лишенную, однако, на нашъ взглядъ необходимой художественной убѣдительности. Кромѣ этого основного положенія статьи Демеля, едва-ли для насъ не интереснѣе его афоризмы по теоріи искусства, разсѣянные во всей книгѣ и служащіе намъ показателями его высокаго въ творческомъ отношеніи и *чисто-художественнаго* критеріума. Такъ, говоря объ „удовольствіи растроганной печали", онъ подчеркиваетъ различіе правды жизни отъ правды *художественной*: „правда въ искусствѣ всегда *иная* и вѣчно: будетъ иной, нежели правда жизни". Происхожденіе противоположнаго, *реалистическаго* взгляда на правду въ искусствѣ Демель справедливо видитъ въ „старомъ, какъ міръ, предразсудкѣ, будто искусство—подражаніе природѣ"; этотъ взглядъ, низводящій созидательную роль *творца* до жалкаго копировщика природы, разумѣется, противоположенъ мятежному и горделивому, въ основѣ своей нитцшеанскому, міровоззрѣнію Демеля. Мы отмѣтили, какъ наиболѣе интересующее насъ, взглядъ Демеля на *свободное* и *самостоятельное* значеніе поэзіи, на признаніе за искусствомъ верховнаго и *символическаго* характера, въ противоположность реализму и служебности, взгляды настолько *художественно-цѣнные*, что они одни всецѣло оправдываютъ появленіе означенной книги.

Анастасія Чеботаревская.

В. Гусевъ. *Марево. Томъ 2-й. Стихи. Кіевъ. 1912 г.* **Фейга Коганъ.** *Моя душа. Книга стиховъ съ предисловіемъ Ю. Айхенвальда. Москва 1912 г.* **Гр. П. Бобринскій.** *Стихи. Спб. 1912* **С. Алякринскій.** *Кактусы. Вторая брошюра стиховъ. Москва 1912.* **Ада Чумаченко.** *Стихи. Москва 1912.* **Ник. Животовъ.** *Южные цвѣты. Стихотворенія. Книга вторая. Кіевъ, 1912.* **Ю. Балтрушайтисъ.** *Горная тропа. 2-я книга стиховъ. Москва. К-во „Скорпіонъ". 1912.*

Есть „поэты" ходкіе, у которыхъ поэзія превратилась въ ремесло, въ постоянный реверансъ передъ публикой; но есть и другой классъ „поэтовъ", никому неизвѣстныхъ, но многочисленныхъ.

Ихъ, подлинно, легіонъ: выгнанные гимназисты, спившіеся чиновники, благородные адвокаты, князья и графы... Какое разнообразіе профессій и положеній въ обществѣ и какое тупое однообразіе затасканныхъ строфъ, убожества поэтическаго матерьяла!

Семь такихъ сборниковъ перечислены выше. Гусевъ, Бобринскій, Животовъ... Впрочемъ, фамиліи тутъ непричемъ: это—Панургіево стадо, и безразлично,—какой штемпель и на какой обложкѣ онъ поставленъ. Получается впечатлѣніе, будто прочитанъ огромный, оглушающій томъ пошлостей. Только не кричатъ теперь уже эти литераторы: „И я, и я!", не тянутъ рукъ, какъ раньше, а сплошной самодовольной толпой лѣзутъ на русскій Парнасъ: о, они знаютъ, они увѣрены, что тамъ и имъ уготовано мѣсто! Омерзительно сознаться въ такомъ состояніи современной поэзіи, но нельзя не считаться съ дѣйствительностью...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно разбирать „произведенія" вышеуказанныхъ авторовъ по существу, если всѣ они пишутъ объ одномъ и одинаковымъ образомъ? С. Алякринскій воспѣваетъ кактусы, а гр. Бобринскій вторитъ: „огромныхъ кактусовъ тяжелые листы сплетаются въ узоръ причудливый и странный". Гр. Бобринскій воспѣваетъ узоры, а г-жа Чумаченко вторитъ: „Созвѣздья узоромъ стоокимъ",—причемъ слово „узоръ" на 90 стр.

повторяетъ ровно 17 разъ. И т. д. Всѣ—объ одномъ и одинаковымъ образомъ, автоматически, какъ хорошо вытверженный урокъ.

И достоинства, и недостатки у всѣхъ—одни: плохое знанiе родного языка, декадентскiе устарѣлые выпады, неубѣдительная разсудочность и отсутствiе новыхъ образовъ, стремленiе къ „ужасной" (какъ говорятъ институтки) оригинальности, кое-гдѣ удачныя соединенiя словъ. Послѣдняго, кстати, очень мало („за плетнемъ, гдѣ, зрѣетъ сизый и *тяжелый* виноградъ... надъ *узлами* гибкихъ лозъ".—А. Чумаченко; „кровь, падуй пустыя вены"—гр. Бобринскiй; „старый мельникъ, чортъ со млина съ головы до ногъ въ мукѣ. Вся округа, вся долина, десять селъ въ его рукѣ".—Ник. Животовъ). Попадается и явно чужое: „въ золотистое сердце ромашки золотая впилася (!) пчела", „былъ званый вечеръ въ графской виллѣ" (г-жа Чумаченко и г. Животовъ, навѣрное, знаютъ и Фета, и В. Гофмана—предковъ этихъ строкъ). У того же Н. Животова стих. „Кожелупъ" *сдѣлано* для пѣнiя подъ гитару: точь-въ-точь, какъ извѣстный романсъ: „Гляжу, какъ безумный, на черную шаль"...

Скучнѣе и серьезнѣй другихъ—Ю. Балтрушайтисъ, цѣликомъ символичный и риторичный. Вторая книга его ничуть не выше первой. „Южные цвѣты" Н. Животова послѣ его же „Клочьевъ нервовъ"—значительный шагъ назадъ.

Здѣсь сквозитъ уличная циничная и развязная грубость (не экзотика!), и такiя стихотв., какъ „Сѣтка" и „Пикникъ (съ тонкой строкой: „Одинаковы всѣ пикники!"), непонятно-счастливо избѣгли примѣненiя ст. 1001-й. Ада Чумаченко, поддѣлка подъ В. Брюсова: накипь послѣдняго служитъ оправой г-жѣ Чумаченко. И. Бобринскiй, Ф. Коганъ (несмотря на ликующее предисловiе Айхенвальда) и особенно Гусевъ безнадежны. И самый интересный изъ семи—С. Алякринскiй. Если его притянетъ, подобно магниту, конкретность и если онъ молодъ,—отъ него мы *вправѣ* ждать вѣянья крыльевъ истинной поэзiи—въ будущемъ. А сейчасъ, говоря словами г-на Бобринскаго, у всѣхъ: „Мотивы старые, пѣсни забытыя, бездомной пылью забвенья покрытыя"...

Владимиръ Нарбутъ.

Осеннiя озера. *Вторая книга стихотворенiй М. Кузьмина. Кн-во „Скорпiонъ". Москва 1912 г. Ц. 1 р. 80 к.*

„Его стаканъ не великъ, но онъ пьетъ изъ своего стакана"—это старое изреченiе справедливо примѣнено однимъ изъ современныхъ критиковъ къ Кузьмину. И оно вѣрно, потому что ни шири, ни глубины нѣтъ въ поэзiи Кузьмина; его лирика—отраженiе души, замкнутой въ кругъ однообразныхъ и несложныхъ, но утонченныхъ переживанiй. Пѣвучiй, но не всегда легкiй стихъ поэта, щеголяющiй неправильностями ритмики и ударенiй,—только усложненное подражанiе старому стихосложенiю; недаромъ самъ поэтъ говоритъ, что суждено ему „старинною строфой сказать про новую красу". Но ни изысканность стиха, ни та „новая краса", о которой поетъ поэтъ не раскрывается въ его творчествѣ, какъ нѣчто большое и вѣчное. Поэзiя Кузьмина не обязательна,—въ ней нѣтъ той волнующей и увлекающей силы, которая сопричащаетъ читателя къ переживанiямъ поэта, и потому читатель вправѣ до конца оставаться холоднымъ и чуждымъ творчеству послѣдняго.

Исходная точка для пониманiя поэзiи Кузьмина кроется въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его стихотворенiя:

Блѣдны всѣ имена и стары всѣ названья
Любовь же каждый разъ нова.
Могу ли передать твои очарованья,
Когда такъ немощны слова.

И не только новыхъ словъ, но и новыхъ, неизвѣданныхъ любовныхъ ощущенiй ищетъ Кузьминъ, ибо „старѣются слова, но сердце не старѣетъ, оно попрежнему горитъ". „Глашатай любви", горѣнiю сердца посвящаетъ онъ большинство стихотворенiй въ „Осеннихъ озерахъ" и не какъ рыцарь любви, а какъ манiакъ, всегда и вездѣ влекомый повелительнымъ призывомъ: „люби!".

Созерцатель природы, спокойно внимаетъ онъ „смутнымъ голосамъ" ея, и только „схемой намъ непонятныхъ чертежей" чудится ему жизнь и еще мертвѣй становится она, ибо вѣритъ Кузьминъ въ какое-то предопредѣленiе, въ тайный рокъ, управляющiй судьбой человѣка. Только любовь—живительная сила природы; все отъ нея—„и жизнь, и воля, и блескъ очей, и стройность ритмъ".

„Сердца трепетъ торопливый, любви пугливой и страхъ и шопотъ, страсть и крикъ",—вотъ темы, вдохновляющiя поэта. И въ этомъ лабиринтѣ изысканныхъ ощущенiй, отнюдь не говорящихъ въ пользу сложности души поэта, Кузьминъ кажется талантливымъ мастеромъ изысканнаго стиха, но не поэтомъ большого вдохновенья.

В. Ховинъ.

„Отечественная война и русское общество". *Изданiе И. Сытина, т. VII. Ц. за 7 тт. 30 руб.*

Вышедшимъ седьмымъ томомъ заканчивается предпринятое московской историч. комиссiей описанiе и освѣщенiе Отечественной войны.

Семитомный трудъ, выпущенный издательствомъ И. Сытина, представляетъ крупное пріобрѣтеніе русской исторической науки. Въ противоположность обычнымъ юбилейнымъ работамъ, новый коллективный трудъ занимался не иллюминаціей, не восхваленіемъ, а критическимъ изслѣдованіемъ событій и дѣятелей Отечественной войны.

Изслѣдованіе это было поставлено очень широко—и въ семи вышедшихъ томахъ дано всестороннее освѣщеніе фактовъ, идей и людей русской исторіи послѣдней четверти восемнадцатаго и первой четверти девятнадцатаго вѣка.

Конечно, не всѣ статьи, вошедшія въ семь томовъ, равноцѣнны.

Нѣкоторыя изъ нихъ не представляютъ самостоятельной цѣнности, другія же не гармонируютъ со всѣмъ трудомъ своею точкою зрѣнія, но эти небольшія шероховатости искупаются очень большими и внутренними, и внѣшними достоинствами изданія.

Несомнѣнно, это новое прекрасное изданіе, какъ и раньше выпущенная серія „Великія реформы", станетъ прочнымъ достояніемъ русскихъ библіотекъ.

Вышедшій послѣдній (седьмой) томъ очень интересенъ. Отмѣтимъ интересныя статьи М.Туганъ-Барановскаго, Дживелегова, Мельгунова, Богучарскаго и др.

Къ книгѣ приложенъ составленный спеціалистами очень хорошій указатель литературы объ Отечественной войнѣ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ.

Въ книгѣ много прекрасныхъ иллюстрацій.

Новое изданіе И. Сытина, несмотря на то, что оно составлено и выпущено въ очень короткій срокъ, представляетъ прочный вкладъ въ нашу историческую литературу.

П. Берлинъ.

А. Штекль. Исторія средневѣковой философіи. *Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1912 г. Стр. 307, цѣна 1 р. 85 коп.*

До сихъ поръ мы имѣли въ русскомъ переводѣ лишь чрезвычайно схематичные и конспективные обзоры философіи среднихъ вѣковъ въ общихъ курсахъ исторіи философіи Ибервега-Гейнце, Виндельбанда и Форлендера. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданіе русскаго перевода учебника Штекля по этому вопросу. Трехтомная „Исторія философіи среднихъ вѣковъ" Штекля является самымъ подробнымъ изложеніемъ ученія средневѣковыхъ мыслителей. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ по написаніи своего основного труда, Штекль самъ же написалъ краткое изложеніе его въ 1889 году. Это-то краткое изложеніе и дано теперь въ русскомъ переводѣ подъ редакціей проф. И. В. Попова. Такъ какъ въ оригиналѣ книга содержитъ въ немногихъ мѣстахъ оцѣнки и сужденія конфессіонально-католическія, то проф. Поповъ счелъ возможнымъ опустить эти мѣста.

Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ говорится о греческой философіи среднихъ вѣковъ, потерявшей свой самостоятельный характеръ, авторъ излагаетъ послѣдовательно философію арабовъ, евреевъ и христіанъ. Въ арабской философіи отдѣльно трактуется аристотелевское теченіе, старавшееся приблизить къ пониманію арабовъ физику и философію грековъ, и чисто религіозное теченіе, имѣвшее своею цѣлью обосновать философски главнѣйшіе тезисы Корана. Въ еврейской философіи авторъ различаетъ три направленія: каббалистическое (въ книгахъ „Іецира" и „Зогаръ"), неоплатоническое (у Ибнъ-Гебироля или Авицеброны) и аристотелевское (у Моисея Маймонида). Но болѣе двухъ третей книги посвящено изложенію средневѣковой христіанской философіи, начиная съ Іоанна Скота Эригены и кончая нѣмецкими мистиками Мейстеромъ Экгартомъ и Іоанномъ Рейсбрукомъ. Особенно много мѣста удѣляется столпу средневѣковой схоластики Ѳомѣ Аквинскому.

Въ виду того, что въ настоящее время вновь оживаютъ нѣкоторыя идеи средневѣковой мистики и даже издаются переводы подлинныхъ сочиненій нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей, читателю очень полезна книга Штекля, дающая возможность оріентироваться въ этихъ идеяхъ и книгахъ и установить ихъ связь съ породившей ихъ эпохой. Впрочемъ, и Штекль даетъ лишь конспективное изложеніе предмета. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ нимъ необходимо обратиться къ его же нѣмецкому трехтомному изслѣдованію. Намъ думается, что и послѣднее, будучи переведено на русскій языкъ, нашло бы своихъ многочисленныхъ читателей.

И. Книжникъ.

Проф. Дж. Лёбъ. «Жизнь». *Докладъ, читанный на первомъ конгрессѣ монистовъ въ Гамбургѣ 10 сент. 1911. Mathesis, 1912. Одесса. Ц. 30 к.*

Выступая съ рѣшительнымъ протестомъ противъ разговоровъ о „банкротствѣ науки", Лёбъ ведетъ читателя черезъ цѣлый рядъ захватывающихъ проблемъ біологическаго знанія, какъ „загадка жизни", „сущность жизни и смерти", „наслѣдственность", „планомѣрность организмовъ" и другія, которыми озаглавлены отдѣльные параграфы его сжатаго и содержательнаго доклада.

Тамъ, гдѣ на протяженіи 30 страницъ затрагивается такое множество глубочайшихъ

проблемъ, трудно требовать обстоятельныхъ соображеній и доказательствъ. Поэтому многое можетъ показаться слишкомъ афористичнымъ, но не голословнымъ, такъ какъ всѣ свои положенія Лёбъ подтверждаетъ ссылками на рядъ экспериментовъ, среди которыхъ не мало замѣчательныхъ открытій (какъ искусственный партеногенезъ), сдѣланныхъ имъ самимъ.

Какъ далеко идетъ смѣлый авторъ въ своихъ утвержденіяхъ—можно видѣть изъ слѣдующихъ его положеній. По вопросу о возникновеніи жизни онъ высказываетъ увѣренность въ происхожденіи ея изъ неорганизованной матеріи и надежду, что современемъ наука достигнетъ и искусственнаго созданія живыхъ существъ. „Лично у меня—добавляетъ авторъ,—такое чувство, что искусственное изготовленіе живой матеріи пока не удается лишь вслѣдствіе нѣкоторыхъ чисто техническихъ условій нашей молодой науки". Сущность процесса оплодотворенія авторъ считаетъ вполнѣ выясненной. Ссылаясь на рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій, авторъ утверждаетъ, что посредствомъ извѣстныхъ физико-химическихъ агентовъ вполнѣ удается воспроизвести дѣйствіе сперматозоида. Такимъ образомъ, „процессъ, который двѣнадцать лѣтъ тому назадъ былъ окутанъ таинственнымъ покровомъ, въ настоящее время почти безъ остатка сведенъ къ физико-химическимъ условіямъ". Попутно авторомъ высказывается рядъ интересныхъ и не получившихъ еще всеобщаго признанія взглядовъ на причины наслѣдственности и образованія пола.

Но не ограничиваясь узко-біологическими вопросами, Лёбъ затрагиваетъ сферу духовной жизни животныхъ и человѣка и показываетъ, что и она не свободна отъ дѣйствія тѣхъ-же физико-химическихъ законовъ, которые господствуютъ всюду во всѣхъ процессахъ живой и неживой природы.

Если взгляды Лёба на психическія переживанія и этическія явленія и могутъ показаться парадоксальными и иногда нѣсколько упрощенными, то все же имъ нельзя отказать въ послѣдовательности и въ стремленіи къ рѣшительному разрыву со всякой метафизикой.

Переводъ брошюры хорошъ.

Цѣну книги (30 коп. за 30 стр.) нельзя назвать низкой. ***В. П.***

Германъ Минковскій. *Пространство и время. Съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ Д. Гильберта и Г. Вейля и статьями В. Вина и П. Наторпа о „принципѣ относительности". Перевелъ І. В. Яшунскій. С.-Петербургъ. Изданіе „Физика". 1911 г. 93 стр. Ц. 60 к.*

Въ настоящее время, какъ извѣстно, мы переживаемъ моментъ радикальнаго критическаго пересмотра всѣхъ тѣхъ основныхъ принциповъ, на которыхъ было построено все зданіе физики. Эйнштейнъ показалъ въ 1905 году, что цѣлый рядъ новооткрытыхъ опытныхъ фактовъ, не укладывающихся въ рамки старыхъ физическихъ принциповъ, можно уложить въ стройную ясную систему, если принять, какъ основное допущеніе, какъ основной законъ природы, особый принципъ относительности, связывающій всѣ явленія, которыя могли бы наблюдаться на тѣлѣ во время его движенія, съ тѣмъ, что дѣйствительно наблюдается въ немъ. Разработкой этого новаго принципа занялись не только физики-теоретики, но и математики и философы, такъ какъ онъ, какъ самая общая теорія физическихъ явленій, естественно представляетъ особовыдающійся интересъ. Настоящая книга представляетъ собою докладъ, читанный на 80-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Кельнѣ, 21 сентября 1908 года, великимъ нѣмецкимъ математикомъ Германомъ Минковскимъ (за 4 мѣсяца до его безвременной смерти), въ которомъ принципъ относительности нашелъ свое яркое и законченное выроженіе. Къ этому докладу переводчикъ І. В. Яшунскій приложилъ біографію Минковскаго, составленную геттингенскими учеными Д. Гильбертомъ и Г. Вейлемъ, краткій очеркъ вюрбцургскаго профессора физики В. Вина объ исторіи развитія принципа относительности и статью П. Наторпа, заимствованную изъ его обширнаго труда о „Логическихъ основахъ точныхъ наукъ" и трактующую о теоретико-познавательномъ значеніи этого принципа.

Эту книжку нельзя признать книжкой вполнѣ популярной, доступной для человѣка безъ подготовки. Но она имѣетъ весьма большой интересъ для всякаго, кто немного уже знакомъ съ системой современной физики и кто самостоятельно желаетъ разобраться въ ея новѣйшихъ теченіяхъ. Для пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ книги необходимо знаніе основъ высшей математики. Переводъ и изданіе, въ общемъ, удовлетворительны.

Г. Гурьевъ.

Ив. Чистяковъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. *Опытъ исторіи страхованія рабочихъ, въ связи съ нѣкоторыми другими мѣрами ихъ обезпеченія. Москва 1912 г. X+422 стр. Ц. 3 руб.*

Меньше всего работа Ив. Чистякова—„опытъ исторіи". Нельзя назвать „исторіей" кипу наваленныхъ другъ на друга въ болѣе или менѣе хронологическомъ порядкѣ перепечатокъ разнаго рода требованій, заявленій, предположеній по данному вопросу. Правда, всѣ

эти матеріалы даны въ извлеченіяхъ и свободномъ переложенія. Но когда отсутствуетъ общій принципъ объединенія огромнаго сырого матеріала, когда не видно общей идеи, одухотворяющей всю, несомнѣнно, тяжелую и большую работу,—тогда до исторіи все-таки еще очень далеко. Получается такое впечатлѣніе, что сидѣли люди въ кабинетахъ и канцеляріяхъ и сочиняли проекты, благія и злыя намѣренія, относящіяся къ страхованію рабочихъ. Затѣмъ пришелъ авторъ, и потративъ, очевидно, огромный трудъ, чтобы эти продукты безкорыстнаго творчества собрать, выпустилъ въ свѣтъ книгу. Но такъ въ жизни не бываетъ. Страхованіе въ Россіи не выдумка проекто-сочинителей, а обусловленная ходомъ политическаго и экономическаго развитія страны реформа. Отмѣтить тѣ моменты этого развитія, которые находятся въ связи со всплывавшими проектами, требованіями и пожеланіями,—такова была бы, казалось, задача соціальнаго историка. Но ничего подобнаго въ книгѣ нѣтъ. Это собраніе документовъ, до того подробно изложенныхъ, что огромнаго тома въ 422 страницы не хватило на то, чтобы довести изложеніе до нынѣ принятаго законопроекта о страхованіи. Для этого потребуется еще одинъ такой томъ.

Не далъ авторъ хотя бы какого-нибудь спасательнаго круга въ видѣ предметнаго указателя, при помощи котораго можно было бы навести ту или иную справку. Читателю, если у него хватитъ силъ, придется прибѣгать къ помощи оглавленія, болѣе или менѣе подробнаго. Отдохнетъ онъ на главѣ VI книги: „Рабочіе и страхованіе рабочихъ въ связи съ другими протективными мѣрами". Здѣсь авторъ проявилъ рѣдкую, вѣрнѣе, исключительную въ общей литературѣ внимательность къ рабочей прессѣ какъ легальной, такъ и нелегальной. Онъ приводитъ выдержки изъ цѣлаго ряда корреспонденцій рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ. Вмѣсто шелеста канцелярщины вдругъ раздается живой голосъ людей, разсказывающихъ о своей подлинной жизни. Цитаты коротенькія, растрепанно собранныя, есть даже стихи; но самый этотъ безпорядокъ усиливаетъ впечатлѣніе жизненности рисуемой картины. Въ этой же главѣ сдѣлана попытка систематизировать по рабочей печати требованія рабочихъ, относящіяся къ тѣмъ или инымъ сторонамъ страхованія.

Книга можетъ пригодиться въ качествѣ сборника сырыхъ матеріаловъ только лицамъ, самымъ близкимъ образомъ изучающимъ дѣло страхованія рабочихъ.

Ст. Ивановичъ.

„Наше право". Библіотека общедоступнаго правовѣдѣнія. М. 1912 г. Изд. В. Саблина: А. И. Гуляевъ. Торговля и торговыя установленія. 1 р. 50 к. А. И. Гуляевъ. Векселя. Ц. 80 к.

Обѣ книги г. Гуляева составлены подъ замѣтнымъ вліяніемъ широко извѣстнаго учебника по торговому и вексельному праву, принадлежащаго перу покойнаго проф. Шершеневича. Въ такомъ позаимствованіи, разумѣется, никто бы не упрекнулъ составителя книгъ по общедоступному правовѣдѣнію, если бы онъ свою задачу популяризаціи сумѣлъ выполнить надлежащимъ образомъ. Отъ популяризаторовъ требуется не самостоятельная научная работа, а лишь умѣнье передать извѣстныя уже въ наукѣ истины въ живой, доступной и отчетливой формѣ. А такъ какъ вопросы права затрагиваютъ непосредственные житейскіе интересы, то составителю книгъ по торговому и вексельному праву слѣдовало бы сдѣлать ихъ и популярными, и возможно болѣе полезными для практики.

Ни тому, ни другому требованію книги Гуляева не отвѣчаютъ.

Авторъ ихъ не владѣетъ даромъ живого и яснаго изложенія. Въ его путаной и неотчетливой передачѣ важнѣйшіе вопросы торговаго и вексельнаго права остаются совершенно невскрытыми. Изложенію недостаетъ систематичности: подчасъ авторъ излишне обстоятеленъ (въ вопросахъ о торговыхъ сдѣлкахъ), иногда, напротивъ, излишне схематиченъ, и отдѣлывается отъ трудныхъ вопросовъ незначущими фразами (юридическ. природа векселя, индоссаментъ). Неподготовленный читатель, поэтому, едва ли съумѣетъ доискаться сущности вопроса, и множество недоумѣнныхъ сомнѣній его останутся безъ отвѣта.

Непригодныя въ качествѣ популярнаго научнаго пособія, обѣ книжки и какъ практическіе справочники не представляютъ значительной цѣнности. Нѣкоторое практическое значеніе могутъ имѣть лишь приведенные въ каждой изъ нихъ подлинные тексты законовъ (устава вексельнаго и устава торговаго), сопровождаемые пояснительнымъ матеріаломъ. Остается, впрочемъ, невыясненнымъ, какими соображеніями руководствуется составитель, приводя комментаріи къ однѣмъ статьямъ и оставляя другія безъ разъясненій, несмотря на существованіе обильнаго источника для толкованія, въ видѣ рѣшеній сената.

Остается добавить, что книги искажены до невозможности массой корректурныхъ ошибокъ и опечатокъ. Въ соединеніи съ перлами стиля г-на Гуляева эти корректурные промахи подчасъ приводятъ къ совершеннѣйшимъ курьезамъ. Получается, наприм., совершенно не воспринимаемый абсурдъ въ вопросѣ относительно вексельныхъ возраженій (Векселя,

стр. 28): отвѣтственнымъ надписателемъ по векселю оказывается учинившій безоборотную надпись (Ibid, стр. 36); рядомъ съ поручительствомъ по векселю Гуляевъ создаетъ какое-то невозможное понятіе «надписательства» (?!) за поручителя (Ibid, стр. 39), подъ статьей 7-ой вексельнаго устава ни къ селу, ни къ городу приводятся разъясненія сената, относящіяся совсѣмъ къ другому вопросу (Ibid, стр. 64). и т. д., и т. д. Мы уже не говоримъ о томъ, что совершенно недопустимо въ книгахъ, предназначенныхъ для массоваго и неосвѣдомленнаго читателя, путать постоянно понятіе „векселедателя" и „векселедержателя".

А. Ильинскій.

Ф. Джюветтъ. „Берегите ваше здоровье". *Что надо дѣлать, чтобы быть здоровымъ. Азбука гигіены для дѣтей въ школѣ и семьѣ. (Со свѣдѣніями о вредѣ алкоголя и табака). Перев. съ англійскаго. Стр. 118. Рис. 61. Изд. Горбунова - Посадова. 1912 г. Ц. 55 коп.*

Дѣйствительно, эта книжка есть азбука гигіены. Элементарныя свѣдѣнія, необходимыя каждому, она сообщаетъ кратко, просто, ясно и даже картинно, въ видѣ живыхъ примѣровъ, разсказовъ, взятыхъ изъ жизни, и ссылокъ на самые общеизвѣстные, повседневные факты. Много рисунковъ и фотографій, которые дѣлаютъ еще нагляднѣе тѣ практическія свѣдѣнія и совѣты, какіе излагаются въ текстѣ. Въ коротких маленькихъ главкахъ авторъ передаетъ всѣ главнѣйшія свѣдѣнія по гигіенѣ: о дыханіи, воздухѣ и микробахъ въ немъ, о пыли и табачномъ дымѣ. О ѣдѣ, зубахъ и алкоголѣ. О снѣ. Объ упражненіяхъ. Объ уходѣ за органами зрѣнія и слуха, за волосами и кожей.

Говоря объ алкоголѣ, авторъ разбиваетъ ходячій предразсудокъ, будто водка согрѣваетъ и подкрѣпляетъ упавшія силы. При этомъ приводится много примѣровъ изъ жизни разныхъ путешественниковъ въ холодныхъ и жаркихъ странахъ, а также изъ жизни солдатъ. И эти примѣры убѣдительно доказываютъ безусловный вредъ водки рѣшительно во всѣхъ случаяхъ: въ холодныхъ странахъ и въ жаркихъ, зимой и лѣтомъ, для здороваго человѣка и для больного.

Книга писана для американскихъ дѣтей, для американской семьи и школы. А условія жизни тамъ далеко не похожи на наши. И потому о многихъ гигіеническихъ совѣтахъ слѣдуетъ сказать, что это едва ли осуществимо у насъ. Но нормы жизни и здоровья вездѣ остаются одинаковыми нормами—какъ въ Россіи, такъ и въ С. Штатахъ. И если эти нормы въ Россіи осуществляются хуже, чѣмъ въ другихъ странахъ, тѣмъ хуже для Россіи, тѣмъ хуже для ея подростающаго поколѣнія. Пока послѣднее жило безграмотнымъ, но на вольномъ воздухѣ, оно выростало здоровымъ. Теперь, загоняя его обязательно на 5 часовъ въ сутки въ душные классы, мы столь же обязательно нарушаемъ интересы его здоровья, если не позаботимся въ самой широкой степени о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній и о томъ, чтобы осуществить немедленно самыя важныя требованія общественной гигіены.

М. Новорусскій.

Frida Bielschowsky. *Die Textilindustrie des Lodser Rayons. Ihr Werden und ihre Bedeutung. Leipzig 1912. Preis 3,50 m.*

Давно уже чувствовалась потребность въ связной исторіи промышленности русской Польши. Имѣющіяся на русскомъ языкѣ работы г. Янжула и Люксенбургъ въ значительной степени устарѣли и во многихъ отношеніяхъ не полны.

Какъ это ни странно, но впервые пополняетъ этотъ пробѣлъ русской экономической литературы нѣмецкая работа—книга г-жи Фриды Бьельшовской.

Правда, работа г-жи Бьельшовской не охватываетъ исторіи всей польской промышленности. Она посвящена лишь лодзинскому району и лишь ткацкой промышленности. Но въ этихъ рамкахъ она даетъ связный очеркъ, использовавшій новѣйшія данныя и доведенный до новѣйшаго времени.

Очеркъ г-жи Бьельшовской цѣненъ лишь съ описательной стороны. Авторъ стройно группируетъ данныя, не очень обильныя, но вполнѣ достаточныя для того, чтобы у читателя составилось отчетливое и цѣльное представленіе о ходѣ развитія и современномъ состояніи лодзинской промышленности.

Значительно слабѣе, чѣмъ эта описательная сторона, сторона обобщающая. Основные факторы развитія вскрыты и демонстрированы авторомъ неглубоко и блѣдно.

Въ этомъ виновата его точка зрѣнія—расплывчатая и невыдержанная. Въ этомъ отношеніи книжка значительно уступаетъ работѣ другой изслѣдовательницы (тоже на нѣмецкомъ языкѣ!), г-жи Люксенбургъ.

За всѣмъ тѣмъ книжка г-жи Бьельшовской полезна и для русскихъ читателей, интересующихся экономической исторіей Россіи. Она, повторяемъ, восполняетъ серьезный пробѣлъ въ русской экономической литературѣ, давая описаніе одного изъ самыхъ цвѣтущихъ промышленныхъ районовъ въ его историческомъ развитіи.

П. Берлинъ.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ.**

Тип. „Ш. Буссель", Лиговская 117.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. **Ноябрь.**

№ 11.

стр.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны **на пишущей машинѣ** и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не **подлежатъ, и** редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи **такихъ рукописей**. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни **въ какую переписку** не вступаетъ.

Рукописи, болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся **въ теченіе трехъ** мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются **марки.**

Отъ конторы.

За перемѣну адреса—50 к. для иногороднихъ,—для городск. **подписчиковъ—40 к.** Выписывающіе одновременно «Нов. Журн. для Всѣхъ» и «**Новую Жизнь**» платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ **слѣдуетъ сообщить** прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ «Новая Жизнь». послѣ **текста—страница—80 р., 1/2 стр.**—45 р., 1/4 стр. 25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—**40 к.**

На обложкѣ: 2 и 3 стран.—100 р., 1/2 **стран.**—60 р., 1/4 **стран. 35 р., строка нонпар.** (въ одну колон.)—80 к., 4-ая стран.—120 р., 1/2 **стр.—70 р., 1/4 стр.—40 р.**

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора «Новой Жизни» убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ **при всѣхъ сношеніяхъ** съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе **четко.**

---

† Дмитрій Наркисовичъ
МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ.

ПЕРЕКРЕСТОКЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

I.

Письмо первое.

Ты безпокоилась напрасно,
мой милый другъ, моя сестра,
и все устроится прекрасно:
я получилъ письмо вчера
отъ Бори Брянцева. Въ имѣньѣ
проводитъ лѣто онъ съ женой,
а докторъ мнѣ сказалъ: «Спасенье
для васъ деревня и покой».
Мнѣ Боря пишетъ: «ты хвораешь
и долженъ отдохнуть въ тиши.
Тебѣ я буду радъ, ты знаешь,
заранѣ только напиши
и пріѣзжай. У насъ свобода.
Людей не много, а природа
добра и ласкова, какъ мать.
Здѣсь, право, можно отдыхать.
Мою жену ты знаешь мало,
она же о тебѣ слыхала.
Вамъ познакомиться пора.
У насъ живетъ ея сестра
и временно—одна сосѣдка,
а гости пріѣзжаютъ рѣдко.

Пиши же, чтобъ могли мы знать,
когда коляску высылать».
Благодарилъ я Борю съ жаромъ.
Здѣсь все равно болтаюсь даромъ:
Хвораю, сталъ совсѣмъ бездѣльникъ.
И такъ, я ѣду въ понедѣльникъ.

Письмо второе.

Пріѣхалъ. Ночь была свѣтла,
дышала влагой росной.
Дорога все полями шла.
Подъ легкій гулъ колесный
я задремалъ. А вотъ и домъ
изъ-за деревьевъ сада
глядитъ привѣтливымъ окномъ.
Сирени, тишь, прохлада...
Двѣнадцать я часовъ подрядъ
проспалъ, забывъ приличья.
Въ окно шепталъ мнѣ тихій садъ,
я слушалъ гомонъ птичій—
и снова голову ронялъ
отъ сладостной дремоты.
Вдругъ голосъ Бори услыхалъ:
«Арсеній, спишь? Да что ты!»
И онъ стоитъ передо мной,
такой красивый, стройный.
Въ кудряхъ—сѣдинки ни одной,
взглядъ быстрый, безпокойный.
Пошелъ показывать мнѣ домъ.
Цвѣты въ оранжереѣ,
Садъ и лужайки надъ прудомъ,
Старинныя аллеи.
Изъ мастерской прекрасный видъ.
Холстъ, папки, пятна плюша.
Этюды, вазы, древній щитъ.
«Вотъ здѣсь я бью баклуши»,—
Борисъ сказалъ и покраснѣлъ,
Мольбертъ толкнувъ ногою.

Лишь тѣло женщины успѣлъ
я разглядѣть нагое.
«А это что же за этюдъ?
да не этюдъ—картина?»
— «Ужасно много пыли тутъ!»
Борисъ, нагнувши спину,
подрамникъ тряпкой вытиралъ
и занятъ былъ ужасно.
Вопроса онъ и не слыхалъ,
я спрашивалъ напрасно.
Возился долго онъ въ пыли.
«Я позабылъ о часѣ!»—
Вдругъ крикнулъ.—«Дамы ужъ пришли
и ждутъ насъ на террасѣ.
Я руки мою да идемъ:
жена нетерпѣлива».
Насъ ждали дамы всѣ втроемъ.
Да, Брянцева красива.
Ее я видѣлъ только разъ,
когда она вѣнчалась,
и, кромѣ взгляда дѣтскихъ глазъ,
все въ памяти смѣшалось.
Теперь глаза уже не тѣ,—
промчалось лѣтъ не мало,—
въ ихъ золотистой темнотѣ
все дѣтское пропало.
Сестру въ семьѣ зовутъ всѣ Атой,
хоть Анной крещена была.
Она въ младенчествѣ когда-то
сама себя такъ прозвала.
Она—другая, но порода
видна. Сурова-хороша.
Какъ-будто дрёмная природа
ея безмолвная душа.
Въ ней пламя жизни не сверкаетъ,
хотя огонь и не погасъ.
Меня невольно привлекаютъ
озера этихъ темныхъ глазъ.
Не граціозна, сухощава,
стрижетъ, какъ мальчикъ, волоса.

И мнѣ глядѣть досадно, право:
къ ней шла бы дѣвичья коса.
Одѣты обѣ очень странно,
хотя, быть можетъ, для утра?
Въ подрясникѣ какомъ-то Анна,
въ хитонѣ греческомъ—сестра.
Еще есть дама, ихъ сосѣдка,
Любовь Петровною зовутъ.
Мила, свѣжа, но не кокетка,
и сразу видишь—институтъ.
Борисъ за завтракомъ былъ веселъ,
все угощалъ меня виномъ
и повторялъ: «Что носъ повѣсилъ?
Не кисни, другъ, мы поживемъ.
Подумай: милая природа
и общество прекрасныхъ дамъ,
сонъ, молоко, во всемъ свобода...
Живи, какъ... кто? Ну, какъ Адамъ,
блаженный до грѣхопаденья.
Пиши стихи, разсказъ начни,
а Мара всѣ стихотворенья
тебѣ пропляшетъ въ эти дни».
— «Пропляшетъ?»—«Что ты удивился?—
Борисъ съ улыбкою сказалъ,—
да гдѣ же, другъ мой, ты родился?
Про пляски Мары не слыхалъ?
Узнай, несчастное творенье:
проводитъ въ жизнь моя жена
искусство «новаго движенья»...
Но вотъ, ужъ сердится она!»
На Мару я взглянулъ невольно:
чуть поблѣднѣвшее лицо,
глаза темнѣютъ,—недовольна,
и вертитъ на рукѣ кольцо.
«Я не сержусь, но эти шутки...
Я ненавижу этотъ тонъ.
Не помолчишь ты ни минутки...
И почему такъ оживленъ?»
Я ждалъ грозы. Вмѣшалась Ата:
«Борисъ ты холстъ не получалъ?»

И посмотрѣла такъ на брата,
Что онъ невольно замолчалъ.
Потомъ сказалъ: «Прислали. Старый,
хорошъ. Три въ ширь и пять въ длину.
Я прежде долженъ кончить съ Марой,
а ужъ тогда тебя начну».
И подошелъ къ женѣ: «Согласна
еще позировать три дня?»—
«И ты окончишь?»—«Да.»—«Прекрасно.
Но больше не держи меня».
Я вспомнилъ женщину нагую,
что повернулъ Борисъ къ стѣнѣ.
Понять причины не могу я,
но стало вдругъ неловко мнѣ.
Однако, свѣчи догорѣли
и на бумагѣ мѣста нѣтъ.
Въ деревнѣ пѣтухи пропѣли.
Прощай, пришли скорѣй отвѣтъ.

II.

Письмо третье.

Ты пишешь: «Женщинъ слишкомъ много,
тебѣ вдвоемъ бы съ Борей жить».
Но не могу—побойся Бога—
я Борю дамъ его лишить.
Вопросъ повсюду раздается
его тревожный: «Гдѣ жена?»
Любовь Петровна, мнѣ сдается,
сама въ Бориса влюблена.
Когда же Мара споритъ съ Борей,
то Ата такъ вотъ и глядитъ:
не дастъ разгорячиться въ спорѣ,
обоихъ умиротворитъ.
Еще четвертая есть дама:
Семеновна. Она жива.
Иду,—вдругъ изъ оконной рамы
ея сѣдая голова
киваетъ мнѣ. Остановился.

Расцѣловались, какъ всегда.
«Здоровъ ли?.. Такъ и не женился?
И не женись: одна бѣда.
Жену не одобряешь Бори?»
—«Да нѣтъ... красивая она».
—«Красивая, вотъ въ томъ и горе:
Красивая, да не жена.
Примѣрная была дѣвица
и къ Борѣ ласкова, какъ шелкъ.
Чуть обвѣнчались—заграницу..
Отъ заграницъ какой же толкъ!
Пріѣхали—и ну чудесить:
то не по ней, то не по немъ.
Скажу по совѣсти: разъ десять
переставляли все вверхъ дномъ.
Пошли картины тутъ да пляски.
Сестрица сядетъ за рояль...
И часто мы живемъ, какъ въ сказкѣ.
А дѣтокъ нѣту, вотъ что жаль...»
И долго старая ворчала.
Дрожалъ въ рукахъ ея чулокъ.
и спица, звякая, мерцала,
и миромъ вѣялъ уголокъ.
За сѣрой баней, тонки, четки,
березки вытянулись въ рядъ,
и листья зернами, какъ четки,
въ закатномъ золотѣ висятъ.
Кукуетъ изъ лѣсу кукушка,
туманъ дымится надъ прудомъ.
Задумавшись, молчитъ старушка,
колеблетъ спицы надъ чулкомъ.
Такой покой, все такъ уютно,
во всемъ такая тишина...
Зачѣмъ же въ сердцѣ стало смутно?
И эта Борина жена!..

III.

Письмо четвертое.

Милый другъ, благодарю
за письмо твое и ласку.

Нетерпѣніемъ горю
Разсказать тебѣ про «пляску».
Знойный день. Жара томитъ.
Вышелъ въ садъ вздохнуть немножко.
Павильонъ такой стоитъ
тамъ въ тѣни, въ концѣ дорожки.
Въ павильонѣ—цѣлый залъ.
Есть рояль и книгъ не мало.
Я, задумавшись, шагалъ.
Слышу—Ата заиграла.
Подхожу. Взглянулъ въ окно,
да и замеръ. На мгновенье
сердце стало. Вотъ оно,—
это «новое движенье».
Мара пляшетъ на коврѣ
вся въ прозрачномъ покрывалѣ.
Ата, наклонясь къ сестрѣ,
ей играетъ на роялѣ.
Вдругъ увидѣла меня.
    «Что вы тамъ, какъ воръ, стоите?
Я пляшу средь бѣла дня,
не скрываюсь я, войдите».
    Я невольно былъ смущенъ,
но, покорный приглашенью,
сѣлъ у входа въ павильонъ.
Снова музыка, движенья.
То какъ бабочки полетъ,
то вдругъ ритмъ измѣнитъ сразу,—
и какъ-будто бы встаетъ
стройный образъ съ древней вазы.
И такою чистотой
дышетъ каждое движенье,
что смотрѣлъ я, какъ святой,
на икону въ умиленьѣ.
И что это нагота—
мнѣ на мысль не приходило.
есть одежда, и не та,—
это такъ понятно было.
Не узоръ ли предо мной,
что на стеклахъ ткутъ морозы

или то въ полдневный зной
надъ водой скользятъ стрекозы?
Или ангелы въ цвѣтахъ
тихо плачутъ надъ гробницей:
столько горести въ рукахъ,
такъ опущены рѣсницы?..

Вдругъ сразу запнулась.
Стала, взглянула:
не обманулась,
не обманула.
Съ улыбкой стоитъ предо мною.
«Вы, кажется, любите Фета?
Ну, Ата, сыграй для поэта,
ты помнишь: «Какъ мошка зарею?»
И снова движенья.
А въ окна вздыхаютъ сирени.
Полдневны мгновенья,
но въ звукахъ—вечернія тѣни.
Забылся я снова,
а чувство такъ смутно, такъ сложно...
«Ахъ, если-бъ безъ слова
сказаться душой было можно!»
Прозрачны движенья...
Не тѣло—душа обнажалась.
и въ эти мгновенья
она мнѣ безъ слова сказалась.

IV.

Мутно-влаженъ воздухъ, словно
вся рѣка въ туманныхъ снахъ.
На скамьѣ Любовь Петровна.
Съ нею Брянцевъ. Шопотъ: «Ахъ,
какъ страдаю я, о, Боже!
Перестала понимать:
все одно, одно и то же...
Не жена она, не мать.
Такъ разстанься съ нею разомъ.
Разъѣзжайтесь. Средства есть.

Все за это: сердце, разумъ
и твоя мужская честь.
О себѣ не говорю я:
Жизнь моя теперь—вся ложь...
о тебѣ одномъ горюю:
на кого ты сталъ похожъ!..»
Онъ молчалъ и вѣтку ивы
комкалъ нервною рукой.
«Ты подумай: некрасиво
унижаться, стыдъ какой!»
—«Стыдъ и честь—какъ все условно,—
молвилъ онъ. Вотъ ты—жена!»
Не нашлась Любовь Петровна,
замолчала и она.
Только, всхлипнувъ, осторожно
слезы вытерла платкомъ.
«Слушай, Люба, невозможно
каждый день все объ одномъ.
Я привязанъ къ Марѣ съ Атой,
жить безъ нихъ я не могу».
Словно клочья мутной ваты,
всталъ туманъ на берегу.
Гдѣ-то хрипло, звукомъ ржавымъ
все скрипятъ коростели.
Мѣсяцъ пятнышкомъ кровавымъ
изъ-за тучъ встаетъ вдали.
«И съ тобою мнѣ разстаться
трудно было бы, повѣрь,
но не въ силахъ я мѣняться—
и особенно теперь».
—«Отчего изъ-за картины
споры каждый день у васъ?»
—«Ну, на это есть причины».
Уголь мѣсяца погасъ.
Рѣчка, словно въ плащаницѣ,
неподвижна и блѣдна.
«Помогала заграницей
мнѣ писать ее она.
И картину мы любили,
какъ дитя. Я въ сказкѣ жилъ.

Но... мнѣ силы измѣнили,
я... картину измѣнилъ.
И какъ разъ совпало это...
Я былъ грубъ, я былъ, какъ звѣрь...
«Для тебя прощенья нѣту!..»
И ушла. Бѣгу, но дверь
заперта...»—«Что тамъ за тѣни
промелькнули? Ты взгляни!»
—«Это Мара и Арсеній.
Насъ не видѣли они...»

Какъ больной, всталъ блѣднымъ ликомъ
мѣсяцъ, бросивъ тучъ постель.
Гдѣ-то въ полѣ хриплымъ крикомъ
вновь задергалъ коростель,
и, какъ плачъ надъ тихой урной,
изъ окошка круглой залы
звуки слышались ноктюрна:
Ата мѣсяцу играла.

V.

Письмо пятое.

Я поправляюсь, другъ мой, я у цѣли,
должно быть, съ легкой Бориной руки.
Представь себѣ: ужъ болѣе недѣли
я просыпаюсь утромъ безъ тоски.
и тянетъ въ лѣсъ и въ поле на прогулки.
Хорошій сонъ, отличный аппетитъ.
Шаги тверды, рѣшительны и гулки.
Всѣ говорятъ: помолодѣлъ на видъ.
Печали, скорбь, уколы и удары
Мнѣ кажутся тяжелымъ старымъ сномъ.
Пишу стихи, гляжу на пляски Мары
и самъ, смѣясь, смѣшу всѣхъ за столомъ.
Семеновна пришла. «Что-жъ, наглядѣлся
на пляски наши? Больно хороша?»
Я усадилъ ее и самъ усѣлся
и отвѣчалъ, смущаясь и спѣша:
«Семеновна, вѣдь, еслибъ были дѣти...

Ты говоришь сама: она не мать.
Борисъ—художникъ... всѣ искусства эти...»
Я спутался. «Тутъ надо понимать».
—«Гдѣ жъ намъ понять! Вѣстимо, вы умнѣе.
Для васъ, поди, не писанъ и законъ.
Да кто плясалъ-то, вспомни: Саломея,
А за нее Креститель былъ казненъ.
Что жъ Боренька? Ему глаза затмила
любовь. А ты—все книжки да стихи.
Не по-людски, ужъ ты прости, мой милый.
Ну, поплетусь я... охъ, грѣхи, грѣхи!»
Ворчитъ, но это отъ расположенья.
И всѣ добры ко мнѣ, а, впрочемъ, вру:
приводитъ Аты взглядъ меня въ смущенье.
Вотъ и сегодня тоже поутру.
По клавишамъ скользятъ такъ нѣжно руки,
Но нѣжности не придаетъ глазамъ.
„Вы думаете, можетъ быть, отъ скуки
играю я и Мара пляшетъ вамъ?"
Я не нашелъ и слова для отвѣта.
„Устраивать мы будемъ вечера.
Плясуньи есть; такихъ, какъ Мара, нѣту.
Ей выступить, я нахожу, пора".
— „Вы думаете, выступить публично?"
— „А что же, для друзей плясать? Вотъ вздоръ!
Я знала, вы найдете—„неприлично".
Какъ нянюшка".—„Напрасенъ вашъ укоръ.
Три дня я все гляжу на эти пляски—
и, какъ стихи, онѣ меня влекутъ.
Но публика сквозь прелесть этой сказки
совсѣмъ другое будетъ видѣть тутъ».
—«Пусть видитъ. Временное это:
непониманье, пошлость, смѣхъ.
Возникнетъ, въ томъ сомнѣнья нѣту,
искусство вольное для всѣхъ.
Въ началѣ будетъ очень трудно.
Вамъ легче: одинокъ вашъ стихъ.
Но нѣтъ дремоты непробудной—
и мы вдвоемъ разбудимъ ихъ».
— «Но Боря...»—«Боря очень старый...

старинный... Вотъ и вы такой.
Мы спорили недавно съ Марой...»
— «И приговоръ ея какой?»
— «Вы стары вовсе не годами
(меня не слушала она),
вы стары отношеньемъ «къ дамѣ».
Раба, наложница, жена
и мать. Исторія виною.
Но, вѣдь, исторію творить
должны хоть іотой мы одною,
а иначе не стоитъ жить.
Вамъ непонятно?»—«Нѣтъ, мнѣ странно;
такихъ, какъ вы, я не встрѣчалъ,
и точно Д'Аркъ вы Іоанна,
но духъ иной». Я помолчалъ.
«Вы молоды, и вамъ такъ много
дано еще узнать, свершить.
Любую можете дорогу
избрать. И создавать, любить».
— «Любить?» тихонько повторила
и тонкой, смуглою рукой
едва по клавишамъ скользила.
«Вы не поймете, вы иной.
Любовь къ друзьямъ, искусство, трудъ,
общественность—я понимаю,
но «то, что смертные зовутъ
любовью», я совсѣмъ не знаю...
Нѣтъ, долженъ измѣниться полъ.
Оттуда—все порабощенье,
въ немъ главная причина золъ
и чрезъ него—преображенье.
...Часами споримъ мы съ сестрой:
вѣдь, понимаетъ, вѣдь, согласна
и ненавидитъ старый строй,
а новый чувствуетъ неясно».
И снова строгій, хмурый взглядъ.
«Нисколько я не суффражистка:
я противъ всѣхъ, кто тормозятъ...
Идетъ движенье, ломка, чистка,—
и глупо пятиться, какъ ракъ:

задержка только, замедленье...
Кощунствомъ сталъ законный бракъ
и грязь—всѣ эти уклоненья!..»
— «Ну нѣтъ, не всѣ», замѣтилъ я,
«примѣры разные бываютъ...»
— «Но», прервала она меня,
«вѣдь, исключенья подтверждаютъ...
Любовь свободная—мечта:
гдѣ страсть—тамъ нѣтъ уже свободы.
Природа для звѣрей—свята,
но мы—творцы своей природы».
Сказалъ я: «Вы, быть можетъ, правы.
И, чтобы полъ преобразить,
найдете нужныя слова вы,
но это мало: надо жить.
Одинъ огонь все очищаетъ,
преображая навсегда.
Объ этомъ слишкомъ забываютъ
всѣ люди въ смутные года».
— «Огонь? Огонь не одинаковъ.
Горитъ любовью каждый звѣрь,
Но онъ не ищетъ новыхъ знаковъ,
всегда любилъ, какъ и теперь.
Вотъ почему въ немъ все застыло,
вотъ почему онъ подчиненъ.
Вѣдь, въ слабость превращаетъ силу
Летъ безызмѣнчивыхъ временъ.
И звѣрь во тьмѣ людскихъ сомнѣній
на многое бросаетъ свѣтъ:
развитія нѣтъ безъ движеній—
исторіи у звѣря нѣтъ.
А люди ищуть перемѣны.
Имъ бунтовать самъ Богъ велитъ.
Вѣдь, перемѣна—врагъ измѣны,
она исторію творитъ».
И заиграла, заиграла.
Кипѣли звуки, какъ вино...
Что Мара про меня сказала?
А, впрочемъ, право, все равно.

VI.

Утро. Брянцевъ въ мастерской.
Онъ привычною рукой
холстъ ощупываетъ,—сухо.
Слышно, какъ вверху, въ стекло,
негодуя, бьется муха.
Очень тихо и свѣтло.
Стукъ за дверью. Поблѣднѣлъ.
«Да, войди!» промолвилъ громко.
Тряпку бросилъ, поднялъ, скомкалъ,
скрыть волненье не умѣлъ.
Вотъ портьеру отвела
дверь. Неслышными шагами
и чуть-чуть свистя шелками,
Мара медленно вошла.
Вздохъ тепла плыветъ изъ сада.
Гдѣ-то дятелъ—стукъ да стукъ!
На мгновенье—встрѣча рукъ,
на мгновенье—встрѣча взгляда.
Вотъ стоитъ на возвышеньѣ,
вотъ замедлилась немножко,
но потомъ—одно движенье,
и отстегнута застежка.
И, какъ пѣнный водоскатъ,
бѣлый шелкъ къ ногамъ скользитъ.
Обнаженная стоитъ,
опустила гордый взглядъ.
Садъ дышалъ въ окно тепломъ.
Какъ цвѣтокъ, сверкало тѣло,
и въ деревьяхъ за стекломъ
ярко иволга свистѣла.

Проплыли тягостно мгновенья.
Она не поднимаетъ глазъ.
«Да, таково мое рѣшенье:
я здѣсь стою въ послѣднiй разъ.
Вѣдь, ты нарочно длишь работу.

Тогда зачѣмъ-то стеръ лучи...»
Упавъ, задребезжало что-то,
и крикъ Бориса: «замолчи!»
Потомъ онъ вдругъ затихнулъ сразу,
весь сгорбился. Во взглядѣ—страхъ
Сталъ подбирать осколки вазы,
и кровь алѣла на рукахъ.
«Я жду», сказала тихо Мара.
«Сегодня долженъ ты кончать».
Онъ вздрогнулъ весь, какъ отъ удара,
Схватилъ палитру, сталъ писать.
Она почти не отдыхала,
почти не поднимала глазъ
и все стояла и стояла.
Вотъ часъ прошелъ. Вотъ снова часъ.
За дверью стукъ и голосъ Аты:
«Борисъ, ты живъ?» Подождала.
«Хотите къ завтраку салату,
я въ огородѣ нарвала?
Пора кончать: двѣнадцать ровно.
Мы въ два хотѣли на покосъ...
Пріѣхалъ мужъ Любовь Петровны
и Костеньку съ собой привезъ».
Мужъ въ чесунчѣ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ.
«А что жъ хозяева?»—«Идутъ».
«Ахъ, Боже мой, какія лица!»
— «Да, правда: краше въ гробъ кладутъ».
— «Арсеній Павловичъ, знакомы?»
«Пріятно очень...»—«Вотъ жара!»
— «Я задержался, не былъ дома
недѣли двѣ, а вотъ вчера...»
— «Смотрѣли новую плотину?»
— «Отличная... какъ вы блѣдны!
Слыхалъ, кончаете картину
вы при участіи жены?
Работать въ этотъ жаръ не шутка...»
— «А вы читали «Думскій сонъ»?
Каковъ Davidовъ-то!»—«Это утка».
— «А правда, Моровъ заключенъ?»

«Завтракъ поданъ».—«Вотъ отлично!..
Николай Андреичъ, вамъ
я налью...»—«Сиди прилично,
я тебѣ яичко дамъ».
— «За отсутствіе сугубо
наградить себя рѣшилъ:
вижу вмѣстѣ васъ и Любу,
да и Костю захватилъ».
— «Вы ужасный непосѣда!»
— «Все работа. А жена
не скучаетъ. Чуть пріѣду—
недовольства... такъ нервна...
Да, зоветъ на стройку Ляминъ...
Костѣ не давай ножа!..»
— «Какъ во снѣ держу экзаменъ»,
Люба думаетъ, дрожа.
И къ ребенку наклонилась.
«Ахъ, не видѣть, не слыхать!..
Я боролась, я молилась...
Лгу... Но всетаки я мать...»
— «Онъ премилый, этотъ Костя!»
Костя, щуря хитрый глазъ,
набалдашникъ толстой трости
ртомъ хотѣлъ поймать какъ разъ.
«Говоритъ онъ?»—«Какъ же: папа,
Мама, няня, дай, не дамъ...
Ножку не клади на шляпу,
И не надо въ ротикъ—срамъ!»

VII.

Письмо шестое.

Здравствуй, милая сестра!
Дни проходятъ, словно миги:
по утрамъ работа, книги,
а потомъ въ луга пора.
Воздухъ дивный: сѣнокосъ.
Всюду яркія рубахи
и размѣренные взмахи,

блескъ и звоны острыхъ косъ.
Боря съ нами иногда.
Чертитъ быстро лица, спины.
Вотъ и тѣни стали длинны.
«Часъ до дому, господа!
Мара, ѣсть хочу—ослабъ...
Гдѣ ты?.. Посмотри, Арсеній,
это, вѣдь, урокъ движеній:
Мара учится у бабъ.
Напиши стихи скорѣй,—
и тогда мы всѣ богаты:
записала, вѣдь, и Ата
пѣснь и крики косарей».
Вечеръ. Съ Марой мы вдвоемъ.
День уходитъ, тьма смѣлѣе
подъ березами, въ аллеѣ.
«Ну, теперь ко мнѣ пойдемъ».

Чуть шелестятъ портьеры складки,
поетъ старинный бой часовъ.
И упоительны, и сладки
дыханья пряныя цвѣтовъ.
Двухъ яркихъ лампъ смиряетъ свѣты
шелковъ зеленыхъ нѣжный плѣнъ.
Картины, слѣпки и портреты
вдоль гладкихъ деревянныхъ стѣнъ.
Бесѣды наши безконечны.
За часомъ быстрый часъ идетъ.
То говоримъ о томъ, что вѣчно,
То дѣтскій смѣхъ насъ разберетъ.
Я ей разсказываю были
давно-давно минувшихъ дней.
Ея вопросы воскресили
всю повѣсть юности моей.
Какъ увлекался я аскезой,
пѣшкомъ ходилъ въ далекій скитъ
и бредилъ въ явь святой Терезой.
Какъ, словно бы Іону китъ,
меня держалъ монахъ суровый
три мѣсяца въ монастырѣ.
Какъ я съ религіею новой

оттуда вышелъ на зарѣ.
Какъ ѣздилъ съ братомъ въ Палестину,
какъ жаждать сталъ насущныхъ дѣлъ,
чтобъ уничтожить зла причину,
и какъ журналъ нашъ прогорѣлъ.
А время маятникъ шатаетъ.
Поетъ старинный бой часовъ.
Въ окно изъ лѣса долетаетъ
далекій плачъ полночныхъ совъ.
Она приноситъ мнѣ альбомы.
Всѣхъ снимковъ въ нихъ не перечесть.
Мнѣ очень многіе знакомы,
но также много новыхъ есть.
Она съ любовью изучаетъ
картины лучшихъ мастеровъ.
Запоминаетъ, подмѣчаетъ
движенья, взглядъ, наклонъ головъ.
«Смотрите, въ этомъ сколько ласки,
а тутъ какъ много чистоты...
Все это выражу я въ пляскѣ.
Здѣсь—руки никнутъ, какъ цвѣты.
...Вы были въ Греціи недавно,
Борисъ, я помню, говорилъ?»
— «Представьте, Марья Николавна,
въ одно я время съ вами былъ...»
— «И мы не встрѣтились? Вотъ жалость!
Судьба смѣется надо мной...»
Лица, вдругъ вспыхнувшаго, алость
могла смутить бы у другой.
Но въ Марѣ—каждое мгновенье
все измѣняетъ: новый взглядъ,
въ чертахъ иное выраженье,
слова всѣ иначе звучатъ.
Она живетъ, не зная плѣна
и скуки неподвижныхъ дней.
Въ ней все—движенье, перемѣна.
Недавно встрѣтился я съ ней:
несетъ лекарство осторожно.
Серьезный, даже строгій видъ.
Я сторонюсь. «Помочь вамъ можно?»

Дала нести. Старикъ сидитъ
въ сѣняхъ, больной и очень старый.
Кряхтитъ, и въ ранахъ вся нога.
Осмотръ. «Какъ будто нѣту жара...
Не надѣвай ты сапога.
Нельзя ходить тебѣ такъ много...
Зачѣмъ ты ногу запустилъ?»
— «Да полегчало, слава Богу,
а нынче, вотъ, не стало силъ
терпѣть, и говоритъ старуха...»
— «А что Прасковья, все больна?»
— «Не слышу, ась?» подставилъ ухо.
— «Поправилась твоя жена?»
— «Какое! Хуже все да хуже:
лежитъ, не въ моготу и сѣсть.
Водянка, знать: распухла дюже.
Чуть дыхаетъ, не пьетъ, не ѣстъ».
— «Арсеній Павловичъ, мнѣ Ату
пошлите вы, она въ саду.
И пусть захватитъ бинтъ и вату...
Къ вамъ, дѣдъ, я завтра же приду»
Однако, разрослось посланье:
давно пора мнѣ знать и честь.
Терпѣнья хватитъ ли прочесть?
Пиши. Цѣлую. До свиданья.

VIII.

Письмо седьмое.

Сестра, спасибо за отвѣтъ,
но почему ты пишешь сухо,
и эта фраза: «я старуха,
но и тебѣ не мало лѣтъ»?
Къ чему жестокія слова?
Я помню, можетъ быть, и съ болью,
что много лѣтъ какъ перцемъ съ солью
моя покрыта голова.
Я помню: молодость прошла.
И ты волнуешься напрасно:

Мнѣ Мара вовсе не опасна,
хотя и очень мнѣ мила.
А вотъ Борисъ меня смущаетъ:
онъ невпопадъ всѣмъ отвѣчаетъ,
захваченъ думою одной.
Уходитъ въ лѣсъ и бродитъ въ чащѣ.
И слышу—съ каждымъ днемъ все чаще
онъ споритъ съ Атой и женой.
Изъ-за чего такой разладъ—
напрасно я ловлю причину.
Уже окончилъ онъ картину
Дней пять иль шесть тому назадъ.
Къ стѣнѣ отвернута она.
И для картины «Тишина»
теперь сидитъ Борису Ата
по вечерамъ, въ часы заката.
Мнѣ очень нравится эскизъ,—
вчера показывалъ Борисъ.
Закатъ. Вечернее молчанье
и предночная тишина.
Чуть сдвинувъ брови и блѣдна,
сидитъ, вся въ длинномъ одѣяньѣ...
Кто? Дѣвушка иль пастушокъ?
И къ выпуклымъ губамъ рожокъ
прижатъ. И слышно, какъ играетъ,—
движенья пальцевъ всѣ видны,—
но тонкій звукъ лишь углубляетъ
покой и святость тишины.
Онъ весь, какъ нити паутины...
Пришелъ въ восторгъ я отъ картины
и, правда, не жалѣлъ похвалъ.
Борисъ былъ радъ и просіялъ.
А то съ нимъ просто сладу нѣтъ:
на все ворчитъ, всѣмъ недоволенъ.
«Да что съ тобой? Ты просто боленъ!..
Скажи, а это чей портретъ?»
— «Портретъ? Неправда-ль, не дуренъ?
А кѣмъ написанъ—неизвѣстно».
— «Ты на него похожъ».—«Мнѣ лестно:
онъ былъ въ убійствѣ обвиненъ.

Мой дѣдъ, онъ матери былъ дядя,
жестокій страшно крѣпостникъ.
Къ разсказамъ про него привыкъ»...
— «Такъ разскажи мнѣ, Бога ради!»
— «Нѣтъ, не хочу и вспоминать:
за это не люблю и дѣтство.
Судьбѣ премилое наслѣдство
угодно было мнѣ послать.
Обманутъ былъ своей женой...
Убилъ... Однако, часъ заката.
Пора писать. Пойдемъ-ка, Ата,
займемся лучше «Тишиной».
Онъ увлекается картиной
и, слава Богу, цѣлый часъ
не мучитъ никого изъ насъ.
А скоро Мары именины...
Любовь Петровна, мужъ, бебэ
отъ насъ уѣхали недавно.
Довольна Ата, я подавно
благодаренья шлю судьбѣ.
Но къ именинамъ ждутъ гостей,
и будетъ что-то вродѣ бала;
такъ мнѣ Семеновна сказала.
«Не оберешься тутъ затѣй.
Огней да фиверковъ не счесть.
Я помню, въ позапрошломъ лѣтѣ
Весь прудъ горѣлъ. Ну, кабы дѣти...
Гостямъ, вишь, надо сдѣлать честь.
Все Боренька, все это онъ.
Принцессѣ угодить онъ хочетъ,
а той плевать, что онъ хлопочетъ.
Махнетъ рукой: «а куа бонъ»!»
Мнѣ надоѣла воркотня:
какъ неотвязчивая муха,
меня преслѣдуетъ старуха.
«Ахъ, нянюшка, оставь меня!»
И я иду бродить по саду.
Прошли обильные дожди.
Я радъ, и вся природа рада:
дней свѣтлыхъ много впереди.

Я перечелъ твое посланье
и улыбнулся про себя.
Какъ въ дѣтствѣ, я люблю тебя.
Пугливый другъ мой, до свиданья!

IX.

«Такъ ты меня считаешь воромъ
и хочешь взять меня изморомъ
и уморить, какъ травятъ крысъ?»
— «Тебя мнѣ слушать даже стыдно,
досадно, скучно и обидно,
и... ты раскаешься, Борисъ!..
Чтобъ ты показывалъ картину,
я не хочу, и ты пойми»...
— «Причину... объясни причину.
Хочу дѣлиться я съ людьми»...
— «Ну, и подѣлишься позднѣе»...
— «Какъ, ждать прикажешь! Сколько лѣтъ?
Теперь работалъ я надъ нею...
Пойметъ Арсеній»...—«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»
— «Боишься ты? Чего бояться?
Не бойся: онъ—не я, не звѣрь...
Постой!..»—«Мнѣ трудно оставаться».
Ушла, слегка прихлопнувъ дверь
«Вотъ какъ! Безъ всякихъ объясненій.
А такъ не дѣлаютъ въ борьбѣ».
Подумалъ. Крикнулъ: «Здѣсь, Арсеній?
Арсеній, я могу къ тебѣ?
Еще ты дома?»—«Да. Малину
идемъ Семеновнѣ сбирать».
—«А хочешь посмотрѣть картину?»
—«Конечно».—«Мнѣ такъ важно знать...
Ты мнѣ поможешь дать названье.
Идемъ». Вотъ оба въ мастерской,
и средь смущеннаго молчанья
Борисъ дрожащею рукой
отодвигалъ свою картину.
Мольбертъ чуть взвизгнулъ колесомъ.
Она видна на половину.

Арсеній всталъ передъ холстомъ.
Вотъ вся она. Сѣдыя скалы.
Торжественный вечерній часъ.
Внизу глубокіе провалы,
и дно не видимо для глазъ.
Чуть опершись о край обрыва,
до самыхъ ногъ обнажена,
и равнодушно-нестыдлива,
стоитъ, какъ-будто ждетъ она.
Въ глазахъ двѣ искры догораютъ.
Ротъ и печаленъ, и жестокъ,
и въ пальцахъ сложенныхъ пылаетъ,
какъ уголь, огненный цвѣтокъ.
Арсеній смотритъ. Это тѣло—
Онъ не видалъ его такимъ.
Она ли быть другой умѣла,
иль самъ онъ сталъ теперь другимъ?
Борисъ посмѣлъ, Борисъ увидѣлъ,
безъ слова громко разсказалъ...
И онъ Бориса ненавидѣлъ:
зачѣмъ, зачѣмъ онъ показалъ!
«Что скажешь?»—«Мнѣ отвѣтить трудно
Сейчасъ. Я слишкомъ пораженъ.
Но... поступилъ ты безразсудно,
и... такъ своихъ не пишутъ женъ».
Борисъ тихонько разсмѣялся.
«Скажи: ни сердцу, ни уму...»
Арсеній вспыхнулъ и замялся.
«Скажу, когда вполнѣ пойму».
Къ обѣду Мара не явилась,
и Ата хмурая пришла.
«Пойду къ ней, что еще случилось?»
—«Нѣтъ, не ходи: она легла.»

X.

Письмо восьмое.

Не знаю, милая сестра,
Что дѣлать мнѣ съ твоей заботой?
Нарочно сѣлъ писать съ утра.

Не безпокойся же, да что ты!
Здоровъ ли я? Здоровъ вполнѣ.
Мой образъ жизни мнѣ полезенъ.
И всѣ внимательны ко мнѣ.
Борисъ несносенъ, но любезенъ.
Немного грустно эти дни:
Больна и не выходитъ Мара,
и мы обѣдаемъ одни.
Но, слава Богу, нѣту жара.
Такъ, слабость, головная боль.
«Все нервы»,—Ата объясняетъ.
Ты хочешь знать мой день? Изволь.
Встаю, когда ужъ день сіяетъ.
Пью кофе съ молокомъ стаканъ,
яйцо съѣдаю, съ масломъ булку.
Тетрадь съ карандашемъ—въ карманъ
и отправляюсь на прогулку.
Иду сначала черезъ садъ.
Дорожки узки и отлоги.
Скрестившись, далѣе лежатъ
двѣ расходящихся дороги.
Мнѣ перекрестокъ такъ знакомъ,
и съ каждымъ днемъ люблю все болѣ
иконку на столбѣ съ крестомъ
и ширь вокругъ. Тутъ рядомъ поле.
Подъ сводомъ ласковыхъ небесъ
съ поклономъ ждутъ меня колосья,
и съ перекрестка въ милый лѣсъ
тропой бреду, какъ нѣкій лось я.
Взглядъ незабудокъ голубой
напоминаетъ дѣтство, сказки,
а сосенъ шумы, какъ прибой,
полны дремучей, важной ласки.
Отъ этихъ шумовъ тишина
еще бездоннѣй надо мною,
и до краевъ душа полна
великой тайною лѣсною.
Лѣсной я вѣдаю языкъ,
мнѣ письмена корней понятны.
Я узнавать слова привыкъ,

что чертятъ солнечныя пятна.
Здѣсь, позабывъ житейскій плѣнъ,
я вѣрю въ то, что невозможно.
Здѣсь перемѣны безъ измѣнъ.
здѣсь такъ блаженно-безтревожно.
Вся жизнь ушла въ зеленый сонъ.
Плывутъ созвучій вереницы,
и, словно мелкихъ капель звонъ,
Напѣвъ невидной, милой птицы:
«Ти-тю-ти-ти, тю-ти-тю-ти»!
запомню интервалъ.
Но полдень миновалъ—
пора домой идти.
И радостенъ, и бодръ,
покинувъ мшистый одръ,
иду я съ пѣсней новой,
а завтракъ ждетъ въ столовой.
Борисъ недавно всталъ,
и руки точно ледъ.
«Что Мара, не придетъ?...
...не ѣмъ, вѣдь, я сказалъ».
Не поднимаетъ глазъ.
«Такъ скоро именины...
Пусть назоветъ причину,—
я всѣмъ пошлю отказъ».
— «Нѣтъ, проситъ не писать.
Она сойдетъ къ обѣду».
Стараюсь я бесѣду
немного поддержать.
Не слушаетъ Борисъ,
своею думой занятъ.
Но вдругъ мнѣ блюдо тянетъ:
«возьми,—ты любишь рисъ».
После завтрака брожу
возлѣ пруда я, читая.
Бѣлогрудыхъ птичекъ стая
промелькнула. Я слѣжу.
Полюбуюсь, пропустивъ
пять страницъ, на стаю рыбью.
Вѣтеръ серебристой зыбью

кроетъ вѣтви никлыхъ ивъ.
Чуть рябится сонный прудъ,
а вдали пылитъ дорога.
Я кричу: «Есть письма?»—«Много».
это почту намъ везутъ.
Нищій проплелся съ сумой.
Ужъ не долго до обѣда.
Шорохи велосипеда:
то Борисъ летитъ домой.
Мара вышла къ намъ слабая, блѣдная.
Непривычная вялость движенья,
и другое совсѣмъ выраженье.
Видно, очень измучилась, бѣдная.
Намъ грозя разливательной ложкою,
Ата громко нарочно кричала:
«Не ѣдите? Совсѣмъ? Еслибъ знала!
Вотъ старайся для нихъ надъ окрошкою!»
Какъ смущенье другихъ заразительно:
чтобы нить поддержать разговора,
наболталъ я глупѣйшаго вздора.
Было грустно, тревожно, томительно.
«Завтра сдѣлаемъ приготовленія:
дашь ключи, чтобы вынуть шкатулку
съ серебромъ»... Я ушелъ на прогулку.
И зачѣмъ эти гости? Мученіе!
...Всѣ глядѣли на солнце закатное.
Алый шаръ средь пустынности мглистой
въ сѣромъ воздухѣ рдѣлъ безлучистый.
Вечеръ вѣялъ тоскою невнятною.
А желанья росли все безмѣрнѣе.
Совершились незримыя чары...
Блѣдный обликъ тоскующей Мары,
и молчанье, и росы вечернія.
И я вспомнилъ: тревогой томимая,
обо мнѣ ты грустишь, дорогая...
Гроздья звѣздъ загорались, мигая...
О, сестра моя, другъ мой, любимая!

П. Соловьева (Allegro).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОЖИДАНІЕ.

Разсказъ.

(Переводъ автора съ рукописи).

Поздно утромъ, когда солнце станетъ на косарскій обѣдъ, архіерей долженъ выѣхать изъ Малыхъ Вишенекъ. Между Малыми Вишенками и Болотянкой, въ гаю, гдѣ находится крошечная, древняя и тѣнистая гребля, проходитъ граница двухъ уѣздовъ.

Тутъ и ожидаютъ гостя: становой приставъ Зеленкевичъ, священникъ изъ Болотянки и помѣщикъ изъ Большихъ Вишенекъ—Глюзиньскій. У болотянскаго батюшки архіерей остановится только для того, чтобы перепрячь лошадей и перемѣнить кучера: за Болотянкой есть круча, съ которой становой не можетъ поручить первому попавшемуся кучеру везти его высокопреосвященство. Для этого приглашенъ спеціальный кучеръ.

А въ Большихъ Вишенкахъ у Глюзиньскаго гость остановится на болѣе продолжительное время.

Шагахъ въ пятидесяти отъ гребли на небольшомъ курганѣ стоитъ стражникъ Кавунъ и зорко глядитъ вдаль. Тамъ далеко-далеко, у самыхъ Малыхъ Вишенекъ, на другомъ курганѣ, словно муха на паляницѣ, виднѣется стражникъ Андросюкъ. Чуть покажется карета архіерея, Андросюкъ моментально зажигаетъ факелъ—и телеграмма готова.

Такъ въ далекія казацкія времена передавались грозныя вѣсти о нашествіи татаръ.

* * *

Солнце уже близится къ косарскому обѣду. Передъ коляской Глюзиньскаго въ почтительной позѣ переминается съ ноги на ногу второй теноръ изъ мѣстечка Задрыпаннаго—Коволупъ. На немъ поношенный фракъ, вышитая ру-

баха и желтые башмаки съ черными заплатами. Онъ вертитъ въ рукахъ рыжую соломенную шляпу à la panama и слушаетъ исправника. На испитомъ, плоскомъ лицѣ его съ утинымъ носомъ написаны и тревога, и самоувѣренность, и даже будто снисходительная насмѣшка.

Приставъ и батюшка волнуются. Батюшка—тревожно, тоскливо, съ выраженіемъ человѣка, котораго ловятъ; становой—озабоченно и весело, какъ человѣкъ, который самъ ловитъ. На немъ все сверкаетъ и блеститъ: пуговицы, погоны, бѣлый, какъ полярный снѣгъ, китель, красныя сочныя губы, цыганскіе глаза съ синевой, лакированные сапоги. Онъ уже все осмотрѣлъ и провѣрилъ: гребля исправлена, дорога выровнена, а по бокамъ, какъ было приказано, втыканы молодыя деревца. Фасонисто и будто настоящія деревья. Награда обязательно должна быть.

Вотъ только этотъ архаровецъ Козолупъ! Положись на него, а онъ тебѣ такой фортель отлупитъ, что потомъ не то что награды, а и свѣта не взвидишь.

— Слушай, Козолупъ, да скажи ты мнѣ истинную правду,—чуть не въ пятый разъ спрашиваетъ Зеленкевичъ:—служилъ ты у архіерея? Послѣдній разъ, Христомъ Богомъ, какъ человѣка прошу, отвѣчай же, сукинъ сынъ, по совѣсти: служилъ?

Козолупъ пожимаетъ однимъ плечомъ, усмѣхается и покорно отвѣчаетъ:

— Служилъ, вашескородіе.

— Кучеромъ?

— Такъ точно, кучеромъ...

Разговоръ ведется даже въ томъ же самомъ порядкѣ, но батюшка слушаетъ его съ напряженіемъ и безпокойствомъ. Въ коричневой, пахнущей нафталиномъ и топорщащейся рясѣ, съ замореннымъ лицомъ и тоскливыми глазами, онъ похожъ на засидѣвшуюся насѣдку.

— А какъ же ты въ пѣвчихъ очутился?

— По случаю восхитительнаго голоса, вашескородіе.

Тутъ Козолупъ рѣшительно кладетъ изъ одной руки въ другую шляпу и, какъ бы желая откровеннымъ признаніемъ положить конецъ малодушію и сомнѣніямъ, горячо говоритъ:

— Позвольте изъясниться, вашескородіе! Скажу вамъ, какъ подобаетъ правдѣ. На пѣвческое занятіе я перешелъ просто какъ оно образованное и легкое. А весь мой темберъ, вашескородіе, въ кучерскомъ ремеслѣ. Ей-Богу, вашескородіе. Пущай это необразованность, а я вотъ прямо признаюсь—и больше ничего. И не стыжусь.—Что жъ, кто къ чему призванье получилъ... Скажу такъ, вашескородіе,—извините только, батюшка, за глупыя слова,—пущай мнѣ скажутъ: «будь, Козолупъ первымъ теноромъ въ архирейскомъ хорѣ или кучеромъ у послѣдняго помѣщика». Накажи меня Богъ, возьму кучера! Ей-Богу!

И Козолупъ, какъ бы съ недоумѣніемъ, пожимаетъ плечомъ и улыбается.

— Артистъ, выходитъ,—киваетъ батюшкѣ Зеленкевичъ.—Такъ чего-жъ ты не служишь кучеромъ?

— По слабости спиртныхъ напитковъ, вашескородіе,—виновато вздыхаетъ и потупливается Козолупъ.—Не могу на пунктѣ держаться. У меня пунктъ—полкварты, вашескородіе. Какъ удержусь, давайте возъ пуху: на курьерскихъ провезу и пушинки не растеряю. Ну, какъ перешелъ за пунктъ,—шабашъ, слѣзай съ некипажа. Только вы, вашескородіе, за сегодняшній день не сумлѣвайтесь. Довезу во какъ! Не въ деньгахъ дѣло, вашескородіе. Пять рублей, понятно, пѣшкомъ тоже не ходятъ, но... давно вожжей въ рукахъ не держалъ, ей-Богу. Словомъ, вашескородіе, голову даю, что въ благополучности все будетъ... Вѣрьте совѣсти!

Становой все еще колеблется.

— Чортъ мнѣ въ твоей головѣ. Завезешь куда-нибудь въ кручу, а я что тогда со своей головой дѣлать буду? Былъ такой случай въ прошломъ году въ одномъ уѣздѣ,—обращается къ батюшкѣ Зеленкевичъ:—ѣхалъ, вотъ какъ теперь, по епархіи архіерей. Ну, ничего. Только, понимаете, круча тамъ была по пути, а внизу прудъ. Какъ у насъ. Ну, спеціальнаго кучера, вотъ вродѣ Козолупа... Ну, ты, братъ, не пожимай плечами, знаемъ мы васъ. Просятъ, понимаете, сукинаго сына: голубчикъ, радость наша, такой-сякой, ради Бога не подведи. И что-жъ вы думаете: завезъ подлецъ прямехенько въ прудъ!

— Въ прудъ?!—съ ужасомъ шепчетъ батюшка.

Глюзиньскій лѣниво и презрительно улыбается подъ желтыми и прямыми, какъ колосья ржи, усами. Видимо, онъ презираетъ и архіерея, и этого попа, и и собаку пристава, съ которыми вошелъ въ компанію.

— Въ самый прудъ, анафема, завезъ,—со смѣхомъ продолжаетъ Зеленкевичъ:—отъ страху или отъ старанія,—чортъ его знаетъ. А исправника смѣстили. Вотъ тебѣ и головой ручался.

Козолупъ снисходительно улыбается.

— Мы не испугаемся. На день по три архіерея возили. Вотъ только, вашескородіе, насчетъ полкварты извольте милость, какъ обѣщали, побезпокоиться...

— А безъ этого не можешь?—съ любопытствомъ и не безъ сочувствія спрашиваетъ Зеленкевичъ.

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе. Безъ полкварты ручательства не даю. Это по совѣсти. Какъ полкварты не будетъ—аминь, безъ тембру повезу. Больше тоже не надо. Но чтобы съ темберомъ—надо полкварты.

Батюшка отъ волненія не понимаетъ, и становой объясняетъ ему. Потомъ вынимаетъ приготовленную бутылку водки и даетъ Козолупу.

— На, бери, я обѣщанія исполняю. Только, братъ, смотри: чуть что,

такой темберъ потомъ пропишу, что себя домой не довезешь. Жди тутъ, никуда не ходи, а то наклюкаешься гдѣ-нибудь. А какъ проѣдетъ архіерей, сейчасъ же за нами къ батюшкѣ. Понялъ?

Козолупъ очень охотно киваетъ головой, дѣлаетъ необыкновенно внимательный видъ, а самъ тѣмъ временемъ осторожно прячетъ водку въ карманъ. Потомъ незамѣтно отходитъ въ сторону, выбиваетъ пробку и, любовно обтеревъ бутылку, сладко пьетъ.

* * *

Солнце уже давно перешло за косарскій обѣдъ. Тѣнь отъ лозъ, гдѣ стоитъ коляска, укорачивается. Глюзиньскій начинаетъ позѣвывать и посматривать на часы. Батюшка все чаще и чаще вытираетъ лицо бѣлымъ съ розовыми яблоками платкомъ.

Вдругъ на греблѣ слышится стукъ колесъ. Всѣ оборачиваются и ждутъ. Скоро изъ зеленаго корридора, образуемаго старыми дуплистыми вербами, показывается крестьянскій возъ, запряженный парой клячъ, похожихъ на воблы. На возу сидитъ мужикъ съ широкой, свѣтлой бородой, а за нимъ лежитъ кто-то.

— Ну, вотъ, чортъ ихъ таки несетъ,—говоритъ Зеленкевичъ.—Что жъ этотъ болванъ Никитенко? Сказано ему, дурню, не пропускать никого по этой дорогѣ. Эй, ты тамъ! Куда? Заворачивай назадъ! Назадъ, къ чортовой матери!

Зеленкевичъ кричитъ и машетъ рукой, но мужикъ продолжаетъ ѣхать. Онъ тоже что-то говоритъ и улыбается.

— Козолупъ! Пойди, братъ, турни его къ чертямъ собачьимъ отсюда. Пусть другой дорогой ѣдетъ. Ну, сволочь народъ. Именно тогда ему надо ѣхать, когда нельзя.

Козолупъ торопливо вскакиваетъ и бѣжитъ, мотая фалдами фрака, къ мужику и останавливаетъ лошадей.

— Поворачивай назадъ! Слышь ты, что тебѣ приказываютъ? Прется...

У мужика расплющенный зеленый картузъ, похожій на шапку стараго гриба, и синіе добрые глаза. Онъ продолжаетъ улыбаться и добродушно говоритъ:

— А мнѣ господинъ урядникъ, спасибо имъ, разрѣшили... Сначала препятствовали, это вѣрно, а потомъ согласились. Говорятъ: «какъ ихнее благородіе господинъ приставъ»...

— Восхитительно —нетерпѣливо соглашается Козолупъ.—А господинъ приставъ тебѣ приказываютъ—заворачивай назадъ и шабашъ. Понялъ?

Мужикъ охотно киваетъ головой, все ясно понимаетъ и опять говоритъ:

— Ну, я и поѣхалъ. Думаю: просить буду господина пристава, а они, спасибо имъ, и дозволятъ. Мнѣ въ Задрыпанное... Старуха вотъ моя захворала,

на операцію везу, пусть Господь милуетъ. Богъ его знаетъ, какъ оно выйдетъ, ну, только приказалъ докторъ къ утру быть. А уже, горенько наше, и не рано, задержали насъ господинъ урядникъ. Задержали, пусть Господь милуетъ. Ну, спасибо, выпустили. Говорятъ: «какъ пустятъ господинъ приставъ, ничего, поѣзжай, не пустятъ—такъ и будетъ».

Зеленкевичу надоѣло ожидать, и онъ кричитъ:

— Ну, что жъ тамъ, Козолупъ?

Козолупъ вздрагиваетъ, рѣшительно беретъ за веревочныя вожжи и поворачиваетъ.

— Нельзя, не приказано. Это все архирею безъ надобности. У тебя жена, у меня бабушка, а имъ надо проѣхать. Другой дорогой шкандыбай... Мало тебѣ дорогъ? Вишь, рысаки какіе... Ну, ты, паршивая, еще мнѣ тутъ щулится!..

— Козолупъ!—слышится сердитый крикъ станового.

Козолупъ испуганно бросаетъ лошадей и бѣжитъ къ коляскѣ.

Тогда мужикъ слѣзаетъ съ воза, заматываетъ вожжи, расправляетъ рубаху на груди и съ кнутомъ въ рукѣ идетъ за Козолупомъ. На возу онъ казался выше, теперь это коротконогій, широкій и неуклюжій человѣкъ.

Шаговъ за десять отъ господъ онъ снимаетъ картузъ, низко кланяется и съ той же улыбкой,—не то ласковой, не то грустной—начинаетъ излагать приставу свою просьбу.

Становой сердится, объясняетъ, мужикъ охотно соглашается, сочувственно киваетъ головой и продолжаетъ, улыбаясь, снова о томъ же. Чувствуется, что хоть бы тутъ съѣхались исправники со всей губерніи и вмѣстѣ съ самимъ губернаторомъ стали толковать ему, дядя все такъ же будетъ улыбаться.

Дѣло все-таки, въ концѣ концовъ, выясняется: ѣхать этой дорогой мужику никакъ невозможно. Другимъ же путемъ, ближайшимъ, выйдетъ двадцать верстъ крюку,—это вѣрно. Что касается просьбы больной старухи—подождать архіерея въ сторонкѣ у дороги и попросить у него благословленія,—это, пожалуй, можно. Да, въ сторонкѣ, вонъ тамъ, подъ посаженнымъ деревцомъ, можно.

— Только чтобъ мнѣ деревца не нарушить, а то выкину вонъ туда въ болото вмѣстѣ со старухой твоей. Слышь?

Мужикъ киваетъ головой, смѣется, благодаритъ и идетъ съ картузомъ и кнутомъ въ рукѣ къ возу. Поставивъ лошадей у края дороги на приличномъ разстояніи отъ деревца, онъ тихо сообщаетъ женѣ о результатѣ своихъ переговоровъ. Лицо бабы изможденное, безъ кровинки. Кажется, если проколоть на немъ кожу, то изъ него потечетъ рѣдкая бѣловатая жидкость. Губы потрескавшіяся, синія, бѣлки глазъ темно-желтые. Выслушавъ мужа, она съ усиліемъ, благодарно крестится и терпѣливо закрываетъ глаза.

* * *

Солнце стоитѣ уже надъ головой. Тѣни короткія и черныя, какъ пятна чернилъ. Нагрѣтый воздухъ зыбко струится по степи и далекая Широкая Могила съ черной точкой Андросюка расплывается, колеблется. Хлѣба не шелохнутся.

Становой, батюшка и Глюзиньскій уѣхали обѣдать, приказавъ Кавуну немедленно скакать къ нимъ, какъ только на Широкой Могилѣ покажется дымъ.

Козолупу не сидится. Онъ то встанетъ и, приставивъ ладонь козырькомъ, всматривается вдаль, то идетъ къ мужику внизъ. Мужика зовутъ Трохимомъ, а бабу Мотрей. Она изъ деревни Ясиноватой. У нихъ дома осталось пятеро дѣтей, самой старшей изъ которыхъ, Меланкѣ,—четырнадцать лѣтъ. Умретъ старуха—пусть Господь милуетъ—и что тогда? А у старухи грыжа. Терпѣливая она, старуха, это что и говорить, долго крѣпилась, а тутъ вотъ взяла и не выдержала.

Козолупъ сочувствуетъ, утѣшаетъ, но ему становится скучно. Онъ возвращается на курганъ къ Кавуну и опять заводитъ разговоръ о томъ же.

Кавунъ молча угрюмо слушаетъ, ему надоѣла болтовня этого нелѣпаго, пьянаго человѣка.

— Нѣтъ, ты сообрази эту инстанцію!—говоритъ Козолупъ въ восхищеніи.— Четверикъ коней! А? Ты думаешь, что такое—конь? Такъ себѣ, худоба—и больше ничего? Ошибочно полагаешь, братикъ. Конь тоже чувствуетъ, какой ты имѣешь темберъ. Вотъ, скажемъ, для близиру, посади тебя за фисгармонію. Видалъ фисгармонію?

— Я съ вами свиней не пасъ... — вдругъ неожиданно съ хмурымъ презрѣніемъ бросаетъ Кавунъ.

Козолупъ въ недоумѣніи замолкаетъ и, мигая глазами, смотритъ въ лицо своему собесѣднику.

— Это противъ чего же?—наконецъ, произноситъ онъ.

— Противъ того, что начальственному лицу тыкать не полагается,—глядя въ струящуюся сизую даль, отвѣчаетъ стражникъ.

— Ахъ, покорнѣйше извините!—поспѣшно, съ облегченіемъ вскрикиваетъ Козолупъ.—Понимаю! Очень... извините... Только я, видите ли, къ тому это про фисгармонію, что, скажемъ, сядетъ за нее одинъ человѣкъ и сядетъ другой. Есть темберъ,—заиграетъ такъ, что душу отдай ему, сволочу, по слезинкѣ—и то мало; а другой—затарабанитъ и... лучше брось. Вотъ та же, братикъ, инстанція и съ конскимъ предметомъ.

— А переверните вы архіерея, — вдругъ пускаетъ съ легкой усмѣшкой Кавунъ.

Козолупъ отъ неожиданности на мгновеніе замираетъ. Потомъ вскакиваетъ на колѣни, яростно бьетъ себя кулакомъ въ грудь и вскрикиваетъ:

— Я переверну?!

— Да ужъ не я.

— Я перекину?!

— Да не я же, говорю.

Козолупъ съ безконечнымъ изумленіемъ оглядывается кругомъ, какъ бы призывая всю степь послушать этого сумасшедшаго человѣка, и молчитъ. Потомъ безнадежно, съ презрѣніемъ, машетъ на него рукой, садится и начинаетъ закуривать.

Невдалекѣ дробно и безсильно, какъ привязанный за нитку къ небесному своду, бьется въ воздухѣ копчикъ. Кавунъ равнодушно слѣдитъ за нимъ. Степь колышется, струится и бѣжитъ за горизонтъ, гдѣ поблѣднѣвшее отъ жары небо сливается съ синеватымъ туманомъ земли.

Козолупъ крутитъ папиросу и все время удивленно и обиженно хныкаетъ Чтобы онъ перевернулъ? Ха! Этого ему еще никто не говорилъ. Ну-ну!

Вдругъ онъ откладываетъ въ сторону папиросу и мрачно лѣзетъ въ карманъ. Вытянувъ опорожненную наполовину бутылку, молча вытаскиваетъ пробку и подноситъ водку ко рту. Но тотчасъ же спохватывается и вѣжливо протягиваетъ ее Кавуну.

— Для любопытства... не желаете?

Кавунъ направляетъ на бутылку свое угрюмое лицо съ тяжелымъ носомъ, внимательно смотритъ на нее и отворачивается.

— На начальственномъ посту не полагается этимъ заниматься, — сквозь зубы цѣдитъ онъ и сплевываетъ.

Козолупъ пожимаетъ плечами и пьетъ одинъ. Затѣмъ осторожно прячетъ бутылку и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова заводитъ разговоръ о томъ же.

* * *

Тѣни удлиняются, но уже въ другую сторону. Тамъ, гдѣ стояла коляска Глюзиньскаго, солнце блеститъ на остаткахъ сѣна и брошенномъ окуркѣ.

Трохимъ сидитъ на возу, свѣсивъ ноги въ рыжихъ одеревянѣлыхъ сапогахъ, и тоскливо водитъ глазами вокругъ. Не ѣдетъ архіерей. Ахъ, горенько, горенько! А докторъ приказывалъ къ утру быть. Къ утру, говоритъ, къ десяти часамъ привози. Да смотри, не запаздывай, помереть можетъ. Самъ виноватъ будешь. Да, такъ вотъ и сказалъ; самъ докторъ, спасибо ему, сказалъ.

Надъ вербами стремительно пролетаютъ двѣ дикія утки и, съ тонкимъ звономъ разрѣзая воздухъ, скрываются въ той сторонѣ, гдѣ виднѣются на горѣ бѣлыя хатки Болотянки. Хатки въ покрытыхъ цвѣтами садикахъ съ двумя вѣтряными мельницами сбоку. Онѣ похожи на невѣстъ въ бѣлыхъ фатахъ, а вѣтряки,—будто попъ и дьякъ благословляютъ, разставивъ руки въ широкихъ рукавахъ.

Трохимъ глубоко вздыхаетъ и смотритъ на Мотрю. Сѣрое лицо съ выпук-

лыми бѣлками глазъ, прикрытыхъ лиловыми вѣками, неподвижно. Въ углахъ губъ замерли мушки съ золотисто-зелеными спинками. Дышитъ или нѣтъ?

Трохимъ осторожно смахиваетъ мухъ и приглядывается. Губами пошевелила. И за то слава Богу.

— Что, жива еще старуха?—слышится голосъ за спиной.

Трохимъ приподымается: стоитъ тотъ самый человѣкъ, что у архіерея кучеромъ будетъ.

— Благодарить Бога, жива еще... Жива, Богъ съ ней. А какъ дальше будетъ—неизвѣстно. Этого я уже сказать не могу. Охъ, не могу, Господи помилуй. Можетъ, и хотѣлъ бы человѣкъ—да не можетъ...

— Ничего, дядя, ты не унывай. Положи упованіе на меня. Вѣрно. Я доложу архирею, я поговорю съ нимъ о тебѣ. Архирей, братъ, у Бога не то, что мы. Ты молись хоть сорокъ дней и сорокъ ночей—и никакого означенія. А архирей руку положилъ, шепнулъ Богу пару словъ,—и старуха твоя хоть танцуй. Вѣрно!

Трохимъ тоже въ этомъ не сомнѣвается. Да вотъ бѣда: выживетъ ли старуха?

— Выживетъ,—глубоко-убѣжденнымъ голосомъ увѣряетъ Козолупъ. Въ такой день, когда онъ будетъ везть самого архіерея, чтобы какая-то тамъ старуха не выжила.

— Обязательно выживетъ, ты объ этомъ и не сумнѣвайся. Какъ можно? Это, вѣдь, какъ на ладони, тебѣ показано. Ты что думаешь: это все такъ себѣ, спроста повстрѣчались мы тебѣ на дорогѣ, я, значитъ, да архирей? Тутъ, братъ, самъ Богъ тебѣ такъ подстроилъ. Ага... А ты бы себѣ какъ думалъ? Э, милый, у Бога ходовъ много...

Мотря шевелится и скрипящимъ, натужнымъ шопотомъ говоритъ:

— Дай Богъ здоровья, спасибо за хорошія слова, добрый человѣкъ...

Она жутко силится раздвинуть губы въ синюю улыбку и благодарно поводитъ глазами въ сторону Козолупа.

— А что? Развѣ не вѣрно мое сужденіе?—вскрикиваетъ Козолупъ.—Ого, бабка, еще такъ затанцуемъ, что держись только.

Трохимъ грустно и ласково киваетъ головой, а Мотря закрываетъ глаза; но по выраженію ея лица видно, что она все слышитъ, понимаетъ и полна терпѣнія и непоколебимой всеутѣшающей вѣры.

Козолупъ же еще разъ повторяетъ свое обѣщаніе поговорить съ архіереемъ и разсказываетъ о томъ, какъ онъ возилъ по три архіерея въ день и правилъ рысаками, похожими на «тигровъ».

Трохимъ вѣжливо, но невнимательно выражаетъ удивленіе и съ надеждой поглядываетъ на курганъ, увѣнчанный неподвижной и тяжелой, какъ каменная баба, фигурой Кавуна.

* * *

Зной усиливается, густѣетъ; звуки становятся глуше. Въ желто-зеленой осокѣ болотца кумкаютъ лягушки. Тонъ ихъ кумканья гулкій, жалующійся и недоумѣвающій. Ум! Ум!.. Кажется, ихъ кто-то неизвѣстно за что обидѣлъ—и онѣ покорно, съ недоумѣніемъ, стонутъ и кому-то жалуются.

Истомленныя жарой кляченки стоятъ, понурившись и прижавшись головами другъ къ дружкѣ. Онѣ будто слушаютъ жалобу лягушекъ, словно ихъ горькую долю онѣ оплакиваютъ.

Трохимъ тоже затихъ и сидитъ возлѣ старухи, неподвижно глядя въ землю. Надъ ихъ головами безшумно носятся ласточки, точно чертя невидимые кресты.

— Не видно, Трохимъ?—порой чуть слышнымъ шопотомъ доносится отъ Мотри.

Трохимъ вскидываетъ глазами на курганъ, гдѣ сидятъ Козолупъ и Кавунъ, и печально отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не видать, должно быть...

Лягушки стонутъ. Одиноко, безнадежной покорностью звучитъ ихъ жалоба въ застывшемъ горячемъ воздухѣ. Ум!.. Ум!..

— Охъ, нехорошо мнѣ, Трохимъ,—шепчетъ Мотря.—Смерть моя...

Трохимъ съ тоскою смотритъ на нее и тихо говоритъ:

— Потерпи, Мотря... Авось, Богъ дастъ, архирей... Что-жъ подѣлаешь?

И въ голосѣ его слышатся тѣ же ноты, что и въ кумканьи лягушекъ.

— Приказывалъ дохтуръ къ утру быть...—робко прибавляетъ онъ.—Да задержали насъ... А, горенько, горенько... Задержали, пусть Господь милуетъ..

Мотря молчитъ—и неизвѣстно, слышитъ ли она.

* * *

Но вотъ, наконецъ, архіерей ѣдетъ:—на Широкой Могилѣ расплывчато задымилась казацкая телеграмма. Кавунъ тотчасъ же ускакалъ въ Болотянку извѣстить пристава—и Козолупъ на курганѣ одинъ. Онъ то присѣдаетъ, то ложится на землю и все время смотритъ изъ-подъ руки въ то мѣсто, гдѣ, по его разсчетамъ, должна показаться карета архіерея.

Трохимъ усаживаетъ Мотрю, подкладывая ей подъ спину солому и свитки. Онъ ежеминутно крестится, утираетъ потъ и поглядываетъ по направленію къ Козолупу. Мотря, взволновавшись, впала въ полубезчувственное состояніе и только иногда открываетъ ротъ, въ углахъ котораго упорно жмутся зеленоватыя мушки.

По греблѣ слышится грохотъ коляски. Это становой, батюшка и Глюзинскій. Козолупъ тотчасъ же подбѣгаетъ къ нимъ, возбужденно вмѣшивается въ разговоръ и жадно заглядываетъ всѣмъ въ глаза.

Кавунъ опять на курганѣ и даетъ знаки.

Коляску ставятъ по другую сторону дороги противъ Трохимоваго воза и ждутъ.

Порой Козолупъ серьезно, но ободряюще подмигиваетъ Трохиму, показываетъ на себя пальцемъ и успокоительно киваетъ головой: «не бойся, молъ, положи упованіе на меня».

Трохимъ улыбается разсѣянной улыбкой и неспокойно мнется. Онъ безъ картуза, солнце жжетъ ему голову и выгоняетъ на лобъ мелкія капли пота, но Трохимъ изъ почтительности передъ начальствомъ не утирается.

Мотря, неподвижная, прямая, сидитъ въ позѣ египетскихъ фараоновъ съ закрытыми глазами и блѣднымъ заостреннымъ носомъ.

* * *

Кавунъ даетъ послѣдній сигналъ, то-есть сбѣгаетъ съ кургана.

Черезъ нѣсколько минутъ на горкѣ показывается экипажъ, запряженный четверкой лошадей цугомъ.

Батюшка судорожно запахиваетъ на груди рясу, торопливо крестится и, вытянувъ шею, трепетно замираетъ. Теперь онъ похожъ на насѣдку, зачуявшую ястреба.

Приставъ, блѣдный и серьзный, бросаетъ вокругъ короткіе зоркіе взгляды, придерживая шашку вытянутой по шву рукой. Даже Глюзиньскій выравнивается.

* * *

Встрѣча проходитъ какъ нельзя лучше. Архіерей—маленькій, сморщенный старичекъ—совсѣмъ не страшенъ. Привѣтливъ, не строгъ, говоритъ просто, но, видно, очень утомленъ. Отъ этого у него нѣсколько брезгливое и недовольное выраженіе лица. Отдохнуть бы, какъ слѣдуетъ.

Услышавъ это, приставъ, батюшка и Глюзиньскій опрометью бросаются къ своей коляскѣ и приказываютъ кучерамъ какъ можно скорѣе везть въ усадьбу батюшки. Исправникъ, увидѣвъ Козолупа возлѣ кареты, еще на минутку задерживается и громко говоритъ:

— Козолупъ! Ты же, голубчикъ, чтобъ въ свое время былъ на мѣстѣ. Слышишь? Ихъ высокопреосвященство до Болотянки доѣдутъ съ этимъ кучеромъ, а тамъ уже ты постарайся. У насъ, ваше высокопреосвященство, за Болотянкой есть нѣкоторая возвышенность. Такъ мы въ безпокойствѣ вашего благополучія надежнаго кучера... Знакомаго съ положеніемъ мѣстности, ваше высокопреосвященство. Вотъ этотъ...

Козолупъ мнетъ «панамскую» шляпу и съ боязливымъ смущеніемъ мигаетъ глазами.

Но архіерей только устало киваетъ головой и толкаетъ зонтикомъ кучера: ѣхать.

— Поѣзжай!—офицерскимъ, возбужденнымъ голосомъ командуетъ приставъ.

* * *

Но тутъ выходитъ небольшая задержка. Козолупъ вдругъ отчего-то приходитъ въ волненіе, ступаетъ шагъ впередъ и неестественно громко выкрикиваетъ:

— Ваше высокопреосвятительство!

Архіерей съ удивленіемъ взглядываетъ на страннаго человѣка.

Батюшка покрывается холоднымъ потомъ, предчувствуя недоброе, а приставъ грозно сдвигаетъ густыя цыганскія брови.

Козолупъ словно глотаетъ что-то и отъ волненія не можетъ выговорить ни слова.

— Ну, что тебѣ? — недовольно оглядывая его, морщится старичекъ-архіерей. Козолупъ дѣлаетъ усиліе и хрипло говоритъ:

— Покорнѣйше извините, ваше высокосвятительство. Болящій мужичокъ. То-есть, ваше преосвятительство, жена у него... Благословеніе ваше. Какъ, значитъ, на операцію.... Вонъ тамъ.

И Козолупъ почтительно указываетъ шляпой на Трохимовъ возъ. Архіерей слушаетъ нетерпѣливо.

— Ничего не понимаю, братецъ. Благословить? Больной? Да?

— Такъ точно, ваше...

— Пусть къ церкви подъѣдетъ. Завтра всѣхъ буду благословлять...

И архіерей снова слабымъ движеніемъ зонтика касается спины кучера. Кони мягко натягиваютъ постромки, и экипажъ плавно проплываетъ мимо Козолупа.

Приставъ, свѣсивъ тѣло съ коляски, что-то свирѣпо рычитъ послѣднему и грозитъ кулакомъ, но Козолупъ ничего не замѣчаетъ. Онъ стоитъ и недоумѣло смотритъ вслѣдъ архіерею.

* * *

Когда затихаетъ за греблей послѣдній звукъ уѣзжающихъ экипажей, Козолупъ медленно надѣваетъ «панамскую» шляпу и хмуро, сосредоточенно сплевываетъ.

— Да, восхитительно,—произноситъ онъ сквозь зубы и направляется къ Трохиму. И въ тотъ же мигъ останавливается: Трохимъ какъ-то подозрительно суетится у воза. Мотря уже лежитъ опять, а мужикъ топчется возлѣ нея и безпомощно озирается. Замѣтивъ Козолупа, онъ вдругъ растерянно улыбается и киваетъ головой на жену.

— Вотъ, не доѣхала.

— Неужели померла?!

Трохимъ виновато и потерянно разводитъ руками. Потомъ начинаетъ ходить вокругъ воза, подбирать изъ-подъ него нетрушенную солому и складывать на сидѣніе.

— Вотъ такъ инстанція!—озадаченно говоритъ Козолупъ и подходитъ ближе. Лицо Мотри, отвердѣвшее и сразу какъ-то высохшее, покрыто зеленоватыми пятнами мухъ. Онѣ копошатся въ углахъ губъ и глазъ и жутко, что вѣки отъ этого даже не дрогнутъ.

— Д-да, это вотъ называется—дождались,—опять бормочетъ Козолупъ. Трохимъ долго стоитъ, глядя куда-то вдаль ничего не видящими глазами, потомъ машинально, молча взлѣзаетъ на возъ и задумчиво дергаетъ вожжами. Лошаденки въ свою очередь лѣниво и неохотно дергаютъ возъ. Отъ этого голова Мотри качается изъ стороны въ сторону, словно она что-то не одобряетъ.

Козолупъ не шевелится и слѣдитъ за Трохимомъ. Видя, что тотъ ѣдетъ прямо, а не назадъ, какъ ему теперь уже слѣдовало бы, онъ нагоняетъ телѣгу, съ непреклонной рѣшимостью вскакиваетъ на нее и, беря вожжи изъ рукъ мужика, поворачиваетъ назадъ.

— Сиди, дядя, поѣдемъ вмѣстѣ. Тебѣ, вѣдь, въ Ясиноватую. Ну, вотъ и мнѣ туда. Н-но, куда?

Трохимъ покорно выпускаетъ вожжи и въ странной разсѣянности застываетъ. Козолупъ находитъ въ соломѣ кнутъ, съ злобной насмѣшкой оглядываетъ его и, стегая лошадей, сердито кричитъ:

— А-нно, вы, рысаки!

* * *

Поздно вечеромъ стражники Кавунъ и Андросюкъ ходятъ возлѣ кургана и долго злобными надорванными голосами зовутъ Козолупа. Но въ отвѣтъ имъ слышится только безнадежное, недоумѣнное, полное тяжелой, незаслуженной обиды кумканье темнозеленой осоки. Умм!.. Умм!.. У-умм!..

В. Винниченко.

I.

Итти въ поляхъ дорогой дальной,
Гдѣ тишина, гдѣ пахнетъ рожь,
Гдѣ полдень душный и хрустальный
Такъ неожиданно-хорошъ.

Итти и встрѣтить вѣтеръ теплый,
Кусты полыни, вольныхъ птицъ,
Да странника въ рубахѣ блеклой,
Да спины наклоненныхъ жницъ.

И знать, что нѣтъ конца дорогѣ,
Что будешь такъ итти, итти,
Пока не смелъ погостъ убогій
Въ одну дорогу всѣ пути!

II.

Намъ больно отъ красивыхъ лицъ,
Отъ музыки, отъ сини водной,
Отъ душныхъ шороховъ зарницъ,
Отъ пѣсни жалостной, народной.

Все, до чего коснулся Богъ,
Все, что безъ думъ, безъ цѣли манитъ,
Все, что уводитъ безъ дорогъ,—
Земное сердце ранитъ, ранитъ...

III.

Иль—у меня радуга отъ любви въ глазахъ,
Что тебѣ я радуюсь, милый мой, въ слезахъ?

Насъ любовь не балуетъ. До того ли ей?
Только я не жалуюсь,—жду погожихъ дней!

А наступятъ дни мои,—ихъ не уступлю,
Я тебя, любимаго, для себя люблю!..

Нат. Крандіевская

РОМАНЪ МУЖЧИНЫ СОРОКА ЛѢТЪ

Романъ **Якова Вассерманна.**

(ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ).

(*Продолженіе* *).

Старанія Агаты въ первые мѣсяцы ея одиночества уберечь хозяйство и управленіе земель отъ запустѣнія, неизбѣжнаго въ отсутствіи хозяина, превратились въ полное безразличіе, когда ей пришлось убѣдиться въ безсмысленной и безразсудной расточительнсcти Сильвестра. Она не любила денегъ, но уважала ихъ, потому что онѣ представляли извѣстную сумму труда, заботъ и лишеній, а также обезпечивали личную независимость. Она настолько привыкла къ бережливости, кь тому, чтобы удовлетворять даже самыя скромныя потребности лишь въ случаѣ крайней необходимости, что легкомысліе Сильвестра пугало ее. Когда же онъ взялъ всѣ деньги изъ банка, затѣмъ вошелъ въ сношенія съ ростовщиками, сталъ продавать хлѣбъ на корню и подписывать векселя, вызывая такимъ образомъ призракъ нужды и долговъ, то она почувствовала отвращеніе и презрѣніе къ нему.

Она предоставила управляющему Маркварту надзоръ надъ обоими имѣніями, сначала формально, а потомъ и на самомъ дѣлѣ; чтобы дѣйствовать самой, ей нужна была увѣренность въ цѣлесообразности усилій, нужна была наглядность результатовъ; при создавшихся же обстоятельствахъ она могла помогать лишь въ пустякахъ, въ то время какъ ненасытный вампиръ высасывалъ всѣ соки изъ ихъ владѣній. Она отлично знала, что работающіе за плату слуги не будутъ ставить интересы господъ выше своихъ собственныхъ, и потому вполнѣ примирилась съ мыслью объ ихъ ненадежности и небрежности и о плохомъ веденіи дѣлъ.

Сестра ея Марта, жена маіора, стала уговаривать ее поселиться съ дѣвочкой въ Эггенбергѣ; маіоръ передалъ бы тогда управленіе Эрфтомъ и

---

*) См. кн. IX и X «Новой Жизни».

Дудслохомъ своему кузену, опытному сельскому хозяину. Агата не соглашалась.

— Мнѣ бы пришлось жить у тебя и твоего мужа изъ милости,—сказала она,—а это не въ моемъ характерѣ. Если дѣла пойдутъ совсѣмъ плохо, то я хочу хоть присутствовать при этомъ, хоть и не смогу ничѣмъ помочь. Все-таки лучше видѣть, какъ наступаетъ разореніе, чѣмъ бояться его издалека.

Въ то время маіоръ не зналъ ничего о денежныхъ затрудненіяхъ Агаты; ему открылъ глаза только проболтавшійся управляющій. Въ слѣдующее воскресенье онъ пріѣхалъ и подвергъ Агату форменному допросу. Она соглашалась лишь съ тѣмъ, чего не могла отрицать. Она утверждала, что Сильвестръ уѣхалъ за-границу съ ея согласія, что она вполнѣ одобряетъ его образъ жизни и не имѣетъ никакихъ основаній жаловаться на него.

— Я тебѣ не вѣрю!—кричалъ маіоръ.—Или ты сама слѣпая, или хочешь скрыть правду отъ меня.

— Я хотѣла бы быть слѣпой въ томъ смыслѣ, какъ ты это понимаешь,—возразила Агата съ невольной искренностью.

Маіоръ вскипѣлъ.

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ я напишу твоему супругу,—воскликнулъ онъ,—и если въ немъ еще осталась искра чести, то онъ пойметъ, въ чемъ заключается его долгъ по отношенію къ тебѣ и къ семьѣ.

Агата близко подошла къ шурину, съ угрозой взглянула на него своими дивными рѣшительными глазами и сказала твердымъ голосомъ:

— Ты ни одной строки не напишешь ему, Конрадъ. Понялъ? Ни одной строки. Ни ты, ни Марта. Если бы вы написали ему, то я съ того же дня сдѣлалась бы вашимъ врагомъ и никогда бы съ вами болѣе не видалась.

Маіоръ удивленно опустилъ голову, подошелъ къ окну и сталъ барабанить по стекламъ. Агата, хотя голосъ ея и сдѣлался болѣе спокойнымъ и глубокимъ, продолжала:

— Сильвестръ не имѣетъ никакихъ обязательствъ ни по отношенію ко мнѣ, ни по отношенію къ семьѣ. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и, вѣроятно, поступаетъ такъ, какъ долженъ поступать. То, что онъ не такой человѣкъ, какъ всѣ, вы всегда знали; теперь онъ это доказываетъ на дѣлѣ—и мы должны примириться съ этимъ.

Маіоръ пожалъ плечами:

— Если ты миришься, то это твое дѣло,—возразилъ онъ,—но все-таки я доволенъ, что опять оправдалось то, что я говорилъ: плохой гражданинъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и дурной человѣкъ. И ужъ это, милая моя сестра, ты должна выслушать, какъ бы ты его ни защищала.

Черезъ нѣсколько дней явилась Марта и пыталась склонить

сестру на рѣшительный шагъ хитростью. Но Агата сразу все поняла и почти съ презрѣніемъ отвергла предложеніе сестры. Марта вернулась домой раздосадованная и въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ сердилась на сестру. Маіоръ, слишкомъ добродушный, чтобы раздѣлять ожесточеніе жены, ѣздилъ каждую недѣлю въ Эрфтъ, привозилъ Сильвіи то куклу, то платьице и провѣрялъ счета, которые ему представлялъ управляющій. Агата благодарила его, хотя и была убѣждена въ безполезности его помощи. То, что маіоръ былъ немного влюбленъ въ нее, ей и во снѣ не снилось.

Сосѣди и знакомые, конечно, много толковали о загадочномъ изсчезновеніи Сильвестра. У Агаты не было никакой охоты чувствовать на себѣ испытующіе взоры, а также и уклоняться отъ навязчивыхъ вопросовъ и безтактнаго любопытства. И не только по этой причинѣ, но и потому, что ей все тягостнѣе становилось бывать на людяхъ, она перестала встрѣчаться и разговаривать со знакомыми и почти не выходила изъ дому. Ахимъ Урзанеръ, единственный человѣкъ, съ кѣмъ бы ей иногда хотѣлось повидаться, рѣдко давалъ знать о себѣ—и со времени своей поѣздки въ Рандерсакеръ она ни разу его не видѣла. Разъ онъ ей послалъ нѣсколько выписокъ изъ одного письма Сильвестра, въ другой разъ прислалъ ей выписки изъ статьи Шопенгауэра «О томъ, что человѣкъ собой представляетъ». «Земля населена отвратительнымъ племенемъ,—прибавилъ онъ,—и то, что меня спасаетъ отъ отчаянія и отъ самоубійства, это, съ одной стороны, сознаніе, что людское племя погружено въ безграничный духовный мракъ (ибо мы всѣ, фрау Агата, мы всѣ не достаточно цѣнимъ силу и власть глупости), а съ другой стороны—утѣшеніе и поддержка, которую я нахожу въ произведеніяхъ немногихъ великихъ людей, разсѣянныхъ въ этомъ нечестивомъ мірѣ, какъ песчинки золота среди скалъ».

Однажды днемъ, въ іюнѣ, фрау Эстерлейнъ пришла къ Агатѣ въ кабинетъ и доложила, что внизу ее ждетъ какой-то незнакомый человѣкъ. Она невѣрно назвала его имя, но Агата сразу поняла, что это былъ Урзанеръ. Она поспѣшила сойти внизъ и поздоровалась съ нимъ. Лошадь и маленькая повозка, въ которой онъ пріѣхалъ, стояли у воротъ.

У него былъ довольно запущенный видъ. Онъ сильно обросъ бородой, на лбу и вокругъ ноздрей образовались глубокія морщины, и онъ лишь рѣдко поднималъ глаза на Агату. У него были нервные жесты и часто среди разговора онъ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній погружался въ свои мысли. Пожимая руку Агатѣ въ отвѣтъ на ея привѣтствіе, онъ точно хватался за нее, ища помощи.

— Не сердитесь,—сказалъ онъ,—что я такъ поздно отвѣчаю на вашу любезность. Но между тѣмъ, что мнѣ хочется сдѣлать, и тѣмъ, что я могу, такая же пропасть, какъ между раемъ и адомъ.

Агата предложила ему выпить чего-нибудь съ дороги, но онъ попросилъ только стаканъ воды, отказавшись отъ всего другого. Потомъ онъ спросилъ, гдѣ Сильвія. Оказалось, что дѣвочка пошла купаться съ женой управляющаго.

— Жалко. Мнѣ хотѣлось повидать ее,—сказалъ Урзанеръ, и Агата, по лицу которой пробѣжала тѣнь, отвѣтила, что и ей хотѣлось бы узнать его мнѣніе о дѣвочкѣ.

— Сильвія сдѣлалась такой странной съ нѣкоторыхъ поръ,—сказала она,— она такая замкнутая и нервная, что мнѣ становится страшно за нее.

— Объ этомъ я могъ бы кое-что поразсказать,—сказалъ Урзанерь вполголоса.—Только на нашихъ дѣтяхъ мы видимъ, какъ къ намъ относится свѣтъ, и очень часто отголосокъ получается печальный... Послушайте,—прибавилъ онъ болѣе оживленнымъ голосомъ,—что если бы мы прошлись съ вами, фрау Агата? Вамъ не хотѣлось бы пойти погулять?

Агата согласилась. Въ полдень была гроза—и послѣ того воздухъ посвѣжѣлъ, листья и трава сверкали, и мошки носились въ воздухѣ, какъ серебристыя опилки. Агата спросила, перемѣнилось ли что-нибудь къ лучшему въ обстоятельствахъ Урзанера. Онъ помолчалъ, продолжая идти рядомъ съ нею, потомъ сказалъ:

— Не будемъ объ этомъ говорить, фрау Агата. Мои обстоятельства таковы, что о нихъ лучше молчать. Вокругъ меня и во мнѣ все съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе мрачнымъ. Сегодня ночью, когда я лежалъ въ постели и не могъ заснуть, я сказалъ себѣ: «хорошо бы завтра взглянуть на милое лицо». Я при этомъ подумалъ о васъ и рѣшилъ поѣхать къ вамъ. Это меня успокоило, и я могъ заснуть. Вотъ я и пріѣхалъ, фрау Агата, и, если вы позволите, я прошу васъ объ одномъ: не напоминайте мнѣ о моемъ горѣ.

— Я исполню вашу просьбу—хотя бы изъ одной благодарности къ вамъ,— отвѣтила Агата и прибавила со вздохомъ:—Но мнѣ кажется, что когда двое людей сходятся, они всегда говорятъ о своемъ горѣ.

— Они пьютъ горькую чашу, потому что за нею слѣдуетъ сладкая»,—говорится гдѣ-то въ стихахъ,—возразилъ Урзанеръ.—Но ко мнѣ это не относится. Вы-то, фрау Агата, уже должны чувствовать сладость на устахъ, потому что ваша судьба—я въ этомъ увѣренъ—вскорѣ перемѣнится къ лучшему. Вы не изъ тѣхъ, которыхъ попираютъ ногами; въ этомъ я увѣренъ.

— Вы правы, не придавая большого значенія моему горю,—отвѣтила Агата.—Да и стоитъ ли печалиться? У меня была радость и теперь я должна отъ нея отказаться... Сердце такъ легко привыкаетъ къ счастью, что требуетъ его потомъ, какъ должнаго, и возмущается, когда его отнимаютъ. Но я надѣюсь, что смогу устоять.

— Я не то хотѣлъ сказать,—возразилъ Урзанеръ.—Но я вижу, что вы предпочитаете свое непониманіе моей увѣренности. Всякому человѣку дорога его печаль, и вы мнѣ кажетесь сегодня болѣе непримиримой, чѣмъ при нашемъ первомъ свиданіи.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ ушелъ отъ меня, не сказавъ мнѣ ни слова—ни хорошаго, ни дурного?—воскликнула Агата, остановившись. Она поблѣднѣла и прижала руки къ груди.—Онъ ушелъ, какъ воръ, убѣгающій изъ сада, гдѣ онъ укралъ яблоки, какъ человѣкъ, который игралъ съ шуллерами и поднимается изъ-за стола съ отвращеніемъ. Что же я могу сдѣлать? Онъ на всю жизнь опозорилъ меня, ясно показавъ мнѣ, что я была для него только пустымъ времяпрепровожденіемъ, временной забавой.

— Это невѣрно, невѣрно!—успокаивалъ Урзанеръ страстно возбужденную Агату.—Не какъ воръ ушелъ онъ, укравшій яблоки, и не какъ игрокъ, а, быть можетъ, какъ суевѣрный искатель клада. Такіе люди часто ведутъ себя очень таинственно, доведенные до безумія своей мечтой. Думайте о немъ со всей добротой, на которую вы способны. Вспоминайте лучшія его минуты—и вы уже не сможете видѣть образъ его въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, въ какомъ рисуетъ его ваше оскорбленное чувство. Когда хорошій человѣкъ,—а, вѣдь, Сильвестръ хорошій человѣкъ—причиняетъ зло близкому существу, то онъ самъ больше отъ этого страдаетъ, чѣмъ это близкое существо. Нужно лишь немного воображенія, чтобы увидѣть въ некрасивомъ поступкѣ всю ту муку, которую поступокъ этотъ причиняетъ свершившему его.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила Агата—я не могу такъ разсуждать. Тотъ, кто просто исполняетъ свой долгъ, не нуждается въ ухищреніяхъ, нужныхъ для обхода долга. Какая странная психологія у мужчинъ! Неразборчивые въ своихъ влеченіяхъ, безудержные въ своихъ похотяхъ, они придумываютъ новый жизненный строй для того, чтобы называть пороки и слабости звучными именами, чтобы выдавать за тайну природы то, что на самомъ дѣлѣ лишь похоть и скука. Развѣ у меня не такія же права на то, чтобы до конца изжить свою жизнь? Развѣ у меня нѣтъ плоти и крови? Неужели для меня грѣхъ то, что для себя онъ считаетъ потребностью? Неужели то, что дозволено ему, запрещено мнѣ? Почему? Если бы женщина предъявила такія же притязанія, всѣ бы отвернулись отъ нея—и мужчины, и женщины. Что, если бы я ему сказала: „былъ день, когда я поступилась собой; это случилось всего одинъ единственный разъ, но все же это случилось».—Вѣдь, тогда онъ счелъ бы меня предательницей, и онъ, который предалъ меня, былъ бы богомъ, мстящимъ за свою честь. Развѣ это справедливо?

Она подняла съ земли вѣтку и стала рѣзкими движеніями срывать листокъ за листкомъ.

Ахимъ Урзанеръ улыбнулся.

— Вы не могли бы этого сдѣлать даже, если бы хотѣли—и этимъ все сказано,—отвѣтилъ онъ.—Бракъ только внѣшнимъ образомъ договоръ равныхъ. На самомъ дѣлѣ, онъ заключаетъ въ себѣ все зло и всю опасность естественныхъ учрежденій, у которыхъ мы никакимъ сопротивленіемъ не можемъ отнять ихъ величественнаго произвола. Вездѣ въ мірѣ, гдѣ силы раздѣлены, онѣ стремятся къ гармоніи, и то, что мы ощущаемъ въ себѣ, какъ чувственную или нравственную потребность, на самомъ дѣлѣ знакъ высшаго и, въ большинствѣ случаевъ, грознаго порядка. Женщина и мужчина! Ихъ соединить—то же, что перекинуть мостъ между двумя звѣздами въ пространствѣ.

— Неужели же каждый изъ насъ только орудіе? Неужели нужно терпѣть все только потому, что оно есть.

— Женщина рождена для брака, а мужчина рѣшается на него.—Это, кажется, многое объясняетъ.

— Возможно, что вы правы,—сказала Агата упавшимъ голосомъ.—Но это меня ничему не научаетъ. Значитъ, если онъ только рѣшился на бракъ, то я пріобрѣла лишь то, что онъ мнѣ даетъ; то, чего онъ не даетъ, я не могу у него требовать. Онъ мною владѣетъ, а я завишу отъ его милости. Вы это хотѣли сказать, не правда ли? Вы находите, что я сегодня въ непримиримомъ настроеніи, и это звучитъ теперь насмѣшкой. Если онъ когда-нибудь вернется, то лишь потому, что я буду ему опять удобна. Онъ меня выбросилъ—и опять подниметъ меня. Рана, которую онъ мнѣ нанесъ, заживетъ. Человѣкъ чудовищно забывчивъ. Узы, которыя онъ порвалъ, снова закрѣпятся. Когда желудокъ сытъ и есть кровъ надъ головой, — можно кое-какъ жить вмѣстѣ. И представьте себѣ, что я отважусь потребовать отъ него отчета; что, если онъ мнѣ отвѣтитъ: „кто далъ тебѣ право на это?“ И, дѣйствительно, кто далъ мнѣ право? Моя молодость прошла, чѣмъ же я могу его прельстить, чѣмъ я могу ему грозить и чѣмъ могу отблагодарить его? И это вы называете моей непримиримостью?

Она опять остановилась и стояла на лѣсной дорожкѣ, прямая и воинственная, какъ валькирія, и ея смуглое итальянское лицо съ большими глазами точно озаряло спускавшіяся сумерки.

Ахимъ Урзанеръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее—и вдругъ въ головѣ его пронеслась мысль: „будь со мной такая женщина, я бы восторжествовалъ“. Онъ быстро опустилъ взоръ и сказалъ:

— Въ васъ больше цвѣтущихъ силъ, чѣмъ вы думаете. Не вдавайтесь въ разсужденія, фрау Агата, не считайтесь съ судьбой. Такія души, какъ ваша, должны горѣть, а не мерцать. Дѣйствуйте всегда согласно вашему чувству, ибо оно—голосъ вашей судьбы. И если вы спокойно и благочестиво

спросите свое сердце о будущемъ, то поймете, что въ васъ самой нѣтъ ни страха, ни сомнѣнія".

Агата растерянно внимала ему. Слова его звучали, какъ прощаніе и какъ завѣтъ. Она не знала, что отвѣтить. Они молча спустились внизъ по лѣсной долинѣ и прошли по влажнымъ лугамъ во дворъ усадьбы. Урзанеръ торопился. Не входя въ домъ, онъ сѣлъ въ свою коляску и погналъ старую лошадь домой.

Въ Рандерсакерѣ его уже нѣсколько часовъ ждалъ курьеръ изъ суда. Предчувствуя недоброе, онъ выхватилъ у него изъ рукъ бумагу. Это былъ окончательный приговоръ послѣдней судебной инстанціи. Въ бумагѣ было сказано, что Урзанеръ обязанъ въ теченіе трехъ дней со времени вступленія въ силу приговора вернуть обоихъ сыновей матери, ибо своимъ возмутительнымъ поведеніемъ и какъ членъ общества, и въ частной жизни онъ сдѣлалъ невозможнымъ пребываніе своей супруги въ его домѣ, а также своими воспитательными теоріями возбудилъ справедливое недовѣріе и тѣмъ самымъ утратилъ свои отцовскія права.

Урзанеръ отпустилъ курьера, пробормотавъ что-то непонятное. У него было сухо въ горлѣ; ему захотѣлось выпить чего-нибудь крѣпкаго—и онъ потянулся къ бутылкѣ съ вишневой настойкой на буфетѣ. Онъ выпилъ рюмку и продолжалъ стоять неподвижно, опустивъ глаза. По дорогѣ прошла съ гиканьемъ толпа мальчишекъ. Одинъ изъ трехъ псовъ глухо залаялъ. На церковной башнѣ пробило десять часовъ.

Когда пробило одиннадцать, онъ все еще стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ. Отъ времени до времени онъ глядѣлъ мрачнымъ недовѣрчивымъ взглядомъ на бумагу, лежавшую на обѣденномъ столѣ подъ лампой. Потомъ онъ вдругъ сталъ ходить взадъ и впередъ, охваченный бѣшенствомъ. „Чего же тебѣ еще нужно, песъ? — кричалъ онъ самому себѣ.—Пришелъ живодеръ—и твое чавканіе тебѣ не поможетъ. Тебя прижали къ стѣнѣ и схватили за горло. Рычи себѣ на здоровье, это ихъ не тронетъ, а только разсмѣшитъ. Рычи, глупое животное!"

Такъ онъ неистовствовалъ до трехъ часовъ ночи. Потомъ онъ кинулся ничкомъ на продавленный изогнувшійся диванъ, прижалъ кулаки къ глазамъ и погрузился въ сонъ, какъ бросаются въ воду. Когда онъ проснулся, комната полна была копотью отъ лампы и солнечные лучи съ трудомъ проникали въ нее.

У него сперло дыханіе въ груди, и онъ поспѣшилъ на воздухъ. Онъ вымылъ лицо у колодца, потомъ быстро пошелъ въ поля, но вдругъ повернулъ обратно и направился въ городъ. Тамъ онъ наскоро позавтракалъ въ

кофейнѣ на мосту черезъ Майнъ, затѣмъ отправился къ профессору Берeніусу, своему университетскому учителю, одному изъ немногихъ людей, съ которыми онъ поддерживалъ отношенія. Онъ въ короткихъ словахъ сообщилъ ему объ исходѣ процесса и спросилъ старика-юриста, не знаетъ ли онъ, какъ бы можно было оттянуть исполненіе приговора. Бареніусъ сказалъ, что не знаетъ.

— Я не отдамъ дѣтей,—сказалъ Урзанеръ, стиснувъ зубы.

— Въ такомъ случаѣ ничего другого не остается, какъ бѣжать съ ними какъ можно скорѣе,—былъ отвѣтъ.

Урзанеръ гнѣвно покачалъ головой.

— Бѣжать? Это значило бы признать себя неправымъ. Этого я ни за что не сдѣлаю!

— Другого способа нѣтъ. Вѣдь, не станете же вы бороться съ государственной властью?

— Меня заставятъ выдать дѣтей!—воскликнулъ Урзанеръ дикимъ голосомъ.—Я это знаю и жду этого.

— Образумьтесь, Ахимъ, оставьте свое упрямство,—уговаривалъ его профессоръ.

— Но подумайте только, ради всего святого, что они со мной сдѣлали!—сказалъ Урзанеръ жуткимъ шопотомъ.—Всѣ понятія перевернулись для меня. Все, что казалось святымъ или хотя бы почтеннымъ, представляется мнѣ теперь какимъ-то шабашемъ лжи. Если бы я стремился къ чему-нибудь необычайному, провозгласилъ бы новаго Бога,—я бы не удивлялся. Но я поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить на моемъ мѣстѣ всякій человѣкъ съ живой совѣстью. Пусть же они дѣлаютъ со мной, что хотятъ. Быть можетъ, меня задѣнетъ мечъ обезчещеннаго правосудія, и я смогу съ большимъ правомъ, чѣмъ до сихъ поръ, взирать на ослѣпленіе и нравственное паденіе народа, который, казалось мнѣ, я любилъ.

Съ этими словами онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты. Но мысль, что за его отсутствіе у него отняли дѣтей, погнала его домой точно ударомъ бича. Онъ прибѣжалъ весь въ поту и облегченно вздохнулъ лишь тогда, когда увидѣлъ мальчиковъ, игравшихъ за сараемъ. Онъ велѣлъ имъ пойти къ себѣ въ комнату, затѣмъ созвалъ своихъ людей. У него было пять работниковъ, въ томъ числѣ старикъ Шермеръ, охранявшій дѣтей, и, кромѣ того, три мальчика-подростка, которыхъ онъ взялъ изъ протестантскаго пріюта, и одна единственная служанка, служившая кухаркой. Ее незадолго передъ тѣмъ прислалъ ему одинъ еврейскій купецъ изъ Эрлбаха. Она казалась лицемѣркой,—и онъ ей не довѣрялъ. Одинъ изъ работниковъ говорилъ, что видѣлъ, какъ она шепталась съ однимъ изъ самыхъ преданныхъ церкви крестьянъ въ деревнѣ. Урзанеръ приказалъ держать ворота запертыми

днемъ и ночью, безъ его приказа никого не впускать и не выпускать со двора, и прибавилъ, что если кто-нибудь изъ страха или по какой-либо другой причинѣ не хочетъ подчиниться этому приказу, то пусть скажетъ сейчасъ: того онъ разсчитаетъ и отпуститъ.

Никто не просилъ разсчета. Урзанеръ назначилъ караульныхъ, которые должны были смѣняться каждый часъ, и велѣлъ спустить съ цѣпи собакъ.

Весь день, ночь и слѣдующее утро прошли спокойно. На второй день около полудня собаки подняли лай. На дорожкѣ, которая поднималась къ дому Урзанера, показались три человѣка: одинъ въ пенснэ, другой въ большихъ роговыхъ очкахъ, а третій въ жандармскомъ мундирѣ. Услышавъ лай собакъ, Урзанеръ подошелъ къ дубовой калиткѣ. Человѣка въ пенснэ онъ зналъ: это былъ адвокатъ противной стороны; а человѣкъ въ роговыхъ очкахъ былъ, вѣроятно, представитель судебной власти. Когда всѣ трое подошли къ дому, между ними и Урзанеромъ завязался слѣдующій разговоръ:

— Что вамъ угодно?

— Я надѣюсь, что вамъ извѣстна цѣль нашего прихода.

— Да, извѣстна.

— Ну, такъ что-же! впустите насъ.

— Нѣтъ.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что я не признаю приговора.

— Вы съ ума сошли?

— Я отказываюсь выдать дѣтей.

— Это можетъ вамъ дорого обойтись.

— Конечно; я плачу за все по надлежащей цѣнѣ.

Чиновникъ и жандармъ широко раскрыли глаза отъ удивленія. На уродливомъ лицѣ адвоката отразилась жалость.

— Вѣдь, вы должны понять,—сказалъ онъ,—что совершаете преступленіе. Если я сообщу суду о вашемъ сопротивленіи, то черезъ полчаса сюда явятся двадцать жандармовъ, и, очевидно, такъ или иначе требованія закона будутъ выполнены. Поскольку вы навлекаете несчастіе на самого себя,—съ этимъ нельзя спорить. Но едва-ли вы имѣете право губить несчастныхъ, дѣйствующихъ по невѣдѣнію, людей, которые зависятъ отъ васъ. Соблаговолите объ этомъ подумать.

Урзанеръ замолчалъ. Этотъ упрекъ казался ему справедливымъ. Онъ не могъ не сознаться, что навлекаетъ на себя неизгладимую вину и уже не сможетъ предстать съ чистымъ сердцемъ на судъ человѣчества. Первою его мыслью было удалить людей, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ;

сущность его намѣренія заключалась въ томъ, чтобы увидѣть воочію и физически ощутить на себѣ то насиліе, которому онъ долженъ подчиниться. Тогда мѣра гнѣва преисполнится въ немъ безъ постыднаго подчиненія силѣ. Если бы они выстрѣлили въ домъ и разбили двери, то одного этого было бы достаточно; не было необходимости въ безсмысленно неравномъ боѣ. Но такой потребности въ символическомъ дѣйствіи дѣйствительность никогда не удовлетворяетъ; ея рѣшенія гораздо грубѣе. Урзанеръ устрашился самого себя. Еще разъ вскипѣло въ немъ неистовое упрямство, и какое-то сладострастіе влекло его къ гибели и разрушенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что для того, чтобы ступить на этотъ путь, нуженъ взоръ любви, нужна вѣсть изъ жилищъ судьбы, нужно пророческое утѣшеніе. Глаза его сверкнули; онъ приподнялъ очки, чтобы свободно взглянуть на небо, кивнулъ головой и, направившись къ дому, попросилъ адвоката немного подождать.

Онъ прошелъ въ комнату, гдѣ находились мальчики. Они сидѣли со свѣсившимися ногами у окна другъ противъ друга и казались сильно озабоченными. Урзанеръ взялъ стулъ и подсѣлъ къ нимъ.

— Послушайте-ка, дѣти,—сказалъ онъ,—ваша мать за вами прислала.

Мальчики перестали раскачивать ногами и глаза ихъ напряженно устремились на Урзанера.

— Какъ вы думаете,—продолжалъ Урзанеръ съ напускнымъ равнодушіемъ:—Не поѣхать ли вамъ къ матери съ этими чужими людьми?

Ни звука не послышалось въ отвѣтъ; дѣти только покосились на него жадными испытующими взорами. У Урзанера зашумѣло въ ушахъ. Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы продолжать говорить.

Или, можетъ быть, вы хотите остаться у меня? Скажите правду.

Младшій мальчикъ, болѣе непосредственный по натурѣ, вскочилъ, захлопалъ въ ладоши и крикнулъ:

— Конечно, къ мамѣ! Правда, вѣдь, Фридель? Мы хотимъ къ мамѣ!

Фридель улыбался со странно злымъ лицомъ, и въ эту минуту отецъ съ отчаяніемъ въ душѣ заглянулъ въ глубь холодной, скрытой души мальчика.

— Такъ вы, значитъ, предпочитаете поѣхать къ вашей матери?—спросилъ онъ, не показывая, какого напряженія ему стоили эти слова.

— Да, мы хотимъ къ мамѣ!—крикнули радостно оба мальчика въ одинъ голосъ.

Урзанеръ оглянулся. Онъ искалъ глазами стараго слугу; когда онъ открылъ дверь, чтобы позвать его, то увидѣлъ Шермера у порога.

— Сложите платье и игрушки мальчиковъ,—сказалъ ему Урзанеръ:—они должны быть готовы черезъ полчаса.

Потомъ онъ вернулся во дворъ, приказалъ посадить на цѣпь собакъ и самъ отворилъ ворота. Адвокатъ и его спутники вошли. Адвокатъ былъ достаточно деликатенъ, чтобы отвѣтить только безмолвнымъ поклономъ на измѣнившееся поведеніе Урзанера. На дорогѣ передъ воротами тѣмъ временемъ собралась толпа крестьянъ,—мужчинъ и женщинъ, и всѣ они глядѣли на домъ Урзанера злыми, злорадными взглядами. Одинъ старый крестьянинъ съ угрозой поднялъ оба кулака, а какой-то лысый человѣкъ, который ходилъ на костыляхъ, сталъ визгливымъ голосомъ выкрикивать проклятія и брань. Урзанеръ все это видѣлъ и слышалъ, но точно не видѣлъ и не слышалъ. Онъ только вздрогнулъ, будто его коснулся электрическій токъ, когда Шермеръ сообщилъ ему, что дѣти готовы. Они подошли къ нему, протянули ему руки и поднялись на цыпочки, чтобы поцѣловать его въ щеку. Глаза ихъ блестѣли и движенія ихъ были оживленныя. Урзанеръ это и видѣлъ, и не видѣлъ. Адвокатъ что-то сказалъ, чиновникъ снялъ шляпу, жандармъ приложилъ руку къ козырьку, потомъ всѣ они исчезли. Шермеръ понесъ вслѣдъ за ними два узелка—и еще долго видна была по дорогѣ его пошатывавшаяся фигура. Калѣка у воротъ истерически кричалъ, собака выла, но Ахимъ Урзанеръ стоялъ, точно окаменѣвшій. Рабочимъ сдѣлалось страшно, и они боялись глядѣть на него.

На слѣдующее утро ему сообщили, что крестьянамъ удалось отравить собакъ. Онъ опять пролежалъ всю ночь на продавленномъ диванѣ. Графинъ съ водой, сыръ, хлѣбъ и фрукты стояли передъ нимъ на стулѣ. На выбѣленномъ потолкѣ трещины образовали любопытные узоры, на которые онъ неустанно глядѣлъ. Онъ не зналъ, сколько прошло времени, когда вдругъ ночью по дому пронесся женскій крикъ: „Пожаръ! Горимъ!“

Это кричала служанка, прибѣжавшая разбудить Урзанера. Оба сарая и прачешная уже стояли въ огнѣ. Когда Урзанеръ вышелъ во дворъ, то и крыша пылала, какъ хворостъ. Все вокругъ освѣщено было яркимъ заревомъ. Колокола звонили, въ деревнѣ всѣ проснулись и стали суетиться, работники стали тушить, но не могли справиться съ огнемъ, такъ какъ не хватало воды. Служанка, почему-то одѣтая по праздничному, стояла на колѣняхъ передъ заборомъ и молилась. Подъ утро пріѣхала пожарная команда изъ Вюрцбурга; огонь догоралъ въ развалинахъ четырехъ стѣнъ.

Урзанеръ отправился въ городъ, поселился въ гостиницѣ вблизи собора и изъ своей маленькой грязной комнатки написалъ слѣдующее письмо Агатѣ:

„Все кончено. Разсказать вамъ по порядку обо всемъ, что произошло,—на это у меня не хватаетъ ни мужества, ни ясности, ни словъ. Дѣтей увезли, домъ и дворъ сгорѣли, я самъ уѣзжаю во Францію. Я не оставляю на родинѣ ничего, съ чѣмъ мнѣ было бы тяжело разстаться. Я изглажу изъ памяти

страну, которая убила во мнѣ мои силы, задушила мои способности, отвѣтила мнѣ презрѣніемъ за мою преданность и привила душѣ моей неизлечимую болѣзнь—ненависть къ людямъ. Я ѣду во Францію и поступлю тамъ на военную службу. Французы все воюютъ въ Мексикѣ, въ Алжирѣ и въ Азіи. Маршалъ Монтобанъ, извѣстный своей пресловутой экспедиціей въ Китай, знаетъ меня: онъ былъ другомъ молодости моей матери. Прощайте, дорогая фрау Агата. Вашъ образъ смягчаетъ позоръ моихъ послѣднихъ переживаній. Сохраните дружеское воспоминаніе объ одинокомъ бѣглецѣ. Ахимъ Урзанеръ".

Агата узнала о пожарѣ въ Рандерсакерѣ отъ женщины, пріѣзжавшей въ Эрфтъ съ почтой изъ Вюрцбурга два раза въ недѣлю. Въ газетѣ было только краткое сообщеніе о происшедшемъ. Всѣ считали, что пожаръ былъ слѣдствіемъ поджога, и среди населенія стали подниматься голоса за Урзанера и противъ преслѣдователей несчастнаго. Агата какъ разъ собралась ѣхать къ Урзанеру, когда пришло его письмо. Во время чтенія его она не могла удержаться отъ слезъ. Такъ какъ на конвертѣ былъ вюрцбургскій штемпель, то она хотѣла поѣхать туда, но потомъ сообразила, что это было бы совершенно ни къ чему, такъ какъ она не знала, гдѣ живетъ Урзанеръ; къ тому-же онъ, вѣроятно, уѣхалъ. Въ теченіе дня она тихо схоронила въ душѣ жалость и печаль о своемъ другѣ,—и вскорѣ собственныя несчастія заставили ее забыть про Урзанера.

Въ этомъ была болѣе всего виновата Сильвія. Она постепенно утратила всю свою прежнюю веселость, разлюбила прежнія игры; перестала беззаботно болтать—и все болѣе и болѣе блѣднѣвшее личико дѣвочки сильно тревожило мать. Болѣе всего огорчало Агату то, что дѣвочка всегда опускала глаза, завидѣвъ ее; Агатѣ стало постепенно казаться, что дочь ея въ чемъ-то ее подозрѣваетъ. Она съ ужасомъ убѣждалась, что Сильвія, дѣйствительно, не довѣряетъ ей; это дѣлало положеніе ея тѣмъ болѣе ужаснымъ, что она считала невозможнымъ давать какія-либо убѣдительныя объясненія восьмилѣтней дѣвочкѣ. Она догадывалась о причинѣ пытливаго, измученнаго выраженія лица Сильвіи и хотя чувствовала, что въ этой незрѣлой душѣ живутъ сильныя чувства и рѣшительная воля взрослой женщины, все-же какая-то гордость и стыдливость, свойственныя матерямъ по отношенію къ раннему проявленію личности въ дѣтяхъ, мѣшали ей притти на помощь измученному маленькому сердцу дочери.

Она часто подходила вечеромъ къ постели Сильвіи, когда та лежала съ открытыми глазами и смотрѣла въ темноту. Разъ она думала, что дѣвочка спитъ, наклонилась и поцѣловала ее въ лобъ. Въ то же мгновеніе она замѣтила, что руки Сильвіи судорожно сжались въ кулаки, и по дрожащимъ

рѣсницамъ ея видно было, что она только притворялась спящей. Агатѣ сдѣлалось безконечно больно; тяжесть навалилась ей на грудь, и она молча вышла изъ комнаты.

Однажды въ іюлѣ градъ побилъ хлѣбъ на поляхъ и виноградники. Всѣ надежды на жатву рушились. Агата сидѣла въ большой столовой, опустивъ голову на обѣ руки, и управляющій Марквартъ стоялъ около нея смущенный, мрачный и безмолвный. Въ это время отворилась дверь и вошла Сильвія. Она стала между управляющимъ и матерью, внимательно посмотрѣла на мать, и Агата обратила вниманіе на выраженіе ея лица. Широко - открытый, холодный взглядъ дѣвочки выражалъ удовлетворенное злорадство, жестокую радость выполненной мести. Агата невольно поднялась со стула.

— Что тебѣ нужно?—крикнула она на дѣвочку.—Уходи съ моихъ глазъ!

Сильвія задрожала всѣмъ тѣломъ и повиновалась. Управляющій посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ сочувствіемъ, увѣренный, что мать была къ ней несправедлива.

Нѣсколько недѣль спустя Агата получила письмо Сильвестра, написанное имъ въ маленькой гостиницѣ въ Твикенгамѣ. Съ безконечной горечью прочла она фразы, казавшіяся ей слишкомъ высокопарными и слишкомъ смиренными, чтобы тронуть ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей было ясно, почему онъ написалъ это письмо. Она поняла, что онъ опутанъ опасными сѣтями, если такъ унижается передъ нею. Она давно примирилась со своимъ жребіемъ, но каждое напоминаніе о безпощадномъ фактѣ разрыва и крушенія ея жизни дѣйствовало на нее такъ, точно у нея сдирали кожу съ тѣла. Сильвія сидѣла на дворѣ, на высокомъ возу съ сѣномъ, увидѣла вошедшаго почтальона и черезъ открытое окно заглянула въ комнату. Она быстро спустилась съ воза и вошла въ домъ. Нерѣшительно подойдя къ матери, она, однако, безстрашно подняла глаза на нее и спросила:

— Что пишетъ отецъ?

Агата была поражена ея чутьемъ, а также напускнымъ спокойствіемъ ея голоса. Сильвія въ первый разъ прямо спросила объ отцѣ, но ея недовѣрчивый и втайнѣ раздраженный тонъ разсердилъ Агату.

— Отецъ твой здоровъ,—отвѣтила она,—но что касается тебя, то берегись, дитя, чтобы не сдѣлаться ненавистной мнѣ своей дерзостью. Не то, что ты говоришь, а какъ ты—говоришь, не подходитъ къ твоимъ годамъ. Когда ты будешь старше и умнѣе, ты поймешь, что съ такимъ ребенкомъ, какъ ты, нельзя говорить о серьезныхъ вещахъ, занимающихъ твоихъ отца и мать.

Сильвія улыбнулась особой улыбкой, которая, казалось, говорила: „Ты из-

бѣгаешь прямого отвѣта и хочешь меня обмануть, а я спрашиваю тебя только съ цѣлью убѣдиться, что ты меня обманываешь.“ Въ улыбкѣ ея не было ничего дерзкаго, въ ней чувствовался лишь опытъ, добытый въ мечтахъ. Начиная съ этого дня, Сильвіи захотѣлось умереть, потому что, какъ ей казалось, она узнала навѣрное, что отецъ ея не вернется къ матери. Почему — она не знала, но то, что это сдѣлалось для нея несомнѣннымъ, преисполнило ее безконечной печалью, порожденной ея обожаніемъ отца. Она тосковала по немъ и засыхала безъ него, какъ цвѣтокъ безъ дождя. Смерть его была бы, быть можетъ, для нея еще большимъ ударомъ, но въ смерти для дѣтскаго воображенія есть что-то завершающее и одухотворяющее. А то, что отецъ ея не умеръ, а внезапно исчезъ и живетъ гдѣ-то далеко отъ нея, вызывало въ Сильвіи тѣмъ болѣе безутѣшную печаль, что она считала себя виной всему.

Уходъ отца она объясняла себѣ тѣмъ, онъ что разлюбилъ ее за то, что она нехорошая и некрасивая, и захотѣлъ имѣть другую, лучшую и болѣе красивую Сильвію. Она вспоминала, какъ сердила отца своими гримасами, возней, которую поднимала на лѣстницѣ, непослушаніемъ, тѣмъ, что была лакомкой. Всего этого она не могла простить себѣ и знала, что, пока будетъ жива, не проститъ. Только для того, чтобы не быть раздавленной тяжестью своей вины, она стала слѣдить за матерью, стараясь найти, въ чемъ бы ее упрекнуть, и была почти счастлива, когда открывала въ ней какую-нибудь слабость или недостатокъ; и съ той же странной безжалостностью относилась она и къ провинностямъ прислуги, и ко всѣмъ бѣдамъ, случавшимся въ домѣ.

Иногда она просыпалась ночью—и ей казалось, что она слышитъ смѣхъ отца. Она тогда такъ ясно представляла себѣ его черты, что видѣла его сверкавшіе при смѣхѣ зубы и его глаза, насмѣшливый блескъ которыхъ такъ часто приводилъ ее въ восторгъ. Больше всего она восхищалась имъ, когда видѣла его верхомъ на лошади, и для нея не было теперь большаго удовольствія, чѣмъ притаиться гдѣ-нибудь въ темномъ углу и вспоминать, какъ чудесно онъ сидѣлъ на лошади и какъ люди на поляхъ оставляли работу и долго глядѣли ему вслѣдъ, когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ.

Не проходило дня, чтобы она не думала объ опасностяхъ, угрожавшихъ ему въ невѣдомомъ мірѣ. На него могли напасть дикіе звѣри; онъ могъ попасть подъ колеса локомотива, упасть въ глубокую рѣку, или заблудиться въ лѣсу и очутиться въ рукахъ разбойниковъ. У него могъ быть врагъ, который подстерегалъ его въ темной улицѣ, чтобы заколоть его. Онъ могъ заболѣть—и у него не было никого, кто бы за нимъ ухаживалъ. Она ярко представляла себѣ всѣ эти возможности, пока, наконецъ, жалость и печаль не истощали силу ея воображенія.

Ей казалось, что было бы хорошо и отважно съ ея стороны отправиться въ поиски за нимъ. Она была увѣрена, что найдетъ его. Въ теченіе всего лѣта она лелѣяла этотъ планъ и уже нѣсколько разъ выходила на дорогу, но каждый разъ изъ страха возвращалась назадъ. Однажды въ октябрѣ она прошла дальше, чѣмъ въ прежніе разы, когда вдругъ услышала громкіе окрики и, остановившись, увидѣла бѣжавшую за ней толстую Эстерлейнъ. Цѣлуя и браня свою любимицу, она увела ее обратно домой и только, когда Сильвія обѣщала ей никогда больше ничего подобнаго не затѣвать, обѣщала ничего не говорить матери. На Сильвію данное ею обѣщаніе не произвело другого дѣйствія, кромѣ того, что она рѣшила въ слѣдующій разъ быть хитрѣе. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль фрау Эстерлейнъ зорко слѣдила за нею—и Сильвія горевала, что дни становились все короче, погода все хуже.

Однажды утромъ Агата рѣшила поѣхать въ Эгенбергъ поговорить объ уплатѣ процентовъ по займу, сдѣланному Сильвестромъ въ Парижѣ. Она не знала, гдѣ достать денегъ, и была принуждена обратиться къ маіору за помощью или, по крайней мѣрѣ, за совѣтомъ. Сильвія еще спала, когда она уѣзжала. Случайно коснувшись ея лба, Агата замѣтила, что онъ горячій, и попросила фрау Эстерлейнъ не выпускать дѣвочку изъ комнаты. Сильвія проснулась съ легкимъ ознобомъ и позволила своей воспитательницѣ одѣть ее, чего не бывало уже много мѣсяцевъ, такъ какъ дѣвочка была во всемъ очень самостоятельна. Послѣ того фрау Эстерлейнъ занялась глаженіемъ, оставивъ Сильвію за ея тетрадками. Но вслѣдствіе ли лихорадочнаго состоянія, или того, что она, наконецъ, осталась одна, или же подъ вліяніемъ не оставлявшей ее тоски по отцѣ,—словомъ, Сильвія вышла изъ комнаты, потомъ изъ дому и прошла никѣмъ не замѣченная черезъ паркъ мимо оранжереи, вышла изъ садовой калитки и направилась въ лѣсъ, расположенный въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ дома. Она вышла въ одномъ платьѣ, съ непокрытой головой, но не чувствовала струившагося дождя и замедлила шаги лишь тогда, когда очутилась подъ деревьями. „Вотъ странно,—подумала она,—почему эта дорога все идетъ впередъ и впередъ—и спереди, и сзади и вверхъ къ небу, все выше и выше. Какъ это смѣшно и скучно!"— Туманный мракъ въ лѣсу испугалъ ее, и вскорѣ она почувствовала себя страшно уставшей. Она все время держала глаза опущенными, потому что стоило ей поднять ихъ, какъ все вокругъ нея кружилось. Ей было непріятно, что вокругъ нея была такая тишина, но когда сухіе листья шуршали у нея подъ ногами, то сердце ея чуть не разрывалось отъ страха. Иногда дорога поворачивала налѣво или направо; ей тогда казалось, что навстрѣчу ей идетъ отецъ, и она ускоряла шаги. Но постепенно ноги ея тяжелѣли, ей становилось страшно холодно и дождь пронизывалъ ее всю. Она сѣла на пень и стала тихо рыдать. Наконецъ, она упала и потеряла сознаніе.

Около полудня по лѣсу прошелъ дровосѣкъ, съ удивленіемъ взглянулъ на блѣдное, небесно-прекрасное лицо, повидимому, заснувшаго ребенка. Онъ сбросилъ съ плечъ вязанку дровъ, поднялъ дѣвочку съ влажной травы и послѣ часа пути принесъ ее въ Эрфтъ, гдѣ всѣ были въ величайшей тревогѣ. Фрау Эстерлейнъ, управляющій, садовникъ, конюхъ и двѣ служанки уже обѣгали окрестности во всѣхъ направленіяхъ, но никто не подумалъ о лѣсѣ. Фрау Эстерлейнъ онѣмѣла отъ потрясенія, когда взяла дѣвочку изъ рукъ дровосѣка. Она унесла безчувственную Сильвію въ ея комнату, быстро ее раздѣла и уложила въ постель. Два часа спустя у больной начался бредъ. Вечеромъ, когда вернулась Агата, пришелъ врачъ и, уходя, сказалъ женѣ управляющаго, которая вышла его проводить: „Боюсь, что она не переживетъ завтрашняго дня".

За время своего трехдневнаго путешествія Сильвестръ нигдѣ не останавливался для отдыха; но теперь, передъ самымъ концомъ пути, ему хотѣлось повернуть назадъ. Подъ предлогомъ ожиданія своего багажа онъ остановился въ Вюрцбургѣ. Онъ все не могъ рѣшить, предупредить ли о своемъ пріѣздѣ Агату, или же явиться домой невзначай. Когда онъ представлялъ себѣ первыя минуты встрѣчи съ Агатой, на него нападало уныніе и ему хотѣлось какимъ-нибудь образомъ удалить жену, чтобы остаться съ одной только Сильвіей. Онъ съ тоскою думалъ объ ожидавшей его мелочности и узости буржуазнаго существованія, о денежныхъ заботахъ, о будничныхъ интересахъ, о враждебности вліятельныхъ родныхъ,—обо всемъ, что должно было проявиться въ связи съ его отношеніями къ Агатѣ. Онъ рѣшилъ пробыть въ Эрфтѣ двѣ недѣли. За это время нужно было принятя всѣ рѣшенія и должно было быть обезпечено его будущее. Онъ ждалъ сопротивленія со стороны Агаты и зналъ, какъ трудно будетъ съ ней бороться въ виду благородства и суровости ея характера; онъ поэтому собралъ всѣ доводы, которыми надѣялся склонить ее къ уступчивости, и никогда не былъ такимъ краснорѣчивымъ, кроткимъ и чарующимъ, какъ въ тѣ одинокіе часы, когда подготовлялъ свои бесѣды съ Агатой. Послѣ такого рода упражненій онъ ощущалъ всегда въ себѣ больше надеждъ.

Онъ поселился не въ томъ отелѣ, гдѣ за годъ до того прислуга была свидѣтелемъ происшествія съ красавицей Рахилью. На третье утро его потянуло въ маленькую улицу, гдѣ находилась лавка стараго еврея. Двери и окна были закрыты ставнями и весь домъ казался нежилымъ. Въ то время, какъ Сильвестръ стоялъ съ изумленіемъ передъ дверью лавки, его увидѣлъ швейцаръ прежней гостиницы, узналъ его, подошелъ къ нему съ полу-почтительной, полу-фамильярной улыбкой и разсказалъ ему, что съ

того самаго дня—господинъ баронъ, вѣдь, знаетъ, съ какого—старикъ такъ и не открывалъ своей лавки. Дочь его лишилась разсудка и сидитъ у окна и безсмысленно глядитъ въ пространство. Одно только есть у нея развлеченіе—и его вполнѣ можно назвать сумасшествіемъ: каждую недѣлю отецъ даетъ ей часы, настоящіе карманные часы, и она ихъ ломаетъ, вытягиваетъ пружину и винтики и счастлива, когда всѣ составныя части лежатъ передъ нею на столѣ. У старика есть нѣсколько часовъ, которые онъ потомъ отдаетъ въ починку, чтобы на-ново доставить радость дочери. Часы непремѣнно должны тикать, иначе она ихъ не трогаетъ.

— Правда, занятный родъ сумасшествія, — закончилъ свой разсказъ веселый швейцаръ.

Сильвестръ ничего не отвѣтилъ и пошелъ дальше. Вернувшись домой, онъ потребовалъ счетъ и заказалъ коляску. Затѣмъ онъ отпустилъ вѣрнаго Адама, который ѣхалъ на почтовыхъ въ Дудслохъ. Адамъ Гунтъ былъ взволнованъ, какъ женихъ въ день свадьбы, и казался живымъ опроверженіемъ всякихъ теорій. Онъ купилъ для жены серебряный браслетъ, пеструю шаль, теплыя туфли и полдюжины красныхъ чулокъ и, спрятавъ эти подарки въ свой дорожный мѣшокъ, считалъ себя застрахованнымъ отъ всѣхъ будущихъ непогодъ на супружескомъ небосклонѣ. Сильвестръ уплатилъ ему его жалованье и подарилъ еще двадцать талеровъ сверхъ того.

Въ три часа дня по ухабистой мостовой города загремѣла неуклюжая коляска, которая должна была привезти его въ Эрфтъ. Сильвестра вдругъ охватило странное безпокойство. Коляска ѣхала такъ медленно по грязной дорогѣ, что онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ нея и быстро шелъ впередъ пѣшкомъ. Наконецъ, когда уже спустились сумерки, онъ увидѣлъ дома въ Эрфтѣ. На большой дорогѣ находился маленькій кабачекъ; онъ приказалъ кучеру остановиться тамъ и только черезъ полчаса поѣхать вслѣдъ за нимъ; самъ же онъ пошелъ при наступившей темнотѣ по хорошо ему знакомой дорожкѣ для пѣшеходовъ.

Передъ домомъ его было пустынно. Комнаты еще не были освѣщены и въ сѣняхъ тоже было темно. Онъ поднялся по лѣстницѣ: никого не было видно, ни единаго звука не доносилось до него. Въ концѣ корридора была комната Сильвіи. Свѣтъ, исходившій изъ замочной скважины, похожъ былъ на звѣзду. Тогда изъ двери слѣва вышла смутно обрисовавшаяся въ темнотѣ фигура. Сильвестръ остановился.

— Это ты, Агата?—тихо спросилъ онъ.

Агата крикнула и прижалась къ двери, точно хотѣла убѣжать, но увидѣла, что у нея отрѣзанъ путь къ бѣгству: дверь изъ комнаты Сильвіи открылась и на порогѣ появилась фрау Эстерлейнъ. Она подняла палецъ въ знакъ молчанія. Слова, которыя она хотѣла произнести шепотомъ, застыли

на ея устахъ, когда она увидѣла Сильвестра. Въ полосѣ свѣта, проливавшагося изъ комнаты Сильвіи, Сильвестръ и Агата смогли взглянуть другъ другу въ глаза.

Онъ протянулъ ей руку. Ея рука лежала безмолвно и холодно въ его рукѣ.

— Какъ ты живешь, Агата?

Она ничего не отвѣтила и только безпомощнымъ жестомъ указала на дверь въ комнату Сильвіи. Сильвестръ схватился за голову и быстрыми шагами направился къ освѣщенному порогу. Фрау Эстерлейнъ хотѣла заградить ему путь, но онъ оттолкнулъ ее. Агата послѣдовала за нимъ съ тупой улыбкой. Когда Сильвестръ бросился на колѣни передъ кроватью Сильвіи и съ отчаяніемъ взглянулъ на вздувшіяся въ горячкѣ черты дѣвочки, когда онъ услышалъ милыя, безсмысленныя слова и страшный хрипъ ребенка, и увидѣлъ ея горячій, ищущій и непонимающій взглядъ, то ухватился руками за ея одѣяло, чувствуя, какъ душа больной дѣвочки грозитъ смертью его собственной душѣ. Жалобы, признанія, обѣты, молитвы, требованія отъ Бога, отчаянное смиреніе, гордый вызовъ судьбѣ въ то самое время, когда она свершается,—какимъ ничтожнымъ и низкимъ все это ему казалось теперь, какимъ похожимъ на барахтанье животнаго, когда его растаптываютъ ногами!

Агата положила ему руку на плечо. Онъ понялъ ее, поднялся и вышелъ вслѣдъ за нею изъ комнаты.

— Въ прошлую ночь,—сказала она ему,—мы уже думали, что все кончено. Но вдругъ она заснула. Сегодня днемъ жаръ опять усилился. Только что былъ докторъ и сказалъ, что если черезъ часъ жаръ не упадетъ, то она погибла.

Управляющій и его жена узнали о пріѣздѣ Сильвестра и пришли привѣтствовать его.

Сильвестръ сидѣлъ полтора часа въ своей комнатѣ. Въ восемь часовъ къ нему пришла Агата и сказала: „Она спитъ". У Сильвестра было такое чувство, точно съ него сняли петлю, стягивавшую ему горло. Агата опустилась въ кресло и закрыла лицо руками.

— Я устала, — прошептала она. — Я не смыкала глазъ два дня. И ты, вѣрно, тоже усталъ.

Во всю свою жизнь Сильвестръ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ этотъ вечеръ въ своемъ собственномъ домѣ.

Человѣческое существованіе составляется изъ дней, а дни изъ часовъ, имѣющихъ каждый свое назначеніе: одни часы предназначены для сна, дру

гіе—для работы, третьи—для ѣды. И кто хочетъ спать, тому нужно приготовить постель, а кто хочетъ ѣсть, тому нужно приготовить ѣду. И когда два человѣка живутъ подъ однимъ кровомъ, то ихъ объединяетъ цѣлый рядъ мелкихъ потребностей. И какъ бы они ни избѣгали другъ друга, все же общая жизнь ихъ связываетъ. Забота одного ложится бременемъ на наслажденіе другого, зло, которое легло между ними, разбивается на куски, благо, котораго они ищутъ, уклоняется на неожиданные пути. Опредѣленныя чувства разсѣиваются, взглядъ выдаетъ намѣреніе, но слово затемняетъ его, физическая близость создаетъ атмосферу, вліяющую на мысли и рѣшенія, и то, что задумано было столь отважно, кончается сомнѣніями и трусливымъ откладываніемъ.

Все это Сильвестру пришлось испытать на себѣ. Онъ пріѣхалъ, чтобы порвать связь съ домомъ, а вмѣсто того всѣ его члены на-ново опутывались цѣпями, и каждая попытка сбросить эти цѣпи наносила рану. Когда Сильвія пришла въ сознаніе, и онъ смогъ снова подойти къ ея постели послѣ того, какъ дѣвочку подготовили къ встрѣчѣ; когда она стала, точно безумная, обнимать его и при этомъ смѣялась и плакала и снова, и снова смотрѣла на него и трогала его, точно для того, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно онъ; когда она стала его спрашивать, все ли онъ еще ее любитъ, останется ли онъ дома и, обливаясь слезами, предлагала еще много другихъ вопросовъ; когда ручки ея все снова тянулись къ нему, какъ только онъ, чтобы не волновать ее, поднимался, чтобы уйти отъ нея,—тогда онъ сталъ чувствовать на себѣ цѣпи и причиняемыя ими раны и безпомощно спрашивалъ себя о томъ, что будетъ.

Вскорѣ послѣ того Агата пришла къ нему въ комнату.

— Я прошу тебя объ одномъ, Сильвестръ,—сказала она: — Сильвія не должна пока подозрѣвать о томъ, что между нами происходитъ. Я не хочу также ничего обсуждать, пока она не выздоровѣетъ окончательно. Въ ея присутствіи, — а мы не можемъ избѣжать того, чтобы быть оба вмѣстѣ съ нею, — въ ея присутствіи мы должны тщательно избѣгать всего, что могло бы вызвать въ ней какія-нибудь подозрѣнія. Это могло бы убить ее.

Съ этими словами Агата ушла, Сильвестръ съ удивленіемъ спрашивалъ себя, что она хотѣла сказать, что она знаетъ. Значили ли ея слова, что она дойдетъ до крайнихъ предѣловъ въ своемъ сопротивленіи, и не хотѣла ли она поколебать его рѣшительность, оставляя его въ неизвѣстности?

Его поражали ея выдержка, достоинство, съ которымъ она держала себя. Они здоровались утромъ, желали другъ другу спокойной ночи вечеромъ, холодно и миролюбиво разговаривали за столомъ, улыбались другъ другу, когда сидѣли у постели Сильвіи, и чувствовали, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ дѣвочка слѣдила за ними. Они даже смогли обсудить

чисто дѣловымъ тономъ, какъ имъ выпутаться изъ долговъ, сдѣланныхъ Сильвестромъ. А когда маіоръ съ женой пріѣхали посѣтить выздоравливающую дѣвочку, Агата разыграла комедію жены, великодушно простившей своего мужа и переживающей съ нимъ новый медовый мѣсяцъ. Маіоръ былъ мраченъ и сдержанъ. Видно было, что онъ очень хотѣлъ бы объясниться съ Сильвестромъ и не дѣлаетъ этого только ради Агаты. Марта не сдерживала насмѣшливаго тона, осуждая кажущуюся глупость Агаты, и держалась съ Сильвестромъ очень холодно и презрительно.

Сильвестръ безчисленное количество разъ говорилъ себѣ: „Я не могу этого больше выносить". Но въ Агатѣ было что-то покорявшее его. Часто у него было на языкѣ слово, которое должно было заставить ее открыто отвѣтить ему. Но слово это застывало прежде, чѣмъ онъ открывалъ ротъ. Онъ тихо ходилъ по дому, тихо призывалъ свисткомъ собаку и уходилъ въ лѣсъ или же читалъ книгу, говорилъ съ управляющимъ и отдавалъ распоряженія. Быстрые и смѣлые шаги Агаты преслѣдовали его: онъ слышалъ ихъ ночью, хотя Агата въ это время спала. Ея глубокій голосъ звучалъ безпощадно. Взоръ ея былъ ясный и твердый. Никогда ни единымъ движеніемъ не желала она понравиться ему и строго отказывалась отъ всего, что могло бы указать на женское лукавство, на женскую слабость и на женскія чувства.

Въ ея присутствіи онъ даже не могъ думать о Габріэли. Имя Габріэли сдѣлалось чѣмъ-то самымъ далекимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ роднымъ, напоминаніемъ о сказочной жизни на таинственномъ островѣ, знакомъ счастья и отреченія, вины и утраты. Онъ любилъ себя самого въ этомъ чувствѣ, смѣшанномъ изъ страданія и блаженства. Духъ его былъ точно охваченъ постояннымъ легкимъ опьяненіемъ. Онъ точно чувствовалъ, что Габріэля тоскуетъ о немъ, что она, далекая, грезитъ о немъ, и онъ любилъ себя самого въ ея грезахъ. Онъ представлялъ себѣ ея стройную фигуру въ темномъ платьѣ, съ мягкими, сдержанными движеніями, представлялъ себѣ ея дѣвичій обликъ. Она теперь полна тоски, но скоро свѣтъ поглотитъ ее: она ему принадлежитъ, ея искусство дѣлаетъ ее рабой свѣта. Скоро она забудетъ человѣка, стоявшаго на порогѣ старости и пожелавшаго похитить у нея и ея молодость, и ея искусство. Она забудетъ свою страсть къ нему, какъ забываютъ ошибку, и забудетъ его страсть, какъ забываютъ прекрасный закатъ. Первую любовь не выбираютъ: дѣвушка—созданіе того, кто ее любитъ. Искусство — Молохъ, пожирающій души и оставляющій своимъ жертвамъ лишь подобіе самоопредѣленія. Пѣвица идетъ къ людямъ, какъ въ сказкѣ дѣвы, превращенныя въ лебедей, идутъ къ берегу въ лунныя ночи, предаваемыя проклятію и изгнанію, если у нихъ похитятъ ихъ волшебныя одежды.

Сильвестръ сталъ понимать, какъ законъ и необходимость, многое, что онъ въ прежней близорукости считалъ преслѣдованіемъ судьбы и на что горько жаловался. Примирившись съ судьбой, онъ понялъ, что жизнь безцѣльна, безплодна и изжита до конца.

Однажды вечеромъ, около недѣли послѣ его возвращенія назадъ, Сильвестръ сидѣлъ съ Агатой за ужиномъ. Они въ первый разъ сидѣли одни за столомъ; до того Агата всегда приглашала управляющаго съ женой. Сильвестръ ѣлъ безъ аппетита; ему было тягостно оставаться наединѣ съ Агатой.

— Я вчера понялъ по намеку Маркварта, что Ахимъ Урзанеръ уѣхалъ отсюда,—сказалъ онъ, прерывая, наконецъ, молчаніе.—Это для меня новость. Ты не знаешь какихъ-нибудь подробностей?

Агата разсказала о томъ, какъ годъ тому назадъ она посѣтила Ахима Урзанера и какъ послѣ ихъ первой бесѣды они сдѣлались друзьями. Она разсказала, что Урзанеръ пріѣзжалъ лѣтомъ въ Эрфтъ и что нѣсколько дней спустя домъ его въ Рандерсакерѣ сгорѣлъ, о чемъ онъ ей самъ написалъ. Письмо его она знала почти наизусть.

Сильвестръ нахмурилъ лобъ. Изъ духа противорѣчія онъ сталъ осуждать Урзанера:

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что нашъ милый Ахимъ поступилъ, какъ упрямецъ и фантазеръ. Для того, чтобы жить съ людьми, нужно умѣть пользоваться ими, а не превращать ихъ въ дьяволовъ дѣтскимъ упрямствомъ.

— Ты находишь?—спокойно спросила Агата.—Я, напротивъ того, нахожу, что онъ поступилъ, какъ сильный человѣкъ.

Сильвестръ быстро взглянулъ ей въ лицо. Ея слова прозвучали чрезвычайно рѣзко.

— По моему, есть много различныхъ способовъ проявлять духовную силу,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, есть только одинъ.

— Какой?

— Показать на дѣлѣ, что, кромѣ эгоистической мысли о собственномъ благополучіи, въ душѣ есть еще нѣчто болѣе высокое.

Сильвестръ пожалъ плечами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся, вѣжливо поклонился Агатѣ и прошелъ въ кабинетъ. Онъ опустился въ широкое мягкое кресло и задумался о словахъ Агаты. Онъ ненавидѣлъ ее въ эту минуту за то, что у нея хватало мужества бросать ему въ лицо подобныя слова. Онъ ненавидѣлъ ее за то, что слова ея произвели на него такое глубокое впечатлѣніе. Ему хотѣлось вернуться и крикнуть ей: „Я ненавижу тебя!“ Но вмѣстѣ съ ненавистью онъ чувствовалъ еще нѣчто другое, что его

смущало и унижало. Онъ просидѣлъ недвижно нѣсколько часовъ на креслѣ, потомъ вдругъ поднялся и громко воскликнулъ: „Нужно покончить съ этимъ сегодня же. Мы не можемъ оставаться оба подъ однимъ кровомъ".

Въ столовой уже давно было темно. Онъ не замѣтилъ, сколько прошло времени, и удивился, когда оказалось, что было уже далеко за полночь. Но онъ хотѣлъ воспользоваться минутой, когда рѣшеніе его достигло наивысшаго напряженія, и вошелъ въ спальню Агаты съ тѣмъ, чтобы разбудить ее. Онъ зажегъ свѣчу и несъ ее въ рукѣ. Когда онъ открылъ дверь, то, къ удивленію своему, увидѣлъ, что среди комнаты стоялъ уложенный сундукъ. Агата крѣпко спала. Лицо ея было блѣдно и вѣки казались усталыми. Сильвестръ колебался. Сонъ внушалъ ему всегда какое-то благоговѣніе. Въ то время, какъ онъ стоялъ въ нерѣшительности, взглядъ его упалъ на маленькій письменный столъ и на письмо, видимо, незадолго передъ тѣмъ написанное и еще не вложенное въ конвертъ. Онъ сѣлъ къ столу и прочелъ:

„Сильвія, слава Богу, настолько оправилась, что я могу уѣхать на нѣсколько недѣль къ Мартѣ. Останься съ Сильвіей до тѣхъ поръ, пока не уѣдешь изъ Эрфта. Я возвращаю тебѣ свободу. Я не препятствую тебѣ создать новую жизнь, отвѣчающую твоимъ надеждамъ. Я сознаю, что не могу болѣе удовлетворять тебя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна тебѣ сказать, что и я не отношусь къ тебѣ съ тѣмъ уваженіемъ, безъ котораго бракъ превращается въ адъ. Пусть тебя не останавливаютъ заботы о моемъ дальнѣйшемъ счастіи или несчастіи. Я здорова и сильна,—и событіе, къ которому я такъ давно подготовлена, не можетъ сокрушить меня. Внимай только голосу своего сердца—и да послужитъ тебѣ это на благо. Я, конечно, прошу тебя какъ можно скорѣе выполнить всѣ формальности для внѣшняго завершенія нашего внутренняго разрыва. Агата".

Сильвестръ три раза прочелъ письмо. Услышавъ за собой шорохъ, онъ обернулся. Агата проснулась и полуприподнялась, опираясь головой на руку. Она молча смотрѣла на него—и онъ молча взглянулъ на нее. Агата невольнымъ движеніемъ натянула одѣяло до подбородка. На лицѣ ея не было улыбки, но не было и неудовольствія, не было ни удивленія, ни вопроса. Ничего, кромѣ неописуемаго спокойствія. Сильвестръ поднялся, взялъ свѣчу и сказалъ: „Доброй ночи, Агата". Въ немъ бушевали новыя странныя и противорѣчивыя чувства, но если бы его стали пытать, чтобы заставить его сказать хотя бы одно слово, онъ все же не могъ бы сказать ничего, кромѣ: „Спокойной ночи, Агата".

Вернувшись въ кабинетъ, онъ взялъ въ руки первую попавшуюся книгу: это оказалась Библія. Онъ раскрылъ ее и прочелъ среди изреченій Соломона: „Сохрани твое сердце, ибо изъ него течетъ жизнь".

Агата уѣхала. Когда Сильвія спросила, гдѣ ея мать, Сильвестръ не зналъ, что ей сказать; у дѣвочки былъ зоркій взглядъ и трудно было лгать ей. Она часто смотрѣла на отца такъ пытливо точно не была увѣрена въ прочности создавшихся обстоятельствъ. Она уже встала съ постели, но въ виду суровой зимы ей еще не позволяли выходить изъ комнаты. Какъ только она просыпалась, первый ея вопросъ былъ объ отцѣ и послѣдняя ея улыбка вечеромъ обращена была къ нему. Онъ игралъ съ нею въ лото или усаживалъ ее себѣ на колѣни и разсказывалъ ей сказки, большею частью о пиратахъ и о волшебныхъ корабляхъ. Она внимала ему съ восторгомъ, который относился не только къ разсказу. Она восхищалась его голосомъ, его манерой говорить, его взглядами, движеніями его бровей. Она съ необычайной чуткостью угадывала каждое его настроеніе и чувствовала, когда ея присутствіе становилось ему тягостно. Тогда она проводила время одна.

Такъ прошли полторы недѣли. У Сильвестра было много работы, такъ какъ онъ только теперь смогъ разобраться въ безпорядкѣ, вызванномъ его отсутствіемъ. Онъ переписывался съ агентами, съ частными банками и съ однимъ богатымъ старикомъ-дядей, который жилъ въ Вестфаліи, и всячески старался поправить дѣла. И при всемъ этомъ у него было странное чувство,—что ему нужно дѣлать совсѣмъ другое, чѣмъ то, что онъ дѣлалъ. Вѣдь, Агата ждала его отъѣзда. Она пошла навстрѣчу его самому смѣлому желанію, подаривъ ему то, что онъ хотѣлъ у нея отвоевать. Почему же онъ останется? спрашивалъ онъ себя. Когда онъ принуждалъ себя къ размышленію, то придумывалъ лишь разные предлоги. Такъ, онъ однажды рѣшилъ, что для окончанія всѣхъ этихъ непонятныхъ колебаній ему необходимо еще разъ поговорить съ Агатою. Онъ послалъ ей черезъ садовника письмо слѣдующаго содержанія:

„Милая Агата! Завтра мнѣ исполнится сорокъ лѣтъ. Можетъ быть, въ этомъ и заключается причина колебанія, которое, вѣроятно, кажется тебѣ непонятнымъ. Перекрестокъ, у котораго я стою въ день солнцестоянія моей жизни, невольно настраиваетъ меня на торжественный ладъ. Я не могу считать твое письмо концомъ нашихъ отношеній. Дай мнѣ возможность еще разъ повидать тебя. Мы должны разстаться друзьями. Даже жизнь въ раю была бы для меня отравлена, если бы я зналъ, что ты мнѣ стала чужой. Я предлагаю тебѣ свидѣться завтра днемъ въ Дудслохѣ. Это нейтральное мѣсто между враждебными лагерями. Извѣсти меня, пріѣдешь ли ты“.

Агата лично передала посланному свое согласіе.

Дудслохъ былъ въ четырехъ километрахъ отъ Эгенберга и въ шести отъ Эрфта. Онъ расположенъ былъ въ довольно ровной мѣстности и окруженъ съ трехъ сторонъ лѣсомъ; на юго-востокѣ была долина Майна.

—

Это была скорѣе ферма, чѣмъ настоящее имѣніе; тамъ былъ всего простой деревенскій домъ и нѣсколько конюшенъ. Сильвестръ поѣхалъ туда верхомъ послѣ обѣда и былъ встрѣченъ Адамомъ Гундомъ съ грустной сердечностью; а фрау Бригита Гундъ встрѣтила его довольно неудачнымъ придворнымъ реверансомъ. Фрау Бригита придавала большое значеніе изящнымъ манерамъ. То, что она была дѣйствительно мегерой, выдавалъ ея визгливый голосъ и приторная улыбка, которую сама она считала обворожительной. Адамъ имѣлъ опустившійся видъ. Лоскъ высшаго свѣта, въ которомъ онъ вращался, еще чувствовался въ его манерахъ, на подобіе—по его собственному образному выраженію, — лепестка розы, прилипшаго къ навознымъ виламъ.

Когда на занесенной снѣгомъ дорогѣ показалась Агата, Сильвестръ спросилъ, хорошо-ли протоплены комнаты въ верхнемъ этажѣ. Онъ нарочно посылалъ конюха въ Дудслохъ съ утра, чтобы велѣть протопить. Адамъ сказалъ, что комнаты протоплены и что ихъ пришлось, кромѣ того, провѣтрить, такъ какъ онѣ были долго заперты и воздухъ въ нихъ сдѣлался затхлымъ. Это еще почувствовали при входѣ въ нихъ Сильвестръ и Агата. То были двѣ комнатки, узкія и низкія, какъ клѣтки, съ желтыми выштукатуренными стѣнами и со старомодной мебелью. Тутъ они провели первыя недѣли послѣ своей свадьбы, такъ какъ въ то время домъ въ Эрфтѣ весь перестраивался. Они оба старались изгладить воспоминаніе о быломъ на своихъ лицахъ, когда взгляды ихъ встрѣтились.

Агата сняла шубу и мѣховую шапочку, пригладила волосы, придвинула одно изъ маленькихъ креселъ къ печкѣ и сѣла въ него.

— Что ты хотѣлъ мнѣ сказать?—сухо спросила она.

Сильвестръ нахмурился. „Опять на нее нашло ея деревянное упрямство!“—съ досадой подумалъ онъ, садясь противъ нея.

— Я хотѣлъ тебѣ сказать,—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—что мнѣ тяжело на душѣ.

— Почему? Развѣ не исполнилось все то, чего ты хотѣлъ?

— Ничто не исполнилось изъ того, что я хотѣлъ.

— Это очень печально. Во всякомъ случаѣ, не я виновата въ томъ, что твои надежды не оправдались.

— Нѣтъ, Агата, ты одна во всемъ виновата.

— Я не понимаю тебя, Сильвестръ. Какія еще жертвы я могла бы принести?

— Ты не хочешь меня понять, Агата. Я, вѣдь, тебѣ писалъ.

— Ты мнѣ писалъ, что не хочешь и не можешь разстаться со мной съ дурнымъ чувствомъ. Ты хочешь, чтобы мы остались друзьями. Что мнѣ на это сказать? Ты поражаешь меня роскошью, которую позволяешь себѣ. Ты

не можешь удовлетвориться тѣмъ, чтобы заплатить за удовлетвореніе каприза самую высокую цѣну, какую только можно заплатить. Ты еще требуешь, чтобы та, на счетъ которой все это покупается, увѣрила бы тебя, что это пустяшная цѣна и что она въ восторгѣ. Все-таки я не корова, которую можно доить, потомъ снова выпустить на пастбище и снова доить безъ конца.

Сильвестръ поблѣднѣлъ.

— Каждое слово, Агата,—отвѣтилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—каждое слово твое искажаетъ правду. Дѣло не въ капризѣ, которому я потворствую. Къ великому моему горю, я пережилъ катастрофу и не рѣшаюсь даже говорить о ней. Голосъ согрѣшилъ бы передъ моимъ чувствомъ. Мнѣ не въ чемъ приносить покаяніе. Я любилъ изумительное человѣческое существо. Я любилъ и былъ любимъ. Мы были связаны другъ съ другомъ съ начала вѣковъ. Если бы ты меня замуровала въ каменный гробъ, я бы все-же разбилъ его и нашелъ ее... Я ее нашелъ, но только для того, чтобы снова потерять. Я не могъ забыть тебя, Агата. Мы оба не могли тебя забыть. Обо всемъ, что было между нами, я могъ бы разсказать моей дочери. Я чувствовалъ твое присутствіе болѣе осязательно, чѣмъ теперь. И такъ сильна была твоя власть надо мной, что я дрожалъ передъ тобой. И когда мы были вмѣстѣ, мы думали о тебѣ и о томъ, что наша любовь ограбила бы тебя. Въ тотъ день, когда мы это поняли, она ушла, и больше я ея не видѣлъ.

Агата опустила глаза и долго не отвѣчала.

— Я это знала,—сказала она, наконецъ, точно говоря сама съ собой.—Да, все это было такъ, совершенно такъ, какъ ты описываешь. Но что было до того, Сильвестръ, что было прежде, чѣмъ ты пришелъ къ ней? Развѣ до того ты не предавалъ и меня, и себя самого, и твою дочь, а также ее, о которой ты мечталъ? Всѣхъ насъ ты не предавалъ самому низменному на землѣ?

Сильвестръ вздрогнулъ.

— Да, меня соблазнялъ злой духъ,—нерѣшительно признался онъ.—Зачѣмъ раскрывать мрачные лабиринты, въ которыхъ торжествуетъ свою побѣду животная природа человѣка? Я все это сознаю, Агата, и не оправдываю себя. Твое обвиненіе уже есть судъ надо мной.

— О, Сильвестръ!—взволнованно воскликнула Агата.—Все это не такъ огорчало бы меня, если бы ты былъ со мной откровененъ, если бы ты не скрывалъ правды. Развѣ я не заслужила съ твоей стороны искренности?

— Я не былъ скрытенъ, Агата. Я только не хотѣлъ увлечь тебя за собой въ лабиринтъ. И, кромѣ того, ты вдругъ стала мнѣ чужой, какъ женщина, и слишкомъ близкой, какъ человѣкъ. Мнѣ грозила опасность потерять тебя инымъ образомъ, если бы я не обратился въ бѣгство. Что бы

ни говорили глубокомысленнаго о бракѣ, все же, въ концѣ концовъ, это вопросъ нервовъ. Самое лучшее, чѣмъ можетъ быть бракъ, это сокровенной дружбой между людьми, которые не мѣшаютъ другъ другу. Кто ждетъ большаго отъ брака, лжетъ самому себѣ и готовитъ себѣ жестокое разочарованіе.

— Цвѣтныя стекла, черезъ которыя я нѣкогда смотрѣла на нашу жизнь, уже давно вышиблены были у меня изъ рукъ,—горько сказала Агата.

— Несчастіе брака заключается въ томъ, что онъ превращаетъ въ долгъ то, что должно быть свободнымъ даромъ. Развѣ это не дѣлаетъ всякій даръ сомнительнымъ, всякій долгъ насмѣшкой? Требованіе постоянства ведетъ къ измѣнѣ; требованіе вѣрности—къ невѣрности. Бракъ ставитъ западни, унизительныя для гордаго человѣка. Какъ ему быть откровеннымъ, когда откровенность грозитъ разрушить связь, которая, несмотря на все, ему необходима? Въ этомъ и заключается тайна, передъ которой смолкаетъ моя мудрость,—задумчиво продолжалъ Сильвестръ.—Я думалъ, что вернулся лишь для того, чтобы, заручившись твоимъ согласіемъ, уйти отъ тебя. Но я не могу уйти отъ тебя, Агата. Вотъ, собственно, что я хотѣлъ тебѣ сказать.

Лицо Агаты едва замѣтнымъ образомъ просвѣтлѣло, точно съ него сдернули тончайшую завѣсу.

— Какъ ты можешь оставаться со мною, когда въ сердцѣ твоемъ живетъ другая?—возразила она.—Она стала бы представляться тебѣ все болѣе и болѣе ангелоподобной, а я все менѣе удовлетворяла бы тебя. Никакая женщина не могла бы справиться съ подобной отсутствующей соперницей. Мнѣ кажется, что тобою руководитъ теперь не сила и не честность, а слабость и добродушіе. Насколько прекрасны мосты, настолько же я боюсь перекинутыхъ наскоро досокъ—особенно когда онѣ ведутъ черезъ бурный потокъ. Нѣтъ, Сильвестръ, переходи одинъ на другой берегъ, а я останусь здѣсь. Все равно, мы уже не стоимъ на одномъ берегу.

Она вынула платокъ, чтобы приложить его къ влажнымъ глазамъ, но одумалась и изъ упрямства прижала его ко рту.

— О, какъ я ужасно ошибся!—сказалъ Сильвестръ.

Изо всего, что съ нимъ могло произойти, стойкое сопротивленіе Агаты, которое онъ сначала приписывалъ чувству оскорбленнаго достоинства, было для него самымъ неожиданнымъ. Въ томъ, что она его любитъ, его одного, безъ всякихъ условій и безъ всякой возможности разлюбить,—въ этомъ онъ не сомнѣвался. Ея любовь казалась ему такой же неотъемлемой, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ. Онъ никогда не считался съ возможностью того, что онъ могъ растратить сокровище ея любви, которое со странно равнодушной увѣренностью считалъ неисчерпаемымъ. Подобно тому, какъ здоровое тѣло не чувствуетъ своихъ внутреннихъ орга-

новъ, и онъ принималъ силу и выносливость ея любви за нѣкій законъ природы, за нѣчто разъ навсегда установленное. Внезапное открытіе, что это было не такъ, разбудило его; онъ сталъ иначе видѣть и слышать. Онъ вдругъ увидѣлъ въ Агатѣ женщину, которая не давалась ему.

— Что-жъ будетъ?—робко спросилъ онъ.—Ты не хочешь попытаться вернуться ко мнѣ?

— Ты господинъ въ своемъ домѣ, и кромѣ того, я не могу оставить нашу дочь; значитъ, я должна подчиниться твоему рѣшенію,— отвѣтила Агата суровымъ тономъ, не обращая вниманія на преисполненный мольбы жестъ Сильвестра:—Что ты называешь попытаться?—продолжала она.—Ты считаешь меня болѣе разсудительной, чѣмъ я въ дѣйствительности. Я не мстительна, но все же то, что я пережила, не можетъ не вліять на мою душу. Я не вѣрю тебѣ больше, Сильвестръ. Что тебѣ въ моемъ прощеніи? Развѣ ты мнѣ даешь право прощать и развѣ есть такое право? Если возможно прощеніе, то я простила тебѣ въ тотъ день, когда ты вернулся. Но я въ тебя больше не вѣрю. Я готова признать, что все, тобою пережитое, имѣло для тебя большое значеніе. Но то, что ты пережилъ и что тебѣ нужны были такія переживанія, чтобы окрылить твою душу, унижаетъ тебя въ моихъ глазахъ: въ этомъ есть что-то незрѣлое, несерьезное и несдержанное. Если тебѣ больно, что я это говорю, прости меня: я должна была это сказать и довольна, что уже сказала.

— Что же должно случиться для того, чтобы ты снова стала вѣрить въ меня?—беззвучно спросилъ Сильвестръ.

— Что должно случиться? Не знаю. Или, можетъ быть, знаю. Можетъ быть, ты долженъ былъ бы,—ужасно трудно это выразить и не знаю, поймешь ли ты меня,—можетъ быть, ты долженъ былъ бы стать достойнымъ Ахима Урзанера.

— Достойнымъ Ахима Урзанера? Что ты хочешь сказать?

— Таково мое чувство—и я не нахожу другихъ словъ для того, чтобы выразить его.

Сильвестръ поднялся и прошелся по комнатѣ. Уже спускались сумерки и синеватый блескъ снѣга становился лиловымъ. Тишина была такая, что слышно было, какъ падали хлопья снѣга съ вѣтвей.

— Хочешь, пойдемъ вмѣстѣ отсюда въ Эрфтъ, — сказалъ Сильвестръ, обращаясь къ Агатѣ,—Марта сможетъ завтра прислать твои вещи, и Сильвія очень обрадуется твоему возвращенію.

Онъ старался говорить и держаться непринужденно, но это ему не удавалось. Агата тоже встала, посмотрѣла на него испытующимъ взглядомъ и кивнула въ знакъ согласія.

Сильвестръ попрощался съ Гундомъ и его женой. Свою верховую ло-

шадь онъ оставилъ въ Дудслохѣ и сказалъ, что на слѣдующій день пришлетъ за ней; затѣмъ онъ послѣдовалъ за Агатой, которая пошла впередъ.

Такъ они дошли до дому въ темный зимній вечеръ, ни разу не прервавъ молчанія.

При помощи займа у маіора на небольшихъ процентахъ, а также при помощи двадцати тысячъ талеровъ, которые ему одолжилъ вестфальскій дядя, Сильвестръ привелъ въ порядокъ свои разстроенныя дѣла. Онъ носился съ разными новыми планами, хотѣлъ основать школу винодѣлія, превратить Дудслохъ въ ферму образцоваго скотоводства, изучалъ техническія сочиненія съ цѣлью обзавестись новыми земледѣльческими машинами и продолжалъ интересоваться скотоводствомъ. Онъ проводилъ отъ шести до восьми часовъ на воздухѣ и старался такъ уставать къ вечеру, чтобы уже ни о чемъ больше не думать.

Какъ и до разговоровъ въ Дудслохѣ, онъ видѣлъ Агату только за столомъ. Она была очень мила и добра съ нимъ, но онъ, напротивъ, былъ молчаливъ и неровенъ. Когда Агата вставала изъ-за стола, онъ иногда смотрѣлъ ей вслѣдъ странно молящимъ взоромъ. Случалось, что она уходила одна гулять въ лѣсъ. Онъ тревожно слѣдилъ за ней издали, прятался за кустами, когда она поворачивала назадъ, и успокаивался лишь тогда, когда она приближалась къ обитаемымъ мѣстамъ. Разъ она остановилась на полянѣ, оглянулась и увидѣла его издали. Она подождала, пока онъ подошелъ къ ней, и спросила, не шелъ ли онъ случайно по той же дорогѣ, что и она. Онъ отвѣтилъ утвердительно.

Былъ конецъ февраля, одинъ изъ тѣхъ мягкихъ и предательскихъ дней, когда вся природа точно борется за весну. Сильвестру безумно захотѣлось говорить о Габріэли—и онъ разсказалъ безмолвно внимавшей женѣ исторію своей любви во всѣхъ подробностяхъ. Кончивъ разсказывать, онъ сѣлъ на пень и попросилъ Агату идти домой безъ него.

— О, высокомѣрная!—пробормоталъ онъ съ тоской, когда она ушла.— О, самоувѣренная мучительница, глядящая на другихъ. Ты дала мнѣ все разсказать, все до конца, для того, чтобы все было дѣйствительно кончено. Теперь всему конецъ.

Онъ сидѣлъ въ лѣсу до наступленія ночи.

Въ характерѣ его проявлялась все бóльшая мрачность.

Сильвестръ принадлежалъ къ людямъ, которые съ теченіемъ лѣтъ становятся все болѣе одинокими. Онъ умѣлъ быть другомъ, какъ немногіе, но потерялъ своихъ друзей одного за другимъ. Въ свои отно-

шенія съ каждымъ изъ друзей онъ вкладывалъ идеи и идеалы—и это и приводило, къ разрыву. Онъ ставилъ на карту самого себя, а ему платили милостыней. Съ теченіемъ времени онъ понялъ, что ничто въ жизни не дѣлаетъ человѣка болѣе неимущимъ, чѣмъ исканіе дружбы. Ему нужна была духовная нѣжность, братское согласіе, и такъ какъ онъ былъ слишкомъ проницателенъ и слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы довольствоваться суррогатами, то казался деспотичнымъ и капризнымъ, когда на самомъ дѣлѣ былъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ. Воспріимчивыя натуры часто проявляютъ неудовлетворенность въ отношеніяхъ къ людямъ—и Сильвестръ болѣе всего отталкивалъ людей тогда, когда болѣе всего чувствовалъ голодъ въ людяхъ и шелъ къ нимъ навстрѣчу. Онъ слишкомъ поздно понялъ, что жилъ среди поколѣнія, которое боялось преданности и которому недоставало сердечнаго благородства. Всѣ мужчины казались ему буднично-трезвыми, пустыми, грубыми и безнадежно пошлыми. Онъ поэтому сталъ искать общества женщинъ, какъ-будто женщины жили на болѣе счастливомъ материкѣ жизни. Въ отношеніяхъ къ женщинамъ ему помогала фантазія—и въ то время, когда онъ покорялъ ихъ, у него была иллюзія обладанія ими. Но теперь и это миновало, ибо въ волосахъ его появились бѣлыя нити.

Весной онъ часто навѣщалъ сосѣдей, но смертельно скучалъ въ ихъ обществѣ и возвращался каждый разъ разстроенный домой. Агата не соглашалась съ его сужденіями о людяхъ. Про одного она вспоминала, что онъ честный купецъ, про другого она знала, что онъ почтенный чиновникъ, а про третьяго—что онъ хорошій отецъ семейства, способный на всякія жертвы, и ее оскорбляла безпощадность, съ которой Сильвестръ всѣхъ ихъ осуждалъ. Для него всякій чужой человѣкъ былъ врагомъ, для нея всякій человѣкъ былъ человѣкомъ.

Сильвестръ казался ей погибшимъ—и она не видѣла средствъ спасти его. Но она тщательно скрывала отъ него свое отчаяніе. Ей часто казалось, что онъ упадетъ, какъ только ея мысли на мгновеніе отстранятся отъ него. Чего она ждала отъ него—было для нея совершенно неясно, но все же она знала, что пламенность ея таинственнаго требованія отъ него можетъ быть удовлетворена только тѣмъ, что онъ исполнитъ это требованіе. Она бы скорѣе обрекла свою плоть на гибель, чѣмъ уступила бы призыву чувственности для того, чтобы вернуть жалкій, нечистый миражъ счастья. Никакое физическое страданіе, даже страданіе Сильвестра, дѣлавшее его мрачнымъ, вспыльчивымъ и раздражительнымъ, такъ же, какъ ея собственное, скрывавшееся за броней инстинктивнаго холода, не могло ее поколебать.

Однажды утромъ, когда Сильвестръ сидѣлъ въ комнатѣ у Сильвіи и давалъ ей урокъ французской грамматики, ему передали письмо. Узнавъ почеркъ на конвертѣ, онъ поблѣднѣлъ, всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Весь дрожа, онъ вынулъ письмо изъ конверта и прочелъ:

„Дорогой мой другъ! Я полагаю, что вы теперь дома, въ своей семьѣ, и что этотъ привѣтъ издалека дойдетъ до васъ. Вотъ уже семь недѣль, какъ я разъѣзжаю по Америкѣ изъ города въ городъ, и все мнѣ здѣсь чуждо. Я кажусь сама себѣ другой и все, что я говорю съ людьми и какъ я живу, кажется мнѣ выдуманнымъ и неестественнымъ. До отъѣзда изъ Англіи я сдѣлалась невѣстой виконта Горація Дарингтона, но мы женимся только, когда онъ вернется изъ Индіи,—черезъ два года. Послѣ этихъ двухъ лѣтъ я перестану пѣть. Я не могу сказать, что я устала. Я устала, конечно, отъ успѣха, отъ навязчивости и любопытства толпы, и меня иногда страшитъ мысль, что я каждый вечеръ буду спать въ другой постели. Но не это вызвало во мнѣ все сильнѣе укрѣпляющееся рѣшеніе больше не выступать. Рѣшеніе это вызвано тѣмъ сознаніемъ, что я дала все, что могла дать, а то, что остается, дѣло умѣнія, если хотите—мастерства. Теперь меня влечетъ еще впередъ невѣдомая мнѣ сила, и мнѣ кажется, что я должна что-то возвѣстить. Но завтра это уже не будетъ внутреннимъ влеченіемъ, а просто привычкой, и святыня превратится въ фокусничество. Сегодня молиться, а завтра вертѣть шарманку? Это не по мнѣ. Когда я не преисполнена благоговѣнія, я потеряна; я тогда женщина, не имѣющая родины, и должна, какъ милостыни, просить у жизни то, чего искусство никогда не можетъ дать женщинѣ. Теперь у меня есть домъ и есть стражъ этого дома. Все, что было, остается во всей своей красотѣ. Это я знала, когда мы еще были вмѣстѣ. Безъ васъ я бы слѣпо дошла до предѣла, то видя сны, то въ слѣдующую минуту просыпаясь; я бы не видѣла дороги и, неудовлетворенная, не понимая самой себя, я бы всегда хотѣла опять видѣть сны. Что еще могу я вамъ сказать жалкими словами, которыя имѣю въ своемъ распоряженіи? Я не могу ничего забыть и не хотѣла бы, чтобы что-либо было не такъ, какъ оно было. Я бы хотѣла, чтобы вамъ было легко, чтобы черты ваши были свѣтлыя и сердце ваше было бы звучнымъ. И мнѣ кажется, что я могу быть счастливой лишь тогда, когда будете счастливы вы. Для того, чтобы быть счастливымъ, нужны сила и чистота, нужно быть въ гармоніи съ самимъ собой. Моя душа преисполнена благодарности къ вамъ. Я хотѣла бы найти для слова „другъ" другое слово, еще никогда не раздававшееся, для того, чтобы вы могли чувствовать, какъ вы живете во мнѣ и со мной. Не пишите мнѣ, не отвѣчайте мнѣ. Еще слишкомъ рано—и это было бы не рѣшеніемъ судьбы, а напоминаніемъ. Ваша Габріэль".

Послѣ того, какъ Сильвестръ прочелъ письмо, онъ ушелъ изъ дому и вернулся лишь поздней ночью.

Его жизнь казалась ему послѣ того еще болѣе разбитой—и онъ какъ-бы отрывалъ и выбрасывалъ одинъ день за другимъ. На минуту его заинтересовало воззваніе либеральной партіи—и онъ былъ на собраніи

въ Вюрцбургѣ. Но потомъ онъ сказалъ Агатѣ, которая отнеслась съ нѣкоторой надеждой къ его возбужденію и потомъ едва смогла скрыть свое разочарованіе, что у всѣхъ этихъ людей нѣтъ партійной дисциплины, что они понятія не имѣютъ, какъ приносить пользу странѣ, и что ему противно все, что они дѣлаютъ.

Все же по отношенію къ національной жизни онъ не могъ не чувствовать какого-то страннаго напряженія въ воздухѣ. Всѣмъ казалось, что они живутъ въ закрытой душной комнатѣ, гдѣ невольно прислушиваешься къ тому, что происходитъ за дверью, и столь же невольно вздрагиваешь отъ страха при каждомъ звукѣ и каждомъ шопотѣ. Возникали слухи, которые потомъ затихали. Одни не хотѣли вѣрить, другіе затыкали себѣ уши. Торговля и промышленность были въ застоѣ и биржевой курсъ тревожно колебался. Люди, которые обыкновенно не интересовались общественными событіями, теперь стали тревожно слѣдить за ходомъ дѣлъ, еще скрытымъ во мракѣ.

И Сильвестръ ловилъ себя иногда на нетерпѣливомъ настроеніи зрителя, который все ждетъ, чтобы, наконецъ, поднялся занавѣсъ.

Наступило лѣто. Однажды маіоръ обѣдалъ на Эрфтѣ и послѣ обѣда, когда они разговаривали о разныхъ предметахъ, онъ сказалъ, обратившись къ Сильвестру:

— Мой милый шуринъ, предстоятъ серьезныя событія. Скоро будетъ война.

Сильвестръ насмѣшливо засмѣялся.

— Ты такой неисправимый патріотъ, что газетная болтовня кажется тебѣ пушечнымъ громомъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, что-жъ, посмотримъ,—сказалъ маіоръ.—Скоро все это выяснится Въ газетахъ къ тому же еще ничего нѣтъ: у меня есть частныя свѣдѣнія. Прусскій посланникъ въ Парижѣ писалъ уже восемь мѣсяцевъ тому назадъ въ Берлинъ, что въ воздухѣ пахнетъ порохомъ. Я имѣю многое противъ Бисмарка, но долженъ отдать ему справедливость, что онъ гордо держитъ голову и не дастъ себя въ обиду. Французы чертовски зазнались; ихъ императоръ Наполеонъ сидитъ на довольно шаткомъ престолѣ и поэтому долженъ чѣмъ-нибудь занять своихъ подданныхъ.

— Брось это, милый мой!—возразилъ Сильвестръ.—Твоя политика сильно отзывается разговорами въ пивной.

— А если бы даже возникла война,—сказала Агата съ серьезнымъ лицомъ,—то какъ можно радоваться такому страшному несчастію?

— Неужели ты не понимаешь, чему я радуюсь, Агата?—воскликнулъ маіоръ съ юношескимъ воодушевленіемъ:—Мы ихъ зарубимъ, этихъ молодцовъ!

— Ужъ не ты, во всякомъ случаѣ,—съ улыбкой сказала Агата.

— Нѣтъ, не я,—со вздохомъ сказалъ маіоръ. — Для меня, стараго калѣки, все кончено. Вотъ Сильвестръ еще можетъ постоять за себя.

Агата съ испугомъ посмотрѣла на мужа. Сильвестръ нахмурилъ лобъ

— Я уже не состою на дѣйствительной службѣ,—холодно сказалъ онъ.— И къ тому же рѣчь бы, вѣроятно, идетъ только о войнѣ противъ Пруссіи.

— Противъ Пруссіи?—воскликнулъ маіоръ.—Да, вѣдь, онъ, чортъ возьми, кажется, не знаетъ ничего про оборонительный союзъ. Если вспыхнетъ война, то ужъ противъ всѣхъ насъ, можешь мнѣ повѣрить. И всѣ будутъ дѣйствовать за одно, на это ты тоже можешь положиться. У кого чешется кулакъ, тотъ и хлопнетъ имъ.

Онъ насмѣшливо засмѣялся и дрожащими руками закурилъ трубку. Агата изъ благоразумія заговорила о другомъ.

Черезъ три недѣли послѣ того, въ душный іюльскій день, управляющій Марквартъ пріѣхалъ взволнованный изъ Вюрцбурга. Онъ привезъ экстренное приложеніе газеты съ объявленіемъ войны. Номеръ газеты переходилъ изъ рукъ въ руки—и вскорѣ дворъ наполнился мужчинами и женщинами, которые спорили съ возбужденными, торжественными лицами. Сильвія была въ это время у жены управляющаго. Она побѣжала домой. Агата сидѣла за роялемъ.

— Мама, французы пришли!—крикнула Сильвія съ широко раскрытыми глазами. Агата встала, съ удивленіемъ посмотрѣла на Сильвію и подошла къ окну. Управляющій увидѣлъ ее. Его шапка слѣзла на затылокъ, и вспотѣвшіе волосы падали на лобъ.

— Война!—крикнулъ онъ.—Ура! Да здравствуетъ король.

Нѣсколько рабочихъ безъ особеннаго восторга подхватили его крикъ. Только рыжій работникъ, недавно попавшій въ солдаты, плясалъ, какъ краснокожій, и хлопалъ въ ладоши.

Сильвестръ поѣхалъ верхомъ въ Кицингенъ и вернулся домой въ семь часовъ вечера. Онъ уже зналъ про объявленіе войны.

— Всѣ въ большомъ восторгѣ, даже крестьяне—сказалъ онъ Агатѣ.— Весь народъ обезумѣлъ. Какъ поразительно, что есть такой избытокъ силъ въ народѣ. Я бы этого не ожидалъ.

Во время обѣда онъ почти ничего не говорилъ и, когда зажгли лампу, сталъ читать романъ Бальзака. Агата сидѣла у окна, погруженная въ раздумье.

— Какъ ты думаешь, Ахимъ Урзанеръ будетъ продолжать служить во французской арміи?—вдругъ спросила она.

Сильвестръ разсѣянно взглянулъ на нее.

— Возможно,—отвѣтилъ онъ.

— Онъ—самый преданный отечеству человѣкъ,—грустно прошептала Агата.

Лицо Сильвестра сдѣлалось болѣе внимательнымъ, и взоръ его затуманился наростающей тревогой.

— Да, судьба завязала тутъ узелъ, который трудно распутать,—отвѣтилъ онъ, но чувствовалъ, какъ искусственно и слабо было его замѣчаніе.

Агата молчала.

Ночь была такая жаркая, что Сильвестръ не могъ заснуть, когда легъ въ постель. Часы въ кабинетѣ пробили два, когда онъ всталъ и одѣлся, чтобы пройти въ садъ. На небѣ высыпали звѣзды и на лугу сверкала роса. Благоговѣйная тишина природы казалась ему мучительной, когда онъ сталъ думать о битвахъ, которыя начнутся завтра или послѣзавтра и, быть можетъ, пропитаютъ кровью—кто знаетъ?—даже эти мирныя поля. Его охватила дрожь.

Но, продолжая идти, онъ сталъ думать, что теперь не время для грустныхъ размышленій. Ему казалось, что величіе событій требуетъ подъема чувствъ. И еще казалось ему, что даже самая обоснованная критика каждаго человѣка въ отдѣльности только предлогъ для бѣгства, что всякое разсужденіе прикрываетъ собой лѣнь. Спокойствіе ночи страннымъ образомъ возбуждало его душу. Онъ чувствовалъ восторгъ цѣлыхъ милліоновъ, чувствовалъ, что душа его отрѣшается отъ отдѣльнаго существованія для того, чтобы принять участіе въ общемъ воодушевленіи. Онъ не имѣлъ болѣе правъ для себя одного. Онъ только раздѣлялъ права всѣхъ. Глаза его свѣтились въ темнотѣ. Давно уже у него не было такъ легко на сердцѣ.

Онъ обогнулъ оранжерею и увидѣлъ сидящую на скамейкѣ бѣлую фигуру. Это была Агата. Она едва подняла глаза, когда онъ подошелъ. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— И тебѣ тоже не спится?—спросилъ онъ.

Она только вздохнула.

— Послушай, Агата,—продолжалъ онъ.—Я завтра поѣду въ Эрлангенъ.

— Въ Эрлангенъ? Зачѣмъ?

— Чтобы приписаться къ батальону.

— Ты хочешь? Сильвестръ!

Въ возгласѣ ея было что-то жалобное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующее. Она съ рыданіемъ прижала лицо къ правой рукѣ и протянула ему лѣвую руку. Когда она выплакалась, они взявшись, за руки, пошли домой.

На слѣдующее утро у Сильвестра было еще много дѣлъ. Онъ написалъ завѣщаніе и сдѣлалъ точныя распоряженія по хозяйству. Въ одиннад-

цать часовъ пришелъ маіоръ и былъ очень взволнованъ, когда узналъ, что Сильвестръ собирается на войну.

— Въ его жилахъ течетъ хорошая кровь,—сказалъ онъ Агатѣ, которая стояла безмолвная и блѣдная:—Его дѣдъ палъ подъ Лейпцигомъ въ тринадцатомъ году. Это не забывается.

Коляска, которая должна была отвезти Сильвестра на вокзалъ, уже стояла у крыльца.

— Гдѣ Сильвія?—спросилъ Сильвестръ.

Дѣвочка пришла съ розой, которую дала отцу. По щекамъ ея текли слезы, но при прощаніи она вела себя геройски. Агата все болѣе блѣднѣла. Сильвестръ обнялъ ее—и она упала безъ чувствъ на руки маіора. Всѣ служащіе молча и почтительно кланялись отъѣзжавшему господину.

— Я навѣрное знаю, что отецъ вернется,—сказала Сильвія, молитвенно сложивъ руки.

Когда коляска двинулась, Сильвестръ еще разъ выглянулъ изъ окна.

Поѣзда шли съ большими опозданіями, и Сильвестръ явился въ гарнизонъ только поздно вечеромъ. Онъ съ трудомъ нашелъ пристанище въ гостиницѣ. Городокъ былъ оживленъ, какъ во время ярмарки. Вездѣ раздавались музыка и пѣніе, но нигдѣ не видно было ни одного пьянаго.

Въ шесть часовъ утра Сильвестръ отправился къ коменданту и затѣмъ въ канцелярію стрѣлковаго батальона. Онъ ушелъ со службы подпоручикомъ— и былъ снова принятъ въ томъ же званіи. Центральный батальонъ уже вышелъ въ поле и казармы полны были новобранцевъ и вольноопредѣляющихся. Во время ученія Сильвестръ убѣдился къ своему ужасу, до чего члены его потеряли гибкость и всѣ сочлененія точно заржавѣли. Слѣдующая отправка войскъ должна была состояться только черезъ десять дней—и до того новобранцы должны были быть подготовлены къ бою. Ученіе настолько истощало изнѣженное тѣло Сильвестра, что ему нужна была вся его сила воли, чтобы держаться на ногахъ. Большой выдержки стоило ему и то, что онъ заставлялъ себя выносить тяжелый воздухъ казармы, постоянный шумъ и близость столькихъ людей.

На пятый день Агата послала ему въ одномъ изъ своихъ писемъ письмо Адама Гунда, въ которомъ Адамъ сообщалъ, что хочетъ послѣдовать примѣру своего господина.

„Гдѣ вы умрете, господинъ баронъ, и я хочу умереть,—писалъ онъ.— И я служилъ въ шестомъ стрѣлковомъ полку, какъ и вы, господинъ баронъ. Надѣюсь, что они не откажутъ принять въ свои ряды ополченца. Война—моя единственная надежда. Если меня не сразитъ пуля, то я оста-

нусь солдатомъ, такъ какъ мои семейныя дѣла обстоятъ настолько плохо, что мнѣ жизнь не въ радость. Что касается моей жены, то я почти не сомнѣваюсь, что эта негодяйка обманываетъ меня. Она сошлась съ сыномъ одного богатаго крестьянина. Хотѣлъ бы я знать, что этому дураку въ ней понравилось! Но къ моему горю прибавился еще и позоръ. Теперь вся надежда на отечество. Пусть небо накажетъ ее. Я ухожу изъ дому. Если она мнѣ наставила рога, то я буду тѣмъ лучшимъ стрѣлкомъ".

Нѣсколько часовъ спустя Сильвестръ встрѣтилъ его въ казармѣ. Онъ уже былъ въ мундирѣ и пѣлъ хоромъ съ другими солдатами, сохраняя, однако, присущую ему внушительность при пѣніи патріотическихъ пѣсенъ. Сильвестръ съ улыбкой пожалъ ему руку.

Въ то утро, когда отряды направились, наконецъ, къ вокзалу, разнесся слухъ о крупной побѣдѣ нѣмецкихъ войскъ. Поѣздъ, который пріѣхалъ изъ Нюрнберга и направлялся черезъ Вюрцбургъ въ Пфальцъ, былъ занятъ пѣхотой. Сильвестръ хотѣлъ было телеграфировать Агатѣ, чтобы назначить ей свиданіе въ Вюрцбургѣ. Но онъ этого не сдѣлалъ, чтобы не мучить новымъ прощаніемъ и ее, и себя.

На промежуточныхъ станціяхъ разсказывали подробности происшедшей битвы. Говорили о десяти тысячахъ убитыхъ. Сильвестръ представлялъ себѣ эти десять тысячъ лежащими безконечно длинной цѣпью. Онъ не думалъ, что только его фантазія такъ возбуждена, и сомнѣвался въ искренности воинственнаго пыла при дѣйствительной близости смерти. Онъ не считалъ отвагой то, что люди закрываютъ глаза и заглушаютъ тревожные запросы души завываніемъ пѣсенъ. Ему казалось большимъ мужествомъ знать и дрожать—и преодолѣвать знаніе и дрожь. Среди офицеровъ онъ видѣлъ многихъ съ вдумчивыми и серьезными лицами. Нѣкоторые изъ нихъ такъ сжимали губы, точно они ясно знали, что значитъ умереть молодымъ. Къ нимъ Сильвестръ чувствовалъ наибольшую симпатію. Но и среди солдатъ многіе возбуждали его сочувствіе тѣмъ, что при своей храбрости смотрѣли на солнечный свѣтъ съ внутреннимъ ужасомъ.

На послѣдней пфальцской станціи войска вышли изъ вагоновъ. Нѣсколько отрядовъ, которые направлялись въ Мецъ, тотчасъ-же двинулись въ путь. Стрѣлки же должны были ждать много часовъ, пока начальникъ ихъ не получилъ точныхъ приказовъ. Батальонъ ихъ находился при мозельской арміи. Былъ уже вечеръ, когда отрядъ покинулъ гостепріимный востокъ. Ночной привалъ сдѣланъ былъ въ погорѣвшей деревнѣ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней шелъ непрерывный дождь. Сильвестръ увидѣлъ перваго мертваго на опушкѣ лѣса. То былъ французскій стрѣлокъ. Мундиръ его былъ разстегнутъ на груди и видно было тонкое бѣлье. Онъ лежалъ на кучкѣ хвороста и держалъ кусокъ шеколада въ окровавленной

рукѣ. Издали доносился грохотъ ружейной пальбы. Въ воздухѣ носился дымъ. На лугу прусскіе мушкетеры пасли стадо скота. Надзоръ за ними порученъ былъ подпоручику въ очкахъ, который, быть можетъ, недавно читалъ лекціи съ каѳедры. Въ канавѣ у шоссе лежала застрѣленная лошадь съ остановившимся стеклянньмъ взглядомъ. По дорогѣ промчался эскадронъ конницы. На слѣдующемъ привалѣ они узнали про страшную битву при Маръ-Ла-Туръ. У многихъ сжалось сердце. Сильвестръ увидѣлъ, какъ одинъ изъ стрѣлковъ взялъ въ руки амулетъ, который носилъ на груди, и долго разглядывалъ его.

Чѣмъ дальше они проникали въ страну враговъ, тѣмъ больше сопротивленія и ненависти встрѣчали они со стороны населенія. Добывать съѣстные припасы становилось все труднѣе—и голодъ нерѣдко вынуждалъ солдатъ къ жестокости. Они взламывали винные погреба, проникали во всѣ углы домовъ и поднимали больныхъ съ постели для того, чтобы обшаривать матрацы и сѣнники, въ которые крестьяне прятали иногда хлѣбъ и мясо. При этихъ обыскахъ особенно отличался Адамъ, который занялъ почетное положеніе благодаря своимъ познаніямъ въ кулинарномъ искусствѣ, а также и своему умѣнью разсказывать интересныя исторіи. Даже офицеры любили слушать его анекдоты, всегда заканчивавшіеся какой-нибудь полезной моралью.

Сильвестру было странно глядѣть на добряка Адама, стоявшаго у растопленной плиты въ обществѣ загорѣлыхъ бородатыхъ людей и пекущаго блины съ философскимъ спокойствіемъ. Какими далекими казались совсѣмъ по иному протекавшіе дни, картины блеска, часы, которые даже своей печалью звучали, какъ звуки трогательной музыки, волненія, причины которыхъ казались теперь непостижимыми. Теперь все вокругъ него было такъ дико, такъ черно, такъ пропитано дождемъ, такъ кошмарно, а событія были такъ значительны и такъ все наростали безъ его содѣйствія, и все, что происходило, было такъ истинно... Онъ ничему не содѣйствовалъ—и все же все свершалось въ противоположность прежнему, когда при всемъ его содѣйствіи онъ лишь все претерпѣвалъ и ничего не создавалъ.

Однажды, когда онъ перевязывалъ ноги, израненныя ходьбой, какая-то старушка принесла ему мазь, изготовленную ею для двухъ сыновей, которые оба пали при Санъ-Приватѣ. Ея доброта потрясла его глубже, чѣмъ все видѣнное имъ горе, и слова „война" и „врагъ" казались безсмысленными. И, когда они пришли въ одну деревню и онъ увидѣлъ передъ дверью кабака молодую дѣвушку въ кокетливой красной кофточкѣ и въ шляпкѣ съ цвѣтами на хорошенькой головкѣ, онъ подошелъ къ ней и сталъ ей разсказывать про императрицу Евгенію и ея необыкновенную красоту. Дѣвушка довѣрчиво спросила его, правда ли, что французы до сихъ поръ проигрывали

всѣ сраженія. Онъ сказалъ, что правда, и тогда она опустила голову и горько заплакала. „О, человѣчество!“—подумалъ Сильвестръ, и ему показалось, что онъ стоитъ безпомощный на доскѣ среди океана.

Они отдыхали въ покинутомъ французами лагерѣ. На землѣ разбросаны были куски газетной бумаги, остатки провіанта, оружіе, одежда и треснувшія гранаты. Сильвестръ писалъ, положивъ бумагу на барабанъ, письмо Агатѣ. Затѣмъ онъ устроилъ себѣ подъ грушевымъ деревомъ постель изъ парусины. Дождь пронизывалъ его насквозь—и онъ не могъ спать. На сѣверѣ горизонтъ былъ озаренъ пожаромъ. Въ часъ ночи подняли тревогу. Они пошли дальше. По небу мелькали огненные снопы. Со всѣхъ сторонъ надвигались войска. Солдаты, еще болѣе утомленные постояннымъ напряженіемъ и ожиданіемъ, чѣмъ трудностями похода, чувствовали, что наступаетъ рѣшительный часъ. Вблизи деревни Бюзанси они примкнули къ своему батальону. Нѣсколько стрѣлковъ бросили тайкомъ игральныя карты, которыми они развлекались на привалахъ. Сильвестръ почувствовалъ холодъ, пробѣжавшій по спинѣ, но сердце у него было спокойно и взоръ былъ ясенъ. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе попасть въ бой. Стоять въ тылу было такъ же мучительно, какъ слышать, что въ сосѣдней комнатѣ совершается убійство.

Неопредѣленный грозный шумъ доходилъ издали среди необычайно темной ночи. Солдатамъ велѣно было хранить полное молчаніе. Изъ Сомеранса прискакалъ знакомый Сильвестру адъютантъ.

— Что новаго?

— Мы нападаемъ.

— Скоро?

— Вѣроятно.

По корабельному мосту, переброшенному черезъ потокъ, медленной рысью ѣхалъ прусскій драгунскій полкъ. Потомъ наискось черезъ поле промчалась батарея. Въ это время за холмами, по направленію къ Седану, небо покрылось яркимъ заревомъ.

Стрѣлокъ, стоявшій за Сильвестромъ, сталъ ругаться, потому что у него лопнулъ кушакъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ предложилъ ему свой. Это былъ маленькій толстый человѣкъ, въ мирное время игравшій на флейтѣ въ одномъ изъ театровъ. Онъ всегда отличался большою веселостью, но за послѣдніе нѣсколько часовъ сдѣлался крайне молчаливымъ.

— А какъ же ты?—съ удивленіемъ спросилъ стрѣлокъ.

— Меня все равно сегодня застрѣлятъ, — отвѣтилъ тотъ съ полнымъ спокойствіемъ и отстегнулъ кушакъ. Сильвестръ обернулся къ нему. Его

толстое лицо не выражало ни хвастовства, ни страха, а только безмолвное спокойствіе. Офицеръ тоже услышалъ слова солдата и повернулъ къ нему свое худое лицо, казавшееся еще болѣе жуткимъ при свѣтѣ зарева. Его судьба была тоже странная. За пять лѣтъ до того ему пришлось оставить службу вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній. Когда началась война, онъ попросился назадъ, и достаточно было посмотрѣть на него, чтобы понять, какъ твердо онъ рѣшилъ искать смерти въ сраженіи и тѣмъ самымъ загладить свою вину.

Зарево потухло. Сдѣлалось снова темно. Въ одномъ изъ дворовъ рѣзко пропѣлъ пѣтухъ. Солдаты засмѣялись.

— Для него тутъ слишкомъ большая давка,—шутилъ кто-то.

— Молчать!—съ бѣшенствомъ крикнулъ капитанъ.

Вдругъ справа впереди раздался трескъ. Прискакалъ адъютантъ съ приказомъ, чтобы батальонъ направился черезъ полотно желѣзной дороги въ деревню Базейль. Рота выступила, поднялась на полотно и перешла черезъ потокъ по желѣзнодорожному мосту. Сильвестръ смотрѣлъ на поля, покрытыя густымъ туманомъ. Когда мелькали молніями огни далекихъ орудій, туманъ казался горящей ватой. Затѣмъ пришелъ второй приказъ: держать батальонъ пока въ резервѣ. „Обратно черезъ полотно и лечь на-земь!",— приказано было войску. Всѣ съ бьющимися сердцами легли на влажную траву.

Вдругъ раздалась частая ружейная пальба. Она доносилась изъ Базейля. Вѣстовой изъ генеральнаго штаба сообщилъ, что деревня занята четырьмя полками французской морской пѣхоты и частью корпуса Лебрена, что тамъ имѣются укрѣпленные каменные дома и что штурмовать ихъ труднѣе, потому что населеніе стрѣляетъ за-одно съ солдатами и улицы загорожены баррикадами.

Сильвестръ и командиръ батальона пошли на полотно. Большинство домовъ въ Базейлѣ уже горѣли. Вырывавшееся пламя заволакивало брезжившій утренній свѣтъ. Вокругъ огромнаго поля битвы гремѣли пушки. Сотрясеніе воздуха разгоняло туманъ, но изъ горнилъ орудій поднимались клубы бѣлаго пара, а изъ горѣвшихъ домовъ поднимался черный, извивавшійся, какъ червь, дымъ. Пули свистѣли въ воздухѣ, и Сильвестръ со своимъ спутникомъ хотѣли вернуться подъ прикрытіе, какъ вдругъ раздалась команда: „Впередъ!"

Съ саблей въ рукѣ Сильвестръ пошелъ передъ ротой черезъ полотно и внизъ по спуску съ другой стороны. Онъ тупо удивлялся про себя при видѣ ярко сверкавшаго надъ нимъ голубого неба. Вдали онъ видѣлъ движущуюся, какъ муравейникъ, кучу солдатъ въ красныхъ панталонахъ. Они казались маками на ржаномъ полѣ. На всѣхъ высотахъ

цѣлые часы кругомъ лежалъ пронизанный солнечнымъ свѣтомъ паръ. Громъ, трескъ, свистъ и шипѣніе казались недѣйствительными, какъ сонъ. Мимо проносили раненыхъ; ихъ стоны и плачъ терялись въ общемъ грохотѣ. Въ бороздѣ на полѣ лежала человѣческая рука. У Сильвестра было такое чувство, точно онъ не двигается съ мѣста, хотя онъ и его рота шли быстро. Кошмарный скрипъ разрывной гранаты заставилъ его обернуться съ любопытствомъ. Маленькій флейтовщикъ вдругъ сдѣлалъ прыжокъ и упалъ лицомъ внизъ. „Какъ можно быть такимъ неловкимъ!"—подумалъ Сильвестръ и крикнулъ ему, чтобы онъ всталъ. Одинъ изъ товарищей нагнулся надъ нимъ. „Убитъ",—сказалъ онъ. Въ ту же минуту и онъ упалъ, какъ кусокъ дерева, раненый въ голову.

Передъ самымъ Базейлемъ стоялъ старый замокъ Дориваль. Изъ кустовъ выглядывали сѣрыя статуи амуровъ. Проходя мимо замка, Сильвестръ чувствовалъ то же самое, что испытывалъ мальчикомъ, когда по дорогѣ въ школу его останавливало какое-нибудь интересное происшествіе. Вдругъ въ двухъ шагахъ отъ него лопнула граната: человѣку, который шелъ рядомъ съ нимъ, точно отрубило голову невидимымъ топоромъ; онъ весь точно разсыпался, какъ пепелъ. При входѣ въ деревню трупы лежали по три и по четыре одинъ на другомъ. Вся земля залита была кровью. Въ канавѣ текла кровь, какъ вода послѣ дождя. Хотя на небѣ сіяло солнце, на улицѣ было мрачно, какъ вечеромъ. Изъ всѣхъ оконъ видны были ружья, также изъ оконъ горѣвшихъ домовъ. Изъ многихъ погребовъ раздавалось по нѣсколько выстрѣловъ сразу. Каждая баррикада выложена была сотнями труповъ. Многіе лежали съ мирными лицами, точно спали; другія лица выражали жестокую муку. Роты наступали одна за другой; онѣ мчались съ дикими криками восторга на главную улицу и черезъ нѣсколько минутъ падали, точно скошенныя. Каждое зданіе въ отдѣльности приходилось завоевывать, какъ крѣпость. Изъ горѣвшихъ комнатъ въ общій адскій шумъ врывался крикъ женщинъ и дѣтей. Изъ рушившихся балокъ крышъ непрерывно вырывались искры. Сильвестръ увидѣлъ у колодца тяжело раненаго стрѣлка третьяго батальона. У него былъ прострѣленъ бокъ—и онъ, видимо, страдалъ отъ жажды. Сильвестръ приказалъ ближайшему солдату дать ему воды, но раненый попросилъ сигару. Солдатъ засунулъ руку въ карманъ, вынулъ сигару и зажегъ ее въ то время, какъ вокругъ него пули свистѣли градомъ. Раненый потянулъ разъ сигару и умеръ. Сильвестръ прошелъ дальше и увидѣлъ своего командира мертвымъ въ кучкѣ другихъ труповъ съ розоватой пѣной на губахъ.

Третья рота стала штурмовать зданіе, стоявшее за деревней: французы защищали его съ дикой отвагой. Стѣны были черны отъ дыма. Домъ имѣлъ два выступа и окна были защищены рѣшетками. Каждый изъ двухъ этажей

имѣлъ по шести оконъ, у каждаго окна стояли тѣснымъ рядомъ солдаты—и убитые тотчасъ же смѣнялись другими. Гранаты уже пробили крышу, но до сихъ поръ ни одна не зажгла дома. Изъ отверстій въ крышѣ тоже стрѣляли враги—и штурмъ третьей роты былъ отбитъ, какъ и прежніе.

— За мной, стрѣлки!—крикнулъ Сильвестръ и вышелъ со своей ротой изъ-подъ прикрытія стѣны во дворѣ.

Солдаты были очень блѣдны, но повиновались приказу съ мстительными криками „ура!“ Многіе полузакрывали глаза на бѣгу. Четвертая рота, начальникъ которой палъ, присоединилась къ Сильвестру. Люди падали одинъ за другимъ. Сильвестръ внималъ сладкому свисту, съ которымъ пули проносились мимо его уха. Вдругъ онъ пошатнулся—и у него было такое чувство, точно его по лѣвой рукѣ ударили огромнымъ молотомъ. На минуту онъ остановился. Изъ рукава его текла кровь. Все же онъ сознавалъ съ воинственнымъ возбужденіемъ, отъ котораго у него кружилась голова и которое гдѣ-то далеко, въ углу его души, казалось ему непонятнымъ, что стрѣлки его, наконецъ, дошли до стѣнъ дома, гдѣ высились холмы труповъ. Они перевернули ружья и по двадцати сразу били прикладами, точно молотами, въ тяжелыя двери. Дверь поддалась, раскрылась. Храбрецы поднялись на три ступени и бросились внутрь со штыками на-перевѣсъ. Ихъ встрѣтила пальба, но, хотя здѣсь снова полъ покрылся трупами, все же ихъ нельзя было сдержать. Сильвестръ протолкался сквозь толпу солдатъ и потомъ вдругъ остановился, точно застылъ на мѣстѣ.

Фельдфебель четвертой роты предложилъ защитникамъ сдаться. Нѣсколько французскихъ солдатъ невольно опустили ружья. Тогда выступилъ впередъ ихъ офицеръ и трижды крикнулъ громкимъ голосомъ и съ непонятнымъ глубокимъ отчаяніемъ: „Jamais! Jamais! Jamais!“

Въ то же время онъ выхватилъ у одного изъ своихъ солдатъ ружье и прицѣлился.

Его Сильвестръ и увидѣлъ въ эту минуту. Сильвестръ увидѣлъ его въ то короткое мгновеніе, когда онъ взялъ ружье у одного изъ своихъ подчиненныхъ и приложилъ его къ плечу. Онъ увидѣлъ твердый, странно-желтый взглядъ, напоминающій взглядъ тигра своей желтизной и своимъ безумнымъ бѣшенствомъ. И все-же, увидѣвъ этотъ взглядъ, Сильвестръ не узналъ лица. Но черезъ мгновеніе онъ его узналъ. Событія свершались съ такой быстротой, что умъ Сильвестра воспринималъ и работалъ съ безумной поспѣшностью. Отъ того мгновенія, когда прижато было къ плечу обращенное на него ружье, и до того, какъ раздался выстрѣлъ, Сильвестръ не только узналъ это лицо, не только вспомнилъ всѣ прежнія встрѣчи съ этимъ человѣкомъ, не только вспомнилъ все то, что ихъ соединяло, и сообразилъ, какъ произошла ихъ теперешняя встрѣча, но и не удивился печальному року, а

лишь ощутилъ величайшую жалость и любовь. Слишкомъ поздно раздался крикъ изъ его устъ:

— Ахимъ!

Выстрѣлъ уже раздался, Сильвестръ упалъ.

Едва Ахимъ Урзанеръ услышалъ крикъ, какъ бросился къ нему.

— Сильвестръ!—хрипло крикнулъ онъ, поднялъ глаза и охватилъ пальцами его шею.

Одинъ изъ стрѣлковъ, думая, что офицеръ вражескаго войска напалъ на раненаго начальника, поднялъ ружье и проткнулъ штыкомъ сердце Урзанеру. Тѣмъ временемъ прибѣжали французскіе солдаты изъ перваго этажа и съ крыши и возобновили пальбу. Фельдфебель схватилъ недвижное тѣло Сильвестра и потащилъ его внизъ по лѣстницѣ на улицу, гдѣ оставилъ его среди изуродованныхъ и застывшихъ труповъ. Тѣмъ временемъ первая рота стрѣлковъ возобновила штурмъ и черезъ четверть часа овладѣла страшнымъ домомъ.

Сильвестръ не вполнѣ потерялъ сознаніе. Онъ зналъ, что онъ раненъ— и тяжело раненъ—и что онъ, вѣроятно, изойдетъ кровью, если не явится помощь. Все же онъ не чувствовалъ никакой боли. Онъ также не боялся смерти; напротивъ, мысли его были чрезвычайно легки. Ему казалось, что онъ лежитъ на морскомъ берегу. Волны мочатъ его одежду и ему пріятно чувствовать все болѣе и болѣе близящуюся опасность. Сначала ему казалось, что онъ въ Бангорѣ; ему это потому казалось, что Анна Эвелъ неподалеку отъ него стирала передникъ и развѣшивала его у купальнаго домика. Но потомъ онъ рѣшилъ, что это вздоръ, что Бангоръ вовсе не на берегу и что океанъ тамъ не такой синій. „Такъ гдѣ же я? Гдѣ я собственно?“ мучительно спрашивалъ онъ себя. Тогда ему вдругъ вспомнилось, что берегъ между Амальфи и Салерно какъ разъ такой же нѣжный и красивый; и онъ тотчасъ же увидѣлъ горные скаты, обросшіе маслинами. Какъ часто онъ ходилъ по нимъ въ погонѣ за ящерицами! Тогда онъ охотился за ящерицами, потому что любилъ одну римлянку, которая держала у себя ящерицъ въ стеклянномъ ящикѣ и кормила ихъ. Вотъ и она пришла къ нему; только онъ забылъ ея имя. „Это не бѣда!—засмѣялся рыбакъ, который какъ разъ вытаскивалъ сѣти изъ лодки.—Мы ее будемъ звать Анджіолиной“. Звукъ этого имени опьянялъ его. Вдругъ мимо него проѣхала пара необыкновенно хорошенькихъ осликовъ, и когда онъ сталъ съ любопытствомъ разсматривать ихъ, то увидѣлъ, что сѣдло сдѣлано было изъ игральныхъ картъ. „Это месть лорда Альбани!“ подумалъ онъ и сжалъ кулакъ. Наступила ночь и около него опустилась на колѣни женщина съ необычайно прекраснымъ лбомъ. „Неужели это ты, Габріэль?“—тихо спросилъ онъ. Она взяла его за руки и въ то время, какъ около нихъ появились тысячи

людей съ озлобленными лицами, она начала пѣть. Тогда вдругъ въ немъ зародилось мучительное подозрѣніе, что она его презираетъ, смѣется надъ нимъ, что она фальшивая, хитрая, себялюбивая женщина. Тутъ пришли къ нему его отецъ и его мать и съ ними Сильвія. У Сильвіи былъ вѣнокъ фіалокъ на головѣ. Когда онъ взглянулъ на нее, онъ почувствовалъ, что его вдругъ подняли и понесли...

Тотъ, кто его поднялъ и понесъ, былъ Адамъ Гундъ. Онъ былъ въ той ротѣ, которая явилась послѣдней штурмовать домъ. Его ударили прикладомъ по головѣ, и онъ упалъ и видѣлъ, падая, блѣдное, безжизненное лицо Сильвестра. Это вернуло ему его жизненныя силы. Онъ бросился лицомъ на грудь Сильвестра и сталъ прислушиваться, бьется ли его сердце. Такъ, прижавшись къ груди своего господина, онъ преодолѣлъ сначала головокруженіе; потомъ, окрыленный надеждой, что господинъ его живъ, онъ поднялся, поднялъ безчувственнаго Сильвестра и, взявъ его на спину, направился къ перевязочному пункту. Сраженіе длилось все съ тѣмъ же воодушевленіемъ. Та часть поля, по которой Адаму пришлось пройти со своей ношой, была подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ, такъ что солдаты одиннадцатаго полка, которые двинулись въ путь, подвигались лишь ползкомъ. Но Адамъ шелъ впередъ, хотя три раза около него разрывались гранаты. Однимъ осколкомъ гранаты ему раздробило правую руку. Онъ ругался, какъ извозчикъ, но шелъ, не унывая, впередъ, пока не увидѣлъ двухъ санитаровъ, которыхъ подозвалъ. Тогда его оставило сознаніе.

Этотъ геройскій поступокъ вѣрнаго слуги принадлежитъ, хотя онъ и остался окутаннымъ неизвѣстностью, къ самымъ замѣчательнымъ подвигамъ того дня, богатаго знаменитыми геройскими подвигами.

Замокъ Дориваль превращенъ былъ въ лазаретъ и тамъ нашелъ пріютъ Сильвестръ. Вначалѣ леченіе его подвигалось медленно, ибо рана его была опасная и уходъ былъ недостаточный при огромномъ количествѣ раненыхъ. Солдаты лежали длинными рядами въ комнатахъ, въ корридорахъ, даже въ погребахъ, и видъ крови и страшныхъ ранъ, а также потрясающіе душу крики людей, у которыхъ отпиливали члены или вырѣзывали изъ тѣла осколки гранатъ, омрачали духъ Сильвестра и притупляли въ немъ жизненную энергію. Но черезъ недѣлю, когда въ прекрасныхъ старинныхъ покояхъ замка сдѣлалось спокойнѣе, пріѣхала Агата—и, благодаря ея уходу, Сильвестръ сталъ поправляться быстрѣе. Первыя двѣ ночи она провела, не раздѣваясь, у постели мужа, но потомъ главный врачъ устроилъ ее въ квартирѣ управляющаго замкомъ. Ея осмотрительность, рѣшительность и неутомимость сдѣлались благословеніемъ не только для Сильвестра, но и

для многихъ его товарищей по несчастію. Она писала письма для раненыхъ, приносила имъ прохлодительные напитки, помогала при перевязкахъ; иногда одно ея слово было чудодѣйственнымъ, взглядъ ея внушалъ довѣріе и прикосновеніе ея воскрешало надежду въ затуманившихся взорахъ. Она точно прониклась новой силой, въ ней точно родилась новая душа, новая юность. Походка ея сдѣлалась легкой, голосъ звучалъ, какъ віолончель, и былъ преисполненъ внутренней радости. Ея спокойная свѣтлая улыбка ободряла Сильвестра, какъ возбуждаетъ плѣнника мысль о свободѣ. Если иногда она и казалась ему чужой, какъ статуя, то въ другіе часы она казалась ему родной, какъ сестра. Онъ не чувствовалъ къ ней того, что онъ называлъ страстью, но ея близость уничтожала въ немъ всякое недовольство.

Какое-то таинственное чувство долго мѣшало ему разсказать ей о встрѣчѣ съ Ахимомъ Урзaнеромъ. Когда же, наконецъ, онъ ей разсказалъ, то былъ немало пораженъ тѣмъ, что она не удивилась и ничѣмъ не выдавала какого-либо волненія. Очевидно, все это казалось ей такимъ роковымъ и такъ глубоко связаннымъ съ самой сущностью ея жизни такъже, какъ съ ея будущимъ, что она внимала его разсказу, какъ человѣкъ, которому говорятъ о событіи, происходившемъ на его глазахъ. Тогда только онъ понялъ, какъ много сказочнаго, какъ много грезъ и желаній таится даже въ такой женщинѣ, какъ Агата, такъ твердо привязанной ко всему дѣйствительному. Что въ ней происходило и какъ она поняла все, что произошло—онъ не могъ и не хотѣлъ постичь. Ему казалось, что эта тайна дѣлала ее богаче и чище. Нѣсколько дней спустя она ему сказала, что ей тяжела мысль о томъ, что Ахимъ Урзанеръ лежитъ въ общей могилѣ. Сильвестръ обѣщалъ ей позаботиться о томъ, чтобы тѣло ихъ несчастнаго друга получила достойную гробницу. Но онъ при этомъ не подумалъ о тѣхъ трудностяхъ, какія встрѣтитъ исполненіе его обѣщанія. Было совершенно невозможно найти его трупъ среди тысячи другихъ или узнать, въ какой могилѣ онъ зарытъ.

Хотя полное выздоровленіе Сильвестра ожидалось лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, все-же врачи разрѣшили перевезти его черезъ двѣ недѣли на родину. Это было выполнено съ надлежащей осторожностью и безъ дурныхъ послѣдствій. Адамъ Гундъ провожалъ Сильвестра и Агату. Рука у него была на перевязи—и онъ зналъ, что она останется искалѣченной и что никогда уже ему не удастся писать утѣшительныя изреченія въ письмахъ, развѣ только если онъ сумѣетъ пріучить къэтому лѣвую руку. Все-же это не мѣшало Адаму Гунду держаться по-прежнему очень величественно съ простыми смертными. И хотя фрау Бригита и не ушла со своимъ любовникомъ, какъ онъ на то надѣялся, и вообще не предоставила ему возможности открыто ее обвинить, хотя она по-прежнему пересаливала его супъ и

вѣшала слишкомъ высоко корзину съ хлѣбомъ, все-же эти семейныя невзгоды не уменьшали его внутренняго самодовольства и даже были до нѣкоторой степени полезны, такъ какъ мѣшали ему опьяняться своимъ величіемъ. Причиной его крайняго тщеславія было то, что за время войны онъ отростилъ себѣ бороду и это мужественное украшеніе, радости котораго ему были до того невѣдомы, преисполняло его такимъ восторгомъ передъ своей собственной величественной красотой, что многіе невольно заражались его увѣренностью въ его величіи. Ходили слухи, что даже фрау Бригита не осталась равнодушной къ его воинственному трофею и стала проявлять къ нему нѣжность.

Уже весной Сильвестръ могъ совершать маленькія прогулки въ сопровожденіи Агаты и Сильвіи. Когда заключенъ былъ миръ, къ нему уже вернулись его здоровье и силы. Изъ сумерекъ и мрака, изъ разрушенія и хаоса его жизненный геній снова поднялся къ свѣту, и если онъ по необходимости долженъ былъ довольствоваться малымъ, то заслуга его была въ томъ, что онъ научился обуздывать себя. Хорошо было жить, еще лучше было проявлять свои силы. И все, что гнѣздилось въ немъ нерадостнаго, заглушалось тѣмъ легче многообразными заботами дня, что человѣкъ сорока лѣтъ, если не останавливаются его жизненные часы, со временемъ становится человѣкомъ пятидесяти лѣтъ.

Пер. **Зин. Венгерова**.

Конецъ.

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Окончаніе* *).

Часть шестая.

Иногда Евгеній говорилъ:

— Ты не имѣешь на меня никакихъ правъ.

— А права моей любви?—возражала Шаня.

— Это еще что за права?—презрительно спрашивалъ Евгеній.

Шаня плакала и говорила:

— Я отдала тебѣ лучшіе годы моей молодости.

— Трогательно!—насмѣшливо говорилъ Евгеній.—Думаю, что и ты эти годы не въ могилѣ лежала, а тоже жила,—и довольно шибко.

Шаня горько улыбалась и говорила:

— Жила! Нечего сказать!

— Чего-жъ тебѣ еще не хватало?—спрашивалъ Евгеній.

— Ахъ, да, вѣдь, я только тобою жила!—восклицала Шаня.

Евгеній дѣлалъ сердитое лицо и злобно говорилъ:

— То есть, считала своею обязанностью дѣлать мнѣ сцены, мѣшать мнѣ работать, компрометировать на каждомъ шагу.

— Прогони меня,—отвѣчала Шаня.—А я все таки буду любить тебя до гроба. если ты и прогонишь меня.

Хмаровъ отвѣчалъ язвительно:

— Любовь до гроба! Да, твоя любовь доведетъ меня до гроба.

— Я умру раньше,—сказала Шаня.—Что для меня счастье? О чемъ я мечтаю? Жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ.

Евгеній презрительно фыркалъ.

---

*) См. кн. IV—X „Новой Жизни“.

— Подумаешь! Мы не должны быть такими эгоистами,—наставительно говорилъ онъ.—У меня есть святыя обязанности передъ семьею.

— Женя, опомнись!—въ ужасѣ восклицала Шаня.—Какія обязанности? Что же со мною будетъ?

Евгеній пожималъ плечами и говорилъ:

— Но и обо мнѣ ты должна подумать.

Шаня обнимала его, заглядывала въ неласковые глаза и страстно говорила:

— Да, вѣдь, я тебѣ всю мою жизнь отдала! Да, вѣдь, и ты любишь меня! Скажи, вѣдь, любишь?

— Люблю, конечно, но нельзя же,—отвѣчалъ Евгеній.—Ты должна бы оцѣнить мои жертвы тебѣ.

— Какія?—спрашивала Шаня.

— Для тебя я пренебрегъ своей карьерой.

И, вспомнивъ о карьерѣ, Евгеній приходилъ въ ражъ. Кричалъ:

— Ты испортила всю мою карьеру!

Шаня улыбалась печально и спрашивала:

— Неужели испортила?

— Если бы я женился на барышнѣ хорошей семьи,—съ раздраженіемъ говорилъ Евгеній,—это помогло бы мнѣ стать въ свѣтѣ на свое мѣсто.

Шаня отходила отъ Евгенія, блѣднѣла отъ внезапной злости и досадливо говорила:

— Какое-же твое мѣсто? Будешь инженеромъ, станешь деньги хапать. Посломъ тебя все равно не сдѣлаютъ.

Хмаровъ зеленѣлъ отъ злости. Кричалъ:

— Посломъ! Съ моими связями я могъ бы министромъ сдѣлаться. Да съ такою бабищею, какъ ты, куда я могу попасть? Развѣ ты сумѣла бы принять порядочныхъ людей?

— Думаю, что сумѣю,—увѣренно говорила Шаня.

Евгеній мѣрялъ ее презрительнымъ взглядомъ, смѣялся и говорилъ:

— Да и всегда на тебя станутъ смотрѣть, какъ на неравную, и всегда ты будешь меня связывать. Графиня Кондратьева тебя спроситъ: „Вы — родственница графа Самсонова?“—Что жъ ты ей отвѣтишь? Скажешь: „Нѣтъ, мой отецъ гвоздями торгуетъ?“

Случалось даже, что Евгеній упрекалъ Шаню потерянною добродѣтелью.

— Добродѣтель дѣвичья — капиталъ, — говорилъ онъ съ видомъ наставника.

— Какую пошлость ты говоришь!—съ презрѣніемъ говорила Шаня. — Зачѣмъ ты любишь говорить пошлости? Ты самъ себя унижаешь, когда говоришь такія слова.

Евгеній злился. Онъ уходилъ къ себѣ и принимался мечтать на ту тему, что Шанька замучитъ его до смерти, что онъ — несчастный человѣкъ.

ГЛАВА XLIX.

О, тщета міра! Всѣ жертвы напрасны, не принята ни одна, не услышана вновь настойчивая мольба о чудѣ.

Или и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ связной жизни, нѣтъ единаго мірового устремленія? Или всегда любовь, поднявшаяся до звѣздъ, безсильно падаетъ на землю? И намъ всѣмъ на землѣ надо жить мгновеніями? И бѣдной Шанѣ надо быть рабою или гетерою?

Все слаще и настойчивѣе возникала въ Шаниной душѣ мечта о сладкомъ удѣлѣ гетеры. Шаню сталъ интересовать своеобразный бытъ женщинъ, изъ любви сдѣлавшихъ ремесло. Она уговорила двухъ знакомыхъ журналистовъ, чтобы они свели ее съ одною изъ такихъ женщинъ.

И вотъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана однажды зимнимъ вечеромъ сошлись Шаня, два журналиста и Марья Ивановна, дѣвица съ Невскаго проспекта. Ужинали.

Марья Ивановна вела себя скромно. Присутствіе нарядной дамы не стѣсняло ее, но она вела себя такъ, словно хотѣла показать, что можетъ быть и въ приличномъ обществѣ.

Въ концѣ ужина Шаня отозвала Марью Ивановну въ сторону отъ мужчинъ, которые сейчасъ же оживленно занялись своимъ разговоромъ, стараясь показать, что они не хотятъ мѣшать бесѣдѣ женщинъ.

Двѣ женщины сѣли рядомъ на диванѣ поодаль отъ стола, и одна изъ нихъ, дѣвица съ Невскаго, была въ скромномъ платьѣ, и скромно тупила сѣрые, равнодушные глаза, и была похожа на учительницу, а другая глядѣла любопытно и привычно-весело и, въ своемъ темномъ и закрытомъ вечернемъ платьѣ, казалась легкомысленною дамою веселыхъ ночей. И одна спрашивала настойчиво и смѣло, другая отвѣчала робко и скромно, короткими фразами. Разсказала Шанѣ свою исторію. Все та же, знакомая по книгамъ и по разсказамъ, исторія бѣдной маленькой жизни.

— Молоденькая была, ничего не понимала. Дома бѣдность, мать по стиркамъ ходила, я у модистки училась. Извѣстно, по глупости, повеселиться хотѣлось. Влюбилась сдуру. Ну, онъ воспользовался и бросилъ.

Обманутая любовь, домашній адъ. Бѣжала топиться — вытащили. Потомъ пошла на улицу. Все такъ просто.

Прощаясь съ Марьею Ивановною, Шаня поцѣловала ее нѣжно. Дѣвица не удивилась и не обрадовалась.

Дома, вспоминая часто этотъ вечеръ, думала Шаня:

„Какъ все это просто! Уйти бы и мнѣ въ эту жизнь!"

Но Евгеній не отпускалъ. И хотѣлъ ея ласкъ, и боялся ея, а въ глубинѣ души былъ къ ней совершенно холоденъ.

Однажды Шаня сказала ему:

— Евгеній, ты доведешь меня до того, что я убью и тебя, и себя.

Евгеній позеленѣлъ отъ страха и съ тѣхъ поръ до трепета боялся ея револьвера. Пытался даже похитить его, да не удалось: Шаня теперь всегда прятала его такъ, чтобы Евгеній не зналъ, гдѣ онъ лежитъ.

Евгеній такъ боялся Шани, что даже упросилъ мать писать ему письма въ двухъ спискахъ: настоящее письмо — на швейцара въ институтъ, а второе—на квартиру, чтобы можно было его показать Шанѣ.

Варвара Кирилловна исполняла это охотно и коварно.

Однажды въ мирную минуту послѣ ласкъ Шаня спросила Евгенія:

— Женечка, я не понимаю вотъ чего: ты такъ много учишься, такъ хорошо идешь, а, между тѣмъ, постоянно говоришь, что для меня жертвуешь карьерою. Какъ же такъ?

— Да,—самодовольно сказалъ Евгеній, — разъ, что я люблю тебя, то я готовъ пожертвовать изъ-за тебя моею карьерою. Я не спрашиваю тебя, готова-ли ты принести мнѣ хоть маленькую жертву, — я тебѣ жертвую, и жертвую не малымъ.

Шаня внимательно посмотрѣла на него и спросила:

— Но развѣ я мѣшаю твоей карьерѣ?

Евгеній, съ неудовольствіемъ отвертываясь отъ Шанина внимательнаго взора, сказалъ:

— Чтобы дѣлать карьеру, нужны связи.

— Ну, еще что надо?—спросила Шаня.

Небрежный, сухой тонъ Евгенія уже рождалъ въ ея душѣ привычную злость.

— Нужно имѣть приличный домъ,—съ тупымъ видомъ человѣка, повторяющаго привычныя пошлости, говорилъ Евгеній.

— Очень надо!—воскликнула Шаня, блѣднѣя.

— Надо,—продолжалъ Евгеній,—чтобы вокругъ имени не пахло скандаломъ или чѣмъ-нибудь вродѣ воспитательнаго дома.

Шаня съ ужасомъ смотрѣла на него.

— Что ты говоришь! Вѣдь, ты знаешь!

Евгеній смутился, чувствуя, что сказалъ глупость. Говорилъ:

— Ну, я знаю, да, вѣдь, другіе могутъ и не знать, куда ты дѣла своего первенца. Подумаютъ, пожалуй, что ты его придушила.

Шаня заплакала. Евгеній досадливо морщился и говорилъ:

— Ну, ну, я шучу. Ужъ и пошутить нельзя!

Шаня вскочила и, вдругъ зажегшись злобою, закричала:

— Такими вещами только подлецы шутятъ!

— А, чортъ тебя дери!—крикнулъ Евгеній.

Хлопнулъ дверью и ушелъ.

Вечеромъ, сидя въ ресторанѣ со знакомымъ адвокатомъ, который бывалъ у нихъ въ домѣ, и съ двумя молоденькими актрисами, Евгеній со злостью говорилъ о Шанѣ:

— Вы ея не знаете. Это ужасная женщина.

— Такая милая?—съ удивленіемъ спросилъ адвокатъ.

Онъ былъ немного влюбленъ въ Шаню. Потому и ходилъ къ нимъ въ домъ, хотя Евгеній ему не нравился.

Евгеній съ ожесточеніемъ говорилъ:

— Она ловка и умна, какъ чортъ. Сущій чортъ! Вы только ее послушайте,—она вамъ сумѣетъ наговорить. Такъ искусно подтасуетъ и сгруппируетъ факты,что самъ дьяволъ не разберетъ, гдѣ ложь, гдѣ правда. Замѣчательное искусство! Послушать ее, такъ выходитъ, что я ее обижаю.

— Вы сегодня въ дурномъ настроеніи,—сказала одна изъ актрисъ.

Евгеній спохватился, что наговорилъ лишняго. Замолчалъ сконфуженно, и принялся разливать искрящееся, холодное шабли.

А у Шани въ этотъ вечеръ сидѣла ея здѣшняя пріятельница, молодая художница Альма Раузеръ. Шаня жаловалась ей на свою судьбу, на Евгенія. Сама презирала себя за эти жалобы, но не могла удержаться отъ нихъ.

Альма, бѣлокурая молодая дѣвушка, высокая и стройная, съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица и слишкомъ точными, увѣренными манерами, говорила Шанѣ съ обычною своею рѣзкостью:

— Что вы съ нимъ путаетесь? Нашли сокровище!

Альма очень любила употреблять энергичныя русскія выраженія.

— Я его люблю,—отвѣчала Шаня.

— Не говоря худого слова, вышвырните его за дверь, — говорила Альма.—По крайней мѣрѣ, будетъ скучать по васъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ другой богатой жертвы для эксплоатаціи.

— А я? Какъ же я буду жить?—спрашивала Шаня.

Альма пожала плечами и рѣшительно сказала:

— Какъ другія живутъ.

Шаня задумалась. Тихо говорила, словно сама съ собою, не глядя на свою гостью:

— Скажи онъ прямо, что разлюбилъ меня, я бы его оставила. Не пережить бы мнѣ горя,—но оставила-бы.

— Полюбите другого, — сказала Альма, чтобы утѣшить Шаню. — Вы такая очаровательная, въ васъ такъ влюбляются.

Шаня улыбнулась и покачала головою.

— Нѣтъ,—сказала она,—кромѣ него, я никого не полюблю. А доживать жизнь безъ любви,—нѣтъ, объ этомъ страшно и подумать.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ отослала ему всѣ его подарки, — сказала Альма,—и прервала бы съ нимъ всѣ сношенія.

Шаня загадочно засмѣялась. Потомъ поблѣднѣла и сказала со злостью:

— Ну, это мнѣ трудно сдѣлать.

— Кстати, покажите-же, дорогая, мнѣ хоть одинъ его подарокъ,—сказала Альма.

Любопытно было ей видѣть, каковъ вкусъ этого человѣка, страннаго дикаря, который заставляетъ плакать и жаловаться милую Шаню. Должно быть, и въ подаркахъ его отражается мелкая вульгарная душа.

Шаня, краснѣя, сказала:

— Они, видите-ли, у меня заложены. Давно изъ дому денегъ не присылали, такъ я заложила пока.

Когда Альма ушла, Шаня подумала:

„Какая я глупая! Показать бы ей браслетъ какой-нибудь и еще что-нибудь свое, пусть бы думала, что это—Женины подарки“.

Потомъ изъ первыхъ же полученныхъ ею денегъ купила себѣ подарки, будто бы отъ Евгенія. Долго ходила по лавочкамъ старьевщиковъ, накупила милыхъ вещицъ, фигурокъ, ларчиковъ, колецъ. Поставила у себя и любовалась. Обманывая себя, мечтала:

„Вотъ Женечка мнѣ сколько надарилъ!“

ГЛАВА L.

Къ концу второй зимы, проведенной въ Петербургѣ, Шаня почувствовала себя совсѣмъ плохо. Постоянныя волненія и ссоры, домашнія сцены, частые ночные кутежи съ Евгеніемъ, его извращенности и жестокія прихоти—все это медленно, но вѣрно подтачивало Шанино здоровье. Болѣла грудь, трудно дышалось; Шаня чувствовала себя очень слабою; всякое усиліе утомляло ее; настроенія были самыя мрачныя. Шанѣ казалось, что она скоро умретъ, и при мысли о смерти ей становилось страшно.

Иногда, выйдя на улицу, Шаня вдругъ останавливалась. Голова ея кру-

жилась, и ноги подкашивались. Она прислонялась спиною къ стѣнѣ и растерянно смотрѣла передъ собою. Тогда всѣ предметы передъ ея глазами какъ бы трепетали, и весь міръ казался ей истончившимся и колеблемымъ. Шаня улыбалась блѣдною, жалкою улыбкою и думала:

„Какой легкій и зыблемый міръ! Точно занавѣсъ, который легко отдернуть, и такъ легко за нимъ навѣки скрыться, уйти въ области, землѣ невѣдомыя".

Въ такія минуты, вернувшись домой, Шаня иногда спрашивала Евгенія:

— Женечка, что ты будешь дѣлать, когда я умру?

Евгеній не любилъ печальныхъ разговоровъ. Шанина смерть казалась ему теперь неумѣстною, преждевременною, направленною противъ его личныхъ интересовъ. Да онъ и не могъ повѣрить въ то, что Шаня можетъ умереть. Онъ отвѣчалъ ей съ досадою:

— Ахъ, Шаня, не разстраивай меня, пожалуйста! И безъ тебя заботъ много. Мнѣ надобно учиться, надо, чтобы настроеніе у меня было всегда бодрое. Не могу же я заниматься серьезно, если у меня голова будетъ набита чортъ знаетъ чѣмъ!

Шаня смотрѣла на Евгенія жалобно и грустно и говорила:

— Но я больна, Женечка. Я чувствую, что скоро умру.

На ея глаза навертывались слезы, и она испытывала щемящую сердце жалость къ своей молодой и прекрасной жизни, къ своей жалко погибающей мечтѣ.

Евгеній досадливо хмурился и говорилъ Шанѣ:

— Ну, такъ надобно лечиться, Шаня. Нельзя же изъ-за всякой маленькой простуды поднимать исторію и начинать говорить о смерти, разстраивая всѣмъ нервы. О своемъ здоровьи надо говорить доктору, а не мнѣ. Вѣдь, не могу же я тебѣ лекарства прописывать.

Шаня говорила со слезами на глазахъ:

— Будь со мною ласковѣе, Женечка. Когда ты со мною ласковъ, я чувствую себя гораздо лучше, точно воздуху больше вкругъ меня становится. А твоя холодность убиваетъ меня. Если ты будешь со мною ласковъ, мнѣ и умирать не страшно будетъ.

Быть ласковымъ съ больною женщиною для Евгенія было трудно. Но все-таки онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы избѣжать лишнихъ сценъ и жалкихъ словъ,—ласково гладилъ Шаню по волосамъ, улыбался ей съ притворною нѣжностью, цѣловалъ ея руки и говорилъ ей утѣшныя слова. А самъ торопился уйти отъ Шани куда-нибудь.

На улицѣ, радостно чувствуя себя хоть на время свободнымъ, онъ съ гордостью вспоминалъ свою ненагражденную пылкими ласками ласковость и думалъ, поглаживая холеные усики и поглядывая на встрѣчныхъ красавицъ:

„Сама неосторожна, а на мнѣ это такъ тяжело отражается".

Къ веснѣ Шаня совсѣмъ расхворалась. Она поблѣднѣла, похудѣла, часто кашляла. Врачи прописывали лекарства и говорили, что надобно поскорѣе уѣзжать на югъ, что петербургскій климатъ для больной вреденъ. Но Шаня и думать не хотѣла объ отъѣздѣ, пока не окончится учебный годъ Евгенія.

Болѣзненное Шанино лицо и вся ея измѣнившаяся вдругъ фигура возбуждали въ Евгеніи приливы жалости и любви. Но ея упорный кашель досадовалъ Евгенія,—днемъ раздражалъ, а ночью мѣшалъ заснуть. Евгеній говорилъ Шанѣ:

— Пойми, Шаня, что вредно такъ много кашлять. Надобно стараться удерживаться отъ кашля. Ты дышать не умѣешь. Занимайся гимнастикой для укрѣпленія легкихъ.

Шаня стала такая смирная, совсѣмъ непохожая на прежнюю своевольную Шаньку. Закашляется—и боязливо посматриваетъ, не обезпокоить бы Евгенія. Шаня пыталась даже удерживаться отъ кашля, да ничего изъ этого не выходило,—только сильнѣе потомъ бывали приступы долго сдержаннаго кашля.

Наконецъ, врачи стали настойчиво говорить, что необходимо примѣнить климатическое леченіе и что оставаться дольше въ этомъ городѣ для Шани опасно.

Евгеній понялъ, наконецъ, что это серьезно, что о Шанѣ приходится позаботиться. Заботиться о другомъ человѣкѣ! Уже не быть въ центрѣ! Это казалось Евгенію такимъ унизительнымъ и досаднымъ. Но что же дѣлать! Почему-то принято заботиться о больныхъ, и тѣ же Рябовы первые осудили бы его, если бы онъ бросилъ теперь Шаню.

Настроенія Евгенія въ эти дни странно двоились: то преобладало желаніе Шаниной смерти, которая принесла бы ему освобожденіе легкое и приличное, то брало верхъ желаніе, чтобы Шаня выздоровѣла. Въ такія минуты казалось Евгенію, что тогда онъ будетъ любить Шаню по-прежнему.

Евгеній написалъ матери въ Крутогорскъ, что Шаня опасно больна,—по всѣмъ видимостямъ, у нея чахотка,—и что онъ везетъ ее въ Швейцарію. „Надежда еще не потеряна,—писалъ онъ,—но настроеніе у меня самое мрачное."

Дома это письмо всѣхъ очень обрадовало. Были увѣрены, что Шаня скоро умретъ. Чувства Хмаровыхъ по отношенію къ Шанѣ смягчились, и они уже стали находить въ ней хорошія стороны. Говорили:

— Все-таки она любила Евгенія.

— И, въ концѣ концовъ, она стоила ему не особенно дорого.

— И даже была полезна по хозяйству.

— Да, и все-таки это лучше, чѣмъ случайныя встрѣчи съ этими ужасными женщинами съ улицы.

Лѣто Евгеній и Шаня провели въ Швейцаріи. Выбрали мѣсто уединенное и тихое. Знакомыхъ нигдѣ вблизи не было, никто не напоминалъ Евгенію о богатой невѣстѣ и о карьерѣ. Поэтому Евгеній былъ спокоенъ, особенно въ началѣ лѣта. Они почти никогда не ссорились. Шаня отдыхала. Здоровье ея понемногу поправлялось, и вмѣстѣ съ румянцемъ на щекахъ вернулись къ ней прежнія веселость и живость.

А Евгенію скоро надоѣла эта сладостная идиллія, воскрешавшая Шаню. Природа Швейцаріи стала казаться ему прѣсною, туристы—смѣшными и нелѣпыми, и вся жизнь здѣсь—грубою и мѣщанскою. И онъ уже былъ радъ, когда настало время возвращаться въ Россію.

А въ Крутогорскѣ Хмаровы со дня на день ждали вѣсти о Шаниной смерти. Они были поражены, когда Евгеній написалъ имъ, что Шаня чувствуетъ себя совершенно здоровою и что они возвращаются въ Россію.

Варвара Кирилловна плакала и негодовала.

— Вся эта болѣзнь было одно только притворство,—говорила она,—гнусное притворство, чтобы крѣпче привязать его къ себѣ.

Аполлинарій Григорьевичъ одинъ не растерялся. Онъ продолжалъ утѣшать Варвару Кирилловну. Говорилъ ей увѣренно:

— Да вы не волнуйтесь. Очевидно, что Евгеній ее броситъ. Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь. Правда, затянулось это у нихъ, но тѣмъ вѣрнѣе можно сказать, что Евгеній ее броситъ. А пока пусть она живетъ съ нимъ, если онъ еще можетъ выносить ее.

— Какъ можно этого желать?—спрашивала Варвара Кирилловна, пожимая плечами и поднимая глаза къ небу.

Аполлинарій Григорьевичъ улыбался и говорилъ:

— И очень слѣдуетъ. Первое дѣло—она ему окончательно надоѣстъ.

— И окончательно замучитъ,—возражала Варвара Кирилловна.—Вы знаете, у нихъ скандалы невѣроятные.

— Ну, кто кого еще замучитъ,—говорилъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Второе—Шанька и сама, можетъ быть, отвяжется, когда увидитъ, наконецъ, его ненависть къ ней. Вѣдь, и онъ можетъ ей надоѣсть.

— Это такая наглая тварь, она не отстанетъ,—отвѣчала Варвара Кирилловна.—Она, вѣдь, его никуда отъ себя не отпускаетъ.

— Третій аргументъ вамъ приведу,—невозмутимо продолжалъ Аполлинарій Григорьевичъ,—то, что время идетъ да идетъ, а время—лучшій врачеватель всякихъ золъ.

— Плохое утѣшеніе!—со вздохомъ говорила Варвара Кирилловна.— Сколько горя и смуты внесла она въ нашу семью!

— Наконецъ, возьмите то,—говорилъ Аполлинарій Григорьевичъ,—что она ему пока все-таки полезна: бѣлье зачинить и, вообще, по хозяйству.

Варвара Кирилловна, прижимая платокъ къ глазамъ, говорила плаксивымъ голосомъ:

— Вы ужъ очень холодно все это разбираете. Поймите, я—мать! Вѣдь, у меня все сердце выболѣло.

Но разсужденія Аполлинарія Григорьевича все же утѣшали ее.

ГЛАВА LI.

Чѣмъ ближе время было къ окончанію курса Евгеніемъ, тѣмъ хуже становились отношенія между нимъ и Шанею. Весь четвертый годъ ихъ жизни въ Петербургѣ прошелъ въ постоянныхъ, рѣзкихъ ссорахъ, и уже для тѣхъ, кто ихъ зналъ, становилось ясно, что дѣло кончится печально.

Однажды Евгеній грубо сказалъ Шанѣ:

— Ты—мѣщанка. Ты не о любви думаешь, а только о томъ, чтобы повѣнчаться со мною, стать дворянкою. Одной моей любви тебѣ мало.

Шаня грустно говорила Евгенію:

— Твоя любовь не дала мнѣ ничего, кромѣ горя и позора.

Евгеній отвѣчалъ мрачно:

— Ну, а твоя что мнѣ дала?

— Да? Тоже ничего?—горько спрашивала Шаня.

— Да что же? Скажи!—говорилъ Евгеній.

Шаня вздохнула, промолвила тихо:

— ахъ, Женя, Женя!

Заплакала.

— Ну, надоѣла эта слезливость!—грубо крикнулъ Евгеній.—Нельзя ли безъ слезъ?

— Безъ слезъ?—спросила Шаня, стараясь удержать свои слезы.—Ну, что же, можно и безъ слезъ.

Она почувствовала, какъ ея сердце упало въ темную мглу безнадежности, и слезы вдругъ высохли. Поблѣднѣла очень, и смотрѣла на Евгенія жутко и неподвижно. Евгеній ежился подъ ея взорами, бѣгалъ по комнатѣ и грубо кричалъ:

— Пожалуйста, безъ трагедій! Эти мѣщанскія трагедіи никому не интересны.

Шаня грустно улыбнулась. Говорила:

— Какая трагедія! Съ бѣдной Шанькой! Только вотъ что я тебѣ скажу: вѣдь, я не отняла у тебя такъ много, какъ ты у меня отнялъ. Если ты меня бросишь, кто возьметъ меня женою?

— Ну, женихи найдутся,—живо сказалъ Евгеній.—Было бы болото, а черти будутъ.

— Женихи! И это ты мнѣ говоришь!—горестно сказала Шаня.

— Ну, ну, пожалуйста, безъ ломанья и безъ сценъ!—съ тою же грубостью говорилъ Евгеній.

— И какъ я отдамся кому-нибудь?—сказала Шаня.—Подумай, на что ты меня толкаешь. Переходить изъ рукъ въ руки... Но во мнѣ сохранились честь и честность. Понимаешь ли ты это?

Евгеній махнулъ рукою, цинично засмѣялся и сказалъ:

— Знаю я людскую честность! До перваго случая. А ужъ ваша женская честь...

— Евгеній, не кощунствуй,—сказала Шаня.

Она строго посмотрѣла на Евгенія. Ему стало страшно и жутко, и онъ поторопился уйти изъ дому.

Въ началѣ зимы пріѣхала въ Петербургъ Варвара Кирилловна. Она сочла своевременнымъ рѣшительно повліять на Евгенія. Близко уже было окончаніе курса, и надо было вытѣснить Шаню. Катя становилась нетерпѣлива. Варвара Кирилловна разсудила, что надобно увезти Евгенія на святки или и раньше домой, и добиться, чтобы онъ сдѣлалъ формальное предложеніе Катѣ.

Варвара Кирилловна поселилась въ ихъ квартирѣ. Шанѣ пришлось потѣсниться. Съ Шанею Варвара Кирилловна была очень холодна, почти груба. Евгенія Варвара Кирилловна уговаривала ѣхать домой. Шаня это узнала.

Когда Евгеній ушелъ куда-то, и Шаня осталась одна съ Варварою Кирилловною, Шаня сказала:

— Вы хотите, чтобы онъ уѣхалъ съ вами домой. Но это отъ меня зависитъ. Если я захочу, то Женя не домой поѣдетъ, а выдетъ изъ Института, и мы съ нимъ поѣдемъ за границу.

Варвара Кирилловна говорила Шанѣ:

— Поймите, Александра, что онъ будетъ несчастливъ съ вами. Поймите же, наконецъ, что вы ему не пара! Какое вы можете дать ему счастье, подумайте сами!

— Что говорить о счастьи!—возражала Шаня.—Я жить безъ него не могу.

Варвара Кирилловна смотрѣла на нее злыми глазами и говорила:

— Постыдились бы! Вы погубите его карьеру.

— Что вы мнѣ говорите о его карьерѣ, объ его счастьи!—воскликнула Шаня.—Кому нужно счастье! Все это—сладкій и гадкій вздоръ. Я жить безъ него не могу, а вы—о счастьи да о карьерѣ!

— Да поймите же, что передъ нимъ вся жизнь, и вы ее хотите загубить!—кричала Варвара Кирилловна.

— Да и передо мною жизнь!—отвѣчала Шаня.—Только вся моя жизнь въ немъ!

Варвара Кирилловна долго уговаривала Евгенія теперь же оставить Шаню. Наконецъ, Евгеній однажды вечеромъ вошелъ въ Шанину комнату, и прямо, съ рѣшительнымъ видомъ, словно бросаясь въ холодную воду, сказалъ ей:

— Шаня, я не могу на тебѣ жениться. Намъ надо разстаться. Я не могу изъ-за тебя ссориться съ матерью и портить карьеру.

Шаня сначала страшно испугалась.

— Да что ты, Женечка! Не пугай меня, милый.

Потомъ бѣшеная злость безсилія охватила Шаню. Она чувствовала растерянность и недоумѣніе. Жестокія слова разрыва жгли ее.

— Ты разбилъ мое сердце и мою честь въ мелкіе дребезги,—сказала она.

Евгеній сказалъ насмѣшливо:

— Вотъ какъ! Ужъ очень хрупкія были вещицы.

— Нѣтъ,—отчаянно закричала Шаня,—ты отъ меня не уйдешь! Я тебя убью.

Евгеній позеленѣлъ отъ страха и отъ злости. Глазки его сузились и засверкали. Онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Хорошо, я женюсь на тебѣ, но помни, помни, я всю жизнь тебѣ отравлю, я замучу тебя.

— Хоть убей. Сама не уйду,—громко рыдая, говорила Шаня.

Въ это время Манугина пріѣхала въ Петербургъ. Навѣстила Шаню. Пожалѣла ее, поплакала съ нею, попыталась ее утѣшить.

Шаня сказала:

— Убью его!

Манугина говорила:

— Что ты, Шанечка милая! Развѣ можно имѣть такія мысли! Нельзя отнять у человѣка жизнь. Намъ никто не далъ права на это.

— А онъ отнялъ у меня всю мою жизнь!—страстно возражала Шаня.—Да и почему нельзя умерщвлять? Жизнь такъ случайна, и каждому человѣка она дается совершенно даромъ, безъ всякихъ его трудовъ и заслугъ.

— Конецъ жизни можетъ опредѣлить только тотъ, кто далъ жизнь,—говорила Манугина.—Жизнь—такая тайна, что еще никто не разрѣшалъ ея.

Зачѣмъ она дана? Какъ должна протечь? Это такіе вопросы, что нѣтъ страданія, нѣтъ мукъ, дающихъ право человѣку прервать эту тайну.

Шаня покачала головою:

— Не вѣрю, не вѣрю,—сказала она.—Вѣрила, молилась, а теперь не вѣрю и ничего не жду.

Манугина сказала Шанѣ:

— Въ такомъ же положеніи, какъ ты, находятся тысячи женщинъ, и что же! многія примиряются, живутъ.

— Живутъ! Но какъ? Что это за жизнь!

— Плохо живутъ, что говорить! Иныя утѣшаются, иныя тоскуютъ, иныя развратничаютъ, иныя убиваютъ себя. Много загубленныхъ жизней. Терпи, Шанечка, какъ другія терпятъ.

— Терпѣла. Больше не могу.

— Надѣйся, Шанечка,—говорила Манугина.—Вѣрь. Еще вся жизнь передъ тобою.

— Жить съ разбитымъ сердцемъ!

— Попытайся, сдѣлай усиліе надъ собою. Собери все свое мужество. Раны живого тѣла заживаютъ. Пока живъ человѣкъ, никогда еще надежда не потеряна.

— Поймите, что я живу только имъ. Безъ него я—мертвый человѣкъ. Я всю себя въ него вложила.

— Да, вѣдь, онъ ничтожество передъ тобою!—съ удивленіемъ сказала Манугина.—Почему же ты за него такъ держишься, за этого ничтожнаго человѣка?

Шаня помолчала. Сказала тихо:

— Знаю. Да, вѣдь, и Богъ не можетъ жить безъ человѣка.

Манугина покачала головою и сказала:

— Стоитъ горевать о такомъ ничтожествѣ! Тебѣ, Шанечка, слѣдовало оставить его гораздо раньше.

— Когда же раньше? При Аракчеевѣ, что ли?—спросила Шаня.

Манугина съ удивленіемъ посмотрѣла на Шаню. Сказала:

— Тебя тогда и на свѣтѣ не было.

Шаня засмѣялась горько. Сказала:

— Во всѣ времена была бѣдная, глупая Шанька, влюбленная въ героя, вѣнчающая его славою. А герой Шанькинъ всегда былъ маленькій и ничтожный.

— Вотъ, ты уже это видишь!

— Да, вѣдь, онъ все еще меня любитъ. Онъ только слабый, его соблазняютъ деньги, связи, карьера,—но, вѣдь, есть же въ немъ душа. Въ рѣшительную минуту вспыхнетъ въ немъ искра Божья.

— Какъ же, надѣйся!

— Да, я до послѣдней минуты буду надѣяться. Я умру, если умретъ моя надежда.

— Смотри на это, какъ на ошибку, и брось его,—рѣшительно сказала Манугина.

— Да что же у меня останется послѣ такой ошибки?—спросила Шаня.

— Ты сама.

— Но что же мнѣ съ собою дѣлать? Куда дѣться? Замужъ? Да развѣ я могу полюбить кого-нибудь?

— Займись какимъ-нибудь дѣломъ.

— Дѣломъ? Какимъ? Кормить голодныхъ? Вотъ Каракова пробовала,—въ участокъ потащили. И для всякаго дѣла нужны силы, энергія, здоровые нервы,—а я всю себя вложила въ него, и у меня ничего не осталось. Только изнеможеніе, печаль, отвращеніе.

ГЛАВА LII.

На святки Шаня и Евгеній вмѣстѣ уѣхали въ Крутогорскъ. Евгеній—къ матери, Шаня—къ дядѣ Жглову.

Въ это время Евгеній подвергался окончательной и успѣшной обработкѣ со стороны своихъ родныхъ. И мать, и Аполлинарій Григорьевичъ, и Софья Яковлевна твердили Евгенію:

— Подумай, Женечка, если ты женишься на этой ужасной Шанькѣ, какая это будетъ семейная жизнь! Ужасъ, ужасъ!

— Дѣти у васъ будутъ самыя несчастныя!

— Еще бы, можно представить! Какъ она станетъ ихъ воспитывать!

— Твоя жизнь будетъ совершенно отравлена.

Хмаровъ, досадливо отмахиваясь рукою, сказалъ:

— Ахъ, мама, все это я самъ теперь очень хорошо вижу.

— Что жъ тебя держитъ?—спрашивала его мать.

— Но неужели вы до сихъ поръ не знаете, что это за женщина? — съ ужасомъ говорилъ Евгеній.—Она способна убить, зарѣзать, отравить.

— Поэтому и надо отъ нея отдѣлаться,—рѣшила Софья Яковлевна.—И какъ можно скорѣе.

— И, наконецъ, мнѣ ея жаль, — говорилъ Евгеній, рисуясь своими благородными чувствами.—Я ея не люблю, но все-таки она оказала мнѣ кое-какія услуги. И она мнѣ ничего не стоитъ. Это что-нибудь да значитъ. А жениться теперь на Катѣ все-же неудобно,—надо подождать до конца курса.

— Да, это условіе Рябовыхъ,—сказала Варвара Кирилловна.

— А, вѣдь, не могу же я жить монахомъ!

Евгеній въ Крутогорскѣ очень усердно ухаживалъ за Катею. Катя была отъ этого на седьмомъ небѣ. Пріятелямъ своимъ здѣшнимъ Евгеній говорилъ:

— Шанька загубила мою жизнь. Она—роковая женщина. Я ее любилъ безумно. Но она невозможна, какъ жена.

И онъ принимался перечислять Шанины пороки, видимо, съ большимъ удовольствіемъ: ревнуетъ, сама измѣняетъ, психопатка, нѣсколько разъ хотѣла его убить, дѣлала на него политическіе доносы, неприлично себя ведетъ. Евгеній увѣрялъ, что Шаня невоспитана и глупа.

Шаня въ Крутогорскѣ жила у дяди Жглова. Ея мать тоже пріѣхала въ Крутогорскъ.

Дядѣ Жглову и Юліи,—которая уже была замужемъ за своимъ провизоромъ,—Шаня говорила, что скоро ея свадьба. Но вяло и скучно говорила она это, сама ничему не вѣря.

А съ матерью останется одна, — и жалуется матери на свою судьбу. Тихонько говоритъ, какъ причитаетъ. Плачетъ.

Марья Николаевна говорила ей:

— Такая ужъ наша судьба. Вотъ и меня отецъ твой бросилъ,—а было времячко, на рукахъ носилъ.

— Ну, что тужить! — скажетъ Шаня притворно-бодро. — Еще попируемъ.

Но больно сердце гложетъ тоска о томъ, что вся жизнерадостность ея погублена. И на лицѣ Шанинномъ—смертная блѣдность, и въ глазахъ—задумчивость. А Шанино блѣдное лицо прекрасно,—ужасная и восхитительная красота!

Хмаровы, по совѣту Аполлинарія Григорьевича, нашли для Шани жениха. Это былъ пошлый красавецъ, мелкій чиновничекъ изъ мѣщанской здѣшней семьи, Василій Егоровичъ Огаркинъ. У его матери былъ свой домъ на той улицѣ, гдѣ Шаня жила, когда ушла отъ дяди. И еще въ тотъ годъ Огаркины познакомились съ Шанею.

Теперь Василій Огаркинъ легко согласился быть женихомъ Шани, хотя и поторговался съ Аполлинаріемъ Григорьевичемъ, почтительно, однако, твердо. Нагольскій обѣщалъ Огаркину протекцію и выгодное мѣсто, если женится на Шанѣ. И Аполлинарій Григорьевичъ увѣрялъ Огаркина:

— Шаня влюблена въ васъ. Только скромничаетъ. Да и стыдится. Другого раньше любила. А вы простите. Только ужъ вы меня не выдавайте.

Самодовольно ломаясь, Огаркинъ говорилъ:

— Что же, простить,—это мы съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ. Я тоже могу понимать. Особенно ежели будетъ соотвѣтственно дадено.

Огаркинъ и мать сидѣли въ кухнѣ у обѣденнаго стола, и разговаривали полушепотомъ.

— Протекція, это разъ,—говорила Огаркина.—Второе—деньги. Опять же красавица. И бывалая,—принять гостей, и все такое.

— Одно, что съ изъянцемъ,—сказалъ Огаркинъ.

— А ты, Васенька, на это не смотри,—отвѣчала мать.—Оттого она еще покорнѣе станетъ.

— Конечно,—говорилъ Огаркинъ,—мнѣ надо же, наконецъ, жениться; ну, да, здѣсь большую роль также и физія играетъ.

И вотъ Огаркинъ началъ ухаживать за Шанею. Приходилъ къ Жглову каждый день. Надо было торопиться, чтобы успѣть очаровать своими прелестями Шаню, пока еще она не собралась ѣхать въ Петербургъ за Евгеніемъ.

Шаня пока еще не знала о замыслахъ Огаркина. Ей Огаркинъ былъ забавенъ. Она была съ нимъ слегка ласкова, слегка насмѣшлива.

Огаркинъ все болѣе влюблялся въ Шаню: становился храбрѣе. И тогда онъ сталъ ей противенъ. Шаня довольно жестоко издѣвалась надъ Огаркинымъ, высмѣивала его ухаживанія, его слова и мнѣнія.

Однажды вечеромъ мать Огаркина пришла къ Шанѣ. Болтовня глупой старухи утомляла Шаню, и Шаня слушала ее довольно невнимательно. Не хотѣлось Шанѣ долго сидѣть съ этою непріятною женщиною. Но Огаркина напрашивалась на угощеніе. Пришлось накормить ее ужиномъ.

Выпивъ стаканчика два краснаго вина, старуха расхрабрилась, и принялась сватать Шанѣ своего сына. Говорила съ Шанею ласково, нагло и противно. Шаня послушала ее, и вдругъ принялась хохотать.

Огаркина, язвительно поджимая губы, говорила:

— Вамъ бы, милая, цѣнить надо. Вѣдь, мой сынъ все вѣнцомъ прикрыть соглашался, и напоминать не сталъ бы,—мы—люди благородные.

Шаня пылко отвѣтила:

— Нечего мнѣ прикрывать. Пусть всѣ знаютъ, какова я. Я сама себя не ниже другихъ ставлю.

— Вотъ уже это вы напрасно,—сердито сказала Огаркина, злобно засмѣялась и ушла.

ГЛАВА LIII.

Вернувшись изъ Крутогорска въ Петербургъ, Евгеній объявилъ Шанѣ, что будетъ жить отдѣльно. Онъ говорилъ:

— Мнѣ надо усиленно заниматься къ экзаменамъ. Ты мнѣ мѣшаешь. Мнѣ совершенно необходимо въ этомъ году окончить курсъ.

Шаня покорно и тупо подчинилась. Что-жъ, вѣдь, теперь ужъ недолго ждать,—весна придетъ, Евгеній кончитъ свое ученье, и тогда все рѣшится.

Квартиру сдали, обстановку продали. Евгеній поселился опять у какой-то старой нѣмки, снялъ у нея двѣ съ пошлымъ шикомъ обставленныя комнаты, которыя очень ему нравились. А Шаня переѣхала въ меблированный домъ Альгамбра, большой, мрачный и неуютный, на одной изъ шумныхъ улицъ. Взяла скромную комнату въ пятомъ этажѣ.

Шаня жила скромно, рѣдко куда выходила, развѣ только къ Евгенію или съ Евгеніемъ. Но ея строгая, почти суровая красота привлекала къ ней любопытные взоры, и цѣлый десятокъ праздныхъ молодыхъ и пожилыхъ постояльцевъ Альгамбры пытался за нею ухаживать, но безуспѣшно.

Принялся было ухаживать за Шанею и управляющій въ Альгамбрѣ, галантный, пронырливый, Ксаверій Лукичъ Едличка, выходецъ изъ Чехіи. Но всѣ его любезности Шаня едва замѣчала.

Едличка пользовался всякимъ случаемъ, чтобы зайти къ Шанѣ. Такъ какъ онъ способенъ былъ безъ конца слушать ея разсказы о Евгеніи, то Шаня охотно принимала его. Посадитъ, велитъ подать чаю, вина и фруктовъ, а сама ходитъ по комнатѣ, и говоритъ, говоритъ. И скоро Едличка зналъ всю Шанину жизнь, всю исторію ея любви.

Онъ сидѣлъ, слушалъ, пощипывалъ рѣденькую бородку цвѣта свѣтлой пакли, покачивалъ головою и смотрѣлъ на Шаню влюбленными глазами. Чѣмъ больше узнавалъ изъ Шаниной жизни, тѣмъ увѣреннѣе становилась его надежда на то, что Шаня оцѣнитъ его скромность и другія достоинства, увидитъ, насколько онъ лучше ея капризнаго жениха.

Шаня говорила Едличкѣ:

— Скоро наша свадьба съ Евгеніемъ. Потомъ поѣдемъ на Уралъ. Его назначаютъ на постройку желѣзной дороги.

Пришла вторая на одной недѣлѣ денежная повѣстка на крупную сумму. Едличка принесъ ее, уже засвидѣтельствованную, къ Шанѣ. Спросилъ:

— Куда это вы, Александра Степановна, такъ быстро деньги дѣваете? Живете вы скромно.

— Все жениху,—отвѣчала Шаня.

— Много ужъ очень,—говорилъ разсчетливый Едличка.—Балуете вы его. Вы бы ему до свадьбы поменьше давали.

— Расходы,—отвѣчала Шаня.—Нельзя же, надобно.

— Надо экономію соблюдать,—говорилъ Едличка.

Шаня улыбалась, вспоминая, что и Евгеній говорилъ ей о бережливости, и отвѣчала чеху:

— Это — пустяки. Я прожила съ нимъ за нѣсколько лѣтъ не одинъ десятокъ тысячъ.

Едличка съ ужасомъ всплескивалъ руками, качалъ головою, причмокивалъ и говорилъ:

— Ай, ай, ай! Вотъ-то расточительность!

Шаня смѣялась почти весело и говорила:

— Да и еще проживемъ не меньше. Надѣюсь, что и больше.

Едличка подкручивалъ свои тонкіе усики и думалъ тоскливо:

„Вотъ бы мнѣ все это!“

Онъ былъ молодъ и красивъ, у него были сбереженія, и знакомыя барышни считали его хорошимъ женихомъ. Но теперь онъ на нихъ и смотрѣть не хотѣлъ.

Шаня сидѣла одна въ своей комнатѣ въ Альгамбрѣ. Былъ скучный вечеръ, какъ можетъ быть скученъ только вечеръ въ отелѣ, когда остаешься одинъ, и знаешь, что никто не придетъ, и самому итти некуда.

На дворѣ была оттепель, и за окномъ слышалось рѣдкое паденіе тяжелыхъ капель, и слабо доносилось снизу, съ мокрой, грязно-снѣжной мостовой хлюпанье копытъ и влажный гулъ колесъ.

Шаня только-что вернулась домой и теперь сидѣла передъ тихо тлѣющимъ каминомъ, грѣя озябшія и промокшія ноги. Она ходила къ Евгенію и не застала его. Ревниво думала,—гдѣ онъ? что дѣлаетъ?

Тоска ее томила, и горькія мысли. Пойти бы куда-нибудь,—да нѣтъ, скучно! Тамъ, гдѣ играетъ веселая музыка, гдѣ въ бокалахъ искрится легкое вино, какъ сядетъ она, и съ кѣмъ туда придетъ? Правда, Едличка проводилъ бы и слушалъ бы ея длинный разсказъ. Да нѣтъ, скучно.

Сама не замѣчая, что говоритъ вслухъ, Шаня шептала:

— Нечѣмъ жить. Нечѣмъ жить. Безъ него мнѣ нечѣмъ жить.

Блѣдная, тихая, сидѣла Шанечка, смотрѣла на образъ, передъ которымъ она молилась когда-то,—и не было молитвы, ни на устахъ, ни въ сердцѣ.

Вспомнила Шаня старыя слова,—и улыбнулась горько. Шептала:

— Господи, я ли Тебя забыла, Ты ли меня забылъ?

И не молилась.

Порывъ отчаянія словно подхватилъ Шаню,—и она заметалась по комнатѣ.

И вдругъ,—стукъ въ дверь. Евгеній! Какая радость! До боли въ груди.

Вошелъ,—въ бородѣ и на усахъ капли внѣшней влаги, въ глазахъ безпокойная, лживая ласковость. Говоритъ нѣжныя слова, Шанины руки руки цѣлуетъ.

Злая мысль остро зажглась въ ея умѣ:

„Должно быть, ему денегъ надобно. Пришелъ просить, потому и ласковъ“.

Шаня достала вино, фрукты, велѣла подать чай. Спросила робко, словно не смѣя спросить:

— Почему же тебя, Женечка, не было дома? Вѣдь, ты самъ назначилъ этотъ часъ. Я къ тебѣ пришла сегодня, и не застала.

— Когда?—спросилъ Евгеній, притворяясь удивленнымъ.

— Да только съ полчаса, какъ вернулась,—отвѣчала Шаня.

— Ты спутала, Шанечка,—небрежно лгалъ Евгеній,—я про вчера говорилъ, а не сегодня. А вчера я тебя весь вечеръ ждалъ.

— Отчего же ты не позвонилъ по телефону?—спросила Шаня.—Я бы къ тебѣ сейчасъ же прилетѣла.

— Да вотъ, не догадался,—говорилъ Евгеній.—Да я, признаться, подзубривалъ кое-что, увлекся, совсѣмъ не замѣтилъ, какъ время прошло.

И глаза его были лживы. А правда была въ томъ, что ему не хотѣлось, чтобы Шаня часто приходила къ нему: пусть не думаетъ квартирная хозяйка, что у него здѣсь есть невѣста.

Шаня притихла. Такъ часто въ послѣднее время она становилась очень тиха. Съеживалась, какъ кошка, больная, безсильно наблюдающая недоступную добычу. Зорко всматривалась въ Евгенія. Ему становилось жутко. Онъ спросилъ:

— Что ты такъ смотришь, Шаня?

— Смотрю, ненаглядный мой, какъ ты красивъ,—кротко и грустно сказала Шаня.

У Евгенія защемило сердце. Онъ подумалъ:

„Не отправить ли къ чорту ту слящавую дуру?“

Но Шанина нѣжность и даже самый ея видъ зажигали въ немъ злобу и упорство. Хотѣлось крикнуть, ударить ее. Но онъ вспомнилъ, что пришелъ за деньгами, и опять сталъ съ Шанею ласковъ и нѣженъ.

ГЛАВА LIV.

Евгеній кончалъ свой курсъ практическихъ наукъ, и уже предвкушалъ свое будущее торжество,—стать строителемъ, жениться на богатой Катѣ

Рябовой, за которою даютъ милліонъ, имѣть много денегъ, жить красиво и широко. Онъ думалъ:

„Романъ съ Шанею затянулся, поднадоѣлъ,—пора его кончать“.

И вся забота Евгенія была направлена къ тому, чтобы закончить этотъ романъ по возможности безъ громкаго скандала. Обстоятельства, казалось, ему благопріятствовали. Въ маѣ назначена была поѣздка на практическія занятія въ Финляндію. Можно было уѣхать безъ Шани.

Но на эту поѣздку Евгенію нужны были деньги. Не жить же ему тамъ анахоретомъ! А гдѣ взять денегъ? Опять закладывать процентныя бумаги не хотѣлось,—ужъ очень не выгодно платить проценты вмѣсто того, чтобы получать ихъ. Евгеній рѣшился снова просить денегъ у Шани. Было неловко, но онъ утѣшалъ себя мыслью:

„Послѣдній разъ у нея беру. Потомъ свои будутъ деньги, и Катины. А Шанѣ этотъ долгъ я отдамъ изъ перваго же заработка“.

Тѣ деньги, которыя Шаня тратила на него раньше, Евгеній не считалъ и отдавать ихъ Шанѣ не собирался. Онъ думалъ:

„Вѣдь, вмѣстѣ проживали. Она вовлекала меня въ расходы, которыхъ я самъ и не сдѣлалъ бы“.

Евгеній уже нѣсколько дней уговаривалъ Шаню ѣхать одной за-границу, пока онъ будетъ въ Финляндіи. Шаня пока ничего ему не отвѣчала на всѣ его подходы, и ему казалось иногда, что она догадывается объ его тайныхъ мысляхъ. Разсчетъ же у него былъ очень простъ: пока Шаня будетъ купаться гдѣ-нибудь на берегахъ Бретани (—тамъ есть очень живописныя деревушки!),—онъ успѣетъ проѣхать въ Крутогорскъ и обвѣнчаться съ Катею Рябовою. Съ этою же цѣлью Евгеній, въ разговорахъ съ Шанею, вдвое увеличивалъ срокъ своихъ практическихъ занятій въ Финляндіи.

Однажды, въ милый майскій день, когда Петербургъ дышитъ такою очаровательно-нѣжною, болѣзненно-хрупкою красотою, Евгеній пришелъ къ Шанѣ чѣмъ-то очень озабоченный. Уже былъ назначенъ на этой недѣлѣ отъѣздъ въ Финляндію, и потому необходимо было сегодня сдѣлать сразу два дѣла: уговорить Шаню, чтобы она взяла заграничный паспортъ, и занять у нея денегъ.

Денегъ Шаня, конечно, дастъ, какъ и раньше давала,—но вотъ какъ сказать ей прямо, чтобы она уѣзжала подальше? Евгеній боялся гнѣвной Шаниной вспышки. Долго онъ дѣлалъ разные намеки и подходы.

— У тебя что-то есть, Женя,—наконецъ, сказала Шаня,—скажи прямо.

Евгеній вспыхнулъ, и, закуривая папиросу дрожащими пальцами, сказалъ:

— Да, Шанечка, намъ надо поговорить съ тобою спокойно и серьезно.

Шаня усмѣхнулась. Сказала тихо:

— Говори. Я спокойна.

Евгеній, опасливо поглядывая на нее, говорилъ:

— Ты сама видишь, Шаня, что наши отношенія въ послѣднее время совершенно ненормальны.

— Да,—сказала Шаня,—ненормальны, потому что не освящены. Плоски очень, реалистичны. Мистики въ нихъ нѣтъ, потому что я для тебя ни жена, ни невѣста.

— Погоди,—перебилъ ее Евгеній,—все это будетъ, объ этомъ мы ужъ говорили, и ты должна мнѣ вѣрить. А теперь дѣло въ томъ только, что нервы у насъ у обоихъ расшатаны. Намъ надо освѣжиться, успокоиться.

— Освѣжиться, успокоиться,—повторила Шаня и засмѣялась.—Развѣ ты не знаешь, что отрада и покой любви—только въ таинствѣ брака, только въ искреннемъ союзѣ любви и вѣрности вѣчной?

Евгеній досадливо поморщился и сказалъ:

— Все это философія, и я не спорю, все это вѣрно, но не въ томъ дѣло. Намъ надо практически рѣшить, что же намъ теперь дѣлать.

— Ну, что жъ!—сказала Шаня,—все будетъ такъ, какъ ты хочешь. Скажи же мнѣ, чего ты хочешь.

— Вотъ видишь,—смущенно говорилъ Евгеній,—я нахожу, что намъ обоимъ полезно будетъ мѣсяца два, три не встрѣчаться. Если наша любовь сильна, то эта короткая разлука только поможетъ, такъ сказать... Ну, ты понимаешь, это будетъ, какъ послѣднее испытаніе нашей любви. И тогда мы повѣнчаемся.

Эти нескладныя слова прозвучали фальшиво и жалко. Глаза Евгенія бѣгали суетливо по комнатѣ, не останавливаясь на предметахъ словно отыскивая какую-то прорѣху между ними. Онъ помолчалъ и хотѣлъ сказать еще что-то, но Шаня остановила его тихимъ, повелительнымъ движеніемъ руки. Она тихо сказала:

— Хорошо.

И подошла къ открытому окну. Глубоко внизу проносились экипажи, гремя колесами по радостно-гулкой послѣ зимы мостовой, и торопливо шли люди, каждый со своею заботою, со своимъ маленькимъ счастьемъ или горемъ. Здѣсь, вверху, въ окнѣ пятаго этажа, было тихо и свѣтло, пустынно и безрадостно.

Когда Шанина смуглая рука, вздрагивая, легла на бѣлую деревянную раму, и тонкіе Шанины пальцы трепетно коснулись нагрѣтаго дыханіемъ внѣшней жизни стекла, Шаня почувствовала, что протекающіе по улицамъ потоки живой жизни манятъ ее такъ же сильно, какъ манитъ пустая бездна

зіяющаго передъ нею окна. Сбѣжать ли по лѣстницѣ къ людямъ,—изъ окна-ли внизъ головою на камни броситься,—или упасть на колѣни, уронить голову на подоконникъ, и плакать, плакать, тоскуя безнадежно?

Нѣтъ, Шаня улыбнулась, подняла глаза къ безоблачному, вешне-успокоенному небу, и какой-то стремительно-жуткій вихрь закружился въ ея душѣ:

„Вѣрю,—не вѣрю,—умираю,—хочу жить,—люблю,—ненавижу,—такъ тяжело,—и такъ радостно! Что же будетъ со мною? Что Ты хочешь, то и будетъ! Мірами движешь и сердцами, а я покорная передъ Тобою!"

Шаня обратилась къ Евгенію, и говорила спокойно, почти радостно:

— Ты хочешь, чтобы я поѣхала за-границу? Хорошо, я поѣду.

Евгеній радостно говорилъ:

— Поѣзжай въ Бретань. Тамъ можно очень спокойно провести нѣсколько недѣль. Тамъ встрѣчаются очаровательныя деревушки. И совсѣмъ просто. Можешь даже, сколько хочешь, босикомъ ходить, какъ въ своемъ саду въ Сарыни. И купанье тамъ превосходное. Это не то, что у насъ въ Теріокахъ,—не море, а лужа. Тамъ—настоящій океанъ, приливы, отливы, крабы, скалы, закаты, ну и все такое, очень живописно.

Шаня сказала:

— Съ тобою мнѣ и въ Теріокахъ было бы хорошо. Но я поѣду въ Бретань, если ты хочешь. Куда ты меня пошлешь, туда я и поѣду.

И послышалось вдругъ Шанѣ, что кто-то тихо засмѣялся за ея спиною и тихонько шепнулъ:

— Никуда не поѣдешь.

Шаня глянула въ темный уголъ. Воображеніе метнуло въ ея глаза ослабленную улыбку и рѣденькую козлиную бородку, какъ у Едлички,—да нѣтъ, никого чужого здѣсь не было. Только воображеніе. Сердце замираетъ, голова кружится, въ душѣ истома и страхъ,- вотъ и мерещится.

— Осенью,—говорилъ Евгеній,—если наши чувства не измѣнятся, мы повѣнчаемся.

Голосъ его странно дребезжалъ и былъ чѣмъ-то похожъ на козлиный тенорокъ Едлички.

Шаня улыбалась, стоя у окна. И опять въ душѣ ея запѣла жуткая пѣсня качелей:

— Сбѣжать по лѣстницѣ къ людямъ,—броситься изъ окна внизъ головою,—заплакать, завыть отъ тоски,—улыбаясь, отдаться небесной отрадѣ.

А Евгеній, радуясь тому, что разговоръ прошелъ такъ гладко, и тому, что Шаня на все согласна, говорилъ:

— Черезъ три дня, значитъ, въ четвергъ, я ѣду въ Финляндію. Наканунѣ, въ среду, мы съ тобою позавтракаемъ гдѣ-нибудь вдвоемъ.

Шаня посмотрѣла прямо въ его глаза. Голова ея опять слегка закружилась,—ей показалось, что вся душа Евгенія, лживая и ничтожная, лежитъ передъ нею, распластанная, какъ на операціонномъ столѣ. Эта голая, безстыдная, бездушная душа, душа цивилизованнаго звѣря, корчилась передъ нею, гримасничала и визжала:

— Ты—дура. Я тебя обманываю. Я женюсь на Катѣ, а ты иди, куда хочешь. Ты мнѣ больше не нужна,—пошла прочь.

Шаня отвернулась. Въ глазахъ ея потемнѣло. Въ душѣ смѣшались ужасъ и отвращеніе.

Мечта о солнечно-ясномъ героѣ, вотъ какъ ты погибаешь!

Едва доходили до сознанія гнусныя, отвратныя слова,—Евгеній денегъ просилъ. Говорилъ фальшивымъ, дребезжащимъ теноркомъ:

— Изъ дому не прислали, а надо на поѣздку.

— Хорошо,—сказала Шаня,—только сейчасъ у меня нѣтъ. Дамъ въ среду, когда будемъ завтракать, Мои деньги должны притти завтра.

Она всматривалась въ Евгенія и видѣла,—еще чего-то хочетъ Евгеній. Блудливые огоньки колыхались въ его бѣгающихъ глазахъ.

„Но, вѣдь, я же его люблю!“—подумала Шаня.

И приникла къ нему въ сладостной истомѣ.

ГЛАВА LV.

Въ среду около двухъ часовъ дня Евгеній заѣхалъ за Шанею. Ночью наканунѣ онъ прокутилъ почти всѣ свои деньги. Былъ въ дорогомъ ресторанѣ съ товарищами и съ веселящими дамами.

— А что же съ тобою Шани давно не видно?—спросилъ его одинъ изъ товарищей, гладкій молодой человѣкъ съ лицомъ лягавой собаки.

Евгеній сдѣлалъ скучающее лицо.

— Надоѣла,—съ гримасою сказалъ онъ.—Психопатка какая-то. Впрочемъ, я нашелъ ей жениха.

— Наилучшій выходъ,—похвалилъ лягавый молодой человѣкъ.

— Умоляетъ дать ей завтра послѣднее свиданіе,—говорилъ Евгеній.— Сентименты! Ничего не подѣлаешь, поскучаю. Конечно, придется дать ей приданое. Ну, что жъ, у этого сорта людей деньги всемогущи.

Послѣ безпутной ночи Евгеній плохо выспался, но все же чувствовалъ себя очень веселымъ и бодрымъ. Даже истома и вялость были ему сегодня пріятны, потому что казались удобными: Шаня приметъ это за печаль при разлукѣ съ нею, и тѣмъ легче будетъ ему обмануть ее.

Въ карманѣ его было пусто, но онъ не стѣснялся везти Шаню въ ресторанъ,—на лихача осталось, а по счету заплатитъ Шаня. У подъѣзда ре-

сторана онъ лихо выбросилъ лихачу послѣднюю бумажку, и у него осталось два рубля.

Когда Евгеній и Шаня остались одни въ отдѣльномъ кабинетѣ, почти съ перваго слова Евгеній спросилъ:

— Ну, что же, Шанечка, пришли твои деньги?

— Пришли, но объ этомъ послѣ,—сказала Шаня.

Евгеній поморщился.

— Однако, мнѣ...

— Послѣ, послѣ,—досадливо перебила его Шаня.—А теперь chantons, buvons, aimons.

Евгеній пожалъ плечами и со злостью сказалъ:

— Какъ ты скверно выговариваешь!

Пришелъ лакей съ карточкою винъ и кушаній.

Евгеній выбиралъ кушанья и вина для завтрака тѣ, что подороже. Шаня, смѣясь, сказала ему по-французски:

— Можетъ быть, у меня и денегъ не хватитъ.

Евгеній строго взглянулъ на нее, и сказалъ презрительно:

— Я не привыкъ жрать кой-какъ, по свински.

Кончили завтракъ. Лакей подалъ счетъ. Евгеній вопросительно глянулъ на Шаню. Она сказала:

— Я заплачу.

Заплатила и сказала лакею:

— Еще съ часъ побудемъ здѣсь.

Лакей ушелъ. И когда дверь за нимъ закрылась, у Шани томно и странно закружилась голова, и сердце упало.

А у Евгенія, отъ выпитаго вина и вкуснаго завтрака, голова кружилась пріятно. Онъ развалился на диванѣ и самодовольно сказалъ:

— А, въ сущности, жизнь—превеселая штука.

— Для кого какъ!—возразила Шаня.

Засмѣялась. Смѣялась долго и звонко, и смѣхъ ея звучалъ механически и обидно, а рука въ это время ощупывала затаившійся въ карманѣ револьверъ.

— Что ты?—съ удивленіемъ спросилъ Евгеній.

— Мнѣ весело,—сказала Шаня.

Перестала смѣяться, и холодными глазами смотрѣла на Евгенія. Онъ мычалъ что-то. Былъ почти обиженъ. Въ другое время онъ разсердился бы и ушелъ. Но были нужны деньги, и онъ ждалъ.

Шаня вздохнула, улыбнулась и сказала:

— Что жъ удивительнаго, что мнѣ весело въ твоемъ обществѣ!

Евгеній расцвѣлъ самодовольною улыбкою. Шаня говорила:

— Ну вотъ, я принесла деньги. Сколько? Пятьсотъ довольно?

— Спасибо, милая Шанечка,—радостно сказалъ Евгеній.

Шаня вынула изъ сумочки и передала Евгенію пять бумажекъ. Евгеній пересчиталъ ихъ и положилъ въ бумажникъ. Потомъ потянулся къ Шанѣ.

Шаня отошла къ окну. Евгеній посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и съ досадою. Сказалъ:

— Шаня, некогда. Не капризничай. Поди ко мнѣ, я тебя приласкаю.

Шаня спросила сухимъ, дѣловымъ тономъ:

— И такъ, твоя свадьба съ Катею Рябовою уже окончательно рѣшена?

Евгеній вздрогнулъ отъ неожиданности. Забормоталъ:

— Не совсѣмъ... Вовсе нѣтъ... Знаешь ли...

— Я, другъ мой, все знаю,—такъ же сухо говорила Шаня.

— Да, но... что же ты знаешь?—растерянно говорилъ Евгеній.

— Евгеній,—строго сказала Шаня,—ты меня окончательно бросаешь.

И она взглянула прямо ему въ глаза. Евгеній былъ смущенъ. Глаза его бѣгали. Дрожащими руками онъ сунулъ бумажникъ въ карманъ сюртука.

— Бросаешь?—повторила Шаня.

Евгеній залепеталъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? Но пойми, что чѣмъ же мы будемъ жить? Не могу же я существовать на эти твои гроши.

Шаня заплакала. Упала на диванъ. Ломала руки. Такая маленькая, слабая и жалкая стала, что Евгеній вдругъ почувствовалъ себя мужчиною и молодцомъ. Заговорилъ смѣло, почти укоряющимъ голосомъ. И что дальше, то смѣлѣе.

— Я, право, отказываюсь тебя понимать, Шаня. Сама же ты призналась, что ты мнѣ въ жены не годишься, что намъ лучше разстаться, — и вдругъ...

Шаня, плача, сказала:

— Ахъ, Женя, я все прошлое хороню. Не такъ-то это легко.

— Право, я думаю, ты меня не можешь любить,—говорилъ Евгеній.— Я не стою такой любви. И вотъ, ты сама это увидишь. Я увѣренъ, что осенью, послѣ того, какъ мы три мѣсяца проживемъ другъ безъ друга, ты сама возвратишь мнѣ свободу. Притомъ же, это, видишь ли, единственный способъ поправить наши дѣла.

Шаня сѣла на диванъ. Вытерла слезы. Потянулась, точно просыпаясь. Заговорила тихо:

— Ты будешь счастливъ. У тебя будетъ семья, дѣти, общественное положеніе, деньги, почетъ.

Евгеній самодовольно улыбнулся. Сказалъ:

— Ну, ну, моя милая Шанечка, я тебя никогда не забуду.

Шаня встала, вся охваченнная бѣшенствомъ. Глядя прямо въ глаза Евгенія, сказала тихо и злобно:

— За убійство такого негодяя знакомые съ уваженіемъ пожмутъ мнѣ руку.

Легкое настроеніе и радостный хмель соскочили съ Евгенія. Уже ему вдругъ нетерпѣливо захотѣлось, чтобы это свиданіе поскорѣе окончилось. Какъ-то уныло смотрѣли на него стѣны этой комнаты, и ему захотѣлось на просторъ. Онъ почувствовалъ бы дикую радость, если бъ увидѣлъ, что Шаня внезапно умерла. И въ душѣ его заскулила жалость къ самому себѣ:

„Я,—и долженъ страдать изъ-за психопатки!“

Шаня страшно поблѣднѣла. Губы ея задрожали. Глаза ея загорѣлись дикимъ блескомъ,—такимъ дикимъ, что Евгенію стало жутко и страшно. Но онъ попытался сохранить достоинство.

— Ну, нельзя ли потише,—сказалъ онъ строго.

Шаня молчала. Дрожащими руками она хваталась за платье. Старалась нащупать карманъ.

Евгеній струсилъ. Поблѣднѣлъ, залепеталъ:

— Ну, зачѣмъ такъ трагически принимать!

Сгибаясь, онъ пытался прокрасться къ выходу. Но Шаня стала передъ нимъ и сказала:

— Если нельзя намъ жить вмѣстѣ, умремъ вмѣстѣ.

Она вынула револьверъ. Евгеній нелѣпо и трусливо замахалъ руками. Закричалъ визгливо:

— Ну, что ты! Ужъ я... вѣдь, это еще не рѣшено... я лучше женюсь на тебѣ.

Шаня ярко вспыхнула. Вотъ кого она любила! Даже умереть не умѣетъ!

— О, подлый!—крикнула она.

Подняла револьверъ. Евгеній закричалъ:

— Караулъ!

Метнулся къ дверямъ, но Шаня раньше его была у двери.

Евгеній присѣлъ на корточки, поблѣднѣлъ, задрожалъ и завизжалъ тонко и пронзительно. Нижняя челюсть его отвисла. Весь онъ ослабъ, осѣлъ...

Шаня вздргнула. Выронила револьверъ.

— О, какой гадкій!—съ отвращеніемъ сказала она.

Евгеній метнулся къ револьверу, распластавшись на полу, и сгребъ его обѣими руками. Но Шаня толкнула Евгенія кончикомъ ботинки, нагнулась, вырвала изъ его вялыхъ отъ ужаса рукъ револьверъ, и поспѣшно вышла.

— Барину дурно,—сказала онъ лакею.

На улицу вышла, какъ на вольный воздухъ изъ склепа.

Солнечно-ясный герой, превратившійся въ гадину, остался тамъ, позади. И только отвращеніе, истома смертная, отвращеніе!

Шаня оперлась на рѣшетку канала, блѣдная, и смѣялась, глядя въ его зеленоватыя воды. Голова ея кружилась, ей было томно и тошно, и казалось ей, что она умираетъ отъ нестерпимо-остраго отвращенія. Вдругъ она почувствовала странную слабость, все въ глазахъ ея позеленѣло и потемнѣло, она медленно опустилась на плиты тротуара и тихо упала на жесткіе камни, головою на согнутую въ локтѣ руку.

Ѳедоръ Сологубъ.

Конецъ.

ЖИЗНЬ и ЛИТЕРАТУРА. *)

У насъ есть новый герой: обыватель. Это пошла такая мода, чтобы думать прежде всего о русскомъ обывателѣ, чуть не о петербургскомъ даже, считаться съ нимъ, подлаживаться къ нему, поощрять его, стараться заслужить его вниманіе. Что интеллигенція! Не современно думать о какой-то интеллигенціи. Да и гдѣ она? Били по ней достаточно со всѣхъ сторонъ, забили въ уголъ,— сиди смирно, служи, коли можешь, обывателю, притомъ скромно, безъ шума. Интеллигенція все таки „цвѣтъ", „избранные", а обыватель—масса и, значитъ, сила. Въ старыя времена силой казалась масса народная; но съ тѣхъ поръ мы возлюбили „реальность" и утопическими мечтаніями о далекомъ „народѣ-сфинксѣ"—насъ непроберешь. Обыватель же рядомъ, а если тоже порою „сфинксъ" — разгадывать его загадки легко. „Средній человѣкъ"—вотъ чье вниманіе надо привлечь. И не забудемъ, что нынѣшніе обыватели—торжествующіе, довольные, капризные, а отнюдь не сѣрая чеховщина, которая вѣчно тосковала и куда-то безсильно рвалась.

Новая политика съ обывателемъ такова: ничего не требовать сверхъ его обывательскихъ силъ. Пусть онъ остается, какъ есть, пусть дѣлаетъ, что дѣлаетъ, ходитъ въ скэтинги и ломится въ цыганскіе концерты,—Боже сохрани его запугивать. Надо помаленьку добиваться, чтобы онъ изрѣдка почитывалъ, развивался культурно, подумывалъ иногда о большихъ вопросахъ, воспитывалъ свою волю и, занимаясь спортомъ или дежуря ночь около Маріинскаго театра, дѣлалъ бы это „подъ знакомъ" воспитанія воли. Таковы модныя, болѣе чѣмъ умѣренныя, надежды на обывательскую массу, преимущественно на обывательскую молодежь.

У меня есть другъ, который часто напоминаетъ мнѣ щедринскаго Глумова. Онъ безъ дальнихъ словъ стыдитъ меня: что вы дѣлаете! Время ли писать о книжкахъ? Обыватель сейчасъ не только мнѣніями о книжкахъ не интересуется, но и самими книжками нисколько. Обыватель занятъ, помимо своихъ дѣлъ,—войной. Онъ газеты читаетъ.

Однако, что же дѣлать литературному критику? Не писать же о войнѣ? Другъ совѣтуетъ смириться, переждать.

---

*) Начиная съ этой книги, въ „Новой Жизни" будутъ ежемѣсячно печататься летературные обзоры извѣстнаго критика Антона Крайняго. *Ред.*

— О чемъ и говорить-то? — упорствуетъ онъ.—Не видите развѣ, что у самихъ писателей заминка? „Сезонъ" начался, а гдѣ интересныя книги? Не выходятъ, нѣту. Даже дряни, и той меньше, чѣмъ въ обычное время.

Все это убѣдительно, а я не смиряюсь. Во-первыхъ, если нѣтъ сегодняшнихъ интересныхъ книгъ, то есть вчерашнія; а во-вторыхъ,—и это главное, — я принципіально не хочу подчиняться новой модѣ и подлаживаться подъ интересы обывателя. Пусть себѣ онъ читаетъ газетныя корреспонденціи, или что хочетъ. Мнѣ все равно.

По правдѣ сказать, въ послѣднее время и беллетристика пошла обывательская. То-ли писатель безсознательно слѣдуетъ модѣ и „считается" со вкусами обывателя, то-ли самъ, изъ прежняго „пророка", выродился въ обывателя. Даже фантазія современныхъ романистовъ бываетъ похожа на послѣобѣденное мечтаніе какого-нибудь чиновника или правовѣда... буде правовѣды мечтаютъ о „возвышенномъ". Одинъ Сологубъ еще умѣетъ говорить о томъ, о чемъ обыватель, ни молодой, ни старый, не домекнется. Ну, за то Сологубъ и не „популяренъ". Извѣстенъ, но не популяренъ. Недавнія цифры показали, что Сологуба читаютъ во сколько-то разъ, (въ тысячу, кажется, боюсь ошибиться) меньше, чѣмъ г-жу Вербицкую. Въ литературѣ о ней, если говорятъ, то съ улыбкой, я не знаю ни одного „интеллигента", ради собственнаго удовольствія прочитавшаго „Ключи счастья",—а вотъ обывательская молодежь впивается; питается этими „Ключами". „Скажи, кого ты любишь, я скажу, кто ты". Современная молодежь сказала, что любитъ г-жу Вербицкую; мы, значитъ, имѣемъ право назвать эту молодежь, въ средней массѣ ея,—обывательской. Потому-что г-жа Вербицкая—чистый идеалъ писательницы-обывательницы, и ужъ я прошу здѣсь повѣрить мнѣ на слово, безъ доказательствъ: въ критическій разборъ „Ключей" я пускаться все равно не буду.

Далѣе статистика намъ открываетъ, что сейчасъ послѣ Вербицкой (на второмъ мѣстѣ) стоитъ Амфитеатровъ. Имъ питаются не такъ жадно, какъ „Ключами", но тоже очень жадно.

Признаюсь, это меня удивило. Ужъ я скорѣе ждалъ Андреева или Куприна послѣ Вербицкой—нѣтъ, Амфитеатровъ. Ему, не кому другому, уготовалъ обыватель тронъ впереди Льва Толстого. Такова жизнь.

Поговорить объ Амфитеатровѣ не съ обывательской, а съ литературной точки зрѣнія, я считаю полезнымъ; его мѣсто въ литературѣ хотя и явно-среднее, не еще какое-то неопредѣленное. Говорятъ о немъ мало и тоже неопредѣленно.

Это писатель знакомаго, по существу неопредѣленнаго, типа. Кто онъ? Беллетристъ? Критикъ? Публицистъ? Хроникеръ? Репортеръ? На каждый вопросъ приходится отвѣчать „нѣтъ", а на всѣ вмѣстѣ—„да". Тутъ еще нѣтъ ни дурного, ни хорошаго. Писателей этого типа у насъ было много (Глѣбъ Успенскій, Щедринъ); если не было геніальнаго, то могъ быть. Но геній, или высокій талантъ, никогда не смѣшиваетъ разныя формы творчества; онѣ

соединены въ его личности, связаны ею одною, главнымъ образомъ. Щедринъ—беллетристъ—законченный, дѣйствительный беллетристъ. Его „Пошехонская Старина“ можетъ стать рядомъ съ „Дѣтствомъ и Отрочествомъ“ Толстого, и конечно, она выше сладковатаго аксаковскаго „Багрова внука“.

По тому смѣшенію, которое царитъ въ книгахъ Амфитеатрова, мы угадываемъ сразу среднiй талантъ. Его послѣднiе „историческiе“ романы („Конецъ Стараго вѣка“, „Восьмидесятники“ и др.)—хаосъ безспорный. Собранiе анекдотовъ, повѣствованiе, сплетня, репортажъ, мемуары,—что это?—Имена вымышленныя перепутаны съ настоящими, упоминаются люди, до сихъ поръ здравствующiе,—я не удивляюсь, что многiе читаютъ „романъ“ съ любопытствомъ именно къ сплетнѣ, пытаются угадать знакомыхъ и тамъ, гдѣ имя скрыто. Помнится даже, что къ автору обращались за подобнаго рода разъясненiями, и онъ отвѣчалъ. Слишкомъ ясно, что „романъ“ не долженъ возбуждать такихъ интересовъ, примитивное чутье художника не должно бы допускать дешевки. Вотъ, значитъ, еще одна опредѣленная черта: Амфитеатрову не достаетъ художественнаго чутья.

Способности у него, однако, есть, и большiя. Онъ сочень и порою гибокъ; но та вѣчная претензiя на силу, которая выражается вѣчной грубостью, смѣлость, которую мы поневолѣ должны отмѣтить, какъ пошлость,—весьма умаляютъ способности писателя. Амфитеатровъ—самоувѣренъ, какъ всѣ, кто искренно принимаетъ плоскость за глубину. Станетъ такой человѣкъ въ канавку, думая, что сталъ въ бездну; глядь—бездна-то ему по колѣно, ну какъ же не увѣровать въ себя? Со стороны немножко смѣшно, а ему и невдомекъ. Я случайно пробѣгалъ статейки Амфитеатрова въ какихъ-то заграничныхъ газетахъ; и, право, даже удивлялся. Человѣкъ, все таки, образованный, во всякомъ случаѣ, начитанный, и подъ этимъ—первобытно-грубое мiросозерцанiе, поражающее своей несвоевременностью. Амфитеатровъ любитъ повторять, что онъ „позитивистъ“; но, къ сожалѣнiю, это не научный, спокойный, а ликующiй позитивизмъ... ну, хотя бы семинариста, вчера открывшаго, что батюшки-преподаватели все врутъ, „ничего того нѣтъ“, увѣреннаго притомъ, что онъ открылъ Америку. Отбросить „всякую чепуху“, и тогда все ясно. Меня и удивляетъ-то въ Амфитеатровѣ не позитивизмъ, а вотъ эта стопудовая примитивность и продолжительность ликованiя; взрослый писатель съ большими способностями, наблюдательный, живой,—а мыслью и не обертывается въ сторону того же позитивизма, не пытается заново его пересмотрѣть, подновить какъ-нибудь. Не пора ли?

Въ прежнее время у Амфитеатрова попадались остроумные фельетоны и даже безсознательно-глубокiе (по замыслу) разсказы. Мнѣ до сихъ поръ помнится какая-то полусказочная повѣсть его о кучкѣ культурныхъ людей, попавшихъ на пустынный островъ, и о томъ, что изъ этого вышло. Въ послѣднiе годы, вмѣсто яркихъ порою фельетоновъ, Амфитеатровъ даетъ намъ, (въ

тѣхъ случаяхъ, когда пишетъ о литературѣ),—грубую ругань „съ плеча“, непремѣнно подправленную этимъ своимъ семинарскимъ „позитивизмомъ“; а вмѣсто грубоватаго, но спокойнаго разсказа—псевдо-историческій, сплетническій романъ, полный натянутыхъ приключеній. Успѣхъ Амфитеатровъ имѣетъ, однако, теперь; теперь, а не раньше, возлюбилъ его обыватель; значитъ, писатель именно въ позднѣйшія времена спустился къ обывателю, подошелъ къ нему, забавляя сплетнями и приключеніями. „Позитивизмомъ“, какимъ угодно, обывателя не возьмешь; ему плевать на всякое міросозерцаніе: Вербицкая можетъ завтра сдѣлаться теософкой, послѣзавтра буддисткой, затѣмъ матеріалисткой—спросъ на ея книги отъ этого не уменьшится и не увеличится. Лишь бы дешевка была, и даже все равно какая: сплетническая, романтическая, нитшеанская, рокамболевская,—лишь бы дешевка.

Когда пишешь объ Амфитеатровѣ,—невольно и упорно приходитъ на память другое имя, другого писателя, очень родственнаго по типу съ Амфитеатровымъ, имѣющаго или имѣвшаго съ нимъ общія черты. Въ сферѣ журналистики, по крайней мѣрѣ, они стояли близко другъ къ другу. А сейчасъ этого послѣдняго писателя и журналистомъ назвать уже нельзя. Что онъ такое—Богъ знаетъ.

Я говорю, конечно, о Дорошевичѣ.

Способности и у него были не малыя, въ стилѣ амфитеатровскихъ; одно время, говорятъ, онъ имѣлъ высокій успѣхъ среди массы обывательской, газеты почитывающей; донынѣ осталась „репутація“, хотя газетнаго обывателя онъ уже не забавляетъ—надоѣлъ. Былъ, впрочемъ, только успѣхъ—не вліяніе. Это надо оговорить. Вліянія Дорошевичъ никогда не имѣлъ, какъ не имѣетъ его сейчасъ и „успѣшный“ Амфитеатровъ. Да и возможно ли вліяніе писателя-обывателя на читателя-обывателя? Развъ онъ и они—одно...

Я никогда не видалъ картины такого полнаго раззоренія, какую являетъ Дорошевичъ. У Амфитеатрова пусть ломаные, но какіе-то есть свои гроши за душою, остались; Дорошевичъ растратилъ все, до послѣдняго кодранта. Ему настолько не о чемъ писать, что онъ уже потерялъ связность рѣчи; и какъ теперь ни вертится—хитрый обыватель и глазомъ не мигаетъ. Хоть разорвись Дорошевичъ—на полушку не повѣритъ никто: банкротъ. А я до сихъ поръ помню старые - престарые, живые и сильные, сибирскіе фельетоны молодого Дорошевича; рѣзкіе, острые и живописные. Были же способности, былъ капиталъ,—такое раззореніе! Кто виноватъ—не все ли равно? Я наблюдаю явленіе и невольно жалѣю о пропавшей объективной цѣнности.

Быть можетъ, разность судьбы этихъ двухъ писателей съ родственными способностями повліяла на разность ихъ положеній. Внѣшне-суровая къ Амфитеатрову, судьба помогла ему, однако, сохранить свое за душой; коварно улыбаясь Дорошевичу—она обобрала его до послѣдней нитки. Мы еще не знаемъ, что было бы, очутись въ свое время Дорошевичъ эмигрантомъ (а это всегда и всякаго облагораживаетъ) и будь, на-

противъ, Амфитеатровъ властнымъ хозяиномъ какой-нибудь большой газеты. Пожалуй, и было бы все наоборотъ. Ужъ очень однородны, одностильны способности этихъ двухъ, несомнѣнно одаренныхъ людей.

Заговоривъ о Дорошевичѣ—я отошелъ нѣсколько отъ литературы. Но какъ было не вспомнить его, разбирая Амфитеатрова? У меня есть старинный пріятель, (этотъ ужъ совсѣмъ не типа суетливаго Глумова), самъ когда-то написавшій книгу стиховъ, тонкій критикъ, поклонникъ Тургенева и Мопассана, человѣкъ old style, съ нѣжной, какъ стебель, душой. Онъ давно уединился, отошелъ отъ современной литературы, не вникаетъ въ нее; огуломъ бранитъ „модернъ", не видя отличій „мелкаго бѣса" отъ „Анаѳемы", а при томъ способенъ узнать Лермонтова въ одной ново-открытой строкѣ. Что же? У него странная слабость къ Амфитеатрову и Дорошевичу. Я могу это объяснить лишь физіологическимъ притяженіемъ противоположностей. Изощренная нѣжность моего друга тянется туда, гдѣ бьютъ по затылку. Все равно какъ, лишь бы „крѣпчае" Но меня заинтересовало то, что мой старый поэтъ къ двумъ любимымъ именамъ прибавляетъ еще одно—третье: беллетриста Будищева. Ужъ нѣтъ ли, подумалось, и у Будищева родственной связи съ Дорошевичемъ и Амфитеатровымъ? Надо, послѣ долгихъ лѣтъ, обернуться и посмотрѣть на Будищева. Кстати, онъ только что издалъ книгу своихъ разсказовъ „Съ горъ вода" (Моск. К-во).

— Посмотрите, посмотрите,—убѣждалъ меня другъ мой,—это страстность, и мучительство, и вопросы... Тутъ Достоевскимъ пахнетъ.

Я и посмотрѣлъ. Прежде всего скажу, что особой родственности съ Амфитеатровымъ и Дорошевичемъ я въ авторѣ не нашелъ. Порою кое-что мелькаетъ; прискокъ растрепанный, что ли; да за душой (какъ бы сказать—не обидѣть) тоже, ломаные нѣсколько, гроши. А соблазнъ друга моего—опять физіологическое влеченіе къ противоположности. Знатокъ Мопассана долженъ тянуться къ хаотически разбросанному, расхлябанному языку Будищева; человѣкъ изощреннаго вкуса—радоваться безвкусію Будищева. А именно безвкусіе—самая характерная черта этого писателя.

Я, впрочемъ, хочу быть справедливъ. Послѣ неудачно-преувеличенной рекомендаціи это нелегко: потому что какой тутъ Достоевскій! лучше бы его не тревожить! Сравнивая же Будищева кое съ кѣмъ изъ современныхъ беллетристовъ второго и третьяго сорта, сравнивая его даже съ самимъ Будищевымъ лѣтъ десять тому назадъ,—можно сказать о писателѣ и доброе.

Общее безвкусіе не покинуло его; но герои-приказчики все таки облагородились. Героини остались тѣ же; да, впрочемъ, у Будищева во вѣки вѣковъ одна и та же героиня. Конечно, обольстительная на взглядъ: „...съ пышно взбитыми волосами, съ большими глазами, словно недоумѣвающими или испуганными, и привѣтливо улыбающимися яркими, какъ лепестки цвѣтовъ, губами". Это лицо непремѣнно „дразнило героя. Точно что-то обѣщало и сейчасъ же отталкивало.

Бросало отъ тоски къ радости. Сердцу порою сердито хотѣлось одолѣть ее (т. е. сердцу героя—героиню), стать надъ ней господиномъ и причинить ей боль... Или пасть предъ нею на колѣни (самому герою или все еще сердцу?), истребить собственную волю и провозгласить надъ собою свѣтлое главенство женщины". Такова постоянная героиня Будищева, ея наружность, дѣйствіе ея на лицъ мужского пола. Внутренній же свой обликъ она сама очень вѣрно опредѣляетъ тамъ, гдѣ, по обстоятельствамъ, должна на мгновеніе просвѣтляться, напримѣръ—если герой уже умираетъ по ея винѣ. „Часто, часто дышала у его уха и зашептала: прости меня! Я—дрянь! Потаскуха!..." На это герой, „съ трудомъ ворочая языкомъ, такъ что мышцы лица: вздрагивали отъ усилій, выговорилъ, Ал-л-л-егорія! Ѣс-стъ!" Онъ бредилъ, но, можетъ быть, сбредилъ тоже вѣрно, хотя чего именно аллегорія—такая героиня, покрыто мракомъ.

Во всякомъ разсказѣ Будищева дѣйствуетъ эта знакомая „аллегорія", упоительная „дрянь", все одна и та-же. О стилѣ и языкѣ, какимъ она описана, легко судить по приведеннымъ цитатамъ, да и судить не стоитъ, слишкомъ ясно. Пусть инымъ здѣсь чудится языкъ „мучительныхъ страстей", на мой же трезвый взглядъ это лишь банально-небрежный слогъ писателя, который не смотритъ за собой, какъ слѣдуетъ.

Героиня, обычная, мелькаетъ даже въ лучшемъ и самомъ длинномъ разсказѣ Будищевскаго сборника—„Благополучіе". Это—повѣсть о разбогатѣвшемъ мужикѣ, Столбушинѣ, который заболѣлъ ракомъ желудка тогда, когда, повидимому, достигъ вершинъ благополучія. Авторъ сдѣлалъ его недурнымъ человѣкомъ, и это углубляетъ разсказъ. Есть въ немъ положительно недурныя мѣста. Напримѣръ, посѣщеніе Столбушинымъ, уже больнымъ, родной деревни. И тутъ авторъ перехватилъ, но прекрасно все начало, мужики—двоюродные братья, ребятишки, черный Назаръ, который „жестко говорилъ, точно ругался, жестикулировалъ узловатыми пальцами" и съ тонкой, печальной нѣжностью вспоминалъ о своей покойной женѣ: „Ты знаешь, отчего она у меня померла? Отъ стыда! Болѣзнь такая съ ней приключилась, конешно, насланная съ вѣтромъ или какъ. Стыдилась она всего. Не повѣришь, пить даже стыдилась, Богу молиться стыдилась. Жить стыдилась! Такая болѣзнь насланная!... Жить стыдно! Повѣришь этому? Вотъ какія болѣзни бываютъ!"

Не плохъ у Будищева и „Петруша Рокамболь",—экспропріація, задуманная двумя гимназистами, полуигра, кончающаяся трагически. Взятъ, впрочемъ, тонъ анекдота, и трагическій конецъ производитъ противное впечатлѣніе. Тутъ опять сказалось непобѣжденное безвкусіе Будищева.

„Вопросы", затрагиваемые писателемъ, не сложнѣе, говоря по правдѣ, вопросовъ, которые могутъ зародиться въ головѣ обывателя; и если обыватель не возлюбилъ Будищева такъ, какъ Вербицкую, то причина—его индивидуальныя свойства. Слишкомъ много таланта, чтобы прибѣгать къ заманивающей дешевкѣ вродѣ сплетенъ и приключеній,—и слишкомъ мало его, пожалуй, для того, чтобы за-

ставить проглотить себя со всѣми наскоками, рѣзкостями, порываніями—ихъ читатель Вербицкой не любитъ, боится. Эти угловатости, неровности, пятна,—одни только и цѣнны въ Будищевѣ, но на всѣхъ не угодишь. Ожидать отъ автора особеннаго роста нельзя съ увѣренностью, онъ не начинающій; но требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему творчеству мы можемъ и должны, тѣмъ болѣе, что за десять послѣднихъ лѣтъ писатель съумѣлъ же кое-что пріобрѣсти. И счастье, что обыватель еще не влюбленъ въ Будищева. При его силахъ—не удержаться бы ему на скользкомъ пути.

Скользкій путь этотъ опасенъ для всѣхъ. Опасна и новая мода, новая тактика, о которой я говорилъ въ началѣ статьи: буду, молъ, сознательно подлаживаться къ обывателю, а когда онъ ухо ко мнѣ повернетъ, тутъ-то я помаленьку и начну его учить, исподволь, не пугая, ему на пользу, себѣ на утѣшеніе. Не вѣрю я въ эти фребелевскія игры. Откровенная погоня за „успѣхомъ"—ну, это понятно, а задаваться педагогическими цѣлями — самообманъ, ничего все равно не выйдетъ. Педагогика хороша, когда она не преднамѣренна; а недаромъ и дѣтей на фребелевскія игры не поймаешь. Да и унизительна она.... какъ для учителей, такъ и для учениковъ. Коли писатель самъ такой же обыватель—другое дѣло; а коли есть за нимъ свое—говори свое; не слышатъ тебя—самъ виноватъ: голосъ, значитъ, тихъ. Потому что, въ концѣ концовъ, я меньше всего виню вотъ эту „среднюю читательскую массу", средняго русскаго человѣка. Онъ услышитъ тѣхъ, кто съумѣетъ говорить громко.

Уклонъ къ „нисхожденію" (беру слово Вяч. Иванова), къ стиранію острыхъ угловъ, къ фальшивому, поддѣльному, теоретизированному... даже не демократизму, а къ „великой срединѣ"—очень ясенъ теперь въ литературѣ. Она хаотична, однако, попадаются нити, опредѣленно окрашенныя. Интересно просмотрѣть наши журналы, болѣе замѣтные, конечно, опредѣлить физіономію каждаго и данное его положеніе. Вѣдь, ихъ тоже читаютъ... или не читаютъ.

Но журналами я займусь въ слѣдующій разъ.

Антонъ Крайній.

НОВАЯ АМЕРИКА.

(Джекъ Лондонъ, неистовый калифорніецъ).

I.

Америка до нынѣшняго времени представляетъ изъ себя officina gentium, чудовищный котелъ, въ которомъ происходитъ выплавка новой расы изъ самыхъ различныхъ ингредіентовъ. Работа эта трудная и весьма отвѣтственная. Древній Римъ погибъ, можно сказать, отъ несваренія массы азіатовъ, скиѳовъ и германцевъ, плѣнныхъ рабовъ и отпущенниковъ, изъ которыхъ вышла вмѣсто римскихъ гражданъ римская чернь.

Впрочемъ, процессъ ассимиляціи происходилъ въ Римѣ стихійно и безпорядочно. Америка напротивъ, напрягаетъ всѣ силы гражданственныя и бытовыя, чтобы придать американское лицо новѣйшимъ неграмотнымъ скиѳамъ, прибывающимъ черезъ океанъ. Стоитъ вспомнить школьные дворцы для малолѣтнихъ и взрослыхъ эмигрантовъ, даровые учебники, призы для успѣвающихъ, первые уроки по нѣмецки и по-польски и по yiddish (такъ называютъ въ Нью-Іоркѣ еврейскій жаргонъ). Трудно дать представленіе объ этой широкой работѣ тому, кто не видѣлъ. На каждомъ шагу получаются здѣсь непредвидѣнные результаты скрещеній, странныя племенныя смѣси. Напримѣръ, католики-нѣмцы охотно вступаютъ въ браки съ такими же католиками-ирландцами. Но соединеніе германца и кельта производитъ новую расу, близкую той, какая населяетъ Англію. Такимъ образомъ, янки говорятъ, что у нихъ есть собственная фабрика новаго англійскаго народа.

Однако, эта гигантская ассимиляція не проходитъ даромъ для Америки. Именно это безконечное усвоеніе инородныхъ элементовъ является главной задержкой для окончательной выработки націи, которая должна бы перебродить и осѣсть въ Соединенныхъ Штатахъ. Вчерашніе дикіе люди, неграмотные know-nothing'и (незнайки), даже пріобрѣтя внѣшній культурный обликъ, все же понижаютъ общій культурный уровень. И каждый годъ притекаетъ сквозь гавани Нью-Іорка и Филадельфіи еще милліонъ.

Эта непрерывная сухая перегонка безчисленныхъ племенъ, между прочимъ, является причиной того, что въ Аме-

рикѣ до сихъ поръ не можетъ развиться и вырасти настоящая литература. Странные продукты американской грамотности всѣмъ извѣстны.

Желтыя газеты. И сущность, и терминъ созданы Америкой. Многія изъ нихъ съ европейской точки зрѣнія совершенно неудобочитаемы. Онѣ состоятъ изъ извѣстій биржевой игры и спорта, уличныхъ сенсацій съ примѣсью фантастическихъ телеграммъ изъ Европы и изъ цѣлаго свѣта, лживыхъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ. Я помню, например, такія телеграммы изъ Россіи:

«Графъ Поштучкинъ, редакторъ «Московскаго Листка», принялъ начальство надъ революціоннымъ движеніемь въ Македоніи».

«Въ городѣ Версинакъ Псакской провинціи запрещено рожать дѣтей женскаго пола».

Рядомъ съ „Evening Telegram" даже «Петербургская Газета»—интеллигентнѣйшій органъ. Натъ Пинкертонъ и другіе сыскные разсказы (detective stories), короткіе разсказы для чтенія въ трамваѣ (short stories), ровно въ 1000 словъ или въ 5000 буквъ, на тему вродѣ «Женщина или Тигръ», извѣстнаго Франка Стоктона,—все это созданія Америки.

Самые видные и яркіе писатели этой литературы все-таки не могутъ быть приняты безъ всякихъ оговорокъ.

Поэтъ Лонгфелло, по существу, писатель европейскій, несмотря на Гайавату, и только отчасти — бостонскій. Эдгаръ Поэ—тоже писатель американскій, какъ lux a non lucendo, развѣ только по силѣ отвращенія, какое внушала Америка этому причудливому аристократическому генію. Бретъ Гартъ, давшій намъ такія прекрасныя повѣсти изъ жизни рудокоповъ, оказался писателемъ безъ центральной линіи, совершенно неспособнымъ выйти за узкіе предѣлы «Ревущаго Стана».

Даже геніальный насмѣшникъ Маркъ Твенъ, самый яркій продуктъ американской духовной жизни, никогда не является фокусомъ, собирательнымъ зеркаломъ націи. Это только образчикъ духовной руды, золотой самородокъ. Онъ пишетъ безъ выбора, что въ голову взбредетъ, какъ столько другихъ той же школы, но не того же калибра, начиная отъ Артемуса Уорда и кончая Дунномъ. И если хотите, самымъ типичнымъ и показательнымъ для Твена является разсказъ о мелкомъ реформаторѣ, искоренителѣ злоупотребленій, который ѣздитъ полуинкогнито по желѣзнымъ дорогамъ и старается искоренять разными уловками и шутками и даже кулаками всякое мелкое зло.

Этотъ разсказъ имѣетъ, пожалуй, автобіографическій характеръ. Я помню очень серьезную газетную статью, которую Твенъ написалъ уже въ старости, о томъ, какъ извозчикъ хотѣлъ содрать съ него за ѣзду по часамъ лишнихъ пять долларовъ и какія чрезвычайныя усилія онъ, Маркъ Твенъ, употребилъ для введенія извозчика въ законные предѣлы.

Старшее поколѣніе Америки, даже наиболѣе интеллигентное, состоитъ именно изъ такихъ мелкихъ реформаторовъ. Они влюблены, какъ нарциссы, въ отечество, и въ строй своей жизни, и въ

самихъ себя и допускаютъ возможность только мельчайшихъ исправленій.

Джекъ Лондонъ—представитель поколѣнія младшаго. Подобно Марку Твену и многимъ другимъ, онъ вышелъ изъ нижнихъ широкихъ слоевъ, но въ противность другимъ онъ принесъ оттуда съ собою идеологію и чувства массы. Первый изъ американскихъ писателей онъ является не только отраженіемъ, но и фокусомъ, пунктомъ концентраціи національнаго духа, и онъ, наконецъ, даетъ намъ ощущеніе того, что есть на самомъ дѣлѣ Америка, и даже предвкушеніе того, чѣмъ станетъ Америка, быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ.

И прежде всего—огромная ширь континента межъ двухъ океановъ, безбрежный просторъ лѣсовъ и прерій и пшеничныхъ полей, каньоновъ и горныхъ долинъ,—вотъ что такое Америка.

Ее сравнивали часто съ россійской шириной, но каждая подробность вмѣсто сходства является различіемъ. Ибо не надо забывать, что Американскіе Соединенные Штаты—это лучшій ломоть, вырѣзанный Богомъ изъ нашей земли для обездоленныхъ изгнанниковъ. Лучшіе климаты міра отъ умѣренно-теплаго до суб-тропическаго. Вмѣсто унынія и монотонности—безконечное разнообразіе, Скалистыя Горы, Область Озеръ, Цвѣтущая Флорида, огромный „отецъ Миссисипи". И безъ зависти нельзя читать описаніе райскихъ угловъ и зеленыхъ пустынь золотой Калифорніи, передъ которой блѣднѣетъ скалистая и тѣсная Италія и блекнутъ полу-искусственныя узкія полоски всѣхъ европейскихъ Ривьеръ и приморскихъ курортовъ.

„Мартинъ сидѣлъ, почти держа ее на рукахъ и блуждая незрячимъ взоромъ по далекому заливу и городу. Но онъ ничего не видѣлъ, воспринималъ только переливчатую игру свѣта и красокъ, горячихъ, какъ день, горячихъ, какъ его любовь" („Мартинъ Иденъ",

Счастливая страна, гдѣ краски горячей любви могутъ сливаться съ красками горячей и ликующей природы...

Море лежитъ съ востока и съ запада. Не то внутреннее, жалкое, мелкое море Европы, похожее на лужу, каково, напримѣръ, Балтійское и даже Средиземное. Два величайшихъ земныхъ океана омываютъ Америку. Исторія ея открывается великимъ морскимъ путешествіемъ. И это путешествіе съ тѣхъ поръ повторяется по необходимости въ біографіи каждаго новаго пришельца, покинувшаго старую бѣдную Европу для чудесъ Новаго Свѣта. Для 20-ти милліоновъ эмигрантовъ 19-го вѣка Америка началась съ бури на морѣ, съ краснаго ока далекихъ маяковъ на берегу, съ толпы кораблей въ огромной Нью-Іоркской гавани.

Англо-саксонская раса безъ моря не могла бы существовать. Эта морская стихія воткана, кажется, въ самую глубокую основную ткань ея духовной природы.

Вспомните хотя бы у Киплинга мятежные выкрики, достойные древнихъ викинговъ, кровь которыхъ тоже обильно влилась въ жилы англо-саксонской расы.

„Мы уйдемъ изъ вашихъ рукъ, какъ уходитъ вода, протекая сквозь люки на палубѣ, и вы не поймаете насъ, какъ не поймаете тѣни, сбѣжавшей съ весла, и

не завяжете вѣтра въ мѣшокъ надутаго паруса". („Лучшій на свѣтѣ разсказъ".

И тотъ же трепетъ отваги, унаслѣдованной отъ морского пирата, слышенъ у Джека Лондона въ крикахъ Іоанны Лакландъ, дѣвушки-шкипера въ романѣ „Приключеніе":

„Я родилась морякомъ. Какъ мужчины правятъ рулемъ, такъ и я могу править. Эта шкуна—моя. Я сняла ее съ рифа моими руками. Я спасла ее изъ влажной могилы на днѣ океана. Безъ меня ея бы уже не было на свѣтѣ. А вы развѣ моряки? Лѣнтяи, пачкуны, черепахи, сапожники морскіе!.. Вотъ я вамъ покажу когда-нибудь, какъ надо править шкуною Мартой!..

„Она слушаетъ руля, какъ кобылка узды. Только отдай колесо на полспицы, а она ужъ тутъ какъ тутъ, налѣво кругомъ... Въ четверть вѣтра пойдетъ—не собьется на линію, задомъ попятится не хуже парохода..."

Среди океановъ на востокѣ и западѣ разбросаны группы острововъ, сіяющихъ роскошью тропической природы, пышною зеленью пальмъ и прелестью тихихъ лагунъ.

Вотъ острова Гаваи (Сандвичевы), которые всплываютъ, напримѣръ, въ романѣ „Мартинъ Иденъ" снова и снова, какъ навязчивая идея, какъ послѣднее убѣжище отъ скуки и лжи цивилизаціи.

Вотъ другіе острова—Соломоновы—въ романѣ «Приключеніе», со своими ужасными бурями, когда сыплются градомъ съ кокосовыхъ пальмъ орѣхи, какъ пушечныя ядра; и листья, какъ перья, слетаютъ съ вершинъ впередъ стебелькомъ, и каждый стебелекъ можетъ насквозь пробить человѣка, какъ копье.

Зловѣщая картина. Климатъ—какъ въ раскаленной печи. Уединенная плантація. Двѣ сотни черныхъ меланезійскихъ кулієвъ, срочныхъ рабовъ по контракту.

„Они были людоѣды. Лица у нихъ были звѣриныя, тѣла обезьяньи. Они продѣвали въ хрящъ носа черепаховое кольцо, а въ кончикъ носа мѣдную проволоку съ нанизанными бусами. Ихъ уши зіяли огромными дырками, были оттянуты втулками и разнаго рода чудовищными украшеніями. И вмѣсто всякой одежды они носили кожаный поясъ и два браслета изъ раковинъ".

Единственный бѣлый хозяинъ, упрямый, злой и больной, глубоко несчастный въ своемъ одиночествѣ и почти одичалый. И все это поражено дизентеріей и осѣнено крыльями смерти.

Джекъ Лондонъ изображаетъ эти тропическія картины съ странной правдивостью, въ реальныхъ краскахъ, обыденно-яркихъ, которыхъ вы будете тщетно искать даже у путешественниковъ и ученыхъ географовъ. Онъ вычисляетъ доходы плантаціи, разсказываетъ о сосѣдяхъ, о пикникахъ и военныхъ экспедиціяхъ, о картежной игрѣ и нападеніяхъ охотниковъ за черепами.

На этомъ просторѣ полей и морей изъ 80 милліоновъ человѣческихъ душъ формируется мужественная нація.

Каждый посторонній наблюдатель, который проѣхалъ хотя бы мимоходомъ материкъ отъ Нью-Іорка до С.-Франциско, поражается одновременно огромнымъ матеріальнымъ богатствомъ страны

и стихійною дикою силой, заложенной въ душахъ ея обитателей. Только часть этой силы выходитъ наружу и претворяется въ дѣло. Остальное остается, какъ огромный запасъ для будущаго, на случай физическихъ бѣдствій и кризисовъ, войнъ и народныхъ движеній. Вотъ отчего послѣдствія всякихъ стихійныхъ бѣдствій, вродѣ разрушенія С.-Франциско, огромныхъ наводненій и пожаровъ, изглаживаются въ Америкѣ такъ быстро, почти шутя. Соціальная ткань—молодая, упругая; и раны залѣчиваются быстрѣе, чѣмъ въ изношенномъ тѣлѣ Европы.

Любой изъ героевъ Джека Лондона—это прекрасный образчикъ этой новой и крѣпкой человѣческой расы. Упорство и стихійный порывъ—вотъ содержаніе этихъ закаленныхъ, живучихъ, настойчивыхъ душъ.

Упорство желѣзное, почти не человѣческое. Вотъ Мартинъ Иденъ—великолѣпная фигура, которая удалась Джеку Лондону лучше другихъ.

Рабочій, желающій стать литераторомъ, растущій духовно подъ бременемъ голода и интенсивнаго труда. Онъ бросилъ физическій трудъ, поставилъ крестъ на своей предыдущей жизни, живетъ затворникомъ и пишетъ на пишущей машинѣ, взятой по-мѣсячно въ долгъ, и закладываетъ вещи, чтобы добывать почтовыя марки на пересылку своихъ рукописей.

Онъ исполняетъ ежедневно трехдневный трудъ одного человѣка. Спитъ всего пять часовъ, работаетъ девятнадцать часовъ изо-дня въ день.

Художественныя произведенія, ремесленныя произведенія, романы, повѣсти, разсказы, стихи, тріолеты, сонеты, статьи, столбцы анекдотовъ и шутокъ для уличныхъ журнальчиковъ, мелкіе разсказы ровно въ тысячу словъ, цѣлая лавина писательскаго творчества. Все это странствуетъ взадъ и впередъ и не находитъ себѣ сбыта...

Въ этомъ отношеніи любопытно провести параллель между двумя великими отраслями англо-саксонской расы—американской и англійской. Вотъ Давидъ Шельдонъ, англійскій плантаторъ, тоже человѣкъ исключительной настойчивости, твердой, какъ желѣзо, не уступающей до смерти. Но эта настойчивость чопорная, тихая, немногословная, привыкшая идти по рутиннымъ путямъ, считаться съ предразсудками.

Американская настойчивость—хвастливая, склонная къ экспансивности, соединенная съ рискомъ, съ вдохновеніемъ, съ любовью къ новшествамъ, съ внезапнымъ порывомъ. Молодая американская дѣвушка Іоанна Лакландъ, которая эффектно является на уединенную плантацію Беранду прямо изъ нѣдръ морскихъ, послѣ кораблекрушенія, все ставитъ кверху дномъ, даже и англійскаго хозяина. Въ два мѣсяца она сдѣлала столько, сколько Давиду Шельдону не сдѣлать и за годы.

Еще одна черта. Герои Джека Лондона находятся въ постоянномъ движеніи. Они непрерывно странствуютъ, переѣзжаютъ изъ Калифорніи въ Аляску, изъ Невады въ Нью-Іоркъ, въ Австралію, въ Англію и въ Южную Америку, блуждаютъ въ океанѣ, какъ Вольфъ Ларсенъ, безумный китобой, заходятъ на югѣ и на сѣверѣ въ такія мѣ-

ста, куда не ступала нога человѣческая. Ихъ гонитъ и ведетъ неустойчивый духъ народа, еще не осѣвшаго на мѣстѣ, не опредѣлившаго даже своихъ границъ и предѣловъ расширенія.

Очень любопытно сравнить русскую народную стихію и стихію американскую.

Русская народная стихія разливается медленно, тихо, совсѣмъ, какъ вода, полуподземными путями, почти незамѣтными съ поверхности, движется рунами и стадами, какъ весенняя рыба. Вотъ полтавскій мужикъ. Жилъ-жилъ, мохомъ на мѣстѣ обросъ. И вдругъ поднялся, послалъ ходоковъ и пошелъ... Дошелъ до Самары, до Омска, даже до Благовѣщенска—и снова осѣлъ на мѣстѣ и обростаетъ мхомъ заново.

Американская народная стихія движется, какъ безпокойная ртуть. Она состоитъ изъ разрозненныхъ шариковъ. Каждый шарикъ движется самостоятельно, отталкиваясь отъ другихъ, и сливается съ ними только потомъ, когда уровень перелившейся жидкости достаточно поднялся.

Во многихъ отношеніяхъ весьма любопытно и поучительно сравнить разсказы Джека Лондона и соотвѣтственные русскіе. Вотъ длинная полярная серія. Тундры, собачьи упряжки, голодъ, морозъ. Бѣлые пришельцы и туземныя женщины. Все, кажется, такое знакомое, близкое, я могъ бы сказать—родное. А, между тѣмъ, какъ непохожи разнообразныя серіи русскихъ полярныхъ разсказовъ на эти американскія повѣсти. Я тѣмъ болѣе могу говорить объ этомъ совершенно безпристрастно и, конечно, не въ умаленіе русской литературы, — что самъ неоднократно пробовалъ свои силы именно въ этой области.

Дѣло въ томъ, что человѣческій матеріалъ, съ которымъ писатель имѣетъ дѣло тамъ и тутъ, совершенно различнаго свойства. У насъ политическіе ссыльные, тамъ—золотоискатели. У нашихъ казенная подорожная съ этапа на этапъ, тамъ — жадная, стремительная волна, заставляющая людей бросать и мѣсто, и семью и стремиться на сѣверъ въ какомъ-то стихійномъ гипнозѣ. У насъ разрозненныя личности, тамъ—массы. У нашихъ подавленная психика, разбитыя души, остатки энергіи. Условія жизни опутаны страннымъ регламентомъ, почти неправдоподобнымъ. Читайте въ „Вѣстникѣ Европы“ „Изгнаніе“ Чирикова. Тамъ, на Аляскѣ,—высшій расцвѣтъ иниціативы и индивидуальной энергіи, дикая свобода, необузданная до самоуправства. Оттого наши полярные разсказы всегда минорны, какъ будто мелодія, сыгранная на старой віолончели. Американскіе, наоборотъ, мажорны, какъ звуки огромной и звонкой трубы.

Различіе это распространяется не только на людей, но даже на собакъ. Вотъ двѣ собаки: „Дамка“ Осиповича и „Бѣлый Клыкъ“ Джека Лондона, рельефная фигура, какъ будто литая изъ бронзы:

„Причудливыми линіями падаетъ красный отблескъ горящихъ дровъ на продолговатую морду собаки и оттѣняетъ ея печальные глаза. И въ нихъ отсвѣчиваетъ та же тихая тоска. Ей, собакѣ,

вполнѣ передалось настроеніе друга-человѣка, и эта отраженная печаль такъ красива, такъ глубоко правдива, что кажется, что собака и человѣкъ слились въ одно чувство, составляютъ гармоническое цѣлое. Для меня не было сомнѣнія, что „Дамка“ не только инстинктивно чувствуетъ, но понимаетъ разсудкомъ, что ущемило душу ея друга, и эта боль передалась ей—и она мучается его муками“.

Это—элегическая собака Осиповича. Она словно начиталась Гайдебуровской „Недѣли“ и тихо колеблется между любовью къ униженнымъ людямъ и непротивленіемъ злу.

„Бѣлый Клыкъ“ не похожъ на эту унылую „Дамку“. Онъ — воплощенная активность, голодная и злая.

„Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ гнѣвѣ. Сотканный весь изъ мускуловъ, костей и сухожилій, онъ обладалъ созданнымъ для борьбы организмомъ. Другія собаки не подозрѣвали, что онъ похожъ на молнію, убивающую на мѣстѣ“.

А вотъ его отношеніе къ людямъ:

„Вонъ стоитъ этотъ Богъ на двухъ ногахъ, съ дубиной въ рукѣ, могущественный и злобный, вспыльчивый и любящій. И вся власть его, и сила, и божественность обитаютъ въ живомъ тѣлѣ, изъ котораго струится кровь, когда его ранятъ, и которое пріятно ѣсть, какъ всякое другое мясо“.

Это различіе двухъ описаній соотвѣтствуетъ различію дѣйствительныхъ фактовъ. Русскіе пришельцы, напримѣръ, принимаютъ туземную культуру въ ея неизмѣнномъ природномъ видѣ, въ томъ числѣ собачью упряжку и собачье хозяйство. Американцы тотчасъ же упростили и улучшили упряжь, навезли съ собой на Аляску, напримѣръ, въ Сьюардъ и Номъ, множество разныхъ собакъ крупнѣйшихъ культурныхъ породъ, сенъбернаровъ, волкодавовъ, водолазовъ и овчарокъ, и изъ скрещенія ихъ уже вырабатывается новая порода, которая вытѣснитъ, пожалуй, мѣстную собачью расу такъ же, какъ въ Новой Зеландіи „муха бѣлаго человѣка“ вытѣснила мѣстную муху, „крыса бѣлаго человѣка“ вытѣснила туземную крысу и „воробей бѣлаго человѣка“ вытѣснилъ туземнаго воробья.

Сильные люди, активные типы. Бѣлокурые, голубоглазые, неукротимые люди, живое воплощеніе своей безпокойной расы. Они проходятъ предъ нами, странствуютъ, работаютъ, сражаются и умираютъ. Въ ихъ жилахъ кровь течетъ стремительно и бурно. У нихъ бездна темперамента. И по природѣ они оптимисты.

Вотъ Иламъ Гарнишъ, „Сынъ Свѣта“, точнѣе по англійски—„Горящій Разсвѣтъ“. Хорошее прозвище. Впрочемъ, въ этомъ прозвищѣ нѣтъ никакого символизма. Оно дано ему просто потому, что у него привычка вставать на разсвѣтѣ и тотчасъ будить товарищей крикомъ: „Вставайте, лѣнивцы. Разсвѣтъ уже горитъ и скоро погаснетъ!“

„Сынъ Свѣта“ стоялъ въ центрѣ зала, заражая всѣхъ горящими искрами своего веселья, всѣхъ подзадоривая, всѣхъ выводя изъ того подавленнаго состоянія, въ которомъ онъ ихъ засталъ“...

„Тотъ самый „Сынъ Свѣта“, который спасъ китоловный отрядъ, запертый въ

Ледовитомъ океанѣ, который въ шестьдесятъ дней доставилъ почту зимою съ полярнаго круга въ Дайе и обратно, который въ 91 году спасъ отъ гибели цѣлое племя Танановъ. Прохожіе оборачивались, чтобы посмотрѣть на него. Новички въ кабакахъ не спускали съ него глазъ".

Въ минуты тяжелыхъ испытаній эти люди вырастаютъ душевно и одѣваются величіемъ, простымъ и суровымъ и вмѣстѣ почти мистическимъ.

Вотъ въ разсказѣ „Богъ его отцовъ" разговариваютъ двое у костра, метисъ Ваптистъ Красный и янки Гай Стокардъ, „въ то первобытное время, когда британецъ и русскій спорили еще за преобладаніе въ странѣ Конца Радуги и золото янки еще не пріобрѣло этихъ обширныхъ владѣній"...

У метиса Баптиста католическая церковь въ союзѣ съ конной полиціей отняли жену и потомъ дочь. И онъ ушелъ къ дикимъ индѣйцамъ на верховья Юкона.

„Мое слово для нихъ законъ. Когда я говорю за нихъ, я говорю за себя. Мы требуемъ, чтобъ насъ оставили въ покоѣ. Если мы позволимъ вамъ сѣсть у нашихъ костровъ, послѣ васъ придетъ ваша церковь, ваши попы и ваши боги. Но знайте, что всякаго бѣлаго человѣка, приходящаго къ намъ, я заставлю отказаться отъ его Бога...

„— А если бы мы не подчинились?..

„— Тогда вы скоро попадете къ вашему Богу, къ дурному Богу, къ Богу бѣлыхъ людей..."

Миръ все же устанавливается. Но вдругъ пріѣзжаетъ Сторджъ Оуэнъ, миссіонеръ, „распространитель свѣта и апостолъ Господа".

„— Васъ, Гай Стокардъ, богоотступникъ и грѣшникъ, привѣтствую. Вашимъ сердцемъ владѣетъ мамона, въ вашей палаткѣ женщина, съ которой вы не вѣнчаны. Я, Сторджъ Оуэнъ, посланникъ Господа, призываю васъ очиститься отъ вашей скверны...

„— Оставьте ваше ханжество,—остановилъ его Гай Стокардъ съ раздраженіемъ. Знаете ли вы, что Баптистъ Красный живетъ вонъ тамъ?.."

Гай Стокардъ и миссіонеръ взяты въ плѣнъ. Предъ лицомъ смерти „апостолъ Господа" падаетъ духомъ.

„— Ну, гдѣ теперь твой Богъ?

„— Я не знаю.

Онъ стоялъ прямой и похолодѣвшій, какъ ребенокъ, отвѣчающій по катехизису.

„— Но ты имѣешь Бога?

„— Имѣлъ.

„— А теперь?

„— Теперь не имѣю.

„— Очень хорошо. Дайте ему челнокъ и пищу. Пусть онъ идетъ съ миромъ"..

Миссіонеръ оставленъ въ живыхъ. Очередь Стокарда.

„Стокардъ вытеръ кровь съ лица и улыбнулся.

„— Скажи, что нѣтъ Бога, и будешь жить.

„Стокардъ отрицательно покачалъ головой. Одинъ изъ молодыхъ воиновъ взялъ копье на перевѣсъ.

„— У тебя есть Богъ?...

„— Да, Богъ моихъ отцовъ.

„Баптистъ подалъ знакъ—и копье вонзилось Стокарду въ грудь. Сторджъ Оуэнъ видѣлъ, какъ человѣкъ зака-

чался, и услышалъ трескъ сломившагося костяного клинка, когда онъ упалъ.

«Тогда онъ спустился внизъ по рѣкѣ, чтобъ принести русскимъ на устьѣ Юкона вѣсть о Баптистѣ Красномъ, въ странѣ котораго не было Бога»...

Такъ умираютъ эти простые могучіе люди, пораженные рокомъ или оружіемъ врага. Не напоминаетъ ли это изъ Нибелунговъ діалогъ царицы Кримгильды и плѣннаго Гагена въ тюрьмѣ.

Но даже въ испытаніи еще болѣе трудномъ,—въ добровольномъ отказѣ отъ жизни, въ самоубійствѣ и самоистребленіи,—эти люди все же остаются вѣрными себѣ. Таково самоубійство Мартина Идена. Это самоубійство сильнаго человѣка. И немного въ новѣйшей литературѣ такихъ описаній, которыя могли бы сравниться съ этой выпуклой и жуткой картиной, написанной странно, подробно и точно, какъ бредъ на-яву, какъ галлюцинація при солнечномъ свѣтѣ.

У Ибсена есть другое описаніе—смерть сильной женщины, Гедды Габлеръ. Оно короче и проще и какъ-то абстрактнѣе, какъ будто обрисовано геометрическими линіями. Быть можетъ, потому что трагическая драма, въ сравненіи съ трагическимъ романомъ, по существу геометрична.

Джекъ Лондонъ—писатель молодой по преимуществу, не только годами. У него настроеніе молодое. Онъ молодъ, какъ молода Америка. Его мужскіе герои—проворные, юные, сильные парни. Его героини выросли въ такой обстановкѣ, о какой не имѣетъ представленія чопорная Европа.

Вотъ Дида Мейсонъ, простая стенографистка изъ конторы въ С.-Франциско. Однако, она ѣздитъ верхомъ, какъ валькирія или артистка изъ цирка.

«Я родилась на фермѣ и мнѣ подарили пони, когда мнѣ было шесть лѣтъ. Въ восемь лѣтъ я не сходила почти съ сѣдла. Въ одиннадцать я въ первый разъ выѣхала на оленью охоту. Я не могу жить безъ лошади, и, если бы у меня не было моей милой Мебъ, я бы, кажется, давно заболѣла и умерла»...

Все это очень реально. Въ Нью-Іоркѣ напримѣръ, барышни—телефонистки и переписчицы—соединяются въ компаніи и по лѣтнимъ воскресеньямъ выѣзжаютъ на суднѣ въ океанъ. Тамъ онѣ занимаются плаваніемъ и рыбной ловлей порою въ порядочную бурю. Другія уѣзжаютъ на время отпуска въ лѣса, живутъ въ палаткахъ и въ шалашахъ, рубятъ дрова, стараются приблизиться къ природѣ. И мало уступаютъ мужчинамъ и въ ловкости, и въ настойчивости. Дида Мейсонъ, такимъ образомъ, скорѣе правило, чѣмъ исключеніе.

Вотъ другая дѣвица—Іоанна Лакландъ съ островов Гаваи, имя которой уже было упомянуто выше.

«Я родилась въ Гиго, а воспитывалась такъ, какъ другія дѣвицы на Гаваи. Онѣ, вѣдь, живутъ на свободѣ, ѣздятъ, стрѣляютъ и плаваютъ, а потомъ ужъ начинается зубрежка: шестью шесть—тридцать шесть.

«Насъ было три дѣвицы, немногимъ получше индѣйцевъ. Матери наши померли. Мы были сиротки. Были у насъ гувернантки и всякое такое: науки и шитье и фортепіано. Но если выучить получше

урокъ, то возьмутъ на охоту за козами. Отецъ мой училъ насъ по-французски, а дядя Фокъ по-нѣмецки. А лучше всего мы учились въ сѣдлѣ или въ лѣсу на стоянкѣ. Ружья заряжать и стряпать соусы, лошадь сѣдлать и размѣшивать грогъ, править рулемъ и парусомъ и править домашнимъ хозяйствомъ,—мы всему научались по порядку. Когда мнѣ стукнуло 14 лѣтъ,—я управляла и домомъ и цѣлымъ хозяйствомъ. А когда намъ стало по 16 лѣтъ, насъ и послали всѣхъ трехъ въ Калифорнію, въ семинарію Милльса, самую модную и самую противную. Ужъ какъ мы тосковали подому!.. Ни съ кѣмъ не дружились, а другія дѣвченки говорили, что мы людоѣдки, и прохаживались насчетъ того, что будто бы наши предки съѣли капитана Кука. Это и по географіи не вѣрно. Притомъ же наши предки не жили на Гаваи"...

Джекъ Лондонъ является, конечно, убѣжденнымъ реалистомъ, правда, довольно наивнымъ.

„Мартинъ Иденъ работалъ надъ статьею въ тридцать тысячъ словъ. Онъ назвалъ ее „Позоръ Солнца". Это была планомѣрно выполненная аттака на мистицизмъ школы Метерлинка, вылазка изъ крѣпости позитивной науки противъ мечтателей о чудесахъ".

Однако, именно въ этой „аттакѣ на школу Метерлинка Джекъ Лондонъ не свободенъ отъ lapsus'овъ.

„Въ полемикѣ изъ-за „Позора Солнца" выступили Геккель – за, а Круксъ и Уоллесъ—противъ".

Положимъ, беллетристъ воленъ выбирать себѣ имена даже для ученыхъ по собственному вкусу. Но, всетаки, трудно было бы, напримѣръ, Уоллесу полемизировать съ того свѣта.

Вообще, на имена Джеку Лондону не очень везетъ. Такъ, въ „Шутникахъ Новаго Гиббона" онъ не нашелъ для своего нѣмца другого имени, кромѣ Валленштейна изъ Шиллера.

Въ оправданіе его можно напомнить, что и Зола, и Киплингъ, и Мопассанъ тоже не были особенно удачливы на иностранныя имена, въ частности на русскія: нигилистъ Суваринъ, графъ Краваловъ, казачій полковникъ Дырковичъ (прекрасная фамилія)...

По части глубокихъ познаній въ русской исторіи и жизни Джекъ Лондонъ является достойнымъ соперникомъ Редіарда Киплинга—и не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество.

У Джека Лондона въ романѣ „Дочь снѣговъ" упоминается поразительный „Дневникъ преподобнаго отца Яконтцка съ краткимъ отчетомъ о его жизни въ Бенедиктинскомъ монастырѣ въ Обидорскѣ и со всѣми его чудесными приключеніями въ Восточной Сибири среди Оленныхъ людей". Этотъ дневникъ былъ якобы напечатанъ въ Варшавѣ въ 1807 году и притомъ не по-польски, а по-русски. Весь длинный романъ основанъ въ значительной степени на разныхъ недоразумѣніяхъ съ этимъ дневникомъ.

Бенедиктинскій монастырь въ Обдорскѣ, да еще въ 1807 году! Можно было бы подумать, что кто-нибудь изъ русскихъ эмигрантовъ, знакомыхъ Джека Лондона, зло подшутилъ надъ довѣрчи-

вымъ авторомъ. У американскихъ беллетристовъ есть такая манера—по части мѣстныхъ колоритовъ разспрашивать эмигрантовъ. Я помню, какъ Абрагамъ Каганъ, довольно извѣстный нью-іоркскій беллетристъ, разспрашивалъ знакомыхъ румыновъ, чтобъ подыскать для одного изъ своихъ героевъ имя „порумынистѣе“. Въ концѣ концовъ, ему подыскали занозистое имя—Тодору Думитреску.

Съ другой стороны, и у Киплинга въ разсказѣ „Бывшій человѣкъ“ плѣннаго англійскаго офицера послѣ крымской войны ссылаютъ на каторгу въ Чепани, Жиганскъ и Иркутскъ, бьютъ кнутомъ, и вышеупомянутый полковникъ Дырковичъ разговариваетъ съ нимъ по-русски на такомъ языкѣ:

— Shto ve takete?

— Chetyre!

Вѣроятно, это должно обозначать: „Что въ этикетѣ?“—„Четыре!“ Ибо номеръ (этикетъ?) англичанина по каторгѣ—четыре.

И въ другомъ разсказѣ „Бѣлый тюлень“ у него же моржи и морскіе котики въ качествѣ, несомнѣнно, тюленьяго языка разговариваютъ по-русски:

— Scoochnie, ochen Scoochnie...

За то по части американскаго быта произведенія Джека Лондона изобилуютъ сочными реальными подробностями.

Вотъ мелкая художественная пресса.

Мартинъ Иденъ никакъ не можетъ получить съ редакціи „Трансконтинентальнаго Ежемѣсячника“ гонораръ въ пять долларовъ. Выйдя изъ себя отъ гнѣва и голода, онъ является въ редакцію и отнимаетъ свои деньги силой, выжимаетъ ихъ изъ кармановъ редакціи мелочью, никкелевыми монетами, даже обратный трамвайный билетъ беретъ на пополненіе итога.

„Онъ до того разошелся, что вспомнилъ о журналѣ „Шершень“, который долженъ былъ ему 15 долларовъ за нѣжное стихотвореніе „Пери и жемчугъ“, но „Шершень“ издавался компаніей вольныхъ пиратовъ, чисто выбритыхъ, ловкихъ молодыхъ людей, спортсменовъ и атлетовъ, которые грабили всѣхъ и каждаго, и даже другъ друга. Послѣ того, какъ Мартинъ поломалъ въ редакціи кое-что изъ мебели, его всетаки спустили съ лѣстницы.

„— Заходите, мистеръ Иденъ! Будемъ рады васъ видѣть“,—смѣялась редакція съ верхней площадки.

„Мартинъ, поднявшись на ноги, выругался и прибавилъ:

„— Въ „Трансконтинентальномъ Ежемѣсячникѣ“ дрянь людишки, а вы, господа, призовые бойцы.

„Новый смѣхъ привѣтствовалъ эти слова.

„—А фонарь-то у васъ подъ глазомъ всетаки будетъ,—сказалъ Мартинъ, обращаясь къ редактору вверхъ.

„— Надѣюсь, что ваша шея получила хорошую сдачу,—сказалъ предупредительно редакторъ. — А знаете что, пойдемте вспрыснемъ это, а? То есть не шею вашу, а это маленькое семейное событіе.

„— А что-жъ, отлично!

„Грабители и ограбленный выпили и дружелюбно порѣшили, что битва была хоть куда и что пятнадцать долларовъ за „Пери и жемчугъ“ теперь по праву принадлежатъ редакціи „Шершня“...

Вотъ юный репортеръ сенсаціонной газеты, развязный и юркій.

„Онъ былъ слишкомъ невѣжественъ, чтобы слѣдить за преніями, ибо онъ не понималъ, о чемъ говорили. Но это и не требовалось. Слова вродѣ „революція" давали ему руководящую нить. Какъ палеонтологъ можетъ возстановить цѣлый скелетъ по одной ископаемой кости, такъ онъ могъ возстановить цѣлую рѣчь по одному слову „революція". И онъ это сдѣлалъ въ тотъ же вечеръ—и сдѣлалъ блестяще. Такъ какъ Мартинъ вызвалъ въ собраніи наибольшее возбужденіе, то эту рѣчь онъ вложилъ въ его уста и сдѣлалъ его архи-мятежникомъ, превративъ его изъ реакціонера-индивидуалиста въ самого краснаго соціалиста-революціонера"...

Американскіе репортеры именно таковы и бываютъ. Ко мнѣ самому приходилъ „научный репортеръ" большой ежедневной газеты, который спрашивалъ моего научнаго мнѣнія о гигантскихъ костяхъ, найденныхъ недавно въ Невадѣ при раскопкахъ. Не есть ли это кости Гога и Магога, библейскихъ великановъ?.. Если не отвѣтить такому репортеру, онъ заявляетъ прямо: „ну, такъ я самъ за васъ напишу".

Мартинъ Иденъ и его другъ Бриссенденъ попросту выдрали этого репортера.

По моему—напрасно. Ибо онъ не стоитъ и этого.

Самый стиль Джека Лондона соотвѣтствуетъ духу его героевъ—этихъ натуръ, безпокойныхъ и сильныхъ, вѣчныхъ борцовъ и неугомонныхъ бродягъ. Стиль этотъ—отрывистый и нервный, прямо идущій къ цѣли, обильный счастливыми словечками и уличными оборотами, сосредоточенно-яркій, внезапный, почти взрывной. Краски, которыми Лондонъ рисуетъ, какъ будто имѣютъ въ себѣ примѣсь мелинита.

Стиль этотъ, къ сожалѣнію, совершенно испорченъ переводами. Я указывалъ въ другомъ мѣстѣ, какъ у одного переводчика слово papoose („индійскій ребенокъ") обратилось въ папуаса, а у другого bushmen („лѣсные жители") обратились въ бушменовъ. Такимъ образомъ папуасы очутились на Аляскѣ, а бушмены—на островахъ въ Тихомъ океанѣ.

Я, впрочемъ, не стану перечислять снова всѣ эти курьезныя ошибки. Послѣ меня К. Чуковскій привелъ еще цѣлый рядъ новыхъ. Но этотъ рядъ можно было бы продолжить до безконечности.

Такимъ образомъ, Джекъ Лондонъ предсталъ передъ публикой въ обтрепанныхъ перьяхъ.

Все-таки русская критика встрѣтила его весьма дружелюбно, даже восторженно.

Среди отзывовъ Леонида Андреева, А. Куприна и другихъ совершенно одиноко стоитъ мнѣніе К. Чуковскаго, что Джекъ Лондонъ „опереточный дикарь, гримированный Джекъ-потрошитель, съ наигранной удалью, однообразный буффонъ, какъ разъ по плечу россійскому жителю, который собственнаго швейцара боится, а въ конкѣ—кондуктора конки".

Это называется сваливать съ нашей больной головы на чужую здоровую. Джекъ Лондонъ, конечно, не имѣетъ

никакого отношенія ни къ нашимъ швейцарамъ, ни къ конкамъ.

Джекъ Лондонъ, однако, совершенно не нуждается въ защитѣ. Онъ можетъ защищаться самъ даже тѣми цитатами, какія приведены выше.

Творчество Джека Лондона удобно распадается на два отдѣльные круга, которые, впрочемъ, связаны между собою многочисленными нитями. Первый, болѣе ранній, обнимаетъ нѣсколько серій полярныхъ, клондайкскихъ разсказовъ. Второй относится къ болѣе сложной жизни на югѣ, въ Калифорніи, въ условіяхъ городского быта.

Въ клондайкскихъ разсказахъ Джекъ Лондонъ является продолжателемъ Бретъ-Гарта. Однако, его разсказы свободны отъ слащавости, въ которую часто впадаетъ Бретъ-Гартъ. Вы не найдете у него аристократическихъ, изящныхъ игроковъ въ Фаро, какъ Джонъ Окгерстъ и Джекъ Гемлинъ Бретъ-Гарта. За то герои его разсказовъ, грубые и дикіе, часто герои не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ слова. „Юные герои Аляски“, какъ любитъ выражаться Джекъ Лондонъ.

Самые разсказы написаны глубже, рельефнѣе, рѣзче и внутренней трагичностью своей скорѣе примыкаютъ къ Киплингу, чѣмъ къ Бретъ-Гарту. Герои полярной Аляски выходятъ изъ цивилизованной сферы и погружаются въ дикость, въ „Область Бѣлой Тишины“, въ „Страну Конца Радуги“, въ полярную пустыню. И потомъ изъ полярной пустыни они возвращаются съ такою же легкостью въ городъ, въ условія стараго быта. Впрочемъ, на сѣверѣ и также на югѣ герои его тѣ же. Добродушные съ виду, они ужасны въ борьбѣ. Они побѣждаютъ въ пустынѣ искусствомъ и знаніемъ, плодами культуры столѣтій, а въ цивилизованной сферѣ они одолѣваютъ натискомъ и дикой силой, рожденной въ пустынѣ. Этотъ двойной переходъ Джекъ Лондонъ изобразилъ въ двухъ звѣриныхъ образахъ, которые встаютъ передъ нами въ двухъ параллельныхъ повѣстяхъ: „Бѣлый Клыкъ“ и „Голосъ Крови“.

„Бѣлый Клыкъ“ — это прирученный волкъ съ Юкона, съ нѣсколькими каплями собачьей крови въ жилахъ. Онъ попадаетъ на югъ, въ Калифорнію, быстро постигаетъ сложные законы южнаго быта, дѣлается другомъ бѣлаго человѣка и спасаетъ ему жизнь цѣною собственной. Онъ важенъ, угрюмъ, свирѣпъ и сдержанъ, какъ индѣецъ, попавшій въ столицу. Южныя собаки боятся его не менѣе, чѣмъ сѣверныя.

Огромная собака Бекъ, смѣшанной породы, попавшая съ юга на сѣверъ, быстро привыкаетъ къ лишеніямъ и къ голоду, не хуже молодыхъ рудокоповъ, прибывшихъ изъ Невады. Она научается снова грубому закону дубины и клыка. Потомъ постепенно дичаетъ, прислушивается къ голосу дикой, первобытной природы и уходитъ въ лѣсъ. Тутъ она превращается въ волка, страшнаго людямъ и звѣрямъ вдвойнѣ: и знаніемъ, и силой.

Герои Джека Лондона не стадные герои. Каждый изъ нихъ—это отдѣльная личность, вполнѣ независимая и даже враждебная другимъ. И когда, соединяясь вмѣстѣ въ безлюдной пустынѣ, они

вырабатываютъ нормы новаго права, они извлекаютъ ихъ изъ собственнаго духа, скупо и медленно, въ силу дѣйствительной необходимости.

Вотъ Малмютъ Кидъ въ „Поселкѣ сороковой мили". Онъ является на смертельный поединокъ двухъ изъ своихъ пріятелей съ новой веревкой въ рукахъ. Никто никогда не слышалъ, чтобы онъ измѣнилъ данному слову. Теперь онъ хочетъ установить прецедентъ. Онъ громко обѣщаетъ, что тотъ, кто застрѣлитъ другого, будетъ немедленно повѣшенъ. Поединокъ прекращается.

Это первые начатки права на дикомъ Юконѣ.

А вотъ еще болѣе первобытное мѣсто „къ сѣверу отъ пятьдесятъ третьяго градуса, куда не достигаютъ ни божескіе, ни человѣческіе законы".

Пять человѣкъ живутъ вмѣстѣ въ палаткѣ. Одинъ изъ нихъ только что застрѣленъ. Четверо живыхъ катаются клубкомъ. Трое стараются осилить четвертаго—убійцу, Жана Нераскаяннаго, чтобы подвергнуть его суду Линча и „повѣсить за шею, пока онъ неумретъ", какъ сказано въ законахъ. Наконецъ, Жанъ связанъ, но повѣсить его не на чемъ. Кругомъ гладкая тундра. Ни дерева, ни кустика, ни хижины, ни телеграфнаго столба. Только снѣжная скатерть и складки упавшей палатки.

Довольно непріятно поражаетъ постоянный припѣвъ, который повторяется въ этихъ разсказахъ снова и снова о томъ, что бѣлая раса—непобѣдимая раса, что ей суждено покорить всѣ народы и править міромъ.

У Редіарда Киплинга, который во многихъ отношеніяхъ является предшественникомъ Джека Лондона, этотъ припѣвъ тоже повторяется кстати и некстати, хотя, между прочимъ, совсѣмъ не всегда вытекаетъ изъ образовъ и положеній. Его бѣлые побѣдители часто слабѣе и несчастнѣе туземныхъ побѣжденныхъ.

У Джека Лондона бѣлые пришельцы выкованы изъ стали. Но рядомъ съ ними являются такіе же сильные люди туземной крови—Джисъ Укъ, Чарли изъ Ситхи, Баптистъ Красный и много другихъ. И, въ концѣ концовъ, трудно рѣшить, есть ли эта назойливая прибавка дѣйствительное убѣжденіе Джека Лондона, или только уступка условности, вкусу толпы. Такія уступки условности нерѣдки у Лондона. Такъ, романъ „Приключеніе", который сотканъ изъ протестовъ, наивныхъ, и личныхъ, и страстныхъ, довольно неожиданно кончается, какъ будто обрывается, банальнѣйшимъ бракомъ.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о романѣ Джека Лондона изъ первобытной жизни „До Адама". Многіе авторы пробовали свои силы въ этой области: братья Рони и Уэллсъ и другіе. Однако, съ моей точки зрѣнія, всѣ они, не исключая Лондона, не свободны отъ одного основнаго упрека.

Они изображаютъ только матеріальную сторону первобытной жизни — охоту, войну, открытіе огня. Но самое интересное—религія, любовь, общественная жизнь—остаются въ сторонѣ или изображаются дѣтски монотонно и скучно. Между тѣмъ, идея, что первобытная жизнь отличалась крайней про-

стотой, очень спорна. На самой зарѣ исторіи мы застаемъ человѣка уже изобрѣтателемъ множества оружій и орудій, творцомъ языка, развѣтвленнаго и сложнаго. И нельзя сомнѣваться, что обряды религіи и магіи, любовныя мистеріи и даже соціальныя формы уже далеко отошли въ то время отъ первобытнаго стада. Мнѣ всегда казалась плѣнительной мысль возсоздать картину жизни не первобытныхъ антропопитековъ, еще не знающихъ огня, какъ у Рони, а нѣсколько болѣе позднихъ людей, которые даже въ началѣ палеолитической эпохи являются уже царями природы, сильными и яркими, по своему счастливыми.

Если даже звѣриную, собачью жизнь тотъ же Джекъ Лондонъ, и Анатоль Франсъ, и Метерлинкъ рисуютъ полною яркихъ религіозныхъ переживаній, то, конечно, нельзя человѣка, хотя бы и первобытнаго, изображать только съ внѣшней, матеріальной. стороны.

Правда, нарисовать сложную картину первобытности гораздо труднѣе, чѣмъ сравнительно простую. Ибо отъ этой эпохи уцѣлѣли сѣкиры и копья, огнивные камни и шилья, охотничьи рисунки. Но ни слѣда не осталось отъ любовныхъ обрядовъ и игрищъ и странныхъ моленій. Ихъ приходится возстанавливать изъ древнѣйшихъ преданій, выдѣлять по отдѣльнымъ чертамъ изъ жизни бушменовъ, австралійцевъ и чукчей и связывать вмѣстѣ, возсоздавать по наведенію и аналогіямъ. Работа эта медленная и требуетъ большого терпѣнія.

Но общій узоръ, сотканный изъ этихъ нитей, болѣе соотвѣтствуетъ идеалу историческаго романа, лучшій образецъ котораго данъ Флоберомъ въ „Саламбо“.

Романъ „Саламбо“ стоилъ Флоберу десятилѣтнихъ трудовъ и изысканій. Зато онъ сталъ источникомъ многихъ подражаній включительно до „Куртизанки Сонники“ Ибаньеса въ послѣднее время.

Танъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУДЪ НАДЪ ОСКАРОМЪ УАЙЛЬДОМЪ.

Англія, столь безпощадная въ своей внѣшней политикѣ, бываетъ иногда жестока—и несправедливо жестока—къ своимъ собственнымъ сынамъ. Такъ, въ началѣ XIX-го вѣка она преслѣдовала величайшаго своего генія, Байрона, и, до сихъ поръ непримиренная съ его мятежнымъ геніемъ, остается единственной страной въ мірѣ, гдѣ Байронъ считается поэтомъ, не заслуживающимъ вниманія. А въ концѣ того же XIX-го вѣка она снова затравила на-смерть — на этотъ разъ уже не только нравственно, но и физически—нѣжнѣйшаго поэта нашего времени, Оскара Уайльда.

Извнѣ очень трудно понять эту психологію жестокости и за объясненіемъ ея нужно обращаться къ самимъ англичанамъ. По отношенію къ судьбѣ Оскара Уайльда и суда надъ нимъ Англіи очень пояснительными являются слова историка Маколэя: „Наша добродѣтель,—говоритъ Маколэй, — становится черезъ каждыя семь лѣтъ дерзостно вызывающей". Въ этомъ все дѣло. Пуританская воинственность въ вопросахъ морали до сихъ поръ не изгладилась и, вѣроятно, никогда не изгладится изъ психологіи англичанъ. Тутъ дѣло не въ лицемѣріи, какъ можно было бы предположить въ вопросахъ международной политики, а въ совершенно искреннемъ національномъ чувствѣ, въ томъ, что для каждаго англичанина требованія морали, понимаемой въ самомъ общепринятомъ смыслѣ, имѣютъ первенствующее значеніе, о чемъ бы ни шла рѣчь—о задачахъ ли искусства, или даже о жизни человѣка Это яснѣе всего обнаружилось въ тотъ моментъ, когда англійскій судъ и англійское общество одновременно произнесли приговоръ надъ Оскаромъ Уайльдомъ и когда страннымъ и непонятнымъ для не-англичанъ образомъ самъ подсудимый соглашался съ судьями въ оцѣнкѣ событій и спорилъ лишь о фактахъ. Во всемъ теченіи англійской жизни не было, быть можетъ, болѣе трагически яркаго проявленія сложной національной психологіи, чѣмъ исторія этого чудовищнаго суда, эпилогомъ котораго была смерть поэта черезъ три года послѣ отбытія непосильной кары.

Но Англія умѣетъ и раскаиваться.

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ осужденія поэта и болѣе десяти лѣтъ со времени его смерти—и за послѣдніе годы замѣчается сильная реакція общественнаго мнѣнія въ его пользу. Имя его, которое болѣе десяти лѣтъ не произносилось вслухъ въ Англіи, теперь у всѣхъ на устахъ. Вышло въ свѣтъ роскошное изданіе его произведеній, комедіи его, снятыя со сцены во время процесса, теперь вошли въ репертуаръ лучшихъ театровъ. На книжномъ рынкѣ появляется множество книгъ объ Оскарѣ Уайльдѣ. Друзья его выступаютъ съ воспоминаніями—и общественное мнѣніе спѣшитъ возстановить славу писателя, бывшаго такъ долго подъ запретомъ. При этомъ, однако, о немъ говорятъ большей частью только какъ о писателѣ, восторгаясь мѣткостью его ирландскаго юмора, блескомъ его эпиграммъ, глубиной его парадоксовъ. Но о судьбѣ Оскара Уайльда, о томъ, что съ нимъ сдѣлали и судъ, и общественное мнѣніе, стараются не вспоминать. А, между тѣмъ, вся своеобразность Оскара Уайльда сказалась въ его жизни еще болѣе ярко, чѣмъ въ его творчествѣ. „Я обратилъ мой геній на мою жизнь,—говорилъ Оскаръ Уайльдъ одному своему французскому другу,—и для творчества у меня остался лишь талантъ“. Въ словахъ этихъ заключается непосредственная правда, хотя Оскаръ Уайльдъ и облекъ ее въ излюбленную имъ форму парадоксальнаго афоризма. Въ своихъ романахъ, сказкахъ и философскихъ размышленіяхъ, въ своихъ комедіяхъ, а, въ особенности, въ томъ, что онъ написалъ въ тюрьмѣ и послѣ тюрьмы,—въ балладѣ о Редингской тюрьмѣ и въ книгѣ „De Profundis“, Оскаръ Уайльдъ—большой поэтъ и художникъ, впервые произнесшій тѣ эстетическіе парадоксы, которые въ наши дни сдѣлались размѣнной монетой модернистовъ. Но въ жизни своей, въ томъ, какъ онъ переживалъ свою судьбу, Оскаръ Уайльдъ дѣйствительно геніаленъ, потому что судьба его—единственная въ своемъ родѣ и потому что въ каждую минуту своихъ переживаній онъ былъ на высотѣ ихъ и сознавалъ себя на высотѣ.

Вотъ почему особенно интересны факты, непосредственно предшествовавшіе суду надъ Оскаромъ Уайльдомъ, а также самый этотъ судъ съ его роковыми послѣдствіями. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Лондонѣ вышла книга чисто документальнаго характера подъ названіемъ „Трижды судимый“ [1]). Въ книгѣ этой подробно разсказаны событія, приведены протоколы засѣданій и возсоздана вся картина суда. Факты, извѣстные до того по газетнымъ даннымъ времени процесса, относящимся къ періоду общаго возбужденія, впервые изложены полно и безпристрастно въ книгѣ, названіе которой взято у самого Оскара Уайльда. „Всякій судъ есть судъ цѣлой жизни, всякій приговоръ есть смертный приговоръ. И три раза меня судили. Въ первый разъ я ушелъ изъ суда съ тѣмъ, что меня скоро арестуютъ; во второй разъ я былъ уведенъ изъ суда въ тюрьму предварительнаго заключенія; а въ третій разъ я ушелъ изъ суда на

[1]) Oscar Wilde, Three Times tried. (Famous old Bailey Trials of the Nineteenth Century. The Ferreston press). London 1912.

два года въ тюрьму". Эти заключительныя слова „De Profundis" и опредѣлили заглавіе книги, посвященной разсказу объ обстоятельствахъ троекратнаго суда надъ Оскаромъ Уайльдомъ.

Чтобы понять всю разрушительность катастрофы, разразившейся надъ Оскаромъ Уайльдомъ въ 1895 году, нужно ясно представить себѣ, въ какой именно моментъ его жизни она его настигла. Оскару Уайльду было сорокъ лѣтъ, и онъ былъ въ зенитѣ славы. Начиная съ 1892 г., книги его отлично расходились, пьесы его шли во всѣхъ театрахъ—и онъ зарабатывалъ огромныя деньги. Послѣ тріумфальной поѣздки въ Америку и чтенія лекцій по всей Англіи онъ сдѣлался любимцемъ общества, царилъ въ свѣтскихъ салонахъ—и природное его тщеславіе было болѣе, чѣмъ удовлетворено. Онъ часто ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ у него было много друзей и гдѣ особенно цѣнили его разговорный талантъ или, вѣрнѣе, его умѣніе занимать общество своими разсказами. Его „Саломея", написанная по-французски, принята была для постановки Сарой Бернаръ (то, что испуганная процессомъ Сара Бернаръ отказалась отъ постановки пьесы, было однимъ изъ тяжелыхъ разочарованій, принесенныхъ Оскару Уайльду его несчастіемъ). Жизненныя удачи и литературная слава все болѣе развивали въ Оскарѣ Уайльдѣ свойственное ему болѣзненное тщеславіе. Ему все болѣе и болѣе хотѣлось удивлять собой, все болѣе хотѣлось „геніально жить". „Вслѣдствіе этого онъ и сталъ чрезвычайно показнымъ образомъ обнаруживать вкусы, которые озадачивали своею порочностью. Оскаръ Уайльдъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей. Къ женѣ и къ дѣтямъ онъ былъ очень привязанъ, но тщеславіе побуждало его пренебрегать семейной жизнью и вести напоказъ, главнымъ образомъ—напоказъ, „предосудительный" образъ жизни. Есть вещи, которыя трудно утверждать или которыя могутъ утверждать лишь спеціалисты-ученые. Но все же нельзя не отмѣтить, что во всемъ творчествѣ Оскара Уайльда нѣтъ и намека на тѣ настроенія, которыя онъ такъ усердно выказывалъ при свидѣтеляхъ. Можно подумать, что эти вкусы, приведшіе его къ трагическому концу, были у Оскара Уайльда чѣмъ-то нарочитымъ, капризомъ его тщеславія. Онъ самъ говорилъ про себя въ „De Profundis" очень знаменательныя слова: „Тѣмъ же, чѣмъ въ сферѣ мысли была для меня парадоксальность, сдѣлалась для меня извращенность въ жизни страстей". Въ то время еще можно было épater le bourgeois такого рода порочностью—и Оскаръ Уайльдъ, несомнѣнно, этого добивался. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ искренно привязанъ къ молодому лорду Дугласу—и эта дружба и сыграла роковую роль въ его жизни. Таковы были внѣшнія обстоятельства жизни Оскара Уайльда въ началѣ 1895 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него были въ это время внутреннія переживанія, очень сильно отразившіяся на ходѣ его процесса. Наряду съ тщеславіемъ, опредѣлявшимъ изнанку его жизни, жажду мелкихъ удовлетвореній, въ Оскарѣ Уайльдѣ живъ былъ истинный художникъ и мыслитель, творившій судъ надъ собственной мелочностью. Въ тотъ моментъ, когда на-

чался надъ нимъ судъ человѣческій, въ душѣ его происходилъ иной судъ. И когда онъ самъ себя осудилъ во имя своего лучшаго „я", судъ человѣческій пересталъ для него существовать. Всѣ удивлялись почти безучастному виду Оскара Уайльда во время второго и третьяго суда надъ нимъ, но безучастіе это понятно со стороны того, кто самъ себя осудилъ во имя своей собственной святыни прежде, чѣмъ люди несправедливо осудили его за другое— за то, въ чемъ онъ былъ неповиненъ. Эта внутренняя трагедія Оскара Уайльда придаетъ суду надъ нимъ двойное значеніе. На судѣ, казалось, происходило нѣчто несоизмѣримое. Судьи, пониманіе которыхъ не выходитъ за предѣлы житейскихъ отношеній, рѣшали судьбу человѣка, жившаго законами фантазіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подсудимый судилъ себя по другому и за другое, а судъ могъ думать, что его правда сокрушила подсудимаго, сознающаго свою вину.

Вотъ факты, въ которыхъ сказались эти сложныя отношенія между судомъ и подсудимымъ.

28 февраля 1895 года отецъ лорда Дугласа, друга Уайльда, маркизъ Квинсбюри, человѣкъ съ весьма дурнымъ именемъ въ обществѣ вслѣдствіе постоянныхъ скандаловъ въ его собственной семьѣ, явился въ одинъ изъ фешенебельныхъ клубовъ, членомъ котораго состоялъ Оскаръ Уайльдъ, и вручилъ швейцару для передачи Оскару Уайльду карточку со слѣдующей надписью: „Оскару Уайльду, который выдаетъ себя за содомита" (who poses as a sodomite). Извѣстно, что слово „выдаетъ себя" было поставлено по совѣту адвоката, какъ смягчающее оскорбленіе. Швейцаръ клуба, озадаченный этимъ инцидентомъ, записалъ точный часъ прихода маркиза и, передавъ карточку Оскару Уайльду, извинился, оправдываясь настойчивымъ приказомъ маркиза. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣлью маркиза было завлечь Оскара Уайльда въ ловушку, заставить его обратиться къ суду на свое же горе. Маркизъ для этого и изобразилъ изъ себя благороднаго отца, охраняющаго отъ соблазна своего молодого сына. На самомъ дѣлѣ, онъ былъ въ такихъ дурныхъ отношеніяхъ со своими обоими сыновьями, что этотъ приливъ заботливости никакъ нельзя было счесть искреннимъ. Онъ только мстилъ Оскару Уайльду за полное невниманіе къ цѣлому ряду его угровъ.

Къ великому сожалѣнію для литературы, мелкая месть маркиза удалась. Вмѣсто того, чтобы не обратить вниманія на выходку старика, или вмѣсто того, чтобы отважно все признать и все въ себѣ оправдать, Оскаръ Уайльдъ сдѣлалъ какъ разъ то, чего требовали предразсудки англійскаго общества. При всей дерзости своихъ литературныхъ взглядовъ, эстетъ Оскаръ Уайльдъ въ жизни очень цѣнилъ общественные предразсудки. Онъ побоялся исключенія изъ клуба, необходимости уѣхать заграницу, и во избѣжаніе всего этого привлекъ маркиза Квинсбюри за клевету. Кромѣ того, въ немъ говорило бѣшеное самомнѣніе, увѣренность въ томъ, что его, любимца общества, не могутъ осудить.

Первый судъ, подъ предсѣдательствомъ

судьи Генна Коллинса, происходилъ въ теченіе трехъ дней: 3-го, 4-го и 5-го апрѣля 1895 г., по обвиненію лорда Квинсбюри въ злостной клеветѣ. Обвинителемъ былъ Оскаръ Уайльдъ. Первый день суда былъ торжествомъ для поэта, который явился въ судъ съ необычайной помпой, какъ всегда, желая обратить на себя всѣ взгляды. Съ нимъ въ экипажѣ подъѣхалъ къ зданію суда сынъ подсудимаго и его другъ, лордъ Дугласъ, но судъ категорически запретилъ сыну подсудимаго присутствовать на засѣданіи суда. Маркизу Квинсбюри и его адвокату нужно было доказать, что слова по адресу Оскара Уайльда были, во всякомъ случаѣ, естественны со стороны отца, огорченнаго поведеніемъ сына, и что они были къ тому же не клеветой, а правдой. Для этого собранъ былъ огромный свидѣтельскій матеріалъ, главнымъ образомъ, шантажнаго свойства, такъ какъ маркизъ сыпалъ деньгами, подкупая свидѣтелей и лжесвидѣтелей. Въ этомъ первомъ процессѣ, въ которомъ положеніе обвинителя было еще довольно выигрышное, рѣчь шла, главнымъ образомъ, о проявленіи „преступныхъ вкусовъ“ Оскара Уайльда въ литературѣ и въ частной перепискѣ. Два письма, обращенныя къ Дугласу, попали въ руки темныхъ молодыхъ людей, съ которыми Уайльдъ водилъ знакомство, и скуплены были адвокатами маркиза. Одно изъ этихъ писемъ укравшій его юноша приносилъ сначала самому Оскару Уайльду съ цѣлью вымогательства у него денегъ. Но юноша принесъ сначала копію письма—и тогда Оскаръ Уайльдъ сказалъ ему, что такъ какъ каждое написанное имъ, Уайльдомъ, слово—цѣнный вкладъ въ литературу, и онъ не хотѣлъ бы, чтобы что-либо изъ написаннаго имъ пропало, то онъ купилъ бы письмо, не будь съ него сдѣлана копія; но разъ есть копія, то оно все равно не потеряно; а въ отвѣтъ на то, что за письмо даютъ большія деньги, Оскаръ Уайльдъ посовѣтовалъ непремѣнно продать его и выразилъ удовольствіе по поводу того, что за его произведенія платятъ высокій гонораръ.

Свидѣтельскія показанія Оскара Уайльда были необыкновенно блестящи. Онъ сразу вступилъ въ борьбу съ судомъ, доказывая его некомпетентность въ вопросахъ искусства и говоря самъ только отъ имени искусства. „Вы писатель?“—обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ судъ. „Кажется, я достаточно извѣстенъ, чтобы не было надобности предлагать такой вопросъ“,—отвѣтилъ Оскаръ Уайльдъ, сразу навлекая на себя замѣчаніе предсѣдателя. Его стали допрашивать, участвовалъ ли онъ въ порнографическомъ журналѣ „Хамелеонъ“, издававшемся въ Оксфордѣ, и одобряетъ ли онъ напечатанный тамъ разсказъ о патерѣ, соблазнявшемъ пѣвчаго во время службы. Оскаръ Уайльдъ отвѣтилъ, что и журналъ, и разсказъ онъ осуждаетъ, потому что они бездарны. Несмотря на всѣ старанія суда говорить о нравственномъ и безнравственномъ, Оскаръ Уайльдъ упорно стоялъ на опредѣленіяхъ: „литературно“, „не литературно“. Когда судъ принялся за разборъ романа „Портретъ Доріана Грея“, отыскивая въ немъ слѣды пре-

ступной порочности, Оскаръ Уайльдъ сталъ съ необыкновеннымъ блескомъ вышучивать безпомощность судей, неспособныхъ разобраться въ художественномъ произведеніи. Онъ доказывалъ, что критерій нравственности придумывается тѣми, кто не выноситъ чужой красоты. Во время допроса Оскара Уайльда и обнаружилась съ полной очевидностью несоизмѣримость судей и подсудимаго. Столкнулись два міра—міръ воображенія и міръ житейскихъ формулъ, и споръ могъ итти только о томъ, кто сильнѣе. Въ началѣ, пока судъ не понялъ, что нужно сойти съ пути литературныхъ оцѣнокъ, Уайльдъ торжествовалъ. Потомъ начались факты—и они раздавили поэта.

Главнымъ моментомъ торжества Оскара Уайльда была его рѣчь по поводу письма его къ Альфреду Дугласу. Письмо это было козыремъ въ рукахъ обвиненія и было прочтено вслухъ. Написанное по поводу присланнаго Оскару Уайльду сонета Дугласа, оно гласило: „Мой дорогой мальчикъ, вашъ сонетъ совершенно очаровательный, и мнѣ кажется чудомъ, что ваши уста, подобныя лепесткамъ розы, созданы для музыки пѣсенъ такъ-же, какъ для безумія поцѣлуевъ. Ваша нѣжная золотая душа витаетъ между страстью и поэзіей. Я знаю, что въ древней Греціи Гіацинтъ, котораго такъ безумно любилъ Аполлонъ, были вы. Почему вы одинъ въ Лондонѣ, и когда вы поѣдете въ Сольсбюри? Поѣзжайте туда, чтобы окунуть ваши руки въ сѣрый полусвѣтъ готики, и затѣмъ пріѣзжайте, когда хотите, сюда. Тутъ очень красиво, и недостаетъ только васъ. Но съѣздите сначала въ Сольсбюри. Вашъ съ неумирающей любовью Оскаръ".

Письмо это казалось рѣшающей уликой противъ Оскара Уайльда и, во всякомъ случаѣ, доказательствомъ правоты маркиза Квинсбюри. Но Оскаръ Уайльдъ зналъ, что письмо это въ рукахъ его враговъ, и вполнѣ подготовился къ тому, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. Онъ сталъ доказывать,—и, въ сущности, совершенно справедливо,—что письмо это чистая литература, какъ,—добавилъ онъ въ огражденіе себя отъ дальнѣйшихъ опасностей,—и всѣ его письма къ друзьямъ. Все, по его словамъ, было для него литературой, искусствомъ, и судить его эпистолярныя творенія могли тоже только художники, а не юристы. Въ доказательство чистой литературности своего письма онъ привелъ и то обстоятельство, что оно было переведено на французскій языкъ въ видѣ сонета. Напечатанъ былъ этотъ переводъ съ примѣчаніемъ: „письмо, написанное, какъ поэма въ прозѣ, Оскаромъ Уайльдомъ своему другу и переведенное на риѳмованные стихи поэтомъ, не заслуживающимъ вниманія".

„Поэтъ, не заслуживающій вниманія", былъ молодой тогда и теперь очень знаменитый французскій писатель—Пьеръ Луисъ.

По поводу этого же письма и вопроса о преступности его отношеній къ молодому Дугласу Уайльдъ произнесъ рѣчь, про которую потомъ говорили, что она была самой благородной отповѣдью подсудимаго со времени рѣчи Павла передъ Агриппой. „Любовь моя,—

сказалъ Уайльдъ,—была той, которая не осмѣливается назвать своего имени, изысканно прекрасной и самой благородной изъ всѣхъ привязанностей въ мірѣ. То было чувство духовное и не разъ существовавшее между человѣкомъ старшимъ и болѣе молодымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда старшій живетъ умомъ, а у младшаго вся радость и всѣ надежды жизни впереди. Что такое чувство возможно—люди не понимаютъ. Міръ смѣется надъ нимъ и иногда выставляетъ его къ позорному столбу".

Пока Оскаръ Уайльдъ могъ держаться на высотѣ философскихъ и литературныхъ доводовъ, положеніе его было побѣдное. Но къ концу второго дня все измѣнилось. Судъ благоразумно перешелъ на почву фактовъ, и защита стала допрашивать обвинителя, Оскара Уайльда, объ его образѣ жизни. Прежде, чѣмъ вызвать свидѣтелей, судъ сталъ спрашивать Оскара Уайльда о тѣхъ молодыхъ людяхъ, съ которыми онъ часто бывалъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ извѣстныхъ ресторановъ. Оскаръ Уайльдъ ничего не отрицалъ и, когда его съ торжествующей ироніей спрашивали, какъ это онъ, утонченный художникъ, проводилъ время съ юношами низшаго класса, съ бывшими конюхами и слугами, Оскаръ Уайльдъ, еще не утрачивая побѣднаго тона, говорилъ, что для него не существуетъ сословнаго вопроса и что молодость и жизнерадостность ему милы, въ комъ бы онѣ ни проявлялись. Но среди этого все обострявшагося допроса у Оскара Уайльда вырвалась неосторожная фраза, рѣшившая ходъ событій. Но вопросъ: правда ли, что, находясь въ кабинетѣ ресторана „Флорансъ" въ обществѣ своихъ молодыхъ друзей, онъ поцѣловалъ прислуживавшаго имъ лакея?—Оскаръ Уайльдъ воскликнулъ: „Боже сохрани, онъ былъ ужасно некрасивъ". Это восклицаніе его погубило. Какъ онъ потомъ ни старался замять свои слова, говоря, что онъ просто отвѣтилъ отрицательно на вопросъ обвиненія, адвокатъ противной стороны обрадовался, что поддѣлъ сильнаго противника, и уже дальше этого пункта не шелъ. То, что однѣ только эстетическія причины помѣшали нѣжности Оскара Уайльда по отношенію къ слугѣ, было для суда достаточнымъ основаніемъ для оправданія маркиза Квинсбюри. Второй день окончился печально для Оскара Уайльда, а на третій день разыгрался совсѣмъ неожиданный инцидентъ. Самъ Оскаръ Уайльдъ на судъ не явился, а его адвокатъ, узнавъ о грозномъ свидѣтельскомъ матеріалѣ, хотя большей частью шантажнаго свойства, собранномъ противной стороной, передъ началомъ засѣданія отказался отъ имени своего довѣрителя отъ обвиненія и присоединился къ требованію оправдательнаго вердикта маркизу Квинсбюри.

Такъ закончился первый судъ, который былъ западней для поэта. Онъ попался въ нее, увлеченный своей ирландской фантазіей, не считающейся съ фактами.

Слѣдствіемъ суда былъ приказъ объ арестѣ Оскара Уайльда. Приказъ этотъ былъ подписанъ теперешнимъ главой либеральнаго министерства, Асквитомъ. Прошло три дня, въ теченіе которыхъ

Оскаръ Уайльдъ могъ свободно уѣхать заграницу, чего онъ, однако, не сдѣлалъ, несмотря на уговоры друзей. Всѣмъ было извѣстно, что онъ живетъ въ отелѣ на Слонъ-Скверѣ, окруженный друзьями, и выжидаетъ событій. По словамъ одного изъ его друзей, прокурорская власть намѣренно ждала три дня, предпочитая, чтобы Уайльдъ уѣхалъ и чтобы не было скандальнаго процесса. Будто бы даже на третій день полиція явилась въ отель арестовать Уайльда только поздно вечеромъ, послѣ отхода послѣдняго поѣзда на континентъ. Послѣ его ареста друзья Оскара Уайльда добивались освобожденія его подъ залогъ, но имъ въ этомъ отказали.

26-го, 27-го,29-го, 30-го апрѣля и 1 мая 1895 года происходилъ второй судъ надъ Оскаромъ Уайльдомъ по обвиненію его въ преступныхъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ молодымъ людямъ, по имени: Чарльсъ Паркеръ, Альфредъ Удъ, Эдуардъ Шелли и двумъ другимъ неизвѣстнымъ лицамъ. Преступленія, въ которыхъ обвинялся Оскаръ Уайльдъ, отнесены были къ различнымъ датамъ между февралемъ 1892 года и 22 октября 1893 гг. Имя его друга Дугласа совершенно не упоминалось во второмъ судебномъ разбирательствѣ, а также изъято было изъ преній все, касающееся литературы. Это сдѣлано было съ величайшей жестокостью, съ полнымъ невниманіемъ ко всему индивидуальному, особенному въ образѣ дѣйствій Оскара Уайльда. Его безпощадно свели къ категоріи уголовныхъ преступниковъ и судили, какъ человѣка изъ толпы. Казалось бы, что какъ разъ это было недопустимо, а это именно и сдѣлали.

Кто же были тѣ, за кого вступился судъ, направивъ обвиненіе противъ Оскара Уайльда? Съ перваго же дня судебнаго разбирательства выяснилось, что двое изъ свидѣтелей обвиненія, Паркеръ и Удъ, молодые люди 18-20 лѣтъ,—профессіональные шантажисты, отбывшіе тюремное заключеніе за вымогательство у пожилыхъ господъ денегъ подъ угрозой жалобы на преступныя посягательства. Одного изъ этихъ двухъ свидѣтелей судъ на второй же день удалилъ изъ залы засѣданія за нарушеніе присяги. Третій свидѣтель, Эдуардъ Шелли, служилъ приказчикомъ у издателя Оскара Уайльда, былъ прежде пламеннымъ поклонникомъ поэта, подъ вліяніемъ котораго началъ самъ писать, а затѣмъ вдругъ сдѣлался обвинителемъ его. Его судъ тотчасъ же удалилъ въ виду явной истеричности и спутанности показаній. Все обвиненіе, такимъ образомъ, держалось на показаніяхъ двухъ завѣдомыхъ шантажистовъ, подкупленныхъ маркизомъ Квинсбюри, выкрадывавшихъ для него письма и т. д. Къ суду привлеченъ былъ еще и нѣкій Тэйлоръ, обвинявшійся въ томъ, что онъ помогалъ Оскару Уайльду знакомиться съ молодыми людьми. Оскаръ Уайльдъ въ началѣ давалъ фактическія опроверженія. Онъ признавалъ свое знакомство съ юношами, признавалъ, что помогалъ имъ деньгами, писалъ имъ письма, подписываясь „Оскаръ",—что, по его словамъ, было его привычкой по отношенію къ знакомымъ. Онъ предпо-

читалъ, чтобы его называли по имени, считая эту форму обращенія самой естественной. Онъ призналъ также, что дарилъ своимъ знакомымъ серебряные портсигары, и подтвердилъ правильность счета изъ ювелирнаго магазина: въ этомъ счетѣ значилось необыкновенно большое количество заказанныхъ имъ серебряныхъ портсигаровъ. Это была одна изъ привычекъ Оскара Уайльда, въ которой онъ не находилъ ничего предосудительнаго. Въ одной его комедіи, какъ разъ въ той, которая давалась непосредственно передъ началомъ суда, есть фраза съ намекомъ на эту его привычку дарить портсигары съ надписями: „Какая невоспитанность,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи „The Importance of being Earnest“,—какая невоспитанность читать надписи на портсигарахъ, принадлежащихъ другимъ людямъ“.

Но все дальнѣйшее въ показаніяхъ свидѣтелей, все, имѣвшее прямое отношеніе къ обвиненію, Оскаръ Уайльдъ отрицалъ. Затѣмъ, начиная со второго дня суда, онъ сталъ относиться съ угрюмымъ безучастіемъ къ происходившему, ничего самъ не говорилъ, нехотя и коротко отвѣчалъ на вопросы. Публикѣ, прессѣ и суду это казалось прямымъ знакомъ его виновности. Но на самомъ дѣлѣ ключъ къ этому настроенію подсудимаго можно найти лишь въ „De Profundis“,—въ книгѣ его откровеній времени его тюремнаго заключенія. Изъ книги этой видно, что внутреннее сознаніе виновности пробудилось и росло въ душѣ Уайльда во все время суда. Виновности, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ понимали судьи. Онъ отрицалъ все фактическое во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Но внутренне въ немъ происходилъ другой судъ, отзвуки котораго слышатся въ „De Profundis“. Онъ вспоминаетъ въ этой книгѣ, какъ въ отвѣтъ матери, заставлявшей его восхищаться гетевскимъ стихотвореніемъ „Wer nie sein Brod in Tränen ass“, онъ говорилъ, что не хочетъ „ѣсть хлѣбъ въ слезахъ“, не хочетъ никогда страдать, а хочетъ только наслаждаться. Вотъ этотъ законъ наслажденія, который привелъ его къ острому тщеславію, вдругъ сталъ ему казаться теперь не всеисчерпывающей истиной. Въ душѣ его проснулись иныя желанія,—и онъ сталъ переживать мятежъ противъ радости съ той же остротой, съ которой переживалъ жажду радости. Въ сравненіи съ этимъ душевнымъ переживаніемъ все внѣшнее блѣднѣло. Всѣ эти Паркеры и Уды, ополчившіеся противъ него, казались ему правыми, если не фактически, то символически. Его прежняя жизнь возстала противъ него, его творческія силы требовали иныхъ путей, и если ему и продолжало казаться, что главное—это геніально жить, а не геніально творить, то самый характеръ геніальной жизни измѣнился для него. Онъ жилъ прежде, какъ баловень судьбы, которому хотѣлось осуществить законъ радости, и теперь, среди терзаній судебнаго разбирательства, духъ его ликовалъ, ибо отнынѣ ему, воплотившему законъ радости, судьба дала воплотить и трагическую правду міра—законъ страданія.

Судъ закончился 1-го мая 1895 года рѣдкимъ въ англійскомъ судѣ инциден-

томъ: присяжные разошлись во мнѣніяхъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ совѣщанія старшина присяжныхъ объявилъ предсѣдателю суда, что они не могутъ притти къ согласному рѣшенію, даже если бы имъ предоставили еще сколько угодно времени, и потому просилъ ихъ распустить. Такъ кончился второй судъ, передъ которымъ предсталъ Оскаръ Уайльдъ.

До составленія второго жюри Оскаръ Уайльдъ выпущенъ былъ на поруки. Поручителями его были пасторъ Стюартъ Гедламъ (Steward Headlam), извѣстный своими соціалистическими убѣжденіями, и старшій сынъ маркиза Квинсбюри, лордъ Дугласъ Гауикъ (Douglas of Howickand Tibbers). Конечно, опять поднялся вопросъ объ отъѣздѣ заграницу. Но Оскаръ Уайльдъ не хотѣлъ уѣзжать. При его душевномъ состояніи отъѣздъ ему бы не помогъ. Кромѣ того, онъ питалъ надежду на оправданіе. Двѣ недѣли свободы доставили мало радости Оскару Уайльду, ибо въ этотъ промежутокъ времени возбужденіе общества противъ него приняло ужасающіе размѣры. Онъ не только перестадъ существовать для Англіи, какъ писатель, не только пьесы его сняты были съ афишъ, а книги изъяты изъ продажи, а онъ фактически не находилъ пристанища. Его не пускали подъ его именемъ ни въ одинъ отель, и онъ скрывался у сжалившагося надъ нимъ старшаго брата.

22 мая 1895 года начался третій судъ при новомъ составѣ присяжныхъ. Онъ длился всего три дня,—и съ первой минуты видно было, что приговоръ будетъ безпощадный. Несмотря на всѣ протесты адвоката Оскара Уайльда, судъ не захотѣлъ отдѣлить дѣло Оскара Уайльда отъ дѣла того, кто обвинялся, какъ его сообщникъ, отъ дѣла Тэйлора,—человѣка довольно темнаго, обвинявшагося въ чемъ-то вродѣ притонодержательства для завлеченія подростковъ-мальчиковъ. Самый фактъ приравниванія Оскара Уайльда къ профессіональнымъ эксплоататорамъ порока былъ, казалось бы, совершенно ненужной жестокостью и предрѣшалъ приговоръ суда. Перемѣна въ отношеніи суда къ главному подсудимому сказалось уже въ томъ, что къ нему не обращались по имени, какъ при первомъ разбирательствѣ, а называли подсудимымъ или прямо говорили о двухъ подсудимыхъ. Затѣмъ, когда старшина присяжныхъ обратился къ суду съ неудобнымъ вопросомъ о томъ, почему къ разбирательству не привлеченъ лордъ Дугласъ, предсѣдатель поспѣшно заявилъ, что это имя не внесено въ списки свидѣтелей, что судъ не интересуется мѣстопребываніемъ Дугласа и что рѣчь идетъ только объ Оскарѣ Уайльдѣ и Тэйлорѣ. На третій день суда вынесенъ былъ обвинительный приговоръ, и предсѣдатель суда обратился къ подсудимымъ съ безпощадными словами презрѣнія и возмущенія, назначая имъ высшую мѣру наказанія: два года тюремнаго заключенія съ каторжными работами. Въ своей рѣчи предсѣдатель совершенно не отдѣлилъ Оскара Уайльда отъ второго подсудимаго и, вообще, не было уже никакой рѣчи объ исключительныхъ обстоятельствахъ въ дѣлѣ Оскара Уайльда, не было даже упомянуто о томъ, что онъ писатель, худож-

никъ, человѣкъ исключительной психологіи. Онъ былъ осужденъ, какъ уголовный преступникъ, и таковымъ его сочло общественное мнѣніе.

Извѣстенъ конецъ жизни Оскара Уайльда. Извѣстны всѣ оскорбленія, которымъ онъ подвергался на пути въ тюрьму, извѣстно, какъ тяжело прошелъ для него первый годъ тюрьмы, какое внутреннее значеніе имѣли для него испытанныя страданія, и какъ второй годъ заключенія облегченъ былъ ему участіемъ друзей и внутреннимъ просвѣтлѣніемъ, давшимъ ему возможность написать тотъ гимнъ скорби, который заключается въ его книгѣ „De Profundis“.

На свободу Оскаръ Уайльдъ вышелъ внутренне-преображеннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, физически осужденнымъ на смерть. Его французскіе друзья, видѣвшіе его послѣ выхода изъ тюрьмы, сходятся всѣ въ своихъ воспоминаніяхъ на томъ, что онъ производилъ впечатлѣніе человѣка конченаго, сознающаго, что только путемъ творчества онъ можетъ снова войти въ жизнь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознающаго также, что силы его разбиты. Онъ написалъ только еще свою лебединую пѣсню,—„Балладу о Редингской тюрьмѣ“. Этимъ кончилась его жизнь, какъ творца. И, вмѣстѣ съ утраченнымъ талантомъ для писанія, поблекъ его геній, обращенный на жизнь. Послѣднимъ геніальнымъ переживаніемъ Оскара Уайльда была его жизнь въ тюрьмѣ, отраженная въ „De Profundis“. Все дальнѣйшее было не геніальное, а жалкое. Было мгновеніе, когда онъ хотѣлъ вернуться на путь наслажденій, но это ему не удалось. По выходѣ изъ тюрьмы его встрѣтили друзья—и въ его распоряженіи были большія средства. Но средства онъ растратилъ со свойственной ему неразсчетливостью, а съ друзьями онъ разошелся. Послѣдніе два года онъ жилъ въ Парижѣ, скрываясь подъ именемъ Себастіана Мельмота. Это—имя героя извѣстной книги Шарля Матюрена „Странникъ Мельмотъ“. О книгѣ этой Бальзакъ упоминаетъ въ „Elexir de la longue vie“. Оскаръ Уайльдъ былъ къ тому же дальнимъ родственникомъ Матюрена, приходившагося двоюроднымъ дядей его матери, лэди Уайльдъ. Себастіанъ Мельмотъ жилъ въ Парижѣ почти въ нищетѣ, о которой знали его друзья, и умеръ одинокимъ въ 1900 году. Его похоронили на далекомъ кладбищѣ Bagneux, причемъ хозяинъ и хозяйка скромнаго отеля, гдѣ онъ жилъ, были почти единственными друзьями, шедшими за его гробомъ.

Теперь слава Оскара Уайльда, какъ писателя, воскресла не только за предѣлами Англіи, гдѣ она и не увядала, но и на родинѣ поэта. Останки его уже не покоятся на далекомъ загородномъ кладбищѣ, а торжественно перенесены на Père Lachaise. Минувшимъ лѣтомъ на могилѣ его, на средства одной изъ его англійскихъ поклонницъ, сооруженъ памятникъ работы извѣстнаго англійскаго скульптора Эбстейна.

Слѣдуетъ, въ сущности, признать, что смерть Оскара Уайльда относится не къ 1900, а къ 1895 году, т. е. къ началу его процесса. Все дальнѣйшее было непосредственнымъ слѣдствіемъ суда—и подчинившись своей судьбѣ, Оскаръ

Уайльдъ сознательно пошелъ навстрѣчу своему смертному приговору.

Мы видѣли, что онъ могъ не подчиниться, что ему предоставлена была полная возможность уклониться отъ суда, уѣхать изъ Англіи. То, что Оскаръ Уайльдъ этого не сдѣлалъ, а принялъ на себя кару,—фактъ глубоко знаменательный. Онъ уподобляетъ его судьбу судьбѣ древняго мудреца, подчинившагося приговору своихъ судей.

Сократъ покорился смертному приговору,—имѣя возможность избѣжать его,—во имя внѣшняго закона, во имя принципа государственности, бывшаго для него святыней. Оскаръ Уайльдъ не имѣлъ общихъ святынь со своими судьями и суда ихъ не признавалъ. Но подчинился онъ имъ во имя внутренней святыни,—во имя суда, творимаго имъ надъ самимъ собой. И онъ, какъ Сократъ, изжилъ трагизмъ своей судьбы безъ ропота, завершивъ этимъ геніальность своей жизни, какъ Сократъ завершилъ своей смертью геніальность своего ученія.

Зин. Венгерова.

ТЕОРІЯ О ЗАРОЖДЕНІИ ЖИЗНИ.

Гипотезу пансперміи формулировалъ впервые Рихтеръ въ 1865 г., затѣмъ ее поддержалъ знаменитый англійскій физикъ лордъ Кельвинъ, новую силу придалъ ей высокій авторитетъ Гельмгольца. Въ сжатыхъ чертахъ гипотеза пансперміи представляла въ то время слѣдующее содержаніе: метеориты, эти осколки мертвыхъ небесныхъ тѣлъ, попадаютъ на пути своего движенія въ сферу притяженія небеснаго тѣла, планеты или звѣзды, падаютъ на нее и приносятъ на ея поверхность зародыши существъ, которые не погибли въ короткое время разрушительнаго столкновенія, результатомъ котораго метеоритные осколки явились. Въ грандіозныхъ размѣрахъ дѣло происходитъ на подобіе того, что наблюдается при подрывныхъ работахъ: взрывъ динамита раскалываетъ скалу, причемъ оторванныя глыбы ея могутъ скатиться къ подножію горы, оставаясь покрытыми растительностью, таящей въ себѣ сѣмена новыхъ поколѣній, разростающихся потомъ на новомъ мѣстѣ. Такимъ же образомъ и метеориты могутъ засѣвать организованными и жизнеспособными спорами и зародышами небесныя тѣла, еще лишенныя проявленій жизни.

Въ этой простой формѣ гипотеза панспермiи вызывала, конечно, возраженія, въ числѣ которыхъ самымъ убійственнымъ для нея являлось указаніе на низкую температуру междупланетнаго пространства. Далѣе указывалось, что если уже простая, внезапная остановка движущейся земли должна привести всю ея массу не только въ расплавленное, но въ раскаленно-газовое состояніе, то тѣмъ болѣе трудно допустить, чтобы энергія движенія, превращающаяся при столкновеніи двухъ небесныхъ тѣлъ въ теплоту, благодаря которой вещество ихъ накаляется до высокой температуры, позволило бы уцѣлѣть какому-либо существу. Такимъ образомъ, въ подобномъ видѣ оригинальная и красивая гипотеза представляла не болѣе, какъ игру ума, которую въ свое время смѣнило бы другое проявленіе его остроты, если бы новое дви-

женіе, вложенное въ нее построеніями шведскаго ученаго Сванте Аррениуса, основанными имъ на послѣднихъ завоеваніяхъ физики, не вдохнуло въ безпочвенную гипотезу жизненность, которая придала ей большую степень вѣроятности.

Покойный московскій профессоръ Лебедевъ доказалъ опытнымъ путемъ существованіе давленія радіаціи, явленія, принципъ котораго былъ теоретически обоснованъ Кларкъ Максвелемъ. Всѣ тѣла, испытывающія на себѣ дѣйствіе лучей, въ частности свѣтовыхъ, подвергаются на своей поверхности ихъ давленію, состоящему изъ безчисленнаго множества ничтожныхъ ударовъ или толчковъ, дѣйствующихъ въ направленіи свѣтового луча. Вычисленія обнаруживаютъ, что въ непосредственной близости солнца радіаціонное давленіе испускаемыхъ имъ лучей достигаетъ постепенной величины 2 миллиграммовъ на каждый квадратный сантиметръ освѣщаемой поверхности, т. е. 20 килограммовъ на квадратный метръ. Съ увеличеніемъ разстоянія, т. е. съ уменьшеніемъ напряженности свѣта, давленіе соотвѣтственно, конечно, падаетъ. По отношенію къ крупнымъ окружающимъ насъ тѣламъ подобное давленіе свѣтовыхъ лучей на землѣ, конечно, ничтожно. Но значеніе его соотносительно возрастаетъ съ уменьшеніемъ тѣла—и при продолжающемся уменьшеніи размѣровъ тѣла давленіе радіаціи можетъ достигнуть величины, при которой оно уравновѣшиваетъ, а затѣмъ и перевѣшиваетъ дѣйствіе тяготѣнія, т. е. ничтожныя тѣльца могутъ быть угоняемы отъ поверхности планеты и изъ ея атмосферы давленіемъ отраженныхъ солнечныхъ лучей, преодолѣвая силу тяжести или тяготѣніе. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Дѣйствительно, всякій, знакомый съ элементарной геометріей и помнящій формулы объема и поверхности шара, понимаетъ, что сила тяжести пропорціональна массѣ тѣла и стоитъ въ зависимости отъ куба его радіуса, тогда какъ давленіе радіаціи, пропорціональное поверхности тѣла, стоитъ въ такой же зависимости къ квадрату радіуса. Чѣмъ меньше размѣры тѣла, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ его поверхность — и при дальнѣйшемъ уменьшеніи неизбѣжно наступаетъ моментъ, когда сила, дѣйствующая на массу, уравнивается силѣ, дѣйствующей на поверхность. Вычисленія показываютъ, что подобное равновѣсіе этихъ силъ наступаетъ при размѣрѣ непрозрачнаго шарового тѣльца діаметромъ въ 0,0015 миллиметра. Если размѣръ падаетъ ниже этого, наступаютъ условія, при которыхъ давленіе свѣтовыхъ лучей отталкиваетъ тѣльце отъ притягивающей его, но свѣтящейся массы. Для крупинокъ діаметромъ въ 0,00016 миллиметра давленіе радіаціи уже въ десять разъ больше силы притяженія. Споры бактерій достигаютъ этихъ ничтожныхъ размѣровъ. Принимая въ разсчетъ малый удѣльный вѣсъ ихъ вещества, неудивительно, что одно сопротивленіе воздуха, дѣйствующее, когда эти ничтожныя тѣльца, плавая въ атмосферѣ, обнаруживаютъ стремленіе опускаться подъ дѣйствіемъ притяженія, таково,

что подобнаго размѣра крупинка опускается внизъ на сотню метровъ въ теченіе цѣлаго года и даже долѣе. Ничтожное дуновеніе взметаетъ ихъ высоко вверхъ и легко можетъ угнать въ высшіе горизонты атмосферы— на высоту 100 и болѣе километровъ.

Подобнаго рода мельчайшую космическую пыль выдѣляютъ въ міровое пространство всѣ свѣтящіяся накаленныя тѣла, т. е. звѣзды, на которыхъ частицы эти появляются, какъ продукты непрерывныхъ изверженій. Въ частности эта пыль составляетъ корону солнца. Сила радіаціи непрерывно отталкиваетъ несмѣтныя сонмища мельчайшихъ пылинокъ въ пространство, гдѣ онѣ разсѣиваются все дальше и дальше, подталкиваемыя продолжающимися, но, съ увеличеніемъ разстоянія непрерывно слабѣющимъ дѣйствіемъ радіаціи. Этимъ путемъ солнце, такъ сказать, „истекаетъ", масса его медленно уменьшается, сила притяженія и всѣ другія силы слабѣютъ.

Убыль солнечной массы и солнечной энергіи, вѣроятно, пополняется массой притягиваемыхъ имъ, падающихъ на него, метеоровъ. Но уравновѣшивается ли расходъ вещества и энергіи приходомъ— объ этомъ въ точности судить трудно. Если наше солнце дѣйствительно медленно стынетъ, то необходимо допустить, что расходъ энергіи и вещества превосходитъ приходъ, и солнце „слабѣетъ". Любопытно, что идея „изнеможенія" солнца нашла себѣ мѣсто въ религіозныхъ представленіяхъ гораздо раньше, чѣмъ къ подобному вопросу могла бы приступить наука.

Когда мексиканскіе жрецы распарывали груди человѣческимъ жертвамъ на вершинахъ своихъ храмовъ „теокалли" и окровавленными руками молитвенно вздымали еще бьющееся, истекающее кровью сердце къ солнцу, чтобы оно „питалось" и имѣло силу продолжать и на утро свой бѣгъ по небу, въ основѣ ихъ наивнаго символизма покоилась вѣрная идея: „солнце слабѣетъ", оно нуждается въ питаніи, которое слабыя человѣческія руки и пытались доставить ему. Массы отметаемой солнцемъ и другими звѣздами космической пыли должны быть заряжены электрически отрицательно. На пути своего невольнаго странствія они встрѣчаютъ разрѣженныя, холодныя скопища молекулъ гелія и водорода, составляющія туманности, и здѣсь, на периферіи туманности, пребывающія наэлектризованныя массы космической пыли производятъ свѣченіе, благодаря которому туманности становятся видимыми для насъ. Гипотеза Лапласа съ ея дальнѣйшими исправленіями, какъ извѣстно, выводитъ изъ такихъ туманностей развитіе солнечныхъ системъ. Такимъ образомъ, рождающіяся системы до извѣстной степени питаются, растутъ и развиваются насчетъ умирающихъ системъ.

Остывшія тѣла, подобныя землѣ, гдѣ процессы изверженія раздробленнаго внутренняго вещества ограничиваются сравнительно слабыми и рѣдкими вулканическими изверженіями, не обогащаютъ міровое пространство мертвой космической пылью. Массы вулканическаго пепла, которые горячіе потоки накаленныхъ газовъ, вырываясь изъ

жерла вулкановъ, вздымаютъ на высоту до 30 километровъ (какъ при изверженіи Кракатау 1883 г.), представляютъ относительно настолько крупный матеріалъ, что ускользаютъ отъ дѣйствія радіаціи и рано или поздно падаютъ обратно на земную поверхность. Но если земля не въ состояніи вносить свою лепту въ развитіе будущихъ планетныхъ системъ такого же рода энергіей и веществомъ, какъ то дѣлаетъ солнце, за то, согласно гипотезѣ панспермiи, она выдѣляетъ въ небесное пространство зачатки органической жизни; она заблаговременно снабжаетъ его запасами жизнедѣятельныхъ споръ, и только время опредѣляетъ, гдѣ и когда эти послѣднія окажутся въ состояніи начать новый циклъ развитія.

Въ давленіи радіаціи наука обрѣтаетъ силу, антагонистическую притяженію, способную въ извѣстныхъ условіяхъ преодолѣвать его, и для переноса жизнеспособныхъ мелкихъ тѣлецъ нѣтъ надобности прибѣгать къ сомнительному посредничеству метеоритовъ. Конечно, въ земной атмосферѣ сила радіаціи ничтожна и врядъ ли въ состояніи выталкивать въ міровое пространство попавшіе въ верхніе слои атмосферы споры микроорганизмовъ. Но, по ученію Сванте Арреніуса, въ помощь ей являются новыя силы.

Допустимъ, что микроорганическая спора поднята движеніемъ самой атмосферы, т. е. вѣтромъ, на 100 к.,—на высоту, на которой разыгрывается явленіе полярныхъ сіяній. Какъ теперь признается наукой, полярныя сіянія—эта цвѣтовая, нѣмая музыка полярныхъ странъ—производятся массами космической пыли, прибывающими въ земную атмосферу изъ небеснаго пространства, главнымъ образомъ—съ солнца.

Пыль заряжена отрицательно, и разрядъ ея въ разрѣженномъ слоѣ земной атмосферы вызываетъ явленіе свѣченія послѣдней. Если въ этихъ условіяхъ наша спора отъ соприкосновенія съ пылью получитъ также отрицательный зарядъ, то она, въ силу взаимнаго отталкиванія двухъ сходно заряженныхъ тѣлъ, можетъ быть вытѣснена въ междузвѣздное пространство. Вычисленія показываютъ, что зарядъ 200 вольтъ на метръ достаточенъ, чтобы въ этихъ условіяхъ сила отталкиванія перевѣсила земное притяженіе взвѣшенной частицы діаметромъ въ 0,16 микроны *). Въ дѣйствительности наблюденія указываютъ на гораздо болѣе значительные заряды атмосферы. Такимъ образомъ, электростатическое выталкиваніе споръ за сферу земного притяженія является во всѣхъ отношеніяхъ возможнымъ.

И вотъ наша спора отправляется въ свой далекій путь. Оставимъ пока въ сторонѣ всѣ опасности, которыя угрожаютъ ея жизненности въ глубинахъ холоднаго пространства, и обратимся къ разсмотрѣнію времени, какое займетъ подобное странствіе ничтожнаго тѣльца, колыхающагося въ разрѣженной средѣ, подталкиваемаго силой радіаціи. Если бы наша спора была предоставлена только этой силѣ, то движеніе ея прежде, чѣмъ она достигнетъ какого-нибудь большого небеснаго тѣла, могло бы

*) Одинъ микронъ равенъ 0,001 миллиметра.

продолжаться безмѣрное время. Но, кромѣ мельчайшей космической пыли, небесное пространство содержитъ и другія, болѣе крупныя тѣла—и нѣтъ ничего недопустимаго въ томъ, что наша спора прилипнетъ къ такой частицѣ, діаметромъ, скажемъ, въ микронъ. Разъ связавъ свою судьбу съ новымъ тѣломъ, которое по своимъ размѣрамъ является уже объектомъ побѣдоноснаго притяженія, спора вмѣстѣ съ нимъ можетъ попасть въ сферу притяженія новой планеты, новой звѣзды, и опуститься на ея поверхность въ гораздо болѣе короткій срокъ. Вычисленія показываютъ, что при плотности вещества споры, равномъ плотности воды, подобное перемѣщеніе ея отъ земли до поверхности Марса потребовало бы 20 сутокъ, на Юпитеръ она прибыла бы спустя 80 сутокъ, а наиболѣе отдаленнаго Нептуна достигла бы черезъ 15 мѣсяцевъ. Конечно, эти планеты—ближайшія тѣла къ землѣ. Если же сдѣлать разсчетъ, черезъ сколько времени наша спора можетъ достигнуть ближайшей къ намъ солнечной системы, именно центральнаго тѣла ея, какою является звѣзда х. Центавра, то оказывается, что для достиженія его потребовалось бы около девяти тысячъ лѣтъ.

Теперь, когда механическая задача перемѣщенія споры разрѣшена во всѣхъ отношеніяхъ благополучно, обратимся къ біологической задачѣ, т. е. посмотримъ, въ состояніи ли она сохранить свою жизненность на этомъ пути, противустоя главной угрожающей ей опасности въ видѣ низкой температуры. Междузвѣздное пространство обладаетъ, по разсчетамъ Арреніуса, температурой около—220°. Спора, гонимая по нему радіаціей, подвергается этой низкой температурѣ въ теченіе мѣсяцевъ, годовъ, лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій и т. д. Не убиваетъ ли холодъ всякую жизненность ея?

На этотъ вопросъ современные физики и физіологи въ состояніи отвѣтить: «нѣтъ, не убиваетъ». Въ Дженнеровомъ институтѣ въ Лондонѣ совсѣмъ недавно былъ сдѣланъ опытъ содержанія споръ бактерій въ жидкомъ кислородѣ при температурѣ въ—250°, и по истеченіи двадцати часовъ споры проявили ничѣмъ неповрежденную способность развитія. Профессоръ Макъ Фрейдеръ держалъ подобныя споры въ температурѣ—200° болѣе шести мѣсяцевъ, не замѣтивъ никакого вреднаго вліянія такой низкой температуры на ихъ способность проростанія. Сванте Арреніусъ замѣчаетъ по этому поводу, что сохраненіе спорами жизненности и производительности при очень низкихъ температурахъ совершенно не должно удивлять насъ. Вѣдь, жизненныя свойства уничтожаются исключительно химически дѣйствующими веществами, а, между тѣмъ, энергія всякаго химическаго процесса ослабѣваетъ съ пониженіемъ температуры. При температурахъ междупланетнаго пространства всѣ жизненныя реакціи должны происходить въ милліонъ разъ менѣе энергично, чѣмъ при температурѣ въ 10°, и потому при—220° химическіе процессы, которые уничтожаютъ жизненность споры въ нашихъ условіяхъ при пониженіи температуры до—10°, потребовали бы для

своего конечнаго эффекта трехъ милліоновъ лѣтъ.

Другой факторъ неизвѣстнаго намъ дѣйствія—время—также, вѣроятно, безвреденъ *), такъ какъ въ римскихъ гробницахъ были найдены бактеріи, оставшіяся тамъ въ неизмѣнномъ состояніи въ теченіе 1800 лѣтъ безъ всякаго вреда для своей способности развитія.

Что касается, наконецъ, сухости, господствующей въ междупланетномъ пространствѣ и сливающей свое дѣйствіе съ вліяніемъ низкой температуры и времени, то и она оказывается безвредной. Шредеръ показалъ, что зеленая водоросль (Pleurococcus) продолжала оставаться живой по истеченіи трехмѣсячнаго пребыванія въ почти абсолютно сухой средѣ. Профессоръ Макеннъ достигъ еще большихъ результатовъ: въ его опытахъ споры безъ вреда для своей производительной способности оставались въ Круксовой трубкѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, и того же достигъ Поль Беккерель при своихъ опытахъ надъ мукоровыми и бактеріями. Беккерель распространилъ экспериментъ дальше: въ своей Лейденской лабораторіи онъ подвергъ бактеріи и ихъ споры соединенному дѣйствію низкой температуры (—253°), пустоты и абсолютной сухости—и всѣ жизненныя свойства ихъ побѣдоносно выдержали это испытаніе.

Такимъ образомъ, ни одно изъ свойствъ небеснаго пространства, ни одно изъ условій пребыванія въ немъ не въ состояніи нанести никакого ущерба нашей спорѣ, странствующей черезъ него, не считаясь съ временемъ.

*) Извѣстно, что сѣмена растеній по истеченіи того или иного срока теряютъ свою всхожесть.

Однако, блестяще обоснованная Аррениусомъ гипотеза оказалось уязвимой, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Знаменитому ученому указали, что онъ забылъ объ убійственномъ дѣйствіи на живыя споры ультрафіолетовыхъ или химическихъ лучей. Дѣйствительно, подобное вліяніе ихъ имѣетъ мѣсто, и въ настоящее время техника стерилизаціи уже широко пользуется микробо-убійственнымъ свойствомъ этихъ лучей. Но, вѣдь, подобные лучи пронизываютъ вмѣстѣ съ другими небесное пространство. Не убиваютъ ли они наши блуждающія въ міровой пучинѣ споры, подавляя ихъ производительность навѣкъ?

Опыты Поля Беккереля, повидимому, даютъ основаніе утверждать, что это такъ. Этотъ ученый помѣщалъ сухія споры въ пустыя трубки, черезъ которыя пропускалъ ультрафіолетовые лучи. По истеченіи шести часовъ самыя стойкія споры были убиты. Такимъ образомъ, на пути живой споры черезъ небесное пространство воздвигалось, казалось бы, непреодолимое препятствіе. Однако, этимъ опытамъ Беккереля, произведеннымъ вообще весьма тщательно, можно и должно противупоставить весьма вѣскія возраженія.

Прежде всего слѣдуетъ указать, что смерть въ его опытахъ наступала не мгновенно: чтобы уничтожить жизненность споръ, требовалось нѣсколько часовъ самаго интенсивнаго дѣйствія

ультрафіолетовыхъ лучей на самомъ близкомъ разстояніи. Но, вѣдь, интенсивность радіаціи или освѣщенія убываетъ пропорціонально квадратамъ разстоянія. Уже на поверхности Нептуна напряженіе солнечнаго свѣта почти въ тысячу разъ слабѣе, чѣмъ у насъ на землѣ, а на половинѣ разстоянія до α Центавра напряженіе свѣта солнца должно быть уже въ 20 милліардовъ слабѣе. Вѣдь, и у насъ на землѣ споры бактерій, подвергаясь дѣйствію подобныхъ лучей, сохраняютъ свою жизненность въ теченіе различно длинныхъ сроковъ—въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій.

Далѣе, работы доктора Ру, повидимому, доказали, что убійственное дѣйствіе свѣта на микробы проистекаетъ отъ окисляющаго вліянія на нихъ атмосферной среды. Знаменитый ученый произвелъ цѣлую серію изслѣдованій, давшихъ тотъ результатъ, что споры успѣшно противустояли въ пустотѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ сильному солнечному освѣщенію, которое при доступѣ воздуха убило бы ихъ очень быстро.

Итакъ, допустимо, что живое организованное существо, выброшенное съ планеты, гдѣ жизнь кипитъ въ полномъ разгарѣ, блуждая по безмѣрнымъ пространствамъ неба, счастливо избѣгаетъ всѣхъ раскиданныхъ на его пути опасностей и рано или поздно достигаетъ громаднаго и уже достаточно остывшаго мірового тѣла, на поверхности котораго температурныя и иныя условія таковы, что жизнь можетъ тамъ развернуться. Достаточно, чтобы изъ милліарда милліардовъ высѣянныхъ этимъ путемъ въ міровое пространство тѣлецъ, двигаемыхъ по нему давленіемъ раідаціи, лишь одно достигло безжизненной до того планеты, чтобы положить начало жизнедѣятельности, которая должна быть подхвачена затѣмъ мѣстнымъ эволюціоннымъ процессомъ. Ничтожные размѣры подобнаго зародыша замедляютъ его паденіе сквозь новую для него атмосферу, устраняя нагрѣваніе, жертвой котораго дѣлаются врывающіяся въ нашу атмосферу метеориты, когда, загорѣвшись, они, подобно ракетѣ, разрываются въ мельчайшую пыль или, накаленные, глубоко вдавливаются въ почву силой удара. Разъ попавъ на поверхность новой планеты, зародышъ новой вереницы живыхъ существъ опускается на сухой или жидкій субстратъ, окружающій его условіями наилучшаго развитія.

Согласно широкой концепціи шведскаго ученаго, жизнь можетъ, такимъ образомъ, переноситься съ одной планеты на другую. Она блуждаетъ, отыскивая и находя въ концѣ концовъ благопріятное пристанище. Вещество низшихъ родоначальниковъ жизни состоитъ изъ непосредственныхъ соединеній углерода, водорода, азота и другихъ органогеновъ, и потому понятно, что безчисленныя вереницы происшедшихъ изъ подобнаго зародыша существъ упорно повторяютъ химическій составъ и структуру своего родоначальника. Если, такимъ образомъ, начало жизни, происхожденіе населяющихъ землю организмовъ можетъ быть перенесено съ земли въ нѣдра мірового пространства, въ

глубь космическихъ временъ, то всѣ ухищренія открыть условія превращенія мертваго вещества въ живое тѣло здѣсь, въ земныхъ условіяхъ, могутъ быть оставлены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, время, въ теченіе котораго оживленіе существуетъ въ мірѣ, превосходя безмѣрно срокъ жизни нашей планеты, приближается къ вѣчности. Иными словами—время и мѣсто, гдѣ и когда неорганическая матерія сложилась въ живой организмъ, удаляются отъ насъ на совершенно недоступное разстояніе, и приходится, пожалуй, признать, что жизнь вѣчна, какъ вѣчны организованныя ею вещество и сила.

Далѣе, если допустима эта гипотеза трансляціи жизни съ одного мірового тѣла на другое, то вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ предположеніе о значительномъ сходствѣ между живыми существами, обитающими въ разныхъ стадіяхъ эволюціоннаго процесса въ безконечныхъ частяхъ вселенной, и наивны должны казаться фантазіи, надѣляющія, напримѣръ, „марсіянъ“ формами и свойствами, совершенно отличными отъ тѣхъ, какія мы знаемъ для живыхъ существъ нашей земли.

Н. Березинъ.

НАШИ СІЙЕСЫ.

Революціонный ураганъ 1905 года увлекъ на историческую минуту и нашу крупную буржуазію. Это было время, когда промышленныя организаціи подавали всевозможныя записки и выносили резолюціи, въ которыхъ выражали свои конституціонныя идеи.

Длилось не долго. Показавшійся призракъ соціальной революціи такъ напугали нашихъ Сійесовъ, что они не только позабыли о своемъ политическомъ вольнодумствѣ, но оказали правительству весьма существенныя услуги въ дѣлѣ подавленія рабочаго движенія. Съ наступленіемъ годовъ успокоенія наша крупная буржуазія заболѣваетъ прогрессивнымъ политическимъ параличемъ. Она лихорадочно - быстро лишь укрѣпляетъ и увеличиваетъ свои профессіональныя организаціи. На полѣ, усѣянномъ костями разгромленныхъ и распавшихся организацій рабочихъ и обывателей, выростаютъ мощныя организаціи предпринимателей, растутъ всевозможные синдикаты, союзы, органы и учрежденія. Тяжкій млатъ политической реакціи, дробя стекло молодыхъ организацій рабочихъ и обывателей, ковалъ булатъ организацій предпринимательскихъ.

Онѣ росли въ числѣ, силѣ, разнообразіи.

Но политически буржуазія безмолвствовала. Она не отошла отъ политики, но она вполнѣ довольна была политикой правительства. При закрытыхъ дверяхъ канцелярій, съ глазу на глазъ съ бюрократіей, наша крупная буржуазія обдѣлывала свои дѣла. Правительство внимательно выслушивало голосъ промышленниковъ во всѣхъ вопросахъ, непосредственно затрагивающихъ ихъ интересы, оно устроило нѣчто вродѣ промышленнаго парламентскаго чистилища, куда для допроса и слѣдствія съ соціальнымъ пристрастіемъ поступали всѣ законопроекты, такъ или иначе, съ той или иной стороны интересующіе промышленниковъ. На почвѣ этого своеобразнаго разграниченія сферъ состоялось сердечное соглашеніе между промышленниками и правительствомъ. Первые не вмѣшивались въ область высокой политики и, казалось, вполнѣ довольствовались тѣмъ кругомъ профес-

сіональныхъ интересовъ и нуждъ, который очерченъ былъ для нихъ.

Но въ послѣдніе два-три года стали появляться и расти симптомы новаго политическаго броженія среди крупной буржуазіи.

Такихъ симптомовъ не мало.

То въ Петербургѣ возникаетъ газета «Слово», которая заговариваетъ о великой миссіи торгово-промышленнаго класса въ Россіи. Эта газета погибла, какъ слишкомъ ранняя предтеча слишкомъ поздней купеческой весны. Но за нею осталась публицистическая заслуга—она раньше другихъ почувствовала наступленіе извѣстнаго перелома въ политическомъ настроеніи нашей крупной буржуазіи.

Въ газетѣ «Слово», И. Жилкинъ съ натуры нарисовалъ нѣсколько любопытныхъ типовъ московскихъ милліонщиковъ, претендующихъ на званіе россійскихъ Сійесовъ.

Но на страницахъ газеты «Слово» вся эта, тогда еще нарождавшаяся купеческая фронда носила какой-то искусственный, бумажный характеръ.

Прекращеніе газеты «Слово» какъ бы лишній разъ подчеркнуло экзотическій характеръ этой оппозиціи. И на время толки о ней смолкли.

Но въ то время, какъ въ Петербургѣ погибло «Слово», пытавшееся взять на себя защиту идей третьяго сословія и возвѣстить купеческій ренессансъ,—въ это самое время въ Москвѣ прочно обосновывается «Утро Россіи», издаваемое однимъ изъ главныхъ претендентовъ на званіе россійскаго Сійеса, г. Рябушинскимъ.

Если въ «Словѣ» о фрондирующихъ купцахъ говорилось въ третьемъ лицѣ, если тамъ о нихъ говорили интеллигенты, то въ московскомъ «Утрѣ Россіи» либеральная буржуазія заговорила въ первомъ лицѣ, сама о себѣ.

Въ «Утрѣ Россіи» подъ псевдонимами и съ открытымъ забраломъ стали выступать сами дѣятели промышленности и торговли—и подъ боевыми статьями стали появляться подписи столповъ московской промышленности.

Конечно, «Утро Россіи» имѣетъ своихъ предтечей. Помимо упомянутаго петербургскаго «Слова», надо вспомнить, что уже въ восьмидесятыхъ годахъ появляется въ Москвѣ газета «Русскій Курьеръ», издававшаяся заводчикомъ Ланинымъ. Въ газетѣ этой писались статьи, удивительно напоминающія нынѣшнія статьи «Утра Россіи». И тамъ провозглашалось наступленіе новой купеческой эры, и тамъ громко возвѣщалось, что «купецъ идетъ!», и просили господъ дворянъ потѣсниться и дать мѣсто купцу.

Но все же не было на Руси газеты, которая бы такъ всесторонне, такъ всемѣрно, такъ изо дня въ день защищала и прославляла нашу буржуазію, какъ это дѣлаетъ «Утро Россіи». По поводу всѣхъ міровыхъ и русскихъ событій газета «Утро Россіи» прежде всего озабочивается вопросомъ:—какъ бы не обидѣли россійскаго и, въ особенности, московскаго купца.

Юбилей двѣнадцатаго года—«Утро Россіи» безпокоится, что купцу не отвели подобающаго мѣста на празднествахъ, и обижается, что дворяне вытѣснили купцовъ.

Пріѣзжаетъ въ Россію французскій премьеръ Пуанкарэ—и «Утро Россіи» рветъ и мечетъ по поводу того, что французскаго министра возили къ цыганамъ и не повезли къ купцамъ. Даже къ цыганамъ московскіе купцы ревнуютъ правительство!

Такой выдержанной стильной купеческой газеты у насъ на Руси еще не бывало, да и на Западѣ нѣтъ. «Утро Россіи» съ похвальною откровенностью защищаетъ и прославляетъ нашу буржуазію, и чуть ли не всѣ событія русской жизни разсматриваетъ съ купеческой точки зрѣнія, мѣря на купеческій аршинъ.

По всѣмъ торжественнымъ днямъ она спеціально занимается тѣмъ, что славитъ буржуазію.

Въ текущемъ году «Утро Россіи», славя московскую буржуазію, даже свои новогоднія пожеланія почтительно поднесло лишь буржуазіи. Это любопытный и въ лѣтописяхъ русской печати безпримѣрный фактъ. По случаю наступленія новаго года «Утро Россіи» поздравило лишь ея степенство, россійскую буржуазію.

«Нашъ новогодній тостъ, — писало «Утро Россіи»,—обращенъ къ буржуазіи, къ третьему сословію современной Россіи. Къ той крѣпнущей, мощно развивающейся силѣ, которая, по заложеннымъ въ нѣдрахъ ея духовнымъ и матеріальнымъ богатствамъ, уже и сейчасъ далеко оставила за собою вырождающееся дворянство и правящую судьбами страны бюрократію».

Презрительно сбросивъ со счетовъ исторіи русскую интеллигенцію, «Утро Россіи» продолжало:

«Мы, прозрѣвающіе высокую историческую миссію этой крѣпнущей нынѣ буржуазіи, привѣтствуемъ здоровый, творческій эгоизмъ, стремленіе къ личному, матеріальному совершенствованію, къ матеріальному устроенію каждымъ изъ насъ своей личной жизни. Этотъ созидательный эгоизмъ, эгоизмъ государства и эгоизмъ отдѣльной личности, входящей въ составъ государства, не что иное, какъ залогъ нашихъ будущихъ побѣдъ, побѣдъ новой, сильной, великой Россіи надъ Россіей сдавленныхъ мечтаній, безплодныхъ стремленій и горькихъ неудачъ.»

Эти новогоднія поздравленія чрезвычайно типичны для «Утра Россіи». До сихъ поръ не было еще на Руси газеты, которая бы рѣшилась поздравить съ новымъ годомъ лишь буржуазію. Теперь такой органъ народился—и въ этомъ одинъ изъ признаковъ пробужденія нашей буржуазіи. У нея имѣются теперь мощныя профессіональныя организаціи, свои многочисленные профессіональные органы, свои профессора и, наконецъ, своя обще-политическая газета, разсматривающая всю текущую жизнь съ точки зрѣнія купеческихъ интересовъ.

Присматриваясь ближе къ статьямъ «Утра Россіи», мы, правда, замѣчаемъ, что всѣ новшества исчерпываются здѣсь общими фразами на тему: «Шире дорогу, купецъ идетъ!»

На эту тему «Утро Россіи» пишетъ много, охотно и краснорѣчиво. Но стоитъ только оборвать эти незатѣйливыя

герани краснорѣчія, чтобы обнажился все тотъ же остовъ—который искони составлялъ и исчерпывалъ программу нашей буржуазіи, — яростная защита протекціонизма, вѣчныя жалобы на обремененность налогами, постоянныя ссылки на свою бѣдность и мизерность своихъ доходовъ.

Рѣдко мелькнетъ статья, въ которой бы появились попытки дать хотя какое-либо обоснованіе своей идеологіи, хотя бы кое-какъ намѣтить основы своего міровоззрѣнія. Въ этомъ была и осталась ахиллесова пята нашей буржуазіи: у нея нѣтъ сколько-нибудь стройной идеологіи, она родилась слишкомъ поздно и попала подъ опеку правительства слишкомъ рано, чтобы могли расцвѣсти цвѣты идеологіи. Она какъ-то миновала періодъ идеологическаго цвѣтенія, сразу трезвенно перешла въ періодъ пожинанія прозаическихъ плодовъ.

Новѣйшее оживленіе въ средѣ буржуазіи не вызвало этого идеологическаго ренессанса, не только въ такихъ профессіональныхъ органахъ, какъ «Промышленность и Торговля», но даже въ такомъ общеполитическомъ органѣ, какъ «Утро Россіи». И только фельетонистъ «Утра Россіи» г. Т. Ардовъ составляетъ кантаты въ честь русской буржуазіи и пытается превознести поэзію ея дѣла.

Т. Ардовъ приходитъ въ купеческій восторгъ:

«Если было оправданіе и была даже поэзія у міра гербовъ и особняковъ, у міра «героевъ» и благородныхъ, то развѣ этотъ новый міръ, міръ плебеевъ, міръ разночинцевъ и купцовъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, міръ Лопахиныхъ, что скупаютъ «вишневые сады», не имѣетъ оправданія? И развѣ нѣтъ поэзіи—и высокой поэзіи—въ ихъ жизни, вотъ въ этомъ шумѣ грандіозныхъ городовъ, въ гулѣ тысячъ фабричныхъ станковъ, въ гудкахъ безчисленныхъ поѣздовъ, даже въ этой жизни рынка, даже въ скучной жизни «амбаровъ»? Или нѣтъ неоспоримой моральной силы въ дѣятельности этихъ людей, вышедшихъ изъ низовъ, этихъ «Self made men» въ полномъ смыслѣ слова, начинающихъ жизнь съ «подручныхъ мальчиковъ», живя гдѣ-нибудь подъ лѣстницей, а потомъ становящихся королями цѣлыхъ отраслей промышленности?»

Пока г. Ардовъ говоритъ отъ имени буржуазіи, его купеческій восторгъ понятенъ: въ «Утрѣ Россіи» его требуютъ. Но увлекшійся фельетонистъ выставляетъ Лопахина, вырубающаго «вишневый садъ», народнымъ героемъ. Это уже г. Ардовъ отъ себя перестарался.

«Народная этика, — смѣло заявляетъ онъ,—народная философія груба: она,—какъ философія стихій. И въ глазахъ народа, напр., тотъ же Лопахинъ, вырубавшій «вишневый садъ» Раневскихъ, чтобы посадить «картошки», — образъ благородный и глубоко симпатичный, а какой - нибудь помѣщикъ изъ купцовъ, вандальски уничтожившій цѣлый историческій англійскій паркъ и сажающій тамъ свекловицу,—прямо герой».

Это новыя ноты въ русской печати. И то, какъ высоко и храбро эти ноты берутся, показываетъ, что не только въ

положеніи нашихъ промышленниковъ, но и въ отношеніи къ нимъ значительной части интеллигенціи произошелъ крупный сдвигъ.

Когда-то—и не такъ давно—въ русской литературѣ вся буржуазія изображалась въ одну черную краску — чумазой. О пришествіи чумазаго съ содроганіемъ и гнѣвомъ писали и Щедринъ, и Успенскій, и Михайловскій, и С. Атава.

Попытка Гончарова, а отчасти Гоголя, создать «положительные типы» буржуазіи потерпѣла полное крушеніе.

Русская интеллигенція относилась къ буржуазіи, какъ къ незванному гостю.

Въ настоящее время въ извѣстной части русской интеллигенціи замѣчается въ этомъ направленіи значительный переломъ настроенія. И этотъ-то переломъ настроенія пошедшей на выучку къ капитализму интеллигенціи и вдохновляетъ господъ Ардовыхъ на выставленіе Лопахиныхъ, какъ какихъ-то народныхъ героевъ.

Но для иллюстраціи своей похвальной оды русской буржуазіи фельетонистъ «Утра Россіи» недаромъ остановился на «Вишневомъ саду» Чехова. Тамъ, какъ читатель помнитъ, въ суетѣ и вознѣ «человѣка забыли».

И вотъ это-то «человѣка забыли», производящее такое тяжелое впечатлѣніе въ «Вишневомъ саду», невольно вспоминается, когда задумываешься надъ газетными писаніями и политическими выступленіями нашихъ Сійесовъ.

Есть въ нихъ одна черта, всѣмъ имъ общая, типичная.

Въ двухъ словахъ ея не выразишь лучше, чѣмъ въ этихъ двухъ щемящихъ чеховскихъ словахъ:

— Человѣка забыли.

Человѣка забыли и въ себѣ самихъ, и въ другихъ.

Присмотритесь, въ самомъ дѣлѣ, къ этимъ выступленіямъ фрондирующей буржуазіи.

Вотъ первое выступленіе. Знаменитое, нашумѣвшее выступленіе 65 московскихъ крупныхъ промышленниковъ по поводу разгрома московскаго университета.

Шелъ разгромъ стариннѣйшаго и славнѣйшаго московскаго университета. Одинъ за другимъ покидали каѳедры лучшіе люди университета.

Поднимаютъ голосъ протеста представители московской промышленности и торговли. Во имя чего и въ качествѣ кого же они протестуютъ?

Они сами говорятъ объ этомъ съ полною опредѣленностью:

«Мы, нижеподписавшіеся члены промышленной и торговой среды, *въ сознаніи того огромнаго значенія, которое нынѣ имѣетъ и въ сферѣ нашей дѣятельности высшее образованіе*, не считаемъ себя въ правѣ молчаливо присутствовать при томъ распаденіи высшей школы, которому и намъ приходится быть свидѣтелемъ». (Курсивъ нашъ).

Подчеркнутыя нами строки показываютъ, что московская буржуазія какъ бы сама признаетъ за собою право «судить не свыше сапога.» Она спѣшитъ оправдать свое вмѣшательство въ этотъ больной вопросъ ссылкою на те

«огромное значеніе», какое имѣетъ «и въ сферѣ нашей дѣятельности» высшее образованіе. Этими словами тузы московской промышленности какъ бы оправдываются за вмѣшательство въ чужое дѣло, какъ бы сами признаютъ, что они имѣютъ право свое сужденіе имѣть лишь въ сферѣ и предѣлахъ своихъ сословно - классовыхъ интерессовъ.

Эта сословно-приходская точка зрѣнія еще ярче проявилась въ воззваніи, опубликованномъ по поводу тѣхъ же студенческихъ безпорядковъ самарскимъ купечествомъ.

«Волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—читаемъ мы въ этомъ воззваніи,—сопровождающіяся исключеніемъ и высылкой студентовъ и массовымъ уходомъ профессоровъ, неблагопріятно отражаются на торговлѣ и промышленности, успѣшность которыхъ обусловливается мирнымъ и спокойнымъ развитіемъ общества. Внося въ него нервность и утомленіе, осложняемые апатіей и потерой надежды у торгово-промышленнныхъ круговъ на улучшеніе экономической жизни, эти волненія грозятъ въ то же время пониженіемъ и безъ того незначительнаго процента образованныхъ людей».

«Создавая застой въ разсадникахъ просвѣщенія, эти событія еще болѣе увеличиваютъ нашу отсталость и еще дальше отодвигаютъ надежды на расцвѣтъ отечественной торговли и промышленности».

Достаточно даже бѣгло просмотрѣть цитированныя нами мѣста выступленій московскаго и самарскаго купечества по поводу студенческихъ волненій, чтобы убѣдиться, что и сами протестанты какъ бы чувствуютъ себя вправѣ говорить не какъ граждане страны, не какъ отцы и братья учащейся молодежи, а лишь какъ представители торгово-промышленнаго сословія. Вся ихъ аргументація построена на сословно - приходскомъ началѣ—и по купеческой логикѣ такъ выходитъ, что университеты громить и со студентами сражаться не подходящее дѣло, такъ какъ это вредно отражается на россійской торговлѣ и промышленности.

Значитъ, если бы это не отражалось вредно, то купцы и промышленники не считали бы себя „въ своемъ полномъ правѣ“ высказаться по этому большому и больному вопросу, волновавшему всю страну?

Въ такомъ же духѣ и стилѣ, какъ эти первыя выступленія, построены и всѣ послѣдующія.

Еще до открытія избирательной кампаніи группа московскихъ промышленниковъ выпустила воззваніе, въ которомъ выражалось недовольство дѣятельностью третьей Думы, критиковалась „дворянская“ политика этой Думы и торгово-промышленные элементы приглашались принять дѣятельное участіе въ выборахъ въ четвертую Думу.

Но какой же принципъ долженъ былъ быть положенъ въ основу этихъ выборовъ?

Все тотъ же—сословно-приходской.

Все зло, по мнѣнію этого избирательнаго воззванія, заключается въ томъ, что въ третьей Думѣ было мало куп-

цовъ и промышленниковъ. Единственное средство для искорененія этого зла—послать въ четвертую Думу купцовъ и промышленниковъ „числомъ поболѣе".

Рѣчь при этомъ идетъ только о числѣ, только о принадлежности къ купеческому званію, а политическое вѣроисповѣданіе никакой роли не играетъ. Ставится знакъ равенства между принадлежностью къ купеческому званію и направленіемъ политики. Разъ ты купецъ, то въ Думѣ будешь гнуть купеческую линію, то-есть отстаивать все то, что купцу полезно, и проваливать все то, что купцу вредно. А вся остальная область дѣятельности Думы имѣетъ какъ бы лишь академическій интересъ.

И въ этомъ воззваніи, если не ошибаемся—первомъ, открывшемъ послѣднюю избирательную кампанію, ясно сказалась вся вѣковая заскорузлость, срощенность психологіи нашей буржуазіи съ ея сословнымъ званіемъ.

Даже въ праздничныя минуты она боится покинуть свой сословный шестокъ и каждый разъ, какъ бы извиняясь и оправдываясь, она подчеркиваетъ, что разсматриваетъ всѣ событія съ убогой высоты этого самаго шестка.

Исходъ избирательной кампаніи показалъ, что наша крупная буржуазія большихъ городовъ несомнѣнно полѣвѣла, убѣдившись, что пол[illegible]ная тишь и гладь отнюдь не гарантируетъ экономической благодати.

Но ходъ избирательной кампаніи не разъ обнаруживалъ всю [illegible]сть того частокола, которымъ оградила поле не только своей дѣятельности, но и своего зрѣнія, даже передовая наша буржуазія. Достаточно вспомнить настойчивую борьбу за непремѣнное проведеніе въ Думу купцовъ числомъ поболѣе и разгорѣвшееся мѣстничество между различными районами и отраслями промышленности.

Каждый крупный районъ и каждая крупная отрасль хотѣли послать въ Госуд. Совѣтъ непремѣнно своего представителя. Тутъ и безъ того узкій кругозоръ сжался еще болѣе, превратился въ интересъ прилавка.

Сахаръ непремѣнно хотѣлъ послать своего представителя, хлѣбъ—своего, нефть—своего.

Намъ уже приходилось указывать въ другомъ мѣстѣ, что если бы всѣ эти купеческія стремленія осуществились, то парламентъ нашъ превратился бы въ своего рода Метерлинковскую «Синюю Птицу».

Тамъ ведутъ разговоры хлѣбъ, сахаръ и т. д. И у насъ въ парламентѣ засѣдали бы хлѣбъ, сахаръ, нефть, которые были бы недвижимыми и неодушевленными предметами, пока не затрагивали бы ихъ интересовъ, и неожиданно, какъ въ «Синей Птицѣ», заговорили бы человѣческимъ голосомъ, какъ только бы до прибыли коснулось.

Это проявившееся во время нынѣшней избирательной кампаніи стремленіе превратить парламентъ въ «Синюю Птицу» съ говорящими хлѣбомъ, сахаромъ, нефтью лишній разъ подчеркнуло все ту же застарѣлую болѣзнь нашей буржуазіи — неспособность перешагнуть черезъ узкій частоколъ своихъ сословныхъ интересовъ.

Если мы теперь перейдемъ къ новѣй-

шимъ нашумѣвшимъ выступленіямъ нашей буржуазіи, то увидимъ, что и въ нихъ за незатѣйливыми геранями краснорѣчія торчитъ сухой стволъ узко-сословныхъ взглядовъ и вожделѣній.

Остановимся хотя бы на этомъ знаменитомъ банкетѣ по поводу столѣтняго юбилея фирмы «А. Коноваловъ съ Сыномъ».

Читая описаніе этого юбилея, невольно восклицаешь словами изъ «Жизни Человѣка»:

— Какъ пышно, какъ богато!

Какъ же не пышно и не богато, когда на обѣдѣ присутствовало 500 человѣкъ, когда, по подсчету облизывающихся статистиковъ, банкетъ обошелся въ 30000 р.?

Когда-то верхомъ честолюбія для купеческихъ торжествъ служило присутствіе какого-нибудь генерала, хотя бы плохенькаго, хотя бы взятаго напрокатъ.

Измѣнились времена! На коноваловскомъ торжествѣ была представлена и литература, и профессура, и министерства, и Госуд. Дума, и Госуд. Совѣтъ!

Юбиляръ произнесъ поучительную рѣчь, несомнѣнно свидѣтельствовавшую о политическомъ полѣвѣніи крупной буржуазіи, все же не преступившей того магическаго сословно-приходского круга, которымъ очерчено поле и ея дѣятельности, и ея зрѣнія.

«Для промышленности, — говорилъ въ этой любопытной рѣчи г. Коноваловъ,—какъ воздухъ, необходимы плавный, спокойный ходъ политической жизни, обезпеченіе имущественныхъ и личныхъ интересовъ отъ произвольнаго ихъ нарушенія; нужны твердое право, законность, широкое просвѣщеніе въ странѣ. Такимъ образомъ, господа, непосредственные интересы русской промышленности вполнѣ совпадаютъ съ завѣтнымъ стремленіемъ всего русскаго общества, и оно должно сознать, что высокое развитіе торгово-промышленной дѣятельности въ странѣ непремѣнно вноситъ извѣстныя оздоровляющія начала во всю атмосферу нашей государственной и общественной жизни».

И эта содержательная и поучительная рѣчь г. Коновалова исходитъ все изъ той же основной посылки—торгово-промышленной пользы: свобода нужна потому, что она полезна для торговли и промышленности.

Этотъ же постоянный доводъ не отъ политическаго разума и права, а отъ торговли, выдвигается и въ послѣднихъ выступленіяхъ промышленниковъ по еврейскому вопросу.

Выступленія эти какъ нельзя болѣе отрадны, своевременны и умѣстны. Но и тутъ всѣ доводы—отъ промышленности.

Крупная буржуазія долго пассивно и молча относилась къ разгулу націоналистическихъ страстей и крестовому походу противъ евреевъ. Но, въ концѣ концовъ, тутъ случилась исторія, повторяющая басню о «Пустынникѣ и медвѣдѣ». Націоналистическій медвѣдь принялся охранять покой нашей спящей буржуазіи отъ «конкурренціи» инородческихъ мухъ. Въ охранительномъ азартѣ онъ пустилъ въ ходъ булыжники—и, какъ ни крѣпокъ лобъ нашего купца, но отъ этой охраны булыжникомъ ему не поздоровилось, и онъ выступилъ тогда противъ антисемитской травли.

«Совѣтъ съѣздовъ» сдѣлалъ цѣлый рядъ представленій въ защиту евреевъ тѣхъ или другихъ отраслей и мѣстностей.

Общество заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго района обратилось къ В. Коковцову со специальной докладной запиской по еврейскому вопросу, въ которой, между прочимъ, читаемъ:

„Чрезвычайно участились выселенія евреевъ ремесленниковъ и торговцевъ изъ мѣстностей, гдѣ съ вѣдома администраціи они открыто жили и занимались торговлей и промыслами десятки лѣтъ, а товары ихъ конфискуются. Это ввергаетъ торговлю и промышленность въ такую неопредѣленность и неустойчивость, при которыхъ хозяйство страны и интересы купеческаго класса не могутъ не претерпѣть весьма серьезныхъ потрясеній. Въ лицѣ выселяемыхъ торговля и промышленность утрачиваютъ старыхъ и опытныхъ посредниковъ для сбыта продуктовъ. Выселеніе неизбѣжно связано съ прекращеніемъ выселяемыми платежей. Конфискація товаровъ въ дѣйствительности является карой для фабрикантовъ и заводчиковъ, отпускающихъ товары въ большинствѣ случаевъ въ кредитъ. Стѣснять свободу перемѣщенія людей равносильно тому, чтобы затруднять свободное кровообращеніе въ живомъ организмѣ. Теперь рельефно обнаружилась одна изъ несомнѣнныхъ причинъ переживаемаго нашею промышленностью, главнымъ образомъ —мануфактурной, остраго періода неплатежей, вообще, и затрудненій въ реализаціи денежныхъ обязательствъ — въ частности. Это коренится въ безпрерывныхъ выселеніяхъ, ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ, чинимыхъ мѣстными властями евреямъ. Многочисленные случаи ликвидаціи евреями своихъ торгово-промышленныхъ предпріятій вызваны исключительно вслѣдствіе невыносимаго положенія, создавшагося благодаря преслѣдованію администраціи. Это влечетъ не только непоступленіе срочныхъ платежей, но часто и потерю мѣстнаго рынка“.

Это выступленіе общества заводчиковъ и фабрикантовъ чрезвычайно поучительно и, появляясь въ разгаръ воинствующаго національзма, оно представляетъ крупный общественный фактъ.

Воинствующій національзмъ ополчился на евреевъ, между прочимъ, подъ предлогомъ охраны русскихъ купцовъ и промышленниковъ отъ еврейскаго экономическаго засилья. Русскіе же купцы и промышленники почтительно и убѣдительно просятъ начальство освободить ихъ отъ этой націоналистической охраны, разорительной для нихъ стократъ больше, чѣмъ еврейская конкурренція.

Докладная записка московскихъ фабрикантовъ яснѣе яснаго показала, какъ разорителенъ для русскихъ новѣйшій націоналистическій курсъ, какъ онъ подрываетъ производительныя силы всей страны.

Русскіе купцы и промышленники просятъ освободить ихъ отъ услужливыхъ друзей націоналистическаго курса, которые опаснѣе для нихъ, чѣмъ инородческіе враги.

Націоналистическіе булыжники, которыми эти услужливые друзья охраняютъ русскихъ купцовъ отъ инородческихъ и, главнымъ образомъ, еврейскихъ «враговъ», въ концѣ концовъ, заставили

московское общество фабрикантовъ обратиться къ г. Коковцову съ просьбою: избавите отъ этакихъ друзей.

Услужливый національзмъ оказался для московскихъ промышленниковъ опаснѣе еврейскихъ «враговъ», которыхъ онъ отгонялъ своими булыжниками.

Въ этомъ отношеніи записка московскихъ промышленниковъ представляетъ крупный общественный интересъ. Но достаточно сколько-нибудь внимательно къ ней присмотрѣться, чтобы убѣдиться въ крайней политической невоспитанности ея авторовъ, въ крайней узости ея политическаго кругозора, въ крайней оскорбительности ея для человѣческаго достоинства евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ:—идутъ по всей странѣ неслыханныя притѣсненія и гоненія на евреевъ; промышленники поднимаютъ голосъ противъ этихъ гоненій; но этотъ протестующій голосъ взываетъ не къ справедливости, не къ велѣніямъ права, правды, законности, а къ приходо-расходной книгѣ.

Промышленники раскрываютъ приходо-расходную книгу и доказываютъ, что имъ, промышленникамъ, отъ этого гоненія на евреевъ «одинъ убытокъ». Промышленники ходатайствуютъ, чтобы гоненія противъ евреевъ извѣстной категоріи, извѣстной мѣстности были прекращены или, по крайней мѣрѣ, смягчены, не потому, что это жестоко и мучительно по отношенію къ евреямъ, не потому, что это противорѣчитъ элементарнымъ велѣніямъ права, а потому, что это убыточно для хлопчато-бумажной, мануфактурной или галантерейной промышленности московскаго района.

Такимъ образомъ, промышленники хлопочутъ, чтобы еврейскій вопросъ разрѣшенъ былъ лишь для нихъ, для промышленниковъ, въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ ихъ интересами.

Начинается усиленное выселеніе евреевъ изъ селъ Херсонской губерніи. Тамъ у московскихъ промышленниковъ оказывается много еврейскихъ должниковъ—и вотъ они хлопочутъ, чтобы эти выселенія прекратили, такъ какъ это разорительно для нихъ, московскихъ промышленниковъ.

Большой и больной еврейскій вопросъ жалко и оскорбительно суживается до размѣровъ «отселева—доселева», отчеркнутыхъ интересами той или иной группы промышленниковъ.

Когда императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ принялись доказывать экономическую пользу евреевъ для Россіи, она отвѣтила: «Отъ враговъ христовыхъ не желаю имѣть прибыли».

Московскіе промышленники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они ставятъ еврейскій вопросъ лишь въ грубой, убогой плоскости «интересной прибыли», они ходатайствуютъ о его разрѣшеніи или смягченіи лишь въ предѣлахъ этой «интересной прибыли», извлекаемой ими изъ опредѣленной категоріи евреевъ.

Евреи разсматриваются не какъ субъекты политическихъ правъ, а какъ объекты экономическихъ операцій; еврейскій вопросъ убого ставится лишь, какъ источникъ, какъ статья «интересной прибыли».

Какъ же тутъ не вспомнить щемящаго аккорда «Вишневаго сада»: «Человѣка забыли»?..

Забыли, что еврейскій вопросъ—это

вопросъ о живыхъ и страдающихъ людяхъ, которые, вѣдь, не всѣ состоятъ коммивояжерами и должниками московскихъ промышленниковъ и которые поэтому далеко, вѣдь, не всѣ входятъ въ приходную статью «интересной прибыли».

Весь этотъ эпизодъ безконечно поучителенъ для сословно-приходской логики и психологіи нашихъ Сійесовъ. Они ходатайствуютъ о разрѣшеніи университетскаго, еврейскаго и прочихъ больныхъ вопросовъ русской жизни лишь потому, что они испытываютъ отъ этого убытокъ, и лишь постольку, поскольку это нарушаетъ ихъ интересы.

Идея третьяго сословія, такъ широко поставленная французскимъ Сійесомъ, какъ идея «всего народа», получила у нашихъ Сійесовъ чисто приходо-расходную постановку: націонализмъ плохъ, потому что въ торговыхъ книгахъ онъ записанъ въ графѣ убытковъ; евреевъ надо осторожно притѣснять, потому что они—полезная статья доходовъ.

Когда появилось первое заявленіе московскихъ промышленниковъ (по поводу разгрома московскаго университета), г. М. Меньшиковъ сердито писалъ въ «Нов. Вр.».

«Что же вы суетесь учить государственную власть въ ея великомъ и многотрудномъ дѣлѣ? Суди, дружокъ, не свыше сапога». («Нов. Вр.» 1911 г., 13 февр.).

Печальнѣе всего, что наши Сійесы такого окрика не заслужили. Они и сами не признаютъ себя въ правѣ судить «свыше сапога», и выступая каждый разъ по какому-либо больному вопросу, спѣшатъ непремѣнно указать, что они при этомъ не поднялись свыше торгово-промышленнаго «сапога.» Въ уже упомянутомъ заявленіи «Общества фабрикантовъ и заводчиковъ» такъ прямо и сказано, что «общество считаетъ себя не въ правѣ входить въ разсмотрѣніе того, насколько ограниченіе существенныхъ правъ извѣстной части населенія политически цѣлесообразно».

Такимъ образомъ, г. Меньшиковъ зря горячился: сами промышленники признаютъ себя не въ правѣ судить «свыше сапога»...

Всѣ эти выступленія промышленниковъ представляютъ отрадный фактъ: они показываютъ, какъ глубоко проникло сознаніе разорительности для русскихъ новѣйшаго націоналистическаго движенія, они показываютъ, что наши торгово-промышленные круги поняли, что націонализмъ дошелъ до того азарта, когда пускаютъ въ ходъ охранительные булыжники, чтобы отогнать инородческихъ мухъ.

Но при этомъ вновь обнаружилась политическая невоспитанность и политическое недомысліе нашихъ Сійесовъ. Они надѣются, что для нихъ, промышленниковъ, будутъ сдѣланы исключенія и послабленія и они за тихое политическое поведеніе получатъ лишь для себя досрочное освобожденіе отъ «націоналистическаго черезчура», какъ выражаются одесситы.

П. Берлинъ.

БАЛКАНСКІЙ КРИЗИСЪ И ЕВРОПА.

Со времени Берлинскаго конгресса восточный вопросъ таитъ въ себѣ самые грозные признаки. Рѣшеніе основной политической проблемы на Балканахъ— изгнаніе турокъ изъ европейскихъ вилайетовъ не было допущено конгрессомъ благодаря усиліямъ Биконсфильда и Бисмарка. Этимъ европейскія державы нанесли тяжелый ударъ русскому престижу на Востокѣ, гдѣ славянскія государства, казалось, достигли своей національной цѣли благодаря Санъ-Стефанскому договору. Въ основѣ послѣдняго лежала идея этнографическаго, а не территоріальнаго расчлененія Европейской Турціи. Такъ, напримѣръ, границы Болгарскаго княжества опредѣлялись тогда слѣдующимъ образомъ: Придунайская Болгарія, Румелія и Македонія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ же договоромъ двумъ сербскимъ провинціямъ, нынѣ вошедшимъ въ составъ Австро-Венгріи, Босніи и Герцеговинѣ обезпечивалась полная автономія.

Такое расчлененіе Турціи, несомнѣнно, соотвѣтствовало задачамъ южнаго славянства. Но Берлинскій конгрессъ отнесся къ Санъ-Стефанскому договору, какъ къ фактору, нарушающему европейское равновѣсіе, точнѣе говоря,—устраняющему вліяніе на Балканахъ не-славянскихъ государствъ. Единодушіе этихъ послѣднихъ было тѣмъ прочнѣе, чѣмъ сильнѣе обнаруживалась тендеція сохранить основы Санъ-Стефанскаго договора. Въ результатѣ получилось то, что вмѣсто радикальнаго разрѣшенія южно-славянской проблемы, на что вправѣ была разсчитывать Россія послѣ ея войны съ Турціей, закончившейся капитуляціей послѣдней, Европа искусственнымъ образомъ создала два очага балканскаго пожара, потушить которые не удалось досихъ поръ, несмотря на всѣ усилія европейской дипломатіи.

Мы имѣемъ въ виду Македонію и Боснію и Герцеговину. Впрочемъ, относительно послѣднихъ двухъ сербскихъ провинцій можно сказать, что недавняя аннексія ихъ Австро-Венгріей хотя и исключила изъ инвентаря европейской дипломатіи мертвый грузъ восточнаго

вопроса, тѣмъ не менѣе, непредвидѣнные результаты ея создали мало утѣшительную для европейскаго мира конфигурацію балканскихъ государствъ. Аннексія какъ бы утвердила политику австрійскаго господства на Балканахъ и, поставивъ Австро-Венгрію лицомъ къ лицу съ Сербіей, заставила послѣднюю искать выхода изъ германской западни въ новомъ направленіи своей національной политики. Но къ этому вопросу мы вернемся въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи о современныхъ перипетіяхъ на Балканахъ, а пока же обратимся къ той главной проблемѣ, изъ-за разрѣшенія которой въ настоящее время снова полилась кровь на ближнемъ Востокѣ.

Помѣшавъ возсоединенію Македоніи съ Болгаріей, Берлинскій конгрессъ обязалъ турецкое правительство, въ силу ст. 23, ввести въ эту ея европейскую провинцію реформы, направленныя къ улучшенію политическихъ и національныхъ условій существованія христіанскаго населенія.

Не трудно было предвидѣть, что могло выйти изъ такого „устройства" христіанскаго населенія трехъ европейскихъ вилайетовъ Турціи: Салоникскаго, Монастырскаго и Коссовскаго, изъ которыхъ состоитъ Македонія. Европейскія державы въ 1878 г. преслѣдовали узко-эгоистическую цѣль: онѣ не хотѣли созданія „Великой Болгаріи"— и жертвой этой политики должна была стать Македонія.

Между тѣмъ, освобожденная Болгарія не могла оставаться въ роли равнодушнаго свидѣтеля тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя были слѣдствіями турецкой административной политики въ Македоніи. Въ значительной степени область эта по этнографическому своему составу— болгарская, и естественно поэтому, что ближе всего интересовала болгаръ судьба македонцевъ. Со времени Берлинскаго конгресса оттоманское правительство ничего ровно не сдѣлало, чтобы дѣйствительно улучшить положеніе македонскихъ христіанъ, не перестававшихъ требовать для себя мѣстной автономіи. Вѣдь, помимо болгаръ, Македонія населена еще сербами, греками и куцо-валахами (румынами), правда, составляющими менѣе значительныя этнографическія группы, нежели болгары, но именно этотъ пестрый національный составъ свидѣтельствовалъ о необходимости скорѣйшаго расплетенія македонскаго узла введеніемъ реформъ, обезпечивающихъ каждой національности автономное устройство. Учитывая это центробѣжное стремленіе македонскаго населенія, это субъективное опредѣленіе мѣстной автономіи четырьмя національностями, турецкое правительство стало примѣнять здѣсь то средство, которымъ иныя европейскія правительства спасаются на многіе десятки лѣтъ отъ внутреннихъ народныхъ смутъ и революціонныхъ потрясеній. Въ такихъ странахъ, какъ Македонія, нѣтъ ничего легче, какъ управлять при помощи искусственнаго разжиганія національныхъ страстей натравливанія одной народности на другую, вбивая, такъ сказать, клинъ въ толщу христіанской народной массы.

Государственнымъ дѣятелямъ стараго, гамидовскаго режима удалось такимъ способомъ отстранить на много лѣтъ

необходимость македонской автономіи. Между населяющими Македонію національностями возникли обостренныя отношенія и, подготовленныя искусной рукой Блистательной Порты, онѣ быстро приняли самыя жестокія, уродливыя формы подъ вліяніемъ извнѣ, на почвѣ соревнованія заинтересованныхъ балканскихъ государствъ, пытавшихся обезпечить, каждое въ отдѣльности, свое политическое преобладаніе въ этой турецкой провинціи. Болгарія, Сербія, Греція и Румынія—вотъ тѣ государства Ближняго Востока, которыя оспаривали другъ у друга свое право на политическое вліяніе, если не во всей, то въ соотвѣтствующей части Македоніи, и этой борьбѣ извнѣ сопутствовала такая же борьба четырехъ македонскихъ національностей изнутри. Оттоманскому правительству оставалось только тайно поддерживать эту интригу, а явно дѣлать видъ, что она не можетъ ввести автономныхъ реформъ въ страну національныхъ смутъ. Такъ проходили годы—и, наконецъ, въ самой Македоніи, въ нѣдрахъ этой, раздираемой національной враждой, турецкой области произошли событія, заставившія Европу вновь обратить свое вниманіе на судьбы находящихся во власти турокъ христіанъ.

Національная пропаганда, исходящая изъ заинтересованныхъ въ Македоніи балканскихъ государствъ, имѣла одно благотворное значеніе: она пробудила къ борьбѣ за автономію самые, казалось, неподвижные элементы населенія. Предъ македонцами встала задача самостоятельной борьбы за освобожденіе, а отсюда былъ уже одинъ шагъ къ развитію чисто революціонной дѣятельности. Въ этомъ послѣднемъ огромную роль сыграли болгары, которые со времени Берлинскаго конгресса являются главнымъ ферментомъ въ автономическомъ движеніи Македоніи. Съ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія открываетъ свою дѣятельность такъ называемая „Внутренняя македонская организація", главная штабъ-квартира которой находится на территоріи Болгаріи. Эта организація руководитъ всѣми возстаніями и отдѣльными, спорадическими выступленіями революціонныхъ бандъ, извѣстныхъ большей частью подъ именемъ македонскихъ четъ. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ описаніи этихъ повстанческихъ движеній, безпрерывно вспыхивающихъ въ Македоніи съ 1893 г. и до настоящаго момента. Намъ важно упомянуть объ этомъ лишь потому, что, благодаря этимъ революціоннымъ выступленіямъ македонскихъ четъ, направленнымъ къ низверженію турецкаго господства, македонскій вопросъ вновь становится европейской проблемой. Иными словами, европейская дипломатія изъ пассивнаго созерцанія переходитъ къ активному вмѣшательству въ балканскія дѣла. Но это выступленіе европейской дипломатіи на Балканахъ по македонскому вопросу порождаетъ новыя международныя столкновенія, создаетъ фатальныя скрещиванія мнимыхъ интересовъ „заинтересованныхъ" европейскихъ державъ, устраиваетъ искусственныя комбинаціи для поддержанія балканскаго равновѣсія, а, въ сущности, положеніе въ Македоніи отъ этого не измѣняется.

Въ чемъ же проявляетъ свою активность дипломатія? Она интригуетъ; она и на этотъ разъ, какъ на Берлинскомъ конгрессѣ, дѣлаетъ изъ Македоніи арену международнаго соперничества. Видную роль въ этомъ соперничествѣ играетъ Австро-Венгрія, заботящаяся не столько о положеніи балканскихъ христіанъ, сколько о проложеніи новыхъ путей къ Эгейскому морю—этому предѣлу ея восточнаго вліянія. Послѣ ужасной армянской рѣзни въ 1895 г., рѣзни, которая явилась неотразимымъ доказательствомъ того, до чего можетъ дойти гамидовскій режимъ въ своемъ отношеніи къ христіанамъ при равнодушномъ бездѣйствіи европейской дипломатіи, Англія и Франція сдѣлали попытки серьезнаго вмѣшательства въ дѣла на Востокѣ. За ними послѣдовала и Россія, но въ то же время эта послѣдняя, совмѣстно съ Австро-Венгріей, готовила на Балканахъ противовѣсъ англо-французскому вліянію, которое могло легко привести къ нежелательнымъ результатамъ. Англія грозила Турціи раздѣломъ, наша же дипломатія, перемѣстивъ центръ своей дѣятельности на Дальній Востокъ, старалась отстранить всякій призракъ международныхъ осложненій на Балканахъ. Она быстро забыла и про свою историческую роль на Ближнемъ Востокѣ, и про судьбы родственныхъ Россіи балканскихъ славянъ, закрыла глаза на Македонію, гдѣ какъ разъ въ 1896 г. поднялось серьезное возстаніе, и готова была поступиться всѣмъ своимъ престижемъ на Балканахъ, лишь бы ей не помѣшали увязнуть въ дальневосточной трясинѣ. Въ результатѣ такой политики явилось пресловутое австро-русское соглашеніе 1897 г. о сохраненіи на Балканахъ status quo, остріе котораго направлено противъ Англіи, начавшей энергичную кампанію въ защиту балканскихъ христіанъ. Въ то же самое время Германія начинаетъ играть роль партнера Австро-Венгріи. Она демонстративно афишируетъ свою дружбу съ Турціей.

Но политическіе факторы на Балканахъ вынуждаютъ все-же къ активному вмѣшательству державъ, провозгласившихъ формулу status quo. Революціонное движеніе въ Македоніи растетъ и грозитъ чрезвычайно серьезными послѣдствіями, ибо все-же балканское равновѣсіе покоится, главнымъ образомъ, на македонскомъ вопросѣ. Это обстоятельство приводитъ къ новой коопераціи дипломатическихъ силъ Россіи и Австро-Венгріи. Въ 1903 г. состоялось мюрцштегское соглашеніе, въ силу котораго эти послѣднія державы, считая себя наиболѣе заинтересованными на Балканахъ, вырабатываютъ совмѣстно проектъ реформъ въ Македоніи, который онѣ представляютъ Турціи. Между тѣмъ, сами македонцы обнаруживаютъ полное недовѣріе къ этой дипломатической стряпнѣ, ибо въ ней слишкомъ много торжественныхъ обѣщаній и очень мало искреннихъ намѣреній. Мюрцштегская программа уже потому потерпѣла крушеніе, что ей было противопоставлено со стороны Англіи предложеніе ввести болѣе радикальную реформу въ Македоніи. Въ концѣ концовъ, Россія отказывается отъ совмѣстныхъ съ Австро-Венгріей выступленій на Балканахъ и дѣлаетъ попытку самостоятельнаго вмѣшатель-

ства въ македонскія дѣла въ пользу установленія здѣсь контроля европейскаго концерта. Мало-по-малу на сцену выступаетъ вся артиллерія европейской дипломатіи, передъ которой турецкій султанъ склоняется, обѣщаетъ безусловное введеніе необходимыхъ въ Македоніи реформъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ своимъ агентамъ директивы дѣйствовать въ христіанскихъ вилайетахъ согласно оттоманскимъ интересамъ.

Почему Турція такъ упорно отказывалась отъ введенія въ Македоніи реформъ? Въ этомъ вопросѣ—весь центръ тяжести балканской проблемы. Всякія реформы въ этой области неизбѣжно привели бы къ автономіи, а кто знакомъ съ исторіей балканскаго вопроса послѣ Берлинскаго конгресса, тотъ пойметъ, что автономія въ европейскихъ провинціяхъ Турціи—это послѣдній шагъ къ ихъ окончательному отторженію отъ Оттоманской имперіи. Вѣдь, небольшого труда стоило Болгаріи присоединить къ себѣ Восточную Румелію, которой, въ силу Берлинскаго трактата, была гарантирована полная автономія. Та же судьба, несомнѣнно, ждетъ и Македонію, гдѣ, какъ мы уже указали, болгарскіе интересы преобладаютъ надъ интересами другихъ національностей. Но что такое Турція безъ Македоніи? Это—фактическое вытѣсненіе оттомановъ изъ предѣловъ европейскаго материка, это—окончательный развалъ европейской Турціи. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только посмотрѣть на карту Балканскаго полуострова, чтобы убѣдиться въ этомъ. Македонія врѣзается клиномъ въ Европейскую Турцію; если бы она отпала отъ послѣдней, то этимъ самымъ отъ нея отпадаютъ и Албанія—на западѣ, и Старая Сербія и Новобазарскій Санджакъ—на сѣверѣ. Ибо только Македонія является теперь связующимъ звеномъ между Константинополемъ и тремя послѣдними турецкими провинціями, составляющими западную и сѣверную окраины Европейской Турціи. Если въ 1878 г. македонскій вопросъ являлся для державъ прежде всего вопросомъ европейскаго равновѣсія, то теперь онъ является преимущественно балканской проблемой.

Однако, Македонія становится предметомъ вожделѣній и не-балканскихъ державъ. Со времени оккупаціи Босніи и Герцеговины, а также и Санджака, у австро-венгерской дипломатіи родился вполнѣ реальный планъ проникновенія къ Эгейскому морю, къ утвержденію нѣмецкаго господства въ Салоникахъ. И вся роль Австро-Венгріи на Балканахъ и, въ частности, въ македонскомъ вопросѣ опредѣляется этимъ ея стремленіемъ. Поэтому упомянутыя выше русско-австрійскія соглашенія 1897 г. и 1903 г. по балканскому вопросу явились не болѣе, какъ искусственно созданной коопераціей противорѣчивыхъ въ существѣ своемъ интересовъ обѣихъ державъ. Утвержденіе нѣмецкаго господства на Балканахъ нежелательно не только южнымъ славянамъ, но и Россіи, у которой имѣются здѣсь свои политическія и стратегическія цѣли. По мѣрѣ же того, какъ реформы въ Македоніи, особенно подъ вліяніемъ англійской дипломатіи, начинали, казалось, ссуществляться, Австро-Венгрія отклонялась

отъ своихъ обязательствъ и затѣвала новую интригу. Въ январѣ 1908 г. баронъ Эренталь выступилъ въ венгерской делегаціи съ знаменитой рѣчью о Санджакской желѣзной дорогѣ, которую Австрія предполагала соединить въ Митровицѣ съ турецкой линіей и связать такимъ образомъ Вѣну одной прямой магистралью съ Салониками. Это выступленіе Австро-Венгріи было равносильно разорвавшейся бомбѣ: вся европейская дипломатія мобилизовалась,—и на Балканахъ началось новое вліяніе международныхъ силъ, направленное къ устраненію „нѣмецкой опасности". Въ первые ряды выступаетъ Англія, которая ищетъ сближенія съ Россіей на почвѣ общности балканскихъ интересовъ. Это сближеніе окончательно достигается на ревельскомъ свиданіи откуда исходитъ одобренный Россіей англійскій проектъ македонскихъ реформъ. Онъ состоялъ изъ такихъ радикальныхъ мѣръ, что, будь онъ примѣненъ въ свое время, Македонія давно уже находилась бы въ положеніи автономной области. Здѣсь, на ревельскомъ свиданіи, былъ, кажется, впервые заложенъ фундаментъ македонской автономіи, при помощи которой Англія пыталась нанести смертельный ударъ нѣмецкой гегемоніи на Балканахъ, гегемоніи, простершейся былоуже до Эгейскаго моря.

Но неожиданныя событія сразу измѣнили обычную дипломатическую декорацію на Балканахъ. Черезъ два мѣсяца послѣ ревельскаго свиданія младотурецкое пронунціаменто заставило Абдулъ-Гамида ввести конституцію въ Турціи. Самый режимъ, который лежалъ тяжелымъ камнемъ на Македоніи, палъ—и наступила новая эра, отъ которой Европа ждала немедленнаго исполненія давно намѣченныхъ преобразованій въ христіанскихъ вилаейтахъ. Надо замѣтить, что переворотъ 10 іюля 1908 г. былъ совершенъ при дѣятельномъ участіи христіанскаго населенія Македоніи. Младотурки, прежде чѣмъ выступить противъ стараго режима, обезпечили себѣ, такъ сказать, тылъ. Они вошли въ тайныя сношенія съ македонскими четами, чтобы при помощи послѣднихъ примирить враждующія между собой національности Македоніи. Все это легко удалось, благодаря тому, конечно, что младотурки обѣщали съ установленіемъ оттоманской конституціи ввести самую широкую мѣстную автономію, по принципу полной свободы національнаго самоопредѣленія. Для македонцевъ такой исходъ изъ анархическаго состоянія, въ котомъ въ послѣдніе годы пребывала ихъ страна, казался, естественно, наилучшимъ, тѣмъ болѣе, что имъ устранялось всякое вмѣшательство европейскихъ державъ извнѣ. Македонія къ этому времени стояла уже на пути самостоятельнаго устройства своихъ судебъ и, подобно Италіи, надѣялась, что она, въ концѣ концовъ, fara da se.

Между тѣмъ, 1908 г. явился годомъ такого сдвига на Балканахъ, котораго не было еще со времени Берлинскаго конгресса. Турція получила конституцію и окрылила христіанское населеніе надеждами на радикальное измѣненіе ихъ положенія. Но въ эту атмосферу свѣжей

политической струи какимъ-то диссонансомъ врѣзалась аннексія Босніи и Герцеговины Австро-Венгріей и объявленіе Болгаріи независимымъ царствомъ. Внѣшнее впечатлѣніе этихъ событій было таково, точно вмѣстѣ съ новымъ режимомъ, низвергшимъ деспотическую власть кроваваго султана, къ основамъ Оттоманской имперіи приблизился зловѣщій призракъ государственнаго разложенія. Младотурки, испугавшись этого призрака, начали дѣйствовать въ сторону сплоченія всѣхъ турецкихъ провинцій. Когда они передъ переворотомъ 10 іюля искали опоры въ македонцахъ и, вообще, въ христіанскомъ населеніи Турціи, составляющемъ издавна его центробѣжную силу, они объявили себя самыми убѣжденными децентралистами. Но уже съ первыхъ шаговъ своего пребыванія у власти они все болѣе и болѣе стали приближаться къ идеѣ оттоманской централизаціи, выдвинувъ лозунгомъ оттоманизацію всѣхъ турецкихъ подданныхъ. Если противъ этой новой политической системы выступили арабы, которыхъ роднитъ съ турками единая мусульманская религія, то что должны были сказать христіане, которыхъ ничто ровно не роднитъ съ оттоманами?

Македонія вновь зашевелилась и, увидѣвъ себя обманутой, стала въ самую непримиримую оппозицію къ тѣмъ, съ которыми ея сыны, плечо къ плечу, шли на борьбу со старымъ гамидовскимъ режимомъ. Дальнѣйшія событія извѣстны. Младотурецкій централизмъ посѣялъ смуту не только въ тѣхъ слояхъ населенія, которые были враждебны административной политикѣ „кроваваго“ султана, но и среди тѣхъ, которые всегда отличались своей лояльностью,—мы подразумѣваемъ албанцевъ. Въ послѣдніе два года младотурки настолько дискредитировали себя въ странѣ, что вынуждены были уйти съ отвѣтственныхъ постовъ управленія и уступить мѣсто другимъ,—ихъ противникамъ. Однако же, младотурецкій режимъ за короткое время своего существованія показалъ полную свою несостоятельность. До революціи 1908 г. македонскій вопросъ грозилъ окончательнымъ раздѣломъ Европейской Турціи. Это отлично понимали сами младотурки, которые впали въ полное уныніе, когда узнали о результатахъ ревельскаго свиданія. Они должны были поэтому найти какой-нибудь подходящій modus vivendi для Македоніи, чтобы не дать этой провинціи видѣть въ новыхъ дѣятеляхъ возрожденной Турціи все тѣхъ же старыхъ враговъ христіанской автономіи. Младотурки не только не сдѣлали ни чего въ этомъ направленіи, но они какъ будто совершенно забыли о Македоніи, судьбы которой тѣсно переплетены съ вопросомъ о существованіи самой Европейской Турціи.

Наконецъ, у власти становятся противники младотурецкой централизаціи. И что же мы видимъ? Самый острый вопросъ турецкой внутренней политики не получаетъ опять-таки никакого разрѣшенія. Ликвидируя албанское возстаніе, нынѣшніе государственные дѣятели Турціи обѣщаютъ албанцамъ автономію, тогда какъ объ автономіи Македоніи не подымается и рѣчи, либо же

говорится какъ-то глухо, туманно, и такъ же неопредѣленны ея судьбы, какъ онѣ были непредѣленны при Абдулъ-Гамидѣ. Албанское возстаніе—вѣдь, это только начало борьбы населяющихъ Турцію національностей за свое существованіе; конституціонный режимъ пробудилъ ихъ къ новой, болѣе энергичной дѣятельности за свои права. Неужели же турецкіе правители полагаютъ, что умиротвореніемъ одной Албаніи можетъ быть достигнуто успокоеніе во всей Оттоманской имперіи? Надо помнить, что Албанія тѣсно примыкаетъ къ Македоніи, и всякое внутреннее измѣненіе въ первой неизбѣжно вызываетъ движеніе во второй. Между прочимъ, серьезнымъ толчкомъ къ новому македонскому движенію явилось и то, что албанцы, стремясь къ полученію автономіи, требуютъ какихъ-то территоріальныхъ компенсацій, которыя должны быть совершены за счетъ Македоніи. Такимъ образомъ создается какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго современная Турція не можетъ выйти безъ серьезнаго для себя ущерба. Ибо дѣло не въ одной только албанской автономіи, а въ автономіи всѣхъ европейскихъ провинцій Турціи вообще. Мы уже указывали, что самымъ грознымъ призракомъ турецкаго развала является македонская автономія,—и этого, какъ теперь свидѣтельствуютъ факты, одинаково опасаются какъ сторонники гамидовскаго режима, такъ и младотурки, такъ и ихъ принципіальные противники, стоящіе за децентрализацію. Изъ создавшагося положенія нѣтъ выхода. Либо Турція даетъ Македоніи автономію—и тогда она сама занесетъ надъ своимъ господствомъ на Балканскомъ полуостровѣ мечъ, либо положеніе Македоніи остается въ прежнемъ видѣ—и тогда неизбѣжна война заинтересованныхъ въ автономіи этой области балканскихъ державъ съ Турціей.

Спокойствіе этой послѣдней до сихъ поръ покупалось, какъ мы видѣли, цѣной внутреннихъ національныхъ раздоровъ въ Македоніи и тѣмъ, что выдвигающія свои притязанія на эту область государства находились во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Но такое спокойствіе покоится на случайностяхъ. Стоило только этимъ государствамъ понять, что ихъ сила въ координаціи своихъ дѣйствій, какъ все балканское равновѣсіе немедленно сдвигается съ мертвой точки, а разъ это такъ, то и судьба Европейской Турціи ставится на карту. Это именно и случилось въ данный моментъ. Послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины Сербія поняла, что ей необходимо сблизиться съ Болгаріей. Эта новая оріентировка на Балканахъ выдвинула проектъ федераціи балканскихъ государствъ съ Турціей во главѣ. Такое сочетаніе политическихъ силъ на Ближнемъ Востокѣ казалось необходимымъ для предотвращенія дальнѣйшихъ поступательныхъ шаговъ Австро-Венгріи, противъ которой въ Новобазарскомъ Санджакѣ союзныя балканскія государства должны были бы поставить барьеръ. Идея балканской федераціи съ Турціей во главѣ оказалась эфемерной, такъ какъ яблокомъ раздора между ними все-же была Македонія. Болгарія повела ту-же поли-

тику балканскаго сплоченія, но въ другомъ направленіи. Связующимъ цементомъ явилась на этотъ разъ не столько нѣмецкая опасность, сколько опасность младотурецкаго режима. Болгаріи удалось сплотить на почвѣ борьбы за македонскую автономію бывшихъ непримиримыхъ враговъ. Неожиданно для европейской дипломатіи на Балканахъ появился новый факторъ политическаго равновѣсія, заключающійся въ союзѣ государствъ: Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи. Что касается Румыніи, то ея поведеніе зависитъ отъ будущихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, но уже въ послѣдніе дни румынскіе политическіе дѣятели обнаружили сильную оппозицію противъ правительства, относящагося якобы враждебно къ новому союзу балканскихъ государствъ. Они требуютъ, чтобы къ нему присоединилась и Румынія.

Итакъ, мы являемся свидѣтелями чрезвычайно важныхъ, а, главное, для европейской дипломатіи совершенно новыхъ факторовъ на Ближнемъ Востокѣ. Противъ Турціи выступаютъ почти всѣ балканскія государства, которыя въ первый разъ пытаются собственными силами разрѣшить вѣковѣчную проблему: освобожденія отъ турецкаго ига Македоніи и, быть можетъ, изгнанія турокъ изъ Европы. Но въ этомъ именно и заключается опасность нынѣшняго положенія, такъ какъ въ моментъ, когда наступитъ дѣлежъ Турціи, на сцену несомнѣнно выступятъ великія державы и, прежде всѣхъ, ненасытная Австро-Венгрія. А это является худшимъ предзнаменованіемъ, ибо тогда эгоистическія тенденціи державъ могутъ довести балканскій кризисъ до такихъ размѣровъ, что разрѣшить его безъ всеобщей, всеевропейской войны будетъ уже немыслимо.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

«Союзъ защиты материнства» и реформа сексуальной морали.

Вопросъ объ охранѣ и обезпеченіи материнства и дѣтства—это вопросъ, который съ неумолимой настойчивостью стучится послѣднія десятилѣтія въ дверь и къ соціалъ-политикамъ, и къ гигіенистамъ, и къ государственнымъ мужамъ, и просто къ женщинамъ, ко всѣмъ тѣмъ 50 милліонамъ женщинъ „культурныхъ странъ", что принуждены волей судебъ «самостоятельно» зарабатывать на жизнь... Рядомъ съ проблемой пола и брака, окутанной въ поэтическія ткани психологическихъ переживаній, неразрѣшимыхъ сложностей и неудовлетворенныхъ запросовъ тонкихъ душъ, неизмѣнно шагаетъ усталой поступью отяжелѣвшая подъ бременемъ собственной ноши величаво-скорбная проблема материнства...

Неомальтузіанцы, соціалъ-реформаторы, послѣдователи новой отрасли науки—эвгеники (гигіены расъ) и просто филантропы—каждый по своему спѣшатъ разрѣшить эту неподатливую проблему, каждый на свой ладъ выхваливаетъ изобрѣтенное имъ новое „патентованное средство", обѣщающее вернуть матерямъ и младенцамъ потерянный рай...

А гекатомбы дѣтскихъ трупиковъ растутъ и растутъ, а непокорная линія рождаемости вмѣсто того, чтобы «разумно» повышаться ровно настолько, насколько этого требуютъ интересы государства, показываетъ пренепріятную склонность къ пониженію... Озабоченные этими тревожными симптомами, государственные мужи въ одной странѣ за другой переходятъ въ ряды защитниковъ младенчества и выдвигаютъ въ видѣ панацеи принципъ такъ называемаго «государственнаго страхованія материнства». Лишенная въ теченіе 4—8 недѣль возможности зарабатывать, роженица получаетъ изъ установленной больничной кассы 50%, максимумъ 75% своего и безъ того скуднаго заработка, изъ котораго ею же въ теченіе мѣсяцевъ и даже годовъ дѣлались обязательные взносы въ данную кассу; если роженица ляжетъ въ клинику или больницу,—выдаваемое ей на руки пособіе еще сокращается... Дальше этихъ

типичныхъ основъ государственнаго «обезпеченія» материнства мудрая соціальная политика современныхъ высоко-культурныхъ государствъ не идетъ"[1]). Можно ли удивляться, что частной иниціативѣ приходится все чаще и чаще проявлять себя въ области защиты матерей и охраны ранняго дѣтства? Рядомъ съ обществами взаимопомощи матерей по типу французскихъ Mutualité Maternelle, рядомъ съ рабочими обществами само-страхованія вродѣ англійскаго „Hearts of Oaks", бравшихъ на себя заботу объ обезпеченіи рожениць до вступленія въ силу закона этого года о національномъ страхованіи, основываются частные пріюты для матерей, патронально-фабричныя и коммунальныя кассы, выдающія пособія роженицамъ, организуются общества раздачи дарового молока, оказанія безплатной медицинской помощи на дому рожающимъ женщинамъ и т. п. Всѣ эти начинанія носятъ характеръ узко-практическихъ мѣропріятій, стремящихся залатать зіяющія соціальныя прорѣхи въ области необезпеченности материнства и заброшенности дѣтства. Въ большинствѣ случаевъ тутъ работаетъ обыденная, наивно-благожелательная, но, разумѣется, безсильная филантропія.

Совершенно особое мѣсто среди всѣхъ этихъ частныхъ начинаній занимаетъ возникшій въ 1905 году въ Германіи „Союзъ защиты материнства" — «Bund für Mutterschutz». Это своеобразное общество родилось въ моментъ, когда взоры всей культурной Германіи съ тревогой обратились на до тѣхъ поръ игнорируемую проблему материнства, въ тотъ моментъ, когда соціальные статистики и гигіенисты съ одинаковой безпощадностью занялись раскрытіемъ передъ благодушествующимъ обществомъ картины непрерывной гибели младенцевъ какъ въ утробѣ матерей, такъ и при появленіи ихъ на свѣтъ Божій, въ первыя недѣли и дни жизни. Это былъ моментъ, когда тѣ же гигіенисты, рука-объ-руку съ представителями военнаго міра, забили тревогу по поводу неудовлетворительности рекрутскихъ наборовъ и необходимости понизить требованія для составленія необходимаго контингента... Это былъ моментъ спеціально-созванныхъ комиссій для выработки мѣръ борьбы съ дѣтской смертностью и для „оздоровленія населенія", это былъ моментъ, когда грудные младенцы вдругъ сдѣлались центромъ вниманія германскаго общества, когда консервативно-аристократическія «сливки» соперничали съ радикальной буржуазіей на поприщѣ «спасенія новорожденныхъ» и «охраненія матерей». Это былъ моментъ, когда въ отвѣтъ на учрежденіе въ 1904 г. общества «Säuglingsschutz», состоящаго подъ покровительствомъ принцессъ крови, зазвучалъ пылкій голосъ Руфь Брэ, торжественно провозглашавшей «право на материнство»...

Иниціатива основанія «Bund für Mut-

[1]) Обязательное государственное страхованіе рожениц, главнымъ образомъ, работницъ, занятыхъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, существуетъ въ настоящее время въ семи странахъ: Англіи, Германіи, Италіи, Австріи, Венгріи, Норвегіи и герцогствѣ Люксембургъ. По новому закону о страхованіи болѣзни въ Россіи также введенъ, хотя и весьма несовершенный, пунктъ оказанія матеріальной помощи и роженицамъ.

terschutz» принадлежала одновременно нѣсколькимъ лицамъ: страстной мечтательницѣ Руфь Брэ, утописту-мыслителю д-ру Боргіусу, этико-реформатору д-ру Максу Маркузэ, энергичной, разсудительной д-ру Эленѣ Штёкеръ [1]). Но душою этого начинанія, вдохновительницей всего движенія являлась, несомнѣнно, недавно умершая пылкая, увлекающаяся, искренняя и наивная Руфь Брэ. Правда, утопизмъ ея воззрѣній—будто частичными мѣропріятіями возможно спасти одиноко-стоящихъ дѣвушекъ-матерей, что стоитъ устроить для нихъ сельскія «колоніи», обезпечить имъ домашній очагъ и изъ 180000 ежегодно незаконнорождаемыхъ младенцевъ выростутъ здоровые и нормальные граждане, матери же ихъ превратятся въ «гордыхъ и сильныхъ» личностей, носительницъ новой правды—встрѣтилъ съ самаго начала отпоръ со стороны остальныхъ основателей «Союза». Тѣмъ не менѣе, принципы и идеи, одушевляющіе «Союзъ», являются несомнѣннымъ наслѣдіемъ этого фанатичнаго борца за «право на материнство». Энергичная и болѣе вдумчивая Элена Штёкеръ сумѣла придать движенію лишь большую почвенность, реальность и опредѣленность. Несогласія между Руфь Брэ и правленіемъ «Bund'a» повели къ тому, что уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ основанія «Союза» Руфь Брэ покинула общество и попыталась основать аналогичный союзъ, носившій названіе «Der erste Bund für Mutterschutz». Попытка эта, однако, успѣха не имѣла, общество, не просуществовавъ и двухъ лѣтъ, распалось—и въ 1907 году оставшееся его имущество передано было основному «Союзу» [2]). Во главѣ «Союза» осталась Э. Штёкеръ. Для нея задачи «Bund'a» представлялись нѣсколько иными—болѣе широкими, чѣмъ предполагала Брэ; свою дѣятельность «Союзъ» долженъ былъ направить не столько на защиту одинокихъ, нелегальныхъ матерей, сколько на пропаганду новой, реформированной этики въ отношеніи между полами...

Еще въ 1903 г. на съѣздѣ «Fortschrittlicher Frauen Vereine» Штёкеръ впервые на публичномъ женскомъ собраніи поставила на обсужденіе такіе «щекотливые» вопросы, какъ уравненіе въ правахъ законной и незаконной матери, реформу брака, страхованіе материнства, борьба съ вынужденнымъ безбрачіемъ и т. д. Къ ужасу многихъ присутствовавшихъ, Штёкеръ атаковала всѣ привычные принципы ходячаго кодекса половой морали и провозгласила «кощунственную» формулу: «материнство — великая честь и почетный титулъ, независимо отъ того, какимъ путемъ онъ пріобрѣ-

[1]) Въ январѣ 1905 г. инициіаторами „Союза" д-рами Э. Штекеръ, М. Маркузэ, Боргіусомъ и Руфь Брэ созвана была организаціонная комиссія по выработкѣ устава новаго общества, а 26-го февраля состоялось уже учредительное собраніе общества „Bund für Mutterschutz".

[2]) Въ 1910 г. внутренній конфликтъ, носившій не принципіальный, а личный характеръ, повелъ къ уходу части членовъ изъ „Союза". Образовалось новое общество „Deutsche Gesellschaft für Mutter und Kindesrecht", преслѣдующее тѣ же задачи, что и „Bund für Mutterschutz". Однако, до сихъ поръ общество это ничѣмъ себя не проявило.

тенъ»... Идеи Штекеръ сочувствія и энтузіазма у феминистокъ, разумѣется, не вызвали. Дамы «готовы были спасать младенцевъ», учреждать пріюты, исправлять «падшихъ людей» и даже поддерживать идею страхованія материнства, но провозглашать «право на уваженіе» всего общества со стороны дѣвицъ, сдѣлавшихъ «ложный шагъ»,—это требованіе заходило слишкомъ далеко... Штекеръ пришлось покинуть ряды нѣмецкихъ феминистокъ.

Въ тѣ времена вопросъ объ охранѣ и обезпеченіи материнства живо интересовалъ лишь представительницъ опредѣленнаго слоя населенія—работницъ, продающихъ капиталу свои рабочія руки. Со всѣмъ вниманіемъ и вдумчивостью, на какой способенъ классъ, выступающій на защиту собственнаго классоваго требованія, обсуждался въ соціалъ-демократическихъ кругахъ вопросъ о раціональной помощи и защитѣ матери-работницы и ея ребенка. На немъ останавливались соціалисты въ рейхстагѣ при обсужденіи поправокъ, вносимыхъ къ закону о страхованіи въ сессіяхъ 1900—1901 г., его разсматривали сами работницы на второй женской конференціи въ Мюнхенѣ въ 1902 г., къ нему возвращались и на цѣломъ рядѣ открытыхъ собраній работницъ. Честь поднятія этого вопроса въ соціалистической прессѣ принадлежитъ, безспорно, Лили Браунъ. Ея идеи о необходимости широкой постановки обезпеченія материнства государствомъ поддерживалъ органъ германскихъ соціалдемократокъ «Die Gleichheit»... Но эта пропагандистско-политическая работа шла по «низамъ» германскаго общества, тѣсно сплетаясь съ другими соціально-политическими задачами рабочей партіи; до «верховъ общества», до радикально-настроенной буржуазной интеллигенціи Германіи эта борьба за новые принципы, за новыя семейныя основы доходила лишь въ отрывочномъ и искаженномъ видѣ.

Оба движенія въ защиту материнства шли и идутъ и сейчасъ параллельно; одно—борющееся за непосредственныя соціально-политическія мѣропріятія, подрывающія тѣмъ самымъ современныя основы буржуазной, замкнутой семьи; другое—разрушающее теоретически предразсудки буржуазнаго кодекса морали и расчищающее путь для создающейся въ восходящемъ классѣ «новой морали»—реформированнаго общественнаго строя. Оба движенія идутъ рядомъ, соприкасаясь, но не сливаясь...

Передъ нами лежитъ недавно вышедшій отчетъ о первомъ интернаціональномъ конгрессѣ «по охранѣ материнства и реформѣ половой морали» (Internationaler Bund für Mutterschutz und Sexualreform), къ которому приложена краткая исторія дѣятельности германскаго «Союза». Если-бъ мы вздумали судить о значеніи «Bund'a» по его непосредственной, практической дѣятельности, по тѣмъ ничтожнымъ денежнымъ средствамъ, какими располагаетъ это общество, по тому незначительному количеству «матерей», которымъ оказана была какая бы то ни было помощь,—о «Союзѣ» получилось бы совершенно ошибочное представленіе.

Заслугъ «Союза» надо искать въ другой области: сила его заключается въ пропагандѣ «новой правды», въ без-

страшной критикѣ всѣхъ обветшалыхъ, стѣснительныхъ нормъ, всего того арсенала сексуальныхъ добродѣтелей, какими вооружилась въ свое время буржуазія для того, чтобы сразить своего смертельнаго врага — феодально-родовой міръ... Задачей своей «Союзъ» ставитъ совмѣщеніе практической помощи матерямъ съ возможно болѣе широкой пропагандой идей новой половой этики, съ переоцѣнкой цѣнностей въ области отношеній между полами. Вторая задача поглощаетъ первую, но она же и создаетъ цѣнность «Союза» и заслугу его передъ человѣчествомъ. Если бы «Bund» былъ простымъ филантропическимъ учрежденіемъ вродѣ обществъ охраненія брошенныхъ матерей или «Капель молока», на немъ не стоило бы останавливать своего вниманія.

«Самобытнымъ въ нашемъ движеніи,— опредѣляетъ сама Штёкеръ,—является не то, что нашъ «Союзъ» спасъ нѣсколькихъ матерей; цѣнной является не его практическая работа: вѣдь, и до него существовали общества оказанія помощи матерямъ, напр., «Общество по устройству убѣжищъ для матерей и дѣтей». Нѣтъ, оригинальнымъ въ нашемъ движеніи является занятая нами позиція по вопросамъ любви, брака, материнства, совмѣщеніе практической филантропической работы съ общими идейными стремленіями на почвѣ соціальной этики и съ задачами, имѣющими цѣлью измѣнить положеніе матерей и оздоровить отношеніе между полами. Другими словами — соединеніе охраны материнства съ реформой сексуальной этики» [1]). Вся практическая дѣятельность «Союза» поэтому служитъ скорѣе живымъ примѣромъ, образцомъ того, что должно было бы дѣлать общество, если-бъ оно рѣшилось серьезно устраивать «спасательныя станціи» на трудномъ жизненномъ пути матерей—профессіональныхъ работницъ, вмѣсто того, чтобы топить и губить милліоны матерей съ младенцами на рукахъ...

[1]) „Ruth Bré und der Bund für Mutterschutz“. —„Die Neue Generation“, Januar 1912.

Въ пунктѣ первомъ устава «Союза» задача эта опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «защищать одинокихъ матерей и ихъ дѣтей отъ экономическихъ невзгодъ и нравственныхъ опасностей, устраняя господствующіе противъ нихъ предразсудки». Съ этой цѣлью «Союзъ» включаетъ въ число своихъ задачъ: оказаніе всяческой помощи для доставленія одинокимъ матерямъ возможной матеріальной самостоятельности; устройство спеціальныхъ убѣжищъ для одинокихъ роженицъ и кормящихъ; развитіе страхованія материнства; уравненіе правъ законныхъ и незаконныхъ дѣтей; пропаганда идеи оздоровленія отношеній между полами; реформа брака на поприщѣ экономическомъ, правовомъ и нравственномъ, воспитаніе человѣчества въ духѣ почитанія самой функціи материнства [2]). Въ число своихъ задачъ «Союзъ» включаетъ также борьбу за оздоровленіе человѣческой расы примѣненіемъ принциповъ разумнаго полового подбора. Въ этомъ пунктѣ «Союзъ» идетъ рука-объ-руку съ эвгенистами и отчасти съ неомальтузіанцами, поскольку они выступаютъ также защитниками принципа «оздоровленія расы».

[2]) „Mutterschutz und Sexualreform“ herausg. von D-r M. Rosenthal, Breslau. 1912.

Основанный въ Берлинѣ «Союзъ» въ настоящее время имѣетъ 9 отдѣленій: въ Берлинѣ, Бременѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Гамбургѣ, Лейпцигѣ, Маннгеймѣ и Штутгартѣ. Три группы (Позенъ, Кенигсбергъ и Ліегницъ) недавно вышли изъ «Союза», находя, что въ своихъ «этическихъ исканіяхъ» «Союзъ» заходитъ слишкомъ далеко; эти группы предпочитаютъ сосредоточить свои усилія на чисто-практическихъ задачахъ момента. Впрочемъ, упрекать «Союзъ» въ томъ, что онъ занимается «теоретизированіемъ» и (ради абстрактной пропаганды новой морали) игнорируетъ жизненную дѣйствительность — едва ли приходится. Поскольку то позволяютъ весьма ограниченныя средства «Bund'a», онъ работаетъ и на чисто практической нивѣ, учреждая убѣжища для незаконныхъ матерей, основывая бюро для пріисканія имъ работы, доставляя одинокимъ женщинамъ даровую юридическую помощь и т. п. Такія убѣжища существуютъ во всѣхъ городахъ, гдѣ имѣются отдѣленія «Союза»; самый крупный пріютъ находится въ настоящее время въ Гамбургѣ; въ 1911 г. въ немъ перебывали 132 матери, проведшія въ общей сложности за годъ 11408 дней въ убѣжищѣ. Бюро, гдѣ оказывается помощь одинокимъ матерямъ въ смыслѣ юридическихъ совѣтовъ, пріисканія работы, даже денежныхъ пособій, непремѣнная принадлежность отдѣла «Союза» въ каждомъ городѣ. Около 10000 женщинъ за періодъ 1905—1908 гг. получили изъ отдѣловъ «Союза» ту или иную поддержку.

Со времени его основанія «Союзомъ» созвано было три очередныхъ съѣзда (въ Берлинѣ 1907 г., Гамбургѣ 1909 г. и Бреславлѣ 1911 г., гдѣ сейчасъ и находится центральное правленіе «Bund'a»), а также нѣсколько чрезвычайныхъ съѣздовъ, напр., въ 1910 г. по вопросу о государственномъ страхованіи въ связи съ обсуждавшимся тогда въ рейхстагѣ законопроектомъ «Reichsversicherungsordnung». Свою пропагандистскую дѣятельность «Союзъ» ставитъ и понимаетъ широко, не чуждаясь политики и постоянно реагируя на стоящія въ порядкѣ дня вопросы, задѣвающіе область материнства или отношеніе между полами. При помощи собственной прессы, ежемѣсячнаго журнала «Die neue Generation», редакторомъ котораго является Э. Штёкеръ [1]), брошюръ, листковъ, открытыхъ собраній, петицій въ рейхстагъ и ландтагъ, «Союзъ» непрестанно шевелитъ общественное мнѣніе, будитъ интересъ къ «сексуальнымъ вопросамъ» и материнству, направляя симпатіи въ желательную сторону. Кампанія, затѣянная «Союзомъ» въ прошломъ году по поводу § 173 новаго уложенія о наказаніяхъ, предполагавшаго распространить наказуемость за гомосексуальные проступки и на женщинъ, не прошла даромъ; протестныя собранія, созывавшіяся «Bund'омъ», заставили самихъ законодателей отнестись къ этому вопросу съ большей осторожностью. Что касается участи петицій «Союза» (1907 и 1909 г.), поданныхъ въ рейхстагъ и касавшихся широкой охраны и обезпеченія материн-

---

[1]) Съ 1905 по 1908 г. журналъ „Bund'a" носилъ названіе „Mutterschutz'a".

ства, то ихъ постигла та же судьба, какъ и аналогичныя петиціи другихъ женскихъ обществъ и ферейновъ,—ихъ «принимали во вниманіе», но хода имъ давать не хотѣли. Тѣмъ не менѣе, петиція 1909 г. удостоилась «мотивированнаго» отклоненія петиціонной комиссіей рейхстага: намѣченныя въ петиціи реформы, требующія колоссальныхъ затратъ въ 280 мил. мар., дѣлаютъ реформы эти совершенно неосуществимыми. Выражая свое «принципіальное сочувствіе» заботамъ «Союза» объ участи младенцевъ, представители власти, однако, сочли нужнымъ подчеркнуть, что германское правительство уже и безъ того дѣлаетъ «все возможное» для поддержанія жизни и здоровья молодого, подростающаго поколѣнія... Петиціонная комиссія рѣшила похоронить петицію въ кабинетѣ рейхсканцлера и, если-бъ не вмѣшательство депутата-соціалиста Э. Давида, петиція эта такъ и не поставлена была бы на обсужденіе пленума [1]).

«Союзъ» не ограничилъ свою дѣятельность подачей «общихъ петицій», лишь намѣчающихъ основныя требованія общества; его петиціи были, собственно говоря, детально разработанные законопроекты, авторомъ которыхъ являлся извѣстный соціальный статистикъ проф. Майетъ. Основы этихъ законопроектовъ, весьма близкихъ по типу къ другому плану обезпеченія материнства, ранѣе предложенному соціальной писательницей Генріеттой Фюртъ [1]), собственно говоря, не представляютъ чего-либо существенно новаго. Эти основы почти цѣликомъ заимствованы изъ минимальной программы соціалистической партіи, почерпнувшей свои требованія изъ тяжелаго жизненнаго опыта рабочаго класса... Какъ и соціалдемократы Германіи, законопроектъ «Союза» кладётъ въ основу страхованія материнства расширенную и реформированную дѣятельность существующихъ больничныхъ кассъ (Krankenkassen).

Расходится законопроектъ проф. Майета съ минимальными требованіями соціалистовъ лишь въ частностяхъ, отличаясь, разумѣется, большей умѣренностью. Такъ, напр., въ то время, какъ соціалисты требуютъ обезпеченія матерей въ теченіе минимума—16-ти недѣль, союзный проектъ закона, мирится на 12-ти недѣляхъ. Соціалисты возлагаютъ устройство убѣжищъ для кормящихъ и роженицъ на коммуны, «Союзъ» высказывается за «предоставленіе правъ» самимъ кассамъ организовать медицинскую и юридическую помощь матерямъ, основывать убѣжища и т. д. [2]).

Въ общемъ, требованія, выставленныя въ проектѣ «Союза», отличаются такой «разумной умѣренностью», что большая часть ихъ уже и сейчасъ вошла въ жизнь при пересмотрѣнномъ и переработанномъ законѣ 1911 г. государственнаго страхованія (Reichsversiche-

[1]) Э. Давидъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ „Союза“, выступая съ докладами почти на всѣхъ послѣднихъ съѣздахъ. Другимъ энергичнымъ членомъ „Союза“ является талантливая писательница Грета Мейзель-Хессъ, авторъ нашумѣвшей книги „Sexuelle Krise“.

[1]) См. Henriette Fürth „Die Mutterschaftsversicherung“, Jena, 1911.

[2]) См. „Die Mutterschaftsversicherung“—H. Fürth.

rungsordnung). Тѣмъ не менѣе, за «Союзомъ» остается заслуга широкой пропаганды и популяризаціи самаго принципа государственнаго обезпеченія матерей.

Вліяніе германскаго «Союза по защитѣ материнства» сказывается за предѣлами его отечества. По примѣру Германіи, въ Австріи въ 1907 г. основалось общество съ тѣмъ же названіемъ и преслѣдующее аналогичныя задачи. Близко по духу къ «Союзу» стоитъ англійское общество «Legitimation League», тогда какъ остальныя общества охраны и обезпеченія материнства и дѣтства («Landesverein für Mutter und Säu glingsschutz» въ Будапештѣ, швейцарское общество охраны женщины и младенца, Associated Societeis for Protection of Women and Children, Mutualité Maternelle, голландское, итальянское и др. общества) носятъ характеръ не столько пропаганды идеи «новой нравственности», сколько практическихъ начинаній въ области непосредственнаго «спасенія одинокой матери съ ребенкомъ на рукахъ»...

Однимъ изъ значительныхъ актовъ германскаго «Союза» является его починъ въ дѣлѣ созванія перваго интернаціональнаго конгресса «защиты материнства и реформы сексуальной морали». Конгрессъ состоялся въ Дрезденѣ въ 1911 г., въ связи съ гигіенической выставкой. Представители почти всѣхъ культурныхъ странъ, гдѣ имѣются какія-либо общества, защищающія интересы матери и младенца, прислали на конгрессъ своихъ представителей. Картина получилась внушительная и поучительная. Изъ отчетовъ и рѣчей конгрессистовъ «культурное» европейское общество могло узнать, какъ мало сдѣлано еще на поприщѣ обезпеченія и охраны материнства и какъ неосуществимы всѣ наивныя надежды гигіенистовъ и эвгениковъ «оздоровить» человѣчество, не трогая, не нарушая экономическихъ и производственныхъ отношеній современнаго общества, какъ безсильны всѣ попытки самыхъ искреннихъ поборниковъ «свободнаго материнства» вернуть мать ребенку и обезпечить утробному младенцу нормальное развитіе, пока надъ жизнью ребенка и матери владычествуетъ слѣпая, алчная сила—современный капитализмъ [1])...

При всей своей кажущейся революціонности — «Союзъ» останавливается на полъ-пути, какъ свойственно буржуазному реформизму. Занимаясь разрушеніемъ «идеологической надстройки», «Союзъ» наивно игнорируетъ тотъ экономическій фундаментъ, на который эта надстройка опирается. Питая иллюзію, что осуществленіе намѣченныхъ «Союзомъ» мѣропріятій всецѣло зависитъ отъ «просвѣтлѣнія» человѣческаго разума, вдохновители движенія по охранѣ материнства глубоко вѣрятъ въ возможность постепеннаго и мирнаго перевоспитанія общества въ духѣ новой морали. Надо влiять на «сознаніе», надо подготовлять молодое поколѣніе къ воспріятію новой морали—и сложныя проблемы материнства и брака распутаются сами собою... Отсюда перенесеніе центра вниманія

---

[1]) Непосредственнымъ результатомъ съѣзда, созваннаго „Союзомъ“, явилось образованіе международнаго „Союза защиты материнства и реформы половой морали“—„Internationales Bund für Mutterschutz und Sexualreform“.

«Союза» на идейную пропаганду, отсюда отрицаніе политическаго сотрудничества даже съ той партіей, которая отстаиваетъ практически однородныя съ «Союзомъ» принципы и требованія.

Дѣятельность «Союза» не идетъ въ разрѣзъ съ задачами соціалдемократіи; напротивъ, «Союзъ» какъ бы занимается расчисткой пути для тѣхъ идеаловъ, которые созрѣваютъ въ рабочемъ классѣ и кладутъ свой особый отпечатокъ на отношенія между полами. Но, являясь безсознательнымъ проводникомъ этихъ новыхъ идеаловъ, «Союзъ» совершенно не умѣетъ оцѣнить ни той творческой роли, какая выпадаетъ въ данный историческій періодъ на долю восходящаго класса, ни того значенія, какое имѣетъ активное проявленіе классовой борьбы въ процессѣ формированія новыхъ моральныхъ цѣнностей... То, что въ самомъ процессѣ борьбы съ устоями стараго міра создаются начала новой сексуальной этики—этики, въ основѣ которой лежитъ принципъ солидарности, товарищества, переворачивающій вверхъ дномъ всѣ привычныя представленія о половой нравственности,—этого послѣдователи буржуазнаго движенія охраны материнства никакъ ухватить не могутъ. Боясь, въ своей борьбѣ за новую этику, нарушить существующее въ современномъ обществѣ соціальное равновѣсіе, «Союзъ» этимъ самымъ ставитъ опредѣленныя границы своей реформаторской дѣятельности. Нельзя одновременно спасать устои одряхлѣвшаго міра и тянуться за свѣтлыми образами радужныхъ нормъ новой морали, отвѣчающихъ потребностямъ лишь обновленнаго, внѣклассоваго человѣчества... Отдавая «Союзу» должное за ту разрушительную работу, которую онъ несетъ съ честью, приходится, однако, напомнить, что роль творца новыхъ цѣнностей въ области сексуальной морали принадлежитъ не ему, а иной, болѣе могущественной соціальной силѣ — организованному рабочему классу...

Александра Коллонтай.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Къ открытію 4-й Гос. Думы.

Законъ 3 іюня вновь облекся въ плоть и кровь избирательныхъ цифръ. Гаданья кончены, итоги подведены: соотношеніе силъ, именуемое четвертой Государственной Думой, передъ нами во всей своей наготѣ. Къ чему же насъ привела четвертая избирательная кампанія?

Едва ли я ошибусь, если скажу: — каковъ бы ни былъ самъ по себѣ результатъ, прежде всего – всѣ недовольны.

Въ чемъ же дѣло? Безъ сомнѣнія, ни разу еще третьеіюньскій режимъ съ такой рѣзкостью не вскрылъ своихъ противорѣчій, какъ въ четвертую избирательную кампанію, въ этой четвертой Думѣ. Ни для кого не секретъ, что четвертая Дума ярко поправѣла; но въ то же время всѣмъ ясно: страна —на всѣхъ ея многообразныхъ путяхъ— не только полѣвѣла, но и продолжаетъ лѣвѣть. Когда на смѣну Думѣ гнѣва народнаго, думѣ надеждъ и упованій, пришла третья Дума, въ которой на мѣстѣ партіи «народной свободы» оказалась партія послѣдняго правительственнаго распоряженія; когда послѣ 1905—6 гг. высоту политической власти опять подняли объединенные дворяне, то, по крайней мѣрѣ, тогда, въ самомъ дѣлѣ, всѣ нити оказались оборванными. Въ самомъ дѣлѣ, какая-то паутина опутала горизонтъ. Никому уже не было дѣла до того, что зрѣло въ глубинѣ народной жизни, а выходило такъ, что Дума — хотя бы въ предѣлахъ закона 3 іюня — отразила настроенія соціальныхъ верховъ. Совсѣмъ не то сейчасъ. Ни что иное, какъ выборы, неотразимо показали, что страна полѣвѣла, полѣвѣла вся, исключая представителей бѣлой кости. И, тѣмъ не менѣе—огромное усиленіе правыхъ въ думѣ.

Конечно, черныя краски сами по себѣ только настраиваютъ и Володимерова, и Меньшикова, и В. Н. Коковцова на торжественный ладъ, но въ томъ-то и дѣло, что все въ мірѣ отоносительно. Слишкомъ ужъ рѣзко противорѣчіе для того, чтобы не давать себя знать даже тамъ, гдѣ въ моментъ тре-

тьей Думы все было забронировано отъ противорѣчій.

Краски черныя, а черныя надежды не оправдались. Теперь уже ни для кого не тайна, что лежало въ основѣ этихъ надеждъ. Лозунгомъ дня извѣстныхъ круговъ намѣчалась законосовѣщательная Дума. Для этого стоило только упразднить одинъ дефектъ. Благодаря ему въ третьей Думѣ сложились два большинства: одно — право-октябристское, другое—оппозиціонно-октябристское. Конечно, послѣднее было отнюдь не радикальное, большинство съ октябристскимъ штемпелемъ, но все же уже въ силу этого продѣлать въ Думѣ все, чего хотѣла нога Пуришкевича, нельзя было. Вотъ если бы этотъ недостатокъ механизма упразднить, добиться того, чтобы большинство думское было сплошь черное,—адресъ съ неограниченнымъ самодержавіемъ обезпеченъ. А за адресомъ—и правое министерство. Такъ—уже циркулировали слухи о преемникахъ В. Н. Коковцова—объ А. В. Кривошеинѣ, о В. К. Саблерѣ; уже ближайшіе сотрудники г. Саблера хвалились тѣмъ, что сами члены правительства вѣрятъ этимъ слухамъ. Выплывали имена гг. Самарина, Штюрмера...

И вдругъ выясняется: планъ г. Саблера не доведенъ до конца. Чернаго большинства не хватило. Какъ ни прикидывай, тѣ же два большинства.

Еще первое впечатлѣніе было радужное: не было возможности опредѣлить въ точности составъ Думы. Но только обычный способъ оффиціальныхъ освѣдомителей распредѣлять депутатовъ по партіямъ вызвалъ протесты первыхъ депутатовъ, причисленныхъ къ правымъ, какъ тотчасъ стало ясно: Ѳедотъ да не тотъ. Былъ и случай, что депутатъ, зачисленный прогрессистомъ, явился въ канцелярію губернатора съ запросомъ, на какомъ основаніи его записали прогрессистомъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ правый.

Но только случай. Обратныя же метаморфозы оказались правиломъ. Г. Шидловскій заявилъ, что онъ одинъ укажетъ пять случаевъ причисленія къ правымъ такихъ лицъ, которыя къ правымъ ни въ какомъ случаѣ отнесены быть не могутъ. Эти пять случаевъ выросли въ нѣсколько разъ. И вышло нѣчто странное.

Еще когда С. Володимеровъ дѣлалъ свои подсчеты въ «Земщинѣ», то выходило, что правыхъ войдетъ въ Думу 150, націоналистовъ 50, октябристовъ—75. Правда, уже самъ Володимеровъ понималъ: въ Думѣ произойдетъ извѣстная перегруппировка, въ силу которой правые разобьются на настоящихъ и не настоящихъ. Но все-таки націоналисты, правые октябристы, безпартійные правые занимали въ его подсчетѣ скромное мѣстечко. Иное представилось его глазамъ потомъ, когда даже правые, оставшіеся еще въ рядахъ Маркова 2-го и компаніи, стали отъ нихъ открещиваться. Пытались улизнуть, куда угодно, только бы не остаться въ «настоящихъ». Являясь въ приставскую часть, одни записывались умѣренно-правыми, другіе—безпартійными, съ такимъ рвеніемъ, что депутатъ Шечковъ, вѣрный товарищъ Замысловскаго, въ концѣ концовъ, демонстративно заявилъ на страхъ

измѣнникамъ и трусамъ: «запишите меня, пожалуйста, чистымъ правымъ безъ всякихъ оговорокъ».

Самъ бывшій нижегородскій губернаторъ Хвостовъ, рѣшившій перемѣнить карьеру администратора на карьеру неприкосновеннаго,—и тотъ оказался ненадежнымъ. И тотъ сталъ заглядываться «влѣво». И только обѣщаніе провести его въ предсѣдатели Думы удержало его среди «настоящихъ». Въ итогѣ, Пуришкевичъ, уже отведшій «настоящимъ» добрую треть Таврической залы, вдругъ — совершенно неожиданно для себя—услышалъ, что вмѣсто 146 правыхъ, числившихся по губернаторскимъ даннымъ, правыхъ въ думѣ... 33!

Конечно, пугаться тутъ ему не пришлось. Тѣ же губернаторскіе отчеты насчитывали націоналистовъ немногимъ болѣе, чѣмъ «Земщина». Послѣ же того, какъ думская черная сотня растаяла до трехъ десятковъ, націоналисты вдругъ удвоились въ числѣ. А такъ какъ по опыту извѣстно, что изъ гг. Шечковыхъ и Хвостовыхъ за извѣстныя даянія составляются «партіи» любого наименованія, любой политической окраски; что сколько-нибудь серьезной почвы для разслоенія въ этой средѣ искать не приходится, то—въ предѣлахъ 3 іюня—утѣшаться еще есть чѣмъ. Пусть П. Н. Дурново, при всякомъ удобномъ случаѣ дающій понять, кому слѣдуетъ, что есть еще порохъ въ пороховницахъ, стоитъ выше этихъ разсчетовъ; пусть онъ—какъ только выяснились эти комбинаціи—заявилъ, что, въ существѣ дѣла, можно обойтись безъ большинства; но, во-первыхъ, г. Дурново опирается на «основанія, которыя не считаетъ нужнымъ высказывать»; во-вторыхъ—одно дѣло г. Дурново, другое дѣло—депутаты черной окраски четвертаго призыва.

Правда, характерной чертой выборовъ было исчезновеніе съ горизонта націоналистовъ. Націоналисты вдругъ оказались оттертыми отъ пирога. Давно ли Меньшиковъ „сознавался“ по этому прискорбному поводу, что имъ, націоналистамъ, слѣдовало родиться въ XV вѣкѣ—послѣ сверженія татарскаго ига:—тогда, молъ, только началось національное предательство; а теперь распадъ нашей національной культуры такъ великъ и всеобъемлющъ, что серьезно спрашиваешь себя—не поздно ли уже съ этимъ бороться? Но вотъ—сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ. Тамъ націоналисты—нуль, здѣсь—группа въ 165 человѣкъ. Однако, удивительнаго здѣсь ничего нѣтъ. Вѣдь, и тѣ, балашовскіе, націоналисты, націоналисты третьей думы тоже явились паровыми цыплятами на свѣтъ Божій, тоже были буквально сочинены въ кабинетѣ П. А. Столыпина. Въ моментъ третьей избирательной кампаніи даже этого термина не существовало. А вотъ понадобились балашовцы — и явились балашовцы. Точно такъ же и въ четвертой Думѣ—съ той развѣ разницей, что балашовцы уже не удовлетворяютъ.

Праваго большинства составить въ думѣ не удалось. „Не лелѣять же чрезвычайныя мечты, на которыя намекаетъ г. Дурново. Значитъ—волей-неволей возвратъ къ П. А. Столыпину, хотя и отнюдь не возвратъ къ Балашову. Изъ національнаго клуба члены

разбѣгаются; растутъ слухи, дурные слухи о немъ. Пусть. Третьедумскій балашовскій націонализмъ не то, что требуется сейчасъ, въ особенности послѣ знаменитаго бойкота. Сейчасъ отъ прежняго націонализма надо повернуть—это ясно. Не совсѣмъ ясно—куда: вправо или влѣво Въ самомъ составѣ правительства на этотъ счетъ неодинаково думаютъ. Но, во всякомъ случаѣ, „правый"—терминъ болѣе, чѣмъ опредѣленный, „націоналистъ" же—какъ въ свое время показалъ споръ о томъ, „Россія ли для русскихъ, или русскіе для Россіи" — во всякое время можетъ быть наполненъ всякимъ содержаніемъ.

Ну, тутъ и начинается дезорганизація. Если въ четвертой Думѣ все же—какъ бы густы ни были черныя краски въ ней сравнительно съ третьей—будутъ два большинства, то промежуточнымъ элементомъ будутъ тѣ же октябристы. Естественно: при такой комбинаціи особое значеніе пріобрѣтаетъ въ глазахъ дирижеровъ, „недодѣлавшихъ" дѣла, октябризмъ. Пусть ощипанъ онъ безцеремоннѣйшимъ образомъ, пусть прежніе „хозяева" остались безъ г. Гучкова, безъ Лерхе или Анрепа, въ самомъ жалкомъ числѣ,—достаточно этому числу обратиться спиной къ новоиспеченнымъ „націоналистамъ", чтобы доставить на первыхъ же порахъ не мало огорченій своимъ недавнимъ союзникамъ. Н. В. Савичъ, стоящій на правомъ флангѣ октябристской фракціи, справедливо говоритъ о роли октябристовъ: „за нами только право veto, но мы достаточно сильны для того, чтобы помѣшать проведенію тѣхъ проектовъ, съ которыми мы не согласны". На что же октябристы согласны или не согласны?

— Въ четвертую думу насъ послали,—слышимъ мы отъ Н. Н. Опочинина,—не для того, для чего насъ посылали въ третью. Въ третью Думу насъ послали для борьбы со смутой, что ли. А теперь... теперь насъ послали для борьбы съ иной смутой.

С. И. Шидловскій увѣряетъ, что октябристы полѣвѣли,—„слишкомъ безцеремонное" дѣланіе выборовъ толкнуло ихъ въ оппозицію,—и соглашеніе октябристовъ налѣво „съ конституціонными, разумѣется, партіями, а не съ революціонными," вѣроятно и возможно. Разумѣется, такъ разсуждаютъ октябристы лѣвые. Цѣну же октябристскимъ увѣреніямъ, исходящимъ даже изъ устъ „лѣвыхъ", мы знаемъ. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ужъ немилостивой оказалась къ нимъ судьба въ мундирѣ министерства внутреннихъ дѣлъ для того, чтобы они не показали, наконецъ, волчьяго зуба. Въ лучшемъ случаѣ, правые кадры разсчитываютъ на „голобовскую" группу, состоящую изъ завѣдомо-правыхъ, даже по аттестаціи „Земщины".

За октябристами—„прежніе" націоналисты. Національный союзъ, конечно, трещитъ; пусть г. Балашовъ имѣетъ въ своей средѣ не мало личныхъ противниковъ, но не всѣ же „балашовцы" такъ гибки, какъ г. Крупенскій, который, по собственному признанію, въ свое время самъ вырвалъ „флагъ націонализма" изъ рукъ кн. Урусова и передалъ его П. Н. Балашову, а теперь первымъ же вырвалъ его изъ рукъ Ба-

лашова и передаетъ... кому прикажутъ. Вотъ, напр., кн. П. И. Шаховской, „окраинный", бывшій товарищъ предсѣдателя комиссіи государственной обороны. Никому иному, какъ ему, правительство обязано осуществленіемъ т. н. малой судостроительной программы. Кажется, слуга покорный—и, тѣмъ не менѣе, этому-то націоналисту администрація подставила ножку во время выборовъ. Въ то самое время подставила, когда сынъ кн. Шаховского является однимъ изъ главныхъ „дѣлателей" выборовъ. Меньшиковъ и то дошелъ до того послѣ подобныхъ экспериментовъ съ націоналистами, — что весь русскій народъ объявилъ гнилымъ и бездарнымъ, а обѣ столицы—резиденціями „евреевъ и революціоннаго пролетаріата". Г. же Шаховской прямо заявилъ, что „съ нимъ поступили, какъ съ Гегечкори", и не только съ нимъ, но и со всѣми тѣми, кто работалъ въ комиссіи государственной обороны. Между тѣмъ, „при теперешнихъ осложненіяхъ они могли бы очень понадобиться", по его мнѣнію.

Такимъ образомъ, если послушная группа, находящаяся подъ оффиціальнымъ покровительствомъ, на лицо, то въ отдѣльныхъ случаяхъ правые могутъ переходить къ націоналистамъ, націоналисты къ октябристамъ, октябристы къ прогрессистамъ; будетъ дробленіе на крайнихъ правыхъ и умѣренно-правыхъ, на націоналистовъ „независимыхъ" и націоналистовъ-балашовцевъ. Само собой разумѣется, это упроченію праваго большинства менѣе всего благопріятствуетъ.

Да, рать черная велика и суетлива. Но порядка въ ней нѣтъ. Нѣтъ потому, что его нѣтъ и въ кругахъ повыше черныхъ думцевъ. Каждый разъ, когда собиралась Дума, власть выдвигала хоть какой ни на есть политическій курсъ, какую ни на есть политику. Была программа казеннаго либерализма, программа успокоенія съ реформами, успокоенія безъ реформъ, націоналистическая программа. Теперь даже ничего и подобнаго нѣтъ за душой правительства. Оно не въ состояніи выставить какого бы то ни было лозунга. Уже со смертью П. А. Столыпина почувствовалось души казенной оскудѣніе, и если до выборовъ это не бросалось въ глаза, то сейчасъ, въ моментъ открытія Думы, рельефно чувствуется: много старая власть потеряла въ своей увѣренности, въ своемъ апломбѣ; она едва въ состояніи руководить даже четвертой думой. Неясность предначертаній, неясность окрасокъ, неясность настроеній—на этомъ фонѣ одна развѣ надежда на г. Крупенскаго съ его центромъ, гармонирующимъ съ „русскимъ національнымъ характеромъ", горитъ мерцающимъ свѣтомъ.

Хорошаго мало. Надо, вѣдь, принять во вниманіе, что и правые оказываютъ поддержку правительству не даромъ и теперь, конечно, потребуютъ „компенсаціи" въ видѣ новыхъ пособій, новыхъ привиллегій; потребуютъ тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ ихъ значеніе больше. А такъ какъ очень часто дворянскія требованія—требованія мракобѣсныя, неосуществимыя въ рамкахъ данныхъ соціально-экономическихъ отношеній, то пройдетъ немного времени—и начнется

оппозиція справа, та самая, которая, по словамъ Меньшикова, имѣетъ спеціальныя неудобства. Да, когда „кадеты съ лѣвой сворой" воюютъ противъ правительства, то Меньшиковъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что „это—крамольники", что ужъ такъ самимъ Богомъ положено, чтобы они бунтовали. „Но что вы подѣлаете съ оппозиціей правыхъ", если, — добавимъ отъ себя,—эта оппозиція идетъ вразрѣзъ съ элементарнымъ представленіемъ о существующемъ въ странѣ соотношеніи силъ, обо всемъ томъ, что идетъ изъ города, отъ желѣзныхъ дорогъ, отъ высшихъ формъ культуры.

И депутаты, и власть не могутъ не понимать, что черная Дума могла чувствовать себя на высотѣ лишь въ темную ночь, лишь въ темной Россіи, что нѣтъ для нея симптома болѣе опаснаго, чѣмъ солнечный лучъ, дыханія болѣе губительнаго, чѣмъ живое дыханіе человѣческое. Между тѣмъ, что мы видѣли передъ тѣмъ, какъ передъ нами предсталъ парламентъ Пуришкевича и Хвостова,—въ процессѣ выборовъ?

Въ то время, какъ парламентъ даетъ иллюзію передвиженія слѣва направо, иллюзію черныхъ, густо-черныхъ красокъ даже на тѣхъ мѣстахъ, которыя въ третьей Думѣ были окрашены въ цвѣтъ сѣрый, самые выборы подчеркнули рѣзко прямо-противоположный поворотъ справо налѣво. Первая курія дала доказательства этого. Уже выборы отъ буржуазіи въ Государственный Совѣтъ, выборы настоящихъ купцовъ показали, что господинъ капиталъ фрондируетъ. Онъ выбралъ кадетъ и прогрессистовъ, и „Россія" недаромъ предупреждала, что такіе буржуа „должны расцѣниваться, какъ элементы, объявившіе борьбу умѣреннымъ русскимъ кругамъ". Дѣйствителъно, вслѣдъ за тѣмъ событія снова подтвердили, что это не случайность, а знаменіе времени. Первая курія рѣшительно перешла отъ октябристовъ къ кадетамъ и прогрессистамъ. Изъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ о количествѣ голосовъ, поданныхъ за разныя партіи въ 1907 г. и 1912 г., видно, что по сравненію съ тогдашними выборами кадеты получили на 10% больше голосовъ; правые же, наоборотъ (вмѣстѣ съ октябристами), получили на 21,1% меньше. Увеличеніе кадетскихъ голосовъ, конечно, произошло всецѣло за счетъ правыхъ и октябристскихъ избирателей: часть ихъ полѣвѣла.

Въ Москвѣ первая курія вся перешла отъ октябристовъ къ кадетамъ; перешла съ позоромъ, такъ какъ голоса октябристскіе порѣдѣли наполовину. Въ Петербургѣ точно такъ же торгово-промышленные слои столицы произнесли свой судъ надъ главенствовавшей партіей третьей Думы, выбравъ кадетовъ и прогрессистовъ. Въ Кіевѣ никакія мѣры не могли помѣшать пройти кадету по первой куріи; и онъ прошелъ значительно большими голосами, чѣмъ въ 1907 г. проф. Лучицкій. Въ Ригѣ эта курія забраковала октябристовъ, перейдя къ кадетамъ. Если еще въ Москвѣ боролись имена противъ именъ, то характеренъ провалъ петербургскій: голосуя за безымянныхъ прогрессистовъ въ то время, какъ октябристскіе кандидаты уже хорошо извѣстны промышленнымъ кругамъ, послѣдніе явно подчеркнули, что имъ

важны не лица, а программа, не октябризмъ, а кадетизмъ.

Что господинъ капиталъ судилъ не отдѣльныхъ представителей третьей Думы, а всю третью Думу съ ея руководящимъ центромъ,—показываетъ и провалъ А. И. Гучкова, виднѣйшаго представителя московской крупной буржуазіи. Вождь партіи, превращенной П. А. Столыпинымъ изъ ничто въ думскую силу, долженствовавшую маскировать основную брешь „обновленнаго строя“ и, наоборотъ, демонстрировать благополучіе тамъ, гдѣ благополучія быть не можетъ, Гучковъ не былъ просто лидеромъ. Онъ былъ эмблемой цѣлаго политическаго періода. И разочарованіе въ Гучковѣ—не разочарованіе въ его талантахъ и личныхъ качествахъ. Вѣдь, А. И. Гучкову сферы даже создали своего рода ореолъ на прощаніе. Онъ служилъ власти вѣрой и правдой, но власть все-таки не забыла „нѣсколькихъ смѣлыхъ выступленій“ лидера,—какъ выражается „Рѣчь,“—не забыла и не простила. Однако, даже этотъ „ореолъ“ не удержалъ московскую первую курію отъ своего суроваго приговора надъ нимъ. Ей было ясно: разъ долженъ погибнуть центръ, то не можетъ остаться въ живыхъ его вождь. Разъ видимость примиренія остается одной видимостью, разъ связь между развитіемъ производительныхъ силъ и либерализмомъ кадетскимъ, а не октябристскимъ, болѣе ясна, то чѣмъ парламентарій гибче, политичнѣе, тѣмъ онъ неудобнѣе.

Ясное дѣло: бросая свое порицаніе, избиратель первой куріи рисовалъ себѣ и положительную перспективу. Онъ почувствовалъ тяжесть третьеіюньскаго режима. Г. А. Ст-нъ объясняетъ это тѣмъ, что, напр., московская буржуазія недостаточно была наказана революціей въ свое время. Объясненіе, конечно, достойно самого вдовствующаго брата. Но чѣмъ бы ни объяснять — фактъ на-лицо. Кадетскія побѣды по первой куріи съ ясностью говорятъ о томъ, что господинъ капиталъ разочарованъ въ творцахъ 3 іюня, что въ узкихъ рамкахъ третьеіюньскаго режима произошелъ сдвигъ.

Колоссальный провалъ октябризма, побѣда кадетовъ надъ третьеіюньцами—конечно, начало конца и Хвостовыхъ, и Марковыхъ. Они самымъ непосредственнымъ, самымъ чувствительнымъ образомъ задѣваютъ ихъ. Это—вопросъ объ отношеніи буржуазіи къ первенствующему сословію (сословію, о которомъ еще не такъ давно „Новое Время“ писало, что его раны посыпаны солью), буржуазнаго либерализма къ реакціи. Правда, согласно сословнымъ даннымъ, господинъ капиталъ и въ четвертой Думѣ представленъ не такъ широко, какъ этого можно было бы ожидать, судя по подготовленіямъ, дѣлавшимся въ свое время. Но это лишь подольетъ масла въ огонь.

Если таковъ избиратель первой куріи, то картину еще болѣе сокрушительную—съ точки зрѣнія наслѣдниковъ третьей Думы—дала вторая курія. Первая отъ октябристовъ перешла къ кадетамъ, вторая отъ кадетовъ перешла къ лѣвымъ, главнымъ образомъ, соціалдемократамъ. Прямо бросается въ глаза полѣвѣніе второй куріи Москвы. Въ 1907 году

соціалдемократы получили здѣсь 2240 голосовъ, сейчасъ же число это дошло до 7130; увеличеніе больше, чѣмъ втрое. Тогда соціалдемократія составляла 7—8% всѣхъ избирателей, явившихся къ урнамъ, сейчасъ—25%. Мудрено ли, если кадетъ Щепкинъ, представитель партіи, столь гордой своими побѣдами, на банкетѣ послѣ выборовъ воскликнулъ: „для насъ есть опасность разрыва съ Москвой, въ которой явно что-то перемѣнилось... Москва дѣлается все болѣе и болѣе демократичной". Въ Петербургѣ соціалдемократическіе голоса не въ такой мѣрѣ поднялись, но все-таки поднялись вдвое. Городской избиратель демонстрировалъ эту тенденцію въ цѣломъ рядѣ городовъ—Харьковѣ, Екатеринославѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Вологдѣ, Царицынѣ. Въ Сибири, въ Крыму, на Кавказѣ лозунгомъ второй куріи было: вторая курія—соціалдемократамъ.

Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этого полѣвѣнія, надо бы вспомнить законъ, по которому происходили выборы. Напр., въ Петербургѣ изъ двухъ милліоновъ постояннаго населенія лишь около 70.000 избирателей было внесено въ избирательные списки. Въ Москвѣ, по избирательному закону 3 іюня, насчитывается лишь 45.000 избирателей. Что же получилось бы въ итогѣ выборовъ, если бы законъ 3 іюня былъ упраздненъ, имѣя въ виду даже не правыхъ, они, конечно, сократились бы до ничтожной кучки, — но даже партію к.-д., которая, чуть ли не по собственному признанію, прошла въ Москвѣ лишь по милости столыпинскаго закона?

Газета „Лучъ" насчитала 27 случаевъ борьбы соціалъ-демократическихъ кандидатуръ съ либеральными (изъ нихъ 17 съ ка-детами) и 3 случая борьбы лѣвыхъ кандидатуръ съ либеральными. Изъ этихъ случаевъ соціалдемократы одержали побѣду 12 разъ, а одинъ разъ получили относительное большинство. Проиграли въ 14 случаяхъ, причемъ въ 3 изъ нихъ рѣшающую роль сыграли репрессіи противъ соціалдемократовъ. Изъ трехъ случаевъ борьбы лѣвыхъ съ партіей к.-д. лѣвые побѣдили въ двухъ. Газета приводитъ относительныя цифры поданныхъ голосовъ за кадетскихъ и соціалдемократическихъ представителей. Въ Харьковѣ соціалдемократическій кандидатъ получилъ 1721 голосъ противъ 114 к.-д.; въ Ѳеодосіи с.-д. 1129 противъ 553 к.-д.; въ Екатеринодарѣ соціалдемократическій списокъ собралъ 3000 голосовъ противъ 300 к.-д.; въ Тифлисѣ 2488 с.-д. гол. противъ 979 к.-д., въ Иркутскѣ 1700 противъ 900 к.-д.

Въ общемъ, въ 21 городѣ изъ 38.000 съ лишнимъ поданныхъ голосовъ соціалдемократы получили 20.000 противъ 12½ тыс. кадетскихъ и 1500 прогрессистскихъ!

Мудрено ли, если—при такой борьбѣ за представительство во второй куріи со стороны демократіи—ка-деты дошли до утвержденія, что въ Екатеринбургѣ полиція открыто поддерживала соціалдемократовъ, а въ Самарѣ октябристъ Ельшевъ заключилъ блокъ съ ними, обѣщая соціалдемократамъ за поддержку одно депутатское мѣсто! Мудрено ли,—если при такой аттакѣ — кадеты сами стали прибѣгать къ помощи

друзей справа! Такъ, въ Екатеринодарѣ голосами кадетовъ и правыхъ былъ проваленъ социалдемократъ Покровскій, извѣстный своими смѣлыми выступленіями въ третьей Думѣ. Такое же единеніе установилось въ Ригѣ, гдѣ пасторъ Ирбе снялъ свою кандидатуру въ пользу к.-д. Мансырева, а группа правыхъ, стоявшая за нимъ, передала свои голоса кадетамъ, лишь бы не прошелъ по второй куріи с.-д. Предкальнъ, получившій относительно наибольшее число голосовъ. То же имѣло мѣсто въ Харьковѣ, гдѣ—съ помощью голосовъ правыхъ—вмѣсто социалдемократа прошелъ кадетъ. Въ Костромѣ забаллотированъ лѣвый кадетами... вопреки соглашенію съ кадетами.

Приведенные факты, конечно, показываютъ, насколько полѣвѣла вторая курія какъ въ городахъ, избирающихъ выборщиковъ, такъ и въ городахъ съ прямымъ представительствомъ въ Думу. Чтобы понять опять-таки соціальное значеніе этого факта, надо имѣть въ виду, что не только первая, но и вторая курія голосуетъ, за небольшими исключеніями, отъ лица имущаго, привиллегированнаго городского населенія: разница въ цензѣ

Выборы по первой и второй куріи показали, что голосъ имущаго населенія городовъ вездѣ, гдѣ онъ имѣлъ возможность быть услышаннымъ безъ фальсификаціи, прозвучалъ рѣшительнымъ приговоромъ реакціи и дворянскому мракобѣсію, увѣренностью, что и роль октябризма, и роль національзма сыграна. Пусть Пуришкевича и Маркова 2-го усилили Хвостовъ съ Барачемъ,—это дѣло искусства гг. Гурлянда и Харузина.

Но наша картина новаго подъема страны была бы одностороння, если бы мы ограничились привиллегированнымъ избирателемъ первой и второй куріи. Правда, и здѣсь социалдемократія—партія рабочаго класса — собрала обильную жатву, выступивъ, какъ самостоятельная величина, въ 45 городахъ со своими бюллетенями, избирательными собраніями, платформой. Но настоящее ея мѣсто не здѣсь, а въ рабочей куріи. Что же показали выборы рабочаго класса? Вотъ уже года полтора, какъ фабрично-заводскіе наблюдатели констатируютъ поворотъ къ прошлому въ идеяхъ, настроеніяхъ, стремленіяхъ рабочаго класса. Вотъ уже года полтора, какъ Пуришкевичъ предостерегаетъ: „успокоеніе",—молъ, въ низахъ опять пошло на смарку. Подтвердили ли это выборы рабочей куріи? Безусловно, судя по выборамъ, рабочія массы вновь преисполнены чувства живой общественной активности послѣ мертвой полосы унынія и растерянности.

Какъ извѣстно, если выборы въ привиллегированныхъ слояхъ фальсифицировались, то положеніе рабочей массы въ этомъ отношеніи — исключительное уже въ силу одного положенія 3 іюня. Достаточно пройти одному черному, согласно этому положенію, чтобы губернское избирательное собраніе, состоящее въ большинствѣ изъ помѣщиковъ, провело чернаго въ депутаты отъ курій. Для того, чтобы рабочіе могли выбрать желательныхъ имъ депутатовъ, а не навязанныхъ имъ правыми, они

должны заранѣе выбирать въ выборщики исключительно соціалдемократовъ, обязывая остальныхъ выборщиковъ по рабочей куріи не ставить своихъ кандидатуръ въ Думу. Тутъ вотъ и дала себя знать, напр., въ Петербургѣ политика раскола, когда рабочіе выборщики разбились на „ликвидаторовъ“ и большевиковъ и, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать планомѣрно, противопоставили себя другъ другу, демонстрировали свои разногласія передъ лицомъ господствующихъ элементовъ.

Однако, вопреки всѣмъ воздѣйствіямъ картина рабочихъ выборовъ даетъ картину изумительнаго единства. Вездѣ — соціалдемократы; никакіе хитроумные планы не могли поколебать единства..

Вотъ смыслъ событій, въ итогѣ которыхъ четвертая Дума оказалась, если не съ чернымъ большинствомъ, то съ двумя черными сотнями. Какъ это случилось— говорить не приходится. Благодаря г. Саблеру, объ этомъ намъ повѣдали съ соотвѣтственными ужимками не только полѣвѣвшіе, но и поправѣвшіе— тѣ самые помѣщики, что завопили благимъ матомъ по поводу политики въ рясѣ. Ну, допустимъ, что наши законодатели уже сыплютъ свои благодѣянія на всѣ классы населенія, уже очнувшіеся отъ маразма чернаго пятилѣтія. Что же это будетъ?

Вмѣсто прекращенія охранъ—охраны еще болѣе усовершенствованныя, въ томъ числѣ и тѣ, назначеніе коихъ—задержать экономическое развитіе Россіи. Вмѣсто соціальныхъ реформъ—реформа полиціи и жандармовъ по рецепту г. Дурново. Право-націоналистическое земство, правонаціоналистическое городское самоуправленіе. Если не въ перспективѣ, то въ итогѣ—законосовѣщательный органъ, расписанный въ старомъ добромъ стилѣ временъ Александра III.

Словомъ, гг. Хвостовы и Марковы 2-е вскроютъ въ четвертой Думѣ несоотвѣтствіе между „стремленіями русскаго общества,—какъ выразился въ свое время С. Ю. Витте—и внѣшними формами его жизни“ значительно рѣзче, чѣмъ это было сдѣлано въ третьей. Ненасытность имѣетъ склонность расти. Но семь лѣтъ, — какъ мы видѣли, — недаромъ прошли и для имущихъ классовъ, и для трудящихся массъ городовъ. Вотъ ужъ гдѣ поистинѣ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Чѣмъ ненасытнѣе черныя сотни, тѣмъ шире будутъ расти уже зіяющія трещины и расщелины стараго зданія. Чѣмъ суетливѣе будутъ метаться въ поискахъ средствъ для удовлетворенія аппетитовъ думскихъ, тѣмъ старыя цѣли все болѣе и болѣе будутъ оживать. Будемъ же бодро смотрѣть въ черные глаза четвертой государственной Думы.

Л. Клейнбортъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Гордонъ Крэгъ. — Искусство театра. *Изд. Н. Бутковской. Ц. 2 р.*

Какъ и всѣ прочія изданія г-жи Бутковской, книга извѣстнаго апологета сцены и реформатора театра—Гордона Крэга прежде всего явленіе художественнаго порядка и уже по одному этому заслуживаетъ вполнѣ быть отмѣченной. Я скажу болѣе:—книга эта заинтересовываетъ, волнуетъ, интересуетъ; вѣрнѣе—не сама книга, а талантливый авторъ, ее создавшій. Вѣдь, книга не всегда равна самой себѣ:—зачастую авторъ или перерастаетъ ее, или не хватаетъ до нея, т. е. онъ оказывается или больше, или меньше ея ростомъ; такъ, если читатель припомнитъ,—въ эпоху шума, вызваннаго появленіемъ романа Арцыбашева „Санинъ", весь интересъ сосредоточился на самомъ романѣ, на „Санинѣ", а не на авторѣ его, имени котораго почти не произносилось,—дебатировали именно Санина, а не Арцыбашева, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, произносится именно имя автора, а не произведенія, не книги (изъ недавнихъ—такой примѣръ, на мой взглядъ, являетъ Ропшинъ,—авторъ „Коня блѣднаго"). Я думаю, впрочемъ, что послѣдній признакъ отнюдь не служитъ комплиментомъ автору и означаетъ скорѣе дефектъ даннаго творчества:—повидимому, авторъ обѣщалъ,—можетъ дать гораздо больше, чѣмъ даетъ, чѣмъ далъ, но по какой-то странной, а, можетъ, и неизбѣжной причинѣ не выполняетъ этихъ обѣщаній, да, можетъ, онъ и не способенъ ихъ выполнить въ силу какихъ-то имманентныхъ законовъ своего дарованія.

Несомнѣнно, что, знакомясь со взглядами на театръ талантливаго англійскаго теоретика сцены, мы съ огромнымъ интересомъ слѣдимъ за скачками его порывистой, парадоксаль... но всегда творчески-живой мысли, отдаемъ должное его мѣткому, ѣдкому анализу, его оригинальной фантазіи, пламенной любви къ театру и фанатической вѣрѣ въ будущее искусства. Нельзя безъ глубочайшаго сочувствія внимать его огненной ненависти къ рутинному, обезличенному и рабскому началу, которыми хромоногіе прислужники сцены прикрываютъ свою эстетическую и созидательную немощь, именуя ее громкимъ словомъ сценическаго реализма. Строки, которыми Крэгъ—органически ненавидящій всѣхъ копировщиковъ и фотографовъ, выдающихъ себя за художниковъ и артистовъ,—эти яростныя строки, которыми онъ клеймитъ жалкихъ приспѣшниковъ для него великаго и святого искусства, достойны быть включены въ катехизисъ всякаго неофита сцены. Говоря объ искусствѣ подражанія жизни, о копированіи природы, чѣмъ еще недавно грѣшили наши „образованныя" сцены вродѣ Художественнаго или московскаго Малаго [1]) театровъ, Крэгъ вполнѣ справедливо начинаетъ сомнѣваться, „не бѣдное ли это искусство, не убогая ли способность, которая не можетъ выявить духъ, сущность идеи для зрителей, а можетъ показать лишь грубую копію, факсимиле самаго предмета. Это имитаторы, а не артисты. Это—сродни чревовѣщателю. Лишь акгеръ, чревовѣщатель и чучельникъ, говоря о приданіи жизни своему произведенію, разумѣютъ болѣе или менѣе реальное воспроизведеніе жизни.—Поэтому-то я и говорю, что лучше бы актеру „вылѣзть вовсе изъ шкуры своей роли". (влѣзть въ шкуру роли—вѣдь, любимое выраженіе актера-профессіонала!)".

Слово произнесено—лозунгъ брошенъ! Мы не будемъ и не хотимъ въ искусствѣ реальнаго воспроизведенія жизни,—правда, итакъ достаточно надоѣвшей намъ со всей своей будничностью и матеріальностью. И въ самомъ дѣлѣ—стоитъ ли ужъ такъ рьяно добиваться воспроизведенія на холстѣ или картонѣ „живого" лѣса, когда часто эскиза, си-

[1]) Еще недавно пришлось прочесть гдѣ-то пожеланіе г. Южина-Сумбатова:—„если бы было возможно на сценѣ представить „настоящій", лѣсъ—то вотъ было бы чудесно". А недавніе „сверчки" и „бубенчики" художественниковъ—„совсѣмъ, какъ настоящіе".

луэта, намека на форму достаточно, чтобы вызвать живѣйшее представленіе о предметѣ (конечно, не самый предметъ;—да и къ чему намъ его двойникъ?). Зачѣмъ мнѣ рисовать или лѣпить розу, когда зачастую одинъ запахъ ея эссенціи,—память о запахѣ, гораздо живѣе (употребляю ихъ терминъ) вызоветъ въ моемъ воображеніи зрительный ея образъ? Зачѣмъ все это, „какъ живое",—разъ сама сцена условность „an und für sich" и театръ, по самому существу своему, призванъ давать иллюзію, обманывать зрителя только внѣшнимъ подобіемъ формъ, выявляя внутреннее—душу предмета? „Меня не тянетъ соперничать съ фотографомъ; я стремлюсь добиться въ искусствѣ совершенно противоположнаго тому, что мы наблюдаемъ въ жизни",—говоритъ Крэгъ далѣе.— „Глядя долго на жизнь, развѣ не почувствуешь, что все это совсѣмъ непрекрасно, и нетаинственно, и нетрагично; что все здѣсь тупо, мелодраматично и пошло". Припомнимъ выраженіе Наполеона: „въ жизни есть много недостойнаго, что должно быть опускаемо въ искусствѣ"; припомнимъ впечатлѣнія (переданныя недавно въ печати) балерины Павловой, демократическіе лондонскіе зрители которой неистовствовали при видѣ ея танцевъ, находя, что это наиболѣе противоположно ихъ жизни, наиболѣе выражаетъ радость, свободу, порывъ куда-то, къ чему-то, столь недоступному имъ въ повседневной жизни. „Вѣдь цѣль искусства не отражаетъ дѣйствительные факты. У художника не должно быть привычки идти въ хвостѣ, позади всего. Онъ имѣетъ привиллегію шествовать въ авангардѣ, быть всюду лидеромъ. Пусть ужъ лучше жизнь отражаетъ подобіе духа, ибо духъ искони избралъ художника живописателемъ своей красоты".

Все это совершенно вѣрно, все это должно быть вписано огненными буквами въ книгѣ жизни каждаго искренняго жреца искусства. Противоположеніе искусства жизни, суверенность иллюзіи, мечты надъ дѣйствительностью, идеальнаго надъ реальнымъ—не слыхали ли мы всѣхъ этихъ словъ-истинъ гдѣ-то ближе туманнаго Альбіона, въ устахъ нашего родного поэта и фанатика служенія искусству—Ѳедора Сологуба? Не напоминаютъ ли намъ боевые призывы англійскаго фантазера тихой, но вѣчной пѣсни о Дульцинеѣ и Альдонсѣ нашего пѣвца этой прекрасной, хотя и таинственной дамы. Не то же ли странное, но властное влеченіе у обоихъ— Крэга и Сологуба—къ смерти (тихая страна, по выраженію Крэга), къ духамъ, къ тѣнямъ, личинамъ, только воплощающимъ жизнь-тяготѣніе, доходящее у перваго до почти парадоксальнаго [illegible] живого актера въ его современномъ аспектѣ, какъ уже слишкомъ отравленнаго ядомъ вульгарной реальности и антихудожественности, и замѣнѣ его „куклой, маріонеткой". „Я серьезно мечтаю о возвращеніи въ театръ кумира сверхмаріонетки", — говоритъ Крэгъ въ заключеніе.

Думаю, что приведенныхъ мнѣній достаточно, чтобы у читателя возникло представленіе о художественныхъ устремленіяхъ Гордона Крэга и путяхъ, ведущихъ, если не совсѣмъ прямо, то хотя бы въ обходъ, къ его конечной цѣли созданія истинно-художественнаго театра, въ которомъ суверенны лишь идеалы искусства, безъ всякихъ практическихъ и иныхъ соображеній. Какъ именно создать этотъ театръ—точно Крэгъ не указываетъ, но его безпощадная критика современнаго театральнаго строя, въ нѣкоторомъ родѣ,— раба своей „кассы", уже одна способна освѣжить затхлую атмосферу сцены и положить основной камень въ фундаментъ новаго, прекраснаго зданія.

Анастасія Чеботаревская.

Мемуары кн. Адама Чарторижскаго. *Перев. съ фр. подъ ред. и со вступительной статьею А. Кизеветтера. М. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к. Изд. К. Некрасова.*

Давно пора было перевести на русскій языкъ мемуары кн. Чарторижскаго. Личный другъ Александра I, имѣвшій на государя несомнѣнное вліяніе, русскій министръ иностр. дѣлъ кн. Ад. Чарторижскій въ своихъ мемуарахъ передастъ многія интимныя черты Александра I и его знати, представляющія крупнѣйшій историческій интересъ.

Кн. Ад. Чарторижскій не принадлежалъ къ числу очень тонкихъ и проницательныхъ наблюдателей. Онъ, точно конькобѣжецъ, часто скользитъ лишь по поверхности. Къ тому-же до фанатичности преданный польскимъ идеямъ и польскимъ интересамъ, подходя ко всѣмъ событіямъ съ точки зрѣнія польскихъ вожделѣній, кн. Чарторижскій не любилъ русской жизни и всегда оставался ей чуждъ.

Къ чести его надо сказать, что онъ никогда не скрывалъ этого и, въ противоположность множеству придворныхъ иностранцевъ, корчившихъ изъ себя русскихъ патріотовъ, кн. Чарторижскій во многихъ мѣстахъ своихъ мемуаровъ подчеркиваетъ, что онъ всегда чувствовалъ себя въ Россіи иностранцемъ и всегда выдвигалъ свою принадлежность къ полякамъ. Странно было видѣть этого чужого и чуждавшагося Россіи поляка на посту русскаго министра. Но это была одна изъ многихъ странностей Александра I.

Говоря объ убійствѣ Павла, кн. Чарторижскій доказываетъ полную непричастность Александра I къ заговору противъ отца. Въ новѣйшемъ трудѣ объ Александрѣ велик. кн. Николай Михаиловичъ приходитъ къ совершенно противоположному выводу. Но и кн. Чарторижскій изображаетъ оргіи радости, устроенныя при дворѣ заговорщиками тотчасъ послѣ убійства Павла.

„Тотчасъ послѣ совершенія своего дѣла, — разсказываетъ онъ, — заговорщики проявили свою радость въ оскорбительной, безстыдной формѣ, безъ всякой мѣры и приличія. Это было безуміе, общее опьяненіе, не только моральное, но и физическое, такъ какъ погреба въ дворцѣ были разбиты, вино лилось ручьями за здоровье новаго императора и героевъ переворота. Въ первые за этимъ дни пошла мода на причисленіе себя къ участникамъ заговора; каждый хотѣлъ быть отмѣченнымъ, каждый выставлялъ себя, разсказывалъ о своихъ подвигахъ, каждый доказывалъ, что былъ въ той или другой шайкѣ, шелъ однимъ изъ первыхъ, присутствовалъ при фатальной катастрофѣ". Не сомнѣваясь въ непричастности Александра I въ заговору противъ отца, кн. Чарторижскій отмѣчаетъ, однако, что совѣсть сына была неизлечимо ранена. „Несмываемое пятно, какъ коршунъ, вцѣпилось въ его совѣсть, парализуя въ началѣ царствованія самыя лучшія, самыя прекрасныя его свойства и погружая его къ концу жизни въ глубокое уныніе, въ мистицизмъ, переходившій иногда въ суевѣріе". Это плохо вяжется съ изображеніемъ кн. Чарторижскимъ заговора противъ Павла.

Мемуары кн. Чарторижскаго съ большимъ интересомъ прочтутся всѣми, интересующимися русской исторіей. Многое изъ того, что видѣлъ и слышалъ, дипломатичный мемуаристъ скрываетъ, многое подкрашиваетъ, но не мало остается правдиваго, интересно разсказаннаго. Переведена книга очень хорошо и издана превосходно.

П. Берлинъ

А. Ө. Кони. *„На жизненномъ пути". Т. II. Спб.* 1912 г. *Ц. 2 р. 75 к.*

А. Ө. Кони продолжаетъ развертывать передъ читателями панораму своего живописнаго „жизненнаго пути": на дняхъ вышелъ въ свѣтъ второй томъ его богатыхъ воспоминаній.

Добрая половина этого второго тома посвящена литературнымъ встрѣчамъ и знакомствамъ А. Ө. Кони съ Толстымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Некрасовымъ, Апухтинымъ, Писемскимъ, Кавелинымъ, Стасовымъ, Вл. Соловьевымъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, группировавшихся преимущественно около „Вѣстника Европы". Содержательность воспоминаній А. Ө. Кони дѣлаетъ ихъ итересными не только для широкой публики, но и для спеціалистовъ, которые, безъ сомнѣнія, найдутъ здѣсь не мало цѣннаго историко-литературнаго матеріала.

Такъ, въ высшей степени любопытны факты, касающіеся происхожденія Апухтинской поэмы „Послѣдняя ночь" и той части некрасовскаго „Кому на Руси жить хорошо", въ которой повѣствуется о „Яковѣ вѣрномъ— холопѣ примѣрномъ". Оба произведенія были созданы подъ вліяніемъ бесѣдъ Некрасова и Апухтина съ Кони.

Характерно, что оба поэта не рѣшились опубликовать написанное, не посовѣтовавшись съ Кони относительно правдивости своихъ произведеній.

Много любопытнаго сообщаетъ А. Ө. Кони также о Толстомъ, Вл. Соловьевѣ, Писемскомъ, Тургеневѣ.

Что касается формы, въ которую облечены воспоминанія А. Ө., то многія страницы его книги могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими образцами нашей художественной прозы.

Таковы страницы, посвященныя Писемскому, описанію рѣчи Достоевскаго на пушкинскихъ торжествахъ, встрѣчамъ съ Тургеневымъ и Толстымъ.

Эпическое спокойствіе повѣствованія, простота и красота языка дѣлаютъ чтеніе книги Кони истиннымъ наслажденіемъ.

Вадимъ Лѣсcвой.

„Русская энциклопедія" *подъ ред. прив.-доц. С. А. Адріанова, проф. Э. Д. Гримма, проф. А. В. Клоссовскаго и проф. Г. В. Хлопина. Изд. Русск. Книжн. Т-ва „Дѣятель". Т. III.*

Въ ряду другихъ изданій т-вомъ „Дѣятель" предпринято 20-томное изданіе новаго энциклопедическаго словаря. Словарь снабженъ, какъ обычно, рисунками, картами, картограммами, но въ отличіе отъ другихъ изданій въ немъ помѣщаются прекрасно отпечатанные на мѣловой бумагѣ трехкрасочные рисунки, какъ, напр., въ 3-емъ томѣ виды Бухареста и Бѣлграда. На нѣкоторыя слова помѣщены большіе, исчерпывающіе вопросъ, очерки. Въ настоящемъ томѣ находимъ рядъ статей о Болгаріи, болгарской литературѣ, искусствѣ—Н. Ястребова, проф. П. Лаврова и др. Статьи снабжены портретами, снимками съ картинъ, со старинныхъ построекъ, миніатюръ и пр., тоже отпечатанныхъ на мѣловой бумагѣ.

И.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ.**

Открыта подписка на большую ежедневную газету

ДЕНЬ

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: К. В. Агѣевъ, Е. А. Адамовъ, Влад. Азовъ, А. В. Амфитеатровъ, Аркадій Аверченко, С. Я. Арефинъ, Н. П. Ашешовъ, І. М. Бикерманъ, В. П. Брюлловъ, Арк. Буховъ, Н. Я. Быховскій, А. Л. Волынскій, И. О. Боцяновскій, Б. Н. Воробьевъ, Л. М. Войтоловскій, Зин. Венгерова, Е. А. Вулихъ, Б. Ф. Гейеръ, А. Глигбергъ (А. Черный), О. Дымовъ, С. О. Загорскій, Д. Заславскій (Homunculus), Homo Novus, О. Я. Кобецкій, М. М. Колловичъ, В. П. Коломійцевъ, Э. Ю. Коппъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Р. Кугель, Н. Р. Кугель, И. О. Левинъ, Б. П. Лопатинъ (Шуйскій), Я. Б. Лившицъ, А. В. Луначарскій, В. А. Мукосѣевъ, М. В. Новорусскій, О. Л. Д'Оръ, Г. Я. Полонскій, П. Потемкинъ, А. А. Радаковъ, Г. О. Розенцвейгъ, В. Рудинъ, С. Т. Патрашкинъ, Пьеръ-Пьерро, И. И. Хессинъ, А. М. Хирьяковъ, П. Е. Щеголевъ и др.

Подписная цѣна на 1913 годъ

	На годъ	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ доставк. и перес.	12	11 —	10 20	9 30	8 40	7 50	6 50	5 50	4 50	3 40	2 30	1 [illegible]
За границу	20	18 50	17 —	15 50	14 —	12 50	11 —	9 25	7 50	5 75	4 —	2 —

За границей на газету можно подписываться: въ Германіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Черногоріи — въ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ, а въ Турціи и Греціи чрезъ посредство германскихъ и австрійскихъ почт. учрежденій. Въ этомъ случаѣ, въ виду сокращенія расхода по пересылкѣ, подписная цѣна значит. ниже вышеуказанной—при выпискѣ газеты изъ главной конторы.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р.; 9 м.—6 р. 75 к.; 6 м.—4 р. 50 к.; 3 м.—2 р. 40 к.; 1 м.—65 к.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца, годовая только съ 1-го января.

При подпискѣ съ 1-го января на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., въ апрѣлѣ—4 р., въ августѣ—3 р. При подпискѣ же на срокъ менѣе года разсрочка не допускается.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просятъ обозначать непремѣнно на самомъ переводѣ, а не въ отдѣльномъ письмѣ, на какой срокъ выписывается газета, и давать точный четкій адресъ. Если же подписка въ разсрочку—непремѣнно прибавлять слово «разсрочка», безъ чего подписка не будетъ засчитана годовою.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи и въ Главной Конторѣ. Цѣна отдѣльнаго № 5 к. Пробные номера высылаются по первому требованію безплатно. Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Спб., Невскій пр., д. 69. Телефоны: Редакціи—205—68. Конторы—464-4

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ новаго типа.

Открыта подписка на 1912—1913 г. Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Задача журнала—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Журналъ печатаетъ только то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.

Приблизительно о такомъ типѣ періодическаго изданія мечтали Г. И. Успенскій (см. «Русское Богатство», 1912 г., III кн. «Изъ переписки Успенскаго») и Ѳ. М. Достоевскій (см. бесѣду Дроздовой съ Шатовымъ въ «Бѣсахъ»).

За истекшій годъ (съ 1-го сентября 1911 г. по 1-е сентября 1912 г.) въ журналѣ «Бюллетени» напечатано до 350 статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, около 1.000 отзывовъ о книгахъ, данъ перечень до 2,000 и выше книгъ и приведено содержаніе 40 журналовъ за весь годъ.

Отзывы печати: «Утро Россіи»: «Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ, дѣйствительно, новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью, журналами, газетами и новыми книгами».—«Русскія Вѣдомости»: «Бюллетени» довольно хорошо справляются со своею задачею. Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни».—«Биржевыя Вѣдомости»: «По «Бюллетенямъ» хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы и ея паденіями, за всѣми обрѣтеніями и потерями».—«Русская Школа»: «Бюллетени» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же, «Бюллетени» оказываютъ огромную услугу».—«Огни»: «Бюллетени» завоевываютъ себѣ все больше и больше симпатію публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который бы не нашелъ для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ».

Подробный проспектъ журнала разсылается безплатно.

Подписная цѣна: на годъ—3 р. Разсрочка: 1 р. къ 1-му сентября, 1 р.—къ 1-му января, 1 р.—къ 1 му мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учит. на годъ—2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почтовыхъ учрежденіяхъ.

Контора и редакція: Москва, Хлѣбный пер., д. 1.

Издатели: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. Редакторъ В. Крандіевскій

БУДИЛЬНИКЪ.

49-й годъ изданія.

Журналъ прогрессивный, юмористическій, сатирическій и, вообще, очень хорошій, «БУДИЛЬНИКЪ» безповоротно рѣшилъ открыть подписку на 1913-й годъ на совершенно новыхъ основаніяхъ: 1. Подписка принимается отъ всѣхъ желающихъ безъ различія пола, партій и цвѣта волосъ. 2. Женщинамъ при подпискѣ отдается предпочтеніе передъ мужчинами, а мужчинамъ—передъ женщинами. 3. Подписка принимается отъ годовыхъ подписчиковъ—на годъ, отъ полугодовыхъ—на полгода. 4. Подписчики-брюнеты получатъ за годъ: пятьдесятъ два номера «Будильника» съ многокрасочными рисунками выдающихся русскихъ и иностранныхъ каррикатуристовъ и съ текстомъ лучшихъ юмористовъ,—прозаиковъ и поэтовъ. То-же самое получатъ и подписчики-блондины. Годовые подписчики всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, доплатившіе при подпискѣ всего 1 р., получатъ роскошную цѣнную премію «СОКРОВИЩфоліантъ, содержащій болѣе двухсотъ копій съ картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ. Альбомъ отпечатанъ на слоновой бумагѣ. 5. Только по исключительному своему безкорыстію «Будильникъ» взимаетъ въ Москвѣ: 1 годъ—8 рублей. полг.—4 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р. 50 к. Внѣ Москвы: 1 годъ—9 рублей полг.—5 рублей. 3 мѣс.—3 рубля. Внѣ Россіи: 1 годъ—12 рублей полгода 7 рублей. 3 мѣс.—4 рубля. 6. Премію получатъ лишь годовые подписчики, доплатившіе при подпискѣ 1 рубль. Адресъ «Будильника»—Москва, Леонтьевскій переулокъ, 12.—конечно, всѣмъ извѣстенъ. Подписка принимается какъ въ конторѣ «Будильника», такъ то всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ: Спѣшите подписаться на «Будильникъ», ибо не слѣдуетъ откладывать на завтра того, что можно сдѣлать сегодня. «БУДИЛЬНИКЪ».

Открыта подписка на 1913 годъ:
(37-ой годъ изданія)

„Задушевное Слово“

Два еженедѣльные иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. Макаровой и издаваемые подъ редакціей П. М. Ольхина. Подписной годъ съ 1-го ноября 1912 г. Первые №№ высылаются немедл.

Гг. годовые подписчики журнала «З. Сл.» для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ 52 №№ и 48 премій, въ числѣ котор.:

Большая стѣнная картина изъ дѣтской жизни худ. К. Фрешля «Именинный подарокъ», исполненная хромо-литографіей въ 24 краски. 12 занимательныхъ игръ, работъ, рукодѣлій и т. п. для вырѣзыванія и склеиванія, въ видѣ раскрашенныхъ и черныхъ листовъ, а именно: Копилка для денегъ. Кукольный домикъ. Мельница. Будка для часовъ. Лошадь-качалка. Утиное озеро. Пожарная каланча. Рыцарскій замокъ. Кукла Помъ. Приданое для куклы. Большіе глаза. Игра «Беруакъ». 6 таблицъ «Звѣринецъ въ картинкахъ», для рисованія и раскрашиванія. 12 иллюстр. книжекъ разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленьк. дѣтей, въ числѣ которыхъ: смѣшныя малютки. Шутки и прибаутки. Л. А. Чарской. Мишка Топтыгинъ и его семейство. Евг. Хведера. Звѣрьки-проказники. Разсказы въ стихахъ В. Мазуркевича, съ рис. А. Рабье. Наша мамуся. Сборникъ стихотвор. про маму. Составилъ И. И. Гурвичъ, съ карт. Жизнь бабочки. А. Умнова, съ рис. автор. Рукодѣлька, пьеска-монологъ. В. Цѣховской. 12 вып. илл. изд. «Новыя похожд. Мурзилки и его товарищей—лѣсныхъ человѣчковъ», съ мн. илл. П. Кокса. 12 вып. «Маленькій ботаникъ», увлекательные популярно разск. изъ жизни растеній Х. Брюнинга, съ мног. илл. 4 таблицы «Живопись безъ красокъ», поучительное развлеченіе для маленькихъ дѣтей, 10 вып. «Знаменитые русскіе мальчики», составл. для дѣтей младшаго возр. Вик. Русаковымъ, съ портр. и илл. (Новая серія). 6 тетради «Школы рисованія». Проф. А. Л. Зопа. (Новая серія). 6 тетрадей «Моя первая книга обо всемъ». Энциклопедія дѣтскихъ знаній. Сост. М. А. Лятскій. Съ иллюстр. Голоса звѣрей. Веселая игра для дѣтей. Подвижной вѣчный календарикъ, для вырѣзыванія и склеиванія. Пѣсенки малютки, сборникъ сост. Л. Ф. Энгелемъ, и мног. друг.

Гг. годовые подпис. жур. «З. Сл.» для дѣтей старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ 52 №№ и 48 премій, въ числѣ которыхъ:

Царство бабочекъ. Альбомъ изъ 12 таблицъ въ краскахъ, съ объяснит. текстомъ проф. А. Беркина. 12 вып. «Писемскій для дѣтей». Собраніе избр. сочин. знаменит. писателя подъ ред. Н. Лернера, съ иллюстр. вып. «Альбомъ монетъ», съ объяснительн. текстомъ М. Васильевскаго. вып. «Петербургъ въ семь дней», Достопримѣчат. столицы въ описан. и картин., сост. С. Карѣевъ. 6 вып. «Москва въ семь дней». Составилъ Сергѣй Карѣевъ. 3 вып. «Альбомъ мѣтокъ и узоровъ для вышиванія» русск. и франц. буквъ, монограммъ и вензелей. 8 вып. «Исторія книги въ Россіи», сост. С. Ф. Либровичъ, съ мног. илл. 6 вып. настоящій Робинзонъ. А. Е. Разина, съ рисунками. 25 комнатныхъ игръ для дѣвочекъ и мальчиковъ, составилъ Вадимъ Радецкій, съ рис. Тетрадь для записи наблюд. надъ природою, съ объяснительнымъ текстомъ и руководящею статьею М. Владимірова. 10 вып. «Русскія свѣтила Науки». Біографическіе очерки Виктора Русакова, съ портретами и рис. 6 книжекъ «Библіотеки полезныхъ свѣдѣній» для юношества, съ иллюстр., а именно: Какъ плести самой кружева. Какъ жить, чтобъ здоровымъ быть. Какъ самому переплетать книги. Какъ сдѣлать самому фотографическій аппаратъ. Какъ устроить свою домашнюю библіотеку. Какъ самому устроить аквваріумъ. Японскіе шахматы, съ таблицею и фигурами для вырѣзыванія и склеиванія и объяснительн. текстомъ. 6 вып. «Великіе міра». Галлерея историческихъ лицъ, въ повѣствовательныхъ очеркахъ М. А. Лятскаго. Съ портретами, снимками съ картинъ и пр. 12 вып. «Книги чудесъ» Натаніэля Готорна, съ иллюстр. Гранвилля и др. худ. (Новая серія). Спутникъ школы. Календарь и записная книжка для учащихся на 1913-14 учебн. годъ въ изящн. коленк. перепл. и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «Задушевное воспитаніе» и «Дѣтскія моды», а также будетъ выдана книга «Первая помощь больному ребенку».

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ 6 руб. Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «Задушевнаго Слова», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-Петербургъ: 1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

Съ 16 сентября въ С.-Петербургѣ выходитъ ежедневная с.-д. рабочая газета

Подписная плата: (исключительно съ 1 и до 1 числа) на 1 мѣс.—35 коп., на 3 мѣс.—1 руб. (При выпискѣ за границу доплачивается къ этому по 50 коп. въ мѣс.). Желающіе получать газету съ 16 сент. до 1 окт. приплачиваютъ 25 коп. (За границу—45 коп.).

Цѣна отд. №—2 коп.

Цѣна объявленій: 80 коп. впереди и 40 коп. позади текста за строку нонпарели.

Адресъ к-ры и редакціи: Спб., Чубаровъ пер., 1— 86, кв. 12.
Телефонъ № 607-56

Открыта подписка на 1913 г. на журналъ

„Театръ и Искусство“

(семнадцатый годъ изданія) подъ редакціей А. Р. Кугеля
(Homo Novus'а).

52 №№ еженедѣльнаго иллюстрирован. журнала (свыше 1000 иллюстр.). 12 ежемѣсячныхъ книгъ «Библіотеки Театра и Искусства»—беллетристика, научно-популярныя, критическія статьи и т. д., около 40 новыхъ репертуарныхъ пьесъ, «Эстрада» сборникъ стихотвореній, разсказовъ, монологовъ и т. п. съ особой нумераціей страницъ.

Въ 1912 г. въ «Библіотекѣ» были помѣщены, между прочими, пьесы: «Пенша» Юр. Бѣляева, «Про любовь» Н. Потапенко, «Мечта побѣдительница» Федора Сологуба, «Мечта любви» А. Косоротова, «Прохожіе» В. Рышкова, «Чортова кукла» В. О. Трахтенберга, «Кухня вѣдьмы» Гр. Ге, «Пиръ жизни» Пшибышевскаго, пьесы Флерса и Каяйве, Бернштейна, Роветта, Бенелли, Фр. Коппе, А. Батайля, Джерома К. Джерома, Юшкевича и др.

Въ 1913 г. будутъ помѣщены пьесы: «Піонеры» Н. Олигера, «Змѣйка» В. Рышкова, «Преступленіе противъ нравственности» Ос. Дымова, «Отреченіе» Острожскаго, пьесы И. Потапенко, А. Аверченко, К. Баранцевича и др.

Подписная цѣна на годъ 8 р. Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ, 3 р.—1 апрѣля, 2 р.—1 іюня. За границу 12 руб.

На полгода 4 р. 50 к. (съ 1 января по 31-е іюня). За границу 7 р. Иногородніе, желающіе ознакомиться съ журналомъ получаютъ № безплатно за семикопѣечную марку.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., 4. Телеф. 16-69. Контора журнала имѣетъ на складѣ пьесы для любительскихъ спектаклей. Учебники сценическаго самообразованія.

Открыта подписка на 1913 годъ (5-й годъ изданія) на самую дешевую, прогрессивную, безпартійную, еженедѣльную, защищающую интересы деревни, газету

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГАЗЕТА

(при ближайшемъ участіи В. А. Анзимірова).

Выходитъ каждую недѣлю и даетъ своимъ читателямъ полный обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ событій.

Русская жизнь и новости всего міра. Новые законы и распоряженія правительства. Работы Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и Земства. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Отдѣлъ полезныхъ совѣтовъ по хозяйству. По Россіи. За границей. Отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ. Въ каждомъ № газеты разнообразн. иллюстраціи.

«Деревенская газета» служитъ интересамъ трудящихся, стремится разсѣивать окружающую ихъ темноту, сглаживать рознь, раздѣляющую людей, помогаетъ добрымъ совѣтомъ въ ихъ хозяйственныхъ нуждахъ. Статьи по всѣмъ вопросамъ, могущимъ интересовать жителя деревни и хуторянина. Отвѣты знатоковъ и спеціалистовъ. Всѣ статьи пишутся простымъ и понятнымъ для деревенскаго читателя слогомъ, безъ иностранныхъ словъ и мудреныхъ выраженій.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ въ 1913 г. будутъ разосланы безплатно. 1) Трудовой Календарь на 1913 годъ (въ отдѣльной продажѣ 20 коп.). 2) Бесѣды по сельскому хозяйству (общественно-хозяйственные очерки) В. А. Анзимірова. (Въ отд. продажѣ 30 к.). Книжки готовы и будутъ разосланы при первыхъ №№ газеты.

Подписная цѣна съ приложеніемъ: на годъ—2 р., полгода—1 руб., 3 мѣсяца—50 коп. Подписку адресовать: Москва, Тверская, Бол. Чернышевскій пер., д. 21. Редакторъ-издатель И. Г. Никольскій.

(46 годъ изданія).
Подписка на ежедневную газету

(Въ Воронежѣ). На 1913 годъ.

Со 2-го февраля 1913 года газета «Донъ» начинаетъ 46-й годъ своего изданія. Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше трети столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1913 годъ, редакція ограничивается лишь указаніемъ факта этого безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 к. Съ пересылкой въ другіе города: на годъ 7 руб., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

Ред.-Издатель В. Веселовскій.

Открыта подписка на 1913 годъ на научно-популярный иллюстрированный журналъ

ВѢСТНИКЪ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ.

Въ 1913 году «Вѣстникъ Воздухоплаванія» будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ по расширенной программѣ, въ увеличенномъ форматѣ. съ массой рисунковъ, снимковъ, портретовъ, чертежей.

Все, что такъ или иначе соприкасается съ воздухоплаваніемъ, находитъ себѣ мѣсто на страницахъ «Вѣстника Воздухоплаванія».

Постоянные отдѣлы: 1. Личныя впечатлѣнія и наблюденія авіаторовъ. 2. Историческіе очерки и замѣтки. 3. Новые аэропланы, гидроаэропланы, дирижабли. 4. Двигатели. 5. Текущіе вопросы. 6. Военное воздухоплаваніе. 7. Хроника русская и заграничная. 8. Корреспонденціи. 9. Библіографія. 10. Отвѣты читателямъ.

Стремясь сдѣлать журналъ живымъ, доступнымъ всѣмъ, интересующимся воздухоплаваніемъ, редакція—кромѣ теоретиковъ—привлекла къ участію виднѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ практиковъ, которые на страницахъ «Вѣстника Воздухоплаванія» дѣлятся съ читателемъ своими впечатлѣніями, наблюденіями и переживаніями.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Авіаторы: В. М. Абрамовичъ, Г. В. Алехновичъ, Д. Г. Андреади, Андрэ Бомонъ, А. А. Васильевъ, Жюль Ведринъ, Чарльзъ Витмеръ, А. М. Габеръ-Влынскій, Роланъ Гарро, Н. М. Глаголевъ (Волковъ), В. В. Дыбовскій, М. Н. Ефимовъ, Н. Д. Костинъ, В. А. Лебедевъ, Жоржъ Леганье, С. А. Мезенцевъ, Б. В. Монаковъ, Эдмондъ Одемаръ, Г. Д. Піотровскій, Н. А. Поповъ, А. Е. Раевскій, Н. В. Ребиковъ, Е. Д. Рудневъ, Г. С. Сегно, И. И. Сикорскій, С. А. Ульянинъ, С. И. Уточкинъ. В. Н. Хіони, Г. Д. Янковскій, Н. А. Яцукъ, Спеціалисты: проф. К. П. Боклевскій, К. Е. Вейгелинъ, инж. Я. М. Гаккель, акад. кн. Б. Б. Голицынъ, прив.-доц. О. Глуманъ, инж. Д. П. Григоровичъ, проф. Н. Б. Делонэ, проф. Де-Метцъ, проф. Н. Е. Жуковскій, Н. П. Каменьщиковъ, В. Карпинскій, проф. А. А. Лебедевъ, инж. П. Ф. Никитинъ, воен. инж. С. А. Нѣмченко, проф. Н. А. Рынинъ, инж. В. В. Суботинъ, воен. инж. Н. И. Утѣшевъ, инж. Энрико Форланини, инж. Э. Фосмайеръ, К. Э. Ціолковскій, проф. С. А. Чаплыгинъ, А. И. Шабскій, Н. А. Шапошниковъ, инж В. И. Ярковскій и др.

Собственные корреспонденты въ Австріи, Англіи, Бельгіи, Германіи, Голландіи, Италіи, Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ, Франціи, Швейцаріи. и на театрѣ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 1913 году «Вѣстникъ Воздухоплаванія» даетъ въ качествѣ безплатныхъ приложеній:

1. Художественно изданный трудъ:

«МІРОВОЕ ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ». Исторія и успѣхи. Подъ редакціей проф. Н. А. Рынина, при участіи Г. В. Піотровскаго и А. И. Шабскаго.

Изданіе отпечатано на лучшей веленевой бумагѣ въ форматѣ in 4-и снабжено 7 вкладными художественными приложеніями въ краскахъ фото-типіей и фото-типо-гравюрой, 5 автотипіями на цвѣтной бумагѣ и 125 иллюстраціями въ текстѣ, по оригиналамъ изъ рѣдкихъ коллекцій и по рисункамъ И. Я. Билибина, Р. Вилькена, Г. С. Толмачева и др.

«Міровое Воздухоплаваніе» будетъ разослано подписчикамъ при январскихъ №№ журнала.

II. Воздушный справочникъ на 1913 годъ». Подъ редакціей дѣйствительнаго члена Императорскаго Всероссійскаго Аэроклуба К. Е. Вейгелина. Въ это изданіе войдутъ всѣ необходимыя справочныя свѣдѣнія по воздухоплаванію и воздушный календарь на 1913 годъ.

«ВѢСТНИКЪ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ»

одобренъ, рекомендованъ и награжденъ за хорошую постановку дѣла Военнымъ Министерствомъ, Морскимъ Министерствомъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Министерствомъ Торговли и Промышленности, Главнымъ Инженернымъ Управленіемъ, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній, Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ,

Подписная цѣна на 1913 годъ значительно понижена (вмѣсто 10 р.). на годъ 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 марта и 1 іюня по 2 р. Лица, состоящія на службѣ и подписывающіяся черезъ гг. казначеевъ, могутъ уплачивать по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Соляной пер. 5.

Въ 1913 году
всѣ годовые подписчики получатъ:
52 №№ ЖУРНАЛА.
Въ каждомъ номерѣ:

Беллетристика и популярныя статьи. Хроника русской и заграничной жизни. Церковная жизнь. Военный отдѣлъ и воздухоплаваніе. Вѣсти и слухи. Отдѣлъ сельскаго и домашняго хозяйства. Справочныя цѣны. Биржа. Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ и т. д.

НА ГОДЪ 2 р. 20 к. съ перес.

XI-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ журналъ-газета

„Дружескія Рѣчи“

безпристрастно освѣщаетъ всѣ выдающіяся событія въ области текущей политической, общественной и научной жизни.

Даетъ интересный матеріалъ для легкаго чтенія и САМООБРАЗОВАНІЯ.

Адресъ редакціи и главн. конторы журнала: С.-Петербургъ, Фонтанка, 39-15.

Цѣна 2 р. 20 к. съ пер. въ годъ.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

КРОМѢ 52 №№
всѣ годовые подписчики получатъ безплатно
8 премій:

1) Настольный *«Дружескій Календарь»* на 1913 г.
2) *Картину* въ 12 крас. «Воззваніе Минина къ нижегородцамъ».
3) *«Смѣхъ и Шутки».* Иллюстрир. юморист. сборн. Веселыя сценки, шутки, оригин. рисун. и проч.
4) *500 совѣтовъ-рецептовъ* по сельскому хозяйству и домоводству.

5-8 {весенніяя, лѣтнія, осеннія, зимнія} МОДЫ.

Открыта подписка на 1913 годъ на двухнедѣльный журналъ

Сибирскіе Вопросы

издаваемый девятый годъ въ С.-Петербургѣ.

Журналъ независимый, прогрессивный. Въ журналѣ участвуютъ лучшіе сибирскіе публицисты и печатаются, главнымъ образомъ, статьи и корреспонденціи, какія по мѣстнымъ цензурнымъ или административнымъ воздѣйствіямъ не могутъ появиться въ мѣстныхъ органахъ печати.

Подписная цѣна: годъ 6 р.,—полг. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 к. Отдѣльные номера по 30 коп.—За границу: годъ 8 р.,—полг. 4 р. Подписка принимается: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, ул. Жуковскаго, 24. въ Сибири—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Издатель Вл. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Годъ изданія 3-й. Открыта подписка на 1913-й годъ на большую областную, литературную, экономическую, прогрессивную ежедневн. газету

Вѣстникъ Западной Сибири

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТЮМЕНИ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе Сибирскіе Депутаты въ Государственной Думѣ. Постоянный составъ редакціи: журналисты Л. С. Ушаковъ, П. А. Рогозинскій, Н. Теликинъ (псевд.) и др.; фельетонисты Ле-О (псевдонимъ), Другъ Гораціо (псевдонимъ), L'homme qui rit (псевдонимъ), П. Шапенковъ и др.

Есть собственные корреспонденты во всѣхъ Западно-Сибирскихъ городахъ и др. крупнонаселенныхъ пунктахъ Зап. Сиб. (села, деревни, ж.-д. станціи), въ Петербургѣ и Москвѣ.

Подписная цѣна на годъ 6 р., на полг. 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣс. 75 к.

Редакторъ П. Юровскихъ.

Издатель Т-во Печатнаго дѣла «Брюхановъ и Ко».

Открыта подписка на 1913 г. на еженедѣльника

Запросы жизни.

Еженедѣльное обозрѣніе культуры и политики, изд. въ Спб. при ближайшемъ участіи проф. М. М. Ковалевскаго (чл. Г. С.) и Р. М. Бланка. и сотрудничествѣ: С. В. Аникина, проф. Е. В. Аничкова, С. Анскаго, акад. К. К. Арсеньева, В. Базарова, Ѳ. А. Батюшкова, акад. А. Н. Бенуа, проф. М. В. Бернацкаго, Н. Д. Бернштейна, Эдуарда Бернштейна (Берлинъ, чл. Рейхстага), проф. В. М. Бехтерева, І. М. Бикермана, П. Д. Боборыкина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, проф. Родольфа Брода (Парижъ, директоръ «Документовъ Прогресса»), И. К. Бруси-ловскаго, А. Н. Брянчанинова, О. В. Бужанскаго, А. Н. Быкова, А. М. Бѣлова, Виктора Вальтера, Л. Василевскаго (Плохоцкаго), проф. А. В. Васильева (чл. Гос. Совѣта), С. А. Венгерова) акад. В. И. Вернадскаго, проф. А. Н. Весселовскаго, Н. А. Виташевскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, акад. И. Я. Гинцбурга, А. Г. Горнфельда, Максима Горькаго, проф. Н. А. Гредескула, Г. А. Гросмана (Берлинъ), Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида (Берлинъ) чл. Рейхстага), И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, В. И. Дзюбинскаго (чл. Гос. Думы). И. И. Душечкина, И. В. Жилкина, Л. И. Звѣздича (Вѣна), Ст. Ивановича, Г. Б. Ительсона, проф. Н. И. Карѣева, К. Р. Качоровскаго, А. А. Корнилова, Н. И. Коробки, Д. М. Койгена, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, Е. Д. Кусковой, проф. І. М. Кулишера, Д. А. Левина, Р. Г. Лемберкъ, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго (Римъ)-проф. Н. Б. Лучицкаго (чл. Гос. Думы), С. Б. Любоша, проф. А. А. Мануилова, Л. Мартова, проф. И. И. Мечникова (Парижъ), П. А. Морозова, С. Мстиславскаго, М. П. Невѣдомскаго, Вас. И. Немировича-Данченко, К. М. Оберучева, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. И. Х. Озерова (чл. Гос. Совѣта), Н. М. Осиповича, Л. Ф. Пантелѣева, проф. Л. І. Петражицкаго, проф. А. Л. Погодина, Г. Я. Полонскаго, проф. А. С. Посникова, А. А. Пресса, М. Б. Ратнера (Вѣна), Н. Н. Рахманова, проф. П. М. Рейхесберга (Бернъ), Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубакина, П. С. Русанова, А. С. Рѣдько, Я. Л. Сакера, Д. В. Сатурина (Лондонъ), М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, М. Н. Соболева, Н. Д. Соколова, Р. М. Стрѣльцова (Берлинъ), М. Г. Сыркина, В. Г. Тана (Богоразъ), проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. Ѳ. Тотоміанца, кн. Е. Н. Трубецкаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, кн. Г. М. Туманова, А. В. Тырковой, М. Л. Усова, Г. А. Фальборка, Д. В. Философова, проф. М. И. Фридмана, М. Л. Хейсина, П. Череванина, П. В. Чехова, проф. М. П. Чубинскаго, проф. Л. А. Чугаева, Г. И. Чулкова, проф. А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса (Парижъ), М. И. Шефтеля, П. Ю. Шмидта, И. И. Шрейдера (Римъ), Л. Я. Штернберга, П. О. Эфрус и, П. С. Юшкевича и сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ: «Les Documents du Progès» (Парижъ, «Progress» (Лондонъ), «Documente des Fortschrits» (Берлинъ).

Въ программу «Запросовъ Жизни» входятъ: 1) Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, литературной и научной жизни Россіи и Запада, 2) Обзоръ событій послѣдней недѣли, 3) Корреспонденція, 4) Соціально-экономическое обозрѣніе, 5) Литературное обозрѣніе, 6) Научное и техническое обозрѣніе, 7) Русская и иностранная библіографія, 8) Журналъ журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, 9) Театръ, 10) Искусство, 11) Фельетонъ.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна съ пересылкой и дост.: на 1 г.—5 рубл., на полг.—2 р. 75 к., на 4 м.—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—50 коп. отд. нумеръ 15 к. За границу: на 1 г.—7 р., на полг.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к., на мѣсяцъ—60 к. Льготная подписка: для священниковъ, учителей, учащихся, крестьянъ и рабочихъ при подпискѣ на годъ: 4 р. въ годъ и разсрочка платежа на 3 срока: 1 р. 50 к. при подпискѣ. 1 р. 50 к.—через 3 мѣс. и 1 р.—через 8 мѣс. Подписка принимается: въ главной конторѣ «Запросовъ Жизни»—С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

Открыта подписка на 1913 г. на самую дешевую прогрессивную внѣпартійную газету

Гомельская Копѣйка

Вступая въ третій годъ изданія, «Гомельская Копѣйка» искренно вѣруя во власть прогресса, и торжество мысли и въ силу свѣта, будетъ по прежнему стремиться проникать повсюду подобно солнечному лучу, и безпристрастно всесторонне освѣщать темные углы и закоулки нашей жизни...

Подписная цѣна съ доставкою на годъ—3 р., на полгода—1 р. 50 к., на 3 м. 75 коп. на 1 мѣсяцъ 25 коп. Цѣна отдѣльнаго номера одна копѣйка. Редакція: Гомель, Замковая, соб. д. Телефонъ № 235. Редакторъ-Издатель А. С. Миляевъ.

Открыта подписка на 1913 годъ на прогрессивн., общественно-политическую и литературную газету

Оренбургскій Край

Годъ изданія VI-й). Г. Оренбургъ, Неплюевская ул., Городисскаго.

Газета ставитъ своею ближайшею задачею служеніе принципамъ конституціоннаго строя на широкихъ демократическихъ началахъ и разработку вопросовъ какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ только съ этой точки зрѣнія.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна: годъ—6 р., 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., три мѣсяца—2 р., 1 мѣсяцъ—70 к.

Редакторъ И. Н. Туркестановъ. Издатель Е. М. Городисскій.

Открыта подписка на 1913 годъ (на XVI годъ изданія.)

„Извѣстія по Литературѣ"

НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ.

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

Необходимый журналъ для интеллигентныхъ читателей, издаваемый т-вомъ М. О. Вольфъ.

Каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ:

1. Иллюстр. статьи по вопросамъ литературы, науки и библіографіи. 2. Литературныя воспоминанія и біографіи, съ портретами, автографами и пр. 3. Критическіе очерки о новыхъ книгахъ и новыхъ течен. въ литерат. въ Россіи и за границею. 4. Историко-литературныя изслѣдованія. 5. Статьи по техникѣ чтенія. 6. Обзоръ текущей литературы русской и иностранной. 7. Иллюстраціи: снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, библіотечные знаки, карикатуры и пр. и пр. 8. Хроника литературнаго міра въ Россіи. 9. Русскія книжныя новости. 10. Вѣсти изъ Франціи, Германіи, Англіи и др. странъ. 11. Рецензія (свѣдѣнія о переводахъ по иностран. яз.). 12. Новости по библіот. дѣлу и библіогр. 13. Отзывы и рецензіи о новыхъ книгахъ. 14. Справки, касающіяся книгъ. 15. Ежемѣсячные каталоги новыхъ книгъ русскихъ, франц., нѣм., англ. 16. Библіографическія извѣстія.

Приложенія: Систематическіе каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и спеціальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

Годовая подп. цѣна «Извѣстій по Литературѣ» и «Вѣстника Литературы» съ дост. и перес. 1 р. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (—4 франка).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гост. Дв., 18 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курындиной (противъ университета).

5-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1913-й годъ на ежемѣсячный журналъ по мукомольному и крупяному производствамъ зерновѣдѣнію хлѣбной торговлѣ

РУССКІЙ МЕЛЬНИКЪ.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Рыночная, 10. Телеф. 196-34. Задачи «Русскаго Мельника»—строго научное и всестороннее практическое обслѣдованіе указанныхъ производствъ въ техническомъ и экономическомъ отношеніи, а также обслѣдованіе внутренней и внѣшней хлѣбной торговли.

Разработка указанныхъ вопросовъ ведется крупнѣйшими научными силами при участіи выдающихся практиковъ и теоретиковъ по всѣмъ спеціальностямъ техники.

Каждый отдѣлъ журнала разрабатывается подъ руководствомъ спеціалистовъ, членовъ редакціоннаго комитета.

Ни одинъ вопросъ подписчиковъ не остается безъ отвѣта. За 4 года изданія дано до 3000 совѣтовъ съ указаніями литературы и часто съ пояснительными къ письму чертежами.

«Русскій Мельникъ» имѣетъ богатый отдѣлъ обзора иностранныхъ и русскихъ журналовъ, а также большое количество заграничныхъ извѣстій.

Въ № 1-мъ за 1913 г. будетъ объявленъ только для годовыхъ подписчиковъ конкурсъ на ржаной помолъ съ четырьмя денежными преміями: 150, 100, 75 и 50 руб. за лучшіе проекты ржаной мельницы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: въ Россіи на 1 г. съ перес. и доставк.—5 руб., за гран. на 1 г.—10 р.; въ Россіи на полг. съ перес. и достав.—3 руб. за гран. на полг.—6 руб.

Контора «Русск. Мельн.» высылаетъ новую книгу «МУКОМОЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО» инж. Н. А. Козьмина. Объемистая книга въ 610 стр. и съ 535 рис. цѣна 8 руб. Выписывающіе изъ конторы журнала за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913-й ЮБИЛЕЙНЫЙ X-й г. изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Редакторъ П. Н. Штейнбергъ.
Издатель П. П. Сойкинъ.

Еженедѣльный журналъ практическаго садоводства и огородничества.

52 №№ ЖУРНАЛА съ многочисленными иллюстраціями. Въ числѣ №№ журн. будетъ дано:

6 специальныхъ нумеровъ журнала, въ изящныхъ обложкахъ **ВСЕ НОВОЕ**

1) Новое въ плодоводствѣ. 2) Новое въ огородничествѣ. 3) Новое объ ягодныхъ кустарникахъ и земляникѣ. 4) Новые способы выращиванія картофеля. 5) Новое о розахъ. 6) Новыя комнатныя растенія.

6 специальныхъ нумеровъ, гдѣ будетъ собрано все **ВСЕ ЛУЧШЕЕ** цѣнное, что помѣщается въ русскихъ и иностран. журналахъ по садоводству

6 специальныхъ нумеровъ **ИЗЪ ПРАКТИКИ ДЛЯ ПРАКТИКИ**
Новая богато иллюстрированная «Обиходная рецептура садовода».

12 книгъ **САДОВАЯ БИБЛІОТЕКА** съ рисунками и чертежами.

1) Какъ живутъ и питаются растенія. 2) Важнѣйшія способы обработки почвы сада и огорода 3) Какъ научиться прививать. 4) Лучшія вьющіяся растенія для сада и комнатъ. 5) Какъ вырастить крупные арбузы, дыни, тыквы и огурцы. 6) Устройство небольшого декоративнаго сада и цвѣтника. Мотивы изящн. садоводства. 7) Изящныя и полезныя работы изъ натуральныхъ сучьевъ. 8) Рѣдкія огородн. раст. и ихъ культура. 9) Особыя способы культуры ягодн. кустарниковъ, дающіе лучшіе результаты. 10) Какъ выращиваются образцовые (выставочн.) плоды, овощи и ягоды. 11) Культура рѣдкихъ и нѣжныхъ растеній въ комнатахъ. 12) Устройство доходнаго вишневаго сада.

4 полныхъ иллюстрированныхъ руководства:

1) **Золотыя культуры.** Практ. руководство къ культурѣ растеній, изъ которыхъ можно извлечь наибольшій доходъ. Сост. *І. Беттнеръ.* Перев. подъ ред. и съ знач. дополн. *П. Штейнберга.*

2) **Выращиваніе растеній изъ сѣмянъ.** Сост. *Э. Бенари.* Подъ ред. и съ дополн. *Н. Кичунова.*

3) **Дешевыя постройки.** 100 проектовъ, дачн. и усадебн. домовъ, бесѣдокъ, оградъ, палисадниковъ, купаленъ, теплицъ и оранжерей. Съ подр. указаніями, справ. таблицами и смѣтами. *Т. Соколова.*

4) **Какъ это самому сдѣлать.** Изготовл. домашними средствами необходимыхъ инструментовъ и орудій: 1) Опрыскиватель. 2) Вѣтряный двигатель съ приспособленіемъ для подъема воды. 3) Огородная борона и мн. др. Техника *С. Михайлова.*

КРОМѢ ТОГО, для ознаменованія 10-лѣтняго юбилея журнала будетъ данъ:

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА
въ 2-хъ томахъ, съ особымъ приложеніемъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПУТНИКЪ САДОВОДА

Въ «*Спутникѣ садовода*» каждый любитель и промышленникъ найдетъ ясный и точный отвѣтъ, по возможности, на всѣ могущіе встрѣтиться въ садовой практикѣ вопросы *по всѣмъ отраслямъ плодоводства, огородничества, грунтоваго и комнатнаго цвѣтоводства.* Составилъ П. Н. Штейнбергъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями съ доставкой и перес. по всей Россіи **4 руб.**
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р. и къ 1 мая остальные 2 р.

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

Издательство „Союзъ".
НОВАЯ КНИГА
Александра Рославлева
ЦѢВНИЦА
СТИХИ
1905 — 1911.
Цѣна 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, складъ издательства М. В. Аверьянова, Фонтанка, 38.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г.
на татарскій юмористическій журналъ

ЯЛТЪ-ЮЛТЪ.

Подписная цѣна:
на 1 годъ 3 р., | на полгода 1 р. 50 к.,
на 3 мѣсяца 1 р.

Адресъ: КАЗАНЬ, Редакція журнала «Ялът-Юлтъ».

Годъ изд. XXXI.

„Карсъ".

Газета «Карсъ» имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

Подписка принимается въ гор. Карсѣ, въ редакціи газеты «Карсъ». Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою въ годъ 3 рубля, за четыре мѣсяца — 1 рубль.

Редакторъ Статскій Совѣтникъ В. А. Богословскій.

Газета Казанская Копейка

ежедневная общественно литературная и политическая газета.
Открыта подписка на 1913 годъ. Условія подписки: Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой на 1 годъ 3 р., на 6 м. 1 р. 60 к., на 3 м. 85 к., на 1 м. 30 к., для иногородн. подписчиковъ на годъ 3 р. 50 к., на м. 1 р. 90 к., на 3 м. 1 р., на 1 м. 85 к.

Подписка принимается исключ. съ 1 числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіеся на годъ и внесшія подписную плату полностью впередъ, со дня подписки до 1-го января 1913 г. будутъ получать газету безплатно.

Такса объявленій: объявленія печатаются: впереди текста за 1-й разъ 60 к. за строку петита, за послѣдующіе по 30 коп.; позади текста въ 1 разъ 30 коп., послѣдующіе по 15 коп.

Редакція и Контора: Казань, Лѣвая сторона Булака, д. Перовой.

Открыта подписка на 1913 годъ (5-й годъ изданія). Ежемѣсячный журналъ

ЯРАНСКОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО.

Программа журнала: 1) Дѣйствія и распоряженія Правительства. 2) Бесѣды съ простыми пчелякам. 3) Сообщенія пчеловодовъ. 4) Изъ дѣятельности земствъ, пчеловодныхъ и сельско-хозяйственныхъ Обществъ. 5) Жизнь пчелъ. 6) Изъ книгъ и журналовъ. 7) Библіографія. 8) Кустарный отдѣлъ. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Смѣсь. 11) Вопросы и отвѣты. 12) Объявленія.

Подписная плата: Съ пересылкою и доставкою за 1 годъ 1 руб. за полг. 65 коп., за 3 мѣсяца 40 коп.

Редакторъ Н. Селивановъ.

Адресъ Редакціи: гор. Яранскъ, Вятской г.

Продолжается подписка на газету

„Судоходецъ".

органъ волжскихъ судоходныхъ служащихъ и судорабочихъ.

Въ 1913 году «Судоходецъ» вступаетъ въ восьмой годъ существованія. Газета издается по прежней программѣ и при старомъ составѣ сотрудниковъ.

Годовая подписная плата для судоходныхъ служащихъ 4 руб., полугодовая 2 руб., для остальныхъ подписчиковъ годовая плата 5 руб., полугодовая 3 руб. Иллюстраціи 2 раза въ годъ.

Адресъ главной конторы:
Н.-Новгородъ, Готмановская ул., д. Чеснокова № 8.
Редакторъ-Издатель Ф. П. Хитровскій.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ

выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ.

ПРОГРАММА:

1. Статьи руководящаго характера по всѣмъ вопросамъ кооперацін. 2. Статистическія, историческія, біографическія, библіографическія и другія монографіи, изслѣдованія, обзоры, статьи и замѣтки, касающіяся кооперативнаго движенія и его работниковъ. 3. Правительственныя распоряженія и законодательство по кооперацін. 4. Земская и городская дѣятельность въ кооперативной области. 5. Частныя и общественныя начинанія въ кооперативномъ дѣлѣ. 6. Хроника экономической и кооперативной жизни, правительственной, общественной и частной дѣятельности въ кооперацін и соприкасающихся съ ней областяхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: подписная цѣна съ пересылкой 5 руб. въ годъ, на полг. 3 руб., отдѣльные номера по 25 коп.

Адресъ редакціи журнала: Москва, Мясницкая, 15. Московскій Народный Банкъ.

Народная Копейка.

Открыта подписка на 1913 г. (годъ изданія второй). По формату превосходитъ всѣ существующія въ Россіи дешевыя газеты. По цѣнѣ самая доступная изъ всѣхъ русскихъ газетъ.

«Народная копѣйка»—газета прогрессивная, безпартійная. «Народная копѣйка» издается по совершенно новому въ Россіи типу. «Народная копѣйка» отражаетъ въ своихъ столбцахъ рѣшительно все, заслуживающее вниманія «Народная копѣйка» опережаетъ свѣдѣніями другія газеты

Сенсаціонные романы Иллюстраціи и каррикатуры въ текстѣ. Подписная цѣна съ доставкой: на 1 г.—3 р 60 к., на 6 м.—1 р. 80 к., на 3 м. —90 к., на 1 м.—30 коп.

Лица, которыя заблаговременно подпишутся на срокъ съ 1 января до 1 іюля, будутъ получать «Народную Копѣйку» до Новаго Года безплатно. Редакція и контора помѣщаются въ Кіевѣ, Фундуклеевская ул. 26.

(3-й годъ изданія).

Открыта подписка на 1913 г., еженедѣльная иллюстрированная

ГАЗЕТКА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

въ каждомъ номерѣ интересны матеріалъ для всѣхъ возрастовъ.

52 №№ газетки «Газетка по прежнему будетъ содержать: обзоръ важнѣйшихъ событій русской и загр. жизни; научно-популярныя статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, о природѣ и жизни: описанія выдающихся открытій и изобрѣтеній; интересн. разсказы, повѣсти, романы, путешествія; «Спортъ»—со всѣми видами спорта въ Россіи и за гран., «Наука и Забава»—съ устройств. разл. приборовъ домашними средствами; «Въ часы досуга»—сод.: шарады, загадки и т. п.; «Переписка подписчиковъ» и «Почтовый ящикъ» — письма подписчиковъ другъ другу и отвѣты редакціи. 3 безплатныхъ преміи: 1) Аквaріумъ и Терраріумъ, устройст. домашн. средств. 2) Злая колдунья, пьеса для дѣтскаго театра изв. писат. Салова. 3) Книга разсказовъ. 52 приложенія ко всѣмъ №№ «Газетки» содержащихъ болѣе: 20 интересныхъ игръ простыхъ и въ краскахъ; 15 рисунковъ для выпиливанія; 30 интересныхъ работъ и занятій; 20 рисунковъ для вышиванія простыхъ и въ краскахъ; 40 разн. женскихъ рукодѣлій и выкроекъ; 20 интересныхъ рисунковъ для вырѣзыванія и склеиванія, простыхъ и въ краскахъ; 10 нотъ для дѣтскихъ пѣсенъ съ аккомпаниментомъ; 52 приложенія для малышей съ разными рисунками, занятіями, разсказами, стишками и картинками. Всѣ подписчики при 52 № «Газетки» получатъ безплатно интересный въ краскахъ Дѣтскій календарь.

Подписная цѣна 3 р. 50 к. въ годъ со всѣми приложеніями, преміями, пересылкой и доставкой.

Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 руб., 1-го марта 1913 г. 1 р. 50 к. Деньги и требованія адресовать: въ контору редакціи: Москва, Донская ул. соб., д., № 42.

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября. Подробный проспектъ съ рисунками высылается безплатно.

Открыта подписка на 1913 годъ. Седьмой годъ изданія.

НАША ОХОТА

Двухнедѣльный журналъ, посвященный охотѣ ружейной, псовой и рыболовству. Въ журналѣ принимаютъ участіе лучшія силы современной охотничьей литературы.

24 книги въ годъ и приложеніе—книга С. А. Бутурлина «Стрѣльба пулей» т. II—5 руб. 24 книги въ годъ и два приложенія: «Стрѣльба пулей» и «Второй Охотничій Сборникъ», роскошно иллюстрированный —6 р. 50 к.

Требуйте подробныя объявленія.

Редакція: С.-Петербургъ, Б. Посадская, 18, кв. 4,

Редакторъ Н. Н. Фокинъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. (ГХХII-й годъ изданія). на 1913 г.

Сельское хозяйство и Лѣсоводство

на 1913 годъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачею—служить проводникомъ агрономическихъ знаній и быть органомъ дѣятелей въ области сельскаго хозяйства, какъ научной, такъ и практической. Съ этою цѣлью на страницахъ «Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства» будутъ помѣщаться:

1. Оригинальныя статьи техническаго и экономическаго характера по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 2. Обзоры русской и иностранной литературы по сельскому хозяйству.

«Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» выходитъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 15 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: Въ Россіи на годъ 6 руб., на полгода 3 р. Въ государствахъ почтоваго союза на годъ 8 руб. на полгода 4 р. Отдѣльный нумеръ 1 р.

Полные комплекты журнала за 1901—1905 гг. продаются по 7 р. за 1906 г.—по 3 р., за 1909 г. (съ двумя книжками за 1908 г. и приложеніемъ: В. Гарвудъ—«Созданіе новыхъ растительныхъ формъ. Очеркъ жизни и дѣятельности Л. Бербенка»), за 1910 годъ съ приложеніемъ: Г. Де-Фризъ—«Племенное растеніеводство (сортоводство)». С. Давенпортъ—Основы племеннаго разведенія- —по 6 руб. за годовой экземпляръ съ пересылкою, за 1911 годъ съ приложеніемъ: В. А. Генри—«Корма и кормленіе» и за 1912 г. съ прил. С. Давенпортъ «Основы племеннаго разведенія».

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство»—С.-Петербургъ, Вас. Остр., 10 л., д. 23, кв. 31.

Редакторъ П. М. Дубровскій.

Принимается подписка на 1913 г. (шестой годъ изданія) на выходящую во Владикавказѣ общественно-политическую, литературную и экономическую газету

Кавказское Слово

(Преобразована изъ «Кавказскаго Листка»).

Безпартійно-прогрессивный и интернаціональный органъ кавказской прессы, главная цѣль котораго—служить идеямъ культурнаго развитія края.

Условія подписки съ доставкою и пересылкою: на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3. р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 80 к.

Всѣ подписчики получатъ прибавленіе—«Иллюстрированное Кавказское Слово», Отдѣльно «Иллюстрированное Кавказское Слово»—1 р. 50 к. въ годъ Плата за границу 9 р. въ годъ, съ иллюстрированнымъ прибавленіемъ 12 р. Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до уплаты всей подписной суммы. Для всѣхъ учащихся и учащихъ въ начальныхъ училищахъ, для школъ всѣхъ вѣдомствъ, волостныхъ и сельскихъ правленій, Г.г. писарей и фельдшеровъ, для всѣхъ труженниковъ дѣлается уступка въ 1 руб. съ годовой платы. Подписчики, доставившіе подписку на 4 экземпляровъ изданія, 6-й получаютъ безплатно.

Подписка и объявленія принимаются, кромѣ Конторы газеты—книжными магазинами, агентами Издательства и конторами объявленій. Подписываться можно также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи (безъ уплаты денегъ за пересылку). Подписка съ разсрочкой и уступкой только въ Конторѣ Издательства. Редакторъ-Издатель Н. П. Волковъ Адресъ Главной Конторы: гор. Владикавказъ, «Кавказское Слово»

Открыта подписка на большую ежедневную политическую, общественную, литературную и коммерческую газету

„Бердянскія Новости“.

«Бердянскія новости» будутъ попрежнему издаваться подъ редакціей А. М. Левіуса при томъ-же составѣ сотрудниковъ, объединенныхъ прогрессивными и культурными задачами русской общественной мысли.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкою: На 12 м.—7 р. На 6 м.—4 р. На 3 м.—2 р. 25 к. На 1 м.—1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: 1-го января 3 руб., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го іюля 2 р.

Подписчики, внесшіе подписную плату за годъ впередъ, будутъ получать газету со дня подписки до новаго года безплатно. Земскіе и городскіе служащіе, учителя народныхъ школъ и средне-учебныхъ заведеній, а также священники пользуются 10% скидкой съ подписной платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Бердянскихъ Новостей» (Бердянскъ, Зеленая, д. Пампулова).

Редакторъ-Издатель А. М. Левіусъ.

СПИСОКЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ

въ которыхъ имѣются образцы приложенія Джека Лондона къ журналу „Новая Жизнь" на 1913 годъ.

въ петербургѣ: въ главн. конторѣ журнала, *Владимірскій, 19,* 1) въ книжн. маг. *М. О. Вольфъ* Невскій, 13; 2) Гостиный дворъ, 18; *Н. П. Карбасникова,* Гостиный дворъ, 19, *„Новое Время"*, Невскій, 40; *М. А. Ясный,* (Бывшій Попова), Невскій, 66; *В. П. Анисимова,* Пет. Стор., Бол. Проспектъ, 90, *„Учебное Дѣло"*, Пет. Стор., Бол. Просп., 6; *М. М. Стасюлевича,* Вас. Остр., 5 лин., 28; *„Обученіе"*, Вас. Остр., Средній пр. 9.

въ москвѣ: въ конторѣ *Н. Н. Печковской,* въ кн. маг. *„Наука"*. (Б. Никитская, 10), *„Новое Время"*, *„Трудъ"*, (С. Скирмунта).

въ Александровскѣ,
Уѣзднаго земства.
Энгеля.
въ Алупкѣ,
Дѣвичинскаго.
въ Архангельскѣ,
О. И. Булычевой.
въ Баку,
Р. Сегаль и С-я.
въ Благовѣщенскѣ,
В. Бутрянова.
въ Боровичахъ, Новг.
Уѣздн. земства.
въ Бѣлгородѣ, Курск.
Чернякова.
въ Валуйкѣ, Ворон.
Уѣзднаго земства.
въ Варшавѣ,
Н. П. Карбасникова.
въ Вильнѣ,
Л. М. Гиршовскаго.
М. Г. Стракуна.
А. Л. Сыркина.
въ Витебскѣ,
Ш. А. Фридмана.
во Владивостокѣ,
М. И. Янковскаго.
во Владикавказѣ,
А. Я. Шишкова.
во Владимірѣ губ.
Губернск. земства.
А. А. Бѣляпкина.
въ Вологдѣ,
Губерн. земства.
Тарутиной.
въ Воронежѣ,
М. П. Агафонова.
Т-во Богдановъ и Молчановъ.
въ Вяткѣ,
Губерн. земства.
А. Хлѣбникова.
въ Гомелѣ,
Сыркиной.
въ Гроднѣ,
„Культура".

въ Гроднѣ,
Заморской.
въ Екатеринбургѣ,
М. Д. Блохиной.
В. В. Буйницкаго.
въ Екатеринославѣ,
В. Е. Алексѣева.
Г. Х. Браиловскаго.
въ Житомірѣ,
И. І. Каролькевича.
Рыфертъ и Зынкевича.
въ Иркутскѣ,
И. Д. Камова.
Макушина и Посохина.
„Культура".
въ Казани,
Бр. Башмаковыхъ.
въ Керчи,
Ш. М. Лесмана.
въ Кіевѣ,
Идзиковскихъ.
Я. П. Лапицкаго.
Н. Я. Оглоблина.
въ Красноярскѣ,
М. С. Штеблеръ.
М. М. Григорьевской.
О-во попеч. о нач. образ.
въ Курганѣ,
А. И. Кочешева.
въ Курскѣ,
А. В. Переплетенко.
въ Луганскѣ,
Р. Н. Годенко.
въ Минусинскѣ,
М. С. Штеблеръ.
А. Ф. Метелкина.
О-во попеч. о нач. образ.
въ Нарвѣ,
А. Г. Григорьева.
въ Нижнемъ-Новгородѣ,
Л. З. Геца.
„Книжный музей".
М. А. Рукавишникова.
въ Николаевскѣ,
П. П. Кузнецова.

въ Николаевскѣ,
„Кужу и Альберсъ".
въ Одессѣ,
„Новое Время".
„Образованіе".
„Одесскія Новости".
„Трудъ".
въ Омскѣ,
А. С. Александрова.
Н. И. Иванова.
въ Перми,
Губерн. земства.
О. П. Петровской.
въ Петрозаводскѣ,
М. А. Мазилова.
въ Полтавѣ,
Ш. А. Когана.
Г. И. Маркевича.
въ Псковѣ,
Губерн. Земства.
Б. М. Гобовича.
въ Пятигорскѣ,
„Трудъ" Янчевской.
въ Ригѣ,
Ф. Трескиной.
въ Ростовѣ на-Д.
„Новое Время".
П. Ф. Климова.
въ Рязани,
В. А. Серебрякова.
въ Самарѣ,
Губерн. земства.
Т-во Сапункова и Богданова.
въ Сарапулѣ,
Уѣздн. Земства.
въ Саратовѣ,
Губерн. Земства.
И. Я. Григорьева.
„Новое Время".
„Основа".
М. А. Перельмана.
въ Севастополѣ,
Г. С. Ворошилова.
Н. А. Вязнова.

въ Семипалатинскѣ,
С. А. Косарева.
въ Симферополѣ,
С. Синани.
въ Смоленскѣ,
А. І. Добкина.
„Сотрудникъ Школъ".
(М. С. Калинина).
въ Скобелевѣ, Ферг.
В. Г. Мишина,
въ Ставрополѣ, Кавказ.
Е. С. Пеньковской.
въ Тамбовѣ,
Губерн. Земства.
въ Ташкентѣ,
М. Ф. Собберей.
„Культура".
въ Тифлисѣ,
И. Г. Галустянцъ.
С. П. Теръ-Исраильянцъ.

въ Тифлисѣ,
А. Б. Хидденель.
въ Тобольскѣ,
А. С. Суханова.
въ Томскѣ,
П. И. Макушина.
въ Тулѣ,
Губерн. Земства.
И. Л. Бѣлова.
въ Тюмени,
Ю. Ф. Левитовой.
О. Ф. Невской.
въ Уральскѣ,
Войсков. Хоз. Правл.
П. Д. Чумакова.
въ Уфѣ,
Губерн. Земства.
Н. К. Блохина.
въ Хабаровскѣ,
Бр. Пьянковыхъ.

въ Харбинѣ,
П. В. Ровенскаго.
въ Харьковѣ,
А. Дредеръ.
„Новое Время".
въ Челябинскѣ,
О-во попеч. о нач. обр.
въ Черниговѣ,
Губерн. Земства.
въ Читѣ,
В. П. Ефимова.
въ Ялтѣ,
И. А. Синани.
Ю. В. Волковой.
въ Ярославлѣ,
Губерн. Земства.
въ Өеодосіи.
Р. А. Берлина.

Тип. „Ш Буссель," Лиговская, 117.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. **Декабрь.**

№ 12.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи, болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Отъ конторы.

За перемѣну адреса—50 к. для иногороднихъ,—для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно «Нов. Журн. для Всѣхъ» и «Новую Жизнь» платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщить прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ «Новая Жизнь». послѣ текста—страница—80 р., 1/2 стр.—45 р., 1/4 стр. 25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран.—100 р., 1/2 стран.—60 р., 1/4 стран. 35 р., строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к., 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 р., 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора «Новой Жизни» убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1913-й годъ

4 р. 90 к. въ годъ безъ прилож.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

7 р. 20 к. въ годъ съ прилож.

Спб., Владимирскій 19. Тел. 107-88.

Большой безпартійный журналъ литературы, науки, искусства и обществен. жизни, самый дешевый изъ толстыхъ журналовъ,—включающій всѣ отдѣлы толстыхъ журналовъ и по своей цѣнѣ доступный самому широкому кругу читателей. „НОВАЯ ЖИЗНЬ" выходитъ ежемѣсячно книжками больш. форм. (до 300 стр.) включая широко поставлен. отдѣлы: 1) беллетристическій, 2) научно-популярн., 3) критическ., 4) обществ.-политич., 5) художествен.—статьи по искусству.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, И. Бунинъ. А. Блокъ, К. Бальмонтъ, А. Боане, В. Брюсовъ, В. Вересаевъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, А. С. Гринъ, О. Дымовъ, Бор. Зайцевь, А. Купринъ, А. Каменскій, Вл. Кохановскій, С. Кондурушкинъ, Б. Лазаревскій, В. Ленскій, Д. Мережковскій, О. Миртовъ, В. Муйжель, Н. Олигеръ, А. Ремизовъ, А. Рославлевъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Свирскій, Ѳедоръ Сологубъ, гр. Ал. Н. Толстой, Н. Тимковскій, А. Ѳедоровъ, Танъ, Н. Фалѣевъ, Е. Чириковъ, Георгій Чулковъ, Дм. Цензоръ, С. Юшкевичъ, Г. Яблочковъ и др., **КРИТИКА, НАУКА, ПУБЛИЦИСТИКА:** проф. Е. Аничковъ, Н. Абрамовичъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ, П. Берлинъ, Ѳ. Батюшковъ, А. Бенуа, С. Венгеровъ, Л. Василевскій, А. Вережниковъ, И. Гинзбургъ, Л. Герасимовъ, А. Дживилеговъ, проф. Ѳ. Зелинскій, А. Измайловъ, академикъ Н. Котляревскій, проф. Н. Карѣевъ, Л. Камышниковъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, М. Лемке, Н. Морозовъ, академикъ Д. Овсянико-Куликовскій, Н. Рерихъ, М. Рейснеръ, Н. Рубакинъ, проф. В. Святловскій, проф. Сперанскій, Е. Тарле, Як. Тугендхольдъ, проф М. Туганъ-Барановскій, проф. И. Озеровъ, В. Фриче, П. Юшкевичъ, М. Энгельгардъ и др.

Годовые подписчики получатъ безплатное приложеніе

Полное собран. сочиненій **12 КНИГЪ ДЖЭКА ЛОНДОНА**

которыя будутъ заключать не менѣе 3840 стр. средняго формата, съ біографіей и портрет. автора, въ единствен. разрѣшен. авторомъ перев. **I. А Маевскаго**; приложен. къ „Нов. Жизни" будетъ соотвѣтствовать типу издан. **I. А. Маевскаго**, которое въ отдѣльной продажѣ стоитъ 16 руб. Въ составъ прилож. войдутъ: Т. I. Морской Волкъ, ром. съ біогр. и портр. Т. II. Приключеніе, ром. Т. III. Сынъ Волка, разсказы. Т. IV. Дѣти снѣговъ, разсказы. Т. V. Сынъ Свѣта романъ. Т. VI. Мартинъ Иденъ, ром. Т. VII. Клондайкскіе разсказы. Т. VIII. Лунный ликъ. разск. Т. IX. Бѣлый клыкъ, разск. Т. X. Голосъ крови. Т. XI. Жители бездны. Т. XII. Дочь снѣговъ, ром.

Романъ «Морской Волкъ» будетъ разосланъ въ январѣ.

Подписная цѣна на 1913 г.: на годъ безъ прилож. **4** р. **90** к., на 1/2 г.—**2** р. **70** к. (Разсрочка: **3** р.—при подп., **1** р. **90** к.—къ 1 іюля). Съ прил. 12 кн. **Дж. Лондона:** на годъ—**7** р. **20** к., на 1/2 г.—**4** р. (Разсрочка: **3** р.—при подп., **2** р. **20** к.—1 марта и **2** р. 1 іюля). Безъ дост. на **40** к. дешевле.

Подробно о совмѣстной подпискѣ на «Новый Журналъ для Всѣхъ» и «Новую Жизнь» см. подписку на «Нов. Журн. для Всѣхъ» на слѣд. страницѣ.

ПЕРЕКРЕСТОКЪ.

повѣсть въ стихахъ.

(*Окончаніе*).

XI.

Письмо восьмое.

Какъ дни томительны и душны.
Какая въ воздухѣ тоска.
Проклятью знойному послушна,
не дышетъ свѣжестью рѣка.
Творятся пламенныя чары,
и средь томленья тусклыхъ дней
лѣсные дальніе пожары
шлютъ гарь и дымъ своихъ огней.
Поля покорно и устало,
недоброе почуявъ, ждутъ.
И затускняетъ муть опала
луговъ веселый изумрудъ.
Арсеній съ Марою обходятъ
неспѣшно весь примолкшій садъ,
то тихо разговоръ заводятъ,
то съ мыслью общею молчатъ.
«Опять пожаръ, какъ дымны дали...
Устала, дайте руку мнѣ...
Вчера стихи вы написали,
о чемъ»? И въ самой глубинѣ

---

*) См. „Нов. Жизнь“, кн. XI.

зрачковъ мгновенно засвѣтился
Огонь и тотчасъ же погасъ.
Онъ къ ней невольно наклонился.
«Прочтите, ну, прошу я васъ».
— «Да, написалъ я, но не смѣю»...
— «Боитесь, что сожжетъ глаголъ
мнѣ сердце? Ну, пойдемъ въ аллею».
И тамъ, въ аллеѣ, онъ прочелъ:

Золотая тьма.

Небо жуткое полно
золотою дрожью,
словно раскрывается мгновенное окно
надъ поникшей рожью.
Слышу—подошла къ крыльцу...
Воздухъ душенъ, черенъ.
Теплою волной плыветъ съ полей и льнетъ къ лицу
запахъ спѣлыхъ зеренъ.
Нѣтъ уйди, уйди опять,
а не то—свершится,
и всю нашу жизнь съ тобой мы будемъ вспоминать
рожь и дрожь зарницы».

Она потупилась невольно.
Молчала. Пѣла тишина,
какъ звонъ чуть слышный колокольный
иль какъ далекая волна.
И замирая и блѣднѣя,
онъ думалъ: «Мигъ, не уходи!»
а сердце билось все сильнѣе,
и крылья ширились въ груди.
И слезы сладко закипали.
И почему-то вспомнилъ мать...
и вздрогнулъ: «Что вы мнѣ сказали?»
— «Пойдемъ, къ обѣду будутъ ждать».
И встала. Тихо въ отдаленьѣ
пѣснь проплывала по рѣкѣ.
И вновь огонь прикосновенья
ея руки къ его рукѣ.
И снова сердце таетъ сладко,

и снова сладко ноетъ кровь...
О, неразгадная загадка,
о, вѣчно юная любовь!

XII.

Къ обѣду съѣхались всѣ гости.
Дѣвицы, дамы—какъ цвѣтникъ.
Любовь Петровна, съ нею Костя
и мужъ. Полковникъ—злой языкъ
и остроумецъ. Анекдоты
и шутки вѣчно про запасъ.
«Я дичи вамъ привезъ съ охоты:
всѣхъ «утокъ» застрѣлилъ заразъ».
Онъ окруженъ всегда, какъ рамой,
гостей смѣющейся толпой.
«Какая разница межъ дамой
и прокуроромъ?—«Вздоръ какой!»
— «Нѣтъ, отгадайте-ка!» Молчанье.
«Скажите,—трудно отгадать».
— «Она—не вѣчно въ ожиданьѣ,
онъ—долженъ вѣчно осу-ждать».
Смѣхъ. «Остроумно»...—«Презабавно!»..
— «А вотъ еще вопросъ... но чу!
подходитъ Марья Николавна:
она не любитъ,—я молчу».
Цвѣтовъ безчисленны букеты,
фунты безчисленны конфетъ.
И поздравленья, и привѣты,
и пожеланья долгихъ лѣтъ.
Вотъ женской красоты любитель,
хотя и старый, и больной,
идетъ уѣздный предводитель.
«Еще прекраснѣй! Боже мой!
и нѣтъ для сердца обороны»,
склонилъ онъ лысую главу.
«Чтобъ вамъ достать сіи маропы,
гонялъ приказчика въ Москву.
Исправенъ, точенъ, какъ фельдфебель
иль крѣпостной des temps passés.

Я помню, vous avez un faible,
N' est ce pas, pour les marrons glacés?»
Вотъ старый батюшка съ семьею.
Вокругъ перста онъ вертитъ перстъ,
и подъ широкой бородою
блеститъ его наперсный крестъ.
Смущаясь и боясь насмѣшекъ,
поповны три усѣлись въ рядъ,
напоминая сыроѣжекъ.
Сердечкомъ губы—и молчатъ.
Въ шестомъ часу обѣдать сѣли.
Гудѣлъ, какъ улей, длинный столъ.
«Откуда ты досталъ форели?»
— «Борисъ извѣстный хлѣбосолъ».
— «Кухарка ваша изъ бывалыхъ»...
— «Предъ ней ничто всѣ повара»...
Шампанское шипитъ въ бокалахъ.
«За именинницу—ура»!
— «Желаю счастія»...—«Сердечно»...
— «Здоровья»... Шумъ со всѣхъ сторонъ.
Обѣдъ тянулся безконечно
подъ говоръ, смѣхъ, и звякъ, и звонъ.
Но вотъ оконченъ. Шумно встали.
Въ раскрытыхъ окнахъ меркнулъ свѣтъ.
Въ саду ужъ все приготовляли
для фейерверка и ракетъ.
И спугнута сверканьемъ, блескомъ,
къ рѣкѣ бѣжитъ ночная тѣнь.
Огни взлетаютъ съ яркимъ трескомъ,
какъ будто всталъ зловѣщій день.
Надъ прудомъ, въ тишинѣ мгновенной,
свиститъ ракетъ злорадный шипъ.
Огонь разсыпался и, плѣнный,
дрожа, спадаетъ въ чащу липъ.
А на водѣ горятъ извивы
шипящихъ искрометныхъ змѣй,
и неподвижно смотрятъ ивы
на свѣтъ невѣдомыхъ огней.
Шумъ, говоръ, смѣхъ и восклицанья.
«Глядите, эта—лучше всѣхъ!»

И снова трески и сверканья,
дѣвичій визгъ и громкій смѣхъ.
А изъ дверей раскрытыхъ зала
вдругъ дружно грянули смычки—
и зыбко музыка дрожала,
и догорали огоньки.
«Борисъ! Не нужны музыканты».
Полковникъ, шпорами звеня,
кричалъ: «Здѣсь музы есть и канты...
нѣтъ, онъ не слушаетъ меня!»
    И пары мѣрно, плавно плыли.
Цвѣты, движенья, яркій свѣтъ.
А вальсъ разсказываетъ были
и небылицы многихъ лѣтъ.
То плачетъ, то вдругъ взвизгнетъ рѣзко
и отдается на рѣкѣ.
Ему въ отвѣтъ звенятъ подвѣски
старинныхъ люстръ на потолкѣ.
И, потревоженный смычками,
сквозь сонъ вздыхаетъ старый садъ.
И чуть дымится надъ лугами
огней умершихъ гарный чадъ.

XIII.

«Плясать должна ты... нелюбезно...
всѣ просятъ»...—«Но, Борисъ, пойми»...
— «Нѣтъ, возраженья безполезны...
нельзя пренебрегать людьми.
Ты собираешься на сцену—
и вдругъ боишься... Я не зналъ...
Откуда эта перемѣна?
кто эту глупость втолковалъ?»
    Онъ блѣдности ея не видѣлъ
и легкаго дрожанья губъ.
Онъ безотчетно ненавидѣлъ
кого-то и хотѣлъ быть грубъ.
Все было больно, все неясно...
Уйти, зарыться бы въ траву!..
Нельзя. «Пропляшешь?»—«Да».—«Прекрасно.

Сейчасъ я Ату позову».
Арсеній смотритъ и не вѣритъ.
Кто смѣлъ спугнуть тотъ бѣлый сонъ?
Иль это сердце лицемѣритъ?
Иль, обманувъ, обманутъ онъ?
Но эти новыя движенья
волнуютъ, зажигая кровь.
И снова юное томленье
несетъ послѣдняя любовь.
Въ дверяхъ Семеновна стояла
въ турецкой шали и въ чепцѣ.
Усмѣшка злобная блуждала
на восковомъ ея лицѣ.
Вокругъ толпою смотрятъ гости.
И слышенъ шопотъ:—«Какъ чардашъ»...
— «Прекрасно сложена!»—«Нѣтъ: кости
видны»...—«Exquise! Et les attaches!..»
— «Послушайте, Любовь Петровна,
вамъ нравится?»—«Какъ вамъ сказать:
во-первыхъ, надо поголовно
мужчинамъ всѣмъ безплотнымъ стать,
а во-вторыхъ—сейчасъ же видно,
что насмотрѣлась на Дунканъ».
— «Вамъ, Люба, попросту завидно».
— «Когда талантъ такой ей данъ»...
— «Приличія—одна условность»...
— «Ну, это, знаешь, какъ понять.
Я признаюсь, ея готовность
такъ обнажиться и плясать»...
— «Она позируетъ для мужа».
— «Ну, тамъ условія не тѣ».
— «По-моему, такъ даже хуже».
— «Вотъ вздоръ: дорогу наготѣ!»
— «Нѣтъ, женщина всегда одѣта,
будь это бархатъ или флеръ.
Вѣдь, женщина, читалъ я гдѣ-то,
C'est un âbime couvert de fleurs».
— «Что скажешь?»—«Многое имѣю...
но мужъ подходитъ, ни гу-гу!»
Вдругъ Мара стала и, блѣднѣя,

сказала: «Больше не могу».
Ее сейчасъ же окружили.
— «Браво!»..—«Прелестно!»..—«Вотъ талантъ!»
— «C'est comme... дрожанье водной пыли...
и Ата—славный музыкантъ».
— «Борисъ Петровичъ, вы довольны?»
— «Доволенъ—слабо: восхищенъ».
— «А у меня такъ страхъ невольный:
плохой примѣръ для нашихъ женъ.
Вдругъ всѣ, какъ Марья Николавна,
хозяйство бросятъ—да и въ плясъ»!
— «Не бойся: шансы, братъ, не равны:
онъ пьетъ шампанское, мы—квасъ».
— «Шампанское? Да, это вѣрно...
позвольте вамъ еще налить».
— «Довольно, Боря, пьешь безмѣрно,—
сказала Ата,—будетъ пить».
— «Какая строгая сестрица!»
— «Я знаю, это отъ души,
и я могу тобой гордиться,
но... ты меня не вороши.
Сегодня Мары именины,
и я рѣшилъ, что я напьюсь»...
— «Вы не покажете картины?»
— «Я показалъ бы, да боюсь:
жена не хочетъ, чтобъ смотрѣли».
— «Какъ деспотично! Почему?»
— «Я самъ, признаться, не пойму...
быть можетъ, черезъ двѣ недѣли»...
— «Вы тайно покажите намъ,
но пригласите также дамъ».
Арсеній уходить собрался
къ себѣ, но въ желтой угловой
нежданно съ Атой повстрѣчался.
«Постойте!»—манитъ за собой—
«Арсеній Павловичъ, скорѣе!..
сюда присядьте, на диванъ...
Ужасно Борю я жалѣю:
онъ напивается, онъ пьянъ
и будетъ пить. Онъ—какъ въ кошмарѣ..

Картину хочетъ показать
гостямъ. Такъ непріятно Марѣ...
Скажите вы»...—«Что жъ мнѣ сказать»?
— «Скажите...—поглядѣла хмуро—
«У васъ, вѣдь, голова свѣтла...
А, впрочемъ, я большая дура.
Простите». Встала и ушла.
Къ Борису поспѣшилъ Арсеній.
Тотъ ананасъ въ вино бросалъ,
весь блѣдный, подъ глазами тѣни.
«Крюшона хочешь? Вотъ бокалъ.
Ну, а теперь—смотрѣть картину,
отдавши честно дань вину...
я отвернулъ... но отодвину...
не встрѣтить только бы жену»...
— «Борисъ, послушай, ты, вѣдь, пьянъ».
— «Да, выпилъ, но не какъ сапожникъ...
Когда талантъ отъ Бога данъ,
то щедрымъ долженъ быть художникъ.
Такъ Мара часто говоритъ,
а мнѣ слова... ея священны...
никто... никто... не запретитъ,
всѣмъ... покажу я... непремѣнно».
— «Вѣдь, тутъ не всѣ твои друзья.
Что за безумье: сводишь счеты»...
— «Ты—другъ, да вотъ... не вѣрю я
и не прошу... твоей заботы».

И всѣ стояли въ мастерской
передъ картиной. «Свѣтъ какой!»
— «Скрывать такую вещь—напрасно!»
— «А пэизажъ—совсѣмъ Кавказъ».
— «...Вотъ такъ: одинъ закройте глазъ
и въ руку... видите?»—«Прекрасно!»
— «На пару словъ «pour un moment»,
сказалъ уѣздный предводитель,—
«Вы невозможный оскорбитель,
Mon chèr, si vous etiez amant...
C'est difficile de vous comprendre...
et, comme mari,—il faut vous pendre».

XIV.

Борисъ походкою неровной
идетъ съ террасы въ свѣжій садъ.
Идетъ вдвоемъ съ Любовь Петровной.
И по песку шаги хрустятъ.
«Уйдемъ, я тѣшилъ ихъ довольно,
пусть забавляются одни.
Я выпилъ, сердцу очень больно...
съ ума схожу я эти дни».
— «Ахъ, Боря, ты меня тревожишь:
блѣднѣй платка, и взглядъ какой!»
Шепнулъ онъ: «Ты понять не можешь»—
и обнялъ сильною рукой.
«Хочу, чтобъ ты меня любила
сильнѣй, сильнѣй, еще сильнѣй...
Мнѣ все противно, все не мило...
Ну, приласкай, ну, пожалѣй»...
И подъ вѣтвями тихо стало.
Какъ дологъ-дологъ поцѣлуй.
Она рванулась, быстро встала.
«О, успокойся... не волнуй!»
Во тьмѣ его искала взора.
«Мой милый, милый, мнѣ пора...
Но ты ко мнѣ пріѣдешь скоро?»
— «Да, скоро... завтра же съ утра».
— «Я буду ждать... мы будемъ вмѣстѣ.
И ты докончишь мой портретъ.
Мужъ уѣзжаетъ верстъ за двѣсти
на стройку. Получилъ отвѣтъ».
Разъѣздъ гостей. Уже алѣли
стволы атласные березъ,
и пѣтухи разсвѣтно пѣли.
Заржала лошадь. Стукъ колесъ
и смрадный дыхъ автомобилей.
Прощались. Вышли на крыльцо.
— «Ну, до свиданья!»—«Сколько пыли!»
— «Вы спите? Сонное лицо!..»
Иные гости ночевали.

Шли въ мезонинъ. «Какой туманъ!»
Имъ всѣмъ постели постилали.
«Удобно ль вамъ?»—«Мнѣ—на диванъ».
Не долго спали—душно было.
— «Совсѣмъ не сплю, когда жара».
— «Ахъ, я почтовый пропустила!»
— «Останьтесь».—«Нѣтъ давно пора».
— «Глафира, намъ не опоздать бы!
тревожно батюшка твердилъ.—
«Вѣдь, у меня четыре свадьбы.
И то я время пропустилъ».
И къ вечеру гостей не стало.
Уѣхалъ съ ними и Борисъ.
Затихло въ домѣ. «Я устала.
Пойдемте въ садъ... какъ дымъ повисъ».
И долго въ тишинѣ аллеи
чуть слышны были голоса,
пока разсвѣтная, алѣя,
не протянулась полоса.

XV.

Въ тотъ день съ утра ходили тучи,
ворчалъ далекій, сонный громъ,
и вѣтеръ краткій и летучій
крылъ ивы зыбкимъ серебромъ.
«Плясать не будешь ты?»—тревожно
и заглянувъ въ глаза сестрѣ,
спросила Ата. «Невозможно.
Я не могу въ такой жарѣ...
Арсеній Павловичъ, мы въ поле
пойдемъ. Тамъ дуетъ вѣтерокъ,
и легче дышится на волѣ,
и лѣсъ оттуда недалекъ».
Ушли. Слѣдила Ата взглядомъ.
Вотъ за лужайкою, вдали,
проходятъ очень тихо, рядомъ.
Вотъ черезъ мостикъ перешли
и скрылись. Ата все стояла.
Потомъ встряхнула головой,

пошла и громко заиграла
этюдъ бравурный и живой.
Ихъ поле встрѣтило поклономъ
Колосьевъ, взглядомъ васильковъ
и тихимъ, но упорнымъ звономъ
шмелей, кузнечиковъ, жуковъ.
«Вы знаете—темнѣютъ тучи,
гроза идетъ».—«А этотъ звонъ»...
«Въ душѣ порою летъ созвучій
вотъ такъ звенитъ».—«Весь день, какъ сонъ».
— «Не сонъ, а жизнь. Всѣ дни былые
ничто предъ этимъ грознымъ днемъ.
Я голоса его живые
впервые слушаю вдвоемъ».
Вдали вдругъ молнія сверкнула.
Все напряженнѣй тишина.
«Нѣтъ, насъ гроза не обманула:
сегодня къ намъ придетъ она».
— «Спасемся въ лѣсъ. Тамъ есть сторожка.
И у лужайки—сѣновалъ».
— «Нѣтъ, подождемъ еще немножко».
Громъ что-то глухо проворчалъ.
И вотъ опять, опять изломы
огней прорвали тучъ гряду.
«Мнѣ всѣ тропинки здѣсь знакомы,
я напрямикъ васъ проведу».
— «Успѣемъ. Громъ еще далеко,
и дождь, быть можетъ, не пойдетъ:
глядите—тучи какъ высоко».
Мгновенный свѣжій вѣтра взлетъ.
Въ деревьяхъ быстро зашептало
и смолкло. Шепчется опять.
Волной все поле побѣжало,
вонзилось въ тучу молній жало
и громъ взревѣлъ. «Довольно ждать!».
— «Нѣтъ, подождемъ еще удара».
Она глядитъ ему въ глаза.
«Вы такъ боитесь?»—«Мара, Мара!..»
А въ сердцѣ зарево пожара.
О, этотъ вѣтеръ и гроза!

Огня слѣпительно сверканье.
Какъ молотъ, громовой ударъ.
Въ немъ ропотъ, гнѣвъ и приказанье,
и смѣхъ, и гулкое рыданье,
и страхъ, и зовы древнихъ чаръ.
Они спѣшатъ тропой лѣсною,
а буря гонится, гудитъ,
трещитъ въ вѣтвяхъ надъ головою
и мечетъ сорванной листвою,
и воздухъ свѣжестью кропитъ.
Остановились. Блѣдны лица.
«Устали? Дайте руку мнѣ».
Какъ сладко можетъ сердце биться...
Испуганно взметнулась птица
и скрылась въ темной гущинѣ.
Рука невольно руку сжала.
Невольно онъ замедлилъ шагъ.
Одна лѣсная чаща знала
О томъ, что ихъ душа сказала,
что загоралось въ ихъ глазахъ.
Огонь, рожденный тучей черной,
и пламя алое земли
во тьмѣ зеленой и узорной,
средь заповѣдной чащи борной,
на землю небо низвели.

XVI.

Они обѣдали вдвоемъ.
«Гдѣ жъ барышня?»—«Да въ садъ
пошли, и напугалъ ихъ громъ.
Устали очень—спятъ».
И вотъ въ саду идутъ они,
за облакомъ слѣдя.
Ушли и громы, и огни,
не проронивъ дождя.
Земли горячіе уста
небесныхъ жаждутъ слезъ.
Тишь. И не дрогнетъ ни листа
среди кудрей березъ.
Но грозны кручи облаковъ,
и, тайну затая,

полны невысказанныхъ словъ
ихъ блѣдные края.
И онъ глядитъ въ ея глаза.
Въ нихъ полымя зарницъ
и неушедшая гроза
подъ сумракомъ рѣсницъ.
Какъ бездыханна тишина,
безросенъ запахъ травъ!
Имъ жизнь даетъ испить до дна
огонь своихъ отравъ.
Дней миновавшихъ—больше нѣтъ:
одинъ лишь этотъ день.
Но чуть горитъ закатный свѣтъ,
грядетъ ночная тѣнь...
Одинъ онъ въ комнатѣ своей,
смиряя сердца стукъ.
Задулъ свѣчу. Во тьмѣ яснѣй,
слышнѣе каждый звукъ:
и мухи запоздалой летъ,
и шелесты листовъ...
Глядитъ на дверь, стоитъ и ждетъ,
онъ ждетъ безъ думъ, безъ словъ.
Ея шаги. Онъ это зналъ.
Но двинуться нѣтъ силъ.
Вотъ вѣтеръ штору закачалъ
и въ комнату проплылъ.
Вотъ ближе, ближе. Вотъ вошла.
Онъ шепчетъ: «Это ты?»
Какъ будто засвѣтилась мгла,
проснулись цвѣты.
И словно огненный обвалъ
ихъ въ бездну мчалъ вдвоемъ.
А за окномъ весь садъ дрожалъ
Подъ сладостнымъ дождемъ.

XVII.

Борисъ пріѣхалъ очень мрачный.
«Что, Ата, Мары дома нѣтъ?..
Весь день какой-то неудачный:

совсѣмъ испортилъ я портретъ».
— «Да, Мары нѣтъ,—они гуляютъ».
— «Они?.. Ахъ, да, ну, и пускай.
Меня тамъ письма ожидаютъ.
Ты въ кабинетъ пришли мнѣ чай».
Прошелъ къ себѣ, переодѣлся,
все на себѣ перемѣнилъ.
Взялъ письма и за столъ усѣлся.
«Усталъ. Нѣтъ мыслей, нѣту силъ».
И голову онъ сжалъ руками.
«Боль въ сердцѣ, ноетъ голова,
круги плывутъ передъ глазами.
Да, Люба бѣдная права»...
Стучатъ. «Войдите! Кто такое?
Ты, няня.»—«Боренька, вотъ чай»...
— «Поставь сюда... да что съ тобою?
Ты головой-то не качай».
— «Мнѣ баринъ говорилъ покойный:
«Ты Борѣ все равно, какъ мать».
Раба я, гдѣ жъ мнѣ,—недостойна,
А только какъ же промолчать?..»
— «Да говори, чего трясешься?
Не бойся: я не укушу».
— «Охъ, и грѣха не оберешься,
Все фигли-мигли, шу-шу-шу»...
— «Скажи... да что же ты пытаешь!»
Пошелъ, прихлопнулъ плотно дверь.
«Ты видѣла? Ты что-то знаешь?
Никто не слышитъ насъ теперь.
Все говори».—«Я скрыть не смѣю.
Чуть ты уѣхалъ,—все вдвоемъ.
Ночь на дворѣ,—они въ аллею.
Не нагулялись, видно, днемъ.
Въ шестомъ часу вдругъ слышу въ залѣ
Къ Арсеній Палычу—стукъ-стукъ!
Онъ отперъ. Полчаса стояли
вотъ такъ, не разнимая рукъ».
Борисъ дрожалъ. Шепталъ, блѣднѣя:
«Ты вздоръ болтаешь, уходи!»
— «Нѣтъ, вздора я болтать не смѣю.

Да все-то дѣло впереди.
Поговорили и разстались.
Ну, а сегодня ночью»...—«Лжешь!»
— «Вотъ эти шпилечки остались
на простынѣ.,. ты признаешь?»
И сердце перестало биться,
какъ будто умерло въ груди.
«Вотъ на плясуньяхъ то жениться!»
И тихо. Въ окнахъ, впереди,
такъ миренъ свѣтъ и шири пашенъ,
дорога, лѣсъ, знакомый мостъ.
Но онъ не видѣлъ. Онъ былъ страшенъ,
когда вдругъ всталъ во весь свой ростъ
и хрипло крикнулъ: «Прочь, старуха!»
Чуть ахнувъ, поплелась къ дверямъ.
...Въ груди такъ тѣсно, въ горлѣ сухо
и красно-горячо глазамъ.
«Я ждалъ—и вотъ, оно случилось...
Арсеній лучше, чѣмъ другой...
Но я мечталъ... не покорилась!..
Еще не кончено... постой!»
Вскочилъ. Ощупалъ, задыхаясь,
карманъ трясущейся рукой
и побѣжалъ, дрожа, шатаясь...
...Вечерній ласковый покой
лежалъ на всемъ въ пустынномъ залѣ.
Въ высокой вазѣ, предъ окномъ,
цвѣты покорно умирали.
«Я ихъ найду... они вдвоемъ»...
Сквозь сумракъ вечера лиловый
онъ шелъ, какъ въ старомъ, страшномъ снѣ.
Все дальше, дальше. Вотъ въ столовой.
Взглянулъ—портреты на стѣнѣ.
Портретъ убійцы и убитой.
Слѣдитъ за нимъ упорный взглядъ,
И все, что было позабыто,
они безъ слова говорятъ.
Всѣ эти страшные разсказы
Про звѣрства, рабство, барскій гнѣвъ—
Припомнились такъ ясно сразу.

Онъ сѣлъ, рукою подперевъ
Горячій лобъ. Сидѣлъ и слушалъ,
Что говорила тишина:
«Ты самъ всю красоту разрушилъ,
она была тебѣ дана».
...И чье-то быстрое дыханье,
шаги поспѣшные и—вдругъ
дрожащихъ, нѣжныхъ рукъ касанье.

«О, Господи! Борисъ, мой другъ,
мой братъ... Я встрѣтила старуху,
и вижу... поняла безъ словъ
и побѣжала, что есть духу...
Вѣдь, ты хотѣлъ, ты былъ готовъ...
Тебѣ ужасно тяжко—знаю.
Не испытавъ, все знаю я.
Въ тебѣ теперь вся скорбь земная
соединилась для меня.
Но страсти чадному угару
подвластнымъ болѣе не будь.
Ты оскорблялъ, ты мучилъ Мару...
Теперь прости и все забудь».

И онъ упалъ предъ ней, рыдая.
Къ колѣнамъ голову прижалъ.
Шепталъ ей: «Аточка, родная,
я такъ страдаю, такъ страдалъ».
Она, какъ мать, надъ нимъ склонилась
и нѣжно гладила рукой.

«Вѣдь, лучше, что уже случилось:
теперь ты справишься съ собой.
Быть по иному не могло бы...
Но столько жизни впереди.
Прости,—не надо этой злобы...
и, побѣжденный, побѣди».

И говорили много-много
среди вечерней тишины—
и въ полутьмѣ смотрѣли строго
портреты предковъ со стѣны.

XVIII.

Былъ ранній часъ, когда вошелъ
Борисъ тихонько въ спальню къ Марѣ.
Она проснулась: скрипнулъ полъ,
Шаги и легкій запахъ гари.
Онъ вздрогнулъ съ головы до ногъ,
Когда чуть сонный голосъ милый
спросилъ: «кто тамъ?» Сказать не могъ
и подойти не стало силы.
Она вскочила. «Это ты?»
И въ голосѣ испугъ невольный:
какъ будто не его черты.
Онъ подошелъ. «Мнѣ было больно.
Теперь прошло. И ты п йми:
все то, что сдѣлано людьми,
все то, что мнѣ казалось важнымъ
и что разъединило насъ,—
все было пугаломъ бумажнымъ,
огнемъ бенгальскимъ. Онъ погасъ.
Семеновна, любя, спѣшила
мнѣ сообщить про мой «позоръ».
Ее бы очень удивило
услышать этотъ разговоръ.
Потомъ мнѣ говорила Ата...
Такъ добро, мудро, точно мать.
Ахъ, какъ душа ея богата
и какъ я могъ не понимать!
Сказалъ я ей—и вѣрно, право:
за то, что предокъ мой былъ звѣрь,
мнѣ мстило крѣпостное право
въ лицѣ Семеновны теперь.
Лежитъ больная няня—жалко...
И чувствуетъ себя рабой.
Мнѣ вспомнилась хромая галка—
лечили, помнишь, мы съ тобой?
Да... но невольное сравненье
сбиваетъ мысль мою съ пути.
За мой позоръ, за всѣ мученья,
какъ добрый другъ, ты мнѣ прости».

Онъ замолчалъ и ждалъ отвѣта.
Она накинула халатъ
и подошла. Въ лучахъ разсвѣта
онъ увидалъ спокойный взглядъ.
Смущенья, страха—нѣтъ и тѣни,
а только жалость и печаль.
И вдругъ прошедшимъ сталъ Арсеній,
сталъ уходить куда-то въ даль.
«Борисъ, вѣдь, я и не скрывала,
но, зная... зная твой недугъ,
всего словами не сказала.
Да, это правда, бѣдный другъ.
Кто виноватъ и гдѣ причины—
теперь не будемъ разбирать.
Но вспомни только: именины
и какъ ты заставлялъ плясать»...
— «Не надо, ахъ, не надо, Мара,
не называй моей вины.
Вѣдь, я проснулся отъ кошмара...
...Теперь... уѣхать вы должны».
— «Нѣтъ, я уѣхать не согласна...
Сейчасъ... ты очень удивленъ?
А для меня теперь все ясно:
уѣхать долженъ только онъ.
Ты собирался заграницу,
а я—въ Москву. Со мной сестра.
Онъ—въ Петербургъ. Мы всѣ, какъ птицы:
отлетъ осенній—всѣмъ пора.
Но есть надежда, я не скрою,
что послѣ долгихъ дней зимы,
весенней новою порою
здѣсь, какъ друзья, сойдемся мы.
Всѣ виноваты, всѣ невинны
и всѣ несчастны—видитъ Богъ»...
— «Ты знаешь, больше нѣтъ картины:
я въ ночь ее сегодня сжегъ».
— «Вотъ отчего такія руки,
и волосы чуть-чуть сожгло».
А онъ шепталъ: «Вѣдь, нѣтъ разлуки,
когда въ душѣ вотъ такъ свѣтло».

Но тихій шопотъ вдругъ сталъ звонокъ,
и, голову прижавъ къ стѣнѣ,
онъ разрыдался, какъ ребенокъ,
въ разсвѣтной кроткой тишинѣ.

XIX.

Прощались. Въ окна кабинета
глядѣла, золотясь, листва.
Плылъ вѣтерокъ—и пятна свѣта
дрожали въ ней едва-едва.
А за листвой—извивъ дороги,
рѣка, поля, и синь, и ширь,
и тамъ, вдали, какъ ангелъ строгій,
старинный бѣлый монастырь.
И говорила тихо Мара:
«Какъ погорѣльцы, мы втроемъ.
Но, можетъ быть, въ золѣ пожара
мы слитки золота найдемъ».
И замолкала, и глядѣла
туда, гдѣ плыли облака
и, какъ стальной клинокъ, синѣла
средь желтыхъ отмелей рѣка.
«Сегодня я больной и старый,
но все способенъ перенесть.
Скажи мнѣ только правду, Мара,
вѣдь, то, что было,—это месть?»
— «Узнать ли намъ, гдѣ свѣтъ, гдѣ тѣни,
когда дрожитъ подъ бурей лѣсъ!
И ты не спрашивай, Арсеній,
была ли ложь... тотъ день исчезъ.
Одно я знаю вѣрно, вѣрно—
что мигъ правдивъ, нѣтъ въ сердцѣ лжи.
Когда люблю, люблю безмѣрно.
И ты былъ счастливъ... да? Скажи!»
Онъ долго цѣловалъ ей руку.
Безъ слова онъ давалъ отвѣтъ.
Она почувствовала муку
его и прошептала: «Нѣтъ...
женой Бориса я не буду.

Ты знаешь, это не слова.
Но... для любви еще нѣтъ чуда,
а безъ него она мертва.
Любовь такъ много освѣтила
души тоскующимъ очамъ,
но это лишь заря,—свѣтило
и день его—не намъ, не намъ.
И ты, пѣвецъ, свои созданья
для дня грядущаго готовь...
Теперь дай руку. До свиданья».
— «Прощай, послѣдняя любовь!»
И снова стало тихо, тихо.
Вдругъ звякъ, и звоны бубенца,
и стукъ—и пристяжная лихо
склонила гриву у крыльца.
Всѣ вышли провожать. Толпились.
Работникъ тащитъ чемоданъ.
Бѣжитъ дѣвченка: «Позабыли-съ!»
— «Ахъ, да, дорожный мой стаканъ».
— «Пальто вы спрятали напрасно:
свѣжо, вы слишкомъ налегкѣ».
Арсеній блѣденъ былъ ужасно,
и прыгалъ мускулъ на щекѣ.
«Борисъ, куда ты это хочешь?
Держу я: свертокъ очень малъ.
И ты напрасно такъ хлопочешь:
я преудобно завязалъ».
— «Да нѣтъ, отдавишь такъ колѣни...
Иванъ, ты крѣпко прикрутилъ?»
И, наклонясь, шепнулъ: «Арсеній,
прости и ты, какъ я простилъ».
— «Не простудитесь вы дорогой».
Зазвякавъ цѣпью, лаетъ песъ.
«Прощай!»—«Прощайте!»—«Съ Богомъ! Трогай!»
Рванулись кони. Скрипъ колесъ.
И онъ уѣхалъ. Замелькала
рѣшетка сада. За прудомъ
стояла Ата и махала
съ улыбкой грустною платкомъ.

Аллея старая темнѣетъ
березъ. Коляска мчится вдоль,
но онъ взглянуть туда не смѣетъ...
Какая боль, какая боль!

XX.

Летали нити паутины,
рыжѣли ягоды рябинъ,
и чуть затеплились рубины
въ зеленомъ трепетѣ осинъ.
Свершились лѣта обѣщанья.
Дыханье осени плыветъ.
Въ немъ всѣ печали увяданья,
и разставанье, и отлетъ.
Пустыя пожни сухи, жестки.
Вечерній часъ прозрачно-строгъ.
Онѣ сошлись на перекресткѣ
въ даль расходящихся дорогъ.
На ветхомъ столбикѣ икона,
надъ нею темный мѣдный крестъ.
Дрожь долетающаго звона.
Тишь бездыханная окрестъ.

«А я тебя искала всюду.
Сюда взглянула невзначай
и вижу—ты идешь».—«Посуду
снесла Прасковьѣ, капли, чай.
Недалеко, а такъ устала.
Присядемъ съ краю, у межи.
Вчера намъ что-то помѣшало,
ты мнѣ сегодня доскажи»...
Въ засохшихъ колеяхъ дорога.
Клочками тощая трава.
«Мнѣ хочется сказать такъ много:
болитъ отъ мыслей голова».
Надъ черной горкой мѣсяцъ новый
блестящимъ глянулъ ноготкомъ.
«Путь одинокій и суровый
мой путь—нѣтъ оправданья въ немъ.

Предъ всѣми вами виновата
и сознаю свою вину».
Съ волненьемъ говорила Ата.
«Иду я будто бы по дну.
Вы—наверху. Тамъ вихри, бури,
огонь тамъ ночью, солнце днемъ,
а здѣсь, въ зелено-сѣрой хмури,
все спитъ прохладно-тусклымъ сномъ.
И я какъ будто бы гордилась,
что мнѣ особый жребій данъ,
но вотъ подкралось, разразилось—
и жизнь развѣяла обманъ.
Вѣдь, надо плодъ давать осенній,
всю жизнь не можетъ быть весна.
Борисъ и ты... и вотъ Арсеній—
я вамъ помочь была должна».
— «Ты помогла Борису, Ата,
въ тотъ вечеръ. Онъ мнѣ самъ сказалъ».
— «Омыла раны я солдату:
онъ въ битвѣ безъ меня страдалъ...
Безъ диссонанса разрѣшенья
не можетъ быть, и тотъ неправъ,
кто обреченъ на отреченье:
нельзя отречься, не познавъ.
Вотъ отчего я не сумѣла
увлечь васъ всѣхъ на новый путь.
Такъ много словъ такъ мало дѣла,
а словомъ жизнь не обмануть.
Кто рушитъ старые устои,
чтобъ звать на новые пути,
тотъ долженъ пить вино земное
и чрезъ огонь земной пройти.
Но на путяхъ, гдѣ я блуждаю,
не пьютъ багряное вино.
И лишь теперь я понимаю,
что мнѣ—свершеній не дано».
Послѣдній свѣтъ истаялъ кротко—
и сумракъ на землѣ сѣдой,
а въ воздухѣ прохладномъ четко
восходитъ мѣсяцъ молодой.

Столбъ, крестъ надъ темною иконой—
къ ночному небу вздохъ земли—
и колокольни тихозвонной
отмѣты времени вдали.
...Онѣ прошли дорожкой сада.
«Какая сильная роса!»
— «Да... уложиться завтра надо:
во вторникъ ѣдемъ въ три часа».

П. Соловьева (Allegro).

Конецъ.

СЫНЪ.

Разсказъ.

I.

Крестьянинъ Ѳома Тимофейчукъ, хмурый, свѣтловолосый парень, ненавидѣвшій женщинъ и поэтому до тридцати лѣтъ все еще не женатый, всталъ раньше обычнаго, на разсвѣтѣ, запрягъ лошадь и вмѣстѣ со своей матерью—тучной, задыхавшейся женщиной—выѣхалъ на «трактъ».

Стояла осень—сентябрь—и свѣжее, бѣлое утро со свѣтлымъ неподвижнымъ небомъ, похожимъ на огромное бѣльмо, обѣщало золотой день. Пока шла уборка хлѣба, молотьба и пока по «тракту» двигались, скрипя колесами, тяжелые, нагруженные возы, направлявшіеся въ бойкое торговое село,—все время стояли четкіе, ясные, нѣжные дни безъ вѣтра и пыли, со свѣтло-голубымъ небомъ и одиночными вскриками запоздалыхъ птицъ. И теперь—хотя изъ-за молодого лѣса еще не показалось солнце—тоже чувствовалось, что будетъ такой же день.

Городъ былъ далеко — за пятьдесятъ верстъ, и Ѳома ѣздилъ туда дватри раза въ годъ: ранней весною, осенью, послѣ лѣтнихъ работъ и, иногда на Рождествѣ, когда случалась подходящая компанія мужчинъ. Этимъ Рождествомъ сосѣдъ, обычный спутникъ Ѳомы, взялъ съ собою свою жену, и Тимофейчукъ, ругаясь, отказался ѣхать.

За полгода выяснилось, что надо многое купить: пилу, сапоги, два желѣзныхъ болта, теплый платокъ, замокъ и лекарство для матери... Лекарство было прописано городскимъ докторомъ полгода тому назадъ, весною; такъ какъ оно стоило полтора рубля, рѣшили подождать до осени: авось, и такъ пройдетъ. Но болѣзнь не проходила: старуха задыхалась, ее часто рвало, у нея отекали ноги. Рецептъ, пролежавшій всю зиму на днѣ кованаго сундука, среди тряпокъ, теперь былъ спрятанъ вмѣстѣ съ деньгами въ большой пестрый платокъ. Денегъ было достаточно: Ѳома не пилъ, жилъ бережливо, даже скуповато и, если представлялся случай, ссужалъ надежныхъ людей подъ проценты.

Выѣхали рано, чтобы къ полудню поспѣть въ городъ. Ѳома нахлестывалъ лошадь, чтобы скорѣе выѣхать на ровное шоссе съ длинными волнообразными подъемами и спусками, сѣрѣющими среди поблекшей уже зелени.

Мать, сидя на возу, тяжело раскинувъ опухшія, «выросшія» за лѣто ноги, время отъ времени испускала громкій вздохъ, похожій на икоту. Ѳома уже привыкъ къ этимъ звукамъ, почти не слышалъ ихъ и, если слышалъ, то съ механической правильностью начиналъ обдумывать одну и ту же мысль: когда мать умретъ, въ домѣ не останется женщины и придется выписать изъ города младшаго брата съ женою-прачкою. Это все же лучше, чѣмъ жениться: жена заведетъ шашни, будетъ постоянно мелькать передъ глазами голыми икрами... А умретъ мать, вѣрно, скоро: ноги растутъ, икаетъ, не спитъ...

Онъ оглянулся на мать и спросилъ:

— А что, мати? Мягчитъ?

Старуха сидѣла съ открытымъ ртомъ, точно большая старая жаба; ей трудно было дышать—и ея тучное больное тѣло колыхалось, какъ желе на блюдѣ.

— На трактъ выѣдемъ, тамъ способнѣй. Ротъ закрой,—посовѣтовалъ сынъ.

Старуха закрыла ротъ, но тотчасъ икнула и привычно застонала.

Телѣга бодро катилась по узкой извилистой дорогѣ, которая непонятно бросалась то вправо, то влѣво. Взрыхленная копытомъ и колесомъ, тяжелая глина сухимъ осадкомъ ложилась назади, не трогая прозрачнаго, застывшаго воздуха.

Впереди, за поворотомъ, Ѳома различилъ двухъ бабъ, шедшихъ куда-то съ лукошками. Онъ хлестнулъ лошадь, увидѣлъ голыя бабьи ноги съ большими черными подошвами, ритмически выбрасываемыя назадъ изъ-подъ пестрой подоткнутой юбки.

— Стервы тоже,—подумалъ Тимофейчукъ и, когда поровнялся съ бабами, серьезно и пріязненно взглянувшими на него, плюнулъ на дорогу и крикнулъ:

— Какъ дамъ кнутомъ, такъ знали бы!

И погрозилъ издали кнутовищемъ.

II.

Солнце поднялось; проѣхали проселочную дорогу, которая была прорѣзана крѣпкими изсохшими корнями, похожими на сплетеніе жилъ, и поднялись на шоссе. Мѣрное перекатываніе колесъ сдѣлалось громче. Заголубѣло позднее сентябрьское небо. Было спорѣе бѣжать лошади; она довольно помахивала перевязаннымъ въ узелъ хвостомъ, радуясь тому, что не надоѣдаютъ овода и комары. Низкія колеса почти не подымали пыли: прошедшіе дожди и вѣтеръ смели и убили лѣтній песокъ.

Ѳома опустилъ вожжи и думалъ свое: купить сапоги, теплый платокъ матери, замокъ съ цѣпью; на двѣнадцатой верстѣ у Горохова шинокъ—тамъ оста-

новиться; если мать умретъ,—выписать изъ города младшаго брата съ женой: все же лучше, чѣмъ жениться...

Медленно шли его мысли, прерываемыя несложными впечатлѣніями внѣшняго міра; вотъ съ вершины высокой ели сорвались, точно странные плоды, двѣ вороны и, косо пролетѣвъ надъ шоссе, хрипло каркнули. «Проклятыя»,—недружелюбно подумалъ Ѳома. Но мысленно отнесъ ихъ карканье, въ которомъ угадывалъ темное и враждебное пророчество, къ матери: видно, ей скоро помирать. Онъ криво ухмыльнулся, самодовольно сообразивъ, что перехитрилъ птицъ. «Создалъ же Богъ этакихъ»,—подивился онъ далѣе съ тревогой и уваженіемъ; но испугался этой мысли, такъ какъ не любилъ думать о Богѣ, который поминутно грозитъ смертью. Ѳома опять принялся соображать: сапоги, платокъ, пила, два болта, лекарство...

Старуху на шоссе меньше трясло; она немного успокоилась и перестала икать... За пятьдесятъ пять лѣтъ жизни среди полей она давно уже привыкла не замѣчать окружающаго, не видѣть неба и не чувствовать воздуха. Она воспринимала только то, что нарушало обычное теченіе ея жизни. И теперь поѣздка по шоссе, ровный перекатъ колесъ и хрустъ мелкихъ угловатыхъ камней опять вызвали въ памяти то, что случилось болѣе тридцати-пяти лѣтъ тому назадъ: какъ она молоденькой дѣвушкой ѣхала въ городъ вѣнчаться. Такъ же стучали колеса, такъ же подпрыгивало тѣло. Но было ли это осенью или весною, въ жару или въ холодъ,—она не помнила. Мужики были пьяны, визжала гармонья, кто-то лѣзъ къ ней цѣловаться, вѣроятно, женихъ—не помнитъ ужъ.

Потомъ начала думать о томъ, что въ городѣ купитъ лекарство, ноги перестанутъ расти, прекратится рвота, явится спокойный сонъ. Она повеселѣла и умиленно взглянула на спину сына, деньги котораго принесутъ ей исцѣленіе...

— Кивюрка, гляди,—сказалъ Ѳома и показалъ на бѣлку, которая, раскачиваясь на вѣтви у самой дороги, готовилась прыгнуть, точно акробатъ, щеголяющій своими мускулами.

Мужикъ два раза пронзительно свистнулъ, но животное не пугалось, поглядывая на него чернымъ выпуклымъ глазомъ, похожимъ на пуговку. Мужикъ остановилъ лошадь и, соскочивъ съ телѣги, запустилъ въ бѣлку камнемъ; животное исчезло. Ѳома, пользуясь остановкой, осмотрѣлъ упряжь и, хитро ухмыляясь тому, что прогналъ бѣлку, спросилъ:

— Что, мати? Мягчитъ?

Старуха мотнула головой.

— Отъ ужъ лекарства выпью.

Сынъ, подумавъ, сказалъ:

— А скоро шинокъ Гороховскій.

Онъ крикнулъ на лошадь, подпрыгнулъ и сѣлъ. Телѣга опять покатилась. Время шло, выше поднималось мирное усталое солнце. Вчерашній день

вернулся; предметы, тѣни и пятна свѣта заняли тѣ же мѣста. Все точно повторилось. Глазъ не улавливалъ того новаго, что случилось: еще опали листья, поникла трава, у гніющаго пня замиралъ муравейникъ. Но въ этихъ непримѣтныхъ подробностяхъ выражалось теченіе времени, подходила великая смерть и подготовлялось рожденіе новой жизни...

Показались три-четыре избы, вросшія въ землю, крытыя давно почернѣвшей соломой, отступилъ лѣсъ, развернулись поля—теперь низкія, сжатыя или распаханныя. Потомъ вынырнула мельница съ неподвижными крыльями, всегда напоминающими что-то корабельное. Ѳома повернулъ лошадь, съѣхалъ съ шоссейной насыпи. Опять мягко зашумѣли колеса, лошадь, рванувъ два раза, пошла шагомъ по мягкой сыроватой землѣ.

— Горохово,—сказалъ сынъ.

— Горохово,—отвѣтила мать, думая о лекарствѣ.

III

Еще черезъ нѣсколько часовъ усталые, съ расхлябаннымъ отъ долгой тряски тѣломъ, пріѣхали въ городъ. Оставивъ лошадь въ корчмѣ, мать и сынъ ходили по деревяннымъ мосткамъ, замѣнявшимъ тротуары. Городъ былъ маленькій, необыкновенно унылый, съ одноэтажными деревянными домами. На главной площади у стариннаго собора извозчичья кляча срывала съ телеграфнаго столба афишу и жевала ее. Вороны, точно голуби, ходили по самой срединѣ главной улицы и пронзительно кричали. Въ витринѣ фотографа была выставлена полная дама съ необыкновенно развитымъ бюстомъ и глазами, невинно закатившимися подъ лобъ. Ѳома, проходя мимо, злорадно и хитро усмѣхнулся, точно накрылъ ее въ чемъ-то позорномъ. Казалось, въ городѣ никто не живетъ, всѣ уѣхали.

Въ лавкѣ красныхъ товаровъ Ѳома купилъ матери теплый платокъ. Долго щупали его, мяли, нюхали... Просили недорого, но старуха-крестьянка давно уже привыкла думать, что, сколько бы ни просили, все равно обманутъ; поэтому обновка ее не радовала: мѣшала мысль объ отданныхъ за нее деньгахъ.

Зашли въ аптеку и положили на конторку засаленный рецептъ. Мать и сынъ сѣли у окна на лавкѣ и терпѣливо ждали, пока чахоточный, сутуловатый, прихрамывающій юноша что-то толокъ, сыпалъ и взвѣшивалъ.

Отъ тишины и неподвижности, которая смѣнила недавнюю многочасовую тряску, больная старуха заснула. Во снѣ она вздыхала съ легкимъ стенаніемъ. Ѳома думалъ, сколько дадутъ лекарства на полтора рубля; вѣрно, ведро; довезти бы только. Онъ ждалъ, не шевелясь, равнодушный, терпѣливый, и все время видѣлъ передъ собою въ окнѣ вывѣску гробовщика. На голубомъ фонѣ красовался желтый, претендующій на удобство и элегантность, гробъ. Ѳома мышиными глазами смотрѣлъ на блѣднаго аптекаря, на его неторопливую

везню, и опять оглядывался на вывѣску гробовщика. Старуха тихо повизгивала во снѣ, крестьянинъ думалъ о лекарствѣ, о томъ, что надо купить цѣпь и желѣзные болты, о вывѣскѣ гробовщика. Больше часу просидѣлъ онъ; тупыя мысли наполняли его мозгъ. Онъ зѣвнулъ, прикрывъ ротъ картузомъ, пахнущимъ полемъ и потомъ.

— Тимофейчукъ,—проговорилъ чахоточный аптекарь и равнодушно посмотрѣлъ на него:—Вы?

— Мы,—встрепенулся крестьянинъ и толкнулъ мать. Та открыла глаза, сразу входя въ жизнь яви.

— Одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ.

Ѳома протянулъ давно приготовленныя, теплыя, много разъ пересчитанныя деньги, опять сосчиталъ и получилъ маленькій пузырекъ изъ желтаго стекла, содержимое котораго можно было выпить въ нѣсколько глотковъ.

— Какъ же?—подивился Ѳома.—Все?

— Все,—равнодушно отвѣтилъ аптекарь.

Огорченные, оскорбленные вышли крестьяне изъ аптеки. Имъ казалось, что ихъ обманули, хотя Ѳома не спускалъ глазъ съ аптекаря. Сынъ ворчалъ, ругая докторовъ и аптеки, и думалъ, что отъ столь ничтожнаго количества капель старуха не выздоровѣетъ. Они проходили мимо стариннаго деревяннаго домика—и крестьянинъ опять увидѣлъ желтый гробъ на голубомъ фонѣ. Онъ потоптался и вошелъ, старуха за нимъ.

Сначала показалась беременная веснущатая женщина съ засученными рукавами, а за нею полный человѣкъ съ красной шеей, безъ сюртука, и спросилъ, что надо. Ѳома не отвѣтилъ: не глядя на хозяина, онъ молча ходилъ по магазину, шмыгая глазами и что-то отыскивая.

Хозяинъ спросилъ, для кого гробъ: для взрослаго или для ребенка. Крестьянинъ не отвѣтилъ, продолжая хмуро искать. Старуха, раскрывъ ротъ, тяжело пыхтѣла. Ѳома, видимо, отыскалъ то, что ему было нужно, и искоса, примѣриваясь, оглядѣлъ мать, точно сердился на нее. Хозяинъ молчалъ, удивленный.

— Чего ты, сынокъ?—испуганно спросила мать, уловивъ косой взглядъ.

— Чего? Я ничего,—отвѣтилъ онъ.

Онъ началъ вполголоса торговаться, такъ что мать не слышала. Хозяинъ тоже понизилъ голосъ и два раза взглянулъ на старуху, смѣривъ ее. Сошлись въ цѣнѣ.

Черезъ два часа Ѳома на возу подъѣхалъ къ лавкѣ гробовщика и, обмотавъ у крыльца вожжи, вошелъ. Оба—хозяинъ и покупатель—вынесли желтый дешевый гробъ и поставили поперекъ телѣги. Старуха потѣснилась, подобравъ больныя ноги; она старалась не глядѣть на покупку и отворачивала голову. Въ рукѣ она сжимала пузырекъ съ лекарствомъ, точно цѣплялась за него... Ѳома, приподнявъ крышку гроба, сунулъ во внутрь два желѣзныхъ болта, сапоги, цѣпь.

пилу и, вообще, все то, чѣмъ онъ запасся въ городѣ на долгую зиму—до слѣдующаго пріѣзда. На возу сдѣлалось тѣсно. Онъ чмокнулъ, вскочилъ на ходу и погналъ отдохнувшую лошадку. Хозяинъ сказалъ:

— Счастливо!

Крестьяне не отвѣтили.

Миновали улицу, другую, проѣхали мостъ, выѣхали на шоссе. Опять сѣрая безконечная лента, то поднимаясь, то опускаясь, плоской волной растянулась впереди. Солнце уже склонялось, безвѣтренный день холодѣлъ, сдѣлалось темнѣе по обѣимъ сторонамъ раскинувшагося, вѣроятно, мокраго луга.

Лошадь бѣжала, помахивая подвязаннымъ хвостомъ, шумѣли подъ колесомъ мелкіе, угловато разбитые камушки. Сынъ и мать не разговаривали. Старуха, едва сдерживая усилившуюся икоту, старалась смотрѣть въ сторону, чтобы не видѣть желтыхъ досокъ страшнаго гроба... Но машинально, цѣпко прижимала къ себѣ пузырекъ съ лекарствомъ и большой теплый платокъ—подарокъ сына.

Ровный перекатъ колесъ, хрустъ крупнаго песку и тряска опять вызвали въ ея мозгу все то же воспоминаніе: какъ она восемнадцатилѣтней дѣвушкой ѣхала въ городъ вѣнчаться и какъ пьяный мужикъ—вѣрно, женихъ—подъ визгъ гармоньи лѣзъ къ ней цѣловаться.

Осипъ Дымовъ.

МОНАСТЫРИ.

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя,—
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плѣсени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій,
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ,
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

Ив. Бунинъ.

ДОКУКА и БАЛАГУРЬЕ.

Алексѣй Ремизовъ.

Сказки *).

I

Хлоптунъ

1.

Жилъ - былъ мужикъ съ женою. Жили они хорошо, и вѣкъ бы имъ вмѣстѣ жить, да случился трудный годъ, не родилось хлѣба, и пришлось разстаться. Поѣхалъ Ѳедоръ въ Питеръ на заработки, осталась одна Марья со старикомъ да старухой.

Трудно было одной Марьѣ. Кое - какъ годъ она перебилась, къ осени полегче стало. Ждетъ мужа,—нѣтъ вѣстей отъ Ѳедора. Ждать - пождать,—не ѣдетъ Ѳедоръ. Да живъ ли?

А тутъ говорятъ, померъ. Бабы отъ солдата слышали, что Ѳедоръ померъ. Ну, Марья въ слезы, убивается, плачетъ.

— Хоть бы мертвый пріѣхалъ, посмотрѣть бы еще разокъ!—такъ Марья плачетъ, такъ ей скучно.

Прожила она въ слезахъ осень, все тужитъ: безъ мужа скучно.

А Ѳедоръ вдругъ на Святкахъ и пріѣзжаетъ.

И ужъ такъ рада Марья, отъ радости плачетъ: вотъ не чаяла, вотъ не гадала!

— А мнѣ говорили, что ты померъ!

— Ну, вотъ еще померъ! И чего не наскажутъ бабы!

И стали они жить да поживать, Ѳедоръ да Марья.

---

*) Въ основу положены народныя сказки, см. „Сѣверныя сказки" Н. Е. Ончукова №№ 87, 288, 205.

2.

Все шло по старому, будто никогда и не разставались они другъ съ другомъ,—не уѣзжалъ Ѳедоръ въ Питеръ, не оставалась одна Марья безъ мужа,—вѣкъ вмѣстѣ жили. Все по-прежнему шло, какъ было. Все... да не все: стало Марьѣ думаться, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше думалось:

„А что, какъ онъ мертвый?“

Случится на деревнѣ покойникъ, Марьѣ всегда охота посмотрѣть, ну, она и Ѳедора зоветъ съ собою, а онъ, чтобы итти къ покойнику смотрѣть, нѣтъ, никогда.

Разъ она ужъ такъ его упрашивала, приставала къ нему, приставала,—покойникъ-то очень ужъ богатый былъ,—насилу уговорила. И пошли, вмѣстѣ пошли.

Приходятъ они туда въ домъ, гдѣ покойникъ: покойникъ въ гробу лежалъ лицо покрышкой покрыто. Собрались родственники, сняли покрышку, лицо открыли, чтобы посмотрѣть на покойника. Тутъ и всѣ потянулись: всякому охота на покойника посмотрѣть. Съ народомъ протиснулась и Марья. Оглянулась Марья Ѳедора поманить, смотритъ, а онъ стоитъ у порога большой такой, выше всѣхъ на голову, усмѣхается.

„И чего же это онъ усмѣхается?“—подумалось Марьѣ, и чего-то страшно стало.

Началъ народъ расходиться. И они вышли, пошли домой.

Дорогой она его и спрашиваетъ:

— Чего ты, Ѳедоръ, смѣялся?

— Такъ, ничего я...— не хочетъ отвѣчать.

А она пристаетъ: скажи, да скажи. Ѳедоръ молчитъ, все отнѣкивается, потомъ и говоритъ:

— Вотъ какъ покрышку сняли съ него, а черти къ нему такъ въ ротъ и лѣзутъ.

— Что жъ это такое?

— А хлоптунъ изъ него выйдетъ.

— Какой хлоптунъ?

— А такой! Пять годовъ живетъ хлоптунъ хорошо, чисто и не признаешь, а потомъ и начнетъ: сперва ѣстъ скотину, за скотиной людей.

И какъ сказалъ это Ѳедоръ, стало Марьѣ опять какъ-то страшно, еще страшнѣе.

— А какъ же его извести, хлоптуна-то?—спрашиваетъ Марья.

— А извести его очень просто,—говоритъ Ѳедоръ,—отъ жеребца взять узду-оборотъ и уздой этой бить хлоптуна по рукамъ сзади, онъ и помретъ.

Вернулись они домой, легли спать.

Заснулъ Ѳедоръ. А Марья не спитъ, боится.

„А что если онъ хлоптунъ и есть?"—боится, не спитъ Марья, не заснуть ей больше, не прогнать страхъ и думу.

3.

Куда все дѣвалось, все прежнее? Жили въ душу Ѳедоръ да Марья, теперь нѣтъ ничего. Виду не подаетъ Марья,—затаила въ себѣ страхъ,—не сварлива она, угождаетъ мужу, но ужъ смотритъ совсѣмъ не такъ, не по старому, невесело, вся извелась, громко не скажетъ, не засмѣется.

Четыре года прожила Марья въ страхѣ, четыре года прошло, какъ вернулся Ѳедоръ изъ Питера, пятый пошелъ.

„Пять годовъ живетъ хлоптунъ хорошо, чисто и не признаешь, а потомъ и начнетъ: сперва ѣстъ скотину, за скотиной людей!" — и какъ вспомнитъ Марья, такъ и упадетъ сердце.

И ужъ она не можетъ больше терпѣть, не спитъ, не ѣстъ, ее душитъ страхъ.

— Не сынъ вашъ Ѳедоръ... хлоптунъ!—крикнула Марья старику и старухѣ.

— Какъ такъ?

— Такъ что хлоптунъ!—и разсказала старикамъ Марья, что отъ самого отъ Ѳедора о хлоптунѣ слышала,—послѣдній годъ живетъ, кончится годъ, съѣстъ онъ насъ.

Испугались старики:

— Съѣстъ онъ насъ!

Всѣмъ страшно, всѣ на-сторожѣ. И стали за Ѳедоромъ присматривать. Глядь, а онъ ужъ на дорогѣ коровъ ѣстъ.

Обезумѣла Марья, трясутся старики.

Достали они отъ жеребца узду - ὀборотъ, подкараулили Ѳедора, подкрались сзади, да по рукамъ его уздой какъ дернутъ...

Упалъ Ѳедоръ.

— Сгубила,—говоритъ,—ты меня!—да тутъ и померъ.

Тутъ и все.

II.

Анюшка и Варушка.

1.

Жили - были двѣ подруги, одна другой подъ стать, Анна и Варвара. Анна у матери жила, Варвара одна черезъ три версты отъ Анны; родители ея померли.

Дня другъ безъ друга прожить не могли подруги: одинъ день Варушка у Анюшки сидитъ, угощаются, на другой день Анюшка къ Варушкѣ пойдетъ, подругу почествовать. Такъ и гостились.

— Безъ тебя мнѣ, Анюшка, свѣтъ не милъ.

— Отъ тебя, Варушка, я никуда не пойду.

Станутъ прощаться, стоятъ - стоятъ, едва разойдутся. А на завтра опять сошлись: либо Анюшка идетъ къ Варушкѣ, либо Варушка къ Анюшкѣ. Такъ и жили.

— Безъ тебя, Анюшка, я жизни рѣшусь.

— Отъ тебя, Варушка, я никуда не пойду.

Стали сватать Анюшку. Уперлась Анюшка—въ жизнь ни за кого не выйдетъ, да мать настояла, старуха. И выдали Анюшку замужъ за Андрея. Похорохорилась, пофыркала дѣвка, а потомъ и свыклась: попался ей мужъ хорошій, ладный.

2.

Уѣхалъ Андрей въ городъ. Осталась одна Анюшка. И задумала Анюшка подругу провѣдать: со свадьбы не видалась съ Варушкой, соскучилась.

Вышла Анюшка изъ дому, идетъ по дорогѣ, а встрѣчу ей дѣвка съ пирогомъ-именинами.

— Куда пошла, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, не будетъ ладу.

— Ну, вотъ еще, не впервой гостимся.

И пошла Анюшка дальше, а встрѣчу ей баба съ полосканьемъ: на рѣчкѣ бѣлье полоскала, домой несетъ.

— Куда ты, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— А не ходить бы тебѣ къ Варушкѣ, будетъ худо.

— Что ты! Мнѣ ли будетъ худо!

И пошла Анюшка дальше. Ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ.

— Куда ты, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, Варушка людей ѣстъ.

— Еще чего скажешь!

И пошла Анюшка дальше, дошла до Варушки. Видитъ Анюшка, у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья,—глазамъ не вѣритъ. Вошла на крыльцо, а тутъ рука лежитъ,—не хочетъ вѣрить. Въ сѣни зашла, а въ сѣняхъ тулова да головы человѣчьи. Хочешь, не хочешь—повѣришь.

— Иди, иди въ избу!—отворила дверь, кричитъ ей Варушка.—Не ходи, не ходи!

И зоветъ и не зоветъ подругу.

Не въ толку, не въ умѣ вошла Анюшка въ избу.

Сидитъ Варушка подъ окномъ, подъ которымъ когда-то сиживали вмѣстѣ подруги.

— Садись и ты, Анюшка!—а сама такъ смотритъ... неладно.

И, какъ прежде, сидѣли подруги. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ѣли, попѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

— Я, Варушка, домой пойду,—спохватилась Анюшка,—не по старому ты, не по-прежнему.

— Не ходи, Анюшка!—оставляетъ Варушка, а сама такъ смотритъ... неладно.

И опять сидѣли подруги, какъ прежде. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ѣли, попѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

Поднялась Анюшка, хочетъ домой уходить. Не хочетъ Варушка отпускать безъ ужина подругу.

— Поужинаешь, тогда и пойдешь!—собрала на столъ Варушка, принесла рыбникъ, рыбникъ изъ перстовъ человѣчьихъ состряпанъ, угощаетъ пирогомъ подругу.

Анюшка рыбника не съѣла, за пазуху запихала.

И не замѣтила Варушка.

— Что, съѣла рыбникъ?

— А тамъ, у сердца,—показала Анюшка, будто все съѣла, и домой хочетъ,—прощай, Варушка!

А Варушка молчитъ, такъ смотритъ...

— Отпусти меня, Варушка!—проситъ Анюшка: чуетъ, не ладно.

Молчитъ Варушка, такъ смотритъ... неладно, а потомъ за руку какъ схватитъ Анюшку, за локоть и выше подъ мышку.

— Нѣтъ ужъ, пришла, такъ съѣмъ!—и ѣсть начала, да всю, всю и съѣла.

3.

Ночью вернулся изъ города Андрей, хватился—нѣтъ жены. Послалъ къ матери, нѣтъ ея и у матери.

— Къ Варушкѣ ушла,—говорятъ Андрею,—видѣли!

Всю ночь прождалъ Андрей, не вернулась домой Анюшка. И чуть свѣтъ вышелъ Андрей и прямо къ Варушкѣ. Глядь, у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья, на крыльцѣ рука, въ сѣни вошелъ, а тамъ тулова да головы человѣчьи. Скорѣе назадъ домой, созвалъ старшинъ, объявилъ.

Народу сошлось все село, всѣмъ селомъ пошли къ Варушкѣ, кто съ чѣмъ.

Окружилъ народъ избу, приколотили желѣзныя рамы къ окнамъ, забили дверь. А Варушка по горницѣ скачетъ. Поскакала она, поскакала, затихла. Посмотрѣли въ окно, лежитъ, затихла,—кончилась. Тутъ натащили хворосту, принесли огня, подпалили да и сожгли избу.

III.

Догадливая.

1.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, много терпѣлъ, а все неудача: не везло ему ни въ чемъ—да и только. И не то, чтобы тамъ о какихъ-нибудь богатствахъ, объ одномъ ужъ у него мысль: хоть какъ-нибудь да Богъ далъ бы день прожить. Былъ онъ семейный: жена, дѣти,—и жить бы ему съ семьей дружно, да жить нечѣмъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ нужда больше. И такъ ему плохо пришлось, что и кормиться нечѣмъ.

Вышелъ Прохоръ изъ дому, а куда итти—и самъ не знаетъ. А итти надо: безъ денегъ хоть и домой не возвращайся. А гдѣ достать денегъ,—такъ, съ вѣтру, и копѣйка не упадетъ. И стало ему горько.

„Хоть бы чортъ денегъ мнѣ далъ, ужъ я бы ему и душу продалъ, чтобы только ребятъ кормить!“

И только это онъ о чортѣ подумалъ, чортъ и явился.

— А,—говоритъ,—здорово, Иванычъ!—а золотой у самого въ лапѣ такъ и играетъ.—Хочешь?

Какъ тутъ быть: не откажешься—деньги на лицо, только бери.

— Что-жъ, давай!—протянулъ руку Прохоръ за золотымъ.

А чортъ и говоритъ:

— Ишь, какой! Ты, Иванычъ, напередъ мнѣ дѣло одно сдѣлай, а потомъ и деньги будутъ твои. Палецъ безымянный надо... ну, кровку изъ пальца выпустимъ, такъ чуть-чуть, ты мнѣ условіе подпиши, Иванычъ, и готово.

— Ладно,—согласился Прохоръ.

И живо все это дѣло сдѣлали, изъ безымяннаго пальца кровь выпустили, подписалъ Прохоръ чорту условіе, а чортъ Прохору—денегъ, золотой.

— За душой приду, прощай!—только хвостомъ вильнулъ, пропалъ чортъ.

2.

Съ золотымъ вернулся Прохоръ домой. И съ той поры не переводились у него деньги, разжился, началъ торговать, и пошла совсѣмъ другая жизнь. Забылъ бѣднякъ о всякой нуждѣ, легко было жить, и не замѣтилъ онъ, какъ старость подошла.

И чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ больше сталъ задумываться старикъ.

И то, что чорту кровью условіе подписалъ—душу ему, черному, продалъ, мучило старика, и еще то, что столько лѣтъ со старухой въ дружбѣ да въ любви живетъ и во всемъ въ душу и все съ ней въ совѣтѣ, а главнаго-то, откуда у него тогда золотой появился, не открылъ онъ старухѣ, ничего старуха о условіи его съ чортомъ знать не знаетъ.

Сидитъ такъ старикъ, голову повѣсилъ: чорта ему страшно—грѣхъ мучитъ, да и передъ старухой вину свою знаетъ, а сказать тяжко.

— Что ты, старикъ, все задумываешься? — спрашиваетъ старуха.— Раньше-то намъ думать было о чемъ, когда жили мы бѣдно, а теперь что намъ думать!

А старикъ ей, молчалъ-молчалъ, да и говоритъ:

— Не знаешь ты, старуха, гдѣ я тогда золотой взялъ! Я чорту душу продалъ.

Сказалъ старикъ, а самъ пуще испугался: думалъ, что ужъ старуха такъ тутъ на мѣстѣ отъ страха и кончится.

А старухѣ и горя мало.

— Нашелъ, чѣмъ горевать! А пускай только чортъ придетъ: ужъ если брать твою душу, такъ и мою долженъ взять, а мою не возьметъ, такъ и твою не возьметъ.

3.

Легокъ чортъ на Поминѣ, чортъ стучится:

— Отпирай, Иванычъ, я пришелъ!

А на старикѣ лица нѣтъ, двинуться не можетъ.

Пошла старуха, отперла дверь, впустила чорта.

— Здорово!—такъ хвостомъ и виляетъ.—Я за душой, Иванычъ!

— Нѣтъ, ты и мою бери,—наступаетъ старуха,—столько лѣтъ вмѣстѣ жили, такъ не годится.

— А на кой мнѣ твоя, бабья, я за его душой пришелъ! Да много-ль возьмешь за душу?—самъ такъ и юлитъ: ему, чорту, чѣмъ больше душъ, тѣмъ лучше.

— Денегъ я не возьму, а справь ты мнѣ три задачи: справишь—тебѣ обѣ души, не справишь—иди отъ насъ по добру, по здорову.

— Еще чего!—подскочилъ чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Ударили по рукамъ: справитъ чортъ три задачи — возьметъ душу старика да и бабью даромъ въ придачу, а не справитъ—ни одной не получитъ.

А старикъ ни живъ, ни мертвъ: страшно ему за себя, страшно и за старуху, какъ бы старуха передъ чортомъ не сплоховала.

Стала старуха посреди избы, да какъ чихнетъ:

— На, имай!

Чортъ ловить, ловилъ-ловилъ, не можетъ нигдѣ поймать.

— Ну, вотъ и не справилъ задачу, а еще чортъ!—подзадариваетъ старуха.

Бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Выдернула старуха изъ-подъ повойника волосинку.

— На тебѣ, выпрями волосъ!

Чортъ за волосъ, крутилъ, вертѣлъ, вертѣлъ, межъ ладонями каталъ, выпрямить не можетъ, да и разорвалъ.

— А еще чортъ! Ничего-то ты не можешь,—знай себѣ, дразнитъ старуха.

Пуще бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

— Вотъ у меня родимое пятно,—показываетъ чорту старуха,—седьмой десятокъ на тѣлѣ ношу, слижи, чтобы до бѣла.

Чортъ лизать, лизалъ - лизалъ, стало языку больно, а пятнышко не сходитъ, только старухѣ локоть натеръ. И невмоготу ужъ старухѣ, терпѣла-терпѣла, да какъ дригнетъ ногой: у чорта изъ глазъ инда искры посыпались.

И отступился.

Отступился чортъ, да драла безъ оглядки, забылъ и про души.

Алексѣй Ремизовъ.

ЭЛЕГІИ.

I.

О сущности жизни, о Богѣ, дитя, я грущу:
Волшебныхъ цвѣтовъ межъ цвѣтовъ обыденныхъ ищу,—
Ищу средь полей, средь морей, средь гудящихъ лѣсовъ—
И даже на звонкихъ камняхъ въ корридорахъ большихъ городовъ!
И горько я плачу повсюду—въ пустыняхъ полей и лѣсовъ,
На улицахъ людныхъ, въ затишьѣ безлюдныхъ угловъ—
И въ морѣ, несущемъ безвольно волну за волной,—
И звѣзды дрожатъ, отражаясь слезами, дрожатъ подо мной...

II.

Какая, Боже, цѣна познанью?
Всѣ звѣзды ночи—мечты Твои!
Покорны тучи морей дыханью,
Покорны волны луны мерцанью,
Цвѣты и травы—благоуханью,
Людскія души—тоскѣ любви!
Всѣ звѣзды ночи—мечты о чудѣ,
Всѣ звѣзды ночи—мечты земли...
Молюсь ли, Боже? молюсь о чудѣ:
Земля заждалась, заждались люди,—
Исполни, Боже, мечты Твои!

Вл. Бестужевъ.

ХАОСЪ.

Соціальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зеркало.

Большой залъ въ два свѣта. Въ глубинѣ, посерединѣ, стеклянная дверь на террасу; по бокамъ окна, выходящія въ садъ. Видны деревья, покрытыя остатками желтыхъ листьевъ. За переплетомъ вѣтвей чернѣютъ фабричныя трубы. Направо стѣна во всю длину и ширину завѣшана холстомъ. Параллельно къ этой стѣнѣ посреди зала столъ съ закусками и винами. Къ большому столу приставлены два другихъ стола поменьше. Всего за столами мѣстъ около двадцати. На лѣвой стѣнѣ три задрапированныя двери: большая дверь въ двѣ половинки посерединѣ и двѣ одностворчатыя двери поменьше съ боковъ. Золоченая мебель между оконъ. Бронзовыя бра со свѣчами. Кронштейны со статуэтками. Три люстры. Рояль.

При поднятіи занавѣса лакеи убираютъ столъ: оффиціантъ—солиднаго вида съ баками; первый лакей—серьезный мужчина съ лысиной; второй лакей—молодой, бѣлобрысый, веселый; третій лакей—румяный съ брюшкомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Оффиціантъ и лакеи.

Первый лакей. Тифъ не тифъ, а мретъ народъ здорово

Третій лакей. Народъ съ голоду пухнетъ, а они во-какой пикникъ сорудили.

Второй лакей. Взять бы теперь за край скатерти да со всѣмъ, что на ней, на полъ—трахъ.

Оффиціантъ. Что-жъ, всякому лестно за счетъ революціи прибавку жалованья получить. У ресторанныхъ резолюція готова. Списочекъ досталъ.

Второй лакей. Съ перцемъ?

Оффиціантъ. Ничего, чихать будутъ. [Вынимаетъ бумажку]. Особливо пунктикъ двѣнадцатый. [Читаетъ]. «Ресторанные и трактирные служители, почитая себя такими-же по образу и подобію божію...» [Къ четвертому лакею]: Ты-

куда, образина, фрукты суешь? Не зшнаеь, гдѣ имъ мѣсто?.. [Продолжаетъ читать]: «по образу и подобію божію созданными людьми, какъ и господа, заявляютъ, что отнынѣ не будутъ отвѣчать на кличку «человѣкъ». Ловко. [Прячетъ бумагу].

Третій лакей. Ловко-то ловко, да что проку. Вотъ на митинги ходимъ, ризолюціи пишемъ, а все, между прочимъ, по-прежнему. Они за столомъ, а мы за стульями. Они рѣчи держатъ, а мы—«деванъ лежансъ»—и на кухню.

Второй лакей. Это мнѣ «деванъ лежансъ». Какъ заслышу, такъ и швырнулъ бы имъ въ голову, чѣмъ попало.

Первый лакей. Ужò погоди. Будетъ имъ сегодня закусочка.

Оффиціантъ. А что? Заваривается каша?

Первый лакей. На рабочей слободѣ всю ночь не спали. Толкуютъ разно.

Второй лакей [замѣтивъ входящихъ чрезъ входную дверь Бабурина и Незнакомца)... Тсс. Помалкивайте... Деванъ лежансъ.

Оффиціантъ. Тутъ готово. На кухню. [Уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бабуринъ и Незнакомецъ.

Бабуринъ. Вотъ мы и здѣсь одни. Незачѣмъ идти дальше. Съ кѣмъ имѣю честь и чѣмъ могу служить?

Незнакомецъ. [Показываетъ бумагу]. Я, изволите видѣть, по долгу службы.

Бабуринъ. По части охраны?

Незнакомецъ. Точно такъ. Я позволилъ себѣ обратиться къ вамъ, какъ къ старшему инженеру завода, потому что самого владѣльца теперь видѣть нельзя. У господина Стеклова собираются гости.

Бабуринъ. И они могутъ каждую минуту сюда нагрянуть.

Незнакомецъ. Я васъ долго не задержу, не извольте безпокоиться. Вамъ, конечно, извѣстно, что у васъ творится на заводѣ? То-есть среди рабочихъ.

Бабуринъ. Да что творится? Шумятъ. То же, что у всѣхъ. Митинги устраиваютъ, резолюціи пишутъ, забастовкой грозятъ... Ну, словомъ...

Незнакомецъ. И вы не находите, что въ такую пору, такъ сказать, въ самую грозу и бурю не очень-то благоразумно давать праздники? [Оглядывается] У васъ сегодня—какъ бы выразиться—освященіе зеркала...

Бабуринъ. Однако, вы хорошо освѣдомлены.

Незнакомецъ. А вечеромъ балъ. Въ честь новообрученныхъ.

Бабуринъ. Чортъ возьми! Для васъ и семейныя тайны—открытая книга. Авдотья Евгеніевна объявлена моей невѣстой только вчера вечеромъ.

Незнакомецъ. По долгу службы... Но главное-то, вижу, вамъ все-таки неизвѣстно. Вы теперь, такъ сказать, слились воедино съ семьей Стекловыхъ и, конечно, не меньше меня знаете о членахъ этой семьи. Кромѣ двухъ дочерей, проживающихъ здѣсь, у Стекловыхъ есть еще сынъ въ столицѣ.

Бабуринъ. Ну, этотъ... соціалистъ. Съ нимъ всѣ связи давно порваны.

Незнакомецъ. Не всѣ, не всѣ. Отъ матери получаетъ письма со вложеніями и частенько. Но не въ этомъ дѣло. Такъ вотъ Григорій Евгеніевичъ, онъ же Звѣроловъ—партійная кличка, появился на дняхъ въ нашихъ палестинахъ. Изволили слышать?

Бабуринъ. Здѣсь? Молодой Стекловъ здѣсь?

Незнакомецъ. Онъ посланъ отъ партіи, какъ у нихъ говорится, съ важными директивами. Ему поручили революціонировать здѣшній рабочій районъ— и юноша, нужно сознаться, старается.

Бабуринъ. Надѣюсь, изъ чувства... ну, изъ понятнаго человѣческаго чувства онъ не устроитъ свою главную квартиру у насъ, на нашемъ заводѣ.

Незнакомецъ. Ошибаетесь, господинъ инженеръ, насчетъ ихъ человѣчности. Молодой Стекловъ именно, какъ вы изволили выразиться, перенесъ свою главную квартиру на вашъ заводъ. Тутъ, видите ли, сложная политика. Въ здѣшнемъ рабочемъ мірѣ идетъ, такъ сказать, междуусобная борьба. Такъ вотъ, чтобы поднять свой престижъ, партія рѣшила выдвинуть героя. Сынъ милліонера, который пошелъ противъ родного отца во имя рабочихъ,—ужъ чего эффектнѣе.

Бабуринъ. Какой ударъ для матери!

Незнакомецъ. Итакъ, не сообщите-ли вы Евгенію Пантелѣевичу о пріѣздѣ инкогнито его наслѣдника? Можетъ быть, это его урезонитъ отложить этотъ не во благовременье праздникъ. У меня есть серьезныя причины опасаться... ну, скандала, а то чего похуже...

Бабуринъ. Н-да. Но все-таки... Гости уже съѣзжаются. Въ сущности, это невинная закуска... файфъ-о-клокъ. Свои люди — фабриканты, инженеры. Евгеній Пантелеичъ хочетъ подѣлиться съ ними одной своей мыслью. А потомъ я ему разскажу и постараюсь разстроить балъ.

Незнакомецъ. Какъ знаете.

[Въ это время черезъ боковую дверь врывается толпа молодежи: Фатя, Анушка, Мякинная, Лія, Ваня Тепловъ, Стукачевъ и Воиновъ. Молодежь, завидѣвъ Бабурина, привѣтствуетъ его криками: «Здѣсь онъ, магъ и волшебникъ! А мы васъ всюду ищемъ!»]

Незнакомецъ. [указывая Бабурину на молодежь]. Вотъ кому революція въ праздникъ далась. Вѣчныя каникулы. Итакъ, прощенія просимъ. Я васъ предупредилъ. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бабуринъ и молодежь.

Стукачевъ. Это, знаете, шпикъ. Пусть только въ руки попадется.

Фатя. Стукачевъ, вы забыли обѣщаніе. Ни слова о политикѣ.

Лія [слегка картавитъ]. По ту сторону эсеровъ и эсдековъ. Вотъ, берите примѣръ съ Воинова.

Воиновъ. Да, для меня всѣ высокіе вопросы—привать-захэ, какъ говорятъ нѣмцы, или, по-россійски, наплевать-захэ.

Стукачевъ. Циникъ!

Воиновъ. Ну, нѣтъ, у циниковъ были тоже потуги и ходули. Но бросимъ. Скажите лучше, Бабуринъ, правда ли, что Евгеній Пантелѣевичъ будетъ сегодня открывать зеркало и по этому поводу кормежку устроилъ?

Бабуринъ. Спросите Фатю.

Фатя. Почемъ я знаю? Папа намъ своихъ плановъ не сообщаетъ. Вы же тутъ цѣлые дни что-то мастерили. Вы все знаете.

Голоса. Покажите, милый Бабуринъ. Что вы мастерили? На что этотъ холстъ? Почему этотъ залъ былъ всегда запертъ? Покажите зеркало.

Лія. Если бы вы только знали, какіе по городу разсказы идутъ о зеркалѣ. Будто подъ видомъ ремонта Бабуринъ снялъ крышу съ дома, чтобы внести зеркало. Будто оно стоитъ милліонъ.

Бабуринъ. Ну, ужъ и милліонъ. А про крышу вѣрно. Видите, предстояло рѣшить задачу: при минимумѣ пролета...

Голоса. Скучно. Это скучно... Лучше покажите. Какъ все это будетъ происходить?

Бабуринъ. Очень просто. Когда гости усядутся за столъ, Евгеній Пантелѣевичъ дастъ знакъ, скажетъ что-нибудь, вродѣ: «вниманія, господа!» Тогда Антонъ Григорьевичъ повернетъ выключатели—и всѣ три люстры зажгутся.

Воиновъ. [къ Ванѣ Теплову]. Слышите, поэтъ, какая великая честь предназначена вашему родителю: повернуть выключатели.

Ваня Тепловъ. Выключатели! Вотъ слово!

Воиновъ. А что? Слово—какъ слово.

Голоса. Дальше, дальше! Что будетъ послѣ выключателей?

Бабуринъ. Ну, зажгутся люстры. Тогда я потяну за тотъ шнуръ. Видите? Холстъ упадетъ... «Объявляю объ открытіи зеркала»... Потомъ рѣчи, тосты...

Стукачевъ. О чемъ же тосты?

Бабуринъ. Какъ о чемъ? Это—самое большое зеркало въ нашемъ городѣ. Своего рода чудо техники. Торжество прикладного знанія.

Аннушка. Потяните за шнуръ! Покажите намъ чудесное зеркало.

Бабуринъ. Нельзя, Мякиночка. Тамъ устроенъ занавѣсъ, что упасть—упадетъ, а назадъ не поднимешь.

Аннушка. Такъ нельзя? Никакъ нельзя?

Лія. Смотрите, Аннушка уже полюбила зеркало... Она любитъ все и всѣхъ...

Воиновъ. Это ее всѣ любятъ, а она не препятствуетъ.

Аннушка. Не знаю, не знаю...

Фатя. О любви нельзя говорить. Кто не любитъ—молчи. Кто любитъ—молчи...

Лія. Такъ какъ тостовъ мы не услышимъ, то пусть поэтъ прочтетъ намъ стихи о зеркалѣ.

Голоса. Стихи! Экспромтъ! Гимнъ великому зеркалу! Фатя, попросите вы.

Фатя. Прочтите, Ваня.

Ваня. У меня есть поэма о зеркалѣ.

Воиновъ. Только не длинную. Отъ длинныхъ поэмъ мозоли ноютъ.

Бабуринъ. Предупреждаю, гости въ гостиной. Чуть войдутъ, вы прочь.

Ваня. Поэма о зеркалѣ. [Читаетъ нараспѣвъ, словно поетъ]:

Я... Я... Я...
Я—творецъ всѣхъ міровъ... Я—предѣлъ полноты...
Я—начало и цѣль... Я—вершина и дно...
Я, создавшій живое, сказалъ ему: ты...
Я, создавшій бездушное, подумалъ: оно...
Я больше, чѣмъ Все, и видѣть Себя оттого не могу...
Гдѣ зеркало столь безпредѣльное...

[Изъ большой двери входитъ Антонъ Григорьевичъ Тепловъ].

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Тепловъ.

Тепловъ [прерывая чтеніе]. Бабуринъ здѣсь? А, вся дѣтвора. Ну, господа!.. Вамъ здѣсь не мѣсто.

Бабуринъ. Вашъ сынъ такіе стихи читалъ намъ...

Тепловъ. На это онъ мастеръ. А вотъ насчетъ экзаменовъ... Господа, очищайте поле дѣйствія. Мѣсто старшимъ. Вамъ праздникъ будетъ вечеромъ.

Аннушка. Идемъ, Ваня, вы намъ дочитаете.

Воиновъ. Скажите, Ваня, на что вамъ такое большое «Я»? Нездорово. Лопнуть можно...

Аннушка. Стыдитесь, Воиновъ! [Къ Бабурину]. А вамъ понравилось?

Бабуринъ. Стихи—какъ стихи. Но причемъ тутъ зеркало? Зеркало дѣлается изъ литого стекла. Чтобы получить стекло надлежащей твердости, нужно взять песку 50 процентовъ, щелочи...

Голоса. Неинтересно! Скучно! Идемъ.

[Молодежь съ шумомъ удаляется].

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тепловъ и Бабуринъ.

Тепловъ. Я васъ искалъ. Скоро начнется представленіе.

Бабуринъ. Вы не знаете, что собственно хочетъ сообщить патронъ?

Тепловъ. Кто его знаетъ. Какой-то свой новый проектъ. Онъ, видите ли, убѣжденъ, что нашелъ рѣшеніе рабочаго вопроса.

Бабуринъ. Ни болѣе, ни менѣе?

Тепловъ. Это съ нимъ не впервые. Помните? Или это было еще до васъ? Слыхали? О самостраховании.

Бабуринъ. Что-то слышалъ.

Тепловъ. Какъ же. Въ одинъ прекрасный день, вотъ какъ сегодня, мой Евгеній Пантелѣевичъ заявляетъ, что онъ рѣшилъ рабочій вопросъ. И очень просто. Дѣти рабочихъ при самомъ рожденіи страхуются. Премія небольшая: пятачекъ въ недѣлю. Первые три года за новорожденныхъ платитъ заводъ, потомъ сами рабочіе. На этотъ пятачекъ рабочій оказывался застрахованнымъ на случай болѣзни, безработицы, старости... Словомъ, за пятачекъ рай на землѣ,

Бабуринъ. И что же?

Тепловъ. На бумагѣ все выходило, какъ слѣдуетъ. Ужъ на что я за тридцать лѣтъ бухгалтерства искусился въ вычисленіяхъ—и то ничего не могъ возразить. Цифры краснорѣчивыя. А въ дѣйствительности вышло вотъ что: заводъ переплатилъ нѣсколько тысячъ. А потомъ, когда настала пора платить рабочимъ, они чуть бунтъ не устроили. Фантазеръ!—какъ всѣ Стекловы. Старшій—религіозный фантазеръ, а онъ—дѣловой.

Бабуринъ. Нашъ-то патронъ фантазеръ! Какъ же! Держи карманъ крѣпко!

Тепловъ. Ну, конечно, и кулакъ, и фантазеръ. Не то, что вашъ братъ, изобрѣтатель,—фантазеръ чистокровный. Что вашъ силородъ? Идетъ на ладъ?

Бабуринъ. И не спрашивайте. Переживаю нѣчто вродѣ тяжелыхъ родовъ. Съ наложеніемъ щипцовъ.

Тепловъ. Ну, дай Богъ, чтобы на свѣтъ явился живой младенецъ, а не мертворожденный. Слышите голоса? Честная компанія. Да, я забылъ. Васъ Авдотья Евгеніевна искала. Вообще, всѣ васъ ищутъ. Потому что вы на всѣ руки. И мореплаватель, и плотникъ. Такъ, кажется?

[Входятъ черезъ большія двери: Лидія Дмитріевна подъ-руку со старикомъ Глазовымъ, Авдотья Евгеніевна (Додо) подъ-руку съ геръ Фаустель, Стекловъ со старухой Глазовой. За ними еще человѣкъ десять гостей и домашнихъ: заводскій врачъ, старая гувернантка, разливающая чай, и др. За гостями изъ маленькой двери выходятъ лакеи и становятся поодаль. Гости при входѣ оглядываются].

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стекловъ и гости.

Глазовъ. Гдѣ же оно—пресловутое зеркало?

Стекловъ. Потерпите, Нилъ Григорьевичъ. Теперь скоро увидите. [Замѣтивъ Теплова и Бабурина]. А! Почетный караулъ на мѣстахъ. Ну, что, все въ исправности?

Тепловъ. Кажется.

Бабуринъ. Все исправно.

Додо. [Подзываетъ Бабурина и идетъ къ нему навстрѣчу]. Я васъ искала. Готовъ рисунокъ для маскараднаго костюма?

Бабуринъ. Готовъ, готовъ! Вы, Додо, сегодня ужасно пышная. Неужто вы моя?

Додо. Я принадлежу вамъ, а мнѣ принадлежитъ весь міръ. Видите, какой вы богатый.

Стекловъ. Ну, господа, милости просимъ. Займите мѣста.

Глазова. Что такъ таинственно? По нынѣшнимъ временамъ не надо пугать людей. Мы и такъ напуганы.

Стекловъ. Почтенная Анна Филипповна, чѣмъ-чѣмъ, а видомъ зеркала женщину не испугаешь. Дѣло для нея привычное.

Фаустель. Ошень правда, ошень правда. Когда Богъ сдѣлалъ Адамъ и Эва, первый вопросъ Адамъ былъ: гдѣ трубка? А первый вопросъ Эва: гдѣ зеркало?

Глазовъ. Не вѣрьте нѣмцу. Первый вопросъ Адама былъ: гдѣ водка?

Стекловъ. Итакъ, господа. Гдѣ-же батюшка? Послали за нимъ?

Тепловъ. Какъ же. Съ причетникомъ. Должны придти.

Стекловъ. Такъ вотъ, господа. Какъ только придетъ батюшка со святой водой, холстъ этотъ упадетъ—и вы увидите достопримѣчательность нашего города, и, вообще, чудо техники, шедевръ моего завода—самое большое зеркало во всемъ Древлянскѣ. Втрое больше губернаторскаго зеркала, почти вдвое больше зеркала въ трактирѣ Губиныхъ, которое къ тому-же не цѣльное. Каково?

Глазовъ. Какъ же такую махину упаковали, доставили, внесли въ этотъ залъ?

Стекловъ. Ну, доставка, установка — это дѣтская игра. Пришлось разобрать часть крыши—вотъ и все. Но самая отливка зеркала—вотъ что было трудно. Бабуринъ, который завѣдывалъ всѣмъ, могъ бы разсказать цѣлую эпопею. Не правда ли, Бабуринъ, были таки трудности?

Бабуринъ. Да, трудности вышли большія съ литейнымъ столомъ и калильной печью. Затѣмъ при третьей шлифовкѣ начисто...

Стекловъ. Простите, Бабуринъ. Вы, какъ человѣкъ науки...—вы потомъ разскажете техническую исторію зеркала. Но я бы хотѣлъ воспользоваться временемъ, покуда придетъ батюшка и начнется освященіе, чтобы разсказать почтенному собранію—какъ бы это выразиться, психологическую, что ли, исторію зеркала. Господа, я бы никогда не осмѣлился безпокоить васъ изъ-за такого, въ сущности, пустяка. Изъ-за большого зеркала, которое многимъ покажется нелѣпой прихотью, безполезной тратой денегъ. [Протесты со стороны гостей, любезныя восклицанія: «Что вы! Помилуйте! Крайне интересно!» и т. д.]

Глазовъ. Отчего-же-съ? Если средства позволяютъ. Дай Богъ всякому.

Стекловъ. Покаюсь передъ вами чистосердечно. Спервоначала, когда у меня только что зародилась мысль объ этомъ зеркалѣ, я руководился тщеславіемъ, однимъ тщеславіемъ. Думалось: вотъ покажу имъ всѣмъ, т. е. всѣмъ вамъ, на какія чудеса мой заводъ способенъ. Отолью, молъ, такое диво, какого нѣтъ не то что въ провинціи, а въ обѣихъ столицахъ. Хотѣлъ щегольнуть передъ всѣми, какъ вотъ тотъ американецъ, о которомъ я недавно читалъ, что онъ купилъ въ Парижѣ шубу изъ подобранныхъ соболей и заплатилъ четыреста тысячъ франковъ.

Додо. Развѣ существуютъ шубы въ такую цѣну?

Стекловъ. Ужъ не прикажешь ли купить тебѣ подобную?

Додо. Твоя дочь считаетъ себя достойной носить все то, что люди считаютъ самымъ дорогимъ. [Общій смѣхъ].

Стекловъ. Бабуринъ, мотайте на усъ. Но вы, господа, не понимаете, почему я съ этимъ замѣчаніемъ обращаюсь къ Бабурину. Онъ со вчерашняго дня объявленъ женихомъ Авдотьи Евгеніевны. [Минута удивленнаго молчанія, потомъ шумъ. Всѣ бросаются поздравлять жениха съ невѣстой].

Глазова. Разсказываете о разныхъ разностяхъ, а о главномъ ни слова.

Додо. Папа, право обидно. Ты о моемъ обрученіи сообщаешь между прочимъ... Между зеркаломъ и шубой.

Стекловъ. Замѣть, Додо. Между дорогимъ зеркаломъ и дорогой шубой. Ничего для тебя нѣтъ обиднаго.

Глазовъ. За союзъ между капиталомъ и талантомъ! Ура!—[Всѣ подхватываютъ этотъ тостъ. Чокаются].

Стекловъ. Золотыя слова. Дайте васъ облобызать. За союзъ между капиталомъ и талантомъ—противъ общаго врага.

Одинъ изъ гостей. Противъ улицы! Противъ тупой, бездарной, озлобленной улицы!

Лидія Дмитріевна. Деванъ лежансъ...

Фаустель. Это одно самое. Капиталъ есть талантъ. Талантъ есть капиталъ.

Докторъ [стучитъ по стакану]. Дайте слово. [Всѣ умолкаютъ]. Нашъ почтенный амфитріонъ пригласилъ насъ сюда на торжество открытія зеркала. И первое, что новооткрытое зеркало отразило въ себѣ, виноватъ... могло бы отразить въ себѣ, если бы не опоздалъ батюшка. [Смѣхъ]. Это—самое свѣтлое и радостное, что есть на свѣтѣ: чету новообрученныхъ, прекрасную невѣсту и счастливаго жениха. Пью за то, чтобы ихъ будущая семейная жизнь была зеркаломъ, отражающимъ только красоту и счастіе! Пью за радость жизни! [Крики одобренія, чоканіе].

Стекловъ. Спасибо, милѣйшій докторъ, и за блестящій тостъ, и за то, что вы проложили мнѣ мостикъ отъ новообрученныхъ къ зеркалу. Господа, вы позволяете? Можно отъ пріятнаго перейти къ серьезному? Я уже сказалъ, что затѣялъ это зеркало изъ тщеславія... Зеркало медленно подвигалось впередъ, одна форма за другою портилась и ломалась. Между тѣмъ, начались событія. Пошла великая скачка. Революція. Погромы, разгромы... Какъ кто-то выразился, зажигательная лента вспыхнула и огонь побѣжалъ по всей Россіи. Запылали помѣстья, фабрики. Сердца загорѣлись злобой. Да что говорить? Всѣ вы знаете.

Лидія Дмитріевна. Евгеній! Деванъ лежансъ...

Стекловъ [къ Оффиціанту]. Лакеи могутъ удалиться. [Оффиціантъ и лакеи выходятъ, бросая на собраніе свирѣпые взгляды]. Что я пережилъ за это время? Да то же, что вы всѣ. Волновался, негодовалъ, трепеталъ. Нѣтъ, господа, скажу правду, я пережилъ нѣчто такое, чего никто изъ васъ не испыталъ. Вы знаете, вѣдь, что у меня сынъ... Мой старшій сынъ ушелъ въ соціалисты.

Лидія Дмитріевна. Зачѣмъ? Зачѣмъ ты объ этомъ теперь? Зачѣмъ портишь праздникъ?

Стекловъ. Молчи, жена. Отъ правды не уйдешь. Такъ вотъ. У меня

старшій сынъ ушелъ въ соціалисты. И часто я, самъ того не желая, спрашивалъ себя: кто жъ правъ? Понимаете, правъ не передъ закономъ, не передъ силой, а передъ совѣстью. Да... И зеркало, это вотъ зеркало отвѣтило мнѣ, что правъ не Григорій, а я, не соціалисты, а мы, фабриканты, мы, создающіе богатство, культуру, неравенство. Это зеркало открыло мнѣ, что культура и неравенство—одно и то же. Потому что одно изъ двухъ: или дрянныя, пузырчатыя зеркальца для всѣхъ, или этотъ фасетный гигантъ для немногихъ.

Голоса. Вѣрно. Истинная правда. Не будь богатыхъ—рабочіе съ голода бы подохли.

Стекловъ. Было это двѣ недѣли тому назадъ. Узналъ я о нападеніи на Замысловскихъ... Объ убійствѣ инженера Тароватаго, стараго пріятеля. Жутко мнѣ стало, и пришелъ я по обыкновенію помечтать передъ этимъ зеркаломъ. И тогда-то я рѣшилъ. Да, именно теперь, во дни смуты и ужасовъ, именно теперь, въ разгарѣ борьбы, намъ, богатымъ людямъ, нужно сказать себѣ самимъ, что намъ не стыдно своей роскоши, что мы не эксплоататоры, а творцы, не грабители, а подвижники культуры, что на нашей сторонѣ не только полиція, но и разумъ жизни, исторія, природа, самъ Богъ.

Крики. Браво! Браво! Спасибо за бодрое слово! Вы у насъ полководецъ!

Докторъ. Евгеній Пантелѣевичъ. Да вы Демосѳенъ! Будь золотая доска величиною съ это зеркало, на ней слѣдовало бы вырѣзать вашу рѣчь.

Стекловъ. Ну, я радъ, господа, что мои слова пришлись вамъ по сердцу. Но, вѣдь, это только первая истина, которую я прочелъ въ этомъ зеркалѣ.

Додо. Есть и другая?

Стекловъ. Да, моя нетерпѣливая Додо. Есть и другая. Когда я понялъ, что культура и неравенство—одно и то же, то передо мною всталъ роковой вопросъ. [Пауза].—Какъ же съ этимъ закономъ жизни,—какъ примирить съ нимъ рабочихъ, тѣхъ, которые своими же руками и во вредъ себѣ создаютъ это неравенство?.. [Долгая пауза].

Одинъ изъ гостей. Примирить? А нужно-ли это?

Фаустель. Казаки будутъ примирить.

Глазовъ. Признаться, не возьму въ толкъ. Примирить рабочихъ... А какъ жили наши отцы и дѣти?.. Рабочіе во всѣ времена волновались, бунтовали... И что же? Возбужденіе проходило. Ихъ не мирили, а усмиряли, и все оставалось на прежнемъ мѣстѣ.

Стекловъ. Вотъ въ этомъ, господа, я съ вами не согласенъ. Не похоже наше время на всѣ прежнія. Новая глава, новая страница. Въ первый разъ рабочіе прозрѣли... У нихъ открылись глаза... И въ этихъ глазахъ... Да развѣ вы сами не видите? Развѣ вы не читаете въ глазахъ у каждаго рабочаго вражду, зависть, жажду крови, готовность на все...

Лидія Дмитріевна. Что ты, Евгеній...

Глазова. Охъ, не пугайте, батюшка.

Стекловъ. Что вы, что вы... Мы не маленькія дѣти, чтобы пугаться испуга. Не слова страшны, а то, что мы окружены смертельными, непримиримыми врагами... Я, конечно, не противъ силы... не противъ казаковъ... Но усмирить рабочихъ мало. Надо еще ихъ примирить, внутренно примирить съ неравенствомъ культуры... Иначе мы пропали. У рабочаго открылись глаза, но надъ пропастью. Надъ пропастью неравенства... Если не удержать его во-время, онъ и себя расшибетъ, и насъ искалѣчитъ...

Глазовъ. Опасныя мысли... Какъ примирить бѣдняка съ чужимъ богатствомъ?

Стекловъ. Есть одинъ видъ неравенства, съ которымъ человѣкъ мирится безъ возмущенія. Неравенство лоттереи. Когда мы беремъ билетъ на лоттерею, мы заранѣе знаемъ, что одному достанется большой выигрышъ, немногимъ—малые, а большинству ничего. Знаемъ и миримся съ этимъ. Почему? Потому что мы всѣ равно надѣемся на неравное счастіе, равно глядимся въ большое зеркало. Понимаете? Но для этого необходимо одно: имѣть лоттерейный билетъ. У рабочаго до сихъ поръ не было лоттерейнаго билета на неравенство культуры. Нужно всучить ему этотъ билетъ. Я съ тѣмъ и созвалъ васъ... [Въ это время, запыхавшись, входитъ фабрикантъ Манухинъ и при видѣ собранія останавливается].

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Манухинъ.

Стекловъ. А, Василій Ильичъ, добро пожаловать. Присаживайтесь. Мы уже боялись, что вы не пріѣдете.

Манухинъ. И я боялся, что не застану въ сборѣ. Гналъ шоффера... [Здоровается со всѣми, но не садится].

Стекловъ. Вы пришли какъ разъ во-время. Въ ту минуту, когда я сталъ излагать проектъ рабочей лотереи.

Манухинъ. [Вынимаетъ изъ кармана бумагу]. Простите, Евгеній Пантелѣевичъ. Простите, если я васъ прерву. Ужасныя дѣла, господа. Вотъ телеграмма изъ Матова, отъ моего приказчика. Слушайте. [Читаетъ]. «Фабрикѣ Енотаевыхъ рабочій бунтъ. Вчера вечеромъ депутаты рабочихъ представили требованія, сегодня утромъ подожгли флигель, инженеръ Бобринъ погибъ огнѣ, Борисъ Ивановичъ раненъ, машины поломаны. Волненіе перекинулось заводъ Ланге. Крестьяне заодно рабочими. Гроза идетъ на васъ. Принимайте экстренныя мѣры». Что скажете?

Фаустель. Казаки! Казаки! Одна сотня казаки!

Стеклова. А дѣти Енотаевскихъ? Людмилочка?

Манухинъ. Не знаю, Лидія Дмитріевна. Вотъ все, что написано.

Глазова. Бѣгимъ, Нилушка. Бѣгимъ безъ оглядки. Въ Петербургъ, за границу.

Глазовъ. Куда матушка бѣжать? А имущество?

Додо [Бабурину]. Неужто серьезная опасность? Давайте, Бабуринъ, удеремъ.

Бабуринъ. А мой сплородъ? [вслухъ]. Господа, то Матово, а то мы. Въ деревнѣ, кромѣ урядника да сторожей, и силы нѣтъ. А у насъ городъ... Гарнизонъ, жандармы.

Фаустель. Гарнизонъ—карошъ, жандармъ—болѣе карошъ, казакъ—самый карошъ. Телеграммъ губернатору!

Манухинъ. Я и то первымъ дѣломъ бросился на телеграфную станцію и послалъ срочную губернатору. Но по нашимъ временамъ и телеграфу не очень-то довѣрять можно. Телеграфистъ сосчиталъ слова и такъ на меня посмотрѣлъ... А все же не мѣшало бы послать намъ всѣмъ коллективную телеграмму.

Глазовъ. Вотъ вамъ ваша лоттерея!

Стекловъ. Одно другому не помѣха. Пожаръ нужно тушить, но раньше не мѣшаетъ имущество страховать. Пишите, Василій Ильичъ. Мы всѣ подпишемъ.

Фаустель. Казаки! Казаки! Не забудьте казаки!

Манухинъ. Увы, у губернатора мы не одни.

Глазовъ. Нашъ фабричный районъ первый въ краѣ. У насъ права на защиту исключительныя.

Манухинъ [вынимаетъ блокъ-нотъ и перо и обращается къ доктору]. Вы у насъ сочинитель. Составьте поярче.

Докторъ. Постараюсь. [Пишетъ и читаетъ]. «Въ виду кровавыхъ событій Матовѣ, опасаясь надвигающейся оттуда грозы, фабриканты древлянскаго района, радѣя благѣ родины, общественномъ порядкѣ, промышленныхъ интересахъ края, умоляютъ ваше превосходительство оградить насъ противъ бунтующей черни, прислать на подмогу мѣстному гарнизону сотню казаковъ. Расквартировку казаковъ, равно ихъ содержаніе»... Нужно объ этомъ?

Манухинъ. Что жъ, не мѣшаетъ. Пишите, пишите... [Въ это время конторщикъ вбѣгаетъ въ залъ, устремляется къ Стеклову и шопотомъ что-то ему сообщаетъ. Всѣ настораживаются].

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Конторщикъ.

Лидія Дмитріевна. Что случилось?

Стекловъ. Какъ они смѣютъ! Скажите, завтра утромъ въ конторѣ.

Конторщикъ. Не слушаютъ. Валятъ валомъ.

Стекловъ. Сторожей у входовъ!

Конторщикъ. Двери заперты. Да нешто удержишь такую толпищу. Черезъ садъ, черти, прутъ.

[За окнами и за дверью, выходящей на террасу, слышенъ гулъ голосовъ. Кто-то пытается открыть дверь. Удары кулаковъ. Всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ].

Стекловъ. [Въ ярости]. Не смѣютъ! Не смѣютъ! Здѣсь мой домъ!

Глазовъ. Ради Бога, Евгеній Пантелѣевичъ, ступайте къ нимъ, обѣщайте лоттерею, что хотите, только успокойте.

Фаустель. Обѣщайте каждый рабочій большой выигрышъ. Десять тысячъ большой выигрышъ!

Манухинъ. Дайте знать въ жандармское управленіе. [Крики и стукъ въ дверь усиливаются].

Голоса за дверью. Отоприте! Рабочая депутація!

Докторъ [сжигаетъ телеграмму на спичкѣ]. Съ этими разбойниками... Нѣтъ ли выхода?

Стекловъ [успокаиваетъ жену].—Не бойся, другъ. Пустое. Не посмѣютъ.

Лидія Дмитріевна. Да я не боюсь. Рядомъ съ тобой ничего не боюсь.

Глазова. Охъ, дурно мнѣ, дурно!

Глазовъ. Потерпи, матушка. Некогда теперь. Потомъ.

Додо [къ Бабурину].—Бабуринъ! Что жъ вы молчите? Сдѣлайте что-нибудь.

Бабуринъ. Успокойтесь, господа. Недавно приходилъ сюда охранникъ. За нашимъ заводомъ слѣдятъ. Полиція на ногахъ.

Глазовъ. Слава тебѣ, Господи.

Бабуринъ [Стеклову]. Позвольте мнѣ открыть имъ дверь и переговорить. [Къ конторщику]. А вы скорѣе въ контору и протелефонируйте въ жандармское управленіе.

Конторщикъ. Забылъ сказать, телефонъ оборванъ.

Бабуринъ. Ну, ничего.

[Среди всеобщаго напряженнаго молчанія Бабуринъ направляется къ средней двери. Въ другихъ дверяхъ столпился народъ. Изъ маленькой двери направо выглядываютъ любопытствующія и злорадствующія лица лакеевъ и прочей прислуги. Въ двери налѣво столпилась молодежь. Не успѣлъ Бабуринъ повернуть ключъ, какъ въ залъ врываются человѣкъ десять рабочихъ депутатовъ, передъ которыми, выступивъ на шагъ впередъ, находится Григорій Стекловъ. За нимъ Лямкинъ, Володя и друг. Черезъ открытую дверь, въ сумеркахъ осенняго вечера, видна большая толпа].

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и депутація отъ рабочихъ.

Стекловъ и Стеклова. [Въ одинъ голосъ]. Григорій!

Додо. Гриша! Въ такомъ костюмѣ!

Лидія Дмитріевна. [Бросается къ сыну]. Какъ похудѣлъ! Гоpинька! Что съ тобою! Давно ты здѣсь?

Григорій. [Отстраняя ее лѣвой рукой и отворачиваясь]. Оставь, мама, потомъ, потомъ... Я пришелъ сюда не какъ сынъ вашъ.

Лидія Дмитріевна. Евгеній... Смотри, Евгеній... Онъ не хочетъ поцѣловать свою мать.

Григорій. Я отъ рабочихъ. Я—представитель рабочихъ интересовъ. Мы пришли къ нимъ [указываетъ на стоящихъ за столомъ]. предъявить свои требованія.

Лидія Дмитріевна. Григорій...

Стекловъ. Оставь его, жена. Слышишь, онъ пришелъ сюда, не какъ сынъ нашъ, а какъ врагъ. Въ этотъ домъ, гдѣ онъ родился и выросъ. Ну, что жъ. Такъ вотъ, господинъ представитель рабочихъ интересовъ, какъ смѣли вы ворваться въ этотъ чужой вамъ домъ, въ эту чужую семью, вмѣсто того, чтобы отправиться въ пріемные часы въ контору?

Григорій. [Молчитъ].

Лямкинъ. [Говоритъ басомъ]. Какъ видите, очень просто. Взяли да посмѣли. Смѣлому и дверь не помѣха. [Среди рабочихъ сдержанный смѣхъ].

Григорій. На войнѣ не до поклоновъ и церемоній. А мы пришли объявить вамъ войну, войну или миръ, какъ сами пожелаете. Мы узнали, что здѣсь собралась компанія фабрикантовъ, и намъ показалось удобнѣе говорить со всѣми разомъ, чѣмъ съ каждымъ въ отдѣльности. Условія, которыя мы предъявляемъ, относятся равно ко всѣмъ заводамъ и фабрикамъ здѣшняго района. Вотъ они. [Вынимаетъ бумагу].

Стекловъ. Условій вашихъ ни я, ни гости мои слушать здѣсь не станутъ.

Вы вотъ возмущаетесь полиціей, что она не соблюдаетъ неприкосновенности жилища. Такъ соблюдайте ее хоть вы, господа соціалисты.

Лямкинъ. [Кричитъ]. Сказка не долга. Восьмичасовой день или всеобщая забастовка.

Володя. [Тоненькимъ голосомъ]. Вооруженная всеобщая забастовка.

Стекловъ. Не слышалъ, не понялъ, не запомнилъ, что вы сказали. И мои гости...

Фаустель. Никто мы не слышалъ. Мы всѣ оставилъ свои уши дома.

Володя. И длинныя, какъ погляжу, у васъ уши.

Фаустель. Не больше длинный, чѣмъ твой языкъ.

Манухинъ. Чужихъ рабочихъ рѣчи до насъ не касаются.

Лидія Дмитріевна. Не могу повѣрить... Григорій... Не могу... [Разражается слезами].

Стекловъ. [Сыну]. Что жъ, будь доволенъ. Въ ожиданіи войны и всеобщей забастовки ты уже заставилъ свою мать плакать.

Григорій. [Дѣлаетъ шагъ впередъ и говоритъ митинговымъ голосомъ]: Мама! Ты не можешь повѣрить, чтобы сынъ твой, воспитанный въ праздной роскоши, осозналъ права труда и отъ тунеядствующихъ и благоденствующихъ ушелъ къ трудящимся и нуждающимся. Всему этому ты не вѣришь. Но ты вѣришь и находишь въ порядкѣ вещей, что вотъ ты сидишь за этимъ столомъ, заставленнымъ винами и яствами, и пируешь въ то время, когда въ нашемъ же городѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тебя, голодаютъ сотни безработныхъ, выброшенныхъ на улицу вотъ этими твоими сотрапезниками, и сотни матерей слушаютъ съ утра до вечера плачъ голодныхъ и больныхъ дѣтей.

Володя. Славно!

Лямкинъ. [Про себя]. Краснобай!

Додо. Гриша, ты вотъ сказалъ о яствахъ. Что такое яства? Неужто эти сардины и ветчина и есть яства?

Григорій. [Сердито]. Молчи, кукла.

Стекловъ. [Бросается впередъ]. Нѣтъ, нѣтъ, пустите... Ты, мальчишка, вздумалъ учить меня уму-разуму по твоимъ книжкамъ. Да, мы пируемъ. Я, не спросясь тебя, устроилъ пиръ.

Григорій. Пиръ во время чумы.

Стекловъ. Будь по твоему. Пиръ культуры во время революціонной чумы. Видишь этотъ холстъ? За нимъ зеркало...

Григорій. Какъ же, наслышанъ. Попъ шелъ съ крестомъ, да, насъ увидѣвъ, бѣжалъ. Вѣдь, это ты сегодня созвалъ гостей на открытіе зеркала. Подумаешь, Америка какая...

Стекловъ. Зачѣмъ Америка? Открываю зеркало, какъ памятникъ. Это зеркало—монументъ, слышишь, монументъ побѣдъ, одержанныхъ умомъ и волей

человѣческой надъ природой. Тебѣ, книгоѣду, до техники и труда нѣтъ дѣла. Но вотъ рабочіе меня поймутъ. [Обращаясь къ рабочимъ]. Не правда ли, вамъ это зеркало не чужое? Много дней вы надъ нимъ корпѣли, стояли, нагнувшись, работали до устали. Пять разъ вы ломали печь и вынимали раскаленные горшки, пять разъ выливали на литейный столъ огненный сплавъ. Прокофій, ты, кажется, пролежалъ мѣсяцъ въ больницѣ съ обожженной рукой? Это зеркало—вашъ трудъ, вашъ потъ, ваше дѣло. Вы на сегодняшній праздникъ пришли незваные... Что-жъ. Я собирался позвать васъ въ другой разъ, но такъ и быть, будьте гостями теперь. Хотите выпить на радостяхъ, въ честь оконченнаго зеркала.

Лямкинъ. Вотъ это правда, что нашъ трудъ и нашъ потъ. И вообще. Все, значитъ, наше кровное, потому что мы работали...

Стекловъ. Не хотите. Ну, какъ хотите.

Григорій. Ужъ если ты такъ жалостливъ къ рабочимъ, прими ихъ требованія—согласись на прибавку платы, на восьмичасовой день.

Стекловъ. Радъ бы согласиться, да не могу. [Обращается къ рабочимъ]. Давайте разсуждать по мирному, то-есть по справедливому. Вотъ вы сознательные. Такъ я и обращаюсь къ вашему сознанію. Выслушайте, разсудите. Вѣдь, мало отлить зеркало. Надо, чтобы пришелъ богатый человѣкъ, который заплатилъ бы за него двадцать тысячъ, которыя оно стоитъ. А чтобы помѣстить у себя такое зеркало, этотъ богачъ долженъ имѣть высокій домъ и убранство въ домѣ: рояль, люстры, мебель, ковры. Если принять ваши требованія, то не будетъ того богача, который могъ бы купить вашу же работу. Понимаете? Для того, чтобы вашъ трудъ былъ возможенъ, необходимо, чтобы кто-нибудь наживался и богатѣлъ на вашъ счетъ. Ясно это? Простая ариѳметика. Вы своею работой сами создаете предметы, которыми пользоваться могутъ только немногіе. Правъ я или нѣтъ? [Рабочіе молчатъ].—Что же сдѣлать съ этимъ зеркаломъ? Или прикажете разрѣзать его на куски и раздать всѣмъ вамъ?

Григорій. Что же, такъ оно, пожалуй, было бы справедливѣе.

Стекловъ. Молчи, книжникъ. Спроси рабочихъ, они тебѣ скажутъ, что вся геніальность, вся трудность зеркальнаго производства заключается въ размѣрахъ зеркала. Разрѣжь это зеркало на сто кусковъ—и стоимость ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, уменьшится въ десять разъ. Понимаешь, господинъ соціалистъ, твой идеалъ обезцѣниваетъ жизнь въ десять разъ. И не только въ десять. Растаскай этотъ домъ и построй десять рабочихъ домиковъ—ты уменьшишь его стоимость въ сто разъ... А если вотъ этотъ крупный бриллiантъ, который ты видишь на шеѣ Додо, разрѣзать на сто мелкихъ розъ и раздать всѣмъ ихъ женамъ, то стоимость его уменьшится въ тысячу разъ. Бабуринъ, скажите. Для того, чтобы каждая рабочая семья могла имѣть такую квартиру, какъ я, сколько на постройку домовъ потребовалось бы труда?

Бабуринъ. Какъ сказать? При теперешнихъ орудіяхъ производства для этого потребовался бы трудъ милліарда рабочихъ въ теченіе ста лѣтъ.

Стекловъ. Слышите? Милліардъ рабочихъ, все человѣчество, включая стариковъ и дѣтей, должно работать въ теченіе ста лѣтъ надъ возведеніемъ однихъ зданій. А мебель, одежда, украшенія? Что прикажешь дѣлать со всей этой живой, радующей роскошью? Уничтожить? Больше не создавать, не выдумывать, сказать генію: довольно! Вернуться къ равенству дикарей? Или создавать безъ цѣли? Чтобы никто не пользовался—ни я, ни другой, ни третій? Скажите, скажите, вамъ хотѣлось-бы, чтобы вашъ трудъ былъ безцѣленъ? Или растаскать роскошь по клочкамъ? Лямкину къ блузѣ приколоть кружево? Къ Володѣ на чердакъ поставить рояль? Какъ думаете, Володя, умѣстится въ вашей комнатѣ этотъ рояль?

Володя. Скорѣй моя комната въ этихъ фортепеніахъ умѣстится.

Стекловъ. А вы какъ думаете, Лямкинъ, найдется въ вашемъ домѣ стѣна для этого зеркала?

Лямкинъ. [Угрюмо и зловѣще]. У меня дома жена вторую недѣлю въ тифозной горячкѣ лежитъ. Дохтура вашего который день не могу дозваться.

Фабричный докторъ. Извините, я навѣстилъ вашу жену.

Григорій. Видишь, отецъ. Ты тутъ разсуждаешь не въ компаніи фабрикантовъ послѣ сытаго обѣда, сквозь сигарный дымъ, а говоришь передъ толпою людей, изморенныхъ трудомъ, ограбленныхъ тобою, измученныхъ голоднымъ годомъ и дороговизной, озлобленныхъ до боли. Во сколько обошлось это зеркало? Въ 20 тысячъ? Такъ, вѣдь, на эти деньги можно бы оборудовать медицинскую помощь и накормить всю слободу.

Стекловъ. Можетъ быть, можетъ быть. Но это не отвѣтъ. Рабочіе во всѣ времена голодали и болѣли. И если бы изъ-за страданій рабочихъ отказаться отъ роскоши, мы бы до сихъ поръ кутались въ звѣриныя шкуры и ютились въ свайныхъ постройкахъ. Не было бы ни дворцовъ, ни храмовъ, ни статуй, ни зеркалъ, ни фабрикъ, ни университетовъ, ни меня, ни тебя, ни этихъ рабочихъ...

Лямкинъ. Дайте, товарищи, я ему отвѣчу.—[Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ вправо, подходитъ вплотную къ самому зеркалу и поднимаетъ край холста]. Такъ это зеркало дороже вамъ, чѣмъ наше, нашихъ женъ и дѣтей здоровье и жизнь? Такъ, что ли?..

Стекловъ. Не мнѣ, не мнѣ дороже... А всему человѣчеству, коллективу, всѣмъ будущимъ поколѣніямъ... Во имя творчества... Во имя культуры... Во имя...

Лямкинъ [повернувшись къ стѣнѣ спиною, изо всей мочи ударяетъ сапогомъ въ зеркало, такъ что цѣлый уголъ разлетается вдребезги]. Вотъ мой отвѣтъ...

[Звонъ разбитаго стекла ударяетъ по нервамъ, вызывая всеобщій переполохъ. Бабуринъ стоитъ, какъ загипнотизированный, и вдругъ бросается на Лямкина и хватаетъ его за горло. Лямкинъ держитъ его за воротъ. Оба они одного роста и равной силы. Ихъ разнимаютъ. Изъ рабочихъ, стоявшихъ въ саду, передніе врываются въ залъ. Психологическій моментъ, когда толпа, охваченная стаднымъ порывомъ, готова на всѣ крайности. Нервное возбужденіе еще усилилось оттого, что вмѣстѣ со звономъ разбитаго стекла раздался женскій крикъ. Это Аннушка Мякинная вскрикнула, лишаясь чувствъ. Ее подхватываютъ, сажаютъ на стулъ, отпаиваютъ водою. Лакеи и нѣкоторые рабочіе окружаютъ Лямкина защитнымъ кольцомъ. Въ эту минуту всеобщаго возбужденія изъ-за портьеры большой двери высовывается голова Незнакомца, который, очевидно, все время скрывался въ домѣ. Онъ зорко оглядываетъ всѣхъ, отдаетъ себѣ отчетъ въ опасности положенія и исчезаетъ. Вмѣшательство Григорія предупреждаетъ висящую въ воздухѣ катастрофу.]

Григорій. [Въ искреннемъ порывѣ]. Товарищи, стыдно! Вандальскій поступокъ Лямкина не достоинъ партійнаго дѣятеля...

Лямкинъ. [Со стиснутыми зубами]. Брехунъ...

Стекловъ. [Къ Григорію]. Такъ рабочіе не всѣ заодно съ тобою? Ты не отъ всѣхъ рабочихъ?

Григорій. Товарищи, слышите? Лямкинъ разъединяетъ насъ. Избрали вы насъ въ депутаты или нѣтъ? Такъ дайте исполнить ваше порученіе до конца.

Володя. Кто сознательный—къ дверямъ!

[Смятеніе, давка. Видны поднятыя руки. Слышны отдѣльные выкрики: «Все къ чертямъ.—Не намъ, такъ никому.—Отъ яблони яблочко.—Каковъ отецъ, таковъ сынокъ.—Мы пухнемъ съ голода», и т. д. Гости столпились на авансценѣ. Бабуринъ и Тепловъ стоятъ впереди. Стекловъ и Григорій слѣдятъ за рабочими. Молодежь сбилась въ лѣвомъ углу и хлопочетъ вокругъ Аннушки. Въ это время, расталкивая прислугу, входитъ жандармскій офицеръ. За нимъ нѣсколько жандармовъ останавливаются на порогѣ. Оффиціантъ и лакеи стушевываются].

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и жандармскій офицеръ.

Жандармскій офицеръ. Оставаться на мѣстахъ. [Къ жандармамъ]. Никого не допускать и не выпускать. Какъ началось? Кто зачинщикъ?

[Стекловъ что-то соображаетъ и молчитъ].

Бабуринъ. Депутаты отъ рабочихъ ворвались въ залъ. Одинъ изъ нихъ разбилъ зеркало.

Фаустель. Господинъ Стекловъ лекція дѣлалъ. Онъ, какъ человѣкъ, разсуждалъ съ голова, а рабочій, какъ скотина, отвѣчалъ съ ногамъ.

Жандармскій офицеръ. Прошу указать на виновниковъ буйства и опредѣлить стоимость убытковъ. Протоколъ!

Стекловъ. [Тихо Бабурину]. Въ контору! Разбитое зеркало намъ службу сослужитъ. Господинъ офицеръ, прошу васъ, позвольте рабочимъ разойтись. Никакого протокола не нужно. Не произошло никакого буйства, я никого не намѣренъ преслѣдовать. Просто, въ пылу спора...

Лямкинъ. [Выступаетъ впередъ]. Нѣтъ, отчего же. Я не скрываюсь. Это я разбилъ зеркало. Пишите, ваше благородіе, бумагу, сажайте меня въ острогъ, пошлите на каторгу. Хуже того, что меня ждетъ дома, и на каторгѣ не бываетъ.

Стекловъ. Я все-таки прошу протокола не составлять.

Жандармскій офицеръ. Какъ желаете. Безчинство произошло не въ общественномъ мѣстѣ, а на частной квартирѣ. Ваша воля. [Къ жандармамъ]. Отойдите отъ дверей. Кто хочетъ, выходи.

Стекловъ. [Къ рабочимъ]. Прошу васъ, разойдитесь мирно по домамъ. Депутаты пусть идутъ въ контору. Я буду тамъ черезъ минуту и переговорю. Кстати, я имѣю сообщить имъ объ одномъ важномъ рѣшеніи. Вскорѣ вы всѣ убѣдитесь, что интересы капиталистовъ и рабочихъ вовсе не противоположны, какъ увѣряютъ господа пріѣзжіе соціалисты. Итакъ, согласны въ контору?

Голоса. Что жъ, согласны. Идемъ, товарищи. Пора—время не пришло. [Рабочіе медленно расходятся].

Жандармскій офицеръ. [Имъ вдогонку]. Предупреждаю, при малѣйшемъ безпорядкѣ или попыткѣ портить имущество я пущу въ ходъ оружіе. О разрывѣ телефонныхъ проволокъ произведу особое слѣдствіе. Больше мнѣ пока здѣсь дѣлать нечего. Имѣю честь кланяться, господа. [Даетъ знакъ жандармамъ удалиться].

Бабуринъ. Однако, какъ вы такъ быстро обо всемъ узнали?

Жандармскій офицеръ. [Таинственно]. Видите, господа, мы васъ охраняемъ безъ вашего вѣдома. Честь имѣю...

[Уходитъ въ сопровожденіи своихъ подчиненныхъ].

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, безъ жандармовъ.

Фаустель. Если бы всѣхъ жандармъ былъ одинъ лицо, я бы его поцѣловаль.

Стекловъ. [Къ гостямъ].—Хотите, господа, за мною въ контору? Я теперь же объявлю имъ о лотереѣ.

Манухинъ. Какъ же быть съ телеграммой? Вы позволите, господа, подписать ваши фамиліи?

Стекловъ. Ну, само собой.

Фаустель. Я нахъ гаузе. До пріѣзда казакъ я на все согласна, хоть на одинчасовой день. А потомъ...

Глазовъ. Помяните мое слово, Евгеній Пантелѣевичъ. Не добромъ кончится ваша затѣя. Мы домой. Прощенія просимъ.

Стекловъ. Ну, до свиданія, господа. Посмотримъ, посмотримъ.

Додо. А какъ же зеркало? Такъ разбитое и останется?

Бабуринъ. Нѣтъ, моя великолѣпная. Закруглю углы и пущу бордюръ. Еще наряднѣе прежняго станетъ.

Стекловъ. [Къ Доктору]. А вы бы навѣстили жену этого Лямкина. Ну что, Аннушка, отлегло? Вотъ мы уходимъ. Вы, молодежь, попируйте вмѣсто насъ. [Къ Лидіи Дмитріевнѣ]. Ступай, прилягь. На тебѣ лица нѣтъ.

Лидія Дмитріевна. Нездоровится. Идемъ, Додо. Печальная помолвка. [Расходятся Стекловы и гости. Остается молодежь].

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Фатя, Аннушка, Лія, Стукачевъ, Воиновъ, Ваня.

Стукачевъ. Ну, и великолѣпенъ былъ вашъ братъ! Трибунъ, вождь...

Воиновъ. [Наливаетъ шампанское и пьетъ]. Такой же гримасникъ, какъ и всѣ. А вотъ тотъ Лямкинъ—молодецъ. Взмахъ ногой искренній. Если бы принято было, пожалъ бы ему ногу.

Аннушка. [Сидитъ на полу передъ зеркаломъ и гладитъ разбитое мѣсто]. За что? За что? Ты въ ихъ спорѣ не участвовало. Ты только любопытное... Все видишь, все забываешь...

Ваня. Мнѣ жаль зеркало не за то, что оно разбито. Но въ послѣдній мигъ, передъ тѣмъ, какъ разсыпаться вдребезги,—въ послѣдній мигъ отразить сапогъ Лямкина!.. Бррр...

Стукачевъ [задумчиво]. Да, сапогъ Лямкина. [Вздыхаетъ].

Воиновъ. О чемъ, братъ, вздыхаешь? О томъ, что люди смертны? Но, вѣдь, умираютъ другіе. Съ тобою этого не случится. Пока живъ будешь, не случится. Брось, не стоитъ. Наплевать-захе. Вотъ вамъ всѣмъ хочется выпить и закусить, а я одинъ ѣмъ и пью. [Наливаетъ и пьетъ].

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Отецъ и сынъ.

Комната Аннушки. Прямо дверь, направо—окно. Налѣво—кровать и столъ. На столѣ нѣсколько книгъ. Керосиновая лампа подъ абажуромъ. Ночь. На дворѣ вѣтеръ.

Аннушка въ домашнемъ платьѣ, съ распущенными волосами. Фатя—въ пальто и шляпѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Фатя. Пора домой. Что это клубъ пустуетъ? Сегодня папа разспрашивалъ, гдѣ ты живешь и съ кѣмъ, и почему всѣ собираются у тебя, и почему твою комнату зовутъ клубомъ. Я не знала, что отвѣчать.

Аннушка. Не знаю, не знаю. Стоитъ моя комната на юру, блеститъ окнами, словно глаза выпучила. Всѣ и идутъ на свѣтъ.

Фатя. Идутъ на свѣтъ, но не тотъ, что въ окнахъ. На твой свѣтъ. Всѣ тебя любятъ. А вотъ меня никто.

Аннушка. Неправда.

Фатя. Скажи, они всѣ... Когда они остаются съ тобой наединѣ... Они говорятъ тебѣ о любви?

Аннушка. Ну, конечно, говорятъ.

Фатя. Всѣ? И Воиновъ говоритъ?

Аннушка. Ну, конечно.

Фатя. А ты что же? Вѣдь, ты ихъ не любишь?

Аннушка. Нѣтъ, Фатя, не люблю. Я очень дурная. Или нѣтъ, я люблю, но не знаю, кого. Всѣхъ и никого. Ночью подступитъ къ сердцу такое чувство и зальетъ кипяткомъ. Я, кажется, умру отъ любви. Отъ любви ни къ кому. Я смѣшная, правда?

Фатя. Нѣтъ, ты не смѣшная. [Беретъ ее за руку]. Ахъ, Аннушка, когда ты говоришь о своемъ сердцѣ, я чувствую угрызенія совѣсти. Тебѣ съ твоимъ сердцемъ не слѣдовало-бы нюхать эфиръ, а я всегда подбиваю. Вотъ вчера было хорошо! Только плохо, что вся пропахнешь. Дома я говорю, что зубы болятъ. Но мама не вѣритъ.

Аннушка. Видишь, я себя отлично чувствую сегодня.

Фатя. Въ эфирѣ мнѣ кажется, что я большая... Не тѣломъ... Что я какъ-то внутренно наполняю весь міръ. Ты съ кѣмъ вчера сидѣла въ эфирѣ?

Аннушка. Не помню. Да, съ Ваней. О, помню, онъ глядѣлъ на меня. Его глаза были такъ близки, что грѣли мнѣ лицо.

Фатя. Ну, я иду. Еще вотъ что... Скажи, Ваня тебѣ тоже говоритъ о любви? [Аннушка хочетъ отвѣчать]. Нѣтъ, не надо. Не отвѣчай. И вообще, вообще спрашивать некрасиво. Недаромъ вопросительный знакъ имѣетъ форму крючка. Кто спрашиваетъ—задѣваетъ. Никогда себѣ не прощу.

Аннушка. Повѣрь, Ваня тебя...

Фатя. [Закрываетъ ей ротъ рукой]. Не надо, не надо. [Въ дверь раздается стукъ и слышенъ голосъ Бабурина: Можно къ вамъ, Мякиночка?]

Фатя. Бабуринъ... И онъ... Какъ же Додо?..

Аннушка. [Громко]. Ну, конечно, можно. [Входитъ Бабуринъ. Видъ у него возбужденный. Высокіе сапоги и кожаная куртка забрызганы грязью].

Бабуринъ [увидѣвъ Фатю, равнодушно]. А, Фатя, здравствуйте.

Фатя. Прощайте. Я ухожу. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аннушка, Бабуринъ.

Аннушка. Гдѣ вы такъ запачкались? Подождите, я васъ почищу.

Бабуринъ. [Бросается на колѣни передъ Аннушкой и беретъ ее за руки]. Аннушка! Мякиночка! Посмотри мнѣ въ глаза! Посмотри долгимъ взглядомъ. Глубже. Ты видишь передъ собой того, кто счастливъ. [Громко смѣется]. Смѣшно быть счастливымъ. Да? Все равно, какъ выйти на улицу въ нижнемъ бѣльѣ. Я оттого весь въ грязи, что два часа, какъ угорѣлый, носился по полямъ. Понимаешь, Мякиночка. Радость меня душила, и я долженъ былъ какъ-нибудь ее израсходовать. Я чуть не разговаривалъ вслухъ съ ночью, съ деревьями, съ дождемъ. И вдругъ вспомнилъ: Мякиночка!—и побѣжалъ сюда.

Аннушка. Ко мнѣ, а не къ невѣстѣ?

Бабуринъ. Да, у меня есть невѣста. [Вспоминаетъ]. За союзъ таланта съ капиталомъ! Нѣтъ, Мякиночка. Невѣста меня бы теперь не поняла. А вы... Неужели...

Аннушка. [Встаетъ]. Дайте, я обчищу васъ. Стойте, большое дитя. [Чиститъ его]. Конечно, поняла. Работа на ладъ идетъ. Силородъ.

Бабуринъ. [Вырывается и скачетъ по комнатѣ]. Да, силородъ, силородъ, силородъ найденъ. То-есть не совсѣмъ, но начало... Я видѣлъ глазами. Десять мѣсяцевъ бродилъ я вкругъ да около. Вотъ разрѣшилъ, вотъ нѣтъ. Вычисленія громко твердятъ: «да», а опытъ заикается. Какая-то точка то мелькаетъ, то прячется. Какъ во снѣ... Одна точка, одна черточка, но какая? И знаешь, когда все вдругъ открылось мнѣ? Вчера, и въ ту минуту, когда Лямкинъ сапогомъ ударилъ въ зеркало. Отъ этого неожиданнаго удара вся душа во мнѣ дрогнула,

а этого только и нужно было. Отъ сотрясенія мысль вдругъ окристаллизовалась. Изъ конторы я побѣжалъ въ лабораторію... И когда огромное колесо задвигалось, въ первую минуту я страшно успокоился, какъ будто умеръ. Потомъ обезумѣлъ и бросился въ поле. Аннушка, я не обѣдалъ. Есть у тебя кусокъ хлѣба?

Аннушка. У меня есть яблоко. Ѣшьте. [Бабуринъ, не очищая, жадно ѣстъ. Аннушка смотритъ на него]. Если бы вы не пришли, яблоко это съѣла бы я или Дуня, и оно превратилось бы—во что? Въ ничто. Въ какія-то никому ненужныя мысли ни о чемъ. Въ мою блѣдную робость. Но вотъ вы его съѣли,— и яблоко превратится въ отвагу, въ знаніе, въ то, что нужно всему міру. Если бы его съѣлъ Ваня, оно превратилось-бы въ красоту. Все во всемъ, все во всемъ. А, вѣдь, я не знаю толкомъ, какой это силородъ, которому вы такъ рады.

Бабуринъ. Слушайте, Аннушка. Когда мое открытіе будетъ завершено, къ услугамъ людей окажутся тысячи новыхъ источниковъ силы. Морской прибой, рѣки, вотъ этотъ вѣтеръ, что свиститъ за окномъ,—всѣ заработаютъ въ пользу людей. Я нашелъ возможность добывать силу безъ конца и хранить безъ конца. [Беретъ со стола наперстокъ]. Вотъ въ этомъ наперсткѣ я сконцентрирую силу, достаточную для того, чтобы локомотивъ пробѣжалъ отъ Петербурга до Москвы. Понимаете? Конецъ бѣдности, конецъ безработицѣ, конецъ борьбѣ за хлѣбъ...

Аннушка. [Хлопаетъ въ ладоши].—Вотъ еще яблоко. Послѣднее... Ѣшьте, Бабуринъ, ѣшьте.

Бабуринъ. Да, Мякиночка. Конецъ страданіямъ, жестокостямъ, несправедливости... Не потому, что люди станутъ лучше или добрѣе, а потому что всего будетъ много и не надо будетъ бороться. Только что, шлепая по мокрой дорогѣ, я вспомнилъ слова, что не войдутъ люди въ царствіе божіе до тѣхъ поръ, пока не станутъ опять, какъ дѣти. А знаете ли, Аннушка, что значитъ быть, какъ дѣти? Чѣмъ дѣти отличаются отъ взрослыхъ?

Аннушка. Чѣмъ? чѣмъ?

Бабуринъ. Дѣти еще вѣрятъ, что всего много. Имъ еще не открылась страшная истина, что предметовъ меньше чѣмъ людей. Но силородъ вернетъ намъ царствіе божіе, и мы опять станемъ, какъ дѣти, и опять, какъ въ дѣтствѣ, будемъ жить съ мыслью, что всего много.

Аннушка. У меня больше нѣтъ яблокъ. Вотъ если-бы мои руки были съѣдобныя, я бы вамъ ихъ дала.

Бабуринъ. Дайте и теперь. [Цѣлуетъ руки]. Цѣлую, потому что заслужилъ.

Аннушка. Бабуринъ, зачѣмъ вы женитесь на Додо?

Бабуринъ. Не знаю, Аннушка.—[Въ дверь раздается стукъ].

Голосъ Воинова. [За дверью]. Благочестивая отшельница, откройте двери окаянному скитальцу. Укройте отъ непогоды.

Бабуринъ. [Тихо]. Воиновъ? Вы принимаете его?

Аннушка. [Также тихо]. Онъ злой. Онъ мучаетъ меня.

Голосъ за дверью. Успокой меня, неспокойнаго,
Прiими меня, непрiятнаго.

Бабуринъ. Хотите, я поговорю съ нимъ. Отобью охоту мучить васъ.

Аннушка. Нѣтъ, нѣтъ. Можетъ быть, такъ нужно, чтобы онъ былъ золъ и мучилъ меня.

Голосъ за дверью. Удостой меня, недостойнаго,
Обними меня, необъятнаго.

Аннушка, вы спите? Или... Ужъ нѣтъ-ли соперника здѣсь? Тогда удаляюсь...

Бабуринъ. На что онъ вамъ?

Аннушка Вы знаете, на что вамъ Додо?

Бабуринъ. Не знаю!

Аннушка. И я не знаю.

Бабуринъ. Ну, какъ знаете. Я—маршъ въ лабораторiю.

Аннушка. Сейчасъ. [Отворяетъ дверь и впускаетъ Воинова, мимо котораго Бабуринъ проходитъ, не оглядываясь].

ЯВЛЕНIЕ ТРЕТЬЕ.

Воиновъ. Какъ здѣсь хорошо. Тепленько, уютненько. А всего лучше вы сами. Свѣженькая, чистенькая, слабенькая. Ангелочекъ. Вамъ не противно, что я мокрый? [Беретъ ея руки въ свои].

Аннушка. Хоть-бы руки вытерли.

Воиновъ. Ничего, сами обсохнутъ. Я уже было спать завалился. И вдругъ такъ заохотилось побывать у Аннушки, что я наплевалъ на дождь, напялилъ одежду—и къ вамъ.

Аннушка. Вы дѣлаете только то, что вамъ хочется.

Воиновъ. Да, Аннушка. Только это. Была у насъ дома собачка по кличкѣ Бурлакъ и кошка, которую звали кошкой. Такъ вотъ Бурлакъ обладалъ всѣми добродѣтелями: и охотиться умѣлъ, и домъ сторожилъ, и поноску носилъ. По добродѣтелямъ съ него и взыскивалось. Его таскали на охоту, сажали на цѣпь ночью, словомъ—пользовались. А кошка-то ничего не умѣла, какъ ѣсть печенку и мурлыкать. Ее и кормили печенкой и гладили по спинѣ, чтобы мурлыкала. Вотъ я избралъ себѣ жребiй кошки.

Аннушка. Вы увѣрены, что кошки счастливѣе собакъ?

Воиновъ. Ну, конечно, есть и въ жизни кошки свои печальныя минуты, виноватъ, моменты. Ихъ топятъ маленькими, онѣ питаются мышами.

Аннушка. Вотъ видите.

Воиновъ. Что-жъ, топятъ ихъ въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда бытіе мало чѣмъ отличается отъ небытія. А что касается мышей, то, вѣдь, на вкусъ товарища нѣтъ. Вы лучше на себя посмотрите, Аннушка. Вы—ангелочекъ безпомощный. Мы, подлецы, это примѣтили и пользуемся. А вотъ великолѣпная Додо требуетъ шубы собольей въ столько-то тысячъ—и получитъ, шельма. Охъ, Аннушка, я все вижу. Вы любите Бабурина.

Аннушка. Люблю Бабурина? Да, да, да. Я люблю Бабурина.

Воиновъ. И я знаю, что, несмотря на херувимски-спокойное личико, сердечко ваше ноетъ. Ой, ноетъ и болитъ. По бѣлому снѣгу алая кровь. Ревнуете.

Аннушка. Нѣтъ, не ревную.

Воиновъ. Къ вамъ онъ ходитъ за ласковымъ словомъ, а жизнь свою, таланты и знанія свои онъ кладетъ къ ногамъ великолѣпной Додо.

Аннушка. [Смѣется радостно]. Вотъ неправда, Воиновъ. Таланты и знанія Бабуринъ отдаетъ всѣмъ. Онъ открылъ силородъ. Сегодня открылъ.

Воиновъ. Открылъ-таки? Ну, открылъ—и чортъ съ нимъ. Вы-то чему рады?

Аннушка. Да, вѣдь, свое открытіе онъ отдаетъ всѣмъ, всѣмъ, слышите, всѣмъ людямъ.

Воиновъ. То-есть, какъ это всѣмъ? Да знаете-ли вы, ангелочекъ мой дешевенькій, что происходитъ съ открытіемъ? На него прежде всего берутъ патентъ, то-есть кладутъ на него всеобщій запретъ. Потомъ его уступаютъ акціонерному обществу. Купитъ силородъ, конечно, старикъ Стекловъ. Вы вотъ рады силороду, а знаете ли вы, что, благодаря этому самому силороду, великолѣпная Додо и досталась Бабурину въ сопостельницы? Видитъ старая лисица, не сегодня-завтра крупное открытіе готовится. Ну, и накинулъ во-время на изобрѣтателя сѣти. Зятя въ компаньоны. А на денежки, которыя будутъ выручены за силородъ, великолѣпной Додо и купится соболья шуба.

Аннушка. Неправда, неправда. Благодаря силороду, не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни жестокихъ, ни добрыхъ. А почему? Вотъ вы не знаете, а я знаю. Потому что всего будетъ много, и мы будемъ, какъ дѣти. [Смѣется]. Что, взяли?

Воиновъ. Это вамъ Бабуринъ напѣлъ въ упоеніи своимъ открытіемъ. Надо же поднести Аннушкѣ какіе-нибудь леденцы, хотя бы словесные. Ошибаетесь, мой ангелочекъ помятенькій. Отъ силорода не прибавится ни соболей, ни жемчуга, ни красоты, ни радости. А будетъ то, что теперь. Жестокимъ Додо—собольи шубы, а добрымъ Аннушкамъ—словесные леденцы.

Аннушка. Не будьте, Воиновъ, такимъ злымъ. Некрасиво быть злымъ.

Воиновъ. Некрасиво? Вотъ куда! А знаете ли вы, что среди всей вашей компаніи единственный истинный эстетъ, настоящій любитель красоты, это—я. [Аннушка смѣется]. Да, я, а не вашъ свѣтлокудрый Ваня и не криворотая Лія.

Аннушка. [Продолжаетъ смѣяться]. Воиновъ о красотѣ печалится!

Воиновъ. Смѣйтесь на здоровье. А видали вы человѣка, который тащитъ тяжесть свыше силъ? Ноги раскорячены, спина напружена, шея вздута, глаза лѣзутъ на лобъ, самъ кряхтитъ, сопитъ, потѣетъ. Красиво?

Аннушка. Нѣтъ, уродливо.

Воиновъ. Такъ вотъ вы всѣ кругомъ такіе уроды. Каждый претендуетъ на подвигъ, взвалилъ на себя огромный куль, согнулся въ три погибели и кряхтитъ-сопитъ... Тотъ—коллективъ, этотъ—культуру, третій—необъятное «я». Претенденты. Потуги и ходули.

Аннушка. А вы одинъ ходите прямо.

Воиновъ. Да, я одинъ хожу прямо, одинъ не взвалилъ на себя никакого подвига. Живу въ мѣру своихъ силъ, согласно моей природѣ. Не моя вина, если моя природа не хочетъ подвиговъ. А вотъ вы—какъ всѣ. Согнулись-таки и кряхтите. Ой, кряхтите.

Аннушка. Я согнулась?

Воиновъ. Да, вы, ангелочекъ безкрыленькій. Охъ, вижу насквозь. Вѣдь, вы меня ненавидите.

Аннушка. Нѣтъ, миленькій, нѣтъ.

Воиновъ. Да, миленькая, да. Я вамъ противенъ тѣломъ и душою. Всегда былъ противенъ, а теперь въ особенности, потому что вы любите Бабурина, любите, ангелоподобная кошечка, каждой синей жилочкой, каждой бѣлой косточкой своего мягкаго тѣльца. У, задушить бы васъ...

Аннушка. Не надо, не надо...

Воиновъ. Знаю, вы бы отдали полжизни, чтобы я былъ теперь далеко, но прогнать не можете. Нельзя, доброта мѣшаетъ. Подвигъ. Не противитесь злу насиліемъ. То-есть вы это дѣлаете не нарочно, а безсознательно. Тѣмъ хуже. Искреннія ходули. Ходули—вторая натура. О, проклятье.

Аннушка. Не вѣрю вамъ, что вы злой. Вы, можетъ быть, любите людей больше, чѣмъ мы всѣ.

Воиновъ. [Передразниваетъ]. Любите людей. Любите! Любите! Проклятыя, ненавистныя слова. Вздернули на эти слова, какъ на ходули, всю Россію на посмѣшище міру. Изъ-за этой распроклятой любви къ людямъ все у васъ прахомъ пойдетъ, все сгніетъ, все провоняетъ—весь вашъ соціализмъ, вся ваша революція. Да неужели вы, чортъ возьми, не видите, что все живое борется, злобствуетъ, защищается, не только на землѣ и въ воздухѣ, но въ вашихъ

собственныхъ жилахъ, въ каждой капелькѣ вашей тепленькой крови! Слыхали, Аннушка, о фагоцитахъ?

Аннушка. Нѣтъ, не слыхала.

Воиновъ. Такъ знайте. Ха-ха-ха... Вотъ картина. Сидитъ пророкъ на горѣ и проповѣдуетъ любовь, а въ это время въ его же крови—понимаете, въ самомъ пророкѣ—бѣлые шарики злобно гонятся за микробами, хватаютъ, пожираютъ, каннибальствуютъ, проглатываютъ. А онъ, благодаря ихъ ярости, дышитъ, живетъ, разглагольствуетъ о любви. Ха-ха-ха...

Аннушка. Не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю.

Воиновъ. Да защищайтесь, чортъ возьми. Вѣдь, я непрошеный пришелъ къ вамъ ночью, спугнулъ любимаго селезня, мучаю васъ, насильно ласкать хочу, задушить хочу. Вотъ револьверъ. Гоните меня, стрѣляйте въ меня, будьте, какъ кровяной шарикъ.

Аннушка. Не надо, миленькій. Вы раните себя.

Воиновъ. На вашемъ мѣстѣ другая дѣвушка, съ алой кровью, съ огнемъ въ сердцѣ, убила бы меня. И судъ оправдалъ бы. Гони меня, убей меня, защищайся—или задушу.

Аннушка. Успокойся, миленькій. Ну, поцѣлуй меня.

Воиновъ. [Въ бѣшенствѣ]. А, такъ я по твоему подлецъ? Подлецъ? Ну, и буду же подлецомъ. А ты страстотерпица? Ну, такъ терпи. [Силой сажаетъ ее къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ].

Аннушка. [Слабо вскрикиваетъ].—Мнѣ больно, Воиновъ.

Воиновъ. Терпи. Люби всѣхъ. Люби людей. [Въ дверь раздается властный стукъ. Воиновъ отпускаетъ Аннушку, бѣжитъ на цыпочкахъ къ дверямъ, смотритъ въ замочную скважину и отскакиваетъ]. Старикъ Стекловъ!

Голосъ за дверью. Аннушка. Вы не спите? Можно на минуту по дѣлу?

Аннушка. [Тихо смѣется]. Испугались?

Воиновъ. Ничего не испугался. Но сила солому ломитъ. Патронъ. А вы вотъ какая! Къ вамъ и воинъ, и купецъ. Запомнимъ. Прощайте. Я въ окошко. Запомнимъ.

[Прыгаетъ въ окно. Аннушка открываетъ дверь. Входитъ Стекловъ—въ калошахъ, въ непромокаемомъ пальто, съ зонтикомъ въ рукѣ].

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стекловъ и Аннушка.

Стекловъ. [Входитъ, оглядываясь]. Простите, Анна Мироновна, что я въ калошахъ. Ваша комната прямо на улицу. Можно у дверей? И зонтикъ? Ну, вотъ, спасибо. Здравствуйте, Аннушка. Я къ вамъ по дѣлу. Вижу: свѣтъ въ окнѣ. Ну, и зашелъ.

Аннушка. Работа экстренная? Въ контору?

Стекловъ. Работа... Вамъ бы все работу. Знаю, вы у насъ въ конторѣ одна изъ лучшихъ работницъ. Сколько вы получаете въ мѣсяцъ?

Аннушка. Много. 30 рублей. Съ наградными больше.

Стекловъ. Да? Напомните мнѣ какъ-нибудь. Ну, такъ, между дѣломъ. Я велю вамъ прибавку дать.

Аннушка. Спасибо, Евгеній Пантелѣевичъ.

Стекловъ. Ну, что благодарить! И на 30 рублей въ мѣсяцъ вы содержите себя и... мнѣ Фатя говорила, что у васъ есть воспитанница...

Аннушка. Дуня. Какая же она воспитанница? Просто, металась дѣвченка безъ угла. Я ее пріютила. Съ ней мнѣ хлопотъ мало. Пока я въ конторѣ—она въ школѣ. Потомъ мнѣ же помогаетъ. Дѣвочка веселая [смѣется]—какъ я.

Стекловъ. Какъ же вы? Нанимаете комнату со столомъ?

Аннушка. Нѣтъ, кухню мы сами готовимъ. У меня при комнатѣ чуланчикъ. Тамъ и стряпаемъ.

Стекловъ. [Оглядывается]. Гдѣ же она, ваша Дуня? Она какихъ лѣтъ?

Аннушка. Спитъ въ каморкѣ. Двѣнадцатый ей пошелъ. Набѣгалась, намаялась, спитъ, какъ сурокъ.

Стекловъ. А, вѣдь, я пришелъ къ ней.

Аннушка. Вы... Вы къ Дунѣ?.. [Разражается смѣхомъ].

Стекловъ. Не смѣйтесь. Мнѣ нужно поговорить съ вашей воспитанницей. [Садится]. Видите, Аннушка, дѣло какое. Завтра, какъ вы знаете, состоится рабочая лоттерея...

Аннушка. Какъ же. Билетики всѣ готовы.

Стекловъ. Такъ вотъ, всѣ рабочіе допущены къ участію въ лоттереѣ. Сколько билетиковъ—помните точно?

Аннушка. На нашъ корпусъ 350 билетиковъ.

Стекловъ. Отъ обоихъ корпусовъ рабочихъ слишкомъ 700 соберутся на фабричномъ дворѣ, посрединѣ будетъ поставленъ столъ, на немъ ящикъ съ билетиками. Вынимать имена выигравшихъ долженъ ребенокъ. Я и подумалъ о вашей воспитанницѣ. Она у васъ бойкая?

Аннушка. О, Дуня аховая дѣвченка. Смышленная на рѣдкость.

Стекловъ. Отлично. Отлично. Видите-ли, Аннушка, выигрышъ зависитъ отъ случая. Кому Богъ пошлетъ. Но одинъ выигрышъ, только одинъ, я хотѣлъ бы, чтобы онъ попалъ въ извѣстныя руки. Бѣдная семья... Вѣдь, тутъ ничего нѣтъ дурного?.. Хочу помочь случаю, чтобы помочь бѣдной семьѣ... Поняли?.. Одобряете? Дуня и должна вынуть изъ ящика заранѣе намѣченный билетикъ. На днѣ ящика устроенъ шпинекъ—и на него мы наколемъ бумажечку. Дуня вытащитъ эту бумажечку.

Аннушка. [Хлопаетъ радостно въ ладоши]. Понимаю... Самой бѣдной

семьѣ самый большой выигрышъ. О, Дуня смышленная, мигомъ сообразитъ. Хотите, разбужу?

Стекловъ. Ну, будите. Посмотримъ, какая она аховая. [Аннушка уходитъ въ боковую комнату и вскорѣ возвращается, ведя за руку заспанную, растрепанную Дуню].

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Дуня.

Аннушка. Стыдъ какой! Самъ хозяинъ къ тебѣ въ гости пришелъ, а ты и не поздороваешься.

Дуня. [Третъ глаза кулакомъ]. Въ чубаринкахъ... Весь въ чубаринкахъ...

Аннушка. Да проснись ты, сонуля глупая.

Дуня. [Смотритъ на Стеклова]. Дай, баринъ, копѣечку.

Аннушка. Ахъ, безстыдница. Спать ступай. [Отводитъ Дуню и возвращается].

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аннушка, Стекловъ.

Стекловъ. Проведите ее завтра, рано утромъ, черезъ кухню. Незамѣтно. Покажемъ ей ящикъ, шпинекъ... А это ей подарокъ. Подарокъ вашей сонѣ. [Подаетъ бумажку].

Аннушка. О, какъ много. Я сошью ей красное платьице. Она все мечтала о красномъ платьѣ.

Стекловъ. Отлично. Сшейте ей красное платье. И обо всемъ, что я говорю, ни слова. Никому, да? Обѣщаете? А то бѣдная семья узнаетъ и, пожалуй, обидится.

Аннушка. Обѣщаю. Обѣщаю. И Дунѣ закажу молчать. Она дѣвочка съ характеромъ.

Стекловъ. [Поднимается съ мѣста]. Такъ до завтра. Утромъ. Пораньше. Черезъ кухню. Прислуга уже проводитъ васъ. [Раздается стукъ въ дверь]. Стучатъ... А!.. Дружокъ сердца... Въ такой часъ... Ну, ничего, ничего... Какъ бы мнѣ выйти?

Голосъ Стукачева за дверью. Отоприте, Аннушка, я къ вамъ гостя привелъ.

Стекловъ. Какъ быть? Нельзя, чтобы меня видѣли. Попросите ихъ притти черезъ нѣсколько минутъ. Или введите въ чуланчикъ—ходъ отсюда?

Аннушка. Это вы, Стукачевъ? Сейчасъ! Подождите минуточку.

Голосъ Стукачева. Я, я, Аннушка. И знаете, кого я привелъ? Героя. Его самого—Григорія Стеклова. Познакомиться съ вами хочетъ.

Стекловъ. Сынъ... Григорій здѣсь... Стойте, дайте... [Соображаетъ]. Я радъ... Страшно радъ случаю... Нужно видѣть сына... Но какъ быть съ этимъ, какъ его... Стукачевымъ... Вотъ что, Аннушка... Пойдите, скажите, чтобы Стукачевъ пришелъ черезъ полчаса... Что вамъ нужно съ Григоріемъ о чемъ-то переговорить наединѣ... Ну, какъ тамъ у нихъ... конспиративно... Выдумайте что-нибудь... Можно?.. Обо мнѣ ни слова, а то Григорій убѣжитъ. Да?..

Аннушка. Что-жъ, попытаюсь. [Надѣваетъ платокъ и уходитъ за дверь. Слышны голоса и смѣхъ. Стекловъ прижался въ лѣвомъ углу комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Аннушка, за ней Григорій].

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Стекловъ, Григорій, Аннушка.

Григорій. Все-таки не пойму... Не ждали же вы моего прихода... Я хотѣлъ познакомиться съ вами, зная ваше вліяніе на рабочихъ... [Замѣтивъ Стеклова]. А!.. Отецъ... Ты здѣсь?.. Но какъ же?..

Стекловъ. Я не ждалъ тебя. Заходилъ къ Аннушкѣ по конторскому дѣлу; спѣшная переписка. [Аннушка порывается что-то сказать, но Стекловъ ее останавливаетъ]. Но услышалъ, что ты тутъ, и попросилъ ее устроить, чтобы я могъ съ тобой переговорить съ глазу на глазъ. Радъ, страшно радъ этой встрѣчѣ. Радъ, что вижу тебя, и радъ, что случайно. [Аннушка тихо удаляется въ чуланчикъ]. Думалъ позвать тебя, думалъ къ тебѣ зайти. Но, вѣдь, ты бы не пришелъ, а у тебя чужіе люди.

Григорій. Право, не соображу, о чемъ намъ съ тобой разговаривать. Не вижу общей почвы.

Стекловъ. О! Общей почвы! Нѣтъ, нѣтъ, не стану тебя упрекать. Не нужно. Мать твоя послѣ вчерашней встрѣчи лежитъ больная. Но, вѣдь, болѣзнь матери не общая почва? Это внѣ Эрфуртской программы?

Григорій. Вотъ какъ! Ты даже объ Эрфуртской программѣ провѣдалъ?

Стекловъ. Какъ же. Твой уходъ въ соціалисты подѣйствовалъ на меня рикошетомъ. Вѣдь, ты мой единственный сынъ, наслѣдникъ, продолжатель имени. Ты тотъ, для кого я собиралъ. Ты живая цѣль всѣхъ моихъ трудовъ. Строя заводъ, затѣвая дѣла, всегда думалъ о тебѣ. Каждый годъ, подводя балансъ, думалъ о тебѣ. При удачахъ радовался за тебя, при неудачахъ дрожалъ за тебя.

Григорій. Я не просилъ тебя эксплоатировать рабочихъ для меня.

Стекловъ. Ну, конечно, конечно, не просилъ. Въ томъ-то и прелесть и красота въ заботахъ о дѣтяхъ, что все это непрошеное, добровольное.

Григорій. Знаю. Благородный мотивъ для подлыхъ дѣлъ. Обращаете людей въ рабство, совершаетъ дѣло грабежа и злобы—и все это во имя любви,

любви къ дѣтямъ. Ну, что же! Теперь, когда я ушелъ отъ васъ, когда живая цѣль твоего грабежа исчезла, ты пересталъ прижимать рабочихъ, прижимаешь меньше, чѣмъ прежде?

Стекловъ. Нѣтъ, не меньше. Но на меня нашло раздумье. Трудишься для него,—для тебя, то-есть,—а онъ взялъ да плюнулъ и повернулся спиною. Задумался я. Ужъ не правъ ли ты? Задумался и сталъ вникать. Сталъ книжки, ваши, соціалистическія—книжки почитывать. И вотъ, благодаря тебѣ, просвѣтлѣлъ. Ты на кусочки разрываешься, чтобы создать сознательныхъ рабочихъ. А изъ меня безъ всякихъ стараній сдѣлалъ сознательнаго буржуа.

Григорій. Поздравляю. Но если ты вправду сознательный буржуа, то долженъ знать, что борьба между нами не на жизнь, а на смерть, и что разговаривать намъ не о чемъ.

Стекловъ. Я и борюсь. Не безпокойся. Съ рабочими я борюсь. Вы—соціалисты—раскрыли глаза рабочему на его же горе. Рабы... да, рабочіе—рабы. Но прежде эти рабы строили культуру, какъ пчелы соты: въ темнотѣ, въ невѣдѣніи, не зная, что кому, помышляя только о кормѣ. Вы открыли имъ глаза какъ—помнишь?—у Гоголя нечистая сила подымаетъ вѣки страшному Вію. Такъ и вы, соціалисты. На наше горе, на свое, а, главное, на его собственное горе вы разодрали глаза вросшему въ землю, могучему, темному, стихійному работнику. Вы открыли рабочему, что вся роскошь, вся радость жизни, все, чего ему до гроба не видать, какъ своихъ ушей,—что все это создано имъ, принадлежитъ ему.

Григорій. Да, мы это сдѣлали и гордимся этимъ.

Стекловъ. Сдѣлали, безумцы. И вотъ намъ, сознательнымъ буржуа, приходится укрощать прозрѣвшаго Вія, обольщать его.

Григорій. Отвести ему глаза. Я слышалъ. Ты что-то мастеришь съ лоттереей. Нѣтъ, господа сознательные буржуа, эта соломинка васъ не спасетъ.

Стекловъ. Какъ знать, какъ знать. Бѣда, что сознательныхъ буржуа такъ мало. А то бы мы этой лоттереей переклюкали вашъ соціализмъ.

Григорій. [Смѣется]. Переклюкали... А можно узнать всю глубину этой премудрости? Или профессіональная тайна?

Стекловъ. Никакой тайны. Каждый годъ изъ чистой прибыли я назначаю часть, ну, скажемъ, четыре, пять процентовъ,—на раздачу между рабочими. Но не между всѣми,—тогда на каждаго приходились-бы гроши,—а между немногими—по жребію, по лоттереѣ. Допускаются къ участію въ лоттереѣ только рабочіе, не участвовавшіе въ теченіе года ни въ стачкахъ, ни въ бунтахъ—понимаешь? Деньги мнѣ съ лихвой вернутся.

Григорій. А рабочіе, по твоему, слѣпы? Всего этого не сообразятъ?

Стекловъ. Конечно, сообразятъ. Но въ лоттереѣ есть магія. Что-то сильнѣе человѣка. Не обманъ, но волшебство, марево надежды. Сила рабочихъ

въ ихъ равенствѣ, въ равенствѣ ихъ нищеты. Нужно привить имъ ядъ неравенства. Представь, что въ этомъ году я намѣренъ распредѣлить семь тысячъ рублей. Рабочихъ у меня около семи сотъ. Выходитъ по десяти рублей на человѣка. Ничто. Пустяки. На нѣсколько дней пьянства. А я рѣшилъ вотъ какъ. Одинъ большой выигрышъ въ пять тысячъ и десять по двѣсти. Понимаешь? Тотъ, кто выиграетъ пять тысячъ, сразу поднимается надъ толпою рабочихъ, сдѣлается для всѣхъ живой легендой, свѣтлой точкой, къ которой въ теченіе года будутъ прикованы глаза всѣхъ. Онъ, конечно, откроетъ лавку или кабакъ. А теперь представь, что я немножко помогу случаю и сдѣлаю такъ, чтобы большой выигрышъ достался, кому нужно. Какъ думаешь?

Григорій. Почтеннѣйшій родитель, ты просто собираешься учинить мошенничество.

Стекловъ. Любезнѣйшій нашъ сынъ, это военная хитрость. Ты самъ сказалъ: война не на жизнь, а на смерть. Но это все касается моихъ отношеній къ рабочимъ. Ты же не рабочій. Ты—соціалистъ или, какъ у васъ принято говорить, идеологъ. Ты—идеологъ рабочихъ. Съ тобой у меня другой разговоръ.

Григорій. Я—защитникъ рабочихъ интересовъ.

Стекловъ. Думай, какъ хочешь,—идеологъ, защитникъ, трибунъ... Только не рабочій. Покажи свои руки. Онѣ, какъ мои—безъ мозолей.

Григорій. Я исполняю то дѣло, которымъ могу принести наибольшую пользу рабочему классу.

Стекловъ. Таково твое мнѣніе. Позволь мнѣ имѣть свое. Я тебѣ высказываю, какъ я, сознательный буржуа, отношусь къ тебѣ, защитнику рабочихъ. Слушайте меня внимательно. Я пока еще сила, и тебѣ нельзя не считаться со мною. Такъ вотъ что я говорю тебѣ: для меня ты не рабъ, а рабовладѣлецъ.

Григорій. Зови хоть горшкомъ, только въ печь не сажай.

Стекловъ. Видишь ли, мой сынъ... Съ того дня, какъ люди вышли изъ первобытнаго состоянія, они раздѣлились на рабовъ и рабовладѣльцевъ. Форма рабовладѣльчества мѣнялась много разъ, сущность—никогда. Рабы работаютъ, владѣльцы властвуютъ и пользуются чужой работой. Ты принадлежишь къ тѣмъ, кто пользуется. На тебѣ и рубашка чистая, и сюртукъ сшитъ по мѣркѣ, и пріѣхалъ ты, вѣроятно, во второмъ классѣ, и ѣшь обѣдъ изъ трехъ блюдъ. Словомъ, ты пользуешься чужимъ трудомъ, какъ я, грѣшный буржуа.

Григорій. Чтобы агитировать въ современномъ обществѣ, я вынужденъ носить буржуазную ливрею.

Стекловъ. Хорошо, хорошо. Я сказалъ тебѣ, что форма рабовладѣльчества мѣнялась. Сперва стояли у власти жрецы, потомъ воины, потомъ помѣщики, теперь стоимъ мы. И вотъ, я думаю: не пришло ли время взять палку власти надъ рабами вамъ,—вамъ, идеологамъ рабочаго класса, вамъ, име-

нуемымъ соціалистами?.. Погоди, погоди... То, что я тебѣ скажу, ты въ книжкахъ не прочтешь... Чтобы держать рабовъ въ повиновеніи, всегда нуженъ былъ обманъ, но старые обманы—обманъ жрецовъ, обманъ воиновъ—съ теченіемъ времени вывѣтрились. Понимаешь меня? Я и думаю, не пришелъ ли конецъ и нашему обману—обману капиталистовъ?.. Не является-ли вашъ соціализмъ тѣмъ послѣднимъ, самоновѣйшимъ обманомъ, который одинъ еще можетъ обольстить рабовъ и держать ихъ въ повиновеніи?

Григорій. Тебѣ выгодно такъ думать, чтобы дискредитировать насъ — своихъ смертельныхъ враговъ.

Стекловъ. Враговъ—можетъ быть, но совсѣмъ не смертельныхъ. Мы всѣ, рабовладѣльцы, между собой воевали: жрецы съ воинами, воины съ капиталистами. Воевали и воюемъ, но въ душѣ сознаемъ себя братьями, ибо цѣль у насъ одна—власть надъ рабами. Смертельный врагъ у насъ одинъ—онъ, рабъ. Такъ вотъ и мы съ тобой: враги и въ то же время друзья, союзники.

Григорій. Мнѣ ты только врагъ.

Стекловъ. Не забудь, Григорій, я съ тобой теперь не вообще разсуждаю, а говорю отъ души, какъ отецъ съ сыномъ. Ошибаюсь или нѣтъ, но я тебѣ желаю добра. Въ это ты долженъ вѣрить. Такъ вотъ, какъ отецъ, я говорю тебѣ: я доволенъ, что ты пошелъ въ соціалисты.

Григорій. Ты доволенъ?

Стекловъ. Доволенъ. Предпочелъ бы, конечно, чтобы ты послѣ меня владѣлъ моимъ заводомъ. Но, можетъ быть, ты правъ. Вѣдь, вы, соціалисты, хотите овладѣть государственной властью?

Григорій. Да, во имя рабочаго класса.

Стекловъ. Ну, конечно, и жрецы, и воины—всѣ дѣйствовали во имя народа... Однако, стоять у власти будете вы—идеологи рабочихъ, а не сами рабочіе?

Григорій. Почему только мы?..

Стекловъ. Я не говорю: только... Но вы будете стоять во главѣ, какъ рожденные властвовать... И управлять коллективомъ будете также вы?

Григорій. Съ тобой нельзя спорить: ты самъ ставишь вопросы, самъ отвѣчаешь.

Стекловъ. И не спорь. Я не спорить хочу съ тобой. Слушай. Ты пріѣхалъ сюда распропагандировать моихъ рабочихъ, устроить вооруженную стачку. На это нужны деньги. У тебя ихъ достаточно?

Григорій. [Замявшись]. Комитетъ снабдилъ меня средствами...

Стекловъ. Вижу. Вижу... Такъ вотъ я приду къ тебѣ на помощь... [Вынимаетъ чековую книжку]. Какую тебѣ нужно сумму?

Григорій. Ты? Ты?.. Ты хочешь помочь мнѣ агитировать противъ тебя же!..

Стекловъ. Да. Потому что мы—союзники. Потому что у насъ общій врагъ—Лямкины. Лямкины, которые хотятъ свергнуть съ себя всякую власть—и мою и твою, и твоей партіи. Слушай: ты сегодня упрекнулъ меня въ томъ, что я бросилъ на зеркало 20 тысячъ вмѣсто того, чтобы отдать ихъ на больныхъ. Такъ вотъ явись ты благодѣтелемъ рабочихъ. Отвлеки ихъ отъ Лямкиныхъ. Помоги имъ во время стачки. [Даетъ ему чекъ]. Дѣлай, что хочешь.

Григорій. Я, конечно, не могу отказаться отъ такой суммы, которая дается на партійное дѣло. Сообщу комитету и буду дѣйствовать согласно его директивамъ.

Стекловъ. У васъ, значитъ, сильна партійная дисциплина? Хвалю. Гдѣ дисциплина, тамъ власть. Далеко пойдете. Борись, мой сынъ, противъ меня. И я буду бороться съ тобой. Назначено мнѣ побѣдить—тѣмъ лучше. Побѣдишь ты—власть все таки останется въ рукахъ Стекловыхъ. Не мой обманъ возьметъ—возметъ твой. А то, Богъ дастъ, оба одолѣемъ. Я буду хозяйничать на заводѣ, ты попадешь въ депутаты или редакторы газеты. . Что это? [Изъ каморки слышны всхлипыванія. Стекловъ подходитъ къ двери и всматривается]. Это вы, Аннушка, плачете?

Аннушка. [Является на порогѣ, держась рукой за сердце]. Сердце... Воды!.. [Стекловъ и Григорій хлопочутъ вокругъ Аннушки, которая разражается истерическимъ припадкомъ. Среди плача и взрывовъ хохота слышны выкрики: «Силородъ... Силородъ... Силородъ!»]

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лоттерея.

Квартира Лямкина. Большая печь. Вдоль стѣнъ лавки. Столъ, покрытый скатертью. Два стула. Качалка. За открытымъ пологомъ постель, на которой Ефимья, жена Лямкина, мечется въ жару и стонетъ. Лямкинъ сидитъ къ ней спиной, облокотившись на столъ и закрывъ лицо руками. На лавкѣ, съ палкой въ рукѣ, сидитъ дѣдъ Семенъ. Лія стоитъ у окна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ефимья. Охъ, тошно мнѣ. Горитъ около сердца. Испить бы чего. Кисленькаго бы,

Лія. [Выжимаетъ лимонъ въ кружку воды]. Вотъ. Пейте. Хотите я васъ вытру губкой?

Ефимья. Нѣ-ѣ... Тошно мнѣ... Подъ вздохомъ тошнехонько... Охъ...

Лія. Потерпите немного. Скоро докторъ придетъ. [Больная на время успокаивается. Длинная пауза].

Дѣдъ Семенъ. [Въ полуснѣ стучитъ палкой о полъ и бормочетъ]. Поцарствовали... Будетъ... Понагулялись... Наглумились... У-у, ироды...

Ефимья. Охъ, невмоготу... Силъ моихъ нѣту... Послѣдней болью болѣю.

Лямкинъ. [Вскакиваетъ съ мѣста, зажавъ голову руками, издаетъ хриплый яростный стонъ и опять опускается на стулъ].

Лія. [Подходитъ сзади и кладетъ Лямкину руку на плечо]. Успокойтесь, Лямкинъ. Ну-же. Я видѣла доктора... Онъ придетъ...

Лямкинъ. [Вскакиваетъ и злобно озирается].—А, барышня!.. Все любуетесь на чужое горе. Что? Забавно болѣютъ бѣдные люди?.. Безъ доктора, безъ лекарствъ... Кровопійцы!..

Лія. Будетъ все. Докторъ, лекарства... Не кричите, видите—успокоилась.

Лямкинъ. Смѣшно, право. Вы, что же, обѣтъ вашему жидовскому Богу дали?

Лія. Какой обѣтъ? Зачѣмъ вы такъ?

Лямкинъ. Обѣтъ на бѣдныхъ больныхъ ходить глядѣть?

Лія. Лямкинъ, зачѣмъ вы это? Никакого обѣта. Просто такъ... Сама не знаю.

Дѣдъ Семенъ. [Всталъ съ лавки, глаза смотрятъ разумно, весь какъ бы проснулся. Говоритъ, стуча палкой]. Ты бы старику ради воскреснаго дня на стаканчикъ поднесла.

Лія. [Смущенно роется въ карманѣ]. У меня и денегъ нѣтъ.

Лямкинъ. А, вѣдь, вправду воскресенье. Думаешь, дѣдъ, спитъ, а все понимаетъ.

Дѣдъ Семенъ. Денегъ нѣту... Ахти... Понатѣшились, позвѣрствовали... Будетъ... Ироды... [Поднимаетъ палку и хочетъ бросить въ Лію].

Лямкинъ. [Подскакиваетъ къ старику и усаживаетъ его].—Ты того... Не дури...

[Вбѣгаетъ Любка, дѣвочка лѣтъ 12, дочь Лямкина].

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Любка, потомъ Докторъ.

Любка. Дохтуръ, папочка, идетъ. Большой, толстый, черный. Я, гритъ, дохтуръ. Гдѣ, гритъ, Лямкина квартира? Я испужалась, а Маланья кривая кричитъ: вотъ Лямкина дочка. Я бѣжать, а дохтуръ поднялъ палецъ, во какой—въ аршинъ, и за мной, за мной.

Лія. Видите, я говорила.

Лямкинъ. Ефимья, слышишь? Докторъ идетъ, подбодрись. [Входитъ докторъ—элегантно одѣтый, въ перчаткахъ. Остается въ котелкѣ. Всѣ встаютъ.

Докторъ. [Закрывая за собою дверь, останавливается и затыкаетъ носъ]. Фу, какой воздухъ! Открыли бы форточку. Да у васъ и форточки нѣтъ. [Замѣтивъ Лію]. А, Лія Борисовна. [Быстро стягиваетъ перчатку съ правой руки, снимаетъ котелокъ и здоровается съ Ліей]. Вы, что же, въ сестры милосердія?

Лія. Хотѣла помочь, да не могу.

Докторъ. Посмотримъ больную. [Къ Лямкину]. Вы вотъ жаловаться умѣете, и тысячныя зеркала разбивать умѣете, а комнату держать въ чистотѣ не умѣете. А еще, говорятъ, книжки читаете.

Лямкинъ. [Хочетъ отвѣтить, но голосъ у него пресѣкается, и онъ издаетъ хриплый звукъ].

Докторъ. [Подходитъ къ постели и смотритъ на больную]. Такъ и есть, тифъ. Больно вамъ, милая?

Ефимья. Охъ, господинъ докторъ, спасите. Силъ моихъ нѣтъ. Все у нутрѣ горитъ. Ровно уголь проглотила.

Докторъ. Дайте руку. Лежите, лежите, милая. Покажите языкъ. Ну, конечно. [Отходитъ отъ постели].

Лямкинъ. [Пресѣкающимся голосомъ]. Что, господинъ докторъ, есть надежда?

Докторъ. Работала на ртутномъ отдѣленіи?—[Къ Ліи].—Что прикажете сдѣлать? Слѣды отравленія. Тифъ на почвѣ нервнаго истощенія и малокровія.

Лямкинъ. Какъ же, господинъ докторъ?

Докторъ. Вы бы хоть постель держали почище. Вѣдь, больная гніетъ.

Лямкинъ. [Тихо и свирѣпо]. Не до чистоты намъ. Я зарабатываю въ мѣсяцъ 23 рубля 50 копѣекъ. На четыре рта... Еще пока жена работала...

Докторъ. [Прерываетъ Лямкина, какъ человѣкъ, котораго осѣнила блестящая мысль]. Заработка не хватаетъ, говорите, на четыре рта? Такъ зачѣмъ же вы кормите четыре тысячи лишнихъ ртовъ, а?

Лямкинъ. Какія такія четыре тысячи?

Докторъ. А, можетъ, и больше. Я не считалъ, сколько у васъ тутъ тараканов, клоповъ, вшей, блохъ... [Всѣ тяжело молчатъ, одинъ докторъ самодовольно смѣется].—Вотъ вы, революціонеры, желаете спасти Россію, воюете съ правительствомъ, съ капиталистами и наживаете себѣ тюрьму да висѣлицу. А, вѣдь, есть заклятый врагъ Россіи, съ которымъ бороться можно безпрепятственно. Боритесь съ клопомъ, устройте революцію противъ клопа. Крестовый походъ на вшей! Встань, подымись, рабочій народъ. Не нужно ни браунинговъ, ни знаменъ. Ведро кипятку да немного буры, да твердую волю быть чистымъ... Разомъ, въ одинъ день. Праздникъ пречистаго тѣла. Очистите тѣло Россіи отъ паразитовъ. Добейтесь равенства чистоплотности. И все приложится. Звѣзда Россіи...

Лія. [Говоритъ доктору на ухо]. Докторъ, забудьте о Россіи и подумайте объ Ефимьѣ.

Докторъ. [Падая съ облаковъ краснорѣчія]. Ефимья? Какая Ефимья? Да я объ Ефимьѣ и говорю. Этотъ тифъ распространяется посредствомъ клоповъ. Клопы - носители заразы, и мы безсильны.

Лія. [Тихо]. Утѣшьте, подайте надежду.

Лямкинъ. [Ударяетъ руками по бедрамъ]. Что жъ, такъ и издыхать ей, какъ собакѣ? Десять лѣтъ работала на хозяина, а заболѣла—пропадай. И никакихъ нѣтъ средствъ?

Докторъ. Какъ нѣтъ средствъ? Есть. Несомнѣнно, есть. Прежде всего—дезинфекція—внѣшняя и внутренняя. Ванны—попеременно горячія и холодныя. Подкожныя антизаразныя впрыскиванія. Вотъ въ Парижѣ новое средство нашли. Говорятъ, чудеса творитъ. А поправится—перемѣна воздуха. Въ теплые края. На берегъ моря.

Лямкинъ. [Хватаетъ себя за голову]. День—какъ ночь, ночь—какъ день У-у, кровопійцы.

Докторъ. [Обращаясь къ невидимой аудиторіи]. Странные вы люди, господа. Упрекаете меня, жалуетесь на меня. А что я могу? Что наука мнѣ сказала, то я повторяю. Въ деревню я поѣхалъ ради идеи. Чтобы служить народу. И вотъ видите. Чтобы помочь—какъ ее?—Ефимьѣ, я долженъ былъ бы привезти съ собой чистую избу съ чистымъ воздухомъ, свѣжее постельное бѣлье ванну съ горячей и теплой водой... Больничка на десять кроватей. Биткомъ набита... Лежать на полу на соломенныхъ матрацахъ...

Лямкинъ. [Со сжатыми кулаками]. Кровопійцы!..

Лія. [Къ Доктору]. Можетъ быть, въ больницѣ освободится мѣсто...

Докторъ. [Съ плохо скрываемой ироніей]. Какъ же, освободится. Безпремѣнно... Больные теперь не залеживаются. [Къ Лямкину]. Первое свободное мѣсто—вашей женѣ. А пока вотъ лекарства: порошокъ и капли. Порошку три раза въ день съ горошину въ молокѣ, а капель налейте двадцать въ блюдечко съ водой и вытирайте больную губкой. [Къ Ліи]. Ужъ вы имъ растолкуйте и prener garde à la vermine. C'est contagieux. Гдѣ вода? Руки вымыть. Мнѣ бы только воды. Мыло и полотенце при мнѣ. По городу ходятъ слухи о вашихъ эфирныхъ радѣніяхъ. Пригласите какъ-нибудь.

Лямкинъ. Любка, покажи рукомойникъ.

Докторъ. Нѣтъ, лучше изъ ковша. [Идетъ къ дверямъ и обращается къ Лямкину]. А вы что же не идете на заводъ? На дворѣ отъ народа чернымъ-черно. Сегодня лоттерея.

Лямкинъ. [Машетъ рукой].

Дѣдъ Семенъ. [Встаетъ, стучитъ палкой]. Баринъ, а баринъ. Для воскреснаго дня старику бы на стаканчикъ. Въ душѣ пересохло.

Докторъ. [Смотритъ на дѣда и разражается смѣхомъ]. Ахъ, шутникъ. Ну, прощайте. Какъ только мѣсто въ больницѣ...

Лямкинъ. Это на соломѣ, на полу, чтобы на другой день черезъ маленькія двери?

Докторъ. Какъ знаете. [Уходитъ].

Лія. [Приготовила питье и лекарство и дала больной, которая успокоилась]. Кажется, угомонилась. Сбѣгаю домой за чистой простыней. Сейчасъ вернусь. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лямкинъ, Ефимья, Дѣдъ Семенъ.

Дѣдъ Семенъ. [Про себя]. Тоже сказалъ. Клопъ—животное домашнее, отъ него уйти можно. А отъ воши—шалишь, не уйдешь. Куда ты—туда и она. [Дѣдъ Семенъ засыпаетъ. Длинная пауза. Лямкинъ достаетъ съ полки книжку и углубляется въ чтеніе. Плечи его начинаютъ вздрагивать не то отъ слезъ, не то отъ горькаго смѣха. Разражается долгимъ, надрывающимъ душу звѣринымъ воемъ].

Ефимья. Что ты, Ваня... Болѣзный мой... А мнѣ отъ лекарства полегчало..

Лямкинъ. [Очнулся]. Ничего, ничего. Засни, родная. Я пологъ прикрою. [Задергиваетъ пологъ, садится за столъ и снова погружается въ раздумье. Тишина прерывается бормотаньемъ дѣда: «Поцарствовали!.. Ироды!.. Будетъ!». Открывается дверь, входитъ рабочій и оглядываетъ комнату].

Первый рабочій. [Въ открытую дверь]. Дома, дома. Заходите. [Лямкину]. Я съ товарищами. Изъ Матова за дѣломъ. [Входятъ трое рабочихъ. 1-й рабочій—длинный, со впалой грудью, съ восторженнымъ лицомъ, 2-й рабочій—добродушный богатырь, 3-й рабочій—маленькій, озлобленный].

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Трое рабочихъ

Лямкинъ. Вы изъ Матова?

Первый рабочій. Мы—литейщики, а онъ [указываетъ на 2-го рабочаго] прядильщикъ изъ Матова. Пришли мы вродѣ делегатовъ. Адресъ твой изъ вѣрныхъ рукъ узнали. Товарищами отряжены.

Третій рабочій. [Оглядывается]. Стѣны безъ ушей? Можно говорить безъ опаски?

Лямкинъ. За пологомъ жена въ горячкѣ, ничего, кромѣ своей боли, не слышитъ. На лавкѣ старый дѣдъ, спитъ и видитъ полный стаканчикъ. Дѣвченка на улицѣ мотается. Всего и жильцовъ.

Дѣдъ Семенъ [при словѣ: «стаканчикъ» засуетился, всталъ и оглядѣлъ гостей. Говоритъ твердо и отчетливо]. Добрые люди, ради праздничка, поднесите старому старичку.

Второй рабочій. Что жъ, можно. Стаканчикъ-бы.

Дѣдъ Семенъ. [Страшно засуетился, собирается итти, стучитъ палкой Всѣ добродушно смѣются].

Второй рабочій. Да сиди, дѣдушка. Сами найдемъ. [Лямкинъ подаетъ стаканчикъ]. На, пей на здоровье. Старая кожа ссохлась, промочки требуетъ.

Дѣдъ Семенъ. [Пьетъ и замираетъ въ экстазѣ]. Уфъ... Ровно дождичекъ. [Садится, опирается на палку и слушаетъ].

Второй рабочій. Не пропустить-ли и всѣмъ намъ по маленькой? Съ дороги и для знакомства.

Лямкинъ. Повѣрите-ли, третьи сутки ѣсть не могу. Злоба душитъ. [Наливаютъ и пьютъ].

Первый рабочій. Мы боялись дома не застать. Заводскій домъ гудомъ гудетъ. Что за притча, думаемъ? Праздникъ, и народъ по-праздничному одѣтъ. Опросили рабочаго. Про лоттерею сказываетъ. Какая такая лоттерея?

Лямкинъ. Такъ, пустое. Путаетъ нашъ хозяинъ. Мы ему наши требованія представляли. Пункты, какъ слѣдуетъ. Видитъ лисица, что рабочіе стакнулись. Разъединить вздумалъ. Какъ дѣтей, пряниками хочетъ задобрить.

Третій рабочій. А народъ у васъ на заводѣ вѣрный?

Лямкинъ. Есть всякіе. И вѣрныхъ немало. Раскусили таки свою выгоду.

Первый рабочій. Слыхали, небось, про наши дѣла въ Матовѣ?

Лямкинъ. Срывомъ слыхали, да толкомъ не знаемъ.

Третій рабочій. Тоже резолюціи представляли. Стачкой грозили. Хороводились довольно.

Второй рабочій. Теперь запомнятъ.

Первый рабочій. Что проку въ стачкѣ? Все равно, что съ досады свою же руку кусать. Пока пріѣзжіе агитаторы насъ морочили и тянули, на трехъ фабрикахъ дѣло само собою сдѣлалось. . . . .

. . . .

Второй рабочій. Дѣло было горячее. Не обошлось безъ лома.

Третій рабочій. Есть убитые.

Дѣдъ. [Стучитъ палкой]. Натѣшились! Наизмывались! Будетъ!

Второй рабочій. Видишь, и дѣдъ расхрабрился.

Лямкинъ. Онъ у насъ вояка. Старый служивый.

Третій рабочій. Енералъ.

Второй рабочій. У Вахрушиныхъ было дѣло. Нагрянули мы ночью, окружили хозяйскій флигель и давай барабанить въ двери и окна. «Вставайте. . . . Надоѣло намъ однимъ бастовать. Вотъ мы теперь и васъ побастуемъ». Во-

рвались и перво-на-перво наскочили на старика-хозяина, значитъ. Стоитъ бѣлѣе своей бороды, трясется. «Принимаю»,—говоритъ. «Что принимаешь?» «Принимаю,—говоритъ,—восемь часовъ». А Гришка Хлоповъ ему въ отвѣтъ: «Не восемь часовъ, а одинъ часъ, и то твой послѣдній». . . . .

Третій рабочій. Здорово! А въ послѣдней комнатѣ барышня ихняя стоитъ у фортепьяновъ, распустила рукава и верещитъ: «Милые, не трогайте фортепьяновъ и картинъ... Культура! Культура!» А Хлоповъ тутъ какъ тутъ. Сама ты, — говоритъ, — «Куль-дура». И давай задомъ ѣздить по фортепьянамъ. «Авось,—говоритъ,—не слышно будетъ, какъ наши дѣти съ голоду кричатъ».

Первый рабочій. Обозлились. Всѣ мы который день не доѣдаемъ. А утромъ конторщикъ объявляетъ: фабрика закрывается, локутится, значитъ.

Третій рабочій. И досталось ему. Привязали къ тачкѣ и оставили на дворѣ: любуйся на люминацію. Свѣтло, какъ днемъ. Бумажки огненныя, ровно фееверкъ летятъ. Тутъ хозяйскій сынокъ подвернулся. Челюсти дрожатъ, а самъ пищитъ: «Не трогайте меня, товарищи, я—красный». Два рабочихъ мигомъ его подъ ручки въ красильную, окунули въ чанъ и волокутъ обратно. «Правда твоя,—говорятъ,—теперь сами видимъ, что красный».

Дѣдъ Семенъ. [Неистово стучитъ палкой]. Будетъ!.. Будетъ!..

Второй рабочій. Глядѣлъ я, глядѣлъ, не хотѣлось мнѣ руки марать. Никого не тронулъ. Пошелъ я въ прядильную къ своему станку. Схватилъ я молотъ и говорю ему, станку то-есть: «Ахъ ты, распостылый. Двѣнадцать лѣтъ я прикованъ къ тебѣ. Сталъ я за тебя румяный да веселый, молодость мою ты вымоталъ и ничего, кромѣ сухоты и злобы, не далъ мнѣ, распроклятый, чугунный песъ, зубами впился ты въ меня». Говорю такъ и давай молотомъ дубасить его по зубьямъ, по веретенамъ. Колочу, что есть силъ, ровно опьянѣлъ.

Первый рабочій. Чего жалѣть... Наше добро. Хотимъ—ломаемъ, хотимъ—нѣтъ.

Лямкинъ. Наше, наше... Вотъ и въ книжкѣ написано то-же. . . . .
. . . .

Первый рабочій. Погоди, все будетъ наше. . . . . Сами заказы будемъ принимать, сами исполнять, сами сдавать.

Лямкинъ. [Потираетъ руки отъ удовольствія и бѣгаетъ по комнатѣ]. Эхъ, скорѣе бы, скорѣе бы! Глазами бы увидѣть. Отдохнуть бы.

Первый рабочій. Фабриканты, слышно, въ губернію за солдатами послали. Мы и рѣшили: нельзя ли, чтобы всѣ въ нашей округѣ рабочіе поднялись въ одно время, въ одинъ, что ли, день. . . . .
. . . .

Лямкинъ. У насъ все готово. Мы хоть сегодня.

Первый рабочій. Погоди. Надо всѣ фабрики обойти. Либо завтра, либо послѣзавтра. Идетъ?

Третій рабочій. Только дѣйствуй съ оглядкой. У васъ на заводѣ сколько человѣкъ?

Лямкинъ. Съ женщинами большая сила. За семьсотъ.

Третій рабочій. Вся шпанка, а особливо женатые кто, не должны знать, что готовится. Говорите имъ о стачкѣ и подобномъ. Есть у васъ какой-нибудь студентишка-агитаторъ?

Лямкинъ. Какъ не быть. У насъ агитаторомъ самъ хозяйскій сынъ. Нарочно изъ Питера пріѣхалъ. Да, признаться, не люблю я этихъ чужаковъ. Поютъ складно, а что у нихъ на умѣ?

Первый рабочій. Ничего. Пусть говорятъ рѣчи, сочиняютъ пункты. На это они мастера.

Третій рабочій. Потомъ, когда время придетъ, всѣхъ этихъ говоруновъ къ лысому бѣсу.

Первый рабочій. Достаточно, чтобы десятка два знали, въ чемъ дѣло.

. . . .

Третій рабочій. Вернемся вечеромъ, условимся.

Второй рабочій. Это кто въ окошко заглядываетъ?

Лямкинъ. [Смотритъ въ окно]. Рабочій. Грамотѣй. [Входитъ Володя, за нимъ Григорій и нѣсколько сознательныхъ рабочихъ].

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Григорій, Володя и рабочіе.

Григорій. [Къ Лямкину]. Я пришелъ къ вамъ, Лямкинъ, переговорить въ присутствіи товарищей. [Къ рабочимъ]. Вы Матовскіе делегаты будете?

Третій рабочій. Вамъ кто про насъ говорилъ?

Григорій. Только что получилъ записку отъ Николая Федорыча.

Третій рабочій. Отъ нашего Николая Федорыча? А вы кто будете?

Григорій. Я отъ областного центра. Звѣроловъ.

Первый рабочій. [Подаетъ руку]. Какъ же, много о васъ наслышаны. Знаемъ вашу книжку: «Кто истинный собственникъ».

Лямкинъ. [Беретъ со стола книжку]. «Кто истинный собственникъ»? Мою книжку? Это вы ее сочинили?

Григорій. Я. На заглавномъ листѣ мое имя. А что?

Лямкинъ. Да такъ. Кому книжка, а мнѣ евангеліе. Просвѣтила.

Григорій. Видите, Лямкинъ. Служимъ мы съ вами одному дѣлу, боремся съ общимъ врагомъ, а вы сѣете раздоръ и недовѣріе.

Лямкинъ. Да я что?

Дѣдъ Семенъ. [Хихикаетъ]. Нельзя... Никакъ нельзя... Развѣ можетъ стадо безъ пастуха... Безъ головы нельзя...

Второй рабочій. Ну, ты куда. Помалкивай, енералъ.

Григорій. Еще вчера называли яблочкомъ отъ яблони и прочее. Давайте объяснимся. На чистоту. Что вы имѣете противъ меня?

Лямкинъ. Да я ничего. [Почесываетъ въ затылкѣ]. Да такъ, сумнительно. Зачѣмъ противъ своего интереса идете? Отъ богатыхъ родителей къ намъ, бѣднымъ... Непонятно. Боязно.

Григорій. Ушелъ къ вамъ, потому что вы—самые богатые и есть. Вамъ, рабочимъ, весь міръ принадлежитъ.

Лямкинъ. А ежели такъ, то отчего бы тебѣ самому въ рабочіе не поступить? Становись за станокъ—я въ тебѣ товарища и признаю.

Григорій. А ты сумѣлъ бы эту книжку написать?

Лямкинъ. Куда мнѣ!

Григорій. Вотъ видишь. Всякому свое.

Лямкинъ. Такъ-то такъ...

Первый рабочій. Не время теперь для перекоровъ.

Володя. Намъ, сознательнымъ, больно все это видѣть. Тутъ разныя лоттереи да подвохи, а солидарность-то того... Ужъ ежели по Марксу, то по Марксу.

Сознательные рабочіе. Правильно. По интегральному.

Григорій. У меня, товарищи, важное извѣстіе. Изъ центра получено распоряженіе: въ случаѣ забастовки поддержать васъ деньгами и съ перваго же дня выдавать 25 копѣекъ на холостого и 50 на семейнаго. Денегъ отпущено довольно, и если устроить общія столовыя, то можно будетъ выждать до конца. Пока наша не возьметъ. [Общій разговоръ].

Третій рабочій. Хоть насъ не касающее, но все же позвольте спросить, деньги въ посулѣ или на столѣ?

Григорій. Деньги лежатъ въ вѣрномъ мѣстѣ. Сегодня своими руками считалъ. Видите, товарищи, партія заботится о васъ и взамѣнъ требуетъ послушанія. Не изъ властолюбія, а изъ единства дѣйствій.

Третій рабочій. Вотъ какъ дѣдъ говоритъ: нельзя стаду безъ пастуха.

Григорій. Вы должны обѣщать мнѣ устроить стачку, когда я вамъ дамъ сигналъ, и, главное, безъ анархіи, безъ насильственныхъ дѣйствій, безъ грабежа. Такъ, что ли? Обѣщаете, Лямкинъ?

[За сценой шумъ приближающихся шаговъ. Въ комнату врывается толпа рабочихъ, мужчины и женщины. Сзади толпы—Лія съ простынями. Впереди всѣхъ протискивается бородатый рабочій и бросается на шею Лямкину].

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и толпа.

Бородатый рабочій. Дай по родственному облобызать. Тысячникъ! Проздравляю.

Голоса. Съ выигрышемъ! Съ пятью тысячами! Угощенія! Давайте качать! [Раздвигается пологъ и показывается растрепанная голова Ефимьи, которая прислушивается и хочетъ понять. Дѣдъ Семенъ оперся на палку и стоитъ, вытянувшись всѣмъ тѣломъ].

Лямкинъ. Какія тысячи? Что? Толкомъ говорите.

Бородатый рабочій. Какъ стали, значитъ, тянуть жеребья, кому какой выигрышъ. На дворѣ-то. Тянула сирота Дунька. Хозяинъ кричитъ на весь народъ: тянутъ, молъ, первый выигрышъ въ пять-то тысячъ, а Дунька-сирота, значитъ, вынимаетъ изъ ящика сверточекъ бѣленькій и передаетъ. Развернулъ, значитъ, хозяинъ сверточекъ и читаетъ: Лямкинъ. Ивану Лямкину большой выигрышъ. Лямкину—пять тыщъ.

Ефимья. [Задыхаясь]. Тысячи! Тысячи! Ваня!

Лямкинъ. [Бросается къ женѣ]. Финечка! Намъ тысячи! Вылечу тебя. Молокомъ, виномъ отпою. Въ чистую горницу перенесу. Въ ваннахъ купать буду. Будемъ, какъ люди. Не надо намъ милостыни. [Замѣтивъ Лію]. Унеси свои жидовскія простыни. Фимочка! Тысячи!

Ефимья. Охъ-ахъ... Сладенькаго бы, соковитаго.

Лямкинъ. Будетъ, будетъ. И тебѣ сладкаго, и тебѣ, дѣдъ, водочки. Голову прямо держать. Воля! Воля!

Бородатый рабочій. Скажемъ по родственному. Какъ ты мнѣ кумъ, и я тебѣ кумъ...

Первый рабочій. Ну, товарищи. Намъ тутъ дѣлать нечего. Тутъ совѣсть запродана. Поведите насъ, Звѣроловъ, на квартиру. Поговорить надо. Намъ къ спѣху.

Володя. Ну что, товарищи! Кто надежнѣе! Захоти Григорій Евгеніевичъ— не то пятью, ста тысячами ворочалъ бы.

Григорій. [Митинговымъ тономъ]. Товарищи. Объединитесь вокругъ партіи. Въ единствѣ сила. . . . .

. . . Обопритесь на насъ, и мы васъ поведемъ отъ побѣды къ побѣдѣ, до тѣхъ поръ, пока нынѣшній эксплоататоръ...

Лямкинъ. Постой, постой... Не трещи...

Третій рабочій. Ну, Лямкинъ, прощенія просимъ. Теперь ты намъ чужой человѣкъ. Мы больше не товарищи.

Лямкинъ. Дайте опомниться. Надо также во вниманіе принять... Я

третьи сутки сижу при больной женѣ... Ровно въ казематѣ. Ни лекарства, ни гроша... Мучаемся втроемъ, какъ приговоренные... Отъ слезъ и отъ желчи тоже не просвѣтлѣешь разумомъ... Это нужно понимать, товарищи. Жена у меня привѣтная, жили безъ перекоровъ, душа въ душу, и вдругъ стряслось... И то надо сказать: жизнь человѣку дана только одинъ разъ... Сижу это ночью и думаю... За что мы, рабочіе люди, страдаемъ? Въ чемъ провинились? Тамъ, за окнами, и вина, и пироги, а тутъ ни крошки, ни капли. Старый . . . . . устраиваетъ у себя праздники на случай зеркала, сынокъ его книжки пишетъ и тоже, между прочимъ, на чей-то счетъ щеки отъѣлъ . . . .

Володя. Да что вы его слушаете? Теперь онъ не рабочій, а мелкій буржуа... Такой же кулакъ...

Третій рабочій. Ты, интегральный, постой... Дай говорить.

Лямкинъ. Давайте по справедливости, по нашей, по рабочей совѣсти.

Ефимья [Раздвинула пологъ и сѣла на край кровати]. Не слушай ихъ, Ваня. Родименькій, не упусти... Гони ихъ вонъ, гони, Ваня.

Бородатый рабочій. И то правда... Что набились въ чужую фатеру? Мы тутъ промежъ себя, по родственному. Проздравили—и будетъ... На чужое добро нечего ротъ разѣвать...

Дѣдъ Семенъ. [Швыряетъ палкой и задѣваетъ Лію]. Сволочи, вонъ!

Второй рабочій. Ты, енералъ, того, потише. [Лія, утирая глаза, выходитъ изъ комнаты],

Лямкинъ. Стойте, товарищи. Дайте по справедливости, по настоящему.

Одинъ изъ рабочихъ. Что тутъ толковать? Выпало тебѣ счастье, ну и володѣй. Мы тебѣ не завистники. Угости, какъ слѣдоваетъ, и пользуйся.

Лямкинъ. [Обуреваемый чувствами, которыхъ не въ состояніи высказать]. Не то говоришь. Тутъ дѣло большое, необъемное. [Въ это время раскрывается дверь, и входятъ Стекловъ, Тепловъ и другіе служащіе. За ними Аннушка и Дунька].

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Стекловъ, Тепловъ, Служащіе, Аннушка и Дунька.

Стекловъ. Ну, Лямкинъ, вижу, вамъ уже сообщили радостное извѣстіе. Мы, со своей стороны, сочли нужнымъ подтвердить вамъ лично и немедленно вручить выигрышъ. Вы хоть вели себя до сихъ поръ не совсѣмъ образцово, участвовали въ стачечной делегаціи и вчера зеркало... Ну, Богъ съ нимъ, кто прошлое помянетъ... Такія теперь времена, что и твердый человѣкъ не устоитъ. Мы поэтому сочли возможнымъ допустить васъ и всѣхъ другихъ делегатовъ къ участію въ лоттереѣ. Но на будущее время [обращаясь къ рабочимъ] предупреждаю васъ, братцы, что всякій, кто въ теченіе года приметъ малѣйшее участіе

либо въ стачкахъ, либо въ безпорядкахъ, тотъ безжалостно будетъ вычеркнутъ изъ списковъ. Ну, Лямкинъ, поздравляю. Вотъ управляющій дастъ вамъ бумагу расписаться и вручитъ вамъ чекъ.

Ефимья. [Ползкомъ добирается до Стеклова и бросается ему въ ноги]. Батюшка, спаситель нашъ!.. Благодѣтель!.. Замѣсто Бога!.. Какъ Богу, такъ тебѣ...

Лямкинъ. [Поднимаетъ жену и отводитъ на постель]. Не кланяйся, Ефимья. Можетъ, не за что кланяться. Знаю, болѣзная моя, тяжело тебѣ, а, вѣдь, окромя добра, ничего ты никому не сдѣлала и трудилась, не разгибая спины. И мнѣ тяжело, Ефимья. Такъ тяжело, что преступнику передъ плахой хуже не бываетъ. Но мы не одни мучаемся. Сообща мы дѣло затѣяли, сообща его и выполнимъ.

Стекловъ. Что это? Не понимаю. Что за разговоръ? Въ своемъ ли онъ умѣ? Не рехнулся-ли отъ радости?

Лямкинъ. Нѣтъ, хозяинъ, не рехнулся, а прозрѣлъ, и не отъ радости, а отъ горькаго горя. Что самъ не понялъ, то изъ книжки уразумѣлъ. Спасибо твоему сыну, хорошую книжку написалъ. И мы всѣ вотъ кругомъ стали зрячіе. И увидѣли мы, что противъ васъ нѣтъ у насъ другихъ защитниковъ, кромѣ насъ самихъ. И вотъ теперь ты своей лоттереей насъ же хочешь подкупить противъ насъ. Ловко. Нѣтъ, ужъ пусть каждый изъ насъ останется на своемъ мѣстѣ. . . . .

. . . .

Ефимья. Разбойники. Тошно мнѣ!.. Убивцы!..

Дѣдъ Семенъ. [Хочетъ встать и безпомощно падаетъ на лавку]. Сволочи!.

Лямкинъ. Терпи, жена. Всѣ мы терпимъ. Большое дѣло затѣяно. Всѣ, можетъ, умремъ, да не даромъ. Чтобы дѣтямъ жилось въ справедливости. [Къ Стеклову]. Ежели, хозяинъ, у васъ совѣсть зазрила, верните нажитое всѣмъ намъ, а не мнѣ одному. Одинъ-то я слабъ, и обмануть меня не трудно, и купить, и продать. А всѣ мы—сила. Сила противъ силы. Чья возьметъ.

Стекловъ. Какъ ты смѣешь со мной такъ говорить? Я къ тебѣ съ добромъ, а ты...

Лямкинъ. Одинъ такой добрый разбойникъ ограбилъ прохожаго на рубль, а потомъ суетъ ему грошъ и говоритъ: вотъ тебѣ милостыня, помолись за меня. На грошъ добръ, а на рубль свирѣпъ.

Аннушка. Вотъ ужъ что неправда, то неправда. Евгеній Пантелѣевичъ не по злобѣ, а изъ жалости къ вамъ. Они сами приходили ко мнѣ вчера вечеромъ, чтобы научить Дуньку, какъ вамъ билетикъ первымъ вытащить. Правда, Дунька?

Дунька. Засунь, гритъ, ручку до шпенька, а на шпенькѣ бумажечка наколота. Ее и тащи. [Среди рабочихъ гулъ, хохотъ].

Рабочіе. Ишь какъ. И тутъ мошенничество. Выигрышъ подстроилъ. Купить Лямкина хотѣли. Хороша лоттерея.

Бородатый рабочій. [Бросается къ Лямкину]. Удержи, кумъ, языкъ. Помалкивай. Бери деньги, а потомъ, что хошь, дѣлай. Устраивай стачку, веди свою линію. Теперь ты среди насъ орелъ.

Рабочіе. (Наступаютъ на Стеклова). Какъ-же, хозяинъ... Насъ подкузьмили. Лямкину, ровно муху, фортуну на шпенекъ насадилъ, а мы-то какъ?

Стекловъ. (Пятясь къ стѣнѣ]. Гдѣ Бабуринъ? Что его не видать? Мои деньги—я воленъ былъ дѣлать, что хочу.

Лямкинъ. Нѣтъ, кумъ. Они—господа купцы—такъ сызмальства привыкли къ обману, что и добра безъ обмана не могутъ сдѣлать. А мы, рабочіе, обвѣшивать и обмѣривать не умѣемъ. Мы, глупые, работаемъ, свою силу расходуемъ. Взять бы хозяйскій выигрышъ—такъ и условія принять. А стоять за общее дѣло—такъ выигрышъ къ чорту.

Ефимья. [Бьется въ припадкѣ; Аннушка за нею ухаживаетъ].

Лямкинъ. Ужъ присмотри за ней, Бога для. А тебѣ, хозяинъ, вотъ мой сказъ. Я—никто и ты—никто. Но вмѣстѣ вы—обманъ, а мы—правда. Вчера я твое зеркало разбилъ. Вотъ тебѣ твои тысячи. Квиты. Условія наши мы объявили. Хочешь—прими. А не примешь—сами за себя постоимъ. Такъ, что-ли, товарищи?

Рабочіе. За тобой, Лямкинъ. Веди насъ. Какъ рѣшишь, такъ и будетъ. На заводскій дворъ. Сходку. [Всѣ тѣснятся къ выходу].

Первый рабочій. [Тихо Лямкину]. Куй желѣзо.

Второй рабочій. Будетъ люминація.

Григорій. [Къ отцу]. Ну, что, родитель, много взялъ ты своей лоттереей? Себѣ повредилъ и мнѣ напортилъ. Теперь съ Лямкинымъ не совладать.

Стекловъ. Не понимаю. Что-то я упустилъ... Чего-то не разсчиталъ...

Григорій. Упустилъ ты въ своихъ разсчетахъ одну мелочь... Забылъ, что существуетъ на свѣтѣ честность.

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Силородъ.

На заводѣ Стеклова. Лабораторія Бабурина, служащая въ то-же время его рабочимъ кабинетомъ. Большая съ высокими окнами комната, заставленная шкапами съ инструментами столами со склянками, станками разнаго рода. Въ правомъ углу коверъ, мягкая мебель, письменный столъ и піанино. Налѣво—машина съ огромнымъ колесомъ.

Поздній часъ ночи. Нѣсколько электрическихъ лампъ освѣщаютъ лабораторію, въ которой собралась вся семья Стеклова и бывающая въ домѣ молодежь. У письменнаго стола и подлѣ него сидятъ: Стекловъ, Стеклова, Жандармскій Офицеръ, Додо, Тепловъ. Подальше размѣстилась молодежь. Стукачевъ и Воиновъ играютъ въ шашки. Фатя и Ваня сидятъ у піанино. Лія и Аннушка мечтаютъ. Бабуринъ хлопочетъ вокругъ машины.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стеклова. Скорѣй-бы ночь прошла. Измаялась я. Когда это кончится?

Стекловъ. Что стало съ губернаторомъ? Почему не посылаетъ солдатъ.

Офицеръ. Не безпокойтесь. Покуда я здѣсь, бояться вамъ нечего. У меня людей достаточно, чтобы справиться съ этой сволочью.

Стеклова. А какъ съ Фаустелемъ? Его фабрика тоже охранялась солдатами, а рабочіе все-таки ворвались...

Офицеръ. Рабочіе на этотъ разъ схитрили. Знаютъ, бестіи, что силъ у насъ немного, а подмога изъ губерніи не подходитъ. Они и поднялись на хитрость. Устроили ложную тревогу, подожги поблизости домъ Саркина. Пока мы туда, бунтовщики ворвались къ Фаустелю и ну громить.

Тепловъ [Вскакиваетъ]. Что это? Какъ будто крики... [За окномъ пронзительный свистокъ).

Офицеръ. Мои люди... Слышите нашъ свистокъ... [Подходитъ къ окну, пріотворяетъ его и даетъ отвѣтный свистокъ].

Стеклова. Что-то теперь съ Гришей? Съ рабочими онъ? Противъ рабочихъ? Живъ, мертвъ? Ничего не пойму... Не знаю, за кого бояться, за кого молиться...

Стекловъ. Самое ужасное, что мы отрѣзаны отъ міра. Что дѣлается въ губерніи? Что крестьяне?

Тепловъ. Голова болитъ отъ этого вѣчнаго прислушиванія... Все слушаешь и думаешь: не опи-ли?

Стеклова. Бѣдный Фаустель.

Воиновъ. [Передразнивая]. Жандармъ карошъ, казакъ больше карошъ.

Аннушка. Какъ вамъ не стыдно, Воиновъ.

Офицеръ. Жестоко съ нимъ обошлись. Когда ворвались рабочіе, онъ имъ какую-то шутку отпустилъ. Тѣ со смѣхомъ, съ прибаутками на него накинулись, стали имъ швыряться, да такъ въ суматохѣ и смяли.

Стеклова. Не знаете, былъ при этомъ Гриша? Не могу понять, съ кѣмъ онъ: съ рабочими противъ насъ, съ нами противъ рабочихъ?

Тепловъ. [Прислушивается]. Ворота, что ли, скрипнули. Слышите?

Додо. [Смѣется]. Это Бабуринъ что-то стругаетъ. Вотъ кому ужасы по сердцу пришлись. Заводъ бастуетъ, можно день и ночь возиться съ машиной. Бабуринъ, очнитесь! Что если рабочіе нагрянутъ и разобьютъ вашу машину?

Бабуринъ. Скоро, скоро... скоро... Какіе рабочіе?

Додо. Наши, всяческіе... Тѣ, которые герръ Фаустеля убили...

Бабуринъ. Ну, ихъ совсѣмъ. Мнѣ некогда.

Додо. Жениться бы вамъ на машинѣ.

Аннушка. [Заломивъ руки, мечется по комнатѣ]. Какъ-же быть? Скажите, какъ быть?.. Вотъ вы тутъ сидите, разговариваете, умные, добрые... А тамъ они бродятъ вокругъ дома, подкрадываются съ ножами, съ керосиномъ...

Стеклова. Кто они? Кто бродитъ?

Аннушка. Рабочіе... Лямкины... Чуетъ мое сердце, близко они... Какъ же быть?... Неужто нельзя сговориться, понять другъ друга? [Всѣ молчатъ].

Додо. Не мечитесь, Аннушка... Глазамъ больно... Придутъ войска изъ губерніи—они и сговорятся.

Аннушка. Одни будутъ убивать, и другіе будутъ убивать... [Къ офицеру]. Вы будете стрѣлять? Стрѣлять въ людей? Это все, на что вы способны?

Офицеръ. Буду, барышня. Мое дѣло охранять порядокъ.

Стукачевъ. Даже дурной порядокъ?

Офицеръ. Какой бы то ни было. Какъ вы думаете, господинъ студентъ, если бы вы родились не человѣкомъ, а медвѣдемъ, волкомъ, у васъ было бы чувство самосохраненія?

Стукачевъ. Конечно, было бы. А что?

Офицеръ. Да ничего. Я служу государству по части самосохраненія.

Аннушка. [Къ Стеклову]. Вотъ вы хозяинъ, васъ всѣ слушаются. Вы— добрый. Такъ скажите слово... Я не побоюсь, я пойду теперь ночью, я передамъ имъ. Стукачевъ, вы пойдете со мною?

Стукачевъ. Ну, конечно...

Стекловъ. Вы славная дѣвушка... Какое слово скажу я?... Что могутъ слова? Пока рабочій былъ безсознательный—онъ работалъ, создавалъ. А теперь, сдѣлавшись сознательнымъ, онъ сталъ разрушать. Видѣли съ зеркаломъ? Такъ онъ разобьетъ все, всю культуру, расшибетъ себя и насъ... Ногами онъ будетъ сознательно разбивать то, что сдѣлали безсознательно его руки... Будемъ бороться, а тамъ посмотримъ... Можетъ быть, изъ губерніи солдаты...

Аннушка. [Ломаетъ руки]. Солдаты... Солдаты...

Стукачевъ. [Къ Офицеру]. А вы увѣрены въ своихъ солдатахъ?

Офицеръ. Ну, знаете, господинъ студентъ, этого вопроса я совѣтую лучше не касаться.

Додо. Не сердитесь. Мы по дружески. Стукачевъ—извѣстный революціонеръ. Спитъ и видитъ, какъ бы произвести переворотъ въ чувствахъ Ліи.

Стукачевъ. Оставьте, пожалуйста, въ покоѣ меня и Лію.

Тепловъ. [Прислушивается]. Что это? Выстрѣлъ? Какъ будто выстрѣлъ..

Офицеръ. Вамъ показалось. [Снова подходитъ къ окну, пріотворяетъ его и даетъ свистокъ. Слышенъ отвѣтный свистъ]. Вотъ видите, все въ порядкѣ...

Аннушка. Какъ же быть? Всѣ сидятъ на мѣстахъ, всякій думаетъ о своемъ... А тѣ подходятъ, подкрадываются... Ахъ, еслибъ я прочла много книгъ... Бабуринъ. Что же вы? Гдѣ вашъ силородъ? Вы же говорили, что силородъ всѣхъ спасетъ... Вотъ теперь время...

Бабуринъ. [Услышавъ о силородѣ, покидаетъ машину и подходитъ къ обществу. На немъ рабочая куртка. Руки и лицо запачканы. Глаза сіяютъ]. Ну, Аннушка, теперь не долго... Только вставить аккумуляторы... Иду за ними на чердакъ... На случай взрыва... Черезъ полчаса... Слышите, черезъ полчаса я предстану передъ вами Зевсомъ Олимпійцемъ... Съ молніей въ рукахъ... Иду за ними...

Стеклова. Куда вы? Теперь бы всѣмъ быть вмѣстѣ...

Бабуринъ. Да я скоро... [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, безъ Бабурина.

Аннушка. Каждый о своемъ... Каждый за себя... Ваня, почему вы молчите? Вы все понимаете, все чувствуете... Скажите...

Ваня. О чемъ, Аннушка?

Аннушка. Да обо всемъ... О рабочихъ, о бунтѣ... О томъ, что сейчасъ будетъ... О крови... Какъ избѣгнуть...

Ваня. Да ничего этого нѣтъ... Нѣтъ рабочихъ, нѣтъ бунта...

Аннушка. Какъ нѣтъ?

Ваня. Для меня нѣтъ... Я допускаю, что ихъ нѣтъ... Понимаете, допускаю... Какъ въ математикѣ... Допустимъ, что А равняется Б. Знаете?

Аннушка. Нѣтъ, не знаю.

Ваня. Такъ вотъ... Сперва допускаютъ, а потомъ доказываютъ истину. Такъ и мы, художники. Для того, чтобы создать красоту, мы допускаемъ, что на свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ красоты... Въ моемъ городѣ... въ городѣ моей мечты нѣтъ бѣдныхъ, нѣтъ страждущихъ, нѣтъ озлобленныхъ... Нѣтъ хозяевъ, нѣтъ рабочихъ, нѣтъ возмущенія...

Аннушка. [Смѣется сквозь слезы]. Нѣтъ убитаго Фаустеля, нѣтъ разбитаго зеркала, нѣтъ сапога Лямкина, нѣтъ этихъ безсонныхъ ночей...

Ваня. Нѣтъ, Аннушка, и никогда не было... А есть только прекрасныя дѣвушки и влюбленные юноши... Они бродятъ вдоль свѣтлыхъ озеръ... Они ищутъ словъ, какъ бы выразить самое изысканное и утонченное... И я имъ подсказываю эти слова...

Фатя. А можно, Ваня, допустить, что нѣтъ насъ самихъ, съ нашими страданіями, съ нашей ревностью, съ грустью?

Ваня. Необходимо, а то нельзя, творить...

Офицеръ. Любопытно все это... У насъ въ полку поручикъ допускалъ, что онъ фельдмаршалъ. Его и свезли въ сумасшедшій домъ.

Стукачевъ. [Возбужденно]. Ужъ нѣтъ, позвольте... Вы, культурники, хотите намъ бѣльма на глаза наложить... Все есть—и нищета, и борьба, и страданія, и бунтъ. Но всего этого не будетъ... Въ то время, когда...

Воиновъ. Нашли время для интеллигентнаго спора! Въ могилу—и то на ходуляхъ.

Тепловъ. Звонятъ... Слышите?.. Теперь стучатъ...

Стеклова. Это съ парадной. Звонокъ съ парадной. Что же швейцаръ?

Стекловъ. Гдѣ швейцаръ? [Въ дверяхъ показывается горничная]. Вотъ Маша. Гдѣ швейцаръ? Слышите? Теперь стучатъ...

Горничная. Василія нѣтъ. Ушедши.

Стекловъ. Какъ ушелъ? Не спросясь?

Горничная. Всѣ ушедши. И лакей, и швейцаръ, и поваръ. Только я да гувернатка и остались.

Стекловъ. Странно... Всѣ ушли... Давно?..

Горничная. Да съ часъ будетъ. Василій говоритъ: неладно у насъ въ домѣ, лучше уйдемъ.

Тепловъ. Шаги... Слышите шаги?.. На лѣстницѣ...

Офицеръ. Прошу не безпокоиться. [Смотритъ въ окно[Мои люди на дворѣ...

Стекловъ. И впрямь шаги. [Всѣ молчатъ. Дверь отворяется и входитъ солдатъ].

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Солдатъ.

Солдатъ. [Отыскавъ глазами офицера]. Ваше благородіе...

Офицеръ. Что Сычукъ?

Стекловъ. Позвольте. Вы черезъ парадный ходъ. Кто вамъ открылъ?

Солдатъ. Точно такъ. Звонилъ, стучалъ, но дверь была открыта.

Стеклова. [Въ ужасѣ]—Дверь была открыта!..

Офицеръ. Что случилось?

Солдатъ. Ваше благородіе, неблагополучно. На откосѣ рабочіе громятъ складъ, поджигаютъ.

Офицеръ. Канальи. Много ихъ?

Солдатъ. За сотню будетъ, ваше благородіе.

Офицеръ. Бѣги, Сычукъ. Скажи, иду.

Солдатъ. Винную лавку разбили...

Офицеръ. Скорѣй маршъ! [Солдатъ уходитъ].

Стеклова. Вы насъ покидаете—теперь, когда люди разбѣжались?

Додо. Оставайтесь.

Офицеръ. Не могу-съ. Долженъ порядокъ возстановить. Но за вашимъ домомъ будутъ слѣдить. Чуть что—прибѣжимъ. До скораго [Уходитъ].

Стекловъ. Вчера я получилъ резолюцію отъ союза прислуги. Есть подписи нашего Василія и лакея. Такъ вотъ оно что!

Тепловъ. Прислуга ушла. Все ли въ сохранности въ конторѣ? Книги, бумаги...

Стекловъ. И подъѣздъ запереть. Идемъ.

Стеклова. Бери и меня съ собою. Я тебя одного не оставлю.

Стекловъ. Идемъ. А вы тутъ сидите вмѣстѣ. Не разбредайтесь. [Уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, безъ Стеклова, Стекловой и Теплова.

Воиновъ. Чортъ возьми, эта ночь никогда не окончится.

Стукачевъ. А что, жутко?

Воиновъ. Помните разсказъ воина о Фаустелѣ? Какъ рабочіе хитростью отвлекли солдатъ? Ой, неладно... Злой чеченъ ползетъ на берегъ... Прощайте, господа...

Додо. Вы насъ покидаете?

Стукачевъ. Недаромъ Воиновымъ зовутъ.

Воиновъ. Знаете, подвиги не по моей части. Идемъ вмѣстѣ, Аннушка. Ну, какъ хотите. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Воинова.

Стукачевъ. И то жутко.

Аннушка. Вотъ бы теперь эфиръ... Забыть, все забыть...

Фатя. Нельзя. Услышатъ запахъ.

Аннушка. Ахъ, если бы можно забыть... Одно слово... Бабуринъ мнѣ сказалъ одно слово, котораго не забыть... [Хватается за сердце]. Я, вѣдь, всю ночь проплакала.

Додо. Бабуринъ? Скажи пожалуйста. Какое такое слово, отъ котораго ты ночью плачешь?

Аннушка. Не могу... Понимать понимаю, да словъ не найду. Онъ какъ будто повелъ меня вверхъ, по узенькой, тѣсной лѣсенкѣ, вверхъ, вверхъ повыше всѣхъ домовъ, подвелъ къ краю и оставилъ одну... Это такъ больно, такъ больно...

Додо. Какое же слово? Вотъ безтолковая.

Аннушка. О предметахъ. Бабуринъ сказалъ слово о предметахъ... Что предметовъ меньше, чѣмъ людей... Меньше, чѣмъ людей... Это такъ страшно...

Додо. Какіе предметы?

Лія. Я понимаю. Мнѣ Бабуринъ тоже какъ-то говорилъ. Предметы роскоши, радости, красоты... Всѣ тянутся къ нимъ, рвутся, просятся, а ихъ мало.

Аннушка. Меньше, чѣмъ людей... Меньше, чѣмъ людей... Бабуринъ еще сказалъ, что потомъ—когда-нибудь, когда-нибудь, когда-нибудь—предметовъ опять будетъ много... Я вѣрю, но мнѣ грустно.

Додо. Глупая ты. Да, вѣдь, вся радость дорогихъ предметовъ въ томъ, что ихъ меньше, чѣмъ людей. И чѣмъ меньше, тѣмъ они дороже. Взять эту нитку жемчуга. Стала бы я гордиться и радоваться ей, если бы на шеѣ у всѣхъ у васъ висѣла такая же. Но жемчуга мало—и я—одна, единственная, избранная.

Фатя. Ну, и радуйся. А намъ твоихъ тряпокъ и камушковъ и даромъ не нужно.

Додо. Нужно, дурочка, нужно, только вы еще слѣпые котята, живете на всемъ на готовомъ, жизни не видите. А вотъ рабочіе—тѣ поумнѣе будутъ. Расчухали-таки—и хотятъ отнять. Только не дадутъ имъ.

Ваня. Рабочій хочетъ жить такъ, какъ до сихъ. поръ жилъ мѣщанинъ. Заднія ноги норовятъ стать тамъ, гдѣ стояли переднія. Чѣмъ это обогащаетъ мою душу?

Аннушка. Ну, рабочіе отнимутъ. Но, вѣдь, предметовъ опять будетъ меньше, чѣмъ людей... Опять борьба, опять кровь... Ваня, какъ же у васъ, въ вашемъ городѣ?

Ваня. О, въ моемъ городѣ... Въ городѣ моей мечты... Тамъ работаютъ всѣ на всѣхъ... Храмы, дворцы... Храмъ Первому рабочему... Дворецъ веснѣ... Дворецъ молодости... И люди... Двѣ касты людей... Одни прекрасны, а другіе имъ поклоняются.

Аннушка. И никто не плачетъ? Никто нигдѣ?.. Никто никода?..

Фатя. Ты плачешь Аннушка?

Додо. О-ла-ла!.. Бредни... Кто ни побѣдитъ, мнѣ все равно... Я приду къ

побѣдителю, покажу себя—вотъ я! Украшайте меня!.. Деритесь-миритесь, а работайте на меня... На меня—праздную, слабую, сладкую... Ха-ха...

Аннушка. Ваня! Ступайте на площади, на перекрестки улицъ! Кричите, проповѣдуйте... Говорите людямъ о храмахъ, о дворцахъ... Противъ Додо... Противъ Додо...

Додо. [Хохочетъ]. Ну, что-жъ. Дерзайте, Ваня. Вы проповѣдуйте, а я плечомъ поведу... Посмотримъ, чья возьметъ... [Открывается дверь и на порогѣ показывается Воиновъ].

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Воиновъ.

Воиновъ. Тыкался въ темнотѣ... На дворѣ рабочіе... Выйти нельзя... Готовится чортъ знаетъ что...

Додо. [Подбѣгаетъ къ Воинову]. Что случилось? Гдѣ отецъ? Гдѣ мама?

Воиновъ. [Раскрываетъ окно]. Да вотъ послушайте. [Со двора доносится гулъ голосовъ, среди которыхъ выдѣляется голосъ Володи].

Голосъ Володи [за окномъ, поетъ].

Ваня. [Захлопываетъ окно]. Знамя забастовки, осѣняющее землю... За одни такіе пѣсни можно возненавидѣть революцію.

Воиновъ. Ну, не взыщи... И, вообще, эти мысли оставь теперь при себѣ... Очнитесь, дьяволы. Рабочій бунтъ. Нужно защищаться. Есть ли оружіе? [Входятъ Стекловъ, Стеклова и Тепловъ].

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Стекловъ, Стеклова и Тепловъ.

Стеклова. Дѣти здѣсь? Слышите: ломятся. Солдатъ нѣтъ. Что будетъ? Горитъ. Гдѣ горитъ? [Окно окрашивается легкимъ заревомъ пожара, которое все усиливается].

Тепловъ. Должно быть, сараи горятъ.

Стекловъ. Успокойся, жена. Будетъ то, чему быть суждено.

Воиновъ. Есть у васъ револьверы?

Стекловъ. Гдѣ же противъ такой толпы? Лучше ужъ такъ. Никогда не обижалъ я рабочаго. Вотъ моя защита теперь.

Аннушка. Опять все прежнее... Какъ же быть?..

Ваня. Мнѣ все это глубоко неинтересно.

Додо. Гдѣ Бабуринъ? Почему нѣтъ Бабурина?

[Хлопанье дверей, топотъ шаговъ, гулъ голосовъ. Всѣ эти звуки надвигаются, неизбѣжные, зловѣщіе. Дверь съ трескомъ распахивается. Врываются двѣ толпы рабочихъ. Во главѣ одной—малочисленной—Григорій, за нимъ Володя и группа сознательныхъ рабочихъ. Во главѣ другой—болѣе многолюдной—Лямкинъ. Тутъ же трое матовскихъ делегатовъ, лакеи и прислуга Тепловыхъ. Сзади дѣдъ Семенъ съ палкой,—его ведетъ Любка. Григорій выдвигается впередъ и обращается къ толпѣ съ ораторскимъ жестомъ].

Григорій. Товарищи! Вотъ домъ, гдѣ я родился, гдѣ могъ бы до сихъ поръ жить въ богатствѣ и праздности. Но я бросилъ все, чтобы уйти къ вамъ, къ вашей нищетѣ, къ вашимъ страданіямъ. Ничего до сихъ поръ не просилъ я у васъ за свою жертву. Теперь прошу. Вотъ мои родители. Защитите ихъ, товарищи.

Стеклова. [Бросаясь къ нему]. Гриша!

Стекловъ. Спасибо, Григорій.

Лямкинъ. Шалишь. [Выходитъ впередъ, грозный, властный, непреклонный]. Нѣтъ здѣсь ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ. . . . . .

. . . .

. . . .

Третій рабочій. Слышали: онъ за нихъ. Рука руку моетъ.

Володя. Мы всѣ за Григорія Евгеньевича. Мы партійные. А вы кто такіе?

Второй рабочій. Ты, пѣсенникъ, помалкивай. Не твоя очередь. [При помощи другихъ рабочихъ оттискиваетъ Володю и его сторонниковъ на задній планъ. Григорій остается одинъ рядомъ съ матерью].

Лямкинъ. Выходи, хозяинъ. Съ тобою разговоръ.

Стекловъ. Объявляй свои требованія. Слушаю.

Лямкинъ. Что толку въ требованіяхъ! Мы свои требованія заявляли, да вотъ управляющій боится, какъ бы заводъ въ убытокъ не сталъ работать.

Стекловъ. Совершенная правда. Заграницей можетъ быть восемь часовъ, а у насъ это банкротство. [Къ Теплову] Покажите имъ съ книгами въ рукахъ.

Лямкинъ. Зачѣмъ книги? И на слово вѣримъ. Такъ что въ убытокъ? Ну, что жъ, коли въ убытокъ, то закрывай лавочку и намъ передай.

Стекловъ. То-есть какъ же?

Лямкинъ. А такъ же. [Выпрямляется и говоритъ, тяжело роняя слова]. Ты вотъ требованія спрашиваешь. Такъ знай: всего требуемъ. За должкомъ пришли. Расплаты просимъ. Весь вѣкъ бралъ ты чужое. Пора расплатиться. Не лоттерея, а все, все, все [топаетъ ногой]—заводъ, машины, эти стулья, эта манишка и часы на тебѣ—все нами добыто, все наше! Забиралъ по мелочамъ, а разсчетъ сразу.

Стекловъ. Чего же вы хотите?

Лямкинъ. По справедливости, слѣдовало бы сорвать съ тебя и съ твоихъ домашнихъ одежу и, въ чемъ мать родила, на улицу выгнать . . . . Но такъ и быть. Мы не громилы. Мы пришли не грабить. Ступайте, какъ есть, да живо. Освободите чужую квартиру. Дайте намъ свои распорядки здѣсь завести.

Дѣдъ Семенъ. [Стучитъ палкой] Натѣшились... Нагуляли жиру... Будетъ...

Стеклова. Что же это, Евгеній? Насъ ночью выгоняютъ на улицу?

Третій рабочій. Простуды, вишь, испугалась... Ничего, привыкнешь.

Лямкинъ. Зачѣмъ на улицу? На мою квартиру ступай. Благо, освободилась. Жену вчера на кладбище свезъ, а старый дѣдъ и дочка малая сюда на новоселье перебрались... [Дѣдъ при упоминаніи его имени стучитъ палкой и ворчитъ]. Вотъ поживешь въ моихъ хоромахъ, узнаешь, какова сладка моя жизнь. Не обезсудь. Маленько грязновато, да и клопъ больно сердитъ. Покорми его своимъ бѣлымъ тѣломъ, авось, подобрѣетъ. Ступай по добру, по здорову. Только чуръ: ни плошки, ни крошки. Въ чемъ есть.

Третій рабочій. Обыскать бы маленько.

Голоса рабочихъ. Обыскать. Правильно. Деньги на емъ. Пощупать карманы.

Лямкинъ. Нѣтъ, товарищи! Богъ съ ними. Деньги сами наживемъ. Что сработаемъ—все наше. [Къ Стеклову]. Хочешь работать съ нами — оставайся. Только что ты умѣешь? Ну, полы подметать... А не хочешь—проваливай.

Лакей. Кто теперь «человѣкъ»? Самъ ты «человѣкъ».

Стекловъ. Ну, что-жъ дѣлать, иду. За вами сила. Идемъ, жена. Идемъ, дѣти. Насъ изъ нашего дома на улицу гонятъ. Но прежде, чѣмъ уйти... Слушайте, слушайте всѣ. Нѣтъ, не ваше. [Съ порывомъ]. Все здѣсь мое. Все, до послѣдняго винтика, все мое, мною добыто, мною нажито...

Лямкинъ. Врешь. Нами сработано. . . . .

Стекловъ. [Берется за колесо машины]. Моя эта машина.

Лямкинъ. [Берется за колесо съ другой стороны]. Наша.

Стекловъ. Мой рискъ. Мои деньги.

Лямкинъ. Нашъ потъ, наша работа.

Стекловъ. Работа, работа... И лошади работали. Когда я сюда пріѣхалъ, на мѣстѣ завода былъ пустырь. А вы въ деревнѣ и слыхомъ не слыхали что такое машина. Я васъ призвалъ, я вамъ платилъ. Моя машина!

Лямкинъ. Грошъ платилъ, два зажиливалъ. За двадцать лѣтъ ты хоромы нажилъ, а мы—горбы. Наша машина!

[Увлеченные споромъ, не замѣчаютъ Бабурина, который входитъ слѣва съ какими-то снарядами въ рукахъ].

Стекловъ. Мною куплена!
Лямкинъ. На наши кровныя!
Стекловъ. Спроси всѣхъ.
Лямкинъ. Спроси своего сына.
Стекловъ. Моя!
Лямкинъ. Наша.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Бабуринъ.

Бабуринъ [громовымъ голосомъ]. Что стали? Дайте мнѣ пройти къ моей машинѣ... [Проталкивается, поднимается на небольшую платформу и прилаживаетъ принесенныя части]. Готово.

Аннушка [Смѣется]. Такъ вовсе ваша, Бабуринъ, а не хозяина и не Лямкина?

Бабуринъ [властно]. Разступитесь. Руки прочь. Въ ходъ пускаю. [Нажимаетъ на рычагъ. Колесо начинаетъ двигаться, сперва медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, наполняя мастерскую ровнымъ, могучимъ, протяжнымъ звономъ. Всѣ стоятъ, изумленные. Бабуринъ нажимаетъ на другой рычагъ. Колесо замедляетъ движеніе и останавливается]. Видите: безъ пара, безъ газа, безъ электричества. Силородъ! Запомните: силородъ! Въ первый разъ, какъ земля стоитъ, силородъ заработалъ по волѣ человѣка. По моей волѣ и для вашего счастья.

Аннушка. [Хлопаетъ въ ладоши]. И опять всего будетъ много... И всѣ будемъ, какъ дѣти...

Стекловъ. Набавляю вамъ, Бабуринъ, пять процентовъ сверхъ контракта.

Первый рабочій. Что же это такое? Мы, рабочіе, какъ слѣдуетъ, споримъ съ хозяиномъ, кому что, а тутъ нежданно-негаданно этотъ третій...

Лямкинъ. Стойте, дайте раздумать. Какъ по справедливости... Дѣло большое...

Третій рабочій. Есть о чемъ думать. Къ лысому бѣсу!

Второй рабочій. Не затѣмъ шли сюда, чтобы на машину глядѣть.

Рабочіе. [Топчутся на мѣстѣ]. Отъ машины-то вся кабала и пошла... Хлѣбъ нашъ, проклятая, жретъ... Волю вяжетъ... Желѣзная барыня изъ деревни выгнала. Обратно изъ города гонитъ... Ни съ ней, ни безъ нея.

Лямкинъ. Стойте, товарищи, дайте раздумать... Вѣдь, какъ ни кинь, а онъ, выходитъ, правъ. Машина его. Онъ ее надумалъ, обмыслилъ... Безъ нея не быть бы ей на свѣтѣ... Ровно отецъ ей... По правдѣ, по рабочей правдѣ...

Первый рабочій. [На ухо Лямкину]. Не дѣло говоришь, не въ пору.

Видишь—руки чешутся... Заводъ будетъ нашъ, анжинеръ въ придачу. Заставимъ работать... А то кормить не станемъ...

Лямкинъ. [Ничего не слушаетъ, погруженный въ охватившія его новыя мысли]. Нѣтъ, какъ же это... Доумѣвали, все наше... Мы стояли, тараторили, а онъ какъ пришелъ, наладилъ—и завертѣлось, и зажило... Какъ же? Выходитъ, и машина, и заводъ, и все прочее...

Бабуринъ. Все, что создано... На землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ... Все отъ насъ, все наше.

Лямкинъ. Выходитъ, истинный-то собственникъ... Къ Григорію]. Отчего дуракъ, у тебя въ книжкѣ ничего нѣтъ объ этомъ?

Григорій. Какъ нѣтъ? А глава объ интеллигентномъ пролетаріи...

Лямкинъ. Тьфу... [Къ Бабурину]. Но и безъ насъ не быть-бы машинѣ... мы трудились...

Бабуринъ. И вы, и вы тоже. Мои мысли, ваши мышцы.

Лямкинъ. Твоя голова, наши руки...

Рабочій. [Протискивается впередъ, обнажая свою лѣвую изуродованную руку]. Вѣстимо, наши руки... Вотъ погляди, какъ пальцы отхватила... Былъ литейщикомъ, теперь воду качаю...

Первый рабочій. Коли все его, почему онъ не хозяинъ, а у хозяина служитъ?

Бабуринъ. Некогда, некогда было... Думалъ, волновался, искалъ... А тѣмъ временемъ другіе...

Лямкинъ. Понимаю. То же, что съ нами. Ты работалъ, тебя грабили... Мы—темные, ты—одинокій... Такъ какъ же товарищи? Мы да онъ, онъ да мы—и никого третьяго между нами... Ни управляющихъ, ни брехуновъ... А вы тамъ, отецъ и сынъ и прочіе дармоѣды, ноги вонъ. На дворъ. Такъ, что ли, товарищи? По справедливости? [Рабочіе мнутся на мѣстѣ. Лямкинъ поднимается на платформу машины и становится рядомъ съ Бабуринымъ. Оба они возвышаются надъ толпой].

Аннушка. Лямкинъ рядомъ съ Бабуринымъ. Новая жизнь. Новая жизнь. Ваня. И вы бы къ нимъ.

Ваня. [Робко пробирается къ машинѣ, про себя]. Новая жизнь? Такъ не по старымъ слѣдамъ? Не какъ заднія ноги.

Лямкинъ. Всѣмъ пищу, всѣмъ одежу, всѣмъ дома.

Стекловъ. Назадъ къ дешевымъ зеркальцамъ.

Ваня. Зачѣмъ назадъ? Храмы... Дворцы... Новая жизнь...

Стекловъ. Да разнимите ихъ. Додо, стань между ними, не давай имъ сговориться!..

Додо [налетаетъ на Аннушку]. Прочь, мякина грошовая. Туда же чужихъ

жениховъ отбивать. [Къ Бабурину]. Вы что же, Бабуринъ? Вчера невѣстой звали, кольцо дарили, а теперь съ Лямкинымъ заодно...

Бабуринъ. Да я что... Я тамъ, гдѣ моя машина, гдѣ работаютъ... Ступайте къ намъ, Додо. Будемъ вмѣстѣ работать.

Додо. Я шла за вами не въ работницы, и не за работу вы брали меня. А теперь что? Меня зовете, а мой отецъ, моя мать,—что съ ними будетъ? Слышали, Лямкинъ ихъ на дворъ гонитъ. А на дворѣ сами знаете... Какъ думаете: дадутъ имъ выбраться живыми?

Лямкинъ. На этотъ счетъ, барышня, не сумлѣвайтесь. Пропустятъ въ лучшемъ видѣ. Только слово крикну своимъ. [Направляется къ выходу. Въ его отсутствіе толпа возбужденно поддается впередъ].

Первый рабочій. Не дѣло Лямкинъ затѣялъ. Онъ съ анжинеромъ, за анжинера барышня, за барышню родня, а за роднею вся прежняя каторга.

Рабочій. Сплоховалъ Лямкинъ... Зафорсилъ... Къ начальству льнетъ...

Третій рабочій. Что хозяинъ, что анжинеръ, одной стаи волки.

Второй рабочій. Сидитъ, выдумываетъ, а мы отдувайся.

Третій рабочій. Разобьешь машину, другую придумаетъ. Самого-бы.

Голосъ рабочихъ. Да что съ нимъ хороводиться. Онъ одинъ, насъ много.

Дѣдъ Семенъ [который все время стоялъ, опершись на палку и напряженно слушалъ, бросается впередъ, разражаясь дикимъ крикомъ]. Бей!.. [Выкрикъ дѣда громомъ раскатывается надъ толпой, которая, послѣ мгновеннаго оцѣпенѣнія, срывается съ мѣста, охваченная инстинктомъ разрушенія. Дѣдъ колотитъ палкой по колесу машины, приговаривая: «вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!» Вслѣдъ за нимъ на машину обрушиваются десятки рукъ, вооруженныя, чѣмъ попало. Во мгновеніе ока Бабурина стаскиваютъ съ платформы—въ борьбѣ съ него срываютъ сюртукъ. Лямкинъ, услышавъ крики, прибѣгаетъ назадъ и бросается на помощь къ Бабурину. Бабуринъ, Аннушка и Ваня очутились въ проходѣ между машиной и стѣной, Лямкинъ стоитъ передъ нимъ, широко разставивъ руки, и удерживаетъ съ одной стороны робочихъ, а съ другой—Бабурина, который рвется впередъ. Въ свою очередь сторонники Григорія защищаютъ Стекловыхъ и молодежь. Одна только Лія, какимъ-то образомъ отбившись отъ другихъ и очутившись посерединѣ лабораторіи, уносится вихремъ рукъ и тѣлъ и исчезаетъ за дверью. За нею исчезаетъ Стукачевъ. Рабочіе бросаются на станки, приборы, мебель, картины и разрушаютъ. Второй рабочій, вооружившись дубиной, колотитъ по обломкамъ машины. Больше всѣхъ неистовствуютъ лакеи. Хаосъ голосовъ, среди котораго выдѣляются отдѣльные выкрики].

Голосъ Григорія. [Сквозь руки, сложенныя рупоромъ]. Орудія производства! Берегите машины...

Голосъ Бабурина. Берите... Ваше... Только не ломайте... Какъ мать дитя... Отдаю... Любилъ...

Голосъ лакея. Докажи, мерзавецъ. Паспортъ, метрику. Докажи, что ты не отъ Хама, а я отъ Хама...

Голосъ Лямкина. Стой, куда ты? Озвѣрѣли... Потомъ разсудимъ...

Голосъ Аннушки. Не надо, не надо... Милые, не надо...

Голосъ Воинова. Лямкинъ, проведите насъ на улицу!..

Голоса рабочихъ. Заходите, заходите... огня... пѣтуха пустить... Выкурить, какъ таракановъ... Люминацію... Товарищей кликнуть...

Рабочій. [Открываетъ окно, откуда слышенъ ревъ голосовъ]. Ребята, сюда, на подмогу... Фатеру чистить!.. Ишь черти, бочку выкатили, перепились...

Двое рабочихъ [подкатываютъ къ открытому окну піанино]. Эй вы, тамъ на дворѣ, посторонитесь... Гостинецъ вамъ, гармонію поиграть...

Тепловъ. [Прислушивается]. Слушайте, слушайте... Барабанный бой... [Въ самомъ дѣлѣ, сквозь ревъ голосовъ слышенъ далекій барабанный бой, который все приближается... Среди наступившаго молчанія явственно доносится топотъ шаговъ].

Стекловъ. Солдаты... Солдаты изъ губерніи... Григорій, мы спасены...

Григорій. Говори о себѣ... [Слышно, какъ солдаты входятъ во дворъ, встрѣчаемые яростными криками рабочихъ. Раздается звукъ рожка].

Тепловъ. Первый сигналъ... Стрѣлять будутъ...

Аннушка. [Мечется отъ одной группы къ другой]. Милые, примиритесь... Смерть на дворѣ... Примиритесь... Уберите, уберите скорѣе...

Рабочіе. И впрямь убрать... [собираютъ обломки и складываютъ въ кучу].

Аннушка [бросаясь на колѣни передъ Стекловымъ]. Евгеній Пантелѣевичъ, родной, милый... Смерть на дворѣ... Не жалуйтесь... Спасите отъ расправы!.. [За окномъ снова раздается звукъ рожка].

Тепловъ. Второй сигнальный рожокъ. Скоро залпъ дадутъ...

Стекловъ. Быть по твоему, Аннушка... Все-таки золотое у тебя сердце... Да ужъ очень я радъ открытію Бабурина... [Къ рабочимъ]. Я готовъ забыть... Что было, о томъ ни слова... Пусть все по-прежнему... Я остаюсь на заводѣ. [Къ Григорію]. Ты ступай въ партію, забирай въ руки власть... [Къ Бабурину]. Вы придумывайте и живите для славы... [Къ рабочимъ]. А вы трудитесь... Старайтесь, братцы... Относительно лоттереи еще посмотримъ. [Со двора снова доносится звукъ рожка].

Аннушка. [Бросается къ открытому окну]. Солдаты, родненькіе, не стрѣляйте.., Бунта нѣтъ... Всѣ примирились... Ай... [Раздается залпъ. Аннушка падаетъ мертвая].

Стеклова. Подумайте, какая непріятность!..

Лямкинъ. [Кладетъ руку на плечо Бабурина]. Ничего... сработаемъ другую.

Ваня [наклоняясь надъ трупомъ Аннушки]. Жалѣть?.. Завидовать?..

Н. Минскій.

Занавѣсъ.

НЕОЖИДАННОЕ.

Разсказъ **Джека Лондона.**

(Авторизованный переводъ съ англійскаго).

Не трудно видѣть то, что само по себѣ ясно, и поступать соотвѣтствующимъ образомъ. Тенденція индивидуальной жизни носитъ скорѣй статическій, чѣмъ динамическій характеръ, причемъ эта тенденція особенно усиливается отъ условій цивилизованной жизни, въ которой все ясно, а Неожиданное бываетъ рѣдко. Однако, когда случается нѣчто Неожиданное и при этомъ серьезное, неприспособленные обыкновенно погибаютъ. Они не видятъ того, что не очевидно само по себѣ; они, неспособные справиться съ неожиданностью, не умѣютъ приспособить свою протоптанную колею жизни къ другой, чуждой имъ, колеѣ. Короче говоря, когда они выходятъ изъ своей колеи, они погибаютъ.

Съ другой стороны, существуютъ индивидуальности, лучше приспособленныя къ жизни, не всецѣло подчиняющіяся закону обычнаго и очевиднаго и могущія приспособиться ко всевозможнымъ колеямъ, въ которыя они попадаютъ случайно или въ которыя ихъ ставитъ жизнь. Такой индивидуальностью была Эдитъ Уитлэси. Она родилась въ англійской деревнѣ, гдѣ жизнь управляется желѣзными законами и гдѣ Неожиданное настолько неожиданно, что, когда оно случается, на него смотрятъ, какъ на нѣчто безнравственное. Еще совсѣмъ молодой женщиной она стала горничной, благодаря желѣзному закону необходимости.

Вліяніе цивилизаціи сказывается въ томъ, что человѣческій законъ распространяется все больше и больше на окружающее, пока, наконецъ, все не начинаетъ дѣйствовать съ правильностью машины. Все, что противорѣчитъ человѣческой волѣ, устраняется ею и все неизбѣжное предвидится ею. Человѣкъ даже не можетъ промокнуть подъ дождемъ и замерзнуть на морозѣ, и смерть не подкрадывается неожиданно и случайно, а становится заранѣе уготовленнымъ, пышнымъ зрѣлищемъ, движущимся по хорошо подмазаннымъ колеямъ къ фамильному склепу, петли на дверяхъ котораго никогда не ржавѣютъ и пыль внутри всегда тщательно сметена.

Такова была обстановка, окружавшая Эдитъ Унтлэси. Ничего неожиданнаго не случалось; врядъ ли можно назвать необычайнымъ то обстоятельство, что она, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, поѣхала сопровождать свою госпожу въ небольшое путешествіе въ Соединенные Штаты. Колея только измѣнила свое направленіе, но это была все та же, хорошо подмазанная, колея. Эта колея пересѣкала Атлантическій океанъ безъ всякаго намека на событіе, и корабль даже не походилъ на корабль, несущійся по морю, а на огромный многоэтажный отель, который двигался быстро и спокойно, разрѣзая послушныя волны своимъ колоссальнымъ корпусомъ; даже само море походило на мельничный прудъ, тихій и спокойный. По другую сторону океана колея шла по землѣ и—это была очень удобная и почтенная колея, въ которой находились отели на каждой остановкѣ и отели на колесахъ между остановками.

Въ Чикаго, въ то время, какъ хозяйка Эдитъ Унтлэси наблюдала одну сторону соціальной жизни, сама Эдитъ наблюдала другую, и, когда она оставила службу у своей госпожи и стала Эдитъ Нельсонъ, она обнаружила, хотя, можетъ быть, едва замѣтно, свою способность бороться съ Неожиданнымъ и побѣждать его. Гансъ Нельсонъ, эмигрантъ, шведъ по рожденію и плотникъ по ремеслу, былъ по натурѣ истиннымъ тевтономъ—и присущее его расѣ безпокойство вѣчно тянуло его на Западъ, къ какому-нибудь большому приключенію. Это былъ широкоплечій, мускулистый и стойкій человѣкъ, у котораго почти отсутствовало воображеніе, но онъ обладалъ большой инціативой и былъ способенъ къ вѣрности и привязанности, такой же непоколебимой, какъ и его физическая сила.

— Я поработаю еще нѣкоторое время и накоплю немного денегъ, а потомъ отправлюсь въ Колорадо,—сказалъ онъ Эдитъ на другой день послѣ свадьбы.

Годъ спустя они были въ Колорадо, гдѣ Гансъ Нельсонъ увидѣлъ первый рудникъ и заразился золотоискательской горячкой. Онъ сталъ проспекторомъ—и это увлекло его черезъ Дакоту, Айдаго и Восточный Орегонъ въ горы Британской Колумбіи. Эдитъ Нельсонъ всюду сопровождала мужа, дѣля съ нимъ радость и горе, а также и трудъ. Прежняя мелкая, семенящая походка городской жительницы замѣнилась у нея медленной поступью горца. Она научилась смотрѣть прямо въ глаза опасности, съ полнымъ пониманіемъ ея, и совершенно потеряла способность къ тому паническому страху, который является результатомъ невѣжества и обыкновенно охватываетъ горожанъ, дѣлая ихъ похожими, по своей глупости, на лошадей, которыя не борятся съ судьбой, а ждутъ ея свершенія, застывъ отъ ужаса, или мчатся въ паническомъ страхѣ, усѣивая затѣмъ дорогу своими изуродованными трупами.

Эдитъ Нельсонъ встрѣчала Неожиданное на каждомъ поворотѣ пути. И она такъ пріучила свое зрѣніе, что въ окружающемъ ландшафтѣ видѣла не столько очевидное, сколько скрытое. Она, никогда раньше не варившая обѣда, научилась

печь хлѣбъ даже безъ дрожжей и безъ хмѣля, подпекая его сверху и снизу на горячихъ угольяхъ костра. И когда послѣдняя чашка муки пошла въ дѣло, точно такъ же, какъ и послѣдній ломтикъ копченаго сала, она съумѣла изъ мокассинъ и мягкихъ кусковъ упряжной кожи сдѣлать нѣкоторое подобіе пищи, которое кое-какъ держало душу въ тѣлѣ ея мужа и давало возможность ковылять дальше. Она научилась навьючивать лошадь такъ же хорошо, какъ это дѣлали мужчины, а это такая трудная и сложная работа, что она можетъ привести въ отчаяніе всякаго городского жителя. И, кромѣ того, она знала, какого рода упаковка нужна для того или другого груза. Она умѣла также разводить костеръ изъ мокрыхъ дровъ въ то время, какъ лилъ дождь, и не выходить при этомъ изъ себя. Короче говоря, она умѣла справляться съ Неожиданнымъ, въ какихъ бы формахъ оно ей ни являлось. Но въ ея жизни должна была явиться еще одна Великая Неожиданность и подвергнуть ее испытанію.

Золотоискательская волна хлынула къ Сѣверу въ Аляску—и Гансъ Нельсонъ съ женой неизбѣжно были захвачены этой волной и отнесены къ Клондайку. Осень 1897-го года застала ихъ въ Дайѣ, но безъ денегъ, нужныхъ для снаряженія, чтобы отправиться на Челкутскій перевалъ и затѣмъ пуститься внизъ по рѣкѣ въ Даусонъ, такъ что Гансъ Нельсонъ эту зиму занялся своимъ ремесломъ и помогъ, такимъ образомъ, расти и безъ того росшему со сказочной быстротой складочному городу Скагуэй.

Гансъ былъ на самой границѣ тяги и въ продолженіе всей зимы чувствовалъ призывъ Аляски. Латуйскій заливъ звалъ его громче всего остального—и потому лѣто 1898-го года застало его и его жену плывущими въ индѣйскихъ лодкахъ вдоль извилистаго морского берега. Съ ними были индѣйцы и три бѣлыхъ человѣка. Индѣйцы высадили ихъ съ багажемъ на берегъ одной пустынной бухточки, въ ста миляхъ отъ Латуйскаго залива, и вернулись въ Скагуэй; но три бѣлыхъ человѣка остались съ ними, такъ какъ всѣ они были членами одного товарищества. Каждый изъ нихъ вложилъ одинаковый капиталъ въ снаряженіе—и прибыль должна была дѣлиться поровну. Эдитъ Нельсонъ взялась варить пищу для членовъ товарищества—и ея доля при дѣлежѣ должна была быть равной долѣ каждаго изъ мужчинъ.

Прежде всего срубили нѣсколько лиственницъ и построили хижину изъ трехъ комнатъ. Обязанностью Эдитъ Нельсонъ было смотрѣть за этой хижиной, а обязанностью мужчинъ—искать золото, что они и исполняли, а также находить золото, что они тоже исполняли. Но находили они не Богъ знаетъ какъ много. Мѣсто было небогатое—и человѣкъ, несмотря на тяжелый трудъ, не могъ выработать больше пятнадцати или двадцати долларовъ въ день. Короткое, аляскинское лѣто на этотъ разъ затянулось надолго, и они воспользовались этимъ, чтобы отложить свое возвращеніе въ Скагуэй до самаго послѣдняго момента. А затѣмъ уже было слишкомъ поздно ѣхать. Раньше они рѣшили сопровождать

мѣстныхъ индѣйцевъ, которые отправлялись на свою обычную осеннюю торговлю внизъ по берегу моря. Но сиваши ждали бѣлыхъ людей до послѣдней возможности, а затѣмъ отправились одни. Тогда партіи ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать другого случая уѣхать. Тѣмъ временемъ они расчистили свой участокъ и сдѣлали большой запасъ дровъ.

Индѣйское лѣто все тянулось и тянулось, но затѣмъ вдругъ рѣзко наступила зима. Она явилась въ одну ночь—и, когда золотоискатели проснулись, на дворѣ завывалъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и вода повсюду замерзла. Буря слѣдовала за бурей, а въ промежуткѣ между бурями наступала полная тишина, нарушаемая только шумомъ прилива на пустынномъ берегу, гдѣ застывшая соленая пѣна окаймляла берегъ бѣлымъ бордюромъ.

Въ хижинѣ все шло отлично. Ея обитатели набрали золотого песку на восемь тысячъ долларовъ и могли быть довольны результатами своей работы. Мужчины дѣлали лыжи, охотились для пополненія запасовъ, а долгими вечерами играли безконечныя партіи въ вистъ и въ педро. Теперь, когда кончилась работа въ рудникѣ, Эдитъ Нельсонъ возложила на мужчинъ обязанность поддерживать огонь въ печкѣ и мыть посуду, а сама принялась за починку ихъ одежды и штопку носковъ.

Въ маленькой хижинѣ не было ни недовольства, ни ворчанья, ни ссоръ—и ея обитатели часто поздравляли другъ друга съ удачно подобраннымъ товариществомъ. У Ганса Нельсона былъ ровный добродушный характеръ, а Эдитъ давно уже вызывала въ немъ восхищеніе своей способностью умѣло обходиться съ людьми. Гарки, длинный и тощій техасецъ, былъ необычайно дружелюбенъ, несмотря на свой мрачный темпераментъ, и, когда никто не оспаривалъ его теорію, что золото растетъ, онъ былъ вполнѣ обходителенъ. Четвертый членъ товарищества, Михаилъ Дэнайнъ, которому его ирландскій умъ помогалъ поддерживать веселое настроеніе въ хижинѣ, былъ могучій, огромнаго роста, человѣкъ, способный на внезапныя вспышки гнѣва по поводу всякихъ мелочей, но обладавшій неистощимымъ добродушіемъ и способностью въ серьезныхъ случаяхъ выносить бремя судьбы безъ единой жалобы. Пятый и послѣдній членъ компаніи, «Нѣмецъ», служилъ, по собственному своему желанію, мишенью для шутокъ всей партіи. Онъ во всякое время былъ готовъ нарочно становиться въ смѣшное положеніе, лишь бы вокругъ него раздавался смѣхъ. Казалось, что главной цѣлью его жизни было вызывать всюду смѣхъ и веселье. Еще ни разу серьезная ссора не нарушала спокойствія партіи; а теперь, когда у каждаго изъ членовъ ея было по тысячѣ шестисотъ долларовъ, полученныхъ въ короткій срокъ, въ хижинѣ царилъ духъ спокойнаго довольства.

Но тутъ вдругъ случилось Неожиданное. Они только-что сѣли за столъ завтракать. Хотя уже было восемь часовъ (естественно, что послѣ прекращенія работъ въ рудникѣ завтракать стали позднѣе), однако, накрытый столъ освѣщала

свѣча, вставленная въ горлышко бутылки. Эдитъ и Гансъ сидѣли на противуположныхъ концахъ стола. По одной его сторонѣ, спиной къ дверямъ, сидѣли Гарки и «Нѣмецъ». Мѣсто по другую сторону стола было не занято: Динайнъ еще не пришелъ.

Гансъ Нельсонъ взглянулъ на пустой стулъ и, медленно покачавъ головой, сказалъ съ нѣкоторымъ поползновеніемъ на юморъ:

— Онъ всегда первый приходитъ ѣсть. Это очень странно. Можетъ быть, онъ боленъ?

— Гдѣ Михаилъ?—спросила Эдитъ.

— Онъ всталъ немного раньше насъ и вышелъ куда-то,—отвѣтилъ Гарки.

Лицо «Нѣмца» засвѣтилось лукавствомъ. Онъ дѣлалъ видъ, что знаетъ, куда ушелъ Динайнъ, и состроилъ очень таинственную мину, когда стали разспрашивать его. Эдитъ, заглянувъ въ спальню мужчинъ, вернулась къ столу. Гансъ взглянулъ на нее, но она отрицательно покачала головой.

— Онъ никогда не опаздываетъ къ столу,—замѣтила она.

— Я не могу понять,—сказалъ Гансъ.—Всегда у него былъ аппетитъ, какъ у лошади.

— Это очень нехорошо,—сказалъ «Нѣмецъ», печально качая головой.

Всѣмъ стало весело—и всѣ строили болѣе или менѣе остроумныя догадки по поводу отсутствія товарища.

— Да, это очень жаль,—замѣтилъ «Нѣмецъ».

— Что?—спросили всѣ хоромъ.

— Бѣдный Михаилъ!—печально произнесъ «Нѣмецъ».

— Ну, говорите же, что случилось съ Михаиломъ?—спросилъ Гарки.

— Онъ уже больше не голоденъ,—плаксивымъ тономъ сказалъ «Нѣмецъ».—Онъ потерялъ аппетитъ. Онъ уже не любитъ ѣсть.

— Ну, этого не видно, судя по тому, какъ онъ всегда набрасывается на ѣду,—замѣтилъ Гарки.

— Онъ это дѣлаетъ только изъ вѣжливости по отношенію къ миссисъ Нельсонъ,—быстро отвѣтилъ «Нѣмецъ».—Я знаю„ знаю. И это очень плохо. Почему его здѣсь нѣтъ? Потому что онъ ушелъ. А почему онъ ушелъ? Для того, чтобы развить свой аппетитъ. А какъ онъ развиваетъ аппетитъ? Онъ ходитъ босой по снѣгу. Ахъ, развѣ я не знаю. Такимъ точно образомъ богатые люди гонятся за аппетитомъ когда онъ отъ нихъ убѣгаетъ. У Михаила теперь тысяча шестьсотъ долларовъ; значитъ, онъ богатъ и у него нѣтъ аппетита. Поэтому-то онъ и гонится за аппетитомъ. Вотъ откройте дверь—и вы увидите слѣды его босыхъ ногъ на снѣгу. Нѣтъ, нѣтъ, вы, конечно, не увидите аппетита, въ этомъ-то и штука: когда аппетитъ явится, онъ его поймаетъ и придетъ завтракать.

Всѣ громко расхохотались надъ болтовней «Нѣмца»—и не успѣлъ еще замолкнуть ихъ смѣхъ, какъ дверь открылась и вошелъ Динайнъ. Всѣ обернулись

и взглянули на него. Въ рукахъ у него было ружье. Въ тотъ самый моментъ, когда они оглянулись, онъ приложился и выстрѣлилъ два раза. Послѣ перваго выстрѣла «Нѣмецъ» упалъ на стулъ, перевернувъ свою кружку съ кофе и попавъ своими желтыми волосами въ тарелку съ кашей. Его лобъ придавилъ конецъ тарелки и поднялъ ее вверхъ, подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, прижавъ къ волосамъ. Гарки вскочилъ, но, сраженный вторымъ выстрѣломъ, упалъ ничкомъ на полъ, успѣвъ лишь вскрикнуть: «Боже мой!»

Это было Неожиданное. Пораженные громомъ, Гансъ и Эдитъ сидѣли за столомъ, напряженно выпрямившись и устремивъ неподвижный взглядъ на убійцу. Они видѣли его очень смутно сквозь пороховой дымъ—и въ наступившемъ молчаніи слышно было, какъ капалъ со стола на полъ разлитый «Нѣмцемъ» кофе. Динайнъ открылъ магазинъ ружья и вынулъ изъ него пустые патроны. Держа ружье одной рукой, онъ другою полѣзъ въ карманъ за новыми патронами.

Онъ уже вставлялъ ихъ на мѣсто, когда Эдитъ Нельсонъ вдругъ очнулась. Ясно было, что онъ собирался убить и ее, и Ганса. Въ теченіе трехъ секундъ—не болѣе—она была ослѣплена и парализована той ужасной непонятной формой, въ которой явилось Неожиданное. Затѣмъ она вскочила и вступила съ нимъ въ борьбу, вступила вполнѣ конкретно, сдѣлавъ кошачій прыжокъ по направленію къ убійцѣ и обхвативъ его за шею обѣими руками. Тяжесть ея тѣла заставила Динайна откачнуться назадъ на нѣсколько шаговъ. Онъ попытался стряхнуть ее съ себя, все время крѣпко держа ружье, но попытка не удалась, такъ какъ Эдитъ вцѣпилась въ него, какъ кошка. Повиснувъ на немъ и схвативъ его за горло, она почти пригнула его къ полу. Но онъ быстро выпрямился и закружился на мѣстѣ, стараясь освободиться отъ нея. Крѣпко держась руками за его горло, она кружилась вмѣстѣ съ нимъ, даже когда ноги ея отстали отъ пола и описывали кругъ по воздуху. Вдругъ они натолкнулись на стулъ и съ грохотомъ полетѣли на полъ, ожесточенно борясь и занявъ своими тѣлами половину комнаты.

Гансъ Нельсонъ на полсекунды позже своей жены всталъ на борьбу съ Неожиданнымъ. Его нервные и умственные процессы совершались медленнѣе, чѣмъ у нея. У него былъ болѣе грубый организмъ—и ему нужно было на полсекунды больше времени, чтобы понять, въ чемъ дѣло, рѣшить, какъ надо дѣйствовать, и начать дѣйствовать. Эдитъ уже кружилась вокругъ Динайна, держа его за горло, когда Гансъ вскочилъ на ноги. Но онъ не обладалъ хладнокровіемъ своей жены. Его охватила слѣпая ярость, дикое бѣшенство. Въ тотъ моментъ, когда онъ вскочилъ со стула, изъ груди его вылетѣлъ звукъ, похожій не то на рычанье, не то на вой. Она уже кружилась по комнатѣ, а онъ съ дикимъ рычаньемъ сталъ бѣгать за ними, но настигъ ихъ только, когда они упали на полъ.

Гансъ бросился на распростертаго на полу человѣка и сталъ бѣшено колотить его кулаками. Эти удары были тяжелы, какъ удары молота, и когда Эдитъ почувствовала, что тѣло Динайна больше не сопротивляется, она отпустила его горло и откатилась въ сторону. Лежа на полу, она старалась отдышаться и наблюдала за происходившимъ. Бѣшеный градъ ударовъ продолжалъ сыпаться безостановочно Но Динайнъ какъ будто ихъ совершенно не чувствовалъ. Онъ даже не двигался. Тогда ей пришло въ голову, что онъ безъ сознанія, и она закричала Гансу, чтобы онъ пересталъ колотить. Затѣмъ она крикнула еще громче, но Гансъ не обращалъ на ея крики никакого вниманія. Тогда она схватила его за руку, но это только заставило его усилить удары.

То, что она сдѣлала затѣмъ—было сдѣлано ею не подъ вліяніемъ велѣнія разума или чувства жалости, а также не изъ чувства религіознаго велѣнія: Въ ней скорѣй всего заговорили чувство законности и этическія требованія ея расы, а также вліяніе той обстановки, въ которой она провела дѣтство. Это чувство заставило ее подставить свое тѣло подъ удары мужа и такимъ образомъ спасти беззащитнаго убійцу. Только тогда, когда Гансъ сообразилъ, что онъ бьетъ свою жену, онъ прекратилъ удары. Онъ позволилъ ей оттащить себя совершенно такъ же, какъ разъяренный песъ позволяетъ оттащить себя своему хозяину. Аналогія шла дальше. Въ горлѣ Ганса еще слышалось дикое, совершенно животное рычаніе—и онъ нѣсколько разъ пытался снова броситься на свою жертву; его удерживало только тѣло жены, которое быстро становилось между нимъ и его врагомъ.

Эдитъ оттащила мужа въ дальній уголъ комнаты. Она еще никогда не видѣла его въ такомъ состояніи и гораздо больше боялась его, чѣмъ даже Динайна. Она не могла повѣрить, что этотъ разъяренный звѣрь былъ ея Гансомъ, и вдругъ съ ужасомъ почувствовала, что онъ можетъ вцѣпиться зубами въ ея руку, какъ дикій звѣрь. Нѣсколько секундъ, не желая причинить ей боли, но стремясь вернуться къ своей жертвѣ, Гансъ увертывался, стараясь проскользнуть мимо нея. Но она каждый разъ рѣшительно преграждала ему путь, пока, наконецъ, онъ не пришелъ въ себя и не бросилъ свои попытки.

Оба поднялись на ноги. Гансъ, шатаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и оперся о стѣну съ искаженнымъ лицомъ и глухимъ рычаніемъ, которое мало-помалу замирало и, наконецъ, совсѣмъ замерло. Настала реакція. Эдитъ стояла посреди комнаты, ломая руки, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Гансъ ни на что не смотрѣлъ, но глаза Эдитъ дико озирались и схватывали всѣ подробности происшедшаго событія. Динайнъ лежалъ безъ движенія; стулъ, опрокинутый во время дикаго круженія по комнатѣ, лежалъ возлѣ него. Тамъ же, отчасти придавленное тѣломъ Динайна, лежало ружье, еще съ открытымъ магазиномъ. Изъ правой руки убійцы выпали два патрона, которые онъ, не успѣвъ вложить въ ружье, крѣпко зажалъ въ рукѣ и не выпускалъ до

полной потери сознанія. Гарки лежалъ на полу ничкомъ тамъ, гдѣ онъ упалъ. А «Нѣмецъ» сидѣлъ, опираясь о столъ, зарывъ свои желтые волосы въ тарелку съ кашей, которая еще держалась, стоя подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, хотя все время качалась. Эта качающаяся тарелка удивила Эдитъ. Почему она не упала? Это было такъ смѣшно и такъ неестественно, что тарелка стояла на столѣ однимъ концомъ.

Эдитъ снова взглянула на Динайна, но ея глаза тотчасъ же вернулись къ наклонившейся тарелкѣ. Какъ смѣшно! Ее вдругъ охватило истерическое желаніе расхохотаться. Затѣмъ она замѣтила царствовавшее молчаніе и забыла о тарелкѣ, желая, чтобы хоть что-нибудь произошло. Однообразный звукъ падающихъ со стола капель только усиливалъ тишину. Почему Гансъ ничего не дѣлаетъ и ничего не говоритъ? Она взглянула на него и хотѣла что-то сказать, но тутъ вдругъ замѣтила, что языкъ отказывается повиноваться ей. Она могла только смотрѣть на Ганса, который въ свою очередь смотрѣлъ на нее.

Молчаніе было внезапно нарушено рѣзкимъ металлическимъ звукомъ. Эдитъ вскрикнула и взглянула на столъ. Оказалось, что упала тарелка. Гансъ вздохнулъ, какъ будто просыпаясь отъ сна. Стукъ упавшей тарелки разбудилъ его къ жизни въ новомъ мірѣ. Хижина теперь представляла собой тотъ новый міръ, въ которомъ отнынѣ они должны были жить. Прежняя хижина исчезла навѣки. Горизонтъ ихъ жизни былъ новый и совершенно незнакомый. Неожиданное заволокло своей волшебной дымкой все окружающее, измѣнило перспективу, перевернуло всѣ цѣнности и перемѣшало реальное съ нереальнымъ въ невыразимый хаосъ.

— Боже мой, Гансъ!—были первыя слова Эдитъ.

Онъ не отвѣтилъ, но съ ужасомъ взглянулъ на нее. Затѣмъ онъ медленно сталъ обводить взглядомъ комнату, въ первый разъ замѣчая всѣ подробности. Онъ взялъ шапку и направился къ двери.

— Куда ты идешь?—спросила Эдитъ, предчувствуя отвѣтъ.

Его рука была уже на ручкѣ двери, но онъ полуобернулся и отвѣтилъ:

— Копать могилы.

— Не оставляй меня, Гансъ, съ...—она взглядомъ окинула комнату,—съ этимъ.

— Нужно же выкопать могилы.

— Но ты не знаешь, сколько ихъ нужно,—съ отчаяніемъ возразила она. Замѣтивъ его нерѣшительность, она прибавила:—Да къ тому же я должна пойти помогать тебѣ.

Гансъ подошелъ къ столу и машинально задулъ свѣчу. Тутъ только они принялись выяснять положеніе дѣлъ. Гарки и «Нѣмецъ» были мертвы, такъ какъ выстрѣлы были сдѣланы на очень близкомъ разстояніи. Гансъ отказался подойти къ Динайну—и Эдитъ должна была взять это на себя.

— Онъ живъ,—сказала она Гансу.

Гансъ подошелъ и посмотрѣлъ на убійцу.

— Что ты сказалъ?—спросила Эдитъ, услышавъ какое-то нечленораздѣльное бормотанье.

— Я сказалъ, что это безобразіе, что онъ еще живъ.

Эдитъ нагнулась надъ тѣломъ.

— Оставь его въ покоѣ,—рѣзко приказалъ Гансъ страннымъ голосомъ.

Она взглянула на него, и ею вдругъ овладѣло безпокойство. Онъ поднялъ ружье, оброненное Динайномъ, и сталъ вкладывать въ него патроны.

— Что ты собираешься дѣлать?—вскричала она, быстро выпрямляясь.

Гансъ не отвѣтилъ, но она видѣла, что онъ поднимаетъ ружье къ плечу. Тогда она схватила ружье за дуло и отвела его вверхъ.

— Оставь!—крикнулъ онъ хрипло.

Онъ попробовалъ было вырвать у нея ружье, но она подошла ближе и крѣпче уцѣпилась за него.

— Гансъ, Гансъ, проснись,—вскричала она.—Не сходи съ ума!

— Онъ убилъ «Нѣмца» и Гарки,—отвѣтилъ ея мужъ.—А я убью его.

— Но этого нельзя дѣлать,—возразила она.—Существуетъ, вѣдь, законъ.

Онъ усмѣхнулся—какой же можетъ быть законъ въ этой глуши?—но только повторилъ безстрастно и упрямо:

— Онъ убилъ «Нѣмца» и Гарки.

Она долго обсуждала съ нимъ этотъ вопросъ, хотя всѣ разсужденія и доводы были только съ ея стороны, онъ же довольствовался тѣмъ, что безпрестанно повтрялъ:

— Онъ убилъ «Нѣмца» и Гарки.

Но она все же не могла освободиться отъ чувства, бывшаго у нея въ крови и укрѣпленнаго воспитаніемъ. Она отъ своихъ предковъ получила въ наслѣдство чувство законности—и для нея правильно поступать—означало исполнять законъ. Она не видѣла другого, болѣе правильнаго, способа дѣйствія. Желаніе Ганса взять законъ въ свои собственныя руки имѣло, по ея мнѣнію, не больше оправданія, чѣмъ поступокъ Динайна. «Два дурныхъ поступка не могутъ въ суммѣ дать одинъ хорошій»,—разсуждала она, и былъ только одинъ способъ наказать Динайна—по закону, установленному обществомъ. Наконецъ, Гансъ сдался:

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Пусть будетъ по твоему, но увидишь, что завтра или послѣзавтра онъ убьетъ насъ обоихъ.

Она покачала головой и отняла свою руку отъ ружья. Онъ хотѣлъ уже было передать ружье ей, но снова заколебался.

— Дай я лучше убью его,—попросилъ онъ.

Она снова покачала головой—и онъ снова протянулъ ей ружье, но въ этотъ

моментъ дверь открылась и въ нее, не постучавшись, вошелъ индѣецъ. Съ нимъ въ комнату ворвался снѣжный вихрь. Гансъ и Эдитъ обернулись и посмотрѣли на вошедшаго, причемъ Гансъ еще держалъ въ рукахъ ружье. Индѣецъ окинулъ взглядомъ всю картину и даже не моргнулъ глазомъ. Однимъ мимолетнымъ взглядомъ онъ обнялъ все: и убитыхъ, и раненаго, но на лицѣ у него не отразилось ни удивленія, ни, даже, любопытства. Гарки лежалъ у его ногъ, но онъ какъ бы не замѣчалъ его. Казалось, что для него трупа Гарки совершенно не существовало.

— Большой вѣтеръ,—сказалъ индѣецъ въ видѣ привѣтствія.—Все хорошо, очень хорошо.

Гансъ, все еще держа ружье, ясно почувствовалъ, что индѣецъ приписалъ ему всѣ эти убійства. Онъ умоляюще взглянулъ на жену.

— Доброе утро, Нигукъ,—сказала она, причемъ голосъ ея выдалъ ея волненіе.—Нѣтъ, не очень хорошо, много горя.

— До свиданія, я иду теперь. Я очень спѣшу,—сказалъ индѣецъ и безъ малѣйшей поспѣшности, а, наоборотъ, медленно и осторожно обошелъ красную лужу на полу, открылъ дверь и вышелъ.

Мужъ и жена посмотрѣли другъ на друга.

— Онъ подумалъ, что мы это сдѣлали,—съ волненіемъ проговорилъ Гансъ,— что я это сдѣлалъ.

Эдитъ помолчала одно мгновеніе, затѣмъ сказала рѣшительно и дѣловито.

— Совершенно не важно, что онъ подумалъ; это все выяснится послѣ, а сейчасъ намъ нужно выкопать двѣ могилы. Но прежде всего надо связать Динайна, чтобы онъ не убѣжалъ.

Гансъ отказался дотронуться до Динайна—и Эдитъ сама крѣпко связала убійцѣ руки и ноги; затѣмъ они съ Гансомъ вышли изъ хижины.

Земля замерзла и совершенно не поддавалась киркѣ. Пришлось собрать дровъ, соскрести снѣгъ и разложить костеръ на замерзшей почвѣ. Послѣ того, какъ костеръ горѣлъ цѣлый часъ, земля оттаяла на нѣсколько дюймовъ. Они сняли лопатой оттаявшую землю и снова разложили костеръ. Такимъ образомъ они снимали пласты земли въ два-три дюйма въ часъ.

Это была тяжелая и удручающая работа. Снѣгъ, летавшій въ воздухѣ, не давалъ костру хорошо разгораться, а вѣтеръ забирался подъ ихъ одежду и пронизывалъ насквозь. Говорили они очень мало. Имъ мѣшалъ вѣтеръ. Высказавъ свое недоумѣніе по поводу того, что могло руководить Динайномъ при совершеніи преступленія, они больше не разговаривали, подавленные ужасомъ этой трагедіи. Въ часъ дня Гансъ, взглянувъ по направленію къ хижинѣ, заявилъ, что онъ голоденъ.

— Нѣтъ, не теперь, Гансъ,—отвѣтила Эдитъ.—Я бы не могла теперь пойти одна въ хижину и варить тамъ пищу.

Въ два часа Гансъ вызвался итти съ нею; но она удержалаего на работѣ— и въ четыре часа обѣ могилы были закончены. Онѣ были очень мелки, всего въ два фута глубиной, но могли выполнить свое назначеніе. Наступила ночь. Гансъ досталъ сани, и они вдвоемъ съ Эдитъ—въ темнотѣ и подъ свистъ бури, потащили трупы къ могиламъ. Погребальная процессія вышла далеко не торжественной. Сани глубоко зарывались въ мягкій снѣгъ и ихъ очень трудно было тащить. Гансъ и Эдитъ ничего не ѣли со вчерашняго дня и изнемогали отъ голода и усталости. У нихъ не было силы противустоять вѣтру и иногда его порывы сбивали ихъ съ ногъ. Нѣсколько разъ сани перевертывались—и они принуждены были снова нагружать ихъ зловѣщимъ грузомъ. Послѣдніе сто футовъ пути шли по крутому склону, и они принуждены были ползти вверхъ на четвереньках, какъ упряжныя собаки, поминутно проваливаясь въ снѣгъ. Но даже и такимъ образомъ ихъ два раза оттягивало назадъ тяжесью саней—и они скользили и падали внизъ подъ гору, причемъ живые и мертвые, веревки и сани—все смѣшивалось въ одну безпорядочную кучу.

— Завтра я поставлю надгробныя доски съ ихъ именами,—сказалъ Гансъ, когда могилы были, наконецъ, зарыты.

Эдитъ всхлипывала; изъ похоронной службы она могла сказать лишь нѣсколько отрывочныхъ фразъ, и затѣмъ мужу пришлось почти нести ее на рукахъ въ хижину. Динайнъ былъ въ сознаніи. Онъ катался по полу въ напрасномъ усиліи освободиться отъ своихъ путъ. За Гансомъ и Эдитъ онъ слѣдилъ блестящими глазами, но не дѣлалъ никакихъ попытокъ заговорить. Гансъ все еще отказывался прикоснуться къ убійцѣ и мрачно смотрѣлъ, какъ Эдитъ тащила его по полу въ спальню мужчинъ. Но сколько она ни старалась, она не могла приподнять Динайна, чтобы положить его на койку.

— Дай, я лучше убью его, и тогда у насъ не будетъ никакихъ хлопотъ,— сказалъ, наконецъ, Гансъ умоляющимъ тономъ.

Эдитъ покачала головой и снова принялась за дѣло. Къ ея изумленію тѣло приподнялось очень легко, и она поняла, что Гансъ, наконецъ, рѣшился помочь ей. Затѣмъ началась чистка кухни. Но на полу все еще оставались слѣды трагедіи, такъ что Гансъ принужденъ былъ взять рубанокъ и состругать зловѣщія пятна, а стружки бросить въ печь.

Дни приходили и уходили. Было мрачно и тихо, и безмолвіе нарушалось только завываніемъ вѣтра и шумомъ прибоя на берегу. Гансъ повиновался теперь малѣйшимъ приказаніямъ Эдитъ. Вся его инціатива исчезла. Эдитъ хотѣла распорядиться съ Динайномъ по своему, и онъ вполнѣ предоставилъ ей это.

Убійца былъ для нихъ постоянной угрозой. Онъ каждую минуту могъ освободиться отъ связывавшихъ его веревокъ—и они были принуждены всегда стеречь его. Мужъ или жена всегда сидѣли около него съ заряженнымъ ружьемъ.

Вначалѣ Эдитъ попробовала устроить восьмичасовое дежурство, но такое продолжительное напряженіе было слишкомъ велико для ихъ силъ, такъ что они смѣняли другъ друга каждые четыре часа. Такъ какъ имъ нужно было спать и такъ какъ дежурства ихъ продолжались и ночью, то почти все время бодрствованія уходило на то, чтобы сторожить Динайна. У нихъ еле хватало времени на приготовленіе обѣда и на собираніе дровъ.

Со времени случайнаго визита Нигука индѣйцы избѣгали хижину. Эдитъ послала Ганса въ ихъ поселокъ, чтобы попросить ихъ отвезти Динайна въ лодкѣ въ ближайшій поселокъ бѣлыхъ или на торговый постъ. Но попытка Ганса не увѣнчалась успѣхомъ. Тогда Эдитъ сама отправилась переговорить съ Нигукомъ. Онъ былъ старшиной маленькой деревушки, прекрасно сознавалъ свою отвѣтственность и въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ выяснилъ свою точку зрѣнія на это дѣло.

— Это несчастіе бѣлаго человѣка, а не сивашей,—сказалъ онъ.—Если мой народъ поможетъ вамъ, тогда это будетъ несчастьемъ и моего народа. Когда же несчастье бѣлаго человѣка и несчастье сивашей сходятся вмѣстѣ, то всегда изъ этого выходитъ очень большое несчастье, которое нельзя понять и которому нѣтъ конца. Несчастье нехорошая вещь. Мой народъ не сдѣлалъ ничего дурного. Зачѣмъ ему помогать вамъ и брать ваше несчастье?

Съ этимъ Эдитъ Нельсонъ и возвратилась обратно въ ужасную хижину съ ея безконечными смѣнами четырехчасовыхъ дежурствъ. Иногда, когда бывала ея очередь сидѣть около плѣнника съ заряженнымъ ружьемъ, ея глаза начинали закрываться, и она забывалась въ дремотѣ. И всегда просыпалась съ испугомъ и, схватывая ружье, кидала быстрый взглядъ на Динайна. Каждый разъ она испытывала при этомъ нервное потрясеніе, которое очень плохо отражалось на ней. Ея страхъ къ этому человѣку былъ настолько великъ, что даже когда она вполнѣ бодрствовала, то каждое его движеніе подъ одѣяломъ заставляло ее вздрагивать и хвататься за ружье.

Она сама сознавала, что это состояніе могло ее довести до нервной болѣзни. Прежде всего у нея начали дрожать глазныя яблоки, такъ что она принуждена была для отдыха закрывать глаза. Затѣмъ стали нервно подергиваться вѣки—и она совершенно не могла удержать ихъ. Ея нервное напряженіе увеличивалось еще тѣмъ, что она не могла забыть о происшедшей трагедіи. Она все время была такъ же близка къ ужасному событію, какъ и въ первое утро, когда Неожиданное вдругъ ввалилось въ хижину и завладѣло ею. Во время своихъ дневныхъ дежурствъ возлѣ плѣнника она принуждена была стискивать зубы и ожесточать свое тѣло и душу противъ него.

Гансъ на все это реагировалъ совсѣмъ иначе. Его стала преслѣдовать идея, что онъ долженъ убить Динайна, и, когда онъ сторожилъ связаннаго человѣка или наблюдалъ за нимъ, Эдитъ всегда дрожала отъ страха, что онъ добавитъ

еще одно кровавое происшествіе къ тѣмъ, что произошли въ хижинѣ. Онъ всегда свирѣпо бранилъ Динайна и грубо обращался съ нимъ.

Гансъ старался скрыть свою манію убійства и иногда говорилъ женѣ:

— Послѣ ты захочешь, чтобы я убилъ его, но тогда я ужъ не убью; мнѣ будетъ противно это сдѣлать.

Но часто, когда она, послѣ своего дежурства, тихонько возвращалась въ комнату, она ловила свирѣпые взгляды, которые бросали другъ на друга плѣнникъ и его сторожъ; въ такія минуты оба они напоминали дикихъ животныхъ, причемъ на лицѣ Ганса была свирѣпая жажда убійства, а лицо Динайна выражало дикую ярость пойманной въ ловушку крысы.

— Гансъ,—кричала она тогда.—Проснись!

И онъ приходилъ въ себя, и на лицѣ у него появлялось испуганное и сконфуженное выраженіе, но раскаянія на немъ не замѣчалось.

Такимъ образомъ, Гансъ явился еще однимъ факторомъ въ той проблемѣ, которую Неожиданное заставило Эдитъ Нельсонъ разрѣшить.

Въ началѣ это былъ только вопросъ о правильномъ поведеніи въ отношеніи Динайна, которое, по ея мнѣнію, состояло въ томъ, чтобы держать плѣнника до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить на судъ передъ должнымъ составомъ судей. Но теперь нужно было еще думать о Гансѣ—и она понимала, что дѣло идетъ о спасеніи его отъ сумасшествія. Она прекрасно понимала также, что ея сила и выносливость тоже стали частью проблемы, которую ей приходилось разрѣшать. Напряженіе было слишкомъ велико для ея силъ. Въ ея лѣвой рукѣ появились непроизвольныя нервныя подергиванія. Она проливала супъ изъ ложки и совершенно не могла положиться на свою пораженную руку. Она опредѣлила свою болѣзнь, какъ одну изъ формъ пляски св. Витта, и со страхомъ думала о томъ, до какихъ предѣловъ она можетъ развиться. Что будетъ, если нервы не выдержатъ? И картина возможнаго будущаго, когда въ хижинѣ останутся только Динайнъ и Гансъ, наполняла ея душу ужасомъ.

По прошествіи трехъ дней Динайнъ заговорилъ. Первымъ вопросомъ его было: «Что вы собираетесь со мной сдѣлать?» И этотъ вопросъ онъ повторялъ ежедневно и много разъ въ день, и Эдитъ каждый разъ отвѣчала ему, что его, конечно, будутъ судить по закону. И въ свою очередь она ежедневно спрашивала его: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?» Но на этотъ вопросъ онъ никогда не отвѣчалъ. Мало того, каждый разъ вопросъ вызывалъ въ немъ припадокъ гнѣва, и онъ начиналъ метаться и рваться, стараясь освободиться отъ ремней, стягивающихъ его руки, причемъ грозилъ Эдитъ местью, когда, наконецъ, высвободится въ чемъ, по его словамъ, онъ нисколько не сомнѣвался. Въ такіе моменты она поднимала оба курка, готовясь пустить въ него пулю, если онъ вырвется, и сама въ то же время дрожала и задыхалась отъ напряженія и страха.

Но съ теченіемъ времени Динайнъ сталъ смирнѣе. Эдитъ казалось, что онъ

просто усталъ отъ лежачаго положенія. Онъ сталъ просить и умолять, чтобы его развязали, причемъ давалъ самыя необузданныя обѣщанія. Онъ говорилъ, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла, что онъ отправится внизъ по берегу рѣки и отдастся въ руки представителей закона; что онъ отдастъ имъ свою долю золота, что онъ уйдетъ въ самое сердце пустыни и никогда больше не появится среди цивилизованныхъ людей и что онъ, наконецъ, лишитъ себя жизни, если только она освободитъ его. Его жалобы и просьбы кончались обыкновенно припадкомъ бѣшенства. Но на всѣ его просьбы она неизмѣнно качала отрицательно головой—и снова онъ приходилъ въ ярость.

Но время шло, онъ становился все сговорчивѣе, и усталость его сказывалась все больше и больше.

— Я такъ усталъ, такъ усталъ,—шепталъ онъ, катаясь головой по подушкѣ, какъ раздражительный ребенокъ. Нѣкоторое время спустя онъ сталъ страстно молить о смерти. Просилъ Ганса убить его и положить конецъ его мученіямъ, чтобы онъ могъ, наконецъ, отдохнуть.

Положеніе становилось невозможнымъ. Нервность Эдитъ все возростала, и она знала, что кризисъ могъ наступить каждую минуту. Она даже не могла спать, какъ слѣдуетъ: ее преслѣдовалъ страхъ, что Гансъ, наконецъ, не устоитъ противъ своей маніи и убьетъ Динайна въ то время, когда она будетъ спать. Хотя уже наступилъ январь, но должны были пройти еще многіе мѣсяцы прежде, чѣмъ какая-нибудь торговая шхуна могла зайти въ ихъ заливъ. Кромѣ того, они не разсчитывали зимовать въ хижинѣ и провизія у нихъ была уже на исходѣ. Гансъ тоже не могъ пополнять запасы охотой, такъ какъ онъ съ женой долженъ былъ сторожить преступника.

Необходимо было что-нибудь предпринять. Эдитъ заставила себя обдумать сызнова все дѣло. Она не могла отдѣлаться отъ чувства законности, присущаго ея расѣ и бывшаго у нея въ крови. Что бы ей ни пришлось сдѣлать—это должно быть сдѣлано по закону. И во время долгихъ часовъ дежурства, когда ружье лежало у нея на колѣняхъ, убійца метался возлѣ нея, а за окномъ выла буря, она дѣлала самостоятельныя соціологическія изысканія и вырабатывала для собственной надобности эволюцію закона. Ей вдругъ пришло въ голову, что законъ ни что иное, какъ приговоръ и воля группы людей, причемъ совершенно не важно, какъ велика эта группа. Существуютъ небольшія группы,—разсуждала она,—какъ, напримѣръ, Швейцарія, и, съ другой стороны, большія, какъ Соединенные Штаты. Такимъ образомъ, совершенно не важно, какъ велика группа народа. Въ странѣ можетъ быть только десять тысячъ населенія—и, тѣмъ не менѣе, ихъ общій приговоръ и воля будутъ закономъ для этой страны. Почему же въ такомъ случаѣ тысяча людей не можетъ составить такую группу?—спрашивала она себя. А если можетъ одна тысяча, то почему не можетъ одна сотня? Или полсотни? Или пять человѣкъ? Или два человѣка?

Она испугалась, придя къ такому заключенію, и сообщила о немъ Гансу. Вначалѣ онъ никакъ не могъ сообразить, въ чемъ дѣло, но, сообразивши, убѣжденно подтвердилъ ея выводы. Онъ разсказалъ ей о собраніяхъ золотопромышленниковъ, гдѣ всѣ мужчины данной мѣстности собирались вмѣстѣ, вырабатывали законъ и приводили его въ исполненіе. Ихъ иногда бывало только десять или пятнадцать человѣкъ,—говорилъ онъ. Но воля большинства становилась закономъ для нихъ, и кто нарушалъ эту волю, тотъ долженъ былъ быть наказанъ.

Эдитъ, наконецъ, ясно увидѣла, что надо сдѣлать: Динайна нужно повѣсить. Гансъ согласился съ нею. Такимъ образомъ, они составили большинство этой необычной по своей малочисленности группы. Желаніемъ этой группы было, чтобы Динайнъ былъ повѣшенъ. При приведеніи въ исполненіе постановленія этой группы, Эдитъ искренно старалась соблюсти всѣ обычныя формальности, но группа была такъ мала, что Гансу и ей приходилось быть въ одно и то же время и свидѣтелями, и присяжными, и судьями, а также и палачами. Она формально предъявила Михаилу Динайну обвиненіе въ убійствѣ «Нѣмца» и Гарки; и плѣнникъ, лежа на своей койкѣ, выслушалъ сначала свидѣтельскія показанія Ганса, потомъ Эдитъ. Онъ отказался признать себя виновнымъ или невиновнымъ и отвѣтилъ молчаньемъ, когда Эдитъ спросила его, имѣетъ ли онъ что-нибудь сказать въ свое оправданіе. Затѣмъ она и Гансъ, не вставая со своихъ мѣстъ, вынесли приговоръ присяжныхъ засѣдателей, объявивъ Динайна виновнымъ въ убійствѣ. Затѣмъ Эдитъ, въ качествѣ судьи, вынесла приговоръ. Ея голосъ задрожалъ, вѣки нервно затрепетали и лѣвая рука нервно подернулась, но приговоръ все же Эдитъ произнесла.

— Михаилъ Динайнъ! Черезъ три дня вы будете повѣшены за шею, пока не умрете.

Таковъ былъ приговоръ. Осужденый облегченно вздохнулъ, затѣмъ презрительно разсмѣялся и сказалъ:

— Тогда, я думаю, эта проклятая койка не будетъ больше отдавливать мнѣ спину. И то уже утѣшеніе!

Послѣ произнесенія приговора всѣ какъ будто почувствовали облегченіе, особенно это было замѣтно на Динайнѣ. Вся его мрачность и недовѣріе исчезли, и онъ дружелюбно сталъ разговаривать со своими тюремщиками, а иногда даже отпускалъ остроты, какъ въ прежнія добрыя времена. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ Библію, которую ему читала Эдитъ. Она читала ему также и изъ Новаго Завѣта, и онъ проникся большимъ интересомъ къ блудному сыну и къ разбойнику на крестѣ.

Наканунѣ казни, когда Эдитъ предложила ему свой обычный вопросъ: «зачѣмъ вы это сдѣлали?»—Динайнъ отвѣтилъ:

— Очень просто. Я думалъ...

Но она вдругъ рѣзко прервала его, попросила его подождать и поспѣшно

подошла къ постели Ганса. Онъ уже отбылъ свое дежурство, поэтому, проснувшись, недовольно заворчалъ, протирая глаза.

— Отправляйся скорѣй,—сказала она ему,—и приведи Нигука и другихъ индѣйцевъ. Михаилъ хочетъ сдѣлать признаніе. Приведи ихъ во что бы то ни стало. Если нужно будетъ, пригрози имъ ружьемъ.

Полчаса спустя, Нигукъ и—его дядя—Гадикванъ вошли въ комнату преступника. Они пришли нехотя и, Гансъ долженъ былъ все время гнать ихъ, угрожая ружьемъ.

— Нигукъ,—сказала Эдитъ.—Здѣсь не будетъ несчастья ни для тебя, ни для твоего народа. Ты долженъ сидѣть, слушать и понимать.

Такимъ образомъ Михаилъ Динайнъ почти передъ самой казнью сдѣлалъ публичное признаніе въ своемъ преступленіи. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Эдитъ записывала, индѣйцы слушали, а Гансъ сторожилъ дверь, боясь, что свидѣтели убѣгутъ.

Динайнъ разсказалъ, что онъ не былъ въ своей родной странѣ уже пятнадцать лѣтъ, и всегда лелѣялъ мечту вернуться туда съ большой суммой денегъ, чтобы дать возможность своей старой матери провести остатокъ ея дней въ довольствѣ и комфортѣ.

— А какъ бы я это сдѣлалъ на тысячу шестьсотъ долларовъ?—спросилъ онъ.—Мнѣ нужно было все золото, всѣ восемь тысячъ. Тогда бы я могъ отправиться домой, какъ слѣдуетъ быть. Что можетъ быть легче,—думалъ я,—какъ убить всѣхъ васъ и сказать въ Скагуэйѣ, что это сдѣлали индѣйцы, и затѣмъ отправиться въ Ирландію. И вотъ я началъ убивать васъ всѣхъ, но, какъ любилъ говорить Гарки, я отрѣзалъ себѣ слишкомъ большой кусокъ, и онъ у меня застрялъ въ горлѣ. Вотъ мое признаніе. Я отдалъ свой долгъ діаволу, а теперь Богъ хочетъ, чтобы я отдалъ свой долгъ Богу.

— Нигукъ и Гадикванъ, вы слышали слова бѣлаго человѣка?—сказала Эдитъ индѣйцамъ.—Его слова здѣсь, на бумагѣ, и вы должны сдѣлать знакъ на бумагѣ, вотъ такъ, чтобы бѣлые люди, которые придутъ послѣ, знали, что вы слышали его слова.

Оба сиваша поставили кресты противъ своихъ именъ, получили приглашеніе явиться завтра со своимъ племенемъ, чтобы быть свидѣтелями дальнѣйшаго, и были отпущены домой.

Руки Динайна были освобождены настолько, чтобы онъ могъ подписать документъ. Затѣмъ въ комнатѣ наступило молчаніе. Гансъ безпокойно метался, и Эдитъ тоже было не по себѣ. Динайнъ лежалъ и прямо смотрѣлъ вверхъ на заткнутыя мхомъ щели въ крышѣ.

— А теперь я отдамъ долгъ Богу,—прошепталъ онъ. Онъ повернулъ голову къ Эдитъ.—Почитайте мнѣ изъ книги,—сказалъ онъ и затѣмъ прибавилъ, съ нѣкоторымъ намекомъ на игривость.—Можетъ быть, это поможетъ мнѣ не чувствовать койку.

Насталъ день казни, ясный и холодный. Термометръ показывалъ двадцать градусовъ ниже нуля, дулъ холодный вѣтеръ, который пронизывалъ платье и тѣло и добирался до самыхъ костей. Въ первый разъ за много недѣль Динайнъ всталъ на ноги. Его мускулы оставались безъ упражненія такъ долго и онъ настолько отвыкъ держаться въ вертикальномъ положеніи, что, когда его поставили на ноги, онъ едва могъ стоять. Онъ шатался, спотыкался и цѣплялся за Эдитъ своими связанными руками, чтобы сохранить равновѣсіе.

— Кажется, у меня дѣйствительно кружится голова,—сказалъ онъ со слабымъ смѣхомъ.

А моментъ спустя онъ прибавилъ:

— Я радъ, что все это кончилось. Эта проклятая койка довела бы меня до смерти—я знаю.

Когда Эдитъ надѣла на него мѣховую шапку и стала натягивать на его уши наушники, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Для чего вы это дѣлаете?

— На дворѣ очень холодно,—отвѣтила она.

— А если за какія-нибудь десять минутъ даже и отмерзнетъ ухо-то что это значитъ для бѣднаго Михаила Динайна?—спросилъ онъ.

Эдитъ очень крѣпилась и подготовляла себя къ этому послѣднему испытанію, и его замѣчаніе нанесло ударъ ея самообладанію. Раньше все это казалось ей нереальнымъ, фантастичнымъ, точно все происходило во снѣ, но жестокая истина, о которой онъ напомнилъ, вдругъ открыла ей глаза на то, что въ дѣйствительности совершалось вокругъ нея. Ея страданіе не осталось незамѣченнымъ ирландцемъ.

— Мнѣ очень жаль, что я огорчилъ васъ своими глупыми словами,—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.—Я не хотѣлъ сказать ничего непріятнаго. Это великій день для Михаила Динайна, и онъ веселъ, какъ жаворонокъ.

Онъ вдругъ началъ весело свистѣть, но свистъ вскорѣ сталъ мрачнымъ и прекратился.

— Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ священника,—сказалъ онъ задумчиво, но затѣмъ быстро прибавилъ:—Михаилъ Динайнъ—старый ветеранъ, и когда онъ отправляется въ дорогу, то хочетъ сдѣлать это съ наивозможной роскошью.

Онъ былъ такъ слабъ и такъ отвыкъ ходить, что, когда дверь открылась и онъ вышелъ, то вѣтеръ чуть не сбилъ его съ ногъ. Эдитъ и Гансъ шли по обѣ стороны и поддерживали его, а онъ все время отпускалъ шутки, стараясь подбодрить ихъ, и только разъ сбился съ тона, когда просилъ отослать его долю золота матери въ Ирландію.

Они взобрались на небольшой холмъ и пришли на открытую поляну. Здѣсь торжественно расположившись вокругъ бочки, стоявшей на снѣгу, сидѣли уже

Нигукъ и Гадикванъ и всѣ сиваши ихъ деревни, вплоть до дѣтей и собакъ. Они всѣ пришли посмотрѣть, какъ бѣлый человѣкъ будетъ приводить въ исполненіе свой законъ. Недалеко отъ этого мѣста была яма, которую Гансъ вырылъ въ замерзшей землѣ.

Динайнъ дѣловито осмотрѣлъ всѣ приготовленія: онъ замѣтилъ и могилу, и бочку, и толщину веревки, и сукъ, на который веревка была переброшена.

— Право, я бы самъ не могъ сдѣлать лучше, если бы мнѣ пришлось это сдѣлать для васъ, Гансъ.

Онъ громко расхохотался собственной выходкѣ, но на лицѣ Ганса застыло такое мрачное выраженіе, что оно, казалось, могло измѣниться только, если бы раздался трубный звукъ, возвѣщающій о Страшномъ Судѣ. Кромѣ того, Гансъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ. Онъ не представлялъ себѣ, какая огромная задача—лишить жизни своего собрата. Эдитъ, съ другой стороны, вполнѣ ясно представляла себѣ эту трудность, но это нисколько не облегчало ея задачи. Она сомнѣвалась, сумѣетъ ли выдержать до конца. Ей все время хотѣлось заплакать, закричать, упасть въ снѣгъ, закрыть руками глаза или повернуться и бѣжать, бѣжать безъ оглядки куда-нибудь въ лѣсъ, лишь бы подальше отъ этого мѣста. И только страшнымъ напряженіемъ воли она могла держаться на ногахъ и дѣлать то, что считала нужнымъ дѣлать. И она была очень благодарна Динайну за то, что онъ по своему поддерживалъ ее.

— Дайте мнѣ руку,—сказалъ онъ Гансу, который помогалъ ему взбираться на бочку.

Затѣмъ онъ нагнулся, чтобы Эдитъ могла накинуть веревку ему на плечо, и выпрямился, когда Гансъ перекидывалъ веревку черезъ сукъ.

— Михаилъ Динайнъ, имѣете ли вы что-нибудь сказать?—спросила Эдитъ яснымъ голосомъ, который, однако, дрожалъ помимо ея воли.

Динайнъ, стоя на бочкѣ, переступилъ съ ноги на ногу, застѣнчиво взглянулъ внизъ, какъ человѣкъ, въ первый разъ говорящій рѣчь, и откашлялся.

— Я радъ, что все это кончилось,—сказалъ онъ.—Вы обращались со мной по христіански, и я вамъ сердечно благодаренъ за вашу доброту.

— Да проститъ васъ Господь, какъ раскаявшагося—грѣшника, сказала она.

— Да,—повторилъ онъ своимъ густымъ басомъ за ея тонкимъ голоскомъ.—Да проститъ Господь меня, раскаявшагося грѣшника.

— Прощайте, Михаилъ—вскричала она съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Она навалилась всей тяжестью своего тѣла на бочку, но та не поддавалась.

— Гансъ, скорѣй, помоги мнѣ!—слабо вскричала она.

Она чувствовала, что послѣднія силы ея уходятъ, а бочка не поддается. Гансъ поспѣшилъ къ ней на помощь—и бочка, наконецъ, была выбита изъ-подъ ногъ Михаила Динайна.

Эдитъ повернулась къ нему спиной и зажала уши пальцами. Затѣмъ она стала смѣяться страннымъ, рѣзкимъ, металлическимъ смѣхомъ—и Гансъ былъ потрясенъ этимъ смѣхомъ больше, чѣмъ всей трагедіей. Силамъ Эдитъ Нельсонъ пришелъ конецъ, и даже во время истерическаго припадка она сознавала это и радовалась, что ей удалось выдержать до конца, пока все было сдѣлано. Она оперлась о Ганса.

— Уведи меня домой, Гансъ,—удалось сказать ей.—И дай мнѣ отдохнуть,—прибавила она.—Отдохнуть, отдохнуть, только отдохнуть

Гансъ обнялъ ее и, поддерживая и направляя ея безпомощные шаги, повелъ ее въ домъ. А индѣйцы остались и торжественно смотрѣли на исполненіе закона бѣлаго человѣка, которое выражалось въ томъ, что одинъ изъ нихъ качался на веревкѣ.

Пер. **М. Андреева-Маевская.**

СТАРУШКА.

У темной иконы къ землѣ приклоняется.
На полу улыбаются капельки слезъ.
Въ платочкѣ узорномъ пасхальныя яйца
И масломъ намазаны пряди волосъ.
Припадетъ на колѣни съ дрожащею свѣчкою,
И шепчетъ молитву, и топится воскъ.
За душу ли молится, за больную овечку ли,
Не знаетъ, не помнитъ старушечій мозгъ.
Но много ужъ лѣтъ, все предъ той же иконою,
Губами припавъ къ золотому крылу,
Молитву неясную, съ дѣтства знакомую,
Повторяетъ въ укромномъ, завѣтномъ углу...
Ужъ скоро окончатся міра страданія,
И ждетъ нисходящаго Бога съ небесъ.
И молится, молится съ новымъ страданіемъ.
На хорахъ запѣли: „Христосъ Воскресъ!“

Николай Бруни.

НОВАЯ АМЕРИКА.

(Джекъ Лондонъ, неистовый калифорніецъ).

Примѣчаніе. Послѣ того, какъ эта статья была написана, въ печати появилось нѣсколько отзывовъ о Джекѣ Лондонѣ отрицательнаго свойства. Таковы, между прочимъ, статьи Н. Лернера въ „Рѣчи“ и А. Дермана въ „Завѣтахъ“.

Джеку Лондону ставятъ въ вину преувеличенную рѣзкость рисунка, культъ физической силы и спорта. Ему противопоставляютъ съ одной стороны Пушкина и Толстого, „снѣжныя вершины россійской литературы“, съ другой стороны—безконечную сложность Леонида Андреева и также Сологуба. Не знаю, быть можетъ, почтенные критики шутятъ...

Однако, по моему, корень всего недовольства лежитъ въ несоотвѣтствіи художественныхъ настроеній. Вопреки утвержденіямъ критиковъ, грубыя и пылкія страсти героевъ Калифорніи мало соотвѣтствуютъ россійской меланхоліи и развинченнымъ рефлексамъ.

Какъ совмѣстить блѣдно-лиловыя краски „Заложниковъ жизни“ и яркую алость Мартина Идена, мистическую Лилитъ и румяную бабу Альдонсу?

Въ той же книжкѣ „Завѣтовъ“ статьѣ А. Дермана о Джекѣ Лондонѣ предшествуетъ другая статья В. Малахіевой-Мировичъ — „О смерти въ современной поэзіи“—съ обильными цитатами изъ русскихъ новѣйшихъ поэтовъ. Джекъ Лондонъ является, конечно, отрицателемъ смерти, несмотря на самоубійство Мартина Идена.

Культъ физической силы и спорта, въ этомъ упрекѣ сказалась типичная вялость россійскихъ поколѣній, которыя въ жизни привыкли не столько сражаться, сколько быть сражаемыми.

Если отбрасывать Лондона, то надо отбросить и Киплинга, а кстати и Бретъ-Гарта, и многихъ другихъ, столь же склонныхъ къ яркости красокъ и къ рѣзкимъ очертаніямъ.

Южная природа и небо, и солнце, тоже склонны къ преувеличенной яркости красокъ и рѣзкости тѣней. Нельзя же намъ сѣверный пейзажъ и петербургскую хандру ставить единственнымъ образцомъ всемірной живописи.

Еще болѣе странно стараніе А. Дермана превратить этого пламеннаго протестанта и ненавистника американской буржуазіи—въ буржуазнаго патріота Америки.

„Джекъ Лондонъ почти прямо говоритъ, что положеніе американскихъ рабочихъ его удовлетворяетъ“,—увѣряетъ А. Дерманъ. Мнѣ нравится это „почти“. Я предлагаю его сопоставить съ желчными тирадами Лондона, которыя приведены ниже. Одновременно съ этимъ Джекъ Лондонъ называется дикаремъ, отрицающимъ культуру, подобно Руссо, характернымъ „американцемъ съ ницшеанской философіей на устахъ и съ умѣренной программой реформъ на практикѣ“.

Не слишкомъ ли много обвиненій на голову одного человѣка?

— У Джека Лондона слишкомъ простой критерій для оцѣнки жизни,—замѣчаетъ А. Дерманъ:—„То, что стремится къ развитію жизни, физической, а также духовной,—есть добро; то, что вредитъ и уродуетъ жизнь,—это зло“.

Критерій, конечно, простой. Но если его усложнить, или вывернуть, что ли,—онъ станетъ не лучше, а хуже.

II.

(*Окончаніе**).

Американская нація формируется въ борьбѣ и въ буряхъ. Именно на американской почвѣ, лишенной историческихъ путъ, не загроможденной обломками прошлаго, основы буржуазнаго общества развиваются въ наиболѣе чистой формѣ, почти какъ соціологическій препаратъ, заботливо приготовленный въ лабораторіи судьбы для цѣлей нагляднаго изученія. Это развитіе часто предупреждаетъ Европу и, во всякомъ случаѣ, движется быстрѣе и заходитъ дальше,

*) См. „Нов. Жизнь“, кн. XI.

чѣмъ въ загроможденныхъ странахъ тѣснаго Стараго Свѣта.

Тресты, синдикаты и локауты и такъ называемые Corners—временная монополизація данной биржевой бумаги и даже товара; милліардеры съ ихъ безумными затѣями, денежная аристократія высшей марки, чистѣйшей пробы; „старые богачи“ „новые богачи“; политическія партіи и государственные люди, дѣйствующіе по указкѣ капитала; какая-то стихійная продажность на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, Нью-Іоркская шайка Таммани, демократическая партія кабатчиковъ, республиканская партія игорныхъ притоновъ и фальшивыхъ рулетокъ,—все это продукты американскаго творчества, политическаго и соціальнаго. Можно напомнить недавнее дѣло Розенталя. Я могъ бы разсказать еще десятокъ дѣлъ почище и пострашнѣе. Укажу, напримѣръ, на довольно извѣстную присягу ольдерменовъ, городскихъ гласныхъ, города Сен-Луи, которые составили особую муниципальную маффію. Эта присяга фигурировала въ судебномъ слѣдствіи въ 1902 г.:

— Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, что я вступилъ въ такую-то организацію и буду голосовать и дѣйствовать сообразно ея интересамъ и указаніямъ... И если я выдамъ ея денежныя тайны и другія дѣла, то я напередъ разрѣшаю другимъ членамъ подвергнуть меня наказанію вплоть до лишенія жизни... Во всемъ этомъ я торжественно клянусь, и да поможетъ мнѣ Всевышній...

Организаціямъ капиталистовъ противостоятъ широко организованные рабочіе союзы съ чисто экономическими цѣлями, напоминающіе прежніе цехи. Борьба рабочихъ юніоновъ съ синдикатами по большей части лишена идейнаго характера. И побѣда осложняется отвратительными подробностями подкупа, шантажа и закулисной безчестной игры. Такъ, въ романѣ „Сынъ Свѣта“ Джекъ Лондонъ описываетъ большую калифорнійскую забастовку 1901 года, послѣ которой, по его словамъ, въ теченіе ближайшихъ нѣсколькихъ лѣтъ вожаки рабочаго движенія стали строить себѣ дорогіе дома, путешествовать заграницу и попадать на высшія городскія должности.

Все это, къ сожалѣнію, дѣйствительно имѣло мѣсто въ С.-Франциско.

Въ широкихъ народныхъ массахъ европейская идейность замѣняется духомъ самоуправства и соціальнаго нетерпѣнія, органически присущими Америкѣ. Самое понятіе и чувство гражданской и политической свободы въ Америкѣ иное, чѣмъ въ Европѣ. Европейская свобода тщательно записана въ хартіи, подтверждена конституціями. Но эти конституціи и хартіи слишкомъ часто спрятаны въ раззолоченный шкафъ для праздничнаго употребленія. Американская свобода есть въ существѣ своемъ *самоуправство, ограниченное законами*. Она начинается „счастьемъ ревущаго стана“ въ лагерѣ золотоискателей, но даже на нью-іоркской улицѣ еще сохраняетъ свои первоначальныя черты—отсутствіе регламентаціи и индивидуальную иниціативу. Ибо согласно часто цитируемому письму ирландца-эмигранта: „Въ Америкѣ каждый человѣкъ такъ же хорошъ, какъ всякій другой, и даже еще лучше“.

Такое состоянiе, конечно, имѣетъ свои хорошiя стороны. Плѣнительность жизни въ Америкѣ состоитъ именно въ отсутствiи полицейской регламентацiи, въ упорномъ противодѣйствiи жителей всякому административному натиску, гдѣ угодно—въ трамваѣ, на улицѣ, у дверей своего дома.

Настроенiе широкой „публики", даже буржуазнаго типа, легко принимаетъ агрессивный характеръ.

Въ видѣ примѣра укажу на великую угольную забастовку 1902 года. Она долго не могла придти ни къ какому разрѣшенiю, несмотря на вмѣшательство Рузвельта. Владѣльцы копей продавали свои запасы подъ шумокъ по утроеннымъ цѣнамъ. Союзъ углекоповъ запасся денежными средствами и выжидалъ результатовъ борьбы. Это тянулось все лѣто до осени, но съ наступленiемъ первыхъ осеннихъ холодовъ на арену борьбы явилась третья сила,—потребляющая публика. Она поступила до крайности просто. Въ разныхъ городахъ комитеты гражданъ задерживали проходящiе транспорты угля и дѣлили ихъ по рукамъ, вмѣсто уплаты по счетамъ выдавая квитанцiи. Печать, которая до того времени относилась къ угольной борьбѣ очень сдержанно, мгновенно заняла рѣзкую позицiю противъ угольныхъ трестовъ. Черезъ двѣ недѣли угольный компромиссъ сталъ совершившимся фактомъ.

Приведу для сравненiя угольную забастовку въ Рурскомъ округѣ въ Германiи. Германская соцiалдемократiя по справедливости гордилась дисциплинированностью рабочихъ массъ. 250,000 рабочихъ съ голоду умирали, съ женами съ дѣтьми, но ни одно стекло не было разбито. Американскимъ рабочимъ совершенно чужда такая дисциплинированность. Большiя забастовки постоянно сопровождаются такъ называемыми печальными эксцессами.

Можно припомнить рядъ кровавыхъ столкновенiй во время забастовки 1892 г. на стальныхъ заводахъ Карнеги въ Гомстедѣ, которыя имѣли характеръ партизанской войны.

Америку трудно понять европейцу и изобразить въ наглядныхъ описанiяхъ.

Взять, напримѣръ, среди миллiардеровъ такую фигуру, какъ престарѣлый Рокфеллеръ, нефтяной король, богатѣйшiй человѣкъ въ мiрѣ. То былъ человѣкъ совершенно безжалостный, желѣзный, пустившiй по мiру различными путями, болѣе или менѣе незаконными, тысячи семей,—противъ котораго даже американскiе суды, подвластные трестамъ, возбуждали преслѣдованiя, не приводившiя ни къ чему.

Съ другой стороны, Рокфеллеръ былъ человѣкъ исключительной трудоспособности, суроваго образа жизни. Онъ былъ энергичный tea-totaller, т. е. противникъ алкоголя, строгiй баптистъ, который собиралъ по воскресеньямъ домашнихъ и близкихъ людей и произносилъ проповѣди на тему о возрожденiи духа.

Такое же двойное лицо у знаменитаго Карнеги, у покойного Русселя Седжа и у многихъ другихъ.

Молодые миллiардеры устраиваютъ пиры подъ предсѣдательствомъ шимпанзе, женщины носятъ бриллiанты не

только на пальцахъ, но даже на ногтяхъ и на ладоняхъ. Но все-таки, если молодой милліардеръ проводитъ время въ бездѣйствіи, газеты поднимаютъ крикъ и начинается обстрѣлъ по всей линіи. Ибо молодой фабрикантъ или банкиръ долженъ, подобно отцамъ и дѣдамъ, проводить въ конторѣ восемь часовъ ежедневно и „увеличивать народное богатство". Газетная кампанія часто имѣетъ серьезный характеръ. Именно изъ-за такихъ нападокъ старшій Асторъ эмигрировалъ въ Англію и принялъ англійское подданство.

Гордость и чопорность американскихъ высшихъ круговъ можетъ выдержать сравненіе съ англійскими лордами-торіями и прусскими баронами. Эти круги, разумѣется, по преимуществу денежные. И именно изъ этой среды производится всѣмъ извѣстная ловля титулованныхъ жениховъ на европейскомъ свадебномъ рынкѣ. Рынокъ этотъ, по свѣдѣніямъ газетъ, довольно организованъ. Существуютъ агентства, широко поставленныя, и, когда выѣзжаетъ изъ Чикаго въ Европу завидная наслѣдница-невѣста, тотчасъ же вслѣдъ ей летитъ изъ агентства шифрованная телеграмма; „Ѣдетъ такая - то, такого - то роста, такихъ - то статей. Личнаго имѣнія столько - то, надежды такія - то. Любитъ крупныхъ блондиновъ. Разговариваетъ о греческомъ искусствѣ. Венгерскихъ графовъ не представлять. Молодой итальянскій маркизъ могъ бы подойти". Соотвѣтственно этому отдаются распоряженія въ Европѣ.

Однако, и выйдя замужъ за лорда или графа, американская невѣста все же остается американкой. Она крѣпко держитъ въ рукахъ шнурки кошелька, правитъ домомъ, какъ истинный хозяинъ. И въ случаѣ семейныхъ разногласій разводъ производится по способамъ довольно упрощеннымъ.

Американки, вышедшія замужъ за лордовъ и графовъ, представляютъ предметъ національной гордости. Ихъ имена постоянно фигурируютъ въ газетахъ и отъ нихъ невозможно отвязаться. Если годъ или два читаешь американскія газеты, постепенно выучиваешь наизусть: леди Дефферинъ, леди Марльборо, мистриссъ Чемберленъ, madame Boni Castellane и пр., и пр.—все американки.

Надо замѣтить, что въ американскихъ газетахъ, даже въ болѣе приличныхъ, отводится цѣлая страница такъ называемому высшему свѣту. И всякіе балы и выѣзды и переѣзды Гульдовъ, Вандербильтовъ и Асторовъ описываются въ сочныхъ деталяхъ. Костюмы даются съ вырѣзками. Обѣденныя menu—съ кухонными рецептами для вольныхъ подражателей.

Помню, когда въ 1902 году Пирпойнтъ Морганъ пріѣхалъ изъ Европы съ грузомъ картинъ и художественныхъ рѣдкостей, накупленныхъ въ Европѣ втридорога, слѣпо и безъ всякаго разбора, въ самой популярной нью-iоркской газетѣ „New-York Iournal", имѣющей милліонный тиражъ, на первой страницѣ появилась картинка, изображавшая въѣздъ Моргана въ Нью-Iоркъ. Нью-iоркскія башни и большіе небоскребы въ 40 этажей кланяются ему въ поясъ, и ниже всѣхъ кланяется традиціонный Дядя Самъ въ полосатыхъ штанахъ, и пре-

красная статуя Свободы съ любезной улыбкой подноситъ ему факелъ,—закурить сигару. Надпись вверху гласитъ: „Добро пожаловать!"

Съ другой стороны, стоитъ только этому самому Моргану, или Гульду, или Рокфеллеру затронуть интересы или даже предразсудки такъ называемой широкой публики, которая ходитъ даже на работу въ воротничкахъ и считаетъ себя „респектабельной",—и общее негодованіе поднимается, какъ буря. Сыплются письма, публичныя рѣчи, статьи—въ самыхъ откровенныхъ выраженіяхъ. Въ Америкѣ рѣшающая сила принадлежитъ, въ концѣ концовъ, общественному мнѣнію. Оно легкомысленно и „желто", но все-таки есть въ немъ какая-то инстинктивная чуткость и бурный порывъ. И въ этомъ отношеніи оно превосходитъ общественное мнѣніе Европы, ибо оно меньше поддается направленію со стороны. Оно мѣняется, какъ вѣтеръ, но дуетъ оно изъ простора, изъ народной глубины. Печать только подхватываетъ его въ свой застоголосый рупоръ. Ибо въ Америкѣ печать слѣдуетъ за такъ называемымъ голосомъ страны и повинуется ему безъ различія партій.

Можно сказать еще нѣсколько словъ объ американской рекламѣ. Въ современномъ цивилизованномъ обществѣ реклама является однимъ изъ проявленій суевѣрія толпы.

Подобно античнымъ оракуламъ, чудеснымъ исцѣленіямъ, изреченіямъ боговъ, она тоже руководится началомъ: credo quia absurdum, воочію торгуетъ чудесами, вплоть до жизненныхъ элексировъ, „тайны успѣха", „счастья въ любви".

Американская реклама превосходитъ всякое вѣроятіе.

Вотъ „Общество быстрой наживы" въ Нью-Іоркѣ, которое пообѣщало публикѣ платить дивиденда по 10% въ недѣлю и послѣ надлежащаго рекламнаго освѣщенія собрало до милліона долларовъ.

А вотъ характерная этикетка для овсянки, вродѣ Геркулеса:

„Орѣхи съ виноградомъ", починка мозговъ. Предусвояемая пища. Мозги управляютъ міромъ. У американцевъ есть мозги. Они измышляютъ великія мысли. Они измышляютъ деньги. Мозгъ—это орудіе для выдѣлки денегъ. Кормите свой мозгъ научной пищей, ѣдой для ума".

Это механическое суевѣріе толпы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ особыми механическими религіями Америки, напримѣръ, съ спиритизмомъ, который выступаетъ, какъ особая религія, и задается цѣлью матеріализировать загробную жизнь, фотографировать мертвыя души, получать отъ нихъ письма,—или съ религіей такъ называемой христіанской науки, которая хочетъ лечить земныя болѣзни, совершенно матеріальныя, вплоть до переломовъ, христіанской молитвой и внушеніемъ.

Рядомъ съ этимъ нужно отмѣтить широкое распространеніе среди интеллигенціи такъ называемаго агностицизма, т. е. религіознаго скептицизма съ матеріалистическимъ оттѣнкомъ, и „интеллектуальнаго анархизма", особенно среди журналистовъ.

Джекъ Лондонъ тоже затронутъ этимъ интеллектуальнымъ анархизмомъ. Но больше всего это яркій представитель того нетерпѣнія массъ, о которомъ я говорилъ раньше, правда, быть можетъ, еще не вполнѣ сознавшій себя.

Его сужденія объ обществѣ и обо всей цивилизаціи проникнуты желчью, дышатъ рѣзкостью, которая многимъ покажется преувеличенной.

Вотъ мысли Илама Гарниша, сверхфинансиста, въ романѣ „Сынъ Свѣта":

„Современное общество представляетъ гигантское мошенническое предпріятіе. Оно состоитъ, съ одной стороны, изъ малоумныхъ, которымъ слѣдовало бы только рубить дрова и таскать воду, съ другой стороны—изъ жуликовъ, которые играютъ фальшивыми картами и втираютъ очки дуракамъ".

„Цивилизованные люди грабятъ, потому что такова ихъ природа. Они грабятъ, какъ кошка царапаетъ, какъ душитъ голодъ, какъ щиплетъ морозъ".

„Современные грабители нагло и съ успѣхомъ внушаютъ своимъ жертвамъ этику, которой не признаютъ сами. Они говорятъ простому рабочему: „Не укради!" Но сами они крадутъ во снѣ и наяву".

Иламъ Гарнишъ, сверхъ-финансистъ, человѣкъ исключительной активности, дѣлаетъ изъ этого выводъ: „Грабить грабителей—вотъ интересное занятіе, выслѣживать ихъ и отнимать у нихъ добычу". Онъ осуществляетъ это удачной биржевой игрой.

„Дѣти Мидаса" въ разсказѣ того же имени осуществляютъ это хорошо организованной маффіей разбойниковъ-вымогателей. Широкія массы стремятся къ тому же при помощи такъ называемаго „прямого дѣйствія".

Однако, въ фантастическомъ романѣ „Желѣзная Пята" союзы милліардеровъ отплачиваютъ массамъ за такія дѣйствія сторицей—введеніемъ бѣлаго террора, массовыми истребленіями, чудовищность которыхъ превосходитъ все настоящее и бывшее.

Такой соціальный діагнозъ не имѣетъ въ себѣ ничего утѣшительнаго. Яркимъ представителемъ этихъ соціальныхъ ощущеній является Мартинъ Иденъ, который до извѣстной степени долженъ считаться олицетвореніемъ самого Джека Лондона.

Представьте себѣ американскаго „Горькаго", но съ личной біографіей, болѣе пестрой и болѣе расцвѣченной, соотвѣтственно тому, насколько американскій бытъ пестрѣе и цвѣтистѣе сравнительно съ русскимъ. Вотъ семья его: старшій братъ померъ въ Индіи. Двое теперь въ южной Африкѣ. Есть еще двое: одинъ служитъ на китобойномъ суднѣ, другой гдѣ-то въ циркѣ гимнастомъ.

Самъ Мартинъ Иденъ былъ ковбоемъ, чернорабочимъ на пристани, гладильщикомъ бѣлья въ очаровательномъ курортѣ Калифорніи, матросомъ на судахъ на Аляскѣ и въ Полинезіи.

Русская природа и внѣшнія границы и внутреннія грани не допускаютъ такого разнообразія.

„Въ немъ было что - то космическое. Она смотрѣла на него, какъ на невиданныхъ животныхъ въ звѣринцѣ или на бурю, или на яркую молнію. Онъ пришелъ къ ней, овѣянный дыханіемъ

далекихъ невѣдомыхъ странъ. На лицѣ его горѣлъ отблескъ тропическаго солнца, и въ выпуклыхъ мускулахъ переливалась первобытная сила жизни".

Онъ познакомился съ Руѳью, студенткой изъ высшаго культурнаго круга, и влюбился въ нее. Подъ вліяніемъ охватившей его любви Мартинъ Иденъ начинаетъ пробиваться вверхъ съ дикой энергіей. Вотъ онъ ходитъ по библіотекамъ и путается въ книгахъ. „Тайное ученіе"— Блаватской, „Прогрессъ и Бѣдность" Джорджа, „Квинтъ-эссенція соціализма" Шеффле. Все книги знакомыя и намъ по воспоминаніямъ юности.

Онъ началъ съ „Тайнаго ученія" Блаватской. Каждая строка пыжится на него словами многосложными и непонятными. Въ головѣ у него плаваетъ муть, комната словно поднимается и съ креномъ опускается, какъ судно на морѣ. Онъ швырнулъ въ уголъ „Тайное ученіе" и послалъ ему вдогонку ругательство.

Онъ совѣтуется съ библіотекаремъ публичной библіотеки: „А когда разговариваешь съ барышней, къ примѣру, съ миссъ Лиззи Смитъ, какъ надо говорить: „Миссъ Лиззи" или „Миссъ Смитъ?".

Онъ говоритъ самъ себѣ: „Мартинъ Иденъ, завтра первымъ дѣломъ сбѣгаешь въ библіотеку и почитаешь что-нибудь о вѣжливомъ обращеніи. Помни!"

Все это глубоко реально. Книги о „Свѣтскомъ обращеніи" раскупаются въ Америкѣ не только рабочими, но даже и „новыми богачами". У меня есть одна такая книжка. Тамъ помѣщенъ рядъ полезнѣйшихъ совѣтовъ. Дамамъ на званыхъ обѣдахъ не закладывать салфетку за воротъ декольте. Кавалерамъ не поднимать тарелку за одинъ край, чтобы вычерпать ложкой супъ до конца. Все это съ наглядными примѣрами, въ драматическихъ діалогахъ, съ прекрасными иллюстраціями.

Мартинъ Иденъ становится писателемъ, сперва неудачникомъ, какъ описано выше. Деньги у него всѣ вышли. Послѣднее платье заложено. Онъ нанимается подручнымъ при прачешной въ гостиницѣ курорта „Горячіе Ключи". Жалованья на двоихъ сто долларовъ при готовомъ содержаніи и комнатѣ. По нашему масштабу—княжеское вознагражденіе. Однако, на дѣлѣ, несмотря на обильную пищу и чистую комнату, работа въ прачешной хуже каторги, страшнѣе самаго ада.

Тутъ выступаетъ впередъ оборотная сторона американскаго рабочаго рынка—крайняя напряженность труда, о какой не имѣютъ понятія не только въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ. „Hurry up"!—„Торопись". Это лозунгъ фабричнаго и ремесленнаго міра, настойчивый ключъ въ устахъ заботливаго формана-надсмотрщика. Восемь часовъ такого напряженія стоятъ, пожалуй, нашихъ двѣнадцати. Оттого американскій рабочій, несмотря на сравнительно хорошія матеріальныя условія, такъ быстро изнашивается.

„Господа въ ослѣпительно бѣлыхъ костюмахъ прохлаждаются на верандѣ. А въ прачешной геенна огненная. Снаружи все обмерло подъ пылающимъ солнцемъ. А здѣсь обмирать не полагается. Гостямъ на верандѣ нужно чистое бѣлье".

Они работаютъ молча и яростно. Головы ихъ обвязаны тряпками въ защиту отъ ѣдкихъ химическихъ составовъ. Пьютъ воду въ огромномъ количествѣ, но она выходитъ тотчасъ же изо всѣхъ поръ кожи, какъ будто изъ выжатой губки.

Во вторникъ до десяти часовъ ночи, а въ четвергъ до одиннадцати. Наконецъ, наступаетъ отдыхъ въ три часа пополудни въ субботу. „Онъ лежалъ на спинѣ, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, даже газеты не могъ прочитать. Онъ былъ совершенно измученъ. Все, что было въ немъ богоподобнаго, затмилось. Шпоры его честолюбія притупились и жизненная чувствительность ослабѣла, и онъ уже не чувствовалъ ударовъ. Онъ былъ мертвъ, душа его была мертва".

А вотъ и леченіе: „Еще нѣсколько глотковъ виски—и онъ почувствовалъ, что черви возбужденія начинаютъ ползать въ его мозгу. Вотъ это опять жизнь, первое дыханіе жизни за три недѣли... Онъ выпилъ и ожилъ, а оживши увидѣлъ, что обращаетъ себя въ скотину не пьянствомъ, а работой. Пьянство это слѣдствіе, работа причина. Оно неизбѣжно приходитъ за работой, какъ ночь наступаетъ за днемъ"...

Въ тяжкомъ трудѣ и голодѣ подъ градомъ неудачъ выростаетъ изъ Идена писатель и мыслитель. Онъ не соціалистъ, хотя невѣжественные репортеры зовутъ его соціалистомъ. Онъ одинаково ненавидитъ рабовъ и господъ: „Десять милліоновъ изъ васъ, рабы, не имѣютъ ни теплаго крова, ни сытной ѣды. Два милліона вашихъ дѣтей томятся въ непосильной работѣ на фабрикахъ Соединенныхъ Штатовъ, этой олигархіи торгашей. Ибо васъ поработили не великіе, мужественные, благородные люди, а хитрые, похожіе на пауковъ, торгаши и ростовщики"...

Мнѣ задавали вопросъ, какимъ образомъ Мартинъ Иденъ въ такое короткое, сравнительно, время могъ превратиться изъ грубаго матроса въ писателя-художника и даже мыслителя, читать Спенсера, Конта.

Вмѣсто отвѣта можно указать, что даже мы въ Россіи были свидѣтелями подобныхъ превращеній. Въ Америкѣ, кромѣ того, образованіе распространено равномѣрнѣе, чѣмъ у насъ. Мартинъ Иденъ долженъ имѣть за собою курсъ хорошей четырехгодичной народной школы. Ибо всѣ американцы прошли сквозь нее. Можно напомнить еще Абрагама Линкольна, президента, который въ юности былъ дровосѣкомъ.

Наконецъ, Мартинъ Иденъ—художникъ и, если угодно, мыслитель, но никакъ не ученый. Его поклоненіе Спенсеру можетъ вызвать улыбку.

Глубокій соціальный скептицизмъ американца Джека Лондона особенно интересенъ, если его сопоставить съ великимъ поворотомъ, который происходитъ именно теперь въ судьбахъ другой половины англо-саксонской націи.

Я, впрочемъ, не увѣренъ, что можно говорить о поворотѣ. Пока обозначилась только стихійная сила нажима на руль. Ближе всѣхъ къ рукояткѣ стоитъ Ллойдъ Джорджъ, министръ англійской короны, государственный дѣятель XX вѣка, можетъ быть, первый изъ новой породы,

ибо до сихъ поръ такого еще не было.

Ллойдъ Джорджъ играетъ большую игру и, конечно, играетъ не только за Англію, но также за Европу, за бѣлую расу, за все человѣчество. Ибо прогрессъ человѣчества до сихъ поръ шелъ извилистымъ путемъ, все больше пробавлялся словесностью, но мало-по-малу онъ подошелъ къ перекрестку отъ сказки. Надо сворачивать влѣво или вправо, на востокъ или на западъ. Конь ли погибнетъ и всадникъ останется цѣлъ, или всадникъ слетитъ и разобьетъ голову о камни? Ллойдъ Джорджъ борется съ общественной рутиной и старается найти такой путь, чтобъ оба—и всадникъ, и конь—остались по возможности цѣлы. Не знаю, насколько это осуществимо.

Общее положеніе человѣчества странное, жуткое и съ каждымъ годомъ становится все напряженнѣе. Въ международной политикѣ мы видимъ все опредѣленнѣе встающую альтернативу: или ограниченіе разоруженій, или всемірная война.

Ибо то неустойчивое равновѣсіе, которое называется вооруженнымъ миромъ и составляетъ непрерывное соціальное чудо новѣйшаго времени, почти не можетъ держаться дальше по причинамъ экономическимъ и даже техническимъ и должно разрѣшиться кризисомъ.

Человѣчество, дѣйствительно, объединяется на почвѣ машинной культуры, желтыхъ газетъ и биржевыхъ спекуляцій. Отъ С.-Франциско до Токіо люди становятся братьями. Но братья не могутъ быть безразличными другъ къ другу. Должна вспыхнуть межъ ними братская любовь или братская ненависть.

Въ мірѣ соціальныхъ отношеній мы видимъ, напримѣръ, въ Германіи двѣ силы, приблизительно равныя. Военная Германія—и рабочая Германія. Обѣ онѣ организованы, существуютъ рядомъ и не смѣшиваются. Противно закону соціальнаго эндосмоса—онѣ мало проникаютъ другъ въ друга. Это совмѣстное существованіе двухъ организацій, различныхъ по принципу, не можетъ, однако, продолжаться вѣчно.

Мы видимъ во Франціи безпомощность парламентской демократіи, отсутствіе политическихъ вождей у народныхъ массъ. Или, еще хуже того, систематическій переходъ такихъ людей, какъ Мильеранъ и Бріанъ, въ ряды буржуазіи, которую они подкрѣпляютъ своими талантами; вмѣстѣ съ тѣмъ страшный ростъ ожёсточенія среди народа, заражающій даже крестьянъ на востокѣ и западѣ; ужасные взрывы слѣпого мщенія, какъ подвиги шайки Конно и товарищей. Общій приливъ соціальнаго нетерпѣнія ростетъ въ геометрической прогрессіи, по мѣрѣ того, какъ школьная грамотность и классовое самосознаніе расходятся шире и спускаются ниже, захватываютъ несчастные общественные отбросы, толпы соціальныхъ крысъ новѣйшаго времени, десятки тысячъ апашей, сотни тысячъ проститутокъ, „убійцу и блудницу“ зловѣщей формулы Достоевскаго.

И, съ другой стороны, наверху, въ правящихъ классахъ, въ отвѣтственныхъ политическихъ кругахъ, въ широкихъ

слояхъ буржуазіи и даже мѣщанской демократіи, не видно никакого стремленія итти съ дѣлами примиренія навстрѣчу этому ростущему натиску.

То-же прежнее стремленіе къ наживѣ и наслажденію и та-же слѣпая и грубая вѣра въ физическую силу штыковъ и полиціи и въ вѣчный гипнозъ громкихъ фразъ о свободѣ и равенствѣ, обращенныхъ къ ожесточенной толпѣ безработныхъ, стоящихъ „по ту сторону баррикады".

Литература, искусство, вся интеллектуальная сила человѣчества брезгливо отворачивается отъ этихъ сложныхъ и трудныхъ и грязныхъ соціальныхъ проблемъ. Въ противоположность развитію и росту демократіи—искусство становится утонченнѣе и аристократичнѣе, погружается въ сенсуализмъ, въ жуткій и печальный мистицизмъ и хмурится, какъ облако, которое бросаетъ на землю пророческую тѣнь и отсвѣтъ грядущаго ужаса.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Америка тоже является костью отъ кости и плотью отъ плоти Европы. Американская жизнь, несмотря на широкій просторъ и размахъ, не рождаетъ надежды на мирный компромиссъ и среднюю линію.

Джекъ Лондонъ—ярый противникъ буржуазнаго строя Америки. Онъ все ненавидитъ одинаково непримиримо: денежную олигархію и мѣщанскую демократію, учрежденія и массы, и отдѣльныхъ людей, мужчинъ и женщинъ и дѣвушекъ, эту „сѣрую моль изъ жалкой и затхлой среды, пропитанной предразсудками".

Мартинъ Иденъ погибаетъ только оттого, что влюбился въ буржуазную дѣвицу „со всѣми недостатками этого пошлаго слоя, съ умомъ, отмѣченнымъ безнадежною узостью мѣщанской психологіи".

— У васъ вкусъ дурной, —отчитываетъ его Бриссенденъ.—Ваша любовь—телячья любовь. Чего, ради самого Бога, хотите вы отъ этихъ мѣщанокъ? Бросьте ихъ! Вамъ нужны великія, свободныя души, блестящія бабочки, а не эти сухопарыя самки...

Предъ нами проходятъ вереницей лавочники съ глазами, какъ бусы, злые и подлые дома, холопски-угодливые въ лавкѣ; домашнія хозяйки, принявшія въ себя нѣчто отъ гнилыхъ овощей, мыльной воды и грязныхъ монетъ за прилавкомъ, и другія, побогаче, ложно художественныя, ложно романтичныя и ложно нарядныя; банкиры, надутые, какъ сычи; судьи, тупые, съ дешевыми мозгами; профессора съ раздвинутыми фалдами, похожіе на шутовъ. Все это трусливо и гнило, заражено разложеніемъ и страхомъ дѣйствительной жизни.

Красиво и естественно силою своего художественнаго провидѣнія Джекъ Лондонъ переходитъ отъ этой соціальной основы къ философско-этической оцѣнкѣ и жизни, и міра. Что такое жизнь? Зачѣмъ она существуетъ? Въ чемъ красота міра, цѣль и значеніе жизни? Это общій вопросъ, расчлененный на части. Джекъ Лондонъ ставитъ его снова и снова—и, отвѣчаетъ всегда и неизмѣнно одно: цѣль жизни — любовь, красота міра—любовь. Старая религія, самая древняя изъ всѣхъ,—любовь.

Не отвлеченный принципъ, не мисти-

ческое начало, не этическая заповѣдь.

Это живая любовь мужчины и женщины, которая начинается свѣтлою весеннею сказкой Амура и Психеи, а кончается брачною тайной.

Почему Джекъ Лондонъ считаетъ любовь цѣлью и осью жизни, красотой мірозданія,—онъ не объясняетъ. Но въ душѣ его и, кажется, въ самой крови и въ мозгѣ костей глубоко заложено сознаніе и чувство стихійнаго могущества и творчества любви.

Онъ описываетъ ее наивными красками и угловатыми чертами. Она выясняется у его героевъ безмолвно, въ движеніяхъ, въ жестахъ, въ невольныхъ объятіяхъ безъ словъ, безъ всякихъ изліяній.

Американское отношеніе къ женщинѣ сдѣлало эту любовь у мужчинъ рыцарски чистой и страстно преданной. Любовь—это высшая награда жизни мужчины. Онъ добивается ея медленно и очень осторожно, съ настойчивымъ терпѣніемъ индѣйца, съ упорствомъ звѣролова, выслѣживающаго бѣлку.

Это трогательно, часто—до смѣшного.

„Ея душевная и физическая чистота подѣйствовала на него такъ сильно, что онъ почувствовалъ потребность самому сдѣлаться чистымъ. Онъ долженъ этого достигнуть, чтобъ быть достойнымъ дышать однимъ воздухомъ съ нею.

„Онъ уже дѣйствовалъ зубною щеткой, теперь сталъ тереть пальцы кухонной щеткой. Потомъ купилъ щетку для ногтей, а кстати и напильникъ. Въ библіотекѣ онъ просмотрѣлъ книгу объ уходѣ за тѣломъ и сталъ по утрамъ обливаться холодной водой. Это вызвало негодованіе мистера Хиггинботама, который не сочувствовалъ нововведеніямъ и серьезно обсуждалъ вопросъ, не накинуть ли на Мартина плату за воду“.

Мужчина погружается въ любовь, какъ въ глубокую воду, сразу и безвозвратно, съ перваго взгляда пьянѣетъ. Мужчины Джека Лондона въ пустыняхъ Клондайка и въ городахъ Калифорніи всегда однолюбцы, пламенные навѣкъ. Женщины являются въ любви, напротивъ, пассивными гусынями, сѣрыми безкрылыми птицами, безкровными, бездушными, непостоянными.

Даже положительные женскіе типы—Дида Мейсонъ, Іоанна Лакландъ, Фрона Уэльзъ—очаровательны только въ роли Діаны. Когда онѣ превращаются въ Венеру, а тѣмъ болѣе въ Юнону, онѣ блекнутъ и теряютъ свою красоту и даже остроуміе.

Впрочемъ, догадливый авторъ своевременно ставитъ: finis.

Однако, въ двухъ наиболѣе значительныхъ романахъ Джека Лондона любовная драма кончается коллизіей и катастрофой.

Мартинъ Иденъ, разочаровавшись въ Руѳи, уходитъ изъ жизни одинъ въ Область Сумрака.

Послѣдняя часть этого романа представляетъ прекрасный образецъ художественнаго пессимизма.

Мартинъ Иденъ имѣетъ огромный успѣхъ. Онъ нагребъ цѣлый мѣшокъ золота и раздаетъ его съ княжеской щедростью. Репортеры осаждаютъ его. Сыплются приглашенія на обѣды, особенно назойливыя, какъ принято въ Америкѣ. Женщины преслѣдуютъ его.

Ибо портреты его помѣщаются всюду и пишущая братія расписываетъ его бронзовое лицо и шрамы, могучія плечи, ясные спокойные глаза и нѣсколько впалыя щеки, какъ у аскета.

А въ мозгу его словно похоронный звонъ. Ничто его не тѣшитъ. Онъ не можетъ и не хочетъ работать. „Кончена работа". Мысль эта стоитъ постоянно предъ нимъ и давитъ, какъ кошмаръ. Онъ кажется самъ себѣ призракомъ, никѣмъ и ничѣмъ. Былъ Мартинъ Сорви-голова, былъ Иденъ-Матросъ. То былъ реальный человѣкъ. То былъ онъ самъ. А знаменитый писатель Мартинъ Иденъ не существуетъ въ дѣйствительности. Это испареніе тысячи мозговъ, которое въ глазахъ толпы приняло образъ Мартина Сорви-головы и Матроса.

Тѣло его здорово, а душа смертельно больна. Женскія ласки не волнуютъ его крови. Въ немъ нѣтъ больше мѣста для желаній. Онъ устаетъ отъ людей и вещей и даже отъ природы.

Въ видѣ послѣдняго лекарства онъ бѣжитъ въ Полинезію. Но даже любимое южное море не привлекаетъ его. Солнце сверкаетъ слишкомъ ослѣпительно, пышная зелень рѣжетъ глаза. Вся жизнь раздражаетъ его, какъ яркій свѣтъ—больные глаза человѣка.

Потомъ, когда пароходъ Марипоза очутился подъ тропиками, онъ теряетъ способность сна и не знаетъ, что дѣлать. Онъ ходитъ по палубѣ до изнеможенія. Беретъ изъ библіотеки книги, журналы, стихи, но не можетъ читать.

Наконецъ, въ случайномъ томѣ Свинберна онъ встрѣчаетъ извѣстное стихотвореніе:

Кто-бъ ни былъ ты на небесахъ,
Благодаримъ тебя, Всесильный,
За то, что жизнь на срокъ дана,
А умираемъ мы навѣки,
И какъ ни тихо льются рѣки,
Вольются въ море...

Мартинъ Иденъ выбрасывается изъ иллюминатора въ воду. Рѣка его жизни излилась въ море и потонула навѣки.

Иламъ Гарнишъ въ „Сынѣ Свѣта" кончаетъ не столь трагически. Когда логика дѣловой конторы и требовательность денегъ заставляетъ его выбирать между биржевой игрой и Дидой Мейсонъ, онъ бросаетъ контору и объ руку съ Дидой уходитъ въ Сомомскую пустыню.

— Я люблю васъ, Иламъ, за то, что вы такой большой и глупый мальчикъ и такъ просто сломали свою тридцатимилліонную игрушку, которою вамъ надоѣло играть.

— Да,—отвѣчаетъ Иламъ,—я—вытираю свою грифельную доску начисто. Пусть проваливается, куда угодно. И такъ мы съ вами потеряли слишкомъ много времени для любви...

Контора, разумѣется, проваливается съ трескомъ. Милліоны пропали.

— Что-жъ — философски замѣчаетъ Иламъ,—человѣку нужна только одна постель.

Впрочемъ, въ качествѣ дѣлового человѣка Иламъ Гарнишъ укрѣпилъ предварительно за Дидой Мейсонъ Гленъ—Элленскую ферму. Притомъ же Сомомская пустыня—одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ уголковъ земли. Они увозятъ съ собой фортепіано и мебель. Иламъ Гарнишъ доитъ коровъ сообразно амери-

канскому раздѣленію труда. Она выкармливаетъ куръ.

«Цыпъ, цыпъ, цыпъ, цыпъ, цыпъ...
Цыпъ, цыпъ, цыпъ.

Она всегда такъ ихъ звала.
Сперва пять разъ, потомъ три раза"...

Все хорошо, что кончается хорошо. Въ болѣе суровомъ климатѣ при меньшей предусмотрительности опытъ этотъ могъ бы окончиться хуже.

Между прочимъ, Джекъ Лондонъ жестоко запутался въ изложеніи мотивовъ этого внезапнаго и рѣзкаго поворота. Въ иныя минуты Иламъ Гарнишъ вмѣсто протестанта и насмѣшника является просто „юбочникомъ", по выраженію автора. Но это ничего не значитъ. Полурастительная жизнь, въ которую онъ уходитъ изъ хищнаго міра, все-таки здоровая, крѣпкая, сочная жизнь.

Таково творчество молодого Джека Лондона. И въ общемъ, несмотря на сгущенныя яркія краски, оно производитъ все-таки жуткое впечатлѣніе. Этотъ пылкій здоровякъ Мартинъ Иденъ, этотъ могучій дикарь, одновременно похожій на Эолову арфу, все же, вступивъ за порогъ культурной среды, не можетъ не стать пессимистомъ.

„Ротъ у него былъ красивый. Но его полныя, чувственныя губы часто сжимались, что придавало его лицу суровое выраженіе. То были губы любовника и борца. Крѣпкая челюсть и твердый подбородокъ помогали имъ завоевывать жизнь".

И все-таки любовникъ и борецъ, обманутый жизнью вдвойнѣ, кончаетъ самоубійствомъ, не можетъ не кончить такъ.

Въ какіе же глухіе тупики зашли культура и общественная жизнь, если такіе полнокровные, крѣпкіе люди брезгливо отворачиваются даже отъ борьбы съ нею и уходятъ въ Долину Сумрака?

Въ этомъ отношеніи еще характернѣе эволюція Илама Гарниша, который постепенно изъ добродушнаго парня, героя Аляски, пышущаго силой и жизнью, становится хищнымъ и жестокимъ финансистомъ, поддерживаетъ свою трудоспособность алкоголемъ, втягивается въ пьянство, жирѣетъ, складываетъ ноги циркулемъ и ѣздитъ на автомобилѣ.

Гдѣ выходъ изъ этого запутаннаго лабиринта? Джекъ Лондонъ не указываетъ выхода и, вѣроятно, не видитъ. Ему не хватаетъ для этого простора умозрѣній, философскаго размаха, широкихъ обобщеній. И художественная сила его восpріятій еще не достаточно созрѣла.

Правда, въ романѣ „Желѣзная Пята" онъ обѣщаетъ намъ рай на землѣ, реально обставленный, черезъ семь столѣтій послѣ великой катастрофы,—но это такъ далеко, схематично и безплотно.

Все-таки, въ нѣдрахъ его здоровой и крѣпкой природы таится почти инстинктивное чувство побѣды на зло всему, сейчасъ же, сію минуту, ибо жизнь слишкомъ ярка и прекрасна, чтобъ можно было ждать до 27 вѣка.

Это чувство ярко сказалось у Илама Гарниша въ острый моментъ перелома.

— И я скажу вамъ еще кое что. Вчера я выпилъ свою послѣднюю рюмку виски. Вы выходите замужъ за человѣка, пропитаннаго алкоголемъ, но вашъ мужъ будетъ уже не такимъ. Пройдетъ мѣсяцъ—два, и вы въ одно прекрасное

утро проснетесь на своей фермѣ и увидите совершенно другого человѣка, съ которымъ вамъ придется знакомиться сызнова. Вы ему скажете: „Я миссисъ Гарнишъ, а вы кто такой?“ А онъ вамъ отвѣтитъ: „Я младшій братъ Илама Гарниша. Я только что пріѣхалъ изъ Аляски на похороны!“ „На какія похороны“,—спросите вы. „На похороны этого негоднаго бездѣльника и пьяницы, котораго звали „Сыномъ Свѣта“. Онъ день и ночь возился съ дѣлами и умеръ отъ ожирѣнія сердца. Впрочемъ, не огорчайтесь, мадамъ, я хочу занять его мѣсто и сдѣлать васъ счастливой. А теперь, если позволите, мадамъ, я пойду доить коровъ, а вы ужъ, будьте любезны, приготовьте завтракъ“.

„Онъ снова схватилъ ее въ объятія, поцѣловалъ и направился къ двери“.

Иламъ Гарнишъ уходитъ изъ цивилизованной жизни въ Сомомскую пустыню. Но если Иденъ ушелъ, какъ побѣжденный,—„Сынъ Свѣта“ уходитъ, какъ побѣдитель.

Онъ ушелъ, но, быть можетъ, онъ еще вернется обратно.

Танъ.

И. С. Тургеневъ и русская молодежь въ Гейдельбергѣ.

(1861—1862).

Это было въ 1859 г. Ситниковъ затащилъ Базарова и Аркадія Кирсанова въ гости къ Евдоксіи Кукшиной, которая казалась ему «замѣчательной натурой, émancipée въ истинномъ смыслѣ слова, передовой женщиной». На самомъ дѣлѣ, это была довольно глупая и довольно болтливая барынька — прямое порожденіе старой, помѣщичьей Россіи. У нея не было ничего общаго съ дѣвушками 60-хъ гг., о которыхъ Герценъ сказалъ: „Эта фаланга—сама революція, суровая въ 17 лѣтъ... огонь глазъ смягченъ очками, чтобы дать волю одному свѣту ума... sans crinolines идущія на смѣну sânculott'-амъ“... [1]) „Евдоксія“ была, дѣйствительно, „эмансипѐ“! Вся Россія въ эти годы „взяла одръ свой и ходила“; то, что многіе годы было придавлено надгробной плитой, вышло теперь на свѣтъ Божій; новая, молодая Россія, создавшаяся исподволь въ нѣдрахъ стараго строя, громко заявляла о своемъ существованіи и энергично требовала себѣ мѣста въ жизни.

Кукшина обрушилась на Ситникова за то, что онъ опять „сталъ хвалить Жоржъ Санда“.

— Отсталая женщина — и больше ничего! Какъ вовможно сравнить ее съ Эмерсономъ! Она никакихъ идей не имѣетъ ни о воспитаніи, ни о физіологіи, ни о чемъ. Она, я увѣрена, не слыхивала объ эмбріологіи, а въ наше время—какъ вы хотите безъ этого? (Евдоксія даже руки разставила)...

---

[1]) Герценъ. Собр. соч. (заграничн.), т. X, „Цвѣты Минервы“.

Москва, не говоря о родномъ городѣ, не нравилась Кукшиной:

— Ужъ я не знаю—тоже ужъ не то. Я думаю съѣздить заграницу; я въ прошломъ году уже совсѣмъ было собралась.

— Въ Парижъ, разумѣется?—спросилъ Базаровъ.

— Въ Парижъ и въ Гейдельбергъ.

— Зачѣмъ въ Гейдельбергъ?

— Помилуйте, тамъ Бунзенъ [1]).

Все здѣсь великолѣпно! Евдоксія Кукшина, какъ хорошій грамофонъ, воспроизвела въ этихъ немногихъ словахъ то, чѣмъ интересовалась тогда русская молодежь, и точно указала, куда стремились ея сердца.

Жоржъ Зандъ начинала казаться „отсталой": она не знала физіологіи и не слыхивала объ эмбріологіи, „а въ наше время—какъ вы хотите безъ этого!" Да, въ то время „безъ этого" было „нельзя". Живой свидѣтель и участникъ эпохи, И. И. Мечниковъ, въ своихъ „Этюдахъ оптимизма" и воспоминаніяхъ объ А. О. Ковалевскомъ, великолѣпно воспроизвелъ ту эпоху—конецъ 50-хъ, начало 60-хъ годовъ [2]). „Отчасти,—пишетъ онъ,—подъ вліяніемъ Бокля, высказавшаго ту мысль, что прогрессъ обусловливается болѣе всего успѣхами положительнаго знанія, молодежь съ особеннымъ рвеніемъ принялась за изученіе естественныхъ наукъ"...

[1]) Полн. собр. соч. И. С. Тургенева, т. II, 5-е изд., СПБ., 1911, с. 73—77 („Отцы и дѣти").

[2]) И. Мечниковъ: „Этюды оптимизма", М. 1907 г. предисловіе; его же: „А. О. Ковалевскій; Очеркъ изъ исторіи науки въ Россіи, „Вѣстн. Европы", 1902, кн. 12, с. 773—5.

На первомъ планѣ были „сочиненія по естествознанію, дававшія общій очеркъ тогдашнихъ воззрѣній на природу и жизнь. Между ними главное мѣсто занимала книжка Бюхнера „Kraft und Stoff", распространявшаяся не только среди студентовъ пятидесятыхъ годовъ, но проникшая также въ старшіе классы гимназій. Многіе начали изучать нѣмецкій языкъ для того, чтобы читать произведенія Бюхнера, Фохта и Молешотта въ подлинникѣ"... Гектографированные „подпольные" переводы этихъ сочиненій еще болѣе содѣйствовали распространенію позитивнаго и матеріалистическаго міросозерцанія, которое, казалось, было способно отвѣтить на всѣ вопросы, задаваемые молодежью. „Появленіе въ концѣ 50-хъ гг. сочиненія Дарвина „О происхожденіи видовъ" дало новый и очень значительный толчокъ въ томъ же направленіи. Объединяя человѣка съ животнымъ міромъ общностью происхожденія, Дарвинъ тѣмъ самымъ усилилъ надежду рѣшить проблему человѣческаго бытія при помощи изученія законовъ, управляющихъ живыми существами"...

Гейдельбергскій университетъ, старѣйшій въ Германіи (осн. въ 1386 г.), былъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ Европѣ. Здѣсь читали лекціи первоклассные естествоиспытатели этого времени: до 1854 г. Молешоттъ, имя котораго было у всѣхъ на устахъ, одинъ изъ столповъ тогдашняго матеріализма; молодой В. Вундтъ (1857—74); химикъ Р. Бунзенъ, физикъ Кирхгофъ, физіологъ Гельмгольцъ, зоологъ Броннъ, а также: математики—Эйзенлоръ и Канторъ, химики—

Кекуле и Эрленмейеръ; ботаники—І. А. Шмидтъ и Г. ф. - Голле, анатомы—Фр. Арнольдъ и Нунъ. Но не только естественно - историческое отдѣленіе философскаго факультета привлекало въ это время сюда молодежь со всѣхъ концовъ Европы. Здѣсь читалъ свои замѣчательныя лекціи по исторіи реформаціи и великой французской революціи пылкій и увлекательный Гейссеръ. Философскія науки, до вторичнаго появленія Куно Фишера, были представлены довольно слабо. На медицинскомъ—въ эту эпоху можно назвать В. Поссельта, Ц. Оппенгеймера, Н. Фридрейха. Но главная слава Гейдельберга,—до половины 50-хъ гг. единственная,—это былъ юридическій факультетъ. Еще читали въ это время и знаменитый криминалистъ Миттермайеръ, и не менѣе знаменитый пандектистъ Вангеровъ, и государствовѣдъ Р. ф.-Моль, смѣненный не менѣе знаменитымъ Блунчли, и цивилистъ Рено, и старики Цепфль и Россгиртъ.

„Новое направленіе,—разсказываетъ И. И. Мечниковъ,—захватило собою все, что было наиболѣе отзывчиваго и чуткаго среди молодого поколѣнія. Оно проникло не только въ гимназіи и университеты, гдѣ естествознаніе преподавалось систематически и болѣе или менѣе въ полномъ видѣ, но и въ такія учебныя заведенія, гдѣ мѣсто его было гораздо болѣе скромно. Въ Александровскомъ лицеѣ, куда поступали большею частью молодые люди изъ привиллегированнаго слоя, въ надеждѣ сдѣлать блестящую служебную карьеру, гдѣ занятіе изящной литературой вошло въ плоть и кровь и гдѣ на первомъ планѣ преподавались юридическія и историческія науки,—и тамъ образовался кружокъ молодежи, увлекшейся стремленіемъ къ положительному знанію. Нѣкоторые члены этого кружка бросили даже лицей, чтобы немедленно-же перейти къ занятіямъ естествознаніемъ. Такъ какъ большая часть лицеистовъ были люди съ матеріальными средствами, то многіе изъ нихъ, по выходѣ изъ лицея, уѣзжали прямо въ иностранные, главнымъ образомъ, нѣмецкіе университеты“ [1]) и — добавимъ мы—въ Гейдельбергъ.

Кружокъ, о которомъ говоритъ Мечниковъ, былъ чрезвычайно интереснымъ явленіемъ конца 50-хъ гг., показывающимъ, какъ глубокъ былъ захватъ общественнаго подъема этой эпохи. Позитивизмъ и матеріализмъ этой эпохи являлись лишь формою, въ которую выливалось отрицательное настроеніе демократической интеллигенціи, лишь фундаментомъ для обоснованія ея революціоннаго протеста противъ стараго общественнаго и государственнаго строя. И лицейскій кружокъ явился показателемъ глубины революціонныхъ настроеній части русскаго общества. Составъ и значеніе этого кружка еще никѣмъ не выяснены съ заслуживающею полнотою; ихъ можно установить лишь по отрывочнымъ замѣчаніямъ въ мемуарахъ и запискахъ. А, между тѣмъ, на фонѣ исторіи этого привиллегированнаго учебнаго заведенія кружокъ конца 50-хъ гг. является своеобразнымъ и, съ нашей точки зрѣнія, свѣтлымъ пятномъ.

Конечно, одни лицеисты заинтересова-

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1902, № 12, с. 774—5.

лись лишь естественными науками, не вдумываясь въ то, какое значеніе имѣло подобное увлеченіе въ ихъ эпоху. Такимъ былъ И. Г. Борщовъ, выпуска 1853 г., который сталъ впослѣдствіи профессоромъ. Въ эпоху своихъ увлеченій онъ видѣлся съ Герценомъ и очаровалъ его [1]). Нѣкоторое отношеніе къ кружку имѣли, вѣроятно, и бр. Николай и Александръ Серно-Соловьевичи. Несомнѣнно, были членами этого кружка баронъ Д. Ф. Стуартъ (вып. 1859 г.), впослѣдствіи директоръ государственнаго и петербургск. главнаго архива мин. ин. дѣлъ, и 4 человѣка изъ выпуска 60-гг.: Леон. Александр. Милорадовичъ, умершій въ 1908 г. почетнымъ опекуномъ, Яковъ Васильевичъ Сабуровъ, сенаторъ гражд. касс. департ., Александръ Павл. Баумгартенъ, умершій подольскимъ губернаторомъ въ началѣ 1900 г., наконецъ, Ник. Дм. Ножинъ, о которомъ въ Памятной книжкѣ лицея сказано кратко, но выразительно: „Умеръ". А, между тѣмъ, это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени, безвременно умершій въ 1866 г. всего лишь 23 лѣтъ отъ роду.

Одинъ изъ членовъ этого кружка, на запросъ мой, писалъ мнѣ о своемъ настроеніи въ 1861 г.: „Извѣстно, что огромное большинство молодыхъ людей въ началѣ 60-хъ гг. были „красные"; мы, гейдельбергскіе студенты (члены кружка и другіе) не составляли изъ этого исключенія: мы, почти поголовно, были соціалистами и даже коммунистами, мечтали объ обращеніи крестьянской общины въ фаланстеръ, ненавидѣли всей душой русское правительство, зачитывались „Колоколомъ", „Полярной Звѣздой", боготворили Герцена и т. д. Конечно, бывши студентами въ Гейдельбергѣ мы не могли и вообразить себѣ, чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ впослѣдствіи сдѣлаться не только флигель-адъютантомъ, какъ Платонъ Рокасовскій, но даже и вообще слугою „подлаго" правительства... Иначе мы тогда его и не называли. А между тѣмъ"... (Тутъ слѣдовало изложеніе дальнѣйшей служебной карьеры членовъ лицейскаго кружка).

Такимъ образомъ, даже тѣ, которые впослѣдствіи ушли по торной дорогѣ государственной службы, были увлечены въ 1860—61 гг. тѣмъ, что авторъ воспоминаній называетъ „превратными идеями". Изъ числа названныхъ лицъ Я. В. Сабуровъ и А. П. Баумгартенъ пріѣхали въ Гейдельбергъ въ апрѣлѣ, а Н. Д. Ножинъ въ іюнѣ 1861 г. Что касается Милорадовича, то онъ хотя и не былъ студентомъ, но зачислился въ министерство иностр. дѣлъ и, состоя при миссіи въ Штутгартѣ, съ дозволенія тамошняго посланника жилъ въ Гейдельбергѣ до 1863 г.

Ножинъ мало походилъ на своихъ лицейскихъ товарищей, даже уѣхавшихъ въ Гейдельбергъ. „Онъ еще на ученической скамьѣ пристрастился къ химіи, которую отправился изучать въ Гейдельбергъ къ Бунзену, а затѣмъ перебрался въ Тюбингенъ къ Вюрцу". По словамъ Л. И. Мечникова, Ножинъ „развиваться началъ очень поздно... За то, вмѣстѣ съ развитіемъ, въ немъ пробудилась

[1]) Лемке. „Очерки освободит. движенія 90-хъ гг.", 1907 г., с. 154.

болѣзненная жажда знанія, не того или другого, сухого, книжнаго, но знанія всесторонняго, полнаго, которое бы однимъ лучемъ озарило ему всю, нѣсколько туманную и незаконченную въ деталяхъ, картину общественнаго преобразованія, какъ-то внезапно зародившуюся въ его мозгу. „Окончивъ лицейскій курсъ, Ножинъ, къ величайшему негодованію матери и вотчима своего де-ла-Гарди, отказался отъ предлагаемой ему очень выгодной по лѣтамъ и по чину служебной должности. Съ кротостью мученика онъ перенесъ всѣ обрушившіяся на него гоненія, объявивъ скандализированной роднѣ, что жить, какъ живутъ они, позорно и преступно, что онъ скоро покажетъ и имъ, и Россіи, какъ именно слѣдуетъ жить и что надо дѣлать; но что для этого ему прежде еще надо немного доучиться... Едва ли не выгнанный изъ дому, лищенный всякихъ средствъ, онъ отправился въ Ниццу, гдѣ сталъ заниматься эмбріологіею и физіологіею, перебиваясь кое-какъ уроками, собирая въ то же время матеріалъ для всесторонняго соціологическаго трактата, пополняя съ судорожною торопливостью многочисленные, преимущественно политическіе, пробѣлы своего воспитанія... Вскорѣ онъ заболѣлъ“... Помогъ ему лицейскій товарищъ бар. Стуартъ, который тоже, уступая теченію времени, занимался физіологіей и былъ радъ помощи Ножина въ этой области. [1])

[1]) „Истор. Вѣстн.“ 1897, т. LXVII, мартъ с. 818. Левъ Мечниковъ. „М. А. Бакунинъ въ Италіи въ 1864 г.“

Левъ Ил. Мечниковъ встрѣтилъ Ножина и Стуарта въ 1864 г. во Флоренціи, гдѣ тогда жила небольшая русская колонія съ М. А. Бакунинымъ въ главѣ. Ножину въ то время было уже около 22 л., но онъ производилъ, съ внѣшней стороны, впечатлѣніе пятнадцатилѣтняго. По словамъ Мечникова, „въ манерахъ и въ одеждѣ онъ доводилъ до смѣшныхъ крайностей замашки моднаго тогда вывѣсочнаго нигилизма“. Н. К. Михайловскій, встрѣтившійся съ нимъ въ 1866 г., говоритъ о Ножинѣ: „Представьте себѣ молодого человѣка, лѣтъ 24—5, средняго роста, очень худого, чуть-чуть сутулаго, съ узкими и низенькими плечами, съ волосами сѣропепельнаго цвѣта, жидкими и мягкими, такого же цвѣта маленькими усами и едва пробивающейся бороденкой, длиннымъ носомъ и неопредѣленнымъ цвѣтомъ лица... Глаза у него были голубые и поражали по временамъ необыкновенною живостью и блескомъ, а по временамъ такою упорною сосредоточенностью, что она казалась почти тупостью. Верхняя губа тоже была характерная: средній выгибъ ея выдавался треугольникомъ, который крѣпко, точно замкомъ запиралъ, ложился на нижнюю губу... Одѣвался онъ ни на что не похоже. Все время, что я его зналъ, онъ лѣто и зиму носилъ одну и ту же трепанную и засаленную шотландскую шапочку безъ подкладки и клѣтчатый, черный съ зеленымъ, пледъ“ [1]).

Левъ Мечниковъ вспоминаетъ характерную черту Ножина, сближавшую его съ

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. IV, изд. 2-е, с. 259—60 „Въ перемежку“ (1876—77 г.).

Бѣлинскимъ. Услышавши однажды ночью звонокъ, Мечниковъ подумалъ, „не Ножинъ ли додумался до какого-нибудь соціологическаго сомнѣнія и пришелъ оповѣстить. Съ нимъ это случалось не разъ, и различія въ часахъ онъ не соблюдалъ“... [1])

Это былъ „человѣкъ брызжущаго ума, сверкающей фантазіи, огромныхъ способностей къ труду и обширныхъ знаній (по біологіи),“—такъ охарактеризовалъ его Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ [2]). А описывая его въ 70-хъ гг. подъ именемъ Бухарцева [3]), Михайловскій говорилъ о Ножинѣ: „Способностей онъ былъ поистинѣ громадныхъ. Никогда не встрѣчалъ я такой силы анализа, такой способности къ обобщенію, такого быстраго усвоенія фактическаго матеріала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполнѣ трезво и сознательно: Бухарцевъ былъ геніальный умъ“... И, цитируя далѣе стихи Некрасова:

Какой свѣтильникъ разума погасъ,
Какое сердце биться перестало!—

Михайловскій добавлялъ: „Да, и сердце перестало биться великое... Я, признаться, не понималъ, какъ можно было не любить эту чистую и изумительно богатую натуру, эту дѣтски наивную душу“... И Михайловскій называлъ его, въ заключеніе, „незабвеннымъ другомъ-учителемъ“! [1])

Я могъ-бы добавить, что на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался, Ножинъ производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе,—на Михайловскаго, М. А. Бакунина, Л. И. Мечникова, на лицейскихъ товарищей. Н. С. Курочкинъ (братъ поэта В. С. Курочкина), издатель „Книжнаго Вѣстника“, гдѣ Михайловскій и Ножинъ начали свою литературную дѣятельность, благоговѣлъ предъ Ножинымъ. А, между тѣмъ, никто еще не собралъ матеріаловъ для біографіи этого замѣчательнаго человѣка, „революціонера изъ привиллегированной среды“, имя котораго должно быть извѣстно наравнѣ съ именами бр. Николая и Александра Серно-Соловьевичъ.

Я потому остановился на Ножинѣ нѣсколько дольше, что онъ, въ моихъ глазахъ, является наиболѣе характернымъ представителемъ того теченія, которое получило названіе нигилизма. Человѣкъ изъ привиллегированной среды, Ножинъ воспринялъ наиболѣе яркія черты — положительныя и отрицательныя, отличавшія представителей т. н. „молодого поколѣнія“ 60-хъ гг. Это имя, обычно присваиваемое тогдашней молодежи (въ частности, учащейся), принадлежало болѣе широкой группѣ: рево-

[1]) Л. Мечниковъ, цит. соч., с. 823.

[2]) Н. К. Михайловскій „Литература и жизнь“, Письма о разныхъ разностяхъ. Спб. 1892. „Изъ литер. воспоминаній и текущей жизни“, с. 303.

[3]) Ножинъ умеръ наканунѣ каракозовскаго выстрѣла, и имя его упоминалось въ одномъ изъ первыхъ правительственныхъ сообщеній о слѣдствіи. Былъ-ли онъ замѣшанъ -мы не знаемъ. Вѣрнѣе, образъ мыслей его, достаточно извѣстный, навлекъ-бы на него гоненія послѣ 4 апр. 1866 г. Понятно, почему Н. К. Михайловскій вывелъ его подъ псевдонимомъ Бухарцева. Это было въ 1876 г., когда назвать его прямо было еще неудобно.

[1]) Сочиненія, т. IV, изд. 2, с. 260, 261, 263, 264.

люціонно-демократической разночинной интеллигенціи. Ножинъ не такъ долго былъ въ Гейдельбергѣ. Но, и уѣхавши въ одинъ изъ сосѣднихъ университетскихъ городовъ южной Германіи, онъ продолжалъ сохранять вліяніе на своихъ товарищей [1]).

Лицеисты, пріѣхавшіе въ 1861 г., застали здѣсь цѣлый рядъ студентовъ изъ Россіи—поляковъ и русскихъ.

Занятые подготовкой національно-освободительнаго движенія, студенты-поляки сравнительно мало имѣли общенія съ русскими. Членъ лицейскаго кружка, о которомъ я уже упоминалъ, сообщалъ мнѣ, что онъ встрѣтился съ поляками впервые на томъ обѣдѣ, который гейдельбергская русская колонія давала сыну А. И. Герцена. „Между ними оказалось нѣсколько интересныхъ личностей, съ которыми мы и продолжали сношенія. Помню изъ нихъ двоихъ Жебровскихъ, однофамильцевъ... Одинъ изъ нихъ былъ демократъ по убѣжденіямъ, ходилъ въ какой-то національной сермягѣ и довольно часто посѣщалъ наше общество, говоря, однако, всегда по-польски; хотя мы и не знали этого языка, но онъ говорилъ какъ-то очень вразумительно, такъ что бесѣда велась безъ затрудненія"...

Другой современникъ, пр. А. И. Воейковъ, сообщилъ мнѣ слѣдующее: Ему и брату его (Дм. И.) не нравилась дѣятельность Герцена, особенно въ польскомъ вопросѣ, а равно и игнорированіе имъ поправокъ къ сообщеніямъ „Колокола". Не нравились и „герценисты", поклонники Герцена. „Очень непріятно подѣйствовало съ самаго начала то, что случилось со студ. Олевинскимъ. Это былъ полякъ, очень симпатичный человѣкъ, который болѣе дружилъ съ русскими, чѣмъ съ поляками. Соотечественники его были недовольны и распространяли про него нелѣпые слухи, а герценисты, сначала дружившіе съ нимъ, тоже отъ него отвернулись. Кончилось тѣмъ, что онъ отравился ціанистымъ каліемъ"... „По поводу отношеній къ полякамъ,—продолжаетъ А. М. Воейковъ,—замѣчу, что мы были знакомы съ многими изъ нихъ, но близки только съ однимъ Залѣсскимъ. Герценисты же демонстративно ухаживали за поляками". По мнѣнію А. И., они даже „подличали предъ ними, и, въ результатѣ, поляки болѣе уважали насъ, чѣмъ герценистовъ". Мы не знаемъ, уважали-ли поляки русскихъ націоналистовъ, но съ „герценистами" у нихъ, несомнѣнно, налаживались дружба и довѣріе, раздавленныя въ 1863 году.

Въ концѣ 1861 г. новая волна нахлынула изъ Россіи, и ряды русской молодежи сильно пополнились. Причиною этого наплыва были студенческіе „безпорядки" 1861 г., разразившіеся особенно бурно въ Петербургѣ и Москвѣ,

[1]) Л. И. Мечниковъ сообщаетъ о томъ, что Ножинъ перевелъ чрезвычайно интересную брошюру Фрица Мюллера „Für Darwin" (Въ защиту Дарвина), 1864 г., которая легла въ основаніе работъ знаменитаго ученаго А. О Ковалевскаго. Работы самого Ножина въ свое время упоминались наравнѣ съ работами Фрица Мюллера и Геккеля. Напечатать въ Россіи успѣлъ онъ лишь одну работу (по нѣм.) въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ. Въ „Книж. Вѣстникѣ" 1866 г. (№ 1, 2, 3 и 6) напечатана блестящая статья Ножина „Наша наука и ученые" и критика на кн. Кленке.

но захватившіе также Казань, Кіевъ, Харьковъ. Эти безпорядки явились отвѣтомъ студенчества на попытку реакціи отнять у него создавшіяся въ 1856—61 гг. университетскія вольности и преградить демократіи доступъ къ наукѣ [1]). Въ Москвѣ было произведено охотнорядцами избіеніе студентовъ, шедшихъ подать ген.-губернатору петицію на Высочайшее имя; въ Петербургѣ демонстраціи закончились заключеніемъ сотенъ студентовъ въ Петропавловскую крѣпость и Кронштадтскія арестантскія роты. Петербургскій университетъ закрылся на 2 года, и масса молодежи была выброшена на улицу. Критикуя въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) дѣятельность университетской полиціи въ началѣ 60-хъ гг. и закрытіе университетовъ, какъ мѣру воздѣйствія на молодежь, Н. И. Пироговъ коснулся и своей жизни въ Гейдельбергѣ.

„Изгнанные студенты,—писалъ онъ,—массами отправлялись въ заграничные университеты и тамъ, озлобленные, подчинялись еще болѣе вліянію пропагандистовъ коммунизма, революціи и насилія. Я видѣлъ и слышалъ эту несчастную молодежь, боготворившую Герцена и Бакунина за неимѣніемъ къ почитанію ничего лучшаго. Надо было поговорить тогда съ каждымъ изъ этихъ невольныхъ изгнанниковъ, чтобы составить себѣ понятіе о той массѣ горечи и злобы, которая успѣла накопиться въ сердцахъ несчастныхъ юношей. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, теперь [1]) уже важный человѣкъ, засаженный послѣ университетской демонстраціи со многими другими студентами въ крѣпость, разсказывалъ мнѣ потомъ (въ Гейдельбергѣ) о своихъ страданіяхъ съ такимъ волненіемъ, что голосъ его дрожалъ, глаза сверкали, и пальцы судорожно сгибались; онъ, сидя въ крѣпости, занемогъ тифомъ, и правительство, несмотря ни на какія просьбы и заступничество его родныхъ и знакомыхъ, не дозволило его перевести въ клинику“...

Этотъ студентъ былъ Ник. А. Неклюдовъ, руководитель безпорядковъ въ Петербургѣ. Впослѣдствіи онъ умеръ товарищемъ министра вн. дѣлъ и—иронія судьбы!—тѣло его вынесено было изъ зданія департамента полиціи. Но въ то время онъ былъ однимъ изъ студентовъ, пріѣхавшихъ въ Гейдельбергъ—искать пріюта на чужбинѣ. Еще шли безпорядки, а уже многіе потянулись изъ Россіи заграницу. Среди нихъ были братья Воейковы, Александръ и Дмитрій Ивановичи, не пожелавшіе взять матрикулы (въ которыхъ были напечатаны правила объ уничтоженіи студенческой кассы, сходокъ, представительства и т. д.). Выѣхать было нелегко, такъ какъ для несовершеннолѣтнихъ нужно было особое разрѣшеніе полиціи, которая, въ виду студенческихъ безпорядковъ, была очень подозрительна. „Помогла случайность,—сообщаетъ А. И.

[1]) О характерѣ движенія и причинахъ его см.: С. Г. Сватиковъ „Студенческое движеніе 1869 г.,“ гл. I, въ историческомъ сборникѣ „Наша Страна“, СПБ. 1907 г., № 1; статьи Ашевскаго въ „Совр. Мірѣ“ за 1906 г.: „Матеріалы для исторіи гоненія на студ. при Ал. II“ и др.

[2]) Сочиненія Н. И. Пирогова, т. II, изд. Пирогов. О-ва, Кіевъ. 1910, с. 275 и 276.

[1]) Записано 4 марта 1881 г. Повидимому, рѣчь идетъ о Неклюдовѣ.

Воейковъ, здравствующій и понынѣ профессоръ СПБ. унив.—Брату попалась какая-то старая газета, въ которой было напечатано Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Молодые люди купеческаго сословія могутъ отправляться заграницу для изученія бухгалтеріи, не испрашивая на то особаго разрѣшенія". Такъ какъ въ купцы могли приписаться и лица другихъ сословій, то братья Воейковы зачислились въ 3-ю гильдію и получили заграничные паспорта, гдѣ А. И. числился дворяниномъ и купцомъ 3-ей гильдіи, а Д. И. дворяниномъ и купеческимъ братомъ. Нѣмцы не мало потѣшались надъ этимъ титуломъ: „Edelmann ùnd Kaufmannsbruder".

Среди московскихъ студентовъ, явившихся послѣ безпорядковъ, были Александръ Ал. Нарышкинъ (нынѣ чл. Гос. Сов. по выборамъ), гр. В. Тизенгаузенъ (умершій сенаторомъ въ 1907 г.), П. А. Капнистъ, впослѣдствіи графъ и попечитель моск. учебнаго округа. „Пріѣздъ этихъ „москвичей",—вспоминаетъ членъ лицейскаго кружка,—которыхъ мы не очень охотно приняли въ свою среду, произвелъ въ послѣдней нѣкоторый разладъ". Дѣло въ томъ, что многіе „москвичи" не подходили къ тому радикальному настроенію, которое переживали гейдельбергскіе студенты, въ томъ числѣ и „лицеисты"; они оказались на тогдашній взглядъ гейдельбержцевъ консерваторами, не „черносотенцами" современнаго типа, но все же правѣе общей позиціи гейдельбержцевъ. Нѣкоторые, однако, въ томъ числѣ Баумгартенъ, стали склоняться къ воззрѣніямъ новопріѣзжихъ. На этой почвѣ лѣтомъ 1862 г. разыгрался инцидентъ, едва не окончившійся дуэлью. Вслѣдъ за Баумгартеномъ сблизился съ „москвичами" и радикалъ П. Якоби, другъ Баумгартена. Владиміръ Бакстъ, которому такое сближеніе Якоби съ „консерваторами" показалось „измѣною честнымъ убѣжденіямъ", отписалъ объ этомъ въ Тюбингенъ Ножину (уже перешедшему туда) и отвѣтъ послѣдняго, начинавшійся словами: „какъ жаль, что Якоби такъ низко палъ", вздумалъ читать вслухъ, на обѣдѣ въ ресторанѣ „Веттенштейна" на Anlage, въ присутствіи какъ самого Якоби, такъ и другихъ студентовъ. И лишь съ трудомъ удалось подавить начинавшуюся ссору. Этотъ инцидентъ показываетъ, какъ цѣнилось въ Гейдельбергѣ мнѣніе Ножина и въ чемъ иногда выражался „радикализмъ" тогдашнихъ русскихъ студентовъ въ Гейдельбергѣ.

Въ это же время явилась въ Гейдельбергъ оригинальная пара: это были юный баронъ Платонъ Рокасовскій, только что окончившій пажескій корпусъ, сынъ финляндскаго генералъ-губернатора, уѣхавшій учиться въ Гейдельбергъ подъ вліяніемъ своего репетитора и отказавшійся отъ военной службы, и его бывшій репетиторъ, нѣкій Николай Владимировъ.

Изъ десятковъ русскихъ студентовъ, прошедшихъ въ это время черезъ Гейдельбергъ, Владимировъ былъ чуть-ли не единственнымъ, получившимъ званіе доктора философіи. Это было знаменіе времени: военные бросали службу и ѣхали учиться или уходили на поприще литературы. Я не буду говорить

объ офицерахъ, слушателяхъ университета эпохи безпорядковъ 1861 г.,—о Мих. И. Семевскомъ и его товарищахъ въ Петербургѣ. Ограничусь напоминаніемъ именъ того же П. Якоби, Случевскаго, С. В. де-Роберти (1863 г.).

Въ февралѣ 1862 г., разсказываетъ А. И. Воейковъ, стали прибывать т. н. „кронштадтскіе узники". Ихъ пріѣхало человѣкъ 30—40 изъ тѣхъ слишкомъ двухсотъ чел., которые были арестованы 12 окт. 1861 г. передъ университетомъ въ Петербургѣ и два мѣсяца просидѣли въ Кронштадтѣ и Петропавловской крѣпости. Изъ словъ Пирогова мы видѣли уже, каково было ихъ настроеніе. Возбужденные пережитою борьбою, они не могли успокоиться въ тихомъ Гейдельбергѣ. Къ тому же здѣсь они имѣли возможность свободно читать правду о Россіи въ „Колоколѣ", „Полярной Звѣздѣ" и др. изданіяхъ. Естественно, что далеко не всѣ изъ нихъ, охваченные волненіемъ борьбы, могли втянуться въ слушаніе лекцій. Все происходившее на родинѣ живо и горячо обсуждалось молодежью; малѣйшій диссонансъ съ ея настроеніемъ казался ей измѣной дѣлу свободы. А. И. Воейковъ, вообще консервативно настроенный, отрицательно относится къ этой революціонной молодежи. „Благодаря ей,—говоритъ онъ,—русскіе гейдельбержцы 60-хъ гг. прослыли лѣнтяями и бездѣльниками, что отразилось не только на слухахъ, но и въ литературѣ („Дымъ" Тургенева и „Некуда" или „На ножахъ" Лѣскова [1])".

[1]) Кстати замѣтить: ни въ томъ, ни въ другомъ произведеніи Лѣскова Гейдельбергъ не упомянутъ ни словомъ.

Понятное дѣло, что мы не можемъ согласиться съ этой оцѣнкой А. И. Воейкова. Равнымъ образомъ, и И. С. Тургеневъ въ „Дымѣ" впалъ въ ошибку, вполнѣ объясняемую обстоятельствами [1]).

Дѣятельность радикальной части русскаго студенчества выразилась, между прочимъ, въ изданіи революціонной литературы и въ нѣсколькихъ демонстраціяхъ (обѣдъ въ честь сына А. И. Герцена—Александра Александровича; кошачій концертъ бывшему мин. нар. пр. гр. Путятину, разгромившему университеты; вызовъ на судъ И. С. Тургенева за его „Отцовъ и дѣтей"). Въ началѣ 1862 г. вышли въ Гейдельбергѣ у Банеля и Шмидта „Летучіе Листки" № 1, 1862 г. Второй и послѣдующіе №№ не вышли, и первый № составляетъ большую рѣдкость. Въ немъ были напеча-

[1]) Интересно здѣсь также привести тираду изъ заграничнаго русскаго органа конца 70-хъ гг., конституціоннаго „Общаго Дѣла", о началѣ 60-хъ гг., довольно ядовитую въ отношеніи гейдельбергскихъ радикаловъ: „Въ самомъ началѣ 60-хъ гг., когда затѣвалось столько дѣлъ великихъ и малыхъ, геройскихъ и смѣхотворныхъ, когда покойный генералъ Мирославскій готовилъ борцовъ польскаго возстанія, когда Герценъ будилъ „Колоколомъ" всю Россію, когда юноши переносили свободное слово въ Петербургъ и выпускали энергическіе листки „Великорусса",—другіе, болѣе благоразумные юноши, показывали кукишъ въ Гейдельбергѣ, а Евгенія Туръ мечтала съ г. Тургеневымъ о конституціи въ Россіи..." („Общ. Дѣло", № 20, с. 9). Намъ кажется, что авторъ совершенно не правъ. „Показывать кукишъ" въ Гейдельбергѣ было не менѣе опасно, чѣмъ работать въ Россіи. Да и что значитъ „показывать кукишъ"?! Гейдельбергъ былъ тогда революціоннымъ центромъ—единственнымъ, если не считать Лондона.

таны слѣдующія прокламаціи: I. „Великоруссъ" № 1; II. Отвѣтъ „Великоруссу"; III. Отвѣтъ на отвѣтъ „Великоруссу" Огарева; IV. „Великоруссъ", № 2; V. Къ молодому поколѣнію; VI. „Великоруссъ" № 3. Въ предисловіи говорилось: „Подъ нумер. I, IV, V, VI перепечатываемъ мы летучіе листки, изданные въ Петербургѣ,—первый въ началѣ августа, второй и третій—въ теченіе сентября, а послѣдній—въ ноябрѣ нынѣшняго года. Значеніе этихъ листковъ при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи такъ важно, что повтореніе ихъ не нуждается въ оговоркѣ. „Отвѣтъ Великоруссу" и „Отвѣтъ на отвѣтъ", которые служатъ имъ дополненіемъ, мы прибавили для тѣхъ, у кого нѣтъ подъ руками „Колокола" (1 дек. 1861 г.)". Теперь уже можно сказать, что издателями этихъ „Листковъ" были Влад. Игн. Бакстъ и гейдельбергскіе „герценисты". Въ томъ же 1862 г. вышла въ Гейдельбергѣ книга Фейербаха „Сущность религіи" въ перев. Ѳедоровскаго (псевдонимъ).

О пріѣздѣ Герцена-сына въ Гейдельбергъ сохранились любопытныя воспоминанія Дм. И. Воейкова (въ чрезвычайно рѣдкой лейпцигской брошюрѣ 1879 г. подъ названіемъ „Земство и призывъ правительства къ борьбѣ съ революціонной пропагандой". Земскаго гласнаго Д. В.). Въ этихъ воспоминаніяхъ [1]), желая доказать правительству 1879 г., „какъ разрушительныя анархическія идеи и стремленія уступаютъ мѣсто болѣе правильнымъ, спокойнымъ мнѣніямъ, когда борьба происходитъ общественная—безъ неловкихъ вмѣшательствъ произвольной власти", Дм. Ив. разсказывалъ о Гейдельбергѣ 60-хъ. гг.: „Въ 1861 г. Гейдельбергъ былъ набитъ яркими приверженцами лондонскихъ эмигрантовъ. Гейдельбергская колонія пользовалась особымъ благоволеніемъ лондонскихъ вождей, изданія ихъ высылались даромъ въ русскую читальню, которая должна была служить органомъ новопріѣзжихъ"... „Въ Гейдельбергъ былъ командированъ сынъ Герцена, которому былъ устроенъ торжественный обѣдъ человѣкъ на сто"... Дм. Ив. Воейковъ видѣлъ справедливо въ этой посылкѣ А. А. Герцена въ Гейдельбергъ знакъ особаго вниманія Герцена и Огарева къ Гейдельбергской колоніи.

О томъ же разсказывалъ впослѣдствіи и Н. И. Пироговъ, вспоминая въ 1881 г. начало 60-хъ гг., когда онъ былъ попечителемъ, и потомъ (съ 1862 г.) время, когда „жилъ въ Гейдельбергѣ, куда стекалось много студентовъ послѣ закрытія петербургскаго университета"... Я былъ свидѣтелемъ многихъ курьезныхъ вещей,—замѣчалъ далѣе Н. И.:—Лондонъ сдѣлался Іерусалимомъ не только для русской молодежи, но и для людей серьезныхъ, чуть не государственныхъ. Многіе ѣхали туда, а многіе возвращались оттуда черезъ Гейдельбергъ"... [1])

Что касается пріѣзда въ Гейдельбергъ А. А. Герцена, то Н. И., несомнѣнно, перепуталъ отца съ сыномъ и, въ запискахъ 1881 г., увѣрялъ, что „самъ Гер-

[1]) Принадлежность ихъ Дм. Ив. была ясна для насъ давно. Ал. Ив. Воейковъ подтвердилъ намъ авторство брата.

[1]) Соч. Н. И. Пирогова. т. II, изд. Пироговск. т-ва, Кіевъ, с. 1910, 299—300

ценъ пріѣзжалъ нарочно въ Гейдельбергъ, гдѣ ему наши давали обѣдъ (это было еще до моего пріѣзда). Что разсказывали паломники объ ихъ искупителѣ, то теперь мнѣ кажется чѣмъ-то изъ тысячи и одной ночи. Одинъ изъ пріѣзжихъ разсказывалъ мнѣ, что какой-то хохломанъ убѣждалъ Герцена: „Александръ Ивановичъ, сжальтесь, возьмите себѣ Малороссію", а Герценъ отвѣчалъ прехладнокровно: „подождите, любезнѣйшій, подождите"...

И. С. Тургеневъ все время былъ въ курсѣ гейдельбергской жизни. Этому способствовали: и пребываніе его неподалеку, въ Баденъ-Баденѣ, и знакомства въ самомъ Гейдельбергѣ, и дѣловыя поѣздки туда, и наѣзды многихъ гейдельбержцевъ въ Баденъ. 25-го янв. 1862 г. онъ писалъ А. И. Герцену: „Дошли до меня слухи объ оваціяхъ, дѣлаемыхъ твоему сыну русской молодежью въ Гейдельбергѣ и Карлсруэ. Я порадовался за тебя, за твоего сына, а главное за русскую молодежь. C'est un signe des temps"... [1])

Въ то время проживала въ Гейдельбергѣ Н. А. Марковичъ (писательница Марко-Вовчокъ), съ которой Тургеневъ поддерживалъ въ это время усиленную переписку. Она освѣдомляла его обо всемъ, что дѣлалось и говорилось въ Гейдельбергѣ. 29 іюня 1860 г. (изъ Содена) Тургеневъ спрашивалъ ее, „все-ли она нашла въ порядкѣ въ Гейдельбергѣ"... „Напомните также Гофману обо мнѣ,— добавлялъ И. С., — я когда-то бралъ у него уроки въ греческомъ языкѣ". Гофманъ былъ въ то время содержателемъ извѣстнаго пансіона въ Гейдельбергѣ (для подростковъ), но у него жили и взрослые, и домъ его въ это время былъ однимъ изъ центровъ русской колоніи.

[1]) „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Т. къ Герцену и Огареву". Женева 1892, письмо XXXVII.

Повидимому, отъ Марко-Вовчокъ получилъ свѣдѣнія И. С. Тургеневъ, писавшій съ раздраженіемъ А. И. Герцену (изъ Парижа, 4 ноября 1860 г.): „Повидимому, Гейдельбергъ отличается сочиненіемъ сплетней: про меня тамъ говорятъ, что я держу у себя насильно крѣпостную любовницу и что г-жа Бичеръ-Стоу (!) меня въ этомъ публично упрекала, а я ее выругалъ. Тоже eine schöne Gegenh!"... заканчивалъ Тургеневъ раздраженно [1]). Впослѣдствіи, И. С. этотъ эпизодъ вставилъ въ „Дымъ", вложивши разсказъ о томъ, какъ Бичеръ-Стоу дала пощечину Тентелееву (читай Тургеневу), въ уста „почтенной Матрены Семеновны Суханчиковой". „Не предавайтесь слишкомъ вліянію польскаго элемента,—писалъ И. С. въ Гейдельбергъ (изъ Куртавнеля, 21 іюля 1860 г.) Марко Вовчокъ.—А что письма изъ Гейдельберга не могутъ быть не грустными для Васъ при теперешнихъ обстоятельствахъ,—утѣшалъ онъ ее (17 сент. 1860, изъ Куртавнеля),—это тоже въ порядкѣ вещей. Погодите, перемелется, мука будетъ"... [2]) 10 іюня

[1]) „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Т. къ Герцену и Огареву, Съ об. прим. М. Драгоманова, Génève „1892, с. 130, пис. XXVII.

[2]) Ср. у Батуринскаго „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые". СПБ., 1904, с. 94 и др.

1862 г. (изъ села Спасскаго) онъ писалъ ей: „Я ничего не писалъ, да и вообще мнѣ сдается, что литературная жила во мнѣ изсякаетъ: едва-ли мнѣ опять скоро придется предстать на судъ критики и публики, съ меня довольно треска и грохота, возбужденнаго О(тцами) и Д(ѣтьми). Я Вамъ когда-нибудь разскажу, если не забуду, всѣ впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ послѣдняго моего пребыванія въ Россіи, какъ меня били руки, которыя я бы хотѣлъ пожать, и ласкали руки другія, отъ которыхъ я бы бѣжалъ за тридевять земель“...

Собственно говоря, еще никто не подвелъ итоговъ всему тому, что писалось и говорилось объ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Появленіе этого романа [1]) вызвало бурю, въ которой смѣшались друзья, враги, реакціонеры, радикалы... Гейдельбергъ, отражавшій на чужбинѣ русское общество, не могъ не взволноваться. Фигура Базарова, въ которой было столько чертъ, симпатичныхъ молодежи, была, однако, очерчена такъ, что можно было сильно сомнѣваться въ сочувствіи автора этому герою романа. Имя Базарова было у всѣхъ на устахъ: о немъ, о его значеніи, объ отношеніи къ нему Тургенева шли горячіе споры. И, именно, эта сторона романа обратила на себя вниманіе русской молодежи въ Гейдельбергѣ. Но Гейдельбергъ былъ спеціально задѣтъ въ романѣ. „И Кукшина попала заграницу,—писалъ Тургеневъ въ эпилогѣ „Отцовъ и дѣтей“...—Она теперь

[1]) Романъ былъ напечатанъ въ февр. кн. „Русс. Вѣстника“ за 1862 г.

въ Гейдельбергѣ и изучаетъ уже не естественныя науки, но архитектуру, въ которой, по ея словамъ, она открыла новые законы. Она по-прежнему якшается со студентами, особенно съ молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполненъ Гейдельбергъ и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впослѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютной лѣнью. Съ такими-то двумя-тремя химиками, не умѣющими отличить кислорода отъ азота, но исполненными отрицанія и самоуваженія, да съ великимъ Елисѣвичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть великимъ, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ „дѣло“ Базарова“ [1]).

Мнѣ кажется, что Тургеневъ былъ абсолютно неправъ, обвиняя гейдельбергскую молодежь въ лѣни и невѣжествѣ. Одинъ изъ гейдельбержцевъ этой эпохи писалъ въ 1883 г. о своемъ времени: „учащаяся молодежь жила, работала, мыслила, какъ, м. б., не придется нашимъ дѣтямъ“... [2]) И онъ совершенно правъ! Именно, Гейдельбергъ этой эпохи сформировалъ, далъ окончательное завершеніе научному облику крупнѣйшихъ рускихъ ученыхъ, пріѣзжавшихъ туда для усовершенствованія: Менделѣева, Сѣченова, Бутлерова, Боткина, Бородина. „Дмитріемъ Ивановичемъ никто и

[1]) „Отцы и дѣти“, въ Полн. собр. соч., т. II, 5-е изд., 1911 г., с. 236.

[2]) „Недѣля“ 1883 г. № 45, с. 1477—1478.

никогда не руководилъ!"—воскликнулъ Д. И. Менделѣевъ на вопросъ, кто руководилъ его двухлѣтними занятіями въ Гейдельбергѣ. Но кто учтетъ, какое вліяніе оказало на него самое общеніе съ Кирхгофомъ, Бунзеномъ, Гельмгольцемъ! А другіе ученые съ благодарностью вспоминаютъ Гейдельбергъ. Если взять студентовъ гейдельб. унив. этой эпохи, достаточно назвать имена А. И. Воейкова, А. Г. Столѣтова, В. Ѳ. Лушнина, Д. А. Лачинова, М. П. Авенаріуса, П. П. Алексѣева, В. А. Беца, Д. Н. Анучина—изъ естествоиспытателей, а изъ юристовъ: Сергѣевича, Таганцева, Пассовера, Герье, В. Н. Лебедева и мн. др., чтобы опровергнуть замѣчаніе Тургенева. И даже тогда, когда писались эти строки „Отцовъ и дѣтей", спеціальная нѣмецкая печать отмѣчала, именно, по химіи работы Валеріана Савича и Мясникова [1]). О Ножинѣ, А. и В. Ковалевскихъ и др. я уже говорилъ.

Но не выпады Тургенева по адресу гейдельбергской молодежи взволновали ее. Она была заинтересована общественнымъ значеніемъ романа. Въ біографическомъ очеркѣ Тургенева [2]) разсказано, какими рѣзкими упреками осыпала Тургенева молодежь, называвшая его „измѣнникомъ дѣлу свободы". Гейдельбергская колонія, особенно „герценисты", была взволнована, многократно собиралась, рѣшила требовать отъ И. С. объясненій, устроить „своего рода судъ". Объясненіе смысла и цѣли романа, напечатанное Тургеневымъ, общеизвѣстно. Его, именно, по словамъ біографа (1883 г.), далъ И. С. русской молодежи, спеціально пріѣхавши въ Гейдельбергъ изъ Баденъ-Бадена. Объясненія даны были „предъ толпою его обвинителей". Это объясненіе произошло, какъ мнѣ кажется, не ранѣе сентября-октября 1862 г., какъ это можно заключить изъ писемъ Тургенева. 28 сент. 1862 г. онъ писалъ Марко-Вовчокъ изъ Баденъ-Бадена: „Я ѣздилъ въ **Вашъ** Гейдельбергъ... (**Вашъ** подчеркнуто самимъ И. С.) Ничего, городъ интересный. Уѣзжая отсюда, я дня два тамъ пробуду, посмотрю на дикихъ русскихъ юношей". 16 окт. 1862 г. онъ пишетъ Герцену большое письмо о Валуевскомъ и Милютинскомъ проектахъ земскихъ учрежденій изъ самаго Гейдельберга [1]), 3 дек. 1862 г., въ письмѣ изъ Парижа, нападая на Огарева за его проповѣдь „старинныхъ соціалистическихъ теорій объ общей собственности", Тургеневъ объясняетъ: „Бакстъ въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, объявилъ мнѣ, что Н. П. не потому опровергаетъ „Положеніе", что оно несправедливо, а потому, что оно освящаетъ принципъ

---

[1]) Объ этомъ-же напомнилъ мнѣ и А. И. Воейковъ, указавшій на одну реакцію, полученную этими, именно, русскими студентами („Завичъ ундъ Міазникофъ", какъ произносили ихъ имена нѣмцы). Имя Ножина помянуто было рядомъ съ именемъ Фр. Мюллера, Геккеля и др. ученыхъ.

[2]) Написанномъ, если не ошибаюсь, М. М. Стасюлевичемъ. „Полн. собр. соч.", т. I, 5 изд., 1911 г. с. XXXVI.

[1]) „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Т." 1892, с. 165, письмо XLIII; слѣд. письмо, с. 175, п. XLVIII; впослѣдствіи Тургеневъ заѣзжалъ въ Гейд. для совѣта съ врачами (ср. письмо LI къ Герцену, 22 іюня 1863 г., цит. собр. писемъ; также къ Л. П. Полонскому (19 іюня 1864) въ „Перв. собр. писемъ", с. 162.

частной собственности въ Россіи"... Въ письмѣ 12 февр. 1863 г. онъ сообщаетъ Герцену, что его требуетъ въ Россію III-е Отдѣленіе, и спрашиваетъ Герцена: „Получилъ-ли ты въ прошломъ году осенью изъ Гейд. отъ N. N большой листъ бумаги, исписанный мною...; если получилъ и не сжегъ, отдай его Л. Я подозрѣваю, что въ Гейдельбергѣ за мною слѣдили, потому что всѣ мои поступки стали извѣстны, хотя въ нихъ не было ничего особеннаго"...

Вотъ, именно, въ октябрѣ 1862 г. и произошла, какъ мнѣ кажется, личная встрѣча И. С. Тургенева съ „дикими русскими юношами". Бакстъ, поминаемый выше, какъ повѣренный личныхъ взглядовъ Н. И. Огарева, есть, конечно, глава „герценистовъ", — Владиміръ Бакстъ, съ котораго, по увѣренію Романовича-Славатинскаго, срисовалъ И. С. портретъ для одного изъ героевъ „Дыма" [1]).

Однако, этой встрѣчѣ И. С. съ молодежью, которую онъ описалъ затѣмъ въ „Дымѣ" (въ 1866 г. онъ руководствовался, именно, впечатлѣніями 1862 г.), предшествовало письменное объясненіе его съ тою же молодежью. Въ это время жилъ въ Гейдельбергѣ молодой поэтъ К. К. Случевскій, уже извѣстный въ то время своими стихотвореніями (особенно „Весталкой", „Мемфис. жрецомъ"). Появленіе его на поприщѣ литературы восторженно привѣтствовалъ Тургеневъ, совершенно переоцѣнившій его талантъ [2]). Это отношеніе Тургенева къ нему было извѣстно молодежи, которая и просила его сообщить Тургеневу ея сомнѣнія и недоумѣнія. Письмо Случевскаго, сколько я знаю, не разыскано; мы не знаемъ точно, что именно писалъ Случевскій, но о содержаніи „обвиненій" можно судить по письму самого Тургенева.

Тургеневъ отвѣчалъ ему 14 апр. [1]) изъ Парижа и очень благодарилъ его. „Мнѣніемъ молодежи,—писалъ онъ,—нельзя не дорожить; во всякомъ случаѣ, я бы очень желалъ, чтобъ не было недоразумѣній насчетъ моихъ намѣреній". Очевидно, „обвиненія" были изложены по пунктамъ, потому что и Тургеневъ отвѣчалъ соотвѣтственно. Молодежь считала Базарова, повидимому, фигурой отрицательной и, въ романѣ, далеко не центральной. Въ поведеніи его ей представлялась непослѣдовательность; отрицая старый міръ, онъ принялъ вызовъ на дуэль и въ столкновеніи съ представителемъ стараго дворянства оказался слабѣе Павла Петровича. Въ немъ было мало хорошихъ, привлекательныхъ чертъ. Знанія Базарова показались довольно сомнительными: онъ рекомендовалъ „Stoff und Kraft", какъ нѣчто „дѣльное", солидное въ научномъ смыслѣ; а для учениковъ Бунзена, Кирхгофа и Гельмгольца эта книга была превзойденной ступенью.

„Первое обвиненіе, — отвѣчалъ Тургеневъ,—напоминаетъ обвиненіе, сдѣланное Гоголю и др., зачѣмъ не выводятся хорошіе люди въ числѣ дурныхъ. База-

[1]) „Вѣстн. Европы", 1903, IV, с. 556.

[2]) „Вѣст. Европы", 1884 г., февраль, с. 464.

[1]) „Первое собраніе писемъ И. С. Т." СПБ., 1884, с. 104—107. Ранѣе оно было напечатано въ „Недѣлѣ", 1883 г., № 45.

ровъ все-таки подавляетъ всѣ остальныя лица романа (К—въ находитъ, что я въ немъ представилъ апоѳеозу „Современника"). Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей. А вы не находите въ немъ хорошихъ сторонъ"... Далѣе Тургеневъ объяснялъ, что Базаровъ рекомендовалъ книгу Бюхнера „именно какъ популярную, т. е. пустую книгу". Защитивши Базарова по вопросу о дуэли, Тургеневъ высказывалъ то, что не рѣшился сказать въ романѣ: „Базаровъ, по моему, постоянно разбиваетъ Павла Петровича, а не наоборотъ, и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революціонеромъ".

Съ такою же откровенностью высказывался Тургеневъ и по второму пункту обвиненій—въ реабилитированіи отцовъ,—и справедливо замѣчалъ, что его не поняли. „Вся моя повѣсть,—писалъ онъ, подчеркивая каждое слово,—направлена противъ дворянства, какъ передового класса". Рисуя, именно, хорошихъ представителей дворянства, Тургеневъ, по его словамъ, хотѣлъ исключить совершенно личный элементъ раздраженія и обиды изъ психологіи участниковъ той общественной борьбы, которая развертывалась въ Россіи. Ему хотѣлось нарисовать своихъ героевъ, какъ представителей общественныхъ теченій, которыя роковымъ образомъ должны столкнуться, какъ добры и симпатичны ни были сами люди, участвующіе въ борьбѣ. Отрицатели,—пояснялъ онъ,—„идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни. Графчикъ Саліасъ [1]) неправъ, говоря, что лица, подобныя Н. П. и П. П. (братьямъ Кирсановымъ), —наши дѣды: Н. Г.—это я, Огаревъ и тысячи другихъ; П. П.—Столыпинъ, Есаковъ, Боссетъ, тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ—и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать ихъ несостоятельность... Базаровъ въ одномъ мѣстѣ у меня говорилъ (я это выкинулъ для цензуры) Аркадію, тому самому Аркадію, въ которомъ ваши гейдельбергскіе товарищи видятъ болѣе удачный типъ: „Твой отецъ честный малый; но будь онъ разперевзяточникъ—ты все-таки дальше благороднаго смиренія или кипѣнія не дошелъ-бы, потому что ты—дворянинъ".

Нельзя не согласиться съ восклицаніемъ Тургенева (въ пунктѣ третьемъ): „Господи! Кукшина, эта каррикатура, по вашему—удачнѣе всѣхъ! На это и отвѣчать нельзя"... Характеристика Одинцовой для насъ не интересна; зато четвертый пунктъ—совсѣмъ наоборотъ: „Смерть Базарова (которую гр. Саліасъ называетъ геройской и потому кри-

---

[1]) Теперь пора уже открыть это имя, напечатанное въ 1884 г. съ сокращеніемъ. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ писателѣ, авторѣ историческихъ романовъ, гр. Саліасъ де-Турнемиръ, который незадолго предъ этимъ пережилъ довольно бурно московскіе студенческіе безпорядки. Ему удалось вручить имп. Александру II ту самую петицію моск. студентовъ, которую они пытались вручить ген.-губ. Тучкову. Вмѣстѣ съ другими депутатами Саліасъ былъ арестованъ. Ср. „Ист. Вѣстн". восп. Саліаса „Семь арестовъ".

тикуетъ) должна была, по моему, положить послѣднюю черту на его трагическую фигуру. А ваши молодые люди и ее находятъ случайной!..“ Изъ возраженій Тургенева ясно видно, что молодежь, ожидавшая изображенія въ литературѣ новаго типа русской женщины, готова была даже Евдоксію Кукшину признать положительнымъ типомъ ради тѣхъ „хорошихъ словъ“, которыя она говорила. А въ ту эпоху „положительный типъ“ въ литературномъ изображеніи былъ идеаломъ, которому нужно было слѣдовать въ жизни. Вопросъ: „что дѣлать?“— носился въ воздухѣ. Естественно, поэтому, огорченіе Тургенева по поводу того, что въ каррикатурѣ могли увидѣть что либо „удачное“. Но центръ тяжести всѣхъ его объясненій сосредоточивался на личности Базарова. „Если,—писалъ онъ,—читатель не полюбитъ Базарова со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью,— я виноватъ и не достигъ своей цѣли... Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго. Мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачевымъ и т. д. А мои молодые современники говорятъ мнѣ, качая головами: „ты, братецъ, опростоволосился и даже насъ обидѣлъ: вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ—напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился“. Мнѣ остается сдѣлать, какъ въ цыганской пѣснѣ: „снять шапку да пониже поклониться“... Въ послѣднихъ словахъ звучало большое и глубокое огорченіе, даже раздраженіе. „Чрезъ Гейдельбергъ я не поѣду,—заканчивалъ свое письмо Тургеневъ,—а я-бы посмотрѣлъ на тамошнихъ молодыхъ русскихъ. Поклонитесь имъ отъ меня, хотя они меня почитаютъ отсталымъ. Скажите имъ, что я прошу ихъ подождать еще немного прежде, чѣмъ они произнесутъ окончательный приговоръ. Письмо это вы можете сообщить, кому вздумается... Работайте, работайте и не спѣшите подводить итоги“...

Это письмо было доведено Случевскимъ до свѣдѣнія колоніи. Повидимому, оно не всѣхъ одинаково удовлетворило, (буря, вызванная изображеніемъ Базарова, еще только разросталась въ Россіи), но первое острое недовольство, чувство разрыва между молодежью и любимымъ писателемъ, какъ будто смягчилось. Сохранилось письмо Тургенева [1]) отъ 25 мая 1862 г. изъ Парижа, гдѣ онъ писалъ: „Извините меня, любезнѣйшій Случевскій, что я не тотчасъ отвѣтилъ Вамъ: я ѣздилъ въ Лондонъ... Мнѣ очень было пріятно слышать, что молодые люди не окончательно меня осудили; я могу сказать только то, что каковъ я былъ до сихъ поръ, таковъ я и остался, и если меня любили прежде, то разлюбить пока еще не за что. Пройти мимо, пройти впередъ—это... можно и должно, и я благословляю за это всѣхъ васъ молодыхъ. Только смотрите хорошенько, впередъ-ли вы идете“...

Полвѣка отдѣляютъ насъ отъ этой живой и интересной эпохи. И на разстояніи полувѣка, подводя итоги, намъ не трудно взглянуть спокойно и безпри-

[1]) Щукинскій. „Сборникъ“, в. VII, с. 321.

страстно на все то, что было злобой дня въ 1862 г. Съ одной стороны, нельзя не поражаться той чуткостью, съ которой Тургеневъ подмѣтилъ и воспроизвелъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ типъ интеллигентнаго разночинца, демократа и революціонера, рѣзко противоположный даже наиболѣе либеральнымъ представителямъ дворянскаго общества. Замыселъ его, какъ мы видимъ изъ объясненій, данныхъ имъ молодежи, былъ даже сильнѣе, чѣмъ то, что дало исполненіе. Съ другой стороны, должно признать, что Тургеневъ создалъ Базарова силою геніальной, художественной интуиціи, но внутреннее содержаніе разночинца было чуждо ему и, вопреки, быть можетъ, собственной его волѣ, враждебно ему—либералу и конституціоналисту, но не демократу и не революціонеру. И этотъ разладъ между умомъ и сердцемъ—онъ сказался въ процессѣ творчества при созданіи имъ „Отцовъ и дѣтей“, онъ сказался и въ послѣдующихъ романахъ.

Русскій разночинецъ 60-хъ гг. вовсе не былъ „сыномъ“ по отношенію къ „отцамъ“, описаннымъ Тургеневымъ. И молодежь этой эпохи восприняла и выразила идеалы не „молодого поколѣнія“, какъ выражались тогда, а новой общественной группы, явившейся въ результатѣ разложенія стараго крѣпостническаго общества. Эта новая группа, разночинная интеллигенція, выступила въ началѣ 60-хъ гг. съ особенной рѣзкостью и силой. Появленіе ея на общественной аренѣ, подготовлявшееся уже въ предыдущую эпоху, поразило представителей стараго общества. Она боролась за всестороннее освобожденіе личности, за новый общественный и политическій порядокъ. Она рѣзко и шумно заявляла свое право на жизнь. Насильственно отдѣленная отъ народа, оторванная отъ практической жизни, разночинная интеллигенція долго жила въ сферѣ интересовъ умственныхъ, разсужденій теоретическихъ. Это способствовало развитію словопреній, кружковщины, нетерпимости, отвлеченнаго теоретизированія и т. п. недостатковъ. Эти недостатки были присущи и русской молодежи въ Гейдельбергѣ въ 1861—62 гг. Ихъ, и только ихъ, подмѣтилъ и описалъ Тургеневъ въ своемъ „Дымѣ“, между тѣмъ какъ жизнь была глубже, и шире, и разнообразнѣе, чѣмъ это показалось ему. Нѣкоторую роль могло, конечно, сыграть и личное раздраженіе Тургенева. Но основная причина, почему въ „Дымѣ“ такъ криво и однобоко отразился Гейдельбергъ, заключалась въ томъ, что идеологія разночинной интеллигенціи, воспринятая русской молодежью въ Гейдельбергѣ, была органически чужда и (внутренне) враждебна Тургеневу.

Правда, интересъ къ естественнымъ наукамъ вскорѣ упалъ, потому что не въ нихъ, а въ области наукъ соціально-политическихъ стала революціонная интеллигенція искать отвѣта на свои запросы. Но, именно, въ лабораторіяхъ Гейдельберга сформировались въ это время десятки крупнѣйшихъ русскихъ естествоиспытателей. И въ эти же годы Гейдельбергъ былъ своеобразной лабораторіей русской свободной общественной мысли. Со страстностью и нетерпимостью здѣсь вырабатывались противоположныя общественныя теченія. Турге-

невъ лишь мимоходомъ взглянулъ на радикальную молодежь—и замѣтилъ лишь чисто внѣшнія черты. Внутреннее содержаніе споровъ и дѣятельности молодежи осталось ему чуждо. Вотъ почему для блестящаго момента въ жизни русскаго Гейдельберга, для эпохи беззавѣтной научной работы, для эпохи первыхъ революціонныхъ выступленій разночинной интеллигенціи—у него не нашлось другого опредѣленія, кромѣ „дыма", безслѣдно разсѣивающагося въ пространствѣ. Сама жизнь опровергла пессимизмъ Тургенева въ отношеніи значенія Гейдельберга для русской науки и въ отношеніи значенія революціонной интеллигенціи съ ея спорами для русской общественности. И въ обоихъ отношеніяхъ Тургеневъ оказался неправъ.

С. Сватиковъ.

ЗУБАТОВЩИНА.

Развитіе и обостреніе рабочаго движенія вызвало въ Зап. Европѣ теорію и практику такъ назыв. „государственнаго соціализма".

Это была реакція государства на „соціалистическую заразу".

Исчезла надежда на возможность запретить и изгнать соціалистическое движеніе рабочаго класса, но на мѣстѣ ея появилась вѣра, что государство призвано разрѣшить рабочій вопросъ, съ одной стороны, принявъ неопасную дозу соціалистическаго „яда", а съ другой—вырѣзавъ жало классовой борьбы у рабочаго класса.

Государственный соціализмъ, которымъ среди европейскихъ государствъ особенно увлекалась Германія и которому заплатилъ дань и Бисмаркъ, призывалъ государство покинуть позицію экономическаго академизма, властно и широко вмѣшаться въ хозяйственную жизнь страны, чтобы создать свои предпріятія и цѣлую сѣть рабочихъ законовъ и учрежденій.

Это должно было убѣдить рабочихъ въ соціальномъ доброжелательствѣ государства, въ отсутствіи у него соціальной корысти, и, продолжая давать рабочему классу капли соціальныхъ реформъ, государство показывало ему, что, мирно двигаясь по этому пути, онъ постепенно и незамѣтно такъ высоко подниметъ свое благосостояніе, что классовый соціализмъ потеряетъ почву и отойдетъ въ область исторіи.

Такъ на Западѣ мечтали пылкіе теоретики и разсудительные практики государственнаго соціализма. Государство должно было въ себѣ примирить и устранить острыя противорѣчія борьбы классовъ и создать мирное сотрудничество всѣхъ классовъ общества, руководимыхъ мудрою государственною властью.

Въ такую форму—не касаясь подроб-

ностей и индивидуальностей—вылился государственный соціализмъ на Западѣ.

Онъ поднялъ противъ себя фронду недовольныхъ консервативныхъ промышленниковъ, доказывавшихъ, что его сторонники втягиваютъ государство „не въ свое дѣло" и только мѣшаютъ капиталистамъ и рабочимъ сговориться непосредственно.

Недовольство капиталистовъ и, еще въ большей степени, „неукротимость" рабочихъ, которыхъ никакъ нельзя было заставить сойти съ классовой позиціи и увѣровать въ объединяющую и примиряющую миссію государства, постепенно выпустили изъ новаго движенія всѣ горячіе пары энтузіазма, и въ охлажденномъ видѣ отъ государственнаго соціализма осталось лишь соціальное законодательство.

Но въ то время, какъ на Западѣ догорѣли огни и облетѣли цвѣты увлеченія государственнымъ соціализмомъ, неожиданно въ девяностыхъ годахъ поднимается вновь это движеніе въ далекой Москвѣ и здѣсь съ самаго начала оно облекается въ своеобразныя національныя одѣянія и принимаетъ самобытный видъ.

Его штабомъ становится охранное отдѣленіе. Его вдохновителями—жандармы, градоначальники и жандармскіе служащіе.

Государственный соціализмъ, пока добрелъ до Москвы, измѣнилъ совершенно свой обликъ. Онъ явился въ синемъ жандармскомъ мундирѣ!

Идея государственнаго соціализма, попавъ въ голову одного изъ московскихъ охранниковъ—Зубатова, дала своеобразный и самобытный всходъ.

Зубатовъ переложилъ ее на русскіе нравы и выдвинулъ, какъ идею уже не государственнаго, а охраннаго или, если угодно, полицейскаго соціализма.

Онъ увлекся и увлекъ покойныхъ Д. Трепова и Вел. Кн. Сергѣя Александровича перспективой подчиненія и усмиренія рабочей массы не путемъ казацкаго бичеванія, а съ помощью масла экономическихъ уступокъ.

Если на Западѣ тревога передъ растущимъ рабочимъ движеніемъ рождаетъ стремленіе доказать, что государство готово и можетъ улучшить экономическое положеніе рабочаго класса, то у насъ въ Москвѣ на эту же роль претендуетъ жандармское управленіе.

Идея Зубатова привлечь сердца рабочихъ къ жандармской власти, благодаря встрѣченной могущественной поддержкѣ, быстро воплощается въ дѣло—и въ разныхъ концахъ Россіи возникаютъ попытки взять экономическую борьбу рабочихъ подъ жандармское покровительство и содѣйствовать образованію экономическихъ рабочихъ организацій.

И тутъ тотчасъ-же сказывается глубокое различіе между русскимъ жандармскимъ и западнымъ государственнымъ соціализмомъ.

Государственные соціалисты Запада пуще всего боялись и не любили классовую теорію и практику. Одна изъ ихъ идей была—вынуть у рабочаго класса это жало классоваго ученія. Они на словахъ и дѣлѣ хотѣли показать, что государство можетъ объединить и примирить различные соціальные классы.

Жандармскій же соціализмъ въ Москвѣ ничего не имѣетъ противъ клас-

совой борьбы, но въ политически кастрированномъ видѣ.

Борьба противъ фабрикантовъ?

Зубатовъ, какъ мы увидимъ, не только не отрицаетъ ея неизбѣжность, но самъ ее организуетъ, его агенты ее раздуваютъ, а его покровители стремятся лишь, чтобы фабриканты сдѣлались аккумуляторами всего недовольства рабочаго класса, а государство и правительство чтобы остались въ сторонѣ.

Государственный соціализмъ хотѣлъ примирить рабочихъ съ буржуазнымъ государствомъ, лишь немного перестроеннымъ въ новѣйшемъ стилѣ.

Зубатовскій соціализмъ попытался все недовольство рабочаго класса направить на буржуазію и этимъ самымъ отвести это недовольство отъ политическаго абсолютизма,

Зубатовщина въ виду этого представляетъ чрезвычайно интересный и поучительный экспериментъ въ соціальной и политической исторіи Россіи.

Далеко еще не все въ ней ясно. Далеко не всѣ еще матеріалы доступны и не всѣ лица въ ней, игравшія главную роль, установлены и освѣщены.

Но постепенно появляющіеся матеріалы вырисовываютъ новыя черты и черточки, воспроизводящія прелюбопытную картину попытки жандармскаго управленія приручить русское рабочее движеніе и „отселева-доселева" отчеркнуть границы его распространенія.

Почти одновременно появилась любопытная книжка А. Морского („Зубатовщина". Страничка изъ исторіи рабочаго вопроса въ Россіи. М. 1913) и В. Бурцевъ опубликовалъ въ заграничномъ „Быломъ" свою переписку съ Зубатовымъ. (Мы пользуемся этою перепискою по обширнымъ выдержкамъ, сдѣланнымъ изъ нея въ газетѣ „День").

При свѣтѣ этихъ новыхъ матеріаловъ намъ хотѣлось бы остановиться на этомъ поучительномъ теченіи, извѣстномъ подъ именемъ зубатовщины.

Зубатовщина возникла у насъ на Руси, какъ результатъ глубокаго убѣжденія русской полиціи въ томъ, что она все можетъ.

Обостреніе рабочаго вопроса?

Передать его всецѣло въ вѣдѣніе мин-ства внутр. дѣлъ, которое, въ свою очередь, передастъ его въ руки полиціи— и рабочій вопросъ будетъ разрѣшенъ.

Полиція въ этомъ не сомнѣвалась. Надо было только всецѣло сосредоточить рабочій вопросъ въ вѣдѣніи мин. внут. дѣлъ. Противъ этого протестовало или, точнѣе, дулось кроткое мин-ство финансовъ, которое находило, что врываются въ его область; противъ этого впослѣдствіи то сердито, то покорно „ходатайствовали" передъ властью фабриканты, указывавшіе, что на нихъ натравливаютъ рабочихъ, но мин-ство внутр. дѣлъ было неумолимо.

Мин-ство внутр. дѣлъ не обращало вниманія на эти протесты. Оно всецѣло сосредоточило рабочій вопросъ въ своемъ вѣдомствѣ и принялось за его разрѣшеніе.

Сначала принялись за сильно-дѣйствующіе медикаменты для внѣшняго употребленія.

Извѣстнымъ циркуляромъ отъ 12-го

августа 1897 г. мин-ство внутр. дѣлъ предписало представителямъ мѣстной власти немедленно и властно вмѣшиваться во всѣ столкновенія между рабочими и фабрикантами, хотя бы они происходили на чисто экономической почвѣ.

Если не удастся,—предписывалъ этотъ циркуляръ,—немедленно уладить конфликтъ и мирно наладить работу, то стачечниковъ надо тотчасъ арестовать и разослать по мѣстамъ приписки. Мин-ство фин. съ присущими ему обстоятельностью и кротостью написало донесеніе, въ которомъ вяло и неохотно протестовало противъ вторженія мин-ства внутр. дѣлъ въ вѣдомственную область мин. фин. Но мин-ство внутр. дѣлъ, не обращая вниманія на этотъ протестъ, продолжало вести свою линію.

Очень скоро, однако, мин-ству внутр. дѣлъ приходится убѣдиться, что сильнодѣйствующими средствами для наружнаго употребленія рабочаго движенія не остановишь. Тогда рецептура нѣсколько усложняется. На сцену появляются и успокоительныя внутреннія средства.

Полиція начинаетъ вмѣшиваться въ частно-правовыя отношенія между рабочими и фабрикантами. Она начинаетъ требовать, чтобы фабриканты дѣлали рабочимъ уступки. Она мѣстами заставляетъ фабрикантовъ повысить плату, измѣнить условія труда. Въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, она заставляетъ фабрикантовъ, готовыхъ сдѣлать экономическія уступки, не дѣлать ихъ.

Намѣчается своеобразная соціальная политика полиціи. Правая рука полиціи не выпускаетъ бича репрессій, но лѣвая начинаетъ продѣлывать успокоительные пассы, оказывать давленіе на фабрикантовъ, чтобы они пошли на экономическія уступки.

Все это продѣлывалось безсистемно, хаотично, какъ кому вздумается. Но основные моменты полицейской соціальной политики проступали явственно:

— Показать рабочимъ, что политическія демонстраціи и вольнодумство будутъ раздавлены, но экономическія требованія будутъ удовлетворены, если рабочіе съ вѣрой и надеждой обратятъ свои взоры на голубые мундиры жандармовъ.

И уже до Зубатова многіе рабочіе, отчаявшись добиться уступокъ отъ фабрикантовъ, стали обращаться въ жандармское правленіе со всепокорнѣйшею просьбою приказать фабрикантамъ сдѣлать уступки.

Такимъ образомъ, Зубатовъ не изобрѣлъ зубатовщину, а лишь обобщилъ, систематизировалъ и развилъ то, что уже до него намѣчалось въ соціальной политикѣ полиціи.

Мелкій чиновникъ охраннаго отдѣленія, сотрудникъ охраны, бывшій радикальный студентъ, С. В. Зубатовъ разрабатываетъ своеобразную теорію и практику просвѣщенной жандармеріи. Эта теорія представила собою пеструю смѣсь изъ идей западно-европейскаго государственнаго соціализма и россійскаго полицейскаго всемогущества.

С. В. Зубатовъ ставитъ своею цѣлью завладѣть рабочимъ движеніемъ, вынуть изъ него жало, направленное противъ правительства, сблизить его съ жандармскимъ управленіемъ и направить исключительно противъ фабрикантовъ.

Эта идея находитъ горячаго покровителя въ лицѣ пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ генерала Д. Ѳ. Трепова.

Д. Треповъ представляетъ въ апрѣлѣ 1898 г. москов. ген.-губ. вел. кн. Сергѣю Александровичу докладъ, въ которомъ доказываетъ, что репрессивными мѣрами можно было бороться съ рабочимъ движеніемъ лишь до тѣхъ поръ, пока оно было чисто-соціалистическимъ движеніемъ; но нынѣ, когда питательнымъ матеріаломъ служитъ экономическое недовольство существующими фабричными порядками, то тутъ одной репрессіей ничего не подѣлаешь. Тутъ уже „надлежитъ немедля вырвать изъ-подъ ихъ ногъ самую почву", для чего и „надо открыть и указать рабочему законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія".

„Чѣмъ занятъ революціонеръ, — пишетъ крылатое слово Д. Треповъ,—тѣмъ обязана интересоваться и полиція".

„Полиція,—поясняетъ далѣе Д. Треповъ,—принуждена зорко слѣдить за распорядками фабрично-заводскихъ заведеній и вообще за всѣмъ, имѣющимъ касательство до личности и обихода рабочаго,—таково положеніе вещей и таково требованіе времени".

Заручившись содѣйствіемъ Д. Трепова, а затѣмъ и сочувствіемъ вел. кн. Сергѣя Александровича, С. В. Зубатовъ обнаруживаетъ лихорадочную дѣятельность. Онъ плететъ густую сѣть профессіональныхъ организацій, заправлять которой должна полиція.

Извѣстный бывшій народоволецъ Л. Тихоміровъ становится теоретикомъ этого движенія. Онъ пишетъ для Д. Трепова записку, въ которой обосновываетъ необходимость созданія, подъ покровительствомъ полиціи, экономическихъ организацій рабочихъ.

Записка эта прелюбопытна. Вотъ коекакія выдержки изъ нея:

„Русскія условія настоящаго времени весьма отличны отъ европейскихъ условій XIX вѣка. Мы имѣемъ самодержавную монархическую власть, чрезвычайно могущественную и, по своему существу, преслѣдующую не классовыя, но національныя цѣли. Весьма вѣроятно, что даже въ Зап. Европѣ рабочіе достигли бы скорѣе и лучше улучшенія своего быта, если бы вступили въ союзъ съ монархіею. Но если это можетъ быть сказано по отношенію къ Европѣ, то у насъ, очевидно, промышленные рабочіе могутъ достигнуть тѣмъ большихъ успѣховъ, чѣмъ болѣе цѣли ихъ будутъ сообразоваться съ цѣлями русскаго самодержавія".

Рабочіе—это„ классъ, такъ сказать, естественный, выросшій по условіямъ производства безсознательно, безформенно. Его нужно превратить въ правильное сословіе, ибо сословіе есть не что иное, какъ государственно-признанный и урегулированный классъ. При такомъ превращеніи изъ класса въ сословіе, всякій соціальный строй получаетъ опредѣленныя права и обязанности въ отношеніи другихъ сословій и государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получаетъ онъ и необходимое сословное самоуправленіе".

Такая перспектива рисовалась Д. Трепову и С. Зубатову, когда въ апрѣлѣ 1898 г. они съ увлеченіемъ взялись за насажденіе полицейскаго соціализма.

Въ трескучіе морозы реакціи, когда повсюду звучало грозное: „которые скопляются, расходись“, въ Москвѣ начинаютъ вдругъ распускаться и цвѣсти многочисленные и многолюдные рабочіе союзы. И ихъ покровителемъ и насадителемъ является начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія С. В. Зубатовъ.

Болѣе того: въ фабричныхъ районахъ появляются агитаторы, которые произносятъ зажигательныя рѣчи противъ фабрикантовъ, призываютъ къ стачкамъ—и ихъ не трогаютъ, а если и арестовываютъ, то по распоряженію московской полиціи немедленно освобождаютъ.

Появляется въ Московскомъ уѣздѣ рабочій-„агитаторъ“ Янченковъ. Онъ требуетъ отъ мѣстныхъ фабрикантовъ, чтобы они отвели рабочимъ спеціальныя помѣщенія для рабочихъ союзовъ. Фабриканты къ становому приставу. Становой приставъ, еще не просвѣщенный новѣйшимъ курсомъ полицейской политики, арестовываетъ Янченкова и съ изумленіемъ выслушиваетъ изъ его устъ такія неслыханныя слова:

— „Рабочіе объ отводѣ имъ помѣщеній (для отдѣленій союза) спрашивать не станутъ разрѣшеній ни у хозяина, ни въ конторѣ, ни у становогo пристава, а выберутъ сами подходящее мѣсто и будутъ тамъ собираться. Въ случаѣ же притѣсненій, они прямо обратятся къ министру Булыгину: вѣдь, митрополитъ московскій Владиміръ первымъ вступилъ въ члены союза, а московскій оберъ-полиціймейстеръ пожертвовалъ рабочимъ печатный станокъ, на которомъ и печатаются теперь разные листки и брошюры.

Жандармы съ изумленіемъ слушали эти рѣчи, но ихъ изумленіе еще болѣе возросло, когда доставленнаго въ Москву опаснаго агитатора тамошняя полиція немедленно отпустила.

С. Зубатову удалось съорганизовать нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Во время молебствія 19-го февр. 1902 года С. Зубатовъ рѣшилъ устроить у памятника Александра II въ Кремлѣ внушительный смотръ рабочей арміи полицейскаго соціализма.

Д. Треповъ, съ благословенія котораго ставилась эта патріотическая пантомима, чрезвычайно волновался. А вдругъ демонстрація? Тогда все сорвется, сорвется и блестящая карьера. Но, съ другой стороны, если успѣхъ, то, вѣдь, Д. Треповъ выступитъ въ роли укротителя самой опасной соціальной стихіи.

И Д. Треповъ рѣшилъ рискнуть.

Все сошло, какъ въ отлично поставленной народной пьесѣ. Собралась пятидесятитысячная толпа рабочихъ, которая вела себя тихо и патріотично.

Въ упомянутыхъ письмахъ къ В. Бурцеву С. Зубатовъ пишетъ объ этой манифестаціи, сыгравшей такую крупную роль въ развитіи зубатовщины:

„Какъ Д. Ѳ. Треповъ ни вѣрилъ въ возможность мирнаго исхода этого дня, а все же не могъ избѣжать искушенія — скрыть поблизости казаковъ. Когда же. оказалось, что 50 тысячъ только вели себя, какъ дисциплинированное полчище солдатъ, и треповская перчатка играла роль волшебной палочки, причемъ, при всемъ одушевленіи толпы, линія не была прорвана и не произошло ни малѣйшаго безпорядка или вмѣшательства, вернувшійся Треповъ, со

слезами на глазахъ и дрожью въ голосѣ, говорилъ, какъ этимъ всѣмъ былъ пораженъ и обрадованъ великій князь да и онъ самъ. Возможность мирныхъ сношеній съ „земскимъ" элементомъ получила въ этотъ день блистательное доказательство!"

Благополучный исходъ этой инсценированной С. Зубатовымъ рабочей манифестаціи очень сильно поднялъ зубатовщину въ глазахъ начальства.

Грезилось: рабочій классъ, пасомый жандармскимъ управленіемъ...

Е. В. Богдановичъ, конечно, издалъ по этому случаю брошюру, въ которой привѣтствовалъ это сліяніе сердецъ.

А «Московскія Вѣдомости» умилялись:

«Таковъ вѣчный, твердый голосъ истинной національной Россіи и настоящихъ русскихъ людей, среди которыхъ— и у князей, и у рабочихъ—одинъ общій совѣтъ».

Московскіе фабриканты встревожились. Агенты Зубатова энергично поддерживали всѣ экономическія требованія рабочихъ, раздували стачки и, при помощи всемогущаго Д. Трепова, оказывали давленіе на фабрикантовъ съ цѣлью заставить ихъ идти на экономическія уступки.

Цѣль была ясна—отвести недовольство рабочихъ съ политическаго русла на экономическое, направить его не на правительство, а на государство.

Фабриканты волновались, ходатайствовали, протестовали. С. Зубатовъ рѣшаетъ объясниться съ ними.

Онъ приглашаетъ именитыхъ представителей московской промышленности „на чашку чая" въ ресторанъ Тѣстова.

С. Зубатовъ прочитываетъ чрезвычайно любопытную декларацію полицейскаго соціализма. Ни мало не смущаясь, что передъ нимъ, еще вчера мелкимъ чиновникомъ охраннаго отдѣленія, сидятъ тузы московской промышленности, С. Зубатовъ съ мѣста въ карьеръ заявляетъ имъ:

«Россійское торгово - промышленное сословіе поставлено нынѣ въ обособленное ото всѣхъ сословій положеніе, и рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ на представителей этого сословія, говоря вообще, **какъ на мошенниковъ**».

Во всей длинной и пестрой фактами исторіи буржуазіи, вѣроятно, это былъ первый случай, когда именитыхъ промышленниковъ приглашали «на чашку чая» и заставляли ихъ проглотить такой увѣсистый комплиментъ...

Московскіе тузы, однако, проглотили его молча—и С. Зубатовъ продолжалъ поучать ихъ:

«Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своимъ законнымъ правамъ единственно въ охранномъ отдѣленіи г. московскаго оберъ-полицій-мейстера».

С. Зубатовъ доказываетъ необходимость образованія при фабрикахъ особыхъ комитетовъ изъ рабочихъ, подъ руководствомъ охраннаго отдѣленія.

„Общій надзоръ за комитетами,—говорилъ С. Зубатовъ,—сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ видахъ особыхъ аген-

товъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управленія народными громадами.

«Дабы утвердить это обоюдополезное для хозяевъ и рабочихъ установленіе и устранить возможность захвата рабочихъ врасплохъ грядущими событіями, охранное отдѣленіе озаботилось не только подысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ (даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ), но даже и устройствомъ питомника для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми, искусными въ этой области. Всѣ эти наставники и руководители получаютъ приличное вознагражденіе, въ видѣ жалованья, харчевыхъ, проѣздныхъ и наградныхъ».

Въ средствахъ недостатка не ощущалось. По словамъ С. Зубатова, пожертвованія притекали «отъ высокопоставленныхъ особъ, интеллигенціи, духовенства и разныхъ лицъ». Казна затратила на организацію зубатовщины, по подсчету газетъ, до 2 милл. руб.

Въ заключеніе своей декларацін московскимъ промышленникамъ С. Зубатовъ поставилъ диллему: или подчиниться указаніямъ охраннаго отдѣленія и идти по пути, имъ указываемому, или же вступить въ открытую войну съ властью и заранѣе быть готовымъ ко всѣмъ послѣдствіямъ.

Московскіе промышленники растерялись. Хорошо было фабриканту Гужону— онъ былъ французскій подданный, и онъ принесъ жалобу на самоуправство Зубатова французскому посольству, и Зубатовъ вынужденъ былъ по отношенію къ нему сократиться. Но остальные московскіе фабриканты ограничились составленіемъ записки, въ которой затянули свою обычную пѣснь о тяжеломъ положеніи русскаго фабриканта, о томъ, что «нашъ фабрикантъ, по сравненію съ заграничнымъ, принужденъ разыгрывать роль какого-то благотворителя - миссіонера. Надо только удивляться, что еще находятся люди, посвящающіе свою жизнь веденію фабричныхъ предпріятій».

На эту слезницу фабрикантовъ не обратили вниманія, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ предпочитало молчать. Московскій биржевой комитетъ, состоявшій изъ именитыхъ представителей купечества и фабрикантовъ, молчалъ. Это молчаніе г. Морской объясняетъ тѣмъ, что «нѣкоторые изъ его членовъ были запуганы всякими жупелами; одному будто было сказано, что если онъ будетъ ершиться, то его фабрику закроютъ, такъ какъ она загрязняетъ городскія воды, другимъ будто бы было посулено содѣйствіе по казеннымъ подрядамъ, третьимъ мѣшало разѣвать рты свойство, родство и вліятельныя связи, четвертые не рѣшались и пикнуть, жаждая получить крестикъ или генеральскій чинъ».

Зубатовищна разросталась. Она перебросилась изъ Москвы въ провинцію. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ зубатовцы основываютъ свою рабочую партію — „независимцевъ“ и вступаютъ въ ожесточенную борьбу съ Бундомъ. Въ Одессѣ, подъ руководствомъ Шаевича и жандармскаго ротмистра Васильева, основываются рабочіе союзы.

Начинается полоса экономическихъ стачекъ. Зубатовцы ихъ всячески поддерживаютъ. Отдѣльныя стачки сливаются въ іюнѣ 1903 г. въ одну всеобщую стачку фабричныхъ и портовыхъ рабочихъ, наведшую панику на всю Одессу.

Движеніе принимаетъ огромные размѣры и буйныя формы. Къ ужасу зубатовцевъ, все громче начинаютъ звучать политическія ноты. Шаевичъ чувствуетъ, что движеніе выскальзываетъ изъ его рукъ, становится на совершенно непредвидѣнные рельсы. Онъ бьетъ отбой. Онъ пытается остановить движеніе. Но поздно. Шаевича никто не слушаетъ. Огромное движеніе, охватившее 30.000 рабочихъ, выдвинувшихъ политическія требованія, всполошило начальство. Былъ отданъ приказъ объ арестѣ Шаевича.

Съ Зубатовымъ повторилась исторія сказочнаго волшебника: онъ вызвалъ силы, надъ которыми утратилъ власть заклинанія. Онѣ очень скоро переросли выкроенную для нихъ жандармскую форму—и повсюду, гдѣ сѣяли зубатовщину, пришлось пожать политическое движеніе.

Но банкротство Зубатова не отбило охоты къ зубатовщинѣ. Позднѣе она вновь возрождается—лишь въ немного видоизмѣненной формѣ гапоновщины.

Какъ извѣстно, въ правительственномъ сообщеніи по поводу 9-го янв. 1905-го года указывалось, что цѣль гапоновскихъ собраній рабочихъ была—„отвлеченіе рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды", но, по указанію правительственнаго сообщенія, гапоновское общество „вступило само на путь пропаганды явно революціонной".

Въ засѣданіи 11-го января 1905-го года комитетъ министровъ призналъ, что „рабочіе союзы, образованные при помощи полицейскаго усмотрѣнія, явились угрозою общественному спокойствію".

Такимъ образомъ, въ лицѣ Гапона С. Зубатовъ праздновалъ свое второе пришествіе.

Но самъ С. Зубатовъ былъ не у дѣлъ. Выброшенный на мель бурею рабочихъ безпорядковъ, потерявъ власть и навлекши на себя со всѣхъ сторонъ и недовольство, и гнѣвъ, С. Зубатовъ, мечтавшій о роли главнокомандующаго рабочей арміи и спасителя Россіи отъ язвы пролетаріата, переживалъ жуткіе дни и жилъ жалкою жизнью.

Объ этомъ разсказываютъ напечатанныя Бурцевымъ его письма.

С. Зубатовъ разсказываетъ въ одномъ изъ писемъ, что въ годы смуты цѣлый рядъ лицъ, дѣлающихъ политическую погоду, обращался къ нему съ приглашеніемъ занять оффиціальный постъ или стать ихъ тайнымъ или явнымъ совѣтникомъ.

Очевидно, зондируя почву, С. Зубатовъ попробовалъ показаться изъ своей владимірской дыры: онъ изложилъ свои взгляды кн. В. Мещерскому. Послѣдній напечаталъ это письмо въ „Гражданинѣ". „Вылѣзши вновь на свѣтъ,—пишетъ С. Зубатовъ,—я рискнулъ возразить въ „Вѣстникѣ Европы"; тамъ приняли и напечатали. За ту продерзость

я былъ смачно облитъ помоями—и вновь вылѣзать у меня охоты немного".

С. Зубатовъ излагаетъ свое своеобразное кальвинистическое міровозрѣніе:

„Если бы я вернулся къ дѣламъ, мнѣ бы опять пришлось сосредоточиваться на репрессіи, а это еще менѣе прежняго могло удовлетворить меня, ибо не въ ней, по моему, лежитъ суть дѣла... Моя продолжительная и бѣшеная служебная дѣятельность, съ массой людскихъ встрѣчъ и наслажденій, привела меня къ убѣжденію, что вся политическая борьба носитъ какое-то печальное, но тяжелое недоразумѣніе, незамѣчаемое борющимися сторонами. Люди отчасти не могутъ, а отчасти не хотятъ понять другъ друга, и, въ силу этого, тузятъ одинъ другого безъ милосердія... Какая гарантія того, что, не изучивъ одной политической идеи, люди не испакостятъ и другой, считаемой ими болѣе совершенной? По существу, обѣ идеи равноцѣнны: Не въ нихъ, слѣдовательно, дѣло, а въ самихъ людяхъ. Жизненный опытъ отшибъ у меня оптимизмъ въ отношеніи людей, и я сталъ склоненъ къ пессимизму Кальвина и вѣрю въ грѣховность человѣческой натуры".

На почвѣ охранной дѣятельности С. Зубатовъ сталъ кальвинистомъ... Скажите...

В. Бурцевъ предложилъ Зубатову написать свои воспоминанія для издававшагося тогда въ С.-Петербургѣ журнала „Былое".

С. Зубатовъ перепуганно открещивался:

— „У меня сынъ студентъ,—писалъ онъ.—Возвращеніе мое къ дѣламъ вызвало бы крикъ, а при партійныхъ нравахъ, съ личностью-самоцѣлью въ принципѣ и родовыми понятіями на практикѣ, съ местью до 7-го колѣна, это могло бы закончиться для него очень печально.

„Появись я въ такомъ ходовомъ и сенсаціонномъ журналѣ, какъ Ваше „Былое", со своими воспоминаніями, партіи меня растерзаютъ и припишутъ мнѣ такую „исторію", что я окажусь на улицѣ при общихъ ненависти и презрѣніи".

Въ итогѣ переписки С. Зубатовъ перепуганно проситъ Бурцева не писать ему, такъ какъ это можетъ его скомпрометировать...

Такъ закончился одинъ изъ поучительнѣйшихъ опытовъ съ рабочимъ вопросомъ въ Россіи.

П. Берлинъ.

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА.

Наши журналы.

Еще очень давно, еще до „пятыхъ" годовъ, поговаривали, что въ Россіи толстый журналъ долженъ окончить свое существованіе, роль его сыграна. Роль хорошая, почтенная, но... время идетъ, новыя пѣсни поются новыми птицами,—и для нихъ новыя нужны клѣтки.

Стали нарождаться журналы чисто-художественные. У всѣхъ еще въ памяти родоначальникъ ихъ—„Міръ Искусства"; извѣстны не такъ давно прекратившіеся „Вѣсы",—они имѣли большое значеніе; до сихъ поръ требуютъ въ библіотекахъ старые номера „Золотого Руна". Эти журналы были совершенно необходимы: въ то время начинался расцвѣтъ молодой литературы, тяготѣніе къ „искусству для искусства". Журналъ сдѣлался уже, легче и острѣе. Но старыхъ—новый не замѣнилъ и не смѣнилъ. Они продолжали спокойно существовать рядомъ; воинственные новаторы даже не могли особенно и нападать на нихъ. Мало чистаго искусства? Да на чистое искусство и не претендовали традиціонные „кирпичи". А юные „искусники", ничего не понимая въ „общественности", знать ея не хотѣли, искренно презирали всякую.

„Пятые" годы для журналистики были годами серьезныхъ испытаній. Все перепуталось, перемѣшалось. Время грозило такими перемѣнами, что предвидѣть ровно ничего было нельзя.

Въ литературѣ расцвѣлъ альманахъ,—починъ былъ сдѣланъ раньше, „Вѣсами", которые издали „Сѣверные Цвѣты".

Казалось одно время, что альманахъ окончательно вытѣснитъ журналъ стараго типа, альманахъ—и легкіе журнальчики-тетрадочки съ самыми разнообразными физіономіями. Во всякомъ случаѣ, старый толстый журналъ былъ заслоненъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ... даже не очень много лѣтъ. Если бы по несчастному—или счастливому—случаю попалъ петербуржецъ конца 90-хъ годовъ, близкій литературѣ, на необитаемый островъ

и только теперь вернулся домой,—онъ увидѣлъ бы все на тѣхъ же, приблизительно, мѣстахъ. Съ трудомъ повѣрилъ бы, что мы ждали какихъ-то серьезныхъ перемѣнъ. Сейчасъ мы заканчиваемъ кругъ возвращенія къ девяностымъ годамъ; этому кругу, этому возвращенію подчинена и русская литература, и русская журналистика.

Все то же, хотя „какъ будто" и не то. Не безнадежно (безнадежности, вообще, никогда нѣтъ), но зачѣмъ закрывать глаза на разбитыя корыта. Разбитое корыто—не конецъ сказки. Старуха, вѣдь, жива, и сѣть у старика цѣла; мнѣ всегда казалось, что старикъ опять поймаетъ золотую рыбку, а ужъ глупая баба на этотъ разъ будетъ умнѣе.

Безнадежности нѣтъ, есть только скука, да порой нетерпѣливая досада. Отъ нея, впрочемъ, избавляютъ мудрость, трезвость и спокойное изслѣдованіе данныхъ положеній.

Вернувшійся съ необитаемаго острова петербуржецъ увидѣлъ бы и толстые журналы русскіе—на тѣхъ же мѣстахъ, и журналы тѣ же самые, извѣстные, въ тѣхъ же обложкахъ-одеждахъ, съ тѣми же ликами, подъ тѣми же знаменами. Вѣстникъ Европы, Русское Богатство, Современный міръ... — все это добрые старые знакомцы. Еще Русская Мысль», оставшись вдовой послѣ долгаго, счастливаго брака съ Гольцевымъ и выйдя вновь замужъ, попала въ другую среду, стала одѣваться у лучшей портнихи, измѣнила вкусы. Вѣстникъ же Европы, потерявъ Стасюлевича, совсѣмъ и непримѣтилъ потери. Тамъ все осталось по-прежнему, — соотвѣтственно времени,—но по-прежнему прилично, корректно, тихо-благородно. Несторъ Котляревскій, Максимъ Ковалевскій.. Вмѣсто Гончарова и Боборыкина—Максимъ Горькій и Чириковъ. Что же, Максимъ Горькій достигъ той мѣры возраста, когда Вѣстникъ Европы дѣлается доступенъ. Это по преимуществу „взрослый" журналъ,—такой взрослый, что малѣйшій духъ „игры" тамъ казался бы неприличіемъ. На восклицанье Николеньки Иртеньева: «если игры не будетъ, то что же будетъ?»—можно отвѣтить: вотъ, будетъ Вѣстникъ Европы.

Чтобы кончить съ этимъ журналомъ—скажу, что разсказъ М. Горькаго въ послѣдней, декабрьской, книжкѣ—недуренъ. То-есть, онъ очень хорошо написанъ. Такъ выпукло, живописно, такъ ярокъ языкъ, что прямо съ удовольствіемъ пробѣгаешь краткія странички. Горькій проваливается, когда силится что-то сказать, выразить „идею", думаетъ о „смыслѣ"; а ежели просто говоритъ, пишетъ о зрительномъ,—остается пріятнымъ художникомъ.

Приличенъ, но плохъ, неубѣдителенъ и слабъ Чириковъ въ своихъ романахъ, особенно въ послѣднемъ—„Изгнаніе". Герой не внушаетъ ни сочувствія, ни интереса, въ лучшемъ случаѣ кажется банальнымъ звѣренышемъ, до примитивныхъ инстинктовъ котораго намъ очень мало дѣла.

Замѣтки о литературѣ въ Вѣстникѣ Европы пишетъ г. Адріановъ. Онъ судитъ о современной беллетристикѣ, многое бранитъ, многое хвалитъ. Къ сожалѣнію, онъ, съ изумляющей неуклонностью,

хвалитъ то, что слѣдуетъ бранить, а бранитъ то, что надо хвалить. Судьба ли это, чортъ ли смѣется надъ г. Адріановымъ—неизвѣстно. Примѣровъ слишкомъ много—столько, сколько статей; обременительно было бы и приводить примѣры. Читатель самъ знаетъ, что это такъ.

Впрочемъ, статьи г. Адріанова вполнѣ умѣренны, вполнѣ приличны, а, слѣдовательно, и умѣстны на страницахъ Вѣстника Европы.

О Современномъ Мірѣ скажу кратко. Онъ, хотя и не измѣнилъ своей исконной физіономіи, но чувствуется тамъ какое-то окисленіе, усталость. Вялая полемика, романъ Потапенки въ видѣ произведенія искусства... Посмотримъ, что будетъ дальше. Современный Міръ, какъ мнѣ кажется, оступился немного благодаря усиленной дѣятельности г. Львова-Рогачевскаго, который природно живетъ и мечется въ собственномъ... не кольцѣ, а колечкѣ, и пытается втиснуть въ это колечко опекаемый журналъ. Добра не выйдетъ, если затѣя удастся.

Надо сказать правду, что самый вѣрный, самый стойкій, самый твердый и прекрасно-неподвижный у насъ журналъ — Русское Богатство. Я безъ малѣйшей ироніи говорю: прекрасно-неподвижный. Есть подлинная красота въ такой неподвижности, вѣрность всегда прекрасна.

Это Русскому Богатству слѣдовало-бы называться «Завѣтами», а вовсе не «Завѣтамъ»—журналу, который считается юнымъ братомъ Русскаго Богатства, но... братъ-ли? Развѣ троюродный какой-нибудь.

Вѣрность идеалистическая; пусть условная, «честность», окрылявшая отцовъ нашихъ, забытая дѣтьми ради соблазновъ эстетики; крѣпость единаго знамени—все это цѣнности объективныя, неизмѣнныя, непропадаемыя. Отъ нихъ отойдутъ—къ нимъ, такъ или иначе, вернутся. Ихъ однѣхъ мало для жизни; и за то, что Русское Богатство другихъ не ищетъ, я его жалѣю; но за то, что эти не полныя, но положительныя, оно охранило и несетъ вѣрно,—я его уважаю.

Самое обыкновенное теперь явленіе, чаще всего встрѣчающееся въ современной жизни, — «безпозиціонность». Книги, журналы, люди—«безъ позиціи». Непонятно, откуда это взялось. Ежели, въ литературѣ, пошло отъ эстетовъ,—мало вѣроятія: у эстетовъ была своя, эстетическая, позиція. Недавно выходилъ (а, можетъ, и теперь выходитъ) захудалый журнальчикъ, объявлявшій себя, главнымъ образомъ, внѣ: внѣ кружковъ, внѣ партій, внѣ того, внѣ другого... До десяти мѣстъ указывалось, гдѣ нѣту журнальчика; и ни слова о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, собственно, находится. Такая безмѣстность—предѣлъ безпозиціонности. Очень свободно... и не очень человѣчно, то-есть нѣсколько ниже человѣческаго достоинства. Человѣкъ безъ позиціи свободенъ, какъ языкъ колокольный безъ колокола. Преграды нѣтъ, болтайся широко, хоть вокругъ себя крутись. Онъ болтается, а я съ правомъ задаю губительный вопросъ: ну, и что же изъ этого?

Весь нашъ беллетристическій модернъ—безпозиціоненъ почти сплошь.

Писатель безъ міросозерцанья, какого бы то ни было, хотя бы чисто-эстетическаго, не писатель, а описатель, что я уже когда-то говорилъ. „Позиція“ для художника—это его міросозерцанье, такъ же, впрочемъ, какъ и для журнала; вѣдь, я не о «партійности» говорю, употребляя слово «безпозиціонность».

Русское Богатство хранитъ всѣ свои позиціи и нетерпимо къ неимѣющимъ ихъ. Правда, оно бываетъ нетерпимо и къ чужимъ позиціямъ,—это слабость, которую слѣдовало-бы преодолѣть, это—узость. Но все-же это лучше, чѣмъ то, чѣмъ грѣшатъ Завѣты: молодой журналъ чужихъ-то позицій не терпитъ, а къ безпозиціонности относится съ крайнимъ снисхожденіемъ.

Конечно, «Завѣты» хотятъ быть «современнѣе», и для публики, для обывателя,—«интереснѣе» Русскаго Богатства; а традиціонное отношеніе къ «искусству въ журналѣ», какъ къ вопросу второму, позволяетъ имъ привлекать безъ разбора художниковъ признанныхъ: публика ихъ читаетъ, а какого цвѣта бантики—глубоко наплевать: все равно бантики. Художникъ, въ извѣстномъ смыслѣ, для „завѣтниковъ“,—не личность; къ нему, къ современному, завѣдомо безпозиціонному, нельзя же предъявлять общечеловѣческихъ требованій. Напримѣръ, С. Булгакову, что-ли, или даже кому-нибудь менѣе замѣтному, но пишущему въ Русской Мысли, страницы Завѣтовъ недоступны были-бы даже для письма въ редакцію; а любой «художникъ»—свободенъ, какъ вѣтеръ, ему въ одно и то же время открыты всѣ двери: и въ «Рѣчь», и въ Русскую Мысль, и въ «прогрессистскую» газету, и въ Завѣты... только не въ Русское Богатство пока.

Что это? Ужъ, конечно, не особое уваженіе къ искусству, а скорѣе полупрезрительное. полуравнодушное отношеніе къ нему. Во всякомъ случаѣ—малое вниманіе къ человѣческой личности писателя.

Есть еще другая, любопытная, сторона Завѣтовъ. Дѣло въ томъ, что ихъ собственная «позиція», внѣшне какъ будто опредѣленная, внутренно смутна и находится, повидимому, въ процессѣ становленія. Какой она будетъ, установившись, и установится-ли твердо,—предвидѣть нельзя. Но что-то происходитъ тамъ, или, кажется, по крайней мѣрѣ, что происходитъ. Есть желаніе подойти къ болѣе широкимъ вопросамъ и,—не пересмотрѣть, конечно, старыя позиціи, это страшно,—а желаніе смазать, замазать, подправить, подкрасить старый домъ разрушающихся міросозерцаній, стесать острые, нынѣ уже неудобные, углы. Отупить невыгодныя противорѣчія. На полную потерю невинности никакіе Завѣты, конечно, не пойдутъ, но пріобрѣсти немножко капитала и потерять немножко невинности—отчего-же? Такова жизнь, она признаетъ «святость компромисса».

Статьи Ник. Суханова въ Завѣтахъ («По вопросамъ нашихъ разногласій») производятъ впечатлѣніе именно отесыванья неудобныхъ угловъ. Косяки не прилажены? Постругаемъ — не подойдутъ-ли?

„...На дѣлѣ современное народничество и по общему духу, и по деталямъ своего міровоззрѣнья во многомъ стоитъ къ

марксизму ближе, чѣмъ къ „отцамъ“, духовное наслѣдство которыхъ оно съ такимъ подчеркиваніемъ цѣнитъ“. „Народничество прямо эволюціонировало по направленію къ Марксу“. Есть, правда, разногласія, но „ужъ очень они невелики —и количественно, и качественно“. И „спрашивается: оправдываютъ ли эти разногласія существующее раздѣленіе?“ (Н. Сухановъ, «Завѣты», № 6, стр. 3).

Излишне говорить, что ни въ моральную, ни въ какую другую оцѣнку этихъ „отесываній и прилаживаній“ я не вхожу. Я лишь иллюстрирую факты, которые объективно наблюдаю.

Усилія г. Чернова, направленныя не то къ выясненію какихъ-то деталей старой позиціи, не то къ расширенію и болѣе твердому обоснованію «идеологіи», — эти усилія тоже любопытный фактъ. Но статьи «завѣтнаго» идеолога «Этика и политика», носящія слѣды большого авторскаго напряженія,—весьма странны. Онѣ похожи на военный «бѣгъ на мѣстѣ». Уснащенныя научно-философскими терминами, словечками, страшными и внушительными для немудрыхъ прямыхъ читателей г. Чернова, статьи эти, однако, не имѣютъ ничего общаго ни съ наукой, ни съ философіей; онѣ удивили бы не только философа, но всякаго читателя, знакомаго съ учебникомъ логики. Принужденный подойти къ вопросамъ, лежащимъ внѣ привычнаго поля его зрѣнія, г. Черновъ сразу-же запутывается между понятіями «личности» и «коллектива», и та связь, которую онъ пытается между ними установить, до очевидности нереальна; уже потому нереальна, что въ плоскости гдѣ оперируетъ г. Черновъ, реальной связи между ними нѣтъ и быть не можетъ, Разсужденія г. Чернова о законахъ этики. объективныхъ, «нормирующихъ и повелительныхъ» *), приводятъ къ тому, что «человѣку» предлагается «въ самомъ себѣ почерпнуть силы и средства» для выработки этихъ законовъ. «Человѣкъ самъ себѣ долженъ стать источникомъ нравственнаго закона»,—повторяетъ упорно г. Черновъ; а такъ какъ слишкомъ ясно, что исполнить это можно развѣ только чудеснымъ образомъ, то авторъ спѣшитъ прибавить о законѣ: «онъ долженъ вытекать изъ научнаго изученія соціальной природы человѣка». Человѣкъ, такимъ образомъ, обязуется «научно изучать» человѣка, найти, въ концѣ этого изученія, одинъ общій нормальный, внутренній законъ—и ужъ затѣмъ... что затѣмъ? Прилагать его къ коллективу? Но гдѣ критерій абсолютной цѣнности этого закона? Да и кто «научно изучаетъ» человѣка, человѣкъ или коллективъ? Или, можетъ быть, коллективъ и есть критерій этого, изъ научной личной работы, «вытекшаго» нормальнаго закона?

Такая путаница, что ужъ проще было-бы безъ всякихъ quasi-научностей, «по мужицки, по дурацки», по толстовски, сказать: пусть люди сговорятся между собой, пусть полюбятъ другъ друга,—и все будетъ хорошо.

Это недостижимо, но по крайности понятно, прекрасно и безспорно. И безъ обмана. Когда предлагается прыгнуть

*) Курс. автора.

выше своей головы, сразу видно, что тутъ нужны какія-то особыя средства; а если намъ подставляютъ «научныя» лѣсенки, по которымъ будто-бы можно долѣзть выше своей головы,—это обманъ, и лучше въ эту сторону совсѣмъ не смотрѣть. Впрочемъ, такими словами и обмануть трудно.

Я думаю, г. Чернову въ корнѣ не подъ силу стройка идеологій, даже подновленіе обветшалыхъ. Что-жъ, что жизнь требуетъ идеологій? Найдутся на эту работу другіе люди, съ болѣе широкимъ полемъ зрѣнія. Усилія-же г. Чернова—такъ и остаются «бѣгомъ на мѣстѣ».

О «беллетристикѣ» «Завѣтовъ» упоминать не буду; я уже говорилъ, какова она: это нашъ модернъ, все тотъ же, хорошій или дурной—равный себѣ повсюду. Примѣчательна въ Завѣтахъ единственная вещь: романъ Ропшина «То, чего не было». Но этотъ романъ значителенъ и цѣненъ самъ по себѣ, безъ отношенія къ Завѣтамъ; о немъ, когда онъ кончится, будетъ и рѣчь особая,—безъ отношенія къ Завѣтамъ.

Слѣдовало-бы, къ моей бѣглой замѣткѣ о журналахъ толстыхъ, прибавить нѣсколько словъ и о другихъ,—о журналахъ-тетрадкахъ, длительныхъ и кратковѣчныхъ, дурныхъ и хорошихъ. Какъ ихъ сейчасъ много у насъ! И типа самаго разнообразнаго. Но если говорить о хорошихъ—нѣсколькихъ словъ недостаточно; самую «хорошесть» ихъ слѣдуетъ разбирать съ особой точки зрѣнія. За то дурные дурны безспорно, откуда ни взгляни.

Оченьярокъ въ этомъ смыслѣ журналъ «Пробужденіе». Даже стыдно, даже не вѣрится, что онъ можетъ существовать, имѣть читателей. Кто они, эти несчастные люди? Наивные дикари? Если и дикари—все же люди, и знающіе грамотѣ; за что-же отравлять ихъ періодически такимъ позорнымъ ядомъ, пользуясь дикарскимъ ихъ состояніемъ?

«Литературно-художественный» журналъ этотъ не то, что внѣ литературы и искусства,—онъ послѣдовательно анти-литературенъ, анти-художественъ; это какая-то усмѣшка самаго пошлаго, маленькаго чортика надъ искусствомъ. Рисунки—и выборъ, и исполненіе—таковы, что я съ бо̀льшей легкостью посовѣтую любителю собирать конфектныя коробки отъ Абрикосова, нежели разсматривать картинки «Пробужденія». Литература бывала зачастую—перепечаткой «въ предѣлахъ, дозволенныхъ закономъ». Такимъ образомъ въ «Пробужденіе» могъ попасть всякій писатель, ни въ чемъ неповинный. Выдернутъ изъ тебя, что захотятъ, и сиди между выпуклыхъ розъ и голыхъ дѣвицъ. Судя по объявленіямъ, редакторы «Пробужденія» уже не довольствуются аудиторіей взрослыхъ: они намѣрены издавать журналъ для дѣтей: «Жаворонокъ». Если печать «Пробужденія» будетъ лежать и на «Жаворонкѣ», если онъ будетъ разсадникомъ той-же пошлости, (а вправѣ ли мы не бояться этого?), то послѣднее окажется горше перваго. Взрослые дикари—куда ни шло; а на подготовленіе дикарей, на отравленіе дѣтей—врядъ ли можно будетъ смотрѣть съ равнодушіемъ.

Журналъ «Пробужденіе», повторяю, особенно ярокъ. Оттого я и остановился на немъ. Есть и другіе въ томъ-же стилѣ, но поблѣднѣе и потому поневиннѣе.

О хорошихъ-же тонкихъ журнальчикахъ скажу какъ-нибудь при случаѣ болѣе обстоятельно.

Антонъ Крайній.

Полное собраніе сочиненій Д. С. Мережковскаго.

Томы I—XV. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. 1911.

Во всякой другой странѣ, кромѣ Россіи, пятнадцати томовъ сочиненій, содержащихъ изумительную по изобразительному мастерству трилогію, поразительныя по глубинѣ и богатству мысли критическія изслѣдованія, новеллы, стихотворенія и статьи на религіозно-философскія темы,—этого пышнаго итога тридцатилѣтней напряженной работы ума и таланта было бы достаточно, чтобы обезпечить, если не „безсмертіе", то спокойное и почетное положеніе въ обществѣ, подобное тому, какое занимаетъ въ культурной Франціи Анатоль Франсъ. Но въ варварскомъ нашемъ отечествѣ, умѣющемъ устраивать своимъ лучшимъ сынамъ только пышныя похороны, Д. С. Мережковскій не только не отличенъ еще нашей Академіей, вѣнчающей Вѣру Рудичъ и т. п., но даже и въ уединеніи работы своей не гарантированъ отъ тѣхъ безцеремонныхъ вторженій, которыя во всякой культурной странѣ уже давно отошли въ область легенды. И невольно вспоминаются слова того же автора, опредѣляющія заслуги художника-творца передъ родиной, которую—увы! —такъ многіе изъ нихъ любятъ напрасной, ничѣмъ не оправдываемый, любовью: „Въ сущности, созиданіе на землѣ даже малѣйшей доли красоты—такой нравственный подвигъ, такое благодѣяніе людямъ, что оно несоизмѣримо ни съ какими денежными наградами". Въ созиданіи этой „доли красоты на землѣ" Мережковскій—одинъ изъ первыхъ нашихъ соотечественниковъ.

О романахъ „Юліанъ-Отступникъ", „Погибшіе боги" и „Петръ" въ свое время было написано очень много,—въ частности и пишущей эти строки пришлось вставить свое слово въ общій и почти согласный хоръ, воздавшій должное исторической эрудиціи и художественной концепціи трилогіи. Обширное критическое изслѣдованіе „Толстой и Достоевскій" было также своевременно отмѣчено, какъ изумительная попытка

чисто-художественной критики двухъ великихъ нашихъ писателей, ясновидцевъ Духа и Плоти. Здѣсь мы должны оговориться, что, въ виду краткости настоящей замѣтки, мы остановимся, главнымъ образомъ, на анализѣ Мережковскаго, какъ художника-критика, считая эту сторону его таланта поистинѣ совершенно исключительной и, пожалуй, менѣе всего оцѣненной. Въ изумительныхъ статьяхъ Мережковскаго о Гоголѣ, Достоевскомъ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ и другихъ „вѣчныхъ спутникахъ" разсыпано столько ума, наблюдательности, чуткости и таланта, что каждая изъ нихъ могла бы служить образцомъ критическаго изслѣдованія.

Совершенно правильно основное утвержденіе автора, полагающаго, что истиннымъ художественнымъ критикомъ можетъ быть только художникъ-поэтъ, ибо „тайна творчества, тайна генія болѣе доступна поэту-критику, чѣмъ объективно-научному изслѣдователю". Въ самомъ дѣлѣ, кому, какъ не поэту, творцу образовъ, могутъ быть проникновенно доступны таинственные образы, созданные другимъ. Кто, какъ не поэтъ-критикъ, разгадаетъ сокровенную глубину мысли и чувства, доступную лишь извѣстному уровню поэтической одержимости? Какъ объяснить красоту мерцанія звѣздъ слѣпорожденному, какъ заставить почувствовать глубину Бетховенской симфоніи—глухонѣмому, какъ научить цѣнить „драгоцѣнное и безполезное" прекрасное людей, ищущихъ прежде всего утилитарной „пользы" въ твореніяхъ искусства, по существу всегда „безкорыстнаго и безполезнаго"? Лишь этой тайной божественнаго проникновенія въ душу другого, всегда немножко родственнаго въ своей поэтической интуиціи, творца можно объяснить тѣ поистинѣ чудесныя прозрѣнія, которыми характеризовалъ Мережковскій мятущуюся въ поискахъ религіи психологически-сложную душу нашего геніальнаго богоискателя—Гоголя, и мятежное бунтарство родоначальника нашего русскаго ницшеанства—Лермонтова. Поэтъ, всегда сочетающій съ наивностью ребенка зоркость мудреца, болѣе, чѣмъ кто-либо, одаренъ способностью читать въ сердцахъ, какъ и въ великой звѣздной книгѣ, судьбы и тайны тѣхъ, чей слухъ одинаково внемлетъ мольбамъ человѣческаго сердца и вздохамъ великаго Пана. Дѣятельность поэта-критика лучше всего выражена въ слѣдующемъ опредѣленіи самого Мережковскаго: „Поэтъ-критикъ отражаетъ не красоту реальныхъ предметовъ, а красоту поэтическихъ образовъ, отразившихъ эти предметы. Это—поэзія поэзіи, и въ отраженіи красоты можетъ быть невѣдомое, таинственное обаяніе, котораго вы не найдете даже въ самой красотѣ; такъ во слабомъ отраженномъ свѣтѣ луны есть обаяніе, котораго нѣтъ въ источникѣ луннаго свѣта — въ могущественныхъ лучахъ солнца". Эти же слова какъ нельзя болѣе характеризуютъ художественно-критическую личность самого автора.

Въ чрезвычайно интересной по глубинѣ анализа и оригинальности сужденій статьѣ—„О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ въ современной литературѣ", написанной лѣтъ двадцат

тому назадъ, Мережковскій даетъ исчерпывающую картину причинъ упадка языка и литературныхъ нравовъ, вполнѣ сохранившую свою остроту и мѣткость и для нашихъ дней. Съ какой глубокой и ревнивой нѣжностью заботится онъ о чистотѣ великаго русскаго языка, какъ искренно и незлобиво скорбитъ о вторженіи въ прессу критиковъ-вандаловъ, которые, будучи сами чужими въ отечественной литературѣ, беззастѣнчиво и безбольно уродуютъ и насилуютъ прекрасное русское слово! «Русская критика,—говоритъ Мережковскій,—за исключеніемъ лучшихъ статей Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Страхова, отдѣльныхъ очерковъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, геніальныхъ замѣтокъ Пушкина, всегда являлась силой противонаучной и противохудожественной, и, что хуже всего, критики наши не были ни настоящими учеными, ни настоящими поэтами». Какъ ненавистны ему, истинному художнику, для котораго «красота образа не можетъ быть непрадивой, а потому и безнравственной», эти «ни холодные, ни горячіе» проповѣдники общепризнанныхъ гуманностей, любители банально-трагическихъ эффектовъ, пѣвцы добродѣтелей большихъ дорогъ, въ искусствѣ «слѣпорожденные»! Зато какъ близки, какъ понятны Мережковскому, какъ благородны и человѣчно-трагичны въ его художественномъ изображеніи страдальческія откровенія геніальнаго Гоголя, двуличіе противорѣчій въ душѣ поэта евангельской любви—Достоевскаго, танталовы муки «сверхчеловѣчества» одинокаго угрюмца Лермонтова, героическая борьба генія съ варварствомъ мученической судьбы Пушкина! Я думаю, что не далеко отъ истины будетъ признаніе, что Мережковскому, какъ критику, сейчасъ нѣтъ равнаго въ Россіи, и огромной заслугой передъ столь нуждающейся въ настоящемъ художественномъ критикѣ литературой будетъ возвращеніе его къ этой, оставленной имъ для другихъ работъ, дѣятельности. Какой истинно-художественной радостью было бы встрѣчать подписанныя имъ критическія статьи.

Религіозно-философскія исканія и связанныя съ ними темы—вотъ что волнуетъ душу Мережковскаго въ послѣдніе годы; отраженія этихъ настроеній представлены въ его сочиненіяхъ рядомъ статей подъ общимъ названіемъ: „Не миръ, но мечъ“.

Къ сожалѣнью, на мой взглядъ, эти статьи гораздо менѣе способны зажигать читателя тѣмъ художественнымъ восторгомъ, который почти физически ощущаешь при чтеніи критическихъ статей того же автора.

Какія положенія кладетъ Мережковскій въ основу своихъ философско-религіозныхъ исканій? „Хотимъ, чтобы жизнь была во Христѣ, и Христосъ въ жизни“. И тутъ же ставитъ вопросъ: „Какъ это сдѣлать?“ Яснаго отвѣта на этотъ вопросъ въ дальнѣйшемъ, однако, мы не находимъ. Въ предисловіи къ настоящему изданію Мережковскій, съ присущей ему скромностью, не говоритъ: „идите туда“, а предлагаетъ своимъ „спутникамъ“ по исканіямъ „идти вмѣстѣ“ и вмѣстѣ искать этихъ осуществленій жизни во Христѣ. Если смотрѣть на этотъ религіозно - философскій путь,

только какъ на путь исканій, то, конечно, попытки въ этомъ отношеніи Мережковскаго и его ближайшихъ „спутниковъ“ заслужили огромнаго вниманія и интереса. Но намъ кажется, что религіозныя ученія, какъ таковыя, не могутъ оставаться всегда только въ области лабораторныхъ исканій,—это не умозрительная теорія, какъ хотя бы соціализмъ, проповѣдники котораго могутъ ограничиваться ролью пропагандистовъ, будучи увѣрены въ вещественномъ могуществѣ матеріальныхъ силъ, безостановочно работающихъ за нихъ. Историческое христіанство во многомъ расходится съ холодомъ культуры, отъ которой, однако, не отказывается Мережковскій. Какъ примирить эти два начала—Христово и Антихристово, пока мы не находимъ на это прямыхъ указаній въ статьяхъ Д. С. Мережковскаго.

Къ недостаткамъ настоящаго изданія, въ общемъ весьма приличнаго, надо отнести полное отсутствіе хронологическихъ указаній и датъ, необходимыхъ для работы будущаго историка литературы.

Анастасія Чеботаревская.

Символизмъ „Заложниковъ Жизни“ Θедора Сологуба.

Странная мысль отожествить первую апокрифическую жену Адама, Лилитъ, съ ненасытной мечтой—Дульцинеей!

Въ прологѣ къ «Побѣдѣ смерти» являлась Дульцинея въ образѣ простой дѣвушки Альдонсы и напрасно требовала, чтобы ее увѣнчали король и поэтъ. Не достигла. Тогда зачаровала она и короля, и поэта, и королеву Ортруду вмѣстѣ съ влюбленнымъ въ нее пажемъ, усыпила ихъ и заставила смотрѣть на представленіе, гдѣ дочь ея Альгиста ворвалась хитростью въ чертогъ короля Хлодевега, отстранить его законную жену Берту, родившую чахлаго Карла.

Правда, тутъ таже неудача. «Опять зрѣлище остается зрѣлищемъ и не становится мистеріей». Еще разъ не удался замыселъ мечты-Дульцинеи: король вернулся къ своей законной женѣ, прогналъ Альгисту, хотя и научился ее любить. И вновь таже самая кара—закаменѣть должны король и королева, но голосъ издали провозглашаетъ, что мечта, когда-нибудь да побѣдитъ: «Увѣнчаютъ красоту и низвергнутъ безобразіе». Простъ и понятенъ символическій смыслъ этихъ образовъ. Это романтическій призывъ къ мечтѣ, хотя и разбиваемой косной жизнью, но вновь и вновь возрождающейся для воплощеній и подвиговъ, для новой борьбы съ каменѣю-

щей косностью. Прекрасной Дульцинеѣ приходится влачить недостойное существованіе дѣвушки Альдонсы, хитрить, быть отверженной; увы, такова правда, и отсюда пессимистическій горькій смыслъ символовъ: «Смертью побѣждаешь любовь,—любовь и смерть—одно». Романтики признаютъ, что символъ прекрасенъ.

Но вотъ теперь оказывается, что романтическая Дульцинея — ничто иное, какъ апокрифическая жена Адама—Лилитъ. Она первая жена человѣка. Какъ это такъ? Когда Дульцинея или дочь ея Альгиста врывается въ событія жизни, ей суждено становиться незаконной женой, не женой, а любовницей; она должна заставить короля разстаться съ законной своей супругой ради нея. Тутъ конечно сходство съ Лилитъ: Адамъ, полюбивъ Лилитъ, въ сущности заранѣе измѣнилъ Евѣ. Вѣдь, постоянная-то его жена—Ева и, стало быть, съ Лилитъ было лишь похожденіе, временное, не законное увлеченіе. Это такъ. Но неужели Лилитъ—мечта, художество, романтика? Почему такъ? Неужели любовь Евы—такое же моральное паденіе, какъ любовь короля къ измѣняющей ему съ пажемъ супругѣ? Какой онъ разрушительный для супружеской вѣрности, этотъ странный символизмъ! Не ладно что-то. Безпокойно. Робѣютъ умы положительные и традиціонные.

И недоумѣвала публика, глядѣвшая зачарованными глазами, на словно сказочную, совсѣмъ новую сцену Александринскаго театра, на которой эти кудесники, Головинъ и Мейерхольдъ, водворили «Заложниковъ жизни». Все тамъ было по другому и по небывалому, а та мораль, которую всегда прежде всего воспринимаетъ отъ всякаго художественнаго произведенія публика, показалась самой рискованной. Дульцинея-Лилитъ исполнила такую обязанность, что упаси, Боже! Полюбили другъ друга мальчикъ и дѣвочка, до того полюбили, что когда ихъ родители запретили имъ стать женихомъ и невѣстой, даже хотѣли отравиться. Но послѣ обошлось, и мальчикъ сталъ студентомъ, окончилъ курсъ, занялся весьма успѣшно дѣлами въ качествѣ строителя, нажилъ капиталъ и построилъ себѣ превосходный домъ; а дѣвочка въ это время стала красавицей, вышла замужъ за нелюбимаго человѣка, потому что онъ былъ богатъ, и превосходно жила на радость родителямъ. Такъ въ теченіи всѣхъ актовъ были мальчикъ и дѣвочка «заложниками жизни»; они все готовились жить. Сама жизнь была для нихъ впереди и начнется лишь, когда опустится занавѣсъ. Жизнь эта будетъ состоять въ томъ, что они, наконецъ, сойдутся. Они побѣдили. Теперь кончилось заложничество. Ничто не мѣшаетъ ихъ счастью. Катя броситъ мужа и дѣтей и прійдетъ въ богатый, для нея построенный, домъ. Вотъ молодцы, вотъ практики жизни. Только чуть грустью вѣетъ отъ ихъ послѣднихъ словъ о предстоящемъ счастьѣ.

Какая же тутъ Дульцинея, при чемъ она? Она, однако, пригодилась. Подъ видомъ первой апокрифической жены Адама, воплотившейся въ эксцентрическую художницу-декадентку Лилитъ, Дульцинея будетъ всѣ годы заложничества утѣшать героя пьесы своими легкими плясками.

Когда же явится возможность Михаилу и Катѣ наконецъ, сойтись, Лилитъ грустно уйдетъ—такъ и было условлено—и тогда-то зрители узнаютъ, что Лилитъ и Дульцинея—тоже самое.

Новый замыселъ, такимъ образомъ, перевернулъ и поставилъ вверхъ дномъ все, что мы до сихъ поръ знали о Дульцинеѣ-Альдонсѣ. Слившись съ Лилитъ, ни къ какому увѣнчанію красоты, побѣждающей смертью жизнь, Дульцинея сразу же и немедленно не стремится. Она дѣлаетъ свое дѣло, вовсе не разрушающее жизнь, а работаетъ ей же на пользу. Она склонилась передъ жизнью и передъ жизненной любовью, постоянной и законной. Въ тѣхъ сценахъ, когда Лилитъ цѣлуетъ загорѣлыя ножки бѣгающей босикомъ Кати и послѣ, когда Катя возвращается къ Михаилу уже нарядной дамой, опять становится передъ ней на колѣни, такой скромной, покорной и покладистой стала Дульцинея. Ничего не осталось отъ гордости ея въ прологѣ къ „Побѣдѣ смерти", когда она говорила о королевѣ Ортрудѣ: „Это — Альдонса! Глаза ея тусклы и голосъ чрезмѣрно звонокъ"; дочь ея рабыня, Альгиста, не насмѣхается больше надъ законной королевой Бертой: „Красавица! Смотри, король, какой у нея большой ротъ! Какая она рябая! И одна у нея нога длиннѣе другой!" Теперь красавицей предстала передъ нами противница Лилитъ - Дульцинеи—Катя. Прекрасна Катя и прекрасна жизнь. Законная единственная любовь возславлена, потому что она настоящая. Счастливы и живы для живой и настоящей жизни будутъ Михаилъ и Катя въ великолѣпномъ, построенномъ для любви и счастья, домѣ. „Заложники жизни" одержали побѣду и перестали быть жалкими и несчастными.

Новую пьесу можно было бы назвать Побѣдой жизни, если бы не мѣшала рискованная мораль Михаила и Кати, пошедшихъ такими путями къ своему счастью, по какимъ заблудиться, загубить себя, а не шествовать гордо надлежитъ совѣсти.

Всякая строгость, однако, пусть въ мѣру. Еслибы повстрѣчались и полюбили Михаилъ и Катя другъ друга впервые уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ сталъ извѣстнымъ строителемъ, а она замужней женщиной, мы бы не кинули въ нихъ камня. Мы нашли бы и уходъ Лилитъ естественнымъ. Рветъ любовь оковы, которыя не по ней. Чудовищными кажутся въ „Заложникахъ жизни" преднамѣренность, разсчетъ; зачѣмъ ихъ прежняя любовь? Зачѣмъ Михаилъ и Катя измѣнили своей прежней любви, нарушили ея права съ разсчетомъ, и кто же помогалъ? Мечта-Лилитъ. Романтизмъ послужилъ холодному разсчету въ годы борьбы и заложничества. Тутъ главное, тутъ самое трудное въ новомъ замыслѣ—и вотъ это надо понять. Осмыслить надо вотъ этотъ символъ, чтобы проникнуть въ мысль драмы. Авторъ говоритъ намъ теперь уже не то, что раньше, совсѣмъ все по другому. Не зоветъ онъ въ міръ романтическихъ грезъ, совсѣмъ не требуетъ, чтобы презирали мы жизненный успѣхъ и реальность самой жизни. Ради этого-то и должны Михаилъ и Катя заставить себя поступить почти цинично. Имъ было предпи-

сано ихъ создателемъ совершить дурное для того, чтобы послѣ дурныхъ поступковъ и дурно проведенной жизни они побѣдили, и тогда восторжествовала единая, постоянная, чуть ли не святая любовь.

И спрашивается, что же теперь осуждено: романтизмъ, мечта или, напротивъ, жизнь, дѣйствительность? Ни то, ни другое. Въ этой математически стройной, до сухости методической, пьесѣ сказано простое и давнымъ давно знакомое: побѣда жизни не бываетъ безъ компромиссовъ.

Нѣтъ хуже критики, какъ та, которая высказываетъ моральное осужденіе героямъ, а черезъ ихъ голову и автору. Къ чему морализировать? Передъ нами, вѣдь, не настоящіе люди. Смѣшно тянуть ихъ къ мировому и сказать о нихъ: не пущу ихъ за порогъ своего дома, того и гляди, не досчитаешься серебряныхъ ложекъ. Образъ остается образомъ. Катя и Михаилъ побѣдили въ жизни, потому что пошли на компромиссъ: не только они не отравились, когда полудѣтьми были Ромео и Джульеттой, но и дальше поступали, какъ требовала жизнь самыми пошлыми своими требованіями; они совсѣмъ не герои. Жалкіе, человѣческіе, слишкомъ человѣческіе Адамъ и Ева! Мечтаютъ Адамъ и Ева, когда молоды и грезятся имъ подвиги. Рвутся на части ихъ сердечки, если разбиваются мечты невинной молодости, и тогда-то возникаетъ трагическая проблема: гдѣ побѣда, въ смерти или въ жизни? Первое рѣшеніе благородно, похвально; надо склониться передъ ними. А второе? Обернитесь на себя самихъ. Мы всѣ, оставшіеся въ живыхъ, мы всѣ многогрѣшные, не—герои, не—мученики, мы всѣ, достигшіе въ жизни теплаго угла и ѣды до сыта! Мы всѣ сознательно или безсознательно сказали себѣ: да побѣдитъ жизнь. Да, такъ мы сказали въ большомъ и маломъ и этимъ самымъ признали себя не героями.

Поистинѣ, Дульцинея была нашей Лилитъ какъ разъ такой же не признанной, такой же живущей подъ постоянной угрозой, что мы прогонимъ ее, какъ только Катя-Ева-Альдонса, т. е. живая жизнь постучитъ въ наши двери. И поистинѣ съ молодыхъ лѣтъ были мы обручены съ Катей-Евой-Альдонсой.

Мы только привыкли скрывать наши хитрости. Хитрая выходитъ на люди царицей баловъ, прекрасной княгиней Татьяной и говоритъ Онѣгину: „но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна". Шумно апплодируемъ мы этимъ словамъ и въ націоналистическомъ экстазѣ восклицаемъ: вотъ настоящая русская женщина. Хитритъ и Онѣгинъ, когда боится полюбить Татьяну деревенской барышней, а послѣ, бросившись передъ ней на колѣни, когда она на высотѣ красоты и знатности, увѣряетъ, что лишь теперь по настоящему полюбилъ ее. Онѣгину хотѣлось побѣдить жизнь, а не быть раздавленнымъ ею тамъ, въ глуши, въ помѣстьѣ отцовъ съ молодой женой, которая рано расплывется и не достигнетъ тѣхъ своихъ совершенствъ, какія могутъ пышно расцвѣсть, потому они уже есть въ зародышѣ. Люди жизни, всѣ безъ исключенія—вопросъ только въ степени—поступаютъ дурно и тутъ ихъ главное отличіе отъ людей великой

мечты, отъ героевъ, отъ людей прекрасной смерти и неподвижной вѣчности. Что жизнь и мораль разошлись, это старая скучная истина. Всѣ ее знаютъ. Никто противъ нея не споритъ. Однако, когда она до такой степени ошеломила Шопенгауера, что онъ сталъ зачитываться древней индійской мудростью, толковавшей о нирванѣ, и объявилъ себя пессимистомъ, съ нимъ вовсе не согласились, стали возражать, объявили пессимизмъ болѣзнью, и... evviva la vita nuova!

Дурно поступаютъ во всѣхъ сценахъ Михаилъ и Катя съ самаго того момента, когда Катя не захотѣла отравиться, и публика совсѣмъ не рада тому, что тамъ, за кулисами, когда упадетъ уже занавѣсъ, они будутъ счастливы. Публика не полюбила, не пожалѣла, не одобрила самихъ заложниковъ жизни и, если апплодировала, то только „Заложникамъ жизни" Сологуба. Не полюбила, не пожалѣла, не одобрила публика и Лилитъ, потому что—такъ рѣшила публика—она ломака, босоножка и декадентка. И я не хочу защищать ни Михаила, ни Катю, ни даже Лилитъ. Я хочу такъ же, какъ и публика на первомъ представленіи, одобрить только Сологуба. Ему легко было бы сдѣлать такъ, чтобы понравились Михаилъ, Катя—и особенно Лилитъ, а онъ этого не сдѣлалъ. За это я его хвалю. Мечту превосходно было бы назвать вовсе не Лилитъ, не дѣлать ее босоножкой и декаденткой, а, напримѣръ, Антигоной, Беатриче, Прекрасной дамой.

Какъ хорошо было бы, еслибы Михаилъ сначала любилъ именно такую великую мечту, такъ подходятъ молодости прекрасныя мечты, а послѣ, заблудшій и павшій увлекся Катей, нажилъ бы отъ нея „стилизованныхъ дѣтей", построилъ стилизованный домъ, самъ сталъ стильнымъ, а въ концѣ пьесы... бросилъ и домъ, и жену, Катю, раскаялся въ своемъ паденіи и, увидѣвъ вновь Антигону-Беатриче-Прекрасную даму, склонился передъ ней, прося о пощадѣ и любви. И отвѣтила бы гордо Антигона-Беатриче-Прекрасная дама:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Подѣломъ ему.

Очень хорошо сдѣлалъ Сологубъ, что сказавши: жизнь дурна, жалки Адамъ и Ева, сказавши: декадентка Лилитъ—ваша Дульцинея,—ломака, она босоножка, но все таки она мечта великая и необходимая, руководящая жизнью, уже усталая, хотя и неустанная,—тѣмъ не менѣе, закончилъ побѣдой жизни, единственно сущей нашей повелительницы, прекрасной, но грѣшной съ головы до пятъ.

Евгеній Аничковъ.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Деревенское «хулиганство».

Русскій мужикъ объявленъ головорѣзомъ, висѣльникомъ, хулиганомъ въ рядѣ уѣздныхъ земствъ. Земцы боровичскіе, великолуцкіе, буйскіе, кременчугскіе—всѣ въ одинъ голосъ порѣшили, что деревня нашего времени—дьяволъ во плоти, и бороться съ нимъ законъ человѣческій безсиленъ. Они, эти дворяне, разсѣвшіеся въ земствѣ, давно говорили: въ мужикѣ дремлетъ звѣрь, въ мужикѣ сидитъ каторжникъ, который лишь до поры, до времени не выползаетъ наружу. Теперь этотъ звѣрь показалъ свои когти. И катится потокъ озорства, ужасовъ, преступности, застилая кровавымъ туманомъ деревенскій горизонтъ.

Конечно, эти крики о хулиганствѣ не новы. Не было съѣзда дворянскаго, на которомъ не сыпались бы крѣпкія слова по адресу «пейзановъ» и ихъ «животныхъ побужденій» — этихъ «пьяницъ, распутниковъ, воровъ». Раздавались они и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ. Недаромъ даже «аграрныя» произведенія сдѣлались спеціальностью гг. черносотенцевъ послѣдніе годы; передъ нами уже груда этого рода изображеній русской деревни съ точки зрѣнія хулиганства. Ново, разумѣется, не то, а другое: иниціатива на этотъ разъ исходила отъ самой власти.

Вопросъ возникъ въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Оно-то и затѣяло опросъ мѣстныхъ административныхъ совѣщаній и земскихъ собраній, послѣ чего мѣстные администраторы въ экстренныхъ засѣданіяхъ поспѣшили указать тѣ мѣры, какія необходимы, по ихъ мнѣнію, для борьбы съ деревенскимъ хулиганствомъ, чтобы такимъ путемъ подсказывать свои совѣты земцамъ.

Дворянскіе вопли, значитъ, услышаны, кѣмъ слѣдуетъ. Мы находимся, значитъ, наканунѣ какой-то практической мѣры. Уже «Новое Время», за версту чующее то, что черезъ нѣкоторое время получитъ полицейскую силу, сочиняетъ идеологію «физическаго, такъ сказать, санаторнаго леченія порока». Убѣждаетъ не пугаться словъ, ибо если для начинающихъ утрачивать «благородство»,

уже подчиненіе высшей волѣ благодѣтельно, то «для натуръ, глубоко падшихъ, рабство можетъ изъ проклятія сдѣлаться благословеніемъ»: именно физическимъ путемъ глубоко падшій сброситъ съ себя «преступность, какъ тяжелую болѣзнь»...

Но, пока бюрократическая практика благословитъ средство, которое должно положить конецъ «безобразнымъ явленіямъ» деревенской жизни, спросимъ себя: почему же эти «безобразія» растутъ съ неудержимой стремительностью? Что ихъ вызвало на свѣтъ?

«Безобразныя явленія» деревенской жизни требуютъ ковычекъ не потому, что ихъ нѣтъ. Хулиганство деревенское есть, но одно дѣло—хулиганство подлинное, другое — хулиганство по дворянской мѣркѣ. Всякій, кто захотѣлъ бы подойти съ вѣрнымъ аршиномъ къ той невѣроятной путаницѣ, въ какой бьется жизнь современной деревни, долженъ имѣть въ виду эту разницу.

Дворянскій масштабъ не можетъ не быть масштабомъ особаго рода: при всемъ видимомъ покоѣ, отношеніе къ помѣщику ухудшилось. Вражда къ помѣщику теперь такъ глубока, что мужикъ скорѣе повѣритъ чиновнику, который взыскиваетъ съ него подать, чѣмъ помѣщику, которому онъ даже могъ бы довѣрять въ силу добрыхъ отношеній. Конечно, озорство прежде всего свило себѣ гнѣздо здѣсь.

Неѣловецъ никакихъ бунтовъ не затѣваетъ. А не проходитъ дня, чтобы какая-нибудь пакость помѣщику да не была устроена. Это не «аграрный терроръ», но дворянскія конюшни, дворянскіе стога горятъ тѣмъ не менѣе. Тамъ увезутъ хлѣбъ, здѣсь попортятъ скотъ—нерѣдко безъ всякой пользы для себя, лишь бы повредить помѣщику, изъ чувства мстительности, переходящей въ озорство. Обращаетъ вниманіе необыкновенно возросшій процентъ кражъ у помѣщиковъ—кражъ, ничего общаго не имѣющихъ, скажемъ, съ рубкой помѣщичьяго лѣса прежняго времени. Тогда крестьянинъ говорилъ себѣ, что это не воровство, ибо лѣсъ, земля, рыбныя угодья лишь по недоразумѣнію принадлежатъ помѣщикамъ. Въ основѣ же озорства, этого темнаго чувства злобы, не освѣщеннаго свѣтомъ сознанія, лежитъ одна уголовщина.

Въ проявленія этого рода выродилось сплошь и рядомъ движеніе противъ помѣщиковъ. Вражда же крестьянъ между собой поистинѣ превратила деревенскія будни въ сплошной конфликтъ односельчанъ, поднявъ уголовную хронику деревни на страшную ступень. Въ деревнѣ и въ прежнее время происходили драки, но, главнымъ образомъ, все-таки по пьяному дѣлу; и въ прежнее время бывали случаи, что крестьянъ обкрадывали, но обкрадывалъ или кто-нибудь со стороны, или—если въ эти «дѣла» пускался крестьянинъ, то такой, которому уже въ деревнѣ не житье. Во всякомъ случаѣ, подобныя нарушенія нормальнаго обихода деревенскаго житья-бытья были рѣдки, сколько-нибудь чувствительно на немъ не отражались. Совсѣмъ иное бросается въ глаза въ деревнѣ сейчасъ. Эти ссоры, эти драки стали бытовымъ явленіемъ. Собственникъ загоняетъ скотъ общинника, об-

щинникъ—хуторянина. Деревенскій бѣднякъ бѣжитъ въ городъ и, не добившись ничего, возвращается для того, чтобы привнести свои черты въ темную стихію. Крестьяне и обворовываютъ другъ друга и жгутъ другъ друга; ближайшіе родственники превратились во враговъ. И на этомъ мрачномъ фонѣ крѣпко стоитъ лишь прославленный «мерзавчикъ», «штофъ съ очищенной».

И Толстой изображалъ власть деревенской тьмы, но то была только тьма. Это же—тьма, пропитанная злобой. Напрасно только гг. Родіоновы воображаютъ, что новая озлобленная психологія опустошенной деревни открыта черносотеннымъ народничествомъ. Мужикъ сдвинутъ со стараго пня, пень сорванъ со старыхъ корней уже давно, еще наблюдатель вчерашняго дня не могъ не смотрѣть испуганными глазами въ образовавшуюся пустоту, таящую въ себѣ всевозможныя противорѣчія, не могъ не предвидѣть того хаоса, который явится въ итогѣ разрушенія старыхъ устоевъ, разрушенія, на мѣсто котораго ничего положительнаго создано не будетъ. Теперь этой тьмы, изъ которой нѣтъ выхода, этого хулиганства подлиннаго не отрицаютъ ни Бунинъ, ни Муйжель, ни Крюковъ.

Еще не такъ давно золоторотецъ, которому терять нечего, поставленный въ положеніе профессіональнаго бродяги, появлялся въ деревнѣ только изъ города. Помните горьковскаго проходимца, по увѣренію котораго, «мужикъ есть для всѣхъ людей матеріалъ питательный, сирѣчь—съѣдобное животное»? Тогда этому типу въ деревнѣ нечего было дѣлать. Мужики—«землеѣды тупорылые», по его опредѣленію, не «питали» его, даже доходили до такой степени неприличія, что требовали со всякаго прохожаго паспортъ. Теперь этого «бродячаго народу» въ самой деревнѣ стало не мало; народился собственный деревенскій проходимецъ, который уже не находитъ себѣ мѣста въ городѣ. Это—по своему положенію—не «стрѣлокъ», попадавшій сюда въ прежнее время изъ города. Отъ городского босяка его отличаетъ то, что онъ до сихъ поръ хоть по видимости «землеѣдъ тупорылый», по крайней мѣрѣ, вчера еще имъ былъ. Но сбитый съ толку узломъ непримиримыхъ противорѣчій, озлобленный на всѣхъ и на все, онъ, что называется, отъ рукъ отбился. Онъ по психологіи уже тотъ же городской хищникъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Однако, повторяю, гг. дворяне, говорящіе отъ лица нынѣшняго земства, выдвигаютъ другую сторону, которая отнюдь не допускаетъ подобной оцѣнки.

Хулиганство деревенское, безъ сомнѣнія,—продуктъ развала старыхъ основъ въ извѣстномъ смыслѣ. Какая ни на есть, да царила до сихъ поръ въ мужицкой душѣ вѣра; была мужицкая мораль, какія ни на есть традиціи. Теперь пережитки, поддерживавшіеся вѣками, разсыпаются въ прахъ, мужицкія святыни сжигаются на кострѣ ненависти. Если на пустое мѣсто что-либо положительное ставится,—выходитъ деревенскій интеллигентъ; не ставится, — вступаетъ въ свои права тотъ «замутившійся умъ», который—по словамъ Леонида Андре-

ева—„блуждаетъ, какъ пьяный, не находящій дверей своего дома“.

Была, скажемъ, заповѣдь: чти отца. Теперь же отцы сошли на нѣтъ. Это—„старые дураки“, „старые кобели“.

— Дѣды, говоришь?—разсуждаетъ молодежь В. Муйжеля.—Я твоихъ этихъ самыхъ дѣдовъ.—Слѣдуетъ ругань и плевокъ.—Вотъ что я твоихъ дѣдовъ хочу...

Если это—простое отрицаніе, простой выводъ изъ того, что нѣтъ авторитета, значитъ, нѣтъ и грѣха, то въ итогѣ—семейная разруха—больше ничего. Пустое мѣсто и въ области вѣрованій. Ничего положительнаго ни въ мысляхъ, ни въ чуствахъ,—одна муть, одна власть неосмысленныхъ желаній. И эта слѣпая энергія разрѣшается въ какую угодно сторону, смотря по обстоятельствамъ. Сейчасъ одно, сейчасъ другое.

— Мнѣ съ вами теперь не разсчетъ, а когда ваша сила возьметъ, то тамъ увидимъ... тогда, можетъ, мнѣ же поклонитесь... и мои руки пригодятся.

Тронулся мужичекъ, сошелъ съ насиженнаго мѣста, а кругомъ себя смотритъ все тѣми же звѣриными глазами:

— Евреи все напортили,—говоритъ одинъ,—потому что самоправія захотѣли. А что-жъ оно будетъ, когда такое самоправіе будетъ? Еврей этакъ и въ губернаторы выйдетъ, а я передъ нимъ за версту шапки ломи?

— Не евреи, милый другъ, а помѣщики самоправіемъ занялись, — поправляетъ другой.—Они съ евреями сошлись, которые евреи изъ вредныхъ, что за республику стоятъ и вмѣстѣ съ помѣщиками царя не желаютъ (С. Величко. „Деревня и городъ въ періодъ второго междудумья“. „Образованіе“, 1908 г., сентябрь—октябрь).

Эта путаница, можно сказать, распыляетъ всю душу мужичка. Но онъ крѣпокъ, какъ извѣстно, въ своемъ повиновеніи. Недаромъ еще Некрасовъ писалъ: „мужикъ—что быкъ: втемяшится въ башку какая блажь, коломъ ее оттудова не выбьешь“. Напр., до сихъ поръ воровство деревня преслѣдовала. Конокрадовъ, изловленныхъ на мѣстѣ преступленія, прямо на смерть забивали. Вспомните купринскаго „Конокрада“—вотъ образчикъ крестьянской морали добраго стараго времени. Но разъ въ то же время крестьянинъ „втемяшилъ себѣ въ башку“, что рубить лѣсъ помѣщичій, ловить рыбу въ рѣкѣ помѣщичьей—не воровство,—никакой законъ, никакіе черкесы не въ состояніи положить конецъ этому. Это уже борьба съ крестьянскимъ самоуправствомъ, но не съ крестьянской моралью, которая тѣмъ упорнѣе освящала традиціонную „блажь“. Уже изъ этого вытекало съ ясностью: если масса крестьянская когда-либо распространитъ этотъ взглядъ на собственность вообще, то—въ обстановкѣ этой слѣпоты, этого разрушенія безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ созидательной работы—пойдетъ неудержимое воровство.

Къ счастью-то и оказывается, что это озлобленіе лишь въ извѣстныхъ случаяхъ ограничивается озлобленіемъ, разрушеніе—разрушеніемъ безъ попытокъ создать на мѣстѣ разрушеннаго что-либо положительное. Передъ нами—сближеніе города съ деревней, переходъ отъ стараго къ новому. И въ какихъ бы формахъ это новое ни было еще

переплетено со старымъ,—не можетъ быть сомнѣнія: въ своемъ существѣ жизнь деревни не попираетъ законы человѣческіе и божескіе, а все-таки открываетъ какія-то дали.

Если молодежь старикамъ спуску не даетъ—„имъ слово, а они три, да еще какія тебѣ слова вывернутъ"; если старики стали предметомъ насмѣшекъ, часто весьма злыхъ, то, большей частью, это не простое нежеланіе „чтить отца", а то, молъ, что „старые кобели—только лбомъ колотить умѣли, а мы разворачивайся" (В. Муйжель. „Пока"); или: „отецъ мой трижды коротъ, дѣдъ и не знаю — сколько" (Максимъ Горькій. „Лѣто").

Роли перемѣнились. Это недурно иллюстрировалъ въ своихъ очеркахъ С. Величко. Старики говорятъ: „будете бунтовать, вамъ же и всѣмъ намъ только хуже будетъ". А молодые отвѣчаютъ: „не будемъ бунтовать, еще хуже будетъ". То же въ области, скажемъ, крестьянскаго атеизма. Замѣчательно то, что рѣдко вы не увидите въ рукахъ деревенскаго атеиста книжки. Эта молодежь не только грамотна, но начитана хорошо. Конечно, она не менѣе груба, непочтительна съ помѣщикомъ, съ попомъ, съ урядникомъ, чѣмъ крестьяне „сибирные"; и она никого и ничего не хочетъ слушать, озлобленная и разочарованная въ своихъ недавнихъ ожиданіяхъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что, въ общемъ, развалъ старыхъ основъ русской деревни уже далъ даже болѣе положительнаго, чѣмъ отрицательнаго, далъ—на ряду съ деморализаціей—настоящую деревенскую интеллигенцію, которая рано или поздно выведетъ деревню изъ создавшагося психологическаго хаоса.

И вотъ хозяева деревни, гг. земцы, можно безъ ошибки сказать—открывая свой походъ противъ хулигановъ въ деревнѣ, имѣютъ въ виду и интеллигенцію изъ крестьянъ, и подлинное озорство. Буйское земское собраніе, выслушавъ докладъ о хулиганствѣ, отклонило ассигновку на устройство учительскихъ курсовъ на томъ основаніи, что „хулиганство создается людьми образованными". Подъ это опредѣленіе, которое устанавливаютъ дворяне (а за ними—какая-нибудь „комиссія"), подходятъ и крестьянинъ, отвѣчающій на оскорбленіе оскорбленіемъ, и сельскохозяйственный стачечникъ, и грамотей, пользующійся репутаціей краснаго.

Помните, какъ характеризовали еще не такъ давно дворяне сознательную молодежь?

— Вотъ, послушайте, у меня было... Явилась пьяная толпа. Орутъ, безобразятъ. Вышелъ я къ нимъ съ четырьмя казаками. И только одинъ выстрѣлъ въ воздухъ! И вся эта сволочь—кто въ подворотню, кто въ канаву, кто кувыркомъ—въ разныя стороны! Мигомъ смело! А! Вы понимаете? Трусливыя подлыя животныя... Пьяные дикари... Что это за нація?

Конечно, и сейчасъ это одна „нація" въ ихъ глазахъ. И озлобленный, опустошенный крестьянинъ, еще не проникшійся новымъ духомъ, и крестьянскій интеллигентъ—одинаково озорники, пьяные дикари, подлыя животныя, въ которыхъ достаточно выстрѣлить, чтобы они кинулись въ подворотню или канаву.

Разница развѣ въ томъ, что одни больше находились въ общеніи съ „образованными", другіе—меньше, одни проявляютъ свою „злую волю" стихійно, другіе—сознательно. Но все же, „одна нація", которую достаточно представить себѣ во всей эволюціи, какую она пережила за годы аграрнаго движенія, чтобы моральное оправданіе 130.000-наго сословія, „создавшаго могущественную имперію, отбившаго татаръ, поляковъ, французовъ, донесшаго государственную мощь донынѣ", было очевидно. Даже послѣ того, какъ главными носителями дворянской „культуры" выступили Марковы 2-ые. Крестьянинъ—пьяный дикарь. Пусть его возвеличиваютъ интеллигенты или депутаты, бьющіе на популярность,—монополія патріотизма остается въ бѣлыхъ рукахъ.

Безъ сомнѣнія, какъ ни различны по своему содержанію хулиганство подлинное и хулиганство по дворянскому масштабу, — корни ихъ, въ самомъ дѣлѣ, общіе.

Въ извѣстномъ смыслѣ гг. Марковы не ошибаются, что это явленія одного происхожденія: одной матери дѣти. Но тутъ мы подходимъ къ вопросу: что же породило деревенскую неразбериху? Почему такъ измѣнилась психика деревни?

Но для объясненія той или иной психической перемѣны надо, прежде другихъ сторонъ привходящихъ, обратиться къ экономикѣ явленія. Каково же экономическое положеніе тѣхъ слоевъ деревни, противъ которыхъ направлены обвиненія нашихъ уѣздныхъ лордовъ?

Стоитъ только задаться этимъ вопросомъ, чтобы изумиться не тому, какъ это деревенская муть прогрессируетъ, а тому, какъ это до сихъ поръ все многомилліонное крестьянство не выродилось въ нищихъ и босяковъ. „Безпокойные" кадры деревни—это кадры полупролетаріевъ-полукрестьянъ.

Заколдованный кругъ, опутавшій деревню, быстрый ростъ капиталистической дифференціаціи рядомъ съ полнымъ отсутствіемъ капиталистическаго производства. Капитализмъ всѣми своими соками всосался уже въ мужицкое царство, но онъ до сихъ поръ не идетъ дальше первоначальнаго накопленія, и матеріально, и психически проявляя прежде всего свое отрицательное дѣйствіе. Если же даже на фабрикѣ первоначальная стадія капитализма скорѣе деморализуетъ рабочія массы, чѣмъ поднимаетъ на высшую ступень, то тѣмъ болѣе въ деревнѣ, лишенной тѣхъ преимуществъ, на которыя наталкивается рабочій въ городѣ.

Матеріально—это разореніе деревни. Конечно, есть слои, гдѣ матеріальный уровень все повышается, но здѣсь—въ рядахъ рядового русскаго крестьянства—капитализмъ даетъ ежегодно одно: новый контингентъ для безземельной группы, группы безлошадныхъ, вообще, обнищавшихъ хозяевъ, которая живетъ со дня на день. Многовѣковой опытъ крестьянина, то упорство, та привычка къ труду, которая такъ связана съ властью земли,—все ни къ чему. Мужикъ кормитъ лошадь, но она валится съ ногъ; свою полосу засѣваетъ, но она его не питаетъ. Не для него прогрессъ техники. Первая случайность—и хозяинъ навсегда погибаетъ, какъ хозяинъ.

Остается аренда, но, благодаря скрытому и явному земледѣльческому перенаселенію, и аренда оказывается невозможной. Тогда продается все—постройки, одежда, вся мелочь; бѣднякъ бѣжитъ на сторону. Но какъ живутъ, какъ устраиваются пришлые рабочіе въ городѣ теперь—хорошо извѣстно. И мужикъ—деревенскій пролетарій или земледѣлецъ-собственникъ—бѣжитъ назадъ, чтобы создать новую ужасающую систему отработковъ, новую каторжную краткосрочную аренду.

Это—матеріально. Въ душу же крестьянскую чумазый капитализмъ несетъ цивилизацію парикмахерскую—то же, что во времена Гл. Успенскаго. Сдавленный со всѣхъ сторонъ нуждой, опустошаемый чувствомъ злобы противъ помѣщика, кулака, деревенскаго начальства, мужикъ не въ состояніи даже сколько-нибудь осмыслить это чувство, не то, что усвоить себѣ сколько-нибудь широкій взглядъ на свое положеніе. А такъ какъ человѣкъ и психологически двигается по линіи наименьшаго сопротивленія; такъ какъ тюрьма и каторга не только не хуже часто такой жизни, но даже являются иногда спасеніемъ отъ голодной смерти, то крестьянинъ—въ извѣстныхъ границахъ — оказывается воспріимчивымъ къ чумазой цивилизаціи—идеологіи легкой наживы и того рода „свободомыслія“, которое непосредственно связано съ этимъ анархическимъ настроеніемъ. Какая-то смутная мысль о разрушеніи начинаетъ преслѣдовать его, объ озорствѣ, какая-то жажда жизни, до тѣхъ поръ незнакомая; недаромъ онъ въ городѣ побывалъ, повидалъ, какъ люди живутъ. И онъ бродитъ съ мѣста на мѣсто, глушитъ водку, оказывается опустошенной личностью.

Вотъ, напр., картинка съ натуры. Вечеръ подъ праздникъ. Больной крестьянинъ Гришинъ бродитъ въ пригородныхъ деревняхъ, голодный, жалкій, никому не нужный. Въ кабакѣ много народу, но его всѣ сторонятся, не давая даже милостыни. И вмѣстѣ съ голодомъ въ душѣ Гришина—жажда мести всѣмъ, кто сытъ, кто живетъ въ теплѣ. Долго думаетъ онъ о способѣ мести, наконецъ, добываетъ адскій снарядъ, ставитъ его въ домѣ богатаго крестьянина Куроцапова; лишь случайно снарядъ открыли прежде, чѣмъ онъ былъ взорванъ. Когда Гришина арестовали, онъ объяснилъ, что совершилъ преступленіе по двумъ причинамъ: 1) хотѣлъ мстить, 2) хотѣлъ обезпечить себя теплымъ угломъ и хлѣбомъ въ тюрьмѣ. („Биржевыя Вѣдомости“ отъ 20 ноября).

Цивилизація чумазая сама по себѣ, разумѣется, не дала бы такого ужасающе-мрачнаго фона, если бы—наряду съ нею—не дѣйствовала аграрная политика. Аграрный вопросъ, дѣйствительно, болѣе, чѣмъ всѣ вопросы, спутавшіеся между собой въ одинъ гордіевъ узелъ, оказался политическимъ вопросомъ, точно П. А. Столыпинъ, съ именемъ котораго такъ трагически связаны послѣднія аграрныя мѣропріятія, связывалъ съ мужикомъ лишь одно представленіе—о „дѣйствіи скопомъ“.

Оттого, вѣроятно, были приняты мѣры къ рекламѣ переселеній,—рекламѣ самой бойкой и заманчивой для кре-

стьянъ,—но никто въ то же время не предпринялъ ничего на дѣлѣ для того, чтобы достаточное количество переселенческихъ участковъ было приготовлено. И выходило такъ, что зазывали, расписывали, а убытки взыскивай, съ кого хочешь. Крестьяне такъ и увѣряли г. Величко, что это помѣщики подговорили начаяльство, чтобы „насъ на переселку", и добавляли при этомъ:

— Имъ бы не насъ, а помѣщиковъ туда выселять: на всѣхъ бы земли хватило, потому ихъ немного; а они нашего брата. Вотъ и вѣрь имъ теперь. („Деревня и городъ въ періодъ второго междудумья").

„Курьерскій поѣздъ" землеустройства стремился—по выраженію гр. Олсуфьева—создать въ противовѣсъ „темному, часто анархическому крестьянину-общиннику" „сытаго консервативнаго буржуа". Община охраняла старые устои, тѣ самые, которые теперь пошли „на смарку",—значитъ, была необходима. Не сумѣла удержать крестьянство отъ всколыхнувшагося движенія, — значитъ, надо принести ее — по выраженію Столыпина — „въ жертву гидрѣ революціи". Можно смѣло сказать: покойный министръ руководился одной цѣлью—создать слой крестьянъ такой же консервативный, какъ помѣщики; но выиграетъ ли отъ этого экономическое развитіе Россіи вообще, рядовое крестьянство въ частности,—значеніе имѣло третьестепенное въ его глазахъ.

Законъ 9 ноября и бросилъ лишь сѣмена раздора въ среду самого крестьянства: вѣдь, онъ насильственно разрушалъ старыя формы жизни, противъ желанія однихъ, при содѣйствіи другихъ слоевъ крестьянства. Деревня тотчасъ раскололась на злѣйшихъ враговъ: одни захватили лучшіе участки, въ ущербъ бѣднякамъ, другіе захватили общинную землю, противъ желанія большинства, третьи продали все—стали нищими. Такъ пошли избіенія, поджоги, кражи, убійства—все то, чѣмъ полна такъ наз. землеустроительная политика. Политика эта достигла одного: до извѣстной степени тѣ недобрыя чувства, которыя до тѣхъ поръ были обращены въ сторону помѣщика, перекинулись въ собственную среду. Однако, едва ли дворянство что-нибудь существенное выиграло отъ этого раскола. По существу дѣла, получился лишь тотъ результатъ, что всѣ отношенія деревни оказались отравленными вкривь и вкось.

Такъ все, рѣшительно все—начиная мѣстной мелочью и кончая общимъ факторомъ — заставляетъ крестьянина питаться, главнымъ образомъ, чувствомъ злобы, злобы темной. Огромное значеніе при такихъ условіяхъ имѣлъ бы для деревни свѣтъ, откуда бы этотъ свѣтъ ни пришелъ. Но... не суйся, если ты не членъ союза русскаго народа. И едва-ли не лучшая иллюстрація этого морально-экономическаго запустѣнія—заманиваніе крестьянъ въ союзъ игрой на черносотенномъ радикализмѣ:

— Да, ужъ теперь записывайся, записывайся, православный народъ русскій, на новый коренной надѣлъ, кто отъ своего счастья не прочь, кто съ народомъ идетъ, новыхъ порядковъ ждетъ,— слышалъ отъ крестьянъ г. Величко.— Полтина взносу всего, а польза на

всю жизнь и тебѣ, и дѣтямъ, и внукамъ.

Такой радикализмъ — своеобразный продуктъ взаимодѣйствія крайняго матеріальнаго гнета, съ одной стороны, политической анархіи—съ другой, хотя нерѣдко онъ составляетъ ту своеобразную ступень, съ которой начинаетъ просыпающійся крестьянинъ. Достаточно одного какого-нибудь благопріятнаго обстоятельства, чтобы человѣчекъ, запутавшійся въ паутинѣ всѣхъ этихъ изумительныхъ противорѣчій, можетъ быть, уже зажавшій въ кулакѣ бутылку съ водкой, въ которой нашелъ разрѣшеніе всей неудовлетворенности жизнью, вдругъ прозрѣлъ и сталъ на вѣрную дорогу.

Давно, вѣдь, сказано: самообразованіе народныхъ массъ есть борьба съ такими препятствіями, какихъ себѣ привиллегированный труженикъ и представить не въ состояніи.

И вотъ—мы видимъ—хаосу извнѣ соотвѣтствуетъ хаосъ внутри; старую зоологическую „мудрость“ вытѣсняетъ зоологическій индивидуализмъ. Конечно, съ этого индивидуализма и начинается освобожденіе крестьянской личности, пробужденіе мужицкаго самосознанія. Какъ-ни-какъ, а необходимость выйти изъ своей скорлупы, завязать сношенія на сторонѣ, различіе занятій, легкость, съ которой большія массы народу, благодаря путямъ сообщенія, созданнымъ капитализмомъ, переносятся къ центрамъ, возможность обмѣняться мыслями, наконецъ, близость къ этимъ центрамъ и къ этимъ дорогамъ—все это осложненіе, вызываемое тѣмъ же чумазымъ съ его фальшивымъ аршиномъ и неутомимой алчностью, создаетъ и атмосферу созиданія, положительнаго творчества.

Такъ или иначе,—Терпугъ ли передъ нами (изъ „Зыби“ Крюкова), парень, все жалѣющій, что онъ не родился во времена Разина, или Кузинъ (изъ „Лѣта“ М. Горькаго), взявшійся уже „за дѣло объединенія людей“,—озлобленными, „готовыми на все“ сдѣлали ихъ внѣшнія условія. Нельзя говорить о „винѣ“, когда на лицо озорство самаго худшаго сорта: что посѣяли, то и жнемъ. Въ большинствѣ случаевъ, проявленія мести вызываются тѣмъ именно издѣвательствомъ, которое практикуютъ гг. Родіоновы въ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами; (въ свое время никто иной, какъ самъ же г. Родіоновъ, авторъ книги „Наше преступленіе“, показалъ такой образчикъ, обошедшій всѣ газеты,—образчикъ дворянскаго мордобоя).

Хулиганство въ деревнѣ идетъ рядомъ съ ростомъ безправія. „Если дореформенная, патріархальная Русь,—констатируетъ г. Баянъ,—мстила своей судьбѣ душегубствомъ, то Русь, внѣшне реформированная, а внутренне дикая, мститъ своей судьбѣ хулиганствомъ. Эта накипь, эта ржавчина въѣдается въ народный бытъ и въ общественный укладъ тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе соотвѣтствуетъ оодержаніе этого уклада его внѣшности, форма—сути“

Очевидно, отвѣтить на вопросъ: „чье преступленіе?“—гг. земцамъ изъ дикихъ помѣщиковъ затруднительно. Но какъ же они думаютъ обуздать мужицкую разруху? Очень просто. Мѣры, вѣдь, уже подсказаны имъ администраціей.

Саратовская администрація въ экстренномъ засѣданіи предложила административную высылку, введеніе института судебныхъ приказовъ, устройство работныхъ домовъ. Въ других городахъ администрація рекомендовала возстановленіе ст. 57-ой, дѣлающей земскаго начальника безапелляціоннымъ повелителемъ. Ни намека на причины, лежащія въ основѣ явленія, съ которымъ администраторы зовутъ на борьбу,—причины, безъ уразумѣнія коихъ, конечно, борьба можетъ быть лишь гадательна: обуздаемъ—наше счастье, не обуздаемъ—такъ Богъ судилъ.

Но, разумѣется, разъ начальство пошло навстрѣчу помѣщичьимъ крикамъ, то помѣщики не были бы носителями „культуры", если бы не поставили точку надъ і. Правда, нашлись земскія собранія, которыя рѣшительнымъ образомъ усомнились въ спасительности расширенія полицейской компетенціи, новыхъ уголовныхъ каръ. Такъ, тихвинская управа прямо указала: „не помогутъ никакія запретительныя мѣры, никакія наказанія". То же заявило воронежское уѣздное собраніе. Впрочемъ, здѣсь пренія не были доведены до конца, какъ и въ казанскомъ земскомъ собраніи.

Зато въ иныхъ уѣздахъ земцы оказались на высотѣ. Вотъ когда „Новое Время" можетъ сказать, что его дѣло сдѣлано! Уже не одинъ годъ эта газета доказываетъ, что трагедія Россіи единственно въ томъ, что уничтоженъ одинъ благодѣтельный институтъ недавняго прошлаго—порка. Даже еще на дняхъ, какъ мы видѣли, она вытащила свое „физическое санаторное леченіе". И вотъ товарищи г. Гучкова по паямъ дождались.

Великолуцкіе земцы, какъ въ свое время разнесъ телеграфъ, всѣми голосами противъ одного постановили ходатайствовать о „возстановленіи тѣлеснаго наказанія". Демьянская земская управа подчеркивала, что „въ Англіи и Даніи установлены закономъ тягчайшія наказанія для неисправляющихся хулигановъ, а именно—тѣлесное наказаніе девяти-хвостовыми плетьми". Откуда эти свѣдѣнія почерпали демьянскіе зубры,—конечно, большого значенія не имѣетъ. Но фактъ остается фактомъ: самый страшный пережитокъ крѣпостническаго мракобѣсія—розга—опять воскресаетъ. Если въ тюрьмахъ наказаніе розгой законно, даже признано отвѣчающимъ духу времени, то чѣмъ отличается Родіоновская деревня, развращенная „образованными людьми"? Та же арестантская шпанка въ потенціи. Сегодня она проявляетъ свою преступную волю, скажемъ, сельской стачкой, завтра—преступленіемъ, за которое, дѣйствительно, пойдетъ на каторгу.

Если, въ самомъ дѣлѣ, эти ходатайства лягутъ въ основу твердой мѣры, то будетъ, конечно, еще одинъ факторъ озвѣрѣнія деревни. Не одно земское собраніе, конечно, это поняло. Такъ, воронежское земское собраніе указывало, что дѣло не въ борьбѣ съ хулиганствомъ, а въ борьбѣ съ некультурностью населенія, въ административныхъ препятствіяхъ къ просвѣщенію. Крестецкая управа подчеркивала несовершенство мелкаго повседневнаго суда, полную недоступность для темнаго человѣка право-

судія. Только все это—черты, хотя и дающія себя знать въ основныхъ деревенскихъ конфликтахъ, но, все-таки, лишь отдѣльныя черты.

Винная монополія, реформа мѣстнаго суда, учрежденіе мелкой земской единицы, развитіе народнаго образованія... Не надо же забывать, что деревня не составляетъ исключенія изъ всей страны. Всей Россіи нужны не реформы, а реформа,—реформа нужна и деревнѣ. Вѣдь, г. Щегловитовъ въ своей объяснительной запискѣ подтверждалъ, что отсутствіе правосудія плодитъ деревенское хулиганство; однако же, отъ того эта сторона дѣла ни на шагъ не подвинулась. И не подвинется. Разъ соціально-политическая атмосфера сама по себѣ создаетъ отсутствіе устоевъ, анархическую психику, шалое поведеніе, то никакими частностями этого не остановить. Не потому, чтобы частности сами по себѣ не имѣли вовсе значенія, а потому, что т. н. изолированныя реформы—не реформы, а слова.

Л. Клейнбортъ.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКІЯ НАСТРОЕНІЯ.

(Письмо изъ Австріи).

Блестящій французскій историкъ Альбертъ Сорель заканчиваетъ одно изъ своихъ сочиненій слѣдующими словами: «Le jour, où l'on croira avoir rèsolu la qestion d'Orient, l' Europe verra se poser inévitablement la question d' Autriche». Справедливость этихъ словъ прямо кидается въ глаза всякому, наблюдающему событія, которыя развиваются неподалеку отъ балканскихъ границъ имперіи Габсбурговъ.

Восточный вопросъ близится къ своему разрѣшенію,—и Австрія уже чувствуетъ, что искры балканскаго пожара начинаютъ перелетать черезъ границу. Какъ бы ни установилось взаимоотношеніе политическихъ силъ балканскихъ народностей, каковы бы ни были непосредственные результаты побѣдъ балканской коалиціи надъ обезсиленной Турціей, Австрія, помирившаяся съ рѣшительнымъ ниспроверженіемъ балканскаго status quo, должна будетъ подумать и объ измѣненіи внутренняго австрійскаго status quo.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вопросъ о войнѣ Австріи съ Сербіей виситъ на волоскѣ, когда австрійское правительство обращается къ сербамъ побѣдоноснаго королевства съ самыми рѣшительными представленіями, Австріи приходится вспомнить, что у нея собственныхъ подданныхъ сербовъ (съ хорватами) въ два раза больше, чѣмъ въ сербскомъ королевствѣ. Въ то время, когда въ Вѣнѣ подготовляются грозныя дипло-

матическія, а, можетъ быть, и недипломатическія выступленія противъ сербовъ, сербы Далмаціи съ такимъ энтузіазмомъ выражаютъ свой восторгъ по поводу сербскихъ побѣдъ, что австрійскія власти считаютъ необходимымъ распустить мунуципалитетъ такихъ далматинскихъ городовъ, какъ Сплѣтъ (Spalato) и Себенико. Австрія грозитъ Сербіи репрессивными мѣрами,—между тѣмъ, сербскіе депутаты босно-герцеговинскаго сейма шлютъ пламенныя привѣтствія своимъ единоплеменникамъ на Балканахъ.

Что и говорить объ австрійскихъ сербахъ, которые видятъ въ сербскихъ и черногорскихъ побѣдахъ надъ Турціей и албанцами залогъ улучшенія собственной участи! На улицахъ чешской Праги, не имѣющей, казалось бы, никакого непосредственнаго отношенія къ сербскимъ побѣдамъ, шумная народная толпа манифестируетъ въ пользу Сербіи и издаетъ въ честь ея бурные клики. Чешскія газеты ежедневно печатаютъ длиннѣйшіе списки пожертвованій въ пользу раненыхъ славянъ, а между этими пожертвованіями есть и крупныя. Въ теченіе одного дня, когда на улицахъ Праги былъ съорганизованъ денежный сборъ въ пользу «страждущихъ единоплеменниковъ», собрано по мелочамъ болѣе десяти тысячъ кронъ. Чешскіе врачи и сестры милосердія уже работаютъ на Балканахъ, куда почти ежедневно направляются новые добровольцы санитарнаго дѣла.

Зашевелились и словинцы. Подъ впечатлѣніемъ славянскихъ побѣдъ надъ Турціей и этотъ маленькій народецъ почувствовалъ нѣкоторый приливъ силъ—и депутаты-словинцы организуютъ обструкцію въ бюджетной комиссіи.

Однимъ словомъ, и на сѣверо-западѣ, и на югѣ Австріи даетъ себя чувствовать славянскій подъемъ, съ которымъ и центральныя, и мѣстныя власти принуждены уже теперь считаться. Повидимому, въ ближайшее время въ Хорватіи будетъ упразднена диктатура Цувая, вызывающая всеобщее негодованіе, и такимъ образомъ осуществится первая концессія южнымъ словянамъ, вызванная балканскими событіями.

Говоря о славянахъ, у которыхъ побѣды балканскихъ государствъ вызываютъ нескрываемый восторгъ, я не упомянулъ о двухъ славянскихъ же народностяхъ австрійскаго сѣверо-востока. Ни у поляковъ, ни у украинцевъ не замѣчается ничего подобнаго тому, что выдвинулось на первый планъ у южнаго славянства Австріи или у чеховъ. Несомнѣнно, побѣды сербовъ и болгаръ и тутъ вызываютъ сочувствіе. Однако, послѣднее не принимаетъ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣровъ,—и никакихъ манифестацій, аналогичныхъ пражскимъ или далматинскимъ, ни въ Галиціи, ни въ Буковинѣ не наблюдается.

Среди галиційскихъ поляковъ и украинцевъ никому и въ голову не приходитъ собирать пожертвованія въ пользу балканскихъ славянъ. Что же касается демонстрацій, то на галиційско-буковинской почвѣ онѣ приняли совершенно иной характеръ и были вызваны совсѣмъ иными причинами, нежели манифестаціи сочувствія южнымъ славянамъ на улицахъ Праги, Сплѣта или Сараева. Во Львовѣ толпа украинской университет-

ской и рабочей молодежи демонстрировала передъ руссофильскими учрежденіями — «Народный Домъ», «Общество имени Качковскаго», москвофильская бурса,—и только быстрое вмѣшательство полиціи не допустило демонстрантовъ къ зданію русскаго консульства. Въ Черновицахъ (столица Буковины), гдѣ до сихъ поръ еще не бывало антирусскихъ демонстрацій и гдѣ полиція не спохватилась сразу, что и гдѣ слѣдуетъ защищать, украинскіе демонстранты безпрепятственно проникли къ русскому консульству и вышибли всѣ оконныя стекла въ его помѣщеніи.

Эти демонстраціи, вызванныя закрытіемъ кіевскаго украинскаго общественнаго собранія и другими аналогичными мѣропріятіями русской администраціи, направленными противъ украинскаго культурно-національнаго движенія, носили характеръ, рѣзко отличающій ихъ отъ проявленій чувствъ сѣверо-западныхъ и южныхъ славянъ Австріи. А демонстраціи львовско-черновицкаго типа совершенно не совмѣщаются съ проявленіями сочувствія къ южнымъ славянамъ, борющимся на Балканахъ.

Дѣло въ томъ, что симпатіи къ сербамъ, черногорцамъ и болгарамъ органически связаны съ руссофильствомъ, такъ какъ укоренилось мнѣніе, что за балканскимъ союзомъ стоитъ оффиціальная Россія, поддерживающая его морально и готовая поддержать его, въ случаѣ надобности, и физической силой. Понятно поэтому, что у тѣхъ изъ австрійскихъ славянъ, національная территорія которыхъ не переходитъ за русско-австрійскую границу, руссофильство не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ галиційскими поляками и украинцами, находящимися въ непрерывномъ общеніи со своими земляками изъ Россіи. У нихъ руссофильство, въ виду положенія дѣлъ на польской и украинской территоріяхъ Россійской Имперіи, явленіе совершенно немыслимое. Какъ ни мало удовлетворены украинскія національныя требованія въ Галиціи, гдѣ украинцамъ приходится вести тяжелую бурьбу съ польскими правящими сферами, однако, ихъ положенія здѣсь и сравнивать нельзя съ положеніемъ русскихъ украинцевъ. Какъ-ни-какъ, у австрійскихъ украинцевъ есть и національная школа (элементарная и средняя), и виды на собственный университетъ, и признаніе правъ украинскаго языка въ судопроизводствѣ, администраціи и вообще въ публичной жизни, и возможность парламентарнаго вліянія на общегосударственныя дѣла.

Австрійскіе украинцы—единственная славянская нація, не чувствующая никакой вражды къ нѣмцамъ, такъ какъ украинская территорія нигдѣ не соприкасается съ нѣмецкой. Вслѣдствіе этого германофобія,—едва ли не главный источникъ славянофильства и руссофильства у чеховъ и словинцевъ, — у австрійскихъ украинцевъ не играетъ никакой роли. Этимъ и объясняется та прямолинейная, ясная антирусская позиція, которую заняло, въ виду грядущихъ событій, украинское общество въ Австріи— ёго печать, его представители въ парламентѣ и делегаціяхъ, его политическія партіи, начиная съ націоналистической и кончая соціалъ-демократической.

Нѣсколько иная позиція австрійскихъ поляковъ. Если для украинцевъ присоединеніе Восточной Галиціи къ Россіи почти равно національной смерти, то и для поляковъ измѣненіе сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ границъ Австріи—вопросъ чрезвычайной важности. При этомъ положеніе поляковъ усложняется еще и перспективой расширенія границъ Пруссіи. Правда, крушеніе конституціонно-автономистскихъ плановъ польскаго общества въ Россіи чрезвычайно ослабило господствовавшее прежде пруссофобство, однако, и теперь еще оно весьма сильно. А послѣднія мѣропріятія Пруссіи, направленныя противъ поляковъ (экспропріація четырехъ польскихъ имѣній въ Познани и Западной Пруссіи), вызвали страшный взрывъ негодованія въ польскомъ обществѣ. Все это оказываетъ свое вліяніе на настроеніе польскаго общества въ Галиціи и отражается на его взглядахъ, планахъ и стремленіяхъ.

Польское общество въ Галиціи понимаетъ, что однимъ изъ вѣроятныхъ послѣдствій балканскихъ событій можетъ быть вооруженное столкновеніе Австріи съ Россіей. Перспективы войны на польской территоріи, причемъ галиційскіе поляки должны будутъ сражаться съ поляками же, входящими въ составъ русской арміи,—такая перспектива не можетъ не вызывать вполнѣ понятнаго ужаса. Этотъ ужасъ еще усугубляется соображеніемъ, что, вѣдь, ближайшій союзникъ Австріи—Германія и что даже, въ случаѣ побѣды тройственнаго союза, значительная часть Польши можетъ перейти во власть Пруссіи, которая не преминетъ вводить и въ своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ гакатистскіе, германизаторскіе порядки.

Эти опасенія и предположенія вызвали серьезное броженіе въ польскомъ обществѣ, которое по мѣрѣ развитія балканскихъ событій начинаетъ настораживаться и стремиться къ консолидаціи общественнаго мнѣнія. Съ начала октября организуются конфиденціальныя собранія польскихъ политиковъ. На этихъ собраніяхъ разсматривается прежде всего—что дѣлать въ случаѣ обостренія русско-австрійскихъ отношеній, какую роль должно сыграть польское общество въ области австрійской политики, въ какомъ направленіи должны воздѣйствовать на нее польскіе общественные дѣятели и т. д. Кромѣ чисто партійныхъ собраній, созываются и междупартійныя. Одно изъ нихъ, ставшее уже въ нѣкоторомъ родѣ историческимъ, т. н. «собраніе въ старомъ театрѣ», было первымъ послѣ 1863 г., на которое сошлись представители почти всѣхъ оттѣнковъ польской политической мысли, начиная съ соціалъ-демократовъ и кончая весьма умѣренными элементами.

Это собраніе, состоявшееся подъ эгидой самыхъ радикальныхъ и въ соціальномъ, и въ національномъ отношеніяхъ группъ, установило политическія директивы ярко антироссійскаго характера. Собраніе пришло къ единогласному рѣшенію, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія Австріи съ Россіей польскіе политики безъ различія партійной окраски должны использовать свое вліяніе на Австрію съ цѣлью постановки на очередь польскаго вопроса въ

самомъ широкомъ масштабѣ. Единогласно было признано, что польскіе національные интересы вполнѣ тождественны съ интересами Австріи.

Такой взглядъ, усвоенный соціалистическими и радикально-патріотическими элементами польскаго общества въ Галиціи, нашелъ свое выраженіе въ рѣчи лидера польской соціалъ-демократіи Игнатія Дашинскаго, произнесенной имъ въ парламентѣ. Эта рѣчь привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе и стала предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны консерваторовъ и націоналъ-демократовъ. Первые вооружились противъ нея вслѣдствіе ея революціонности, вслѣдствіе обращенія лидера польскихъ соціалистовъ къ народнымъ массамъ, на активное вмѣшательство которыхъ онъ возлагалъ всѣ надежды. Вторые сочли отождествленіе польскихъ интересовъ съ австрійскими, при существованіи тѣснаго союза Австріи съ Германіей, непріемлемымъ для поляковъ, такъ какъ Пруссія является опаснѣйшимъ врагомъ Польши.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе австрійскихъ поляковъ раскололось. Всѣ болѣе радикальные элементы не сходятъ съ той позиціи, что возможный конфликтъ Австріи съ Россіей долженъ быть использованъ поляками въ смыслѣ сведенія счетовъ съ руссификаторскимъ режимомъ въ Царствѣ Польскомъ. Консерваторы совѣтуютъ полный нейтралитетъ при исполненіи долга вѣрноподданныхъ каждаго изъ государствъ, раздѣлившихъ Польшу. Наконецъ, націоналъ-демократы стараются склонить австрійскія руководящія сферы къ оказанію извѣстнаго воздѣйствія на прусское правительство въ смыслѣ необходимости смягчить антипольскую политику.

Рѣчи членовъ польскаго коло, произнесенныя въ делегаціяхъ и направленныя противъ Пруссіи, это одно изъ проявленій такой тактики, къ слову сказать, не пользующейся симпатіей широкихъ слоевъ населенія.

На почвѣ раскола польскаго общественнаго мнѣнія въ Галиціи по вопросу, какъ использовать балканскія событія, въ настоящее время идетъ подготовительная работа по образованію двухъ междупартійныхъ блоковъ—радикальнаго и консервативнаго. По всей вѣроятности, формальное образованіе такихъ блоковъ—дѣло ближайшаго будущаго.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Московскіе театры имѣютъ передъ петербургскими одно несомнѣнное преимущество—бóльшую обдуманность и цѣнность репертуара. Если бы какому-нибудь досужему человѣку вздумалось примѣнить статистическіе методы къ сравненію репертуара Москвы и Петербурга, то цифры убѣдительно доказали бы литературное и художественное превосходство Москвы. Но и, помимо всякой статистики, стоитъ только сравнить начало текущаго театральнаго сезона въ двухъ столицахъ, чтобы убѣдиться въ большей серьезности московскаго репертуара. У насъ, въ Петербургѣ, только черезъ полтора мѣсяца послѣ

начала сезона, поставлена первая литературно интересная пьеса «Заложники жизни» Сологуба и только на дняхъ поставлена пьеса Л. Андреева «Профессоръ Сторицынъ». Въ Москвѣ за это время поставлены уже три театральныя новинки, представляющія каждая и художественный, и литературный интересъ.

Художественный театръ открылъ сезонъ «Перъ Гинтомъ» Ибсена. Постановка эта требовала особой смѣлости, такъ какъ «Перъ Гинтъ», названный Ибсеномъ даже не драмой, а драматической поэмой, по существу не только слишкомъ разбросанъ въ ходѣ дѣйствія, но и слишкомъ метафизиченъ по замыслу, чтобы его можно было заключить въ рамки театральнаго представленія. Выяснилось, однако, что въ этой метафизической поэмѣ есть много матеріала для сценическаго творчества—и, какъ и слѣдовало ожидать, Художественный театръ съумѣлъ воспользоваться всѣми данными „Перъ Гинта". Представленіе вышло чрезвычайно интересное; оно даетъ очень много эстетическому чувству зрителя, хотя далеко не исчерпываетъ идею Ибсеновской драмы. Можетъ быть, со своимъ глубокимъ знаніемъ сцены Ибсенъ потому и назвалъ „Перъ Гинта" поэмой, что чувствовалъ невоплотимость самаго главнаго въ драмѣ—таинственности ея героя, его обаянія, противорѣчащаго всему, что Перъ Гинтъ дѣлаетъ со своей жизнью.

Въ „Перъ Гинтѣ" есть сильно выраженный элементъ эмоціональности—такъ же, какъ въ немъ есть красоты бытовыя.

Перъ Гинтъ—воплощеніе фантазіи, противопоставленной міру дѣйствительному, въ которомъ она кажется ложью, бездѣльничаніемъ и тунеядствомъ. Перъ Гинтъ воплощаетъ также исканіе желаннаго въ жизни и достиженіе желаннаго въ смерти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Перъ Гинтъ, по замыслу оскорбленнаго въ своихъ патріотическихъ чувствахъ Ибсена,—это норвежскій народъ, безпутно легкомысленный и давшій вслѣдствіе такого своего характера власть надъ собой мелко умнымъ и разсчетливымъ народностямъ. Этими чертами Перъ Гинта опредѣляются различные элементы драмы. Поскольку Перъ Гинтъ отражаетъ духъ народа—драма носитъ бытовой характеръ, посколько въ ней отражена фантазія Перъ Гинта—чисто эмоціональный.

Художественному театру удалось вполнѣ воплотить эти два элемента „Перъ Гинта". Въ причудливыхъ декораціяхъ возсоздано настроеніе норвежскаго сѣвера. Грозная бѣлизна снѣговъ, мѣняющаяся окраска неба и скалъ, рѣзкія сочетанія желтыхъ, багровыхъ и синихъ тоновъ создаютъ фонъ угрюмой сказки, прорѣзываемой взрывами жуткаго смѣха, смѣха троллей, которымъ сродни безпутный Перъ Гинтъ. Эмоціональная красота „Перъ Гинта" очень полно возсоздана на сценѣ Художественнаго театра. Одна сцена въ особенности на высотѣ Ибсеновскаго замысла—сцена смерти матери Перъ Гинта—старушки Эзе. Въ этой сценѣ фантазія Перъ Гинта прикрѣплена къ фантазіи народной, его психологія объединена съ легковѣріемъ его матери, живущей такой же поэтической ложью, какъ и онъ самъ. Оба они одинаково вѣрятъ въ праздникъ смерти, какимъ онъ представляется его воображенію. Эта гармонія двухъ простыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложныхъ душъ передана очень поэтично въ игрѣ артистовъ Художественнаго театра. Картины быта, въ особенности свадьба Ингридъ, пестрота скандинавской народной толпы и живописныя подробности сѣвернаго веселья—все это дало достаточно мастерски использованнаго матеріала для реалистической техники Художественнаго театра.

Но главное въ драматической поэмѣ Ибсена—ея метафизическій замыселъ, т. е. то, что есть обаятельнаго и загадочнаго въ Перъ Гинтѣ, въ его паденіяхъ, въ таинственности его торжествующей фантазіи, въ сплетеніи его внѣшней лживости съ правдой его исканій. Все это исчезло въ образѣ Перъ Гинта на сценѣ Художественнаго театра. Угрюмая загадка Ибсена какъ-то слишкомъ легко разрѣшена, Перъ Гинтъ сдѣланъ добрымъ малымъ, скорѣе смѣшнымъ въ своей наивной лжи. Ибсеновскій Перъ Гинтъ насъ тревожитъ, будитъ неспокойную мысль, что, быть можетъ, его смѣлая ложь прекраснѣй узкой бытовой правды и что недаромъ ему вѣрна мудрая Сольвейгъ. Она не осуждаетъ его паденій, принося ему самое ему нужное — разрѣшеніе жизни въ смерти. Объ этомъ она и поетъ въ своей заключительной колыбельной пѣснѣ, означающей новое рожденіе или преображеніе Перъ Гинта въ смерти. Облеченная тайной стихійная борьба жизни и смерти, правды и лжи, пламени и холода чувствъ, всего, что вѣчно разъединено, но стремится къ вѣчному сліянію,—все это отсутствуетъ въ эмоціонально бытовой драмѣ, ясной и нѣжной, но лишенной глубины, которая представлена на сценѣ Художественнаго театра. Онъ поставилъ драму „Перъ Гинтъ", но не могъ, а, можетъ быть, и не долженъ былъ возсоздать загадочную драматическую п о э м у Ибсена.

Поставленная у Корша пьеса Н. Минскаго „Малый соблазнъ", такъ же, какъ и Ибсеновскій „Перъ Гинтъ", написана какъ бы съ намѣреннымъ уклоненіемъ отъ постановки на сценѣ. Какъ „Перъ Гинтъ" названъ драматической поэмой, такъ „Малый соблазнъ" названъ пьесой для чтенія. Но и въ этой драмѣ,

помимо ея идеологическаго содержанія, оказались элементы, обусловливающіе ея сценическую жизненность. „Малый соблазнъ" можно въ этомъ отношеніи сравнить съ пьесами излюбленнаго англійскаго драматурга Бернарда Шоу. Пьесы Шоу состоятъ изъ сплошныхъ разговоровъ. Дѣйствующія лица почти совершенно пренебрегаютъ своими переживаніями и—тѣмъ самымъ—фабулой пьесы; они только то и дѣлаютъ, что дѣлятся съ зрительной залой своими взглядами, вообще, и парадоксальными взглядами, въ частности, на самые разнообразные и самые далекіе отъ прямого содержанія пьесы вопросы. И какимъ-то чудомъ публика, забывая о преподанныхъ ей законахъ сценическаго искусства, увлекается заполняющими дѣйствіе посторонними разговорами; она даже считаетъ столь. казалось бы, несценичныя комедіи Бернарда Шоу сценическими par excellence. Дѣло, значитъ, не въ томъ, чтобы бояться высказывать мысли, всецѣло сосредоточиваясь на „сценическомъ" развитіи сюжета; напротивъ того, нужно ввести публику въ ходъ своихъ мыслей, заставивъ ее пренебречь традиціонными требованіями отъ сцены. „Малый соблазнъ" оказался именно такой пьесой, хотя и построенной на разсужденіяхъ, но увлекающей этими разсужденіями. Въ драмѣ зрителей сначала овадачиваетъ, а потомъ завлекаетъ очень новая мысль объ очень старыхъ предметахъ. Есть даже нѣчто въ разсужденіяхъ Минскаго, что особенно приспособляетъ его драму къ представленію на сценѣ Путь къ метафизическимъ выводамъ Минскаго ведетъ въ его драмѣ черезъ близкое и понятное той толпѣ, которая проходитъ черезъ улицу, вступая въ театръ. Онъ претворяетъ и преображаетъ то, чѣмъ живутъ всѣ люди, обыкновенные и необыкновенные, въ своей повседневности. Тому вѣчно ничтожному, что составляетъ основу этой жизни, дано въ драмѣ крылатое названіе „малаго соблазна". А символомъ „малаго соблазна" служитъ самый хрупкій и самый дорогой предметъ культурнаго обихода—дамская шляпа послѣдняго фасона. То, что говорится о привлекательности шляпы, всѣмъ понятно и близко; оправданіе модной шляпки, оправданіе „малаго соблазна", отвѣчая скрытой правдѣ культурныхъ людей, раскрываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, основу этой правды. Люди знаютъ, что имъ желанны предметы, которые ихъ красятъ и которые выгодно отличаютъ ихъ въ толпѣ. Но они думаютъ также, что эти желанья ихъ стыдны и что болѣе благородно и болѣе духовно пренебрегать предметами. Вотъ противъ этой лже-духовности и ополчается герой драмы Александръ, который приходитъ къ просвѣтленному пониманію тайны предметовъ. Самые предметы онъ оправдываетъ: „Могущество малаго соблазна,—говоритъ онъ женѣ, измѣнившей ему ради льстящихъ ея самолюбію прекрасныхъ шляпъ и платьевъ,—раздавило меня"... „Но не будь этого удара,—продолжалъ онъ,—я бы спалъ, какъ всѣ, я бы продолжалъ думать, что о такомъ пустякѣ, какъ шляпа или юбка, о такомъ ничтожествѣ, какъ шляпный фабрикантъ или портной, мнѣ, живущему на высотѣ философу, и помышлять стыдно. Для того, чтобы я очнулся отъ злыхъ чаръ, нужно было, чтобы душа моя была потрясена, чтобы я ощутилъ на губахъ вкусъ смерти". Устами своего героя авторъ „Малаго соблазна" оправдываетъ предметы. Въ этомъ вся новизна его мысли. „Самое ужасное то,—говоритъ Александръ,—что всѣ эти „малые соблазны" въ самомъ дѣлѣ соблазнительны. Всѣ эти шляпки, юбки, обои, ковры, кружева, ожерелья... они въ самомъ дѣлѣ прекрасны, или, если хочешь, красивы"...

Представимъ себѣ неискушенную публику, которая слышитъ апологію того, что идеалистическая философія всегда разрушала. Она готова считать автора и его героя оправдателями мѣщанства. И тѣмъ легче авторъ покоряетъ своей философіей, разрушающей мѣщанскія цѣнности. Когда зрителю раскрывается идея пьесы, онъ уже противъ нея не споритъ. А идея „Малаго соблазна"—въ томъ, что предметы прекрасны, а виноваты лишь тѣ, которые изъ прекрасныхъ предметовъ сдѣлали знаки, служащіе человѣческому тщеславію. Въ своей обвинительной рѣчи фабриканту Александръ называетъ его колдуномъ. Александръ проклинаетъ его за то, что, создавая предметы-знаки, онъ убилъ восторгъ въ душѣ человѣка и поселилъ вмѣсто него тщеславіе: фабриканту нужно, чтобы люди какъ можно чаще мѣняли предметы на себѣ и вокругъ себя; въ этомъ его выгода. „Все, что въ душѣ было прекраснаго, и самая любовь къ красотѣ превращены тобою въ приманку и капканъ!"—восклицаетъ Александръ. А въ своей рѣчи на судѣ послѣ убійства фабриканта онъ призываетъ людей къ борьбѣ противъ колдуновъ и созиданію предметовъ любвеобильныхъ въ противоположность предметамъ смертоноснымъ, сварливымъ, завистливымъ, суетнымъ. Такимъ образомъ, начавъ съ оправданія самой сущности культуры любви къ предметамъ, авторъ драмы, въ противоположность идеологамъ и реформаторамъ современной культуры, ничего не отрицаетъ, не требуетъ ни отъ кого отказа отъ чего-либо, а, напротивъ того, ведетъ впередъ, призывая къ преображенію и самыхъ предметовъ, и любви къ нимъ человѣка. Въ этомъ идея драмы, идея, послѣдовательно проведенная Минскимъ въ трилогіи, въ которой „Малый соблазнъ" является цен-

тральной пьесой. Ей предшествовала драма „Желѣзный призракъ“, гдѣ рѣзкая и печальная истина о власти предметовъ противополагается заблужденіямъ стараго безпочвеннаго джеидеализма. Мы видѣли, что въ „Маломъ соблазнѣ“ указывается исходъ изъ рабскаго подчиненія власти предметовъ путемъ преображенія самыхъ предметовъ. А третья драма трилогіи „Хаосъ“ трактуетъ о тѣхъ общественныхъ элементахъ, которые способны осуществить преображеніе предметовъ.

Третья новинка московскаго сезона—пьеса А. Шницлера „Das weite Land“, которая сразу поставлена была въ двухъ театрахъ, въ Маломъ и въ Незлобинскомъ, подъ разными заглавіями — „Обширное поле“ и „Невѣдомый край“. Послѣднее заглавіе, которое далъ пьесѣ Шницлера Незлобинъ, совершенно не соотвѣтствуетъ заглавію пьесы въ оригиналѣ. „Das weite Land“ одна изъ лучшихъ пьесъ Шницлера, написанная на ту же, въ сущности, тему, на которую Шницлеръ пишетъ всегда,—на тему о томъ, что люди въ жизни роковымъ образомъ становятся рабами или, вѣрнѣе жертвами какъ разъ тѣхъ чувствъ, противъ которыхъ ихъ сознательная воля болѣе всего возстаетъ. Герой „Обширнаго поля“ (вѣрнѣе назвать пьесу „Необозримое поле“) относится иронически ко всякимъ устоямъ, въ особенности къ общепринятымъ понятіямъ о добродѣтели, о вѣрности. Онъ измѣняетъ своей женѣ и относится къ ней съ пренебреженіемъ за то, что она довела своимъ отказомъ до самоубійства человѣка, который ей нравился. Сдѣлала она это только изъ вѣрности къ равнодушному къ ней мужу. Но когда эта строгая жрица долга, мстя мужу за его презрѣніе къ ея вѣрности, поддается чувственному влеченію, то ея мужъ, наперекоръ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ и проповѣдямъ, убиваетъ соблазнителя жены и разбиваетъ и свою жизнь, и жизнь своей жены, а также жизнь полюбившей его молодой дѣвушки. Иронія скептика противопоставлена ироніи судьбы—и борьба между ними получается очень острая и по своему весьма поучительная.

Зин. Венгерова.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Г. Горнфельдъ. *„О русскихъ писателяхъ“, томъ I;* **Вл. П. Кранихфельдъ.** *„Въ мірѣ идей и образовъ“, томъ II.* **А. Я. Гуревичъ.** *„Литература и эстетика“.*

Читатель вправѣ спросить насъ съ самаго начала: стоитъ ли говорить о нашихъ критикахъ? Дѣйствительно-ли современная критика вліяетъ на литературный вкусъ читателя? Не пережили-ли мы еще такъ недавно увлеченіе натъ-пинкертоновщиной и Вербицкой совершенно помимо указаній литературной критики?

Да, это правда. Современный литературный рынокъ великъ, и у него имѣются свои, чисто рыночные, пріемы для распространенія литературнаго товара, который производится по общему принципу всякаго капиталистическаго производства—дешево и плохо. Дешевизна и умѣло поставленная реклама, низкопробная завлекательность содержанія и стиль „негляже съ отвагой“ не могутъ не увлечь массоваго читателя. Никакой литературной критикѣ невозможно услѣдить за всѣмъ, что въ наши дни печатается, а если бы она и услѣдила, то у нея нѣтъ тѣхъ ловкихъ путей для предложенія себя вниманію читателя, какими располагаютъ современные „дошлые“ издатели. Вотъ отчего критики не совсѣмъ повинны въ увлеченіи читателей пошлой литературой. Можно сказать, что всякій читатель имѣетъ ту литературу, какой онъ заслуживаетъ. Необходимо, чтобы читатель не читалъ зря все, что ему преподносятъ, чтобы онъ имѣлъ хотя бы элементарное понятіе о цѣнномъ и не имѣющемъ цѣнности и хотя бы задавался вопросомъ о доброкачественности предлагаемаго товара. Только въ послѣднемъ случаѣ у него можетъ выработаться потребность справляться съ мнѣніями литературныхъ критиковъ и такъ или иначе считаться съ ихъ оцѣнками въ выборѣ пригоднаго чтенія.

Но нельзя относить неразборчивость современнаго читателя только на счетъ его одного. Въ невниманіи читателя къ современной критикѣ повинна отчасти и эта послѣдняя. Въ ней нѣтъ ничего яркаго, захватывающаго. Если иной читатель и обратитъ къ ней свои взоры, она не привлечетъ его. Прошло время, Бѣлинскаго, Писарева, Добролюбова, отчасти Михайловскаго. Они умѣли связать съ литературными оцѣнками наиболѣе интересные для всякаго человѣка общіе вопросы жизни, они умѣли не только анализировать литературныя явленія, но и звать къ новымъ цѣльнымъ идеаламъ. И они увлекали читателя,—увлекали до того, что ихъ оцѣнками создавались и уничтожались литературныя имена. Въ ихъ время популярность Вербицкой была бы немыслима.

Не то теперь. За тѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, которыя мы пережили съ эпохи названныхъ выше критиковъ, жизнь страшно усложнилась. Идеалы, воодушевлявшіе тогда, теперь болѣе не удовлетворяютъ. Есть потребность въ синтезѣ, какъ и тогда, но синтезъ этотъ долженъ быть и глубже, и обширнѣе, а духовныхъ силъ для подобнаго синтеза ни у кого нѣтъ. И оттого сѣра наша критика, основные вопросы жизни ею даже и не ставятся. Вмѣсто этого она трактуетъ о вопросахъ литературной техники, о пріемахъ творчества, о стилѣ, а если говоритъ о содержаніи произведеній разбираемаго писателя и объ его идеалахъ, то впадаетъ сама въ противорѣчія.

Названные выше сборники критическихъ статей служатъ яркой иллюстраціей къ высказаннымъ здѣсь мыслямъ.

Знакомыя статьи!. Кто изъ читателей толстыхъ журналовъ не припомнитъ хотя бы двухъ-трехъ статей изъ каждаго сборника? Но хорошо, что эти статьи соединены въ сборникахъ. Если при написаніи каждой статьи въ отдѣльности авторы руководились только той или иной злободневной литературной потребностью, то въ сборникахъ эти потребности

пришлось авторамъ обобщить, дабы придать имъ нѣкоторую цѣльность. И здѣсь-то невольно выявляется присущая имъ, какъ критикамъ, общая тенденція.

Вотъ сборникъ критическихъ статей. А. Г. Горнфельда. Онъ интереснѣе и значительнѣе двухъ прочихъ. Прочивавъ его, сознаешь, что пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній, обогатилъ свои литературныя познанія. Самая обширная статья книги посвящена нынѣ совершенно забытому автору романа „Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ"— Н. А. Кущевскому. Этотъ романъ былъ написанъ въ 1870 году и давалъ яркую характеристику русскаго общества конца 60-хъ годовъ. Давъ біографію его автора и разборъ романа, критикъ воздалъ должную дань незаслуженно забытому писателю и побудилъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ читателей вновь обратиться къ его произведенію.

Слѣдующая по обширности статья—„Русскія женщины" Некрасова въ новомъ освѣщеніи". Здѣсь свѣряется содержаніе знаменитой поэмы поэта съ недавно напечатанными „Записками княгини М. Н. Волконской". Оказывается, что Некрасовъ ничего не „сочинялъ" въ „Русскихъ женщинахъ", а современная ему критика, указывавшая рядъ его промаховъ, психологическихъ невѣроятностей и логическихъ несообразностей, жестоко ошибалась. Такъ вырисовывается въ новомъ привлекательномъ свѣтѣ творческая личность Некрасова.

Не менѣе значительна статья „Литература и героизмъ", подробно разбирающая извѣстную рѣчь С. А. Венгерова о героическомъ характерѣ русской литературы. Здѣсь есть нѣсколько блестящихъ сопоставленій русскихъ и западно-европейскихъ писателей и въ выводы С. А. Венгерова вносится нѣсколько существенныхъ поправокъ.

Самая маленькая статья въ сборникѣ— „Объ одной фамиліи у Льва Толстого", но это—и самая характерная для А. Г. Горнфельда статья. Его вниманіе остановилось на выраженіи одной изъ героинь „Воскресенія" Толстого: „Халтюпкина какая-то хочетъ всѣхъ учить", и по поводу этой „Халтюпкиной" онъ даетъ цѣлое изслѣдованіе, въ результатѣ котораго выясняется, что фамилія эта не выдумана зря, а ярко обрисовываетъ выдумавшую ее личность и окружающую ее среду.

О прочихъ статьяхъ книги А. Г. Горнфельда я не упоминаю не потому, что онѣ хуже здѣсь названныхъ. Въ каждой изъ нихъ есть интересныя мѣста, всѣ онѣ написаны съ присущей автору глубиной анализа и мастерствомъ стиля. Но онѣ просто менѣе запоминаются, потому что менѣе ярки для обрисовки критическихъ пріемовъ автора.

Каковы же эти пріемы? На чемъ сосредоточенъ интересъ критика при изслѣдованіи имъ произведенія того или иного писателя? Самъ А. Г. Горнфельдъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ совершенно опредѣленно въ предисловіи: „Въ пріемахъ изученія неизмѣримо болѣе, чѣмъ въ ихъ результатахъ, сосредоточено для самого автора значеніе его работъ". Общія характеристики даны лишь въ статьяхъ о Тютчевѣ, С. Т. Аксаковѣ и Кущевскомъ, у остальныхъ авторовъ критикъ изслѣдуетъ только пути ихъ творчества. Интересъ критика по преимуществу методологическій.

Методологическія цѣли преслѣдуетъ также книга г-жи Гуревичъ. Ея сборникъ затрагиваетъ вопросы нашей литературной современности. Авторъ считаетъ, что самыми характерными теченьями послѣдняго двадцатилѣтія являются символизмъ и декадентство, въ которыхъ „своеобразно перемѣшались элементы художественнаго обновленія и вырожденія". Иногда имъ задѣваются тѣ или иныя эстетическія проблемы „въ ихъ взаимосплетеніи съ проблемами этическими". Но основной интересъ его въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить „тѣ законы художественнаго творчества и художественнаго воспріятія, безъ соблюденія которыхъ, инстинктивнаго или сознательнаго, писатель—какъ и дѣятели всѣхъ иныхъ видовъ искусства—не можетъ создать ничего цѣльнаго, живучаго, воистину значительнаго въ художественномъ отношеніи".

Есть въ книгѣ г-жи Гуревичъ три интересныхъ статьи, заключающихъ въ себѣ воспоминанія о Л. Н. Толстомъ, Н. С. Лѣсковѣ и характеристику М. Н. Альбова, но онѣ, по ея собственному выраженію, „составляютъ какъ бы приложеніе къ сборнику", общій характеръ и центръ котораго—въ изслѣдованіи пріемовъ художественнаго творчества. Только мимоходомъ отмѣчается въ книгѣ потребность въ синтезѣ эстетическихъ, нравственныхъ и соціальныхъ идей „на почвѣ религіознаго міроощущенія и міросознанія". Авторъ надѣется, что съ завершеніемъ кризиса индивидуализма въ нашей литературѣ лозунгомъ ея станетъ требованіе, чтобы писатель былъ „орудіемъ высшей истины и дѣлателемъ жизни". Но все это высказано въ замѣткѣ о Гоголѣ, которая всего-то занимаетъ двѣ страницы.

По вопросу о пріемахъ художественнаго творчества г-жа Гуревичъ зоветъ впередъ— къ Пушкину и Гоголю, считая, что „многія мысли объ искусствѣ Пушкина, Гоголя и теперь еще не современны: чтобы принять ихъ во всей полнотѣ и глубинѣ, въ ихъ настоящемъ смыслѣ, наша рядовая литература, не говоря уже о большой публикѣ, должна еще черезъ многое пройти, обо многое расши-

биться въ своей эстетической косности". Изъ новѣйшихъ писателей только Чеховъ и Толстой считаются г-жей Гуревичъ вполнѣ достойными предтечами новой художественной литературы будущаго, потому что только они, какъ это явствуетъ изъ методологическаго анализа ихъ творчества, достигли нужной высоты въ углубленіи и утонченіи своей внутренней работы, какъ писателей. Современные же писатели—Леонидъ Андреевъ, Өедоръ Сологубъ, Сергѣевъ - Ценскій, Ив. Бунинъ и др. совершенно не удовлетворяютъ г-жу Гуревичъ. Она находитъ въ нихъ „какую-то помѣсь недодуманныхъ до конца принциповъ натурализма и символизма, сочетаніе противорѣчащихъ другъ другу художественныхъ пріемовъ, соединеніе прежнихъ, во многомъ устарѣвшихъ формъ—съ новою модернистскою безформенностью". Художественное творчество большинства современныхъ писателей, по мнѣнію г-жи Гуревичъ, не имѣетъ мѣрилъ, лишено здравыхъ литературно - эстетическихъ понятій, которыя могли бы сыграть контролирующую роль. „Со стороны формы—строгости, чистоты, прозрачности, цѣлесообразности ея—литература со времени Чехова не только не шла впередъ, но въ общемъ положительно регрессировала". Самая обширная статья книги „Художественные завѣты Толстого" еще ярче подчеркиваетъ необходимость расчистки путей для новаго, прекраснаго по формѣ и по содержанію, искусства.

Сборникъ статей В. П. Кранихфельда, въ отличіе отъ двухъ предыдущихъ, изслѣдуетъ не пріемы творчества разбираемыхъ авторовъ, но самое содержаніе ихъ произведеній. Г. Кранихфельда тоже интересуетъ текущая литература: Өедоръ Сологубъ, Купринъ, Сергѣевъ-Ценскій, Чириковъ, Фофановъ, Чюмина, Вербицкая, наши декаденты и недавно выступившій на литературную арену В. Ропшинъ. Но сборникъ г. Кранихфельда слабѣе двухъ прочихъ. Чтобы критиковать произведеніе по существу, надо самому критику обладать міровоззрѣніемъ, чуждымъ противорѣчій. Между тѣмъ, міросозерцаніе г. Кранихфельда построено на чрезвычайно шаткихъ основаніяхъ.

Какъ видно изъ одного мѣста статьи о Купринѣ, критикъ считаетъ, что „логика здраваго смысла ведетъ.... на тотъ широкій путь, по которому движется и развивается вся міровая демократія нашего времени. Это путь отъ старой библейской космогоніи, съ ея таинственными силами, извнѣ руководящими какъ судьбами отдѣльныхъ людей, такъ и дѣятельностью всего жалкаго и безпомощнаго человѣческаго муравейника, къ религіи человѣка, къ религіи земной человѣческой жизни" (стр. 54). „Религія человѣка" сквозитъ во всемъ сборникѣ и она-то составляетъ тотъ пунктъ, который придаетъ единство различнымъ статьямъ, написаннымъ въ разное время и по различнымъ поводамъ. Но авторъ не сознаетъ, что естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ „религіи человѣка" является „ставка на сильныхъ". Если, какъ думаетъ авторъ, самыми выдающимися типами послѣднихъ лѣтъ надо признать Санина Арцыбашева и Жоржа изъ „Коня Блѣднаго" Ропшина, то напрасно авторъ кичитъ желаніемъ спустить ихъ при первой встрѣчѣ съ лѣстницы. Они, вѣдь, какъ разъ сторонники „религіи человѣка" и никакихъ стоящихъ надъ человѣкомъ цѣнностей не хотятъ признавать. Таковы же и герои пресловутой Вербицкой, о которой г. Кранихфельдъ написалъ прекрасную статью лучшую въ сборникѣ.

Когда имѣешь дѣло съ Санинымн и Жоржами, нельзя довольствоваться объясненіемъ, что эти типы—продуктъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, нельзя думать, что какія-нибудь иныя внѣшнія условія явятся гарантіей противъ появленія подобныхъ типовъ. Только внутреннее перерожденіе нашей культуры, только проникновеніе убѣжденіемъ, что не естественный человѣкъ, со всѣми его случайными достоинствами и слабостями, есть мѣрило добра и зла, а что долженъ быть критерій сверхчеловѣческій,—только это можетъ быть гарантіей противъ „сильныхъ" міра сего.

Но усвоеніе подобнаго взгляда требуетъ, чтобы въ нашихъ критикахъ совершился процессъ полной переоцѣнки ихъ религіозныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ возврѣній. Тогда они будутъ говорить уму и сердцу читателя больше, чѣмъ говорятъ теперь, тогда и писатели, совершенно не считающіеся съ современной критикой, будутъ видѣть въ ней помощницу для уясненія своихъ творческихъ путей.

И. Книжнинъ.

Проф. Ф. Клейнъ. *Вопросы элементарной и высшей математики. Часть I. Ариөметика, алгебра и анализъ. Пер. съ нѣм. Д. Крыжановскаго подъ редакц. прив.-доцента В. Ф. Когана. Одесса, 1912 г.* Mathesis. *Ст. XIX+486. Цѣна 3 рубля.*

Новая книга знаменитаго математика представляетъ собою рядъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1907—1908 гг. въ геттингенскомъ университетѣ для будущихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Какъ указываетъ въ своемъ предисловіи редакторъ перевода, „организація этого курса находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью Клейна, направленной въ послѣднія 10 лѣтъ къ реформированію преподаванія математики въ средней школѣ". Но

значеніе книги Клейна не исчерпывается одной этой педагогической стороной дѣла. Она имѣетъ огромную цѣнность для всякаго интересующагося математикой какъ по исключительному блеску изложенія, такъ и по богатству содержащихся въ ней идей. Говоря объ извѣстномъ „Traité d' analyse" Пикара, Клейнъ замѣчаетъ, что онъ читается, какъ увлекательный романъ. Обыкновенный смертный, а не математикъ такого калибра, какъ Клейнъ, разумѣется, этого не найдетъ. Но многія части книги самого Клейна читаются, дѣйствительно, какъ великолѣпное художественное произведеніе, до того любопытны здѣсь историческія параллели, оригинальны сопоставленія совсѣмъ различныхъ рядовъ математическихъ идей, своеобразное освѣщеніе различныхъ проблемъ. Однако, „царскаго пути" къ знанію нѣтъ. И къ нѣкоторымъ главамъ книги Клейна нѣтъ совсѣмъ доступа безъ основательной математической подготовки. Въ частности, это касается главы второй „Алгебра". Обширно и ясно написанное приложеніе редактора о римановыхъ поверхностяхъ способно нѣсколько облегчить здѣсь пониманіе мысли Клейна.

П. Юшкевичъ.

С. А. Бѣляцкинъ. Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ. *С.-Петербургъ. 1912. Стр. 150. Цѣна 1 руб.*

С. Г. Займовскій. Авторское право. *Москва. 1912. Стр. IV+71+8. Цѣна 50 коп.*

Новый законъ объ авторскомъ правѣ, дѣйствующій у насъ съ 20-го марта 1911 г., внесъ цѣлый рядъ измѣненій въ господствовавшее у насъ до тѣхъ поръ право собственности на научныя произведенія, словесности, художествъ и искусствъ. Но самымъ существеннымъ измѣненіемъ является отмѣна полной свободы перевода на русскій языкъ произведеній, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ въ Россіи или заграницей. Статья 35-я закона 20 марта предполагаетъ возможность договоровъ объ охранѣ авторскихъ правъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными государствами. Договоры эти давно уже являются предметомъ настойчивыхъ требованій со стороны издателей и книгопродавцевъ Европы. Бернская конвенція отъ 9-го сентября 1886 г. установлена для защиты авторскихъ правъ на литературныя и художественныя произведенія и, подвергнутая пересмотру въ Берлинѣ 13-го ноября 1908 года, привлекла къ себѣ 16 государствъ, которыя считаютъ ее для себя закономъ. Хотя Россія и не примкнула къ Бернской конвенціи, но игнорировать требованіе общественнаго мнѣнія Европы о заключеніи литературныхъ конвенцій она больше не можетъ, что и предусматриваетъ законъ 20-го марта. Ближайшимъ слѣдствіемъ его явилась подписанная въ Парижѣ 16-го ноября 1911 г. литературная конвенція съ Франціей.

Всякій юристъ, книгоиздатель, писатель и переводчикъ не можетъ не интересоваться вопросами авторскаго права. Чисто теоретическое освѣщеніе вопроса онъ найдетъ въ книгѣ г. Бѣляцкина, детально изслѣдующей природу авторскаго права, его исторію въ Европѣ и въ Россіи, предметъ и субъектъ авторскаго права, отвѣтственность за его нарушеніе и роль суда по положенію объ авторскомъ правѣ 20 марта 1911 г. Но читателю нельзя обойтись и безъ книжки г. Займовскаго, заключающей въ себѣ необходимые матеріалы для оріентировки въ данномъ вопросѣ. Здѣсь, кромѣ перепечатки подлиннаго текста закона 20-го марта и историческаго и аналитическаго объясненія къ нему, даннаго въ краткомъ, но дѣльномъ предисловіи, читатель найдетъ три образца текста договоровъ между издателемъ и авторомъ, перепечатку Бернской конвенціи по пересмотру 13-го ноября 1908 г., главу о срокахъ дѣйствія авторскаго права въ главнѣйшихъ культурныхъ странахъ и, въ видѣ приложенія, перепечатку литературной конвенціи съ Франціей.

Къ обѣимъ книжкамъ приложены алфавитные предметные указатели, облегчающіе всевозможнаго рода справки. Одна книжка дополняетъ другую, но для практическихъ надобностей можно довольствоваться только книжкой г. Займовскаго.

И. Исаевъ.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Изданія т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1912 г.

С. Ф. Либровичъ. Императоръ подъ запретомъ. *Ц. 1 р.*—Книга Либровича является хорошимъ матеріаломъ для историческаго чтенія. Страницы ея пріоткрываютъ завѣсу надъ трагической судьбой несчастнаго императора Іоанна Антоновича, жуткая драма жизни котораго даже въ наши дни обходится молчаніемъ въ „одобренныхъ и рекомендованныхъ" учебникахъ по исторіи.

Живо и интересно разсказываетъ авторъ книги о событіяхъ бурной эпохи, которыя привели Іоанна Антоновича на тронъ и послѣ недолгихъ дней царствованія малютки-императора низвели его въ положеніе пожизненнаго „безъимяннаго колодника". Жуткимъ ужасомъ вѣетъ отъ безстрастныхъ страницъ книги, подробно повѣствующихъ о жизни вѣнценоснаго узника и его насильственной смерти отъ руки убійцы-тюремщика.

Эпизоды и историческіе дѣятели эпохи наглядно воплощены во множествѣ снимковъ съ гравюръ и портретовъ.

С. Ф. Либровичъ. Звенья добра. *Книга разсказовъ.* — Разсказы, собранные въ этой книгѣ, объединены общей идеей. Но если идея ихъ сама по себѣ заслуживаетъ полной симпатiи—разсказывая о добрыхъ дѣлахъ, авторъ желаетъ укрѣпить добрыя чувства въ душѣ своихъ юныхъ читателей—то осуществленiе ея оставляетъ желать многаго.

Въ коротенькихъ повѣствованiяхъ Либровича нѣтъ главнаго—искренности, занятности, „нѣтъ жизни и движенiя". Вѣроятно, даже самымъ юнымъ изъ будущихъ читателей этой книги успѣли понадоѣсть назидательные и похожiе, какъ двѣ стертыя монеты, другъ на друга разсказы о добрыхъ бабушкахъ и любящихъ внучкахъ, о страдальцахъ арестантахъ и устраивающихъ имъ елку симпатичныхъ малышахъ, о веселомъ клоунѣ, у котораго умираетъ мать, о самоотверженномъ подвигѣ юнаго героя, бросающагося въ пламя пожара спасать ребенка и т. п. и т. п.

Всѣ эти разсказики несносно поучительны, написаны безразличнымъ, неяркимъ языкомъ и отдаютъ специфическимъ духомъ „производства на-заказъ".

Бенжаменъ Рабье. Больной зубъ. *Текстъ и рисунки.*—Маленькая забавная брошюрка, уморительные рисунки которой позабавятъ юнаго читателя. Бѣдный таксъ страдаетъ сильной зубной болью и прибѣгаетъ къ самымъ неожиданнымъ средствамъ, чтобы избавиться отъ нея. Похожденiя четвероногаго больного мастерски зарисованы Рабье.

Евгенiй Шредеръ. Дѣтишки-шалунишки. *Съ рис. И. Шуръ. Ц. 45 к.* Малышамъ понравятся эти безхитростные разсказики о продѣлкахъ и играхъ такихъ же малышей-шалуновъ. Весело рѣзвится дѣтвора, беззаботно порхающая по комнатамъ, парку, занесенному снѣгомъ лугу. Гамъ, возня, искорки милаго смѣха несутся со всѣхъ сторонъ.

Рисунки въ краскахъ слѣдуетъ признать образцовыми.

Л. А. Чарская. На радость Царевичу *Ц. 15 к.*—Затрудняемся рѣшить, что хуже въ этой брошюрѣ: текстъ ея, принадлежащiй „признанной" писательницѣ, или рисунки г-жи Лебедевой. Вѣрнѣе, одно стоитъ другого... Сюжетомъ для разсказа Чарская взяла эпизодъ изъ дѣтства Петра Великаго и потопила его въ неидущихъ къ дѣлу подробностяхъ. Сюжетецъ оказался короче воробьинаго носа, и лишнихъ словъ хоть отбавляй. И все это въ фальсифицированной манерѣ.

Отечественная война въ разсказахъ для юношества.—Благодарный историческiй матерiалъ использованъ авторами разсказовъ не слишкомъ интересно и какъ-то однобоко. Господствующiй мотивъ книги—звѣрства французовъ и ихъ надругательства надъ мирнымъ населенiемъ, оскверненiе храмовъ русскихъ и т. п. Едва ли чтенiе этой книги поспособствуетъ развитiю въ нашемъ юношествѣ симпатiй къ Францiи и къ нашему „альянсу"...

Вообше въ этой дѣтской книгѣ преобладаетъ надъ гуманными и человѣчными тенденцiями—духъ воинствующаго патрiотизма. Такой разсказъ, какъ „Русскiй смерти не боится", украсилъ бы прямо серiю патрiотическихъ брошюръ лейбъ-патрiота генерала Богдановича.

Лялина, Анда. *Повѣсть изъ сибирской жизни. Ц. 50 к.*—Неглубокая и неяркая повѣсть Лялиной содержитъ любопытный этнографическiй матерiалъ изъ жизни сибирскихъ инородцевъ. Эта сторона повѣсти искупаетъ отсутствiе въ ней занимательной фабулы, безъ чего, собственно—дѣтская книга представляется тѣломъ безъ души. Фабула же не имѣется въ книгѣ по той простой причинѣ, что авторша героемъ сдѣлала человѣка, о которомъ ей нечего сказать и въ жизни котораго не случилось ничего значительнаго.

А. Рубцовъ. Красная шапочка. *Драматич. представленiе для дѣтей. Ц. 30 к.*—Что стало съ поэтической сказкой Пьеро въ обработкѣ г. Рубцова! Бѣдная сказка! Бѣдный Пьеро! Искалѣченный трупикъ прелестной сказки г. Рубцовъ подѣлилъ на четыре части—четыре акта драматическ. представленiя, курьезнаго и нелѣпаго на удивленiе.

Достаточно для характеристики обработки г. Рубцова сказать, что Красная шапочка, отправляясь черезъ лѣсъ къ бабушкѣ, затягиваетъ... „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ!"

Задушевное Слово. Чтенiе для дѣтей старшаго возраста. То-же. Чтенiе для дѣтей младшаго возраста. *Комплекты журн. за 1912 г.*—За „Задушевнымъ Словомъ" установилась слишкомъ прочная и опредѣленная репутацiя одного изъ симпатичнѣйшихъ дѣтскихъ журналовъ на русскомъ языкѣ, чтобы нужно было здѣсь подробно распространяться на такую тему. Вѣрный традицiямъ своимъ, журналъ и за истекшiй подписной годъ далъ обильный и разнообразный матерiалъ, которымъ будутъ долго зачитываться наши юные читатели.

Великолѣпна внѣшняя сторона журнала и радуетъ глазъ тщательностью, прекраснымъ исполненiемъ и художественностью богатый иллюстрацiонный матерiалъ журнала.

А. Ронинъ.

Указатель беллетристическихъ произведенiй и статей, помѣщенныхъ въ „Новой Жизни“ за 1912 г.

СТИХИ.

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКIЯ ПРОИЗВЕДЕНIЯ.

СТАТЬИ.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913-й ЮБИЛЕЙНЫЙ X-й г. изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Редакторъ П. Н. Штейнбергъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

Еженедѣльный журналъ практическаго садоводства и огородничества.

52 №№ ЖУРНАЛА съ многочисленными иллюстраціями. Въ числѣ №№ журн. будетъ дано:

6 спеціальныхъ нумеровъ журнала, въ изящныхъ обложкахъ **ВСЕ НОВОЕ**

1) Новое въ плодоводствѣ. 2) Новое въ огородничествѣ. 3) Новое объ ягодныхъ кустарникахъ и земляникѣ. 4) Новые способы выращиванія картофеля. 5) Новое о розахъ. 6) Новыя комнатныя растенія.

6 спеціальныхъ нумеровъ, гдѣ будетъ собрано все **ВСЕ ЛУЧШЕЕ** цѣнное, что помѣщается въ русскихъ и иностран. журналахъ по садоводству

6 спеціальныхъ нумеровъ **ИЗЪ ПРАКТИКИ ДЛЯ ПРАКТИКИ**

Новая богато иллюстрированная «Обиходная рецептура садовода».

12 книгъ **САДОВАЯ БИБЛІОТЕКА** съ рисунками и чертежами.

1) Какъ живутъ и питаются растенія. 2) Важнѣйшіе способы обработки почвы сада и огорода. 3) Какъ научиться прививать. 4) Лучшія вьющіяся растенія для сада и комнатъ. 5) Какъ вырастить крупные арбузы, дыни, тыквы и огурцы. 6) Устройство небольшого декоративнаго сада и цвѣтника. Мотивы изящн. садоводства. 7) Изящныя и полезныя работы изъ натуральныхъ сучьевъ. 8) Рѣдкія огородн. раст. и ихъ культура. 9) Особые способы культуры ягодн. кустарниковъ, дающіе лучшіе результаты. 10) Какъ выращиваются образцовые (выставочн.) плоды, овощи и ягоды. 11) Культура рѣдкихъ и нѣжныхъ растеній въ комнатахъ. 12) Устройство доходнаго вишневаго сада.

4 полныхъ иллюстрированныхъ руководства:

1) **Золотыя культуры.** Практ. руководство къ культурѣ растеній, изъ которыхъ можно извлечь наибольшій доходъ. Сост. *І. Беттнерз.* Перев. подъ ред. и съ знач. дополн. *П. Штейнберга.*

2) **Выращиваніе растеній изъ сѣмянъ.** Сост. *Э. Бенари.* Подъ ред. и съ дополн. *Н. Кичунова.*

3) **Дешевыя постройки.** 100 проектовъ, дачн. и усадебн. домовъ, бесѣдокъ, оградъ, палисадниковъ, купаленъ, теплицъ и оранжерей. Съ подр. указаніями, справ. таблицами и смѣтами. *Т. Соколова.*

4) **Какъ это самому сдѣлать.** Изготовл. домашними средствами необходимыхъ инструментовъ и орудій: 1) Опрыскиватель. 2) Вѣтряный двигатель съ приспособленіемъ для подъема воды. 3) Огородная борона и мн. др. Техника *С. Михайлова.*

КРОМѢ ТОГО, для ознаменованія 10-лѣтняго юбилея журнала будетъ данъ:

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА

въ 2-хъ томахъ, съ особымъ приложеніемъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПУТНИКЪ САДОВОДА

Въ «*Спутникѣ садовода*» каждый любитель и промышленникъ найдетъ ясный и точный отвѣтъ, по возможности, на всѣ могущіе встрѣтиться въ садовой практикѣ вопросы *по всѣмъ отраслямъ плодоводства, огородничества, грунтоваго и комнатнаго цвѣтоводства.* Составилъ П. Н. Штейнбергъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями съ доставкой и перес. по всей Россіи **4 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р. и къ 1 мая остальные 2 р.

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

Открыта подписка на большую ежедневную газету

ДЕНЬ

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: К. В. Агѣевъ, Е. А. Адамовъ, Влад. Азовъ, А. В. Амфитеатровъ, Аркадій Аверченко, С. Я. Арефинъ, Н. П. Ашешовъ, І. М. Бикерманъ, В. П. Брюлловъ, Арк. Буховъ, Н. Я. Быховскій, А. Л. Волынскій, П. О. Боцяновскій, В. Н. Воробьевъ, Л. Н. Войтоловскій, Зин. Венгерова, Е. А. Вулихъ, Б. Ф. Гейеръ, А. Глигбергъ (А. Черный), О. Дымовъ, С. О. Загорскій, Д. Заславскій (Homunculus), Homo Novus, О. Я. Кобецкій, М. М. Кояловичъ, В. П. Коломійцевъ, Э. Ю. Копъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Р. Кугель, Н. Р. Кугель, И. О. Левинъ, Б. П. Лопатинъ (Шуйскій), Я. Б. Лившицъ, А. В. Луначарскій, В. А. Мукосѣевъ, М. В. Новорусскій, О. Л. Д'Оръ, Г. Я. Полонскій, П. Потемкинъ, А. А. Радаковъ, Г. О. Розенцвейгъ, В. Рудинъ, С. Т. Патрашкинъ, Пьеръ-Пьерро, Н. П. Хессинъ, А. М. Хирьяковъ, П. Е. Щеголевъ и др.

Подписная цѣна на 1913 годъ

	На годъ	11 м.		10 м.		9 м.		8 м.		7 м.		6 м.		5 м.		4 м.		3 м.		2 м.		1 м.	
	р.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Съ доставк. и перес.	12	11	—	10	20	9	30	8	40	7	50	6	50	5	50	4	50	3	40	2	30	1	20
За границу	20	18	50	17	—	15	50	14	—	12	50	11	—	9	25	7	50	5	75	4	—	2	—

За границей на газету можно подписываться: въ Германіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Черногоріи — въ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ, а въ Турціи и Греціи чрезъ посредство германскихъ и австрійскихъ почт. учрежденій. Въ этомъ случаѣ, въ виду сокращенія расхода по пересылкѣ, подписная цѣна значит. ниже вышеуказанной—при выпискѣ газеты изъ главной конторы.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р.; 9 м.—6 р. 75 к.; 6 м.—4 р. 50 к.; 3 м.—2 р. 40 к.; 1 м.—65 к.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца, годовая только съ 1-го января.

При подпискѣ съ 1-го января на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., въ апрѣлѣ—4 р., въ августѣ—3 р. При подпискѣ же на срокъ менѣе года разсрочка не допускается.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просятъ обозначать непремѣнно на самомъ переводѣ, а не въ отдѣльномъ письмѣ, на какой срокъ выписывается газета, и давать точный четкій адресъ. Если же подписка въ разсрочку—непремѣнно прибавлять слово «разсрочка», безъ чего подписка не будетъ засчитана годовою.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи и въ Главной Конторѣ. Цѣна отдѣльнаго № 5 к. Пробные номера высылаются по первому требованію безплатно. Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Спб., Невскій пр., д. 69. Телефоны: Редакціи—205—68. Конторы—464-45

СПИСОКЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ

въ которыхъ имѣются образцы приложенія Джека Лондона къ журналу „Новая Жизнь" на 1913 годъ.

въ петербургѣ: въ главн. конторѣ журнала, *Владимирскій, 19*; въ книжн. маг. *М. О. Вольфъ* Невскій, 13; Гостиный дворъ, 18; *Н. П. Карбасникова*, Гостиный дворъ, 19; *„Новое Время"*, Невскій, 40; *М. А. Ясный*, (Бывшій Попова), Невскій, 66; *В. П. Анисимова*, Пет. Стор., Бол. Проспектъ, 90; *„Учебное Дѣло"*, Пет. Стор., Бол. Просп., 6; *М. М. Стасюлевича*, Вас. Остр., 5 лин., 28; *„Обученіе"*, Вас. Остр., Средній пр. 9.

въ москвѣ: въ конторѣ *Н. Н. Печковской*, въ кн. маг. *„Наука"* (Б. Никитская, 10), *„Новое Время"*, *„Трудъ"* (С. Скирмунта).

въ Александровскѣ,
Уѣзднаго земства.
И. А. Лавута.
въ Алупкѣ,
М. Д. Дѣвичинскаго.
въ Армавирѣ, Кубан.
Д. А. Нестерова.
въ Архангельскѣ,
О. И. Вулычевой.
въ Асхабадѣ,
П. И. Кузововой.
Ѳ. И. Сорокина.
въ Баку,
Р. Сегаль и С-я.
въ Благовѣщенскѣ,
В. Бутрякова.
въ Боровичахъ, Новг.
Уѣздн. земства.
И. Я. Соломонова.
въ Бердянскѣ,
А. М. Язрубинскаго.
Сандомирскаго.
въ Бузулукѣ, Самар.
И. И. Мрякина.
въ Брестъ-Литовскѣ,
Л. Б. Варгафтика.
Я. Б. Капланскаго.
въ Бѣлостокѣ,
А. Кауфмана.
въ Бѣлгородѣ, Курск.
Чернякова.
въ Валуйкѣ, Ворон.
Уѣзднаго земства.
въ Варшавѣ,
Н. П. Карбасникова.
въ Вильнѣ,
Л. М. Гиршовскаго.
М. Г. Стракуна,
А. Л. Сыркина.
въ Витебскѣ,
Ш. А. Фридмана.
во Владивостокѣ,
М. И. Янковскаго.
во Владикавказѣ,
А. Я. Шишкова.
Р. Сегаль и С-вя.
„Кавказское Слово".

во Владимирѣ губ.
Губерннск. земства.
А. А. Бѣлянкина.
Н. А. Паркова.
въ Вологдѣ,
Губерн. земства.
Тарутиной.
въ Воронежѣ,
М. П. Агафонова.
Т-во Богдановъ и Молчановъ.
въ Вяткѣ,
А. Хлѣбникова.
К. М. Бѣляевой.
въ Гомелѣ,
Сыркиной.
въ Гроднѣ,
„Культура".
Э. Иберскаго.
въ Грозномъ,
С. И. Тюкова.
Б. Б. Тальмана.
въ Егорьевскѣ, Рязан.
Н. Д. Зенина.
въ Ельцѣ, Орловской.—
З. П. Залкинда.
въ Екатеринодарѣ, Кубан.
Галаджіанцъ.
Ф. Т. Марѣева.
въ Екатеринбургѣ,
М. Д. Блохиной.
В. В. Буйницкаго.
въ Екатеринославѣ,
В. Е. Алексѣева.
Г. Х. Браиловскаго.
въ Житомірѣ,
И. І. Карольквича.
С. М. Вайнермана.
въ Иваново-Вознесенскѣ,
С. Е. Соколова.
въ Иркутскѣ,
И. Д. Камова.
Макушина и Посохина.
„Культура".
въ Казани,
Бр. Башмаковыхъ.
въ Каменскомъ, Екат.-сл.
П. А. Кутасевича.

въ Калугѣ,
въ кн. маг. при Городской Библіотекѣ.
въ Канскѣ, Енисейск.
П. П. Шепшелевича.
въ Карсѣ,
„Культура".
въ Керчи,
Ш. М. Лесмана.
въ Кишиневѣ, Бессар.
„Образованіе".
Н. О. Шаха.
въ Кіевѣ,
В. и Л. Идзиковскихъ.
Я. П. Лапицкаго.
Н. Я. Оглоблина.
въ Ковнѣ,
О-ва Взаимопом. Учителей.
А. Пташека.
въ Козловѣ,
Т-ва на „Вѣрѣ".
въ Костромѣ,
Губернскаго Земства.
въ Кременчугѣ, Полтавской,
Аврашева.
Т. М. Каменецкаго.
въ Красноярскѣ,
М. С. Штеблеръ.
М. М. Григорьевской.
О-во попеч. о нач. образ.
въ Курганѣ,
А. И. Кочешева.
въ Курскѣ,
А. В. Переплетенко.
въ Кѣльцахъ,
Гольдвассера.
Калиновскаго.
въ Лодзи,
А. Сломинскаго.
Л. Фитера.
въ Ломжѣ,
П. Иваницкаго.
М. Путковскаго.
въ Луганскѣ,
Р. Н. Годенко.
[въ] Майкопѣ, Кубанск.
[Ф]. Т. Марѣева.

въ Маріуполѣ,
Уѣзднаго земства.
Приходько-Пыхненко.
въ Мелитополѣ, Тавр.
Т. и Г. Лифшицъ.
Орлова и Бахрахъ.
въ Минскѣ,
В. М. Фрумкина.
въ Митавѣ,
Ферд. Бессторнъ.
К. Ѳ. Блюма.
въ Могилевѣ,
Я. Г. Сыркина.
въ Минусинскѣ,
М. С. Штеблеръ.
А. Ф. Метелкина.
О-во попеч. о нач. образ.
въ Нарвѣ,
А. Г. Григорьева.
въ Нижнемъ-Новгородѣ,
Л. З. Геца.
„Книжный музей".
М. А. Рукавишникова.
въ Николаевскѣ на Амурѣ,
П. П. Кузнецова.
„Кунстъ и Альберсъ."
въ Николаевѣ, Херсон.
М. О. Шаха.
въ Новгородѣ,
Губерн. Земство.
И. И. Доррера.
въ Одессѣ,
„Новое Время".
„Образованіе".
„Одесскія Новости".
„Трудъ".
въ Омскѣ,
А. С. Александрова.
Н. И. Иванова.
въ Оренбургѣ,
Попеч. о Народ. Трезвости.
Хусаиновъ и К-о.
въ Орлѣ,
В. Д. Кашкина.
въ Пензѣ,
Губерн. Земства.
„Образованіе".
въ Плоцкѣ,
Стемчинской и Моравской.
С. Бетлея.
въ Петроковѣ,
А. Теодорчикъ,
Шустеръ.
въ Петропавловскѣ,
Кіоскъ Зайцева.
въ Перми,
Губерн. земства.
О. П. Петровской.
въ Петрозаводскѣ,
М. А. Мазилова.
въ Полтавѣ,
Ш. А. Когана.
Г. И. Маркевича.
въ Псковѣ,
Губерн. Земства.
въ Псковѣ,
В. М. Гобовича.
въ Пятигорскѣ,
„Трудъ" Янчевской.
Г. Д. Сукіясянца.
въ Ригѣ,
Ф. Трескиной.
А. А. Павлова.
въ Ревелѣ,
Гаазе.
„Клуге Штремъ".
въ Ростовѣ на-Д.
„Новое Время".
П. Ф. Климова.
въ Рязани,
В. А. Серебрякова.
С. С. Шемаева.
въ Рыбинскѣ,
К. А. Щербакова.
„Знаніе".
въ Самарѣ,
Т-во Сапункова и Богданова.
„Волжанинъ".
М. Я. Плескова.
въ Сарапулѣ,
Уѣздн. Земства.
въ Саратовѣ.
Губерн. Земства.
И. Я. Григорьева.
„Новое Время".
„Основа".
М. А. Перельмана.
въ Севастополѣ,
Н. А. Вязнова.
въ Семипалатинскѣ,
С. А. Косарева.
въ Серпуховѣ,
Б. Я. Казакова.
въ Симбирскѣ,
„Семья и Школа".
въ Симферополѣ,
С. Синани.
въ Смоленскѣ,
А. І. Добкина.
„Сотрудникъ Школъ".
(М. С. Калинина).
въ Скобелевѣ, Ферг.
В. Г. Мишина.
въ Ставрополѣ, Кавказ.
Е. С. Пеньковской.
въ Сувалкахъ,
С. Я. Левиновскаго.
въ Сумахъ,
И. Г. Ильченко.
въ Сѣдлецѣ,
Брыдзинскаго.
М. Доманской.
въ Свѣнцянахъ, Виленск.
М. М. Магата.
въ Сорокахъ, Бессараб.
Уѣзднаго Земства.
въ Сызрани,
„Сотрудникъ школъ.
Польза".
въ Таганрогѣ,
Василевскаго.
въ Тамбовѣ,
И. Ф. Зотова.
въ Ташкентѣ,
М. Ф. Собберей.
„Культура".
въ Тифлисѣ,
И. Г. Галустянцъ.
С. П. Теръ-Исраельянцъ.
А. Б. Хидденель.
въ Тобольскѣ,
А. С. Суханова.
въ Томскѣ,
П. И. Макушина.
въ Тулѣ,
Губерн. Земства.
И. Л. Бѣлова.
„Весна".
въ Тюмени,
Ю. Ф. Левитовой.
О. Ф. Невской.
въ Умани,
Л. О. Шапиро.
въ Уральскѣ,
Войсков. Хоз. Правл.
П. Д. Чумакова.
въ Уфѣ,
Губерн. Земства.
Н. К. Блохина.
въ Хабаровскѣ,
Бр. Пьянковыхъ.
въ Харбинѣ,
П. В. Ровенскаго.
И. Т. Щелокова.
въ Харьковѣ,
А. Дредеръ.
„Новое Время".
въ Херсонѣ,
М. О. Шаха.
въ Царицынѣ,
Т. д. Баланинъ и Бр. Лошкаревы.
Шешминцевъ и С-ья.
въ Челябинскѣ,
О-во попеч. о нач. обр.
въ Черниговѣ,
Губерн. Земства.
Н. В. Якубовича.
въ Читѣ,
В. П. Ефимова.
въ Юрьевѣ,
Крюгера.
въ Ялтѣ,
И. А. Синани.
Ю. В. Волковой.
въ Ярославлѣ,
Губерн. Земства.
И. А. Холщевникова.
въ Ѳеодосіи.
Р. А. Берлина.

„Ш. Буссель", Лиговская, 117.